

83.3(2=411.2)я2
Т 53

ТФ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ



ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ВЫПУСК 3

Под общей редакцией
доктора филологических наук
проф. Н. И. Бурнашёвой

Тула, 2016

ББК 92
Т 52

Редакционная коллегия

*Г. В. Алексеева, Н. И. Бурнашёва, А. К. Ломунова,
И. Ю. Лученецкая-Бурдина, Н. Г. Михновец, Е. А. Толстая*

На обложке: Л. Н. Толстой за шахматами с М. С. Сухотиным. 1908 г.

На форзацах: Ясная Поляна. Въезд в усадьбу.

На прогулке. Ясная Поляна. Фото В. Г. Чертова.

Т 52 **Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Выпуск 3 / Под общей редакцией
Н. И. Бурнашёвой. М., 2016.**

ISBN 978-5-93322-112-8

В настоящий том энциклопедии вошли около 900 новых статей, написанных исследователями творчества Льва Николаевича Толстого: учёными-литературоведами, философами, искусствоведами, музейными работниками. Издание адресовано преподавателям литературы вузов и школ, аспирантам, студентам-филологам и всем интересующимся жизнью и творчеством Л. Н. Толстого.

ISBN 978-5-93322-112-8

© Н. И. Бурнашёва, 2016

© Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016

К ЧИТАТЕЛЮ

Новое издание (3-й выпуск) энциклопедии «Лев Толстой и его современники» продолжает серию, начатую несколько лет назад. В 2008 г. издательство «Парад» выпустило первое издание (1-й выпуск) энциклопедии, куда вошло около 650 статей. Два года спустя то же издательство напечатало 2-е издание (2-й выпуск), вобравшее в себя статьи прежнего выпуска и 160 новых статей. Казалось, что книга с более чем 820 персоналиями сможет если не исчерпать, то хотя бы охватить основную массу лиц, входивших в круг общения или заочного знакомства Л. Н. Толстого. Однако в процессе работы стало очевидным, что даже люди, бывшие по отношению к писателю далеко не в «первом ряду», так или иначе стали несомненным фактом его биографии, повлияли на его жизнь и творческие замыслы, оставили след в его душе и его произведениях. «Живые трепетные нити», о которых писал М. Горький, были не только отовсюду протянуты к Толстому, но тянулись и от самого писателя к его современникам. В данном, 3-м, выпуске энциклопедии представлено более 870 новых статей, рассказывающих об отношениях Толстого с самыми разными людьми, жившими в его время. 4–5 персоналий перешли сюда из 2-го выпуска и даны в новой версии, с уточнениями и дополнениями (например, Абрамов Ф. А., Загоскина Е. Д., Родзянко Н. В. ...). Для более удобного пользования выпусками энциклопедии в конце тома приводятся алфавитные списки статей, составивших 2-й и 3-й выпуски (в каждом томе – автономный алфавитный порядок).

А

АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ Семён Семёнович (1857–1917), князь – знакомый и адресат Толстого. Крупный помещик, владелец заводов на Урале. В Тульской губ. ему принадлежало имение Голошапово, что в 30 верстах от Ясной Поляны (рядом со станцией Лазарево Московско-Курской железной дороги). Почётный попечитель Лазаревского института Восточных языков в Москве, археолог, шталмейстер.

В июле 1884 г. впервые приехал в Ясную Поляну. Толстой отметил в дневнике 7/19 июля: «Абамелек – дикий человек, научившийся всей внешности цивилизации» (49: 111). Учитель А. Л. и Л. Л. Толстых В. Ф. Лазурский 1 июля 1894 г. писал в своём дневнике: «От завтрака до вечера был князь Абамелек, армянского происхождения, миллионер, владелец 980 000 десятин земли и четырёх чугунолитейных заводов в Пермской губернии. У него небольшое имение в Тульской губ. Красив, много путешествовал, состоит главным попечителем Лазаревского института восточных языков, племянник министра Делянова, во французской Академии наук премирован за открытие какой-то сирийской надписи. Что ещё нужно? Он ездит в Ясную Поляну для поддержания знакомства, но его здесь не любят. Лев Николаевич говорит: “Всякий раз стараюсь говорить с ним дружелюбно, но, в конце концов, начну говорить резко. Это настоящий тип петербуржца во вкусе нынешнего правительства. Кажется образованным, а между тем всё это нахватаю отовсюду лишь для того, чтобы оправдывать своё положение. Полнейшее непонимание самых элементарных понятий гуманности”» (ЛН. Т. 37–38. С. 454–455).

Абамелек-Лазарев стал знакомым Толстого и его семьи с 1880-х гг. Бывал в Ясной

Поляне в июле 1884, июне 1889 и в августе 1890 гг. Отношения между князем и писателем не всегда складывались ровно. В дневнике 12 августа 1890 г. Толстой записал: «Встал рано. Ходил. Хотел писать. Приехал Абамелек. Я осрамился за обедом, говоря с ним о картине Ге. Говорил ему неприятное» (51: 75).

13 августа 1892 г. Абамелек-Лазарев обратился к Толстому в письме с просьбой указать ему места в России, и главным образом в Тульской губ., где нет столовых, организованных для голодающих. Князь предлагал для их организации свои средства и изъявил готовность назвать лиц, желающих оказать экономическое содействие в устройстве столовых для населения. Отвечая князю, Толстой назвал наиболее пострадавшими от неурожая Данковский, Скопинский, Ефремовский и Богородицкий уезды. Обращаясь к нему, Толстой писал: «Для открытых уже столовых действительно денег не нужно, так как мы открываем их только тогда, когда можем обеспечить их до нового урожая; но денег и людей для открытия новых столовых вблизи нас со всех сторон очень и очень нужно. <...> Я знаю эти места, знаю отчасти опытом выработавшиеся приёмы для правильного устройства столовых, так, чтобы помощь не попадала бы ненуждающимся и чтоб нуждающиеся не были лишены помощи (в чём главная трудность), и очень рад буду помочь и советом и трудом тем, которые хотят делать это доброе дело» (66: 136).

Е. П. Гриценко

АБРАМОВИЧ Марья Ивановна (даты жизни не установлены) – знакомая Толстых; фельдшерица, акушерка. Закончила акушерские курсы при Дерптском универ-

ситете. Жила в Туле и в своём небольшом имении Китаевке под Тулой. Впервые посетила Ясную Поляну в связи с первыми родами С. А. Толстой в июне 1863 г., о чём есть запись в дневнике Толстого. Позднее принимала у С. А. Толстой почти всех детей. В 1888 г. она принимала и последнего ребёнка Толстых, Ванечку, для чего была вызвана в Москву. В письмах родным и друзьям, сообщая о рождении очередного ребёнка, Толстой непременно упоминал М. И. Абрамович. 20 декабря 1879 г. он писал Т. А. Кузминской: «Соня сейчас, т. е. полчаса назад, родила сына. <...> Марья Ивановна сидит над ней, что-то делая или держа и тихо приговаривая...» (62: 506–507).

С. А. Толстая с большой теплотой вспоминала М. И. Абрамович: «Жила у меня акушерка, полька, воспитанная и учившаяся при Дерптском университете акушерству, вероятно, в тамошних клиниках. Звали её Марья Ивановна Абрамович, она была вдова и имела единственную дочку Констанцию, для которой и трудилась всю жизнь. Марья Ивановна принимала всех моих детей, кроме одного, к которому не поспела, – Никулушки, умершего 10-ти месяцев, – следовательно, она была моей помощницей 25 лет <...>. Маленькая, белокурая, с маленькими, ловкими руками, Марья Ивановна была умная, внимательная и сердечная женщина. Как умильно-ласково она обращалась тогда со мной, считая меня ребёнком и как-то по-матерински любясь мной» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 106). Кузминская писала о ней: «...полька, женщина лет 45, небольшого роста, с приятным лицом, умелая, обходительная и услужливая» (Кузминская. Ч. 2. Гл. XI. Рождение первенца). За годы общения у семьи писателя и Абрамович сложились настолько дружеские отношения, что, бывая в Туле, Толстые навещали её. А она иногда приезжала в Ясную Поляну в гости вместе со своей дочерью Констанцией. Летом 1881 г. в своё самарское имение Толстой взял с собой вместе со своими детьми и внука Абрамович Костю. В 1870-е гг. по рекомендации Абрамович Толстой взял своим старшим детям учителем В. И. Алексеева, которым Толстые были очень довольны. После 1888 г. сведений о взаимоотношениях М. И. Абрамович с Толстыми не найдено.

Л. В. Милякова

АБРИКОСОВ Николай Алексеевич (1850–1936) – знакомый Толстого. Род Абрикосовых вёл своё начало от крепостных крестьян Пензенской губ. Основатель рода – Степан Николаев Абрикосов (1737–1812) – был дворовым человеком



помещиков Левашовых. Получив вольную в 1804 г., он поселился в Москве, завёл семейную кондитерскую мастерскую. Его внук Алексей Иванович Абрикосов основал собственное кондитерское заведение, которое, благодаря его усилиям, превратилось в круп-

ное кондитерское предприятие по производству разного вида сладостей. В 1867 г. А. И. Абрикосов стал купцом первой гильдии, в 1870 г. получил звание потомственного почётного гражданина. Его сыновья, продолжая дело своих предков, стали известными российскими предпринимателями. В начале 1870-х гг. их предприятие получило статус фабрики. Одним из её совладельцев был Николай Алексеевич Абрикосов, который со своими братьями учредил сначала торговый дом, а с 1880 г. – «Товарищество на паях А. И. Абрикосова и сыновей». В 1899 г. фирме Абрикосовых было присвоено звание «Поставщик двора его Императорского Величества».

Помимо производственной, Н. А. Абрикосов занимался общественной и благотворительной деятельностью. Он был попечителем двух московских мужских начальных училищ, членом Общества вспомоществования нуждающимся ученицам московской 1-й женской гимназии, Московской практической академии коммерческих наук и др. При его участии были основаны Московский учётный банк, Московское купеческое общество взаимного кредита, страховое общество «Якорь». На юге России он владел свеклосахарными заводами. Будучи купцом 1-й гильдии, в 1879 г. он получил чин советника коммерции, а в 1896 г. – действительного статского советника. Абрикосов был Почётным членом Московского психологического общества, созданного М. М. Троицким, русским психологом, философом, представителем эмпирической философии в России. Будучи его поклонником и учеником, Абрикосов в 1880-е гг. издал две работы Троицкого «Наука о духе» и «Немецкая психология». Свои же статьи по психологии, социологии и естествознанию он печатал в журнале Н. Я. Грота «Вопросы философии и психологии». Сотрудник этого журнала Я. Н. Колубовский писал: «Среди членов Общества состоял и состоит поныне Николай Алексеевич Абрикосов, один из владельцев известных фирм “А. И. Абрикосов и сыновья” и “К.

и С. Поповы". <...> Большой англоман и широко образованный человек, <...> Н. А. Абрикосов получал английские научные журналы и следил за ними. Н. Я. Гроту казалось, что это самый подходящий издатель для философского журнала. Ожидания его, однако, не оправдались, и Н. А. Абрикосов отклонил от себя издание журнала, но указал на своего младшего брата Алексея Алексеевича» (Колубовский Я. Н. Литературные воспоминания // Исторический вестник. 1914. № 4. С. 136).

Толстой и Абрикосов могли познакомиться на собраниях психологического общества. Сын Абрикосова, Хрисанф Николаевич Абрикосов, знакомый Толстого с 1898 г., в своей статье «Двенадцать лет около Толстого» упоминал о посещении Толстым в 1901 г. их московского дома. Возможно, тогда Толстой тоже мог встретиться с Н. А. Абрикосовым и всей его семьёй. Х. Н. Абрикосов часто приезжал в Ясную Поляну, иногда подолгу жил, помогая писателю вести его обильную переписку, помогал С. А. Толстой в составлении каталога ЯПБ. 11–13 июня 1903 г. отец и сын Абрикосовы гостили у Толстых. Сведений о том, чем были заполнены эти дни, нет: ни сам Толстой, ни С. А. Толстая не сделали записей об этом в своих дневниках. Толстой лишь вскользь упомянул их визит в дневнике 18 июня: «Посетители: Давыдов, Абрикосовы, Маслов, Глебов» (54: 178). В письме дочери Т. Л. Сухотиной он почти повторил дневниковую запись: «Живёт Леночка с своими прелестными детьми и Лина с детьми, и Миша, и Серёжа был на днях <...>. Сейчас тут Ф. И. Маслов с Анной Ивановной и Абрикосов сын, а отец вчера уехал» (74: 148). Это знакомство в 1905 г. переросло в родственные отношения, после того как Х. Н. Абрикосов женился на внучатой племяннице Толстого, Наталье Леонидовне Оболенской. Толстой неизменно уважительно отзывался об Абрикосове-старшем. 4 сентября 1905 г. Д. П. Маковицкий записал его слова: «У людей, вышедших из крестьянства, – Горького, Коншина, Дунаева, Абрикосовых, отца и сына, <...> есть чистая нравственная жизнь, а это пересиливает всё» (ЯПЗ. 1. С. 394). 30 декабря 1906 г. в беседе о стремлении низшего сословия попасть в высшие слои общества Толстой сказал: «Они <купцы. – Л. М.> гораздо нравственно чище, чем дворяне – те, которых я знаю: Дунаевы, Прохоровы, Абрикосовы, Коншин, сосед Михаила Сергеевича – Горбов» (ЯПЗ. 2. С. 344).

Последняя встреча Толстого с Абрикосовым состоялась 11 мая 1910 г. в Коче-

тах, имении М. С. и Т. Л. Сухотиных, где Толстой жил с 2 по 20 мая и куда приехал Абрикосов, в то время гостивший у сына Хрисанфа Николаевича, жившего с семьёй на хуторе Затишье Мценского уезда Орловской губ. Маковицкий, увидевший Абрикосова впервые, записал своё впечатление о нём: «Н. А. Абрикосов очень моложав, мил и жив. Оживлённо разговаривал на религиозные и философские темы» (ЯПЗ. 4. С. 251).

В начале XX в. предприятие Абрикосовых набирало мощности. Рядом с фабричными корпусами в Москве был построен дом в стиле «модерн», сохранившийся до наших дней на Малой Красносельской улице. После революции фабрика Абрикосовых была национализирована, ей присвоили имя революционера П. А. Бабаева, много лет проработавшего на фабрике. А один из её бывших владельцев, Н. А. Абрикосов, доживал свою жизнь в московской коммунальной квартире, занимаясь переводами, почти лишённый средств к существованию.

Л. В. Милякова

АБРИКОСОВА Наталья Леонидовна (рожд. Оболенская; 1881–1955) – внучатая племянница Толстого, внучка его сестры М. Н. Толстой; дочь племянницы Толстого Елизаветы Валерьяновны и кн. Леонида Дмитриевича Оболенского, потомка декабриста Е. П. Оболенского. Окончила Институт благородных девиц в Москве. В отроческие годы часто жила в Ясной Поляне, о чём есть записи в дневниках С. А. Толстой и Толстого. В 1901–1902 гг. во время тяжёлой болезни Толстого она находилась рядом с ним в Гаспре, помогала ухаживать за ним. В 1904 г. в Ясной Поляне помогала Толстому в составлении «Круга чтения». Бывая у Толстых, Оболенская познакомилась с Хрисанфом Николаевичем Абрикосовым, часто жившим в Ясной Поляне на положении секретаря писателя. В феврале 1905 г. вышла за него замуж.



Молодые поселились на хуторе Затишье Мценского уезда Орловской губ., где прожили до 1918 г. и где Абрикосов занимался пчеловодством, садоводством и овощеводством. Абрикосовы иногда приезжали в Ясную Поляну. 10 января 1908 г. Толстой отметил в записной книжке: «Приехал милый Абрикосов с На-

ташей и дочкой» (56: 300). Тогда по пути из Москвы к себе в Затишье они заехали в Ясную Поляну и пробыли несколько дней. В гостях у Т. Л. и М. С. Сухотинных в имении Кочеты в 1909 и 1910 гг. Толстой имел возможность чаще видаться с Абрикосовыми: они приезжали в Кочеты. А в мае и сентябре 1910 г. он дважды сам посетил Затишье. Общение с «милой четой Абрикосовых» (58: 101) всегда было приятно Толстому, в его дневнике после встречи с ними запись: «Заезжали к милым Абрикосовым» (58: 106). «Очень часто с большой любовью думаю о вас обоих...» — писал Толстой Х. Н. Абрикосову 26 октября 1906 г. (76: 214).

После революции до 1922 г. Абрикосовы жили в Затишье. Их хутор вошёл в состав совхоза «Затишье», которым руководил Х. Н. Абрикосов. В 1923–1927 гг. они переселились в Подмоскovie, т. к. Абрикосов получил должность агронома совхоза «Лесные Поляны». В 1929–1932 гг. он служил в Наркомземе РСФСР агрономом-зоотехником, в 1944–1952 гг. заведовал библиотекой Научно-исследовательского института пчеловодства. В это время Абрикосовы жили в Москве. Н. Л. Абрикосова посвятила себя семье, воспитанию пятерых детей. После Великой Отечественной войны получала пенсию как потомок декабриста.

Л. В. Милякова

АВКСЕНТЬЕВ Иван Ильич (даты жизни не установлены) — один из первых учителей, приглашённых Толстым для открытых им школ; работал в тросненской школе (в 8 км от Ясной Поляны) и в школе деревни Житово (в 21 км от Ясной Поляны). Окончил пензенскую гимназию, в представлении Толстого в Тульское губ. по крестьянским делам присутствие от 12 декабря 1861 г. за № 399 назван учителем Тросненского училища. Об Авксентьеве Толстой писал в дневнике 5 ноября 1861 г. «Учителя плохи. <...> Иван Ильич надёжнее всех» (48: 38). «Иван Ильич», упоминаемый без обозначения фамилии в письме А. П. Сердобольского к Толстому от 12 января 1862 г., — тот же Авксентьев. «Я узнал, — писал Сердобольский, — что здесь без вас шли довольно серьёзно заседания: Иван Ильич исполняет свою должность с достоинством». И ниже, говоря про посланную Толстому статью Шумилина, прибавлял: «Иван Ильич занимается тоже этим делом и выражал, говорят, желание писать о книгах, которые читает народ: ему очень была бы полезна статья Шумилина как материал...» (8: 505). Авксентьев напечатал в журнале «Ясная Поляна» две статьи:

«Житовская школа за два месяца» (январь) и «Заметки о народном чтении» (май). Первая статья появилась за полной подписью, вторая подписана инициалами И. А. Фамилия Авксентьев значилась в секретном донесении тульских жандармов, сообщавших Третьему отделению об учителях толстовских школ.

К. Ю. Брешковская

АВСЕЕНКО Василий Григорьевич (1842–1913) — прозаик, критик, журналист. Дворянин по происхождению, придерживался консервативных позиций в политике и в литературе. В 1870–1880 гг. принял активное участие в литературно-общественной борьбе, в 1871–1875 гг. почти еженедельно публиковал «Очерки текущей литературы» в газете «Русский мир». Авсеенко критиковал Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Ф. М. Достоевского, предлагал пересмотреть представления о литературной репутации Н. В. Гоголя, Н. А. Добролюбова, А. Н. Островского. Для него авторитетными писателями оставались И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Однако и они не избежали его критики. В связи с выходом в свет толстовского рассказа «Бог правду видит, да не скоро скажет» Авсеенко (за подписью А. О.) заявил, что «знаменитый писатель с самоотвержением отказался от самого себя, от блестящей колоритности, свойственной его таланту, и написал рассказ языком заурядным, каким писал для детей покойный Ушинский и другие опытные педагоги» (Русский мир. 1872. № 104). По мнению критика, это произведение «не имеет никакого литературного значения», и кроме того оно не может быть полезно в народном и школьном чтении. Толстой был знаком с этим отзывом.

С 1873 г. Авсеенко служил членом Особого отдела, который с 1869 г. существовал при Учёном комитете Министерства народного просвещения с целью рассмотрения учебников и книг для народного чтения. В 1875 г. на одном из заседаний комитета был заслушан доклад А. Н. Майкова о «Новой азбуке» Толстого, на основании которого она была рекомендована для всех учебных заведений, где обучение начинается с азбуки. В 1874 г. Авсеенко включился в дискуссию по поводу статьи Толстого «О народном образовании». Он полагал, что писатель «становится на весьма солидную почву личного опыта и здравого смысла, и большая часть его замечаний отличается весьма остроумною убедительностью» там, где «он подвергает разбору нынешний модный учебный метод, заимствованный

у немецких педагогов». Одновременно критик был уверен, что государство имеет право контролировать народное обучение, а «принцип безусловной свободы в этом деле, за который ратует граф Толстой, есть, без сомнения, принцип ложный» (Русский мир. 1874. № 227).

В 1870-е гг. Авсеенко участвовал в полемике о роли дворянства в жизни современной России, признавая дворянство ведущей общественной силой и не возлагая надежд на русский народ. Его перу принадлежат две газетные и две журнальные статьи, опубликованные в 1875–1876 гг. и посвящённые роману «Анна Каренина». В статье «По поводу нового романа гр. Толстого» критик отреагировал на появившиеся в журналах и газетах отклики, высоко оценил роман «Анна Каренина» и отметил, имея в виду дворянские семьи Щербацких, Облонских и Левиных, что отличительной чертой таланта автора было умение находить людей, которые в современной действительности сохраняли «известные предания, известный уровень цивилизованных нравов, уважение к известным принципам и в особенности чрезвычайное уважение к человеческой личности. В этом складе жизни чувствуется некоторая наследственность культуры, чего вообще не хватает нашему обществу» (Русский вестник. 1875. № 5. С. 408). Эта устойчивость, по его мнению, была ценным содержанием русской жизни, и он посетовал, что другие критики не откликнулись на «всё то обаяние, которым облёк автор эту жизнь и взаимные отношения этих лиц между собою» (*там же*. С. 411). Авсеенко говорил о «громадном художественном таланте», который явился чарующей силой, подавляющей читательские возражения (например, в связи с «нравственным исходом, обретаемым Константином Левиным в его сельскохозяйственной идиллии») и рассеивающей возникающие-таки «вопросы о внутреннем содержании, о соразмерности плана, о стройности концепции, об экономии подробностей». Романист, отмечал он, прежде всего блестяще владеет «искусством живописи чувства». В представлении критика, «богатство беспрерывно варьируемых оттенков, строгая обдуманность каждого эпитета, способность доработаться до составных элементов каждого образа, каждого тона и полутона – вот где главная техническая тайна того творчества, какое видим в созданиях графа Толстого» (Русский вестник. 1876. № 1. С. 502, 503, 504, 505).

В «Русском вестнике» одновременно с романом Толстого «Анна Каренина» Авсеенко публиковал свой роман «Млечный путь» (роман Толстого начал выходить

в январе 1875 г. и печатался с перерывами, а роман Авсеенко – с октября). Молодой писатель ориентировался на «Анну Каренину», но иначе расставлял акценты, создавая исключительно великосветский роман и придерживаясь стратегии редактора журнала М. Н. Каткова, стремящегося поддержать «положительное» направление в современной литературе (об этом см.: Трофимова Т. А. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Млечный путь» В. Г. Авсеенко. История одной журнальной публикации // Вестник молодых учёных. Сер. «Филологические науки». 2006. № 1. С. 32–36). В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский писал: «Я слышал (не знаю, может быть, в насмешку), что этот роман предпринят с тем, чтоб поправить Льва Толстого, который слишком объективно отнёсся к высшему свету в своей “Анне Карениной”, тогда как надо было отнестись молитвеннее, коленопреклоненнее...» (Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Т. 22. С. 107). Возможно, Достоевский имел в виду мнение Н. Н. Страхова, писавшего Толстому 5 февраля 1876 г.: «Вам подражают, не понимая Вас; взгляд слишком высок, мысль почти недоступна для большинства – и Вам подражают только с внешней стороны – и очень меня сердят. У Авсеенки есть уже описание прелюбодеяния – посмотрите, как он Вас *поправил!*» (ПССТС. 1. С. 247). Ранее Страхов уже писал Толстому: «...“Млечный путь” – явное подражание Вашей “Анне Карениной”. Из него Вы можете видеть, как понимает Вас Авсеенко. Редко я читал что-нибудь с таким негодованием и отвращением. <...> Он сочиняет – не описывает, а *сочиняет* большой свет с такой сластью, с таким животным смаком рассказывает любовные похождения, что очевидно понял Вас совершенно наизусть. И вот что он разумел под *культурой* и *культурными интересами!*» (*там же*. С. 227).

В 1873–1878 гг. Авсеенко активно печатался в журнале «Русский вестник», став его ведущим критиком. Здесь вышла его статья «Блуждания русской мысли» (1876, № 5) о первом томе *Сочинений* А. А. Григорьева, изданном Н. Н. Страховым. Авсеенко критически отнёсся к оценке Аполлоном Григорьевым творчества драматурга Островского, выразил неудовлетворённость его трактовкой историософских категорий «народность» и «национальность» и предложил своё понимание современных общественных процессов. Толстой в письме Страхову заметил: «Очень мне неприятно было прочесть статью Авс. о Григорьеве, в особенности потому, что знаю, как вам

это умышленное, отчасти и настоящее непонимание, но скрытое под видом высоты презрительно-насмешливой, — как оно вам больно» (ПСПТС. 1. С. 293). И Толстой призвал своего друга бросить занятия литературой и писать исключительно философские книги: «Кому же писать? Кто же скажет, что мы думаем? И Авсеенки должны молчать, а если перетолкуют по-своему, то только сами осрамятся» (*там же*).

В 1883–1895 гг. Авсеенко был редактором газеты «С.-Петербургские ведомости» и приложения «Русская газета», в 1890-х гг. сотрудничал в журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль». В 1891–1892 гг. издавал в собственной типографии журнал «Художник», в первом номере которого появился критический очерк Н. Ладожского «Граф Л. Н. Толстой», с портретом писателя, гравированным В. Матэ с картины И. Е. Репина. В том же году в журнале вышел фельетон, в котором Толстой, «превратившийся в философа», был освещён иронически (1891. № 5. С. 359–360).

Лит.: Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978. С. 148–160.

Н. Г. Михновец

АГАФЬЯ МИХАЙЛОВНА (фамилия не установлена; 1812–1896) — потомственная дворовая, крепостная Волконских-Толстых. Жила в Ясной Поляне, ухаживая за больными. Среди дворовых Толстой её выделял особо. И она Толстому полностью доверяла и любила его. О ней ходили разные легенды: якобы она происходила из какого-то дворянского рода, служила у бабушки писателя... Человеком она была своеобразным и своенравным. Толстой ценил её ум, высокую нравственность, считал смелой, волевой, гордой, но и отзывчивой. Т. Л. Сухотина-Толстая в книге «Друзья и гости Ясной Поляны» передала слышанный ею от отца рассказ: «Раз заболела гостившая у нас моя тётя Татьяна Андреевна Берс, младшая сестра моей матери. Как водилось, послали за Агафьей Михайловной. “Я только что пришла из бани, — рассказывала Агафья Михайловна, — напилась чаю и легла на печку. Вдруг слышу кто-то в окно стучит. “Чего тебе?” — “За вами Татьяна Андреевна прислали, заболела, так что просят вас прийти походить за ними”. А я только на печке угрелась — не хочется слезать, одеваться и идти по холоду. Я и ответила: “Скажи, мол, не может Агафья Михайловна прийти, только что из бани”. Ушёл посланный, а я лежу и думаю: “Ох, нехорошо это я делаю — себя жалею, а больного человека не жалею”. Спустила я ноги с печки, стала

обуваться. Вдруг слышу — опять в окно стучат. “Ну, спрашиваю, чего ещё?” — “Татьяна Андреевна прислали вам сказать, чтобы вы непременно приходили, — они вам на платье купят...” — “А-а-а! На платье купят! Передай, что я сказала, что не приду — и не приду!” Скинула я с себя валенки, влезла опять на печь и долго заснуть не могла... Не за платье я больных жалею. Любила я Татьяну Андреевну, а обидела она меня”». Эту историю Толстой хотел сделать темой художественного произведения, но замысел исполнен не был.

Агафья Михайловна любила животных, особенно собак, как говорила, больше чем людей. Ухаживала за собаками Толстого, присматривала за многими животными в усадьбе. Щенят укладывала на свою подушку, укрывала любой своей вещью, за что и получила прозвище «собачья гувернантка». Жалела мух, тараканов, мышей. Говорили, что в молодости она была красивой, но её кто-то жестоко обидел, и она невзлюбила людей, замкнулась, на ухаживания мужчин не отвечала. Многие считали её странной, но все любили. Её черты нашли отражение в образе няни в «Анне Карениной», в «Детстве» и «Отрочестве».

Н. И. Шинкарьук, Н. И. Бурнашёва

АГЕЕВА Авдотья Васильевна (рожд. Цветкова; 1862–?) — жена крестьянина А. Н. Агеева из деревни Казначеевки Крапивенского уезда Тульской губ., находившейся вблизи Ясной Поляны. За богохульство он был приговорён судом к ссылке в Сибирь. Пока он содержался в тульской тюрьме, А. В. Агеева обратилась к Толстому с просьбой помочь её мужу добиться помилования.

Весь трагизм положения этой семьи Толстой описал своему хорошему знакомому А. В. Олсуфьеву: «Семья Агеева состоит из его жены, женщины больной женской болезнью, одной незамужней дочери, убогой идиотки сестры и 80-летнего старика отца. Агеев один кормил семью. Ссылка его лишает семью единственной поддержки. Жалко слышать про такие положения, но когда видишь эти слёзы и отчаяние и семьи, и его самого и когда, кроме того, знаешь, что всё это несчастье постигло человека за то, что он искренно искал Бога, и что этот человек, которого теперь перевозят в кандалах с убийцами, человек вполне нравственный, <...> то решительно не понимаешь, как и для чего делают эти ужасные дела» (74: 103).

Вспоминая этот эпизод жизни отца, А. Л. Толстая писала в книге «Отец»: «Афанасий Агеев был арестован за глумление

над иконами и православной верой. Его жена, простая, неграмотная баба, взятая из Ясной Поляны, равнодушная к идеям своего мужа, понимала только одно: мужа ссылали, лишая его всех имущественных прав. Уголком черного платочка, которым была повязана голова, она утирала слёзы и просила отца помочь их горю. Отец хлопотал через своих петербургских друзей, но на этот раз ничего не удалось сделать. Афанасий был сослан на поселение, и жена последовала за ним» (Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. Т. 2. С. 392).

Действительно, все попытки Толстого и его знакомых юристов добиться справедливости оказались тщетными. Авдотья Агеева решила последовать примеру многих женщин, мужа которых находились на каторге или на поселении в Сибири. В ноябре 1903 г. она поехала за мужем. Проститься с ней Толстой ездил верхом в Казначеевку. Со своими друзьями он собрал ей средства на дорогу.

Ещё до её отъезда в сентябре 1903 г. Толстой обратился к енисейскому губернатору с просьбой «назначить Агееву место жительства такое, в котором бы он мог крестьянством кормить свою семью без особых напряжений и лишений» (74: 177). Особенно его волновало, как жена Агеева – больная женщина – приспособится к новым суровым условиям жизни. С подобной просьбой Толстой обращался и к сибирскому золотопромышленнику А. П. Кузнецову, который пользовался большим влиянием в среде губ. администрации. Участие в судьбе крестьян Агеевых во многом повлияло на их положение в Сибири. Они были определены на жительство в Болохтинскую волость Ачинской губ.

Судя по письму Толстого к Агееву, он сам и его единомышленники заботились и о родственниках Агеева, оставшихся в Казначеевке.

Летом 1906 г. Агеева вернулась из Сибири чтобы продолжать хлопоты об освобождении мужа. За помощью она вновь обратилась к Толстому. 23 июля Д. П. Маковицкий записал: «Приходила А. В. Агеева из Казначеевки. Л. Н. написал письмо к её мужу и просил Черткова ходатайствовать через Трепова за него, всё ещё находящегося в Сибири» (ЯПЗ. 2. С. 184).

О последующих годах жизни Агеевой ни в рукописях, ни в мемуарной литературе о Толстом упоминаний нет.

Л. В. Милякова

АДАН Поль Огюст Мари (Adam; 1862–1920) – французский писатель и критик ис-

кусства. Родился в семье промышленников и военных, окончил в Париже лицей Генриха IV. С 1884 г. сотрудничал в журнале «La Revue indépendante». Оставив натурализм, примкнул к символистам. Выдвинул задачу создания монументальных произведений, отражающих целые этапы развития общества. В 1899–1903 гг. написал цикл наполеоновских романов: «La Force» («Сила», 1899), «L'Enfant d'Austerlitz» («Дитя Аустерлица», 1903), «La Ruse» («Хитрость», 1903), «Au soleil de juillet» («Солнце июля», 1903). В эти же годы он напечатал в разных журналах и газетах много этюдов, сказок, философских, литературных и социальных очерков на актуальные темы современности и статей о культуре, искусстве и истории нравов.

В соавторстве с А. Пикаром Адан написал для театра драму «Le Cuivre» («Медь». Drame en trois actes. Paris, 1896), издание которой есть в ЯПБ. Экземпляр почти не разрезан. Помимо пьесы сохранился роман «La Force» (Paris, 1899) с дарственной надписью: «Льву Толстому с благоговением. Поль Адан». В романе «Сила» речь идёт о первых войнах Республики, затем о Наполеоновских войнах, смысл и значение которых – в утверждении новых, буржуазных порядков в Европе. По мнению автора, именно война создаёт и укрепляет нацию, походы Наполеона объединили в нацию обитателей отдельных провинций, а образ Наполеона – воплощение силы нации.

Теме торжества и могущества буржуазии, достигшей наивысшего подъёма, посвящён роман Адана «Le Trust» («Трест», 1910) из цикла «Время и жизнь». В нём рассказана история трёх поколений французской буржуазии. Толстой говорил о книге, что она «нынче производит сенсацию и, очевидно, читается: это французская, декадентская, ни одного слова просто не сказано. Надо делать усилие, чтобы это понять» (ЯПЗ. 4. С. 255).

Анри Лапоз, журналист, экономист и видный искусствовед, из числа горячих поклонников Адана, в статье «В Ясной Поляне. Вечер у графа Толстого» передал разговор с Толстым о П. Адане. Толстой просил гостя объяснить ему фрагмент из эссе Адана «Энергии», опубликованного в журнале «Revue blanche» (1896. 15. V). Сославшись на отсутствие контекста, Лапоз отказался от комментария и в то же время высказал мнение о П. Адане как «юном, трудолюбивом и умном писателе, похвалить которого <...> чрезвычайно приятно», и не преминул заметить, что «Толстой довольно строго судил тех, кого он называл “декадентами”» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 20).

Во многих произведениях Адама отражена тема народа, пролетариата и его борьбы. Трудящиеся изображены в них с предельной враждебностью. Видимо, чтением одной из таких книг вызвана заметка в записной книжке Толстого в июне 1898 г.: «Paul Adam, le paysan. Если мы все провалимся, мужики будут жить, если же они провалятся, мы пропали» (53: 348). 28 июня, просматривая записную книжку, в дневнике Толстой сделал более подробную запись: «Записано: 1) Paul Adam делает жестокую характеристику мужика, вообще рабочего: и грубый, и эгоист, и раб, и изувер – всё может быть справедливо, но одно, что он без нас будет существовать, а мы без него – все сгаснем. И потому нельзя нам его судить. (Что-то не то)» (53: 200).

А. Н. Полосина

АДЛЕРБЕРГ Николай Александрович (1844–1904), граф – сосед Толстого по имению; генерал в отставке. Сын министра императорского двора и личного друга Александра II, живший в своём имении близ деревни Телятинки, недалеко от Ясной Поляны. Некоторое время был дружен с одним из младших сыновей Толстых Андреем Львовичем. Толстые и Адлерберг запросто бывали друг у друга. 18/31 августа 1902 г. Толстой записал в настольном календаре: «Вечером приехал Адлерберг с дамами...» (54: 312). Через несколько дней 29/11 августа в настольном календаре похожая запись: «Вечером Адлерберг с дамами» (54: 314). 4 июля 1903 г. Толстые ездили к соседу: «Поездка к графу Адлербергу», – отметила С. А. Толстая в своём дневнике.

Адлерберг был охотником и однажды на охоте в окрестностях Ясной Поляны застрелил медведицу с медвежонком. Этого медвежонка (чучело) в 1901 г. он подарил Толстым: до сих пор в московском доме Толстых (музей-усадьба в Хамовниках) на средней площадке парадной лестницы стоит этот медвежонок, держа в лапах деревянную тарелочку, на которой посетители дома, поднимаясь по лестнице, оставляли свои визитные карточки.

19 апреля 1904 г. Толстой записал в дневнике: «Умер наш сосед Адлерберг» (75: 80).

Н. И. Бурнашова

АЗЕФ Евно Фишелевич (1869–1918) – один из организаторов партии эсеров, с 1893 г. агент тайной полиции, провокатор. В 1901 г. выдал полиции съезд представителей партии эсеров в Харькове. В 1903 г. фактически возглавил боевую организацию партии эсеров, руководил подготовкой не-

скольких террористических актов (убийство В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича). В 1905 г. выдал почти весь состав боевой организации; по его доносу казнено 7 членов этой организации. В 1908 г. был разоблачён и приговорён ЦК партии эсеров к смерти, но успел скрыться. В 1909 г. возглавил организацию социалистов-революционеров.

Толстой не раз с осуждением отзывался о нём. 22 января 1909 г. в Ясной Поляне писатель, говоря с М. А. Стаховичем о позиции русского правительства, спровоцировавшего бунт в Свеаборге и убийство министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве, напомнил о роли Азефа, причастного к этому (*ЯПЗ. 3. С. 307*). 31 января 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «В “Русском слове” изображение Азефа. У него удивительно характерное выражение лица. Л. Н. читал об Азефе и высказался: «У меня впечатление тяжёлое осталось от Азефа» (*ЯПЗ. 3. С. 315*).

4 февраля 1909 г. приезжавший к Толстому врач Г. К. Беркенгейм рассказал об опасной деятельности Азефа и добавил: «Разоблачение Азефа – большая брешь в революционной террористической партии. Обнаружилось, что весь террор революции 1905–1906 гг. происходил под руководством полиции. Азеф поссорился с Плеве и устроил его убийство. Роль Гапона изменяется: его убил Азеф» (*ЯПЗ. 3. С. 318*). В ответ на это Толстой сказал: «Николай Николаевич говорил, что молодые люди, свежие в революционной организации, чувствовали отвращение к Азефу, неохотно поступали под его руководство» (*ЯПЗ. 3. С. 318–319*).

Через несколько дней в Ясной Поляне говорили о заседании Думы, на котором министр внутренних дел П. А. Столыпин «отвечал о деле Азефа». «Мне очень не понравился его тон», – заметил Толстой (14 февраля 1909 г. *ЯПЗ. 3. С. 330*). «Л. Н. его речь просмотрел, всю не прочёл, противно было ему. Л. Н. взял газету и прочёл вслух из речи Столыпина: “А там, где бомбы – аргумент, там, конечно, естественный ответ: беспощадность кары”. – Стало быть, вешать, вешать, вешать. Так, что Столыпин признаёт, что Азеф, оказывается, полезный член правительства». Софья Александровна <Стахович. – Е. Г.> возразила. Л. Н.: “Как же не член? Надо его сделать государем”» (*ЯПЗ. 3. С. 331*). В деле Азефа, связанном с убийством Плеве, Толстой видел причастность гос. власти. «Правительство – это безнравственный кагал. Дело Азефа тем очень хорошо, что это (безнравственность правительства) объяснилось» (*там же*).

19 февраля вновь «разговорились об Азефе». Толстой заметил: «Нет худа без добра: дело Азефа раскрыло, что такое правительство, тем, которые этого ещё не видели. Правительство — это ряд мерзавцев» (*ЯПЗ*. 3. С. 336).

Позиция Толстого в отношении Азефа проявилась в связи с нашумевшим делом директора Департамента полиции А. А. Лопухина, который за разоблачение провокатора в 1909 г. был приговорён к пяти годам каторжных работ, а затем выслан в Сибирь на поселение. В 1909 г. его помиловали. Приговор, вынесенный судом Лопухину, писатель считал крайне жестоким и несправедливым: «У меня впечатление, что он честнее тех людей, среди которых он служил и которые его судят» (1 мая 1909 г.; *ЯПЗ*. 3. С. 397). Толстой осуждал роль Азефа в трагической судьбе начальника полиции: «Лопухин раскрыл, какую правительство совершает гадость (сыск, агенты, провокаторы), а вместо того чтобы это замолчать, замять, его судят» (3 мая 1909 г.; *ЯПЗ*. 3. С. 399).

20 августа 1910 г. в Ясной Поляне по предложению Толстого его последователь Х. Н. Абрикосов прочёл вслух из революционной газеты «Общее дело» (№ 4 от 15 августа), выходившей в Париже, статью «Азеф, Герасимов, Столыпин». В ней отмечалось, что русское правительство продолжает содержать на службе провокатора Азефа, организовавшего убийство Плеве. Публицист и издатель, народоволец В. Л. Бурцев в августе 1910 г., пытаясь разоблачить шпионскую деятельность Азефа, сотрудничавшего с царской охранкой, обратился к писателю с просьбой уличить правительство в провокации. В письме от 20 августа 1910 г. по н. с. Бурцев убеждал Толстого «поднять голос против <...> преступлений <...>, которые совершает русское правительство <...>, сея всюду предательства и провокаторства». Толстой ему не ответил (*ЯПЗ*. 4. С. 471).

Во время Первой мировой войны в 1915 г. в Германии Азеф был арестован как русский шпион и до конца 1917 г. содержался в Моабитской тюрьме. Умер в Берлине.

Е. П. Гриценко

АКСАКОВА Анна Фёдоровна (1829–1889) — знакомая Толстого; старшая дочь Ф. И. Тютчева, с 1866 г. жена И. С. Аксакова. Родилась в Мюнхене, где отец служил при русской миссии. Рано потеряла мать (рожд. гр. Элеонору Ботмер; 1801–1838). Когда отец привёз Анну в Россию, она не знала русского языка. Юность провела в отцовском имении Овстуг с мачехой и сёстра-

ми Дарьей и Екатериной. В 1853–1858 гг. — фрейлина при дворе великой кн. Марии Александровны, супруги будущего императора Александра II. В 1866 г., выйдя замуж за И. С. Аксакова, удалилась от двора (её место заняла гр. А. А. Толстая).

Тютчева оставила дневники и воспоминания; она была остра на язык, посему получила прозвище «ёрш». Муж её, известный славянофил Иван Аксаков, утверждал, что его привлёк в ней острый, критический ум, унаследованный от отца. Толстой, узнав о замужестве Анны Тютчевой, саркастически прокомментировал его в письме к А. А. Толстой: «...брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода — воззвание <...>. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь» (*ПАТ*. 2011. С. 272–273). И добавлял, что от «слияния» только душ, одной в кринолине, другой в панталонах, выйдет из брака нравственное уродство.

Толстой познакомился с А. Тютчевой в 1856 или в 1858 гг., встречался с ней в Петербурге и в Москве, одно время был увлечён её сестрой Екатериной. 28 августа 1862 г., в разгар своего романа с Софьей Берс, он навестил сестёр Тютчевых. Анна, по случаю приезда царской семьи в Москву, жила в Нескучном дворце. «Вчера вечером явился Л. Толстой (к Анне в Нескучное) и выкладывал нам свои парадоксы», — писала Е. Тютчева сестре Дарье (48: 464).

И в старости Толстой иногда вспоминал А. Тютчеву. В 1909 г. в дневнике записал: «Очень яркие, последовательные сны. Аксаков, его жена Тютчева, французские разговоры...» (57: 139). Примерно тогда же в Ясной Поляне разбирали старинные фотографии и Толстой радовался на них, вспоминая старину. Разглядывая фото А. Тютчевой, сказал: «Тютчева дочь. Считалась самой умной женщиной, а родить не умела. Раз была беременна. Читала об окаменелых плодах; вообразила себе, что и у ней так. Брала горячие ванны, преждевременно родила» (*ЯПЗ*. 1. С. 372). Неизменная ирония сопровождала записи Толстого, касающиеся А. Тютчевой. Анна принимала деятельное участие в Славянском комитете, председателем которого был её муж. В письме к А. Фету в ноябре 1876 г. Толстой заметил: «...мне страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тех условий, при которых совершается история, как дама, какая-нибудь

Аксакова с своим мизерным тщеславием и фальшивым сочувствием к чему-то неопределённому, оказывается нужным винтиком ко всей машине» (62: 288). А в набросках романа «Декабристы» имел в виду Тютчеву, говоря о «девственницах-политиках» (17: 7). Последнее упоминание Толстым четы Аксаковых – в его письме к жене из Крыма в 1885 г.: «...встретил старика и ужасно безобразную старушку; взгляделся и что ж, это Аксаков с женою – идут ко всенощной. Они говеют. Я слез с лошади и прошёл с ними сотню шагов» (83: 501). В 1886 г. А. Ф. Тютчева овдовела; умерла в Сергиевом Посаде.

Лит.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990.

Л. С. Дробат

АЛАДЬИН Алексей Фёдорович (1873–1927) – член 1-й Гос. думы, избранный от крестьянства Симбирской губ., входил в состав «Трудовой группы». Его обличительные противоправительственные речи всегда производили огромное впечатление. На заседании Думы 30 мая 1906 г. Аладьин произнёс речь об аграрном вопросе. Критикуя правительство, он предупреждал, что, если аграрный вопрос не будет решён в Думе, крестьяне сами приступят к отчуждению земли. В 1907 г. был отправлен за границу, для участия в международной парламентской конференции. После роспуска Думы эмигрировал за границу, вернулся в Россию в 1917 г. Во время Гражданской войны состоял в рядах монархистов.

Толстой не был знаком с Аладьиным, но знал это имя, и в Ясной Поляне говорили о нём 18 мая 1906 г. В. Лебрен в разговоре с писателем обратил внимание на то, как незаметно в России прошло печатание «Круга чтения». Ни в одной газете не было отзыва и критики по этому поводу. На что Толстой сказал: «...как понизился умственный уровень! Теперь серьёзным духовным не интересуются. Читают, что говорят Аникин и Аладьин, а они говорят то, что Чемберлен: нападают на правительство, а правительство отбивается. Происходит та же самая ругань, десятки лет ни к чему не ведущая, как между мужиками и приказчиком: я слышал их крик сегодня» (ЯПЗ. 2. С. 141). 13 июня 1906 г. Аладьина упоминал Толстой в письме к журналисту, театральному критику, сотруднику «Нового времени» Ю. Д. Беляеву, который накануне прислал писателю свой фельетон. Толстой советовал автору убрать из фельетона имена Аладьина и др. представителей Думы

(76: 161). Об Аладьине как о человеке не очень образованном и компетентном высказался Толстой в разговоре с Н. В. Давыдовым 21 июля 1906 г.; речь шла о недостатках и преимуществах университетского образования: к недостаткам Толстой относил то, что «выдумки нет», к преимуществам, «выгодам» – «скромность; такому видно, какая литература есть о каждом предмете (а полуобразованные рабочие – Аладьины – того не знают и воображают себя всезнающими)», – отметил он (ЯПЗ. 2. С. 183). 3 декабря 1906 г., услышав слова М. С. Сухотина о том, что «в Думе увлекательно говорил Аладьин», писатель заметил: «В самом деле, какая это удивительная вещь: ораторский талант. Людям надо быть настороже, не поддаваться этому влиянию» (ЯПЗ. 2. С. 319).

18 марта 1907 г. темой разговора в Ясной стала деятельность 1-й Гос. думы и «зажигательные» выступления Аладьина, вызывавшие, по словам С. М. Сухотина, у него «перебои сердца». Писатель тогда сказал: «Дума – несуразная болтовня, ни к чему не ведёт» (ЯПЗ. 2. С. 397). Об Аладьине Толстой говорил и 1 июля 1907 г. в письме к американцу Дэниелю Киферу, последователю учения Генри Джорджа. В своём послании от 23 мая по н. с. 1907 г. Кифер спрашивал мнение Толстого о народнике, члене партии социалистов-революционеров Н. В. Чайковском и об Аладьине, ставших известными в Америке после своих публичных выступлений. Американскому корреспонденту Толстой отвечал: «Что же касается двух так называемых отцов этого очень ненавистного и отвратительного ребёнка – русской революции, Чайковского и Аладьина, то об Аладьине я не имею никакого представления, Чайковского же я знаю через нашего общего друга как очень хорошего, прямого и искреннего человека» (77: 121).

После революции 1917 г. Аладьин эмигрировал.

Е. П. Гриценко

АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА (Феодоровна; 1798–1860) – российская императрица (с 1826 г.); дочь короля Пруссии Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы-Августы-Вильгельмины. До перехода в Православие – Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина. С 1817 г. – супруга наследника цесаревича Николая Павловича. С 1827 г. осуществляла высшее управление всеми женскими учебными и воспитательными учреждениями.

С первых дней своего пребывания в России Александра Фёдоровна усиленно

изучала русский язык под руководством В. А. Жуковского. Этот факт Толстой намеревался отразить в романе «Декабристы». Роман окончен не был. В сохранившихся черновых материалах записано: «Жуковский назначен к Александре Фёдоровне». Запись касалась 1818 г.

В записной книжке Толстого времён Крымской войны 1 июля 1855 г. есть упоминание о 101 выстреле боевыми зарядами «в траншеи неприятеля» по случаю «дня рождения государя». Комментируя этот «нелепый», по убеждению Толстого, факт, В. И. Срезневский пояснял, что рассуждения Толстого касались не дня рождения Александра II, который родился 17 апреля 1818 г., но его матери – императрицы Александры Фёдоровны, родившейся 1 июля 1798 г. (47: 291). Очевидно, для Толстого оказывался важным не день рождения кого-либо из царствующей династии, а то, как событие отмечалось. Заметна ирония Толстого в словах: «Царь именинник, я рад, за это на тебе» (47: 49), – поскольку с момента вступления на престол Александра II не прошло и полугода. С ноября 1854 г. по август 1855 г. Толстой участвовал в защите Севастополя, потому все происходящие события оценивал в контексте военного времени.

Имя вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны встречалось в письмах Толстого в 1856–1862 гг. «Императрица Александра Фёдоровна очень жалеет, что Николай Сергеевич <Воейков. – А. Ш.> не приехал с нами» (60: 345), – иронизировал он над Воейковым в письме к Т. А. Ергольской 2 июля 1860 г. В 1857 г., находясь в пансионе в Кларане, Толстой вместе с М. И. Пушиным в письме «милым бабушкам», гр. А. А. и Е. А. Толстым, упоминал разбирательство в суде в Лозанне прав собственности на этот пансион между Кетерером и великим кн. Константином Павловичем, братом покойного императора. Александра Фёдоровна, как можно судить по содержанию письма, защищала права августейшего деверя. Кетерер просил участия в этом деле Толстого, но он отказался, хотя на суде был (60: 184).

Образ Александры Фёдоровны появился у Толстого в повести «Хаджи-Мурат» (1896–1904), в XV главе. Автор ни разу не назвал её по имени – только «императрица». С её образом связана семейная тема. Она – жена и мать: «После обедни он <Николай I. – А. Ш.> пошёл к императрице и в семейном кругу провёл несколько минут, шутя с детьми и женой» (35: 75). Потом она сопровождала императора во время обеда в Помпейском зале. Толстой впервые

дал описание её внешности с характерными чертами: с «трясущейся головой и замершей улыбкой», – свидетельствовавшими о состоянии здоровья, которое с 1840 г. ухудшилось, и до самой кончины она, как писали её биографы, испытывала недомогания. В многочисленных вариантах Толстой отработывал её образ, который был ему необходим для оценки семейных и нравственных качеств императора, его отношения к жене и другим женщинам. Но замысел о разоблачении идеальных отношений Николая I и Александры Фёдоровны был отвергнут Толстым, в окончательном тексте повести он запечатлел только статус императрицы Александры Фёдоровны и отразил её роль как жены и матери.

А. В. Шмелёва

АЛЕКСАНДРИ Николай Николаевич (1860–1931) – последователь и посетитель Толстого; бессарабский помещик. Впервые появился в Ясной Поляне 7 марта 1906 г. в 46 лет, мечтая о встрече с Толстым с 17-летнего возраста: «...пришёл пешком с Козловки Н. Н. Александри – бессарабский помещик, близкий по духу Л. Н., очень симпатичный, – записал Д. П. Маковицкий. – Желает переводить сочинения Л. Н., познакомиться с ним румын. Он сам румын, воспитанный по-русски. Спросил Л. Н., с чего начать, чтобы был сразу успех и привлечено внимание. Л. Н. посоветовал ему перевести “Круг чтения”. Н. Н. Александри думает, что “Круг чтения” будет непонятен. Румынская интеллигенция легкомысленна, любит развлечения. Александри рекомендовал Л. Н. книгу “Записки глупца” Евгения Нозля, о том, что можно и хорошо сочетать умственный труд с земледелием, пастушеством. Александри хочет заняться земледелием и устраивает у себя в своём имении нечто вроде общества людей, желающих жить одинаково (не общины, т. к. каждый будет работать отдельно – для себя)» (ЯПЗ. 2. С. 69). Новый подход в организации сельскохозяйственной артели, предложенный Александри, Толстой одобрял, полностью ему доверяя.

После посещения Ясной Поляны Александри взялся за перевод «Круга чтения»: 10 июня 1908 г. Дмитриев, живший в бессарабской общине, рассказывал Толстому, что «Александри занят переводом на румынский язык “Круга чтения”, милейшей для него книги» (ЯПЗ. 3. С. 110).

Об Александри вспомнили и во время ухода писателя из Ясной Поляны, когда, выехав в пролётке из деревни на большак, Толстой рассказал Маковицкому, что подтолкнуло его уехать из Ясной Поляны. «По-

том Л. Н. задал вопрос: "Куда бы подальше уехать?" – впоследствии писал Маковицкий. – Я предложил в Бессарабию к московскому рабочему Гусарову, который там живёт с семьёй на земле, там же Александри. Только туда долго ехать <...> Л. Н. ничего не ответил» (ЯПЗ. 4. С. 398). Как вспоминала Е. В. Оболенская, в ответ на предложение Маковицкого поехать к Гусарову или Александри Толстой промолчал потому, что не желал ехать ни в какую толстовскую колонию, а просто в избу к мужику.

В дальнейшем Александри продолжал общественную и литературную деятельность. Он стал первым редактором еженедельной газеты «Кувинт молдавенеск» («Молдавское слово»). Вместе с газетой под этим же названием выходил ежемесячный журнал. После февральской революции 1917 г. Александри организовал и стал первым редактором газеты «Новое слово». Ежедневная общественно-политическая и литературная газета являлась органом Бессарабской народной лиги и объединённой оппозиции в Бессарабии. За свою общественную оппозиционную деятельность Александри был избран в сенат Румынии для защиты интересов бессарабцев.

Умер в Кишинёве.

В. Н. Кудрин

АЛЕКСАНДРОВ Анатолий Александрович (1861–1930) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; журналист и общественный деятель, редактор журнала «Русское обозрение», член Русского собрания, поэт. Родился в селе Савенкове Белёвского уезда Тульской губ. В 1875–1883 гг. обучался в Ломоносовской семинарии при Катковском лицее в Москве, пользуясь покровительством М. Н. Каткова. В судьбе Александра принимал участие Ф. М. Достоевский. О единственной встрече с Достоевским в Старой Руссе в июле 1878 г., как об «одной из самых светлых страничек» жизни, вспоминал Александр в 1913 г. в первом номере журнала «Светоч и дневник писателя». Своё образование Александр продолжил на историко-филологическом факультете Московского университета (1883–1887). Дружил с философом К. Н. Леонтьевым, был близко знаком со многими известными писателями. По рекомендации Леонтьева в 1888 г. был приглашён в семью Толстых репетитором к сыну Андрею. В эти годы он жил во флигеле хамовнического дома. В дневнике Толстого за 1888–1889 гг. неоднократно встречаются упоминания об Александре (50: 4, 16, 23, 66, 73). С 1890 г. – доцент истории русской литературы, впо-

следствии профессор Московского университета.

Сотрудничество Александра с Толстым продолжалось и позднее. По поручению Толстого для журнала «Сотрудник» (1889, № 12) Александр написал статью «Краткая история Египетского царства». С начала 1890-х гг. он публиковал свои стихи в журналах «Русское обозрение», «Русский вестник», «Исторический вестник», газете «Московские ведомости». Особый интерес представляют стихи, посвящённые И. А. Гончарову, А. А. Фету, Ф. М. Достоевскому и др. деятелям русской культуры. В 1892–1898 гг. при поддержке К. П. Победоносцева, стремившегося возродить в печати «катковский дух», Александр издавал и редактировал журнал «Русское обозрение». Наибольший интерес представлял литературный отдел журнала, где были впервые опубликованы воспоминания А. А. Фета, Я. П. Полонского, письма В. П. Боткина, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Толстой неоднократно обращался к Александру как к издателю и редактору журнала с просьбами опубликовать понравившиеся ему сочинения молодых и неизвестных писателей: «Анатолий Александрович. Нынче пришла ко мне вот эта девушка – г-жа Соколова и принесла свои стихотворения. <...> Она желает поместить свои стихи в печать. Решите, что можно для неё сделать» (66: 289); «Анатолий Александрович. Податель сего г-н Яковлев перевёл стихотворение очень недурно и ещё хочет переводить. Рекомендую вам его. Благодарю за журнал» (66: 309); «Милостивый государь Анатолий Александрович. Мой знакомый г-н Евдокимов желает поместить в вашем журнале своё сочинение. <...> Если найдёте рукопись удобною для напечатания и стоящею вознаграждения, то поощрите г-на Евдокимова к литературной работе...» (68: 109). В 1897 г. в «Русском обозрении» был напечатан рассказ Ф. Ф. Тищенко рекомендательным письмом Толстого Александру: «Милостивый государь Анатолий Александрович. Ф. Ф. Тищенко просит меня написать вам моё мнение об его рассказе "Хлеб насущный". С большим удовольствием исполняю его желание. Рассказ этот, по моему мнению, должен производить на всякого серьёзного читателя очень сильное и хорошее впечатление. Кроме того, рассказ написан очень хорошо. Вы хорошо сделаете, если напечатаете его. Желаю вам всего хорошего. Лев Толстой» (70: 111–112). Александру не удалось сохранить «Русское обозрение»: к 1898 г. журнал потерял подписчиков и прекратил существование. Кроме того,

редактора обвинили в присвоении средств, исключили из университетской преподавательской корпорации. При проверке счетов выяснилось, что Александров не взял себе ни копейки чужих денег. Однако он уже уехал из Москвы в С.-Петербург. В 1910 г. он поселился в г. Сергиевом Посаде, где преподавал историю литературы в женской гимназии. Со студенческих лет Александров коллекционировал предметы искусства. Его богатейшая коллекция (фарфор, живопись, книги по искусству, собрание рукописей) была выставлена в бесплатном музее на Бульварной улице. Более 1000 единиц хранения были завешаны городу. После смерти Александрова они поступили в Загорский историко-художественный музей-заповедник.

Соч.: Об основных мотивах, воззрениях и идеалах в произведениях русской словесности. Рига, 1905; Писатель-подвижник (Памяти Гоголя). СПб., 1909; Стихотворения. М., 1912; Памяти К. Н. Леонтьева. Т. I. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Т. II. С предисл. и прим. А. А. Александрова. Сергиев Посад, 1915; О письмах И. С. Тургенева к графине Е. С. Ламберт. Сергиев Посад, 1916.

Лит.: Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русская литература. Гл. ред. и сост. О. А. Платонов. М., 2004.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

АЛЕКСЕЕВ Пётр Семёнович (1849–1913) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; врач, автор работ по акушерству и книги «Первая помощь и уход за больными. Общедоступные сведения» (М., 1885). Со второй половины 1880-х гг. писал о вреде алкоголизма. В 1889–1894 гг. состоял помощником врачебного инспектора в Чите, затем до конца жизни на той же должности в Риге. Написал ряд популярных книг и статей о пьянстве: «О вреде употребления крепких напитков». М., 1888; «Чем помочь великому горю? Как остановить пьянство?» М., 1888; «Вино и здоровье» (1895); «Алкоголизм» (1898); «Терапия алкоголизма». СПб., 1899; «Вино для человека и его потомства – яд». М., 1888 (без автора) и др.

Алексеев познакомился с Толстым весной 1887 г. В том же году он ездил в США и Канаду, а вернувшись из Америки, опубликовал в «Московских ведомостях» статью «Успех в борьбе с пьянством» (1887. № 336 от 6 декабря) и издал книгу «По Америке. Поездка в Канаду и Соединённые Штаты» (1888). Тогда же он поделился с Толстым идеей организовать в России «Общество трезвости», что с энтузиазмом воспринял писатель. Общество под назва-

нием «Согласие против пьянства» было основано Толстым в Москве в декабре 1887 г.

В начале 1890 г. Алексеев закончил новую статью об алкоголизме, об истории этой страшной для России проблемы. 9 апреля 1890 г. Толстой писал С. А. Рачинскому: «У меня лежит прекрасная статья доктора Алексеева: история борьбы против пьянства; и мне очень хочется написать к ней предисловие. Разумеется, это для образованного класса. Образованный-то класс в этом отношении очень необразован. Но всё не успею. Дел набирается перед смертью обратно пропорционально квадрату расстояния» (65: 75).

Задуманное предисловие «к Алексееву» выросло в статью «Для чего люди одурманиваются?». Под статьёй дата: 10 июня 1890 г. Толстой просил А. С. Суворина в «Новом времени» напечатать статью Алексеева, чтобы «просветить большое количество наших невежественных читателей о том, что сделано и делается по этому вопросу в Европе и Америке, а статья вполне достигает этого» (64: 335). В «Новом времени» статья Алексеева напечатана не была и впервые появилась в виде отдельной брошюры с предисловием Толстого «Для чего люди одурманиваются?» в издании журнала «Русская мысль» под заглавием «О пьянстве» (М., 1891). Несколько позднее статья Толстого вышла отдельной брошюрой в издании «Посредника».

Н. И. Бурнашова

АЛЕКСЕЕВА Вера Владимировна (рожд. Загоскина; 1865–?) – внучка казанской знакомой Толстого Е. Д. Загоскиной; жена В. И. Алексеева. «Радуюсь я только тому, что через вас сблизится со мной Вера Владимировна, человек из семейства, которое я очень любил, – и которую я очень люблю уже за то, что она полюбила вас, – писал Толстой Алексееву 23 октября 1890 г. – То, что она полюбила вас, для меня самая полная её характеристика в самых существенных чертах» (65: 175). 18 мая 1891 г. Алексеев сообщал Толстому: «Вера очень много слышала об Вас от своего отца и бабушки, Екатерины Дмитриевны, про то время, когда они были ещё в Казани. Они оба, кажется, Вас очень любили» (65: 176).

В. В. Алексеева неплохо владела английским языком и хотела делать какую-то полезную переводческую работу. Толстой предложил ей перевести сочинения М. Арнольда, но книга показалась ей трудной и она отказалась от перевода. Тогда Толстой порекомендовал сделать перевод книги Г. Солта: H. S. Salt «A plea for Veg-

etarianism and other Essays» («В защиту вегетарианства и другие опыты»). «На пробу» взяли первую главу. Этот перевод В. В. Алексеева сделала с удовольствием, и Толстой дал положительный отзыв. «Я просмотрел перевод, и он мне нравится, — писал он В. И. Алексееву 10 ноября 1891 г. — Переведено хорошо» (66: 82).

Н. И. Бурнашёва

АЛЁХИН Алексей Васильевич (1859–1934) — последователь Толстого; брат Аркадия и Митрофана Алёхиных. Из богатой купеческой семьи в Курске. Окончив физико-математический факультет Московского университета, готовился остаться на кафедре и писал диссертацию по химии, «но тут случился у него душевный переворот, отвергнувший науки и заставивший его пахать землю» (Кривенко С. Н. На распутье: Культурные скиты и культурные одиночки. — М., 1901. С. 38). Разделяя взгляды Толстого на значение земледельческого труда, оставил научную работу и в 1890–1891 гг. жил в земледельческих общинах, устраивавшихся единомышленниками Толстого.

Толстой знал об Алёхине; в дневнике 4 декабря 1888 г. записал, что он «очень трогательный учёный» (50: 9). Алёхин познакомился с Толстым лично в июне 1891 г. в Ясной Поляне и вызвал симпатию при общении: «Алексей Алёхин очень хороший» (52: 40).

В 1892 г. Ал. Алёхин работал с Толстым на голоде. В письмах из Бегичевки Толстой отмечал: «У нас всё хорошо, все здоровы, только очень хлопотно. И дрова, и кормление лошадей, и приюты, и новые столовые, и новые люди, и, главное, пришедший хлеб, и распределение его по складам. <...> Всё хорошо, приходит в порядок, <...> и оставить будет не трудно, т. е. не вредно для дела, главное потому, что тут будет Писарев, <...> Алёхины, особенно два меньшие, Митрофан и химик, кажется, очень полезны будут» (84: 132–133); «С нами живут и помогают 3 брата Алёхины <...>. Все люди хорошие» (66: 214).

Симпатией к Ал. Алёхину проникнуты строки из письма от 3 августа 1893 г. к М. А. Новосёлову: «Что делает дорогой Алексей Алёхин? Передайте ему мою память и любовь» (66: 376). Ал. Алёхин жил в то время в Дугине, Смоленской губ.

В 1896 г. Алёхин вернулся к научной работе по химии и с 1899 г. служил преподавателем в Киевском политехническом институте.

О. В. Гладун

АЛЁХИН Аркадий Васильевич (1854–1918) — знакомый Толстого; общественный деятель. Родился в Курске в купеческой семье, в 1882 г. окончил вольнослушателем Петровскую сельскохозяйственную академию.

С Толстым познакомился в 1889 г. в Ясной Поляне, на рубеже 1880–1890-х гг. принадлежал к числу его единомышленников. Весной 1889 г. вместе со своими братьями Алексеем и Митрофаном Васильевичами организовал в Шевелёве Дорогобужского уезда Смоленской губ. земледельческую общину, которая, просуществовав около двух лет, распалась. Сочувствуя попыткам людей, разделявших его взгляды, жить земледельческим трудом, соединяясь в общины, Толстой в то же время считал, что, выделяя себя из среды других людей и придавая очень большое значение своему образу жизни, они ставят себя в ложное положение. В частности, об основанной Алёхиным общине Толстой высказал своё мнение в письме художнику Н. Н. Ге 27 ноября 1889 г.: «Был у меня Алёхин осенью; живёт он и они все удивительно. Например, вопрос половой они все решают полным воздержанием, жизнь святая. Но — Господи, прости мои согрешения — осталось мне тяжёлое впечатление. Не оттого, что я завидую чистоте их жизни из своей грязи, этого нет, я признаю их высоту и, как на свою, радуюсь на неё, но что-то не то» (64: 338). Об этой общине размышлял Толстой и в дневнике 29 июня 1890 г.: «Община Алёхина прекрасное дело; для тех, которые могут его делать. (Я думаю, что я на старости лет стал бы его делать). Но несколько не обязательное дело для всех» (51: 55).

Человек начитанный и образованный, Алёхин видел в организации общин крестьянских интеллигентов новое средство для просвещения народа. Он рассчитывал на изменение общества в основном «внешними» средствами, что в своём дневнике 7 ноября 1890 г. отметил Толстой: «Вчера вечером получил длинное, длинное письмо от Арк. Алёхина. Он осуждает себя за то, что он два внешние условия выставил в общине — труд и безбрачие, и говорит, что это задушило жизнь общины. Хорошее письмо. <...> Алёхин пишет, что две вещи он не сделал, к которым его тянуло, и как желает знать о них моё мнение: 1) не написал декларацию своих религиозных основ жизни, и 2) протест против карийских ужасов. Я всю ночь видел его во сне и говорил с ним. И во сне об этих двух его предположениях говорил ему то, что я не перестаю думать и наяву, а именно: декларацию, провозглашение основ своей жизни, хорошо и даже

нужно сделать. Нужно это для того, чтобы знали единоверцы и враги, чего они могут и должны ожидать от меня; для того ещё, чтобы сжечь свои корабли, которые часто мешают. Второе же – протест против жестокости на Каре не нужен: вся жизнь наша должна быть протестом против всякого зла» (51: 102–103).

Тему «декларации» и труда писателя Толстой продолжал в письме к Арк. Алёхину 2 декабря 1890 г.: «Я думаю, надо руководящей нитью всего рассказа взять свою внутреннюю душевную жизнь – свой рост, но описывать его образами, событиями самыми простыми, обычными, хоть в форме дневника, в котором останавливаться на том, что привлечёт внимание. <...> Главное – работа внутренняя, душевная, и чтобы показана была не оконченная работа, а процесс работы на самом деле. <...> Не жалеть своего труда, писать, как пишется, длинно и потом исправлять и, главное – сокращать. Золото в деле писания получается, по моему опыту, только просеиванием. Писать таким языком (если возможно, это очень желательно), чтобы крестьянин с аттестатом грамотности мог понять» (65: 196–197).

1 декабря 1891 г. Арк. Алёхин обратился к Толстому с просьбой указать ему «тот пост», где он мог бы быть полезен и нужен в деле помощи голодающим. Толстой отвечал 11 декабря из Бегичевки, что видит единственный пока разумный выход: «...быть посредником между богатыми и нищими – помогать первым освобождаться – не препятствовать, по крайней мере, быть им Закхеем, не бояться испачкаться и пострадать от славы людской, и для вторых, т. е. нищих, делать то простое и неважное дело, но которое всегда тянет к себе, – материально служить их нуждам в той форме, в которой способен это сделать. <...> Много тут противного, соблазнительного, прямо совестного. Становишься в роль и благодетеля и начальства, но много есть и доброго. <...> Главное то, что я не знаю для себя иного выхода пока» (66: 109–110).

В 1892–1893 гг. Арк. Алёхин работал с Толстым «на голоде». С середины января 1892 г. по поручению Толстого он был командирован за хлебом в Черниговскую губ. «Аркадий Васильевич Алёхин <...> взял на себя труд помочь мне в закупке для нас хлеба и доставлении закупленного. Будьте так добры, укажите ему, куда ехать, если это нужно, и дайте полномочия. Верить ему можете совершенно во всём», – писал Толстой Р. А. Писареву 18 января 1892 г. (66: 139). Вернувшись в Бегичевку, Алёхин с 20 февраля поселился в деревне

Муравлянке, Скопинского уезда, вместе с Ф. А. Страховым, а после отъезда Страхова принял заведование столовыми Скопинского уезда Рязанской губ., где в селе Горлове, близ станции Кашино, Сызрано-Вяземской железной дороги, устроил склад продуктов для 39 столовых, в которых питалось до 5000 человек.

«Получил от Алёхина письмо нехорошее. Всё хочет сделать что-то необыкновенное, когда признак настоящего труда есть “обыкновенное”. Не козёлкать, а тянуть», – записал Толстой в дневнике 3 февраля 1892 г. (52: 61). 4 марта 1892 г. в письме к С. А. Толстой из Бегичевки он отметил, что «Алёхины, особенно два меньшие, <...> очень полезны будут. Да и тот <Аркадий Васильевич Алёхин. – О. Г.> деятелен, но слишком смел. Его надо сдерживать» (84: 132–133).

Работа «на голоде» стала переломным временем в жизни Арк. Алёхина. Потом он два года прожил в полном одиночестве в своём смоленском имении. В середине 1890-х гг. работал в Публичной библиотеке и в библиотеке Киевской духовной академии, интересуясь в основном вопросами православной догматики. В конце 1895 г. отправился на поклонение святым в Палестину, где прожил восемь месяцев, а на обратном пути посетил Афон. К 1896 г. Алёхин окончательно порвал с «толстовским» периодом своей биографии и, как он писал 5 июня 1897 г. министру внутренних дел, путём собственного духовного опыта и тщательных исследований пришёл к признанию истинности учения Православной Церкви. Вернувшись в Россию, Алёхин уехал на родину, в Курск, где был избран в Городскую Думу, а затем неоднократно в 1897–1908 гг. и с 13 марта по 28 июля 1917 г. избирался на должность градоначальника. Об Арк. Алёхине этого периода вспоминал религиозный деятель И. С. Проханов: «Он рассказал мне, что стал городским головой города Курска, что сменил свои религиозные и политические взгляды и теперь является страстным последователем другого русского философа, Владимира Соловьёва, великого мистика и православного религиозного писателя, и что он сторонник теократии в церкви и самодержавия в государстве! Я встретил его снова на улицах Санкт-Петербурга в 1905 г. после созыва Государственной Думы. В этот раз он тоже был изящно одет, но теперь высказывал новые идеи. Он объявил себя членом партии трудовиков, умеренной социалистической партии. До этого он красноречиво учил: “Не противься злу”, теперь же говорил: “Сопровствляйся злу”» (Проха-

нов И. С. В котле России, 1869–1933. М., 1993. С. 76).

О. В. Гладун

АЛЁХИН Митрофан Васильевич (1857–1936) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Живописец. Родился в Курске, в купеческой семье. В 1880 г. был зачислен вольнослушателем при Академии художеств (СПб.), а в 1882 г. принят в число академистов по классу живописи. В 1888 г., получив поощрительные медали, закончил обучение со званием классного художника 2-й степени. Автор произведений «Портрет горца» (1899), «Портрет девушки» (1912), «Горный аул» (1912), «Автопортрет» (1913), «Базар в Нальчике» (1913), «Девушка в матроске» (1922) и др. (работы находятся в Кабардино-Балкарском музее изобразительных искусств).

Алёхин принадлежал к плеяде образованных талантливых молодых людей, стремящихся к внутренней работе над собой и готовых быть полезными там, где в них нуждались. Они находили глубокое понимание и любовь со стороны Толстого. В начале 1890-х гг. мировоззрение Алёхина во многом формировалось под влиянием писателя, о чём говорит переписка между ними.

Голод, вызванный неурожаем в русских губ., не мог оставить Алёхина равнодушным: вместе с Толстым он организовывал столовые, поставки продовольствия, семян и др. Разделяя мнение Толстого о том, что людям нужна и духовная поддержка, он способствовал распространению текстов Евангелия, а также запрещённых сочинений Толстого. За распространение трактата «Царство Божие внутри вас» Алёхин был осуждён. Толстой очень переживал по этому поводу и в письмах Алёхину выражал поддержку и любовь – «волнуюсь за вас и люблю вас особенной, восторженной любовью» (66: 263).

Письма Толстого были очень важны для Алёхина, опираясь на них, он вырабатывал свою систему ценностей. Отойдя на некоторое время от занятий живописью, он занимался полевыми работами, сапожным ремеслом, ходил по крестьянским хозяйствам. Он не идеализировал крестьян, поскольку видел их жизнь изнутри. Размышлял о целомудрии, добре и милосердии и при этом советовался с Толстым – куда употребить свои силы? На это Толстой отвечал, что «всё значение во внутренней деятельности, при которой всякий внешний выбор становится безразличным» (66: 301). Этот ответ тесно связан и со стремлением Алёхина к единению близких по духу людей, отказавшихся от земельной собствен-

ности, стремящихся к равенству на пути к христианству. В одном из писем Алёхин сетовал на отсутствие взаимной поддержки между ними. И Толстой отвечал: «Если мы не поддерживаем друг друга ни материально, ни духовно, если мы блуждаем, если уходим друг от друга и, главное, нет у нас единой общей цели, то нам не поправить этого искусственным соединением и словами, сказанными друг другу. Единение возможно только в истине, а чтобы достигнуть истины, надо одно: искать её постоянным, непрестанным духовным усилием...» (66: 241).

Вызывали интерес Толстого и размышления Алёхина об обжорстве как грехе, о взаимоотношениях мужчины и женщины, о жизни и смерти. Алёхин считал, что человеку необходимо научиться контролировать свои желания. «Если мы умираем, то только через свои гадости. Очищайте себя – это вечное движение. Остановка – смерть. Что дальше – никто не знает», – такие наставления давал Алёхин человечеству в письме Толстому из Полтавы от 23 января 1891 г. (ОР ГМТ), замечая при этом, что «Евангелие продаётся по 8 руб.». Толстой очень ценил Алёхина и как делового человека, и как человека, который помогал ему наблюдать и оценивать свой жизненный путь. «Вы говорите, что победить пищевую похоть вам было бы легче всего, для меня же напротив. И я думаю, что пищевая похоть связана тесно с половой и служит основой ей», – писал Толстой Алёхину (65: 292).

Узнав, что должен выйти трактат Толстого об искусстве, Алёхин писал Толстому из Нальчика 30 марта 1898 г., предлагая своё мнение по данному вопросу. Ему непременно хотелось высказаться до того, как он прочитает сам трактат. Ведь это та тема, которая для художника была особо значимой. Он писал о своей любви к живописи за ту более или менее свободу от низкопоклонства, чинов, которую она даёт художнику. Писал о том, что привилегированному классу и крестьянам нужно разное искусство. «Мужика <...> нужно такое искусство, которое бы было понятно ему, объяснило бы его непосильный труд и нищенскую жизнь». «Высшему же классу, привилегированному, обогащённому материально, живущему на горбе крестьян, искусство нужно лишь на <...> наслаждение и забаву» (ОР ГМТ). Размышляя так, Алёхин всё-таки видел высшее назначение искусства, которое объединяет все социальные группы: «Искусство есть прирождённая сущность человека. У животных есть сущность приспособляться. У человека, кроме этой сущности приспособляться, есть высшая – одухотво-

ряться и одухотворять. Искусство есть одухотворение, и оно присуще только человеку. <...> И вот Искусство и должно стать этой высшей степенью, которая присуща всем людям, отрешиться от личного и массового, а воспринять <...> христианское одухотворение, проявляющееся в равенстве, мире, любви. Они присущи всем и каждому. Оно человеческое. Как цель науки – знать, так цель искусства – одухотворять. Наука – форма, искусство – движение» (*ОР ГМТ*).

До конца жизни Алёхин жил и работал в Нальчике, занимаясь столярным ремеслом, бортничеством. Благотворным оказалось влияние Алёхина как художника на искусство того края, где он жил. После Октябрьской революции 1917 г. художник, последователь учения Толстого, преподавал в педагогическом техникуме и школах г. Нальчика. Сегодня фонды музеев Нальчика располагают десятками его работ. Кабардино-Балкарский музей изобразительных искусств в Нальчике среди наиболее ценных своих экспонатов хранит коллекцию живописи Алёхина, насчитывающую 45 его работ.

А. А. Аленина

АЛЛЕН Грант (Аллен Чарльз Грант Блэрфинди; «Грант Аллен»; 1848–1899) – английский (канадский) философ, эстетик, эссеист, развивавший идеи Спенсера на материале физиологии и психологии ощущений. Основной философский труд Аллена – «Физиологическая эстетика» (1877). Его перу принадлежит также ряд очерков по проблеме световых ощущений. По мысли Аллена, физиологическое раздражение переживается человеком как чувство эстетического удовольствия или неудовольствия в зависимости от того, является ли оно полезным или вредным для организма. Из всех органов чувств он особо выделял зрение и слух – «интеллектуальные» органы, дальше др. отстоящие от удовлетворения непосредственных биологических потребностей. В основе эстетики Аллена – положение о «незаинтересованном» характере эстетической активности как наиболее удалённой от необходимых форм жизнедеятельности. Интересна попытка учёного создать структурную модель произведений искусства на основании разграничения чувств, связанных с этапами его восприятия. Работая над трактатом «Что такое искусство?», Толстой использовал как один из источников сочинение «Физиологическая эстетика», где автор утверждал, что «красота имеет физическое происхождение. Он говорит, что эстетическое удовольствие происходит от созерцания прекрасного, понятие же прекрасного получается от физиологического

процесса. Начало искусства – это игра; при избытке физических сил человек отдаётся игре, при избытке восприимчивых сил человек отдаётся деятельности искусства. Прекрасное есть то, что даёт наибольшее возбуждение при наименьшей трате. Различие оценки прекрасного происходит от вкуса. Вкус может быть воспитан» (30: 55). Толстой приводил и мысль Аллена о том, что «наиболее тонко воспитанные и наиболее разборчивые люди», т. е. «избранные», «образуют вкус будущего поколения» (*там же*). Приводил Толстой и определение Алленом понятия искусства – деятельность, «сопровождаемая приятным раздражением нервной энергии» (30: 62). При этом писатель, рассматривая в ряду др. позиций взгляды Аллена, выделял его как выдающегося эстетика, сравнивая с Дарвином, Спенсером (30: 54). В книгах «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни» Толстой цитировал размышления Аллена Гранта о жизни, красоте, человеческих чувствах.

В письме к В. Г. Черткову 7 мая 1897 г. Толстой упоминал книгу Г. Аллена «The women, who did» («Женщина, которая осмелилась»), с этой книгой и «с какой-то женской свободой» «носила» Ц. В. Винер, гражданская жена Д. А. Хилкова, пока не «почувствовала во всей силе то, что должен чувствовать всякий нравственный человек» (88: 25), с едва заметным осуждением и одновременно сочувствием писал Толстой.

А. Г. Королёва

АЛМАЗОВ Алексей Иванович (1838–1900) – корреспондент, адресат, единомышленник и последователь Толстого. Преуспевающий врач-практик, далёкий от меркантильных интересов в отношениях с больными, а посему и обвинённый коллегами в нарушении правил профессиональной этики, оставил медицинское поприще и переселился из Москвы в Землянский уезд Воронежской губ., где вместе с членами своей семьи занимался земледелием. Умелое ведение обширного хозяйства подерживало имение в блестящем состоянии, однако начатое им дело не радовало: «...было тяжело сознание того, что он сидит на шее у безземельных крестьян» (*Русанов*. С. 202). Под влиянием взглядов Толстого передал землю детям и жил на скромные доходы от обрабатываемого им самим сада и пчельника, сведя к минимуму потребности. Г. А. Русанов в письме к Толстому от 16 мая 1900 г. отметил характерную черту подвижнического служения Алмазова на земле: «Деревня и Алексей Иванович всегда были неразрывно связаны в моём представлении» (72: 370).

Женатый на троюродной сестре С. А. Толстой – О. В. Иславиной, Алмазов был близок к Толстому как работающий на земле и привечавший у себя родственные души. В письме Русанову 27 апреля 1890 г. Толстой просил передать Алмазову, чтобы тот «не сердился <...> за то, что не отвечал на его прекрасное письмо, и благодарность за его муку», особо выделив: «Он мне очень понравился» (65: 81). Толстого в Алмазове привлекала его слаженность с миром и окружением: «...живёте тихо <...> это лучшее, что может быть с человеком» (69: 143). В июне 1892 г. Толстой через В. Г. Черткова просил Алмазова дать приют и выделить «кочок земли» 70-летнему шведу Абрагаму фон Бонде, раздавшему своё имущество и избравшему страннический образ жизни. Поначалу согласившись «принять старика», Алмазов всё же не склонен был вводить в свой круг незнакомых людей: его окружение и без того настораживало власть, что вносило беспокойство в его налаженную жизнь, а по натуре он был отнюдь не борец. Ещё весной 1892 г. Алмазов сообщал Толстому, что жандармы отправили в Воронежский острог жившего у него С. И. Рощина, активного деятеля толстовских земледельческих общин, так что иметь дело со стариком, поразившим Толстого («немного на меня похож, проповедник жизни по закону природы» – 84: 146), но не оставленным в Ясной Поляне, не посчитал возможным. 1 марта 1898 г. Толстой сообщал Алмазову о выделении голодающим Землянского уезда 200 рублей из собранных пожертвований и поручил распорядиться ими на его усмотрение и по обстоятельствам.

Перед смертью Алмазов просил написать Толстому: «Я спокойно и радостно ухожу отсюда с благодарностью за то, что получил от вас. В последние 12 лет я никогда не разлучался с вами. Я люблю вас за жар истины» (Русанов. С. 203). Толстой в письме к его жене, О. В. Алмазовой, от 2 августа 1900 г. высоко оценил его жизнь как служение: он «так много хороших чувств внушал всем окружающим его и нам, знавшим его» (72: 426). Похоронен был в саду, недалеко от пчельника, по его желанию, и без церковного обряда, но просил Толстого, о чём сообщил А. Н. Дунаев в письме к нему от 30 мая 1900 г., благословить его на «последнем пути» (72: 373).

Лит.: Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972.

А. С. Кондратьев

АЛМАЗОВ Борис Николаевич (1827–1876) – критик, поэт, переводчик. В начале 1850-х гг. входил в кружок молодой редакции «Москвитянина»; осуждал «доктринальный подход» к искусству и отстаивал идею «математической верности действительности». Особенно ценил творчество А. Н. Островского; печатал фельетоны под псевдонимом «Эраст Благодетель». Автор одной из первых рецензий на публикацию повести Толстого «Детство» («История моего детства») – Москвитянин. 1852. № 19. Писал также юмористические стихи и пародии («Диссонансы. Стихотворения Б. Адамантова». М., 1863). О стихотворении Алмазова «Истина» (опубликовано в сб. «Стихотворения». М., 1874) 2 апреля 1887 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Есть у вас стихотворения Алмазова? Там есть стихотворение: Истина. Если выкинуть из него речь первого юноши о вине и конец о восстановлении Ерусалимского храма, то это прекрасная вещь, только бы цензура пропустила» (86: 42). Толстой предполагал включить сокращённый вариант этого стихотворения в сборник «Гусляр». Он даже сам сделал необходимые сокращения, но не послал для печати. В *ЯПБ* сохранился сборник с этим стихотворением Алмазова; на полях книги рукой Толстого сделаны предполагаемые сокращения.

16 февраля 1875 г. в Обществе любителей российской словесности при Московском университете Б. Н. Алмазов читал отрывок из романа «Анна Каренина», после чего члены собрания отправили Толстому приветственную телеграмму.

Т. А. Алпатова

АЛЬМЕДИНГЕН Наталья Алексеевна (Тумим-Альмединген; 1883–1943) – посетительница, корреспондент и адресат Толстого. Педагог, литератор, историк, редактор детских и педагогических журналов «Родник», «Воспитание и обучение», «Солнышко». После окончания гимназии в С.-Петербурге училась на Бестужевских курсах (1902–1905). При жизни отца Альмединген с начала 1900-х гг. сотрудничала в его журналах, а после его смерти продолжала его дело и принимала участие в деятельности издательства «Просвещение». Одна из инициаторов и организаторов I-го Всероссийского съезда по семейному воспитанию. С 1918 г. работала в Институте дошкольного образования и в Коммунистическом политико-просветительском институте им. Н. К. Крупской. Автор педагогических, исторических и литературно-художественных сочинений, перевела на русский язык и обработала для детей ряд произведений Дж. Лондона,



Э. Сеттон-Томпсона, Мультатули. Составила первую отечественную хрестоматию по истории дошкольной педагогики, охватывающую период с конца средних веков до середины XIX в.

Заочное знакомство с Толстым состоялось в 1906 г., когда Альмединген по просьбе своего отца А. Н. Альмедингена, редактора детского журнала «Родник», направила Толстому 9 августа письмо с просьбой написать статью для юбилейного декабрьского номера журнала: «Несколько слов к русскому юношеству, — писала Н. Альмединген, — несколько заветов ему от кого-нибудь, чей авторитет выше нашего и чьи слова придадут этому празднику детской литературы глубокий и важный смысл. Вот почему я обращаюсь к вам, Лев Николаевич: напишите эти несколько слов для «Родника»» (55: 575–576). Толстой отвечал Альмединген 17 августа 1906 г.: «Очень бы желал исполнить ваше желание. Но не могу обещать. Работы становится всё больше и больше, а сил всё меньше и меньше. А хотелось бы сказать несколько слов вашим читателям, юношам вообще. Если удастся сделать, то пришлю вам» (76: 186). Статья «Верьте себе» не была своевременно отправлена в журнал из-за болезни и смерти Марии Львовны Оболенской-Толстой в ноябре 1906 г. «Очень сожалею, что не успел послать вам раньше написанную для вашего сборника статейку. Очень рад буду, если она вам пригодится» (76: 240), — писал Толстой Альмединген, но письмо тоже не было отправлено. Не отправил его Толстой и 3 декабря 1906 г. (датировано 3 декабря). К этому времени юбилейный выпуск «Родника» был уже сверстан, а статью Толстого впервые напечатали в «Русском слове» в декабре 1907 г.

В Ясной Поляне Альмединген была в первый раз в сентябре 1910 г. С Толстым познакомилась 24 октября 1910 г., когда по приглашению С. А. Толстой посетила их имение в связи с хлопотами Софьи Андреевны по продаже авторских прав на сочинения Толстого издательству «Просвещение». Д. П. Маковицкий записал в тот день: «Приехала издательница «Родника» Альмединген из Петербурга в роли комиссионерши. Александра Львовна говорила, что приехала для того, чтобы устроить продажу сочинений Л. Н. издательству «Просвещение» за миллион (желание Софьи Андреев-

ны)» (ЯПЗ. 4. С. 394). К осени 1910 г. относятся и первые записи в дневнике Толстого об Альмединген; 25 октября он записал, что «ездил в школу с Альмединген» (58: 123). В эти дни Альмединген обсуждала с Толстым издание в «Посреднике» детской литературы, а с Софьей Андреевной наедине вела переговоры об авторских правах на издание произведений Толстого. Маковицкий в связи с этим записал в дневнике: «Л. Н. знает, зачем здесь Альмединген, и он угрюм» (ЯПЗ. 4. С. 394). Итогом этой поездки стали воспоминания Альмединген «Два дня в Ясной Поляне».

Соч.: Грамотное письмо. Пг., 1923; История дошкольной педагогики. Хрестоматия. Т. 1. Л., 1940; Два дня в Ясной Поляне // ТВС. 2. С. 414–425.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (1862–1938) — корреспондент и адресат Толстого; писатель, драматург, литературный и театальный критик (псевд.: Икс И. Л., Old Gentleman, A. B. A. и др.). Ещё студентом юридического факультета Московского университета начал печататься в юмористических журналах, в основном в «Будильнике» (1882–1886), где познакомился с А. П. Чеховым. После университета отправился в Италию, откуда в 1886–1887 гг. присылал статьи для «Русских ведомостей».

В 1887–1891 гг. работал в тифлисском «Новом обозрении», в 1891–1892 гг. в Москве сотрудничал с «Новым временем». Один из основателей новой петербургской газеты «Россия». Фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы» (13 января 1902 г.) стал причиной закрытия газеты, а сам автор был выслан в Минусинск, через год переведён в Вологду, позже получил разрешение поселиться под Петербургом.

В 1903 г. публикации Амфитеатрова создали успех только что возникшей газете «Русь». Но за статью в защиту студентов Горного института, которых обвиняли в прояпонских настроениях, Амфитеатрову была запрещена литературная деятельность, и он снова был выслан в Вологду. 1 июля 1904 г. Толстой писал ему: «Я ничего не знал про вас, Александр Валентинович, и был удивлён и огорчён вашим новым изгнанием» (75: 140). В этом же письме Толстой говорил о своей запрещённой цензурой статье «Одумайтесь!», которую Амфитеатров просил прислать. Полагая, что Амфитеатров не согласится с основными положениями статьи, Толстой объяснял свою мысль: «Из этой статьи вы увидите мою мысль, выраженную мною неодно-

кратно, что всякая борьба, как прессы, не только русской, но и заграничной, так же как и революционеров, с существующим, царствующим злом бессильна. Это только срезать побеги, бурьян разрастается хуже. Надо под корень вывернуть. А это можно сделать только в области религиозной. Она одна могущественна, непреодолима» (75: 140).

С 1921 г. Амфитеатров находился в эмиграции, где сотрудничал со многими русскими периодическими изданиями: «Новая русская жизнь», «Руль», «Наш мир», «За Свободу!» и др.

В своих воспоминаниях Амфитеатров говорил о встречах с Толстым, о 25-летнем личном знакомстве с ним, с 1882 г., со времени московской переписи населения, которая, по его мнению, сыграла огромную роль в «нравственном переломе» писателя. Амфитеатров подчёркивал, что встречи его с Толстым никогда не были продиктованы личными причинами, а всегда касались какого-либо серьёзного «общественного явления». В дневниковой записи Толстого 15 июля 1907 г. упомянуты воспоминания Амфитеатрова: «Прочитал записки Амфитеатрова. – Стыдно и неприятно» (56: 203). В этих записках, опубликованных в газете «Русское слово» (1907. № 160. 13 июля), речь шла о том, как Толстой читал статью о деньгах (глава трактата «Так что же нам делать?»).

В книге Амфитеатрова «Властители дум» (1907) среди ключевых фигур, определяющих сознание эпохи, – Толстой. Но автор подчёркивал особое положение писателя в культуре XIX в.: «Во Льве Толстом мы имеем совершенно исключительный, быть может, единственный пример культурного развития вне общей культуры века, социального мышления <...>. Гений гордый, одинокий...» (Амфитеатров А. В. Властители дум // Амфитеатров А. В. Собр. соч., т. 22. СПб., [1914]. С. 5). Амфитеатров считал, что «вокруг Толстого выросло и, отчасти, даже на почве его отрицаний, развилось русское освободительное движение» (*там же*. С. 7) и что «кроме Наполеона и Байрона, XIX век не знал более властного владыки над мыслью своею, чем Лев Толстой» (*там же*. С. 18).

В заключение книги о Толстом Амфитеатров подробно рассказал о переписи населения в Москве, в которой он участвовал, будучи студентом. Толстой писал об этом в статьях «О переписи в Москве» (1882) и «Так что же нам делать?» (1886). В статью «О переписи в Москве» вошёл эпизод, героем которого был Амфитеатров. Толстой приводил пример самоотверженной дея-

тельности студентов-счётчиков, делавших настоящее добро: «Он пишет в ночлежном доме на нарах у больного. “Чем болен?” – “Воспой”. И студент не морщится и пишет» (25: 178). И Амфитеатров пояснял: «...дело в том, что я в этот день, переписав с утра квартир двадцать пять, совершенно одурел уже и работал чисто механически: идея “воспы” осветилась в моём уме гораздо позже...» (Амфитеатров А. В. Властители дум... С. 84).

Амфитеатров не раз упоминал имя Толстого в предисловии ко второму изданию своего романа «Восьмидесятники» в связи с размышлениями о литературных героях и их исторических прототипах (Амфитеатров А. В. Восьмидесятники. Роман // Амфитеатров А. В. Собр. соч. Т. 11. СПб., [1911]).

И. Ю. Матвеева

АНДЕРСЕН Чарльз (Andersen; 1859 или 1860–?) – корреспондент и адресат Толстого, почитатель его произведений. Американский инженер-строитель из города Астории штата Орегон в США. В письме от 19 июля 1890 г. рассказал о влиянии «Крейцеровой сонаты» на его образ мысли: «...Ваши произведения, особенно “В чём моя вера?” и “Крейцера соната” произвели на меня самое глубокое впечатление из всего, что мне доводилось читать», – признавался автор (*Толстой и США*. С. 484). Он коротко рассказал о себе: «Я инженер-строитель, мне 30 лет, датчанин по национальности. С раннего детства я стал заложником чувственности. <...> Две недели назад я женился на невинной и милой девушке. Так получилось, что обстоятельства вынудили меня уехать через два дня после бракосочетания. Тут мне в руки попала “Крейцера соната”, и я прозрел. Я теперь вижу, что должна была думать обо мне она, невинная девушка, которую я обещал любить и лелеять, пока смерть не разлучит нас, когда я был с нею эти две ночи, обращаясь с ней так, как будто она такая же испорченная, как и я. Теперь я понимаю, почему у неё было выражение удивления и страха и почему эти два дня она, казалось, была менее любящей, чем до нашей свадьбы» (*там же*).

Андерсен – один из корреспондентов, письма которых Толстой не оставлял без ответа. В дневнике писателя сохранилась запись от 26 августа: «25 августа. Я. П. 90. <...> Написал ответ плохой американскому инженеру» (51: 82). В письме Толстой откровенно ответил на вопрос Андерсена: «Вы спрашиваете, разумею ли я, что следует совершенно воздержаться от половых

сношений? Отвечаю: да. Каждому мужчине и каждой женщине следует знать и верить, что для него или для неё было бы лучше оставаться совершенно целомудренными (как в браке, так и вне его) и вовсе не иметь половых сношений» (65: 149–150). В тот же день, 26 августа, в дневнике появилось размышление о любви: «Любить – это переноситься в душу другого, жить его желаниями. <...> Бывает врождённое, так же как и музыка: один в деле любви деликатен, чует за другого от природы, и в деле музыки слышит, помнит, находит, а другой не чует и не слышит. Но и тому и другому надо учиться. Надо учиться, упражняться любить, т. е. чувствовать за другого, а мы не только не учимся, но часто учимся противоположному; учимся не чувствовать за другого, тушить в себе эту чуткость...» (51: 82).

«Крейцера соната» вызвала огромный читательский интерес в США, несмотря на запреты властей: «“Крейцера соната”, конечно, вызвала здесь, как и повсюду, много комментариев, – писал Андерсен во втором письме, – и удивительно, сколько существует ограниченных людей, которые говорят, что её нельзя публиковать. Вы, безусловно, знаете, что генерал-почтмейстер Соединённых Штатов запретил принимать её к рассылке; к счастью, люди могут покупать её и без ведома генерал-почтмейстера. Хотя я не могу до конца согласиться с ходом Вашей мысли, я уверен, что если бы все молодые люди прочли Вашу книгу перед женитьбой, много слёз оказалось бы не пролито и много трагедий, истоки которых в невежестве и бездумности, было бы предотвращено» (*Толстой и США*. С. 486).

Н. П. Великанова

АНДРЕЕВА Мария Фёдоровна (рожд. Юрковская, в первом браке – Желябужская; 1868–1953) – актриса, общественный деятель, гражданская жена М. Горького.

Начало сценической деятельности Андреевой в 1894 г. связано с Обществом искусства и литературы. В 1898–1905 гг. – актриса МХТ. Актёрское дарование Андреевой отличали тонкий лиризм и изящество исполнения. На сцене МХТ в спектакле по пьесе Г. Гауптмана «Одинокое» Андреева сыграла роль Кете, которую исследователи считали этапной в творчестве актрисы. М. П. Лилина передавала устный отзыв Толстого, видевшего спектакль 16 февраля 1900 г. (54: 348): «“Одинокое” ему страшно понравились, и пьеса и исполнение, в Марию Фёдоровну Желябужскую он совсем влюбился, сказал, что такой актрисы он в жизни своей не встречал, и решил, что она и красавица и чудный человек» (цит. по:

Григорьева А. П., Ширина С. В. Основные этапы жизни и деятельности М. Ф. Андреевой // М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968. С. 586–587).

В апреле 1900 г. во время гастрольной поездки по Крыму Андреева познакомилась с А. П. Чеховым, который высоко оценил её исполнение роли Нины Заречной в «Чайке», позже актриса сыграла Ирину в «Трёх сестрах».

Тогда же в Крыму Андреева впервые встретила М. Горьким. В спектаклях по пьесам Горького на сцене МХТ исполнила роли Наташи («На дне»), Лизы («Дети солнца»). Позже актриса вспоминала, как говорил Горький в эпоху их первого знакомства о русских писателях: «Говорил <...> о двух гениях – Толстом и Достоевском, яростно утверждая, что эти великие художники принесли и великий вред русскому народу, стараясь пресечь, остановить и удержать историю его развития» (*там же*. С. 41).

Известно письмо Андреевой к С. А. Толстой (1 марта 1901 г.) в связи с «возмутительным и позорным» заявлением об отлучении Толстого от церкви. Актриса писала: «...стало мне мучительно стыдно и больно – больно, что не поднимается всё общество, весь народ, когда посмели тронуть Льва Николаевича» (*там же*. С. 54).

Во время революции 1905 г. Андреева была издателем большевистской газеты «Новая жизнь». В 1906 г. вместе с Горьким по поручению партии большевиков ездила в Америку для сбора средств на революционную подпольную работу. В мае 1906 г. до Ясной Поляны дошли вести, что с Горьким и Андреевой во время их пребывания в США произошёл скандал: узнав, что Горький выдавал Андрееву за жену, их выселили из отеля. 6 мая 1906 г. Д. П. Маковицкий записал разговор Толстого с А. С. Бутурлиным: «Л. Н. спросил, почему Горький выдавал Андрееву за свою жену? – *Бутурлин*: Он откровенно поступал. Если бы наняли отдельные комнаты, избежали бы (преследований). – Л. Н. движением головы выразил согласие с мнением Бутурлина и сказал: “Жаль её”» (*ЯПЗ*. 2. С. 133).

Известие о смерти Толстого застало Андрееву и Горького на острове Капри. В письме Р. П. Абрамову от 18–19 ноября 1910 г. она писала: «Мы совершенно выбиты из колеи известием о Толстом, А. М. даже захворал, ни о чём не может говорить, не может работать и жестоко страдает, читая всякие пошлости в русских и иностранных газетах... не могу писать – потрясены окончательной вестью о смерти Толстого. Боюсь за А. М.» (М. Ф. Андрее-

ева. Переписка. Воспоминания. Статьи... С. 188–189).

В письме Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву (18 октября 1911 г.) Андреева говорила о постановке пьесы Толстого «Живой труп» на сцене МХТ: «По газетам судя, “Труп” всё сильнее начинают поругивать, начав с восторгов? <...> А что вы правы, когда писали об излишестве рекламы и шумихи, так это верно, тем более верно, что как бы публика, разочаровавшись на “Трупе”, не отнеслась холоднее к изданию новых произведений, которые *chef-d’oeuvre*’ы, по мнению Алексея Максимовича. “Труп”-то – ведь и правда что набросок пьесы, а не написана, хоть Толстой и великий писатель был. <...> По снимкам в “Русском слове” почему-то казалось инсценированным романом, а не пьесой. Ах, посмотрела бы я всё это, вот посмотрела бы» (*там же*. С. 210).

Вернувшись на родину, в 1913–1914 гг. Андреева играла в Москве в театре Суходольского, позже (до 1917 г.) – в театре Незлобина. В 1919–1926 гг. работала в созданном при её участии Большом драматическом театре в Петрограде; тогда же была заместителем комиссара просвещения по художественным делам Петрограда, и в 1931–1948 гг. – директором Московского Дома учёных.

Лит.: М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968.

И. Ю. Матвеева

АНДРОПОВ Николай Петрович (Антропов; даты жизни не установлены) – сослуживец Толстого по Дунайской армии, с 16 марта 1854 г. полковник, командир Донского казачьего № 40 полка. Общение с Андроповым, нередкие споры с ним заставляли Толстого пристальнее вглядываться в себя. Стремясь к самоусовершенствованию и желая избавиться от своих пороков, он осуждал себя в дневнике: «Уже нынче я спорил с Антроповым о том, должно ли или нет ему ехать в Журжу, с раздражительностью и излишним самолюбием» (4 июля 1854 г. – 47: 6), и тут же упрекал себя за то, что был «раздражителен с Антроповым» (47: 6). 12 июля 1854 г.: «Вечером позвал к себе Антропова, чтобы взять денег, и спорил с ним, т. е. присутствие его возбуждало мои мысли. Я люблю это, хотя к этому примешивается всегда неприятное и дурное чувство, что он не может оценить моих мыслей» (47: 12). В дальнейшем имя Андропова на жизненном пути Толстого не встречается.

Лит.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2, ч. 2. С. 659.

Н. И. Бурнашова

АНДРОСОВ Михаил Семёнович (даты жизни не установлены) – посетитель, корреспондент, адресат Толстого. Крестьянин-духобор из села Гореловки Карской области. В декабре 1896 г., посланный кавказскими духоборами к главе сектантского движения П. В. Веригину в с. Обдорск Якутской области, где тот находился в ссылке, Андросов возвращался домой. (В 1895 г. он в числе ходоков уже был у Веригина). 13 января 1897 г., проезжая через Москву, он побывал у Толстого, что писатель отметил в дневнике 18 января: «Был духобор» (53: 132).

В январе 1897 г. по дороге в Обдорск Андросова арестовали близ Усть-Цыльмы (село Печорского уезда Архангельской губ.). И он обратился с телеграммой к В. Г. Черткову с просьбой удостоверить его личность для печорской полиции. Толстой вместе с Ф. А. Страховым и А. Н. Дунаевым подписал удостоверение личности Андросова, засвидетельствованное в Московской нотариальной конторе, и послал его в Усть-Цыльму. Духобора освободили, но около Обдорска его вновь арестовали и отправили на место проживания по этапу. Рассказ об этой неудачной поездке содержится в книге П. В. Веригина «Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина» (Christchurch, 1901). Коротко об этом 27 января 1897 г. Толстой написал Черткову (88: 7).

В ответ на письмо сектанта, полученное в Ясной Поляне, 16 июля 1897 г. Толстой послал Андросову ободряющее письмо: «Дорогой брат Михаил. Очень рад был получить известие о вас, о том, что вы вернулись и живёте между своими братьями той христианской жизнью, которая радует и утверждает нас в вере. Помогай вам Бог, несмотря на все невзгоды и гонения, продолжать эту братскую жизнь. <...> Очень пожалели мы, узнав о том, как вас во второй раз задержали в 30 верстах от места. Утешаюсь я тем, что внешние дела не в нашей власти, что если это не удалось, то, видно, не нужно было для Бога» (70: 106–107). Имя Андросова упоминалось в письме Толстого «Духоборам на Кавказ» 19 марта 1898 г., когда решался вопрос о месте их эмиграции за границу (71: 327).

Е. П. Гриценко

АНИКЕЕВА Ольга Дмитриевна (рожд. Горчакова; 1834–1869) – троюродная тётка Толстого; дочь Д. П. Горчакова, «вольнотумца», члена Академии наук, сестра С. Д. Горчакова. «Знакомая Толстым, друг тётечки П. И. Юшковой», «простая и милая», как писала С. А. Толстая (САТ. Моя

жизнь. 1. С. 88). С. Н. Толстой в письме брату 12 апреля 1853 г. называл Аникееву среди тех, кто «чрезвычайно довольны» его «Детством».

Толстой бывал у Аникеевой в Петербурге, где она жила у Певческого моста, и в Москве, куда в декабре 1862 г. привёз к ней познакомить свою молодую жену.

В сентябре 1867 г., работая над описанием Бородинского сражения в «Войне и мире», Толстой решил поехать на Бородинское поле, чтобы своими глазами увидеть те места, где происходило сражение. Отправляясь в Бородино, он запасся письмами от О. Д. Аникеевой к управляющему её имением (в 10 верстах от Бородина) и к игуменье монастыря у деревни Семёновское, основанного вдовой погибшего при Бородине генерала Н. А. Тучкова.

Н. И. Бурнашёва

АНКЕ Николай Богданович (1803–1872) – знакомый Толстых; приятель А. Е. Берса. Ординарный профессор фармакологии, общей терапии и токсикологии Московского университета, в 1850–1858 гг. декан медицинского факультета, доктор медицинских наук. Автор ряда специальных научных работ на русском, немецком и латинском языках. По своим обширным и разносторонним познаниям он принадлежал к числу образованнейших русских врачей своего времени. Толстой виделся с ним у Берсов в Москве. Анке интересовался работой писателя над «Войной и миром». В 1812 г. он «всё время оставался в Москве, видел Наполеона, слышал взрыв Кремля, ходил, наконец, без сапог», а во время пожара Москвы обрёл «убежище» в лютеранской церкви. А. Е. Берс писал Толстому 18 сентября 1863 г.: Анке «рассказывал несколько весьма интересных эпизодов того времени и советует добыть тебе „Les mémoires du docteur Macillon“ <Воспоминания доктора Макийона>» (цит. по: Кузминская. Ч. 2. Гл. XIV).

В доме Берсов и Толстых бытовало выражение «анковский пирог», произведённое от фамилии Анке, знавшего рецепт вкусного сладкого пирога. «Анковский» пирог был традиционным угощением на праздничных и именинных обедах в семье Берсов, Толстых и Кузминских. Толстой называл «анковским пирогом» совокупность условий, обеспечивающих спокойную безмятежную жизнь в довольстве и роскоши. В это понятие входили хозяйственные хлопоты, забота о комфорте, хорошем столе и удобстве. «Анковский пирог» обозначал уклад жизни привилегированных классов. Для «почтового ящика», который обитате-

ли и гости яснополянского дома наполняли шуточными произведениями, Толстой написал двестише:

«Что сильнее, чем смерть и рок?

Сладкий анковский пирог» (25: 513).

По свидетельству С. Л. Толстого, анковский пирог для писателя «служил эмблемой особого мировоззрения <...>, это и домовитость и семейная традиционность <...> и непреклонное убеждение в неизбежности современного строя» (цит. по: 63: 291). Толстой понимал, что сойти самому или сдвинуть кого-то с пути, начертанного на скрижалях «анковского пирога», непросто. Тем не менее он верил в то, что «пирог не вечен, а вечен разум человеческий (63: 393). В письме Т. А. Кузминской 17 октября 1886 г. он сообщал, что «глухая борьба против анковского пирога» «растёт и слышны уже кое-где раскаты землетрясения, разрывающего пирог» (63: 393).

З. М. Богачёва

АННЕНКОВ Константин Никанорович (1842–1910) – знакомый Толстого; курский помещик, земский деятель, учёный-юрист. Автор трудов по русскому гражданскому судопроизводству. Муж близкой знакомой писателя Л. Ф. Анненковой. Живя в Москве, Толстой бывал у Анненковых; 23 января 1889 г. он записал в дневнике: «Пошёл <...> к Анненковой. С её мужем горячо, но не зло спорил. Но слишком горячо» (50: 26). Анненков побывал в Ясной Поляне 2 июня 1891 г. 12 июня 1892 г. Анненкова обращалась к Толстому в связи с предложением, полученным её мужем от министерства юстиции, принять участие в Комиссии по пересмотру судебных уставов. Толстой отвечал ей: «Константин Никанорович работает постоянно в области юридической и потому, вероятно, считает эту деятельность плодотворной. Вызывается он для работ в той же области, но уже не книжной, не обязательной, а живой законодательной, переходящей в жизнь. Я думаю, что эта вторая деятельность может быть более плодотворна. Перемены они сделают, будет или не будет в них участвовать К. Н. Участие же его может дать этим переменам более полезный или менее вредный характер. В юриспруденции, как и в медицине, я думаю, что движение вперёд, совершенствование, состоит в самоуничтожении, в отказе от лечения и от суда. И в этом направлении, я думаю, что К. Н. может быть очень полезен свойственным ему самым гуманным либерализмом, который он наверно внесёт в свои занятия

и который всегда ведёт к уменьшению судебного вмешательства в жизнь людей. Передайте это К. Н. вместе с моим дружеским приветом» (67: 149).

Упоминания об Анненкове встречались во всех письмах Толстого к Л. Ф. Анненковой: писатель передавал ему привет, а 19 января 1905 г. писал: «Посоветуйте Константину Никаноровичу не читать газеты. Я свет увидел, перестав читать их уже месяца четыре. Не надо позволять внешней жизни нарушать течение внутренней» (75: 206). Д. П. Маковицкий в своих записках 19 января 1905 г. отмечал, что Толстой рассказывал о письме от Анненковой. В нём сообщалось, что её мужа, юриста, война «совсем расстроила» (ЯПЗ. I. С. 140). Об Анненкове Толстой вспоминал 10 августа 1905 г., во время приезда Анненковой в Ясную Поляну. На вопрос Толстого о нём, она сказала, что её муж пишет мемуары. Толстой заметил: «Мемуары лучше, чем законы писать. Это хорошо. Жизнь всякого человека интересна. Если бы кто умел её правдиво рассказать! До женитьбы так грязна, пишущий невольно останавливается на том, односторонне выходит, <но> надо писать то, что стыдно. Хороши Руссо мемуары» (ЯПЗ. I. С. 372).

Е. П. Гриценко

АННЕНКОВА Леонила Фоминична (1845–1914) – близкая знакомая Толстого, его корреспондент и адресат; курская помещица. Часто бывала у Толстых в Москве и в Ясной Поляне в 1880–1900-е гг. Разделяла взгляды Толстого и до конца жизни была с ним в дружеских отношениях. Толстой не раз высказывался о человеческом обаянии Анненковой и о своём расположении к ней, называя её милым и добрым человеком. Писателя привлекала и её религиозность, что он отмечал в своём дневнике 25 января 1889 г. (50: 29). 25 сентября 1906 г. Толстой назвал Анненкову в числе немногих известных ему религиозных женщин (ЯПЗ. I. С. 406). Возможно, это стало основой их сближения. 7 сентября 1889 г. Толстой писал в своём дневнике о журнале «Божье дело», о котором он накануне беседовал с Анненковой. Стремясь познакомиться писателя с содержанием журнала, она присылала напечатанные в нём материалы. Толстой их читал и, характеризуя издание в целом, записал в дневнике: «Цель “Божьего дела” ввести в жизнь людей христианство, бывшее до сей поры только в словах. Прекрасно вступление, но вдруг говорится о войнах, которые следует вести только в защиту Божьего дела. Войны для Божьего дела!» (50: 135–136). Издание, осно-

ванное польским философом-мистиком Андреем Товянским (1799–1879), выпускалось римско-католическим обществом и имело религиозно-мистический характер. В то же время, заметив в Анненковой увлечение мистицизмом, Толстой в письме к В. Г. Черткову 13 декабря 1897 г. отметил: «Я сказал про Анненкову, которая приехала в Москву, что вера в спиритизм есть признак слабости веры или вовсе неверия Богу» (88: 65).

Тёплое отношение писателя к Анненковой просматривалось в его письмах к ней; 12 марта 1891 г. он писал: «Очень рад был получить ваше письмо, дорогая Леонила Фоминична. Это вам показалось, что я избегаю вас или отдаляюсь: мне, напротив, с вами всегда спокойно и радостно» (65: 266). В письмах к ней Толстой касался широкого круга вопросов: устройства мира, вероисповедания, смысла жизни. 18 июня 1889 г. писатель отвечал на её письмо, в котором она сообщала о гимназисте И. Ф. Лебединском: тот приезжал к Толстому в Ясную Поляну летом 1888 г. 25 января 1888 г. Лебединский в письме к Толстому отрицал толстовское учение о непротавлении злу, говоря, что достигнуть мира и благополучия можно будет лишь тогда, «когда каждому человеку будет предоставлена полнейшая свобода: свобода слова, мысли, свобода печати» (64: 233). В письме к Анненковой Толстой сообщал о своём отношении к позиции молодого человека: «Лебединский огорчает вас. Это напрасно. Мир зажжён Христом и горит. Если каждый из нас сознаёт то, что он горит, не препятствует, а радуется и содействует своему горению, то это всё, что нужно. <...> Лебединским имя легион. Они пропитаны каким-то особенным составом (либерализм), препятствующим горению» (64: 265).

Оставаясь долгие годы духовным наставником для Анненковой, Толстой в письме к ней 17 октября 1890 г. просил её в любых жизненных ситуациях проявлять твёрдость духа и обращаться прежде всего к совести: «Одно могу посоветовать по опыту, это то, чтобы хорошенько при решении дела освободить себя от заботы о мнении людском. “Как бы поступил, если бы знал, что к вечеру умру”. Так и поступить. Это один совет, другой – тот, чтобы сделать так, как велел Христос. Когда поведут вас к правителям и судьям, не думайте, что будете говорить, дух Божий будет говорить за вас. Не делать то, что думаешь, что будет хорошо, а то, чего нельзя не сделать, всем существом нельзя» (65: 171). В послании писателя к Анненковой от 30 июня 1890 г. раскрывалась их духовная общность и общее стремление

к совершенствованию. Толстой благодарил её за увиденные ею невидимые им его грехи (65: 111). Говоря о необходимости улучшения себя, он отмечал: «Ваша слабость, которую я заметил, это желание отделиться от людей грешных, мирских своей добродетелью и потому осуждение этих людей, которое выражается у вас сожалением к ним. Самое лучшее, самое желательное, идеал, это то, чтобы не только не находить человека дурным, т. е. хуже себя, не только не находить себя лучше других, не находить даже себя лучше, чем был прежде, не видеть в себе улучшения, а до такой степени быть занятым улучшением себя, чтобы не видеть его» (65: 112).

О внимании писателя к жизни Анненковой говорят письма к ней Толстого 1890-х гг. 1–10 августа 1895 г. он писал: «Жалею о Вас за ваше нездоровье, по своей человеческой слабости, но знаю, что вы не только твёрдо перенесёте болезнь, но что сумеете извлечь из неё для души пользу» (68: 138). Расположение Толстого к знакомой просматривалось в его письме к дочери М. Л. Толстой от 4 октября 1895 г. Говоря об Анненковой, писатель заметил: «Она истинно живёт, истинною жизнью» (68: 159).

О духовном единении Анненковой и Толстого говорит их переписка в 1900-е гг. 19 марта 1903 г. он писал: «То, что вы мне пишете о болезни и страданиях, я понимаю так же, как вы. “Да будет воля твоя” говорит всё. Я говорю только то, что воля его всегда благо: и здоровье благо, если мы употребляем его на служение ему, и болезнь благо, если мы умеем пользоваться ею» (74: 69–70). Любовью и состраданием проникнуты письма Толстого к Анненковой в связи с болезнью её мужа (79: 225).

Со стороны Анненковой Толстой всегда чувствовал участие и поддержку. Особенно ярко это проявилось в последние годы жизни писателя, что было связано с обострением его семейных отношений. Побывав 17 сентября 1910 г. в Ясной Поляне и поразившись неуравновешенному состоянию С. А. Толстой, Анненкова написала Толстому, просила его не уступать жене и вернуться домой только с условием – видеться с Чертковым. В ответ 18 сентября 1910 г. Толстой писал: «Буду стараться поступать не для себя, а перед Богом по его воле, а что выйдет и как удастся – не знаю. Как жаль, что не пришлось повидаться с вами, по всей вероятности, последний раз» (82: 152). О тёплом отношении Анненковой к Толстому говорят изготовленные её руками бытовые вещи, которые она часто дарила писателю. 22 августа 1889 г. Толстой писал ей: «Благодарствуйте, дорогая Леонила Фо-

минична, за ваши носки и платки и полотенца: всё превосходно и всего так много, что, вероятно, не успею до смерти износить их» (64: 296).

31 октября 1910 г., уезжая из Шамордины и обсуждая вопрос, куда направиться, вспоминали и о Льгове – Анненкова жила в 28 верстах от станции... (ЯПЗ. 4. С. 411).

За добрый нрав Анненкову любили многие Толстые. Она была в близких дружеских отношениях с М. Л. Толстой. В июле 1893 г. дочь писателя гостила в её курском имении Ивицах под Льговом. С большой симпатией относилась к Анненковой и С. А. Толстая. В своём дневнике 1 июля 1898 г. она писала: «Анненкова спокойная и добрая по природе» (ДСАТ. 1. С. 395).

Е. П. Гриценко

АНТИПОВА Александра Александровна (в замужестве Олышева; 1870–?) – знакомая Толстого; сестра жены С. И. Бирюкова, работала с Толстым на голоде. 12 мая 1892 г. Толстой писал из Бегичевки С. А. Толстой: «...помощницы две явились: Елена Михайловна и Антипова. Они уже ездят и хлопочут. Всё это время раздаём семя, и большая от этого суета» (84: 150); «Антипова – очень милая и деятельная девица» (84: 152). Через некоторое время в Бегичевку приехала сестра Антиповой – Наталья Александровна. В июле многие уехали, и 24 июля 1892 г. Толстой сообщал жене: «Остаются здесь одни девицы Антиповы...» (84: 158). Позднее С. А. Толстая называла имя Антиповой среди имён «нескольких очень хороших девиц» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 290), помогавших Толстому в Бегичевке.

27 октября 1892 г. в письме П. И. Бирюкову из Ясной Поляны Толстой очень тепло вспоминал Антипову: «...милрой Алине Александровне передайте мою любовь и благодарность за её помощь» (66: 271).

Н. И. Бурнашёва

АНШИНА А. Ф. (имя-отчество и даты жизни не установлены) – адресат и корреспондент Толстого; земская (народная) учительница из подмосковного Черкизова. В 1910 г. сообщала Толстому, что предполагает в своей начальной школе не ограничиваться только преподаванием по программе, но хотела бы «ежедневно уделять сколько-нибудь времени для чтения ученикам книжки “Мысли мудрых людей”». Она спрашивала Толстого: «Будет ли это полезно?» (82: 117). Находясь в Кочетах у дочери Татьяны Львовны, Толстой отвечал учительнице 24 августа 1910 г.: «А. Ф., то, что вы предполагаете делать, я считаю

в высшей степени полезным. Я даже очень прошу вас делать это, и не только по книге “Мысли мудрых людей”, но и по книгам “На каждый день”, которые вам посылаю. Само собою разумеется, что для учеников надо выбирать наиболее доступные им мысли и даже стараться передавать их там, где они изложены слишком литературным языком, в более простой форме. Если вы согласны со мною и будете делать это, то я очень просил бы вас передавать мне результат вашей деятельности. С совершенным уважением и желанием вам успеха в этом очень, очень важном деле, остаюсь готовый к услугам» (82: 117). Толстой подчёркивал, что «передавать нравственные мысли ученикам предпочтительно по книжкам “На каждый день”» ещё и потому, «что в этих книгах мысли расположены в определённом порядке, по числам месяцев», и далее подробно перечислял, о чём какого числа месяца говорится в его книге. Аншина ответила Толстому благодарственным письмом. Тогда же в письме З. М. Гагиной Толстой общался: «А я на днях получил прилагаемое письмо от учительницы <Толстой> посылал письмо Аншиной. — Н. Б. > и от души ответил ей то, что думаю, об этом важнейшем вопросе: о средствах нравственного воздействия на детей, в этом отношении развращаемых и родителями, и учениями церкви» (82: 127). Д. П. Маковицкий записал в эти дни реакцию Толстого на полученное письмо: «Мне одна учительница писала — умное письмо, она хочет передавать нравственное учение чтением “Мыслей мудрых людей”. — Л. Н. одобрил и посоветовал ей спрашивать у детей: “Они хорошо передают, они прямо поправляют вас”» (ЯПЗ. 4. С. 345).

1 сентября 1910 г. Толстой направил Аншиной ещё одно письмо, просил, чтобы она «записывала хорошо переданные мысли учеников» и сообщала ему. «Если бы мне удалось воспользоваться этими пересказами учеников из вашей школы, а также из школ других учителей, которых я прошу о том же, я бы составил книгу из этих пересказов учеников и издал бы её, предоставив, само собою разумеется, материальные выгоды от издания тем учителям, которые были бы участниками составления книги» (82: 129). В письме П. И. Бирюкову, написанном в тот же день, Толстой обещал: «...очень скоро пришлю вам отдельно мою переписку с учительницей Московской губ. о том, как вести в школе преподавание нравственных истин. Моё мнение, что это можно делать, передавая детям избранные, наиболее простые понятные мысли из “Круга чтения” и ещё лучше из “На каж-

дый день”, с тем чтобы дети пересказывали их. И хорошие пересказы записывать, и из этих пересказов составить книгу. Что вы об этом думаете?» (82: 132). Так в переписке с учительницей А. Ф. Аншиной у Толстого родился новый замысел — подготовить книгу детских пересказов мыслей из «Круга чтения» и «На каждый день». Замысел осуществлён не был.

Н. И. Буриашёва

АПРАКСИНЫ Виктор Владимирович (1822–1898) и **Александра Михайловна** (рожд. Пашкова; 1829–1916) — знакомые Толстого; из древнего дворянского рода, который вёл своё начало от Солохмира (XIV в.); правнук его Андрей получил прозвище Апракса. Апраксины были ближайшими сподвижниками Петра I. Работая над материалами романа времён Петра I, Толстой интересовался историей рода Апраксиных, взяв данные из Российской родословной книги, изданной Петром Долгоруковым в 1854–1858 гг. Среди будущих героев романа Толстой упоминал Марфу Матвеевну Апраксину, жену царя Фёдора Алексеевича, её братьев Фёдора и Андрея, их мать и отца, Анисью Тимофеевну и Матвея Васильевича Апраксиных. Самым известным из Апраксиных был фельдмаршал Фёдор Матвеевич, старший брат царицы Марфы. Он был очень богат; умер бездетным. Фамилия Апраксиных встречалась и в текстах «Войны и мира», где упоминались дед и бабка В. В. Апраксина. В одном из вариантов Толстой даже воспользовался этой фамилией как неким аналогом великосветскости: «Свет московский и петербургский заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не А п р а к с и н ы х» (выделено Толстым. — Л. Д.).

Один из современников Толстого, художник Пётр Иванович Нерадовский, оставил воспоминания (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 123–140) о встрече писателя с представителями старинного барства Апраксиными, владельцами подмосковного имения Ольгова. В начале января 1895 г. Толстой с дочерью Татьяной гостил у своего друга А. В. Олсуфьева в Никольском-Оболянове, по соседству с Ольговым. У Олсуфьева он познакомился с четой Апраксиных. Ежедневно писатель совершал большие прогулки по окрестностям Никольского. Зима была снежная, стояли морозные, солнечные дни. Нерадовский сопровождал Толстого в его прогулках: в Щёлково к Левицким, в Храброво (6 вёрст пешком) к Оболенским, но в Ольгово к Апраксиным (8 вёрст) Толстой его не взял, о чём Нерадовский

очень сожалел. Правда, художник, видимо, бывал там раньше, он довольно подробно описывал и дом, и хозяев. Дом был старинный, большой, на высоких подвалах, наполненный множеством вещей, частью уже вышедших из употребления, но всё ещё представлявших немалый интерес: мебель красного дерева, ореховая, карельской берёзы работы старинных мастеров, многочисленные тетради старинных гравированных нот, камзолы и кафтаны, расшитые шелками, серебром, золотом, бронза, фарфор, книги... В большом зале – парадные апраксинские портреты в рост, среди изображений предков висел и портрет царицы из рода Апраксиных. В этой домашней картинной галерее можно было видеть и портреты представителей др. знатных фамилий России, в т. ч. Волконских и Толстых: предки Толстого поддерживали добрые отношения с Апраксинами. Большие комнаты были пустынные, дом окружал громадный старый парк, в имении был конный завод, который славился своими прекрасными лошадьми, большие конюшни, которыми некому было пользоваться. Толстого принимали в Ольгове В. В. и А. М. Апраксины, бездетные старики, чопорные и надменные, которые обычно жили в Москве или за границей, а в свою подмосковную усадьбу наезжали лишь изредка. Ему запомнилось, что хозяева держали себя с большой важностью и недоступностью, особенно памятной была фигура генерала Апраксина с высоко поднятой головой, в памяти остались его нафабранные усы и зачёсанные на виски волосы. «Лев Николаевич вернулся из Ольгова и восхищался Апраксинами. Как художник, он прямо-таки смаковал этих типичных представителей старого барства: «Люблю такие цельные натуры, – говорил Лев Николаевич, делясь своими впечатлениями, – какие крепкие люди!» Рассказывая подробности своего визита, он повторял это восклицание и особенно выделял самого Апраксина. Этот визит, надо думать, послужил Льву Николаевичу материалом для его творческой работы. В «Воскресении» он, между прочим, наделил чертами Апраксиной даму, которая рассуждает, жестикую руками, не отделяя локтей от туловища, но добавив ей особенность другой светской дамы – обычное положение которой было лежание на кушетке» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 138).

С. А. Толстая в своих мемуарах, конечно со слов мужа, передавала впечатления Толстого от его визита к Апраксиным: «Пригласили его к себе обедать богатые соседи, Апраксины. Там старинное барство, 4 лакея стоят у стола; обед был приготовлен для

Льва Николаевича вегетарианский, самый изысканный» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 384).

Л. С. Дробат

АПУХТИН Алексей Николаевич (1840–1893) – знакомый Толстого; поэт, прозаик. Темой, вдохновившей его на начало творчества, стала Крымская война 1853–1856 гг. 6 ноября 1854 г. в петербургской газете «Русский инвалид» было опубликовано его первое стихотворение «Эпаминонд» (Эпаминонд – древнегреческий полководец; в 362 г. до н. э. был смертельно ранен в бою. Войско, которым он командовал, одержало победу), посвящённое памяти вице-адмирала В. А. Корнилова, смертельно раненного на Малаховом кургане 5 октября 1854 г.

5 декабря 1855 г. в Петербурге состоялось знакомство юного поэта с Толстым. «Как-то Апухтин получил письмо от Тургенева, который приглашал его к себе на обед, – записал со слов поэта в своём дневнике А. В. Жиркевич, – говоря, что “идол” его, Апухтина, Толстой у него обедает. Толстой тогда ещё был офицером. Апухтин видел его в первый раз, тут у них и завязалось знакомство» (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 606).

В 1859 г. в «Современнике» (№ 9) вышел цикл стихотворений поэта «Деревенские очерки». Вскоре он покинул «Современник». В 1862 г. в журнале «Время» Апухтин выступил с критикой Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, опубликовав стихотворение «Современным витиям», где чётко выразил свою позицию:

Посреди гнетущих и послушных,
Посреди злодеев и рабов
Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов!
Мне противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо – отрицаньем жить...
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!

(Апухтин А. Н. *Стихотворения*.
Л., 1961. С. 93)

Его устранение от обличения действительности оказалось в то время созвучным моральной установке Толстого: «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить. Для жизни довольно будет и тех вещей, которые не возбуждают негодования, – любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами» (47: 179). Уверенность Апухтина в правильности сделанного им выбора окончательно окрепла под влиянием Толстого. «...Никакие силы не заставят

меня выйти на арену, загромождённую подлостями, доносами <...>, – писал он П. И. Чайковскому в 1865 г. – Для меня в современной русской литературе есть только одно священное имя: Лев Толстой» (Чайковский М. И. Жизнь П. И. Чайковского. М., 1900. Т. 1. С. 242).

В 1869 г. тема Крымской войны вновь возникла в творчестве Апухтина: под его пером родилась «Солдатская песня о Севастополе», в которой ему удалось достичь высокого уровня историко-философского обобщения. Главная идея стихотворения: военное поражение на поле боя не в состоянии сломить дух народа.

Первый сборник его стихотворений был издан в 1886 г. В нём было опубликовано стихотворение «Графу Л. Н. Толстому» (1877), где поэт коснулся характерных для приверженцев «чистого искусства» проблем конфликта между толпой и поэтом; темы враждебности века красоте и искусству:

Когда в грязи и лжи возникшему кумиру
Пожертвован везде искусства идеал,
О вечной красоте напоминая миру,
Твой мощный голос прозвучал...

(Апухтин А. Н. Стихотворения.
Л., 1961. С. 173)

В 1891 г. Апухтин писал Толстому: «Давно уже я смотрю на ваше превращение из художника в проповедника как на своё личное горе; поверьте, что это чувство разделяют со мной весьма многие люди. Конечно, я не принадлежу к тем из них, которые считают вашу проповедь вредной; проповедь единения и любви между людьми не может быть вредной. Беда, напротив, в том, что она не достигает цели. <...> Исчезнет проповедь, но останутся те великие бессмертные творения, от которых вы отрываетесь. Вопреки вам, они долго будут утешать и нравственно совершенствовать людей, будут помогать людям жить» (ЛН. Т. 37–38. С. 441).

Жиркевичу Апухтин писал 28 января 1891 г.: «Лучший способ путешествия к Толстому следующий: взять любой том его сочинений и перечитать в десятый или хоть в сотый раз – “Казаков”, “Детство”, “Войну и мир” и другие гениальные произведения, стоящие головой выше всего написанного по-русски (кроме Пушкина, конечно). <...> Мне плакать хочется, когда я подумаю, скольких великих произведений мы лишены только благодаря тому, что всё его время поглощено развитием таких плодотворных и умных мыслей, что волков истребалять не следует, что каждая папироска

выкуривается с целью затмить совесть...» (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. Дневники. Письма. С. 607–608).

Незадолго до своей кончины в 1892 г. Апухтин написал повесть «Между смертью и жизнью», сюжет которой возник под влиянием двух произведений Толстого: повести «Смерть Ивана Ильича» и статьи «О жизни». Е. К. Остен-Сакен писала Жиркевичу в ноябре 1892 г.: «На днях я видела Алексея Николаевича <...> Он <...> сам вызвался прочесть мне своё новое сочинение, под названием “Между смертью и жизнью”, как видите, философской окраски. Он давно излагал мне глубокое своё убеждение в том, что земная жизнь есть только эпизодическое воплощение души на земной планете и что смерть есть пробуждение (как ежедневное пробуждение) к новой жизненной деятельности. Я думаю, что Лев Толстой это достаточно ясно уже выяснил в книге “О жизни”» (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. С. 629–630).

В статье «Что такое искусство?» Толстой писал: «Русские считают Апухтина, Некрасова, Толстого <А. К. Толстого. – Е. Б.> такими же поэтами, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев, и мнения эти показывают совершенное отсутствие художественного чувства, т. к. <...> Пушкин, Лермонтов, Тютчев – настоящие поэты, а Бодлеры, Ибсены, Киплинги, Апухтины и т. п. ремесленники, не имеющие никакого понятия о том, что есть искусство» (30: 364). Подобную негативную оценку творчества Апухтина писатель дал и в 1900 г. в «Предисловии к роману В. фон Поленца “Крестьянин”».

Несмотря на жёсткую критику Толстым «лёгких» жанров искусства, он всё же оставался тонким ценителем красоты. В 1903 г. в Ясной Поляне во время болезни писателя одной дочери Мария и Александра пели романс на слова Апухтина «Ночи безумные...»: «Бесшумно отворилась дверь кабинета, и кто-то вывез на кресле Льва Николаевича. Он склонил голову и, видимо, заслушался. Лампа из кабинета освещала часть его серебряной бороды.

Всё же лечу к вам
Памятью жадною...

Это было самое красивое место. Когда кончили пение, Лев Николаевич поднял голову и сказал: “Как хорошо, как хорошо!..”» (Лазаревский Б. А. В Ясной Поляне // ТВС. 2. С. 312–313). Случись этот эпизод при жизни Апухтина и узнай он о нём – это была бы одна из самых счастливых минут в его жизни.

Лит.: Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976.

Е. В. Белоусова

АРЛОТТА Уго (даты жизни не установлены) – посетитель Толстого; корреспондент консервативной римской газеты «Italia». 13 октября 1907 г. молодой журналист приезжал к писателю в Ясную Поляну, для того чтобы написать сообщение о нём. Расположив к себе Толстого и его близких, Арлотта был оставлен на ночлег. Его приезд совпал с выбором делегатов от Тулы в Гос. думу: городские гостиницы в то время оказались занятыми. Находясь рядом с Толстым, итальянец имел уникальную возможность наблюдать за его жизнью, это давало ценный материал для будущей газетной статьи о писателе.

Д. П. Маковицкий отметил в своих записках, что у Арлотты «было сильнейшее желание видеть Л. Н. Маленький, черноусый. Был очень взволнован. Задавал Л. Н.-чу вопросы (по выражению Л. Н. «хорошие»). Был поражён личностью Л. Н., которая казалась ему больше, чем его дело (писания), и был очень счастлив, что увидал его. Он довольствовался бы и не говорить с Л. Н., только видеть его. Софья Андреевна оставила его ночевать <...>. Записывал себе впечатления, но был гораздо сильнее тронут в душе, чем мог выразить на бумаге» (ЯПЗ. 2. С. 534).

В письме от 24 декабря 1907 г. Арлотта просил у С. А. Толстой разрешения приехать в Ясную Поляну, чтобы сфотографировать Толстого на утренней прогулке. 5 января 1908 г. «по просьбе Софьи Андреевны Танеев прочитал вслух это письмо, переводя его с французского». В нём Арлотта описывал своё посещение яснополянской усадьбы и разговор о непротивлении злу насилием, состоявшийся у него с Толстым. Иностранец полагал, что это учение противно природе человека. По этому поводу Толстой сказал: «Они (журналисты, как Arlotta) в узком кружке своей газеты не знают, что были Эпиктет, Марк Аврелий, Будда, что их возражения были сделаны и опровергнуты» (ЯПЗ. 3. С. 8–9). «Уго Арлоттанеодует занедооценку Л. Н.-чем Данте, – продолжал Маковицкий. – Л. Н.: «Рафаэль, Бетховен, Шекспир, Данте, Гёте не подходят к моей оценке, которую я предъявляю к искусству, так как мне самому искусство – я этого стыжусь – близко и дорого» (ЯПЗ. 2. С. 9). Отзыв Толстого о Данте в передаче Арлотты 13 декабря 1907 г. напечатала в вечернем выпуске газета «Биржевые ведомости» (№ 10251). 13 августа 1909 г. в связи с намерением на-

писать письмо португальскому корреспонденту, писатель вспомнил об Арлотте как об одном из своих «романтических почитателей» (ЯПЗ. 4. С. 42).

Е. П. Гриценко

АРМАН Эмиль (Armand; наст. имя: Жюэн (Juin) Эрнест-Люсьен; 1872–1963) – корреспондент Толстого; французский журналист, анархист; редактор и издатель журнала французских анархистов христианского направления «L'Ère nouvelle». Родился в семье участника Парижской коммуны. В школу никогда не ходил; самостоятельно выучил несколько иностранных языков. В 1890 г. вступил в протестантскую организацию «Армия спасения», но в 1897 г. покинул пост офицера «Армии спасения», к чему его побудили труды об анархизме издателя журнала «Temps nouveaux» Жана Гравы. Под влиянием взглядов Толстого, Уитмена и Эмерсона он разрабатывал идеи о ненасилии и неравенстве, менявшиеся под воздействием Ницше и Штирнера. С 1906 г. сотрудничал в еженедельнике «L'Anarchie». Вскоре Арман прославился как самый блестящий теоретик анархистского индивидуализма. Главные его работы: «La fin du Christ légendaire» («Конец легендарного Христа», 1902), «Le refus du service militaire» («Отказ от военной службы», 1904) и «Qu'est-ce qu'un anarchiste?» («Кто такой анархист?», 1908). Арман издал много статей, брошюр, хроник. Одна из самых известных – «L'initiation individualiste anarchiste» («Индивидуалистическое анархистское посвящение», 1923). Он участвовал в создании «Энциклопедии анархизма» (1934), объединившей более ста авторов.

Имя Э. Армана, редактора и издателя журнала «L'Ère nouvelle», было Толстому хорошо известно. Начиная с 1903 г. Арман регулярно присылал свои журналы в Ясную Поляну. Толстой хвалил «L'Ère Nouvelle» за то, «что обращает внимание на всякие отказы от военной службы, на высказывания против государства», он знал, что «Арман – рабочий», что «Ère nouvelle» не имеет средств и «из двухнедельного журнала переходит на ежемесячный» (ЯПЗ. 1. С. 105–106). «Армана я знаю, – писал он сотруднику издательства «Посредник» И. М. Трегубову 1 июня 1904 г., – иногда получаю № его “Ère nouvelle” и радуюсь его деятельности, сочувствую ей и желаю ему, главное, воздержания от политической суеты и внутренней, ведущей к просветлению, душевной работы. Передайте ему мою любовь и извинитесь, что не писал» (75: 111).

В 1906 г. Толстой получил № 39 журнала «Ère nouvelle» (15 января). В этом выпуске публиковалась статья Э. Карпентера «L'art de la création» в переводе с английского на французский язык. Эту статью он похвалил и посоветовал дочери М.С. Сухотина, Наталье Михайловне, прочесть её. В 1910 г. об очередном выпуске «L'Ère nouvelle» (Septembre, 1910) писатель сказал, что «номер интересный», но статьи Армана ему «совсем не нравятся» (ЯПЗ. 4. С. 375). 16 сентября 1910 г. по поручению Толстого Д. П. Маковицкий обратился к Арману с просьбой прислать книгу «Qu'est-ce qu'un anarchiste?». Книга была выслана, она сохранилась в ЯПБ – Armand Émile «Qu'est-ce qu'un anarchiste? Thèses et opinions» (Paris: Édition de l'anarchie, 1908), – как и ещё несколько брошюр этого автора: «La Propagande vraie» (Paris, [189-?]); «La Fin du Christ légendaire» (Paris, 1902; в соавторстве с М. Kugel) и «Les Ouvriers, les syndicats et les anarchistes» (Vervier, 1910). В библиотеке Ясной Поляны сохранилось двадцать три номера из пятидесяти шести номеров «L'Ère nouvelle», начиная с № 15 (1902) и заканчивая № 50 (1910).

После смерти Толстого в еженедельнике «L'Anarchie» (1 декабря 1910) вышла статья Армана «Dernier outrage» («Последнее оскорбление»). Автор писал, что «о Толстом можно говорить как хорошо, так и плохо», что «его учение о непротавлении злу насилием абсурдно, так как оно превращает его самого в игрушку для тех, кто использует его имя». Он считал, что «мистическая сущность славянского характера» отличается от «старой юго-западной латинской души» и «для правильного понимания Толстого необходимо знать истоки мышления русских». В Толстом он видел экзегета, т. е. человека, занимающегося истолкованием евангельских текстов, а в его религиозных взглядах – «веру в возможность возвращения истинного христианства». И делал вывод: «Толстого часто осуждают, не читая его произведений».

А. Н. Полосина

АРМФЕЛЬДТ – в числе знакомых Толстого 1860–1880-х гг. можно назвать семью Армфельдт. Глава семьи Александр Осипович Армфельдт (1806–1868) – заслуженный профессор Московского университета, с 1837 г. занимал кафедру ординарного профессора судебной медицины, медицинской полиции, методологии, истории и литературы медицины Московского университета. По воспоминаниям современников, А. О. Армфельдт обладал счастливым даром красноречия, огромной эрудицией,

умел держаться с удивительным достоинством и одновременно проявлял искреннее внимание к проблемам своих слушателей. Эти качества сделали его одним из самых популярных профессоров своего времени. Его лекции, отличавшиеся ясностью и изяществом изложения, глубоким знанием предмета, посещали студенты почти всех факультетов. Коллеги ставили имя Армфельдта в один ряд с именами наиболее знаменитых профессоров Московского университета.

Толстой познакомился с Армфельдтом, вероятнее всего, в первой половине 1860-х гг. через своего тестя Андрея Евстафьевича Берса, у которого с Армфельдтом были настолько близкие приятельские отношения, что профессор стал крестным отцом старшей сестры С. А. Толстой, Елизаветы Андреевны Берс. Эта личность не могла не привлечь Толстого. Он познакомился со всем семейством: с его женой Анной Васильевной (1821–1888), рожд. Дмитриевской, дочерью статского советника, помещика, владевшего землями в Московском, Можайском и Масальском уездах Московской губ., с их детьми, в т. ч. дочерью Натальей Александровной (1850–1887), в судьбе которой Толстой принял самое непосредственное участие.

Судя по тому, что в 1860–1870-е гг. имена Армфельдт в рукописях Толстого почти не встречаются, общение писателя с ними было эпизодическим и малозначимым для него. Вспомнить об этих людях в 1880-е гг. Толстого заставили трагические события в их жизни. Дело в том, что Н. А. Армфельдт, в начале 1870-х гг. по окончании Гейдельбергского университета вернувшись в Россию, стала революционеркой-народницей. Будучи членом московского отделения кружка «чайковцев», она занималась распространением запрещённой революционной литературы, пропагандой среди рабочих и крестьян революционных идей. За это и в силу крайней политической неблагонадёжности в 1874 г. она была арестована и сослана на поруки матери в её имение в Можайском уезде Московской губ. После второго ареста в 1875 г. была выслана под надзор полиции в Костромскую губ., откуда по болезни получила разрешение вновь поселиться у матери. Тайно покинув столицу, в 1878 г. Наталья Армфельдт примкнула к работе Киевского революционного кружка «бунтарей», члены которого от пропаганды в народе переходили к планомерной подготовке вооружённого восстания. 11 февраля 1879 г. в Киеве на одной из явочных квартир при аресте членов кружка, среди которых была и Н. А. Армфельдт,

ими было оказано вооружённое сопротивление полиции, при этом был убит один из жандармов. Киевским судом Н. Армфельдт была приговорена к 14 годам и 10 месяцам каторги и сослана в тюрьму на Кару в Нерчинско-Забайкальский округ. В 1883 г. ей была предложена возможность раскаяться в своих заблуждениях и тем заслужить прощение, но она отвергла это предложение.

В апреле 1884 г. на одной из улиц Москвы Толстой встретился с убитой горем матерью Натальи Армфельдт, Анной Васильевной, проводил её домой, где она и поведала ему печальную историю дочери и рассказала о том, что правительство на её просьбу перевести дочь в какую-нибудь более близкую тюрьму или позволить матери приехать туда и жить около тюрьмы она получила отказ. Глубоко взволнованный этим рассказом, Толстой решил помочь Анне Васильевне в её хлопотах и обратился за содействием к своей родственнице и другу фрейлине А. А. Толстой. 17 апреля он писал ей: «Я здесь столкнулся с старухой Армфельдт, был у неё, расспрашивал про её дочь, смотрел на её горе, и она рассказала мне, что она просилась жить подле своей дочери на Каре, но ей отказали (она подавала прошение государю), и что она хочет просить об этом государыню. Я одобрил этот план...» (ПАТ. 2011. С. 405). Толстой просил А. А. Толстую, жившую при дворе, посодействовать в облегчении участи Н. А. Армфельдт. Уже через несколько дней он получил её ответ: «Всею душой и всеми силами желаю помочь бедной матери – я уже видала подобных ей и знаю, что это такое. Мысль уже полученного ею отказа меня смущает, но не останавливает. Буду стучаться во все двери, только надобно действовать обдуманно, – видеть кое-кого и наводить справки. Поэтому не торопите меня, а пока пусть бедная Армфельдт пришлёт мне две просьбы: одну на имя императрицы, другую – на имя государя. <...> Буду извещать вас об ходе дела – покамест я в потёмках и не знаю, входит ли оно в разряд возможного или невозможного» (ПАТ. 2011. С. 406–407).

Судьба заключённой не переставала тревожить Толстого. Он вновь навещал её мать, познакомился с их перепиской, которая помогла ему составить представление о своей протеже, записанное им в дневнике 11/23 апреля: «Читал переписку Натальи Армфельдт. Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, весёлый, даровитый и добрый» (49: 81). Познакомившись с процессом Армфельдт, Толстой записал в дневнике: «Понял я тоже, что деятельность революционеров воображаемая,

внешняя – книжками, прокламациями, которые не могут поднять. – И деятельность законная. Если бы ей не препятствовали, в ней не было бы вреда. Им задержали эту деятельность – явились бомбы» (49: 80). Как видно из переписки Толстого с А. А. Толстой 1884 г., она глубоко сочувствовала А. В. Армфельдт и приняла самое деятельное участие в её судьбе: встречалась с нужными людьми, наводила справки и в какое-то время у неё появилась надежда на то, что «позволение матери поселиться близ дочери, вероятно, дадут» (ПАТ. 2011. С. 410). Надеялся на это и Толстой. А затянувшиеся хлопоты способствовали ещё большему разочарованию писателя в представителях своего класса. «Очень грустно будет, если Армфельдт не позволят жить с дочерью. <...> Хочется сказать и скажу: в каком же мире мы живём, если об том, чтобы мать могла жить с несчастной дочерью – несчастной, потому что её держат на каторге люди же нашего мира, – если об этом нужно просить, умолять, хитрить и хлопотать?» – писал он своей помощнице. И при этом призывал её, жившую рядом с государем, министрами, комендантами, внушать «им, что если от их воли зависит облегчить участь несчастных и они не делают этого, то они нехристи и очень несчастны» (ПАТ. 2011. С. 411–412).

Хлопоты А. А. Толстой увенчались некоторым успехом: А. В. Армфельдт в январе 1885 г. получила разрешение выехать к дочери на Кару. Толстой благодарил свою родственницу, писал ей 19 января: «Верно, у вас на сердце хорошо от этого дела. Мать счастлива и благодарна вам до умиления» (там же. С. 417).

Мать и дочь Армфельдт могли соединиться весной 1885 г., когда дочь получила разрешение на вольное поселение. К этому времени она вышла замуж за политического каторжанина А. И. Комова, сосланного на Кару в 1880 г. В тюрьме у неё развилась чахотка. Тяжело болен был и её муж. Родившаяся их дочь также была нездорова.

А. В. Армфельдт в январе 1887 г. приехала в Москву, хлопотать о переводе дочери и её семьи в местность с более тёплым климатом. В двадцатых числах января она посетила Толстого в его хамовническом доме, сообщила ему, что собирается ехать в Петербург. А. А. Толстая сделала всё возможное, чтобы помочь ей. Но пока в правительственных кругах решался этот вопрос, Н. А. Комова-Армфельдт в сентябре 1887 г. умерла. Через год не стало и её матери.

Л. В. Милякова

АРНАУТОВ Иван Александрович (?–1890) – коллежский секретарь, владелец дома № 21 по Долго-Хамовническому переулку на окраине Москвы. В 1882 г. Толстой купил у него деревянный дом, «дом Арнаутова с большим садом в Хамовническом переулке». В саду, по словам Толстого, «было густо, как в тайге», помимо двух больших липовых аллей, было много фруктовых деревьев, ягодных кустарников, цвели розы...

«Дом, в котором жили хозяева, Арнаутовы, бездетные муж с женой и большим количеством собак, мне не понравился, – писала С. А. Толстая в книге «Моя жизнь»: – весь верх – это были деревянные полугнилые чердаки и антресоли, в которых потолки были низкие, и жить там было невозможно. Лев Николаевич обещал надстроить верх, что и исполнил не вполне. Убедив себя, что роскошь не нужна, а грешна, он надстроил для меня (будто бы) залу и гостиную, а Маше и себе оставил низкие маленькие комнаты, которыми всегда впоследствии тяготился и которые испортили весь фасад дома» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 381).

14 июля 1882 г. в Московском окружном суде была утверждена купчая крепость на приобретение Толстым за 27000 рублей дома И. А. Арнаутова в Долго-Хамовническом переулке д. № 15 (ныне № 21) в Москве. Вместе с домом Толстой купил у прежнего владельца мебель красного дерева для гостиной. Осматривая мебель, он сказал: «Я старину люблю». О продаже этого дома было объявление в газете... В семье Толстых усадьбу иногда называли «Арнаутровкой» (см. дневник и письма Т. Л. Сухоиной-Толстой).

Лит.: Булгаков Вениамин. Дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. – М.-Л., 1928).

Н. И. Бурнашёва

АРНОЛЬД Эдвин (Arnold; 1832–1904) – английский поэт и журналист, учился в лондонском Королевском колледже, затем в Оксфордском университете. Позднее преподавал в школе короля Эдварда в Бирмингеме, а в 1856 г. уехал в Индию, где собирал материалы для своих будущих литературных работ. В течение семи лет он работал в Гос. колледже санскрита в Пуне.

В начале 1860-х гг. Арнольд возвратился в Англию, работал журналистом газеты «Daily Telegraph», а затем более 40 лет был редактором этой газеты. Все его поэтические произведения посвящены описанию стран Востока, индийской мифологии и философии, взаимодействию христианства и буддизма. Лучшим произведением

Арнольда считается стихотворная поэма «The light of Asia», 1879 г. (русский перевод «Свет Азии». СПб., 1890). Поэма посвящена жизни и учению Будды.

В конце 1885–начале 1886 гг. Толстой приступил к собиранию материала для статьи «Сиддарта, прозванный Буддой». Он изучал литературу о браманизме, учении Лао-цзы о дао как о законе развития мира. Из-за недостатка времени Толстой успел написать только вступление к статье и поручил работу над статьёй по своему конспекту сотрудникам «Посредника» М. А. Новосёлову, А. П. Барыковой, А. И. Эртелю, В. Г. Черткову. Он советовал Черткову использовать для работы над статьёй книгу С. Биля «Очерк истории буддизма по китайским источникам» и поэму Э. Арнольда «Свет Азии». 17 февраля 1888 г. Толстой писал Черткову: «Арнольд, несмотря на стихотворную форму, чрезвычайно верен Билю и взял у него почти всё существенное» (86: 124). Писатель возвращался к чтению поэмы Арнольда и в последующие годы. В ЯПБ сохранились две книги Э. Арнольда: «Светило Азии, или Великое отречение. Поэма». Перевод с английского И. М. Сабашникова (изд. 2-е. СПб., 1895) и «Свет Азии». Перевод в стихах А. М. Фёдорова (М., 1895). 7 июня 1896 г. Толстой писал сыну Льву Львовичу: «После ужина буду читать “Свет Азии” и играть в шахматы с Танеевым» (69: 105). В 1905 г. Толстой написал очерк «Будда» для сборника «Круг чтения». Однако его отношение к поэме Арнольда всё-таки не было безусловным: 27 июня 1907 г. Д. П. Маковицкий записал слова Толстого об этом стихотворном сочинении: «“Свет Азии” – Эдвин Арнольд легкомысленно собрал и составил – в стихах (тут Л. Н. голосом высказал недоверие)» (ЯПЗ. 2. С. 464).

Н. В. Зубкова

АРСЕНЬЕВ Владимир Михайлович (1810–1853) – близкий знакомый Толстого; тульский помещик, отец В. В. Арсеньевой, которой в 1856–1857 гг. Толстой увлёкся настолько, что, по его словам, был «близок к браку». Семейство Арсеньевых поддерживало добрые отношения с Н. И. Толстым, Т. А. Ёргольской ещё до рождения Толстого. «...Арсеньевы в сущности хорошие люди», – писал Толстой Ёргольской 20 апреля 1850 г. (59: 57). Отец Арсеньева Михаил Михайлович Арсеньев с женой и двумя детьми был внесен в 1810 г. в VI часть дворянской родословной книги Тульской губ., где с 1705 г. числился дед В. М. Арсеньева. Мать, Варвара Александровна (рожд. Киреевская), принадлежала

к старинному дворянскому роду. Владимир Михайлович родился и жил в приобретённом его отцом в начале XVIII в. имении Судаково, находившемся в восьми верстах от Ясной Поляны. Описание этого имения отчасти воспроизведено в повести Толстого «Семейное счастье». Окончив Московский благородный пансион, Арсеньев служил юнкером в Александровском гусарском полку; через 4 года был переведён в лейб-гвардии Уланский полк, не раз «отличался храбростью» в боевых делах в Польскую и Турецкую войны, вышел в отставку по болезни в 1832 г. гвардии поручиком. Служил тульским уездным исправником по выборам дворянства до увольнения по болезни в 1852 г. В. М. Арсеньев был женат на Евгении Львовне Щербачёвой (1808–?). Извещая Толстого в декабре 1853 г. о кончине главы семьи, Т. А. Ёргольская писала: «Бесценного Арсеньева больше нет...» Арсеньев (и впоследствии его жена) были похоронены в с. Прудном, вблизи Судакова, возле церкви, выстроенной его отцом. Со смертью в 1856 г. жены Арсеньева Толстой стал опекуном их четверых детей: Валерии (р. 1836), Ольги (р. 1838), Евгении (р. 1845) и Николая (р. 1846). Он часто навещался к своим подопечным и позднее всегда интересовался их судьбами.

С родной сестрой В. М. Арсеньева Юлией Михайловной (в замужестве Огарёвой, жившей с мужем в Телятинках, вблизи Ясной Поляны) были дружны мать и отец Толстого. 2 октября 1909 г., познакомившись с выписками из мемуаров Ю. М. Огарёвой, он записал в дневнике родившийся замысел: «Ездил в шарабане в Судаково. Мысль о старой жизни отца с Телятинками и Судаковым. Разумеется, не напишу – некогда» (57: 148).

В *ЯПБ* до сих пор хранится второй том собрания сочинений В. Гюго (Брюссель. 1837) с владельческой записью по-французски «V. Arsénieff» – «перешедший», возможно, в Ясную Поляну из судаковской библиотеки. Весной 1866 г. это издание читал Толстой.

Лит.: Сафонова О. Ю. Арсеньевы из Судакова. Страницы истории рода // *ЯП. сб.* 2000.

Т. Н. Архангельская

АРСЕНЬЕВ Константин Константинович (1837–1919) – юрист, литературный критик, публицист, журналист, общественный деятель. Почётный академик Академии наук (1900). С 1909 г. – редактор журнала «Вестник Европы». Окончил Училище правоведения в С.-Петербурге; служил в департаменте Министерства

юстиции, а с 1866 г., после введения новых судебных уставов, стал одним из ведущих петербургских юристов. В 1870-х гг. увлёкся земской деятельностью. Много печатался в «Отечественных записках», «С.-Петербургских ведомостях» (руководил отделом иностранной политики), в «Вестнике Европы». Выступал на заседаниях Юридического общества, Вольного экономического общества, был одним из редакторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, с 1911 г. – главный редактор Нового энциклопедического словаря. Автор литературно-критических статей о творчестве Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Вал. Н. Майкова, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, Г. Флобера, В. Гюго, А. Доде, Э. Золя, И. Тэна и др. Статья Арсеньева о Толстом («Л. Н. Толстой. 1828–1908») опубликована в журнале «Вестник Европы» (1908. № 9); Толстой читал и одобрил её. 30 августа Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н.: “В “Вестнике Европы” (сентябрьская книжка) всё прочёл, и Арсеньева. Какая умная статья!” – “О чём?” – спросил Гольденвейзер. – “Обо мне, грешном. Но (Арсеньев) именно умный, серьёзный человек. Пишет, что об учении, взглядах Толстого преждевременно говорить, а большинство в газетах, в статьях всё знают» (*ЯПЗ.* 3. С. 184).

Собираясь стать редактором журнала «Вестник Европы», 26 октября 1908 г. Арсеньев писал Толстому с просьбой дать отзыв о журнале: этот отзыв он намеревался поместить в первом номере за 1909 г. (ответ был написан по поручению Толстого 30 октября 1908 г. (78: 367). 2 сентября 1910 г. в газете «Речь» Арсеньев писал, что от имени журнала в Ясную Поляну отправлено 1000 рублей пожертвований на устройство бесплатной столовой и ночлежного дома для проходящих бедняков. Некоторые газеты выступили с критикой Арсеньева, за которого вступился В. Г. Чертков: «К. К. Арсеньев <...> заслуживает только признательности вместе с издателями “Вестника Европы”, открывшими подписку своим щедрым взносом», помогающим «облегчить положение как Л. Н-ча, так и местных крестьян, и оказать некоторую помощь тем бездомным скитальцам, которые проходят мимо Ясной Поляны» (38: 461). В журнале «Вестник Европы» в 1910 г. (№ 9) был опубликован рассказ Толстого «Три дня в деревне».

Т. А. Алтатова

АРСЕНЬЕВ Николай Владимирович (1846–1907) – младший из детей В. М. Арсеньева, близкого знакомого Толстого, владельца имения Судаково, что в 8 верстах от

Ясной Поляны. В 1870-е гг. стал хозяином Судакова. 14 августа 1864 г. Толстой писал М. Н. Толстой: «...был увезён нынче в Тулу по делам Арсеньева, которые мне очень надоедают» (61: 52). Будучи его опекуном, в 1850-е гг. Толстой хлопотал об устройстве Николая в петербургское Училище правоведения. В. В. Арсеньевой он писал в ноябре 1856 г.: «Посылаю вам программу о вступлении в подготовительный класс Правоведения. Там всё есть. <...> Заметьте, что Николеньке нужно для поступления выучиться читать и писать по-немецки, чего он, кажется, не знает» (60: 110). Факт его учёбы в Петербурге отражён в письме Т. А. Ёргольской к Толстому от 28 августа 1865 г. из Ясной Поляны: «Николай Арсеньев заезжал проститься со мной. Он наконец едет в Петербург, долго просидев здесь без дела...» (*Chère tante!* Переписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской. Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 237). Согласно тульским архивным документам, Н. В. Арсеньев поступил служить канцелярским служащим Тульского дворянского депутатского собрания, «не окончивши курса наук из пятого класса <...> училища» (курс был шестилетний), весной 1874 г. был произведён в коллежские регистраторы, а в июне 1874 г. был уволен от службы «по домашним обстоятельствам». По завещанию его родственника Н. В. Киреевского Николай получил в 1870 г. имения и земли в Тульской и Пензенской губ., а также село Петрово в Орловской губ. Оно находилось рядом с имением Юшково, принадлежавшим дяде И. С. Тургенева Н. Н. Тургеневу. На его старшей дочери Варваре Николаевне Николай женился в 1872 г. (после смерти его первой жены). Семья постоянно жила в Судакове; здесь родились три сына и три дочери Арсеньевых. (Дочери умерли в детском возрасте в 1878 г.). В. Н. Арсеньева приходилась двоюродной сестрой И. С. Тургеневу. Крестить младшего сына Александра Арсеньевы пригласили Тургенева (это было в год последнего приезда писателя на родину). Крещение состоялось в церкви села Прудного в семи верстах от Судакова 4 августа 1881 г. В 1886 г. Н. В. Арсеньев – депутат дворянства Тульской губ., в 1898–1900 гг. – председатель Тульской дворянской опеки.

В 1891 г. супруги Арсеньевы были разведены. Сыновья с матерью в 1894 г. уехали в Сестрорецк, куда был назначен второй муж Варвары Николаевны – известный изобретатель стрелкового оружия С. И. Мосин. (Отец Мосина служил управляющим имения у Арсеньевых). Впоследствии Н. В. Арсеньев разорился, он провёл последние годы и умер в Туле, где был похо-

ронен на Всехсвятском кладбище. Судаково Н. В. Арсеньев продал В. Н. Шеншину. Усадьба не сохранилась: земли купило Бельгийское общество, которое строило вблизи чугунолитейный завод.

Лит.: Сафонова О. Ю. Толстой и Тургенев в Судакове // *ЯП. сб.* 1998; Сафонова О. Ю. Знакомый И. С. Тургенева – Н. В. Арсеньев // *Спасский вестник.* Вып. № 11. 2004.

Т. Н. Архангельская

АРТЁМЕНКО Макарий Исидорович (даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого; старик-крестьянин из Чигиринского уезда Киевской губ. Одно время жил в станице Котляревской Терской области. Самобытный, неординарный («здоровенный хохол» – 73: 32) и остро чувствующий чужую боль, Артёмenco говорил, что «не имеет покою ни днём, ни ночью видеть своими глазами и слышать дела беззакония» (*ОР ГМТ*). Он считал, что если все цари земные заменят злое правление добрым, зло исчезнет с лица земли, потому пытался обращаться к царям, подавая им прошения. Этим он тронул сердце Толстого. «Какой хороший киевский старик, подающий прошения, – писал Толстой, отвечая на письмо В. И. Скороходова, из которого узнал об Артёмenco. – Этими людьми мир стоит. Он так решительно хочет уничтожить зло – ковшем море вычерпать, что зло испугается» (73: 31–32). 29 мая 1901 г. Толстой ответил на письмо Артёмenco, в котором тот просил писателя утешить его советом: «Любезный брат Макарий Исидорович, я про вас слышал и слышал про то, что вы хотите через царя и вообще через людей предоставить спасение людям. А я полагаю, что Царствие Божие внутри нас и что каждому из нас надо только по мере сил перед Богом и для Бога исполнять его волю. А устроит людей сам Бог, когда и как он знает» (73: 82). Знакомство, хотя и заочное, с Артёмenco отголоском прозвучало в 16-й главе статьи «Что такое религия и в чём сущность её?», где Толстой упоминал о «старичке», одном из «многих русских религиозных реформаторов из народа», которых он знал, «начиная с Сютеева и кончая старичком, уже 5 раз подававшим прошение государю о том, чтобы он приказал отменить ложную религию и проповедовать истинное христианство» (35: 195).

Е. В. Бойцова

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Иванович (псевд. А. Буков, Бука; 1857–1906) – последователь Толстого, его посетитель, корреспондент и адресат; ветеринарный

фельдшер; с 1895 г. жил в городе Бронницы Московской губ. Автор нескольких книг, высоко оценённых Толстым. Некоторые мысли Архангельского помещены в «Круг чтения». 18 мая 1895 г. посетил Ясную Поляну (53: 32), летом написал И. И. Горбунову-Посадову, тот показал письмо Толстому. 29 августа 1895 г. Толстой послал письмо Архангельскому – так завязалась переписка. 4–5 января 1897 г. писатель читал в рукописи работу Архангельского «Кому служить?». Через несколько лет отрывки из неё за подписью Бука Толстой поместил в «Круге чтения». Много позднее, уже после смерти Архангельского, Толстой рассказывал о нём: «Глубокое религиозное чувство и приложение к делу убеждений. Всегда весёлость, улыбающееся лицо... Бросил службу ветеринара... Он был сын дьячка Вятской губернии». М. А. Шмидт, гостившая в тот день в Ясной Поляне, добавила: «Сколько ремёсел он знал и всеми жил!» (ЯПЗ. 2. С. 266). В другой раз Толстой говорил, «кто такой был Архангельский, написавший “Кому служить?”. Служил ветеринарным фельдшером в земстве (где получал 100 р. месячного жалованья). Требовали от него, чтобы распоряжался скотом крестьян, Он отказался от места и стал приделывать к чайникам носики, этим кормился, потом часы чинил» (ЯПЗ. 2. С. 504–505).

Толстой читал книги Архангельского и соглашался с тем, что его книгу «Общедоступный часовщик» можно назвать «классической». Другая его книга, «Кому служить?», впервые опубликована по-русски в 1911 г. в Бургасе (Болгария) издательством «Возрождение» и посвящена Толстому: «Великому старцу, любимому учителю и руководителю в этом труде Льву Николаевичу Толстому посвящает благодарный автор». К книге «Кому служить?» в качестве вступительного слова приведено письмо Толстого от 5 января 1897 г. с подписью: «Ваш друг и брат Лев Толстой». И Р. С.: «Подействовала на меня и будет сильно действовать ваша статья потому, что она не сочинена, а выболела из сердца, из жизни» (70: 12). В книге «Кому служить?» Архангельский писал: «...мне посчастливилось познакомиться с сочинениями Льва Николаевича Толстого, а через них узнать истинный смысл христианства...» (с. 9). «И эти коварные, сатанинско-коварно устроенные, так называемые косвенные налоги, <...> чего бы ни купил, непременно платить известную долю в пользу казны, государства, в пользу суда, полиции, тюрьмы, солдатчины и всех хитрых и страшных выдумок для человекоубийства, в пользу всех самых

злейших зол, какие только известны человеку. <...> И при всём этом проповедь о непротивлении злу. Господи! уж правда ли, не насмешка ли?» (с. 23).

31 октября 1904 г. книгу Архангельского «Кому служить?» (в рукописи) читали вслух в Ясной Поляне. Д. П. Маковицкий в тот день записал: «Л. Н. читал больше часа, а затем другие – ещё час читали “Кому служить?” Архангельского. – Люблю вслух читать сочинения, о которых хочу создать себе представление, какое впечатление они произведут на других, – сказал Л. Н. – Переношусь в слушателей, замечая, ясно ли им, следят ли, не скучно ли им. Некоторые места у Архангельского были растянуты, много метафизики, я сокращал. Много хорошего, искренно и горячо написано, язык прекрасный. Архангельский лучше Эмерсона. Его мысль та, что насилие, которым хотим установить благоустройство (извне на людей действовать), портит людей. <...> В каждом человеке есть Божественное начало, действуйте на это» (ЯПЗ. 1. С. 101).

21 февраля 1906 г. «Л. Н. принёс письмо Архангельского, прочёл его вслух. Он пишет, что обращение народа к правительству за помощью – это то же, как если бы изнутри напирать на дверь, которая открывается внутрь. Надо отступить назад, потянуть на себя – и тогда всё просто сделается» (ЯПЗ. 2. С. 56). Сравнение с закрытой дверью Архангельский заимствовал в трактате Толстого «В чём моя вера?» (23: 401). 11 августа 1906 г. на замечание Меньшикова, что у Архангельского «мысли и язык хороши, но жаль, что у него нет стремления проповедовать», Толстой заметил: «Это хорошее свойство. – Потом рассказал, шутя, что у Архангельского жена франтиха. Архангельский начал с того, что её бархатные шляпки употребил для переплёта “В чём моя вера?” и других. Изящно переписал и переплёл» (ЯПЗ. 2. С. 204).

Архангельский долго и тяжело болел, но этого не знали, а потому смерть его оказалась всем неожиданной. 13 октября 1906 г. Маковицкий написал в своей тетради: «Дней 14 тому назад умер в Бронницах Архангельский. Никто из нас не знал о том, что он тяжело, опасно болен. Его жена не написала, не посмела. Он был строгий человек, не любил людей беспокоить. Вдруг они придут, а он поправился» (ЯПЗ. 2. С. 266). «Очень духовный человек был», – говорил об Архангельском Толстой (ЯПЗ. 2. С. 505).

Е. Ю. Хомякова

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Андрей Дмитриевич (1879–1940) – учитель младших детей Толстого, жил в семье писателя в Ясной По-

ляне, переписчик романа «Воскресение». Впоследствии крупный геолог, палеонтолог, создатель научной школы тектонистов, академик. Родился в Рязани в дворянской семье. Его отец служил в Казённой палате и земстве Рязанской губ., мать была акушеркой. В 1898 г. окончил рязанскую гимназию с золотой медалью и поступил в Московский университет на физико-математический факультет. В связи с начавшимися студенческими волнениями был выслан из Москвы, оказался в Ясной Поляне в качестве учителя младших детей писателя – Михаила и Александры. С 1899 г. проживал в Ясной Поляне, занимаясь с «ленивым» Мишей, «не ходившим в лицей», о чём с болью писала Софья Андреевна (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 529). Позже она сообщала о том, что «Миша поступил в лицейский пансион, чтоб обуздать себя» (там же. С. 538), но «задумывал уйти, не доучившись, из лицея и жениться» (там же. С. 543). С целью обуздания «распущенности» сына и был приглашён в Ясную Поляну бывший студент Московского университета, о чём Толстой писал дочери Тане 25 мая 1899 г.: «У нас всё ни хорошо и ни дурно. <...> Учитель Мишин приятный, простой мальчик тут, но Миша плохо пользуется им» (72: 123–124). Тем не менее сыну удалось выдержать в лицее переэкзаменовку и перейти в седьмой класс.

Для самого Архангельского, нечаянно оказавшегося в Ясной Поляне, в высшей степени интересным и захватывающим стало его участие в работе с рукописями и корректурами романа «Воскресение». Он вошёл в группу переписчиков рукописей Толстого вместе с Н. Н. Ге-младшим, О. К. Толстой, Ю. И. Игумновой, М. В. Булыгиным (33: 459–461). В это время шла энергичная работа над последней частью «Воскресения», которая уже была напечатана в корректурах, присылавшихся в Ясную Поляну, и коренным образом пересматривалась автором. Роман разрастался: вместо шести глав стало двадцать восемь. Пафос труда, с которым работала команда переписчиков, не прошёл даром для Архангельского, помог ему в будущем не бояться сложностей, научил их преодолевать. Осенью 1899 г. он был восстановлен студентом Московского университета, окончил его в 1904 г., занимаясь кроме научной деятельности ещё и общественно-педагогической, став крупным деятелем не только в сфере геологии и палеонтологии, но и в сфере высшего образования и научного издательства. Академик А. Д. Архангельский похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Н. А. Никитина

АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (1878–1927) – писатель. С творчеством Арцыбашева Толстой познакомился в конце 1904 г. В один из декабрьских вечеров он попросил прочесть вслух повесть «Смерть Ланде», только что опубликованную в журнале «Жизнь для всех». Главным в его неоднозначной оценке этой повести был вопрос об искренности пишущего. Сам Арцыбашев считал «Смерть Ланде» своим лучшим произведением.

В романе «Санин» (1907) ««омертвлению» морали, выродившейся в запреты, калечащие, по мысли Арцыбашева, главным образом чувственную сферу человека, противопоставлялось право личности на мгновенное удовлетворение желаний, которое в своём логическом развитии вело к отрицанию нравственных норм, истории (отождествлённой в романе с историческим христианством) и всех видов общественной активности». (Лепёхин М. П., Чанцев А. В. Арцыбашев Михаил Петрович // Русские писатели. Т. 1. М., 1989. С. 114).

В феврале 1908 г. в Ясную Поляну пришло письмо от 18-летнего М. М. Докшицкого, сообщавшего, что в Санине, герое одноимённого романа, он нашёл свой идеал. Однако затем прочёл Толстого и теперь спрашивал у него, что лучше для человека, находящегося в поиске смысла жизни: «санинство или христианское учение» (78: 59)? Толстой тут же разыскал и прочёл названный роман в его первой журнальной публикации («Современный мир», 1907) и в ответном письме не без раздражения указал, что его автор «не имеет ни малейшего понятия о всей работе лучших душ и умов человечества по разрешению вопросов жизни, которых он не только не решает, но не имеет даже понятия о их разрешении» (78: 59). И романист, и его герой были подвергнуты резкой критике, к их свойствам были отнесены «глупость, невежество и самоуверенность» (78: 58). Толстой писал об авторе романа, что «никак не мог подавить недоброго чувства к нему за то зло, которое он сделал многим людям» (78: 58–59). Свой ответ Докшицкому он произнёс в фонограф «скорбным и волнуемым голосом» (Гусев Н. Н. Отметки Л. Н. Толстого на томе рассказов М. Арцыбашева // *Летописи*. Кн. 2. С. 270). Об этом письме к нему Толстой вспомнил в 1910 г. при создании статьи «О безумии».

Писатель хорошо знал о шумихе вокруг романа «Санин», о его широкой популярности у молодёжи и во время яснополянских бесед не раз отрицательно высказывался по его поводу. «Ничего тут нового нет. Понижение человека до животного, это талантливо описано. Но нет более ду-

ховной жизни. Животная – довлеет себе» (ЯПЗ. 3. С. 351–352). Ту же мысль повторил он и московским студентам: «Арцыбашев своим “Саниным” думал открыть что-то новое. Публика поверила ему. Между тем, ещё в древности были эпикурейцы – Санины. Нового Арцыбашев ничего не сказал» (Студенты у Л. Н. Толстого // *Интервью*. С. 321).

М. А. Стахович прислал Толстому первый том сочинений Арцыбашева, вышедший в 1908 г. Прочитав его, в начале февраля 1909 г. Толстой отметил: молодой писатель талантлив и содержателен, самобытен в своих мыслях. И он поставил Арцыбашева «несравненно выше» Л. Андреева и М. Горького, а рассказ «Кровь» назвал прекрасным. Позднее этот рассказ Толстой рекомендовал И. Перперу для публикации в его журнале «Вегетарианское обозрение». В письме к Стаховичу 5 февраля 1909 г. Толстой высоко оценил и др. рассказы писателя («Подпрапорщик Гололобов», «Смех», «Бунт»). Оценка эта выделялась на фоне современной критики, отмечавшей в качестве протестных против общественных отношений рассказы «Куприян», «Бунт», «Ужас», но рассказы «Подпрапорщик Гололобов» и «Смех» были обойдены вниманием. Именно эти два рассказа, в понимании Арцыбашева, были выражением его философии бессмысленности жизни перед лицом небытия.

Для Толстого создатель заинтересовавших его рассказов оставался одним из современных самоуверенных авторов, которым свойственно писать, не учитывая наследия великих мыслителей прошлого. К тому же молодой писатель отличался «неблаговоспитанной литературной небрежностью, в особенности в описаниях природы» (57: 20). Рассказ «Куприян», по мнению Толстого, «страдает небрежностью описаний того, чего не знает автор» (*там же*). Имея в виду прозу Арцыбашева, писатель подчеркнул, что «неряшливость работы мешает художественному впечатлению – единственному оправданию художественного произведения» (ЯПЗ. 3. С. 319).

Первый том рассказов писателя хранит толстовские заметки и оценки в баллах: от нуля до пяти с плюсом. Почти весь рассказ «Смех» был размечен Толстым. Рассуждение сумасшедшего из этого рассказа («Удивительно, что люди, постоянно думая о смерти, боясь её до умопомрачения, единственно на страхе смерти основав всю свою культуру, так прилично относятся к этому вопросу <...> они – сумасшедшие или просто дураки, если могут перед такой штукой ещё приличия соблюдать!») было

оценено на 5+. На полях Толстой заметил: «Вот на это-то и отвечает не фиктивно, а прямо и ясно – религия» (Гусев Н. Н. Отметки Л. Н. Толстого на томе рассказов М. Арцыбашева // *Летописи*. Кн. 2. С. 273). Размечен был и рассказ «Бунт». Толстой невысоко оценил рассказ «Жена», рядом с предложением, завершающим его, он пометил: «Глупо» (*там же*. С. 275). Рассказ «Ужас» не заинтересовал писателя.

Арцыбашев воспринял уход Толстого из Ясной Поляны в 1910 г. как бегство: Толстой покинул её не как подвижник, а «как смертельно замученный человек» (Арцыбашев М. О Толстом // Арцыбашев М. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 691). К общественным настроениям, вызванным смертью Толстого, писатель отнёсся негативно: многие современники, кричащие о своих глубоких переживаниях в связи с этим, продолжали жить по-прежнему, вне толстовских заповедей. И в этом случае, по мнению писавшего, правильнее сказать, что для этих людей не совестью был Толстой, а её «упрёком» (*там же*. С. 693).

Вскоре после смерти Толстого Арцыбашев написал, какое место занимал писатель в его творчестве и жизни: «Я любил Толстого. В самом дорогом для меня – в литературе я принял Толстого как единственного учителя, а в личной жизни прошёл сквозь полосу исповедания его веры. Как художник, я и до конца дней своих буду продолжателем его школы, Богом которой была искренность, а как человек хотя и отделился от него, чтобы жить по-своему, но сохранил в душе многое от него» (Арцыбашев М. Отрывок письма о Толстом // *Наши дни*. 1911. Кн. 1. С. 7). Позднее он повторил: «В моей жизни он сыграл слишком большую роль, чтобы я не чувствовал к нему благодарности и не жалел бы его» (Арцыбашев М. О Толстом. С. 686). Однако талант Достоевского он поставил выше. Арцыбашев дал невысокую оценку Толстому как философу и моралисту: «Как мыслителю, если под этим словом подразумевать человека, нашего мысля, принёсшего новое откровение, Толстому цена – грош. <...> Мораль его была неосуществима, он сам не мог с ней ужиться, и не потому, что был слаб, как пытался оправдаться, а потому, что этого и нельзя было сделать» (*там же*. С. 690). Вместе с тем, по мысли Арцыбашева, Толстой «стал выше своих современников, приблизившись к Христу и Будде» (*там же*. С. 692). Он был «одним из величайших людей», обладал «грандиозным опытом жизни», и память о его жизни и смерти «останется вечно» (*там же*.

С. 696). Жизнь и творчество Толстого – высокое и одновременно мучительное событие для человечества: «Человек с могучим талантом, с долгой и богатой жизнью, с разумом острым, вместе богатырь и пленник жизни, он был таким, что в нём всякий находил частицу себя, или, вернее, – в частице его находил всего себя, и невольно, с тайным волнением, прислушивался и присматривался к нему» (там же. С. 695–696).

В последнем романе Арцыбашева «У последней черты» (1910–1912) современники отмечали переключки с творчеством Достоевского, Толстого и Чехова.

Лит.: Гусев Н. Н. Отметки Л. Н. Толстого на томе рассказов М. Арцыбашева // *Летописи*. Кн. 2. С. 270–276.

Н. Г. Михновец

АРЧЕР Герберт (Archer Herbert; даты жизни не установлены) – адресат и корреспондент Толстого; английский учитель, единомышленник английского переводчика и издателя сочинений Толстого Дж. Кенворти, сотрудник в издательстве В. Г. Черткова «Свободное слово», помогавший ему в деле переселения духоборов.

30 октября 1898 г., затрагивая в письме к С. А. Толстой тему оказания помощи духоборам, Толстой отметил: «У меня гости: Накашидзе И. П. и Archer, англичанин, живущий с Чертковым, привёз хорошие вести, т. е. разъяснения всего неясного. Чертков действует вполне хорошо. Archer очень хороший молодой человек» (84: 331). Эту встречу с Г. Арчером Толстой отразил в дневниковой записи 2 ноября 1898 г.: «Вчера был Archer, приехавший от Черткова, полюбил его» (53: 211) – и в письме от 1–2 (?) ноября 1898 г. к сестре А. К. Черткой О. К. Дитерихс: «Приписываю не о деле – о деле пишет Арчер, и всё, что он пишет, я одобряю...» (71: 480).

Арчер с самого начала заведовал делом издания в Европе переводов романа «Воскресение», который одновременно печатался в России и за границей на английском, французском и немецком языках, вёл переговоры с заграничными издателями, рассылал им отдельные части романа по мере получения их из России, советовался с Толстым. В письме от 12 (?) декабря 1898 г. Толстой отвечал Арчеру по поводу английского заглавия романа: «Заглавие ставьте, какое найдёте более удобным. <...> Жаль с вами расставаться и в письме и в Европе. Благодарю вас за ваши добрые чувства ко мне, а за труды ваши вам не нужно ничьей благодарности. С любовью думаю о вас» (71: 514). Работу Арче-

ра Толстой отметил в письме английскому переводчику Э. Мооду 12 января 1899 г.: «Archer в последнем письме пишет, что он разрешил издание in bookform <отдельной книгой – *англ.*> за две недели до выхода русского. Не может ли это повлечь за собой неприятности и неудовольствия французского или русского издателя?» (72: 28). Моод отвечал: «У меня нет специальных знаний, чтобы ответить на ваш вопрос. Я не вижу, каким образом появление английского перевода “Воскресения” в Америке, в виде книги, за две недели до окончания его напечатания в периодических изданиях в России или Франции, могло бы нанести какой-нибудь *реальный* ущерб русскому или французскому издателю. Но, конечно, это может дать им законное основание для заявления претензий. <...> Положение Арчера было очень трудно: пытаться получить деньги за издание переводов, не обеспечивая права собственности на них, похоже на то, как если бы делать кирпичи без соломы» (72: 30). В начале 1899 г. Арчер уехал в Канаду с целью помочь духоборам, где прожил несколько лет, и эту очень сложную работу с иностранными издателями взял на себя Чертков.

В письме Толстому от 5 сентября 1899 г. по поводу передачи денег духоборам Чертков так характеризовал Арчера: «Но есть лицо, а именно Archer, который и там, на месте, и неустанно хлопочет о духоборах, устроив им большой заём, и сам по себе человек замечательно осторожный, сознательный и практический, понимающий хорошо все усложнения и соблазны (со стороны денег), в которых сейчас находятся духоборы. Он постоянно предупреждает об опасности посылать деньги произвольно и не туда, куда следует, и, сам держа в руках все нити дела и зная, насколько можно доверять представителям местного правительства, является как раз тем лицом, которому следовало бы направлять все деньги. Он остаётся там на неопределённое время» (72: 234).

Толстой отправил в Канаду на имя правительственного агента по иммиграции г. Мак-Крири на нужды духоборов 10 000 рублей. Сумма эта составила из дополнительного гонорара за «Воскресение» и пожертвований. «Милостивый государь, – обращался Толстой к Мак-Крири. – Вы сделаете мне большое одолжение, переслав прилагаемые деньги Артуру Син-Джону. В случае, если А. Син-Джон откажется принять деньги, передайте их, пожалуйста, Герберту Арчеру или Сулержицкому. Деньги предназначаются для распределения среди духоборов. Преданный вам Лев

Толстой» (72: 233). Деньги Толстого были переданы в распоряжение духовоборческого комитета.

В январе 1910 г. в Ясной Поляне гостила английская художница М. Шанкс; она «разговаривалась про своего друга Г. Арчера, ко-

торый живёт среди духовоборов – собственников земли, учит детей английскому языку и грамоте и состоит посредником между духовоборами и соседями, английскими фермерами» (ЯПЗ. 4. С. 170).

О. В. Гладун

Б

БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Дмитрий Николаевич (1788–1850) – русский историк, писатель, археограф, собиратель древностей. Сын известного археографа и управляющего Московского архива Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменского. Под началом отца служил в Коллегии иностранных дел. Губернатор Тобольской (1825–1828), а затем Виленской губ. Автор «Истории Малой России: в 4-х частях» (1822–1830), «Словаря достопамятных людей русской земли: в 8 томах» (1836–1847), содержащего свыше 500 биографий, и «Биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (1840–1841), а также исторического романа «Княжна Мария Меншикова» (1833).

Толстой использовал труды Бантыш-Каменского, прежде всего «Словарь достопамятных людей» и «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», собирая материал для романа об эпохе Петра I. В записной книжке 12 января 1873 г. он наметил источники, особенно информативные для исследования первой четверти XVIII в.: «Гордон, Устрялов, Печкарский, Посошков, Бантыш-Каменский». (48: 95). Тогда же писатель начал просматривать эти книги. Раздел «Приближённые Петра» в «Материалах к роману времён Петра I» представляет собой выписки из «Истории России» С. М. Соловьёва и книг Бантыш-Каменского. При этом Толстого интересовали даже малейшие детали. Так, сопоставляя информацию из трудов Соловьёва и Бантыш-Каменского, он записал: «В Кёнигсберге Пётр плясал по-русски с курфюрстиной Бранденбургской». И далее пометил: «у Бантыша-Каменского – в Коппенбригге» (17: 408). О характере Шафирова Толстой заметил, что Соловьёв,

оценивая его, употреблял слова «язык, знание, цепкость», тогда как Бантыш-Каменский считал его «ловким».

Е. М. Болтунова

БАРГЕН Исаак И. (Bergen; 1857–1943) – корреспондент и адресат Толстого; меннонит, профессор, долгое время служил окружным надзирателем, попечителем школ округа Cottonwood в Маунтен Лэксштата Миннесота в США. В письме 2 января 1892 г. сообщал Толстому о том, что послал телеграфом деньги (200 долларов), собранные членами воскресной школы (выходцами из России) и предназначенные для фонда содействия голодающим России. В ответ Толстой писал из Москвы Баргену 14...22 января: «...мы глубоко благодарны за ту обильную помощь, которая приходит из вашей страны, и позвольте мне просить вас передать мою сердечную благодарность тем членам вашей воскресной школы, которые так щедро содействовали нашему фонду голодающих» (66: 141–142). 30 мая 1892 г., желая знать, дошли ли деньги по адресу и как «ими распорядились» (*Толстой и США*. С. 671), Барген направил второе письмо Толстому (оба письма Баргена сохранились в *ОР ГМТ*). Толстой на обороте листа с письмом собственноручно написал, что «деньги получены вовремя и очень быстро» (видимо, конспект для ответа Баргену). Когда был послан ответ, неизвестно.

Н. П. Великанова

БАРДИНА Софья Илларионовна (1853–1883) – поэтесса, революционерка. В 1871–1873 г. студентка медицинского факультета Цюрихского университета. Вернувшись в 1874 г. в Россию, вела нелегальную революционную пропаганду среди рабочих,

в Петербурге снимала общую конспиративную квартиру. В 1875 г. её арестовали и в 1877 г. судили по «процессу 50-ти», «по обвинению в составлении и в участии в противозаконном обществе и в распространении книг, имевших целью возбуждение бунта» (Гусев. Материалы. 4. С. 307). На суде выступила с большой речью о причинах и целях революционного движения. Эта речь распространялась в рукописи и была напечатана в журнале «Вперёд» (1877, т. 5), позднее неоднократно перепечатывалась. Приговорена к 9 годам каторги, со временем заменённой ссылкой на поселение в Ишим Тобольской губ. В 1880 г. бежала за границу, там в 1883 г. покончила жизнь самоубийством. За границей после смерти Бардиной был издан сборник её стихотворений.

17 апреля 1884 г. А. В. Дмоховская принесла Толстому нелегальные рукописи народовольцев, среди них оказались стихотворения Бардиной, которые, как записал Толстой в дневнике, тронули его «до слёз». И дальше он рассуждал: «Всё это мне становится ясно. Они играли в революцию, верили, что они преступники и враги, всё *regnaient au mot* брали на слово. — *фр.*». Из них ясно выделяются организаторы убийств — это то же, что жандармы и палачи по отношению к честным консерваторам» (дневник 17/29 апреля 1884 г. — 49: 83). Сочинения Бардиной (1876–1877 гг.), напечатанные и рукописные, ещё при её жизни широко распространялись за границей. Наиболее известны два стихотворения: «Две соседки» и «Суд нынче мог бы хоть с балетом...» (сочинение без заглавия); вот первые два четверостишия:

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели...
Нам было лестно состраданье
Прочсть у них на лицах к нам...
Мне даже слышалось рыданье
Из отделения для дам...

Стихотворения Бардиной в наше время были напечатаны в сборнике «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» (Л., 1959). Рассказав о Бардиной, Н. Н. Гусев привёл поправку: «По новейшим разысканиям, из шести стихотворений, приписывавшихся Бардиной, четыре написаны поэтом-адвокатом А. Л. Боровиковским, а два — «К матери» и «Две соседки» — возможно, написаны Бардиной. — Е. Бушканец. Мнимые стихотворения Софьи Бардиной. — «Русская литература». 1961. № 2. С. 170)» (Гусев. Материалы. 4. С. 308).

Упоминается в черновиках «Воскресения» (Марья Павловна «сошлась с Бардиной»; первоначально: «со знаменитой Бардиной» — 33: 282, 284).

Н. И. Бунашёва

БАРИН Арвед (наст. имя: Венсан (Vincens) Сесиль, рожд. Буфе; 1840–1908) — французская писательница, автор исторических этюдов, литературных биографий, журналистка, переводчица, критик. Автор исторических монографий о XVII в., Людовике XIV и великой мадмуазель (Анна де Монпасье), историко-литературных этюдов о Франциске Ассизском, Шарле Перро, Альфреде Мюссе. Особенно выдаются её «литературные портреты» в «Portraits des femmes, princesses et grandes dames» («Портреты женщин, принцесс и знатных дам»). Кавалер ордена Почётного легиона. В 1890 г. Барин получила премию Французской Академии. Последовательница Тэна, она применяла социологический анализ. Так, в «Les contes de Perrault» показано, как преломляются быт и воззрения буржуа XVII в. сквозь призму традиционных сказочных типов («Кот в сапогах», «Золушка» и т. п.). Барин сотрудничала во многих известных парижских газетах и журналах: «Figaro», «Journal des Débats», «Revue bleue», «Revue des Deux Mondes» и др. — и принадлежала к кругу интеллектуалов своего времени. В 1891 г. опубликовала биографию Бернардена де Сен-Пьера; книга сохранилась в ЯЛБ: «Bernardin de Saint-Pierre» (Paris: Hachette et Cie, 1891). Книготорговая наклейка фирмы «W. G. Gautier libraire à Moscou» позволяет предположить, что она была приобретена в Москве.

Барин интересовалась иностранной литературой и знала английский, немецкий, итальянский и русский языки. Её литературная карьера началась в 1872 г. переводом с английского языка книги Н. Ваггу «La Russie contemporaine» («Современная Россия», 1872).

Когда в 1884 г. во влиятельном французском журнале «Revue des Deux Mondes» (№ 7) появилась статья де Вогюе «Граф Толстой», многие парижские издатели были весьма заинтересованы в переводах на французский язык произведений Толстого. В 1887 г. в переводе Барин вышла трилогия Толстого: «Tolstoï Léon. Souvenirs: Enfance, adolescence, jeunesse» (Paris: Hachette, 1887). До этого переводчица около полугода в 1885 г. переписывалась с директором журнала «Revue bleue» Е. Юнгом, редактором газеты «Journal des Débats», журнала «Revue bleue» и его коллегами по поводу переводов Толстого, который «*теперь в моде*».

11 ноября 1885 г. Юнг всё ещё раздумывал, какое произведение Толстого переводить: трилогию или «Казак». Наконец он принял решение и обсуждал с А. Барин тонкости перевода заглавия: «Думаю, что “Детство” стоит оставить в заглавии, просто как подзаголовок, так как “Воспоминания моего детства” – это слишком громоздко» (BNF, département des Manuscrits. NAF 18349: Arvède Barine: Lettres reçues. F. 292–293). Читая «Детство» в гранках, Е. Юнг 20 декабря 1885 г. не смог удержаться от похвалы: «“Детство” мне показалось превосходным. Очень много тонких психологических замечаний, которые русские писатели представляют <...> весьма естественно» (*там же*. F. 296–297).

Перевод Арвед Барин трилогии Толстого был в числе лучших. По данным Национальной библиотеки Франции, с 1887 по 1913 гг. трилогия «Детство. Отрочество. Юность» Толстого в её переводе выдержала девять факсимильных изданий.

В 1894 г. в письме от 6 апреля Шарль Саломон прислал Толстому вырезку из газеты «Journal des Débats» (27 марта 1894) статьи А. Барин «Un Abécédaire de Tolstoï» («“Азбука” Толстого»). Статья написана в связи с новым изданием «Азбуки» во французском переводе. Автор, ошибочно приняв «Азбуку» за новое произведение Толстого, находила, что Толстой в своих рассказах для детей проводит «очень шаткую» мораль и что книжка «противоречит самому духу учения Толстого», так как в рассказах нет ничего общего с христианской нравственностью. В ответ на статью А. Барин Толстой писал в апреле 1894 г. Ш. Саломону: «Article Arvède Barine очень дурной, потому что вполне лживый, и, как я ни люблю газетные заявления, я бы был вам очень благодарен, если бы вы поместили в какой-нибудь французской газете, переводя, мои следующие несколько слов: “Рассуждения г. Арвед Барин, напечатанные в ... о том, как вследствие неприложимости к жизни христианского учения нравственности, я, для того чтобы быть доступным детям, должен был в своей азбуке отступить от духа этого учения и проповедовать в детских рассказах мораль языческую, – рассуждения эти очень тонки и остроумны, но, к сожалению, совершенно неприложимы к настоящему случаю, так как рассказы, помещённые в азбуке, написаны мною не 18 месяцев тому назад, как это пишет г. Арвед Барин, а 27 лет тому назад, тогда, когда христианское учение мне было совершенно чуждо, и я руководился в выборе рассказов для азбуки только их понятностью и интересом для детей”» (67: 98–99).

Написанное Толстым возражение против статьи А. Барин было напечатано в переводе Саломона в «Journal des Débats» 3 мая 1894 г. Здесь же печаталось и ответное письмо А. Barine, признавшей ошибочность своего утверждения о появлении «нового» произведения Толстого, противоречащего его мирозерцанию.

Из произведений А. Барин Толстой читал в 1889 г. в «Revue des deux mondes» (15 février 1889) «Mémoires d'une Princesse arabe» («Мемуары арабской принцессы»).

В начале XX в. имя Арвед Барин было совершенно забыто.

Лит.: Полосина А. Н. Переводы трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» на французский язык (по архивным материалам) // *ЯП. сб.* 2004. Тула. 2004. С. 233–242.

А. Н. Полосина

БАСКИН-СЕРЕДИНСКИЙ Самуил Захарович (1851–?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Журналист, поэт. С 1906 по 1909 гг. пять раз приезжал в Ясную Поляну и четыре раза встречался с Толстым (один раз, во время болезни Толстого, общался с Чертковым). Впервые приехал к Толстому 9 апреля 1906 г.: «Перед обедом пришёл киевский журналист, стихотворец, талмудист Баскин-Серединский. Спрашивал Л. Н. о непротавлении злу, декадентстве, говорил о Талмуде. Читал ему свои стихи. Просил автограф на портрете. Принёс два экземпляра роскошного издания книги стихотворений Ратгауза. Л. Н. пробыл с ним около часу» (*ЯПЗ.* 2. С. 103). Толстой одобрительно отозвался о прослушанных стихах: «На днях был здесь лирик-старик <...>. Я, – сказал Л. Н. иронически, – очень люблю стихи и особенно стихи евреев. Но у него талант» (*там же*. С. 107).

Через два дня после посещения Баскина-Серединского в разговоре об отношении евреев к своей вере Толстой выделил три разряда евреев: «первый – <...> евреи, не отступающие от своей религии и верующие, берущие из Талмуда нравственное учение. Второй разряд – атеисты – евреи, которые отстали от еврейства, не пристали к христианству <...>. Третий – космополиты, для которых все люди равны...» О Баскине-Серединском Толстой заметил: «Но хоть к этому (космополитизму) надо стремиться евреям, отходящим от Талмуда и не пристающим к христианству. Баскин-Серединский мог бы быть таким» (*там же*. С. 104).

Через полгода, 7 ноября 1906 г., журналист из Киева вновь приехал в Ясную Поляну. Он передал Толстому письмо-просьбу

о встрече и газету «Киевская жизнь», где были напечатаны его стихи. Толстой их прочёл: «...стихи у него хороши <...>, но они неважны, как вообще стихи...» (*там же*. С. 295). При личной встрече с Толстым Баскин-Серединский «просил рекомендовать его в редакцию заведующим отделом критики или каким-нибудь подобным. Л. Н. дал ему письмо к Стасюлевичу» (*там же*. С. 295). После ухода посетителя Толстой отозвался о нём: «Типичный еврей <...>. Говорили о Талмуде, о кабале» (*там же*. С. 295).

Сведений о ещё одном посещении Баскиным-Серединским Толстого не сохранилось, однако 3 декабря 1907 г. Маковицкий записал разговор о назойливых посетителях: «Баскин-Серединский приезжал три раза к Л. Н. затем, чтобы ему дали рекомендательные письма в редакции, в том числе и в «Русские ведомости», с просьбой поручить ему литературно-критический отдел». Толстой отреагировал: «Есть люди, которые не думают о других (т. е., не тяжёлы ли они другим)» (*там же*. С. 579).

Тем не менее просьба Баскина-Серединского была исполнена, рекомендации даны, но, видимо, они были использованы иначе. Как свидетельствует Маковицкий, 7 февраля 1907 г. Толстого возмутила опубликованная в «Русских ведомостях» рецензия на стихотворения Д. М. Ратгауза с несуществующим откликом на них Толстого. Автором заметки, подписанной псевдонимом «Ю. В.», Толстой посчитал Баскина-Серединского: «Помните, <...> здесь был три раза еврей-поэт. Сегодня в «Русских ведомостях» в библиографических заметках пишет о стихотворениях Ратгауза, своего друга, — он привёз мне его роскошно изданную книгу стихотворений, — что я считаю его (Ратгауза) одним из самых видных русских поэтов нашего времени. Эх!.. Я ему дал карточку (настаивал, три раза приезжал, чтобы Л. Н. рекомендовал его в критики в газету)» (*там же*. С. 369). Однако не исключено, что автором заметки был не Баскин-Серединский, а Ю. А. Веселовский, печатавшийся под псевдонимом «Ю. В.». Толстой намеревался выступить с опровержением — сохранился черновик письма писателя в редакцию «Русских ведомостей», написанный не позднее 2 марта 1907 г.: «Никогда никакого мнения не заявлял о стихотворениях Ратгауза» (77: 46).

В феврале 1908 г. Баскин-Серединский вновь приехал в Ясную Поляну, остановился в деревне и в тот же день писал Толстому, просил разрешение прийти к нему для личной беседы. К письму он приложил начало своей поэмы «Грядущий пророк». Толстой ответил: «Стихи того отрывка, который вы

прислали мне, очень слабы, и я не советовал бы вам заниматься стихотворством. Очень сожалею, что должен сказать вам это. Я и вообще очень занят и слаб, нынче же чувствую себя совсем нездоровым и потому не могу принять вас. Пожалуйста, извините меня» (29 февраля 1908 г.; 78: 76).

17 февраля 1909 г. Баскин-Серединский в последний раз посетил Толстого: «Л. Н. побеседовал с ним внизу. — Зачем приходил? Л. Н.: Хочет, чтобы я его похвалил» (*ЯПЗ*. 3. С. 334).

А. Р. Боковня

БАТАШЁВ Александр Степанович (1848–1912) — корреспондент и адресат Толстого; тульский миллионер, старообрядец, владелец самоварной фабрики, меценат; отличался экстравагантностью, был склонен к употреблению спиртных напитков и «диким» поступкам. Толстой рассказывал об эксцентричном Баташёве, имевшем два миллиона, из которых семьсот тысяч он отдал на благотворительные цели. Этим миллионер очень гордился, как и тем, что он старообрядец. Писатель удивлялся невежеству Баташёвых, особенно тому, что, будучи старообрядцами, они предаются разгулу и пьянству, хотя для старообрядцев подобное поведение недопустимо. «До чего они невежественны, — удивлялся Л. Н., — они старообрядцы, вместе с тем пьют и курят, и социалисты-революционеры. Думают, что будет лучше от этих убийств. Когда я им сказал, чтобы читали Евангелие, ответили, что «ваше» (то есть православное) Евангелие читать нельзя, оно испорченное. Нужно читать только «наше», с замечаниями Иосифа. В православном пишется Иисус вместо Иус. А сказано: кто прибавит или отнимет одну букву из Святого Писания, — анафема» (*ЯПЗ*. 2. С. 27).

Толстой помнил, как однажды он встретил на Киевском шоссе Баташёва, который воскликнул: «Вот он, человек! С фонарём ищу человека, вот он один, которому поклоняться надо!» А проехав дальше, обернулся и прокричал: «Чтоб тебе ни дна, ни покрышки не было!» (*ЯПЗ*. 2. С. 27). Однако, несмотря на свой дикий нрав, Баташёв выделил из своих двух миллионов 700 тысяч рублей на осуществление полезных дел: на устройство приюта для юных преступников дал дом, землю и 30 тысяч. Этот приют посетили Толстой и Н. В. Давыдов.

В 1907 г. в «Тульском вестнике» была описана экспроприация на баташёвской фабрике самоваров, был «убит мастеровой и ранен директор фабрики Занфтлебен. Л. Н.: Полная распушенность; духовного, нравственного удержу нет, который объе-

диняет людей. Это, что происходит, верный эксперимент. Когда нет нравственного начала, никакие полицейские не могут сдерживать людей» (ЯПЗ. 2. С. 365).

В 1908 г. в доме Толстого, в «секретарской» комнате, над диваном появились два пейзажа неизвестного художника (копии с открыток) «Ночь» и «Весна» – подарок Толстому от Баташёва в день 80-летнего юбилея писателя (Пузин Н. П. Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. М., 1976. С. 68).

Лит.: Давыдов Н. В. «Из прошлого». Изд. 2. М., 1914. С. 228–229.

Н. А. Никитина

БАТЕНЬКОВ (Батенков) Гавриил Степанович (1793–1863) – подполковник корпуса инженеров путей сообщения. Осенью 1825 г., не будучи членом Северного общества декабристов, но зная тайные намерения его руководителей, сблизился с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым. В своём заявлении Следственной комиссии Батеньков писал, что тайное общество «состояло из людей, коими Россия всегда будет гордиться», «глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался» (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 677). Следственная комиссия пришла к выводу, что Батеньков «знал об умысле на цареубийство, соглашался на умысел бунта и приготавливал товарищей к мятежу планами и советами». Верховный уголовный суд осудил его «в каторжную работу» на двадцать лет и потом на поселение. Но по приказу Николая I он сначала был направлен в Свартгольмскую крепость, а в 1827 г. переведён в Петропавловскую крепость, где числился «секретным арестантом № 1» и фамилию его знали только комендант крепости и начальник III отделения. Находясь в одиночном заключении, сочинил ряд стихотворных произведений, в т. ч. «Тюремную песнь». Лишь в 1846 г. Батеньков был отправлен в ссылку в Томск. В отличие от многих декабристов, по возвращении он сохранил свои прежние взгляды: по сообщению шефа жандармов и начальника III отделения В. А. Долгорукова, некоторые декабристы, «именно Муравьев-Апостол, Оболенский и Батеньков, проживают в Москве без разрешения и позволяют себе входить в самые неприличные разговоры о царствующем порядке вещей».

Толстой заинтересовался личностью Батенькова в 1900-е гг., когда снова вернулся к работе над декабристской темой. 23 января 1905 г. Д. П. Маковицкий писал: «Вечером <...> в 8.45, Л. Н. читал вслух проект

русской конституции Батенькова 1824 г. Батеньков просидел 19 лет в одиночном заключении, царь “забыл” про него нарочно, издевался над ним, присылая ему в тюрьму пряники. Батеньков пришел к сознанию, что душа его свободна, и так громко расхохотался над тем, что царь заключил её, что прибежала стража посмотреть, что такое случилось». Как писал П. А. Сергеенко, Толстой познакомился с этой историей только в 1890-х гг., но не исключено, что анекдот о том, как Батеньков «расхохотался», Толстой знал и ранее из устных рассказов современников, среди которых бытовало мнение, что Батеньков в одиночном заключении страдал временными расстройствами ума. Эти рассказы могли подсказать сцену в «Войне и мире», когда партия пленных остановилась на привал и Пьер попытался перейти «на другую сторону дороги, где, ему сказали, стояли пленные солдаты. Ему хотелось поговорить с ними. На дороге французский часовой остановил его и велел воротиться».

Пьер вернулся, но не к костру, к товарищам, а к отпряжённой повозке, у которой никого не было. Он, поджав ноги и опустив голову, сел на холодную землю у колеса повозки и долго неподвижно сидел, думая. Прошло более часа. Никто не тревожил Пьера. Вдруг он захохотал своим толстым, добродушным смехом так громко, что с разных сторон с удивлением оглянулись люди на этот странный, очевидно одинокий смех. “Ха, ха, ха! – смеялся Пьер. И он проговорил вслух сам с собою: – Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня – мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!..” – смеялся он с выступившими на глаза слезами. <...> Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звёзд. “И всё это моё, и всё это во мне, и всё это я! – думал Пьер. – И всё это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!”» (т. 4, ч. 2, гл. XIV).

Маковицкий отмечал также, что Толстой намеревался включить в «Круг чтения» сочинения Батенькова.

В. А. Жаров, М. В. Строганов

БАТТЕРСБИ Гарри Вильям (псевд. Francis Prevost; 1862–?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; английский писатель, друг В. Г. Черткова. Чертков привлекал к работе над переводами произведений Толстого на английский язык лучших переводчиков. В 1885 г. Баттерсби помогал ему редактировать сочинения Толстого «Исповедь», «В чём моя вера?», «Краткое изложение Евангелия», вошедшие в книгу

на английском языке «Christ's Christianity» («Христианство Христа»). 29 мая 1885 г. Чертков писал Толстому: «Работаю много со своим молодым помощником В. Баттерсби над переводами ваших сочинений» (85: 224).

В 1891 г. Баттерсби приезжал в Россию обсудить организацию издания в Англии и Америке снимков «с наиболее содержательных картин русской школы» по проекту Черткова. По пути к Черткову 2 сентября 1891 г. Баттерсби посетил Ясную Поляну и очень заинтересовал Толстого. 10 сентября Толстой писал Черткову об англичанине: «Баттерсби очень интересный человек. Это не только первый англичанин, но первый иностранец, которого я вижу с таким свободным широким и глубоко христианским взглядом. Он сам очень интересен, и интересен мир, среди которого он действует. Общение с ним очень и радостно и полезно» (87: 104–105). О Баттерсби писал Толстой и Н. Н. Ге (сыну) 12(?) сентября 1891 г.: «Приехал к Черткову и был у меня проездом англичанин, его друг Баттерсби. Такого свободного от суеверий англичанина я не только не видел, но и не воображал. <...> У них – даже в Англии – идёт тоже движение к установлению Царства Божия. Всё мне кажется, что оно у дверей» (66: 44). 13 сентября в дневнике Толстого появилась запись: «Были за это время всё очень приятные посетители. Прежде Ваня Горбунов с Баттерсби, поразившим меня чрезвычайно приятно. Совершенно свободный, религиозный, в жизни религиозный человек» (52: 50).

В феврале 1894 г. Баттерсби прислал Толстому статьи представителей высшего английского духовенства В. Синклера, Д. Риксби и Г. Роджерса, опубликованные в английском журнале «The New Review» в февральском номере за 1894 г., относительно выдержек из книги Толстого «Царство Божие внутри вас», напечатанных в том же журнале ранее. 9 февраля 1894 г. Баттерсби писал Толстому: «Эти статьи, извлечённые мною из номера, я прилагаю к настоящему письму. Они показывают явное непонимание ваших логических рассуждений, и я надеюсь, что вы найдете время, чтобы отметить ошибочность их точки зрения. Ваша статья «Религия и нравственность» будет опубликована в «Contemporary Review» в марте месяце...» (87: 258).

В 1894 г. статья «Религия и нравственность» была напечатана в Англии в переводе Черткова и Баттерсби под заглавием «Religion and Morality. A reply to two questions put by the German Ethical Society» («Contemporary Review», March 1894). Баттерсби

прекрасно справился с переводом, сохраняя точность и особенности слога Толстого.

Н. В. Зубкова

БАХМЕТЕВ Николай Николаевич (1847?–1909) – адресат и посетитель Толстого; журналист. Окончил Училище правоведения, затем слушал лекции в С.-Петербургском университете; был корреспондентом в Главном управлении коннозаводства, принимал участие в основании журнала «Русская мысль», исполнял обязанности секретаря редакции «Русской мысли». В 1883 г. издал очерк М. С. Громеки «Последние произведения графа Л. Н. Толстого». В 1880-е гг. общался с Толстым в связи с намерением писателя печатать в журнале «Русская мысль» свои работы «Исповедь», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?». Весной 1882 г. редактор «Русской мысли» С. А. Юрьев решил попытаться напечатать новое «рассуждение» Толстого, которое произвело на него «очень сильное впечатление» (Гусев. *Материалы*. 4. С. 142). «Исповедь» была передана в журнал и должна была выйти в свет в его майской книжке. Майский номер со статьёй Толстого был направлен в духовную цензуру. Московский духовный цензурный комитет долго тянул с ответом. Чтобы ускорить решение вопроса с майской книжкой журнала, Бахметев отправился в Сергиев Посад, где помещался Московский комитет духовной цензуры. О цензурных злоключениях, истории печатания и запрещения «Исповеди» Толстого Бахметев подробно рассказал в своих воспоминаниях «Л. Н. Толстой и цензура в 80-х годах» (Новое время. 1908, № 11694, от 1 октября).

Бахметев бывал в хамовническом доме Толстых в Москве. 27 апреля / 9 мая 1884 г. Толстой отметил в дневнике: «Пришли Юрьев и Бахметев. Я враждебно к Бахметеву, и убедился, что неправ. Он наивен и хорош» (49: 87). 18 декабря 1884 г. писатель передал в редакцию «Русской мысли» первые главы своей новой большой статьи, которая позднее получила окончательное название «Так что же нам делать?». По поводу этой статьи Бахметев писал в начале января 1885 г. Глебу Успенскому, желавшему познакомиться с сочинением Толстого ещё в корректурах: «Корректуру сочинения Толстого пришлю Вам, как только она придёт в читаемый и более или менее окончательный вид. Навряд ли нам удастся выпустить эту статью в январской книге, которую задерживать более 15 января невозможно, а Толстой далеко ещё не готов. Новое его сочинение – замечатель-

ное, наделает много шума и вполне вторит Вам, Вашему “Трудами рук своих”» (Глеб Успенский. Материалы и исследования. М., 1948. С. 340). Бахметев в своих мемуарах поведал также и об истории печатания и запрещения трактатов Толстого «В чём моя вера?» и «Так что же нам делать?». В 1889–1896 гг. жил в Иркутске, печатал свои корреспонденции в «Сибирском вестнике». Возвратившись в Петербург, сотрудничал в «Новом времени».

Н. И. Бурнашёва

БАХМЕТЕВЫ Пётр Владимирович (1818–1896) и **Александра Николаевна** (рожд. Ховрина; 1823–1901) – московские знакомые Толстого. Салон Бахметевых, в квартире на Малой Дмитровке, был одним из самых популярных в Москве. После отставки с военной службы, в конце 1850-х гг., Толстой приехал в Москву. Его притягивала жизнь большого города, светские развлечения, умные разговоры. В среде литераторов его приняли как своего. Нередко он бывал с визитами у Бахметевых. Свидетельство тому – дневниковые записи 1856 г.: «Обедать опоздал к Бахметевой, чему очень рад...» (26 мая 1856; 47: 76); «Поехал с Васинькой к Бахметеву, которого не застал...» (27 мая 1856; 47: 76). П. В. Бахметев – богатый помещик, с 1862 г. предводитель дворянства Дмитровского уезда, владелец имения Шихова. Родители: В. П. Бахметев и Д. А. Нашокина. В 1849 г. женился на Александре Николаевне Ховриной.

Бахметева Александра Николаевна получила хорошее домашнее образование, в 1830-е гг. она вместе с родителями уехала в Рим. Выйдя замуж за П. В. Бахметева, жила в основном в Москве, увлекалась литературной деятельностью, много занималась благотворительностью. Всю свою жизнь она посвятила изучению истории церкви. Бахметева – автор нескольких исторических и духовно-нравственных книг для народного и детского чтения. В этих дешёвых и популярных книгах были интересно и доступно изложены события библейской и церковной истории. Первая её книга, вышедшая в 1857 г., стала самой известной – «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа». Книга выдержала 12 изданий. В 1864 г. Бахметевой было присвоено звание почётного члена Общества любителей российской словесности. Бахметева ещё в Риме познакомилась с И. С. Тургеневым, позднее была близко знакома с семьями Аксаковых и Хомяковых.

Н. В. Зубкова

БАШКИРЦЕВА Мария Константиновна (1858–1884) – русская художница, с 1870 г. жила за границей, большей частью в Ницце и Париже. С 1877 г. училась живописи в парижской Академии В.-Р. Жюлиана на курсах для женщин. Выставлялась в парижском Салоне в 1880, 1881, 1883 и 1884 гг. Её картины находятся в музеях Парижа, Ниццы, Чикаго, Вены, Амстердама, в Русском музее и Третьяковской галерее, в др. музеях России и Украины. Известность Башкирцевой принёс её Дневник, который она вела как почти ежедневную хронику с 14 лет до последних дней жизни. Дневник был опубликован во Франции («Journal de Marie Bashkirtseff», 2 vol. Charpentier. 1887) с большими сокращениями и цензурными изъятиями. При этом опубликована была, как выяснила в 1979 г. французская исследовательница Колет Конье (Colett Cosnier), лишь небольшая часть текста. Оригинал Дневника (более ста тетрадей) хранится в Национальной библиотеке Франции и постепенно публикуется на французском и английском языках.

Первая публикация Дневника имела огромный успех. Статью о М. Башкирцевой написал премьер-министр Англии У. Гладстон; Дневник высоко оценил А. Франс, о нём говорили в кругах импрессионистов. Дневник был переведён на все европейские языки и выдержал несколько изданий, а судьба его автора стала легендой. Писавшие о Башкирцевой называли её «чудо-ребёнком», «барышней с камелиями», «героической душой», «сильфидой с толстовского витража», видя в её образе подобие героинь популярных в Европе романов Толстого. Живя в литературно-художественной атмосфере Парижа 1880-х гг., Башкирцева увлекалась романами Бальзака, «боготворила» Золя, вступила в анонимную переписку с Мопассаном («ядовитая полемика с обеих сторон»), писала Э. Гонкуру и А. Дюма. В Дневнике есть и страницы, посвящённые русским писателям. В 1883 г. она писала о смерти Тургенева и его творчестве, а летом 1884 г., незадолго до своей кончины, размышляла о Толстом и собственном участии в жизни своей родины: «...вот уже тридцать лет, что в России пишут дивные вещи. Читая “Войну и мир” Толстого, я была до того поражена, что воскликнула: да ведь это второй Золя! Теперь, правда, они посвящают наконец нашему Толстому этюд в “Revue de deux mondes”, и моё сердце прыгает от радости. Этот этюд принадлежит Vogüé, который <...> посвятил уже несколько этюдов моей великой прекрасной родине. А ты, негодная! Ты живёшь во Франции и предпочитаешь быть иностран-

кой! Если ты так любишь свою прекрасную, великую, чудесную Россию, поезжай туда и работай там. Но я работаю также во славу моей родины... если у меня со временем разовьётся такой талант, как у Толстого. Но если бы у меня не было моей живописи, я бы поехала!» Возможно, эта наивная и эмоциональная дневниковая запись, это восторженное отношение к Толстому дали мысль матери умершей девушки (М. С. Башкирцевой) послать в Ясную Поляну письмо: «1891. 3 октября. <...> Граф Лёв Николаевич, я давно хотела написать Вам и не смела. А теперь я очень больна и решаюсь позволить себе Вас беспокоить. Скажите мне, граф, читали ли Вы журнал Марии Башкирцевой, изданный в Париже и вкратце переведённый в России? Я всё надеялась и ждала, что Вы что-нибудь скажете об нём и об ней и что Вы не пропустите незамеченной Вашу юную соотечественницу. Ваш добрый ответ принесёт мне если не исцеление, то, конечно, большую радость <...>. Моя дочь только и мечтала о том, чтоб ехать прямо в Ясную Поляну, представиться Вашему сиятельству и поклониться Вашему великому гению, но ни одно из её мечтаний не исполнилось в её короткой жизни. Простите мне моё письмо и не оставьте меня без ответа» (ОР ГМТ. Ф. 1, № 135/54а – публикуется впервые). На письме помета рукой Т. Л. Толстой: «Ответить».

Краткий перевод на русский язык журнала Башкирцевой, упоминаемый её матерью, это очерк Л. Я. Гуревич «М. К. Башкирцева. Биографическо-психологический этюд» с многочисленными цитатами из Дневника («Русское богатство», 1888, № 2; ранее в «Новом времени» за 11 июня 1887 г. вышла её же статья «Памяти М. Башкирцевой»). Летом 1886 г. Гуревич во Франции познакомилась с М. С. Башкирцевой, переписывалась с ней и получила доступ к архиву её дочери. В 1892 г. Дневник Башкирцевой в переводе Гуревич печатался в «Северном вестнике», а в 1893 г. вышел отдельным изданием. В конце августа 1892 г. Гуревич гостила в Ясной Поляне и, возможно, Толстой знал об этом переводе, но, по-видимому, читал французское издание 1887 г. (52: 332) или французское издание 1891 г. с приложением писем и предисловием Р. де Юльмеса. Это следует из дневниковой записи Т. Л. Толстой 8 ноября 1891 г. («На днях m-me Башкирцева прислала папá дневник и письма своей умершей дочери»), а также из записи Толстого 17 ноября 1891 г. («читал Башкирцеву» – 52: 58). Комментариев к этому чтению в толстовском дневнике нет, однако Т. Л. Толстая, которая тоже прочитала «роман жизни» Башкирцевой,

не только отзывалась о нём, но и записала разговор с отцом, вызванный Дневником: «Меня возмутило самомнение и самообожание её и её легкомысленный цинизм. Как она пишет о Боге, о красоте, о себе! Папá говорит, что у меня с ней какое-то соревнование и что я завидую её таланту, но это несправедливо» (8 ноября 1891). Вероятно, у Толстого состоялся разговор с дочерью-художницей, которая, как и Башкирцева, пыталась оценить свой талант, но не была в нём столь же уверена. Реакция дочери Толстого на Дневник Башкирцевой типична для восприятия русской читающей публики и литературных критиков 1880–1890-х гг.: «Откровенно до наглости» (Н. М. Михайловский, 1887), «Ярмарка женского тщеславия» (М. А. Протопопов, 1892), «Жертва самообожания» (Ф. Тимской, 1893); «какой-то неприятный, нездоровый тон лежит на всех её признаниях» (В. Г. Короленко, 1893), «больное, гнилое <...> произведение раздутой знаменитости» (А. Ф. Кони, 1887). С другой стороны, С. А. Андреевский сравнил Дневник Башкирцевой с «Исповедью» Руссо, а В. Брюсов в своём дневнике 1892 г. признался: «Она – это я сам, со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами».

В Ясной Поляне хранится издание Дневника 1904 г. («Неизданный дневник Марии Башкирцевой и переписка с Гюи де Мопассаном». Пер. с франц. под ред. М. Гельбота. Ялта. «Джалита», [1904 ценз]). Эту книгу называл Д. П. Маковицкий в своей хронике жизни Толстого 6 марта 1905 г.: «На круглом столе лежала раскрытая книга: “Дневник Башкирцевой и её переписка с Мопассаном”. Читала её Софья Андреевна» (ЯПЗ. 1. С. 202). Маковицкий записал слова Толстого: «Когда читаешь Александра Македонского, знаешь, что это старое; а Башкирцева – знаешь, что 30 лет назад была молодая, красивая, была недавно, – а где она?» Чуть позже Толстой снова вспоминал Башкирцеву, говоря об известности и славе, о том, что часто замечательные люди остаются в безвестности из-за своей скромности. «На столе, как и прежде, лежала книга “Дневник Башкирцевой и её переписка с Мопассаном”, с портретом её во весь рост в начале книги. “Как искусственно всё у неё: и держится, и одета”, – сказал Л. Н., взглянув на портрет (кажется, это замечание относилось и ко всей книге, к тому, как написана)» (там же. С. 204). В этих словах Толстого отразились и его нелюбовь к женской претенциозности и неискренности, и понимание быстротечности и эфемерности человеческой жизни, особенно на фоне глубины исторического времени.

Е. В. Петровская

БЕГИЧЕВ Никита Степанович (1827–1891), князь – знакомый молодости Толстого. Его отец – Степан Никитич (1786–1859), помещик Епифанского уезда Тульской губ., владелец имения Екатерининского, был дружен с А. С. Грибоедовым, приезжавшим к нему в период создания комедии в стихах «Горе от ума».

В чине коллежского секретаря в 1850 г. Бегичев служил в московском департаменте Сената. Упоминания о Бегичеве часто встречались в дневнике молодого Толстого в марте–апреле 1851 г. 7 марта: «У Бегичева хотел себя выказать и, к стыду, хотел подражать Горчакову» (46: 47); 10 марта: «Бегичеву солгал, что знаю сибирских Горчаковых» (46: 49); 11 марта: «С Бегичевым откровенен, *хотел выказать*» (46: 49). 16 марта Толстой намерен «перечесать правила игры, на вечер звать Бегичева, Ухтомского и Талызина» (46: 51). 25 марта запись: «С Бегичевым и с Иславиным был *тищеславен*» (46: 55). 3 апреля: «Был у Волконских, у Горчаковых, ходил по Бульвару, *тищеславие*. Бегичев дал денег, я ему не сказал ни да, ни нет, *обман себя*» (46: 57). О Бегичеве 12 апреля 1853 г. упоминал в письме к брату на Кавказ С. Н. Толстой: «Зачем ты велишь посылать деньги князю Бегичеву, не играешь ли ты опять в карты, *ради бога, не играй*» (ПТСБ. С. 134–135).

17 апреля 1853 г. писатель, находясь в станице Старогладковской, в письме к С. Н. Толстому вновь вспоминал о своём знакомом: «Скажи, пожалуйста, Валерьяну, что деньги 240 рублей, которые я просил его выслать кн. Бегичеву (он знает), очень нужны, поэтому, ежели есть возможность, чтобы он послал их» (ПТСБ. С. 141).

Опасаясь обращения брата к Бегичеву за деньгами, С. Н. Толстой 16 мая 1853 г. писал Толстому: «Успокой же меня ещё раз. Напиши мне, играешь ли ты в карты или нет и есть ли у тебя какие долги ещё на Кавказе и в России. *Бегичеву деньги посланы*» (ПТСБ. С. 144).

Е. П. Гриценко

БЕЗВЕРХИЙ Павел Фёдорович (1885–1927) – последователь, посетитель, корреспондент и адресат Толстого; сын мелкого железнодорожного чиновника, до 1905 г. служивший телеграфистом на железной дороге в Ашхабаде. 29 августа 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «У Л. Н. был П. Ф. Безверхий, телеграфист из Асхабада, из крестьян Харьковской губернии. Очень симпатичный, хочет идти к крестьянину в работники и отказаться от воинской повинности. Л. Н. ему первое отсоветовал – советовал ему остаться в положении, в каком есть. В Асха-

баде у него два единомышленника» (ЯПЗ. 1. С. 388). На следующий день Толстой говорил о посетителях, что «вчерашний (Безверхий) – христианин. Вчерашний получает 50 рублей, а тяготится, что живёт чужим трудом» (ЯПЗ. 1. С. 388).

В 1906 г. Безверхий отказался от воинской службы, был арестован и помещён в арестный дом в г. Изюме Харьковской губ. Обращались с ним жестоко, били, и он психически заболел. Всё это время он переписывался с Толстым, из арестного дома писал о жестоком обращении с ним. На его открытку от 6 июня 1907 г. Толстой ответил 11 июня. В телеграмме 13 июня Безверхий сообщал: «Продолжают мучить» – и просил защитить его. 14 июня Маковицкий отметил: «Потом Л. Н. дал мне прочесть телеграмму Безверхого, не помнит, кто он. Я припомнил, что Безверхий – отказавшийся от военной службы и что он ему третьего дня ответил на письмо. Л. Н. вспомнил. Л. Н.: «Тревожная телеграмма и его открытка. Должно быть, слабый человек; и письмо писал такое неопределённое. Времена не такие – он телеграфирует, что мучат его»» (ЯПЗ. 2. С. 452). 19 июня в Ясной Поляне от Безверхого было получено новое письмо, где он сообщал подробности о жизни в тюрьме и просил Толстого «отозваться на вопли заключённых и написать что-либо по этому поводу». Переживая болезненную тоску, Безверхий стал сомневаться и в начале им деле, и в искренности Толстого. Позднее в своих воспоминаниях он писал: «И в этом своём письме жаловался на свою тоску и писал ему, что если я удостоверюсь ещё в его, Льва Николаевича, неискренности, я убью его и себя» (77: 140). В тот же день Толстой отвечал, советуя своему корреспонденту «в самом себе вызвать чувство любви ко всем людям. <...> Будьте любовны, ласковы к ним, несмотря на их поступки. Это самое верное средство подействовать на их души» (77: 139–140). Те же советы давал Безверхоу Толстой и в следующих письмах (2 июля, 7 июля, 23 июля). Безверхоу были посланы некоторые книги Толстого, правда, «Круг чтения» ему не передали. Постепенно душевное состояние заключённого уравнивалось, он успокаивался, отношения в тюрьме становились более дружелюбными, и он в письмах просил простить его за нанесённые Толстому обиды. Письма Безверхого не сохранились, но известно, что вернувшееся подавленное состояние сделало Толстого для него «чужим» и «далёким». На последнее письмо Толстого он не ответил. 24 августа 1907 г. Маковицкий писал, что В. Г. Чертков в журнале «Молодая воля» хотел «печатать

письма к Л. Н. отказавшихся от военной службы. Говорил о последних письмах Безверного, что они очень трогательны» (ЯПЗ. 2. С. 489). В 1907 г. благодаря хлопотам был освобождён и помещён в психиатрическую больницу. Выйдя из больницы, жил в различных трудовых земледельческих общинах.

Переписка с Толстым возобновилась только в 1910 г. Весной 1910 г. Безверхий, уже освобождённый из заключения, прислал Толстому несколько религиозных гимнов, которые писателю не понравились: «ни одной новой мысли, ни одного искреннего выражения чувства. Рифмованный набор пустых слов, особенно отталкивающих потому, что касается самого важного в мире предмета». Письмо Толстого заканчивалось очень дружелюбно: «Все мы вас помним и любим и рады иметь о вас добрые вести» (81: 207). Тем не менее это письмо вызвало гнев и обиду Безверного, увидевшего в нём не «братское письмо», а «скорее циркуляр какого-нибудь департамента». Он так и написал Толстому, и 30 апреля 1910 г. писатель вынужден был просить простить его за то, что вызвал «недобрые чувства». На этом отношения закончились.

Безверхий написал воспоминания о знакомстве и переписке с Толстым; они напечатаны под псевдонимом «Буки» в переводе на немецкий язык под заглавием: «Briefe an einem Militärdienst-Verweigerer» в книге: «Der unbekannte Tolstoi». Amalthea-Verlag, Zürich–Leipzig–Wien. 1927. С. 279–286.

Н. И. Бурнашёва

БЕЗОБРАЗОВ Владимир Павлович (1828–1889) – русский экономист, академик (1867). В 1847 г. окончил курс Царско-сельского лицея с правом на чин IX класса и с серебряной медалью и поступил на гос. службу. Служил в гос. канцелярии, в министерстве финансов и в министерстве гос. имуществ. Дослужился до тайного советника, а в 1885 г. был назначен сенатором. По служебной необходимости много бывал в командировках по России и Европе. Европейски образованный, с обширнейшими познаниями в области гос. хозяйства, одарённый пронизательным умом, Безобразов не замыкался в рамках кабинетной работы, но искал материалы для научных исследований и практического применения. По его инициативе возникли «экономические обеды», на которых раз в месяц в одном из петербургских ресторанов собирались представители финансового и административного миров, где шли оживлённые дебаты по основным вопросам русской финансовой и экономической политики.



Знакомство Толстого с Безобразовым состоялось в 1856 г. и связано с «экономическими обедами». В дневнике 15 ноября 1856 г. Толстой записал: «...поехали к Безобразову. Соборание литераторов и учёных противно, и без женщин не выйдет» (47: 100). Встречи продолжались и в декабре: «...вечер провёл у Безобразовых» (13 декабря; 47: 105); «...обедал с одним Боткиным. Вечер у Безобразова» (20 декабря; 47: 106); «Обедал у Боткина.... Вечер у Безобразова» (27 декабря; 47: 107). На одном из «обедов» с участием Толстого писатели и учёные обсуждали вопрос об издании еженедельного политико-статистико-хозяйственно-экономического журнала под редакцией И. В. Вернадского. Есть сведения, что Толстой читал и экономические статьи Безобразова, в частности «Материалы для физиологии общества», опубликованные в «Русском вестнике» в 1857 г. и посвящённые книге немецкого экономиста В. Г. Рилья «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики». Был Толстой знаком и с сыном Безобразова – Павлом Владимировичем Безобразовым – в связи с намерением начать издание ежемесячного журнала.

Соч.: (изданы в Москве и С.-Петербурге) «Очерки Нижегородской ярмарки» (1865), «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов» (1869), «Народное хозяйство России. Московская (центральная) промышленная область» (ч. 1–5, 1882–1889), «О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом» (1863), «Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение. 1866–1872» (1872).

Лит.: Безобразов Владимир Павлович // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. С. 185–186.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

БÉЛИКОВ Пётр Петрович (даты жизни не установлены) – знакомый Толстого; сотрудник издательства «Посредник», автор двух произведений: «Житие святого Павлина Ноланского» и «Житие святого Петра, бывшего прежде Мытарем». Слов П. И. Бирюкова известно, что в 1885–1886 гг., в период работы над этими жи-

тиями, Беликов был ещё довольно молод. «Станный человек, покушавшийся на самоубийство; живший на Афоне, заражённый немного пашковством, но всё-таки остававшийся православным и льнувший к нам по инстинкту добра», – писал о нём Бирюков (85: 216).

«Житие св. Петра Мытаря» и «Житие св. Павлина Ноланского» Беликову поручил составить В. Г. Чертков, но автором этой идеи был Толстой, который ещё в конце 1870-х гг. задумывал «не переделать, а выбрать для народного чтения и издать» «наилучшие, наинароднейшие» из житий «Макарьевских, Дмитрия Ростовского и из Патерика» (25: 860). Вернулся к этой идее Толстой, уже работая в только что созданном «Посреднике». «С основанием издательства “Посредник” в литературной работе Толстого появилась важная сторона: редактирование чужих рукописей. Он не только писал сам, имея в виду определённую цель – издание в “Посреднике”, но читал, выбирал, исправлял вместе с другими сотрудниками» (*Опульская. Материалы*. 1. С. 75). «Иногда в этой коллективной работе рукописи Толстого пропадали» (*там же*. С. 76), но рукопись «Жития святого Петра...» с многочисленными поправками Толстого сохранилась и свидетельствует о его серьёзнейшем влиянии на конечный вариант текста. Это житие стало даже источником незавершённого замысла одной из «народных драм» Толстого – «Петр Хлебник» (29: 433).

Оба жития, составленные Беликовым, были изданы в «Посреднике» (М., 1886), в книжке под названием «Житие святого Петра, бывшего прежде мытарем, и преподобного Моисея Мурина» с иллюстрациями художника А. Д. Кившенко (85: 173).

Лит.: Донсков А. А. «Житие Петра Мытаря» в обработке Л. Н. Толстого // *Русская речь*. 1996. № 4. С. 6–9.

Н. О. Бабаева

БЕЛЛАМИ Эдвард (Bellamy; 1850–1898) – американский писатель, публицист. Известность ему принёс роман «Looking Backward: 2000–1887», вышедший в свет в 1888 г. и вскоре переведённый на многие европейские языки. Роман называли «новой “Хижиной дяди Тома”». Книгу привезла Толстому американская писательница и переводчица русской литературы И.-Ф. Хэпгуд в конце июня 1889 г. Толстой сразу начал читать и уже 1 июля записал в дневнике: «Looking backward прекрасно» (50: 101). На страницах книги Толстой делал пометы и позднее развивал идеи Беллами в сочинениях «Рабство нашего времени»,

«О значении русской революции», «Царство Божие внутри вас».

Ни одна из американских утопий не была так популярна и не оказала такого сильного влияния на движения «популистов», «феминистов», на общественную мысль США в целом. Обратив внимание на утопию Беллами, Толстой присоединился к ряду известных экономистов, писателей Нового и Старого Света, восторженно отозвавшихся о романе, в их числе – У. Д. Хоуэллс, Ф. Э. Уиллард и др. В романе Беллами изобразил картину идеального экономического порядка общества XXI в. – «заоблачный дворец для идеальных людей», – отойдя от «грязного материального мира сегодняшнего дня» на безопасное расстояние в сто лет.

Толстой рекомендовал эту «замечательную вещь» (50: 101) издателю А. С. Суворину, советовался с В. Г. Чертковым об её переводе. Но утопического социализма Беллами он не принимал. Д. П. Маковицкий в своих записках 11 октября 1906 г. упоминал разговоры о «Беллами, который многое приписывает социализму, чего в нём нет». В *ЯПБ* кроме книги Беллами «Looking Backward: 2000–1887» есть ещё его беллетризованный трактат «Равенство» (1907) (Equality, 1897), в переводе Б. Винницкой.

Г. В. Алексеева

БЕЛЛОУЗ Джон (Bellows; 1831–1902) – знакомый Толстого, его корреспондент и адресат; английский сектант-квакер, секретарь комитета помощи духоборам, сочувствовавший религиозно-нравственным взглядам Толстого. 9 декабря 1892 г. и 8 марта 1893 г. Беллоуз и Джозеф Нив посетили Толстого в Москве во время поездки из Англии через Петербург на Кавказ и в Южную Россию и обратно, предпринятой для ознакомления с жизнью преследуемых правительством духоборов и штундистов и оказания им помощи. Взаимопонимание Толстого и близких ему по духу религиозных протестантов, именовавших себя *друзьями* и исповедовавших учение «внутреннего света» человеческой природы, было полным. Толстой с ними переправил письмо к сосланному в Закавказье Д. А. Хилкову, входящему в особо доверительный круг общения: «Friends эти хлопчут об облегчении участи гонимых и передали письмо киевских молокан. Я тоже переслал его в Петербург некоторым лицам» (66: 282). По возвращении в Москву Беллоуз произвёл на Толстого впечатление духовно состоявшегося человека, о чём он писал 16 апреля 1893 г. Д. А. Хилкову: «Bellows приехал сюда исхудавший,

но ещё более живой и полный силы. Святой старичок» (66: 312). В октябре 1895 г. Толстой получил от Беллоуза письмо и чек на 92 рубля. Он переслал чек В. Г. Черткову для передачи по назначению, но ему «было очень неприятно» (68: 209). 5–6 октября он писал Беллоузу, что нельзя «делать добро деньгами», что «христианин не должен иметь никакой собственности» и он «предпочёл бы не иметь никакого отношения к денежным делам, которые всегда полны греха» (68: 212). Он писал Беллоузу о своём несогласии со стремлением к материальному преуспеянию: «Если бы я считал, что христианину хорошо иметь в своём распоряжении деньги и что можно делать добро деньгами, я сохранил бы своё состояние и помогал бы людям деньгами» (68: 212). Этот случай никак не изменил отношения Беллоуза с Толстым. Когда П. А. Буланже в 1898 г. сообщил писателю о преследовании квакеров со стороны англиканской церкви, в ответном письме Толстой поддержал своего единомышленника: «...передайте мою любовь Bellows'у. Всегда с умилением вспоминаю о нём» (71: 406). В 1899 г. Беллоуз приезжал в Россию ещё раз – просить разрешения сосланным в Якутию духовоборам выехать в Канаду, куда в 1898–1899 гг. при участии Толстого переехали более семи с половиной тысяч сектантов. Однако разрешение Беллоуз не получил, о чём сообщил Толстому 28 декабря 1899 г.

Осенью 1901 г. в Гаспре Толстой получил от квакера письмо, в котором тот резко отрицательно высказывался о романе «Воскресение», считая, что не может участвовать в его распространении, полагал, что деньги, вырученные от переводов романа, нельзя принимать в духовоборческий фонд квакеров. Особенно его недовольство вызывала сцена соблазнения Катюши Масловой. 7 декабря 1901 г. Толстой отвечал своему корреспонденту: «Думаю, что мы будем судимы нашей совестью и Богом не за последствия наших поступков, которых мы не можем знать, но за наши намерения. И я надеюсь, что мои намерения не были дурны» (73: 164). Толстой в позиции Беллоуза усматривал противоречие с христианским воззрением, о чём размышлял 20 января 1905 г.: «Вот у квакеров какое прекрасное учение, а золотой телец как погубил их. Bellows хотел соединить богатство с христианством» (ЯПЗ. 1. С. 144). 3 сентября 1906 г. Толстой рассказал о том, что Беллоуз предполагал видеть своего сына Вильяма как духовно состоявшимся, так и финансово состоятельным: «Беллоуз – очень милый и добрый. Но когда Буланже говорил его сыну, что христианину нельзя

быть богатым, это Беллоузу не понравилось, и он постарался удалить Буланже» (ЯПЗ. 2. С. 227).

И всё же доброжелательное отношение к Беллоузу осталось в памяти Толстого и после его смерти. 15 и 17 августа 1908 г. в Ясную Поляну приезжали 28-летний Вильям Беллоуз с сестрой, сын и дочь Беллоуза, преисполненные доверия к Толстому: «Был В. Беллоуз <...> с ним сестра – очень приятные люди. Сестра два года жила учительницей среди ассинибойских духовоборов; оба знают по-русски; простые, обязательные люди» (ЯПЗ. 3. С. 169).

А. С. Кондратьев

БЕЛОБОРОДОВ Яков Фёдорович (1826–1912) – тульский нотариус. Неоднократно приезжал в Ясную Поляну, так же как Толстой и его жена по необходимости бывали в конторе Белобородова по адресу: Тула, улица Киевская, дом 41. 21 мая 1883 г. Толстой выдал Софье Андреевне доверенность в форме частного письма на ведение всех его имущественных дел, в т. ч. и на издание сочинений. Эту доверенность С. А. Толстая в январе 1904 г. засвидетельствовала у нотариуса Белобородова. Когда возникла необходимость раздела имущества между женой и детьми Толстого, это дело вёл Белобородов. «Начав этот ненавистный нам, родителям, раздел, я обратилась в Тулу к нотариусу Белобородову и стала хлопотать о разных документах», – писала С. А. Толстая в книге «Моя жизнь» (2. С. 173). 7 июля 1892 г. акт о разделе был подписан всеми заинтересованными лицами в конторе тульского нотариуса. Осенью 1894 г. Толстой ездил в Тулу к Белобородову для оформления заключённого с крестьянами деревни Овсянниково договора о передаче им земли (дочь Татьяна Львовна владела там 180 десятинами земли, сдавая их крестьянам в аренду). Вспоминая об этом эпизоде, Т. Л. Толстая-Сухотина писала, что они с отцом ездили в Овсянниково и что переговоры с овсянниковскими крестьянами послужили Толстому материалом для описания разговора Нехлюдова с крестьянами Кузминского и Панова о проекте земельной реформы Генри Джорджа в романе «Воскресение» (ч. 2, гл. I – IX).

Толстого с Белобородовым связывала не только необходимость юридического оформления деловых бумаг, но и просветительские интересы. Так, в середине 1890-х гг. писатель просил Ф. А. Страхова, чтобы он помог жене нотариуса, Софье Ивановне Белобородовой, которая в Туле на Киевской улице содержала библиотеку, просил помочь советом, как пополнить каталог библиотеки.

Архив Я. Ф. Белобородова (ф. 967; 201 ед. хр. 1867–1894 гг.) хранится в ГАТО, в т. ч. «Дело по сделке Л. Н. Толстого и членов его семьи» (оп. 1, д. 4а).

Лит.: Толстая-Сухотина Т. Л. О том, как мы с отцом решали земельный вопрос // Толстая-Сухотина Т. Л. Воспоминания. М., 1976. С. 351–366.

Л. С. Дробат

БЕНЕВСКАЯ Мария Аркадьевна (по мужу: Моисеенко, затем Степанок; 1882–1942) – корреспондент и адресат Толстого; лично с ним знакома не была. Сестра И. А. Беневского; дочь помощника генерал-губернатора Хабаровского края. С 1904 г. эсерка-террористка. В 1906 г. за изготовление и хранение взрывчатых веществ (в результате чего ей «разорвало кисть руки и оторвало три пальца бомбой» – *ЯПЗ*. 2. С. 198) была приговорена к каторжным работам. О суде над своей сестрой Беневский рассказал в письме А. К. Чертковой от 14 ноября 1906 г.: «Мне пришлось присутствовать на суде над сестрой. И передо мной наяву предстала картина из “Воскресения” Л. Н. Во время присяги двое свидетелей отказались, п. ч. председатель должен был спросить: “Нег ли ещё лиц, принадлежащих к вероучению не приемлющих присяги?” Несмотря на блестящие речи защитников – известных адвокатов Жданова и Тесленко, – 10 старцев после совещания не могли ничего умнее придумать, как приговор на 10 лет каторги для человека, лишённого одной руки вовсе и двух пальцев на другой. Администрация уже сама должна была назначить медицинское освидетельствование и признать сестру неспособной к физической работе, в силу чего каторга будет заменена тюремным заключением, и, по всей вероятности, сестру оставят в Москве. Несмотря на нежелание сестры, отец подал прошение о помиловании, но пока ответа ещё не получено. Во всяком случае, можно ожидать смягчение приговора» (*ОР ГМТ*). «Смягчения» не последовало: каторгу Беневская отбывала в Забайкалье.

В середине января 1908 г. И. А. Беневский привёз в Ясную Поляну письмо сестры с каторги, где та «писала брату в первой части своего длинного письма о своих религиозных исканиях, в которых она близко подходит к взглядам Л. Н., а во второй части о том, что она читала у Оуэна, Маркса и чему она от них научилась. Л. Н., когда читали вслух это письмо, первой частью был растроган до слёз». Он сказал: «Написать ей – это мне очень трудно и привлекательно» (*ЯПЗ*. 3. С. 19). 17 января 1908 г. был написан ответ Беневской-Моисеенко,

в котором Толстой признавался, что, «слушая первую часть письма», он «тщетно удерживался от слёз и просто расплакался от умиления и радости сознания полного духовного единства с человеком, казалось бы, совершенно чуждым и иного склада мысли». Вторая часть письма Беневской, «совершенно несогласная, даже прямо противоположная первой части», «тяжело поразила» Толстого. Он попытался объяснить своему адресату смысл её заблуждения, когда она, «отыскивая разрешения вопроса жизни (как прожить вам, М. А., свою жизнь) в том, что называется наукой», и не вникнув в отношения «человека к миру», «не может освободиться от научного суеверия, от этого научного гипноза, так сильно захватившего» её. «Все бредни, называемые наукой», вытекают из неверно понятой основы жизни: по Толстому, основа жизни – это «своё духовное я», которое можно и нужно «исправить, улучшить его, освободить его от того, что мешает проявлению в любви его духовности», и «тогда мир мне настолько интересен и важен, – писал Толстой, – насколько он в других существах соприкасается со мною. Самый же мир сам в себе я и не пытаюсь познать, да и не нуждаюсь в этом. Но совсем другое, если я за основу всего признаю мир и себя только как произведение этого мира» (78: 23–25). Тогда эта «основа» становится «непонятной» и «недоступной» человеку, он не в состоянии «исправить и улучшить» то, чего не понимает, а «все те экономические писатели», которых упоминала Беневская, «заняты только этим самым невозможным и нелепым делом» (78: 26). Сухим, холодным письмом ответила Беневская на сердечное и взволнованное послание Толстого. Это письмо Беневской осталось без ответа.

Т. М. Осипова

БЕНЕВСКИЙ Иван Аркадьевич (1880–1922) – знакомый Толстого, его корреспондент и адресат; писатель, педагог, организатор христианских земледельческих общин и детских трудовых колоний. Родился в семье помощника генерал-губернатора Хабаровского края. В 1898 г. окончил Петербургский Александровский кадетский корпус, затем учился в университете г. Halle (Германия). Получив диплом агронома, в 1902 г. вернулся в Россию, занимался сельским хозяйством в имении родителей, посещал уже существовавшие в России земледельческие общины (Харьковскую и Полтавскую братьев Дудченко, в с. Хатунка Тульской губ. М. И. Булыгина), учительствовал в этих общинах. В 1906 г. поступил на медицинский факультет университета в г. Харь-



кове. В 1910–1913 гг. в Воронежской губ. организовал общину на земле, арендованной в имении матери В. Г. Черткова; работал вместе с общинниками, учительствовал в созданной при общине детской трудовой школе. В 1913 г. после смерти отца переехал на свой хутор Дубровка под Брянском, землю передал в Кре-

стьянский земельный банк, на хуторе организовал детскую земледельческую колонию. В 1917–1922 гг. – инспектор по сельскому хозяйству и инспектор по народному образованию Брянской области.

Беневский знал произведения Толстого, «старался достать и прочитать по возможности всё, что было напечатано в русской и заграничной печати», но лично познакомился с писателем, приехав в Ясную Поляну 3 июня 1905 г., о чём рассказал в первом своём письме к Толстому 11 июня 1905 г.: «То, что мне пришлось слышать от Вас недавно в Вашем разговоре со мной, произвело на меня крайне радостное впечатление – это Ваши слова о том, что Вы испытываете самое высокое молитвенное настроение, что Вы креститесь иногда во время такого настроения и что обращаетесь к Богу с детской молитвой: “Господи, помилуй и прости...” и т. д. и тем доказываете, что Вам знакома особая молитва, кроме “молитвы делами всей жизни” или “разумного самоуглубления”. Касаясь этих вопросов, я знаю, что касаюсь самого высокого и дорогого для Вас...» Спрашивая Толстого о его «внутренней религиозной жизни», Беневский продолжал: «Просьба же моя в том, чтобы Вы написали, <...> что Вы знали религию в сверхразумном её значении, что молились Богу не одним разумом, но и “всем сердцем и всей душой” в непосредственном религиозном чувстве, что молились ежедневно и притом по-детски, вопреки всем объяснениям разума. А также, что Вы молились Вашей матери после её смерти, и это было дорого для Вас, а потому не можете считать “кощунством” обращение к Христу в молитве».

Полученное письмо обсуждали в Ясной Поляне, и 18 июня 1905 г. Толстой отвечал Беневскому: «Милый Иван Аркадьевич! Живу я не теми минутами религиозного умиления, когда я отдаюсь старым привычным чувствам, а страданиями и напряжённым трудом вымученным сознанием Бога

и своей связи с ним. И потому эти минуты умиления для меня не важны, и, если бы позади их я не чувствовал сознания Бога и своей связи с ним, они бы ничего не дали мне, и я был бы несчастный человек. Точно так же я был бы несчастный без духовной опоры человек, если бы я в Христе признал Бога. Полагаю, что вы с вашей искренностью придёте к тому же, к чему и я» (75: 257).

В письмах Толстому Беневский рассказывал о своей деятельности по организации земледельческой общины, писал, что не может равнодушно «относиться к народной нужде, страданиям от того состояния обнищания и невежества, в котором находится большинство крестьян». Практическую помощь крестьянам он видел в «отказе от своей земельной собственности, в призыве к тому же и других землевладельцев, в соединении в общины для совместной работы и взаимной помощи, в составлении особого фонда для освобождения земли от частной собственности посредством выкупа её в общую собственность всех желающих трудиться на ней из рук теперешних землевладельцев» (78: 52).

Толстой интересовался семейными делами Беневских, с сочувствием спрашивал о самоубийстве матери, «просил Беневского, едущего в Москву, посетить свою сестру в тюрьме». Беневский не решился рассказать о трагической смерти матери; позднее он написал об этом Толстому: «Я старался избежать во время разговора вопроса о несчастье в нашей семье, т. к. и приговор по делу сестры <см.: Беневская М. А. – Т. О.>, и её увечье сравнительно лёгкое несчастье по отношению тех страданий, которые испытывала моя мать, горячо любившая старшего умершего брата, пострадавшую жестоко сестру и меня, не понимавшего страданий матери и постоянно оставлявшего её без поддержки в тяжёлые минуты ради общественных дел. Мать не выдержала страданий и 8 августа 1906 г. покончила с жизнью выстрелом из револьвера в висок» (ОР ГМТ).

После Октябрьской революции Беневский стал деятельным организатором советских детских трудовых колоний, преимущественно для сирот; одна из таких колоний была устроена им на своём земельном участке в Брянском округе. В разъездах по делу колоний он заразился сыпным тифом и скончался в 1922 г.

Архив И. А. Беневского его потомки передали в ОР ГМТ.

Лит.: Беневский И. Воспоминания о посещении Толстого в Ясной Поляне в 1905 г. // Рязанский вестник. 1908. 26 августа (№ 214).

Т. М. Осипова

БЕР Екатерина Генриэтта София (Behr; рожд. Крафт; 1842–1908) – переводчица произведений Толстого на немецкий и итальянский языки. Писатель был доволен её работой. Перевод статьи «В чём моя вера?» (Tolstoi Leo. Worin besteht mein Glaube? / Eine Studie von Graf Leo Tolstoi; Aus dem russischen Manuskript übersetzt von Sophie Behr. Leipzig, 1885) он нашёл прекрасным. В 1893 г. появился в печати итальянский вариант трактата «Царство Божие внутри вас»: *Il regno di Dio è in voi*. Рим, 1893. И его автор читал с удовольствием. «Я ничего не делаю, кроме чтения итальянского. Читаю Царство Божие и очень интересно и полезно», – писал он Т. Л. Толстой 14 октября 1895 г. (68: 214). Несколько огорчила писателя публикация на немецком языке статьи «Религия и нравственность», написанной в ответ на вопросы профессора философии Берлинского университета Г. Гижицкого о вере и этике («*Ethische Kultur*», 1893, № 52–53; 1894, № 1–3). В тексты первых номеров журнала не были внесены поправки, которые автор посылал во время печатания сочинения. Со всеми исправлениями статья вышла в Берлине в 1894 г. отдельным изданием с предисловием Г. Гижицкого: *Tolstoy Leo. Religion und Moral / Antwort auf eine in der «Ethischen Kultur» gestellte Frage von Graf Leo Tolstoy; Aus dem russischen Manuskript übersetzt von Sophie Behr; [Vorwort von G. von Giżycki]*. Berlin, 1894. Через год в Берлине был напечатан немецкий вариант статьи Толстого «Патриотизм или мир?» (*Patriotismus oder Frieden? Vom Verfasser autorisierte Übersetzung von S. Behr*. Berlin, 1895). София Бер – автор перевода философского трактата Толстого «О жизни» (*Über das Leben / Autorisierte Übersetzung von S. Behr*. Leipzig, 1889). Известно одно письмо Толстого к переводчице (от 6 марта 1896 г., см.: 69: 54–55). Бер прислала в Ясную Поляну свои очерки (Behr, Sophie. *Skizzen*. Berlin, 1896) с печатным посвящением писателю: «*Graf Leo Tolstoi gewidmet*». В личной библиотеке Толстого хранится также двухтомное издание произведений русских поэтов в переводе Бер (*Russische Dichtungen / Übersetzt von Sophie Behr*. 2 T. Berlin, 1890–1892).

Лит.: Талалай М. Переводчицы Толстого Софья Бер и Ирина Паскевич согласно новым итальянским источникам // *Лев Толстой и мировая литература: Материалы VII Международной конференции: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»*, 2012. С. 333–343.

З. М. Богачёва

БЕРВИ Василий Васильевич (псевд. Н. Флеровский; 1829–1918) – казанский знакомый молодого Толстого; экономист, социолог, просветитель-демократ, сотрудник журналов «Дело» и «Отечественные записки». В «Журнале ежедневных занятий» (27 января – 7 июня 1847 г.) Толстой записал: «Берви помешал» (46: 245). Берви-Флеровский окончил университет в 1849 г. В списке кандидатов и действительных студентов Императорского Казанского университета за 1845–1846 гг. он (под именем Берви Вильгельм) числился на 1 курсе юридического факультета. Его брат, Владимир Васильевич Берви, был на одном курсе с С. Н. и Д. Н. Толстыми. Отец Берви, Василий (Вильгельм) Фёдорович Берви (1795–1859), профессор физиологии, читал в Казанском университете курс лекций, в которых проводил мысль, что «всё, и самая смерть, нас убеждает, что истинно в сём мире есть духовное бытие, а материя есть только явление» (46: 474). В том же журнале 18 апреля 1847 г. Толстой отметил: «Составить лекцию Берви о бессмертии» (46: 257). В. В. Берви-Флеровский, товарищ Толстого по университету, оставил воспоминания (Женева, 1897). В письме к Некрасову 2 июля 1856 г. Толстой негативно отзывался о повести Берви-Флеровского «В глуши», напечатанной в № 6 «Современника» (1856), за подписью «В. Б-ви». «Ну, уж повесть моего казанского товарища осрамилась, да и «Современник» осрамился; я воображаю, как «Петербургские ведомости» нападут на несчастного Берви, да и есть на что. Недаром вы всё скрывали это произведение и улыбались своей кошачьей улыбкой, когда об нём была речь. Мне кажется, никогда не было в «Современнике» напечатано такой дряни, да что в «Современнике» – ни на русском, ни на каком другом языке, вот как мне кажется. Может, я преувеличиваю, но такое было моё впечатление. <...> Мне хотелось смеяться, но больно, как над близким родственником» (ППП. 1. С. 79). Самому Берви принадлежал крайне резкий разбор «Войны и мира», напечатанный под псевдонимом С. Навалихин в журнале «Дело» (1868, № 6), под заглавием «Изыданный романист и его изыданные критики». В. Берви-Флеровский был популярен в революционных кружках 1860–1870 гг. как автор запрещённых книг: «Азбука социальных наук» (1871), «Положение рабочего класса в России» (1872), «Исследование по текущим вопросам» (1872). В 1909 г., в разговоре с врачом семьи Сухотиных Г. Дашкевичем, Толстой спросил, какая из революционных брошюр в молодости произвела на него самое сильное впечатление.

И, когда тот среди прочих назвал «Азбуку социальных наук» Флеровского, Толстой откликнулся: «Помню, помню это имя. Это мой товарищ по Казанскому университету – Берви» (*ЯПЗ*. 3. С. 456).

Л. С. Дробат

БЕРГЕР Иван Александрович (1867–1916) – племянник И. И. Раевского, хорошего знакомого Толстого, в имении которого Бегичевке Данковского уезда Рязанской губ. в 1891 г. жил Толстой, занимаясь организацией помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая. Ещё с 1860-х гг. Толстые были хорошо знакомы и с бабушкой Бергера Екатериной Ивановной Раевской (рожд. Бибиковой). С 1889 г. Бергер, по рекомендации Раевских, служил управляющим в Ясной Поляне. С. А. Толстая вспоминала: «Взяла я в то время нового управляющего, племянника Раевских, Ивана Александровича Бергера. Хозяйничал он неудовлетворительно, но был такой порядочный и добрый человек, что в нашей деревенской интимной жизни он был даже часто приятен» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 103).

Племянница Толстого Мария Сергеевна Толстая в своих воспоминаниях создала словесный портрет И. Бергера: «...управляющий Ясной Поляны, мужчина высокого роста, плотно сложенный, некрасивый, с рыжеватой бородкой, окружавшей его широкое лицо, сутулый, с бледно-голубовато-серыми глазами, но что-то во всей его простой фигуре было сильное, мощное...» (Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 81). В 1891–1892 гг. Бергер был помощником Л. Л. Толстого, который по примеру отца занимался организацией столовых для голодающих в Самарской губ. Вспоминая события того периода, С. А. Толстая писала в книге «Моя жизнь» о помощнике сына Бергере как о добром и мягкого сердца человеке, которого все любили. По прошествии времени в её памяти осталось только хорошее, а в 1891 г., рассерженная на неблагоприятный поступок своего управляющего, она однажды записала в дневнике: «...он и всегда лжёт, и ленив ужасно, я им очень недовольна» (*ДСАТ*. 1. С. 139). Судя по дневникам С. А. Толстой, по воспоминаниям Т. Л. Сухотиной, Бергер помогал в разных хозяйственных делах, иногда приходилось ему заниматься поимкой мужиков на краже леса, за что их осуждали к заключению в остроге, и это болезненно переживал Толстой. Его волновала дальнейшая судьба этого не чужого ему человека. Возможно, он хотел сблизить его со своими единомышленниками. Одному из них, М. А. Сопочко, который в 1893 г. занимался устройством

столовых в Ефремовском уезде Тульской губ., он писал 13 июля 1894 г.: «Недалеко от вас Ив. Ал. Бергер, работал на земле. Вам хорошо бы видаться. А в особенности ему хорошо видаться с вами» (67: 174).

В 1894 г. Бергер получил расчёт от С. А. Толстой. Об этом Толстой писал Л. Л. и Т. Л. Толстым 12 марта 1894 г.: «Нынче приехала мамá здоровая и бодрая. Немного было испортилось у нее дело с Иваном Александровичем (он там занял деньги, которые она не хотела отдавать), но он сейчас вечером был здесь, и она отдала ему часть денег и дала ему аттестат и рассталась с ним по-доброму, по-хорошему» (67: 77). Тогда же Т. Л. Толстая назначила Бергера управляющим её имением Овсянниковом. В своём дневнике характер его деятельности дочь Толстого назвала словом «властвует», что навело её на мысль о необходимости избавиться от собственности. Как долго прослужил Бергер в Овсянникове и какова была его дальнейшая жизнь – неизвестно.

Л. В. Милякова

БЕРЕНШТАМ Владимир Вильямович (1871–1931) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого, автор воспоминаний о нём; юрист, адвокат, литератор. Родился в Киеве, в дворянской семье известного украинского педагога и общественного деятеля статского советника В. Л. Беренштама. Окончив в 1896 г. юридический факультет С.-Петербургского университета, служил в столице помощником присяжного поверенного. Вместе со своим братом М. В. Беренштамом (тоже адвокатом) «стали инициаторами и руководителями нового движения»: оказывали юридическую помощь рабочим, создавали бесплатные консультации в разных районах города, а затем перешли к организации коллективных защит в С.-Петербурге, «с выездом в другие города по делам, преимущественно политическим» (Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 116). Беренштам участвовал в качестве защитника во многих политических процессах: по делу И. П. Каляева – убийцы князя Сергея Александровича, известных революционеров Л. Д. Троцкого, В. П. Ногина и др. За антиправительственную деятельность он дважды (1897 и 1898 гг.) подвергался аресту и привлекался к дознанию о революционной пропаганде среди рабочих, отбывал ссылку в Полтаве, состоял под надзором полиции.

Беренштам приехал в Ясную Поляну 16 октября 1905 г. Он вспоминал, что вынужден был несколько дней находиться в Туле –

бастовали железнодорожники. От своего попутчика, врача А. А. Таирова, узнал, что тот накануне был в Ясной Поляне и беседовал с Толстым. Таиров настойчиво советовал ему также посетить «великого писателя земли русской». Свою поездку к Толстому и содержание беседы с ним Беренштам изложил в очерке «У Ясной Поляны. (Встреча с Л. Н. Толстым в дни октябрьской забастовки)»; очерк вошёл в его книгу «Из пережитого» (1915).

Доктор Д. П. Маковицкий 16 октября 1905 г. записал: «Под вечер приехал из Тулы, где застрял на вокзале, присяжный поверенный из Петербурга, Беренштам, который защищал убийцу Сергея Александровича и бунтовавших якутских политических ссыльных. Л. Н. гулял с ним по Чепыжу и к самой Воронке. Пригласил обедать, но тот не остался. Вечером Л. Н. просматривал книгу Беренштама «За право!», которая появилась во втором издании, но была арестована цензурой. Читал её минут 10–15, но потом отложил – собственноручно отбросил: – Это очень плохо. Не стоит читать. Он защищает (*я не расслышал, что, показалось: «убийство»*). Напыщенные слова. Все из того мира запутанного» (ЯПЗ. I. С. 428).

Как очеркист и публицист Беренштам печатался в журналах «Русское богатство», «Мир Божий», «Вестник Европы» и др. Он автор книг: «За право!» (1905), «Около политических», «Из жизни» (1908), «В огне защиты» (1909), «Записки адвоката» (1913), «Из пережитого» (1915). После Октябрьской революции 1917 г. он недолго исполнял обязанности юрисконсульта в торгпредстве в Праге. В 1920 г. работал юрисконсультом Полтавского губисполкома, близко общаясь с писателем В. Г. Короленко. После его смерти находился в эмиграции, но в конце 1920-х гг. возвратился в СССР. Продолжая литературную деятельность, выпустил за это время книги: «В тисках ссылки» (1924), «В боях политических защит» (1925), «В борьбе за право: воспоминания защитника по политическим делам в царское время» (1930). Его перу принадлежат книга воспоминаний «В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу» (1922), пьесы «Жена не жена», «Иван Калыгин» (1926). Умер Беренштам в Ленинграде, похоронен на Коммунистической площадке Александро-Невской лавры. На его памятнике надпись: «Первый рабочий адвокат России и политический защитник».

В. Н. Чисников

БЕРЛИОЗ Гектор (1803–1869) – крупнейший французский композитор-романтик, создатель программной симфонии, новатор в области музыкальной формы, гармонии, инструментовки. Как дирижёр гастролировал в Европе, дважды приезжал в Россию (1847 и 1867/1868 гг.); был знаком с русской музыкой и некоторыми русскими композиторами. Автор нескольких опер, 23 вокально-симфонических произведений (в т. ч. «Реквиема»), ораториальной трилогии «Детство Христа» (1854); «Фантастической симфонии», симфонии «Ромео и Джульетта», увертюры, романсов, хоров... Музыкальный критик, автор книг: «Большой трактат по современной инструментовке и оркестровке», «Вечера в оркестре», «Сквозь песни», «Музыкальные курьёзы», а также мемуаров, статей, рецензий.

Толстой не мог знать творчество Берлиоза в полном объёме, но с некоторыми сочинениями, вероятно, был знаком и относился к ним отрицательно, называя их «рассудочными, выдуманными произведениями» (30: 125). Имя Берлиоза всегда упоминалось в ряду имён музыкантов, в творчестве которых Толстой видел искусственность, декадентство, желание произвести эффект (Вагнер, Р. Штраус, Григ...). В трактате «Что такое искусство?» он так определял современную ему музыку: «...почти вся камерная и оперная музыка нашего времени, начиная с Бетховена, <...> по содержанию своему посвящённая выражению чувств, доступных только людям, воспитавшим в себе болезненную нервную раздражительность, возбуждаемую этой искусственной и исключительной сложной музыкой» (30: 165). К числу авторов такой музыки Толстой относил и Берлиоза.

В 1876 г. П. И. Чайковскому Толстой послал сборник народных песен, сопроводив его пожеланием-наказом: «Это удивительное сокровище – в ваших руках. Но, ради Бога, обработайте их и пользуйтесь ими в Моцарто-Гайденовском роде, а не Бетховено-Шумано-Берлиозо-искусственном, ищущем неожиданного, роде. Сколько я не договорил с вами! Даже ничего не сказал из того, что хотел. И некогда было. Я наслаждался. И это моё последнее пребывание в Москве останется для меня одним из лучших воспоминаний» (62: 297).

Н. И. Бурнашёва

БЕРНÉКЕР Эрих Карл (Berneker; 1874–1937) – знакомый Толстого, посетитель Ясной Поляны; немецкий языковед-славист, профессор Мюнхенского университета, член-корреспондент Академии наук СССР (1929); автор работ о Толстом. Родился в Кё-

нигсберге (Пруссия, ныне г. Калининград). После окончания Лейпцигского университета был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Под руководством известного слависта профессора А. Лескича совершенствовался в области славянского и балтийского языкознания. В 1897 г. в Лейпциге вышла брошюра Бернекера «*Russisches Lesebuch mit Glossar*» («Русская хрестоматия»), в которой были напечатаны несколько рассказов Толстого. В феврале 1898 г. СПб. цензурный комитет отмечал, что помещённые на с. 2–16 этой брошюры рассказы графа Толстого и несколько его переводов, написанных в 1869–1872 гг. и предназначенных для детей, «не заключают в себе ничего предосудительного в цензурном отношении» и, согласно мнению цензора Воршева, «не усматривается препятствий к обращению указанной брошюры внутри Империи» (РГИА. Ф. 776, оп. 21, д. 294, л. 3–4).

В 1898–1899 гг. Бернекер проходил стажировку в Московском университете под руководством профессора Н. И. Стороженко. На квартире Стороженко, проживавшего на Плющихе, в Ружейном переулке, в доме Байдакова, состоялась первая встреча с Толстым. Историк И. А. Линниченко в своих малоизвестных воспоминаниях писал: «Однажды в Страстную субботу мы решили идти в Кремль встречать Пасху. Сидим в гостиной (она же и столовая) у Н. И. за чаем. Кроме меня и семьи Н. И. за столом находился молодой немецкий ученый Э. К. Бернекер <...>, проживавший у Н. И. Часов в 10 вечера, совершенно неожиданно, заходит к Н. И. Л. Н. Представляют великому писателю молодого учёного. Л. Н. вступает с ним в беседу (частью по-немецки, частью по-русски – Бернекер тогда уже порядочно владел русским языком) и начинает его расспрашивать о разных немецких рационалистически-религиозных обществах, причём поразил нас своим близким знакомством с религиозными движениями в Германии...» Мемуарист также упоминал, что Бернекер «ездил к Л. Н. в Ясную Поляну, где провёл несколько дней, передавал и устно, и письменно свои впечатления от знакомства с великим писателем» (Линниченко И. А. Мои встречи с Л. Н. Толстым // Линниченко И. А. Речи и поминки. Сб. ст. по истории рус. литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С. 312–319).

После стажировки Бернекер возвратился в Лейпциг, где молодого учёного продолжали занимать жизненный путь и творчество Толстого. Он усиленно штудировал его сочинения, изданные в Москве (1889), Женеве (1895), Лондоне (1900), а также российскую

и зарубежную литературу о нём. Результатом напряжённой работы стал выход в свет книги Бернекера «*Graf Leo Tolstoj*» (Лейпциг, 1901), в которой автор знакомил читателей с биографией Толстого и его творчеством. Особое внимание исследователь уделял анализу «великих романов» «Война и мир» и «Анна Каренина», посвятив им два раздела. Берлинский литературовед Х. Штульц отмечала, что эта книга Бернекера, одного из немногих немецких толстоведов начала XX в., «явилась первой заслуживающей упоминания работой немецкого слависта о Толстом» (Штульц Х. Толстой в Германии (1856–1910) // ЛН. Т. 79. Кн. 2. С. 234).

Лит.: Чисников В. Н. Л. Н. Толстой и немецкий славист Эрих Бернекер // Лев Толстой и мировая культура. Материалы III-го Международного Толстовского конгресса (Москва, 12–14 сентября 2008 г.). М., 2010. С. 181–186.

В. Н. Чисников

БЕРО́ Жан (Béraud; 1848–1935) – французский салонный живописец. Родился в Петербурге в семье скульптора Жана Боро-старшего, который участвовал в оформлении Исаакиевского собора. После смерти отца семья вернулась в Париж. Боро учился в лицее Бонапарта (ныне лицей Кондорсе) и с 1871 г. в течение двух лет посещал Школу изящных искусств, позже – мастерскую известного портретиста Леона Бонна. Окончив Школу изящных искусств, открыл собственную мастерскую в квартале художников на Монмартре. Приобрёл известность жанровыми работами: изображал жизнь ночного Парижа и парижского светского общества. В 1871–1889 гг. постоянно выставлялся в Парижском салоне. Основной мотив его творчества – городская жизнь. В 1890 г. он обратился к религиозной тематике, писал картины на евангельские темы. Изображая классические библейские сцены, он облакал своих персонажей в современные одежды. Картины этого ряда напоминают нидерландскую живопись XVII в. Так, в Парижском салоне 1891 г. Боро выставил картину «Магдалина в доме фарисея» (для Магдалины позировала известная куртизанка). Среди лиц, окруживших Спасителя, современники узнавали Ренана, автора не менее скандальной в те годы монографии «Жизнь Иисуса».

О другой работе художника на религиозную тему: «“Дорога креста” – Голгофа», куда несёт свой крест Христос, сопровождаемый «современными нам людьми», писал в мемуарах Репин: «Боро уже не первый, кто сводит Христа в обстановку

нашего времени. На нынешней его картине публика разделена на два лагеря. С левой стороны буржуа всяких состояний выражают Христу свою ненависть жестами, криками и поднятием камней на великого страдальца. Справа, напротив, — коленопреклонённые, со сложенными благоговейно, по-католически руками, ждут его благословения» (Репин И. Е. Далёкое близкое. Л., 1986. С. 422).

С 1870-х гг. в искусстве начались попытки изображать Христа как историческое лицо. Этому направлению в искусстве следовали художники И. Н. Крамской, Н. Н. Ге, В. Д. Polenov и др., в литературе — Толстой. В связи с этим в письме к П. М. Третьякову 30 июня 1890 г. Толстой излагал свою позицию в этом вопросе: «Но изображать как историческое лицо то лицо, которое признавалось веками и признаётся теперь миллионами людей Богом, неудобно: неудобно потому, что такое изображение вызывает спор. А спор нарушает художественное впечатление. И вот я вижу много всяких попыток выйти из этого затруднения. Одни прямо с задором спорили, таковы у нас картины Верещагина, даже и Ге “Воскресение” <“Вестники Воскресения”>. Другие хотели третировать эти сюжеты, как исторические, у нас Иванов, Крамской, опять Ге “Тайная вечеря”. Третьи хотели игнорировать всякий спор, а просто брали сюжет, как всем знакомый, и заботились только о красоте (Доре, Polenov). <...> Потом ещё были попытки свести Христа с неба, как Бога, и с пьедестала исторического лица на почву простой обывденной жизни, придавая этой обывденной жизни религиозное освещение, несколько мистическое. Такова Ге “Милосердие” и французского художника: Христос в виде священника босой, среди детей и др.» (65: 124). Скорее всего, речь шла о картине Жана Бера, изображающей босого Христа-священника среди детей.

Толстой высоко ценил картину Н. Н. Ге «Что есть истина?» и считал его лучшим живописцем «с тех пор, как существует русская живопись» (67: 155). По сравнению с ним другие русские или европейские живописцы, пишущие на религиозные темы, отличающиеся техничностью, представлялись ему неискренними. «...Не только наши выставки, но и заграничные салоны, — писал он Третьякову, — наполнены или картинами, бьющими на внешние эффекты, или пейзажи, портреты, бессмысленные жанры и выдуманные исторические или религиозные картины, как Уде <немецкий художник. — А. П.>, или Бера, или наш Васнецов. Искренних сердцем содержательных картин нет. Ге же главная сила в искренно-

сти, значительном и самом ясном, доступном всем содержании. <...> В содержательной картине всегда техника кажется плохой для тех особенно, которые не понимают содержания. <...> Рядовая публика требует Христа-иконы, на которую бы ей молиться, а он даёт ей Христа — живого человека...» (67: 154).

В письме к В. В. Стасову 4 сентября 1894 г. Толстой признавал, что Ге «упреждал отношение к христианству на много десятков лет, а какой-нибудь француз или немец через 50 лет или раньше, пользуясь Ге, установит такое отношение к христианству и напишет картины, и мы все будем восхищаться, как восхищались теперь Тиссо, который повторяет только Иванова. По-моему, — писал Толстой, — ведь главное <...> значение Ге, кроме его удивительной реальности, т. е. правдивости, в том, что он нашёл то новое отношение к христианству в живописи, вокруг которого ходят и которое ищут все живописцы в Европе, и Бера, и Уде, и другие» (67: 216–217). В планах, заметках и набросках к трактату «Что такое искусство?» имя Ж. Бера упоминалось в одном ряду с такими авторами «подделок под искусство», как Ибсен, Вагнер, Пювис де Шаван и др. (30: 373).

Тем не менее работы художника Бера, не связанные с религиозными сюжетами, Толстому нравились. Так, в 1907 г. в старых номерах еженедельного сатирического журнала демократического направления «Искра», издававшегося в Петербурге в 1859–1873 гг., писатель увидел репродукцию его картины «Сумасшедшие», которая ему понравилась. Он «смеялся, глядя на неё», и сказал, что «только французы могут написать, так до подробностей выработано. Каждая поза верна...» (ЯПЗ. 2. С. 373, 656).

А. Н. Полосина

БЕРТЕНСОН Лев Бернардович (1850–1929) — посетитель, корреспондент и адресат Толстого; известный петербургский врач-терапевт и гигиенист, лейб-медик. В 1872 г. окончил Военно-медицинскую академию в С.-Петербурге, один из лучших врачей-диагностов, член императорского медицинского совета. По его инициативе основана Всероссийская Лига для борьбы с туберкулёзом.

Бертенсон познакомился с Толстым лично, когда по приглашению С. А. Толстой приезжал в Крым лечить больного писателя. Он приехал в Гаспру 22 января 1902 г. состояние здоровья Толстого вызывало серьёзное опасение. Толстой говорил Бертенсону, что «пришла пора умирать», что смерти он не боится и что «врачи не долж-

ны мешать умирать». Бертенсон установил режим для больного и дал необходимые рекомендации. Когда Толстому стало лучше, между ними завязалась переписка. В письме от 3 марта 1902 г. из Гаспры Толстой писал: «Дорогой Лев Бернардович, получил сегодня ваше милое письмо и очень благодарен за него, так же, как и за готовность помочь мне. К счастью, теперь мне ничего не нужно, и болезнь идёт нормальным ходом к улучшению. <...> То, что теперь нет надобности в вашей помощи, не мешает мне быть вам в высшей степени благодарным и за тот приезд и за вашу внимательную заботливость обо мне» (73: 211).

Ещё раз Бертенсон побывал в Гаспре в июне 1902 г. Из письма Толстого к старшей дочери Т. Л. Сухотиной-Толстой от 4 июня 1902 г.: «Вчера был Бертенсон, рассказывал много интересного про Петербург» (73: 253). В *ЯПб* сохранились несколько книг Бертенсона с дарственными надписями автора.

Лит.: Бертенсон Л. Б. Страничка к воспоминаниям о Л. Н. Толстом // Сб-к воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., 1911. С. 83–84; Бертенсон Л. Б. Как я лечил Толстого // Красная панорама. 1928. № 36.

Н. В. Зубкова

БЕССОНОВ Пётр Алексеевич (1827–1898) – корреспондент и адресат Толстого; филолог, этнограф. Получил образование в Московской духовной семинарии, затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Служил в Комиссии печатания гос. грамот и договоров. Был учеником М. П. Погодина, впоследствии поддерживал с ним дружеские отношения. С 1858 г. – секретарь Московской синодальной типографии и член Общества любителей российской словесности. Член-корреспондент Сербского учёного общества. Опубликовал ряд сборников песен славянских народов, в т. ч. «Песни, собранные П. В. Киреевским» (ч. 1–10. М., 1860–1874) и «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (ч. 1–4. М., 1861–1867). В 1872 г. Бессонов предлагал Толстому издавать его «Азбуку», но первое издание было перенесено в Петербург, и Толстой не смог воспользоваться этим предложением, о чём с сожалением писал Бессонову 9 сентября 1872 г. Во второй книге «Азбуки» был напечатан рассказ Бессонова «Петр I и мужик». О Бессонове Толстой писал 12 января 1872 г. А. А. Толстой, называя его своим приятелем, «прекрасным человеком» и «известным знатоком и собирателем русской старины» (*ПАТ.* 2011. С. 286). Фольклорные сборники Бессонова и в дальнейшем

интересовали Толстого. По свидетельству самого писателя из письма к С. А. Толстой (30 января 1884 г.), он читал подготовленное Бессоновым издание «Калики переходные. Сборник духовных стихов и исследование» (М., 1861–1864): «Читал Калики переходные, стихи. Меня навело на это чтение моя затея народной пьесы. Обдумываю её с большим удовольствием. И, как всегда, всё разрастается и, главное, углубляется и делается очень (для меня) серьёзно» (83: 417). В одном из томов «Калик переходных» в *ЯПб* в 1914 г. был найден план народной пьесы Толстого «Пётр-Хлебник». Толстой интересовался обсуждением этой книги в печати: он читал рецензию Н. С. Тихонравова.

Т. А. Алпатова

БИБИКОВ Александр Дмитриевич (1862?–?) – сын чернского помещика Д. П. Бибикова, знакомый Л. Н. Толстого и М. В. Булыгина, один из тех, кто «поселились на земле и сами работают» (65: 144). Булыгин рассказывал Толстому «про Бибикова – как он нравственно высок: работает, молчит, терпит всё, всегда ласков» (51: 71).

Толстой называл А. Д. Бибикова «замечательно милым, кротким человеком» (*там же*). Писатель познакомился с ним в Ясной Поляне в мае 1889 г. Бибиков несколько раз посещал Толстого, иногда вместе с Булыгиным или со своей гражданской женой крестьянкой Степанидой: по приглашению Булыгина в это время Бибиков вместе с женой жил у него на хуторе Хатунка. Прожил там чуть больше года, а в августе 1890 г. Толстой получил от Бибикова письмо, в котором тот жаловался на Булыгина. Что случилось, неизвестно, но через несколько дней Бибиков ушёл из Хатунки. Толстой поехал к Булыгину, от которого узнал и записал адрес Бибикова: Чернь, Раевская волость, селцо Троекурово. Хотел ли разыскать Бибикова? Или написать ему? В дневнике Толстой несколько раз упоминает имя Бибикова. «Опять речь о церкви. Бибиков всё понимает, стремится к бессознательной жизни, говорит, что женщина, с которой он сошёлся, вывела его на путь, главное, своей энергией» (50: 145). Дальнейшая судьба А. Д. Бибикова неизвестна.

Л. С. Дробат

БИБИКОВ Владимир Александрович (1874–?) – сын владельца соседнего имения Телятинки помещика А. Н. Бибикова и О. А. Фиркель, знакомый Толстого, приятель его сыновей Ильи и Андрея Толстых. Писатель был в дружеских отношениях с А. Н. Бибиковым, неоднократно посещал

Телятинки, знал всех телятинских обитателей. В 1886 г., после смерти отца, Владимир и его сестра Софья стали владельцами имения. С юных лет Вл. Бибиков отличался буйным, неуправляемым нравом, был, что называется, беспутный малый. В архиве Толстого сохранилось письмо к Толстому дяди Владимира Н. Н. Бибикова от 15 сентября 1899 г. с просьбой повлиять на молодого тогда племянника (54: 528). Из сыновей писателя особенно часто встречался с Бибиковым Андрияша, охотился, пил водку, и, когда вдруг надумал жениться на крестьянке Акулине Макаровой, Толстой вынужден был сказать сыну, «что знакомство с Бибиковым <...> и питьё водки» не имеет «ничего общего с женитьбой» (68: 215). И если он будет продолжать так жить и дальше, будет пить и общаться с людьми, которые пьют, то он «будет Бибиков, и лучше ему уйти из дома и жить на деревне» (52: 121–122).

Телятинские крестьяне, не испытывавшие к своему барину никаких почтительных чувств, вспоминали: «В Телятинках не прекращались пожары. Иногда крестьяне поджигали помещиков, а вот Владимир Александрович поджигал своё имение сам, чтобы получить страховку... Хитрый и ловкий был человек» (Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978. С. 105–106). Бибиков затеял судебную тяжбу по поводу купленных Толстым у его отца в августе 1865 г. 28-и десятин земли. С. А. Толстая со свойственной ей резкостью и прямоотой писала об этом в своём дневнике 20 октября 1895 г.: «Сосед, молодой негодяй Бибиков, человек пьяный, безнравственный и глупый, отрезал у нас купленную 33 года тому назад у его отца землю, на которой посадка 30-летняя; позвал землемера, поставил столбы с казённой печатью, вырыл межевые ямы и выкопал канаву. Кроме того, увёз наш хворост, срубил две берёзы и утверждает, что земля продана не была, а его» (ДСАТ. 1. С. 308). Это дело стоило С. А. Толстой много нервов и сил, но суд был выигран, и земля осталась за Толстыми. Сам Толстой, вспоминая В. Бибикова, записал в дневнике: «Думая о людях, которых не любишь, прибавляй эпитет: милый, бедный, милый Бибиков...» (54: 189).

Лит.: Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978. С. 101–115.

Л. С. Дробат

БИБИКОВ Василий Николаевич (1830–1899) – старинный знакомый Толстого, небогатый помещик села Успенского (Кобылинка) Богородицкого уезда Тульской губ., свёкор племянницы Толстого М. С. Бибиковой (рожд. Толстой). По эк-

замену 1850 г. получил звание домашнего учителя; коллежский регистратор; был женат на Е. М. Жуковой. Брат А. Н. Бибикова, соседа Толстого по имению, владельца Телятинок, с которым у писателя 20 лет были «ненарушимо дружелюбные отношения». Братья Александр, Василий и Иван Бибиковы были незаконными сыновьями Николая Николаевича Бибикова и вольноотпущенной Анны Наумовны (?–1875), на которой он позже женился. Через свою двоюродную тётку А. А. Толстую писатель хлопотал, чтоб их узаконили.

В. Н. Бибикова и его большую семью Толстой хорошо знал и очень любил его за всегдашнее необыкновенное спокойствие, за добродушный нрав. Бибиков был страстным охотником, он «так серьёзно относился к охоте, что, предполагая охотиться на матёрого волка, утром брился и надевал чистую рубашку, подобно римлянам перед битвой» (*Очерки былого*. Гл. «Мой отец в семидесятых годах»). Вместе с ним Толстой охотился в 1860–1870-х гг. В неурожайные 1891–1892 гг., устраивая столовые для голодающих крестьян, Толстой несколько раз посещал Бибикова в Успенском, где тоже открыли такую столовую, на которую было получено от Толстого 400 рублей. В записной книжке писателя за 1891 г. есть такая характеристика интересов Бибикова: «Именьё, доход, охота, собаки, экзамены детей, лошади» (52: 192).

Л. С. Дробат

БИБИКОВА Мария Сергеевна (рожд. Толстая; 1872–1954) – племянница Толстого, одна из трёх (младшая) дочерей С. Н. и М. М. Толстых; с 1899 г. жена С. В. Бибикова. С сёстрами и родителями Маша жила в Пирогове, воспитывалась, как и её сёстры, гувернанткой-французкой, с детства была приучена говорить с отцом по-французски.

Толстой и его домашние часто бывали в Пирогове. Его дети, особенно Мария Львовна, были дружны с «пироговскими девочками». Старший сын писателя С. Л. Толстой вспоминал: «Маша – брюнетка с выразительными чёрными глазами – была похожа на свою мать-цыганку не только лицом, но и своим добродушным характером» (*Очерки былого*. Гл. «Сергей Николаевич Толстой»). Её личная судьба сложилась счастливо, за ней много лет ухаживал сын соседнего помещика, старинного знакомого Толстого Василия Бибикова, Сергей Васильевич Бибиков, и она твёрдо заявляла отцу, что непременно выйдет замуж за Бибикова, чему отец всячески противился. Благодаря содействию и заступниче-

ству Толстого, 12-летнее знакомство Маша и Сергея завершилось браком. Бибииков был «вполне порядочным, сердечным, дельным человеком <...> и оказался любящим мужем и почтительным зятем. Его родные выделили ему небольшое имение Дубки, по соседству с Пироговым, где он вместе с женой и поселился» (*там же*). М. С. Бибиикова написала воспоминания о семье Толстых, о своём отце и дяде.

Лит: Бибиикова М. С. В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 9–85.

Л. С. Дробат

БИНШТОК Владимир Львович (Bienstock; 1868–1933) – французский журналист (из семьи русского происхождения), писатель, драматург и один из самых плодотворных переводчиков произведений Толстого и Достоевского с русского на французский язык. Сочинения Толстого переводил в содружестве с П. И. Бирюковым. Автор нескольких статей о Толстом во французской периодической печати.

В 1901 г. Толстой писал Бирюкову: «Salomon пишет мне, что переводы Bienstock'a ужасны. То, что я читал из них, подтверждает это его мнение. Художественное пускай он уродует, это всё равно, но религиозно-философское и так часто недостаточно ясно, точно выражено. В дурном же переводе, как у него, может совсем скрывать и извращать смысл» (73: 168).

Выход в свет в 1902 г. в переводе Бинштока при участии Бирюкова статьи Толстого «Что такое религия и в чём её сущность?» («Qu'est-ce que la Religion?» Paris, 1902) утвердил писателя в своём мнении. Бирюков прислал Толстому экземпляр этого перевода, просил дать на него отзыв и внести исправления. В пространном ответе 19 мая 1902 г. Толстой согласился, что перевод «не только просто плох, но ужасен. Во многих местах, и даже в самых важных, человек, не знающий содержания, не поймёт смысла» (73: 243). Он предлагал Бирюкову «обратиться к хорошему знатоку и русского и французского языка» и «найти хорошего переводчика, чем предоставить это дело Бинштоку»: «Я даже удивляюсь, на какой он может рассчитывать успех французского издания при таком ужасном переводе» (73: 244). Об издании перевода книги «Война и мир» (Париж, 1903), гранки которого В. Г. Чертков переслал писателю, Толстой писал 17 ноября 1903 г.: «Перевод Бинштока "Войны и мира" ужасен» (88: 311).

Чаще всего писатель плохо отзывался о переводах Бинштока. Но хороший его перевод он умел оценить. В 1902–1910 гг.

в парижском издательстве «Шток» в переводе Бинштока на французский язык выходило ПСС Л. Н. Толстого в 37 тт. «Получил от Бинштока переводы 1-го тома», – писал Толстой в марте 1902 г. П. И. и П. Н. Бирюковым и похвалил «хорошее предисловие» Бирюкова и хороший перевод Бинштока «Солдатской памятки» («Carnet du soldat») (73: 224).

Но репутация Бинштока как переводчика сочинений Толстого в целом не изменилась. В 1906 г., просматривая почту, распечатав бандероль с 15-м т. ПСС в его переводе (Paris, 1902–1910), Толстой «бросил книгу на стол и сказал: "Отвратительно! Мне и сама обёртка противна!"» (ЯПЗ. 2. С. 52, 616).

4 ноября 1906 г. Толстой вновь завёл разговор о печальном опыте перевода Бинштоком статьи «Что такое религия и в чём её сущность?»: «это что-то ужасающее», «взвинченное, запутанное, ничего нельзя понять». Он говорил Д. П. Маковицкому: «"Начало" (духовное) он переводит le commencement; "сделка" – accommodation, а такое слово есть только в смысле приспособления глаз, а есть слово accommodation. А мы смотрим на книги с уважением» (ЯПЗ. 2. С. 293). На следующий день Толстой поручил Маковицкому написать редактору издания ПСС П. И. Бирюкову «о скверном переводе Бинштока» статьи «Sur la religion» («О религии») (ЯПЗ. 2. С. 294). Маковицкий писал: «Вчера Л. Н. нуждался для письма к Сабатье в французском переводе "Sur la religion". Ужаснулся на этот перевод. <...> Совсем не мог воспользоваться им» (ЯПЗ. 2. С. 645).

Писатель был в растерянности от плохих переводов его произведений. В 1908 г. он даже «поощрял» переводить на французский язык его сочинения Н. Н. Ге-сына, так как «переводы Бинштока (парижское издание Stock полного собрания сочинений Л. Н. в 40 томах) отвратительны и не передают смысла, и язык не французский. Л. Н. просил Н. Н. Ге прочесть несколько строк. Ге достал с полки одну книгу (они находятся на полке в спальне), открыл в середине и прочёл первые попавшиеся ему два предложения; оба бросались в глаза своим не французским языком». Н. Ге «объяснил это так: "Биншток – русский еврей, не знает по-французски; говорит бойко, но совсем плохо. Он даёт переводить кому попало – таким, которые тоже не знают хорошо языков, и поправляет его жена, совсем не знающая по-русски. <...> Так переводят Л. Н. на всемирный французский язык, в таком плохом переводе читает его весь романский, большая часть магометанского мира,

и с него переводят, с этого плохого французского перевода, на итальянский, испанский, португальский, мадьярский, турецкий и многие другие языки» (ЯПЗ. 3. С. 206–207).

В 1909 г. С. А. Толстая «передала слова Л. Н. о французском переводе его сочинений Бинштоком: “Невозможный, отвратительный перевод. Стараюсь его не читать”» (ЯПЗ. 3. С. 343).

В 1911 г. в Полном собрании сочинений Толстого (издательство «Шток») в переводе Бинштока вышли роман «Воскресение», а также философские и публицистические статьи Толстого.

А. Н. Полосина

БИРЮКОВ Сергей Иванович (1858–1941) – старший брат Павла Ивановича Бирюкова; генерал-майор; знаком с Толстым с января 1889 г. В 1875 г. окончил привилегированное военное учебное заведение – Пажеский корпус, в котором учился и Павел Иванович. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в чине подпоручика лейб-гвардии Первой артиллерийской бригады; награждён орденами и медалью. С 1889 г. – земский начальник в Костромском уезде; непременный член Костромского губ. правления; предводитель дворянства в Костромской губ.; позднее был вице-губернатором в Томске и в Нижнем Новгороде. Бирюков-старший был человеком «светским», и с ним у П. И. Бирюкова были несколько натянутые отношения, хотя тот и разделял взгляды Толстого по устройству общества в России. Будучи вице-губернатором в Н.-Новгороде и проявляя гуманность к осуждённым, он улучшил режим содержания в тюрьмах ссыльным и революционерам. С. Бирюков высоко ценил произведения Толстого. Как человека военного, его больше интересовали «Война и мир», «Хаджи-Мурат», севастопольские рассказы. Он был большим театралом. В Костроме в то время существовал музыкально-драматический кружок, который давал концерты и представления в зале Дворянского собрания; своими мыслями С. Бирюков поделился в статье «Что запомнилось из музыкально-театральной хроники начала 90-х гг. (XIX в.)», напечатанной в местной газете.

30 января 1889 г. С. И. Бирюков посетил хамовнический дом Толстых. В тот день Толстой записал в дневнике: «Бирюков брат был. Вот он – никто бы слова не сказал за платье и чин (?)» (50: 31). «Светский» гость С. Бирюков казался полной противоположностью опростившемуся младшему брату, у которого в то время был серьёзный роман с дочерью Толстых Марией Львовной.

П. И. Бирюков не мог принять жизненную позицию брата, но не мог и навсегда отойти от него. «Нынче же приехал Поша, – писал Толстой 12 марта 1894 г. из Москвы детям Л. Л. и Т. Л. Толстым. – Рассказывает, что там дома ему чуждо, особенно с братом, и грустно видеть то неудовлетворение, которое даёт жизнь, которую он ведёт. Это всегда особенно трагично» (67: 78). И П. И. Бирюков нёс эту свою ношу. 23 мая 1896 г., уже закончив письмо к своему другу П. И. Бирюкову, Толстой приписал: «Как вы с братом? Не покидайте его, не отчаивайтесь в нём, а как солнце светите: на камень – на камень, на траву – на траву» (69: 98).

А. М. Бирюков

БИРЮКОВА Варвара Васильевна (рожд. Христиани; 1831–1895) – мать Павла Ивановича Бирюкова, одного из первых последователей, друзей и биографов Толстого. Происходила из старинного дворянского рода Христиани. Её отец – Василий Христианович Христиани (1798–1857) – тайный советник в С.-Петербурге, мать – Мария Григорьевна (1805–1877). Варвара Васильевна была «довольно образованна, знала языки, музыку и была очень религиозна, исповедовала православие» (Бирюков А. М. П. И. Бирюков – первый биограф Л. Н. Толстого. М., 2011. С. 4); замужем за И. С. Бирюковым, генерал-майором, представителем древнего дворянского рода. Бирюковы жили в родовой усадьбе, с. Ивановском, Костромской губ., где у них родились сыновья Сергей (1858–1941) и Павел (1860–1931). До революции имение Бирюковых было настоящим очагом культуры для всей округи. Бирюковы не жалели средств и помогали крестьянам, ратовали за их здоровье и всеобщее образование. Построили в селе школу и больницу. Устраивали праздники для крестьянских детей, помогали вдовам, брали на воспитание сирот. У Бирюковых гостили композитор П. И. Чайковский и др. известные люди. В 2010 г. в Ивановском был открыт Историко-культурный музей рода Бирюковых.

В. В. Бирюкова была лично знакома и общалась с Толстым, который уважал её за доброту, всегда тепло о ней отзывался. В дневниках Толстого за 1889 г. есть записи: «Бирюкова прелесть доброты настоящей» (50: 76), «Пошёл к В. В. Бирюковой. Всё то же – добрая женщина» (50: 77). Толстому важно было мнение В. В. Бирюковой, её взгляд на отношения между её сыном Павлом Ивановичем и дочерью Толстого Марией Львовной, которых некоторое время связывала глубокая взаимная симпатия. Молодые люди готовы были вступить

в брак. Но Толстой предлагал им отложить брак на два года и проверить свои чувства. 10 января 1889 г. в письме через П. И. Бирюкова Толстой обращался к его матери: «Покажите это письмо Варваре Васильевне и спросите, что она думает, насколько согласна со мною» (64: 214). Впоследствии Мария Львовна вышла замуж за кн. Н. Л. Оболенского, а П. И. Бирюков женился на единомышленнице Толстого Павле Николаевне Шараповой.

Лит.: Бирюков А. М. П. И. Бирюков – первый биограф Л. Н. Толстого. М.: Полиграф-сервис, 2011; Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 311–313.

Е. Г. Шестакова

БИРЮКОВА Павла Николаевна (рожд. Шарапова; 1867–1945) – с 1899 г. жена П. И. Бирюкова, единомышленника, друга и биографа Толстого, издателя, редактора, общественного деятеля. Толстой видел в ней правдивую, твёрдую личность, относился с большим уважением и любовью.

Познакомилась с Толстым в 1887 г., когда со своей воспитанницей жила в Ясной Поляне у крестьян Макаровых, помогая им в крестьянских работах и обучая крестьянских детей. В 1891–1892 гг. вместе с П. И. Бирюковым участвовала в оказании помощи голодающим в Самарской губ. В 1893 г. вместе с целым кружком молодых помощников Толстого участвовала в организации столовых для голодающих в Бегичевке Данковского уезда Рязанской губ. С ней работали на голоде и её брат М. Н. Шарапов и старшая сестра А. Н. Шарапова. В 1897 г. П. Н. Шарапова уехала вместе с П. И. Бирюковым в г. Бауск Курляндской губ., куда он был сослан за составленное воззвание в защиту духовоборов.

31 июля 1897 г. П. Н. Шарапова написала письмо Толстому о своих отношениях с Бирюковым. Толстой ответил ей признательностью: «не за Павла Ивановича и не за ваши поступки, а за вашу добрую, честную душу, которую я вижу и в вашем письме» (70: 129). Толстой предупреждал ее: «Павел Иванович перенёс в своём сознании свою жизнь из служения себе служению Богу <...> и потому для него всякий брак будет ослабление жизни». После таких признаний в письмах к П. И. Бирюкову Толстой отзывался о Павле Николаевне с большой любовью и уважением, и, когда молодые решили пожениться в 1899 г., он писал им: «...знаю, что вы оба ищите не человеческого, а Божеского, и потому уверен, что всё,

что вы сделаете в этом искании, будет хорошо...» (72: 49).

Семейная жизнь Бирюковых сложилась удачно, чем очень радовала Толстого. У Бирюковых до рождения собственных детей воспитывалось трое крестьянских детей из Костромской губ. и два сына Н. Н. Ге-младшего – Иван и Николай. По этому поводу Толстой им писал: «У вас есть великое дело воспитания детей около вас. Положите все силы – вы и Паша – на это, и всё будет мало, будет не соответствовать важности того дела, которое вы делаете и которое может сложиться вокруг того ядра, которое уже образовалось» (73: 36). Искренне радовался Толстой рождению у Бирюковых 4 сентября 1900 г. первого собственного ребёнка Бориса: «Часто трудно радоваться, когда дети рождаются у людей, живущих не так, как должно, по их же мировоззрению. О вашем Борисе можно радоваться» (72: 461). Радовало Толстого, что его друзья сами воспитывают детей и сами ухаживают за ними, отказались от прислуги и все домашние работы делят между собой. «Дорогой Поша и милая Паша... Известия ваши очень хороши; и то, что прислуга нарушила вашу жизнь, и то, что славный у вас мальчик (я видел фотографию, и мы все любовались). <...> И ещё то, чем превосходит добродетельный человек других, это то, чего никто никогда не узнает: это работу над своим сердцем» (72: 533). Позднее в семье Бирюковых родились ещё двое детей: Оля и Лёва. Толстой в переписке с семьёй Бирюковых не раз подчёркивал: дело воспитания детей «есть дело огромной важности, самое важное дело в жизни. <...> Только оцените всю превосходящую все другие дела важность этого дела и отдайтесь ему, и, сколько могу, все силы положу на это. Ведь в деле этом всё надо сначала: 1) религиозное воспитание или <...> ограждение от ложного воспитания; 2) воспитание образа жизни – уничтожение извращённых привычек прислуги. 3) Предметы преподавания – способы, непринуждение. 4) Художественное: а) рисование... б) музыка <...>. 5) Труд – система труда. 6) Гигиена. <...> И работы без конца. Хоть бы что-нибудь сделать» (73: 52–53).

В дальнейшем, в письмах и при личных встречах (Бирюковы неоднократно гостили в Ясной Поляне), Толстой только радовался за эту «исключительно хорошую» семью, просил их только улучшать и ничего не менять в своей жизни: «Все, что слышу про вас <...>, очень радует меня, особенно за милую, правдивую, твёрдую Пашу, которую отцовски целую. Не тяготитесь своей жизнью. Я уверен, что через 20, 30 лет она

в ваших воспоминаниях займёт выдающееся место» (73: 168).

Семья Бирюковых была вынуждена жить за границей (Швейцария и др. страны) по причине постоянного преследования П. И. Бирюкова за убеждения, общественную и правозащитную деятельность. Но они часто навещали Толстого в последние годы его жизни в Ясной Поляне. Бирюковы были близки и приятны Толстому.

В 1920 г. семья переехала в СССР. П. И. Бирюков с дочерью работали в музее Л. Н. Толстого. П. Н. Бирюкова занялась в Москве изучением школьного дела. Старший сын Борис был личным секретарём наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина. Но в середине 1924 г. Бирюковы снова уехали в Швейцарию, Канаду. В 1931 г. П. И. Бирюков скончался в Женеве. Его вдова писала В. Д. Бонч-Бруевичу 30 октября 1931 г.: «Множество писем получаю я после его смерти. Ромен Роллан пишет про Павла Ив.: “Я видел, я слышал через него Толстого, более чистого, более мягкого”» (Бирюков А. М. П. И. Бирюков – первый биограф Л. Н. Толстого. М., 2011. С. 26).

После смерти мужа Павла Николаевна Бирюкова вела переписку с единомышленниками мужа и Толстого. В 1930–1940 гг. она писала И. И. Горбунову-Посадову, Е. Е. Горбуновой-Посадовой, В. Г. Черткову, В. Ф. Булгакову и др. Переписка хранится в РГАЛИ.

Е. Г. Шестакова

БИСМАРК Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (Bismarck; 1815–1898), князь, – министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. В результате войн, Датской (1864), Австро-прусской (1866) и Франко-прусской (1870–1871) осуществил объединение Германии. После создания в 1867 г. Северо-Германского Союза стал его бундесканцлером. В 1871–1890 гг. рейхсканцлер Германской империи.

Толстой относил Бисмарка к типу людей, о которых никогда не писал. Он считал его безнравственным, страстным и сильным. Чаще всего упоминал как имя нарицательное, в одном ряду с др. политическими деятелями. Писатель часто повторял французскую максиму: «On ne peut régner innocentement» <нельзя царствовать невинно> – и относился крайне отрицательно ко всякой политической власти, потому не делал особых различий между её представителями. Власть имущих, Бисмарка в т. ч., Толстой обвинял во многих недостатках, а именно: в несправедливости («...История показывает, что от Кесаря и до Наполеона, того и другого, и Бисмарка правительство есть

по существу своему всегда сила, нарушающая справедливость, как оно и не может быть иначе». – «Царство Божие внутри вас»; 28: 116); в развращённости («...Люди, не знающие, что делать с самими собой, всегда особенно твёрдо знают, что делать с обществом. И чем меньше знают о себе, тем твёрже знают об обществе. Таковы большей частью <...> самые развращённые общественные деятели, как Мараты, Наполеоны, Николай, Бисмарки. И от этого-то и полна история народов самыми ужасными злодеяниями». – «О значении русской революции»; 36: 354); в безнравственности («Внешняя же общественная деятельность <...> всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому, всегда неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности, <...> и героями времени становятся самые безнравственные люди: Дантоны, Мараты, Наполеоны, Талейраны, Бисмарки». – «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу»; 36: 308–309); в жестокости («...Те, кому удастся взобраться на вершину этого конуса <насилия. – З. Б.>, властвуют над всем народом и тем вернее властвуют, чем более они жестоки и бесчеловечны, как это мы знаем по Наполеонам, Николаям I, Бисмаркам, Чемберленам, Родсам и нашим диктаторам, правящим народами от имени царя». – «Патриотизм и правительство»; 90: 443); во зле («В старину был один Макиавель <Макиавелли. – З. Б.>. Теперь, с лёгкой руки Бисмарка, несправедливость – зло считается самым обычным политическим приёмом». Письмо Н. Н. Страхову 10–11 августа 1877 г. – ПСПТС. 1. С. 349).

Толстой признавал иллюзорной деятельностью любого правительства. В «Войне и мире» он писал о действии «закона необходимости», подвергая сомнению «свободу людей, производивших события» (12: 331). Автор объявлял Австро-прусскую войну не зависимой от «действий хитрого Бисмарка» и его «сложных государственных соображений». Толстой считал, что победу Пруссии нельзя объяснить остроумием и ловкостью немецкого канцлера. «...Всё остроумие Бисмарка только подделывалось под историческое, неизбежно имевшее совершиться событие», – писал он (варианты «Войны и мира»; 14: 12–13).

Политическую и военную деятельность Толстой признавал неразумной и не только не совпадающей со смыслом жизни мира, но противоречащей ему. Обед, приготовленный поваром Бисмарка, и целостность могущественной Германии, с точки зрения вечности и разумности, он представлял

одинаково бессмысленными (см. варианты к трактату «О жизни» – 26: 588 и «Понятие жизни: Реферат в Московском Психологическом Обществе ... – 26: 883).

Что касается положительных качеств Бисмарка, то писатель отмечал его правдивость, называл энергичным и умным за слова, произнесённые в кругу близких: «Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже самого себя. Много-много наделал я зла... Я был виновником трёх больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, вдовы... – И всё это стоит между мною и Богом». Толстой поместил изречение в «Круг чтения», в раздел «Покаяние» (41: 534) и часто цитировал.

З. М. Богачёва

БИЧЕР-СТОУ Гарриет (Beecher-Stowe Harriet Elizabeth; 1811–1896) – американская писательница, известная в России как автор «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's Cabin, 1852), написала целый ряд произведений в жанре американского социального романа. Родилась в семье Лаймена Бичера, известного проповедника, неконформиста и борца за отмену рабства; сама помогала беглым рабам, пыталась облегчить их участь, понимая, что рабство прежде всего губительно влияет на душу человека.

Прочитав в 1854 г. «Хижину дяди Тома», Толстой впервые столкнулся в американской литературе с темой откровенного протеста против насилия в одной из самых чудовищных форм его проявления – рабстве. 28 августа 1854 г. он записал в дневнике: «...вечер читал Onckel Tom's Hütte» (47: 24). Чтение «Хижина дяди Тома» в немецком переводе продолжалось несколько дней, 28–31 августа 1854 г. Неизвестно, какое впечатление тогда произвёл на Толстого роман американской писательницы, страстно протестующей против рабства, но, возможно, её творчество было уже знакомо молодому Толстому: в дневнике от 1 ноября 1853 г. есть запись: «Читая рассказ какой-то английской барыни, меня поразила непризнанность её приёмов, которой у меня нет и для приобретения которой мне надо трудиться и замечать» (46: 189). Скорее всего, это мог быть только рассказ Г. Бичер-Стоу «Дядя Гим», напечатанный в девятой книжке «Современника» за 1853 г. (46: 441).

В 1850-е гг. «Хижина дяди Тома» имела грандиозный успех во всём мире, за короткий срок она была переведена на тридцать семь языков, о ней говорили повсюду. Авраам Линкольн заявлял, что «Хижина дяди

Тома» вызвала Гражданскую войну в Америке. «...Эта книга явилась человеческим документом огромной важности, – писал В. Л. Паррингтон, – рассеявшим атмосферу покровительства, которая окружала “неприкосновенный институт” рабства, и обнажившим его вопиющую несправедливость. “Хижина дяди Тома” открыла простым людям глаза на сущность рабовладения, затронула их чувства и пробудила их совесть. Роман, окрашенный в глубоко религиозные тона, подкреплял довод аболиционистов о том, что рабство – это торговля душами христиан, и сеял ненависть к этому бесчеловечному институту» (Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: В 3 т. М., 1962. Т. 2. С. 437–438). В контексте идей, витавших в России накануне отмены крепостного права, в свете отношения к нему самого Толстого вполне очевиден его интерес к этому американскому роману, к теме отмены рабства, к тому времени окончательно ещё не сформулированной. Летом 1857 г. во время путешествия по Европе, в поезде из Берна в Кларан, случайным спутником Толстого был «американец 30-ти лет», и в дневнике появилась запись: «Американец 30-лет, был в России. Мармоны в Utha. – Joss Smith, их основатель, убит Lynchlaw. <...> Abolitionist-ы. Beecher Stowe» (47: 132–133). Среди затронутых в разговоре тем вновь возникает имя Бичер-Стоу и тема отмены рабства (аболиционизма). В этой записи Толстой пунктирно обозначил темы, которые спустя десятилетия в полной мере займут его внимание.

В 1862 г. в приложении к журналу «Ясная Поляна» появился пересказ романа американской писательницы, под названием «Дядя Том, или как живут негры-невольники в России», сделанный одним из учителей яснополянской школы М. Ф. Бутовичем. В 1860-е гг. тема насилия, порабощения нецивилизованных народов цивилизованными, культурными, европейскими привлекала внимание Толстого.

Несмотря на то, что в 1850–1860-е гг. Толстой особенно не делился размышлениями о романе американской писательницы на страницах дневника, писем, впечатление от этого сочинения Бичер-Стоу, не отличающегося высокими художественными достоинствами, но сильного своим моральным пафосом, он пронёс через всю жизнь. В письме к Берте фон Зуттнер 9 октября 1891 г. Толстой подчёркивал огромную роль «Хижина дяди Тома»: «Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу» (66: 58). В 1897–98 гг. он писал в трактате «Что такое искусство?»: «Если бы от меня

потребовали указать в новом искусстве на образцы по каждому из этих родов искусства, то как на образцы высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства в области словесности я указал бы на "Разбойников" Шиллера; из новейших – на "Les pauvres gens" V. Hugo и его "Misérables", на повести, рассказы, романы Диккенса: "The Tales of Two Cities", "Chimes" и др., на "Хижину дяди Тома", на Достоевского, преимущественно его "Мёртвый дом", на "Адам Бид" Джорджа Эллиота» (30: 160). Толстой ставил роман Бичер-Стоу на почётное место между сочинениями Диккенса и Достоевского: настолько моральное чувство писательницы в этом романе является искренним и достоверным, а само произведение глубоко проникнуто христианским миролюбием. В ЯПБ сохранились две книги Бичер-Стоу на английском языке: Beecher-Stowe, H. E. *Queer little people*. Boston, 1868; Beecher-Stowe, H. E. *Little foxes; or, The Insignificant little habits ...* London, 1866.

Г. В. Алексеева

БЛОК Юлий (Юлиус) (1858–1934) – этнограф, музыкант, учёный; коммерсант, владелец магазинов по продаже в России фонографов фирмы Эдисона, первым записавший голос Толстого (1895). Родился в г. Питермарицбурге (южноафриканская британская колония). Его отец, немец по национальности, преуспевающий коммерсант, представлял в России несколько американских фирм. Блок-младший с детства мечтал стать музыкантом, но по настоянию отца вынужден был заниматься бизнесом, осознав, что, сочетая творчество и коммерцию, он может внести свой личный вклад в мировую музыкальную культуру. В 1889 г. молодой пианист-любитель посетил американского изобретателя Томаса Эдисона в его лаборатории в Нью-Джерси и предложил свою кандидатуру в качестве представителя его фирмы по продаже фонографов в России.

Вскоре Блок с фонографом Эдисона отправился к отцу в Санкт-Петербург. Здесь он сразу же организовал презентацию новинки для августейшей семьи – был принят императором Александром III. Спустя некоторое время, в столице на Большой Морской, 21 был открыт магазин по продаже фонографов фирмы Эдисона. Вскоре такой же магазин начал работать и в Москве. Хозяин салона звукозаписывающей и звукопроигрывающей аппаратуры коммерсант Ю. Блок получал фонографы прямо от Эдисона – на условиях предоставления изобретателю образцов голосов выдаю-

щихся российских личностей. Записывал Блок на восковые валики как классику, так и фольклор, включая былины, плачи, причитания, лирические и величальные песни – не только русских, но и украинских, калмыцких, узбекских, чувашских исполнителей, вплоть до камлания якутского шамана. Среди уникальных записей Блока были запечатлены игра на цитре профессора Бауэра (1890), голос знаменитого сказителя былины Ивана Рябинина (1894), олонечкой крестьянки Ирины Федосовой (1896), игра на рояле композитора Аренского (1894), пение княжны Путятиной и др. Из русских писателей Блок первым записал голос Толстого.

Знакомый писателя И. А. Линниченко в своих воспоминаниях рассказывал, как однажды к профессору Н. И. Стороженко пришёл владелец известного в Москве магазина «Блок и К°» и, зная о добрых отношениях Толстого и Стороженко, обратился к профессору с просьбой предложить Толстому записать свой голос на фонограф. Стороженко пообещал Блоку переговорить с Толстым по этому вопросу. Как оказалось, писатель, никогда не слышавший прежде фонографа в действии, заинтересовался этим изобретением и согласился с предложением Блока. В назначенное время в квартире Блока собрались Толстой, его жена и младшие дети, а также профессор Стороженко, его жена и Линниченко. Сначала любезный хозяин продемонстрировал им свои записи: декламирование известного драматического актёра В. М. Самуся, пение тенора Донского и пр. Запись голоса Толстого, по словам Линниченко, производилась следующим образом: «Так как валик фонографа был небольшого размера, то для чтения Л. Н. выбрал одну из своих коротеньких притч» – «Кающийся грешник». Говорил он в широкую гуттаперчевую трубку с раструбом, которую держал перед собой. Однако первая попытка записать чтение писателя оказалась неудачной – на середине рассказа валик отработал. Пришлось начинать всё сначала. «Наконец Л. Н. достиг того, что ускорил темп чтения, прочёл всю притчу, уместившуюся на валик. Тогда наступил второй момент – проверка соответствия звука фонографической записи тембру голоса Л. Н. Первая запись оказалась в этом отношении неудачной: голос Л. Н. звучал очень глухо, сильно старчески. Наоборот в следующем опыте голос стал звучать звонче, но опять-таки был слишком уже молодым для голоса Л. Н. В конце концов, однако, то приближая, то удаляя трубку, удалось добиться звука, более или менее соответствующего тембру

голоса Л. Н.» (Линниченко И. А. Речи и поминки. Одесса, 1914. С. 318–319). В конце записи Толстой произнёс: «Говорил я в Москве 14 февраля 1895 года. Я, Лёв Толстой, и его жена» (Шилов Л. Голоса, зазвучавшие вновь. М., 1977. С. 35).

Тогда же Блок записал и «рекламный» валик, на котором Толстой, его жена С. А. Толстая и их младшие дети совместно обсуждают достоинства фонографа Эдисона. «С сомнениями в голосе», сообщалось в одной из газет, «знающее цену трудовой копейке аристократическое семейство решает: покупать приборчик или не покупать? Обсудив за и против, решается на покупку модной новинки». Эту запись служащие Блока включали покупателям петербургского магазина, где торговали фонографами фирмы Эдисона (Репина А. Граф Толстой не стеснялся участвовать в рекламе // Вечерний Петербург. 2009. 20 октября). Немного позже Блок также записал и игру на балалайке одного из сыновей Толстого, в то время студента Московского университета.

В 1914 г. как подданный страны, с которой воевала Россия, Блок был вынужден покинуть Москву и перебрался в Германию. С собой он увёз коллекцию из более чем ста восковых валиков, в т. ч. и с записями голоса Толстого. После смерти Блока его наследники передали коллекцию в фоноархивы Варшавы и Берлина. После Великой Отчественной войны все архивы, в качестве трофеев, оказались в Советском Союзе, в Институте русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом) в С.-Петербурге. Со временем записи с фонографа были переведены на магнитофонную плёнку, а фоновалики возвращены немцам. В начале 2000-х гг. была найдена ещё одна часть архива Блока, считавшаяся на Западе пропавшей в годы войны. В ней находились документы и фоновалики 1890–1934 гг., среди которых были записи музыки в исполнении С. Танеева, А. Аренского, Я. Хейфеца, записи голоса Толстого и, возможно, П. Чайковского и А. Рубинштейна. В настоящее время копия архива Ю. Блока хранится в Пушкинском Доме.

В. Н. Чисников

БЛЭК Альберт (Blake; даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого; английский религиозный писатель. 29 ноября 1888 г. Толстой записал в дневнике, что получил «прекрасное письмо от Blake» (50: 7), который прислал в Ясную Поляну и свои книги «Современное фарисейство» и «Брак». В сопроводительном письме Блэк просил Толстого дать отзыв об этих книгах. В письме к П. И. Би-

рюкову от 6 ноября 1888 г. Толстой высоко оценил «поразительные две английские книги» и указал на различия своих воззрений и взглядов Блэка на духовные доминанты христианской составляющей культурной традиции, подчеркнув, что автор ратует за христианство, «отрицающее (с слишком большой злобой) всю церковность и требующее не только непротивления злу, но и нищеты». Он «больше боец за свою партию, чем христианин» (64: 192). В тот же день в письме к В. Г. Черткову Толстой высказался сдержаннее и отметил: Блэк – «это христианин, отрицающий всех церковников, очень близкий к нам» (86: 184). Толстого всегда занимала широта влияния его идей и настроений, восходящих к духовному опыту человечества, и в сочинениях Блэка он также находил отражение своих мыслей. Так что в незамедлительном ответе Блэку (12 ноября 1888 г.) Толстой обратил внимание на вклад писателя в восстановление адекватности восприятия христианских представлений, о чём сам напряжённо размышлял в последние годы и что было отражено в заинтересовавших его книгах: «Я тотчас же прочёл их и был рад найти в них <...> то самое понимание учения Христа, которое он хотел в него вложить, и негодование против тех, которые стараются скрыть его» (64: 195). В воззрениях Блэка на христианское вероучение Толстой усмотрел противоречивость, проявившуюся, по его мнению, в признании бездоказательных догматов и права на развод, «который Христос самым решительным образом запрещает. Развод нельзя допускать потому, что нельзя предоставить произволу каждого человека решать, когда он больше не может жить с своей женой...» (64: 195). В заключение Толстой высказал пожелание о продуктивном развитии начатого диалога заинтересованных сторон на основе «общности <...> мыслей и целей», однако отношения Толстого и Блэка не закрепились и продолжения не имели.

А. С. Кондратьев

БОГДАНОВ Роман (отчество и даты жизни не установлены) – ученик школы Толстого в Ясной Поляне, лучший математик. Учителя и ученики называли его просто «Ромашка». Иногда проблемы были с чтением; в дневнике яснополянской школы после летнего перерыва в занятиях Толстой записал: «Лучший математик первого класса, Р., делающий в голове извлечение квадратных корней, до такой степени разучился читать за это время, что пришлось с ним читать, занимаясь складами» (8: 55). Иногда Ромашке поручали вести уроки ма-

тематики с «самыми младшими»: «Начал с деления – не знают и боятся меня – умножение, вычитание, сложение, нумерация – тоже. <...> – писал Толстой. – Поручил Ромашке. Он вёл класс необычайно спокойно, толково и не скучно. Сам выдумывал задачи из жизни и недурно» (8: 456). Но «лучший математик» порой бывал абсолютно незащищён: «Во время класса Ермилова и Матвеев отгаскали за волоса Ромашку без всякой причины, – отметил Толстой в дневнике яснополянской школы. – Присудили оставить без обеда» (8: 465).

Н. И. Бурнашова

БОГОМОЛЕЦ Александр Михайлович (1850–1935) – посетитель Толстого; врач, революционер. Привлекался к делу о «преступном кружке в Киеве» в начале 1880 г. В апреле 1883 г. административно выслан на три года в Семипалатинскую область. 10 ноября 1887 г. Толстой просил Н. Н. Страховахлопотать о разрешении «бывшему революционеру» Богомольцу ехать к его сосланной на Кару жене. «Есть некто, бывший революционер, врач Богомолец, – писал Толстой Страхову, – он был под надзором, теперь освобождён, но только с запрещением жить в столицах; жена его приговорена в 1881 г. в Кару на 10 лет. Она пыталась бежать, возвращена, и ей прибавлено 6 лет. Муж её желает хлопотать о ней в Петербурге у начальства, – главное желание его то, чтобы ему разрешено было жить с ней, ему и их ребёнку, – в Каре. Не можете ли вы узнать или даже попросить кого нужно – можно ли ему приехать в Петербург для этого» (64: 122–123). Хлопоты 1887 г. не увенчались успехом.

12 октября 1890 г. Богомолец приезжал к Толстому всё с той же просьбой: помочь получить разрешение на поездку к умирающей на карийской каторге жене Софье Николаевне (рожд. Присецкой; 1855–1892), политической заключённой по делу «Южно-русского рабочего союза», приговорённой в 1881 г. к смертной казни, которую заменили 10 годами каторжных работ. За попытку к бегству и постоянные протесты срок каторги был ей продлён на 6 лет. 14 октября 1890 г. Толстой отметил в дневнике: «3-го дня был доктор Богомолец, и я с ним переводил статью “Диана” о половом вопросе очень хорошую. Вчера её изложил и нынче поправил во время сеанса с Ге» (54: 95). Вместе с Богомольцем 12 октября Толстой переводил присланную ему из Америки статью Э. Бёрнз «Частное письмо родителям, докторам и начальникам школ». В изложении Толстого статья получила название «Об отношениях между полами»

(27: 286–289). В тот же день Толстой написал о Богомольце А. М. Кузминскому, председателю Петербургского окружного суда, а ещё через несколько дней, 18 октября, Страхову. 22 октября 1890 г. было получено «жестокое письмо» от Кузминского с отказом хлопотать по делу Богомольца. В ответном же письме Страхова промелькнули оптимистические слова «всё будет сделано». Вскоре жена Богомольца была освобождена с каторги – за три дня до смерти.

А. М. и С. Н. Богомолец – родители крупного советского учёного, президента Академии наук Украинской ССР Александра Александровича Богомольца (1881–1946).

Е. Ю. Хомякова

БОГОРАЗ Владимир Германович (Н. А. Тан, В. Г. Тан, Тан; 1865–1936) – посетитель Толстого. Этнограф, языковед, писатель, публицист, общественный деятель.

В юности примкнул к народникам, за что был исключён из Петербургского университета, неоднократно подвергался арестам, 10 лет отбывал ссылку в Колымском округе Якутской губ., где и начал заниматься этнографией, фольклором и языками чукчей, коряков и других народов Северо-Восточной Азии. Участвовал в научных экспедициях в Заполярье, на северо-восточное побережье Азии, на Камчатку. Способствовал созданию письменности у многих северных народов. Из научных работ выделяется его фундаментальный труд «Чукчи» (ч. 1–2. Л., 1934–1939).

При советской власти основал Институт народов Севера, руководил Музеем истории религии и атеизма в Ленинграде, преподавал в вузах Ленинграда, член-корреспондент АН. Автор многих рассказов, повестей, очерков, стихотворений.

В начале XX в. жил и работал в США, участвуя в русско-американской полярной экспедиции и курируя этнографическую коллекцию Американского музея естественной истории. Летом 1903 г. полтора месяца провёл в Западной Канаде среди духовоборов – переселенцев из России, о чём написал серию очерков «Духоборы в Канаде», публиковавшихся в 1903–1904 гг. в газете «Русские ведомости», а затем изданных брошюрой (Тан. Духоборы в Канаде. Очерки. М., 1906). В предисловии к этой брошюре автор писал: «Во многих отношениях духоборское учение совпадает с учением Л. Н. Толстого. Нужно сказать, что духоборское учение и толстовство выросли из одного и того же корня и влияли взаимно друг на друга. И в настоящее время Духобория питает глубокое почтение к дедушке Толстому, приравнивает его

к семи древним мудрецам и называет его "большим столпом, которым подперта вся духовная слобода"» (Тан. Духоборы в Канаде. М., 1906. С. 5). Толстой читал очерки Тана о духоборах, косвенным свидетельством чему служит его письмо руководителю канадской общины духоборов П. В. Веригину от 2 января 1904 г., где есть такие слова: «...сведения, которые я о вас имею через Тана и из ваших хороших писем, радуют меня и всех людей, близких по духу вашей общине» (75: 5).

В письме Толстому из Петербурга 28 октября 1904 г. Богораз просил разрешения приехать к писателю, чтобы рассказать о своём посещении в Канаде духоборов. В начале ноября 1904 г. по поручению отца М. Л. Оболенская ответила Богоразу, пригласив его в Ясную Поляну (75: 267).

4 марта 1905 г. Богораз лично познакомился с Толстым. Маковицкий в этот день отметил: «Позднее приехал Тан, писавший про канадских духоборцев. Он пробыл восемь лет в колымской ссылке» (ЯПЗ. 1. С. 199). Тан рассказал Толстому о том, что собирал песни и сказки северных народов. По Тану, «у тамошнего народа нет ни умствований, ни этики. Они шаманского вероисповедания» (ЯПЗ. 1. С. 200). На это Толстой заметил: «Количество умственных впечатлений у человека, живущего в лесу и сидящего в Публичной библиотеке Британского музея, одно и то же» (*там же*). Потом собеседники говорили о положении в России. По мнению Тана, оно безвыходное: «Японцы наступают. Дать свободу печати – радикалы будут писать так, что произведут революцию; дать свободу собраний – то же самое» (*там же*). По Толстому же, «из каждого положения есть выход». «...Я думаю, – говорил он, – что после этой войны последует большой духовный подъём, настанет перемена – не правительства – переменятся формы жизни» (*там же*). И на вопрос Тана о том, что же делать, он ответил: «Теперь особенно важно не терять спокойствия, не позволять себе увлечься озлоблением. Жить по голосу совести; тогда человеку всё легче и легче будет жить, и он и в смерти будет видеть добро». – «Но ведь мир зол, люди злы, – продолжал Тан, – как управлять ими, как обзывать их, исправлять?» – «Мир настолько зол, насколько я сам зол, – отвечал Толстой. – Раз двадцать случалось со мной в жизни, что то, что я считал злом, послужило мне к добру. Всё меньше и меньше зла нахожу я в жизни; всё больше и больше блага, и наступит смерть – высшее благо» (*там же*).

В записях Маковицкого Тан остался человеком «кротким, неозлобленным» (*там же*).

В. А. Скиба

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Николай Ефимович (1862–?) – земский врач, сын коллежского советника. Ещё будучи тульским гимназистом 8-го класса, давал уроки сыновьям Толстого в Ясной Поляне. Старший сын писателя Сергей Львович, которого Богоявленский учил классическим языкам, вспоминал: «Осенью <1879 г. – О. Г.> опять ученье и в свободное время – охота. По субботам и воскресеньям стали приезжать из Тулы и давать нам уроки <...> два гимназиста – Д. В. Ульянинский, впоследствии известный библиофил, и Н. Е. Богоявленский. Богоявленский был в то время революционно настроен и имел на меня некоторое влияние. Впоследствии он был самоотверженным земским врачом в Данковском уезде, а по своим убеждениям – верующим православным» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года. 1879 год»). В своих мемуарах за 1880 г. в главе «Как жили дома» С. А. Толстая писала об учении старшего сына: «Классическим языкам учил его новый гимназист, Богоявленский, совершенный нигилист, отрицавший всё на свете и прежде всего, разумеется, Бога. Он презирал богатых людей, аристократов; считал предрассудком всякие хорошие манеры, даже простую учтивость. Но учил он хорошо. Впоследствии этот Богоявленский стал приверженцем учения Льва Николаевича, но, не найдя в нём удовлетворения, сделался православным» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 312).

В 1880 г. Богоявленский окончил тульскую гимназию; в 1881 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, но в самом начале учёбы был исключён из университета за участие в студенческих беспорядках. 22 апреля 1881 г. Толстой записал в дневнике: «Богоявленского исключили из университета» (49: 27). В августе 1881 г. снова поступил на тот же факультет и закончил его в 1886 г., получив звание лекаря. В 1887–1894 гг. работал земским врачом в Данковском уезде Рязанской губ.; жил в селе Лошакове, недалеко от Бегицевки, где вместе с Толстым осуществлял помощь голодающим (1891–1892). О характере отношения Толстого к Богоявленскому свидетельствуют его дневниковые записи в декабре 1888 г.: «Посылал за Богоявленским. Грипп не проходит ещё. Богоявленский очень мил. Не сжёг свои корабли и потому вернётся в царство князя мира, а жаль» (50: 16). «Был Богоявленский. Хорошо с ним беседовал» (50: 17). 10 ноября 1891 г. из Бегицевки Толстой писал В. И. Алексееву: «Здесь в 6 верстах Богоявленский. Я вчера его видел, и мы говорили про вас. Он такой же милый» (66: 83). Зимой 1892 г. Богояв-

ленский тяжело заболел. Мать И. И. Раевского Екатерина Ивановна отмечала в своём дневнике, что Толстой, пренебрегая опасностью заражения, «пошёл пешком навестить больного тифом врача» Богоявленского (Раевская Е. И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих // *Летописи*. Кн. 2. С. 405). С 1904 г. Богоявленский служил фабричным врачом в Твери.

О. В. Гладун

БОЙЦОВ Пётр Васильевич (даты жизни не установлены) – в 1881 г. поступил к Толстым поваром и прослужил у них несколько лет. Сергей Львович Толстой отмечал в своих воспоминаниях: «Около 15 сентября <1881 г. – О. Г.> в Москву переехала вся наша семья <...>. Поваром к нам поступил нанятый в Москве Пётр Васильевич, добрейший человек, любивший выпивать» (*Очерки былого*. Гл. «Первая зима в Москве: 1881–1882»). В 1892 г. Бойцов работал с Толстым на голоде в Бегичевке. Старшая дочь писателя Т. Л. Толстая записала 6 февраля: «Живём без прислуги, кроме Петра Васильевича, и очень весело и легко всё делать самим. Хоть бы всегда так» (*Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник*. М., 1979. С. 286). Бойцов вызывал у Толстого симпатию. О нём писатель упоминал в письмах к С. А. Толстой; 19 апреля 1892 г. писал: «Пётр Васильевич, как всегда, спокоен и мил» (84: 138).

О. В. Гладун

БОЛКВАДЗЕ Малахий Георгиевич (даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого. Журналист, председатель бюро печати I-й и II-й Гос. дум, редактор и издатель ежемесячного иллюстрированного журнала «Защита человека», выходящего в Петербурге в 1910–1911 гг., автор книг «Исповедь адвоката» (1904), «Не развращайте женщин» (1908). Переписка Толстого с Болквадзе началась зимой 1908 г.: 13 января журналист прислал в Ясную Поляну письмо с просьбой дать отзыв о своей книге «Не развращайте женщин», которую он выслал Толстому. На письме Толстой поставил резолюцию: «Ответить. Книгу просмотреть. Н. Н. Написать – мысли очень сочувственные, а книга пропала» (79: 275). 19 апреля 1908 г. от имени писателя автору было отправлено письмо с положительным отзывом об издании.

25 марта 1908 г. Болквадзе написал Толстому о появившейся 17 марта в петербургских газетах («Речь», «Наша газета») заметке «Цена крови». В ней сообщалось, как в консультацию присяжных поверенных

в окружном суде Екатеринбурга явился палач с просьбой возбудить дело против тюремной администрации за то, что его обсчитали, не доплатив 60 рублей за повешенных им 16 человек. Дежурный по консультации, выслушав жалобу странного посетителя, немедленно его удалил. Болквадзе осудил поступок присяжного, говоря, что не нужно было «отталкивать бывшего палача, а поговорить с ним». В письме к Толстому он просил его выразить своё отношение к этому и написать «несколько слов». Писатель заинтересовался случаем. На конверте адресата была сделана запись: «Прекрасное письмо. Написать. Н. Н. Написать. Согласен я вполне, но писать нельзя» (79: 270). Н. Н. Гусев под диктовку Толстого составил вариант ответа: «Всё, что хотел бы написать, было бы нецензурно. Письмо очень хорошее» (79: 271). Тем не менее послание осталось неотправленным.

12 мая 1909 г. Болквадзе писал Толстому о своём знакомом по фамилии П-ский, совершившем тяжёлое преступление. Под влиянием чтения произведений Толстого он осознал свою вину и раскаялся. П-ский также жаловался Болквадзе, что лишён возможности работать ввиду создавшегося мнения о нём как о преступнике. Стараясь поддержать П-ского, Болквадзе призывал его обращаться к идеям писателя, «творить добро и заниматься нравственным совершенствованием». Письмо Толстой оставил без ответа (79: 291). В конце 1909 г. Болквадзе сообщил Толстому, что с 1910 г. решил издавать ежемесячный иллюстрированный журнал «Защита человека», и просил писателя принять участие в журнале. Толстой ответил 31 декабря, что «всей душой сочувствует» «прекрасной» мысли нового издания, и обещал своё сотрудничество (80: 264). 9 февраля 1910 г. Толстой в письме Болквадзе подтвердил своё желание сотрудничать в журнале (81: 94). Предполагалось первый номер выпустить в марте и поместить в нём «мощное слово великого мудреца». 23 марта редактор издания послал Толстому оглавление № 1 и два экземпляра брошюры «Вегетарианство», изданной журналом. 26 марта в ответном письме Толстой вновь высказал «сочувствие направлению журнала». Первый номер журнала вышел в июле 1910 г. и был послан в Ясную Поляну. 20 июля Толстой отвечал Болквадзе: «Приятно было узнать, что становится всё больше и больше людей, соединённых одной истиной, и особенно приятно было узнать про вас и вашу деятельность. Неприятно же было то, что вы слишком много поместили меня» (82: 78–79). Напечатанным в журнале статьям и рассказам Толстой дал

краткую характеристику и расставил им оценки по пятибалльной шкале. Материал, с его точки зрения, не являлся равноценным. К примеру, его одобрение получили статьи «Обращение к читателям», «Евангелие любви и общественное презрение», «В защиту женщины», «Смерть», которым Толстой поставил оценку «5». Низкие баллы писатель дал статьям «Человек и общество», «Элиза Ожешко», поставив им «2», единицу он определил «стихотворению Ковалевской» «Вопль падшей» и статье «Епископ Кирион». Себя Толстой оценил на тройку («неважно»): речь шла о высказываниях по проблемам самоубийства и женского равноправия, напечатанных в журнале под рубрикой «Мысли Л. Н. Толстого». В этом же номере в разделе «Живые речи Л. Н. Толстого» цитировались слова писателя о нравственном совершенствовании: «Борьба с собой и есть радость в жизни. Каждая маленькая над собой победа – шаг вперёд. – В области добра нет ведь границ для человека. <...> Упади, раз, два, три, но поднимись. И ещё раз упав, но всё поднимайся» («Защита человека». 1910. июль. С. 6). Тогда же вместе с письмом Толстой отправил и своё предисловие к книге «Путь жизни», составленной, по определению писателя, «как “Круг чтения”, из изречений разных мыслителей». Толстой полагал, что его вступительная статья могла представлять интерес для читателей журнала «и отдельно от книги» (82: 79). Писатель намеревался продолжить сотрудничество с Болквадзе. Предисловие под заглавием «Посмертная статья Л. Н. Толстого» вышло в 1911 г. в № 1 (мартовском) и в № 2 журнала «Защита человека».

Е. П. Гриценко

БОЛОТИН Иван Петрович (даты жизни не установлены) – крестьянин из деревни Антоновка Бузулукского уезда Самарской губ; сектант-молоканин. Один из тех, у кого в апреле 1897 г. уездные власти отняли детей и отдали в монастыри. Толстой близко к сердцу принял трагедию молокан. По этому поводу он дважды писал государю императору Николаю II. В первом письме от 10 мая 1897 г., рассказав ситуацию с детьми крестьянина Чепелёва, Толстой продолжал: «Через несколько дней после этого, в другой деревне – Антоновке, того же уезда, также ночью, в дом крестьянина Болотина, тоже молоканина, так же пришли урядник с полицейскими и велел собирать в дорогу двух девочек, одну 12-ти, другую 10-ти лет. Хотя Болотин и слышал прежде этого от священника и пристава угрозы, что если он не обратится к православию, кото-

рое он оставил уже 13 лет тому назад, то у него отберут детей, он не мог поверить, чтобы такая странная мера была принята против него по распоряжению высшего начальства, и не дал детей. Но на другой день явился пристав с урядником и полицейскими и девочек взяли и увезли» (70: 72–73). Толстой призывал государя к истинной веротерпимости, которой в России нет, а «существует самое ужасное, грубое преследование за веру, подобного которому нет ни в какой стране не только христианской, но даже магометанской». «...У Вас вся жизнь впереди, – продолжал Толстой, обращаясь к Николаю II. – Вам предстоит ещё занять соответственное Вашим делам место в памяти людей. Вы ничем не связаны, Вы не только признаёте необходимость веротерпимости, но во всех делах воодушевлены самым добрым чувством. Так сделайте же усилие, государь, <...> и сами своим добрым сердцем и прямым умом решите, как и чем надо поддерживать ту веру, которую считаешь истинной, и как и чем бороться с теми учениями, которые считаешь не истинными. <...> Настойте на том, чтобы действительно были прекращены позорящие Россию гонения за веру, т. е. чтобы отпущены были изгнанные, освобождены заключённые, возвращены дети родителям <...>. Сделав это, Вы не только сделаете одно из тех добрых дел, которое предоставлено делать только государям, и займёте высокое место в истории и памяти народа, но, что важнее всего, Вы получите внутреннее удовлетворение сознания исполненной воли Бога и предназначенного Вам Богом дела» (70: 75). Никакой реакции на письмо Толстого не последовало.

19 сентября 1897 г. Толстой снова обратился с письмом к Николаю II. Письмо было передано через А. В. Олсуфьева. 23 сентября того же года Толстой направил письмо издателю газеты «Гражданин» В. П. Мещерскому, он рассказал о трагедии сектантов-молокан, в надежде, что газета напечатает сообщённую им информацию со своим комментарием. Но по неизвестным причинам письмо Мещерский получил только через... 16 лет, в 1913 г.

Дело затянулось. 25 января 1898 г. Толстой писал в Петербург, где в те дни находилась старшая дочь Т. Л. Толстая, и просил её подключиться к хлопотам молокан. «Таня голубушка. Опять приехали самарские молокане об отобранных детях. Я посылаю их в Петербург. Один – Самошкин, у которого отнят единственный сын, подаёт прошение на высочайшее имя. Я ему написал прошение» (71: 263). (Прошение, написанное Толстым, – 71: 264). В тот же

день Толстой писал А. Ф. Кони: «Дорогой Анатолий Фёдорович, податели сего те же молокане, которые 3-й раз едут в Петербург отыскивать суда на разбойников, отнявших у них детей. Научите, что делать? Нельзя оставаться спокойным, когда на ваших глазах совершаются такие злодеяния. Стыдно принадлежать к народу, среди которого возможны такие дела. Самошкину я написал прошение на высочайшее имя, может быть, это будет успешнее Сената» (71: 265). Т. Л. Толстая по делу молокан была на приёме у К. П. Победоносцева (см.: ТВС. 2. С. 222–225). О возвращении детей родителям Толстой получил известие в письме молокан от 23 февраля 1898 г.

Н. И. Бурнашёва

БОНДЕ Абрагам фон (Бунде; ок. 1821–?) – единомышленник Толстого; швед; весной 1892 г. появился в Бегичевке у Равевских, где в то время находился Толстой. Об этом Толстой извещал в письмах некоторых друзей и близких. 28 апреля он писал С. А. Толстой: «Нынче приехал оригинальный старик швед из Индии» (84: 145). 1 мая – снова о явившемся госте: «Ещё три дня тому назад явился к нам старик, 70 лет швед, живший 30 лет в Америке, побывавший в Китае, в Индии, в Японии. Длинные волосы, жёлто-седые, такая же борода, маленький ростом, огромная шляпа; оборванный, немного на меня похож, проповедник жизни по закону природы. Прекрасно говорит по-английски, очень умён, оригинален и интересен. Хочет жить где-нибудь, он был в Ясной, и научить людей, как можно прокормить 10 человек одному с 400 сажень земли без рабочего скота, одной лопатой. <...> А пока он тут копает под картофель и проповедует нам. Он вегетарианец, без молока и яиц, предпочитая всё сырое, ходит босой, спит на полу, подкладывая под голову бутылку и т. п.» (84: 146). 26 мая, уже приехав в Ясную Поляну, в дневнике Толстой написал о Бонде: «Явился швед Абрагам. Моя тень. Те же мысли, то же настроение, минус чуткость. Много хорошего говорит и пишет» (52: 66). В тот же день ещё запись в дневнике: «Мысль шведа о том, что земля богатеет от обитания на ней всех животных, которые кормятся на ней, и беднеет от человека, потому что он не только кормится, но ещё и балуется над ней» (*там же*). Бонде фактически осуществил мечты Толстого об отказе от богатства и опрощении: в молодости он был богатым коммерсантом и владельцем дома в Нью-Йорке, в сорокалетнем возрасте, задумавшись над тем, зачем ему богатства, и испытывая моральные страдания оттого, что слишком много имел, в то

время как бедняки, снимавшие подвалы его дома, жили в нищете, раздал свои квартиры даром, сам же ушёл скитаться по миру, проповедуя опрощение и физический труд на земле. Узнав о сочинениях Толстого, в которых писатель призывал богатых раздать имущество и жить, как живёт народ, Бонде отправился в Россию к Толстому. «...Он прекрасно говорил – горячо, искренне и убедительно. А его старческая фигура, напоминавшая пророка Иеремию на фресках Микеланджело, и красивые широкие жесты были очень живописны» (Сухотина. Воспоминания. С. 313). Однако в то время, как Толстой восхищался Бонде и жалел его («швед грустен, сидит в уголке и зябнет, но говорит всё так же радикально и умно» – 84: 150), С. А. Толстая приняла его в штыки. Приехав в Бегичевку и познакомившись со шведом, она так охарактеризовала его в письме к дочери Татьяне Львовне: «Нравственных идеалов, духовных – никаких. Был богат – скучал, болел. Понял, что простота, первобытность жизни дают здоровье и спокойствие, и достиг их. Лежит, как корова, на траве, копает землю, пополощется в Дону, ест очень много, лежит на кухне – и только» (Сухотина. Воспоминания. С. 306–307). Эта недобрая характеристика – свидетельство серьёзных разногласий во взглядах Толстого и его жены. Однажды в Яснополянском парке у пруда С. А. Толстая застала гостя совершенно голым: он выстирал бельё и, не имея смены, ждал, пока его вещи высохнут, прогуливаясь рядом с прудом по парку, что отнюдь не смущало его, т. к. соответствовало его взглядам. К тому же Толстой, благодаря шведу, увлёкся «сырым питанием» и в результате «сильно заболел желудком», чего никак не могла вынести Софья Андреевна, всегда заботившаяся о здоровье мужа. В итоге она выжила Бонде из Ясной Поляны. Какое-то время его приютила в своей маленькой усадьбе Овсянникове симпатизировавшая ему Татьяна Львовна, а потом он уехал и вовсе пропал из вида.

Лит.: Сухотина-Толстая Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны // Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976. С. 305–314.
М. Е. Суровцева

БОРАТЫНСКАЯ Екатерина Ивановна (рожд. Тимирязева; 1859–1921) – корреспондент Толстого; близкая знакомая семьи Толстых; племянница русского ученого-ботаника К. А. Тимирязева; первая жена московского губернатора Л. А. Боратынского. Переводчица, детская писательница, сотрудница издательства «Посредник». Бывала в Ясной Поляне в 1893, 1894 и 1907 гг.

С февраля 1892 г. Боратынская вместе с писателем участвовала в оказании помощи голодающим крестьянам Ефремовского уезда, самого дальнего района столовых, открытых Толстым в Тульской губ. В своих письмах из Бегичевки Толстой не раз упоминал Боратынскую. Он был внимателен к ней; жене писал 13 февраля 1893 г.: «Скажи Катерине Ивановне, передав ей мой привет, что я всё советовал ей ехать сюда, а теперь не советую. С её здоровьем заехать сюда и на мельницу, в холода или степень, неблагоприятно» (84: 184–185). О характере отношений с Боратынской говорит письмо Толстого от 22 октября 1894 г. к последователю и другу Е. И. Попову. В нём Толстой отмечал: «В эти последние дни написал десятки необходимых писем. Екатерине Ивановне особенно поклонитесь и передайте благодарность за чудный шарф и сожаление, что она не приехала» (67: 254).

Тесное общение связывало Толстого и Боратынскую в период их совместной работы в издательстве «Посредник». 27 сентября 1893 г. в письме к В. Г. Черткову она сообщала о книге английского писателя Эванса «Духовный закон лечения» («The divine law of cure» by Evans. Boston, 1884), которую предполагалось выпустить для простого читателя. Боратынская в письме привела оценку этого издания Толстым: «Лев Николаевич вообще не советует пока переводить “The divine law of cure”. Он долго читал и много думал, многое ему очень нравится, и он было совсем решил, что стоит переводить, потом, поразмыслив окончательно, говорит, что нет. Он находит, что Эванс слишком хочет доказать, что он думает, чем не достигает цели, так как даёт этим повод противникам обличить его в несостоятельности, компрометирует самое учение, за которое стоит, и ещё Льву Николаевичу не нравится, что он склонен свести всё к наложению рук» (87: 216). Толстой читал книгу Эванса в 1889 г., о чём записал в дневнике 12 ноября. Он разделял точку зрения автора о том, что причиной болезни человека является его духовное состояние. В августе и сентябре 1893 г. Толстой перечитывал эту книгу, желая её напечатать для народного читателя.

В 1893 г. Е. Боратынская работала над переводом приложения к книге Алисы Стокгэм (A. Stockham) «Koradine Letters», озаглавленного «Creative life. A special letter to young girls» («Творческая жизнь — специальное письмо к юным девушкам»). Приложение в 1894 г. было напечатано в «Посреднике» под заглавием «Творческая сила жизни. Переложение с английского» в книге «Тайный порок». О своей книге

и о дополнении к ней Стокгэм писала Толстому 3 октября 1893 г.: «Книга эта только что нами опубликована. Я уверена, что ваша дочь заинтересуется этой книгой, и я надеюсь, что вы найдете время прочесть приложение к ней. Однако оно так связано с самой книгой, что лучше было бы вам прочесть главы о метафизических восприятиях» (87: 228). 18 октября 1893 г. в письме к Черткову Толстой сообщал о присланном и заинтересовавшем его издании: «На днях я получил книгу Stockham “Koradine Letters”. Это мысли о назначении женщины и о духовном лечении, и к книге есть supplement, которое мне очень понравилось, “Creative Life”. Мысль этой брошюры, обращённой к женщинам, к девушкам, — она также относится и к мужчинам, — та, что в известный период в человеке проявляется как бы сверхобыкновенная энергия. Она называет это “Creative power life” — творческая сила, и человек стремится приложить её» (87: 227).

Е. П. Гриценко

БОРИСОВ Иван Петрович (1832–1871) — приятель Толстого, его корреспондент и адресат. Орловский помещик, с 1858 г. родственник А. А. Фета (муж его сестры). Был дружен с И. С. Тургеневым и др. писателями и критиками. Основной источник сведений о биографии Борисова — мемуары Фета (Ранние годы моей жизни. М., 1893; Мои воспоминания. Ч. I и II. М., 1890). Фета и Борисова сближали детские впечатления (имения Борисовых и Шеншинных соседствовали), в молодости — военная служба (Борисов закончил Московский кадетский корпус и до середины 1850-х гг., с небольшими перерывами, находился в армии), затем сходный образ жизни в деревне (хозяйство, охота), круг общения, включавший Толстого, его братьев и сестру. Толстой также в недавнем прошлом был военным.

Судя по отзывам, Борисов привлекал к себе товарищей по охоте и др. занятиям: «Борисов и на охоте такой же милый, как дома. В шахматы я с ним держусь», — писал Толстой брату Н. Н. Толстому 1 октября 1859 г. (ПТСБ. С. 218); «Он <Фет. — Л. Ч.> и Борисов оба были в Москве, я их часто видал, они отличные люди», — сообщал С. Н. Толстой М. Н. Толстой и Толстому в письме 22 января 1861 г. (ПТСБ. С. 230); «...я уже вижу — духовным оком — себя с Фетом, Борисовым...» (из письма Тургенева Толстому, от 10/22 марта 1861 // ПРП. I. С. 169–170). Человек обязательный и надёжный, Борисов не раз выручал друзей и приятелей. Так, он незамедлительно лично привёз Тургеневу его письмо (от

27 мая 1861 г.), направленное Толстому и по ошибке попавшее в Новосёлки (имение Борисова), что способствовало формальному примирению писателей; выполнял поручение Толстого по изданию «Войны и мира» в типографии Ф. Ф. Риса; и др.

Как писал Фет, Борисов был «замечательно малого роста и далеко не красивый брюнет» (Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 14). Когда Борисов перешёл из артиллерии в кирасирский полк (на юге России, куда потом вызвал Фета), А. Н. Шеншин (опекун Борисова) «хохотал до слёз, говоря: “Какая странная мысль! С такой фигурой перед кирасирским фронтом! Воробей на крыше”» (*там же*). Контраст между самооценкой Борисова и реальностью отмечал и Толстой (в письме к Фету, от 10...20 мая 1866 г.): «Борисов, по его письмам, есть огромного роста 7-пудовый весельчак, сангвиник, ставящий последнюю копейку ребром» (ПРП. 1. С. 376). (Подобное несоответствие Толстой подчеркнул, создавая образ Тушина в «Войне и мире».)

Судьба не баловала Борисова. Его отец, П. Я. Борисов, запомнился в округе «жестокими выходками забалованного самодура» и был убит своими крепостными (Фет. С. 78–79). Сам Борисов, будучи ротным командиром Куринского полка на Кавказе, остался один в живых из офицеров роты (Фет. С. 15).

Толстой был потрясён преданной любовью Борисова к Надежде Афанасьевне Шеншиной (1832–1869). В письме к А. А. Толстой 12 октября 1859 г. писатель взволнованно рассказывал историю отношений Борисова к любимой женщине: «Борисов — одно из самых милых, нежных, любящих и симпатических и вместе почему-то возбуждающих сострадание существ, которых я когда-либо встречал в жизни. Маленький, с добрыми глазами, робкой улыбкой и нерешительными движениями, но, несмотря на то, человек твёрдый и непоколебимый в деле справедливости и честности. <...> С детства он ещё влюбился в соседку, хорошенькую, одних лет девочку, сестру Фета, и не переставал её любить никогда». Далее Толстой писал о трёх предложениях, которые Борисов, с большими перерывами, сделал Н. А. Шеншиной, и о трёх её отказах; после второго отказа он пытался застрелиться, но пистолет дал осечку. Однако потом с девушкой «случилось несчастье, она сходила с ума и вылечилась, и доктора сказали, что, ежели она не выйдет замуж, сумасшествие может возвратиться. Бог знает, просьбы ли родных, несчастная любовь или постоянство Борисова, но она согла-

силась неохотно, холодно. Борисов верил в себя и женился <в январе 1858 г. — Л. Ч.>. Через год у них родился славный ребёнок. Я два года их видел, и это единственное счастливое супружество, которое я видел в жизни. Она оценила, полюбила его, и он в первый раз в жизни в 35 лет расцвёл. Улыбка не сходила у него с лица, ему всем хотелось рассказать про своё счастье: первая жена, первый ребёнок в мире были его. Это было наслаждение смотреть на него, и, на минуту увидав его, вы бы сказали: вот счастливый человек. И это был тот самый Борисов, который два года тому назад был мил и жалок, жалок. Он охотник. Мы уловились с ним осень ездить вместе. Жена его и ребёнок с братом Фетом поехали в Москву. В первый раз они разлучались на месяц. Надо было видеть эти заботы, эту любовь до последней мелочи, это самодовольство, что он может перенести разлуку. Мы ездили с ним две недели, и на охоте я его полюбил и стал уважать и восхищаться им ещё больше. 3 октября мы в самом весёлом духе пришли в деревню Тургенева с охотой. Он был весел, мил, выпил немного и советовал мне жениться, уверяя, что только тогда есть счастье, жизнь и что он не может быть счастливее. Мы легли спать в 2-х комнатах рядом. Когда всё затихло, я не мог спать от разных приятных мыслей о нём, ко мне пришёл на цыпочках Тургенев с письмом от Фета, которое он только что получил и в котором Фет пишет, чтобы отыскать Борисова и объявить ему, что его жена с приезда в Москву в самом ужасном сумасшествии и безнадежном, как говорят доктора. На другой день Борисов пришёл ко мне, переваливаясь на своих коротеньких ногах, с улыбочкой, потирая руки и уговаривая скорей седлать, что погода хороша и отличное поле будет. И я должен был сделать ему эту ужасную операцию, и сделал её, и до сих пор мороз по коже, как вспомню эту минуту. Разумеется, он ускакал тотчас же...». Завершая свой рассказ, Толстой писал: «Да, мой друг, ваше — горе <у А. А. Толстой умерла 6-летняя племянница. — Л. Ч.> и это — горе, и с таким злым, изысканным горем велит Бог жить людям» (ПАТ. 2011. С. 178–180).

Хотя явные признаки сумасшествия Н. А. Борисовой на этот раз под действием лечения прошли и она вернулась домой, её душевная болезнь, по наблюдениям Борисова, «никогда окончательно не прекращалась» (Фет. С. 380). Умерла она весной 1869 г. в заведении «Всех Скорбящих», где провела последние годы. Борисов, отдав сына в Катковский лицей в Москве (Московский императорский лицей), со времени раз-

луки с женой жил один в имении Новосёлки во флигеле, и по вечерам прислуга «нередко видала перед его сенями флегматически стоящих волков — когда одного, а когда и двух. Часы для подачи обеда и самоваров были заранее определены, а в экстренных случаях призыва слуги Борисов выходил на своё крылечко и стрелял из ружья» (Фет. С. 428). Он умер в мае 1871 г. от чахотки. Узнав о его смерти, Толстой писал Фету (9 июня 1871 г.): «Очень хотелось написать жаль о Борисове, но это совсем неверно, и завидно неверно, а тронуло меня это очень. Радуюсь, что мальчик <сын Борисовых. — Л. Ч> у вас» (ПРП. 1. С. 410). Фет стал его опекуном и воспитателем.

Жизнь Петра Ивановича Борисова (1858–1888) оказалась короткой и трагичной. В юности он подавал большие надежды: с успехом закончил лицей, учился в Иенском университете, но в 1884 г. заболел психическим расстройством. Как и его мать, последние годы провёл в заведении для душевнобольных (Фет. С. 466).

В жизни Борисова немалое время занимало чтение, особенно любил он исторические сочинения, выписывал «Русский архив», «Историю Петра Великого» Н. Г. Устрялова. Тургенев, находясь за границей, регулярно переписывался с Борисовым (письма Борисова см.: Тургеневский сборник. Вып. 3–5. Л., 1967–1969).

Борисов был горячим поклонником таланта Толстого. Фет передавал Толстому (в письме от 14 марта 1863 г.) его мнение о повести «Казачьи»: «Борисов говорит, что это лучшее, что Вы написали» (ПРП. 1. С. 359). В восторге был Борисов от «Войны и мира»: «Эту Илиаду следовало бы переложить гекзаметром; в одном месте у него вылилось неволью в этот размер. Меня возмущали прежде некоторые места: военно-историческое рассудительство, но всё это капля в сравнении с вечностью, которая сидит в остальном. Чем более войдёшь в него, тем более тонешь в этом море жизни» (из письма к Фету от 20 апреля 1868 г. // Гусев. Материалы. 2. С. 867).

Личность Борисова, человека «далеко не дюжинного ума» (Фет. С. 14), способного к любви, редкой по силе и продолжительности, была симпатична Толстому, а его трудная судьба, отмеченная печатью трагизма, вызывала в писателе глубокое сочувствие.

Лит.: Фет А. А. Воспоминания. М., 1983.

Л. В. Чернец

БОРОВКОВ Никита Петрович (даты жизни не установлены) — до 1888 г. страховой агент тульского земства по Крапивенскому уезду, когда за растраты был уволен

от должности и предан суду. Толстой неоднократно хлопотал за него и его детей, обращался по делу Боровкова к своему хорошему знакомому юристу Н. В. Давыдову. «Земский агент Боровков просит скорей дело» (51: 133), — отметил Толстой в записной книжке 10 апреля 1890 г. «Просить Давыдова о Боровкове, страховом агенте» (51: 141), — запись 7 июля того же года. И снова уже в декабре: «Просить Давыдова о Боровкове» (51: 127). Толстой, жалея детей Боровкова, писал Давыдову: «Записку эту передаст вам сын бывшего земского агента Боровкова, который ищет какого бы то ни было места. Он очень жалок. Не можете ли помочь ему и не досадовать на меня, что утруждаю вас» (65: 212).

Л. С. Дробат

БОТКИН Дмитрий Петрович (1829–1889) — предприниматель, коллекционер, председатель Московского общества любителей художеств (1877–1889), брат В. П. и С. П. Боткиных. Родился в Москве в купеческой семье. По желанию своего отца П. П. Боткина, специализировавшегося на поставках в Россию китайского чая, был приставлен к семейному торговому делу. Впоследствии руководил деятельностью семейной фирмы «Пётр Боткин и сыновья». Кроме чайной торговли, управлял сахарным заводом, награждённым за высокое качество продукции медалями на Антверпенской (1855) и Парижской (1889) всемирных выставках.

Знакомство Боткина с Толстым состоялось в московском доме П. П. Боткина (Петроверигский переулок, 4). В 1850-е гг. молодой писатель был одним из участников проводимых В. П. Боткиным вечеров, на которых присутствовали и младшие братья критика. А. А. Фет рассказывал о встречах на антресолях большого боткинского дома: «Обычным угощением в этих случаях бывал чай; но иногда, когда долго засиживались, посылали в кухню за ужином, а самый пылкий из молодых братьев, оставшийся навсегда энтузиастом изящного, Дмитрий Петрович угощал ужи-
нающих шампанским» (Фет А. А. Воспоминания. М., 1983. С. 337).

Общение Толстого с Боткиным стало более тесным после женитьбы А. Фета на сестре Боткина Марии. По воспомина-



ниям сына Боткина Сергея, его отец был хорошим другом Фета, а Мария Петровна – близкой знакомой графини С. А. Толстой. В то время Толстые, Шеншины и Боткины в Москве виделись в усадьбе Боткиных на улице Покровке (ныне дом 27). В 1881 г. Шеншины купили дом на Плющихе, в котором, по свидетельству С. Д. Боткина, его родители и он сам «часто встречали графа Л. Н. Толстого и других литераторов» (Воспоминания С. Д. Боткина // Егоров Б. Ф. Боткины. СПб., 2004. С. 301). С. Д. Боткин оставил яркую характеристику этих семейных вечеров: «Моя тётка <М. П. Шеншина. – А. Ф.> <...> знала все причуды Льва Николаевича, часто мало подходящие к теориям великого писателя. Помню, например, как моя тётя спешила достать непременно такой-то виноград или заказать такое-то изысканное блюдо, потому что другого Лев Николаевич не стал бы есть» (*там же*).

Боткин увлекался живописью и собиранием картин современных западноевропейских художников, он был постоянным посетителем выставок московского Общества любителей художеств в доме Дубовицкой (Тверской бульвар, 15). В письме к жене Толстой упоминал о встрече с Боткиным на этой выставке в ноябре 1866 г.: «На выставке встретил Боткина с женой, у которых Фет останавливается» (83: 122). Основу собственной коллекции живописи Боткина составляли полотна художников французской и немецкой школ: Ж.-Б.-К. Коро, Ж.-Ф. Милле, Г. Курбе, Т. Руссо, Ж. Дюпре, Ш.-Ф. Добиньи, Э. Дега, О. Ахенбаха и др. «Боткинская галерея», насчитывавшая к 1882 г. свыше 100 картин, во второй половине XIX в. стала одной из московских достопримечательностей и вошла в городские путеводители наряду с Третьяковской галереей и галереей К. Т. Солдатёнова. В «Боткинской галерее» бывал и Толстой: 8 октября 1880 г. он писал жене в Ясную Поляну: «Вчера был <...> у Боткина. Картины смотрел» (83: 283).

К концу жизни имя Боткина как коллекционера и художественного деятеля приобрело всероссийскую известность, а императорская Академия художеств в Петербурге избрала его почётным академиком. Скончался Боткин в своём имении Тихий хутор в Харьковской губ. и был похоронен на кладбище московского Покровского монастыря (могила не сохранилась).

А. А. Федотова

БОТКИН Михаил Петрович (1839–1914) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; брат В. П., Д. П. и С. П. Боткиных; живописец, писал картины исто-

рического, бытового жанров, а также пейзажи, портреты; работал в технике офорта; вице-президент Общества поощрения художеств. Был обладателем обширной художественной коллекции произведений русского и зарубежного искусства, автор книги «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг.», которая вышла в Петербурге в 1880 г. Родился в Москве, учился в Академии художеств (1856–1858) в Петербурге у Ф. А. Бруни и Ф. С. Завьялова. В 1863 г. получил от АХ звание академика исторической живописи.

В 1859–1869 гг. жил за границей. В январе 1861 г. в Риме встречался с Толстым, с которым был знаком ещё в России. Рим поначалу произвёл на Толстого угнетающее впечатление: ведь от старого города остались лишь камни. Но Боткин предложил писателю прогулку в окрестности Рима, познакомил его с художниками: заинтересовавшись живописью, Толстой ходил по мастерским французских, испанских и др. художников. Всё это «примирило» его с Римом. Уезжая, он был в восторге и от природы, и от самого города. В. П. Боткин, видевший Толстого в Париже по возвращении его из Рима, писал брату 12 марта, что Толстому Рим «понравился чрезвычайно» (цит. по: Гусев. *Летопись*. 1. С. 223).

Основным делом жизни стала для Боткина художественная коллекция, созданию которой он посвятил пятьдесят лет. Хранилась она в его особняке в Петербурге (18-я линия Васильевского острова, д. 1) и была открыта для посетителей. В 1917 г. собрание перешло в фонды Русского музея.

Толстой знал и ценил коллекцию Боткина и самого художника как специалиста по искусству. Равнодушный к пейзажной живописи, он, однако, выделял изображение природы Куинджи и при этом отмечал, что копия его картины есть в коллекции Боткина. А беседуя с сыном о некоем художнике, подчеркнул неизвестность последнего, сославшись на то, что Боткин его не знает. Несколькими иначе относился писатель к творчеству самого Боткина. Д. П. Маковицкий записал воспоминание Толстого о встрече с художником: «В Риме мы застали Михаила Боткина, Иванова... Очень плохой художник Михаил Боткин...» (*ЯПЗ*. 1. С. 420).

Осенью 1908 г. в Петербурге на выставке картин, устроенной редакцией журнала «Старые годы» в помещении Общества поощрения художеств, произошёл инцидент между вице-президентом Общества М. П. Боткиным и генеральным комиссаром выставки, искусствоведом Н. Н. Врангелем. Комиссар ударил Боткина по лицу, тот не ответил и отговорился от мести жела-

ющих вступить за него. Узнав об этом из газет, восхищённый Толстой на следующий день, 18 ноября, писал Боткину: «Поступок ваш умилил и доставил мне большую радость, которую, к сожалению, так редко испытываю: радость сознания живучести и приложимости того великого и вечного закона любви не к одним любящим, а к ненавидящим и желающим делать нам зло. Ах, если бы было больше тех людей <...>, как бы быстро изменилась наша такая запутанная и жестокая жизнь и как скоро стали бы невозможны такие жалкие, заблудшие люди, как тот несчастный, который, вероятно, думал, что он может оскорбить вас» (78: 263). Боткин отвечал Толстому 24 ноября: «Спасибо вам, до гроба буду хранить ваши тёплые слова...» (*ОР ГМТ*). Однако Боткин подал на обидчика в суд и лишь после приговора объявил, что прощает его. Врангель не воспользовался прощением и в 1909 г. из заключения писал Толстому, что не оправдывает своё поведение, но при этом упрекает Боткина в том, что тот всё-таки привлёк его к ответственности через суд. Толстой в ответном письме дал ему совет «подавить в себе недоброе чувство к Боткину и от души простить его за то, в чём считает его перед собою виноватым» (79: 140). И при этом добавил: «Позволяю себе дать вам этот совет потому, что уверен, что, следуя ему, вы получите не только облегчение своего положения, но и испытаете радостное для себя чувство и успокоение» (*там же*).

В августе 1909 г. Боткин приезжал к Толстому с двумя дочерьми. Маковицкий записал: «С Л. Н. был знаком в молодости, так же, как с Тургеневым, Фетом, и с тех пор Л. Н-ча не видал. Славный и крепкий старик, и дочери его милые» (*ЯПЗ*. 4. С. 50). Боткин рассказал писателю, как он читал брату В. П. Боткину, незадолго до его смерти, вслух «Войну и мир» и как тот непосредственно восторженно вёл себя при этом.

Лит.: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Любое издание.

А. А. Аленина

БОТКИН Сергей Петрович (1832–1889) – врач-клиницист, профессор Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии, брат В. П., Д. П. и М. П. Боткиных. Родился в Москве в купеческой семье. Выпускник образцового пансиона Эннеса, в 1850 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета. Окончание университета в 1855 г. совпало с трагической страницей в истории России: в августе пал Севастополь. Крымская война продолжалась, и 5 сентября 1855 г. Боткин



отправился в Симферополь для исполнения обязанностей ординатора в Симферопольском военном госпитале под начальством Н. И. Пирогова. Этот госпиталь не раз посещал Толстой в 1854–1855 гг. Но знакомство Толстого и Боткина состоялось в отцовском

доме последнего в Москве (Петроверигский переулок, 4), где старший брат Василий Петрович устраивал литературные вечера, в которых участвовали и его братья; на этих вечерах в конце 1850-х гг. бывал и Толстой.

С 1866 г. росла известность Боткина как врача-терапевта и общественного деятеля. Он стал членом медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского учёного комитета, в 1870 г. получил звание академика Медико-хирургической академии. В 1872 г. Боткин, назначенный лейб-медиком царской семьи, стал первым русским придворным врачом. В числе его друзей и близких знакомых были А. И. Герцен, П. П. Чистяков, И. М. Сеченов. На протяжении 12 лет Боткин консультировал и лечил М. Е. Салтыкова-Щедрина, назначившего Сергея Петровича опекуном своих детей.

За помощью и консультациями к врачу обращался и Толстой. В январе 1877 г. в С.-Петербурге Боткин осматривал С. А. Толстую. Болезнь и смерть за два года одного за другим трёх маленьких детей Толстых – Петра, Николая, Варвары – причинила ей тяжкие душевные страдания, надорвала физические силы. Толстой был очень встревожен состоянием здоровья жены, боялся чахотки и настаивал, чтобы она побывала на приёме у знаменитого диагноста, о чём свидетельствуют его письма к Н. Н. Страхову от 9 января и А. А. Толстой от 11 января 1877 г. «Она обещала мне быть у Боткина, но кроме тех советов, которые он даст ей, я ничего не узнаю, – писал Толстой своей петербургской родственнице. – Если вы увидите его, спросите у него, пожалуйста, и напишите мне прямо всё, что он скажет. Если вы не захотите написать мне всего, что он скажет, то напишите: “я не хочу передавать того, что сказал Боткин”, но если уже будете писать, напишите всё» (*ПАТ*. 2011. С. 335–336).

Торопясь успокоить племянника, А. А. Толстая отвечала: «Сегодня утром наконец Боткин был у меня и подтвердил всё уже прежде сказанное и самое утешительное: “Я редко встречал такие надёжные

и крепкие лёгкие, и скажите им, чтобы они продолжали жить нормально филологическим образом. Они поймут, что это значит. А главное не мудрствовать лукаво". Вот его слова, и странно, что это изречение мне часто приходило на ум, когда я думала об вас, милый Léon. Лукавства в вас нет — но мудрствование часто доходит до величайших размеров» (ПАТ. 2011. С. 341). В ответном письме Толстой благодарил Alexandrine «за заботы о Соне и переданные слова Боткина» и отметил: «Я и Боткина полюбил за это. Он славный должен быть человек» (ПАТ. 2011. С. 342). О состоявшемся визите Толстой писал и Н. Н. Страхову 25–26 января 1877 г.: «Дорогой Николай Николаевич. Очень вам благодарен за известие о жене и за ваши заботы о ней. Я очень доволен. Боткин не нашёл в её состоянии ничего опасного; а я, должен признаться, уже пережил в воображении такие ужасы. Она приехала весёлая, оживлённая и с такими хорошими вестями» (ПСПТС. 1. С. 306). Позднее С. А. Толстая в своей книге «Моя жизнь» рассказала о знакомстве с Боткиным: «Боткин приехал ко мне, на квартиру моей матери, и в то же время у меня сидела графиня Александра Андреевна Толстая, приехавшая познакомиться со мной. <...> Боткин нашёл мои лёгкие здоровыми, но мои нервы в очень плохом состоянии. Дал мне бром и мышьяк и велел не утомляться. Он спросил меня, когда я родила в последний раз. Я ему сказала, что в 1875 году родила преждевременно девочку и доктор запретил мне рожать, говоря, что я могу от родов умереть. Боткин мне сказал, что это не имеет основания и что насилие над женским организмом очень вредно. "Советую вам продолжать рожать", — сказал мне Боткин, и этот совет привёл Льва Николаевича в восторг. Какой он был простой, симпатичный человек и внимательный врач. Ко мне он отнёсся как-то особенно бережно и ласково. Может быть, потому, что Александра Андреевна ему сказала: "Пожалуйста, почините её хорошенько"» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 262–263).

Умер Боткин 12 декабря 1889 г. от болезни печени. Память знаменитого врача-клинициста увековечили уже его современники. Московская городская дума присвоила имя С. П. Боткина Александровской больнице, которую с тех пор называют не иначе как Боткинская больница; именем талантливого врача была названа премия за лучшие сочинения по терапии.

А. А. Федотова

БОЧКАРЁВ Иван Иванович (1842–1915) — знакомый Толстого; бывший революционер-шестидесятник. За связь с женевскими эмигрантами в 1868 г. был арестован и выслан в Осташков под надзор полиции. Служил в тверском земстве. С 1895 г. жил в Овсянникове, недалеко от Ясной Поляны. Познакомившись с Толстым, бывал у него и не раз горячо оспаривал его религиозные взгляды. Несколько раз Толстой приезжал к Бочкарёву: впервые побывал у него 16 июня 1895 г. Беседовали на религиозные темы. На следующий день Толстой в дневнике отметил: «Был вчера в Овсянникове, говорил с мужиками и с Иваном Ивановичем о Боге. Разговор этот ещё более подтвердил мне то, что без понятия Бога, без сознания Его не может быть разумного мирозерцания» (53: 40). Второй раз писатель приезжал к Бочкарёву 7 ноября 1895 г. После визита к нему Толстой записал: «Ездил в Овсянниково, хорошо беседовал с Марьей Александровной и Иваном Ивановичем» (50: 69). Последний раз Бочкарёв был у Толстого 9 октября 1900 г., о чём в своих воспоминаниях писал И. В. Ильинский (Мои поездки в Ясную Поляну // Толстой. Памятники творчества и жизни. 1923. № 4). Обсуждали вопросы веры. Бочкарёв отказывался именовать себя православным, объясняя свой отказ «нежеланием лгать». По свидетельству Ильинского, Святейший Синод разрешил ему именовать себя «непринадлежащим» ни к какому вероисповеданию. За свободомыслие в вопросе религии Бочкарёва отовсюду высылали, несколько лет он был вынужден прожить в добровольной ссылке на Севере. В день своего визита к Толстому он читал ему свои записи, касавшиеся его атеистической позиции в отношении веры.

Е. П. Гриценко

БРАЙАН Уильям Дженнингс (Brayan; 1860–1925) — посетитель, адресат и корреспондент Толстого; американский юрист и политический деятель; трижды (в 1896, 1900, 1908) баллотировался на пост президента США от Демократической партии. В декабре 1903 г. Брайан приехал в Ясную Поляну. О встрече с ним Толстого просил американский журналист Джеймс Крильмен, побывавший у Толстого в 1891 и 1903 гг. Он рекомендовал Брайана как серьёзного, бескомпромиссного и убеждённого демократа. Д. П. Маковицкий записал рассказ Ю. И. Игумновой о посещении Брайаном Толстого 5 декабря 1903 г.: «Он приехал утром, когда Л. Н. занимался, а в 12 ч. должен был уехать, т. к. на другой день ему было назначено свидание с императором

Николаем II. Л. Н. прервал свои занятия и вышел к нему. Поговорив с Л. Н., Брайан решил остаться до вечера и телеграфировал в Царское Село отказ» (*ЯПЗ*. I. С. 110).

После встречи в Ясной Поляне Толстой писал Брайану: «От всего сердца желаю Вам успеха в ваших попытках уничтожить тресты и помочь трудовому народу пользоваться всеми плодами своего труда; но я думаю, что это не самое главное дело вашей жизни. Самое важное – это знать волю Бога, то есть знать, что Он желает, чтобы мы делали для исполнения её» (75: 17). Брайан написал Толстому четыре письма. Толстой желал ему успеха в его президентской кампании, поддерживал его кандидатуру, считал, что он честен, искренен, правдив и является приверженцем экономических реформ Генри Джорджа, что вызвало, как отмечал сам Брайан, безусловное раздражение победившего на выборах Теодора Рузвельта. По свидетельству Маковицкого, «в вопросе о недопустимости насилия Брайан вполне сошёлся с Л. Н. “Брайан был серьёзный, – сказал Л. Н. – Мне странно, что он может претендовать на президентское кресло. По своим взглядам он очень исключительный американец”» (*ЯПЗ*. I. С. 110). В др. беседе Маковицкий записал размышления Толстого об американском политике: «Брайан – умный и талантливый и даже с религиозным настроением, но эта каторжная работа политическая, газетная, споры, – он, наверное, за двадцать лет не подвинулся вперёд, и не только не подвинулся вперёд, но попятился» (*там же*. С. 267). Как вспоминал французский журналист Жорж Анри Бурдон, Толстой считал Брайана «“здоровым-мыслящим” человеком», говорил, что у него «великодушное сердце, но, к несчастью для своей родины, он провалился на выборах из-за своей финансовой доктрины» (*ЛН*. Т. 75. Кн. 2. С. 57).

6 февраля 1905 г. Брайан прислал в Ясную Поляну свою книгу: Bryan W. J. Under Other Flags: Travels, Lectures, Speeches. Lincoln (Nebr.): The Woodruff-Collins Printing Co, 1904; с дарственной надписью: «To Count Tolstoy with assurances of high esteem W. J. Bryan. Dec. 2. 1904 <Графу Толстому со свидетельством высокого почитания>». Книга сохранилась в *ЯПб*, в шкафу, в нижней библиотечной комнате, где на стене, под бюстом любимого брата писателя Н. Н. Толстого, висит портрет У.-Д. Брайана с автографом. В книге одна из глав посвящена Толстому, Брайан называл его «апостолом любви». Американский политик испытал сильное влияние гуманистической философии Толстого, его пацифи-

стских взглядов, он высоко ценил русского писателя и мыслителя за его христианские убеждения и религиозный аскетизм. Брайан регулярно присылал Толстому и свой еженедельник «The Commoner». – Lincoln (Nebr.): Ch. W. Bryan, 1901–1923. Именно в этом еженедельнике он поместил статью «Рузвельт и Толстой» («Roosevelt and Tolstoy». 1909, vol. 9, № 23 (439), 18 June); в номерах журнала, экземпляры которого сохранились в *ЯПб*, есть и др. материалы о русском писателе. Толстой просматривал журнал, что отразилось в его дневниковых записях.

Г. В. Алексеева

БРАМС Иоганнес (Brahms; 1833–1897) – немецкий композитор, пианист, дирижёр, последний классик немецкой музыки XIX в., один из крупнейших представителей позднего романтизма. В 1863–1864 гг. руководитель Венской певческой капеллы; в 1872–1875 гг. – дирижёр Общества друзей музыки. Почётный доктор и член нескольких европейских институтов и академий. Опираясь на немецкий, венгерский, славянский фольклор, Брамс органически соединил немецкую романтическую музыку с классическими музыкальными формами. Автор «Немецкого реквиема», кантаты «Ринальдо», 4-х симфоний, фортепианных концертов, сочинений для органа, концертов для скрипки, для скрипки и виолончели с оркестром, 24-х камерно-инструментальных ансамблей, свыше 100 пьес для фортепиано: сонат, циклов вариаций, интермеццо, рапсодий, баллад, каприччо, этюдов... Широко известны «Венгерские танцы» Брамса, его романсы и песни. В сочинениях композитора передан сложный и противоречивый мир современника.

Толстой был знаком с музыкой Брамса, некоторые вещи были даже у него «на слуху», и он хвалил их, например, «Венгерские танцы»: «Народные танцы все хороши» (*ЯПЗ*. I. С. 223). Сочинения Брамса не раз звучали в доме Толстых. «Играй, играй – говорил Толстой старшему сыну, С. Л. Толстому. – Я знаю его (Брамса) манеру» (*ЯПЗ*. I. С. 303). А однажды Д. П. Маковицкий записал: «Вчера Л. Н. поплясал под звук венгерских танцев Брамса» (*ЯПЗ*. 2. С. 68. Запись 6 марта 1906 г.). С. Л. Толстой вспоминал: «Помню, как, придя домой после посещения умирающего Федота, одного из самых бедных крестьян Ясной Поляны, он взволнованно сказал: “Иду я от Федота по прищепку и слышу – Серёжа играет венгерские танцы Брамса. Я его не упрекаю за это, но как странно: рядом с нами живут нищие люди, болеют и умирают,

а мы этого не знаем и даже знать не хотим — играем весёлую музыку» (*Очерки былого*. Гл. «С осени 1881 до осени 1898 года. Разлад»). С. Л. Толстой, музыкант, писал, что к Брамсу «Лев Николаевич относился отрицательно» (*Очерки былого*. Гл. «Музыка в жизни моего отца»). Это прозвучало и в трактате Толстого «Что такое искусство?», где Брамс назван среди композиторов, в чьих произведениях очевидна «подмена эстетического чувства эффектностью». 22 декабря 1908 г. Л. Д. Философова в Ясной Поляне пела старые итальянские и немецкие песни, потом романсы Брамса. «Брамса я не люблю, нет цельного впечатления» (*ЯПЗ*. 3. С. 285), — признался Толстой. В тот же день В. Г. Чертков записал слова Толстого: «...Брамс — начнёт искренно, а потом вдруг начинает сочинять; и это сейчас расхолаживает» (*ЛН*. Т. 37–38. С. 532).

Лит.: Лев Толстой и музыка. Хроника. Нотография. Библиография. М., 1977.

Н. И. Бурнашёва

БРАНДЕС Георг Коэн (Brandes; 1842–1927) — знаменитый датский литературный критик, историк литературы и общественный деятель, защищавший завоевания радикальной европейской мысли в эпоху политической и религиозной реакции в Скандинавии в 1870-е гг. Как философ, Брандес боролся с протестантизмом, выступая в защиту атеизма. Он был другом и единомышленником великого норвежского драматурга Г. Ибсена. Брандес получил широкую известность, когда в 1870 г. стал читать лекции в Копенгагене: они были посвящены главным течениям европейской литературы и изданы в шести томах в Дании (1872–1890), а затем переведены на европейские языки. В этих лекциях Брандес развенчивал романтизм, противопоставляя ему культурных мыслителей XVIII в., и пропагандировал свободу в семейных, политических и социальных отношениях. В России первые тома лекций появились в 1881 г., а в 1887 г. Брандес побывал в Финляндии, Петербурге и Москве, где также читал публичные лекции по литературе. Как литератора, Брандеса прежде всего интересовали личность и психология писателей — на основании их произведений он пытался воссоздать историю их души. Одним из самых значительных исследований в этой области стала его книга «Шекспир, его жизнь и произведения». Эту книгу высоко оценил В. В. Стасов и посоветовал прочитать её Толстому. Советом Толстой воспользовался, когда писал статью «О Шекспире и о драме», которой дал подзаголовок «Критический очерк».

Статья Толстого остро полемична и прежде всего направлена против «хвалителей» Шекспира — так назвал писатель тех, кого считал создателями культа великого английского драматурга, — такого чрезмерного восхваления, при котором даже «ошибки авторитетов берутся за образцы» (53: 125). Одним из таких «хвалителей» Толстой посчитал и Брандеса. В своей статье Толстой приводил несколько цитат из его книги, обращая внимание на идеи Шекспира, разделяемые датским литератором, но Толстому глубоко чуждые. Так он писал: «...по Брандесу, основной принцип Шекспира, за который он восхваляет его, состоит в том, что *цель оправдывает средства*» (35: 257): датский критик оправдывал такие поступки героев Шекспира, которые идут вразрез с его, Брандеса, собственными взглядами. Брандес писал, что «Гамлет не сомневался в своём праве умертвить короля и даже в его праве заколоть Полония», из чего делал вывод: «Но неправда и обман не всегда бывают пороком, и даже вред, причиняемый другим людям, — не непременно порок: он часто лишь необходимость, дозволенное оружие, право» (35: 256). Каково это было читать Толстому, для которого христианские заповеди «не убий», «не противься злу насилием» и «возлюби ближнего своего, как самого себя», являлись высшей моральной ценностью!

М. Е. Суровцева

БРАШНИН Иван Петрович (1826–1898) — московский купец, знакомый Толстого, близкий ему по духу. Был дружен с известным толстовцем А. Н. Дунаевым. Вместе с ним или самостоятельно неоднократно посещал Толстого. «Пришёл Брашнин. Прошёлся с ним. Он прямо ищет наставления, как жить» (50: 66). Толстой и Брашнин были знакомы 15 лет. Писатель симпатизировал Брашнину, просил Дунаева: «...передайте <Брашнину. — Л. Д.> мою любовь» (65: 200). В марте 1898 г. тяжело больной Брашнин (у него был рак печени) накануне смерти просил Толстого прийти проститься. Когда Толстой пришёл, то увидел совершенно спокойного человека, в полной памяти и ясности ума, всё было так просто, спокойно, серьёзно, и близость смерти не нарушала привычного хода душевной жизни. Толстой сказал, что это потому, что в его сознании не было лжи, «ни причастия, ни Иверской, ни дорогих врачей, ни завещаний, ни соборований». Об этом Толстой написал в одном из писем А. К. Чертковой (88: 87).

Л. С. Дробат

БРИММЕР Эдуард Владимирович (1797–1874) – генерал от артиллерии, в 1848–1856 гг. начальник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса. Автор записок «Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году» (Кавказский сборник. Т. XV–XX. Тифлис, 1894–1899), в которых живо и обстоятельно описывался быт кавказской армии и ряд военных операций и кампаний 1820–1850-х гг. Выпускник 1-го кадетского корпуса 1815 г., он был зачислен в 9-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную во Франции в составе оккупационного корпуса. По возвращении её в Россию прикомандирован к гвардейской артиллерии, а затем назначен в учебную артиллерийскую бригаду. В 1822 г., желая служить под начальством генерала А. П. Ермолова, был переведён из Петербурга в лёгкую 3-ю роту кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Участвовал в персидской (1826–1827) и турецкой (1828–1829) кампаниях, в ряде горных экспедиций.

В конце 1834 г. Бриммер был назначен командиром 20-й артиллерийской бригады, затем служил в Малороссии, в Варшаве. В 1847 г. произведён в генерал-майоры, через год получил назначение на место начальника артиллерии в Кавказском корпусе. Записки Бриммера, воспоминания о нём, служебные документы и рапорты в целом позволяют охарактеризовать его как хорошего командира, внимательного к нуждам подчинённых и строгого в исполнении обязанностей. Подобно толстовскому Николаю Ростову, он не любил ставить под сомнение моральные аспекты службы, считая, что «закон снимает с начальника ответственность; он орудие закона. <...> Тут можно сказать: *fais ce que dois, advienne que pourra*» (Бриммер. Т. XVI. С. 36). Обладая, несомненно, большой личной храбростью (ещё в начале службы, несмотря на своё «тевтонское» происхождение, снискал расположение Ермолова; не раз героически проявлял себя во время Восточной войны 1853–1856 гг.), Бриммер требовал такой же отваги и предприимчивости от своих подчинённых.

По воспоминаниям Бриммера, 1852 и 1853 гг. прошли «в деятельной заботливости об исправном состоянии вверенной» ему артиллерии, «в ежегодных осмотрах всех батарей» (Бриммер. Т. XVII. С. 106). В августе 1852 г. Бриммером были «подробно осмотрены» батареи 20-й бригады, в которой служил Толстой. В письме к Т. А. Ёргольской от 2 октября 1852 г. он с неудовольствием отзывался о подготовке

к такому смотру, поскольку «это расстраивало регулярность» его жизни (59: 205–206). Личное же знакомство с Бриммером состоялось ещё раньше, когда в ноябре 1851 г. Толстой приехал в Тифлис, чтобы подать прошение о зачислении на службу. Но оформление бумаг затянулось, т. к. у Толстого не было документа об отставке со службы в Тульском губ. правлении. «Всевозможные неудачи» (46: 158) Толстого на военном поприще на этом не закончились. Уже попробовав себя в литературе и отчаявшись дожидаться офицерского чина, испытывая недовольство армейской жизнью как таковой, 17 апреля 1853 г. Толстой направил Бриммеру письмо, в котором просил об отставке (46: 158–159). В ответ он получил сообщение, что может быть уволен со службы «без именованного воинским званием» (46: 161; 59: 234) – решение законное, но крайне обидное для самолюбия Толстого. 30 мая он всё же составил рапорт на имя командира батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады подполковника Н. П. Алексеева, в котором заявил, что, не имея намерения продолжать службу, просит «войти о том с представлением к г-ну начальнику артиллерии» (59: 234). Однако 4 июля, «взволнованный» разговором о службе с Алексеевым, Толстой «весь день» писал Бриммеру новое письмо, а 9–15 июля, возможно, ещё одно (46: 166, 168). 24 июля Толстой узнал, что бумагам о его производстве в офицеры наконец был дан ход, в связи с чем Бриммер приостановил его отставку, ожидая решения Толстого о желании или нежелании продолжать службу (46: 170). Впрочем, в связи с началом военной кампании в Дунайских княжествах выходы в отставку были вскоре приостановлены, и в октябре того же года Толстой просил кн. М. Д. и С. Д. Горчаковых о переводе его в Южную армию.

Бриммер позднее также обращался к кн. М. Д. Горчакову с просьбой дать ему место в Крыму: в силу напряжённых отношений с главнокомандующим Кавказским корпусом Н. Н. Муравьевым Бриммер твёрдо решил оставить Кавказ. В 1856 г. он получил назначение первым комендантом в крепость Новогеоргиевск. В 1861 г. отставлен от должности и назначен состоять при генерал-фельдцейхмейстере. В 1866 г. получил звание генерала от артиллерии, с зачислением по запасным войскам.

Лит.: Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Т. XV–XX. Тифлис, 1894–1899.

Ю. И. Красносельская

БРУКС Эдмонд Райт (Brooks; даты жизни не установлены) – посетитель и корреспондент Толстого; американский сектант-квакер. Интересуясь квакерами, Толстой получил возможность не только читать о борьбе пенсильванских квакеров за права негров, но и познакомиться с их представителями. В 1890-х гг. двое из «общества друзей», Беллоуз и Брукс, приехали в Россию для помощи населению голодающих губ., дважды посетили Толстого. Квакеры оказывали помощь и кавказским духоборам, о чём сообщал Толстой в своих письмах. В декабре 1899 г. Брукс вместе с Беллоузом ещё раз приезжал в Россию, чтобы хлопотать о сосланных в Якутию русских духоборах для получения ими разрешения выехать вместе с другими духоборами за границу. Квакеры даже были на приёме у императора Александра III и просили его не преследовать сектантов. Толстой не верил в успех миссии Брукса; В. Г. Черткову он писал 15 декабря: «Боюсь, что они дурно взялись за дело. Жду от них известия» (88: 185). Это ходатайство квакеров было отклонено.

Американские квакеры, как видел Толстой, постепенно превращались в обыкновенных буржуа. В разговоре с корреспондентом из Новой Зеландии Г. Вильсоном 20 января 1905 г. он заметил: «Вот у квакеров какое прекрасное учение, а золотой телец как погубил их. Bellows хотел соединить богатство с христианством» (ЯПЗ. 1. С. 144). То же уловил Толстой и в Бруксе. В сентябре 1906 г., говоря о движении квакеров, он упомянул американских посетителей Ясной Поляны: «Здесь были Bellows и Brooks, лучшие из них. Брукс был человек денег» (ЯПЗ. 2. С. 227).

А. Г. Королёва

БУЛЛА́ Карл Карлович (Булла Карл Освальд; 1853/1855?–1929) – посетитель Толстого; фотокорреспондент газеты «Новое время», фотограф-иллюстратор. Культовый фотограф, снимавший «везде и всюду» великих людей, Булла сохранил для потомков более 90 мгновений из жизни Толстого, на его фотографиях Толстой запечатлён в самые разные моменты: в своём рабочем кабинете, с крестьянами, во время игры в шахматы, в кругу семьи... Съёмка была сделана в связи с 80-летним юбилеем писателя в 1908 г. Замечательный виртуоз светописа не упустил своего счастливого случая и вместе с сыном Виктором 7 июля 1908 г. отправился в Ясную Поляну, чтобы увековечить Толстого. «Были фотографии от “Нового времени”: Булла с сыном. Снимали Л. Н. одного и с другими многократно, –

записал Д. П. Маковицкий. – Снимки за столом, во время обеда, не удались. Л. Н. не мог удержаться от смеха; рассмеялся именно тогда, когда снимали» (ЯПЗ. 3. С. 137). На одном снимке рядом с ним оказалась какая-то «барыня, приехавшая из Смирнова, которая вела себя высокомерно с Л. Н., и Л. Н. и не узнал от неё, зачем приехала» (*там же*). Во время чаепития Толстой заметил, что «сниматься ему (его снимали сегодня 20–30 раз) ничего, а неприятно быть в “Новом времени” рядом с этой барыней» (ЯПЗ. 3. С. 138). После юбилея, 2 сентября 1908 г., С. А. Толстая, большой ценитель фотомастерства, показывала «чуждые фотографии Буллы» (ЯПЗ. 3. С. 188), которые, как считали специалисты, «не ввали» и сохранили для потомков «настоящего», Толстого. Карл Булла был всегда готов к выезду с огромным фотоаппаратом. Толстой сказал В. Г. Черткову про Буллу: «Отсюда поедет встречать Фальера. Я очень уважаю его – не утверждает смертных приговоров» («Фальер – президент Французской республики»; ЯПЗ. 3. С. 137).

Булла ещё раз побывал в Ясной Поляне, но на этот раз в связи с трагическим событием – похоронами писателя. Он прибыл как корреспондент журнала «Огонёк». Через шесть лет завершил свою фотографическую карьеру, передав дело сыновьям Александру и Виктору и оставив потомкам огромное творческое наследие – 230 000 негативов, среди которых и «чуждые» снимки Толстого.

Н. А. Никитина

БУНАКОВ Николай Фёдорович (1837–1904) – русский педагог, теоретик и практик начального обучения, автор учебников и учебных пособий, методист русского языка. Наибольшую известность получили его книги «Азбука и урок чтения и письма», «В школе и дома», «Книжка-первинка», «Родной язык» и др. Толстой познакомился с книгами Бунакова, по просьбе Комитета грамотности оценивая их качества для использования в школах. Он отрицательно отнёсся к безумному заимствованию из немецкой педагогики. Его не могла не задеть и фраза Бунакова: «сообщать сведения “маленьким дикарям”», – тогда как, по мнению Толстого, сведения, которые составляли содержание бесед в книгах, дети давно получили из жизни. Более того, писатель высоко оценивал умственное и нравственное развитие крестьянских детей, а содержание бесед, скорее, относилось к детям «ниже 2-х лет», а не к школьному возрасту. «Может быть, – писал он по этому поводу, – дети готтентотов, негров, может быть, иные

немецкие дети могут не знать того, что им сообщают в таких беседах, но русские дети, кроме блаженных, все, приходя в школу, знают не только, что вниз, что вверх, что лавка, что стол, что два, что один и т. п., но, по моему опыту, крестьянские дети, посылаемые родителями в школу, все умеют хорошо и правильно выражать мысли, умеют понимать чужую мысль (если она выражена по-русски) и знают считать до 20 и более: играя в бабки, считают парами, шестёрами и знают, сколько бабок и сколько пар в шестёре. Очень часто приходившие ко мне в школу ученики приносили с собой задачу гусей и разясняли её. Но даже если и допустить, что дети не имеют таких понятий, которые хотят им посредством бесед сообщить педагоги, я не нахожу, чтобы избираемые ими средства были правильны» (О народном образовании. 1874).

Толстой оставил записи наблюдений, в которых порой современники видели придирчивость или борьбу с шаблонами, а на самом деле речь шла о низком уровне интеллектуального и нравственного развития детей в подобной системе обучения. Жёсткое следование учителя программе вопросов было манипулированием, а ответы учеников, если что-то у них «пробудилось в их памяти и воображении», пресекались. Защищая русских детей от подобных методик обучения, Толстой писал, что «педагоги немецкой школы» не подозревают «той сметливости, того настоящего жизненного развития, того отвращения от всякой фальши, той готовой насмешки над всем фальшивым, которые так присущи русскому крестьянскому мальчику» (*там же*).

Толстого беспокоило, что книгам Бунакова слепо следуют учителя. Русские методисты, задетые критикой писателя, сначала резко возражали ему, но потом признали его правоту. Сам Бунаков писал, что критика подействовала «отрезвляющим образом на педагогов, увлечшихся немецкой методикой, забывших в своем крайнем увлечении требования народной жизни и невольно впадавших в крайность и преувеличения... Своим протестом во имя прав народной жизни граф Толстой принёс немало пользы русской начальной школе, а своими книжками для чтения, полными правды и жизни, написанными самым простым, чисто народным поэтическим языком, он противодействовал вторжению в школу сужого и узкого утилитаризма» (*цит. по: Кудрявая Н. В. Лев Толстой о смысле жизни. М., 1993. С. 47*).

Бунаков много экспериментировал в 1867–1884 гг. в открытой им в Воронеже школе. Поселившись в деревне Петино Воро-

нежской губ., в 1884 г. построил на свои средства народную школу, сам преподавал в ней, открыл школу для взрослых и народную библиотеку, был организатором первого в России самодеятельного крестьянского театра. В 1873–1883 и в 1896–1901 гг. занимался земскими летними учительскими съездами во многих губерниях.

Деятельность Бунакова царское правительство сочло опасной, в 1902 г. он был арестован и лишён права заниматься педагогической и общественной работой; просветительские учреждения, созданные Бунаковым, были закрыты. Итоги своей педагогической деятельности Бунаков описал в мемуарах «Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной».

Н. В. Кудрявая

БУНЯКОВСКИЙ Виктор Яковлевич (1804–1889) – корреспондент и адресат Толстого; русский математик, математическое образование получил в Париже. Многие годы преподавал математику в различных учебных заведениях России, в т. ч. в Петербургском университете. С 1830 г. член Петербургской Академии наук и в 1864–1889 гг. её вице-президент. Автор более ста научных трудов, работал преимущественно в области теории чисел и теории вероятностей; внёс значительный вклад в повышение научного уровня преподавания математики. В 1839 г. Буняковский выпустил свой 1-й том «Лексикона чистой и прикладной математики», что способствовало установлению в России твёрдой научной терминологии. В 1844, 1849 и 1852 гг. вышли его учебники по арифметике для средней школы. Началом мировой известности Буняковского стала его работа «Основания математической теории вероятностей» (1846), в которой дано оригинальное изложение этой теории и её приложения к вопросам страхования и демографии. Буняковский был главным экспертом правительства по вопросам статистики и страхования. Работы учёного отличались удивительной ясностью и простотой изложения самых трудных математических положений.

В декабре 1872 г. Толстой получил письмо от Буняковского по поводу «Азбуки». «Прочитав с полным вниманием арифметический отдел» этой «своеобразной, исполненной интереса книги, являющейся под скромным названием “Азбуки”», Буняковский «спешил сообщить» Толстому свои «отрывочные заметки об этом труде». Далее следовал обстоятельный, уважительный и доброжелательный разбор книги Толстого. Буняковский посылал автору

лась после революции: в 1918 г. он состоял членом комитета по учреждению политехнического института, который позднее дал начало многочисленным ивановским вузам.

И всё-таки главным делом своей жизни Бурылин считал музей. Он говорил: «Музей – это моя душа, а фабрика – источник средств для жизни и его пополнения». Основа коллекции Бурылина была заложена ещё его дедом, который собирал старинные книги, монеты, редкие вещи. В 1864 г. бабушка передала 12-летнему внуку всю коллекцию деда, и внук сумел значительно её пополнить, выкупая редкие вещи у музейщиков и коллекционеров, для чего не раз выезжал в Европу. Бурылин собрал уникальную коллекцию тканей, самую большую в России коллекцию Библий. В 1913 г. он привёз из Египта древнюю мумию. Гордостью владельца были уникальные (95 циферблатов) часы работы парижского механика А. Биллете, изготовленные в 1873 г. Коллекция изобразительного искусства (более 500 полотен) содержала работы И. К. Айвазовского, В. В. Верещагина, А. Н. Бенуа, В. Е. Маковского, В. Д. Поленова, И. И. Шишкина, произведения западноевропейских мастеров. В 1912–1915 гг. Бурылин для своей коллекции выстроил здание музея, которое вскоре перешло в собственность города.

Всё собранное Бурылиным состояло из самостоятельных коллекций: археологической, этнографической, нумизматической, коллекций курительных трубок, чернильниц, игральных карт, одежды, женских украшений, икон, редких книг, часов, картин, гравюр. Помимо этого Бурылин собрал «масонскую коллекцию», в которой были масонские знаки разных стран, символические одежды, рукописи, книги, а также оружие и предметы для посвящения в рыцари. В советское время эта коллекция была передана в Эрмитаж, др. части коллекции Бурылина оказались в разных городах Советского Союза, в т. ч. в Херсоне. В Иванове из остатков бурылинской коллекции были организованы три музея: краеведческий, художественный и музей ивановского ситца.

Д. Г. Бурылин был далёк от политики, он разделял взгляды Толстого о смысле жизни, о непротавлении злу, его живо интересовала сама личность великого писателя. Воспитанный в старообрядческой семье, Бурылин деятельно откликнулся на толстовский призыв дать хоть что-нибудь «из духовного имущества голодному и жаждущему духовной пищи народу». Этой идее была подчинена вся жизнь, вся деятельность благотворителя. Бурылин был одним из тех русских людей, кто усомнился в соб-

ственной честности, в праве на владение богатствами, нажитыми за счёт тяжёлого труда рабочих. Возможно, именно поэтому в 1884 г. Бурылин обратился к Толстому с письмом, спрашивая совета относительно воспитания собственных детей. Но это письмо осталось без ответа. В 1907 г. Бурылин просил Толстого помочь приобрести для музея его портрет. В ответе Толстого через его секретаря Н. Н. Гусева предлагалось сделать копию с существующих уже портретов писателя.

В 1908 г. Бурылин поздравил Толстого с 80-летием и написал о своём желании открыть в Иваново-Вознесенске публичную народную читальню. Он попросил у писателя совета в выборе книг. Толстой ответил на письмо приглашением в Ясную Поляну. 9 ноября 1908 г. Бурылин был радушно принят писателем, представлен членам его семьи. «Он старообрядец-единоверец. Много путешествовал, иностранных языков не знает. Простой, старого покроя русский человек», – записал Д. П. Маковицкий. Сначала шёл общий разговор о воспитании, а затем гостю посчастливилось общаться с Толстым с глазу на глаз в его рабочем кабинете «в продолжение часа и 20 минут». О том разговоре Бурылин оставил «Заметку» в «Книге собственноручных расписок посетителей» музея, которую везде возил с собой: «Тут-то Лев Николаевич высказал, что я задумал доброе дело, и собирание моего музея, и желание устроить его и читальню не пропадут бесследно и что общение людей Великое дело». Толстой написал в «Книге...» пожелание, которое было «драгоценно» для Бурылина: «Желаю успеха устройству читальни для жителей Иваново-Вознесенска. Лев Толстой. 9 ноября 1908» (78: 363). С. А. Толстая приписала от себя: «Охотно присоединяюсь к желанию Льва Николаевича и сочувствую доброму делу. Софья Толстая. Ясная Поляна».

Бурылин быстро завоевал симпатии всего семейства Толстых. С конца 1908 г. и до самой революции он посылал в Ясную Поляну мануфактуру для раздачи её нуждающимся ученикам яснополянской школы. В письме от 15 января 1910 г. Бурылин приглашал Л. Н. и С. А. Толстых на свадьбу сына. В ответном письме Толстой от приглашения отказался, он благодарил Бурылина за ситец «от имени... голопузых» (81: 51), а молодым пожелал «чистой и честной жизни». За подарки Бурылина благодарили и Т. Л. Сухотина-Толстая, др. члены семьи Толстого.

В день смерти Толстого Бурылин находился на станции Астапово, в своей «Книге...» он записал: «На станции Астапово. 7-ое. Ноябрь. Печальное событие. Скончал-

«Азбуки» и некоторые свои сочинения. «Пользуясь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам, Граф, истинное моё уважение и совершенную преданность, с которыми имею честь быть, Ваш покорный слуга В. Буняковский» – так заканчивалось письмо (ПСПТС. 1. С. 90). О получении письма Буняковского Толстой через несколько дней (письмо от 12 ноября и 17 декабря 1872 г.) сообщал Н. Н. Страхову: «Азбука не идёт, и её разбранили в “Петербургских ведомостях”»; но меня почти не интересует, я так уверен, что я *памятник воздвиг* этой Азбукой. От Буняковского получил на 20 страницах письмо об арифметике. Он хвалит и критикует дельно в том отношении, что я напрасно в дробях исключил все прежние приёмы» (ПСПТС. 1. С. 89). В «Азбуку» вошли собственно азбука, арифметика, книги для чтения, руководство для учителей. Много времени Толстой посвятил переработке сделанного и составлению «Новой азбуки». Для нескольких поколений русских школьников «Новая азбука» стала источником знаний и интересного чтения.

Н. В. Зубкова

БУРЫЛИН Дмитрий Геннадьевич (1852–1924) – корреспондент, адресат и посетитель Толстого; иваново-вознесенский фабрикант-старообрядец, предприниматель в области текстильной промышленности, коллекционер, меценат. Дед Бурылина, Диодор Андреевич Бурылин, крестьянин гр. Шереметева, занялся мануфактурным производством и выкупился из крепостной зависимости в 1831 г. Отец, Г. Д. Бурылин, умер, растратив нажитое состояние, которое преумножили его сыновья. С 14 лет Дмитрий вместе с братом Николаем руководил работой ситценабивной фабрики, доставшейся в наследство от деда. Д. Г. Бурылин получил «домашнее» образование и всю жизнь учился самостоятельно. По своим способностям это настоящий русский самородок, с пытливым умом, энергией, трудолюбием, предприимчивостью, интересом ко всему новому, деловитостью, щедростью.

Получив в наследство небольшую фабрику-заварку, построенную дедом ещё в 1846 г., в Иваново-Вознесенске и Шуйском уезде Бурылин построил ситцепечатную, красильно-аппретурную, отделочные, ткацкие фабрики, самое крупное в России хлопкоочистительное производство, для освоения которого посетил Англию. В 1909 г. он основал «Товарищество мануфактур Д. Г. Бурылина» в Иваново-Вознесенске и «Товарищество Шуйско-Егорьевской ма-

нуфактуры». С 1912 г. эти предприятия приносили миллионные доходы.

Изделия фабрик Бурылина получали золотые и серебряные награды на международных и всероссийских выставках, в т. ч. золотые медали в Нью-Орлеане (1885), Москве (1891), Париже (1894 и 1897). Бурылин трижды встречался с императором Николаем II (1896, 1912 и 1913 гг.), был представлен государю, удостоился беседы по поводу коллекций старинных ситцев. В юбилейные дни Отечественной войны 1812 г. Бурылин поднёс дочерям императора шёлковые платки, сработанные на его фабрике по редчайшему оригиналу-гравюре эпохи 1812 г.

Одновременно с руководством громадным торгово-промышленным делом Бурылин принимал самое активное участие в жизни Иваново-Вознесенска и в различных научных обществах Москвы и Петербурга. Его общественная деятельность была направлена на благоустройство родного города, на организацию благотворительных акций. В 1904 г. по инициативе и на средства Бурылина была сохранена и перенесена на новое место деревянная церковь XVII в. В 1910 г. Бурылин устроил на Александровской улице городской сквер. Заботясь о просвещении ивановцев, он организовал четырехклассное училище, попечителем которого был долгие годы. Своих собственных девяти детей Бурылин воспитывал в труде и сделал всё возможное, чтобы дать им образование. Все дети стали настоящими людьми, достойными своего отца.

В течение 28 лет Бурылин избирался гласным городской думы, занимал различные должности в городских и общественных учреждениях, в 1902 г. получил звание Потомственного Почётного гражданина города Иваново-Вознесенска. В 1884 г. он принял участие в строительстве в городе реального училища, а впоследствии стал его попечителем и жертвователем. Бурылин был также среди попечителей механического училища, женской гимназии, женской профессиональной и торговой школ, двух церковноприходских школ, почётным членом Шуйского уездного попечительства детских приютов. 37 лет Бурылин возглавлял попечительский совет второго земского училища, 21 год был членом попечительства школы колористов. За деятельность и постоянные пожертвования в пользу учреждений Министерства просвещения Бурылин императорским указом был награждён золотой медалью со Станиславской лентой. Мечта Бурылина о высшем учебном заведении в Иваново-Вознесенске осуществи-

ся великий Мыслитель и Писатель земли Русской, гордость народная, Граф Лев Николаевич Толстой» и указал количество людей, присутствовавших при погребении – 17 тысяч. Вскоре Бурылин приобрёл копию с посмертной маски Толстого работы скульптора С. Д. Меркурова.

В своём музее Бурылин создал толстовскую коллекцию, которую регулярно пополнял книгами, бюстами, портретами, фотографиями и разного рода публикациями о писателе. Среди экспонатов были даже граммофонная пластинка с записью голоса Толстого, парчовые галстуки, на которых был выткан его портрет. Собранные Бурылиным газетные отзывы о Толстом в 14 т. демонстрировались в 1911 г. в Москве на выставке, посвящённой памяти писателя. «Опись библиотеки музея» (1914–1916 гг.) включала около 400 названий произведений самого Толстого. С 1912 г. Бурылин экспонировал имевшиеся в музее толстовские материалы, о чём писали «Санкт-Петербургские ведомости» (1912, 6 апреля). В музее Бурылин открыл «Комнату Л. Н. Толстого», мебель в которой, по словам Н. Ф. Бельчикова, была похожа на мебель в яснополянском доме (Рабочий край. 1919. 20 мая). В 1917 г. Бурылина единогласно избрали действительным членом Толстовского общества (г. Москва).

До конца жизни Д. Г. Бурылин оставался благотворителем и был предан своему музею. Все свои собрания (всего более 24 000 произведений искусства) и здание музея он завещал родному городу. Бурылинская библиотека (около 60 тысяч книг) – редчайшее и богатейшее собрание книг и печатных изданий, представляющее большую ценность не только для города Иванова, но и для всей России.

В 1919 г. фабрики и музей Бурылина были национализированы. Музей переименовали в Иваново-Вознесенский городской музей, Бурылина, по ходатайству М. В. Фрунзе, оставили в нём главным хранителем. В 1923 г. Бурылина вместе с большой семьёй выселили из собственного дома, в 1924 г. его ложно обвинили в сокрытии и расхищении музейных ценностей и отстранили от должности.

Бурылин был похоронен на Благовещенском кладбище, в 1969 г. перезахоронен на кладбище «Балино».

Лит.: Розанова Л. А., Таганов Л. Н. Вокруг Л. Толстого и его близких // Лев Толстой и его современники. Иваново, 1962. С. 167–306. (Уч. записки. Т. XXIX. Ивановский гос. пед. институт им. Д. А. Фурманова); Розанова Л. А. Л. Н. Толстой и один из его провинциальных почитателей (По

архивным материалам Ивановской области) // Фольклор и литература Ивановского края. Статьи, публикации, материалы. Вып. 1. Иваново: Ивановский гос. университет, 1994. С. 11–18; Дмитрий Геннадьевич Бурылин и Ясная Поляна: автографы Л. Н. Толстого и письма Д. Г. Бурылину от С. А. Толстой, С. Л. Сухотиной, С. Н. Толстой, С. А. Стахович из собрания ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина. Иваново: Ивановский гос. историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурылина; ИД «Референт», 2009.

Н. Л. Ермолаева

БУСЛАЕВ Фёдор Иванович (1818–1897) – языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства; член Академии наук. Один из основоположников мифологической школы в русской филологии. Окончил Московский университет, был учеником С. П. Шевырёва, М. П. Погодина, И. И. Давыдова и др. С 1847 г. преподавал в Московском университете. Важнейшие труды Буслаева: «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по “Остромирову Евангелию”» (1848), «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (в 2 т., 1861), «Русский лицевой апокалипсис» (1884) и др. Печатался в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. В романе «Анна Каренина» Толстой упоминал «грамматику Буслаева» (имелся в виду «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской») как книгу, которую читает Львов, слишком трудную для понимания учеников (19: 259). О разговорах с Буслаевым писал Толстой Н. Н. Страхову 19 июня 1872 г., обсуждая издание «Азбуки» и принципы издания старославянских текстов.

В 1877 г. Буслаев через П. Д. Голохвастова прислал Толстому отдельный оттиск своей статьи «О значении современного романа и его задачах» (Газета А. Гатцука. 1877, № 5–8; позднее вошла в сборник «Мои досуги», ч. II. М., 1886. С. 407–480). Толстой писал о ней Голохвастову 23 ноября 1877 г.: «Статья Буслаева мне очень нравится. Я пробежал её и перечту ещё, но писать об этом предмете не буду» (62: 351).

Книгу Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861) в числе прочих в 1904 г. передал Толстому В. В. Стасов, за что писатель благодарил его в письме 31 октября, заметив: «Спасибо большое за книги, хотя это и не всё то, что я просил: мне нужно истинно великих людей, не одних русских (русских, допущенных цензурой, даже не

может быть: от них тошнит), а всемирных» (75: 179–180).

Т. А. Алпатова

БУТКЕВИЧ Андрей Степанович (1865–1948) – знакомый, посетитель Толстого. Сын помещика сельца Русаново (Одоевского уезда Тульской губ.). Врач; организатор санитарного просвещения в России. В 1881 г. будучи ещё гимназистом, в Туле отдан под особый надзор полиции; привлечён к дознанию при Тульском жандармском управлении за распространение революционных прокламаций среди товарищей по гимназии и рабочих Тульского оружейного завода. В 1884–1889 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. В 1890 г. поселился в Одоевском уезде Тульской губ., где в 1892–1897 гг. служил участковым земским врачом.

Участвовал в подготовке декабрьского восстания 1905 г. Арестован в Москве 15 октября 1905 г. и заключён в Таганскую тюрьму. В 1906 г. эмигрировал во Францию. Вернувшись в Россию, продолжал революционную деятельность. В 1918–1920 гг. трудился санитарным врачом.

Буткевич организовывал школы практического огородничества и садоводства для рабочих. В разное время сотрудничал в журналах «Свободное воспитание», «Вестник воспитания», «Журнал для всех», «Образование», участвовал в издании журналов для детей и юношества «Жизнь и Правда», «На путях к новой школе», «Вокруг света» и др.

Впервые о Буткевиче Толстой писал В. Г. Черткову 28–29 июня 1886 г.; рассказывая о посетителях, он упоминал «двух студентов из Москвы» (85: 362), будущих врачей, а пока студентов второго курса медицинского факультета Московского университета А. С. Буткевича и В. В. Рахманова. Позже произошла ещё одна встреча, которую отметил Н. Н. Гусев: «31 января 1889 г. посещение Толстым студенческой квартиры Андрея Степановича Буткевича; беседа с группой близкой по взглядам молодёжи» (Гусев. *Летопись*. 1. С. 709). Молодые люди говорили с Толстым об устройстве жизни, и Толстой советовал Буткевичу ехать в Воронежскую губ. для медицинского служения народу, о чём сообщал Черткову (86: 204). Следуя советам Толстого помогать народу, Буткевич вместе с женой перебрался к брату пчеловоду под Крапивну, в Одоевский уезд. Служил земским врачом.

Живя на хуторе близ Крапивны, в 30 верстах от Ясной Поляны, Буткевич в 1891–1892 гг., даже находясь под полицейским надзором, занимался изданием и распро-

странением нелегальных сочинений Толстого. В 1886–1897 гг. Толстой иногда встречался с Буткевичем и в Москве, и в Ясной Поляне, посещал его семью на хуторе под Крапивной. Уважительно отзывался о нём как о «духовно твёрдом и крепком человеке». Бывая в Ясной Поляне, молодой единомышленник Толстого беседовал с писателем о литературе, о литературных кружках Герцена, Белинского, Бакунина. Гольдвейзер вспоминал, как, размышляя о жизни, Толстой сказал Буткевичу, что «единственный истинный путь к улучшению жизни людей – это путь личного нравственного совершенствования. Жизнь духовная – это постоянное движение, постоянное стремление к познанию истины» (Гольдвейзер. С. 77).

Постепенно Буткевич в своих исканиях склонялся только к революционным идеям и практикам и всё реже виделся с Толстым. В январе 1897 г. в хамовническом доме Толстых среди личных гостей писателя был «врач А. С. Буткевич, всё больше отходивший от толстовства» (Опальская. *Материалы*. 2. С. 292).

А. Г. Королёва

БУТКЕВИЧ Евгения Васильевна (рожд. Рахманова; 1861–1939) – знакомая, корреспондент и адресат Толстого. Сестра единомышленника Толстого, врача В. В. Рахманова. С 1887 г. жена Андрея Степановича Буткевича. Познакомилась с Толстым в 1887 г. в его доме в Москве, в Хамовниках.

В письме к М. А. Шмидт 9 августа 1890 г. Толстой сообщал, что не только получает письма от единомышленников, но и «живых людей тоже много. Сейчас <...> гостит Рахманов. Он жил у сестры у Буткевичей, которые поселились на земле и сами работают» (65: 144). Сестра Рахманова – Евгения Васильевна, жила вместе с мужем на хуторе близ Крапивны, в семье Анатолия Степановича Буткевича, единомышленника Толстого, позднее известного пчеловода.

Во время посещения семьи Буткевичей в июне 1891 г. Толстой особенно внимательно наблюдал за молодой женой Буткевича, которая, видимо, в своё время могла принимать участие в спорах о семейной жизни, о чём вспоминал Рахманов. Толстой в спорах с молодёжью тогда отстаивал свою точку зрения – мысль о том, что важнее сохранить хорошие отношения в семье, ради чего можно пожертвовать собственным душевным спокойствием. Молодые оппоненты, среди которых были будущие муж и жена Андрей Буткевич и Евгения Рахманова, утверждали, что

«враги человеку близкие его». В дневнике 17 июня Толстой записал: «Целый день у Буткевича <...> Она босиком и служит, но говорит, что вся эта жизнь ни за чем. В другой жизни смысла не вижу, но и в этой тоже. Неискренна» (52: 40).

13 июля 1891 г. Буткевич обращалась письменно к Толстому за советом по поводу крещения новорождённого сына Виктора. Она сообщала, что муж просил «хоть этого оставить некрещёным» (66: 20) и высказывала доводы в пользу крещения. Толстой отвечал: «На ваш вопрос о крещении мне очень легко ответить. Такие дела, как крещение, <...> могут делаться *только тогда, когда делающий их твёрдо верит в их необходимость...*» (66: 19).

А. Г. Королёва

БУТКЕВИЧ Елизавета Филипповна (рожд. Штыкина; 1865–1922) – знакомая Толстого, его адресат; жена Анатолия Степановича Буткевича, последователя взглядов Толстого. Ещё в 1886 г. А. С. Буткевич, проживая в имении отца в с. Русанове (недалеко от Ясной Поляны) и находясь под надзором властей, посетил Толстого. Сам Буткевич писал, что его душа, рвущаяся «из лагеря враждующих и смятенных», нашла в Толстом «дух братства и мира». С тех пор он близко сошёлся с Толстым.

Е. И. Попов вспоминал, что 7 мая 1888 г. Толстой вместе с молодыми единомышленниками отправился пешком из Москвы в Ясную Поляну. «Не знаю, как в Туле узнали про наш приход, но ко Льву Николаевичу пришли несколько человек знакомой молодёжи. И четверо из них <...> и Елизавета Филипповна (ставшая потом женой Анатолия Буткевича) пошли вместе с нами в Ясную, четырнадцать вёрст» (Л. Н. Толстой и его близкие. С. 189).

Закончив акушерские курсы, Штыкина, увлечённая идеями Толстого, познакомилась в Москве с А. С. Буткевичем. Весной 1889 г. они переселились в Херсонскую губ. в село Глодоссы Елисаветградского уезда, где была организована земледельческая община (одна из т. н. «толстовских колоний»). В декабре 1890 г. Буткевич проживала вместе с мужем в с. Русанове Крапивенского уезда Тульской губ., куда они переехали из земледельческой общины под Елисаветградом и где были проблемы, связанные с её национальностью. Об этом сообщал Толстой Файнерману 26 марта 1891 г.: «Он писал только о том, что Лизавету Филипповну хотели изгнать как еврейку, но, кажется, теперь это уладилось» (65: 280).

О Буткевич неприяженно писала С. А. Толстая в своих воспоминаниях. Вот

запись 1890 г.: «Приехал к нам один из последователей Льва Николаевича, некто Буткевич, и привёз свою любовницу-еврейку, называя её своей женой. Он только много лет после, окрестив её в православие, женился на ней, обвенчавшись. Воспитанная в строгих правилах старинных традиций, признавая жён только венчанных, я не вышла к этой еврейке, по всему совершенно мне чуждой, и запретила дочери Маше её принимать. Но Маша, всегда делавшая всё в угоду отцу, а не мне, принимала эту еврейку и даже любезничала с ней. Я только что в то время переписывала дневники Льва Николаевича, в которых меня глубоко огорчали и мучили его прежние связи и любовные похождения, и это ещё более способствовало моему гневу» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 150).

В дневниках Толстого в случае упоминания семейной пары Буткевичей проскальзывали нотки сомнения в их взаимопонимании. Так, в январе 1890 г. Толстой записал: «Буткевич не знает, как уживётся с женой. Она боится скучать» (51: 13). В июне 1891 г. Толстой ходил пешком в Русаново навестить семью Буткевича, и с этого времени в письмах Толстого встречались упоминания Штыкиной-Буткевич сначала как невесты, а затем как жены Буткевича.

А. Г. Королёва

БУТЛЕРОВ Александр Михайлович (1828–1886) – известный русский учёный-химик, академик; горячий сторонник спиритизма. Спиритизм и медиумизм особенно распространились в России в последней трети XIX в. и вызвали в русской печати 1870-х гг. оживлённую полемику. В защиту их выступили два крупных русских учёных: химик А. М. Бутлеров и зоолог Н. П. Вагнер. «Когда спиритизм вошёл в моду, Лев Николаевич посетил покойного профессора химии Бутлерова и приходил в изумление от верований его в спиритизм. Вероятно, это послужило ему темой для комедии “Плоды просвещения”; а в романе “Анна Каренина” Левин осуждает спиритизм буквально выраженными самим Львом Николаевичем», – писал в своих воспоминаниях шурин Толстого С. А. Берс (Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // ТВС. 1. С. 187).

Проблемы спиритизма привлекали Толстого, он даже обдумывал статью на эту тему, о чём сообщал Н. Н. Страхову в письме 1–2 января 1876 г. Его «страшно волновали» (ПСПТС. 1. С. 243) статьи о спиритизме в журнале «Русский вестник», в т. ч. и статья Бутлерова «Медиумические явления» (1875, № 11). Категорически не

принимая спиритизм, Толстой поражался, как это занимающиеся анализом учёные Бутлеров и Вагнер (он иронически называл их на немецкий манер *Бутлер* и *Вурст*) не понимают, что нельзя «подвергнуть научному исследованию», «опыту» «умные слова, индианку, музыку, стуки в столе и т. п.» (ПСПТС. 1. С. 243). Вопросы спиритизма Толстой обсуждал со Страховым, но в публичную полемику со спиритами ввязываться не пожелал. И Страхову советовал «не отвечать спиритам» (ПСПТС. 2. С. 693).

В пьесе Толстого «Плоды просвещения» одним из действующих лиц стал профессор Кругосветлов с первоначальной фамилией Кутлер, затем автор исправил на «Кутлеров», что было созвучно фамилии академика Бутлерова. Это созвучие натолкнуло профессора Вагнера, редактора журнала «Свет», прослушавшего 12 марта 1890 г. комедию Толстого, которая уже ходила в списках по рукам, на мысль, что в образе профессора Кругосветлова представлен не кто иной, как его покойный друг академик Бутлеров. В комедии Вагнер увидел издевательство над собой и Бутлеровым и 13 марта 1890 г. направил Толстому по этому поводу резкое, возмущённое письмо: «Вчера я был в заседании Русского литературного общества и слушал вашу комедию „Плоды просвещения“. Я пошёл слушать это произведение, не веря тому отзыву, который был помещён в „Новом времени“. Я говорил себе: „Не может быть! Не может быть, чтобы такой громадный талант, как Толстой, унизил себя до пасквиля на профессоров и учёных“. К крайнему сожалению, это оказалось правда! Мне тяжело и больно было слышать, как вы с обычным вам художественным мастерством глумились над мной и моим покойным другом А. М. Бутлеровым» (27: 659). Отвечая Вагнеру, Толстой 25 марта 1890 г. писал: «О вас и о Бутлерове я никогда не думал, пища комедию. Про Бутлерова всё, что я знал, внушало мне уважение к нему <...>. Профессор же является как олицетворение того беспрестанно встречающегося и комического противоречия: исповедание строгих научных приёмов и самых фантастических построений и утверждений. И главное моё с годами всё усиливающееся отвращение, от которого я не отрекаюсь, ко всяким суевериям, к которым я причисляю спиритизм» (65: 59).

Толстой ценил другое увлечение Бутлерова – его занятия с пчёлами. В «Календаре с пословицами на 1887 г.» в разделе «Работы в апреле», там, где речь шла о пчёлах – «пчёл выставять», – Толстой писал: «Хороша о пчёлах книга Бутлерова. Ц. 51 к.

в книжном магазине в СПб., по Б. Невке, д. № 14) (40: 27).

Н. И. Бурнашёва

БУТС Уильям (Booth; 1829–1912) – британский методический священник, основатель Армии спасения. Проблема бедных и бездомных всегда волновала Бутса, и в 1865 г. Уильям и его жена Катерина основали в восточной части Лондона приют для бедных. В 1878 г. приют реформировали на основе военного устава, назвав священников офицерами, Бутса генералом, а их организацию «Армией спасения». «Армия спасения» переходила из города в город, из страны в страну, привлекая к себе общее внимание боем барабанов, знамёнами, военным строем, пением гимнов, а потом переходила к проповеди покаяния и молитвам. В деятельности «Армии спасения» помощь нуждающимся, заблудшим людям, включая работающих женщин, играла первостепенную роль. Они спасали людей верой, молитвой и благотворительной деятельностью. Несмотря на первоначальное враждебное отношение церкви Англии и общества к деятельности «Армии спасения», со временем Бутс и его организация были повсеместно признаны, а сам генерал получил почётную учёную степень Оксфордского университета и в 1902 г. был приглашён на коронацию Эдуарда VII. После смерти Бутса «Армию спасения» возглавил его сын.

В дневниках и др. сочинениях Толстого имя Бутса встречалось довольно часто. В вариантах первой редакции статьи «Бродячие люди» Толстой упоминал Бутса в позитивном контексте (38: 353). 11 февраля 1891 г. он записал в дневнике: «...в Open Court статья о Бутсе и обо мне, как об образцах фарисейства – говорить одно, а делать другое – говорить, что отдать всё нищим, а самому увеличивать имение продажей этой самой проповеди. И ссылаться на жену. Как Адам – жена дала мне и я ел. Очень больно было, и теперь больно, когда пишу» (52: 6–7).

Отношение к Бутсу и «Армии спасения» у Толстого не было однозначным; так, в письме к Дж. Кенворти 8 июля 1894 г. он замечал: «...не ищите внешнего, видимого всем успеха, не перечисляйте своих прозелитов, как церковники и армия спасения» (67: 168), но спустя две недели писал В. Г. Черткову 24 июля 1884 г.: «Недавно я читал газету de l'armée du Salut. Мне странно, непонятна их форма выражения, но деятельность их, ведущая к воздержанию, к любви, к вниманию к учению Христа, возбуждает во мне любовь и уважение

к ним и радость» (85: 86). В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкий верно замечал, что Толстому, вероятно, не нравилась «формальная сторона “Армии спасения”, как учреждения, их реклама» (ЯПЗ. 2. С. 289). Тем не менее разговоры о Бутсе и «Армии спасения» в Ясной Поляне велись, по свидетельству Маковицкого, и в 1906, и в 1909 гг. В ЯПЗ сохранилась книга со следами его чтения: Booth, William. In darkest England and the way out. London: International headquarters of the Salvation Army, [1890]. Как отмечал Маковицкий, Толстой читал книгу 14 ноября 1909 г.: «В один из этих вечеров Л. Н. читал книгу генерала Бутса “In darkest England” <“В тьме Англии”> и был доволен ею. — У генерала Бутса видят сектантство и отвергаются от него, а на другую сторону не обращают внимания, — сказал Л. Н.» (ЯПЗ. 4. С. 103). Среди периодических изданий в ЯПЗ имеются многочисленные журналы, изданные У. Бутсом и его соратниками на английском, немецком, французском, голландском, итальянском, финском языках.

Г. В. Алексеева

БЫКОВ Фёдор Денисович (даты жизни не установлены) — последователь и посетитель Толстого; крестьянин села Боброва, Мещеринской волости, Коломенского уезда, Московской губ., жил на станции Венницы. Плотник; писатель-самоучка.

Первый раз приехал к Толстому в 1904 г.: для покупки билета даже продал единственный тулуп. 2 мая 1905 г. Быков снова был в Ясной Поляне. Он рассказал Д. П. Маковицкому про себя и свой взгляд на жизнь: «Люди думают, что надо жить для денег, а надо правильно жить, отличать правду от лжи. Никаких “Ведомостей” я не читал <...>. Я читал только Евангелие и теперь “Мысли мудрых людей”, имущества не собирал. Когда мне кто на чай давал, я возвращал или посылал обратно. Евангелие советовал мне читать наш священник, добрый человек, который знает, что я по-православному не верю, и не негодует. Дом полагаю там, где нахожусь. Сегодня здесь, завтра в ином месте — инде. Умереть мне нетрудно, охотно умру, минуты страдания не миную. А вся моя жизнь, что я в ней совершил, — капля в море. Радуюсь, что посчастливилось повидать Льва Николаевича, в беседе с ним я получил больше». «Фёдор Денисович принёс свои работы: изложение Евангелия и другие. В них нет ни одного чужого слова, прекрасно говорит по-русски, кристально чистый, добрый старик. Л. Н., прочитав его писания, сказал, что Быков пришёл самостоятельно к той же вере, что и он (Л. Н.)»

(ЯПЗ. 1. С. 266). Через несколько дней в разговоре с А. А. Цуриковым Толстой вспоминал Быкова: «Я смолоду преклоняюсь перед народом. Недавно был у меня коломенский плотник, один читал Евангелие и пришёл совершенно к тем же взглядам, что и я», — записал Маковицкий слова Толстого (6 мая 1905 г.; ЯПЗ. 1. С. 271). Толстой нередко цитировал Быкова, когда речь шла о земельной собственности, о политике, о военной службе, о нравственном совершенствовании. Он с радостью дарил ему свои книги, в частности, сборник «Мысли мудрых людей». Ф. А. Страхов при встрече с Толстым, говоря о плотнике Ф. Д. Быкове, напомнил, что это он, Толстой, «благословил его на писательство» (ЯПЗ. 1. С. 262). А сам Толстой на прощанье дал Быкову совет: «Своим писаниям не придавайте значения; пишите только тогда, когда вам очень ясно и хочется высказать, и пишите так, как если бы это никто не узнал, как только после вашей смерти, чтобы слава людская вас не заставляла кривить душой» (ЯПЗ. 2. С. 143).

Очередная поездка Быкова в Ясную Поляну состоялась 19 мая 1906 г. «Утром приехал и пробыл до вечера Ф. Д. Быков, плотник из деревни Бобровой Коломенского уезда». «Быков весь поглощён “Учением Христа...” Л. Н. Он твёрдо убеждённый, прирождённый христианин. Он читал из своих тетрадок разъяснения евангельских притч и оставил тетрадки <в архиве Толстого> сохранилось 6 тетрадок Быкова. — А. К.>. Л. Н. дал ему много своих сочинений. Быков просил “Исповедь”. Перед отъездом ждал Л. Н., чтобы проститься. Когда Л. Н. пришёл к нему, Быков сказал ему, как он рад, что видел учителя, второго Христа. Заметив, что Л. Н. это было неприятно, Быков добавил: “Может быть, будут наследовать и третьи и другие Христы”. В своей речи (он говорил торжественно-серьёзно) он упомянул, что Л. Н. страдает за правду. Л. Н.: “Я не страдаю, а следовало бы”. Быков прочёл Л. Н. прочувствованную благодарственную прощальную речь, потом поклонился в ноги. Л. Н.: “Не кланяйтесь... Есть люди, которые кланяются каждому человеку, подразумевая, что кланяются духу Божьему в нём. Так понимаю я ваш поклон”. Поцеловались. У Л. Н. задрожал голос от волнения». Уезжая из Ясной Поляны, Быков признался Маковицкому: «Два года, как знаю Льва Николаевича, и теперь, как простился с ним, и жить мне будет радостно, и умирать...». В этот день вечером Толстой говорил о госте: «Меня всегда трогают старики, которые не окостенели. Обыкновенно старики бывают непоколеби-

мы в своих взглядах, а он движется» (ЯПЗ. 2. С. 142–143). «За последнее время было много радостного: старичок из Коломны», – записал Толстой в дневнике 22 мая (55: 226).

Последняя встреча Толстого и Быкова состоялась в 1908 г. «Днём был коломенский богобоязненный старик, – записал Маковицкий 7 сентября. – Мне показался олицетворением истинно русского человека, радеющего о душе своей, Божественной сущности её. Годился бы в монастырские старцы. Л. Н. сказал о нём, что не употребляет слова в их в точном значении, что играет словами. Он от него устал...» (ЯПЗ. 3. С. 194).

А. Г. Королёва

БЬЁРНСОН Бьёрнстjerne Марти-ниус (Bjórnmson; 1832–1910) – знаменитый норвежский писатель; политический и общественный деятель; автор текста норвежского гимна. Как политик, проявил себя патриотом, демократом и оптимистом, верившим в будущее своего народа, частью которого всегда себя ощущал. Писать Бьёрнсон начал в 1860-е гг.; первые его рассказы из крестьянского быта принесли автору международную известность: он высоко ценил русскую литературу и гордился тем, что западноевропейские критики сравнивали их с «Записками охотника» И. С. Тургенева. В дальнейшем Бьёрнсон обратился к средневековой истории норвежского народа, рассматривая её в основном с социально-политической точки зрения (драмы «Король», «Редактор»). Современник знаменитого норвежца Фредерик Винкель Горн, автор «Истории скандинавской литературы от древнейших времён до наших дней», изданной в России в 1894 г., весьма высоко оценивая драматургию Бьёрнсона, всё же отмечал в ней ряд недостатков, таких как отсутствие «твёрдости в композиции» и чрезмерная политизированность, не благоприятствующая художественности. Горн даже считал, что кульминационной точкой развития Бьёрнсона были его ранние произведения, «не превзойдённые сравнительно с тем, что он написал позднее» (с. 225). Написанное же «позднее» – это повести и романы, созданные Бьёрнсоном в конце 1890-х гг.

Толстой познакомился с творчеством Бьёрнсона в 1890-е гг., когда многие произведения этого писателя уже были переведены на русский язык датчанином П. Г. Ганзеном. В ЯПБ в переводах Ганзена сохранились три пьесы Бьёрнсона (1892–1893 гг.), его статья «Единобрачие и многобрачие, призыв к северной молодёжи» (1891) и на иностранных языках –

5 изданий: роман «По Божьему пути», драмы «Король», «Талисман», «Свыше сил» и «Новые рассказы». Ганзен жил в России и переводил произведения Толстого на датский язык, а скандинавов-современников – на русский. Он был лично знаком с Толстым и активно призывал его читать прежде всего Ибсена и Бьёрнсона. Ганзен знал о восторженном отношении Бьёрнсона к творчеству и личности Толстого и постоянно сообщал ему об этом. Бьёрнсон говорил, что Толстой возвышается над современной русской жизнью, он то, «к чему Россия придёт в будущем». Желание Бьёрнсона завязать личную переписку с Толстым не осуществилось, хотя Толстой к норвежскому писателю и его творчеству отнёсся с большой теплотой. «Бьёрнсона я читал ещё летом: “Новые веяния”, – писал он Ганзену 14 сентября 1891 г. – Очень хорошая, интересная вещь. Читал тоже по-английски его роман, переведённый под заглавием “In God’s way” <“По Божьему пути”>. – М. С.>. Тоже хороший. Он во всём верен себе, искренно любит добро и потому имеет что сказать и говорит сильно. И я всё, что он пишет, читаю и люблю, и его самого тоже. Но не могу того сказать про Ибсена. <...> То ли дело Киркегор и Бьёрнсон, хотя и различные по роду писаний, но оба имеют ещё главное качество писателя – искренность, горячность, серьёзность. Серьёзно думают и говорят то, что думают...» (66: 45).

В октябре 1896 г. Бьёрнсон послал Толстому свою книгу «Король». По поручению автора переводчица его сочинений Луиза Брюммер Клауэнштейн в письме от 16 февраля 1897 г. спрашивала, получил ли Толстой эту книгу. Толстой отвечал ей 26 февраля: «Дорогая м-м Брюммер, я очень обязан вам за случай, который вы мне предоставили, сообщить Бьёрнсону, что я получил его книгу “Король”, которой я много восхищался (говорю это совершенно искренно, не из любезности; я читал её вслух нескольким моим друзьям, отмечая им красоты, особенно меня поразившие), и что я сердечно благодарю его за то, что он обо мне вспомнил. Это один из современных авторов, которых я наиболее ценю, и чтение каждого его труда доставляет мне не только большое удовольствие, но открывает новые горизонты» (70: 37), – в конце письма Толстой просил передать его слова норвежскому писателю.

Творчество Бьёрнсона было симпатично Толстому своей искренностью и любовью к добру. Как и Толстой, Бьёрнсон был противником войн и насилия. Сближал их и интерес к проблеме женской эмансипа-

ции, весьма актуальной к концу века. Именно в эти годы Толстой много думал о взаимоотношениях мужчины и женщины. Этой теме он, в частности, посвятил написанную в конце 1880-х гг. «Крейцерову сонату», где впервые в русской литературе поставил вопрос о роли полового влечения в семейной жизни. Многие критики даже считали, что именно Толстой ввёл в русскую литературу половой вопрос как дискуссионную проблему. «Великая северная война из-за сексуальной морали» разразилась в это время и в Скандинавии – под таким названием вышла тогда книга датского литературоведа Элиаса Бредодорфа, которую читал и Толстой. Эта проблема очень интересовала и Бьернсона – она стала центральной в его драме «Перчатка». Драма понравилась Толстому, он даже просил Т. А. Кузминскую перевести её с немецкого. В «Перчатке» Бьернсон отстаивал единую мораль для мужчин и женщин: оба должны быть девственны при вступлении в брак. Главная героиня пьесы Свава бросает перчатку в лицо жениху Альфу, узнав, что он имел связь с другой женщиной. Безусловно, Толстому-моралисту такая позиция была очень близка. Проблемам сексуального воспитания посвящены и оба романа Бьернсона, которые читал Толстой: «По Божьему пути» и «Новые веяния». Близка Толстому была и реалистическая манера письма Бьернсона, хотя уже при первом чтении романов норвежца он заметил в них немало художественных недочётов. Так, во время чтения романа «По Божьему пути» Толстой не раз заносил в дневник свои оценки. Например, 28 августа 1890 г.: «Почитал Биернсона – хорошо, очень трагично» (51: 88); 4 октября 1890 г.: «...талантливо очень местами и нескладно, много излишнего и не сшитого» (51: 92); 20 июня 1891 г.: «За эти дни читал Бьернсона. Бестолково, но много хорошего» (52: 43). Обратил он также внимание на тенденциозность бьернсоновских романов.

С годами интерес Толстого к Бьернсону постепенно угас. В апреле 1908 г. «Татьяна Львовна рассказывала про Бьернсона, которого она посетила в Риме, и он – её. Рослый, свежий старик, очень приятный. Говорил, что не верит в священные книги, что не верит ни во что, кроме как в науку, поэзию». В дальнейшем разговоре «Л. Н. сказал: “Бьернсон никогда для меня не представлял величины”. И Л. Н. не мог вспомнить никакого его сочинения». Татьяна Львовна напомнила: «Ты его ценил: помнишь “Перчатку”? Л. Н.: “Ах, как же, помню. Тоже посредственное второго, третьего разряда”» (ЯПЗ. 3. С. 54). При всей искренней симпатии к личности

Бьернсона Толстой видел слабые стороны его как художника.

М. Е. Суровцева

БЮРНУФ Эжен (Burnouf; 1801–1852) – известный французский учёный-востоковед, историк религий, археолог, основатель французской индологии и иранистики, исследователь санскрита. С 1829 г. преподавал в Эколь Нормаль. С 1832 г. профессор санскрита в Коллеж де Франс. Уже в 1820-х гг. Бюрнуф вместе с Лассеном (из Бонна) издал ценную работу о священном языке южных буддистов: «Essai sur le Pâli» («Эссе о пали», 1826; пали – один из среднеиндийских языков индоевропейской группы.). Он внёс значительный вклад в расшифровку древнеперсидской клинописи, имел огромные научные заслуги по чтению персидского клинообразного письма и в исследовании буддизма. Изучал санскрит и китайский язык. Его последними работами стали «Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien» («Введение в историю индийского буддизма», 1844) и относящийся к буддизму, сделанный им перевод с санскритского сочинения «Lotus de la bonne foi» («Лотос доброй веры», 1852). Все его труды отличались строго научным методом и ясностью изложения. Заслуги его заключались в тщательнейшем изучении буддизма.

В 1886 г. Толстого очень занимал буддизм, в котором он уловил созвучие христианской морали. В числе книг, оказавших на него огромное влияние в 1880-е гг., писатель называл относящиеся к Будде труды Эд. Шюре и Бюрнуфа. Книгу Э. Бюрнуфа «Le Lotus de la bonne loi» писатель изучал в связи с замыслом изложить учение Будды для издания в «Посреднике». О жизни и учении Будды он написал краткий очерк, который в 1906 г. без его подписи под заглавием «Будда» вошёл в первое издание «Круга чтения». И только в 1911 г. П. А. Буланже выпустил книжку «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой, т. е. Совершеннейшим, с приложением извлечений из буддийских писаний. Под редакцией Л. Н. Толстого» (85; 311–312). Не менее важны заслуги Бюрнуфа по изучению памятников религиозной литературы иранцев. Многие современные выдающиеся ориенталисты были учениками Бюрнуфа.

А. Н. Полосина

БЮРНУФ Эмиль-Луи (Burnouf; 1821–1907) – французский филолог, профессор французской школы в Афинах. Автор книг «Méthode pour étudier la langue sanscrite» («Метод для изучения санскрита», 1859),

«Histoire de la littérature grecque» («История греческой литературы», 1869), «La Science des religions» («Наука о религиях», 1872) и др.

В связи с религиозными исканиями 1877–1878 гг. Толстой не раз обращался к Н. Н. Страхову с просьбой порекомендовать ему книги из истории религий. Среди авторов, которые могли бы заинтересовать писателя, Страхов называл Эмиля Бюрнуфа, Макса Мюллера и книгу архимандрита Хрисанфа «Религия древнего мира».

30 ноября 1875 г., желая уяснить вопрос о роли науки и религии в современном мире, Толстой по рекомендации Н. Н. Страхова читал книгу Эмиля Бюрнуфа «Наука о религиях» и обращался к Страхову в письме с просьбой о помощи в руководстве: «...мне хочется разъяснить то, что совершенно напрасно Max Müller и Burnouf, которого я только что читал, и вообще новые люди противуполагают религию науке. Свод данных науки нашего времени есть религия нашего времени. Когда учили христианской религии в старину, то не противуполагали её науке. Это была наука наук – истина, точно так же то, что теперь называют позитивной

наукой. <...> Прошу помощи в руководстве, указании матерьялов» (ПСПТС. 1. С. 237–238). 26...27 ноября 1877 г. Толстой писал Страхову: «Вы мне предлагаете философских книг. Мне нужно, но не философских, а о религии. Желал бы я иметь Max'a Müller'a и Burnouf'a, они у меня были, но не мои...» (там же. С. 379). Страхов отправил Толстому «две посылки книг», но разочаровал его: «Сочинение Émile Burnouf (не Eugène Burnouf, который разрабатывал Буддизм) *La science des religion* – жидкая мало поучительная книга, которую почти не стоит читать» (12 декабря 1877 г. – там же. С. 382). В ответном письме Страхову 17...18 декабря 1877 г. Толстой благодарил за книги, в которые «весь ушёл, <...> т. е. Штрауса, Ренана, Прудона. Max Müller и Burnouf у меня есть теперь» (там же. С. 385). В ЯПб сохранилась книга Мюллера на французском языке «Происхождение и развитие религии» (Париж, 1879) с многочисленными пометами писателя. Книги Эмиля Бюрнуфа и его двоюродного брата Эжена в ЯПб не сохранились.

А. Н. Полосина

В

ВАГНЕР Николай Петрович (1829–1907) – учёный-зоолог, писатель. Образование получил на отделении естественных наук Казанского университета. С 1858 г. неоднократно выезжал за рубеж в научные командировки. В 1869 г. был избран президентом Казанского общества естествоиспытателей и почётным членом С.-Петербургского университета. С 1898 г. – член-корреспондент Императорской Академии наук. Был близко знаком с Д. И. Менделеевым и А. М. Бутлеровым. С начала 1890-х гг. Вагнер увлёкся идеями оккультизма и спиритизма и посвятил этому увлечению последние годы жизни, практически оставив занятия наукой. Спиритизм и медиумизм вызвали в русской печати 1870-х гг. оживлённую полемику. Большинство русских журналов высказывалось против этого увлечения, но химик А. М. Бутлеров и зоолог Вагнер выступали в их защиту. В журнале «Вестник Европы» (1875, № 4) была напечатана статья Вагнера «По поводу спиритизма», в которой описывались медиумические явления. Прочитав эту статью, Н. Н. Страхов писал Толстому 25 декабря 1875 г.: «Я приготовился и хочу писать о *спиритизме*. <...> Я предполагаю, что спиритизм основан на нашем стремлении к иррациональному <...>, что он ищет этого иррационального не там, где следует» (ПСПТС. 1. С. 240). Толстой отвечал 2 января 1876 г.: «...я был поражён новым доказательством нашего умственного родства. Вы пишете о спиритизме, я чуть было не написал о нём. Статья моя вся готова. Меня статьи в “Русском вестнике” страшно волновали» (*там же*. С. 243). По воспоминаниям Н. Н. Гусева, Толстой сравнивал «веру в спиритизм с верой мужиков в чертей, которых они “видят беспрестанно”, и никто не находит, что это – “явление, заслу-

живающее внимания”». Особенно удивительно для Толстого было то, что в спиритизм верят учёные, предлагающие “подвергнуть *научному* исследованию” умные слова, музыку, стуки в столе и т. п., которые, по рассказам людей, верящих в спиритизм, они постоянно слышат» (Гусев. *Материалы*. 3. С. 357). В 1870-е гг. Вагнер задумал издавать ежемесячный научно-художественный журнал «Свет». Надеясь привлечь Толстого к участию, он 18 октября 1876 г. послал ему письмо, в котором изложил цель журнала – «при помощи тенденциозных популярно-научных рассказов и повестей» постоянно внушать обществу, что «вне науки нет рациональной, сознательной жизни, нет развития» (62: 290). Толстой отвечал Вагнеру: «Вполне ценя мысль предпринимаемого вами издания, я, к сожалению, не могу быть вам полезен. У меня ничего нет подходящего под программу вашего издания, и я так занят совершенно другого рода работами, что не могу ничего написать годного для вас. Радуюсь случаю хоть письменного знакомства с вами и прошу принять уверения в совершенном уважении» (62: 289). Отношение к спиритизму высказано Толстым в романе «Анна Каренина», где Левин считает его сумасбродством. В финале романа (ч. 7, гл. XXII) Облонский присутствует на спиритическом сеансе Landau в доме графини Лидии Ивановны. Нелепость всего им виденного и слышанного подействовала на него так удручающе, что он «с одним желанием поскорее выбраться отсюда, вышел на цыпочках и, как из заражённого дома, выбежал на улицу и долго разговаривал и шутил с извозчиком, желая привести себя поскорее в чувства» (19: 317). В 1889–1890 гг. в комедии «Плоды просвещения» Толстой высмеял профессора-спирита. У большинства персо-

нажей были реальные прототипы. В образе профессора Кругосветлова отразились черты не только знаменитого химика, убеждённого спирита, академика А. М. Бутлерова (в рукописях профессор назывался сначала Кутлер, Кутлеров), но и Вагнера. В пьесе Вагнер усмотрел издевательство над собой и Бутлеровым и 13 марта 1890 г. отправил Толстому резкое письмо: «Я пошёл слушать это произведение, не веря тому отзыву, который был помещён в “Новом времени”. Я говорил себе: “Не может быть! Не может быть, чтобы такой громадный талант, как Толстой, унизил себя до пасквиля на профессоров и учёных. К крайнему сожалению, это оказалось правда. Мне тяжело и больно было слышать, как вы с обычным вам художественным мастерством глумились надо мной и моим покойным другом А. М. Бутлеровым» (27: 659). Толстой дипломатично ответил ему письмом 25 марта: «Эта комедия давно была мною написана начерно и заброшена; явилась же она на свет Божий нечаянно: дочери попросили её играть, я стал поправлять, никак не думая, что она пойдёт дальше нашего дома, а кончилось тем, что она распространилась. Это оправдание слабое, но всё-таки оправдание: если бы я прямо задумал её для печати, очень может быть, что я такую не издал её» (65: 59). Толстой так объяснил свой взгляд на проблему: «О вас и о Бутлерове я никогда не думал, пища комедию. Про Бутлерова всё, что я знал, внушало мне уважение к нему, к вам я уже говорил вам, какие я имею чувства. Профессор же является как олицетворение того беспрестанно встречающегося и комического противоречия: исповедание строгих научных приёмов и самых фантастических построений и утверждений. <...> Я скажу, как дети: простите, это в первый и последний раз, последний раз потому, что, раз высказавшись, я уже не буду никогда впредь говорить с вами о спиритизме, а, если вы не лишите меня своей дружбы и общения, буду общаться с вами теми сторонами, которые у нас согласны» (65: 59–60). В апреле того же года описание П. Г. Ганзенем в Ясной Поляне оригинального доклада профессора Вагнера очень позабавило Толстого: «Он много смеялся, а потом, в свою очередь, рассказал о письме Вагнера, которое тот написал ему по поводу комедии “Плоды просвещения”. — “Начало письма было хорошее, дружелюбное, но потом профессор вдруг начал горячиться и укорять меня за то, что я, человек, которого он так любит и ценит, позволяю себе так жестоко глумиться над самыми дорогими его верованиями. А я, конечно, вовсе не хотел обижать его своей комедией, написал же её потому, что считал нужным»



(ТВС. 1. С. 462). Неприятие спиритизма проявилось и в романе «Воскресение», где Толстой создал уже не комическую, а сатирическую, даже гротескную сцену спиритического сеанса у коменданта Петропавловской крепости (ч. 2, гл. XIX).

Известен Вагнер и как детский писатель. Все его беллетристические произведения были изданы в 7 тт. под общим названием «Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки» (СПб., 1890–1899). К писательской деятельности Вагнера Толстой относился весьма критически. Прочитав № 11 «Северного вестника» за 1896 г., он писал его редактору Л. Я. Гуревич: «Последний № прекрасно составлен, за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Сологуба и Вагнера столь же неряшливой статьи» (68: 250). Речь шла о рассказе «Сон художника папилона». О вагнеровской «Царевне Меллине. Сказке о том, как появилась на свет насмешка» Толстой писал: «Хуже и фальшивее полушинских вещей есть в Посреднике только Царевна Меллина» (86: 168).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ВАЙСОВ Ходзя Мухаммед-Гинанутдин (1878–1918) – посетитель, адресат и корреспондент Толстого. Сын Багаутдина Ваисова – основателя и идейного вдохновителя татарского революционно-религиозного движения «Божий полк», зародившегося в Казани в 1860-е гг. Суть этого движения состояла в том, что Бог един для всех, а все люди – братья, между ними не должно быть противоречий, войн, а следовательно, не должно быть и военной службы. Ваисовцы не признавали царской власти, суда, тюрем, налогов, духовных лиц, мечетей... Они стояли во главе крестьянских волнений в Татарстане в 1870–1880-е гг., требовали от правительства автономии для Татарской губ., за что многие были арестованы и преданы суду, сосланы в Сибирь. Основатель движения был признан душевнобольным и помещён в Казанскую окружную психиатрическую лечебницу, где скончался в 1893 г.

После смерти Багаутдина Ваисова во главе движения встал его сын, Гайнан Ваисов. В результате его деятельности в 90-е гг. влияние секты «Божий полк» стало распространяться по всему Среднему Поволжью;

движение насчитывало более 15 тысяч человек. Это вызывало крайнюю озабоченность правительства; руководитель движения был под постоянным надзором жандармерии. В 1895 г. за участие в вооружённом столкновении с правительственными войсками он был сослан на Сахалин, где находился до 1906 г. Вернувшись в Казань, Ваисов продолжил свою деятельность.

Об этой секте и её руководителе Толстой узнал от своего хорошего знакомого, писателя И. Ф. Наживина, который, занимаясь изучением сектантства, в 1907 г. ездил в Казань для сбора сведений о «ваисовцах», встречался с руководителем секты и её членами и написал статью о «Ваисовом полке»: он в рукописи прислал её на рецензию Толстому. Д. П. Маковицкий 8 февраля 1909 г. записал слова Толстого: «Наживин пишет и прислал свою статью о “Ваисовом полке”. Очень подробно, интересно. Она меня разочаровала насчёт “Ваисова полка”: они верят в букву Корана. Они царя считают нужным, а урядника, губернатора – нет» (ЯПЗ. 3. С. 325).

Вместе со статьёй Наживин прислал письмо, в котором уведомлял Толстого, что Ваисов собирается поехать в Ясную Поляну, и высказывал предположение, что его статья о ваисовцах даст Толстому представление о них. Готовясь к встрече с Ваисовым, Толстой обратился к чтению Корана. 11 февраля в Ясной Поляне состоялась встреча Толстого с Гайнаном Ваисовым, которую подробно описал Маковицкий: «Ваисов – татарин казанский, около 38 лет, красивый, спокойное лицо с красивыми зубами и чёрной бородой, в очках, бледный. Когда сидит, немного качается из стороны в сторону. Простой, скромный, но не застенчивый. По-русски бегло, свободно выражается, но с ошибками в речи» (ЯПЗ. 3. С. 326). Толстой его встретил радушно, пригласил к обеду, во время которого в беседе с ним вспоминал, как учился в Казани, изучал арабский язык. Гость рассказал о своём отце, которого он лишился в детстве, о деятельности секты, о преследовании членов секты правительством. После обеда писатель пригласил гостя к себе в кабинет, где они долго беседовали наедине. В Ясной Поляне Ваисов провёл три дня, познакомился с другими гостями, принимал участие в беседах, во время которых раскрывал суть учения «Божьего полка», состоявшую, по его словам, в узнавании и соблюдении Божьих законов.

13 февраля Маковицкий записал рассказ Ваисова о том, что «никому в России хуже от правительства не достаётся, как им. За 50 лет сколько их сослали в Сибирь, на Са-

халин, разорили, у скольких отняли имущество. <...> Рассказал, как у них отняли молитвенный дом в Казани» (ЯПЗ. 3. С. 328). Толстой выразил опасение, как бы поездка Ваисова в Ясную Поляну ему не повредила. Прощаясь с гостем, Толстой сказал: «Распространяйтесь, растите, процветайте, всей душой желаю вам» (*там же*).

Встреча с Ваисовым произвела на Толстого благоприятное впечатление. Из рассказа о сущности их религии ему особенно было близко то, что он говорил о войне: «...война нужна внутренняя, сама в себе, а не убийства» (ЯПЗ. 3. С. 329). Это было главным основанием отказа членов секты от военной службы, за что их и преследовали власти.

1 марта 1909 г. Ваисов был арестован и предан суду за опубликование его статьи «Западня Гинана Ваисова». Известие об этом огорчило Толстого. 18 мая он писал Ваисову: «...из письма вашего я почувствовал то братство с вами, к которому идут и придут все народы по вере в единый, общий для всех закон Бога: любви к нему и ко всем людям без различия» (79: 200). В июне 1909 г. Ваисов был освобождён, о чём сообщил Толстому в письме.

В конце 1910 г. Г. Ваисова вновь арестовали и сослали в Сибирь. В 1917 г. он был освобождён. В Казани, объединившись со своими собратьями по вере, в воззваниях к татарскому народу он соединял свои религиозные идеи с революционными лозунгами. 28 февраля 1918 г. во время антиреволюционного мятежа в Казани Г. Ваисов был убит.

Л. В. Милякова

ВАН-ДЕР-ВЕР Джон К. (Van der Veer; 1867–1925) – единомышленник Толстого, его корреспондент и адресат; рабочий из Миддельбурга (Голландия), наборщик по профессии. Несколько раз отбывал тюремное заключение за пропаганду социализма среди рабочих. В 1891–1896 гг. был постоянным сотрудником социалистической газеты, позже увлёкся анархизмом и редактировал журнал «Vrede» («Мир»). Осенью 1896 г. Ван-дер-Вер выступил на конгрессе социалистов в Амстердаме с докладом «Непротивление». Толстой читал доклад; он доставил ему большую радость. В 1896 г. Ван-дер-Вер отказался от службы в национальной гвардии, за что был осуждён; освободился в середине 1897 г. Его письма Толстой называл хорошими, душевными и прекрасными, а их автора считал своим другом и братом, ценил за одинаковое с ним понимание жизни и обязанностей к Богу. «...Вы мне ближе, чем многие лица, жи-

вущие около меня», – писал Толстой Ван-дер-Веру в августе 1896 г. (69: 126). Голландский писатель и журналист Ван-Дейл прислал Толстому текст заявления, написанного Ван-дер-Вером командиру национальной гвардии Миддельбургского округа Г. Снейдерсу. В нём Ван-дер-Вер называл причины, по которым отказывался от военной службы. Убийство животных и людей он считал несовместимым с достоинством человека; заповедь «Не убий» назвал «заповедью, присущей человеческой природе и разуму» и поставил её эпитафией к своему заявлению. Особенное отвращение у голландского антимилитариста вызывали убийства по приказу. Он указал на их бессмысленность, жестокость и на малодушие тех, кто их исполняет. Попытки объяснения неизбежности убийств необходимостью поддержания внутреннего порядка в стране он считал неубедительными и заявлял, что гвардию используют для защиты богачей от нищих. Толстой написал Ван-дер-Веру тёплое письмо. Он стремился придать заявление «самой широкой гласности», в статье «Приближение конца» (1896) опубликовал его полностью (31: 78–86). Толстой отождествил Ван-дер-Веру как о «человеке сильных убеждений и большого таланта». Особенно привлекла писателя мотивация его отказа: поступок был совершён исключительно по этическим соображениям и потому мог показаться убедительным представителям самых разнообразных религий и конфессий, а также атеистам. В статье Толстой писал: «...причины, выставляемые Ван-дер-Вером, так просты, ясны и так общи всем людям, что невозможно не применить их к себе» (31: 81). Толстой выражал надежду на то, что «вся жестокая и безнравственная организация убийства», кажущаяся столь могущественной, безвозвратно рухнет, а отказ Ван-дер-Вера может послужить той каплей воды, которая, просочившись сквозь плотину, повлечёт за собой прорыв всего потока (31: 86). Автор послал статью Э. Шмиту, Дж. Кенворти и Ш. Саломону для перевода и публикации в иностранной печати. Впервые она была опубликована в газете «Journal des Débats» (Париж, 1896, 24 октября) под названием «Les temps sont proches», в пер. Ш. Саломона и П. Буайе. В августе 1898 г. Ван-дер-Вера посетили А. Шкарван и Х. Абрикосов, последователи Толстого. Он жил к тому времени в Гааге и владел небольшой типографией, где печатал журнал «Vrede» и произведения Толстого. Его пригласили в Англию в толстовскую колонию Перлей (Perley) для руководства типографией. Ван-дер-Вер принял приглашение в надежде встретить проповедуемую

Толстым идеальную братскую любовь, но был глубоко разочарован и очень тяготился жизнью в новых условиях. А. Шкарван написал статью о Ван-дер-Вере (см.: Листки Свободного слова, Лондон, 1898, № 1, ноябрь).

З. М. Богачёва

ВАН НЕСС Томас (Van Ness; 1859–1931) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; американский пастор-унитариец, автор книги об истории унитаризма. В середине сентября 1888 г. посетил Толстого в Ясной Поляне и вёл беседы на религиозные темы. Свои воспоминания об этой встрече опубликовал в «Unitarian Magazine» (1889, V. 4. P. 53–60) под названием «Утро с Толстым» (*A Morning with Count Tolstoi*) и прислал вместе с письмом, в котором, помимо прочего, сообщал: «Я хорошо помню прелесть того сентябрьского дня в прошлом году, когда я гостил у Вас в Ясной Поляне. Беседа с Вами произвела на меня глубокое впечатление, и с тех пор, как мне кажется, я стал говорить в своих проповедях о необходимости точного понимания слов Христа, о важности чего Вы мне говорили. <...> Вам, видимо, будет так же приятно, как и мне, узнать о том, насколько много в Америке священнослужителей, которые приходят к Вашей трактовке Нового Завета. С каждым днём всё больше внимания уделяется жизни и высказываниям Христа и всё меньше – символам и теориям» (Толстой и США. С. 452). Ответное письмо Толстого не сохранилось, остался только конспект ответа, написанный в конце июня 1889 г.: «Van Ness'у написать, что с удовольствием вспоминаю о его приезде и очень бы одобрил его описание, если бы оно не было преувеличено в похвалах. Радуюсь очень тому, что вы пишете о распространяющемся более истинном понимании учения Христа» (64: 280–281).

Н. П. Великанова

ВАРСОНОФИЙ (в миру: Павел Иванович Плиханков; 1845–1913) – один из известных оптинских старцев, проповедник, духовный писатель. В 1996 г. причислен к лику местночтимых святых Оптиной пустыни, в августе 2000 г. юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви прославлен для общецерковного почитания. По церковным понятиям обладал всей полнотой даров, присущих оптинским старцам: прозорливостью, чудотворением, способностью изгонять нечистых духов. Родился в Самаре, отец происходил из казаков, занимался торговлей, мать умерла при его родах. Все члены семьи были глубоко

верующими. С раннего детства мачеха, верующая и очень добрая, приучила мальчика к церковным службам; с пяти лет он прислуживал в алтаре. Девяти лет был зачислен в гимназию, много читал и хорошо знал мировую литературу. Позднее, уже старцем, говорил о пользе книжных знаний, в первую очередь, житий святых. Затем были кадетский корпус, военная служба, блестящая карьера. Постепенно созревало решение поступить в монастырь. В феврале 1892 г. был зачислен в братство Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. За 10 лет, с 1893 по 1903 гг., прошёл путь от рясофора до сана иеромонаха. В 1903 г. был назначен духовником Шамординской женской пустыни, в которой была монахиней сестра Толстого – М. Н. Толстая. Душеполезные советы старца получали и её дочери. В 1904 г. был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете имени преподобного Серафима Саровского. В 1907 г. возведён в сан игумена и назначен скитона начальником. В 1910 г. по благословению ездил на станцию Астапово для напутствия умиравшего Толстого. Впоследствии Варсонофий с глубокой грустью вспоминал: «Не допустили меня к Толстому... Молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которою сковал его сатана» (Преподобный Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 2005. С. 6). «Граф Толстой был человек всесторонне образованный, но не имел Христа – и погиб. Земные знания не помогли ему. Отверг он Святую Церковь – и сам был отвергнут» (*там же*. С. 174). В 1912 г. по решению Синода Варсонофий был назначен настоятелем Старо-Голутвинской обители с возведением в сан архимандрита. Похоронен в Оптиной пустыни.

Т. В. Комарова

ВАСИЛЬЕВ Степан Васильевич (1845–?) – посетитель Толстого. Сектант-книгоноша Библейского общества. В июне 1879 г. Толстой писал жене: «Во 2-м же классе ехал с несчастным, слепым нигилистом, что живёт у Бобринского, и его проводником, солдатом книгоношею; тот, что был у нас с Евангелиями» (83: 268). 26 марта 1884 г. писатель отметил в дневнике: «Дмоховская и Степан Васильев. Это книгоноша, который был в Ясной. Он очень изменился. Он ищет единения и согласия. Не мог отделаться от подозрения, что он agent provocateur. С ним велась беседа хорошо» (49: 73). 13 апреля Васильев опять был в московском доме Толстого; в дневнике появилась запись: «За обедом пришёл Васильев

с Яковом Сириянином – молоканом-пашковцем. Тяжёлая беседа. Самоуверенная и профессиональная невежественность. Потом пришёл Орлов. Они два раза молились. Называли меня “мальчишкой”, и я был в сомнении, так ли я поступал. Скорее – так» (49: 81). 28 апреля во время прогулки Толстой «встретил Орлова, а потом Васильева. Вернулся домой. Говорил досадливо на его таинственность с Васильевым. Сошёл вниз, там священник Терновский. Вошли наверх, и Васильев напал на Терновского». «Церковным революционером» назвал Толстой Васильева: «Он борец против попов. Тут искренние ноты. А о христианстве фальшиво. Дети принимали участие, и все на стороне Терновского. <...> Васильев хорошо говорил о царской кухне, как там похоже на христианскую жизнь, а у нас не похоже» (49: 88).

Через пять лет имя Васильева снова стало появляться на страницах дневника Толстого. 20 февраля 1889 г. записано: «Утром приходил Васильев и заведующий библейской лавкой. У них посадили книгоношу Казанского за статью “о деньгах”» (50: 38). 13 марта Васильев был в Хамовниках уже со Старининым: «За обедом пришли книгоноши Васильев и Иван Игнатьич. Его сажали. <...> Васильев проповедует. Все они и Пашков, Radstock проповедуют. Я понял их, евангеликов, так: они от церковной безбожности очнулись и нашли более разумную и свободную и тёплую веру в Христа, искупившего своей кровью наши грехи и спасшего нас. И верят, и радуются. Но ошибка и тут большая: они чувствуют себя совершенными и всю энергию направляют на проповедь, предполагая, что совершенство жизни совершится бессознательно. В этом вредоносная ошибка. Васильев проповедует бессмыслицу и соблазняет своей жизнью, равно и многие другие» (50: 51).

Лит.: Старинин И. И. Записки библейского книгоноши // Голос минувшего. 1914. № 10–12.

Н. И. Бурнашёва

ВАСИЛЬЧИКОВ Борис Александрович (1863–1931), князь – крупный землевладелец, министр земледелия, член Гос. совета, сторонник и активный проводник аграрной политики П. А. Столыпина. Женат на кн. Софье Николаевне Мещерской, дочери попечителя Московского учебного округа Н. П. Мещерского, правнучке Н. М. Карамзина.

Указом правительства от 9 ноября 1906 г. провозглашалось преобладание факта единоличного владения землёй над юридическим правом пользования, т. е. община

разрушалась. Крестьяне теперь могли выходить из неё и получать землю в полную собственность. Им отрезали от общинной земли участки – отруба. После начала реформы из общины устремились многие бедняки, которые продавали свою землю и уходили в город. Зажиточные крестьяне с выходом не спешили. Уход из общины ломал привычный уклад жизни и всё мировоззрение крестьянина. Община защищала его от полного разорения и многих иных превратностей судьбы. Крестьянское земледелие очень зависело от капризов погоды. Имея несколько разрозненных полос земли в разных частях общественного надела (одну в низине, другую на возвышенности и т. д. – такой порядок называли чересполосицей), крестьянин обеспечивал себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый – на возгорках. Получив надел в одном отрубе, крестьянин оказывался во власти стихии, что могло привести к разорению.

Толстой был против таких действий правительства, считая, что прежде всего необходима ликвидация частной собственности на землю. Узнав, что его слуга Илья Васильевич Сидорков после провозглашения распоряжения министра Васильчикова 1906 г. хочет продать свой земельный надел, он заметил: «Как это жалко, что они будут продавать из корыстных целей, как Илья Васильевич, который никогда и не думал о земле! Это они делают смело и спешно. И жаль, что не дожидаются Думы, где будут мужики, которые бы это могли объяснить» (ЯПЗ. 2. С. 305).

Весной 1908 г. Толстой заинтересованно слушал мнение по этому вопросу своего сына Ильи Львовича: тот сообщал, какая борьба идёт между обществами мужиков и Крестьянским банком. «Банк продаёт отрубные участки одиноким лицам. Отруба сделаны так, чтобы никак нельзя было делать чересполосицы. Крестьяне скупают несколько отрубных участков, соединяются в общество и делят их себе в пользование <...> Васильчиков и его чиновники уверены, что они, разрушая общину, делают великое дело...» «Л. Н. очень внимательно слушал, переспрашивал, был очень тронут, задет, потом говорил: “Возмущает меня это коверканье жизни крестьян. Такая дрянь – Васильчиков и эти Столыпины... Как смеют на себя брать, решать эти ёрники петербургские то, что крестьяне лучше их понимают? Какая дерзость – ломать крестьянскую общину!”» (ЯПЗ. 3. С. 44).

В 1909 г. единомышленник Толстого В. А. Молочников со слов знакомого сообщил писателю о возмутительном отношении к местным малоземельным крестьянам

со стороны кн. Б. А. Васильчикова. 16 июня в письме Молочникову Толстой высказал своё возмущение Васильчиковым (79: 234). В свою очередь Молочников написал Васильчикову резкое письмо, в котором привёл выдержки из письма Толстого (за что позже извинился перед Толстым). Эти выдержки Васильчиков счёл для себя обидными и сообщил об этом М. А. Стаховичу. Недоразумение объяснил сам Толстой в письме Стаховичу 21 июля 1909 г. Слова писателя, высказанные против Васильчикова, направлены были не лично против него, а выражали «общий взгляд на земельную собственность»: «Этот мой взгляд на незаконность земельной собственности я и выразил словами об “отнятии у людей не только их имущества, но и силы и жизни”. Эти мои взгляды я высказываю всегда и при всяком удобном случае, но никак не могу относить их к отдельным лицам»; «всегда, особенно в последнее время, для меня дороже и важнее всего добрые, любовные отношения или, по крайней мере, не враждебные со всеми людьми, с моими братьями» (80: 28–29).

В декабре 1916 г. Васильчиков выехал из Петрограда в имение Выбити Новгородской губ. После октябрьского переворота 1917 г. был арестован, а затем эмигрировал.

Е. Г. Шестакова

ВЕЛЕМИНСКИЙ Карел (Veleminský, «чех»; 1880–1934) – посетитель Ясной Поляны, корреспондент и адресат Толстого. Чешский педагог, писатель, переводчик произведений Толстого, автор книг о Толстом, в т. ч. книги «L. N. Tolstoj jako pedagog» (Praha, 1923. – «Л. Н. Толстой как педагог»). Впервые побывал в Ясной Поляне в начале августа 1907 г.; Толстой в записной книжке отметил 10 августа: «Разговор с чехом» (56: 207). Толстой беседовал с гостем преимущественно о философских и нравственных вопросах. «Велеминский, очевидно, понравился Л. Н.», – записал Д. П. Маковицкий (ЯПЗ. 2. С. 477). О своём посещении Ясной Поляны Велеминский рассказал в книге «U Tolsteho» (Praha, 1908). В конце сентября 1907 г. он писал Толстому о впечатлении от посещения Ясной Поляны и сообщал о книгах чешских писателей, которые при их личной встрече Толстой просил его называть для использования в «Круге чтения».

В июне 1910 г. Велеминский снова приехал к Толстому. Приехал в Мещерское, имение В. Г. Черткова, где в те дни находился писатель. В дневнике 14 июня Толстой записал: «Вечером ещё позанимался. Потом чех с вопросами о педагогике. Хорошо говорили. Только стеснительно записывание» (58: 65).

Этот вечер отражён в дневнике В. Ф. Булгакова: «Был доктор Карл Велеминский из Праги, чех, “учитель немецкого языка на реальном училище”, как сообщил о нём милый Душан. Он приехал со специальной целью: подробнее ознакомиться с педагогическими взглядами Льва Николаевича. Лев Николаевич уделил ему довольно много времени, в течение которого Велеминский имел возможность расспросить Толстого об его отношении к отдельным научным дисциплинам и к школьному преподаванию вообще» (Булгаков. С. 245). Говорили об этнографии, и Толстой высказал мнение, что «её задача не изучение внешней стороны жизни» той или иной народности, а «того, во что они веруют, какой смысл придают жизни» (*там же*). «Велеминский задавал свои вопросы на немецком языке, Лев Николаевич отвечал по-русски. Беседа шла в столовой при всех. Тут же записывали за Львом Николаевичем четверо и даже больше людей: Владимир Григорьевич, Алёша Сергеенко и другие. Этакое старание было даже неприятно, и я нарочно ничего не записывал» (Булгаков. С. 246).

Н. И. Бурнашёва

ВЕРГАНИ Женни (даты жизни не установлены) – посетительница, адресат и корреспондент Толстого; гувернантка его сестры М. Н. Толстой, позднее – гувернантка её детей, а также воспитательница младших детей, приятельница и компаньонка старших дочерей близкого знакомого Толстого тульского помещика В. М. Арсеньева, владельца имения Судаково; итальянка.

Толстой был знаком с Вергани ещё в юности, когда в числе пятерых осиротевших детей Н. И. Толстого в 1841 г. переехал в Казань к «тётеньке» П. И. Юшковой. Вергани была тогда воспитательницей младшей сестры Толстого Марии. В июне 1846 г., приехав на лето из Казани в Ясную Поляну, Толстой получил от Н. Н. Толстого с Кавказа письмо, где тот просил «передать тысячу комплиментов мадемуазель Вергани...» (ПТСБ. С. 30).

В середине 1850 г. по совету Толстого Вергани поступила к Арсеньевым. М. Н. Толстая писала брату из Покровского в декабре 1851 г.: «Мадемуазель Вергани пишет, что г-жа Арсеньева всеми силами хотела её удержать» (ПТСБ. С. 90). Вергани стала здесь преданным другом старшей дочери Валерии.

Толстой относил Вергани к числу «судаковских барышень», как называл он сестёр Арсеньевых. В письме Толстому 15 января 1854 г. Т. А. Ёргольская, извещая его о смерти В. М. Арсеньева, сообщала, что перед смертью он «благословил всех де-

тей, благодаря стараниям м-ль Вергани, так как никто, кроме неё, об этом не подумал» (Chère tante!.. 1. С. 255).

В 1853 г. М. Н. Толстая предлагала м-ль Вергани стать гувернанткой её детей. Дальнейшие события тех лет наиболее полно представлены в письмах Ёргольской к Толстому. 15 декабря 1853 г. она писала: «Маша <...> предложила ей заняться их обучением, я была почти уверена, что м-ль Вергани примет её предложение. Я знаю, что она часто выходит из себя из-за дурного характера г-жи Арсеньевой, но юная Валерия питает к ней такую нежную и искреннюю любовь, что она не может решиться её оставить, поэтому она отказала Маше. Это нас всех огорчило, так как мы очень рассчитывали на неё. Она была бы весьма полезна Маше, которая из-за плохого здоровья почти безвыездно сидит дома. С её весёлым и приветливым характером она составила бы Маше приятное общество» (Chère tante!.. 1. С. 253). 7 февраля 1854 г. в дневнике Толстого записано: «Ездил к Арсеньевым, привёз Вергани...» (46: 235).

В начале марта 1854 г. в письме Толстому его сестра сообщала, что «занята разными вещами, <...> обществом m-lle Вергани, которую <...> очень рада была видеть» (ПТСБ. С. 159). 21 апреля 1854 г. тётушка передавала племяннику, со слов его сестры, приятное известие о том, что «м-ль Вергани, будучи в прошлом месяце в Москве, подыскала гувернантку её детям, англичанку и мадемуазель...» (Chère tante!.. 1. С. 256). В письме 1 июня 1854 г. Ёргольская сообщала о приезде с нетерпением ожидаемой гувернантки: «Это виконтесса де Вилье. Валерьян говорит, что она очень порядочная особа, говорит по-английски, по-немецки и сносно по-французски. Я посоветовала Маше брать у неё уроки английского <...>. Помимо прочего, эта дама, говорят, порядочно музицирует. Вот ещё одно удовольствие для Маши» (*там же*. С. 258). Однако осенью того же года Вергани приняла приглашение М. Н. Толстой стать воспитательницей её детей и переехала в Покровское. В письме от 24 ноября 1854 г. В. В. Арсеньева просила Ёргольскую принять вещи для м-ль Вергани, чтобы переслать их с нарочным из Ясной Поляны в Покровское. Ёргольская сообщала Толстому 3 декабря 1854 г. о том, что «м-ль Вергани наконец оставила Арсеньевых, несмотря на то, что по-прежнему любит Валерию. Она не смогла больше выносить капризы её матери, которые с каждым днём становились всё невыносимее, и согласилась наконец принять место у Маши, которая от этого в восторге, а я тем более, потому что теперь дети будут

в хороших руках» (*там же*. С. 263–264). Но в письме из Покровского от 3 июля 1855 г. Ёргольская передавала Толстому новость, которая его «несомненно огорчит: м-ль Вергани оставила Машу и вернулась к Арсеньевым, даже сама хозяйка стала с ней предупредительна. М-ль Вергани, побеждённая слезами и настойчивыми просьбами Валерии, решила вновь вернуться к ней. Юная особа питает к ней сильную дружбу и даже обожание, редкое на этом свете. Признаться, я очень огорчена, что м-ль Вергани оставила нашу милую малышку Вареньку, которой её заботы были крайне необходимы» (*там же*. 2. С. 218).

Во время пребывания Вергани в Покровском, видимо, состоялось её знакомство с Тургеневым: он упоминал о м-ль Вергани в письмах к М. Н. Толстой и её мужу из Петербурга в феврале и марте 1855 г. В них шла речь о его обещании выполнить некое поручение м-лле Вергани, что ему никак не удавалось сделать из-за болезни. 2 (14) марта Тургенев написал М. Н. Толстой: «Пакет м-лле Vergani меня сокрушает – в несчастный час она мне его дала! Первый мой выезд будет ей посвящён» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 265).

В 1856–1857 гг. Толстой был серьёзно увлечён Валерией Арсеньевой. Почти за год до этого тётушка Ёргольская сообщила ему в письме от 23 августа 1855 г.: «Все наши соседи живо тобой интересуются... М-ль Вергани и семья Арсеньевых особенно тобою интересуются». Валерию Ёргольская оценивала как «прехорошенькую и преинтересную девушку» (*Chere tante!*.. 2. С. 219). В дневнике Толстого в Ясной Поляне 3 июня 1856 г. записано: «Троицын день. <...> Приехала м-лле Vergani с детьми <...>. Ходил гулять с мальчиком Арсеньевым...» (47: 78). Через 10 дней в дневнике появится первая запись Толстого о его чувствах к Валерии. Обдумывая своё увлечение, Толстой, как записано в дневнике 13 июля 1856 г., поехал к Арсеньевым с намерением «поговорить с Vergani» (47: 86). 8 сентября в письме, адресованном Валерии и одновременно Ж. Вергани, Толстой сделал приписку (по-французски, приводится в переводе): «Вы не подаёте нам признака жизни, а без шуток, так как вы знаете, как вас любят в Ясной, вы знаете также, какое удовольствие доставило бы нам маленькое словечко от вас. <...> О вашем образе жизни и ваших занятиях я не могу составить никакого представления» (60: 84).

Для объяснения с Валерией Толстой придумал историю некоего Храповицкого и Дембицкой; он рассказал эту историю Вергани, и та передала её по назначению.

В письме к В. Арсеньевой 17 ноября 1856 г., адресованном также и Ж. Вергани, Толстой сделал приписку (по-французски, приводится в переводе): «Дорогая и прелестная, трижды прелестная г-жа Вергани, напишите мне ещё о предмете, который меня интересует: <...> этот господин воображает, что вы его немного любите и что вы в совершенстве знаете г-жу Дембицкую. Храповицкий уверяет вас в своей истинной и искренней привязанности» (60: 114).

Вергани предположительно считают прототипом гувернантки Кати в «Семейном счастье» Толстого, где отчасти отразился его роман с Валерией. В июле 1856 г. в записной книжке после записи к автобиографической трилогии отмечен, видимо, интересный для Толстого-писателя факт – эпизод, связанный с Вергани: «Сцена с M-lle Vergani; она привезла наряды из Москвы – дети её любят, но в кофточках бегут смотреть наряды...» (47: 192).

В дневниковых записях Толстого за 29 сентября и 4 октября 1857 г. отмечено пребывание Вергани в Пирогове, видимо, у М. Н. Толстой. Некоторые более поздние сведения о жизни м-ль Вергани содержатся в нескольких письмах Валерии Арсеньевой (в замужестве Талызиной) к Т. А. Ёргольской, сохранившихся в *ОР ГМТ*. 1 ноября 1858 г. Валерия сообщала о двух письмах, полученных от Вергани, просившей поскорее послать ей денег, которые остался ей должен «граф Сергей», – «так как она без гроша». Далее сказано: «Она пишет графу из Вены, я посылаю вам её письмо. <...> Она ехала с семьёй Мориц и приехала в Вену, она нашла там свою сестру. Представляю себе, как они были рады, увидевшись после столь долгой разлуки». 29 января 1859 г. Талызина извещала Ёргольскую о том, что деньги от «графа Сергея» получила и рассчитывает передать их Вергани через четыре дня с дядей Киреевским, который едет в Москву, «так как здесь нет никакого способа получить золото на такую большую сумму». В следующем письме сообщалось: «Вчера мой муж уехал в Москву с дядей Киреевским на десять дней и он-то и займется отправкой денег Вергани в Вену».

В письме к Валерии Арсеньевой от 6 декабря 1857 г., рассуждая о том, что у неё есть всё, «что может желать человек», Толстой перечислил: «молодость, красота, независимое состояние, друг Верганичка» (60: 242).

Лит.: Chere tante! Переписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской // Ясная Поляна. 1997. № 1, № 2; Журов П. А. Л. Н. Толстой и В. В. Арсеньева // *ЯП. сб.* 1976; Сафо-

нова О. Ю. Родственница Тургеневых – В. В. Арсеньева // Спасский вестник. Вып. № 13. 2006.

Т. Н. Архангельская

ВЕРЛЕН Поль-Мари (Verlaine; 1844–1896) – один из величайших французских поэтов-лириков. Родился в г. Меце в семье военного инженера. После выхода отца в отставку семья поселилась в парижском предместье. Окончил лицей Бонапарта. С 14 лет писал стихи. Получив степень бакалавра словесности, записался в Школу права и занимался математикой в надежде сдать экзамены в Министерство финансов. Служил чиновником парижской ратуши при Коммуне в 1871 г. Вместе с Малларме и Рембо был одним из основоположников литературного импрессионизма и символизма. Ещё при жизни получил титул «певца упадка и печали». В стихотворении «Поэтическое искусство» («*Art poétique*», 1882) сформулирован поэтический манифест Верлена: 1) «Почти бесплотность предпочти всему, что слишком плоть и тело»; 2) «Не церемонься с языком», «всех лучше песня, где немножко и точность будто под хмельком»; 3) «Всего милее полутон»; 4) «Так музыки же вновь и вновь» – музыкальность стиха противопоставлялась определённости смысла. Предпочтение отдавалось нюансам, переливам, а не резким тонам. И в то же время он не придавал своему стихотворению значение программно-манифестное, как позже восприняли его поэты-символисты. «Нельзя же понимать “Поэтическое искусство” буквально», – говорил он, продолжая писать ясно и сохраняя в своём творчестве традиционные размеры, рифмы.

Обладая необыкновенно тонким поэтическим даром, умением схватывать тончайшие оттенки чувств и настроений, неуловимые приметы внешнего мира и самым совершенным образом передавать все настроения своей богатой, талантливой натуры, Верлен умел в поэзии добиваться этого самой музыкой стиха. Один из лучших его сборников так и назывался – «Романсы без слов» (1874).

Многочисленны сочинения Верлена, в которых он достиг наибольшего формального мастерства: «Сатурнические стихотворения» (1866); «Галантные празднества» (1870); «Мудрость» (1881); «Далёкое и близкое» (1884); «Посвящения» (1890); «Элегии» (1893); «В лимбе» (1894); «Эпиграммы» (1894); «Плоть» (1896), «Инвективы» (1896) и др. В *ЯПб* сохранились два издания Верлена на французском языке: «Избранные стихотворения» («*Choix de poésies*», 1897), со следами чтения Толстого, и третий том ПСС («*Oeuvres complètes*»; 1899–1903).

Доказывая, что искусство становится «всё более и более сложным, вычурным и неясным» (30: 89), в трактате «Что такое искусство?» Толстой как пример цитировал из стихотворения «Поэтическое искусство» «считающегося великим» (30: 90) Верлена фрагменты (из девяти четверостиший два первых и два последних). Весь же текст стихотворения отчёркнут чернилами рукой Толстого в книге «*Choix de poésies*» на страницах 250–253.

«Не менее вычурное и не менее непонятное» (30: 97) для Толстого стихотворение Верлена «Это – томный экстаз» («*C'est l'extase langoureuse*») в трактате цитируется целиком (30: 97–98). Следующее за ним стихотворение «В бесконечной скуке равнины» («*Dans l'interminable ennui de la plaine*») (30: 98), считал Толстой, написано автором «под предлогом передачи настроения» и являет собой «набор неверных сравнений и слов» (30: 99).

В книге «*Choix de poésies*» загнут нижний уголок на странице 179: здесь внимание Толстого привлекло стихотворение «Я хочу думать только о матери Марии» («*Je ne veux plus aimer que ma mère Marie*», 1881). Писатель цитировал предпоследнее четверостишие: «*Je ne veux plus penser qu'à ma mère Marie, / Siège de la sagesse et source de pardons, / Mère de France aussi, de qui nous attendons / Inébranlablement l'honneur de la patrie*» «Я хочу думать только о матери Марии – средоточии мудрости и источнике отпущений, матери Франции, от которой и мы непоколебимо ожидаем чести для родины. – фр.» (30: 99). Разумеется, на фоне идеи «искусства народного» это стихотворение Толстой считал не только «плохим и по форме, и по содержанию» (30: 99), но и выражением «самых пошлых католических и патриотических чувств» (*там же*). «Миросозерцание <...> Верлена, – делал вывод Толстой, – состоит из дряблой распушенности, признания своего нравственного бессилия, и, как спасение от этого бессилия, самого грубого католического идолопоклонства». Поэт «не только совершенно лишён наивности, искренности и простоты, но <...> преисполнен искусственности, оригинальничанья и самомнения» (30: 99); он «придумывает новую форму, при этом подновляя её ещё неупотребительными до сих пор порнографическими подробностями» (30: 100). Толстого возмущало, что Бодлер и Верлен, «эти два плохие стихотворца составляют школу и ведут за собою сотни последователей. <...> И критика и публика высших классов признаёт их великими писателями» (*там же*). В вариантах трактата Толстой писал, что «искусство,

соединяющее людей в самых простых, но общих всем людям чувствах, есть хорошее, допускаемое христианским сознанием искусство. Искусство же исключительное, <...> как хорошее стихотворение Верлена, соединяющее нескольких декадентов, <...> есть приятное или нужное некоторым людям занятие, которое безвредно, если только оно не ставится <...> на место хорошего и важного искусства» (30: 413).

Лит.: Европейская поэзия конца XIX века. М., 1977.

А. Н. Полосина

ВЕСТЕРЛУНД Дора – см. Толстая Дора Фёдоровна.

ВЕСТЕРЛУНД Эрнст Теодор (1839–1924) – шведский доктор медицины, сват Толстого, тесть его сына Л. Л. Толстого. Женат на Нине Вестерлунд, рожд. Олудерус (1839–1922). Жил с семьёй в г. Энгепинге, близ Стокгольма. Впервые приехал с женой в Россию 20 мая 1898 г. «Милые, спокойные, уравновешенные шведы. Этот приезд осчастливил одинокую на чужой земле шведочку Дору <жену Л. Л. Толстого. – Л. Д.>, и я очень за неё радовалась», – писала С. А. Толстая (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 516). Толстой тогда тяжело заболел дизентерией. «Л. Н. всё не поправляется от болезни. Он вял, сонлив и притих совсем, не проявляя ни радости, ни горя, ни злобы, ни любви <...>. Вестерлунд нашёл в Льве Николаевиче увеличенную печень и велел ему пить воду Виши очень горячую по утрам» (*ДСАТ*. 1. С. 388), – записала в дневнике Софья Андреевна. По совету Вестерлунда при «желудочных припадках» Толстой должен был есть в качестве лекарства по яйцу в день. Считая свата-шведа «умным гигиенистом», писатель не был в восторге от Вестерлунда-врача. «Он нашёл, что доктор Вестерлунд и мужик немецкий, и буржуазен, и туп, и отстал на 30 лет в медицине, а не видел он доброты этого доктора, его самоотверженную жизнь на пользу человечества, его желание помочь каждой бабе, каждому встречному; его заботу о жене, о дочери, его бескорыстность» (*ДСАТ*. 1. С. 395). Но совет Вестерлунда есть по яйцу в день он исполнял. М. С. Сухотин вспоминал, что Лев Львович Толстой задумал написать роман под названием «Слова и дела», в котором «хотел бичевать» отца и поставить ему «в пример своего тестя, известного шведского доктора Вестерлунда, у которого будто бы дела никогда не расходятся со словами» (*ТВС*. 2. С. 374).

Л. С. Дробат

ВЕТВИНОВ Георгий Николаевич (1892–?) – крестьянин Енисейской губ. села Тесь; бывший ученик шестого класса реального училища в Уфе. Вместе с четырьмя другими молодыми людьми в ночь на 1 октября 1907 г. совершил с целью грабежа («экспроприации») вооружённое нападение на пассажирский поезд близ Уфы на Самаро-Златоустовской железной дороге. Никто убит не был.

17 декабря 1907 г. сестра Ветвинова, Т. Н. Ветвинова, в письме Толстому просила спасти её юного брата, которому грозила виселица. 21 декабря писатель обратился к своим хорошим знакомым сенатору А. Ф. Кони и Д. А. Олсуфьеву с просьбой помочь добиться помилования для подростка.

19 января 1909 г. письмо с просьбой о помиловании 16-летнего юноши Г. Н. Ветвинова Толстой направил командующему войсками Казанского военного округа генералу А. Г. Сандецкому, «который должен был утверждать приговор суда над этим мальчиком. По-видимому, письмо вышло очень задушевным, – писал Н. Н. Гусев, – так как Л. Н. передал его мне для отправления запечатанным в конверт, на котором сам написал адрес, и сказал, что он не желает, чтобы с этого письма снималась копия, как это обыкновенно делается со всеми его письмами. Так что содержание этого письма осталось неизвестным никому из близких Л. Н.-ча» (Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 247). Тогда же были написаны письма по этому же делу сенатору А. Ф. Кони, С. А. Стахович, сыну Л. Л. Толстому.

На обращение к нему Толстого Сандецкий 6 февраля 1909 г. ответил письмом, в котором сообщал, что дело будет слушаться 13 февраля и что он, «если возможно будет, постарается смягчить приговор» (79: 37). В феврале 1909 г. на суде, назвав себя анархистом-индивидуалистом, Ветвинов заявил, что экспроприация совершена в пользу безработных, и был приговорён как несовершеннолетний к 8 годам каторжных работ. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Н. И. Бурнашёва

ВЕТВИНОВА Таисия Николаевна (даты жизни не установлены) – сестра Г. Н. Ветвинова, корреспондент и адресат Толстого; фельдшерница из Петербурга. В 1899 г. обратилась к Толстому с просьбой по поводу «одной больной курсистки», своей подруги М. Ф. Ветровой, сидящей в тюрьме. Толстой написал тогда письма А. Ф. Кони и М. А. Стаховичу. «Девушка была вырвана из тюремных условий, и это

спасло её от сумасшествия, а её старушку мать от безутешного горя», — писала Ветвинова Толстому в декабре 1907 г. (72: 97).

В том же письме от 17 декабря Ветвинова просила Толстого спасти её брата-подростка, которому за участие в нападении на пассажирский поезд грозила смертная казнь. 21 декабря 1907 г. в Ясной Поляне «говорилось про письмо сестры (Т. Н. Ветвиновой) о шестнадцатилетнем брате, попавшем в тюрьму» (ЯПЗ. 2. С. 595). В тот же день с просьбой помочь Ветвинову Толстой обратился к сенатору А. Ф. Кони и Д. А. Олсуфьеву (77: 269–270). 19 января 1909 г. он писал сыну Льву, что письмо ему передаст «сестра 16-летнего мальчика, который судится в Казанском военном суде за экспроприацию с оружием <...>. Ему угрожает виселица, не можешь ли ты, — писал Толстой, — через кого-либо походатайствовать об этом несчастном. Родные как на великое благо смотрят на каторгу, только бы не смерть» (79: 33). О том же Толстой писал А. Ф. Кони, призывая: «Сделайте что можете, чтобы спасти его» (79: 34). Писал Толстой и С. А. Стахович с просьбой через её братьев «походатайствовать за этого несчастного, чтобы только спасти его от позорной смерти» (79: 35). 19 января Толстой писал самой Ветвиновой: «Письмо ваше получил и сделал, что мог. Но кроме того посылаю вам ещё письма к трём лицам, которых прошу сделать, что они могут для спасения вашего несчастного брата. Всё это лица, которые не откажутся сделать, что могут. Одно лицо — это мой сын, другое — А. Ф. Кони, влиятельный человек, и 3-ье лицо — Соф. Александровна Стахович. На эту я больше всего надеюсь, <...> у ней и связи есть в военном мире, и наверное она сделает всё, что может» (79: 35). На конверте письма Ветвиновой Толстой пометил: «Написать Сандецкому и матери» (79: 36).

19 января 1909 г. было направлено письмо командиру войсками Казанского военного округа генералу А. Г. Сандецкому (79: 36), в котором Толстой сообщал, что «получил письмо от сестры крестьянина Енисейской губ. села Тесь Георгия Николаева Ветвинова, обращающейся <...> от своего имени и матери с просьбою ходатайствовать <...> за её брата, судящегося в Казанском военном суде по 279 ст.». «...Я не мог отказать сестре и матери, — писал Толстой, — и вот обращаюсь к вам с просьбою сделать то, что очень вероятно вы сделали бы и без моей просьбы: избавить этого несчастного заблудшего 16-летнего мальчика от позорной смерти и невинных родных его и главное — мать от ужасного страдания» (черновое письмо; 79: 36).

В феврале 1909 г. Г. Ветвинов был приговорён к 8 годам каторги. На письмо Толстого Ветвинова ответила 20 февраля, благодарила за помощь, сообщала, что товарищи её брата, участники экспроприации, 18-летние ребята, приговорены к смертной казни. Просила походатайствовать за них, чтобы смягчить приговор. На конверте этого письма Толстой написал: «Не могу» (79: 36).

В ноябре 1909 г. Ветвинова вновь обратилась к Толстому с просьбой содействовать досрочному освобождению из тюрьмы её брата. По этому поводу 8 ноября 1909 г. Толстой снова писал Д. А. Олсуфьеву и М. А. Стаховичу, направив к тому и другому «просительницу» Ветвинову.

Н. И. Бурнашёва

ВЕТРОВА Мария Федосеевна (1870–1897) — бывшая учительница, революционерка, входила в группу народолюбцев. Летом 1894 г., в каникулы после обучения на Высших женских курсах в Петербурге, отдыхала в Бабурине, имении соседа Толстого по Ясной Поляне профессора В. Н. Джонса. Ветрова познакомилась сначала с В. Г. Чертковым, жившим в своём имении Дёменке, рядом с Бабурином, а вскоре и с Толстым. Позднее её воспоминания о встрече с писателем были опубликованы в историко-революционном журнале «Каторга и ссылка» (1926, № 2), издававшемся в 1921–1935 гг. в Москве.

22 декабря 1896 г. Ветрова была арестована по делу об организованной группой народолюбцев нелегальной лахтинской типографии, где печаталась антиправительственная литература. 23 января 1897 г. она была переведена из дома предварительного заключения в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Не выдержав одиночного заключения и подписав признательные документы, она покончила с собой, совершив самоподжог, используя керосин из принесённой ей для занятий горящей лампы. Через три дня Ветрова скончалась. Тюремная администрация пыталась скрыть самоубийство. Толстой узнал об этом от одной дамы, дружившей с Ветровой. Она напомнила Толстому об их знакомстве. В тот же день, 9 марта 1897 г., Толстой «написал Черткову и Кони о страшном событии с Ветровой» (53: 143): «В Петербурге произошло 12 февраля следующее, — писал Толстой Черткову (письмо датировано 11 марта): — Ветрова, Марья Федосеевна, которую вы знали и я знал, курсистка, посаженная в дом предварительного заключения по делу стачек, мало замешанная, была переведена в Петропавловскую крепость. Там, как говорят

и догадываются, после допроса и оскорбления (это не известно ещё) облила себя керосином, зажглась и на 3-й день умерла. Товарки её, навещавшие её, носили ей вещи, их принимали и только через 2 недели сказали, что она сожгла себя. Молодёжь, все учащиеся до 3000 человек (были и из духовной академии) собрались в Казанский собор служить панихиду; им не позволили, но они сами запели: вечная память, и с венками хотели идти по Невскому, но их не пустили, они пошли по Казанской. Их переписали и отпустили. Все возмущены» (88: 17). Толстой просил А. Ф. Кони опубликовать сведения о произошедшем, с тем чтобы противостоять подобного рода действиям со стороны заключённых. В «Новом времени» появилась статья О. А. Новиковой, в которой говорилось о гуманном отношении к Ветровой со стороны тюремного начальства и стражи, а также о том, что Ветрова была неуравновешенной особой, страдавшей повышенной нервностью. Чертков возразил против данной статьи, отправив «Times» свою статью, в которой подчеркнул, что Ветрову лично знал как девушку «здоровую и весёлую» и что её арест не имел достаточных оснований. Статью Чертков отправил Толстому, на что Толстой написал: «Письмо в Times прочёл и очень одобрил» (88: 34).

15 марта 1899 г. к Толстому обратилась с письмом слушательница петербургских фельдшерских курсов Т. Н. Ветвинова, сообщившая о том, что судьба Ветровой и С. С. Костромина, в нервном припадке разрезавшего себе артерии, может повториться в тюрьмах, и описала заключённую девушку, остро нуждающуюся в помощи. Толстой сообщил о том Кони и А. А. Стаховичу, которые своевременно добились перевода заключённой в больницу.

Работая в 1889–1899 гг. над романом «Воскресение», Толстой отделял эпизод об обезумевшей женщине, бившейся головой о стену в каземате Петропавловской крепости. Этот замысел возник у него под влиянием известия о самосожжении Ветровой. Но в черновой редакции романа Толстой зачеркнул сначала слова «Трубецкой бастион» (Ветрова сидела именно в Трубецком бастионе), а потом и вовсе отказался от этого эпизода.

А. В. Шмелёва

ВИАРДО-ГАРСИА Мишель Полина (Viardot, рожд. Гарсиа; 1821–1910) – французская оперная певица (меццо-сопрано), вокальный педагог, композитор. В своё время лучшая исполнительница оперных партий Фидес («Пророк» Дж. Мейербера),

Орфея («Орфей и Эвридика» К.-В. Глюка), Розины («Севильский цирюльник» Дж. Россини). В 1843–1844 гг. гастролировала в Санкт-Петербурге, где с нею познакомился И. С. Тургенев; с тех пор их связывала многолетняя дружба. Виардо – автор нескольких опер на либретто Тургенева.

Будучи в 1857 г. в Париже, Толстой дважды посещал концерты Виардо. В дневнике отразились впечатления: 19 февраля /3 марта – «Прелестный трио и Виардо» (47: 115); 22 марта/3 апреля – «Пописал немного и пошёл в концерт. Ботезини <итальянский композитор и дирижёр. – Н. Б.> и разная мерзость. Одна Viardo и Ристери <итальянская трагическая актриса. – Н. Б.> очень замечательны, особенно первая» (47: 121).

Толстой и Виардо не были знакомы лично, но через И. С. Тургенева знали друг друга. Толстой не вникал в суть отношений Виардо и Тургенева. «Вообще их отношения для меня так и остались тайной», – говорил он (Лазурский В. Ф. Дневник // ЛН. Т. 37–38. Толстой. II. С. 502).

Виардо упомянута в рассказе Толстого «Альберт», в вариантах «Анны Карениной», в незавершённом сочинении «Детская мудрость».

Н. И. Бурнашёва

ВИЗЕВА Теодор де (Wyzewa; наст. фамилия Выжевский; 1862–1917) – французский критик, публицист и переводчик польского происхождения. Сотрудник журнала «Revue des deux mondes», автор книг «Наши учителя» («Nos maîtres», 1895; одна из первых книг, утверждающих огромное влияние Малларме на развитие французской поэзии), «Иностранные писатели» («Écrivains étrangers», 1897; посвящена Ницше, Уитмену, Ибсену, Толстому, Тургеневу и др.) и «Современный роман за границей» («Le roman contemporain à l'étranger», 1900). Толстой высоко ценил его работы и назвал «прекрасным переводчиком» (88: 130). Позднее Визева перевёл несколько произведений Толстого, в т. ч. роман «Воскресение».

Сложности в связи с печатанием «Воскресения» в разных странах были источником неприятных переживаний для Толстого. По завершении работы над романом он признался в письме к Л. А. Сулержицкому: «...нет энергии, охоты работать, а какая есть, всю пускаю на колесо обязательной работы “Воскресения”, к которой меня подгоняют и рвут со всех сторон. Много было приятного мне в этой работе, в самой работе, но в отношениях с людьми, с издателями было неприятного очень много» (72: 203). Дневниковая запись 26 июня 1899 г. под-

тверждала это: «Тяжёлые отношения из-за печатания и переводов “Воскресения”» (53: 219). Издание «Воскресения», его переводы на иностранные языки, переписка с книгоиздателем А. Ф. Марксом, В. Г. Чертковым и иностранными переводчиками вызывали тяжёлое чувство.

Наряду с печатанием «Воскресения» на русском языке, роман сразу же переводился и издавался на английском, французском и немецком. В большинстве стран он печатался прежде всего в периодических изданиях. В Париже поиском переводчиков романа занимался сын писателя С. Л. Толстой. «...Вот тебе самое определённое дело: выяснить (в Париже или Лондоне у издательских фирм), сколько дадут за две повести, почём за слово или букву и на каких условиях, и сколько вперёд денег, и когда все?» (71: 439), — писал сыну Толстой. Поиски проходили трудно. Наконец право перевода было передано Чертковым французской газете «Echo de Paris» за 12 000 франков. Гонорар предназначался для передачи кавказским духоборам в связи с их переселением за границу.

С. Л. Толстой поехал к «офранцузившемуся поляку, Теодору де Визева», сотруднику журнала «Revue des deux Mondes», который перевёл «Воскресение» «хорошим французским языком». Роман в переводе де Визева, взявшегося за работу по предложению сына писателя С. Л. Толстого, после его издания в газете вышел в его же переводе в двух томах отдельным изданием в 1900 г. в издательстве Перрен (Résurrection. Paris: Perrin et C^{ie}, 1900). В течение этого года «Воскресение» переиздавалось пятнадцать раз. Шестое его издание сохранилось в ЯПБ.

Перевод Визева оказался недостаточно точным. Он, как «правоверный католик, выпустил главу об обедне в тюрьме» (*Очерки былого*. Гл. «1898–1899 годы») из страха оскорбить католиков, и нападки на армию из боязни оскорбить дрейфусаров тоже были сокращены. По сути, он первым для газеты «Echo de Paris», газеты консервативной и клерикальной, «отредактировал» роман Толстого. Богослужение в тюремной церкви, критические замечания о военной службе, о религии и всё, что не понравилось бы читателям газеты, в его переводе отсутствует. В отдельном французском издании романа 1899 г. сокращения восстановлены не были.

Из письма Т. де Визева к биографу Толстого П. И. Бирюкову (для передачи автору) известно, что переводчик, с одной стороны, клялся в любви к Толстому, как человеку, «выше всех почитаемому», а с другой — отстаивал своё «право» вычёркивать из рома-

на всё, что, по его мнению, «заслуживает» исключения сообразно с общественно-политической обстановкой во Франции, вкусами публики, требованиями церковников и т. д. При этом, словно стремясь оправдаться перед автором, он, по существу, оправдывал купюры, т. е. делал именно то, что никак не могло вызвать сочувствия у Толстого, и утверждал, что изъятые главы не играют в романе значительной роли и все изменения внесены «исключительно в интересах учения Льва Толстого» и для улучшения романа. В статье «Толстой и его переводчики» сокращения Визева возмущался Эрнест Кросби. По его мнению, «в переводах г-на де Визева (Франция) мы должны подчиниться его литературному капризу. Он начал с того, что выпустил всё, что было противомилитаристского в “Воскресении”...» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 398). В переводе Визева многие видели «весьма тенденциозную обработку текста Толстого» (*там же*. Кн. 2. С. 304). Не только профессиональные литераторы, но и обыкновенные читатели с возмущением воспринимали известие об искажениях романа в переводах на иностранные языки.

В 1910 г. в журнале «Меркюр де Франс» под псевдонимом *Un curieux* (Любопытный) вышла статья «Курьёзы переводов “Воскресения”». «Вообще де Визева, — писал автор, — переводит литературным языком, и довольно свободно, но, по правде говоря, он делает скорее адаптацию, чем перевод, позволяя себе сокращения, транспозиции (перестановки), иногда даже он от себя добавляет текст собственного “изготовления”...» (Mercure de France. 1910. Le 1^{er} septembre. P. 65).

21 ноября 1910 г. газета «Temps» напечатала статью Т. де Визева «Граф Лев Толстой».

Лит.: Горная В. З. Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение». М., 1991.

А. Н. Полосина

ВИЛЬСОН Льюис Жильберт (Wilson; 1858–1921) — корреспондент Толстого; унитарный пастор, американский писатель-богослов, сторонник учения о непротавлении злу насилием. В 1889 г. Вильсон, служивший в основанной Адином Баллу общине «Долина надежды», обратился к Толстому с письмом и прислал книгу Баллу «Христианское непротавление» и несколько его брошюр. В ответном письме к Вильсону от 22 июня 1889 г. Толстой высоко оценивал подвижническую деятельность Баллу на путях христианского преображения современного человечества, полагая, что

Баллу «будет признан в будущем одним из величайших благодетелей человечества», и особо подчёркивая, что в его сочинениях «блестяще опровергнуты все возражения, которые обыкновенно делаются против непротивления» (64: 272). Однако вместе с тем Толстой высказывал ряд возражений Баллу: недопустимость какого бы то ни было «насилия против пьяниц и сумасшедших», какими бы благими целями оно ни было оправдано, а также неоднозначность решения вопроса о собственности, ибо «последователь Христа должен быть готов к бедности и страданиям» (64: 273). Под впечатлением письма Вильсона и чтения книги Баллу Толстой 23 июня 1889 г. писал Д. А. Хилкову: «Как радостно видеть и знать, что ты не один ни в пространстве, ни во времени и что огонь, который Христос низвёл на землю, загорается и захватывает всё больше и больше людей» (64: 278). В трактате «Царство Божие внутри вас», восходящем и к замыслу предисловия к переводу «Катехизиса непротивления» Баллу, Толстой указывал на письмо Вильсона, познакомившего его с трудами Баллу. И хотя отношения определялись в основном посредничеством Вильсона в связях Баллу с Толстым, в № 13 американского журнала «The Arena» (Бостон, 1889–1904) за 1890 г. была опубликована статья Вильсона «Христианское учение о непротивлении графа Льва Толстого и Адина Баллу. Неизданная переписка», что свидетельствовало о близости воззрений Толстого и Вильсона, ученика и помощника Баллу, и об их взаимном интересе и доверии друг к другу. Толстой получил журнал вместе с письмом редактора Бенджамина Флауера (письмо не сохранилось), что отмечено в дневнике 17 марта 1891 г.: «Получил письмо и Arena с перепиской Ballou. Очень хорошая» (52: 20).

А. С. Кондратьев

ВИ́НЕР Лев Соломонович (Wiener; Лео В́инер; 1862–1939) – адресат и корреспондент Толстого; известный лингвист, профессор филологии, историк литературы, переводчик. Родился в городе Белостоке Российской империи, учился в минской, затем варшавской гимназиях, поступил в Берлинский технологический институт, по окончании второго курса решил продолжить образование в США.

Лео Винер знал более 20 языков. Его первые исследования в области лингвистики были связаны с еврейской филологией и литературой и посвящены лингвистическим элементам идиша в белорусском, русском, польском и немецком языках. С 1896 г.

Винер принял должность преподавателя славянских языков и литературы в Гарвардском университете, с 1911 г. стал профессором на кафедре славянских языков и литератур. Он составитель первой в США «Антологии русской литературы от начального периода до наших дней» (1902–1903). Антология включала лучшие произведения от Ломоносова до Достоевского и Чехова, неоднократно переиздавалась, последний раз – в 2001 г.

Поклонник творчества Толстого, Винер переводил и редактировал его 24-томное собрание сочинений, изданное на английском языке в Бостоне в 1904–1912 гг. 21 ноября 1904 г. в связи с началом перевода трудов Толстого на английский язык он обратился к писателю с просьбой выслать ему недостающие произведения: «Часовщик», «Первый винокур», «Церковь и государство», текст к картине Ге, календари для народа, письмо о Луизе Тосканской, так как сам не может приобрести эти тексты. Толстой отвечал 19 декабря/1 января 1904 г.: «Очень приятно было узнать, что перевод моих сочинений доставил вам удовольствие и некоторую пользу. Постараюсь собрать недостающие вам вещи и на днях вышлю их вам» (75: 193). По свидетельству Маковицкого, английского перевода (Винера) сочинений Толстого в *ЯПБ* не было (*ЯПЗ*. 2. С. 293).

А. Г. Королёва

ВИНОГРА́ДОВ Дмитрий Фёдорович (даты жизни не установлены) – учитель яснополянской школы, переписчик у Толстого в 1880-е гг. Переписывал первую и третью редакции «Исповеди», предисловие к трактату «Соединение и перевод четырёх евангелий», «Краткое изложение евангелия», «Так что же нам делать?». Толстой ценил его работу: «Дмитрий Фёдорович принёс переписанное. Я прочёл – хорошо» (49: 110).

Вместе с Толстым и его слугой С. П. Арбузовым 10–19 июня 1881 г. Виноградов пешком ходил из Ясной Поляны в Оптиную пустынь. «Дмитрий Фёдорович идёт со мной до Оптиной. Он тихий и услужливый человек», – писал Толстой с дороги жене 11 июня; 83: 286). Ученик Виноградова А. Г. Зябрев описывал его так: «человек большого роста, но худой, как щепка; пальцы его были длинные и тонкие и жёлтые от табака: он поминутно курил» (83: 286–287). Толстому с ним было легко и просто в быту: учитель ходил с ним в баню (83: 448), порой у Толстого пил чай, «читали вслух жития святых» (31 января 1884 г.; 83: 418). В письмах к жене Толстой сообщал: «Нын-

че я один. Был только Дмитрий Фёдорович, разговаривали о том, как он живёт сам-сём на 11 руб. 40 коп. в месяц. Живёт» (11 ноября 1883 г.; 83: 407). «Вечером Дмитрий Фёдорович писал, а я шил сапоги – неторопливо и хорошо» (27 октября 1884 г.; 83: 443). В конце 1884 г. Виноградов покинул Ясную Поляну. «Мне недостаёт очень Дмитрия Фёдоровича для переписки, – писал Толстой С. А. Толстой. – Он поступил псаломщиком» (11 дек. 1884 г.; 83: 462).

Н. И. Бурнашёва

ВИНОГРАДОВ Николай Иванович (псевд. Н. Раменский; 1863–1920?) – педагог (впоследствии директор Московской 3-й мужской гимназии), начинающий писатель. Сотрудник «Русского богатства»; автор романов «Доктор Сафонов. Этюд» (1889) и «Братья-изгои», роман в трёх частях (1895–1896), рассказов и небольших книг: «Значение А. С. Пушкина для каждого из нас: Говорено Н. Виноградовым во время майских торжеств...» (М., 1899), «И. С. Тургенев: Биография и разбор его произведений: Пособие для учащихся» (СПб., 1910), «Московское коммерческое училище. Сто лет жизни» (М., 1904).

Толстой был знаком с Виноградовым, который приходил в московский дом писателя. 29 января 1889 г. он записал в дневнике: «Дома читал, пришёл Виноградов, автор “Доктора Сафонова”. Я разговорился с ним, осуждая ему его писанье, и увидел, что он человек, тронутый учением истины, – он и другой его товарищ учитель» (50: 30). В «Записной книжке» (№ 5, 1894 г.) Толстого упоминался ещё один роман Виноградова: «Братья изгои Виноградова, рукопись романа у Гуревич» (52: 273). Читал ли Толстой этот второй роман, неизвестно.

О. С. Карандашова

ВЛАДИМИРОВ Нил Тимофеевич (?–1897) – помещик Мосальского уезда Калужской губ., гласный земства; крестьянин по рождению. Желая оказать реальную помощь голодающему населению, 12 ноября 1891 г. посетил в Москве С. А. Толстую, прося, чтобы Толстой принял его, для совместного обсуждения вопросов, связанных с голодом. С. А. Толстая направила его к Толстому в Бегичевку со своим рекомендательным письмом: «Милый друг, податель сего, Нил Тимофеевич Владимиров, по-видимому, горячо занятый делом народного бедствия, просил меня написать тебе, чтоб ты его принял на один час, чтоб поговорить о разных вопросах. А именно: он владетель 3000 десятин земли в Калужской губ., сам и его знакомые берут на даро-

вой корм крестьянских лошадей, жертвуют овёс, картофель и т. д. Сам он из крестьян, но теперь гласный и помещик» (ПСАТ. С. 464). В ответ Толстой писал жене 17 ноября: «Он очень замечательный тип нового русского деятеля из крестьян: деятельный, умный, практичный и общественный. <...> Владимиров много хорошего придумал и обещал. Посмотрим, что будет?» (84: 99). Тогда же Толстой отметил в дневнике: «Вчера 16 <ноября 1891 г. – О. Г.> <...> Приезд Владимирова, замечательный земский деятель, богач из мужиков. Тип из “Смены” <роман А. И. Эртеля. – О. Г.>» (52: 58). Работа по прокорму крестьянских лошадей продолжалась до 1893 г. Софья Андреевна писала в воспоминаниях: «Некто Владимиров, человек энергичный и горячий, возымел хорошую мысль взять на прокормление лошадей крестьян и, взяв 80 голов себе, распределил ещё многих среди крестьян других, не голодающих мест. Сам он ещё пожертвовал вагон овса и обещал прислать ещё лык для лаптей и льна для баб, чтобы дать заработок крестьянам. Кормили лошадей и тех крестьян, которые подвозили провизию со станции и развозили по столовым» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 234).

Владимиров не раз беседовал с Толстым, знакомился с постановкой дела столовых. Его деловитость, предприимчивость, его взгляды на бедствия голодного года и меры, которые, по его мнению, должны быть приняты, неизменно вызывали одобрение Толстого: «очень оригинальный и замечательный человек (66: 89); «он крестьянин-автодидакт и очень своеобразно и дельно судит» (66: 88). «От Владимирова идут ещё 1½ вагона лык, так что пока мы не будем выписывать лыко. То же и со льном. Ваш лён расхватили за деньги по вашей цене и из полу холстом. Но теперь идут свой купленный вагон и полвагона Владимирова и потому тоже и льна пока не нужно», – писал Толстой 24 декабря 1891 г. о текущей работе в Бегичевке калужскому купцу П. А. Усову (66: 125).

Успешно соединяя в себе качества прогрессивного российского предпринимателя, Владимиров скупал имения обедневших помещиков Калужской и Смоленской губ. и небольшими наделами продавал землю крестьянам, проводил для них разъяснительные экономические беседы, организовывал в деревнях сапожный и портняжный промыслы, обучал упрощённой технологии изготовления необходимого инвентаря.

О. В. Гладун

ВЛАДЫКИНА Анна Ельпидифоровна (1867–?) – фельдшерица-акушерка, работала по соседству с хутором Н. Н. Ге; позднее земский врач, участница революционных кружков. 14 октября 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Вчера приехала девушка добрая. Сознает пустоты жизни, а не знает того, что без веры жить нельзя. Маша её устраивает на время здесь, на деревне» (51: 95). Месяц спустя: «Вчера <...>. Утром заходил к Элпидифоровне. Она живёт напряжённо» (51: 104). Приезжая в Ясную Поляну, Владыкина порой была «живой грамотой» от Ге-отца к Толстому. Ге-отцу 18 декабря 1890 г. Толстой писал: «От вас известия хороши и о том, <...> что Элпидифоровна хорошо устроилась и хорошо себя чувствует, и о том, что работается. Это большое счастье, когда работается с верой в свою работу, счастье, которое, когда даётся, чувствуешь, что его не стоишь» (65: 209). «Количке, Рубану, Зое, Элпидифоровне <...> передайте мой привет и любовь» (*там же*). 30 июля 1891 г. она снова приехала в Ясную Поляну: «Очень рад был увидеть милую Элпидифоровну и получить от неё живые вести о вас, дорогой друг старый Н. Н.», – так начиналось письмо к художнику Ге 30 июля 1891 г. Толстому была симпатична эта «добрая» девушка; в письме он спрашивал Н. Н. Ге-сына: «Как она?» (66: 44), неизменно передавал ей привет, а в 1891 г. в записной книжке № 5 с какой-то целью пометил: «Портрет матери Элпидифоровны» (52: 266).

Е. Ю. Хомякова

ВОЛКЕНШТЁЙН Александр Александрович (1852–1925) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; из полтавских дворян, земский врач. Ещё во времена своего студенчества Волкенштейн принял участие в народнической пропагандистской деятельности. В 1877–1878 гг. молодой врач оказался подсудимым на «процессе 193-х» или «большом процессе», официально названном «Делом о пропаганде в империи». К суду были привлечены участники «хождения в народ», арестованные за революционную пропаганду в 1873–1877 гг. Общее число арестованных по делу достигало четырёх тысяч человек, многие ещё до суда были сосланы в административном порядке, часть отпущена за отсутствием улик, 97 человек умерли или сошли с ума в заключении во время следствия. В обвинительном акте 193 участника более чем тридцати пропагандистских кружков были признаны членами единого «преступного сообщества», готовившего «ниспровержение порядка государственного устройства».

Не в силах доказать сфабрикованное обвинение, суд вынес мягкий, сравнительно с предполагавшимся, приговор: 28 человек получили различные сроки каторжных работ или ссылки в Сибирь, остальным было засчитано предварительное заключение или они были оправданы. В числе последних оказался и Волкенштейн, отделавшийся лишь административной высылкой.

Первой женой полтавского земского врача стала известная народница Людмила Александровна (рожд. Александрова). Арестованная в 1883 г., она была осуждена в 1884 г. на «процессе 14-ти» («Дело В. Н. Фигнер и др.») и приговорена к смертной казни, затем «помилована» 15-летней каторгой. Перед отправкой из Петропавловской в Шлиссельбургскую крепость она прислала мужу спрятанное в папиросный мундштук письмо, которым давала ему свободу и просила воспитать их сына Сергея.

Вторая жена Волкенштейна, Ольга Степановна (рожд. Засядко), после трудного бракоразводного процесса со своим первым мужем была обвенчана с Волкенштейном в 1890 г. К этому времени относится и увлечение Волкенштейна мировоззрением Толстого, хотя стремление к «опрощению» встречало резкий отпор со стороны жены. В начале 1890-х гг. Волкенштейн близко сошёлся с последователями и единомышленниками Толстого Леонтьевым, Файнерманом, Хилковым и др.

Заочное знакомство и письменное общение с Толстым состоялось в 1892 г. и связано с участием Волкенштейна в помощи голодающим. Его имя есть в толстовском списке лиц-жертвователей: он прислал значительную денежную сумму. Кроме того, Волкенштейн в Полтаве закупал продукты для устраиваемых Толстым столовых. Первая личная встреча с Толстым произошла 24 января 1894 г. В своём дневнике писатель отметил, что познакомился «с Волкенштейном и Меньшиковым: оба внешние, хорошие, добрые, умные последователи...» (52: 109). В письме к Б. Н. Леонтьеву, участнику земледельческих общин, живущему с 1894 г. в Полтаве, Толстой передал привет «Александру Александровичу»: «Он очень мне был приятен в то короткое время, как я видел его» (67: 36).

Драматические семейные события последующих лет побудили Волкенштейна к ещё одной, очень значимой для него встрече с Толстым. В ноябре 1896 г. его первая жена Л. А. Волкенштейн, после 13-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости, получила право переселиться на остров Сахалин. Тогда же Волкенштейну была передана записка, написанная её рукой: «Я

переведена из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость; переписка разрешена; если Александр Александрович жив, то прошу известить и написать, что известно о моей матери и сёстрах». Волкенштейн хотел из Полтавы ехать к ней на свидание в Петербург, но, как «поднадзорный», разрешения не получил и встретился с ней лишь в 1897 г. в Одессе, в загородной тюрьме, где она ожидала отправки на Дальний Восток. Волкенштейн решил, что поедет за первой женой на Сахалин как «добровольно следующий». Потребовался год для ликвидации дел и подготовки к отъезду. В ноябре 1898 г. ему от Толстого пришла телеграмма: «Услыхал, что уезжаете далеко. Увидимся ли?» (71: 485). Перед отъездом Волкенштейн посетил Толстого и имел с ним важную для себя беседу.

Ольга Степановна очень тяжело переживала уход мужа к первой жене и после его отъезда обратилась к Толстому с личным письмом. Она просила разрешить для неё «вопрос жизни» и зывала о моральной помощи, которую получил от Толстого её муж: «...знаю, что его поездка к Вам дала ему много успокоения и рассеяния того тумана, который он ощущал до свидания с Вами» (72: 34). Отказываясь от какого-либо давления на мужа, рассказывая о его видимом страдании при прощании с нею и их 7-летним сыном, она переживала теперь особую боль и одиночество потому, что он уехал, не высказав определённо своего решения о будущем семьи. Она просила «доброго» Толстого «не осудить» её, высказать мнение «относительно поездки и дальнейших намерений» её мужа и дать ей совет, как жить. В ответном письме Толстой объяснял, что, по словам Волкенштейна, он «поехал на Сахалин только с намерением устроить и облегчить, сколько возможно, участь Людмилы Александровны. Про вас и сына своего, — писал Толстой, — он говорил с любовью, и потому полагаю, что он поехал с намерением вернуться к вам. Времени пребывания своего на Сахалине он не определял, как это и невозможно сделать в его положении». Завершалось письмо пожеланием душевного успокоения, которое «возможно, если только мы любим всех людей и не имеем ни к кому недоброго чувства» (72: 32).

Поскольку Волкенштейн ехал на Сахалин через Европу и Америку, во время последней встречи с ним 17 ноября 1897 г. Толстой вручил ему письмо для американского писателя и общественного деятеля Э. Кросби. Оно было передано по назначению, и в следующем своём письме к Э. Кросби Толстой благодарил его за приём своего курьера: «...очень рад, что Вол-

кенштейн вам понравился, и благодарю вас за то, что вы его приняли» (90: 309).

На Сахалине, на посту Корсаковском, Волкенштейн прожил около пяти лет, заведывая окружной больницей. В 1903 г. он переехал во Владивосток, где служил санитарным врачом. Будучи опорой для ссыльной Людмилы Александровны, он отправлял средства на содержание своей второй семьи.

На протяжении ряда лет Волкенштейн был связан, хотя и нерегулярной, перепиской с Толстым и его ближайшим окружением: Т. Л. Толстой, В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым и др. Об этом говорят два письма Толстого к Волкенштейну. В ноябрьском 1900 г. Толстой сетовал, что слишком мало знает про него и его жену, хотя и до него дошли вести (через Полтаву), «как каторжане защищают» их «от злодеев, готовых покуситься» на их жизнь. Сочувствуя тяжести однообразной и жестокой жизни Волкенштейнов на Сахалине, Толстой замечал: «...своим опытом (хотя и не в таких исключительно резких положениях, как ваше) знаю, что именно среди такого мрака и драгоценен свет, который вы вносите в него» (72: 496).

В марте 1903 г. писатель вновь обратился к Волкенштейну, благодарил за «длинное письмо к Тане» (Т. Л. Толстой) и радовался «бодрому, твёрдому и доброму душевному состоянию» его и жены. «...В борьбе со злом в самом его страшном виде, вам живётся хорошо, лучше нашего», — писал Толстой. О себе же он замечал: «...живу чем дальше, тем более полной жизнью, и чем ближе к переходу в другую, тем серьёзнее и строже к самому себе». Толстой просил доктора Волкенштейна помочь отправленным на сахалинскую каторгу «павловцам», крестьянам-сектантам, разгромившим в селе Павловки Харьковской губ. местную церковь: «...знаю, что вы и без меня всё, что можете, для них сделаете» (74: 77).

10 января 1906 г. Волкенштейн потерял жену: Людмила Александровна погибла при расстреле демонстрации во Владивостоке. Вскоре он уехал за границу. В Россию вернулся в 1908 г. и поселился в Полтаве.

Л. К. Чурсина

ВОЛКЕНШТЕЙН Людмила Александровна (рожд. Александрова; 1857–1906) — жена А. А. Волкенштейна. Известная революционерка, член партии «Народная воля»; в 1883 г. была арестована, в 1884 г. на «процессе 14-ти» вместе с В. Н. Фигнер, участницей двух покушений на Александра II, и шестью офицерами, обвинявшимися в создании военной террористической организации, была приговорена Петербург-

ским военно-окружным судом к смертной казни через повешение. Двое смертников были казнены, остальные «помилованы» разными сроками каторги. Своему мужу Л. А. Волкенштейн передала письмо, освобождавшее его от брака с нею. Тринадцать лет она находилась в заключении в Шлиссельбургской крепости, а в конце 1896 г. была сослана на поселение на остров Сахалин, куда через год за нею последовал её муж, оставив вторую семью.

На Сахалине она подготовила к изданию брошюру «Тринадцать лет в Шлиссельбургской крепости, записки Л. А. Волкенштейн» (опубликована в 1900 г. в изд. «Свободное слово» с редакционными заметками о книге, составленными В. Г. Чертковым). В том же году Толстой в письме к её мужу, А. А. Волкенштейну, благодарил Людмилу Александровну за «прекрасную статью», беспокоился: «Не повредило ей это?»; однако в марте 1906 г., слушая чтение воспоминаний И. П. Ювачёва, осуждённого по тому же делу «14-ти» и отбывавшему заключение в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях, заметил: «Как хорошо, просто написано, сердечно! Волкенштейн (которая сидела 13 лет) холодно написала» (ЯПЗ. 2. С. 64).

Положение четы Волкенштейнов, отстаивавших интересы ссыльных против незаконных действий властей, бесчестных чиновников, было крайне трудным. За всю деятельность Л. А. Волкенштейн в лазарете, в школе, за помощь на дому переселенцы прониклись к ней особым уважением как к заступнице всех обиженных. В 1903 г. Волкенштейнам разрешили перебраться во Владивосток. По просьбе Александра Александровича к ним приехала его вторая жена с сыном-подростком. Они гостили три месяца, на это время Людмила Александровна уезжала на Сахалин.

10 января 1906 г., во время демонстрации, Л. А. Волкенштейн, шедшая под руку с мужем в толпе, была смертельно ранена пулей в голову и через несколько минут скончалась. Она умерла за двадцать дней до окончания срока её поселения.

И перипетии жизни, и морально-этическое содержание революционной деятельности Л. А. Волкенштейн в доме Толстых обсуждались и осмысливались. Отношение Толстого к народникам и вообще революционерам было неоднозначным. 16 мая 1906 г., обращаясь к присутствующим, Толстой спрашивал: «Читали “Былое”? Волкенштейн, Фигнер... Добрые чувства к людям, а вместе с тем убийство» (ЯПЗ. 2. С. 140).

В августе 1907 г. писатель спросил о девушках-революционерках, один из присут-

ствующих сказал, «что деятельные были некрасивые. — Но были и красивые, — заметил кто-то, — сестра Беневого, Волкенштейн...». И С. А. Толстая воспроизвела её семейную историю: «С ней муж развёлся, когда её присудили пожизненно, и женился на другой. А когда после 13 лет вышла из тюрьмы, у её мужа оказалось две жены: он пожалел её и вернулся к ней. А другая его жена, добрая, ему позволила это». Присутствующие «расспрашивали об этом». По наблюдению Д. П. Маковицкого, «разговор был очень хороший, приятный». Вспомнили других шлиссельбуржцев, у которых «ни тени злобы против судей и тюремщиков». Толстой заметил: «Странно и приятно слушать» (ЯПЗ. 2. С. 489).

Л. К. Чурсина

ВОЛКОНСКАЯ Варвара Александровна (1785–1878) — двоюродная тётка Толстого, дочь кн. Александра Сергеевича Волконского (1750–1811), родного брата кн. Н. С. Волконского (1753–1821), деда писателя. Жила в собственном небольшом имении Соголеве Клинского уезда. Здесь в гостях у тётки Толстой начал писать рассказ «Три смерти». 15 января 1858 г. он поехал вместе с гр. А. А. Толстой проводить её до Клина и «заехал к княжне» (48: 3). Остался гостить у тётеньки на три дня и «хорошо начал писать смерть». 16 января в дневнике записал: «Писал, гулял, чудная тихая погода, помолился в поле. Вчера целый вечер рассказывала про мать, она не любила их. Те же мелочи, те же страсти. Язык старинный...» (48: 4). (На единственном сохранившемся детском силуэтном портрете мать Толстого М. Н. Волконская изображена вместе со своей кузиной В. А. Волконской.) 17 января: «С утра на охоту». 18 января: «Встал в 7-м. Болтали хорошо, читал, обедал» (48: 4). В этот же день Толстой отметил в записной книжке: «Княжна и ей подобные не понимают государственной связи людей; у них есть связь общественная, знакомства, и всё хорошо» (48: 73). И тут же Толстой записал: «Прав тот, кто счастлив». Когда в 1904 г. биограф писателя прислал ему законченный вчерне первый том «Биографии Л. Н. Толстого, составленной П. И. Бирюковым», Толстой сделал в тексте вставки, в одной из которых речь шла о княжне В. А. Волконской: «Милую старушку, двоюродную сестру моей матери, я знал. Познакомился я с ней, когда в пятидесятых годах жил в Москве. Устав от рассеянной светской жизни, которую я вёл тогда в Москве, я поехал к ней в её маленькое имение Клинского уезда и провёл у неё несколько недель. Она шила в пальцах, хозяйничала в своём маленьком

хозяйстве, угощала меня кислой капустой, творогом, пастилою, какие только бывают у таких хозяек маленьких имений, и рассказывала мне про старину, мою мать, деда, про четыре коронации, на которых она присутствовала; я же писал у неё «Три смерти». И это пребывание у неё осталось для меня одним из чистых и светлых воспоминаний моей жизни» (34: 395). В толстовском тексте три дня превратились в недели, возможно, не только потому, что писатель был в Соголеве спокоен и счастлив, но и потому, что воспоминаний и рассказов о деде, бабушке, матери и отце было гораздо больше, нежели упомянуто в кратких дневниковых записях. Заметим, что при публикации текста дневника в *Юб.* в записи от 16 января 1858 г. было пропущено одно слово – «бабушка», т. е. надо читать: «рассказывала про бабушку и мать» (*ЛН.* Т. 69. Кн. 2. С. 496). Принято считать, что рассказы кн. В. А. Волконской дали Толстому материал для характеристики семьи Болконских в «Войне и мире». Вероятно, с её слов в наброске «Три поры» сказано, что жена кн. Волконского умерла рано, он был несчастлив с ней, она надоела ему, и он никогда не любил её. Кн. В. А. Волконская тесно общалась и была участницей семейных дел своего двоюродного брата Д. М. Волконского, который писал о своём родном дяде кн. Н. С. Волконском, деде писателя: он «был мне вторым отцом до конца жизни его», «дядя мой и благодетель, с юных лет моих любил он меня и способствовал к образованию моему» (Волконский Д. М. Дневник // *Знамя.* 1987. № 8. С. 150). Сама княжна, рано потеряв мать, подолгу жила вместе с отцом в доме его брата кн. Н. С. Волконского. Два её родных брата были хорошо знакомы Толстому. Михаил Александрович Волконский был женат на М. Гениссъен, сестра которой стала прототипом мадемуазель Бурьен в «Войне и мире». Другой брат, Юрий Александрович (1794–1856), встречался с Толстым. В 1904 г., в ответ на письмо его дочери, Варвары Юрьевны (1843–?), Толстой написал, что помнит «Юрия Александровича и милую Варвару Александровну» (75: 141).

Л. С. Дробат

ВУЛЬФ Екатерина Николаевна (рожд. Мордвинова; 1858–1913) – знакомая Толстого. Дочь Н. А. Мордвинова – чиновника Министерства внутренних дел, управляющего Самарской контрольной палатой, действительного статского советника, который проходил по делу петрашевцев. Жена Н. Г. Вульфа (1854–1912) – участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., земского гласного, знакомого и единомышленника

Толстого. После 15 лет семейной жизни, имея четверых детей, Екатерина Николаевна развелась с мужем, который долго, но безуспешно надеялся на восстановление семейной жизни. Сомневаясь, сможет ли вести хозяйство и воспитывать детей самостоятельно, без мужской поддержки, она обратилась к своему близкому знакомому Евгению Ивановичу Попову с предложением переехать к ней в дом «для более тесной жизни с детьми». Впоследствии Попов вспоминал: «Мои друзья, в том числе Лев Николаевич, знали моё намерение, осуждали его и не одобряли, но мне прямо не высказывали» (Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 205). Как помощник и воспитатель детей Попов прожил в семье Е. Н. Вульф четыре года: «На продолжительное время сохранилось моё знакомство с Екатериной Николаевной Вульф, урождённой Мордвиновой. Она вышла замуж за Николая Гавриловича Вульфа, небольшого помещика Тверской губернии, из того семейства Вульфов, для членов которого А. С. Пушкин когда-то писал свои стихотворения» (*там же.* С. 203).

Весьма близкими, даже приятельскими были отношения с семьёй Вульф у некоторых членов семьи Толстого, о чём упоминала в дневнике С. А. Толстая в 1897 г.: «12 сентября. Второй день в Москве, в полном одиночестве с няней, и очень мне хорошо. <...> Таня <дочь. – Т. М.> остановилась у Вульф, и я мало её вижу. <...> 14 сентября. <...> Купила и винограду; всё завезла к Вульф, где остановилась Таня...» (*ДСАТ.* 1. С. 295–296). Бывал у Е. Н. Вульф в Москве и Толстой. В письме к Черткову от 13 декабря 1897 г. он упоминал об одном из посещений этого дома: «Вчера, выходя от Вульф, заговорили с Евгением Ивановичем о Боге» (88: 65).

По совету Е. И. Попова, который мечтал, «что они упростят свою жизнь, дети приучатся к труду, и богатство станет им ненужным», Екатерина Николаевна купила землю в Крыму и в феврале 1898 г. уехала из Москвы, чтобы «перейти к трудовой жизни». Семья поселилась в Алуште на даче Магденко, где в это время жил Н. Н. Ге-сын; он согласился помочь Е. Н. Вульф в постройке дома. Строительство закончили в конце лета, и Вульфы вместе с Поповым переехали в новый дом в нескольких верстах от Алушты. В 1898 г. в доме Вульф в качестве рабочего проживал ещё один близкий знакомый Толстого – Л. А. Сулержицкий. Толстой писал ему из Ясной Поляны: «Милый Суллер <...>. Я бы очень рад был, если бы вы пристроились к духовоборам. <...>. Анненкова рассказывала мне про всех вас, Николая

Николаевича, Евгения Ивановича и Вульф. Передайте им всем мою любовь» (71: 404). Условия работы и одиночество угнетали некоторых членов семьи. Встал вопрос об отъезде в Швейцарию, где личный труд хорошо вознаграждался, где «более густое население и в то же время не городская, более простая и трудовая обстановка». На просьбу Попова дать совет по этому вопросу Толстой ответил: «Переезд с места на место есть самая большая роскошь. А за всякую роскошь люди расплачиваются. <...> А почему в Швейцарии больше возможности совершенствоваться, чем в Алуште? А что людей мало, то совершенствующемуся это выгодно, потому что меньше соблазнов. Так скажите милой Катерине Николаевне и её детям, хотя я знаю, что то, что я говорю и чем живу, покажется им словами. Но они, как и все, доживут до этого сознания» (72: 508).

Толстой принимал непосредственное участие и в судьбе Гоги Вульфа (сына Е. Н. Вульф) в связи с его поездкой на Цейлон в поисках новой, простой жизни (об этом путешествии Е. И. Попов впоследствии написал рассказ «Где родился, там и пригодился»). В 1901 г., когда семья Толстых поселилась в Крыму на даче гр. Паниной, встречи с «милыми Вульфами» (73: 59) возобновились. Маковицкий сообщал Черткову 22 декабря 1901 г.: «Приехал благополучно. Екатерина Николаевна Вульф, её дети, Евгений Иванович здоровы, о Л. Н. слышу, что тоже здоров. Поеду к нему через несколько дней. Екатерина Николаевна собирается к нему, поедем вместе» (ЯПЗ. 1. С. 38). Толстой писал Попову: «Дорогой Евгений Иванович. <...> Приезжайте как-нибудь к нам с Катериной Николаевной, которой очень кланяюсь и хотел бы повидать так же, как и наши семейные» (73: 172).

Со временем отношения Е. Н. Вульф и Попова становились «всё тягостнее, разногласий обнаруживалось всё больше и больше». В ответ на его предложение отказаться от денег или хотя бы уменьшить расходы, чтобы не приучать детей к роскошной жизни, Вульф ответила, «что сама выросла с деньгами и не считает себя вправе лишать этого детей» (Л. Н. Толстой и его близкие. С. 209). Встретившись на несколько минут с Толстым во время его болезни в Гаспре, Попов услышал от писателя совет «отдалиться от Вульф». Такой же совет последовал и год спустя: «Вполне верю вашей искренности в ваших отношениях к семейству Вульф, но всё-таки, как это ни трудно вам, советовал бы как можно дальше держаться от них» (74: 39).

Е. Н. Вульф скончалась в возрасте 55 лет. Похоронена в усадьбе Прямухино Тверской губ. В 2008 г. на Троицкой церкви в Прямухине была установлена памятная доска с именами тех, кто нашёл здесь своё упокоение. Среди шести имён Вульф значится и имя Екатерины Николаевны.

Лит.: Попов Е. И. Двадцать лет вблизи Льва Николаевича Толстого // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 204–212.

Т. Р. Мазур

ВЫСОЦКИЙ Капитон Алексеевич (Высотский; даты жизни не установлены) – посетитель и корреспондент Толстого; владелец хутора близ станции Дубровка Орловско-Витебской железной дороги, помогал Толстому в работе на голоде в Рязанской губ. В письме М. В. Алёхину 14 или 15 марта 1892 г. Толстой отметил приезд Высоцкого: «Очень жалею, что не успел поговорить хорошенько по душе с Капитоном Алексеевичем. Дружески жму ему руку. Надеюсь, что он не раскается – в своём переезде к нам» (66: 180).

В. М. Величина отразила в своих воспоминаниях участие Высоцкого в работе по организации помощи голодающим: «Заведование центральным складом и счетоводством, в отсутствие Льва Николаевича, поручено было теперь К. Ал. В. <К. А. Высоккому. – О. Г.>, прекрасному работнику и очень скромному человеку, которого мы все очень полюбили» (Величина В. В голодный год с Львом Толстым: воспоминания. М., 1928. С. 111–112). Тёплые слова о Высоцком звучали и в письме Толстого к жене из Бегичевки 8 июня 1892 г.: «...Высоцкий, чудесный работник. Не могу достаточно нарадоваться на такого помощника» (84: 154). О нём же в письме Елене Павловне Раевской 22 июня из Ясной Поляны: «Без такого человека, как Чистяков, Высотский, который знает вообще и в частности дело и может работать, как они, – может быть очень много упущений и даже всё спутаться до последней степени» (66: 230).

Высоцкий проработал в Бегичевке с перерывами с 12 марта по 24 июля 1892 г. В день его отъезда Толстой сообщил С. А. Толстой: «Сейчас уезжает Капитон Алексеевич и сдаёт нам все счёты. Всё удивительно хорошо и аккуратно. Чудесный человек – я ему очень благодарен» (84: 158). С. А. Толстая также оставила доброжелательный отзыв о Высоцком в своих мемуарах за 1892 г.: «На помощь Льву Николаевичу приехали тогда очень хорошие и полезные сотрудники: Высотский и Чистяков» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 287).

По прошествии двух лет после работы на голоде Толстой 7 марта 1894 г. с удовольствием писал о встрече с Высоцким Льву Львовичу и Татьяне Львовне Толстым: «Сейчас был Капитон Алексеевич

Высоцкий, и я был ему рад. И он говорит, и ему пишет Дудченко, что вспоминает бегичевское время, как лучшее в своей жизни» (67: 74).

О. В. Гладун



ГАВРИЛОВ Сергей Васильевич (1882–?) – корреспондент и адресат Толстого, разделял его взгляды. Молодой симбирский крестьянин из с. Шиловки, окончил сельскую школу, работал волостным писарем, печатался в симбирской газете «Народные вести», занимался сельским хозяйством.

14 января 1908 г. Толстой отметил в записной книжке: «Хорошее письмо от Гаврилова – ответил» (56: 300). Так началась переписка. 20 мая 1909 г. Гаврилов пешком добрался из Симбирска в Ясную Поляну, чтобы встретиться с писателем, о чём впоследствии рассказал в своей книге «Бродяга (Из встреч с Л. Н. Толстым)» (М., 1912). На следующий день Толстой записал в дневнике: «Вчера был очень интересный человек, пришедший пешком из Симбирска. Много он сказал хорошего, но лучше всего то, что по его мнению: *Главное, в чём нуждается теперь народ, – это в духовной пище*» (57: 71). Во время общения гость обращался к Толстому исключительно на «ты», что было «приятно и интересно» писателю. В этой связи Толстой заметил, что привычки обращения на «ты», несмотря на всю её «приятность», он так и не освоил, но это ни в коей мере не означало, что он против такой формы обращения к нему. В беседе с Гавриловым Толстой советовал ему оставить своё стихотворство, сравнимое с «глупым суеверием», а также просил гостя «не доходить до тех пределов опрошения и нищеты», до которых тот «дошёл». Тем не менее многие мысли, высказанные гостем, он оценил и даже включил в свой изборник. Особенно ему понравилось следующее высказывание Гаврилова: «Думать, что богатство облегчает жизнь, – всё равно, что думать,

что с ношей легче идти». Его он включил в сборник «На каждый день» (44: 215).

Толстой предлагал руководителю «Посредника» И. И. Горбунову-Посадову непременно познакомиться с Гавриловым: «Письмо это передаст С. В. Гаврилов, молодой человек, пришедший из Симбирской губернии пешком, без копейки денег, – писал он ему 22 мая 1909 г. – Религиозный человек, умный, и, как я знаю, хорошо пишущий. Кроме того, что он человек хороший и вам интересно будет познакомиться с ним, может быть, он и вам может быть полезен в ваших работах, в наших» (79: 203).

Как-то, во время верховой езды, писатель снова вернулся к рассказам о Гаврилове, который в свою бытность босяком сумел познать этот мир изнутри. Толстой рассказал В. Ф. Булгакову, что думают такие простые люди, как Гаврилов, о благотворительности: «на наш век дураков хватит» (58: 524).

Общение с Гавриловым продолжалось и после его отъезда из Ясной Поляны. В своей переписке Толстой обсуждал с ним такие вопросы, как традиция ношения креста на шее, необходимость духовной пищи, в которой «нуждается теперь народ».

Н. А. Никитина

ГАГИНА Зинаида Михайловна (1864–?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; рязанская помещица; учительница. В 1903 г. в небольшом имении своего мужа Ильинском Михайловского уезда Рязанской губ. открыла школу для крестьянских детей, затем приют для детей-сирот, просуществовавшие до 1918 г. Вела «дневник-исповедь» своих школьных занятий, копию его в течение 1908–1910 гг. посылала Толстому, который «с особенным чувством радости» заглядывал «в уголок души

хорошей, правдивой женщины» и «в уголок души» народа. 7 мая 1909 г. Толстой записал в дневнике, что «читал милый дневник Гагиной» (57: 59), которую он считал «близким по духу человеком» (80: 247). Дневники Гагиной изданы «Посредником» под псевдонимом «Н. Б. Петрова»: «Из дневника народной учительницы». М., 1915.

Гагина была в Ясной Поляне 30 апреля и 18 декабря 1908 г. 30 апреля Д. П. Маковицкий записал: «Вечером она читала вслух свои записки учительницы. Читала больше часа, и не было утомительно. Наоборот, интересно. Описаны интересы учеников, как учатся, какие вопросы задают. Например, зачем отлучили Толстого. Учительница ответила: “За то, что он уличал попов, которые выдают ложь за истину”. <...> Читала сочинения учеников. Когда кончила, Л. Н. к ней: “Я очень вам благодарен, это было в высшей степени интересно”. И действительно, Л. Н. очень внимательно слушал, смеялся при живо описанных юмористических местах. Зинаида Михайловна рассказывала о школе, которую содержит на свои средства и сама в ней обучает 70 детей. Л. Н. ей дал разных рассказов для детей издательства “Посредник”...» (ЯПЗ. 3. С. 74–75). В письмах Толстому от 15 и 24 мая 1908 г. Гагина подробно рассказывала о своей школе, о программе занятий, прислала составленные ею по разным учебникам руководства для своих учеников по физике, астрономии и анатомии.

Толстой находил деятельность Гагиной «прекрасной» и предостерегал от ошибок. Письмо от 6 июня 1908 г. подписано: «Искренне восхищающийся вашим делом и любивший вас Лев Толстой» (78: 151). Чтобы вызвать отклик в детских душах, был уверен Толстой, надо «сохранить в себе это самое драгоценное детское» (78: 248). В начале декабря 1909 г. Гагина просила разрешения на Рождество приехать в Ясную Поляну со своими учениками, чтобы показать Толстому инсценировку его рассказа «Где любовь, там и Бог». Толстой вынужден был отказать, так как в Ясной Поляне собиралось слишком много народа. Гагина была настойчива и спрашивала, когда можно приехать с учениками? Толстой ответил, но поездка не состоялась.

В марте 1910 г. Гагина сообщила Толстому о смерти своего мужа, П. И. Гагина (1854–1910). Толстой отвечал: «Знаю вашего мужа только по вас, но вас всегда любил и люблю и всей душой сочувствую вашему горю» (81: 144).

Н. И. Бурнашёва

ГАПОН **Георгий Аполлонович** (1870–1906) – священник, еврей-выкрест, активный участник революционного движения 1904–1905 гг., агент царской охраны, инициатор создания и руководитель проправительственной рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», организатор провокационного шествия 9 января 1905 г. к царю с петицией. После 1905 г. – общественный деятель русской эмиграции, основатель революционной организации «Всероссийский рабочий союз». Убит эсерами.

Во время обучения в Полтавском духовном училище Гапон в 1887 г. познакомился с запрещённым учением Толстого, которое открыл своим ученикам преподаватель И. М. Трегубов, разочаровавшийся в православии. Как религиозно-философское и религиозно-этическое учение толстовство возникло в 1880-х гг. Основы его были изложены Толстым в «Исповеди», «В чём моя вера?», «Крейцеровой сонате» и др. Трегубов к этому времени активно стал изучать сектанство – штундистов, молокан, духоборов, иеговистов и др. В 15 лет Гапон серьёзно заинтересовался Толстым, Трегубов даже называл его «толстовцем в рясе». В 1888 г. Гапон призывал сторонников Толстого совершить духовную революцию в Киеве во время празднования 900-летия Крещения Руси. А в 1891 г., отправляясь обучаться в Московскую Духовную академию, Трегубов по дороге заезжал в Ясную Поляну и общался с Толстым, с которым прежде вёл переписку. Трегубов стал ближайшим знакомым и писателя-крестьянина М. П. Новикова. Идея всеобщей мирной стачки, сторонником которой был Гапон, была воспринята им от учителя Трегубова. В Полтавской духовной семинарии Гапон встретил ещё одного последователя Толстого – И. Б. Файнермана (Тенеромо), еврей-выкреста, впоследствии автора фильмов о Толстом, в 1885 г. побывавшего в Ясной Поляне. В 1894 г. Гапон принял священнический сан, несмотря на свою оппозицию ортодоксальному учению. Религиозные и общественные взгляды и деятельность Гапона оформились под опосредованным влиянием Толстого и его окружения.

Гапон мало интересовал Толстого, но иногда это имя звучало в Ясной Поляне в 1905–1906 гг. 4 февраля 1905 г. «Т. А. Кузминская говорила про Гапона. Л. Н.: “Его письмо к царю напускное, фразёрское, противное”», – записал Д. П. Маковицкий слова Толстого (ЯПЗ. 1. С. 162). В начале апреля в Ясную Поляну приезжал журналист М. Романов, и с ним был разговор о Гапоне, после чего Толстой заключил, что «он

считает его психически больным» (ЯПЗ. 1. С. 231). 1 августа 1905 г. Маковицкий записал размышление вслух Толстого: «Л. Н.: Чем больше живу, тем более ценю, что они, славянофилы, сделали. Власть захватывают пустые, дерзкие люди. Я ожидал, что Гапон захватит её, настолько он дерзкий и ограниченный, и при помощи обстоятельств (священнический сан) такие люди захватывают власть» (ЯПЗ. 1. С. 362). В апреле 1906 г. известие об убийстве Гапона дошло и до Ясной Поляны: 13 апреля в газете «Новое время» была опубликована статья «Убийство о. Гапона». Маковицкий в своём дневнике отметил: «Говорили, что в газетах: Гапона убили. Нельзя разобраться, кому служил Гапон и кто его убил. Л. Н.: Одно средство: не слушать. Можно не читать» (ЯПЗ. 2: 116). Вместе с тем убийство Гапона на Толстого «произвело сильное действие», как записал Маковицкий 4 мая 1906 г. (ЯПЗ. 2. С. 130).

А. В. Шмелёва

ГАРНЕТТ Констанс Клара (Garnett; 1861–1946) – английская переводчица русской литературы, переводила сочинения Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, А. Н. Островского, А. П. Чехова и др. русских классиков. Как писал К. И. Чуковский, она «перевела на английский язык семьдесят томов русской классической литературы» (Чуковский К. И. Высокое искусство // Собр. соч. М., 1966. Т. 3. С. 501).

В начале 1894 г. в Лондоне вышли в свет два перевода трактата Толстого «Царство Божие внутри вас». Один перевод – в издательстве Walter Scott – был выполнен Алиной Делано, другой – в издательстве William Heinemann – Констанс Гарнетт, в то время начинающей переводчицей русской литературы. Влиятельный У. Хайнеманн пытался остановить появление перевода трактата в издательстве Walter Scott, заявив, что только у него в Англии имеются эксклюзивные права на издание книги. Это было не совсем честно, потому затея провалилась и оба перевода получили свою долю критики. Один из рецензентов журнала *Academy* (March 24, 1894, № 1142) особенно отмечал достоинства перевода Гарнетт, заметив, что Делано, вероятно, не совсем поняла, что хотел сказать автор своим сочинением. Сравнивая, в частности, перевод подзаголовка, он писал, что версия «“Christianity not as a mystical doctrine, but as a new life-conception” носит “очень тевтонский” характер, в то время как версия Гарнетт “Christianity not as a mystical religion but as a new theory of life” является “понятной” и представленной “вменяемым

английским”» (Garnett, Richard. *Constance Garnett – a Heroic Life*. London, 1991. P. 132–133). В 1900 г. Толстой отмечал в письме к мужу Констанс, Эдуарду Гарнетту: «Передайте мой привет вашей жене. Пользуюсь случаем ещё раз поблагодарить её за прекрасный перевод “Царства Божия внутри вас”» (72: 397). Об этом есть упоминание и в книге английского биографа и переводчика Толстого Э. Моода: «Среди английских переводов он хорошо отзывался о переводах Констанс Гарнетт и моей жены...» (Maude A. *The Life of Tolstoy: Later Years*. London, 1910. P. 609).

1 января (н. ст.) 1894 г. К. Гарнетт выехала в Россию. Она прибыла в Петербург, чтобы передать деньги, собранные в Англии в фонд помощи голодающим. Среди целей её поездки в Россию было и улучшение её разговорного русского языка, над которым она усердно работала в России. Тем не менее спустя месяц она с огорчением писала: «Очень удручает, что я не могу понимать разговор по-русски и могу говорить лишь чуть-чуть лучше, чем прежде. Но я так много увидела и узнала из русской жизни, что едва ли я могла провести время лучше» (Ibid. P. 130). 12/24 января 1894 г. она посетила Толстого в его доме в Хамовниках. «Впечатление, которое он производил на каждого, встречавшегося с ним, – писала она в воспоминаниях, – было огромно. Его пронизательные глаза, казалось, пронзали тебя насквозь, уже не оставляя в тебе места для фальши, неискренности; в то же время они светились удивительной теплотой и любовью» (ОР ГМТ. Архив Ричарда Гарнетта). Видимо, К. Гарнетт произвела на Толстого хорошее впечатление, не случайно он предложил ей перевести на английский «Соединение и перевод четырёх Евангелий». Но работу эту ей осуществить не удалось из-за трудностей с издателем: «К сожалению, – писала Гарнетт, – господин Хайнеманн не желает предпринять эту работу – перевод Евангелий с комментариями, так как он не издаёт ничего богословского характера». «Я с сожалением отказываюсь от этой идеи, – продолжала она, – тем более что переводы сочинений графа Толстого действительно плохо сделаны и дают весьма искажённое представление об оригинале» (ОР ГМТ. Ф. С. А. Толстой).

За время пребывания К. Гарнетт в России в Англии вышло в свет «Царство Божие внутри вас», появились многочисленные рецензии на этот трактат. Во многом не соглашаясь с толстовским пониманием христианства, автор рецензии писал о значении трактата в целом: «Для нас огромная, великая ценность этой книги заключается

в той картине беспорядков, происходящих в России в конце XIX века, нарисованной человеком, не имеющим никакого враждебного отношения к тем ограниченным тиранам, чей произвол он так драматично раскрывает». И, приведя в подтверждение своей мысли отрывок из той главы, где описывается случай с орловскими крестьянами, уверенно резюмировал, что к этим страницам исторической значимости будущие читатели обратятся с особым вниманием» (The Academy, 1894, № 1142, March 24. P. 245). Сохранилась одна из рецензий, присланных переводчицей Толстому. В целом положительно оценивая толстовский трактат, автор в заключение писал: «Таково содержание этой серьёзной, скрупулёзной книги, написанной из самого сердца очень великим и очень хорошим человеком. Не трудно критиковать её некоторые аспекты. Разумеется, в книге рассматриваются сугубо русские обстоятельства. Нам кажется, что в той или иной форме Государство (не сегодняшнее государство, но Государство в своей истинной сущности) должно продолжать существовать специально для сохранения той свободы действия, необходимой, чтобы сделать Христианство благотворительной силой» (ОР ГМТ. Ф. Л. Н. Толстого).

В письме 27 сентября 1894 г. К. Гарнетт сообщала Толстому, что с оказией отправила ему английское издание трактата «Царство Божие внутри вас». Неизвестно, дошла ли эта книга до Толстого, в личной библиотеке её нет. Из переводов Гарнетт в ЯПБ сохранились: Anna Karenina. London: W. Heinemann, 1901; The Death of Ivan Ilyitch and Other Stories. London: W. Heinemann, 1902; War and Peace. London: W. Heinemann, 1904. Кроме этих сочинений, по свидетельству внука К. Гарнетт, Ричарда Гарнетта, в 1908 г. она в кратчайший срок перевела рассказ Толстого «Набег». Он был напечатан в первом выпуске нового литературного журнала English Review (этот экземпляр журнала сохранился в ЯПБ Толстого).

В 1901 г. К. Гарнетт работала над переводом «Анны Карениной». К этому времени уже существовало несколько версий перевода романа на английский язык, включая версию Натана Х. Доула, чей перевод вышел в 1886 г. в Нью-Йорке. Несмотря на то, что Хайнеманн сомневался в целесообразности перевода романа, Гарнетт стала над ним работать, так как давно мечтала его перевести (помогала ей Фанни Степняк). Один из русских друзей Гарнетт, прочитав её перевод «Анны Карениной», сказал, что, «начав чтение, забыл, на ка-

ком языке читал, на русском или английском» (цит. по: Garnett, Richard. Constance Garnett – A Heroic Life. P. 205).

В 1904 г. вышел её перевод «Войны и мира» в том же издательстве Хайнеманна. С детства страдая сильной близорукостью, Гарнетт с годами видела всё хуже и после работы над переводом почти потеряла зрение. С завершением работы над романом переводчицу поздравил Джон Голсуорси. Она же в конце жизни, просматривая свои переводы, заметила, что хотела, чтобы об её переводах судили по «Войне и миру» (Ibid. P. 205). Так, переводя, по словам Чуковского, 70 томов русской литературы, она хотела, чтобы о ней как переводчице судили по эпопее Толстого. Как о блистательной переводчице отзывались о К. Гарнетт Джозеф Конрад, Кэтрин Мэнсфилд, Ф. Скотт Фицджеральд, Э. Хемингуэй и многие др. известные английские и американские писатели. Несколько поколений английских и американских читателей знакомились с «Войной и миром» именно по переводу К. Гарнетт. «Перевод-долгожитель» – так назвала эту работу К. Гарнетт литературовед Т. Мотылёва (Мотылёва Т. Л. «Война и мир» за рубежом. М., 1978. С. 94). По мнению Х. Гиффорда, переводы Гарнетт иногда превосходили переводы супругов Моод. Вот что он писал по поводу её перевода «Анны Карениной»: «Подход Констанс Гарнетт состоит в её тонкости. Она может переводить с деликатностью прикосновения, чего Мооды со всем их усердием и здравым смыслом редко достигают» (Gifford Henry. On Translating Tolstoy // New Essays / Ed. Malcolm Jones. Cambridge, 1978. P. 21).

В январе 1910 г. издательство Williams and Norgate предложило Гарнетт перевести письма Толстого – 300 000 слов – за месяц. Несмотря на то, что ей очень хотелось перевести некоторые из этих писем, она была вынуждена отказаться. Констанс любила переводить Толстого, заявив в конце своей переводческой карьеры: «Простой стиль Толстого без всяких проблем перелagается по-английски. С ним не возникает никаких трудностей» (Garnett, Constance. Art of the Translation // Listener, 1947, 30 Jan. P. 195).

Муж Констанс, Э. Гарнетт, в письме от 6 июня 1900 г. просил Толстого написать обращение к американскому народу для Harper's Magazine, полагая, что речь пойдёт об англо-саксонском лицемерии. Но Толстой с радостью написал теперь уже знаменитое обращение к американскому народу, в котором благодарил американских «писателей, процветавших в 1850-х гг.» (72: 397). Обращение было отправлено в письме

к Э. Гарнетту, но опубликовано в журнале *North American Review* в апреле 1901 г.

В последний раз Констанс Гарнетт обратилась к творчеству Толстого в 1922 г., когда перевела его статью «Христианство и патриотизм». Так в начале и в конце её плодотворной работы над переводом сочинений Толстого оказались два его религиозно-философских произведения.

Лит.: Алексеева Г. Констанция Гарнет – английская переводчица Л. Н. Толстого // *ЯПЗ. сб.* 1992. С. 140–147

Г. В. Алексеева

ГАРТМАН Эдуард (1842–1906) – немецкий философ-идеалист. Родился в Берлине, в семье прусского генерала. Получив степень доктора философии, издал в 1869 г. своё главное сочинение «Философия бессознательного», которое сразу сделало его известным. Гартман – автор книг «Феноменология нравственного сознания» (1879) и «Религиозное сознание человека» (1882). Толстой, читавший труды немецкого философа, называл его и Шопенгауэра «новыми пессимистами» (26: 400). В своей работе «Так что же нам делать?» он писал: «Мы устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека... Если такова настоящая жизнь человеческая, то лучше уже вовсе не жить, говорит царствующая, самая модная философия Шопенгауэра и Гартмана» (25: 386). В другом трактате он характеризовал их как «отрицательных философов нашего времени, отрицающих жизнь» (26: 381). И, хотя чаще всего имя Гартмана в работах Толстого соседствовало с именем Артура Шопенгауэра, он прекрасно знал разницу масштаба дарований двух немецких философов: «За этими, более выдающимися, писателями следуют в Германии менее оригинальные и имевшие менее влияния писатели, как: Гартман, Кирхман, Шнассе, отчасти Гельмгольц, Бергман, Юнгман и бесчисленное количество других» (30: 50). В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» Толстой ставил Гартмана в один ряд с Лессингом, Гегелем, Шопенгауэром, в первой редакции трактата «Что такое искусство?» (30: 37) Толстой называл его «эстетиком», наряду с Тэнном, Гюйо, Спенсером (30: 311), в «Крейцеровой сонате» устами Позднышева Толстой резюмировал суть философской теории Э. Гартмана: «Если нет цели никакой, если жизнь для жизни нам дана, незачем жить. И если так, то Шопенгауэры и Гартманы... совершенно правы» (27: 29). Как эстетик Гартман был так же чужд Толстому: «По Гартману (1842) красота лежит не во внешнем мире, не в вещи самой

в себе, и тоже не в душе человека, а в кажущемся (Schein), которое производится художником. Вещь сама в себе некрасива, но художник превращает её в красоту» (30: 50). Недоброжелатели Толстого писали ему в ругательных письмах, что его философия «есть повторение чужого Шопенгауэра, Огюста Конта и Гартмана» (38: 331). В 1880-х гг. у Толстого был замысел собрать статьи по философии, в т. ч. Гартмана, в своеобразную хрестоматию. Он писал С. А. Толстой: «Сижу один-одинёшенек – читаю и делаю пасьянсы... Чтение у меня превосходное. Я хочу собрать все статьи из *Revue* <журнал *Revue des deux mondes*, где публиковались статьи Шопенгауэра, Гартмана и др. – *Л. Д.*>, касающиеся философии и религии, и это будет удивительный сборник религиозного и философского движения мысли за 20 лет» (83: 325). Замысел не осуществлён.

Л. С. Дробат

ГАСТЕВ Пётр Николаевич (1866–?) – корреспондент и адресат Толстого, автор воспоминаний о нём. Окончил Тверскую духовную семинарию, работал в Новосёлковской общине Дугино в Тверской губ. и в общинах Кавказа. Бывал в Ясной Поляне в августе 1891, сентябре 1895, феврале 1907 и октябре 1910 гг. 28 августа 1891 г. Толстой записал в дневнике, что были Новосёлов с Гастевым и «оба оставили очень приятное впечатление» (52: 50).

Гастев занимался просветительской деятельностью, интересовался религиозными вопросами, в частности сектантством и прежде всего идеями сектанта В. К. Сютяева, проповедовавшего постулат «Всё в тебе». С ним Гастев встречался в 1890 г. в Новосёлковской тверской общине. «Л. Н. очень интересовался воспоминаниями о Сютяеве. Лицо его сияло тихим восторгом и радостью. <...> Л. Н. (по поводу Сютяева): Интеллигенты не замечают, что рядом с ними в народе духовная жизнь идёт» (*ЯПЗ.* 4. С. 395).

Толстой поощрял Гастева написать о Сютяеве и высказывал пожелание сам это сделать. Воспоминания Гастева появились в № 12 «Вегетарианского обозрения» за 1910 г. Возможно, писатель читал записи о Сютяеве в рукописи. Маковицкий отмечал, что 26 октября 1910 г. Толстой «хвалил Гастева и его хороший рассказ о Сютяеве», который, по определению писателя, был «лучше, чем описание Пругавина» (*ЯПЗ.* 4. С. 396). Имеется в виду исследование А. С. Пругавина «Очерки современного сектантства» (1904). Воспоминания о Сютяеве Пругавина, о которых упоминал Толстой,

и брошюра того же автора «Сютаевцы» (СПб., 1910) сохранились в ЯПб.

В 1891–1892 гг. Гастев сотрудничал с Толстым в организации помощи голодающим, став автором мемуарных записок «На голоде с Л. Н. Толстым в Рязанской губернии» и «Лев Толстой и голод» (Нижний Новгород, 1912).

В марте 1891 г. Гастев был помещён в Бурашевскую психиатрическую лечебницу близ Твери и вышел оттуда через полгода. В сентябре 1891 г. П. И. Бирюкову Толстой писал: «Гастев был в больнице, а теперь совсем здоров и очень милый – наивное и чистое дитя» (66: 38). Об увиденных нарушениях и жестокостях в психиатрической больнице Гастев написал статью «Рассказ больного о порядках в психиатрической больнице в Бурашеве в Тверской губернии». Об отношении к статье и её автору Толстой сообщал редактору газеты «Неделя» В. П. Гайдебурову 30 октября 1895 г.: «В узко либеральных органах эту статью не напечатают, в ретроградные я не хочу её отдавать и делать её орудием нечестной борьбы. Но дело очень важно. Человек, который пишет, П. Н. Гастев, высокой нравственности, вполне здоровый и безукоризненно правдивый. Я не знаю другого органа, кроме вашего и “Северного Вестника”, в котором бы могла появиться такая статья, и потому обращаюсь к вам. Статья произвела на меня страшное впечатление» (68: 246). Свои размышления по поводу статьи 7 декабря 1895 г. Толстой сообщал Гастеву: «Письмо ваше и рукопись давно получил, прочёл и послал в Петербург Гайдебурову. <...> Боюсь, что не напечатают. А напечатать нужно. Изложение мне понравилось» (68: 273–274).

26 февраля 1897 г. Толстой писал Гастеву о своём решении подписать «Воззвание о помощи духоборам». «Вы спросите, для чего же я присоединился к воззванию, подписанному Чертковым, Бирюковым и Трегубовым? Я был против, так же как был даже против помощи голодающим, в той форме, в которой мы её производили; но когда вам говорят: есть дети, старики, слабые брюхатые, кормящие женщины, которые страдают от нужды, и вы можете помочь этой нужде своим словом или делом, – скажите это слово, или сделайте это дело. Согласитесь, значит стать в противоречие со своим убеждением, высказанным о том, что помощь всем всегда действительная состоит в том, чтобы очистить свою жизнь от греха и жить не для себя, а для Бога, и что всякая помощь чужими, отнятыми от других, трудами есть обман, фарисейство и поощрение фарисейства; не согласиться,

значит отказать в слове, поступке, который сейчас может облегчить страдание нужды. Я, по слабости своего характера, всегда избирал второй выход, и всегда это мне было мучительно» (70: 38).

Не остался писатель равнодушным к поступку Гастева. Проживая в семье друзей Толстого В. И. и О. Ф. Скороходовых и являясь воспитателем их детей, он соблазнил их 15-летнюю дочь, которая от него забеременела. О своём отношении к его поведению Толстой высказался в письме к Скороховым 28 августа 1901 г.: «Ваше несчастье глубоко трогает меня. Ужасно мне вас жаль и бедную девочку. Но больше всего жаль Гастева, если он не понимает всей гадости, нечестности совершённого им поступка» (73: 140). Впоследствии Гастев женился на дочери Скороходовых.

Е. П. Гриценко

ГАТЦУК Александр Александрович (даты жизни не установлены) – литератор; племянник Алексея Алексеевича Гатцука, основателя изданий «Крестный календарь» и «Газета А. Гатцука». В конце 1880-х гг. переводил на французский язык запрещённые статьи Толстого «Церковь и государство», «Так что же нам делать?».

Будучи студентом Московского университета, Гатцук переделал для издательства «Посредник» книгу бывшего французского консула в Китае G. Eug. Simon «La cité chinoise» («Срединное царство». Основы китайской цивилизации Ж. Симона, бывшего французского консула. Пер. В. Ранцева. СПб., 1886). 20 ноября 1887 г. Толстой писал о ней П. И. Бирюкову: «Ещё принёс мне Новосёлов книгу Simon (в русском переводе) о Китае. Непременно достаньте и прочтите. Меня это чтение привело в восторг, и вам, именно вам, по тому, как там описано земледелие, да и вся жизнь китайцев, – чтение это будет очень радостно и полезно. Вот книга, которую надо, необходимо изложить для *Посредника*» (64: 125).

Заинтересовавшую его книгу Толстой упоминал в письме к В. Г. Черткову 29 (?) марта 1888 г. в ряду прочих издательских дел: «О Китае из Simon готова очень хорошая статья, я вчера её передал назад Гатцуку, чтобы упростить слог» (86: 144). Работа была продолжена, и 6 апреля 1888 г. Толстой писал Черткову из Москвы: «Посылаю вам “О Китае”, составленную статью Гатцуком, которому, если статья одобрится, нам надо дать вознаграждение. Составлена статья хорошо, но язык очень дурен, и, кажется, он сам не в силах поправить его. Он ещё прилагает картинки, на которые есть клише, –

он взял из журнала дяди, тоже решайте» (86: 148).

Книга Гатцука «Как живут китайцы. Составлено по книге Симона, бывшего французского консула в Китае» была издана в Москве «Посредником» в 1889 г. и в 1890-е гг. переиздавалась четыре раза (в 1891, 1894, 1896 и 1897 гг.). По свидетельству Д. П. Маковицкого, Толстой неоднократно вспоминал о ней в 1900-е гг.: «хвалил книжку “Посредника”: “Как живут китайцы”. Л. Н. сказал, что она была составлена лет 15–20 тому назад по его совету. Цитировал со страниц 59–60 (тут передаю своими словами). Чтобы жило человечество хорошо, надо жить хорошо отдельным народам, а чтобы они жили так, надо хорошо жить отдельным семьям, людям и каждому человеку, надо самому стараться хорошо жить» (30 апреля 1907 г.; *ЯПЗ*. 2. С. 424). Из полюбившейся писателю книги о Китае он приводил примеры должного, с его точки зрения, устройства жизни: «Симон говорил китайцу, что могут машинами уменьшить себе труд. Китаец ответил: “Мы хотим трудиться”. Когда человек в день не работает пять-шесть часов, он уже ненормально живёт» (30 августа 1905 г.; *ЯПЗ*. 1. С. 390).

В 1909 г. в разговоре с деятелями «Посредника» И. И. Бирюковым и И. И. Горбуновым об издании небольших книжечек для народа о странах Востока – Индии, Китае – Толстой вновь вспомнил о переработанной Гатцуком книге Симона. В книжечках предполагалось помещать исторические сведения, этнографические описания, изречения великих мыслителей. Толстой с радостью поддержал эту идею: «...предлагайте мне всё просмотреть, что туда хотите ввести». Ещё предложил в ту же серию книжечек в одну, полторы, две копейки – учение Лаотзе, Конфуция и о Китае (хоть старую книжечку “Как живут китайцы”, сократив и дополнив), потом изречения Магомета и книжку о Баба Бхарати» (*ЯПЗ*. 3. С. 364, запись 20 марта 1909 г.). «Л. Н. говорил, что у него были замыслы большой художественной работы, но готов её сократить и писать лучше сказки и разъяснения религиозно-нравственного учения для народа» (*там же*). Была подготовлена к печати одна из задуманных книг, но издание не состоялось.

А. Р. Боковня

ГАТЦУК Алексей Алексеевич (1832–1891) – археолог, публицист, основатель и издатель «Крестного календаря» (1866–1917) и еженедельной «Газеты А. Гатцука» (1876–1890). В «Газете А. Гатцука» были напечатаны некоторые произведения Толстого. Самое большое количество

публикаций, связанных с Толстым, пришлось на первую половину 1886 г. Рассказ «Свечка, или как добрый мужик пересилил злого приказчика» (1886. № 4. 31 января. С. 55–58) – единственное полностью опубликованное на страницах газеты сочинение писателя – перепечатан из январского приложения к петербургской «Неделе». 9 марта газета поместила сокращённый вариант рассказа Г. П. Данилевского о недавнем посещении им Ясной Поляны (О гр. Л. Н. Толстом // 1886. № 11. 9 марта. С. 139–140), который ранее опубликовал «Исторический вестник». В мае в газете появился рассказ Толстого «Много ли человеку земли нужно?», взятый из «Русского богатства»: в «Газете А. Гатцука» пересказ фабулы сочетался с цитатами из рассказа (1886. № 19. 8 мая. С. 255–256). И. М. Ивакин, учитель сыновей Толстого, живший в Ясной Поляне в первой половине 1880-х гг., вспоминал, что у писателя на столе «лежали разбросанные номера этой газеты», и приводил слова Толстого: «“Газета Гатцука” – первая газета в мире <...>, там я всегда нахожу самые интересные для меня вещи. Вот, например, сейчас нахожу: программа махди» (Ивакин И. М. Из «Воспоминаний о Ясной Поляне. 1880–1885» // *ТВС*. 1. С. 341). Как прокомментировал С. Л. Толстой, «“Махди” или “Махди” – имя ожидавшегося мусульманам пророка <...>. В № 29 “Газеты Гатцука” от 28 июля 1885 г. (с. 470) было напечатано предсмертное письмо этого “махди”...» (*там же*. С. 588–589).

В 1886 г. Толстого заинтересовала изданная редакцией газеты легенда Н. И. Костомарова «Сорок лет»: «Сорок лет (малороссийская легенда) Н. Костомарова», изд. редакции «Газеты А. Гатцука». М., 1881. В письме к своей троюродной сестре Е. Ф. Юнге от 20 или 21 января 1886 г. Толстой просил узнать у вдовы историка Н. И. Костомарова, А. Л. Костомаровой, «даст ли она разрешение печатать эту прелестнейшую вещь в дешёвом издании для народа» (63: 323). Не дожидаясь ответа, писатель приступил к переработке легенды для издания в «Посреднике» (среди архивных материалов в *ОР ГМТ* сохранилось два экземпляра костомаровской легенды в издании Гатцука с собственноручными исправлениями Толстого). Но разрешения печатать получено не было.

Толстой был лично знаком с издателем. В середине 1880-х гг. он помогал Гатцуку решить проблемы в связи с изданием газеты и, в свою очередь, обращался к нему с просьбой помочь другим.

В 1883 г. была запрещена розничная продажа «Газеты А. Гатцука». В 1884 г. Гат-

цук получил несколько предостережений. В 1887 г. издание было приостановлено на восемь месяцев, затем подвергнуто предварительной цензуре. В 1884 (1883?) г. Толстой передал с Гатцуком письмо Н. Н. Страхову, в котором просил помочь издателю: «Письмо это вам передаст Алексей Алексеевич, вам известный, Гатцук, мой добрый знакомый. Он едет в Петербург хлопотать о своих делах по цензурным запрещениям. Мне кажется, что вы можете помочь ему советом, и знаю, что вы это захотите и можете сделать» (ПСПТС. 2. С. 677).

В 1886 г. Толстой из Ясной Поляны написал письмо Н. Н. Ге (сыну), в котором просил за некоего поэта, оказавшегося в бедственном положении. В числе знакомых редакторов и издателей, к кому можно было бы обратиться за помощью, Толстой назвал и Гатцука: «Письмо это вам передаст очень замечательный человек. Он теперь нищий, а вместе с тем поэт, стихотворения которого печатались в «Современнике» и «Русской мысли». Моя просьба: <...> Сводить его к Гатцуку. Я бы написал ему, да не знаю имени отчества – не даст ли ему Гатцук, которого я очень уважаю и который всегда был ко мне расположен, – не даст ли ему работу в газете» (63: 442).

В январе–феврале 1889 г. Гатцук, по крайней мере дважды, приходил к Толстому в Москве. В своём дневнике Толстой упоминал его всегда в числе др. посетителей и неизменно отмечал тягостное впечатление от московских гостей: «Вечером был Гатцук и Покровский. Бесплезно проведённое время» (8 января; 50: 21); «Дома Юнге, после обеда Элснер <...> и Гатцук, был болен... Накурили так, что я день выводил» (16 февраля; 50: 37); «За обедом пропасть народа: Фет, Янжул, Анна Михайловна, Губкина. Невозможно, да и никому не нужно вести какой-нибудь разговор. Вечером Дунаев с Долговым <...>. Потом Гатцук – совсем в детство впадающий» (18 февраля; 50: 38).

В самом начале 1890 г. Толстого в Ясной Поляне посетили журналист М. К. Иогель и жена нового владельца «Газеты А. Гатцука» М. А. Родзевич: «Дома застал Иогеля и г-жу Родзевич: о сотрудничестве в газету Гатцука. Помешали» (дневник, 4 января 1890; 51: 8). Толстой высказал желание написать к 12 января для «Газеты А. Гатцука» заметку о традиционном празднике Московского университета, а также передал с Родзевич в «Газету А. Гатцука» исправленный им перевод книги Баллу «Христианское непротивление», но из-за цензурных сложностей перевод напечатан не был.

По свидетельству Д. П. Маковицкого, в 1900-е гг. внимание Толстого привлекло

ещё одно издание Гатцука – популярный «Крестный календарь», в то время издававшийся сыном Гатцука В. А. Гатцуком. В декабре 1906 г. Толстой «просматривал долго и внимательно картинки в гатцуковом календаре» (ЯПЗ. 2. С. 321; Гатцук А. Календарь крестный на 1906 г. М., 1906). Это были изображения командующих русской армией.

А. Р. Боковня

ГАЯРИН Иван Фёдорович (1827–1890) – знакомый Толстого; педагог, автор педагогических статей; тайный советник. О круге знакомых Толстого в 1860-е гг. писала Т. А. Кузминская: «...Лев Николаевич ни с кем из соседних помещиков не знался. Он не любил это общество, относился почти ко всем с насмешкой и называл их “благородное дворянство” <...>. Как ни странно сказать, но он был горд и всю свою жизнь боролся с этим чувством <...>. Он признавал людей своего круга и крестьян, называя деревню “le beau monde”, но это, конечно, не значит, чтобы он не имел друзей и знакомых в других слоях общества» (Кузминская. Ч. 2. Гл. XIV).

Одним из немногочисленных друзей Толстого того времени был Гаярин. Окончив философский факультет Московского университета со степенью кандидата, в 1849 г. он был назначен во 2-ю Московскую гимназию учителем русского языка и надзирателем пансиона, в 1851 г. перемещён старшим учителем русской словесности в 4-ю Московскую гимназию. Кроме того, преподавал в Александровском училище, Александринском сиротском кадетском корпусе и Екатерининском институте. В 1858 г. Гаярин был назначен сначала инспектором Тульской мужской классической гимназии, а вскоре стал её директором. Преподаватель гимназии Е. Л. Марков отмечал в Гаярине солидное филологическое образование, серьёзный теоретический ум, чрезвычайно стойкий характер и замечательный дар подчинять людей своему образу мыслей. Во время директорства Гаярина гимназия превратилась в деятельную педагогическую лабораторию, где применялись разные передовые методы обучения и воспитания. В результате преобразований, осуществлявшихся под руководством Гаярина, Тульская мужская классическая гимназия стала одним из передовых учебных заведений России в 1860-е гг., что совпало с политическими, экономическими и социальными реформами в стране.

Не случайно именно в это время и Толстой обратился к делу народного образования, в конце 1850-х гг. сначала в Ясной

Поляне, а потом, будучи мировым посредником, в Крапивенском уезде Тульской губ. открыл более 20 школ для крестьянских детей. В лице Гаярина и его коллег он нашёл своих главных единомышленников, у них с Толстым установились дружеские отношения, как вспоминал преподаватель гимназии Е. Л. Марков. Писатель часто бывал в гимназии, познакомился со многими преподавателями, присутствовал на заседаниях педагогического кружка. С. А. Толстая вспоминала, что многие члены этого кружка, в т. ч. Гаярин, «сочувствовали народной, школьной деятельности Льва Николаевича и потому дружили с ним» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 82). Сам Толстой высоко ценил деятельность Гаярина. В письме своему знакомому Е. П. Ковалевскому, брату министра народного просвещения, он писал 12 марта 1860 г.: «Есть в Туле директор гимназии Гаярин (ваш брат его знает), замечательный человек, <...>. Во всяком случае, у вас дело в хороших руках» (60: 331).

Будучи директором мужской гимназии, Гаярин был инициатором открытия в Туле и женской гимназии. Кроме того, он в 1864 г. редактировал газету «Тульские губернские ведомости». В конце 1860-х гг. его назначили окружным инспектором Московского учебного округа: он переехал в Москву, стал членом совета военно-учебных заведений, получил чин тайного советника. В связи с этим с середины 1860-х гг. имя Гаярина ни в дневниках, ни в письмах Толстого не встречается. Но сыновья Толстого Сергей, Андрей и Михаил были друзьями сыновей Гаяриных, владевших землями в Чернском уезде Тульской губ., где находились и имения Толстых. Иногда «братья Гаярины, виртуозы на скрипке и фортепьяно» (*ЯПЗ*. 3. С. 320), приезжали в Ясную Поляну. Об одном из таких визитов Д. П. Маковицкий писал 5 февраля 1909 г.: «В 5 часов приехали братья Гаярины: скрипач 41 года и пианист 44 лет <...>. За обедом разговор о музыке. Л. Н. к Гаяриным: “Я страшно люблю русские песни. Ваш отец присядет русские песни играть – восхитительно!”» (*там же*). Эта короткая запись передаёт атмосферу, в которой проходили встречи Толстого и Гаярина, память о них писатель сохранил до конца жизни.

Л. В. Милякова

ГЕ Агафья Игнатьевна («Гапка»; рожд. Слюсарева или Слюсаренко; 1856–1900 или 1903) – гражданская жена Николая Ге-сына. Жила с детьми на хуторе Ивановском, позднее в Конотопе. Скончалась в лечебнице для душевнобольных. Старший сын писателя С. Л. Толстой, вспоминая семью «бесконеч-

но любимого Колечки», писал, что он был «художественно одарён», разделял взгляды Толстого, а переехав на хутор своего отца, «старался проводить в жизнь учение Л. Толстого и вместе со своей некультурной подругой (Гапкой) работал по-крестьянски в поле и огороде» (*Очерки былого*. Гл. «Николай Николаевич Ге»). Какое-то время Колечка жил в Ясной Поляне, помогая в издательских делах, и писал на хутор отцу, чтобы Гапка забрала телёнка в хату и овечку брала бы на ночь (Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. Academia. 1930. С. 138). Толстому в письме характеризовал свою жену так: «Семейная моя жизнь очень хорошая. И жена хорошая, послушная и добрая женщина» (Порудоминский В. И. Николай Ге. М., 1970. С. 211). Колечка женился на своей подруге, но вскоре после родов её вынуждены были отправить в больницу для душевнобольных. В письмах к художнику Ге Толстой никогда не забывал упомянуть Гапку.

Лит.: Николай Николаевич Ге. К 180-летию со дня рождения. М.: Пинакотекa, 2011; Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. Academia. 1930; Порудоминский В. И. Николай Ге. М., 1970.

Л. С. Дробат

ГЕ Анна Петровна (рожд. Забелло; 1831–1891) – знакомая Толстого, жена художника Н. Н. Ге. Происходила из известного на Украине с 16 в. дворянского рода. А. П. Забелло было 25 лет, когда она обвенчалась с художником Н. Н. Ге. Он был годом старше и только кончил курс Императорской Академии художеств в С.-Петербурге. На следующий год, весной 1857 г., они уехали за границу, в Италию, где прожили 6 лет, в Риме родились их сыновья Николай и Пётр. В Риме супруги впервые познакомились с Толстым. Новая встреча с писателем, ставшая знаменательной для обоих, произошла в 1882 г. С этого времени и вплоть до внезапной смерти Н. Н. Ге в 1894 г. их объединяла взаимная любовь, единомыслие и самое тёплое общение членов двух семейств. В своих письмах к художнику Толстой неизменно добавлял приветы его жене, навещал их семью в 1884 г. на хуторе Плиски, жил здесь три дня. Близкие характеризовали А. П. Ге как любящую, преданную, образованную, умную женщину. Она сочувствовала всему новому, вдохновляла и поддерживала мужа, когда тот решил уехать из Петербурга и начать деревенскую жизнь, но увлечение толстовством не приняла, смотрела на это как на юродство (Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Сост. В. Стасов. М., 1904. С. 275). С 1883 г. А. П. Ге часто жила

у сына Петра, своего любимца. Последние годы тяжело болела. Скончалась от воспаления лёгких на хуторе Ивановском, там же и похоронена.

Лит.: Николай Николаевич Ге. К 180-летию со дня рождения. М.: Пинакотека, 2011.

Л. С. Дробат

ГЕ Екатерина Ивановна (рожд. Забело; 1858–1918) – жена Петра Николаевича Ге, младшего сына художника Н. Н. Ге, знакомая Толстого. Племянница скульптора П. П. Забело, старшая сестра Н. И. Забело-Врубель, Училась в Киевском музыкальном училище по классу фортепьяно. Вела дневниковые записи, в которых отражены события в семьях Ге и Толстых. Своему свёкру она говорила, что полюбила Толстого раньше, чем он. Екатерина Ивановна познакомилась с отцом своего мужа в 1879 г. «В те времена Н. Н. ещё не был поклонником гр. Л. Н. Толстого. Он даже не мог восхищаться “Войною и миром” и “Анною Карениной”, как я, и я впоследствии дразнила его... – писала она. – Может быть, в это время он Толстого даже и мало читал» (Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Сост. В. Стасов. М., 1904. С. 271). Последние годы Е. И. Ге жила в Петрограде, где была смертельно ранена при нападении грабителей на её квартиру и скончалась в больнице от перелома черепа. Похоронена на Новодевичьем кладбище С.-Петербурга.

Лит.: Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Сост. В. Стасов. М., 1904; Николай Николаевич Ге. К 180-летию со дня рождения. М.: Пинакотека, 2011.

Л. С. Дробат

ГЕ Пётр Николаевич (1859–1939) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; младший сын художника Н. Н. Ге; архитектор, художественный критик, переводчик, искусствовед. Статский советник. Родился в Риме, жил в Киеве и С.-Петербурге. Неоднократно встречался с Толстым, который помог ему передать В. В. Стасову для публикации переписку Н. Н. Ге с Толстым (опубл. в 1904 г.). Получил в наследство хутор Ивановский, где частыми гостями были художник М. А. Врубель с женой. Её старшая сестра Екатерина была с 1883 г. женой Петра Ге. В 1918 г. уехал с детьми в Киев, позже эмигрировал в Берлин, затем в Сербию. Последние годы жизни провёл в Русском доме престарелых, похоронен в Белграде. Письма, адресованные П. Н. Ге, Толстой, как правило, заканчивал словами: «Вы для меня всегда будете дороги. Любящий вас Л. Толстой» (67: 151).

Лит.: Николай Николаевич Ге. К 180-летию со дня рождения. М., 2011.

Л. С. Дробат

ГЕ Прасковья Николаевна («Парася»; 1878–1959) – внучка художника Н. Н. Ге, дочь его старшего сына Николая. Жила на хуторе Ивановском (1883–1894). Вместе с отцом периодически жила в Ясной Поляне (1884–1889), потом с отцом и братом Иваном переехала в Алушту (1895). После отъезда отца в Швейцарию (1901) осталась в Крыму, работала медсестрой, окончила фельдшерские курсы в Туле (1905–1910). Ездил к отцу в Швейцарию (1905, 1909–1910) и на обратном пути посетила Толстого в Ясной Поляне. Писатель расспрашивал её об отце. Парася переписывалась с Татьяной Львовной Толстой. Последний раз видела Толстого в 1910 г., незадолго до его смерти. Автор воспоминаний «Страницы прошлого. Воспоминания о Н. Н. Ге».

Лит.: Николай Николаевич Ге. К 180-летию со дня рождения. М., 2011. С. 399–403.

Л. С. Дробат

ГЕЛЬБИГ Надежда Дмитриевна (Helbig; рожд. кн. Шаховская, 1845–1924) – внучка декабриста, жена немецкого археолога и искусствоведа, профессора Римского университета и директора римских музеев Вольфганга Гельбига (1839–1915), пианистка, ученица Ф. Листа. Знакомая Толстого, автор воспоминаний о нём («Tolstoy at sixty» – «The Bookman», New York, 1911. v. 32, p. 467–473). Жила в Риме и на своей вилле в Кампанье под Римом; приезжая в Россию, посещала Ясную Поляну. Была дружна с итальянской королевой Маргаритой, принимала в своём салоне Ф. Листа, И. С. Тургенева, П. И. Чайковского, Ф. И. Шаляпина.

Впервые Гельбиг посетила Ясную Поляну в середине июля 1887 г. (вместе с дочерью Елизаветой). С. А. Толстая отметила в дневнике, что обе «очень приятные и хорошие очень музыкантши» (ДСАТ. I. С. 122). П. А. Сергеев относил к лету 1887 г. исполнение Гельбиг в Ясной Поляне «Крейцеровой сонаты» Бетховена. Л. Д. Опульская связывала с этим эпизодом работу Толстого над повестью «Крейцера соната»: намеченную в третьей редакции повести (осень 1887 г.) музыкальную тему и само название повести, появившееся позднее.

В 1889 г. Татьяна Львовна Толстая гостила на вилле Гельбиг в римской Кампанье. Отвечая на письма дочери из Италии, Толстой писал: «Ты так описала Гельбиг, что я её полюбил...» (64: 325). В июле 1890 и в июле 1891 гг. Гельбиг вновь побывала

в Ясной Поляне (в 1890 г. с дочерью, в 1891 г. с сыном и дочерью). Визиты Гельбигов органично вливались в артистическую и музыкальную жизнь Ясной Поляны (хозяева и гости музицировали, занимались фотографией, говорили об искусстве). В то же время писатель не раз отмечал в дневнике серьёзные разногласия с Гельбиг в эстетических и этических вопросах. 2, 4, 5 июля 1890 г. в дневнике Толстого появились записи: «С т-ме Гельбиг разговор о том, что нет ничего хорошего, полезного в служении телу людей. <...> Чем выше поднимается предмет, тем менее искренно. Там т-ме Гельбиг. Что она несёт. <...> Застал т-ме Гельбиг с Страховым в разговоре о том, можно ли очистить всё любовью, не изменяя своей жизни. Я вступился и горячо говорил, тем более что пришла молодёжь. Но, разумеется, никого не убедил» (51: 57–58). 6 июля Толстой записал: «Утром опять спорил с Гельбиг об искусстве. Кое-что сам себе уяснил в этом споре» (51: 59). Эти разговоры не могли не волновать Толстого, на рубеже 1880–1890-х гг. напряжённо работавшего над статьями об искусстве («Об искусстве», «Наука и искусство», «О науке и искусстве» и др.).

5 октября 1900 г., отвечая на письмо общественной деятельницы Е. А. Караваевой, которая обратилась к Толстому с просьбой содействовать облегчению наказания анархиста Бресси (убийцы короля Италии Гумберта), Толстой советовал привлечь к этому делу Гельбиг: «Г-жа Гельбиг очень хорошая женщина» (72: 476). В январе 1906 г., обсуждая предполагавшуюся поездку дочери Александры в Рим, Толстой, как отмечал Д. П. Маковицкий, советовал ей посетить Гельбиг (*ЯПЗ*. 2. С. 9).

Свои впечатления от посещения виллы Гельбиг в Риме (июль 1900 г.) описывал М. Волошин в письмах к матери, Е. О. Кириенко-Волошиной, и к А. М. Петровой, а также в записях, озаглавленных «Журнал путешествия» (1900 г.), которые он вёл вместе с друзьями. Гельбиг приняла Волошина и его спутников очень радушно, устроив им экскурсию по старинным апартаментам виллы, изобилующим, по её словам, страшными тайнами и привидениями. 10 (23) июля 1900 г. Волошин писал матери о Гельбиг: «Она уверяет, что она сама и есть “толстая дама из-за границы” в “Плодах просвещения”, т. к. Толстой изобразил именно её, после их бесед о спиритизме» (Волошин М. А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб., 1991. С. 272). Толстой действительно беседовал на эту тему с Гельбиг, что подтверждает его дневниковая запись от 7 июля 1890 г. о «миролюбивом разговоре»

с Гельбиг по поводу спиритизма (51: 60). Возможно, спиритизм обсуждался с Гельбиг и ранее, т. к. в одном из писем к Татьяне Львовне (1 ноября 1889 г.) Толстой упоминал о получении журнала «The world's advance thought and the universal republic»: «Это спиритический журнал; М. Гельбиг должна бы его знать» (64: 325). Основная работа над комедией «Плоды просвещения» шла в декабре 1889 г.; «толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина», персонаж пьесы, напоминала Гельбиг и внешностью, и знакомством «со всеми замечательными людьми, прежними и теперешними» (27: 96), и, разумеется, интересом к мистике и к спиритическим сеансам. (Л. Д. Опульская называла прототипом «толстой барыни» М. П. Фет.)

В «Журнале путешествия» есть и заметка, принадлежащая спутнику Волошина В. Ишееву, который так передавал слова Гельбиг о Толстом: «“Толстая дама из-за границы” в “Плодах просвещения” — это я. Раз я играла с молодым скрипачом, живущим у него, Крейцерову сонату. Толстому она очень понравилась. После этого он и написал свою “Крейцерову сонату”» (Волошин М. А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб., 1991. С. 272).

Лит.: Опульская. Материалы. 1. С. 120–121; Волошин М. А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб., 1991. С. 114, 268–272; Сергеев П. А. Как живёт и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898. С. 72–73.

Е. Ю. Полтавец

ГЕЛЬКЕ (имя и даты жизни не установлены) — сосед Толстого по имению, тульский помещик, видимо, бывший офицер; охотился с Толстым. Имя Гельке связано с молодостью Толстого: впервые появилось в его раннем художественном (незавершённом) произведении «История вчерашнего дня»: «Славная была травля, как подле станového Гельке атакнул...» (1: 292). С Гельке связана какая-то «история», которую Толстой хотел описать: 6 апреля 1851 г. он отметил в дневнике: «Сбивает меня очень мысль об истории с Гельке, нынче после обеда опишу её» (46: 58). С. Н. и М. Н. Толстым уже с Кавказа 23 декабря 1851 г. он шутивно писал: «Да, Маша, теперь, ежели ты проедешь мимо меня на извозчике с Вензелем или Гельке, я вытянусь в струнку около тротуарного столба и буду стоять в таком положении до тех пор, куда вы с Вензелем скроетесь из моих глаз» (59: 130). Вместе с Гельке всегда упоминался некий Новиков. Даже на Кавказе Толстой не мог забыть что-то очень для него неприятное: «Я в поле вспоминал с досадой о своих глупых стычках с Гельке

и Новиковым» (запись в дневнике 9 апреля 1852 г. – 46: 108). Дневник 20 мая 1852 г.: «Вчера ночью пришла мне прекрасная мысль о том, что непременно нужно окончить мои дела с Новиковым и Гельке так или иначе и действовать смело. Я могу наверно рассчитывать на успех. Я даже тогда решил, что при первой возможности нужно ехать отыскивать их; но, обдумав дело, я увидел, что, во-первых, дела эти не могут принести мне никакого вреда, ни собственно для меня, ни в отношении других, и, во-вторых, достаточно переговорить с ними, когда сведёт случай, а искать их не стоит того» (46: 117). «Вечером пришли все дурные воспоминания моей жизни: Гельке, Бярятинский, Левин, долги и всё гадкое», – записал Толстой в дневнике 8 августа 1853 г. (46: 172).

Что это за «история с Гельке», о которой неоднократно с тяжёлым чувством Толстой упоминал в дневнике, установить не удалось. Возможно, эта история была связана с какими-то денежными вопросами; такой вывод можно сделать из дневниковых записей Толстого 6 февраля 1854 г.: «...взял с собой деньги 600 р. в Совет и поехал в Тулу. Видел Гельке и кончил с ним дело, хотя и не совсем хорошо, но удовлетворительно» (46: 234); «6. был в Туле, кончил дело с Гельке и узнал о своём производстве» (46: 235). Но и после улаженного конфликта воспоминание о нём мучительно отзывалось в памяти Толстого; в дневнике 6 ноября 1857 г. запись: «Вчера видел Новикова – постыдное воспоминание» (46: 383).

Намерение описать эту историю Толстой не осуществил.

Н. И. Бурнашёва

ГЕРВИНУС Георг Готфрид (1805–1871) – немецкий историк литературы, историограф, основатель культурно-исторической школы в немецком литературоведении, исследователь Шекспира. Гервинус был профессором Гёттингенского (1836–1837) и Гейдельбергского (с 1844) университетов. Его лекции по истории в Гейдельбергском университете имели большой успех. Автор серьёзного исследования о Шекспире в 4 томах (1849–1850; русский перевод – 1877 г.), анализирующий творчество английского драматурга «в философско-этическом плане и с тенденцией приписать Шекспиру осуждение чрезмерных страстей» (Лит. энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стлб. 133). Гервинусу принадлежит книга «Спор о Шекспире» (Лейпциг, 1868). На русский язык была переведена в 1864 г. его книга «Введение в историю 19 столетия» (1853). Толстой цитировал Гервинуса и полемизировал с ним в гл. 5

и 6 статьи «О Шекспире и о драме»: «Гервинус старается доказать, что Шекспир обладал чувством красоты, Schönheit's Sinn, но все доказательства Гервинуса доказывают только то, что он сам, Гервинус, совершенно был лишён его» (35: 251). Статья Толстого направлена против истолкователей Шекспира и его авторитетных поклонников, в частности Гервинуса, «величайшего его знатока и хвалителя» (35: 256): «главный и основной немецкий критик» Шекспира пришёлся как нельзя более кстати для исполненного иронии толстовского «разгрома» Шекспира. Нужно избавить людей от «необходимости притворяться, что они это любят» (84: 227). Нельзя любить «балаганные пьесы, написанные умным и памятливым актёром, который начитался умных книг» (83: 415). Гервинус же как раз «считал все без исключения пьесы Шекспира шедеврами» (35: 575). Толстой придерживался прямо противоположного мнения о творчестве Шекспира, что и доказывал в своей статье, используя цитаты из Гервинуса в ироническом контексте: «По Гервинусу, Шекспир считает, что человечеству не нужно ставить себе идеалы, а нужна только во всём здоровая деятельность и золотая середина. Так, Шекспир до такой степени проникнут этой мудрой умеренностью, что он, по словам Гервинуса, позволяет себе отрицать даже христианскую мораль, предлагающую преувеличенные требования человеческой природе» (35: 254). Толстой спорил и с Гервинусом-историком, когда тот говорил, «что поход 12-го года есть произведение ложно направленной воли Наполеона» (15: 277): «Гервинусу, стало быть, известно призвание историческое Наполеона. И в деятельности Наполеона он видит выражение истории человечества» (15: 188).

Л. С. Дробат

ГЕРИНГ Мэтью (Gering; «Рокки»; даты жизни не установлены) – американский корреспондент, адресат и посетитель Толстого, «горячий поклонник» русского писателя; магистр права эдинбургского университета (Небраска, США). Происходил из семьи Рокфеллеров; «учитель-инспектор английских школ на одном Антильском острове. Хороший знакомый Брайана», как записал Д. П. Маковицкий в день приезда Геринга в Ясную Поляну (ЯПЗ. 4. С. 300). Направляясь в Европу, 11 июня 1910 г., с борта теплохода Геринг послал Толстому письмо с просьбой позволить посетить его в августе. Геринг сообщал, что имеет «очень тёплое рекомендательное письмо» и «письмо от м-ра Брайана», его друга, адресованное

лично Толстому. Толстой ответил очень коротко: «Я буду очень рад принять вас» (82: 47). Геринг, видимо, не получил письма Толстого, и в конце июня, уже из Италии, снова обратился к писателю с той же просьбой. Получив наконец ответ из Ясной Поляны, американец уточнял маршрут своей поездки и прибавлял: «Я с огромным нетерпением и радостью жду момента, когда буду иметь честь встретиться с человеком, чья деятельность так хорошо известна в Америке и который так много сделал для блага человечества» (*Толстой и США*. С. 948). В последнем своём письме от 12 июля Геринг снова уточнял, как он должен ехать из Москвы до Ясной Поляны, и признавался: «Я ожидаю беседы с Вами с такой радостью, какой ещё не испытывал за время своего путешествия по Европе, которую я посещаю уже второй раз; я сообщу Вам многое, что просил меня передать Вам г-н Брайан. С искренним уважением и восхищением Ваш Мэтью Геринг» (*там же*. С. 949).

В Ясную Поляну американец приехал 15 июля 1910 г. В. Ф. Булгаков в тот день записал в своём дневнике: «Приехал из Америки мистер Рокки <так в письме называл его Брайан и так называли М. Геринга в Ясной Поляне. — Н. Б.>, друг Брайана, с рекомендательным письмом от него. Рокки принадлежал к одной из богатейших американских семей, но порвал со своим кругом и ведёт очень скромный образ жизни, занимаясь теорией педагогики» (*Булгаков*. С. 285). Как отметил Маковицкий, «Л. Н. спрашивал Рокки про Брайана» и тогда же сказал о госте: «Он идейный человек, он мог быть богатым. Хочет к духовным» (*ЯПЗ*. 4. С. 300–301). Сам Толстой в тот вечер записал в дневнике: «Вечером американец и Чертков, и Гольденвейзер, и Николаев» (58: 79). Геринг остался на два дня. На следующий день Толстой отметил в дневнике: «Американец — пишет, сочиняет и, кажется, пустое. Вернувшись с прогулки, наткнулся на него...» (58: 79). В тот же день он писал В. Г. Черткову: «Работал приятно над корректурами. Потом беседовал с вчерашним американцем и ещё с очень милым вятским учителем <...>. Он мне очень понравился, и он и его жена, по его контрасту с американцем. Я говорил с тем и другим о религиозных вопросах. И насколько искреннее наш русский простой человек» (89: 194). 17 июля «вечером Л. Н. долго беседовал с г. Рокки» (*там же*. С. 302).

Н. И. Буриашёва

ГЕРЦЕНШТЕЙН Михаил Яковлевич (1859–1906) — экономист, учёный, обще-



ственный и политический деятель. Окончив юридический факультет Новороссийского университета (1881), прослушал курс политической экономии в Германии. В 1886 г. поступил на службу в Московский земельный банк, с этого времени его экономические статьи регулярно появлялись в «Русских ведомостях», «Юридическом вестнике», «Русской мысли». В 1903 г. Герценштейн был назначен на должность приват-доцента Московского университета, в 1904 г. — адъюнкт-профессора политэкономии и статистики Московского сельскохозяйственного института. В эти годы определилась основная сфера его научных интересов — финансы, кредит, аграрный вопрос. Результаты размышлений экономиста по занимающим его проблемам изложены в работах «Кредит для земств и городов» (1892), «Реформа ипотечного кредита в Германии» (1900), «Ипотечные банки и рост больших городов в Германии» (1902), «Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и сберегательные кассы» (1904) и др.

Начало XX в. — период политической активности Герценштейна. В 1904 г. он был избран гласным Московской городской думы и гласным Московского губ. избирательного собрания. В 1904–1905 гг. участвовал в земских и городских съездах. С момента создания конституционно-демократической (кадетской) партии стал её членом и возглавил партийную комиссию по аграрному вопросу. Во время выборов в I Гос. думу (1906) кадетская партия выдвинула кандидатуру Герценштейна, и он прошёл в Думу от г. Москвы. В своих выступлениях в Думе он критиковал финансовую политику правительства, подчёркивал необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель и передачи их крестьянам на правах аренды.

Одним из направлений научной и политической деятельности Герценштейна стало исследование и критика теории американского политэконома Генри Джорджа, получившей название «джорджизма». Статью о книге Г. Джорджа «Прогресс и бедность» (1879) Герценштейн опубликовал в 1885 г. в «Русской мысли», критике «джорджизма» посвящена и его статья «Национализация земли и условия её применения в России», вышедшая в сборнике «Аграрный вопрос» в 1905 г. Наиболее полно взгляды Герцен-

штейна на «джорджизм», получивший в России широкую известность в результате популяризации этого учения Толстым, выражены в исследовании «Национализация земли, крестьянский банк и выкупная операция» (1905). В этой работе Герценштейн критиковал одно из фундаментальных положений теории Джорджа, заключающееся в том, что земля не может принадлежать отдельным лицам, но должна оставаться общей собственностью человечества.

По свидетельству Д. П. Маковицкого, в 1905–1906 гг. Толстой внимательно следил за публикациями и выступлениями Герценштейна, посвященными аграрному вопросу. В 1905 г. писатель поддержал статью С. Д. Николаева «В защиту проекта земельной реформы Г. Джорджа», написанную в ходе полемики с Герценштейном. Сначала Толстой выступил против публичного опровержения Николаевым взглядов Герценштейна. Как записал Маковицкий 27 июля 1905 г., писатель рассказывал: «Николаев хотел возражать Герценштейну на его статьи, но я ему отсоветовал. Это так глупо, это такое вранье <...>. Дам вам книгу Генри Джорджа, прочтите. Излагать не буду» (ЯПЗ. 1. С. 356). Между тем уже 30 июля Маковицкий записал: «Я был у Николаевых. Сергей Дмитриевич занят статьёй о Генри Джордже, опровергает нападки Герценштейна. Хотя Л. Н. отсоветовал ему писать, говоря, что это не нужно, но Сергей Дмитриевич хочет попросить его поправить статью и уверен, что Л. Н. поправит» (ЯПЗ. 1. С. 358). Надежды Николаева оправдались. 1 августа Толстой в разговоре с Маковицким заметил: «Я был у Николаевых. Он придёт вечером читать свою статью. Она длинная. Герценштейн – тупоумие, наглость, невежество. Тупоумие, глупость, присущая именно учёным-профессорам. Не знает Генри Джорджа, а пишет про него; не знает, что такое “рента”. Николаев взял его в когти и не выпустит, он умница, логично, последовательно рассуждает. Я хочу написать предисловие, чтобы обратить на его статью внимание» (ЯПЗ. 1. С. 361). Статья Николаева была напечатана в «Сыне отечества» (1905, № 169 от 31 августа) вместе с сопроводительным письмом Толстого, отдельной книжкой вышла в издательстве «Посредник» в 1906 г. В сопроводительном письме от 11 августа 1905 г. Толстой, в частности, писал: «Я не советовал Николаеву отвечать г. Герценштейну, но его так огорчило неверное понимание его (а также и моего) любимого писателя, что он всё же написал ответную статью <...>, она может быть полезна для многих и многих людей, не занимавших-

ся земельным вопросом, которые, прочтя статью г. Герценштейна и поверив ему на слово, вместо того ясного понимания этого великого вопроса и всего его не только экономического, но и нравственного значения <...> останутся при той запутанной неясности представлений и при том мнимом понимании вопроса, которые получаются от подобных квази-научных статей» (76: 9–10).

После разгона I Гос. думы (1906) Герценштейн выехал в Выборг, где подписал «Выборгское воззвание». 18 июля 1906 г. в Териоки на берегу Финского залива он был убит черносотенцами. В семейном кругу 20 июля 1906 г. Толстой прокомментировал убийство Герценштейна: «Слыхали об убийстве Герценштейна? Это хороший урок для тех, которые на словах осуждают свреесв. <...> Убийца Плеве, убийца Герценштейна – одинаково жалки» (ЯПЗ. 2. С. 179).

А. А. Федотова

ГЕРШЕЛЬМАН Сергей Константинович (1853–1910) – адресат Толстого; московский генерал-губернатор в 1906–1908 гг., стоял во главе военно-полевых судов, жестоко подавлявших революционные выступления. Писатель всегда очень остро реагировал на известия о его жестокости. В декабре 1907 г. в Ясной Поляне обсуждали трагедию девушки, бросившей бомбу в Гершельмана. Её приговорили к повешению. Покушавшаяся была больна. Однако Гершельман приговор не отменил. Толстой, давая оценку случившемуся, высказался: «Собаку обидеть совестно – не <то что> вешать. Это значит убить в себе лучшие чувства. А это от Столыпина до городского и делают» (ЯПЗ. 2. С. 594).

В феврале 1909 г. писатель намеревался написать Гершельману о Н. П. Лопатине, редакторе, арестованном на три месяца за то, что напечатал в возглавляемой им газете «Жизнь» заметки Толстого о смертной казни («Нет худа без добра»). Они были написаны по просьбе приехавшего в Ясную Поляну корреспондента Ф. Купчинского. В письме к Гершельману говорилось: «...позволяю себе просить вас освободить от тюремного заключения господина Лопатина и подвергнуть тому наказанию, которое будет считаться подобающим, то лицо, которое по всей справедливости представляет из себя главного виновника, т. е. меня» (79: 95). Письмо осталось неотправленным. Гершельмана в середине февраля 1909 г. перевели на должность командующего войсками пограничного округа.

Имя Гершельмана для Толстого стало нарицательным, когда он хотел выразить своё

негативное отношение к жестокости, насилию и несправедливости. 9 марта 1909 г. в дневнике записано: «Надо в приёмах жизни выражать свою расценку людей: сострадательное отвращение к П. Столыпинным и всяким Гершельманам и министрам, и уважение к мужику, и сострадательное уважение к рабочему босяку» (57: 37).

Имя московского губернатора Толстой упоминал и в публицистических работах, в частности, в вариантах статей «Смертная казнь и христианство» и «Письма студента о праве», где отмечал: «Мало того, есть право уголовное, право ссылатъ, заточать, казнить, вешать. Права эти определяются законами, говорят Петражицкие, но законы-то кто пишет? (Победоносцевы или) Николай, Пуришкевичи с собратьями, а приводят в исполнение Аракчеевы и Гершельманы» (38: 281–282).

Е. П. Гриценко

ГИЖИЦКИЙ Георг фон (Gizicki; 1851–1895) – корреспондент и адресат Толстого; немецкий философ, профессор Берлинского университета, основатель журнала «Этическая культура» («Ethische Kultur»). 6 августа н. ст. 1893 г. Гижицкий направил Толстому письмо, в котором сообщал о целях основанного им «Этического общества для содействия социально-этическим реформам» (общество «считает, что мораль есть независимое от религии начало» – 87: 220) и задавал Толстому два вопроса от имени редакции журнала: «1. Что вы понимаете под религией? 2. Верите ли вы в возможность независимой от религии морали?». Первый вариант ответа был готов очень быстро, и сразу Толстой стал его перерабатывать. В дневнике 23 августа запись: «Пытаюсь писать о религии, но не идёт» (52: 99). 4 сентября 1893 г. в письме к А. К. Чертковой: «Начал было я отвечать на письмо редактора и члена общества немецкого этической культуры на присланные мне и очень хорошо поставленные вопросы <...>. И ответ мне казался ясен и важен; но не могу писать» (87: 218). Ответ Толстого, как это нередко у него бывало, вырос в статью, озаглавленную «Религия и нравственность» (т. 39). Писание статьи пошло интенсивнее, о чём Толстой сообщал жене 9 и 18 сентября: «Я писал так же, как и вчера, ответ немцу о том, что я полагаю под словом религия» (84: 192). «Я пишу всё ответ немцу о религии и понемножку, по вечерам, работаю» (84: 195). 18 сентября закончил вторую редакцию, а 5 октября записал в дневник: «Всё время писал статью о религии. Как будто кончил» (52: 100–101). В этот день было послано письмо Гижиц-

кому (на немецком языке): «Ответ, статью приблизительно в один печатный лист, я написал по-русски и теперь дам её перевести на немецкий язык» (66: 401). Но работа над статьёй продолжилась (84: 199), и 26 октября М. Л. Толстая сообщила В. Г. Черткову: «Отец усиленно занят “Религией”, думает, что кончает, но каждый день по начисто переписанному опять и опять поправляет» (87: 231). И только 3 ноября Толстой записал в дневник: «Я кончил о религии» (52: 103). Перевод на немецкий язык был сделан Софьей Бер и опубликован под заглавием «Religion und Moral» в журнале Гижицкого (1893, № 52–53 и 1894, № 1–3). 17 декабря 1893 г. Толстой написал Черткову: «Вчера я получил первый номер газеты “Ethische Kultur” с началом перевода...» (87: 247). 10 декабря Толстой направил Гижицкому письмо, текст которого неизвестен (66: 466), а 5 января 1894 г. письмом благодарил его за присылку 4-х номеров журнала. По-русски статья впервые была напечатана в журнале «Северный вестник» (1895, № 1) с большими цензурными искажениями и изменённым редакцией журнала заглавием: «Противоречия эмпирической нравственности». Толстой в двух своих книгах: «Круге чтения» (42: 355) и «На каждый день» (44: 379) – приводил одну и ту же цитату из Гижицкого, но в разных переводах, во втором случае более точно: «Только усилия разума могут внести справедливость в жизнь мира. Космические силы вне нас не могут осуществить наши идеалы. Если человечество, как совокупность сознательных существ, не сделает этих усилий, то идеалы эти никогда не осуществляются». В качестве источника, откуда взята цитата, указано сочинение Гижицкого, присланное Толстому И. И. Горбуновым-Посадовым 20 сентября 1904 г., первый и третий тома книги: «Vom Baume der Erkenntnis, Fragmente zur Ethik und Psychologie aus der Weltliteratur, gesammelt von D-r Paul von Gizicki, Berlin, 1898 г.» (42: 589). Возможно, это одна из немногих созвучных Толстому мыслей Гижицкого. Когда в ноябре 1895 г. единомышленник писателя Е. Попов написал статью о гонениях русского правительства на лиц, отказавшихся от воинской повинности, Толстой посоветовал ему послать статью к Гижицкому, добавив, что его журнал очень чуждый по духу.

Л. С. Дробат

ГИЛЬ Ричард (Роберт) Ричардович (даты жизни не установлены) – посетитель Толстого в Ясной Поляне. Владелец угольных копей, цементного и кирпичного заводов и химического известкового завода

в Крапивенском уезде Тульской губ., находившегося в 8 км от Ясной Поляны близ станции Ясенки (ныне Щёкино). В 1878 г. Толстой принял заказ от этого завода на изготовление из своего леса 6000 бочек, для чего нанял бочаров из села Ломинцева; работа началась с осени 1878 г. «Гилевские заводы» Толстой показывал иногда своим гостям. В дневнике 19 июля 1894 г. он записал: «Ездил утром с Касаткиным на Гилевские заводы. Мало интересного. Очень устал» (52: 129). Эти «заводы» порой навели Толстого на глубокие размышления: «Нынче ехал мимо Гиля, думал, — писал Толстой в дневнике 5 мая 1896 г., — с малым капиталом невыгодно никакое предприятие. Чем больше капитал, тем выгоднее: меньше расходов. Но из этого никак не следует, чтобы, по Марксу, капитализм привёл к социализму. Пожалуй, он и приведёт, но только к насильственному. Рабочие будут вынуждены работать вместе и работать будут меньше, и плата будет больше, но будет то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности — эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм может улучшиться материальное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство» (53: 85). В дневнике и записных книжках Толстого не раз появлялись имена рабочих с заводов Гиля: «Ясенецкая, Яков Максимов Кузнецов умер у Гиля в газе — к Давыдову» (53: 293). Давыдов Н. В. — судебный деятель, прокурор в Туле; писатель направлял к нему крестьянку из Ясенков, вдову задохнувшегося от газа на заводе Гиля рабочего. «Из Глинок убит Фёдор Бредихин у Гиля» (53: 358)... Толстой заботился о рабочих, которые получили травмы или увечья на заводе Гиля. 29 июля 1904 г. в дневнике запись: «От Гиля убиравшийся в шахте крестьянин. Я послал его к Гольденблату» (Гольденблат — тульский адвокат; 55: 70). 12 ноября 1896 г. он писал жене: «Вчера был у Гиля, хлопотал за мать умершего в шахте и за тех, с кого взыскивают судебные издержки <...> за то, что один сломал спину, а другой ногу. И, кажется, хлопоты мои не безуспешны» (84: 271).

С. В. Чаругина

ГЛАДСТОН Уильям Юарт (Gladstone; 1809–1898) — видный политический и гос. деятель Англии, лидер либералов во второй половине XIX в. В 1852–1859 гг. — министр финансов в либеральном министерстве Пальмерстона. С этих пор он окончательно стал либералом, участвуя во всех после-

дующих либеральных кабинетах вплоть до 1893 г. Старым принципам английского либерализма Гладстон был верен до ухода с политической арены. К 1850-м гг. относится его заявление об оппозиции Пальмерстону, тогдашнему министру иностранных дел, который основывал свою успешную и популярную политику на праве сильного. Такая политика не имела ничего общего ни с нравственными устоями, ни с личным характером Гладстона, видевшего призвание Англии прежде всего в поддержании среди народов уважения к международному закону и в одинаковом применении его как к сильным, так и к слабым соседям, в водворении среди народов принципов независимости.

Являясь прежде всего и главным образом политическим деятелем, Гладстон был не чужд литературе. Он автор этюдов по богословию, философии, религии. Любимым предметом литературных занятий являлись для него поэты-классики и более всего Гомер, о котором он издал как обширные исследования, так и ряд мелких этюдов. Кроме того, он написал много статей по самым разнообразным вопросам — философским, историческим, конституционным, по поводу явлений текущей литературы и т. д. Для отдельного издания их в 1879 г. понадобилось семь томов. В 1886 г. Гладстон вёл оживленную журнальную полемику с профессором Гексли по вопросу об отношениях между наукой и религией. В течение последних лет им написан ряд статей по ирландскому вопросу.

Толстой нередко упоминал Гладстона, деятельность его партии, его литературную работу. «Гладстона из всех политиков Л. Н. больше всех уважал», — писал Д. П. Маковицкий (*ЯПЗ*. I. С. 233). О политической деятельности Гладстона Толстой знал из прессы, из писем и, отчасти, читая романы Энтони Тrolлопа (в мемориальной *ЯПБ* хранятся несколько романов Тrolлопа в издании Таухница 1859–1883 гг.). В письме брату С. Н. Толстому в начале января 1877 г. Толстой сообщал о круге своего чтения и заканчивал письмо словами: «Prime Minister — прекрасно» (*ПТСБ*. С. 357). Упомянуто популярное в то время произведение Тrolлопа — последняя часть его политического романа «Первый министр». В романе — парламентская жизнь Англии 1860-х гг. и политическое противоборство премьер-министра Гладстона и главы консервативного кабинета Дизраэли во время принятия либеральных парламентских реформ (62: 302).

Участник Восточной (Крымской) войны. современник очередной Русско-турецкой

войны, о которой писал в заключительной части романа «Анна Каренина», Толстой понимал геополитику Англии и ту роль, которую играл премьер-министр Гладстон, глава либеральной партии. Не случайно имя Гладстона, наряду с именами др. политиков того времени, упоминалось в художественных и публицистических произведениях писателя: о Гладстоне вёл разговор Нехлюдов в романе «Воскресение» (32: 429), имя британского политика появилось в трактате «Царство Божие внутри вас», в статьях «Не убий», «Единое на потребу». В статье «Великий грех», отстаивая идеи Генри Джорджа, Толстой называл либеральных деятелей Англии, выступающих против учения американца об едином налоге на землю. Среди др. упоминался Гладстон (36: 216). Маковицкий 16 мая 1905 г. отмечал, что Толстому было неприятно выступление Гладстона против проникновения в Англию идей Генри Джорджа о всеобщем налоге на землю (*ЯПЗ*. 1. С. 285).

24 декабря 1895 г. Толстой получил письмо английского журналиста Д. Мансона, в котором тот просил писателя высказать своё мнение по поводу столкновения Англии с североамериканскими Соединёнными Штатами на границе Венесуэлы (Англия была заинтересована в приобретении венесуэльских земель, где обнаружили новые месторождения золота и нефти). Ответ Толстого вылился в антивоенную статью, в которой упоминался Гладстон, выступивший против экспансии Англии (90: 163). На русском языке статья впервые вышла в Женеве под заглавием «Патриотизм или мир?» (1896).

А. Г. Королёва

ГЛЕБОВ Владимир Петрович (1848–1926) – сват и посетитель Толстого; тульский помещик, происходил из старинного дворянского рода. Епифанский, затем каширский уездный предводитель дворянства. В 1890-х гг. (на голоде) уполномоченный Красного Креста по Тульской губ. В Бегичевке Толстой встречался с ним как с инспектором, о чём писал жене 4 мая 1892 г. (84: 149). С 1906 г. член Гос. совета.

Женат на дочери князя Н. П. Трубецкого, руководителя московского музыкального общества. Брак оказался счастливым. О Глебове вспоминали: «...он был на редкость красивый, с большой хозяйственной сметкой, благодаря коей устроил сам громадное состояние, удесатерив свои и жены средства; жили они по зимам в своём собственном доме на Молчановке, а лето и осень проводили в одном из многочисленных имений, где оканчивали своё пребы-

вание всегда грандиозной охотой с борзыми...». Имение Глебовых Тарасково – одна из оригинальных по структуре и архитектуре подмосковных усадеб в окрестностях Каширы, на высоком берегу Оки. Тарасково отражало усадебную эстетику рубежа XIX–XX вв. Главный дом, парки, пруды сочетали в себе уходящий поздний викторианский стиль, готику и русскую архитектуру.

Дочь Глебовых Александра Владимировна была замужем за сыном Толстого – Михаилом Львовичем. Венчание состоялось 31 января 1901 г. Толстой, как и Глебовы, не одобрял этой свадьбы и писал А. К. Чертковой: «Завтра Мишина свадьба – глупая, грешная, пышная свадьба. Но девушка (Глебова) интересная. Теперь ничего нет, кроме молодой половой любви. Но что будет, когда устоится?» (88: 223). С Глебовым Толстой общался, когда тот приезжал в Ясную Поляну или когда сам посещал новых родственников. С. А. Толстая в дневнике 7 декабря 1907 г. рассказывала о тёплом приёме, устроенном Глебовыми Толстому: «Позвали Льва Николаевича к Глебовым слушать концерт 23-х балалаечников под управлением Андреева. Тут же в их оркестре жалейки, гусли, волюнки. Прекрасно выходило, особенно русские песни; потом вальс, “Wagum?” Шумана. Лев Николаевич изъявил желание послушать, и это было устроено для него» (*ДСАТ*. 1. С. 465).

А. Г. Королёва

ГЛЕБОВА Софья Николаевна (рожд. Трубецкая; 1854–1937) – посетительница, адресат, корреспондент Толстого, теща сына Толстых – Михаила Львовича; автор воспоминаний о Толстом. Дочь князя Н. П. Трубецкого и Л. В. Орловой-Денисовой, старшая сестра философа князя С. Н. Трубецкого. Получила прекрасное домашнее образование, владела несколькими языками, отличалась музыкальными интересами. Княжна Трубецкая вышла замуж за В. П. Глебова, в те годы калужского предводителя дворянства. Местом для свадебного торжества было выбрано подмосковное Узкое, куда съехались многочисленные друзья и родственники с обеих сторон. 2 июля 1878 г. Глебов и Трубецкая были обвенчаны. «Поручителями по невесте» были её отец князь Трубецкой и полковник светлейший князь Грузинский. За жениха «поручителем» был его младший брат, кавалергардский поручик Ф. П. Глебов. Семейная жизнь Глебовых сложилась счастливо. Глава семьи несколько раз избирался предводителем дворянства, то в Епифанском уезде Тульской губ., то в Каширском уезде Калужской губ. Позже он стал членом

Гос. совета. Его супруга, как и многие другие богатые дамы, занималась благотворительностью, попечительствовала приюту и школе для неимущих, возглавляла совет Московского дамского попечительства о бедных.

За одного из сыновей Толстого, Михаила Львовича (1879–1944), вышла замуж её старшая дочь Александра Владимировна (1880–1967). Эта свадьба состоялась 31 января 1901 г. Внук Толстых и Глебовых С. М. Толстой рассказывал: «Согласие Глебовых на брак становилось всё неопределённой. На грани отчаяния мой отец стал умолять Льва Николаевича помочь ему. И однажды после продолжительной прогулки пешком по Москве Толстой зашёл к своей дальней родственнице по Трубецким Глебовой, матери Лины – Александры. Он пришёл сватать своего сына. Она восхищалась Толстым, он ценил её искренность, весёлый характер, любовь к природе, лошадям. Позже она подарила ему великолепного жеребца, на котором Толстой часто совершал прогулки. “У вас товар, у нас покупатель”, – сказал он ей. Эти слова насмешили Глебову, и не в силах сопротивляться обаянию Толстого, она дала согласие на брак» (*Дети Толстого*. С. 193).

Толстой не был на свадьбе сына. С Глебовыми, в частности с Софьей Николаевной, встречался уже в последующие годы. Так, 8 августа 1902 г. в «настольном календаре» отмечено, что «была Глебова с дочерью».

Маковицкий записал, что 19 декабря 1904 г. вместе с гостями Толстые обсуждали службу на войне Андрея Львовича Толстого. «Глебова (мать А. В. Толстой) была у Марии Фёдоровны (вдовствующей императрицы), которая удивлялась, что сын Толстого на войне. Глебова сказала ей: “В наше время дети поступают по-своему, а не так, как родители желают”» (*ЯПЗ*. 1. С. 102). Семьи гостили вместе у Сухотиных в Кочетах. Много говорили о жизни, о проблемах с детьми. Глебова размышляла о сыне Сергее, что он не может определиться в жизни, мечтает работать на земле, жениться на крестьянке. Маковицкий записал мысли Толстого, высказанные вслух по этому поводу: «Л. Н. не одобрял идеалы внешней жизни. Есть нравственный идеал, по нему надо стараться жить в каждый данный момент» (*ЯПЗ*. 2. С. 278). В тот же день, у Сухотиных, Толстой и Глебова спорили по поводу неприменения насилия в политике государства. Глебова говорила: «Ведь нужна же общественная жизнь, формы её надо же устанавливать, изменять. Невольно из интересов людей создаётся общественная жизнь, возникают общие вопросы, которые

надо разрешать, о которых нужно сговариваться» (*ЯПЗ*. 2. С. 279). Толстой ответил, что это надо делать, не применяя насилия.

В «Ежедневнике» (1905 г.) С. А. Толстая писала о неудачном, с её точки зрения, благотворительном концерте, устроенном Глебовой в пользу сирот, и по её просьбе («дать хоть страничку прочесть публично») Толстой продиктовал отрывок из «Хаджи-Мурата». На концерте 14 февраля 1905 г. актёр Южин прочитал отрывок из «Войны и мира», включённый в программу с согласия С. А. Толстой (*ДСАТ*. 2. С. 511).

Маковицкий отметил 13 июня 1908 г., что Толстой «со своими сватями: Зубовой и Глебовой <...> держится с ними по-старинному: очень почтительно и любезно» (*ЯПЗ*. 3. С. 113).

В конце декабря 1908 г. С. Н. Глебова снова гостила в Ясной Поляне. «Л. Н. был ей рад и очень внимателен, – записал Маковицкий 26 декабря. – Читал ей, Софье Андреевне и Марии Николаевне вслух из книжки Мюрже, сначала, как познакомились Chaunard с Collin, и очень забавлялся. В продолжение четырёх месяцев второй раз читает эту книгу» (Murger, Henry. *Scènes de la vie de bohème*. Paris, 1880 <Сцены из жизни богемы. – *фр.*>. *ЯПЗ*. 3. С. 287). Книга и сейчас хранится в *ЯПБ* писателя.

Глебова выполняла просьбы Толстого о помощи людям, попавшим в беду. В письме Толстому 10 января 1909 г. она сообщила о своём посещении в Бутырской тюрьме К. А. Романик-Петровой (79: 30), которую обвиняли в распространении запрещённых сочинений Толстого. Толстой хлопотал об её освобождении. В ответ он писал Глебовой 15 января 1909 г.: «Очень, очень благодарю вас, милая Софья Николаевна, за исполнение моей просьбы. Портрет не посылаю, потому что Чертков наделал столько различных всех сортов и величин, что не знаю, какой вы захотите иметь. Постараюсь угодить вам» (79: 30). 30 января 1909 г. Маковицкий записал, что Софья Андреевна рассказывала, «с какой охотой, радостью исполняет Глебова просьбу Л. Н. помогать Петровой, заключённой в тюрьму» (*ЯПЗ*. 3. С. 314).

Воспоминания Глебовой о Толстом «Sophie Gleboff. A trip to Jasnaia Poliana» опубликованы в «Living age», Boston, 1923, т. 317, с. 590–594. Перевод с французского из «Le Figaro», Avril 21, 1923 (54: 492).

А. Г. Королёва

ГОЛИЦЫН Александр Владимирович (1876–1951), князь – знакомый Толстого, его корреспондент и адресат; земский врач в Богородицком уезде Тульской губ.; коопе-

ративный деятель. Кн. А. В. Голицын – сын бывшего московского городского головы Владимира Михайловича Голицына и Софьи Николаевны Голицыной (рожд. Деляновой). Окончил Московский университет, как и его братья, о которых позже в своих воспоминаниях напишет сын одного из братьев Голицыных, хорошо их знавший: они относились «к народившейся в последней четверти XIX века новой формации дворян-землевладельцев, чуждой интересам света и двора и видевшей своё назначение в служении обществу, а не власти. Они шли в земство и шли не ради корысти или честолюбия. Земство привлекало возможностью приложения сил ради гуманных целей, направленных на пользу общества» (Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 24). Кн. Голицын был женат на Любви Владимировне Глебовой, её сестра Александра стала женой сына Толстого, Михаила Львовича. Жили Голицыны в родовом подмосковном имении Петровском (Петрово-Дальнее) Звенигородского уезда. Владельцем был дядя, Александр Михайлович Голицын. Это живописное имение располагалось при слиянии рек Москвы и Истры, в доме была библиотека, насчитывавшая 10 тысяч томов, преимущественно на французском языке, по естествознанию, истории, ботанике, искусству. А. В. Голицын занимался врачебной практикой, его жена содержала приют для сирот. Голицыны бывали в Ясной Поляне. В июле 1905 г. Михаил Львович приехал с доктором Голицыным, вернувшимся с Кавказа. Как радужная хозяйка С. А. Толстая показывала гостю картины художника И. П. Похитонов «Чепыж» и «Зелёная палочка», висевшие на стене в гостиной яснополянского дома, и они говорили о галерее Третьякова, а Толстой расспрашивал Голицына про его жену, воспитывавшую сирот. Говорили и о помощи голодающим крестьянам. «За завтраком Л. Н. с доктором Голицыным говорили о дяде Голицына. Л. Н. рассказал, что, встретившись с ним после долгого промежутка, первый вопрос, который он от него услышал, был: “Слышали о чуде? Какое случилось... с мощами?”» (ЯПЗ. 1. С. 348). На что А. В. Голицын ответил, что дядя с 60-х гг. не менялся, всегда был славянофилом. И Толстой с Голицыным разговорились о славянофилах (ЯПЗ. 1. С. 348–349). В начале 1910 г. Голицын, много занимавшийся кооперативным движением, желая получить одобрение Толстого, писал ему о кооперативном движении «как об одном из главнейших средств, которое должно вывести Россию, да и всё человечество из того экономического гнёта, в котором оно

находится» (58: 308). Толстой соглашался: «...кооперативная деятельность есть единственная общественная деятельность, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек, не желающий быть участником насилия», но, вместе с тем, он был убеждён, что «без религиозного обновления кооперативная деятельность едва ли в значительной степени, даже в какой-нибудь степени, уменьшит существующее зло» (81: 67). Письмо Голицына Толстой читал вслух и хвалил: «очень хорошее письмо» (ЯПЗ. 4. С. 161–162). Ответ Голицыну Толстой написал 23 января. В тот же день был написан и ответ В. Ф. Тотомианцу на ту же тему о кооперации. Своим ответом Толстой был недоволен, в дневнике записал: «Письма. Много интересных. Одно от Тотомианца опять о кооперативах. Ответил плохо ему и Голицыну» (58: 11). Но письмо Толстого о кооперации получило широкое распространение в печати. После революции 1917 г. Голицын эмигрировал, занимался врачебной деятельностью и умер в Лос-Анжелесе (США).

Л. С. Дробат

ГОЛИЦЫН Григорий Сергеевич (1838–1907), князь – адресат Толстого, генерал от инфантерии. В 1897–1904 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе; жил в Тифлисе. Обратиться Толстого с письмом к Голицыну (71: 482) заставило следующее обстоятельство. Его старший сын Сергей Львович вместе с Л. А. Сулержицким принимал участие в переселении духоборов с Кавказа в Канаду. В то время дать или не дать разрешение на эти действия мог только Голицын, и Толстой надеялся, что если не двоим, то его сыну разрешение будет дано. «И как отцу ни противно было обращаться с просьбой к властям, он написал и дал мне для передачи Голицыну <...> письмо» (*Очерки былого*. Гл. «Моё участие в эмиграции духоборов в Канаду»). В дневнике Толстой записал: «Был Серёжа и Сулер и уехали оба на Кавказ с моим письмом к Голицыну» (53: 212). 9 ноября 1898 г. С. Л. Толстой и Л. А. Сулержицкий уехали на Кавказ, а оттуда в Канаду, сопровождая первую партию духоборов, – Голицын в ответ на обращение Толстого дал разрешение. Толстой ошибся в отчестве, обратившись к Голицыну «Григорий Григорьевич», потому что помнил его светское прозвище «Григри Голицын», откуда заключил, что его отчество Григорьевич. К счастью, эта ошибка не повлияла на положительный исход дела. Принимая у себя С. Л. Толстого с письмом отца, Голицын был учтив, прочёл письмо

вслух (кроме обращения) «и потом начал говорить и говорил очень много <...>. Он сказал, что он всё готов сделать для облегчения переселения духоборов; что он желает всяческих благ духоборам в Канаде, где он сам <...> был...» Но разубедить Голицына в том, что Толстой – причина духоборческого движения, Сергею Львовичу не удалось (*Очерки былого. Там же*). Толстой тогда же писал Эльмеру Мооду: «Сын Сергей в Батуме, Голицын не только не прогнал его, но был предупредителен» (71: 505). Вторая история, когда Толстому пришлось обратиться с просьбой к Голицыну, разрешилась не столь быстро. Просьба писателя касалась судьбы трёх «старичков»-духоборов, которые после возвращения из ссылки в Якутскую губ. не нашли своих друзей и родных, уже выселенных в Канаду. Им отказали в заграничных паспортах, и один из старичков приехал к Толстому с просьбой о помощи. Толстой написал письмо Голицыну (75: 8). Одновременно он просил помочь великого князя Николая Михайловича, который немедленно отозвался, но разрешение на выезд мог дать только Голицын, который запретил губернатору обращаться к себе по вопросу о выезде духоборов. Великий князь Николай Михайлович писал Толстому о «произволах голицынского режима» (74: 233), называл Голицына «наш удивительный сатрап» (*ЛН*. Т. 37–38. С. 318) и вынужден был самолично обратиться к министру внутренних дел Плеве с просьбой отпустить «старичков».хлопоты увенчались успехом в апреле 1904 г., о чём великий князь написал Толстому. Толстой благодарил его письмом от 1 июня 1904 г., сообщая, что и сам уже получил «письмо очень глупое от Голицына» (75: 116). Старички-духоборы, получив заграничные паспорта, благополучно отбыли в Канаду.

Л. С. Дробат

ГОЛИЦЫН Фёдор Сергеевич (1850–1920), князь – корреспондент и адресат Толстого. Экономист, сенатор, кн. Ф. С. Голицын был автором книг по экономике и быту кустарного дела в России. Одну из своих книг – «Необходимый для России строй труда» (СПб., 1909; сохранилась в *ЯПБ* с автографом автора) – Голицын послал Толстому и сообщил ему об этом письмом от 12 июня 1909 г. В записках Д. П. Маковицкого отмечена реакция Толстого на книгу: «Л. Н. на днях получил книжку о кустарном производстве против фабричного. Л. Н.: Это хорошо (кустарное дело) – удерживает население в деревнях, работу даёт, нравственную жизнь» (*ЯПЗ*. 3. С. 445). «Л. Н. похвалил присланную ему книж-

ку о кустарном производстве» (*ЯПЗ*. 4. С. 18). Толстой ответил Голицыну письмом от 16 июня 1909 г.: «Князь Фёдор Сергеевич, получил Вашу книгу, прочёл и совершенно согласен с Вашим мнением. Важнее всего для меня <...> то, что кустарное производство не имеет тех соблазнов, влекущих к безнравственности, которые свойственны фабричной жизни. А так как я полагаю, что истинное благо людей зависит от их нравственного состояния, то я и думаю, что всё, что содействует уменьшению соблазнов, уничтожающих нравственность, в высшей степени полезно и желательно» (79: 236–237).

Л. С. Дробат

ГОЛИЦЫНА Вера Павловна (1842–1918) – знакомая Толстого, тётка М. С. Сухотина. Жила по соседству с Кочетами. Бывая в семье своей старшей дочери Т. Л. Сухотиной-Толстой, Толстой встречался с кн. Голицыной, иногда ездил к ней вместе с её племянником, своим зятем Михаилом Сергеевичем Сухотиным. Познакомились они 14 июня 1909 г. в Кочетах, что отметил Д. П. Маковицкий: «Была княгиня В. П. Голицына, тётка и соседка М. С. Сухотина. Она не дожидаясь Л. Н., в четыре хотела уехать. Встретились в дверях на крыльце. Татьяна Львовна познакомила их. Л. Н. сказал что-то приятное. <...> Татьяна Львовна уговаривала тётю остаться, но она не согласилась. Простилась с Л. Н., села в коляску с чудной тройкой слишком откормленных лошадей. <...> Тройка тронулась. Все ей поклонились и сказали слово на прощание. Она или в рассеянности или скорее сконфужена: не повернулась и не отдала поклон Л. Н., не посмотрела в его сторону» (*ЯПЗ*. 3. С. 441). Пока Толстой жил у Сухотиных, он ещё несколько раз встречался и разговаривал с Голицыной: о цене аренды на землю, о гендерных различиях, и просто – играли в винт. «Пополудни Л. Н. с Михаилом Сергеевичем и Татьяной Львовной поехали к В. П. Голицыной. Л. Н. пригласил её на вечер в винт играть», – записал Маковицкий в сентябре 1910 г. (*ЯПЗ*. 4. С. 355). 14 сентября в дневнике Толстой отметил: «Ездил к Голицыной с Михаилом Сергеевичем. Очень много нужно записать...» (58: 102). Писатель не раскрыл свою короткую запись, это сделал Сухотин, довольно подробно пересказав содержание «учтивой встречи» Толстого с Голицыной. «В. П. Голицына, ярая православная, не читает последних писаний Л. Н., чтобы он её не поколебал; знает только некоторые письма Л. Н., появившиеся в газетах. <...> Л. Н. отлучён от церкви; Голицына,

ярая православная, чай из одного чайника с ним пила. Старообрядцы с отлучившимися от церкви (с православными) из одной чашки не едят. Они говорили о нравственности, религии; слова общие, но понятия различные. Говорили о пьянстве. Л. Н. сказал, что правительственными (внешними) мерами нельзя заставить людей перестать пить, а только внутренним перерождением. С этим Голицына согласилась. Но перерождение Л. Н. понимает как результат работы разума, а Голицына – благодати. Опять на словах они согласны. Михаил Сергеевич думает, что Голицына и Л. Н. хорошо отнеслись друг к другу из-за любви к Татьяне Львовне, которая любит Веру Павловну, а она её» (*ЯПЗ*. 4. С. 350). Толстой навещал Голицыну один или в компании с зятем и дочерью. Софья Андреевна Толстая вместе с дочерьми Таней и Сашей тоже была в гостях у тётки своего зятя и со свойственной ей определённой записала в дневнике: «Приятная, твёрдая и умная женщина» (*ДСАТ*. 2. С. 186).

Л. С. Дробат

ГОЛИЦЫНА Елена Александровна (рожд. кн. Дондукова-Корсакова; 1819–?) – знакомая и корреспондент Толстого. Толстой познакомился с ней в Гиере в августе 1860 г., куда приехал к больному брату Николаю. В письме к тётеньке Т. А. Ёргольской 28 августа/9 сентября 1860 г. Толстой упоминал Голицыну: «Три дня тому назад мы приехали в Гиер. <...> Некая княгиня Голицына живёт здесь 9 лет. Она говорила Машеньке, которая познакомилась с ней, что она приехала сюда в гораздо худшем состоянии, чем Николай, а теперь сильная и вполне здоровая женщина» (60: 351). В Гиере она очень подружилась с М. Н. Толстой и деятельно помогала в уходе за больным Николаем. Кн. Е. А. Голицына, сестра вице-президента Академии наук кн. М. А. Дондукова-Корсакова, была первым браком за кн. В. Н. Голицыным (1802–1844), овдовев, жила за границей, где второй раз вышла замуж. В ноябре 1860 г. Толстой писал тётеньке: «Княжна Голицына не хороша и не молода, но отличная женщина. Она урождённая Дондукова (княжна), зовут её Елена Александровна» (60: 359). (С семейством Дондуковых-Корсаковых: «хорошая семья» – *ЯПЗ*. 1. С. 318 – Толстой познакомится во время пребывания в Брюсселе в марте 1861 г.). Знакомство с Голицыной продолжилось и в Париже: «Кн. Голицына, её две племянницы, племянник, некто Норов и ещё несколько человек составляют наш приятный интимный кружок» (60: 365). У кн. Е. А. Голицыной, в качестве её воспитанницы, жила дочь её умершего бра-

та А. А. Дондукова-Корсакова, Катенька или «К. А.», как она обозначена в письмах М. Н. Толстой к брату. Катенька нравилась ему, и он даже подумывал о том, чтобы на ней жениться, чему очень сочувствовала М. Н. Толстая. Дневник Толстого 28 октября 1860 г.: «С княгиней и Катенькой весело» (48: 30). Но уже в апреле следующего года запись: «В Дрездене письма. Е. Голицыной – повторение Валерии» (48: 34). Письма Голицыной к Толстому не сохранились, но содержание названного можно понять из контекста – в письме из Гиера Е. А. Голицына сожалела о расстроившемся плане женитьбы Толстого на её племяннице, что навело Толстого на сравнение своих отношений с Катенькой с его увлечением Валерией Арсеньевой, которое тоже едва не закончилось женитьбой. По свидетельству С. А. Толстой, кн. Голицына послужила Толстому прототипом г-жи Шталь в «Анне Карениной» (*ЛН*. Т. 37–38. С. 576). Последний раз Толстой вспомнил кн. Голицыну по грустному поводу: в 1907 г. в Ясной Поляне говорили о Чехове, «про похороны его тела в Москве. Л. Н.: “Ох, ох! Охаю на суеверие важности, которую приписывают телам. Когда брат Николай умер в Нуёрес, Голицына хлопотала, чтобы отпеть, писала православному священнику в Тулон. Когда прошёл день, другой, тело портилось, запах, я пошёл к ней и сказал: “Если не приедет завтра, я положу тело на телегу и закопаю где-нибудь”. Дело в том, чтобы с приличием убрать. Для этого и гроб, чтобы не тащить за ноги...”» (*ЯПЗ*. 2. С. 488).

Л. С. Дробат

ГОЛОВИН Яков Иванович (1852–?) – знакомый Толстого; небогатый помещик, владелец соседнего с Ясной Поляной имения Бабурина. Заядлый охотник, впоследствии заведовал охотой в Першине Алексинского уезда, в имении великого князя Н. Н. Романова. Был женат на Ольге Сергеевне Фёдоровой, учительнице музыки, окончившей консерваторию. В дневнике Толстого есть упоминания об охоте с Головиным. «Нынче с утра приехал Головин с собаками и я поехал с ним в Лимоновскую <лесной участок, купленный Толстым у тульского чиновника Лимонова. – Л. Д.>» (83: 420). Упомянуто имя Головина, приятеля одного из старших сыновей Толстых Ильи Львовича, и в яснополянском «почтовом ящике», который вывешивался на лестничной площадке дома, и всякий обитатель Ясной Поляны мог опускать туда свои «произведения». Головин – свои воспоминания о Турецкой войне под заглавием «Отсталая и несове-

менная корреспонденция, но тем не менее интересная». Была ли эта «корреспонденция» с интересом прочитана, неизвестно, а вот сохранившееся высказывание Толстого о Головине, написанное для «почтового ящика», звучит весьма интересно: «Какая бы была разница, если бы Илья <и Головин> не бегал за лисицами и волками, а лисицы и волки бегали бы сами по себе, а Илья <и Головин> бегал бы по дорожке от флигеля до дома? Никакой, кроме удобства и спокойствия лошадей» (25: 521).

Л. С. Дробат

ГОЛОХВАСТОВА Ольга Андреевна (рожд. Андреевская; нач. 1840-х – 1894? 1897?) – знакомая Толстого; жена П. Д. Голохвастова; внучка историка Н. М. Карамзина. Драматург, прозаик, автор драматических повестей, печатавшихся в «Беседе» и «Гражданине». Ф. И. Тютчев посвятил ей своё стихотворение «Играй, покуда над тобою...».

Муж и жена Голохвастовы бывали в Ясной Поляне. О. А. Голохвастова даже играла в яснополянских домашних спектаклях. Толстой интересовался творчеством писательницы. «Урусов мне говорит, что у неё был почти написан роман. Напечатан ли? И где?» (62: 80) – спрашивал он в письме к П. Д. Голохвастову. «Как грустно, что Ольга Андреевна не пишет и не то что не кончает, а не двигает вперёд своё прекрасное начало романа. Её извинить может только нездоровье, но я надеюсь, что теперь это прошло» (15–20 мая 1875 г. – 62: 187) – это уже другое письмо. И 16 мая 1876 г. опять к нему же: «...очень радуюсь окончанию вашей работы. К сожалению, не могу того же сказать о работе Ольги Андреевны; я чувствую, что имею неосновательное предубеждение против драм – исторических и в стихах – и в этом деле не судья. Я жалею вдвойне: о том, что не могу ценить драмы, и ещё больше о том, что, судя по этому, прекрасное начало романа – оставлено» (62: 275). В то время О. А. Голохвастова работала над исторической драмой «Две невесты». В декабре 1876 г. в Ясной Поляне она читала её вслух. «28 декабря приехали супруги Голохвастовы, и Ольга Андреевна прочла нам вслух свою историческую драму под заглавием “Две невесты”, – писала С. А. Толстая. – Драму эту не помню, но помню, что Страхову и Льву Николаевичу она очень не понравилась – всё как-то было в ней фальшиво. Голохвастовы были умные, талантливые и милые люди, особенно он, такой рыцарь порядочности. Но как-то чужды они нам были. Её парижские наря-

ды, кокетство и вся внешность были в нашей семейной простоте не ко двору. Навезли они детям великолепные подарки, книги разные; но, когда они уехали, стало как-то легче» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 247–248).

Словно предвидя впечатление от Голохвастовой, 17–18 ноября 1876 г. Толстой писал Н. Н. Страхову, приглашая его на Рождество, и предупреждал, что его ждёт: «Он мил, но она несносна, и она литература и немножко “Гражданин”, только без христианства» (62: 293).

Н. И. Бурнашёва

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Александр Соломонович (1855–1915) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого; юрист, киевский адвокат, дядя известного пианиста А. Б. Гольденвейзера. Окончил в 1876 г. юридический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата прав и начал адвокатскую карьеру в Москве. Вскоре переехал в Киев, где всю свою жизнь посвятил «защите тех, кого несправедливо притесняет жестокая реальность жизни». Свою деятельность он рассматривал «как борьбу для защиты святыни – человеческой личности». А. С. Гольденвейзер был убеждён, что суд является лишь орудием, хотя и плохим, но единственным в условиях российской действительности, чтобы сломить изнутри «греховской» обычай – суд человека над человеком. Свободу человеческой личности он рассматривал не только элементом своих политических убеждений, но и элементом веры. Не случайно на стене его кабинета висели две старинные хартии: оригинальный печатный экземпляр французской «Декларации прав человека и гражданина» и фотографическое изображение копии рукописи первой американской конституции (Винавер М. Александр Соломонович Гольденвейзер // *Право*. 1915, № 23. С. 1644).

Кроме адвокатской практики присяжный поверенный А. С. Гольденвейзер много времени уделял преподавательской и научной деятельности, главным образом, в области гражданского права. Среди трудов по уголовному праву наиболее известной была работа «Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы толстовского “Воскресения”». Этюды, лекции и речи на уголовные темы» (Киев, 1908). Книга состояла из девяти самостоятельных частей, первая из которых была посвящена юридическому анализу романа Толстого «Воскресение». Впервые она в качестве отдельной статьи под названием «Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы тол-

стовского “Воскресения”)» была опубликована в журнале «Вестник права» (1901, июль). Автор прислал своё сочинение Толстому, которому статья очень понравилась, и писатель ответил автору коротким благодарственным письмом (75: 198; более позднее издание книги А. С. Гольденвейзера – 1908 г. – сохранилось в ЯПБ; ЯПЗ. 4. С. 437). Так двумя этими посланиями ограничилась переписка Толстого с А. С. Гольденвейзером. Через несколько лет к писателю обратился сын адвоката Эммануил Александрович (1883–1953), эмигрировавший в 1900 г. в США. Доктор экономики, президент Американской ассоциации экономистов, он преподавал в Колумбийском и Корнельском университетах. В 1908 г. он перевёл на английский язык статью своего отца о «Воскресении» Толстого и направил письмо автору романа с просьбой написать «пару слов» об этюде его отца, чтобы поместить их как предисловие к новому изданию этого перевода. Перечитав «прекрасную» статью А. С. Гольденвейзера (Гусев. *Летопись*. 2. С. 669), Толстой исполнил просьбу его сына, ответив письмом от 14 февраля (79: 75), где отметил: «...этюд вашего отца с большой силой и яркостью освещает дорогие мне мысли о неразумности и безнравственности того странного учреждения, которое называется судом» (79: 74).

А. С. Гольденвейзер встретился с Толстым 3 августа 1909 г. в Ясной Поляне. Накануне он приехал к своему племяннику А. Б. Гольденвейзеру, который в это время находился в Телятинках, в имении В. Г. Черткова. А. Б. Гольденвейзер говорил писателю об ожидаемом приезде дяди, и Толстой выразил желание с ним познакомиться. В своих воспоминаниях известный пианист, говоря о встрече и беседе А. С. Гольденвейзера с Толстым, писал: «Вечером мой брат, дядя и я отправились в Ясную. Когда мы поднялись наверх, Лев Николаевич только что кончил читать что-то вслух. После представления и незначительных приветственных фраз сели за круглый стол. Лев Николаевич спросил: “Скажите, это с вами или с вашим сыном в Америке я переписывался?” – “С моим сыном” <...> Мой дядя сказал: “Мой сын поступил довольно смело, по-американски, решившись обратиться прямо к вам за рекомендательным письмом к его переводу моего этюда о “Воскресении”. – “Нет, отчего же, я охотно исполнил это его желание. Статья ваша очень хороша, и хотя мне, так в ней восхваляемому, и не совсем подобает рекомендовать её, но я сделал это, так как в ней верно и очень удачно обрисованы бессмысленность и зло уголовного суда”».

Выразив радость по поводу положительного отзыва писателя о его статье, А. С. Гольденвейзер «заметил, что он слышал от некоторых судебных деятелей, что они до прочтения этого этюда неверно судили об отношении Льва Николаевича к суду и судьям, считая его описание суда даже карикатурным». В ответ Толстой сказал, что одна его знакомая «не в состоянии есть тех кур, которых она знала в лицо. Так вот и судьи: если бы они в лицо знали тех кур, над которыми они произносят свои приговоры, они скорее получили бы отвращение к своему ремеслу» (Гольденвейзер. С. 237–238).

О пребывании А. С. Гольденвейзера в Ясной Поляне 3 августа 1909 г. упоминал и Д. П. Маковицкий: «Вечером были братья Гольденвейзеры с дядей – киевским адвокатом, А. С. Гольденвейзером, автором статьи о “Воскресении” – кажется, разбор суда с юридической точки зрения, – которая Л. Н. понравилась. Умный и приятный» (ЯПЗ. 4. С. 28).

Через год после смерти Толстого киевские адвокаты, в подарок к 35-летию юбилею адвокатской деятельности А. С. Гольденвейзера, поднесли ему переиздание его этюда «Преступление как наказание, а наказание как преступление. Мотивы толстовского “Воскресения”» (Киев, 1911). Позднее это издание было переведено на все европейские языки.

Лит.: Берзин П. С. Присяжний повірений Київського окружного суду Олександр Соломонович Гольденвейзер // Київська школа кримінального права (1834–1960): історико-правове дослідження. Монографія. 2-е вид. перероб. і доповн. Київ, 2013. С. 1078–1087.

В. Н. Чисников

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Анна Алексеевна (рожд. Софиано; 1881–1929) – жена пианиста А. Б. Гольденвейзера. «Гольденвейзеры», как их называли у Толстых, довольно часто бывали в Ясной Поляне, особенно летом 1905 г., когда жили в Телятинках, в 3 верстах от усадьбы Толстого. Иногда муж с женой в зале яснополянского дома вместе играли в четыре руки. Анна Алексеевна помогала переписывать сочинения Толстого или перепечатывать их на машинке.

Хорошо владея немецким языком, она по совету Толстого в 1909 г. переводила книгу «Die Greuel der “christlichen” Civilisation» <«Мерзость “христианской” цивилизации». – нем.>. Толстой прямо в книге зачеркнул то, что он считал ненужным. «Книга прекрасная. Предисловие постараюсь написать», – обещал он А. Б. Гольденвейзеру (4 ноября

1909 – 80: 171). Толстой написал переводчице книги А. А. Гольденвейзер письмо, которое должно было служить предисловием к её переводу.

Она же перевела с немецкого книгу Bruno Freidank'a «Die Schrecken der Civilisation» («Ужасы цивилизации»). Толстой направил письмо редактору «Вегетарианского обозрения» И. И. Перперу с предложением напечатать этот перевод (март 1910). Эта книга, написанная от лица Чонг-Ка-Па-Ламы, была напечатана в журнале под заглавием «Письма буддиста к христианину» (1910, №№ 5–10).

Иногда случайно Толстой делился с гостями своими литературными планами. В 1908 г. пришёл в Ясную Поляну слепой крестьянин с мальчиком. Толстой хотел куда-нибудь устроить этого мальчика, о чём попросил Анну Гольденвейзер. А. Б. Гольденвейзер записал 4 июля 1908 г.: «Толстой сказал: „Анна Алексеевна, возьмите мальчика“. – Недоумение... – Правда, я всех буду спрашивать. У меня был слепой крестьянин, такой хороший, и с ним мальчик – сын восьми лет. Его бы куда пристроить. Такой хороший мальчик! Я слепого спрашивал. Он живёт ничего. Трое детей. Что же жена? – Хорошая женщина. – Так мне это понравилось, как он сказал. А мальчик хороший. Я всё думал, что если бы помоложе, для писателя это такой сюжет! Как такой мальчик попадает в город, в чужие люди, и что из него потом в жизни выйдет» (56: 511). Замысел осуществлён не был.

13 ноября 1907 г. в Ясной Поляне говорили о концертах Гольденвейзера, о его жене. «Л. Н. об Анне Алексеевне, что ему она нравится, что она самобытна, самостоятельна и что у неё есть поступки, которые ничем не вызваны, кроме нравственности», – записал Д. П. Маковицкий (ЯПЗ. 2. С. 560). В письмах к А. Б. Гольденвейзеру Толстой всегда посылал «дружеский привет милой Анне Алексеевне».

Н. И. Бурнашёва

ГОНЧАРЁНКО Евтихий Егорович (1883–1923) – корреспондент и адресат Толстого; бухгалтер, сектант-баптист. 7 ноября 1904 г. отказался от присяги на призыве в Константинограде, Полтавской губ. Был назначен в минную роту сапёрного батальона в Омск, где 30 ноября 1904 г. отказался от строевой службы и был переведён на работу в канцелярии. 16 января 1905 г. Гончаренко было объявлено, что он приговорён к ссылке в Якутскую область на 18 лет, но приговор не был приведён в исполнение, так как указом о веротерпимости 17 апреля 1905 г. ссылка в Сибирь

по религиозным делам была отменена. 7 июня 1905 г. Толстой писал генерал-губернатору Восточной Сибири Сухотину и омскому губернатору Сахарову, прося их облегчить положение Гончаренко. 27 августа 1905 г. Гончаренко был осуждён военно-окружным судом Сибирского военного округа и приговорён к двум годам службы в дисциплинарном батальоне с переводом в разряд штрафных, т. е. с применением, по решению батальонного начальства, телесного наказания. Толстой писал о нём 7 сентября 1905 г. А. В. Олсуфьеву, В. В. Стасову и А. Ф. Кони, прося их сделать, что можно, через правительственных лиц для облегчения его положения. Благодаря хлопотам Кони дело Гончаренко было затребовано военным министром в Петербург для пересмотра. Гончаренко после прибытия в дисциплинарный батальон был посажен на гауптвахту, а 18 декабря 1905 г. переведён в омскую гражданскую тюрьму. Новый суд его приговорил к трём годам заключения в дисциплинарном батальоне и отправил в Иркутск.

Из тюрьмы Гончаренко писал Толстому. Во всех его письмах проявлялось раздражение как против правительства, так и против Толстого и его единомышленников. Д. П. Маковицкий записал 16 апреля 1906 г.: «Письмо от Гончаренко из Сибири. Отказался от военной службы, но не переносит кротко тюрьму и лишения. Отчаивается, и письма к Л. Н. дышат отчаянием. <...> Л. Н. сильно страдает за него, жалеет его и огорчается, что внутренне не готовый пошёл на внешний подвиг» (ЯПЗ. 2. С. 112). Толстой писал Гончаренко 17 апреля 1906 г.: «Я не отвечал вам на ваши прежние письма, потому что они производили на меня очень грустное впечатление тем раздражением и нехристианским отношением к людям, которое проявлялось в них. Так как поступок ваш – отказ от военной службы – был совершён на основании вашего христианского мировоззрения, то я надеялся, что ваше столь противное христианству раздражение и осуждение людей <...> под конец уляжется и будет побеждено христианским чувством смирения, прощения и тем сознанием исполнения воли Бога, которое побеждает все внешние невзгоды. <...> Я уверен, что, будь я в вашем положении, я бы ещё больше был раздражён, но, будучи свободен от соблазна, я, любя вас, и стараюсь помочь вам так же, как надеюсь, что мне помогут, да и помогали, когда я подпадал соблазну» (76: 148–149).

В письмах Толстой выражал Гончаренко сочувствие и поддержку: «Могу только радоваться на то, что вы сделали и делаете,

и желать вам и твёрдости, которая нужна для того, чтобы не нарушить воли Бога, и той мягкости и доброты, которая нужна для того, чтобы не нарушить добрых, любовных отношений с людьми, которые считают себя вашими начальниками. До сих пор я вижу, что вы так и поступали, и очень радуюсь этому» (75: 205). Толстой предостерегал Гончаренко от соблазна самообольщения: «...радуюсь тому доброму делу, которое вы делаете, и боюсь того, чтобы вы не увлеклись славой людской, не делали бы это доброе дело ради похвалы и одобрения людского» (75: 222). В ответ на письмо Гончаренко от 22 сентября 1907 г. с резкими нападками на Толстого и др. лиц, за якобы невнимательное отношение к нему и, главное, к его материальной нужде, особенно обострившейся из-за болезни приехавшей к нему жены, Толстой писал: «В письме этом, исполненном раздражения, недоброго чувства против всех, вы самым решительным образом (я уверен, бессознательно) отрекаетесь от того христианского мировоззрения и верования, которое привело вас в ваше положение и сблизило вас с нами, людьми, пытающимися по мере своих сил исполнить требования признаваемого вами христианского закона» (77: 219). Не получив ещё ответного письма, Гончаренко опять обратился к Толстому 15 октября 1907 г. с упреками за нежелание ответить. На конверте помета Толстого: «Без ответа, ругательное» (77: 220). Имя Гончаренко Толстой упоминал в «Заметке к воззванию И. М. Трегубова» и трактате «Закон насилия и закон любви».

В 1909 г. Гончаренко был признан больным, уволен в запас армии и вернулся на родину. В годы Первой мировой войны был призван на службу старшим писарем в военной канцелярии. После Октябрьской революции служил в советских учреждениях. В 1923 г. был раздавлен паровозом.

А. Н. Тушев

ГОРБОВ Николай Михайлович (1859–1921) – знакомый Толстого, педагог, публицист, автор учебников по истории и народному образованию; переводчик; библиофил; помещик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Горбов с женой Софьей Николаевной проводил много времени в своём имении в селе Петровском Новосильского уезда Тульской губ. Здесь и в др. сёлах он открыл школы для сельской молодёжи. В 1908 г. при его участии в Петровском открылось высшее начальное училище. Ученикам разрешалось пользоваться усадьбой библиотекой в 10 000 тт. Горбовы



были в дружеских отношениях с семьёй Толстых. Недалеко от Петровского находилось имение Т. Л. Сухотиной-Толстой Кочеты, и соседи часто обменивались визитами. Бывали Горбовы и в Ясной Поляне. В дневнике Толстого имеются записи о Горбове: «Горбов – цивилизованный купец» (14 мая 1910 г. – 58: 51); «Жалел, что не заехал в школу Горбова. Он вышел с ребятами» (22 сентября 1910 г. – 58: 106). Д. П. Маковицкий записал в тот же день: «Перед деревней встретили Л. Н-ча Горбовы, учителя и школьники (их всех 270)» (ЯПЗ. 4. С. 356). Толстой и Горбов не совпадали во взглядах на начальное образование. Об этом говорят записи Маковицкого: «Горбов занимается обучением деревенских детей и вообще школьным делом. Л. Н. (ему): “Ваше занятие доброе, полезное. Принцип обучения арифметике, алгебре, геометрии и чужим языкам, истории, географии: чтобы одному из 80 с особыми дарованиями помогать, развивать его дарование, прочие же при нём учатся. Высшие школы для крестьянских детей – хорошее дело, но не с тем намерением, чтобы они поступали в гимназии и шли по учёной дороге. Разлучать ребёнка с родителями нежелательно”. Горбов не соглашался с Л. Н., что больше нужно обращать внимания – и это главное – на наилучших учеников. Л. Н. сказал, что при этом другие не <должны быть> в пренебрежении: “Берёза рассеивает миллионы семян, а вырастают только некоторые; и вы будете сеять во всех”» (ЯПЗ. 1. С. 306). Расхождения Толстого с Горбовым в вопросах образования носили более глубокий характер. «Абрикосов говорил, что Горбов даёт читать своим учителям только книги, не противоречащие православному закону Божию. У одного учителя он отобрал “Круг чтения”». На это Толстой заметил: «Этакое требование закона Божия – несомненный признак низкого нравственного и умственного состояния» (ЯПЗ. 3. С. 15).

Вместе с женой Горбов написал несколько учебников по истории и педагогике. Осенью 1917 г. крестьяне разгромили имение Петровское. Библиотека, к счастью, почти не пострадала и в 1918 г. была вывезена в Тулу. В 1919–1920 гг. Горбовы выехали в Германию, где Горбов скончался в феврале 1921 г. во Франкфурте-на-Майне.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА Елена Евгеньевна (рожд. Короткова; 1878–1955) – знакомая Толстого, его посетитель, корреспондент и адресат; жена И. И. Горбунова-Посадова. Детская писательница, педагог; ведущий сотрудник издательства «Посредник», журнала «Свободное воспитание» и соредактор детского журнала «Маяк» (1909–1919); одна из инициаторов создания и педагог новой свободной трудовой школы К. Н. Вентцеля – «Дома свободного ребенка» (1906–1913). Составитель и автор книг и пособий для детей. Автор воспоминаний «Встречи со Львом Николаевичем Толстым» (1911–1912) и «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт» (1929). Родилась в Екатеринбурге, в семье политических ссыльных (отец – Евгений Никитич Коротков, мать – Мария Игнатьевна Чигирь). В 13 лет осталась без матери, которой отводила особую роль в своём духовном становлении.

Закончив с отличием женскую гимназию в Екатеринбурге, получила звание учительницы французского языка. В 1895 г. поступила на Высшие женские курсы в Петербурге (Бестужевские), но закончить их не смогла из-за ареста и ссылки. Сблизились с Н. К. Крупской и втянулась в революционную деятельность. В июне 1897 г. была судима по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и два года находилась в ссылке в Калуге. В 1897 г. вышла замуж за И. И. Горбунова-Посадова, навсегда став его ближайшей соратницей и незаменимой помощницей; через него познакомилась с Толстым. «Жила, разрываясь душою между воспитанием своих детей, издательством, удовлетворением запросов жизни <...> стучавшихся в нашу дверь людей, общественной, педагогической работой и т. д.», – писал о ней позднее Горбунов-Посадов, подводя итоги деятельности издательства «Посредник». В письмах к Горбунову-Посадову Толстой всегда упоминал его жену: «Дружеский привет вашей милой жене и помощнику» (26 сентября 1905 г.; 76: 35). Работа Горбуновой-Посадовой в «Посреднике», которой она отдала большую часть жизни, заключалась в составлении и редактировании книг, технической подготовке изданий, ведении переписки и проч. Кроме этого она была автором народных книжек для детей («Наши зелёные друзья-деревья», «Наши зверьки»), статей для этнографической хрестоматии «Золотые колосья» и автором-составителем двухтомной географической хрестоматии «Кругом света».

В области народно-педагогической и учебной литературы, так же как и в пе-

дагогической деятельности, Горбунова-Посадова отстаивала принципы свободного воспитания. Учебные книги, написанные и составленные ею, были реформаторскими: живые наблюдения, опыты, эвристический принцип изложения учебного материала – вот методическое кредо, отражённое и в первых её книгах: «Наша земля» (о преподавании географии в связке с природоведением), «Живые числа» (занимательная математика для начальной школы), – и позднее в книгах о лепке, подвижных играх, огородничестве, наблюдениях природы... Под её редакцией вышел целый ряд таких руководств для учителей и для самообразования детей – пособий, дающих ребёнку возможность учиться в самой жизни и в игре.

Одна из огромных работ и заслуг в жизни Горбуновой-Посадовой – издание детского журнала «Маяк» и педагогического журнала «Свободное воспитание», в котором она продолжала отстаивать идеи чуткого и внимательного отношения к детской душе, помогающего развить в ребёнке лучшие стороны его личности и позволяющего вернуться скрытым задаткам и талантам.

Живостью наблюдения и слога дышат написанные с огромным уважением и любовью воспоминания Горбуновой-Посадовой о Толстом и о М. А. Шмидт. Одно из воспоминаний о писателе сохранило эпизод 1898 г., когда 19 июля, встретившись с Горбуновым-Посадовым в Овсянникове, Толстой сообщил ему «о своём решении уйти» из семьи и, писала мемуаристка, «просил приютить его временно у нас в Калуге, пока не выяснится, где бы он мог устроиться более прочно. Мы поджидали старика, обсуждали, как создать ему покой, уют, уединение, как укрыть его от любопытных глаз. И в то же время с тревогой думалось о драме, переживаемой в Ясной Поляне. Жизнь наша была крайне проста, вся с утра до позднего вечера поглощена работой. Было у нас тихо и мирно, и в семье и со всеми окружающими, и невольно закрадывалась мысль: “А может быть, Льву Николаевичу будет у нас неплохо, может быть, он поживёт с нами подольше. Каким бы это было счастьем”» (Горбунова Е. Е. Встречи со Львом Николаевичем Толстым // Л. Н. Толстой и его близкие. С. 153–154).

«Как жаль, что я не художник и не могу зарисовать по памяти этих двух, может быть, самых лучших людей, с которыми меня столкнула жизнь», – сетовала она, описывая свою встречу с Толстым и М. А. Шмидт в свой первый приезд в Овсянниково, куда начиная с 1901 г., «на дачу», каждое лето Горбуновы приезжали всей семьёй. Толстой не раз посещал своих друзей на даче: «Очень

приятны все Горбуновы», — запись в дневнике 10–11 мая 1909 г. (57: 62). 3 декабря того же года в один из визитов Горбуновых в Ясную Поляну: «Иван Иванович, Елена Евгеньевна, Буланже. Так хорошо, просто, близко, дружно» (57: 181).

В своих воспоминаниях Горбуновой-Посадовой удалось зарисовать атмосферу различных ситуаций: и толстовские «четверги» в Москве; и рабочие будни Толстого в Хамовниках; репрессивно-устрашающую политику гос-ва по отношению к писателю и осложнение отношений с яснополянскими крестьянами после 1905 г.; ночной пожар в доме М. А. Шмидт в Овсянникове и яснополянский дом после смерти Толстого, опустевший и осиротевший...

Лит.: Горбунова Е. Е. Встречи со Львом Николаевичем Толстым / Л. Н. Толстой и его близкие. Сост. Т. Н. Волкова, М., 1986; Горбунова-Посадова Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929.

Н. О. Бабаева

ГОРОХОВ Павел Митрофанович (1817–1877) — сосед Толстого; помещик Каширского и Крапивенского уездов. Осенью 1854 г. ему был продан на своз в имение Долгое, в 18 верстах от Ясной Поляны, большой трёхэтажный яснополянский дом (по словам Толстого, в нём было 42 комнаты), где родился Толстой. По поручению писателя, который был в это время в Дунайской армии и испытывал нужду в деньгах, муж его сестры В. П. Толстой продал дом Горохову за 5000 тысяч рублей ассигнациями (1500 серебром), хотя первоначально Толстой предполагал получить за дом 2000 серебром. Вырученные от продажи дома деньги Толстой намеревался употребить на издание военного журнала, но журнал разрешён не был, а деньги были проиграны в карты. Имение переходило из рук в руки и приходило в упадок. Постепенно разрушался и дом. 4 декабря 1897 г. Толстой ездил в Долгое, желая взглянуть на дом, в котором родился, где прошли его детство и первая молодость. 6 декабря в дневнике записал: «Очень умиленное впечатление от развалившегося дома. Рой воспоминаний» (53: 169). В 1913 г. полуразвалившийся дом был разобран крестьянами Долгого на дрова и кирпич.

П. М. Горохова Д. В. Григорович изобразил в повести «Просёлочные дороги» под именем Бобохова. Горохов был знаком с Н. Н. и С. Н. Толстыми (60: 339). Его письмо к Толстому («очень любезное») не сохранилось.

Л. С. Дробат

ГОРЧАКОВ Сергей Дмитриевич (1794–1873), князь — троюродный дядя Толстого, троюродный брат его отца. Участник войны 1812–1814 гг., полковник, сын известного в своё время писателя кн. Дмитрия Петровича Горчакова (1753–1824). Вышел в отставку в 1829 г. и поступил на гражданскую службу. Был управляющим Московской палатой гос. имуществ, в 1862 г. назначен вице-президентом Московской дворцовой палаты. По просьбе Толстого С. Д. Горчаков ходатайствовал о его переводе с Кавказа в действующую Дунайскую армию. 17 октября 1853 г. он писал Толстому в г. Кизляра: «Сегодня получил ваше письмо из Кизляра и при нём докладную записку о переводе вашем в действующую армию. Письмо от меня к брату Михайле <командующему Дунайской армией М. Д. Горчакову. — Л. Д.> уже написано и пойдёт 19 числа с вашей запиской — что будет, не знаю, но написано родственно. Дай Бог, чтобы удалось. Не понимаю одного, отчего ты не юнкер, а фейерверкер и то 4 только класса; как только от брата что-нибудь об вас получу, так не премину уведомить, а до того желаю здоровья, терпения и счастья. Кн. С. Горчаков. Все мои кланяются и желают вас видеть» (59: 252).

Семья Горчакова, женатого на А. А. Шереметевой (1800–1882), состояла из шести дочерей: Елены, Наталии, Ольги, Софии, Юлии, Марии — и трёх сыновей: Дмитрия, Александра и Василия. Их имена упоминаются в письмах и дневниках писателя. Семью С. Д. Горчакова Толстой изобразил в лице князей Корнаковых в трилогии. До отъезда на Кавказ Толстой бывал в их доме в Москве на Сивцевом Вражке, а по возвращении из Севастополя в Запасном дворце у Красных ворот, где они жили с 1853 г. 21 мая 1856 г. записал в дневнике: «Вечером у Горчаковых с Сергеем Дмитриевичем спорил <...>; С. Д. уверял, что самый развратный класс крестьяне. Разумеется, я из западника сделался жестоким славянофилом» (47: 74). Позднее, в июле, вспоминая об этом разговоре, Толстой в записной книжке заметил: «Мужик для своего помещика и начальника и в свободных отношениях — два различных человека. И винить нельзя князя Сергея Дмитриевича» (47: 194).

В 1860-е гг., бывая в Москве, Толстой по-свойски заезжал к Горчаковым. 14 ноября 1866 г. он писал в Ясную Поляну С. А. Толстой: «Вечером поехал к Горчаковым. Застал всех, т. е. старика, старуху, Элен и трёх её сестёр. Посидел, ни скучно, ни весело, часа два и вернулся» (83: 123).

Горчаковы не раз посещали Ясную Поляну. В «Воспоминаниях» Толстой писал, что

его бабушка (рожд. кн. Горчакова) «пользовалась большим уважением всех Горчаковых», в т. ч. и сыновей вольнодумца Дмитрия Петровича – Петра, Сергея и Михаила Севастопольского» (34: 359). Со своими четвероюродными братьями, сыновьями С. Д. Горчакова Дмитрием и Александром, Толстой служил в Дунайской армии, которой командовал родной брат С. Д. Горчакова, кн. Михаил Дмитриевич Горчаков.

Л. С. Дробат

ГОРЧАКОВА Елена Сергеевна (1824–1897) – четвероюродная сестра Толстого, старшая дочь кн. С. Д. Горчакова. Фрейлина; на протяжении 32 лет была главной надзирательницей 3-й Московской женской гимназии. «Вчера я был у Горчаковых и узнал новость, которая, верно, удивит и вас, – писал Толстой Т. А. Ёргольской из Москвы 4 февраля 1866 г. – Елена держит экзамен в университете и исполняет должность начальницы женской гимназии за Москвой-рекой и там живёт одна» (Е. С. Горчакова жила в помещении гимназии; 59: 130). Возможно, Е. С. Горчакова помогала в работе с корректурами «Войны и мира»; в одном из писем П. И. Бартеневу 10 августа 1867 г. Толстой писал: «Я корректуры возвращаю теперь очень скоро и потому желаю и прошу, чтобы мне присылали все корректуры 1-й части. <...> Отпечатанные листы – один экземпляр прошу отсылать по городской почте княжне Элене Сергеевне Горчаковой, на Пятницкой в 3-й гимназии (женской)» (61: 175).

Е. Горчакова писала стихи, она автор нескольких стихотворений, напечатанных отдельным изданием в 1879 г. В том же году, обдумывая новый замысел, связанный с историей России (роман «Труждающиеся и обременённые»), Толстой обращался к ней с вопросами об их общих предках, спрашивал, не знает ли она каких-нибудь подробностей об их общем прадеде Петре Ивановиче Горчакове и его брате Николае Ивановиче, и Е. Горчакова сообщила ему некоторые известные ей сведения, в частности, от неё Толстой узнал о В. Н. Горчакове, который был сослан «за фортепьяно, полное фальшивых ассигнаций, вывезенное им из-за границы» (62: 476).

Елену Горчакову Толстой находил «славной девушкой» (47: 158). Она была приятельницей его сестры М. Н. Толстой; общению способствовало то, что имение князей Горчаковых Верхоупье находилось в 50 верстах на юго-восток от Пирогова, принадлежавшего М. Н. и С. Н. Толстым. Толстой бывал в Верхоупье, охотился в тех местах, и Горчаковы посещали Ясную Поляну.

Л. С. Дробат

ГРАВ Жан (Grave; 1854–1939) – французский писатель, издатель еженедельной газеты «Les Temps nouveaux» (1895–1914); социалист, теоретик анархизма. Родился и вырос в провинции в бедной семье. Его отец крестьянствовал и был мельником. В 1860 г. после переезда семьи в Париж был отдан в строгую монастырскую школу для детей бедняков, позже учился ремеслу механика, затем – сапожника. В 1878 г. основал анархистскую группу, писал статьи для лионской газеты «Droit Social». В 1882 г. издал свою первую книгу «Общество на следующий день после революции». Тогда же был арестован, через год оправдан. Жил некоторое время в Женеве. Сотрудничал в газете «Révolte». Провёл полгода в тюрьме, где написал вторую книгу: «Умирующее общество и анархия». Пропагандировал идеи П. А. Кропоткина. Воинствующий противник милитаризма и войны, в начале Первой мировой войны он уехал в Лондон, где издавал газету «Les Temps nouveaux». Газета отличалась серьёзным тоном и аналитической глубиной.

В феврале 1898 г. в записной книжке Толстого появилась запись: «Стр. 231 Jean Grave говорит, что прежде и важнее всего восстановить достоинство, силу человека – тогда только возможна революция. Как же это сделать? Одно – ясное мирозерцание – христианское» (53: 325). Речь шла о книге Ж. Грера «L'Individu et la société» («Личность и общество». Paris, 1897). Книга сохранилась в ЯПБ; здесь дарственная надпись: «Г-ну Л. де Толстому поклонник его таланта и его любви к подвигам. Ж. Грав» и много толстовских помет. В дневнике 5 февраля 1898 г. Толстой записал более подробно: «Jean Grave, L'individu et la société» говорит, что революция только тогда будет плодотворна, когда l'individu <индивидуум. – А. П.> будет воздержан, бескорыстен, добр, готов к помощи ближнему, не будет тщеславен, не будет осуждать других, будет иметь сознание своего достоинства. Т. е. будет иметь все достоинства христианина» (53: 182). Приводимые в дневнике рассуждения Грера Толстой прочёл на стр. 231 его книги «L'individu et la société».

Из произведений Ж. Грера в библиотеке Толстого были не только политические работы, но также анархистская утопия для детей «Les Aventures de Nonno» (Paris, 1901) («Приключения Ноно») и роман «Malfaiteurs!» (Paris, 1903) («Преступники») с дарственной надписью: «Льву Толстому от всей души». В календарном блокноте 24 января и 23 февраля 1902 г. Толстой наметил написать автору: «Хочу написать письма J. Grave» (54: 295), что так и не было исполнено.

Современники отмечали, что «Толстой всё читал», «всё читает и решительно за всем следит» (Гиппиус З. Н. Благоухание седин // Гиппиус З. Живые лица. Л., 1991. С. 197, 198). В 1904 г. в круг читательских интересов Толстого попала книга анархиста Ж. Грва «Война – милитаризм» (Grave, Jean. Guerre – militarisme. Bibliothèque documentaire des temps nouveaux. Paris, 1902). Она стала источником эпиграфов к главам статьи «Одумайтесь!». В дневнике появилась запись: «Выписал эпиграфы и читал. Есть много чего записать...» (55: 19). Каждую главу статьи «Одумайтесь!» (1904) предваряли эпиграфы разных авторов, к первым шести главам они взяты из книги Ж. Грва «Война – милитаризм». В *ЯПб* этой книги нет: она принадлежала брату С. Н. Толстому, что известно из письма к нему: «...мне понадобилась для печатания выбранных из неё эпиграфов книга J. Grave "Le Militarisme". Пожалуйста, с этим посланным пришли мне её» (*ПТСБ*. С. 499). Эпиграфы переводил или сам Толстой, или его близкие, после чего онправлял их перевод (36: 613).

Кроме книг, в *ЯПб* имеются три номера газеты «Les Temps nouveaux» (1903. № 34. 18 décembre; 1908. № 36. 18 janvier; 1908. № 38. 18 janvier). В литературном приложении газеты (1908, № 36, 18 janvier) Грав напечатал статью Толстого «L'esclavage de l'argent» («Рабство нашего времени»).

Во время Первой мировой войны Грав эмигрировал в Англию. После войны вернулся во Францию.

А. Н. Полосина

ГРАДОВСКИЙ Григорий Константинович (1842–1915) – знакомый Толстого; писатель, публицист, общественный деятель. Из дворянской семьи. Закончил юридический факультет Киевского университета (1864). С 1865 г. – чиновник канцелярии генерал-губернаторства в Киеве, с 1869 г. – в Петербурге (Министерство гос. имуществ, Министерство юстиции), коллежский советник. Одновременно сотрудничал во многих газетах и журналах: «Киевский телеграф», «Киевлянин», «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», в 1872 г. по просьбе кн. В. П. Мещерского редактировал журнал-газету «Гражданин». С 1873 г. писал по большей части для либерально-буржуазных изданий «Голос», «Молва», «Порядок», «Биржевые ведомости» и др. Приобрёл известность как защитник свободы печати, сторонник либерализации жизни страны, но противник политического радикализма. С января 1875 г. свои воскресные фельетоны в газете «Го-

лос» подписывал псевдонимом Гамма. Вскоре псевдоним был раскрыт, Градовский ушёл в отставку и с апреля 1875 г. занимался только литературной работой. Как корреспондент «Голоса» побывал в Закавказье и в Болгарии, освещая события Русско-турецкой войны 1877–78 гг. В 1876–1879 гг. издавал газету «Русское обозрение», после неоднократных предостережений запрещённую цензурой. Резонансным стало выступление Градовского в защиту Веры Засулич 2 апреля 1878 г. в газете «Голос». Газета получила официальное предостережение, а Градовский был вынужден перейти в газету «Молва», где, как и в др. изданиях, продолжались его стычки с цензурой.

Градовский – энергичный инициатор создания Кассы взаимопомощи литераторов и учёных (1891) при Литературном фонде; долгое время был её председателем.

Толстого Градовский называл вслед за Тургеневым «великим писателем земли русской». В своей нашумевшей статье «Не трогайте Россию» (газета «Слово» 13–15 июля 1907 г.) он отмечал, что «Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой не избежали преследований и инквизиционных приёмов каких-нибудь Валуевых, Маковых, Дурново и Победоносцевых... страданием и костями русской литературы и печати устлан путь русского народа к освобождению, к общему благу и справедливости...» (Градовский Г. К. Итоги: 1862–1907. С. 260).

22–25 мая 1908 г. в Петербурге состоялся Всероссийский съезд деятелей периодической печати, посвящённый 80-летию Толстого. Градовский был председателем оргкомитета.

Личное знакомство Градовского с Толстым состоялось в 1909 г. 22 сентября 1909 г. Градовский послал С. А. Толстой письмо с оттиском своей статьи «Внутреннее обозрение», в которой бичевал власти, окружавшие «маститого писателя удушливой атмосферой инквизиционной нетерпимости и полицейского произвола». «Не надо много государственного ума, – писал он, – чтобы понять, что преследования великого писателя в такой же мере постыдны и вредоносны для авторитета и могущества России, как и какая-нибудь Цусима. Пожалуй, даже хуже. Тут растрачивается ум и подтачиваются нравственные устои» (ж-л «Мир», СПб., 1909. № 21–24. С. 59). В ответном письме 27 сентября 1909 г. С. А. Толстая благодарила Градовского за «прекрасную статью», у Толстых «все, включая Льва Николаевича, тотчас же прочли её вслух. Лев Николаевич был очень тронут...» Она пригласила Градовского в Ясную Поляну (Г. К. Градовский и Толстые. Из переписки

с Л. Н. и С. А. Толстыми // Публицист – гражданин. Лит. сб., посвящённый памяти Г. К. Градовского. Пг., 1916. С. 185). Градовский гостил в Ясной Поляне 4 и 5 октября 1909 г., о чём писал Д. П. Маковицкий: «Под вечер приехал публицист Градовский, 65 лет, либерал. Очень робел перед Л. Н. и умилялся, восторгался им и был очень тронут, благодарен за его доброту, внимание. <...> Л. Н. был Градовскому приятен, но Градовский не был ему интересен: насквозь либерал» (ЯПЗ. 4. С. 64–65).

О своих беседах с Л. Н. и С. А. Толстыми Градовский оставил небольшие воспоминания (см.: Градовский Г. Два дня в Ясной Поляне // *Интервью*. С. 404–414). Он привёз для ЯПБ свои работы. По его словам, Толстой взял в руки сборник «Итоги», просмотрел оглавление и обещал прочитать раздел «Воспоминания».

В 1910 г. Градовский принимал деятельное участие в подготовке Второго Всероссийского съезда писателей (Первым съездом считается съезд 1908 г. в честь 80-летия Толстого). 1 апреля 1910 г. он писал С. А. Толстой, выражая надежду получить от самого Толстого хотя бы «единое приветливое слово» предстоящему съезду (Г. К. Градовский и Толстые. С. 194). А уже 3 апреля В. Ф. Булгаков в своём дневнике отметил: «Письмо, с точки зрения Толстого, очень наивное. Лев Николаевич часто усмехался, слушая его. По прочтении выяснилось, что как будто Лев Николаевич не намеревается “приветствовать” съезд и т. д.» (Булгаков. С. 135). Толстой ответил Градовскому 6 апреля 1910 г. Пожелав съезду «наибольшего успеха», он обратил внимание своего корреспондента на одно смущавшее его обстоятельство. «Устройство съезда и даже пределы области его занятий, – писал он, – разрешаются, определяются <...> правительством. А между тем я полагаю, что в наше время всякому уважающему себя человеку <...> нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращённых людей, называемых у нас правительством <...>. Если найдёте нужным обнародовать это письмо, то я ничего не имею против, но только с тем непременным условием, чтобы не было исключено и моё объяснение тех причин, по которым я считал бы для себя невозможным участвовать в съезде писателей» (81: 211).

В ответном письме С. А. Толстой 12 апреля 1910 г. Градовский просил обратить внимание Толстого на «нецензурность второй части» его письма, которая может «послужить к торжеству злорадства и мстительности» врагов съезда (Г. К. Градовский и Толстые. С. 195). Эту «нецензурность»

он просил выпустить. Затем по поручению Толстого 15 апреля 1910 г. Градовскому написал В. Ф. Булгаков и просил уточнить, какие слова Толстого следовало бы смягчить. Сам же Толстой в приписке к письму Булгакова выразил готовность исполнить просьбу Градовского, т. е. исключить слова «сброд» и «заблудшие». Письмо Булгакова с припиской Толстого пришло к адресату с опозданием в день открытия съезда 22 апреля. Не возымел результата и состоявшийся в этот день обмен телеграммами между Градовским и Толстым. Градовский ещё раз просил разрешения смягчить тон письма, а Толстой односложно ответил: «Согласен» (81: 211). На открытии Второго Всероссийского съезда писателей (22–29 апреля 1910 г.) была оглашена лишь первая часть письма Толстого Градовскому с приветственными словами в адрес съезда. По воспоминаниям А. Б. Гольденвейзера, Толстой назвал такое отношение к нему «бесцеремонным и возмутительным» (Гольденвейзер. С. 290). По просьбе Толстого с протестом против частичного оглашения его письма в газеты обратился В. Г. Чертков (протест был напечатан 5 мая 1910 г. в петербургской «Речи» и в московской газете «Утро России»). Чертков представил в газеты «полный» текст письма Толстого, но «с заменой многоточием тех строк, которые в настоящее время неудобны для печати по независящим обстоятельствам». Впервые письмо Толстого Градовскому за 6 апреля 1910 г. без купюр опубликовано в журнале «Вестник литературы» (Пг., 1920. № 11/23. С. 13).

В свою очередь Градовский в письме С. А. Толстой 21 мая 1910 г. рассказал подробности прочтения письма Толстого на съезде. По его словам, М. А. Стахович, читавший приветствие участникам съезда, убедил Градовского в ненужности оглашения всего текста, т. к. это было бы на радость врагам съезда и вызвало бы столкновение с полицией. Приветствие Толстого, писал Градовский, произвело «чуждое, чарующее впечатление» (Г. К. Градовский и Толстые. С. 196). По мнению Градовского, только вмешательство Черткова «превратило письмо Л. Н. в скрытую выходку против правительства и дало повод пристегнуть великое имя к самым недобросовестным и лживым врагам из-за политических целей и интриг» (там же. С. 197). Но если, продолжал Градовский, «я и съезд причинили Л. Н. неприятность... считаю долгом просить Л. Н. великодушно простить меня по-христиански...» (там же). Между тем почти за месяц до приведённого письма Градовского С. А. Толстой (а именно

26 апреля 1910 г., т. е. в дни работы съезда) Булгаков писал: «Вечером говорили, что на съезде писателей в Петербурге огласили письмо Льва Николаевича в произвольно сокращённом виде. Л. Н. согласился с тем, что этого нельзя было делать, но потом добродушно махнул рукой, промолвив: “Ну, да пускай их на здоровье!”» (Булгаков. С. 181).

Толстому на съезде были посвящены два доклада: «О задачах толстовского общества» (М. А. Стахович) и «Будущий дом-музей Толстого и писатели» (В. Я. Муринов).

Соч.: Поездка в Ясную Поляну // Публицист – гражданин. Лит. сб., посвящённый памяти Григория Константиновича Градовского. Пг., 1916. С. 142–183; Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. СПб., 1904, т. ХСV, январь. С. 109–115.

Лит.: Кауфман А. Е. Писатель с темпераментом // Наша старина. Пг., 1916. № 4–5. С. 306–314.

В. А. Скиба

ГРАУБЕРГЕР Фёдор (Иоганн-Фридрих) Христофорович (Grauberger; 1857–1919) – единомышленник Толстого, его корреспондент и адресат. Происходил из немецких колонистов Саратовской губ. Одно время был народным учителем, позже – садоводом. Проживал в слободе Дубовка Саратовской губ. Неоднократно встречался с Толстым. Впервые – в 1895 г. За распространение идей Толстого подвергался преследованиям со стороны властей. Сочувственно относился к духовоборам. Вместе с Л. А. Сулержицким ездил на Кавказ собирать сведения о положении духовоборов. Впоследствии собранные ими материалы легли в основу статьи П. А. Буланже. В 1899 г. собирал деньги для работы типографии В. Г. Черткова. В 1902 г. Граубергер навещал Толстого в Гаспре. «Нынче приехал Граубергер. Говорит совершенно справедливо, что для христианина в наше время есть только одно приличное местопребывание – тюрьма», – записал Толстой 22 января (54: 118). В 1915–1916 гг. был привлечён к суду и приговорён к заключению за открытый протест против мировой войны. Будучи по натуре человеком увлечённым и принципиальным, Граубергер отстаивал свою точку зрения страстно и прямолинейно, что вызывало беспокойство Толстого: «Вас помню и люблю и боюсь за вашу горячность» (73: 202). Описывая посещение Граубергером Толстого в 1910 г., В. Ф. Булгаков отметил: «...горячий спорщик. На своей родине он устраивает диспуты с православными священниками, разные собрания и пр., – словом, является настоящим “толстовским миссионером”» (Булгаков. С. 49).

В переписке с Толстым Граубергер затрагивал вопросы нравственного и религиозного характера, взаимоотношений общества и правительства, положения духовоборов в России.

Лит.: Агеев М. Дубовские толстовцы // Жизнь для всех. 1913. № 5; Булгаков В. Опомнитесь, люди-братья. М., 1922.

Д. В. Литвинов

ГРИБОВСКИЙ Вячеслав Михайлович (1866–1924) – корреспондент и адресат Толстого, посетитель Ясной Поляны; юрист, профессор гос. права, прозаик и публицист. Ещё гимназистом за свободное толкование Евангелия был помещён в лечебницу для душевнобольных, состоял под полицейским надзором. В марте 1885 г. написал письмо Толстому, просил о встрече с ним. Писатель попросил встретиться с Грибовским П. И. Бирюкова. «Мне очень интересны взгляды Грибовского, – писал Толстой Бирюкову в начале апреля 1885 г. – Если вы ещё увидите его и он выскажет их вам, сообщите мне в общих чертах» (63: 227). Спустя месяц писатель сообщал В. Г. Черткову, что он написал Грибовскому, но письмо не послал. «Я не могу писать незнакомому лично, – говорилось в письме от 2 мая 1885 г. – А он возбуждает во мне такое чувство уважения и любви, что боюсь погрешить словами, не чувствуя его» (85: 174).

Летом 1885 г. Грибовский впервые посетил Ясную Поляну, беседовал с Толстым и «очень» ему «понравился» (85: 209). Толстой дал ему прочитать запрещенные тогда свои сочинения «Исповедь» и «В чём моя вера?». Вскоре Грибовский под псевдонимом «В. Вогезский» опубликовал в газете «Неделя» цикл очерков «Беседы с графом Л. Н. Толстым» (1885, 3 и 17 ноября – № 44 и № 46; 1 декабря – № 48). В «Беседах» молодой автор с помощью искусного монтажа вкладывал в уста писателя отрывки из его «Исповеди».

Следующая встреча Грибовского с Толстым произошла в 20-х числах мая 1886 г. «Грибовский очень молод, – писал Толстой В. Г. Черткову 27–28 мая. – Это главное, что надо помнить о нём...» (85: 356). Свои впечатления о второй встрече с писателем Грибовский изложил в серии очерков «У графа Л. Н. Толстого». Два очерка из этой серии вышли в «Неделе» под его настоящей фамилией (1886, 17 и 24 августа – № 33, 34), однако дальнейшая их публикация была прервана цензурой.

В последующие годы Грибовский состоял в переписке с писателем (23 письма к Толстому. ОР ГМТ). Так, в письме от 14 ноября 1890 г. он сообщал о своём намерении

издавать «для низших классов» журнал, просил совета, а также делился своими положительными впечатлениями от картины Н. Н. Ге «Что есть истина?». Толстой отвечал ему 21 ноября 1890 г.: «Мысли издания народного журнала нельзя не сочувствовать, но, во-1-х, я очень занят теперь другими делами, а времени до смерти уже мало, во-2-х, главное, издание хорошего по направлению народного журнала у нас будет не изданием, а танцеванием на канате, конец которого может быть только двух родов – оба печальные – компромиссы с совестью или запрещение» (65: 192).

Грибовский сотрудничал со многими (более 30-ти) периодическими изданиями, в т. ч. и с изданиями А. С. Суворина. Его «ренегатское» поведение во время студенческих волнений и выступление в печати против радикальных требований студенчества «укрепили за ним репутацию консерватора» (Кумпан К. А. Грибовский Вячеслав Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 21). В печати Грибовский выступал в качестве рецензента и автора статей по общественно-политическим, юридическим, педагогическим, литературным и историческим вопросам. В январе 1907 г. Толстой прочёл в журнале «Исторический вестник» (1906, декабрь) его статью «Аракчеев как не “герой”» и заметил, что «это очень хорошая статья...» (ЯПЗ. 2. С. 355).

Лит.: Корреспонденты Л. Н. Толстого. Т. 1 / Сост. Буслаев Ф. А. М., 1940. С. 51–52; Интервью. С. 35–54; 460–461.

В. Н. Чисников

ГРИФФИТ Дженкинс Гриффит (Griffith Jenkins; 1852–1919) – американский корреспондент и адресат Толстого; общественный деятель, секретарь и казначей Лиги тюремных реформ в Калифорнии. Известен тем, что превратил собственные 3015 акров земли в прекрасный парк и в 1898 г. передал городу Лос-Анджелесу. В парке построил открытый Греческий театр и публичную обсерваторию-планетарий, где можно было заниматься научными исследованиями. Видел в Толстом единомышленника. В 1910 г. прислал ему книгу «Crime and Criminal» («Преступление и преступники»), изданную Лигой, с посвящением Толстому: «Льву Н. Толстому, великому мировому истолкователю неизменного закона наследственности, по которому подобное возникает из подобного, любовь вызывает любовь и ненависть порождает ненависть, – Лига тюремной реформы с глубоким уважением посвящает эту книгу». Идея книги заключалась в том,

что «насилие и жестокость, – как Гриффит писал Толстому, – не способны породить ничего, кроме насилия и жестокости, и что попытки подавить преступность такими методами ведут лишь к бесконечному разрастанию зла» (Толстой и США. С. 942). Запись в дневнике В. Ф. Булгакова 27 апреля (Булгаков. С. 182) и страницы, отчёркнутые Толстым (книга находится в мемориальной ЯПБ), указывают на то, что книга была внимательно прочитана. Толстой писал В. Г. Короленко о необходимости её перевода на русский язык: «Сейчас читаю замечательную книгу, появившуюся в Лос-Анджелос под заглавием “Преступление и преступники” Griffith J. Griffith, “Crime and Criminals”, которая даёт богатый материал, доказывающий всё большее и большее увеличение числа преступлений в Америке; показывает по верным данным, что ежегодный, всё увеличивающийся, расход на подавление преступлений доходит – страшно сказать – до 6 миллиардов долларов, статистическими данными доказывает, что карательная деятельность правительства, в особенности смертные казни, паразитически действуют на общество, увеличивая число убийств. Книга очень смелая и интересная. Я думаю, что хорошо бы было напечатать её. Если найду переводчика, предложу вам» (81: 251). Об интересе к книге Гриффита свидетельствует и дневник Д. П. Маковицкого (26 апреля 1910): «Л. Н. рассказал: “Читал статью о преступлениях в Америке, число их в семь раз больше увеличивается, чем прибавляется жителей. Автор вычисляет, сколько стоят преступники в Американских Соединённых Штатах (постройка и содержание тюрем, судов) – баснословно много. Народ работает на тюрьмы и на солдат”» (ЯПЗ. 4. С. 235).

Н. П. Великанова

ГРОМАН Цезарь (отчество и даты жизни не установлены) – кавказский сослуживец Толстого по батарее № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады; прапорщик. Толстой в своём дневнике писал его имя и фамилию различно: Цезархан, Гросман. Военный историк М. А. Янжул в книге «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе»: В 2 т. (Тифлис, 1886) называл его иначе: Цезарь-Громан и Цезарь-Гросман (т. 2. С. 111, 130, 131).

«Кавказские» страницы дневника Толстого сохранили около сорока фамилий его сослуживцев. Среди них Громан встречается 12 раз – это гораздо реже, чем командир 4-й батареи подполковник Н. П. Алексеев, капитан Хилковский и подпоручик Сули-

мовский. В дневнике записаны фамилии более двух десятков сослуживцев, попавших в поле его зрения один, максимум – три раза. На этом фоне упоминания о Громане подразумевают наличие небольшого дружеского общения, встреч и некоторых общих интересов. По военной иерархии они были равны, оба числились в составе нижних офицерских чинов: к моменту их знакомства Громан был произведён из юнкеров в прапорщики, а юнкер Толстой был представлен к производству в феврале 1853 г.

В книге М. А. Янжула упоминалось участие Громана в боевых операциях 1852 и 1853 гг.: «В начале лета <1852 г. – Е. Б.> войска левого фланга снова были собраны в отряд под начальством кн. Барятинского. <...> Во всех этих движениях принимали участие 10 орудий батарейной № 4 батареи <...>. Четыре орудия <...> под командою поручика гр. Толстого, <Николая. – Е. Б.> входили в состав главного чеченского, а 6 орудий, бывших в ведении шт.-кап. Олифера, поручика Агалина, подпоручика Сулимовского и прапорщика Цезаря-Громана – в состав кумыкского отряда» (Янжул М. А. ... Т. 2. С. 111).

Нет сведений о том, когда Толстой познакомился с Громаном. Первая запись о нём появилась 22 сентября 1852 г.: «...я сел было писать, но приехал Цезархан и помешал мне» (46: 141), – Толстой придал его имени «восточный» колорит, созвучный с именем его кунака-горца: Арслан-Хан. Нежданный гость помешал работе над «Русским помещичьим романом» (полностью замысел не был осуществлён, позднее частично трансформировался в рассказ «Утро помещика»).

25 июня 1853 г., в дни работы над «Отрочеством» Толстой записал: «Тщеславился сочинениями перед Громаном, которому читал Историю Карла Ивановича» (46: 164). Эти строки важны в контексте всей большой записи того дня, пронизанной исповедальным настроением: «Ни в чём у меня нет последовательности и постоянства. От этого-то в это последнее время, что я стал обращать внимание на самого себя, я стал сам себе невыносимо гадок» (46: 162). Отношения с сослуживцем помогали Толстому видеть свои недостатки, о чём говорила запись 5 июля 1853 г.: «Слишком я откровенен, сейчас болтал о религии с Громаном» (46: 167).

С 4 августа по 11 октября 1853 г. Толстой был в Железноводске и Пятигорске. В записях, сделанных по возвращении в Старогладковскую, Громан упоминался довольно часто: Толстой с ним охотился, обедал, ездил в Хасав-Юрт, слушал у него рассказ

офицера «Самурского полка <...> о деле в Закаталах» (46: 179). Запись 26 октября: «...чтобы сделать удовольствие Громану, вызвавшемуся переписывать мне, диктовал и читал ему» (46: 183) – вкупе с двумя предыдущими свидетельствует о том, что Цезарю были не чужды литературные и религиозные интересы Толстого.

7 января 1854 г. Толстой записал: «Громан приехал и едет в Тифлис. Он добрый и честный малый» (46: 223). 8 января он укорял себя в том, что в чём-то «противоречил Громану» (46: 225). Это были последние дни Толстого на Кавказе и последние его упоминания Громана.

Е. В. Белоусова

ГРОТ Константин Яковлевич (1853–1934) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Профессор-славист, сын академика Я. К. Грота (1812–1893) и брат профессора философии Н. Я. Грота (1852–1899); в 1883–1899 гг. – профессор Варшавского университета по кафедре истории славянских древностей и литератур. Благодаря своему брату, Н. Я. Гроту, был в приятельских отношениях с Толстым. С осени 1886 г. были встречи, письма, творческие обсуждения сочинений друг друга, о чём Н. Я. Грот сообщал брату и матери. В своих воспоминаниях о Н. Я. Громе Толстой заметил: «...с первой же встречи мы полюбили друг друга» (38: 421), «дружеские отношения никогда не прерывались» (38: 425). Когда Н. Я. Грот был избран действительным, а затем и почётным членом Московского психологического общества, к активной деятельности он привлёк Толстого. Н. Я. Грот содействовал появлению в печати некоторых сочинений Толстого не только в журнале «Вопросы философии и психологии», редактором которого был: он принимал участие в трудах Толстого (в конце 1880-х гг. вместе с автором держал корректуры трактата «О жизни»).

К. Я. Грот был в курсе всех отношений брата с Толстым. Задумав издать сборник «Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах», посвящённый памяти брата, 1 сентября 1910 г. он обратился к Толстому за разрешением опубликовать его письма к Н. Я. Гроту и с просьбой написать о покойном брате. Толстой согласился и, судя по дневниковым записям, работал над воспоминаниями с 14 по 27 сентября. Свои воспоминания Толстой написал в форме письма-статьи и просил напечатать письмо полностью. 25 сентября он писал К. Гроту из Ясной Поляны: «Вспоминая свои отношения с Николаем Яковлевичем, я не мог удержаться от того, чтобы не высказать то,

что считал самым главным в нашем обществе» (82: 169). Главное, как это следовало из письма Толстого к В. Преображенской 2 октября 1910 г., – «ложный взгляд “науки” на религию и губительные последствия для философии и для науки вообще такого взгляда», «что религия есть нечто пережитое человечеством и что возможно установление какого-либо разумного мирозерцания без религии» (82: 176). Заметка в записной книжке № 7 от 14 сентября проясняла взгляд Толстого на религиозность представителей философской науки: «...религия для Н. Я., как и для всех философствующих философов, была не то, что она есть.... а то, чем её себе представляют...» (58: 224). 18 сентября, Толстой объяснял Н. Н. Гусеву цель задуманной статьи – «хотелось сказать о различии между непониманием людей научных и религиозных и о преимуществе вторых в смысле строгости и определённости, т. е. как раз обратное тому, что обыкновенно полагается» (82: 155). Дневник Толстого за 1910 г. – свидетельство того, что он не раз поправлял текст. Авторская дата была подписана «18 сентября 1910 г.», и 25 сентября письмо отправлено К. Гроту для публикации.

5 октября Толстой обратился к К. Гроту за согласием опубликовать письмо о Н. Я. Гроде отдельным изданием в России и за границей, на это подвиг Толстого В. Г. Чертков. Грот не препятствовал, но пожелал, чтобы письмо появилось в прессе после выхода в свет сборника. Этот вариант устроил обе стороны. Письмо К. Я. Гроту было опубликовано в 1911 г. и известно под названием «Воспоминания о Н. Я. Гроде».

А. В. Шмелёва

ГРУБЕ Август Вильгельм (1816–1884) – немецкий педагог, автор учебника «Арифметика». По заданию комитета грамотности оценивая качества учебно-методической литературы, в 1861 г. Толстой читал этот учебник и испытывал «чувство озлобления, оскорбления и грусти» оттого, что книга уже вторым изданием рекомендована для начальных школ России как последнее достижение теории наглядного обучения. У Толстого сложилось впечатление, что арифметика написана «для воображаемых детей, воспитанных с детства вне всяких впечатлений числа», для таких детей, которых «выучивают считать, как учёную лошадь». Он сделал ряд ценных замечаний по методике преподавания математики, например, о том, что «самодеятельность детей возбуждается только тогда, когда заданная им задача более или менее замысловатая», что дети чрезвычайно любят делать задачи

с большими отвлечёнными числами, и др. Толстой с сарказмом отмечал, что в учебнике Грубе делается попытка усовершенствовать способ обучения, «который составлен давным-давно Господом Богом, поставившим разумное существо – человека – со дня его рождения в условия пространства, времени и числа».

Н. В. Кудрявая

ГРУНСКИЙ Карл (Grunsky; 1871–1943) – корреспондент и адресат Толстого; немецкий музыкальный критик, автор книг «Musikästhetik» (1907), «Musikgeschichte des 19. Jahrhunderts» (Leipzig: G. J. Göschen, 1902, 2/1908, 4/1923) и «Musikgeschichte des 17. Jahrhunderts» (Leipzig: Göschen, 1905, 3/1925). Писатель относил Грунского к числу своих «истинных друзей, единомышленников и соратников», его радовало, что в Европе обозначилось христианское жизненное движение, созвучное его верованиям.

В мае и августе 1894 г. Толстой получил от немецкого критика два письма, в которых тот обращался с просьбой поддержать задуманный им журнал «Neues Leben» («Новая жизнь») своими публикациями. Грунский прислал писателю также свои статьи «Was uns not thut» («Чего нам недостаёт») и «Der neue Maßstab» («Новая мера»). Толстой их одобрил, но к намерению создания журнала, задуманного с целью распространения новых идей, отнёсся с некоторым скептицизмом. Он выразил сомнение в способности печати содействовать «перевороту, к которому готовы и которого жаждут люди» (67: 191). Толстой всё больше убеждался в том, что «нельзя учить людей словом» – «можно только заразить людей делом», т. к. «мысль и слово потеряли свою двигательную силу». Он считал, что главная деятельность людей, желающих служить истине, заключается в области её практического приложения к жизни. Всё же писатель не стал отговаривать Грунского от его намерений и пожелал успеха в слове, т. е. в издании журнала, «но более всего в деле – в исполнении слова» (67: 191). Журнал издавался в Штутгарте в январе–июне 1895 г. Вышло 12 номеров. В Ясной Поляне сохранились № 2, 3, 4. Четвёртый номер полностью посвящён Толстому. В нём опубликована его статья «Об отношении к государству. Письмо к редактору английской газеты». В немецком переводе статья называется «Wie verhält sich ein Christ zur Regierung» («Как относится христианин к правительству»).

З. М. Богачёва

ГРУШЕЦКИЙ Вячеслав Петрович (1859–1924) – земский тульский и новосильский врач, знакомый и корреспондент Толстого. Толстой и его семья, семья М. С. и Т. Л. Сухотиных нередко обращались к нему за врачебной помощью. Его рекомендациями воспользовалась Т. Л. Толстая-Сухотина и смогла наконец после нескольких неудачных родов произвести на свет живого и здорового ребёнка – дочь Танечку. В Туле Грушецкий с 1904 г., в 1908 г. стал первым главным врачом Ваныкинской больницы. С Толстым познакомился в Кочетах у Сухотиных. Бывал в Ясной Поляне, его имя не раз упоминалось в дневниках писателя. В июле 1910 г. дневники Толстого некоторое время хранились в доме доктора Грушецкого.

В октябре 1924 г. на одном из врачебных приёмов Грушецкий был ранен симулянт, недовольным тем, что его рано выписали из больницы (по другим данным – наркоманом). Через две недели он умер. В некрологе было написано, что доктор Грушецкий жил больницей и для больницы, никогда не отказывался ехать к больным на дом и никогда не интересовался, заплатят ли за визит. Похоронен на Всехсвятском кладбище Тулы. Грушецкий прослужил врачом 41 год.

Л. С. Дробат

ГУБКИНА Анна Сергеевна (1857–1922) – посетительница, корреспондент и адресат Толстого; учительница, в 1880-е гг. давала уроки М. Л. Толстой. Бывала у Толстых в Москве и в Ясной Поляне. Гостила иногда по несколько дней. 1 марта 1890 г. утром приехала в Ясную Поляну – уехала утром 4 марта. Долго беседовала с Толстым о повести «Крейцерова соната». Свой разговор с Толстым подробно изложила 9 апреля 1890 г. в письме к своей сестре, Е. С. Губкиной (ОР ГМТ). Она увезла от Толстого рукопись повести «Ходите в свете, пока есть свет», чтобы переписать её для себя, и письмо Толстого к А. С. Буткевичу с просьбой дать ей для той же цели рукопись «Критики догматического богословия». 2 мая 1890 г. Губкина снова была у Толстых. В дневнике Толстой записал: «Ге и Губкина. С обоими приятно. <...> Губкина говорила о Евангелии» (51: 24). Были у Губкиной с Толстым и какие-то издательские дела, видимо связанные с «Посредником». Толстой просил её знакомую сделать сокращённое изложение повести Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» (84: 36). С. А. Толстой 7 мая 1887 г. он писал: «Статью № 4 передать Губкиной с моим мнением, что это хорошо, и я прошу её меня извинить, что не отве-

чаю, а её знакомой советую продолжать так же. Одно меня смущает, пусть Таня передаст Губкиной, что я до сих пор не мог добиться – Миташа обещал мне – разрешат ли наследники печатание этого» (84: 35). К Губкиной направил Толстой Е. С. Кузнецову, желавшую «употребить часть своего состояния на доброе дело для детей-сирот». «Дорогая Анна Сергеевна! – писал ей Толстой 29 августа 1890 г., – <...> я прошу своих друзей, и вас в том числе, помочь осуществлению доброго стремления Ек. Сем. Кузнецовой. У меня есть один план, который я предложил: это то, чтобы брать заброшенных детей-сирот, нищих и раздавать их по деревням хорошо живущим там людям, между прочим, учителям и учительницам, с тем чтобы дети эти воспитывались так, чтобы могли быть крестьянами-земледельцами или их жёнами» (65: 153). Толстой был уверен, что Губкина «окажет любовь и участие г-же Кузнецовой».

Н. И. Бурнашёва

ГУЛЯЕВ Иван Васильевич (1871 – после 1934?) – последователь Толстого, его корреспондент и адресат; крестьянин Орловской губ. деревни Грибоедовки, художник-самоучка. Работал в фотографии сначала в Ельце, затем в Воронеже. Познакомился с Толстым 22 марта 1898 г. в Ясной Поляне, куда приезжал с рекомендательным письмом от публициста М. О. Меньшикова. Толстой благодарил Меньшикова за знакомство с Гуляевым – человеком, склонным к размышлениям. Для Гуляева эта встреча была поистине судьбоносной: стараясь не тревожить Толстого по пустякам, он обращался к писателю с вопросами о самом важном; убеждённый, что только любящее сердце Толстого может всё понять и принять, был с ним открытым, как ни с кем другим, и до конца жизни сохранил верность толстовскому учению, участвуя в жизни и работе одной из толстовских общин.

В июне 1898 г. Гуляев сообщал Толстому о совете Меньшикова заработать денег, купить земли и жениться. Толстой знал о конфликте Гуляева с отцом, который нашёл ему невесту, а когда на свадьбу собрались гости, молодой человек отказался жениться. В ответном письме Толстой призывал Гуляева помириться с родными, объяснял, что человек не всегда может сделать правильный выбор, забывая о своём *преходящем* положении в этом мире, и «обязанность главная в том, чтобы разжигать в себе свет истины и любви» (71: 371). Хотя писатель и был бы рад видеть Гуляева «женатым на согласной по духу девушке» (*там же*) и живущим на земле, которую он приобрёл

своим трудом, но не советовал ставить это целью, поскольку такие вещи должны происходить нечаянно.

Такая нечаянная встреча произошла. Как с близким родственником, советовался Гуляев с Толстым и после женитьбы. Толстому были очень близки стремления молодой семьи, созвучны его собственным стремлениям. Он выслал семейной паре свою книгу «На каждый день», которая «указывает на средства наилучшие, наиупотреблённейшие средства борьбы с врагами: грехами, соблазнами, суевериями» (80: 128). Супруги с интересом читали произведения Толстого, просили писателя выслать новые выпуски «На каждый день», но их семейные отношения были сложными, и от безысходности Гуляев просил у Толстого его «родительского благословения» «отпустить жену к выходу из супружества» (82: 153). Толстой предложил то, что и должен был предложить близкий человек: «Разъехаться же не советую, потому что, как вы сами верно говорите, при отдельной жизни супруги могут скорее подвергнуться соблазнам и впасть в худший грех, чем если бы они продолжали жить вместе» (*там же*).

В переписке Толстой интересовался как материальной, так и духовной жизнью Гуляева. В одном из своих писем Гуляев подробно описал историю отказа от военной службы призванного в действующую армию Ф. И. Бурова. Толстой в своих сочинениях не раз высказывался против всякой войны и потому в ответном письме поддерживал Бурова: «Радуюсь его твёрдости и уверен, что она будет неизменна, если поступок его вызван религиозным убеждением» (75: 203). В сентябре 1905 г. Гуляев прислал Толстому свою статью «Письмо к революционеру» и получил похвальный отзыв писателя: «Меня радует ваше ясное и твёрдое понимание христианства, включающее в себя всё то, что есть хорошего в революционерстве...» (76: 21).

Д. П. Маковицкий называл Гуляева «молодым другом» Толстого. В ноябре 1905 г.,

после очередной их встречи в Ясной Поляне, при которой читали сочинения Толстого «Единое на потребу» и «Конец века», писатель говорил о Гуляеве: «Он чистый, религиозный человек. Политические события, забастовки его не интересуют – только нравственные, религиозные вопросы. Он сын крестьянина, ретушёр у фотографа, получает 50 рублей в месяц» (ЯПЗ. 1. С. 446).

«Молодому другу» очень нужна была поддержка Толстого. Гуляев писал о своём желании и в то же время невозможности для себя поселиться в деревне, высылал Толстому свои стихи и рисунки. Он беспокоился по поводу выхода запрещённых сочинений Толстого, которые печатались только за рубежом и которые обещал опубликовать «Всемирный вестник». Толстой высказывал справедливые сомнения по поводу такого издания. В своих письмах Гуляев поднимал вопросы нравственности человека, занимающегося писательством, самого Толстого он считал живым праведником и как к таковому время от времени обращался к нему с важными для него вопросами.

После смерти Толстого Гуляев, наряду с другими толстовцами, стал продолжателем его идей. В Сибири в сельскохозяйственной толстовской коммуне «Жизнь и труд» (1931–1939) он преподавал рисование и вёл художественный кружок в школе. Коммуна жила своей жизнью, неподвластной правительству, школа коммуны имела свою программу. И потому в 1934 г. вышло постановление включить школу коммуны в гос. сеть, укомплектовать советскими проверенными педагогами и проводить обучение в полном соответствии с программой Наркомпроса. Общее собрание членов коммуны не согласилось с таким решением. В итоге толстовцы подверглись репрессиям. Был приговорён к пяти годам лишения свободы по статье 58-10 и И. В. Гуляев.

А. А. Аленина

Д

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784–1839) – генерал-майор, гусар, партизан, военный писатель и теоретик, поэт пушкинской плеяды; участник Наполеоновских войн, войн со Швецией, Турцией, Персией, принимал участие в подавлении Польского восстания. Давыдов говорил о себе: «Я считаю себя рождённым единственно для рокового 1812 года». Он был доблестным русским офицером, вобравшим все боевые качества: отчаянную смелость, неустрашимость, отвагу, рыцарское чувство чести.

В 1856 г. Толстой напечатал повесть «Два гусара», предпослав ей эпиграф из стихотворения Давыдова «Песня старого гусара»: «...Жомини да Жомини, / А об водке ни полслова...». Г. Жомини, швейцарский барон, участник Наполеоновских войн, вновь заставит о себе вспомнить при чтении зачёркнутого текста в черновиках «Войны и мира»: «Денису Давыдову, который потом в своих сочинениях так старательно хочет выказаться европейцем, знакомым со всеми европейскими правилами войны, принадлежит слава». В «Песне старого гусара» Давыдов иронизировал над современными гусарами, которые теперь «говорят умней», шеголяют «в модном свете», «вальсируют», при этом утратили былой гусарский дух («А об водке ни полслова!»). Толстой, как показывают его записи, читал «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова» в 4-м издании 1860 г. и «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова» – его автобиографию.

Повесть «Два гусара» Толстой открывал воспоминанием о прошлых временах, где имя поэта-гусара было частью светской культуры, о «наивных временах масонских лож, мартинистов, тугендбунда», о «временах Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных».

Личность Давыдова привлекала Толстого, в 1860-е гг. работавшего над книгой о войне 1812 г. Давыдов стал прототипом Василия Дмитриевича Денисова, «известного всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова». «Денисов был маленький, с красным лицом, блестящими чёрными глазами, чёрными взлохмаченными усами и волосами» (т. 1, ч. 2, гл. IV); «при этом он был щеголь, каким был в сражениях» (т. 2, ч. 1, гл. I); «Денисов, как всегда, выехал вперёд цепи, шеголяя своей храбростью» (т. 2, ч. 2, гл. XVI); трубка будет неизменно сопровождать его – таковы черты портрета толстовского героя. Денисов походил на своего прототипа. Давыдов был маленького роста, что препятствовало ему вступить в кавалергады. В своей гусарской лирике он запечатлел образ гусара как пламенного патриота, отчаянного в бою и влюблённого в светские забавы. «Усатый герой», «эскадрон гусар летучих», «усы», «кивер набекрень», «трубки», «ментик», «стаканы» с пуншем сопутствуют описанию внешнего облика давыдовского гусара, который живёт в «пиру боя» и пиру веселья. Создавая образ Денисова, Толстой использовал поэтический образ гусара и биографические сведения о его авторе. Как и Давыдов, Денисов познал военные интриги, попав в военно-судную комиссию за отбитый у пехоты провиант для своих солдат. Как и Давыдов, Денисов способен увлечься женской красотой и обаянием. На балу у Иогеля Денисов танцует с Наташей Ростовской мазурку, все восхищены им, и «только на коне и в мазурке не видно было маленького роста Денисова» (*там же*, гл. XII). Денисов – это не только боевой ратный дух, интерес к кутежам по-гусарски, но и пылкая влюблённость. В доме

Ростовых он увлёкся 15-летней Наташей Ростовой и сделал ей предложение. Накануне вечером он пел «маленьким, хриплым, но верным голосом» сочинённое им стихотворение «Волшебница» (автор Д. В. Давыдов) (т. 2, ч. 1, гл. XV–XVI). Сам Давыдов женился уже в зрелом возрасте. В стихотворении «В альбом» 1811 г. он признавался, что любовь гусара всегда уступает место упоению в бою:

Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

В 1812 г., когда Кутузов принял командование над армиями, Денисов – гусарский подполковник. Он разработал целую систему партизанских действий. В черновиках Толстой прямо называл своего героя именем его прототипа: «Денис Давыдов своим русским чутьём первый понял значение той страшной дубины, которая уничтожала французов, и ему принадлежит слава того, что он сделал первый шаг для узаконения, оформления этого приёма войны». «Странно было видеть краску на этом усатом, старом и пьяном лице», когда он убедительно излагал Кутузову «свой план разрезания операционной линии неприятеля между Смоленском и Вязьмой». Денисов обладал силой убеждения! Новые детали, которые добавил Толстой своему герою, раскрывали в нём опытного стратега, с честью и достоинством выполняющего миссию русского офицера. Его дело было «делом большой важности для блага Отечества» (т. 3, ч. 2, гл. XV).

«Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск». «Партизаны уничтожали великую армию по частям» (т. 4, ч. 3, гл. III). И Денисов был «в самом разгаре партизанской страсти». Теперь он «одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая-чудотворца и в манере говорить, во всех приёмах выказывал особенность своего положения» (*там же*, гл. VIII).

Толстой намеренно усиливал образ Денисова эпизодами партизанских действий. Писатель был знаком с сочинениями Давыдова «Опыт о партизанах», «Дневник партизанских действий», «Опыт теории партизанского действия». Наполеон в своих мемуарах отрицал важную роль партизан в войне, Давыдов написал статью «Разбор трёх статей, помещённых в Записках Наполеона» (М., 1825). Эта статья была в числе исторических источников, которые использовал Толстой в работе над романом, на полях её сохранились многочисленные по-

меты. «Давыдов первый дал тон правды», – записал Толстой в конспективных набросках эпилога.

Толстовский Денисов не копия или список с прославленного Давыдова, но он вобрал в себя черты, обозначенные в гусарской лирике Давыдова-поэта и основные вехи жизни народного героя Отечественной войны 1812 года.

А. В. Шмелёва

ДАВЫДОВА Екатерина Михайловна (рожд. Карпакова; даты жизни не установлены) – давняя знакомая Толстых; жена Н. В. Давыдова (1848–1920), прокурора Окружного суда в Туле. Знакомство семей Толстых и Давыдовых длилось более 30 лет, с 1878 г. Особенно близок писатель был с главой семьи, Николаем Васильевичем, который впоследствии написал о своих встречах с Толстым. В письмах к Давыдову Толстой неизменно адресовал дружеские приветствия и пожелания Екатерине Михайловне. Семьи запросто ездили друг к другу. «На другой день после Пирогова я ездил в Тулу и просидел часа два у Давыдовых. Они одни: муж с женой <...>. Они очень милы» (84: 262), – писал Толстой жене. Бывая в Туле, он обыкновенно заходил к Давыдовым и, «оставив на конюшне лошадь, отправлялся в город по делам – в большинстве случаев хлопотать за кого-нибудь, попавшего в беду. <...> Оставаясь у нас обедать, иногда неожиданно, Л. Н. не причинял тем хозяйственных забот, так как вегетарианская пища его была очень проста», – вспоминал Давыдов (Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913. С. 267). И С. А. Толстая, по делам посещая Тулу, как правило, заходила к Давыдовым, где ей всегда были рады. Летом Давыдовы часто бывали в Ясной Поляне, но могли появиться у Толстых и в новогодний праздник. 1 января 1890 г., вместе с семьёй тульского губернатора Зиновьева, устроили костюмированный вечер, Толстой смотрел на танцы и любезно разговаривал с приехавшими дамами, которые пренебрегли и плохой дорогой и метелью. «...Приехали тульские и танцевали», – записал Толстой в дневнике (51: 7). С. А. Толстая ежегодно 7 декабря (24 ноября) наносила визиты Давыдовым, чтобы поздравить именинницу. Толстой тоже иногда ездил на «именины Давыдовой» (51: 111), о чём есть запись в дневнике.

Лит.: Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1913. С. 251–302.

Л. С. Дробат

ДАДИАНИ Георгий Александрович (1856–1900), князь – последователь Тол-

стого. Внук владетельного кн. Мингрелии; полковник; участник Русско-турецкой войны. Был близким другом кн. Д. А. Хилкова, под влиянием которого оставил военную службу, вместе с семьёй поселился под Нальчиком и жил своим трудом, обрабатывая участок земли, что было созвучно идеям Толстого. Мать жены Дадиани крайне негативно восприняла новый образ жизни семьи дочери и стремилась отобрать у них детей. Толстой и кн. Дадиани не были знакомы лично. О Дадиани Толстой знал от своих единомышленников, часто упоминал его в переписке с ними, передавал через них привет. Дадиани скоропостижно скончался в октябре 1900 г. После его кончины Толстой писал его вдове кн. Н. Я. Дадиани: «Я никогда не видал ни вас, ни вашего покойного мужа, но с тех пор, как узнал о вас, не переставая, любил вас и радовался на вашу прекрасную жизнь <...>. И потому смерть такого сильного и нужного человека, как ваш муж, горестна для меня <...>».

Всё, что я слышу и узнаю про вашего мужа, заставляет меня всё больше и больше жалеть о том, что я не знал его и не мог почерпнуть из общения с ним той твёрдости и доброты, которые, как мне говорили, составляли особенности его характера» (72: 502).

Лит.: Михайлов А. В «толстовской» колонии // Вестник Европы. 1908. № 9.

Д. В. Литвинов

ДАНИЛОВ Виктор Александрович (1851–1916) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого; участник революционного движения; сотрудник журнала «Духовный христианин» (СПб.). Родился в Харькове в небогатой дворянской семье. Окончив гимназию, учился в Петербургском земледельческом институте, но полный курс не закончил. В 1871 г. уехал за границу, в Цюрих, где продолжал учёбу в политехническом техникуме. Свои политические симпатии отдавал Бакунину, усиленно изучал историю русского сектантства. Вернувшись в Россию, вёл революционную пропаганду на Кавказе среди молокан и духоборов, поддерживал связи с народовольцами. Его неоднократно арестовывали, привлекали к суду за революционную деятельность («процесс 193»); он находился под негласным надзором полиции. В 1890–1903 гг. отбывал ссылку в Якутской области. В середине 1890-х гг. создал собственное религиозное мировоззрение – религия-знания, полагая, что до сих пор религия основывалась на вере, а теперь настало время, когда религия должна основываться на знании. В 1896 г.

Данилов направил заявление министру внутренних дел с просьбой исключить его из российского гражданства, т. к. он не признаёт гос. границ и является «Обитателем Земного Шара».

Возвратившись из ссылки в европейскую Россию, Данилов поставил перед собой цель примирить враждующие между собой политические партии. Он побывал за границей, где встречался с лидерами различных российских партий, находящимися в эмиграции, выступал с рефератами, «но никто его не слушал» (Тан. Обитатель земного шара // Биржевые ведомости. 1916, 25 января). Поездка за границу и события русской революции 1905 г. были для бывшего ссыльного холодным отрезвляющим душем, заставившим его переосмыслить многие свои прежние представления о «движущих силах истории». Теперь такой силой он считал трудовое крестьянство, а основы нового «трудового строя» во главе с российским самодержцем связывал с домом Романовых «как родом наследственных диктаторов, в наше время необходимых», и предлагал создать крестьянский союз – «союз объединения всех взаимно нужных и взаимно дополняющих друг друга профессий, производств и учреждений» (РНБ. РО. Архив В. А. Данилова. Ф. 238, ед. хр. 22). Своё видение «трудового строя» он изложил в «Манифесте народа», который намеревался представить лично царю Николаю II.

Данилов приехал в Ясную Поляну 3 декабря 1905 г. Предшествовали этому следующие обстоятельства. 1 декабря он отправился поездом из Харькова в С.-Петербург, где намеревался устроить возможность приёма государем депутации от крестьян одного из харьковских уездов. По дороге, в вагоне, он излагал попутчикам «особенности русского народа, как следствие особенности его исторического развития», говорил «о конституционном строе, осуществление которого, сообразно с задачами XX века, осуществится во всём человечестве через пример в России, путём эволюционным, путём мирного развития» (там же).

Когда подъезжали к Туле, к нему подошёл «господин в енотовой шубе» – М. В. Булыгин, представился близким соседом Толстого и предложил вместе с ним сойти с поезда в Туле, а на следующий день поехать в Ясную Поляну. «Вы потеряете сутки, – сказал он, – но доставите и мне и Льву Николаевичу большое удовольствие». Данилов согласился, но в Ясную Поляну они добрались только через сутки, т. к. попали в сильную метель и вынуждены были с полпути возвратиться в имение

Булыгина. Своё пребывание в Ясной Поляне и беседу с Толстым Данилов описал в рассказе «У Льва Николаевича Толстого, 1905 г. 3 декабря» (*там же*, ед. хр. 73. В *Юб.* эта встреча ошибочно датирована 29 января 1906 г. – 76: 176). Излагая свою беседу с писателем, Данилов, в частности, отмечал, что по многим обсуждаемым вопросам (о земле, о религии, о Высшем Существо...) они с Толстым не нашли общего языка. Писатель пытался убедить его в своей правоте, но гость оставался при своём мнении... В конце рассказа он писал, что после его отъезда из Ясной Поляны Толстой сказал Булыгину: «Мне жаль, что я так сурово обошёлся с Даниловым» (*там же*).

В конце января 1906 г. Толстой через Булыгина послал Данилову в Петербург свои статьи «Великий грех» и «Конец века». При этом он говорил доктору Д. П. Маковицкому, что Данилов «поехал в Петербург с проектом о решении земельного вопроса» (*ЯПЗ.* 2. С. 34). В начале июля 1906 г. от великого князя Н. М. Романова Толстой получил письмо, в котором тот интересовался личностью некоего Данилова, приславшего ему письмо и ссылавшегося на Толстого. «Что он за личность, – спрашивал Николай Михайлович, – и стоит ли ему отвечать?» (*ЛН.* Т. 37–38. С. 332).

Отвечая великому князю, Толстой 11 июля писал: «Данилова я совсем не помню. А то, что я его не помню, для меня означает то, что его беседа оставила во мне очень слабое или скорее отрицательное впечатление. И по письму к вам я не думаю, чтобы в его советах могло быть что-либо серьёзное. <...> Р. С. Сейчас вспомнил Данилова, но то, что я вспомнил о нём, не изменяет моего впечатления. Он – старый человек, много пострадавший и хороший, но мысли у него неясные» (76: 175–176).

Лит.: Чисников В. Н. «Он – старый человек, много пострадавший и хороший...» (Л. Н. Толстой и В. А. Данилов) // Толстовский сборник. 2008. Тула, 2008. С. 214–227.

В. Н. Чисников

ДАШКЕВИЧ Пётр Григорьевич («Петро»; 1860–1942) – близкий знакомый Толстых и Сухотиных. Земский врач, народо-волец. Сын священника, учился в Киевской духовной академии, сблизился с революционерами, стал членом партии «Народная воля». В 1884 г. был арестован и сослан на поселение в Сибирь, откуда бежал в 1887 г. До 1905 г. жил в Болгарии, Швейцарии, где окончил медицинский факультет Женевского университета. В 1905 г. был амнистирован и вернулся в Россию.

С 1909 г. земский врач участка, к которому относилось имение Сухотиных Кочеты в Новосильском уезде Тульской губ. Амнистирован он был не без участия Сухотиных. Т. Л. Сухотина-Толстая в дневнике писала о том, что, выехав с мужем 17 сентября 1904 г. в Петербург, она посетила там «своего старого знакомого, теперешнего директора департамента полиции А. А. Лопухина, чтобы просить о возвращении Дашкевича в Россию» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 433). Вернувшись из Швейцарии, Татьяна Львовна в разговоре с отцом вспомнила Дашкевича, и Толстой спросил её, как Дашкевич относится к насилию. Она ответила, «что насилие он признаёт только в случаях самозащиты» (*ЯПЗ.* 1. С. 222). С этим Толстой вполне был согласен, и в дальнейшем из разговоров его с Дашкевичем и разговоров с семейными о Дашкевиче понятно, что общих взглядов на события в России у них было больше, хотя были и разногласия. Толстой и Дашкевич встречались, когда писатель гостил у дочери в Кочетах или Дашкевич с кем-то из семьи Сухотиных приезжал в Ясную Поляну. 15 августа 1907 г. в записной книжке Толстого отмечено: «Говорил с Гинцбургом, Петро и солдатом» (56: 208). В записках Д. П. Маковицкого развёрнут этот разговор с Дашкевичем. Утром того дня в Ясной Поляне был какой-то солдат-забайкалец, который удивлялся убийствам, погромам в России и говорил, что легко их прекратить... публичными казнями. Толстой сказал Дашкевичу: «Ваши революционеры должны этому <...> сочувствовать». Дашкевич ответил, что, во-первых, не признаёт себя революционером, а во-вторых, революционеры не за казни и насилие; они допускают их только временно, пока не заменят существующую власть, на что Толстой заметил: «...надо сейчас никого не убивать, а не “пока убивать”» (*ЯПЗ.* 2. С. 482). По вопросу образования, столь важному для писателя, оба думали одинаково: «настоящая наука только одна: как жить хорошо нравственно» (*ЯПЗ.* 4. С. 8). Чаще всего Толстой расспрашивал гостя о разных эпизодах его жизни во время скитаний по тюрьмам и ссылкам. Ещё студентом Дашкевич познакомился с народо-вольцами, времена тогда были суровые, и военный суд приговорил его к ссылке в Сибирь, откуда после двух лет жизни он сбежал через монгольскую границу. Скитания его продолжались полгода. Замечателен разговор Толстого с Дашкевичем 12 июня 1909 г. о революционерах: «“Мне кажется, что у них любви нет. <...> Больше играют роль чувства ненависти к пра-

вительству, к угнетателям. Это не любовь, а негодование против несправедливости, сознание. <...> Любовь ведёт к Богу, не к партийности <...>. Самоуверенность у них <...>, а самоуверенность – это знаменатель в дробь, выражающей достоинство человека, числителем которой – самопожертвование. Если знаменатель большой, так дробь малая”. Разговор кончился восклицанием Л. Н.: “Почему же вы меня заставляете нападать на революционеров! Я не хочу на них нападать”» (*ЯПЗ*. 3. С. 439–440). Спрашивал Толстой и о книгах революционного содержания, которые произвели на молодого Дашкевича наибольшее впечатление. Дашкевич отвечал, что это «книга Миртова (Лаврова) «Исторические письма». – Чем же именно? – Своими нравственными идеями, идеей о долге народу». Дашкевич называл и Флеровского «Азбуку социальных наук», и Толстой вспомнил, что это его «товарищ по Казанскому университету – Берви» (*ЯПЗ*. 3. С. 445, 453, 456). В дневнике Толстого 14 июня 1909 г. (он гостил в Кочетах) запись: «Интересный вечером разговор с Дашкевичем. Записать очень много надо» (57: 83). И неизменно в письмах близким «дружески кланялся» Дашкевичу (84: 378). Свой последний день рождения, 28 августа 1910 г., писатель провёл в Кочетах в узком кругу близких людей, среди которых был и Дашкевич (*ЯПЗ*. 4. С. 335). 18 сентября в разговоре с Татьяной Львовной, когда она сказала, что недавно перечитывала письма к ней Дашкевича из Chaux (именные в горах над Лозанной в Швейцарии), Толстой заинтересовался и стал подробно расспрашивать бывшего здесь же Дашкевича об устройстве дома: есть ли печка и т. п. Дочь Александра пошутила, что папá уедет туда пахать и там его никто не отыщет (*ЯПЗ*. 4. С. 353). Толстой и Дашкевич виделись тогда в последний раз. 22 сентября 1910 г. Дашкевич проводил Толстого из Кочетов в Ясную Поляну.

Л. С. Дробат

ДЕЛАНО Александра Павловна (Delano Alin; рожд. Кузмищева; 1845 – после 1908 г.) – переводчица сочинений Толстого на английский язык, корреспондент и адресат Толстого в 1886–1908 гг. Жила в Бостоне (США). Известны 10 писем Делано и всего 1 письмо Толстого, но писем его было больше. В своём первом письме к Толстому (после 1886 г.) Делано признавалась, «какое благотворное и радостное впечатление произвели» на неё его «сказки “Чем люди живы” и рассказ о сапожнике Авдее (“Где любовь, там и Бог”))», которые она «осмелилась перевести на английский

язык, чтобы поделиться ими с людьми». Она перевела и народный рассказ «Зерно с куриное яйцо» и, найдя «сходство между мыслями и стремлениями» Толстого и Генри Джорджа, послала его Г. Джорджу и «получила от него письмо, где он пишет, что употребит его» (*Толстой и США*. С. 278).

В 1893 г. И. И. Янжул привёз из России в США рукопись трактата Толстого «Царство Божие внутри вас». Рукопись эта была послана в Америку полностью, с заключительной XII главой, хотя Толстой не считал её окончательно завершённой. И. Гепгуд, которой для перевода был направлен этот трактат, ознакомившись с рукописью, не могла согласиться с мыслями автора и написала Толстому, что её «убеждения не позволяют» (*Толстой и США*. С. 240) ей переводить эту книгу, но она укажет Янжулу переводчика. Этим переводчиком стала А. Делано, русская по происхождению. В письмах к Толстому она добросовестно «отчитывалась» о ходе работы. Задавала вопросы, просила прислать «на французском языке все извлечения из французских авторов», чтобы «сделать переводы с подлинника», а не «перевод с перевода». Делано вела и переговоры с издателями о печатании сочинения, ей хотелось «отдать его в руки лучшего из них». Сама переводчица работала в высшей степени ответственно, напряжённо, «с большим вниманием». Она сообщала Толстому, с какими фирмами вела переговоры об издании, добавляя: «Всё это я расписываю вам, чтобы вы не думали, что я сплю или небрежничаю» (*Толстой и США*. С. 282). В своих посланиях Делано присылала Толстому и письма американских издателей, отказавшихся печатать трактат.

Из писем А. Делано Толстому от 28 августа и 10 октября 1893 г. видно, что она получила «трансатлантическую телеграмму» об изменениях в рукописи и письмо «с вложенными в него изменениями рукописи», которые «сделала в своём переводе» (*Толстой и США*. С. 283–284).

В начале 1894 г. «Царство Божие внутри вас» в переводе А. Делано вышло в лондонском издании Вальтера Скотта под заглавием: «The Kingdom of God is within you or Christianity nos as a Mystical Doctrine, but as a New Life». Conception Authorised Translation from the Original Russian M. S. by A. Delano, Walter Scott, London, 1894. Письмом от 3 мая 1894 г. Делано сообщала Толстому, что ему послан экземпляр «Царства Божия внутри вас» в её переводе и что эта книга в США продаётся в двух переводах: её и Констанции Гарнет.

Последнее письмо Толстому Делано отправила 11 мая 1908 г. «Глубокоуважаемый

Лев Николаевич. Перед надвигающейся слепотой мне так хочется высказать вам то искреннее чувство благодарности за то глубокое впечатление, которое ваши мысли имели на мою жизнь и жизнь близкого мне человека. <...> Вы изменили течение и склад нашей жизни, и если это хоть сколько-нибудь вас порадует, то я не буду раскисаться, что послала вам это письмо. Как русской, мне часто приходится говорить о вас, и вот это-то ваше благотворное влияние на нашу жизнь, мысли и поступки я всегда привожу в пример: сколько горя мы избежали и сколько радости принесли другим и себе. <...> Я провела прошлый год в России и очень хотела вас увидеть, да не смогла, зная, как вам надоедают посетители, – а вот теперь не утерпела и пишу то, что на душе» (*Толстой и США*. С. 287–288). На письмо Толстой ответил 6 июня 1908 г., поблагодарив «за те добрые чувства», которые высказала Делано: «Это лучшая радость моей жизни, особенно когда эти чувства выражаются так искренно, как это выражено в вашем письме. От души благодарю вас» (78: 152).

Н. И. Бурнашёва

ДЕЛЬВИГ Александр Антонович («Барон»; 1818–1882), барон – знакомый и земляк Толстого. Отставной гвардии штабс-капитан, младший брат поэта А. А. Дельвига, товарища А. С. Пушкина. Самый близкий сосед и друг М. Н. Толстой, сестры Толстого. Его имение Хитрово находилось в 2 км от Покровского, имения гр. В. П. Толстого, мужа М. Н. Толстой. Выйдя в отставку, жил в своей деревне. «Семья барона Александра Антоновича и он сам пользовались уважением и симпатией всей округи» (*Кузминская*. Ч. 3. Гл. X). «Эта милая семья баронов Дельвигов состояла из двух дочерей и четырёх сыновей, – писала Софья Андреевна. – Дружные, небогатые, очень гостеприимные и во всех отношениях безукоризненно чистые и честные люди – эти бароны Дельвиги были первыми знакомыми и друзьями моих детей. Мы ездили к ним в Тулу, они приезжали к нам и плясали, и играли, и катались с нашими детьми» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 275).

С. А. Толстая была у Дельвигов 28 июля 1865 г. и писала о них мужу: «Сейчас только приехала я от Дельвигов... ничего не могу тебе рассказать о их вечере и гостях. Провинциальный сброд с бледными барышнями, с провинциальным львом в русском бархатном казакине и чёрных пу-де-суа панталонах. Совсем не весело и не смешно. Petits jeux скучные, шутки кавалеров глупые и не смешные; варенья раз-

ных сортов на блюдечках. Старички играли в карты, и дети мелькают кое-где и кое-когда в пёстрых платьицах и панталончиках с оборочками. Только милы очень сами хозяева, т. е. весёлая и действительно удивительно простая Фионочка и сам барон. Добродушные и в самом деле с отсутствием всякого тщеславия... У баронов разные господа о тебе спрашивали, о твоём писательстве. “Туда же лезут рассуждать”, – подумала я несколько раз» (83: 102). К праздникам нередко Толстые и Дельвиги готовили домашние спектакли: старшие дети «переписывали и учили роли» (*САТ. Моя жизнь*. С. 296), для репетиций ездили друг к другу. Зрителями, как правило, были все Толстые, все Дельвиги и др. гости.

Н. И. Бурнашёва

ДЕМЕНТЬЕВ Пётр Алексеевич (Деменс; Тверской; 1850–1919) – адресат и корреспондент Толстого в 1896–1900 гг. Литератор, бывший помещик и земский деятель Тверской губ., Весьегонский уездный предводитель дворянства и председатель земской управы; в начале 1880-х гг. уехал в США и обосновался в Лос-Анджелесе. «Здесь я долгим тяжёлым трудом, начатым без гроша чернорабочим на лесопилке, добился материальной независимости и вот уже несколько лет <...> живу на покое, преимущественно в своей библиотеке, хотя и принимаю посильное участие в нашей политике и литературе», – писал он Толстому (*Толстой и США*. С. 728). Сотрудничал в «Вестнике Европы» и др. журналах. В 1896 г. обратился с письмом к Толстому, предлагая ему написать о нарастающем в Америке стремлении к сближению с Россией путём «ознакомления с русскими классиками» и, в частности, с Толстым (*Толстой и США*. С. 724). Толстой отвечал, что рад бы был сделать приятное Дементьеву, которого знает «по прекрасным статьям в русских журналах», но «сближение между людьми и народами» «достигается не выражением желания сближения», а стремлением людей и народов «к познанию истины и исполнению её в жизни» (69: 43). Тверской продолжал настаивать на своей идее, пытаясь её выразить несколько иначе и говоря о «большем действительном знакомстве с Россией». «Дело в том, – писал он в следующем послании, – что относительно нашей общей родины здесь имеется самое смутное представление – Россия кажется заурядному американцу огромной льдиной где-то на далёком Востоке, льдиной, обитаемой белыми медведями и варварами, известными по географиям под именем русских. <...> В то же время всё

больше и больше гремят имена Тургенева и Ваше – оказывается, что эта населённая варварами льдина дала второй половине нашего столетия двух величайших писателей этой эпохи во всём цивилизованном мире. Эта очевидная несообразность заставляет Америку невольно призадуматься и искать разумного объяснения – отсюда современная погоня за русской литературой как за единственным остающимся средством к знанию». Тверской полагал, что стремление к сближению с Россией, которое «чувствуется повсеместно», было бы важно «стимулировать», а «в Америке самым лучшим стимулом всегда бывает авторитетное слово живущих знаменитостей. В данном случае именно Вы являетесь единственным человеком, который обладает этим бесспорным авторитетом, – писал Тверской Толстому, – и Ваше поощрение этому движению, опубликованное по всей стране, подвинет всё дело знакомства Америки с русской литературой сильнее и быстрее, чем оно бы, вероятно, подвинулось за целый десяток лет без этого стимула». Тверской сообщал, что трудится над переводами на английский язык сочинений М. Ю. Лермонтова, и просил Толстого «написать хоть несколько строк предисловия» к предполагаемому изданию (*Толстой и США*. С. 725–726).

11 мая 1899 г. Тверской послал Толстому вырезку из американской газеты со своим протестом против искажений в тексте романа «Воскресение», допущенных американским журналом «Cosmopolitan». Он сокрушался, что «негласная, но всё-таки могучая» американская «цензура ханжества и прописной морали» всё же одолела даже «порядочного и очень неглупого» редактора и толстовский «шедевр оказался безумно искалеченным». «На меня те первые главы оригинала, которые я уже успел прочитать, произвели совершенно подавляющее впечатление, – писал Тверской, – и я думаю, что по художественной правде и чисто христианской простоте “Воскресение” стоит даже выше лучших частей “Войны и мира” и “Анны Карениной”» (*Толстой и США*. С. 727). В том же письме Тверской предложил помочь переселявшимся в Канаду духоборам: он был против их поселения в Канаде, считая губительными климатические условия этой страны. В 1900 г. он содействовал поездке канадских духоборов в Калифорнию для их предполагавшегося переселения из Канады. Толстой понимал, что движет энтузиазмом Тверского. 13 марта 1900 г. в дневнике он записал: «За это время были молокане из Карса – хотят переселиться, 2 духобора из Архангельска. Известие о 5 в владикавказской тюрьме. Плутни

Тверского, чтобы выманить духоборов» (54: 11). (В 1899–1900 гг. Тверской усиленно старался убедить поселившихся в Канаде духоборов переселиться в Калифорнию, где он приобрёл много земли, а потому был заинтересован в дешёвой рабочей силе). В начале февраля 1900 г. Толстой получил от него большое письмо, в котором Тверской сообщал, что ему «удалось заинтересовать в переселении нескольких богачей архимиллионеров» и что для переселения и обустройства 7400 «нищих» духоборов удалось устранить все преграды (54: 411). Толстой был категорически против замысла Тверского, о чём 7/19 марта 1900 г. написал в обращении «Духоборам, переселившимся в Канаду» (72: 328).

Об отношениях с духоборами Тверской рассказал в своих книгах «Духоборческая эпопея» (СПб., 1900) и «Новые главы духоборческой эпопеи» (СПб., 1901).

Н. И. Бурнашёва

ДЕМЧИНСКИЙ Николай Александрович (1851–1914/1915?) – посетитель Толстого; агроном-любитель, земледelec; дворянин. Закончил Нежинскую гимназию; затем учился в Петровской академии в Москве. Чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия; журналист, писатель. Метеролог, русский специалист по прогнозированию погоды. В 1877 г. направлен газетой «Голос» на Дунайский театр военных действий во время Русско-турецкой войны. В 1884 г. получил в Одесском университете звание кандидата прав.

Художественные произведения и исторические исследования Демчинского появлялись в «Русском вестнике» и «Нови».

Заинтересовавшись прогнозированием погоды, Демчинский разработал собственную программу по этой отрасли науки. Его сотрудничество в «Новом времени» началось статьями о предсказании погоды. В 1900–1903 гг. Демчинский издавал журнал «Климат» (на четырёх языках). Помимо статей по этому вопросу, он опубликовал отдельные работы: «Возможность точного предсказания погоды» (1900–1908), «Динамика атмосферы» (1912) и др.; публиковал прогнозы погоды для России, США и Японии.

Демчинский был близок ко двору императора Николая II, который интересовался его предсказаниями, и финансировал издание журнала «Климат». Демчинский писал публицистические работы и на др. темы: «Мастерские большого ремонта», «Нужды сельского хозяйства», «Решение аграрного вопроса»; «Чего хотят люди, которые ходят

с красным флагом», «Грядковая культура хлебов» (выдержала 14 изданий), «Что такое община», «Открытое письмо к избирателям в Государственную думу» и др.

С 1907 г. Демчинский выступал деятельным пропагандистом грядковой культуры хлебов. В последние годы жизни Толстой с большим интересом относился к сообщениям о теории и практике агронома-любителя, опытные участки которого давали колоссальные урожаи зерна. 3 августа 1907 г. Д. П. Маковицкий записал обсуждение в Ясной Поляне опыта Демчинского: «Когда гости уехали, Александра Львовна рассказывала, как Татьяна Львовна и все Сухотины увлечены опытами китайского полеводства Демчинского. На 90 саженях засадили рожь и будут её пересаживать. Она хочет то же испробовать в Телятинках. Л. Н. поощрял её и советовал на большем куске, чем 90 саженей: на 1/16 десятины – 150 саженях. “Это разрешение земельного вопроса, когда зерно даст 300, 400 зёрен”, – сказала Александра Львовна. Л. Н. сказал, что одна десятина даст урожай такой, как теперь 30 десятин. *Александра Львовна (с воодушевлением)*: “Сухотины хотят заинтересовать народ, и я уверена, что некоторые крестьяне за ними будут так сажать”. Л. Н. вычислял, что и теперь иной корень даёт 12 колосьев, на каждом по 10–30 зёрен. <...> Если опыт удастся, – какое будущее!» (ЯПЗ. 2. С. 469).

Ожидая приезда Демчинского, продолжали изучать и анализировать его теорию посадки хлебов в грядки. 24 июля 1908 г. «говорили о культуре полей по Демчинскому» (ЯПЗ. 3. С. 149). 30 июля «Л. Н. беседовал с Александрой Львовной о грядковом посеве хлебов по Демчинскому. (Демчинский должен приехать). Александра Львовна и в прошлом году, и теперь делала пробные посевы в Телятинках. Александра Львовна вырезала из “Нового времени” сообщения об опытах этих» (ЯПЗ. 3. С. 155). 15 сентября 1908 г. Маковицкий записал, что «приехал В. Г. Шелковников (второй раз насчёт культуры хлебов по Демчинскому)» (ЯПЗ. 3. С. 199). Шелковников – коллега и помощник Демчинского по аграрному делу.

10 октября 1908 г. в Ясной Поляне Толстой и гости обсуждали земельную программу социалистов. Маковицкий писал: «Л. Н. о земельной программе социалистов: отдать землю работающим на земле. Кто работающий? Сегодня работает, завтра – нет. Демчинскому, добывающему триста пудов с десятины, дают землю» (ЯПЗ. 3. С. 221). На возражение М. А. Стаховича, что Демчинский может потребовать тысячи десятин, Толстой ответил, что «надо дать

ему – ведь будет платить вознаграждение обществу (сапожникам и другим, не пользующимся землёй), за пользование землёй» (*там же*). Ровно через два месяца, 10 декабря, опять спорили о методах Демчинского. Как и прежде, оппонировал Х. Н. Абрикосов. Толстой, веря в перспективное развитие учения Демчинского, защищал перед Абрикосовым опыт и теорию исследователя: «“Вот вы, Хрисанф Николаевич, Демчинского не признаёте – напрасно, напрасно”. Хрисанф Николаевич объяснил тем, что Демчинский малоопытен и большой рекламист» (ЯПЗ. 3. С. 276). Последний раз Демчинский был у Толстого 10 июля 1909 г. «Был Демчинский – агроном», – записал Маковицкий (ЯПЗ. 4. С. 13).

А. Г. Королёва

ДЕНИСЕНКО Иван Васильевич (1851–1916) – муж племянницы Толстого Елены Сергеевны, младшей дочери М. Н. Толстой; юрист. Свадьба Е. С. Толстой и Ивана Васильевича Денисенко состоялась в 1893 г., а в начале 1894 г. С. А. Толстая писала мужу из Ясной Поляны в Москву: «Приехали вчера Денисенки; дружны и счастливы более, чем когда-либо» (ПСАТ. С. 589). У супругов Денисенко было двое детей, Онисим (1894–1918) и Татьяна (1897–?), семья жила в Новочеркасске, где И. В. Денисенко занимал должность председателя гражданской судебной палаты. Писатель не раз прибегал к услугам родственника-юриста. Работая над романом «Воскресение», Толстой подробно «расспрашивал Денисенко относительно судебных частностей. Как устроена тюрьма там-то, как решётка, как происходит свидание» (ЛН. Т. 37–38. С. 540). Присутствовавший при разговоре П. А. Сергеенко описывал внешность Денисенко и манеру говорить: «У него симпатичное молоджавое лицо <...>. Говорит складно и колоритно, но ко всем относится с зацепкой» (*там же*).

В июле 1909 г. Толстой принял решение в очередной раз составить завешание и обратился к Ивану Денисенко с просьбой помочь ему. В первом формальном завешании (19 сентября 1909 г.) Толстой распорядился передать все рукописи Черткову, чтобы они «были безвозмездно доступны всем желающим ими пользоваться для издания» (80: 267). В юридическом оформлении завешания помогал Денисенко, но этот вариант оказался несостоятельным с юридической стороны, и к составлению следующего был привлечён известный юрист Н. К. Муравьёв.

В разгоревшейся борьбе за наследство к услугам юриста прибегала и С. А. Толстая, спрашивая Денисенко, может ли она по доверенности, уже давно выданной ей

мужем, продать третьему лицу право издания его произведений. Об этом эпизоде писал В. Г. Чертков, подробно цитируя записку И. В. Денисенко (см.: Чертков В. Г. Уход Толстого. М., 1922. С. 35–36).

Уходя из Ясной Поляны в октябре 1910 г., Толстой предполагал направиться в Новочеркасск к «Денисенкам», но последней станцией на его пути стало Астапово.

Л. С. Дробат

ДЕПРЕЙСЫ – семья казанских знакомых Толстого. Глава семьи, казанский помещик, бывший казанский губ. предводитель дворянства Николай Исаевич Депрейс (1788–1854) был женат на Наталье Порфирьевне Молоствовой (1806–1870). У них были дочери Екатерина, Варвара и Ольга и младший сын Пётр. В доме Депрейса устраивались балы, на которых в середине 1840-х гг. не раз танцевали братья и сестра Толстые. (Более полувека спустя Толстой опишет ситуацию «на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера» в рассказе «После бала».) В мае 1851 г., по дороге на Кавказ, проезжая через Казань, Толстой посетил семью Депрейс. 22 июня 1851 г., вспоминая об этом, он писал из Старого Юрта своему казанскому знакомому А. С. Оголину: «Но вот заколыхалась зелёная шитая *portière*, выходит Молостовщина, дурные, но добрые Депрейс. Плутяки все весёленькие, свеженькие в кисейных платьицах, – так всех бы их и расцеловал» (59: 109).

Кавказ, Севастополь, потом Петербург, Москва отдалили Толстого от круга казанских знакомых: связь они не поддерживали.

В 1899 г. старшая дочь Депрейс Екатерина Николаевна (1832/1833?–1909) прислала Толстому письмо: «Мы с вами старые знакомые, Лев Николаевич, хотя вы, может быть, меня не помните. Я была очень застенчива в молодости, больше слушала, чем разговаривала. И всегда пряталась за кузин Молостровых, с которыми была неразлучна. Родители мои были близки с Юшковыми. С вашей сестрой, Марией Николаевной, мы часто виделись и очень обрадовались друг другу, встретившись в 1892 г. у В. Н. Краснукотской. Мне помнится, что вы были в Казани весной 1851 г., участвовали во многих прогулках, устраиваемых Екатериной Дмитриевной Заголкиной, и прямо с бала в доме отца моего, Николая Исаевича Депрейса, бала, длившегося до восхода солнца, 10 мая уехали вместе с Оголиным в Пановку и оттуда на Кавказ. С тех пор вы, кажется, и не были в Казани» (72: 114). Екатерине Николаев-

не 6 апреля 1899 г. Толстой писал: «Всегда с большим удовольствием вспоминаю о вашей семье и о вас» (*там же*).

Е. Н. Депрейс – автор стихотворений, составивших отдельный сборник под заглавием «Стихотворения Екатерины Николаевны Депрейс» (М., 1905). О Е. Н. Депрейс в своих воспоминаниях «Быль минувшего» рассказывает Мария Ватаци (Исторический вестник, 1913, №№ 5–7).

Ещё с одним членом семьи Депрейс позднее пересеклись пути Толстого. Пётр Николаевич Депрейс (1837–1918) – помещик Казанской губ., участник обороны Севастополя. Возможно, Толстой и Депрейс встречались в Севастополе, но впоследствии отношения не поддерживали. В июле 1905 г. П. Н. Депрейс написал Толстому, что желает повидать его, на что Толстой ответил короткой сухой телеграммой: «Извините. Очень занят. Если дело, пишите. Толстой» (76: 9). 4 января 1906 г. дочь П. Н. Депрейса, Надежда Петровна Депрейс (1875?–?), в письме просила у Толстого позволения приехать в Ясную Поляну её отцу, огорчённому отказом писателя принять его. Толстой ответил 12 января 1906 г.: «Мне неудобно приглашать вашего батюшку, но если вы можете это сделать, то передайте ему, что я сожалею о том, что огорчил его, и рад буду с ним видаться» (76: 80). Состоялась ли эта встреча – неизвестно.

Лит.: Шохор-Троцкий К. С. Казанские знакомства Толстого // Великой памяти Л. Н. Толстого. Казанский университет 1828–1928 гг. Казань, 1928.

Н. И. Буриашёва

ДЖОНС Валентин Николаевич (1865–1931) – знакомый, сосед Толстого по имени; автор статей о нём. Учёный-химик. Сын Н. К. и А. А. Джонсов, владельцев небольшого имения Бабурино, в 5 км от Ясной Поляны. В 1889 г. окончил Харьковский технологический институт, позднее – профессор химии. В 1907 г. – профессор в открывавшемся Томском технологическом институте, впоследствии преподаватель Рязанского института народного образования. С Толстым познакомился в 1888 г., неоднократно бывал в Ясной Поляне, о чём есть упоминания в дневниках и записных книжках Толстого. Автор воспоминаний о встречах с Толстым: «Л. Н. Толстой. По воспоминаниям одного из знавших его (Беседа В. Н. Джонс)» (Сибирская жизнь. 1910. Иллюстрированное приложение к № 251), а также статей о литературном и общественном значении Толстого, опубликованных после смерти писателя: «Что мы сделали?» (Сибирская жизнь. 1911. № 245 от

6 ноября), «Еще год прошёл» (Сибирская жизнь. 1912, № 247 от 7 ноября).

Д. П. Маковицкий называл Джонса «либерал-революционером» (ЯПЗ. 1. С. 323). 15 августа 1906 г. он записал: «Илья Васильевич доложил, что приехал В. Н. Джонс. На лице Л. Н. появилось мгновенное выражение тягости, что приехал революционер, что придётся с ним говорить, но принял его с добротой и вежливо. Расспрашивал, откуда приехал, про сына, про тех, с кем там был. Джонс говорил о Цугском озере, что там отдыхал, и стал рассказывать об удобствах западной цивилизации» (ЯПЗ. 2. С. 208). Заговорили с Толстым о европейской и американской цивилизации, о правительстве, о конституционно-демократической власти, о покушениях на Столыпина, на Салона в Варшаве... Толстой спрашивал Джонса, «в чём взрывчатая сила бомб» и о химическом составе бомб...

В конце декабря 1908 г. Джонс опять был у Толстых. 31 декабря в Ясной Поляне «разговор о бывшем вчера у Л. Н-ча В. Н. Джонсе, бабуринском помещике, профессоре технологического института в Томске. Л. Н. (о нём): Он мне понравился, хорошее впечатление. Владимир Григорьевич: Он очень добрый человек. Его в Бабурине крестьяне очень уважали. Он по их делам ежемесячно ездил в Крапивну. У него жила Ветрова, которая облилась керосином и сожгла себя в тюрьме, в одиночке» (ЯПЗ. 3. С. 290).

Н. И. Бурнашова

ДЖУНКОВСКАЯ Елизавета Владимировна (рожд. Винер; 1862–1928) – посетительница, корреспондент и адресат Толстого. Жена Н. Ф. Джунковского, близкого по взглядам Толстому. Впервые Толстой упоминал о Винер в письме к С. А. Толстой от 29–30 апреля 1886 г.: «Вчера же пришла вечером с Файнерманом одна одесская девица. Она приехала сюда назад тому неделю и живёт у Прокофия Власова на деревне. Я хорошенько не мог понять её и не буду стараться; а буду стараться выпроводить её отсюда, так как все эти лишние чужие лица – есть великая тягость. Узнал я про неё следующее: она дочь крымских помещиков, воспитывалась в астраханской гимназии, потом жила с сестрою в Одессе в библиотеке. Она, как говорит, с молодых лет имела страсть к деревенской жизни и физическому труду. Родители её ей в этом препятствовали. В Одессе она прочла “В чём счастье?” и решила пойти в деревню работать. Сначала хотела ехать на Кавказ, но потом выдумала ехать в Ясную Поляну. Здесь она ходила раз на подённую. Здесь же она от Файнермана взяла “В чём

моя вера?” и прочла в первый раз и говорит, что её все взгляды теперь изменились, и не решила ещё, что ей делать. Революционеркой она не была. Она знает по-английски, по-французски, ей 24 года, худая и скорее болезненная. <...>. Надеюсь, что она скоро уедет. Я же, пока она не уедет, постараюсь игнорировать её. <...> В пользу её говорит то, что она очень скромна, и вчера вовсе не хотела приходить ко мне, но я просил Файнермана пригласить её, с тем чтобы понять, что такое и зачем она приехала» (83: 564). С. А. Толстая 2 мая 1886 г. отвечала: «Одесская девица меня очень огорчила, а твоё отношение к её явлению – утешило» (83: 566).

В Ясной Поляне Винер усердно исполняла все деревенские женские работы. Позднее была сотрудницей «Посредника», в основном делала переводы с английского и французского языков.

В апреле 1887 г. вышла замуж за Джунковского. 29 декабря 1888 г. Толстой ответил большим письмом Н. Ф. и Е. В. Джунковским на их письмо от 23 декабря. В середине декабря 1891 г. Толстой написал ей письмо, где утешал в связи со смертью её детей (66: 114–116). Письма Толстого к Джунковской можно было бы назвать наставлениями на «путь жизни». В 1893 г. у Джунковских родился сын Николай (1893–1966). В 1916 г. жила в Петрограде по адресу: Большая Дворянская, 21.

Е. А. Масолова

ДЖУНКОВСКИЙ Николай Фёдорович (1862–1916) – последователь Толстого, его корреспондент и адресат; офицер лейб-гвардии уланского полка. В 1865 г. был зачислен в пажи к высочайшему двору; в 1876 г. произведён в камер-пажи; в 1881 г. определён экстерном в Пажеский корпус; в 1882 г. – в корнеты уланского полка. Под влиянием личного примера его двоюродного брата кн. Д. А. Хилкова и знакомства с религиозно-философскими сочинениями Толстого Джунковский вышел в отставку, поселился в родовом имении в Харьковской губ., в течение ближайших лет жил своим трудом на земле.

С Толстым Джунковский познакомился в 1886 г.; после встречи с ним Толстой 1 ноября писал Н. Н. Ге-отцу: «Людей братьев по вере всё прибывает. Ныне уехал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский <...> – ясный, чистый и твёрдый человек» (63: 403). В апреле 1887 г. Джунковский женился на Е. В. Винер, которая с мая 1886 г. несколько месяцев жила в Ясной Поляне, где была представлена Толстому и выполняла женские деревенские работы. «Я люблю вас обоих и не

знаю, за кого больше радоваться». — писал Толстой Е. В. Винер 11 апреля (64: 34).

В 1905 г. Джунковский вернулся на гос. службу — не военную, но гражданскую и чиновничью. В последние годы он служил в Тифлисе при наместнике Кавказа гр. И. А. Воронцове-Дашкове (85: 414).

С 1916 г. жил в Петрограде по адресу: Каменноостровский пр., 54.

Е. А. Масолова

ДИЛЛОН Эмиль (Dillon: Эмилий Михайлович; 1854–1933) — переводчик сочинений Толстого на английский язык, его корреспондент и адресат: английский филолог, журналист. Родился в Дублине, получил классическое образование в лучших французских и немецких университетах, где изучал литературу, историю философии, европейские и восточные языки. В 1880–1890 гг. жил и работал в России, занимаясь активной публицистической деятельностью. В конце 1880-х гг. Диллон стал специальным корреспондентом в С.-Петербурге ведущей лондонской газеты «Daily Telegraph», освещал все важнейшие политические, культурные и общественные события в жизни России. Его очень интересовали жизнь и творчество Толстого. Он прочитал практически все произведения Толстого, восхищаясь его описанием детства и юности, романами «Война и мир», «Анна Каренина». Перемена в мировоззрении писателя, попытка создать новую религию, основанную на нравственных законах, которые могли бы стать общими для всех людей на земле, — всё это было близко и Диллону. Как и Толстой, Диллон искал смысл человеческого существования; он мечтал о встрече с писателем и дважды (в декабре 1890 и январе 1892 гг.) приезжал к Толстому в Ясную Поляну. Молодой журналист, ему было тогда 35 лет, называл эти встречи главным поворотным моментом своей жизни, хотя при личном общении с Толстым, поговорив о религии, Диллон во многом не принял его идеи и взгляды. Во время своего первого визита в Ясную Поляну 13–15 декабря 1890 г. Диллон убеждал Толстого в необходимости написания его биографии, он хотел знать о Толстом как можно больше. Писатель даже разрешил Диллону прочитать свой дневник, но просил не использовать дневниковые записи. Сам Толстой полагал, что время писания его биографии ещё не пришло. После отъезда Диллона Толстой записал в дневнике 15 декабря 1890 г.: «...Диллон. Нынче только уехал. Мне было тяжело отчасти потому, что я чувствовал, что я для него матерьял для писания. Но умный и как будто с возникнувшим религиозным интересом» (51: 111).

В течение 1890–1891 гг. Диллон, с согласия Толстого, перевёл и издал в Англии повести «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней, «Ходите в свете, пока есть свет», «Семейное счастье», комедию «Плоды просвещения». В 1891 г. статья Толстого «Для чего люди одурманиваются?», переведённая Диллоном на английский язык, была опубликована в февральском номере лондонского журнала «Contemporary Review» под заглавием «Wine drinking and tobacco smoking», откуда в обратном переводе с английского перепечатана в России в «Новом времени» (1891. № 5354, 5355 и № 5357, 24–27 января).

Часто бывая в разных странах Европы, Диллон видел, что влияние толстовских идей в обществе с каждым годом росло, но читателю, не владеющему русским языком, негде было узнать сведения о писателе. В письме к Толстому от 23 января 1891 г. Диллон продолжал убеждать его в необходимости создания подробной документированной биографии за границей: «...мне хорошо известен Ваш взгляд на вопрос о жизнеописании <...>. Что меня касается, то я желаю только одно: рассказать жизнь как она была, не сообщая ни одного ненужного факта и особенно ни одного мнимого факта. Само собою разумеется, ни одной строки не напечатаю, не показав её Вам заранее; причём вычеркну без возражения всё, что Вам покажется нежелательным. <...> Потому что считаю своим долгом ничего не писать о жизни живущего мыслителя без его позволения и, если это возможно, его критического пересмотра» (цит. по: ТБС. I. С. 615)). Однако обстоятельства изменились, и Диллон уехал из России.

Для Диллона личность Толстого была полна противоречий, но он всегда отдавал предпочтение Толстому-художнику, автору величайших художественных произведений, а не Толстому-мыслителю. Свою книгу «Новый портрет Льва Толстого» Диллон написал уже в конце жизни, она была издана в Лондоне через год после его смерти в 1934 г.

Лит.: Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1993;

Диллон Э. Моё первое посещение Ясной Поляны // ТБС. I. С. 473–478.

Н. В. Зубкова

ДИОМИДОВ Иван Михайлович (1888–1944) — педагог, посетитель Ясной Поляны, автор воспоминаний о Толстом («Встреча с Толстым»). Позднее сотрудник журнала «Народный учитель», где опубликованы его воспоминания (1928. № 9, С. 43–51). Окончил Демидовский лицей в Ярославле. В 1910 г., ещё будучи студентом, жил в Кочетах в качестве домашнего

учителя младшего сына М. С. Сухотина Фёдора (Дорика). В Кочетах, в школе, устраивал крестьянские (народные) чтения, когда читались вслух Евангелие, жития, «сельскохозяйственные книги», художественные произведения, в т. ч. и сочинения Толстого («Чем люди живы» и др. народные рассказы). Д. П. Маковицкий писал: «Иван Михайлович провёл анкету среди детей, пьют ли водку и кто их угощает? Выходит, что пьют все, начиная с четырёх–шести лет, угощают их родители, и что вреда в питье взрослые не видят. Это Л. Н. поразило, и он жалел, что мы не привезли плакатов “Посредника” против пьянства» (ЯПЗ. 4. С. 323). Устраивал Диомидов с деревенскими мальчиками и спектакли. На одном из таких представлений в августе 1910 г. был Толстой.

20 августа 1910 г. Толстой занёс в дневник: «Ездил верхом с Диомидовым.. Он добрый» (58: 94). Во время этой поездки, как записал Диомидов, «Лев Николаевич бросил вслух замечание, что крестьяне теперь стали враждебно относиться к помещикам. При этом он добавил: “Я говорил во время утренней прогулки со сторожем имени Сухотиных, и даже он не может скрыть враждебного отношения к господам» (Народный учитель. 1928. № 9. С. 48). В этот день Маковицкий отметил в своей тетради: «Л. Н. и И. М. Диомидов ездили в Ломецкий лес, где водятся волки, поблуждали. И. М. Диомидов – студент, учитель Дорика, православный, верующий, записывает народные песни, обычаи, выступает против пьянства... устраивает народные чтения» (ЯПЗ. 4. С. 328).

28 августа 1910 г., в день своего 80-летия, Толстой в дневнике писал: «Жив. И здоров. Гулял с учителем, хорошо говорил» (58: 97). В этот день Диомидов уезжал от Сухотиных. Расставаясь с ним, Толстой подарил ему свою фотографию, на которой он снят в кочетовском парке сидящим за круглым столом и читающим письма. На фотографии написал: «Делай своё дело жизни, исполняя волю Бога, и будь уверен, что только этим путём ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни. 28 августа 1910 г. Лев Толстой».

Н. И. Бурнашёва

ДИТЕРИХС Иосиф Константинович («Жозя»; 1868–1931) – корреспондент и адресат Толстого, автор воспоминаний о нём; родственник Толстого, брат его снохи О. К. Толстой (рожд. Дитерихс), жены А. Л. Толстого. С Толстым был знаком с 1896 г. Автор открытого письма К. П. Победоносцеву по поводу отлучения Толстого

от церкви. Бывший воспитанник Пажеского корпуса, инженер-путеец. Часто посещал Ясную Поляну. В 1909 г. помогал Толстому составлять календарь для народа. Позднее помогал редактировать записки Д. П. Маковицкого, восстанавливая сказанные при нём слова Толстого. От природы был одарён необыкновенно живой, ясной и замечательно точной памятью, был путешественником и превосходным рассказчиком. Толстого всегда интересовало, что рассказывает Дитерихс, и восхищало, как он рассказывает: «Соловей, – сказал он про Иосифа Константиновича (т. е. что рассказывает так – точно соловей поёт)» (ЯПЗ. 2. С. 267).

До 1897 г. Дитерихс служил на Кавказе. Имея независимый и гордый характер, он защищал местное население в глухих горных уездах Кавказа. Сочувствуя антивоенному движению духоборов, вместе с С. Л. Толстым и Л. А. Сулержицким он участвовал в их переселении с Кавказа в Канаду. Почти год прожил среди духоборов в 1902 г. В Ясной Поляне он рассказывал, как путешествовал из Канады в Нагасаки с японцами, которые, узнав, что он знаком с Толстым, расспрашивали про него и очень заинтересовались его фотографией, которая оказалась у Дитерихса. Человек увлекающийся, Дитерихс много хлопотал по земским делам, что Толстой очень одобрял. В 1906 г., поселившись в Закавказье, занимался пчеловодством и земледелием; был любителем французского и китайского огородничества, что очень интересовало Толстого, и он даже советовал Дитерихсу и Лебрену написать об этом доступное практическое руководство (ЯПЗ. 2. С. 222).

Много лет Дитерихс прожил в Средней Азии и был знатоком тюркских языков. Он обладал приятным, звучным басом и частенько в Ясной Поляне по просьбе Толстого пел восточные песни. «Иосиф Константинович пел армянскую песню, Л. Н. и сам подхватывал, притопывал ногами в такт танцевальной песне» (ЯПЗ. 1. С. 139). Писатель всегда встречал его с радостью, однажды, разговаривая и прохаживаясь с ним по залу яснополянского дома, шутливо сказал: «Пять вёрст прошли» (ЯПЗ. 1. С. 232). По словам Толстого, «Жозя был бы святой, если бы не сплетничал» (ЯПЗ. 2. С. 408). Последние годы жизни И. К. Дитерихса прошли в Туркестане, где он заведовал шелководческой станцией.

Лит.: Дитерихс И. К. Воспоминания о Л. Н. Толстом (1903–1905 гг.) // Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сб. 2. М., 1926. С. 113–123.

Л. С. Дробат

ДИТЕРИХС Константин Александрович (1825–1899) – родственник Толстого, отец О. К. Толстой, жены А. Л. Толстого; генерал, сын боевого генерала времён Наполеоновских войн; по окончании Пажеского корпуса уехал на Кавказ в действующую армию; участник Кавказской войны. Женат на Ольге Иосифовне Мусницкой (1840–1893). С 1878 г. семья К. А. Дитерихса (в семье было 12 детей) жила в Петербурге. 7 февраля 1897 г. Толстой приехал в Петербург, чтобы попрощаться с высылаемым из России В. Г. Чертковым. На следующий день в доме матери Черткова он беседовал с генералом Дитерихсом, который был знаком с Хаджи-Муратом, видел его и в стычках на Кавказе, и после перехода его на сторону русских. Целый вечер он рассказывал Толстому о Хаджи-Мурате, «о его внешности, характере, о том, как он хромал, как кинулся со скалы и пр.» (35: 589). Дочь генерала О. К. Толстая вспоминала: «Помню встречу Льва Николаевича с моим отцом, как они уселись рядом на кожаном диване и Лев Николаевич принялся усердно расспрашивать отца о Хаджи-Мурате, и отец, хорошо знавший Хаджи-Мурата, сообщил ему некоторые факты и подробности из его жизни» (Толстая О. К. Воспоминания о Л. Н. Толстом // *ЯП. сб.* 1978. С. 260).

Вернувшись из Петербурга, Толстой записал в дневнике 9 марта: «Очень захотелось писать Хаджи-Мурата и как-то хорошо обдумалось – умирительно» (53: 143).

Зять Дитерихса В. Г. Чертков знал, что генерал всю жизнь занимался лошадьми, был их большим знатоком, по этому вопросу постоянно общался с крестьянами, которые очень ценили его знания и советы. На Кавказе Дитерихс организовал коннозаводское дело; позднее он написал книгу о лошадях, и Чертков попросил Толстого дать свой отзыв о рукописи. Толстой ответил: «Рукописи ваши получил и отсылаю назад. “О лошади”. Книга, как все практические книги, – бесполезная. (Это моё исключительное и подверженное сомнению мнение). Но как книга практическая не хуже многих и которую будут хвалить» (86: 238). Книга Дитерихса была издана под заглавием «Лошадь в крестьянском хозяйстве». В 3-х частях. М., 1890.

Л. С. Дробат

ДМИТРИЕВА-МАМОНОВА Софья Эммануиловна (1860–1946) – близкая знакомая Толстых; художница, подруга Т. Л. Толстой по Школе живописи, ваяния и зодчества. Дочь художника Э. А. Дмитриева-Мамонова (Мамонова), представителя известного дворянского рода; он окончил

Московский университет, был автором портретов писателей, поэтов, историков, общественных деятелей.

Дмитриева-Мамонова бывала у Толстых в Москве и Ясной Поляне. Помогала переписывать сочинения Толстого, участвовала в первом домашнем спектакле по пьесе «Плоды просвещения» (Ясная Поляна; декабрь 1889 г.). Толстой чувствовал себя при этом неловко, ему казалось, что пьеса скучна, зато гости, Софья Андреевна и Татьяна Львовна были довольны.

Т. Л. Толстая и С. Э. Дмитриева-Мамонова были очень дружны. Татьяна Львовна, будучи в Москве, заезжала к подруге или останавливалась у неё. Дмитриева-Мамонова была рядом с семьёй Толстых и 26 февраля 1895 г., когда хоронили сына Ванечку. Толстой оставил запись об этом тяжёлом событии, которая говорит о серьёзной внутренней работе писателя над собой: «Похоронили Ванечку. Ужасное – нет, не ужасное, а великое душевное событие. Благодарю Тебя, Отец. Благодарю Тебя» (53: 10).

Дмитриева-Мамонова была очень музыкальна. У Толстых она пела и играла на фортепьяно и даже представляла свои музыкальные сочинения, которые нравились Толстому: по просьбе отца старший сын Сергей иногда играл их в Ясной Поляне.

Однако отношение к «светской барышне» Мамоновой было у Толстого не всегда ровным. Он мог говорить с ней на самые разные темы: о феминизме, о докторе Солье и его методе лечения истерии, «о теории памяти», о сумасшествии, о «переписке Карлейля», о «семейных делах Горьких», «о Фонвизине, декабристе, её предке», о Герцене и Анатоле Франсе (*ЯПЗ. 1. С. 392–394*)... Но при оценке художественных произведений Толстому не нравилось, что она считала важной лишь их эстетическую сторону. Беседуя с ней о златокузнице Лескова, Толстой полагал, что «вся сила изящных искусств», столь ценимая Мамоновой, не сможет выразить «жизненную нравственную истину такую, которая обязывает, не такую, на которую можно только смотреть или слушать, а такую, которая осуждает жизнь прежнюю и требует нового. Пусть будет такое произведение, оно не шевельнёт даже Мамоновых, Самариных и им подобных. Неужели им не мучительно скучно? Как они не перевешаются – не понимаю» (50: 19). Вызвала однажды спор и их беседа о дяде Мамоновой, С. А. Рачинском, известном деятеле в области народного образования. Толстой был очень недоволен собой из-за этого конфликта.

Сильной стороной Дмитриевой-Мамоновой была её практичность, что, вероят-

но, и позволило ей стать попечителем земской школы в Сергиевском, а позже школы в Караваинках, которая находилась в том же районе, что и её имение, и куда она перешла по просьбе М. М. Осоргина – соседа по имению и друга, дважды губернатора в Гродно и Туле, уездного предводителя дворянства в Калуге. После революции Дмитриева-Мамонова жила в Москве и была одной из лучших преподавательниц города.

Лит.: Осоргин М. М. Воспоминания (1860–1946) // Российский фонд культуры. Российская гос. библиотека. «Российский архив», студия «Тритэ» Никиты Михалкова. М., 2009.

А. А. Аленина

ДМОХОВСКАЯ Анастасия Васильевна (рожд. Воронеж; даты жизни не установлены) – знакомая Толстого; мать революционера Л. А. Дмоховского (1851–1881). А. В. Дмоховская была в близком родстве с декабристом И. Д. Якушкиным, она и сын «имели, в профиль, большое сходство» с ним и были людьми «высоких, исключительных нравственных качеств» (63: 218). Л. А. Дмоховский был лишён всех прав, приговорён к 10 годам каторжных работ, по дороге на каторгу заболел оспой и осенью 1881 г. умер в Иркутской тюремной больнице.

В сентябре 1882 г. С. А. Толстая в письме в Москву сообщала мужу о том, что в Ясной Поляне была старушка Дмоховская, просидела весь день, «очень умная, бывшая художница, мать политического преступника, умершего в Сибири» (ПСАТ. С. 196). Позднее Дмоховская неоднократно посещала Толстых в Ясной Поляне и в Москве. «В числе восторженных поклонниц Л. Н., – вспоминал А. С. Пругавин, – была одна глубокая старушка, Анастасия Васильевна Дмоховская <...>. Старушка обожала Толстого, чуть не молилась на него, была счастлива, когда ей удавалось повидать его, поговорить с ним. Всё, что выходило из-под пера Льва Николаевича, она жадно и тщательно собирала и усиленно распространяла среди своих знакомых. А знакомство у неё было большое и весьма разнообразное» (Пругавин А. С. О Льве Толстом и о толстовцах. М., 1911. С. 96).

20 марта 1884 г. Толстой записал в дневнике: «Пришла Дмоховская. Она очень возбуждена. Принесла статью о центральной тюрьме» (49: 71). 25 марта Толстой пошёл к Дмоховской, где встретил её дочь, муж которой, А. А. Тихоцкий (1852–1922), был сослан в Сибирь в связи с делом 1 марта 1881 г. Мать и дочь говорили с Толстым будто со своим. Это повторилось и в следу-

ющий раз, уже в апреле. «Дмоховские решительно хотят революционировать меня» (49: 86), – отметил Толстой в дневнике. Тогда же Дмоховская принесла Толстому «кучу матерьяла» (49: 83). Он прочёл нелегальные рукописи народovolьцев, в т. ч. и стихотворения революционерки С. И. Бардиной, которые тронули его «до слёз». «Всё это мне становится ясно. Они играли в революцию, верили, что они преступники и враги...» (49: 83) – запись в дневнике. По просьбе А. В. Дмоховской Толстой хлопотал за её зятя, народovolьца Тихоцкого, который сидел в харьковской тюрьме, а потом должен был отбывать 5-летний срок на каторге. В 1885 г., проезжая через Харьков по пути в Крым, Толстой за время 7-часовой стоянки поезда успел посетить начальника харьковского жандармского управления и хлопотать о Тихоцком, после чего продолжил свой путь в Крым. В 1886 г. он писал А. А. Толстой: «80-летняя старуха Дмоховская (русская, бывшая замужем за поляком, – моя хорошая знакомая, очень добрая, религиозная женщина), сын которой за участие в социалистической пропаганде был сослан в Сибирь, где и умер, эта Дмоховская просит теперь государя через государыню о помиловании её зятя, мужа её дочери, сосланного два года тому назад тоже в Сибирь. Фамилия её зятя *Тихоцкий* и, сколько я знаю, дело, по которому он сослан, очень незначительное. Если можете попросить тех, от кого может зависеть исполнение её просьбы, попросите, пожалуйста» (63: 443).

В Иркутске молодых революционеров хорошо узнал, а с Л. А. Дмоховским даже сдружился В. Г. Короленко. Позднее, уже в Москве, А. В. Дмоховская в разговоре с Толстым сказала, что знакома с Короленко, и Толстой выразил желание познакомиться с ним. Она же познакомила Толстого с художницей Елизаветой Бём, которая потом долго сотрудничала с «Посредником» и сделала много иллюстраций к произведениям Толстого.

Вполне вероятно, что общением с А. В. Дмоховской вызвано появление в конце романа «Воскресение» фигуры Крыльцова, чей характер в значительной мере подсказан личностью Л. А. Дмоховского.

Л. С. Дробат

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ Митрофан Викторович (1867–1934) – знакомый Толстого и посетитель Ясной Поляны: профессор русской истории, этнограф и фольклорист, общественный деятель.

Окончив в 1894 г. историко-философский факультет Киевского университе-

та, приехал в Москву, где служил старшим помощником архивариуса Московского архива министерства юстиции. С 1899 г. преподавал в Московском университете в качестве приват-доцента, состоял секретарём комиссии Московского археологического общества и был неофициальным редактором журнала «Народное благо».

Весной 1900 г. один из последователей Толстого П. А. Буланже задумал издавать в Москве еженедельный журнал «Утро», который бы стал рупором толстовских идей. Официальным издателем согласился быть А. Н. Коншин, а редактором Довнар-Запольский. 20 августа 1900 г. Буланже и Довнар-Запольский приехали в Ясную Поляну, где с Толстым обсуждали программу еженедельника и организацию его выпуска. Об этом на следующий день Толстой записал в дневнике: «Вчера был Буланже с редактором» (54: 35).

Однако осуществить выпуск журнала не удалось. Когда в сентябре Главное управление по делам печати запросило Департамент полиции об имеющихся у них сведениях об А. Н. Коншине, который «ходатайствует о разрешении ему издавать в Москве с дозволения предварительной цензуры под редакторством приват-доцента императорского Московского университета Митрофана Довнар-Запольского еженедельный, иллюстрированный, литературно-политический журнал под названием "Утро"», то получило обширную «Справку для памяти», подписанную чиновником особых поручений Л. А. Ратаевым. В ней сообщалось, что по имеющимся данным, добытым путём перлюстрации писем Коншина и Буланже, «Коншин и Довнар-Запольский являются лишь подставными лицами, под фирмою которых он <журнал. – В. Ч.> будет выходить; закулисным же редактором будет Буланже, а главным сотрудником граф Лев Толстой и его последователи... личности более или менее сомнительной благонадёжности» (Карякин В. Н. Московская «охранка» о Л. Н. Толстом и толстовцах (1882–1912 гг.) // *Голос минувшего*. 1918. № 4–6. С. 300–301). После такой «рекомендации» Департамента полиции дальнейшие хлопоты Буланже положительных результатов не дали. 12 декабря 1900 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Затея издания кончилась. Я жалею, но не себя. Это поощряло бы меня писать легкомысленное» (88: 216). О посещении Ясной Поляны и беседах с Толстым Довнар-Запольский оставил воспоминания. В них он, в частности, отметил, что представлял великого русского писателя по портретам «полным, мощным старцем с суровым лицом», а в действительности увидел

«фигуру старца, украшенную красивой бородой, среднего роста, немножко сгорбленного и довольно тшедушного...» Запомнилась ему также беседа, во время которой писатель сообщил, что обдумывает «повесть из жизни декабристов». Советуясь с ним как с историком, Толстой поразил его «тем многолетним накоплением знаний эпохи, которое выявил в разговоре» (54: 422–423).

О второй случайной встрече с писателем осенью 1900 г. в Москве Довнар-Запольский рассказал в небольшой зарисовке «Встреча с Л. Н. Толстым». «На углу Zubовской площади и Пречистенки, – писал историк, – на тротуаре стоял Лев Николаевич и проникновенно глядел на дефилировавшие перед ним длинные ряды солдат. Солдаты проходили стройно и молча, колонна за колонною... Вся фигура его отражала на себе великую муку... Глубокие глаза его были полны грустью и страданием...

Я подошёл и поздоровался: "Вы так грустно настроены. Лев Николаевич..." – "Да, вы видели, мимо прошло столько молодых жизней, здоровых, крепких... отцов семейств..." Мы повернули по Пречистенке, и Лев Николаевич вдохновенно стал развивать свои мысли о том, сколь велико преступление готовить людей к убийству, обучать их убивать друг друга. Мы незаметно прошли до Театральной площади. Я, сильный, устал от быстрой ходьбы. Лев Николаевич, совершавший свою обычную прогулку из Zubова к Кузнецкому мосту и обратно, был бодр и добродушно стал советовать мне побольше заниматься физическим трудом» (ЦГИА Украины. Ф. 262, оп. 1, д. 72, л. 13 об).

Лит.: Михальченко С. И. М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // *Вопросы истории*. 1993. № 6; Чисников В. Две встречи (Л. Н. Толстой и М. В. Довнар-Запольский) // *Толстовский сборник*. 2000. Ч. 2. Тула, 2000. С. 363–367.

В. Н. Чисников

ДОЛГОВ Сергей Михайлович (1850–1920) – переводчик, драматург, археолог. Сослуживец по Московскому торговому банку близкого знакомого Толстого А. Н. Дунаева. В дневнике Толстого 18 февраля 1889 г. отмечено: «Вечером Дунаев с Долговым. Оба умные, практически умные, но не тонкие» (50: 38).

Толстой предложил Долгову перевести книгу А. Стокгэм «Tocology. A book for every woman» («Токология или наука о рождении детей. Книга для женщин»), изданную в Чикаго в 1888 г. Американка Алиса Стокгэм, врач и активная деятельница по борьбе с проституцией, прислала Толсто-

му свою книгу, которая очень понравилась Толстому. 30 ноября 1888 г. он писал А. Стокгэм, что считает эту книгу важной не только для женщин, но «для всего человечества», а также высказывал пожелание, чтобы книга продавалась в Москве и Петербурге. Свою мысль о переводе книги А. Стокгэм Толстой высказал в письме В. Г. Черткову в ноябре 1888 г.: «Я не присылаю вам книгу, потому что сам читаю, да и хочу перевести. Я пишу ей, чтоб прислала в Россию» (86: 189).

В 1889 г. Стокгэм приехала в Россию и посетила Ясную Поляну. Перед её приездом Толстой послал ей адрес Дунаева (Дунаев должен был позаботиться о ней во время пребывания в Москве), а также заверял, что Дунаев скажет ей «всё относительно токологии, которую переводит его друг г. Долгов» (20 сентября 1889 г. – 64: 305).

Во время работы над переводом книги А. Стокгэм Долгов обратился к Толстому с просьбой написать предисловие к русскому изданию. В дневнике 2 февраля 1890 г. Толстой отметил: «Приехал Долгов о токологии, написал предисловие» (51: 16).

В предисловии Толстой говорил о значении книги для русской публики: «Книга эта имела огромный успех в Америке и имела важное и большое влияние на американских матерей и отцов. В России она должна бы оказать ещё большее влияние. <...> Вопросы о половом воздержании в семейной жизни <...>, отчасти уже решённые, отчасти разрабатываемые и имеющие огромную литературу в Европе и Америке, у нас ещё не затрагиваются, а потому книга Стокгэм особенно важна для нас...» (27: 267–268).

О переписке с Долговым есть несколько упоминаний в дневнике и записных книжках Толстого за 1890 г. (51: 72; 51: 130). В конце июля 1890 г. Долгов писал Толстому о сложностях прохождения перевода книги Стокгэм через цензуру и обращался с просьбой о новом предисловии («Медицинский совет признал, что проводимый Толстым взгляд на русскую медицинскую науку и её представителей может оказать вредное влияние на читателей. Просит переделать или написать новое предисловие» – *Гусев. Летопись*. 1. С. 764). Толстой отметил об этом письме: «От Долгова, просит нового предисловия» (август 1890 г. – 51: 159).

На русском языке книга А. Стокгэм с примечаниями автора специально для русских читателей появилась под названием «Токология или наука о рождении детей. Книга для женщин. Д-ра медицины Алоизы Стокгэм. С предисловием графа Л. Н. Тол-

стого. С портретом автора и с рисунками. С разрешения автора перевёл с английского С. Долгов» (М., 1892).

В России книга переиздавалась 4 раза, последнее издание – в 1901 г.

И. Ю. Матвеева

ДОЛГОРУКОВ Павел Дмитриевич (1866–1927), князь – корреспондент, адресат и посетитель Толстого; политический и общественный деятель, публицист, профессор Московского университета, сотрудник газеты «Русские ведомости». Самостоятельно и вместе с братом-близнецом, кн. Петром Дмитриевичем (1866–1945), неоднократно бывал у Толстого, состоял в переписке с Л. Н. и С. А. Толстыми. Как председатель Московского общества грамотности присутствовал 31 января 1910 г. на открытии народной библиотеки-читальни в Ясной Поляне. Он приехал накануне и вечером обсуждал с Толстым списки книг, которые привёз с собой. У Толстых давно говорили о необходимости открытия в деревне библиотеки, которой могли бы пользоваться крестьяне Ясной Поляны и соседних деревень. На открытии присутствовали, помимо Толстого и членов его семьи, яснополянские крестьяне. Долгоруков произнёс речь, Толстой коротко сказал, что очень благодарен и надеется, что и его близкие, – и показал на крестьян, – тоже будут благодарны. За первый год работы в библиотеке побывал 351 читатель, не только яснополянцы, но и мужики из ближайших деревень: Телятинок, Груманта, Бабурина, Тросны. В последний свой приезд в Ясную Поляну 15 октября 1910 г. Долгоруков до 11 часов вечера беседовал с Толстым о книгах и посетителях яснополянской читальни. Больше они не виделись. В 1918 г. Долгоруков эмигрировал. Но жить вне России не мог. Несколько раз переходил советско-польскую границу, в 1926 г. был арестован и в июле 1927 г. расстрелян.

Л. С. Дробат

ДОЛГОРУКОВ Пётр Дмитриевич (1866–1951), князь – посетитель Толстого; русский политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), член I Гос. думы от Курской губ. Представитель старинного княжеского рода, крупный землевладелец. Рассчитывал на поддержку Толстым программы Конституционно-демократической партии. Когда писатель летом 1902 г. возвращался из Крыма после лечения, Долгоруков в Курске возглавил делегацию учителей, приветствовавших Толстого. За это товарищ министра внутрен-

них дел генерал фон-Валь пытался сделать Долгорукову «внушение», но тот возразил жандармскому генералу, что подобные встречи были организованы во время остановок на всём пути следования писателя из Севастополя и что «если уж кто нарушил общественную тишину и спокойствие, то это именно жандармы, которые бросились в толпу с криками: «Кто вам приказал кричать "ура"? Нельзя без приказа кричать "ура"» (54: 491).

6 июня 1905 г. Толстой в дневнике записал: «...жду с неудовольствием Долгорукова» (55: 144). 15 июня 1905 г. Долгоруков посетил Ясную Поляну. По этому поводу позднее Д. П. Маковицкий записал слова Андрея Львовича, которые помогают понять взаимоотношения писателя с Долгоруковым: «Пётр Долгорукий, когда был здесь, говорил: "Это удивительная вещь, как Л. Н. не хочет нас слушать" (их кадетскую программу)» (ЯПЗ. 2. С. 286).

О. В. Ланская

ДОЛЬНЕР Анатолий Владиславович (1867–1896) – последователь, адресат и корреспондент Толстого. Сельский учитель из Воронежской губ., знакомый В. Г. Черткова. 30 апреля 1889 г. Толстой записал в дневнике: «После обеда стали читать, пришёл Дольнер, Черткова знакомый, из Академии художеств. Бросил и верит в Христа» (50: 77); «...прочёл письма Дольнера. Какой сильный духом человек!» (50: 119). О своём расположении к Дольнеру, избравшему путь следования народной традиции миропонимания, Толстой писал 17 мая 1889 г. П. И. Бирюкову: «...очень умный и серьёзный человек» (64: 256), а 18 июня 1889 г. – Г. А. Русанову: «Дольнер мне очень понравился. Серьёзный и сильный человек» (64: 266). 20 марта 1890 г., отвечая на сомнения в оправданности «любовного (ненасильственного) обращения с учениками», Толстой писал Дольнеру, выражая свою поддержку: «...добро будит добро в сердцах людей и наверное производит это действие, хотя оно и не видно» (65: 50). Уволенный в 1890 г. по неблагонадёжности, Дольнер переехал на Кавказ, оттуда – в Одессу, так что его нравственная решимость в отстаивании собственной позиции выявляла для Толстого «происходящую» в молодом человеке «внутреннюю работу» (65: 204). Дольнер высказал Толстому своё несогласие с Н. Л. Озмидовым, отвергавшим борьбу в самоопределении и становлении характера, что оказалось близким и писателю: «Мнение Озмидова о том, как почему-то не надо бороться, я знаю и не одобряю. – Человеку указан идеал добра <...>. Инерция

прошедшей жизни, страсти, слабости мешают человеку приблизиться к этому идеалу, так как же ему не бороться с привычками, страстями, слабостями?» (66: 22).

Мечтавший о семейном очаге, Дольнер оказался в Одессе совсем один и без средств к существованию. Узнав о его болезни, Толстой просил учителя А. И. Ярышкина, с которым был связан по вопросу создания общества трезвости, помочь своему юному единомышленнику: «В Одессе в городской больнице лежит любимый и уважаемый мною молодой человек Анатолий Владиславович Дольнер, он бывший воспитанник Академии художеств. У него нет никого знакомых в Одессе и нет никаких средств. Посетите его, пожалуйста, узнайте, что ему нужно и, как можете, помогите ему. <...> Надеюсь, что вы <...> будете благодарны за случай познакомиться с замечательно умным и хорошим человеком» (65: 208–209).

А. С. Кондратьев

ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ Михаил Александрович (1792–1869), князь – зна-

комый Толстого. Происходил из нетитулованного рода Корсаковых. По окончании курса во 2-м кадетском корпусе служил в лейб-гвардии Преображенском полку, участвовал в военных действиях против Наполеона в 1812–1814 гг. В 25 лет кн. уже имел чин полковника, и его военная карьера, казалось, обещала блестящую будущность. Но вскоре после свадьбы с единственной дочерью и наследницей кн. Н. И. Дондукова-Корсакова Марией Никитичной, состоявшейся 5 ноября 1819 г., у него стала прогрессировать болезнь глаз. Возникло серьёзное опасение, что он может ослепнуть, как его отец. Пришлось оставить военную службу, и в конце 1820 г. он был уволен по болезни. В том же году, 20 сентября, по высочайшему повелению, Корсакову было дозволено принять фамилию, герб и титул князей Дондуковых и именоваться впредь, потомственно, кн. Дондуковым-Корсаковым. Через шесть

лет, когда здоровье значительно улучшилось, он был назначен ко двору его императорского величества камергером и вновь поступил на службу в Министерство внутренних дел чиновником по особым поручениям. В 1827–1830 гг. кн. – предводитель дворянства в Гдовском уезде, а в 1830 г. определён Совестью судьей



Михаил Александрович Дондуков-Корсаков

с состоянием при Министерстве внутренних дел. Эта должность имела тогда в обществе большое влияние, т. к. именно к Совестному суду, где с согласия сторон безапелляционно разрешались споры, часто прибегали дворяне, чтобы разрешить запутанные семейные дела. Совестных судей, деятельность которых не предусматривала никакого вознаграждения, выбирали сами дворяне. Кн. избирался на эту должность на два срока (по 3 года) и, как вспоминал его сын А. М. Дондуков-Корсаков, чрезвычайно дорожил оказанным ему доверием.

В 1832 г. во время эпидемии холеры в С.-Петербурге Дондуков-Корсаков принял на себя обязанности попечителя Адмиралтейской части для надзора и ухода за больными и за эту деятельность был награжден орденом Св. Анны 2 степени. Тогда же он стал членом Общества для поощрения лесного хозяйства, поскольку, по воспоминаниям близких, был сведущ во всех отраслях сельского хозяйства. С 21 августа 1833 г. по предложению министра народного просвещения гр. С. С. Уварова Дондуков-Корсаков был назначен попечителем С.-Петербургского учебного округа и состоял в этой высокой должности 9 лет. Студенты и преподаватели называли его «любимым попечителем», т. к. при нём настал, по мнению современников, период процветания Петербургского университета.

В 1835 г. кн. стал вторым вице-президентом императорской Академии наук и председателем в Комитете правления Академии; вице-президентом он оставался до 1852 г. С пребыванием Дондукова-Корсакова в этой должности связана эпиграмма А. С. Пушкина:

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому, что <...> есть (1836).

Поэт не просто высмеял кн., удостоившегося заседать в Академии единственно по той причине, что у него «есть чем сесть», как читалась эпиграмма в исправленном «для дам» виде. Смысл эпиграммы состоял в другом: в молодости, как утверждали в столице, Дондуков-Корсаков состоял «в любовной связи с Уваровым». За эти «заслуги» Уваров, став министром народного просвещения, провёл кн. и в попечители Петербургского учебного округа, и в вице-президенты Академии наук. По словам друга Пушкина С. А. Соболевского, «Пушкин жалел об эпиграмме <...>

когда лично узнал Дундука» (Пушкин и современники, вып. XXXI–XXXII. Л., 1927. С. 39).

Ему приходилось часто общаться с Дондуковым-Корсаковым, который, будучи попечителем, исполнял обязанности и председателя Петербургского цензурного комитета. В феврале 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «В публике очень бранят моего “Пугачёва”, а что хуже – не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псать не любит. Кстати, об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен» (Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 342). В апреле 1835 г. поэт с горечью сообщал А. Х. Бенкендорфу: «Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урождённого Корсакова. Оба уже дали мне её почувствовать довольно неприятным образом» (*там же*. Т. 10. С. 237). Однако судя по сохранившейся переписке (известно 3 письма Пушкина и 4 письма Дондукова-Корсакова), их отношения впоследствии стали более терпимыми. «...Все статьи, поступившие в мой журнал <«Современник»>. – Т. М., были пропущены. Но разрешением оных обязан я единственно благосклонному снисхождению вашего сиятельства...» – писал поэт (*там же*. С. 283). Искренне доброжелательные отношения у Пушкина сложились с братом Дондукова-Корсакова, переводчиком и цензором Петром Александровичем Корсаковым: «Нскогда, при первых моих шагах на поприще литературы Вы подали мне дружескую руку», – писал ему поэт в конце сентября 1836 г. (*там же*. С. 305). В 1841 г. Дондуков-Корсаков был назначен председателем комитета, учреждённого для нового устройства Академии наук, а в 1842 г. подал прошение об увольнении с должности попечителя Петербургского учебного округа.

Живя в столице, кн. имел огромный круг знакомых, дом Дондуковых-Корсаковых всегда был открыт. По воспоминаниям одного из сыновей, семья «состояла из пяти сыновей, пяти дочерей, одной юной сестры, одного племянника и двух племянниц-сирот, поступивших в дом уже не в младенческом возрасте. <...> Все дети, свои и чужие <...> искренне любили князя Михаила Александровича и его доброго ангела княгиню Марию Никитичну» (Дондуков-Корсаков А. М. Род князей Донду-

ковых-Корсаковых. СПб., 1886. С. 106). Кн. Н. Д. Жевахов вспоминал, что князь «лично руководил воспитанием своих детей, внимательно следил за их духовным ростом, прислушивался к их духовным запросам и между ним и его детьми существовали близкие дружеские отношения» (Кн. Жевахов Н. Д. Княжна М. М. Дондукова-Корсакова, СПб., 1913. С. 6).

В 1861 г. Дондуков-Корсаков вышел в отставку и поселился в своём имении Глубоком Опочецкого уезда Псковской губ. Одна из бывших крепостных кн. вспоминала: «Крестьяне знали: если что случилось – плохой урожай, дырявая крыша, корова сдохла, или ещё что, всякий мог прийти в контору, князь всегда поможет. Знали, что князь всегда за ними постоит и никогда своих не выдаст» (Волков-Муромцев Н. В. Юность. М., 1997. С. 61–62).

Толстой познакомился и довольно близко сошёлся с семьёй М. А. Дондукова-Корсакова за границей, во время краткого пребывания в Брюсселе, где остановился проездом из Лондона в марте 1861 г., чтобы заказать скульптору Гифсу бюст своего недавно скончавшегося брата Николая. Наблюдать за этой работой писатель попросил князя Михаила Александровича. Скульптор выполнил два бюста: один в мраморе, другой в гипсе (хранятся в Ясной Поляне). «Здесь я, напротив, живу очень тихо, – сообщал Толстой брату Сергею, – это уездный городок в сравнении с Лондоном, и здесь у меня знакомые – Дундуковы, старик, старуха, две больные дочери и одна 15 лет, стало быть, ничего нет по части Гименя. Впрочем, по этой части уж очень плоха надежда, так как последние передние зубы поломались. Но дух бодр» (ИТСБ. С. 238–239). Бывая у Дондуковых-Корсаковых, Толстой испытывал «кроткое чувство семейности», о чём писал в дневнике 1/13 апреля (48: 32). В записной книжке 16 марта 1861 г. писатель отметил: «Бросаю все начатые писанья, художественные и философские, и пойду сначала. – Каждое утро философское, вечер – художественное» (48: 82). В эти дни Толстой начал работать над рассказом «Поликушка». В письме к А. И. Герцену он дал характеристику местному обществу, обсуждавшему последние события в России: «Здесь же, к удивлению моему, старые русские, как князь Дундук, похваляют государя за его твёрдость. Влияние совершившегося факта будет страшно сильно. Все будут либералы теперь, когда интересы будут натывать только на стеснения, а не поддерживаться ими» (60: 370).

Переписка Толстого за время этой заграничной поездки свидетельствует о том большом месте, которое занимала тогда в его жизни педагогика. Он подбирал нужную литературу и хлопотал о доставке книг в Россию. Значительную помощь в общении с заграничными книгопродавцами оказывал писателю Дондуков-Корсаков. Вскоре после отъезда Толстого из Брюсселя князь отправил ему 11 апреля 1861 г. большое подробное письмо со справками о народных школах Бельгии: «По справкам, мною сделанным, оказывается, что никакого предписания, циркуляра министра просвещения для народных школ в Бельгии не существует. Здесь преподавание свободно, и потому каждый, как говорится, во что горазд, т. е. каждый преподаёт по-своему. Но дабы дать Вам об этом предмете понятие, я поручил книгопродавцу Классену доставить мне на рассмотрение все первоначальные азбуки и сведения в разных и особенно противоречащихся системах (орфографии) <...> выберу и пошлю Вам то, что покажется мне интересным для Вас» (60: 518–519). В письме от 26 мая, уже после возвращения в Россию, Дондуков-Корсаков сообщал писателю: «Писал я вам из Визбадена прямо в Тулу и оттуда в Ясные поляны, уведомляя, что ваши портретные карточки и отлитые буквы Вашей выдумки отправились в деревню Аделаиды Николаевны, которая вместе с Ольгой выехала из-за границы прежде вас, полагая, что тем ускорю желание Ваше за счёт получения этих вещей» (ОР ГМТ). Общение Толстого с князем было недолгим, о чём Дондуков-Корсаков очень сожалел: «По возвращении моём на родину дочь моя Мари, а по-вашему Марья Михайловна, сообщила мне письмо ваше от 18-го мая. В нём вы сами называете себя *преступным*, а по-моему, были вы, любезный Лев Николаевич, несколько виноватым, что прервали без всякой причины ваши отношения со мной, которые были столь нецеремонными и, смею сказать, самые дружеские» (60: 520). Дондуков-Корсаков высоко ценил творчество Толстого, дорожил отношениями с ним и в 1861 г. писал из Германии: «Я любил всегда литературные произведения графа Толстого, но сознаюсь, что простое, приятное письмо ваше ещё более для меня приятнее. <...> Но признаюсь, стал я немного в тупик от противоречия, которое нашёл в словах ваших. Вы говорите, что Эйзенах, Веймар суть милейшие городки в мире – но что *цивилизации* нет никакой, хотя школ пропасть и очень хороших – и я прошу не только любимого моего соотечественника, но и литератора графа Толстого объяснить

мне, что понимает он под словом *цивилизация*» (60: 518). Известно, что во время обыска в Ясной Поляне летом 1862 г. «частному приставу показалось подозрительным письмо *старого* князя Дундукова-Корсакова, и секретарь мой, – сообщал Толстой гр. А. А. Толстой, – утащил это письмо из фуражки, куда оно было отложено» (ПАТ. 2011. С. 227).

Вспоминая о недолгом знакомстве с М. А. Дондуковым-Корсаковым, Толстой всегда тепло отзывался о нём: «Он был добродушнейший человек. Действительно, ему было неуместно заседать» (ЯПЗ. 3: 211–212); «Напрасно Пушкин его так осудил. Он был самый обыкновенный, старого века человек» (ЯПЗ. 3. 408). Ещё будучи за границей, Толстой обещал князю погостить в его имении Глубоком. «...Две мечты занимают меня относительно вас, – писал он своим двоюродным тёткам гр. А. А. и Е. А. Толстым в апреле 1861 г. – Первая то, что Прасковья Васильевна заедет в Ясную, ехавши к Валдбольским; вторая, что вы поедете в Глубокое, и я приеду к вам и поседу с вами. Пожалуйста, сделайте, чтобы это сбылось» (ПАТ. 2011. С. 189). Желание Толстого навестить старого князя не осуществилось... В последние годы жизни, по воспоминаниям А. М. Дондукова-Корсакова, «отцу пришлось испытать много горя, много разочарований; к тому же материальные его дела совершенно расстроились и его мучила мысль оставить после себя любимую им семью <...> в самом стеснительном и затруднительном положении в будущих средствах существования» (Старина и новизна. Исторический сборник. СПб., 1902. Кн. 5. С. 191). Князь М. А. Дондуков-Корсаков скончался на 75 году жизни в своём имении Глубоком Опочецкого уезда Псковской губ. Похоронен в семейном склепе с. Полоная Порховского уезда.

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА Антонина (Аделаида) **Николаевна** (рожд. Окунева; даты жизни не установлены) – знакомая Толстого, дочь генерал-лейтенанта Н. А. Окунева (1788–1850), представителя русского дворянского рода, восходящего к первой половине XVI в., участника Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. Жена Н. М. Дондукова-Корсакова (1825–1869) – полковника, участника Венгерской компании и Кавказской войны, сына М. А. Дондукова-Корсакова, с семьёй которого был знаком Толстой. Адресат неотправленного письма Толстого из Франкфурта-на-Майне от 28 марта/9 апреля 1861 г.: «Тайна. Я для того написал это слово, что-

бы, ежели вам случится получить это письмо при Князе, вы бы не сказали ему от кого, не читав письма. Вот в чём дело, любезная княгиня Аделаида Николаевна, и просьба моя к вам: есть новое Герценовское издание всех запрещённых в России стихов. Так как Князь любит иметь все новости, я боюсь, чтобы он не купил эту книгу, а в ней есть глупые ребяческие стихи Пушкина на Князя Дундукова, хотя и не очень злые, но пошлые и насмешливые. Мне бы хотелось избежать этой неприятности для него и, зная вашу практичность и спокойствие, не говоря о других качествах, которые вы разделяете со всем семейством, я обращаюсь именно к вам. Отвратите от него как-нибудь эту во всех отношениях мерзкую книгу, или вырвите этот листок, ежели он её купит» (60: 377). Речь шла о книге «Русская потаённая литература XIX столетия», с предисловием Н. Огарёва. (Лондон, 1861). Толстой имел в виду известное стихотворение-эпигramму А. С. Пушкина «Князю Дундукову-Корсакову» («В Академии наук / Заседает князь Дундук...»).

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА Екатерина Александровна (Корсакова; даты жизни не установлены) – племянница кн. М. А. Дондукова-Корсакова, дочь его брата Александра. Отец князя, Александр Степанович Корсаков, имел от первого брака с Е. П. Резановой шестерых детей: Петра, Александра, Михаила, Николая, Екатерину и Варвару. Как вспоминал сын князя, в их доме постоянно проживали родственники и большая семья «состояла из пяти сыновей, пяти дочерей, одной юной сестры, одного племянника и двух племянниц-сирот, поступивших в дом уже не в младенческом возрасте» (Дондуков-Корсаков А. М. Род князей Дондуковых-Корсаковых. СПб., 1886. С. 106).

Толстой встречался с Е. А. Дондуковой-Корсаковой в Гиере, известном курорте на юге Франции, куда он приехал вместе с сестрой и братом в сентябре 1860 г. Екатерина Александровна жила в Гиере у своей тётки кн. Е. А. Голицыной, сестры М. А. Дондукова-Корсакова. «Лев Николаевич уже тогда был известен, и русское общество в Гиере и окрестностях искало знакомство с ним», – вспоминала М. Н. Толстая (Бирюков. 1. С. 192). Толстой часто виделся с девушкой у общих знакомых. «С княгиней и Катенькой весело», – записал он в дневнике 28 октября 1860 г. (48: 30).

Пережив тяжёлую утрату – смерть брата Николая, в декабре писатель уехал из Гиера в Париж. Вскоре М. Н. Толстая сообщила

брату: «Здесь большие перемены: у Дондуковых несчастье, умер брат князя в России, и он с m-lle Катенька поехал в Брюссель» (ПТСБ. С. 231).

В марте 1861 г., приехав в Брюссель, Толстой близко сошёлся с семьёй М. А. Дондукова-Корсакова. Часто бывая в доме князя, он вновь задумался о необходимости перемен в своей личной жизни и писал в дневнике: «Брюссель – кроткое чувство семейности, письмо о Катеньке к Машеньке» (48: 32). Писатель обратился к сестре с просьбой узнать об отношении к нему Екатерины Александровны и высказать своё мнение о ней как о его возможной спутнице жизни. О содержании этого несохранившегося письма можно судить из ответа Марии Николаевны: «Если ты не влюблён, стало быть, не поступаешь сгоряча, как с Валерией <В. В. Арсеньевой. – Т. М.>, а рассудил, что жениться надобно и что эта барышня тебе подходящая (мне кажется тоже). Но я именно боюсь в тебе *подколесинскую закуску*. Если это устроится, вдруг тебе покажется, зачем я это всё делаю. К. А., если не влюблена в тебя, чего я не думаю, то, вероятно, полюбит, сделавшись твоей женой, и в её лета, конечно, можно наверное сказать, не разлюбит и имеет все данные, чтоб быть хорошей, понимающей женой и помощницей и хорошей матерью. <...> Но чувствуешь ли ты, что серьёзно хочешь жениться и заботиться о жене <...>. Впрочем, ради Бога, – не анализируй слишком <...>. Я опять повторяю, что если ты *серьёзно решился* сесть на тягло, то лучше девушки и не надо. Она может тебя сделать счастливым, и ты тоже, но может ли тебя сделать счастливым положение женатого человека – вот главный вопрос. <...> Отвечай скорее, каким образом мне и какими путями узнать её чувства к тебе» (ПТСБ. С. 242).

Переписка продолжалась, и в ответ на следующее письмо брата (также не сохранившееся) Мария Николаевна писала: «Намерение твоё, как я вижу ещё более из твоего другого письма, серьёзно, потому я сказала княгине о тебе, взяв с неё честное слово, что она не будет говорить К. А., пока она не узнает, какое чувство у ней к тебе. Она мне сейчас показала письма, которые она писала ей из Брюсселя: в каждом письме она говорит о тебе, как она тебя ждёт, как жалеет, что не увидит, что она имеет к тебе большое доверие и что ты один имеешь на неё влияние. Она осталась в Брюсселе потому, что княгиня написала ей, что ты советуешь ей остаться. <...> <в апреле 1861 г. Толстой уже покинул Брюссель и уехал в Германию. – Т. М.> Ради Бога, не беги от своего счастья; лучше девушки по себе ты не встретишь;

и семейная жизнь окончательно привяжет тебя к Ясной Поляне и к твоему делу.

Приезжай, Лёвочка, в делах сердца, право, мы (т. е. женщины) лучше знаем, – если ты начнёшь рассуждать, то всё пропало. <...> Поверь, что то чувство дружбы и уважения, которое она к тебе теперь может иметь, гораздо прочнее и разовьётся в более нежное. Как бы я этого желала! <...> Я со страхом пишу тебе это письмо, боюсь, не уехал ли ты в Россию» (ПТСБ. С. 244). Толстой не спешил принимать решение, и, не дождавшись его ответа, М. Н. Толстая сообщила брату: «Я должна тебе сказать теперь, что и К. А. всё знает. <...> Почему бы тебе не вступить в переписку с княжной: всё бы объяснилось само собой. Чем больше я узнаю К. А., тем больше вижу, как эта девушка достойна счастья и как горько, если ты упускаешь своё собственное» (ПТСБ. С. 245).

Толстой так и не последовал настоятельными советам сестры. Узнав о том, что она рассказала княгине о его намерениях, он отправил Е. А. Голицыной письмо, а в дневнике записал: «Е. Голицыной – повторение Валерии» <В. В. Арсеньевой. – Т. М.; 48: 34>. О содержании письма Толстого отчасти можно судить из ответа княгини: «Я Вам грустное письмо писала, а укорять Вас, как Вы видите, не было ни в мыслях и ни на сердце моём <...>. Я как другу и доброй нежной душе говорю, Вы не виноваты, да и мы не виноваты, а все страдаем» (ПТСБ. С. 245). Уехав из Гиера, М. Н. Толстая попыталась успокоить брата, оказавшегося в неловком, как он считал, положении: «Лёвочка, твои дела, кажется, не так плохи, т. е. смущаться тебе нечего. Княгиня, кажется, схитрила, сказавши, что она разболтала К. А., чтобы посмотреть, какой это на тебя произведёт эффект. <...> К. А. всё так же мила, проста в обращении. <...> Мы расстались друзьями» (ПТСБ. С. 247).

Вернувшись в Россию и будучи проездом в Петербурге, писатель побывал у А. А. Толстой и, вероятно, рассказал об этой истории. «Вы знаете, как я всегда желала вашей женитьбы, я этого хочу и теперь, даже больше, чем когда-либо – я совершенно твёрдо убеждена, что вы из тех, кому положение старого холостяка не подходит никоим образом – но, конечно, в этом желании, горячем и искреннем, огромная доля самоотречения, – писала А. А. Толстая 25 апреля 1861 г. – <...> Я жажду благословить вас и сделаю это с радостью, даже если я вас действительно потеряю <...>. А всё-таки мне хотелось побыть с вами перед метаморфозой» (ПАТ. 2011. С. 192–193).

Приехав в Ясную Поляну, Толстой, очевидно, не раз задумывался о своём недав-

нем намерении жениться и признавался А. А. Толстой: «Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьной, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы. Так что надевать пятый хомут — брачный, я надеюсь, и не почувствую необходимость» (ПАТ. 2011. С. 196).

«Так кончилась ничем и эта последняя перед женитьбой попытка Толстого устроить себе семейную жизнь» (Гусев. Материалы. 2. С. 418).

Е. А. Голицына и её племянница, по словам С. А. Толстой, послужили прототипами баронессы Шталь и её воспитанницы Вареньки в романе «Анна Каренина».

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА Мария Михайловна (1828–1909) — знакомая Толстого, его корреспондент и адресат; дочь князя М. А. и М. Н. Дондуковых-Корсаковых. В юности княжна тяжело болела, страдала сильными болями в позвоночнике. Потребовалось лечение за границей. Когда и это не помогло, как вспоминали в семье, княжна смогла победить недуг молитвами у иконы Казанской Божьей Матери в Петербурге: всю жизнь М. М. Дондукова-Корсакова была очень религиозна. После чудесного выздоровления началась её подвижническая деятельность.

Толстой познакомился с М. М. Дондуковой-Корсаковой или в Париже в 1860 г., или в Брюсселе в марте 1861 г., когда довольно тесно общался с семьёй князя Дондукова-Корсакова (после Брюсселя они более не встречались). Находясь за границей, княжна вместе со своим отцом изучала систему народного образования в Европе, преимущественно в Бельгии. Перед этой поездкой она уже активно занималась устройством школ во многих деревнях Опочецкого уезда Псковской губ., принадлежавших ей и её родным: в 1857–1861 гг. открыла десять школ для обучения крестьянских детей. «По справедливости можно сказать: княжна Марья Михайловна — редкое явление в кругу образованном, аристократическом, в отношении её ревности к образованию меньшей братии крестьян, материнской к ним любви и снисходительности», — писал один из современников (цит. по: Корнева Н. М. Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова и народное образование в Опочецком уезде в середине XIX в. // Псков. 2003. № 19. С. 76). Собрать детей в учили-

ща было нелегко: княжна в частых объездах деревень долго, а подчас и безуспешно уговаривала крестьян, обещая за взятых в ученики детей какую-либо помощь: увольнение от барщины, оказание материальной поддержки... Противодействуя предрассудкам, распространяя евангельское учение, она и две её помощницы (девушки духовного звания, выписанные из Царскосельского училища) ездили по сёлам и беседовали с крестьянами. Кроме того, в 1860 г. княжна основала школу для учителей и учительниц, в которой при её непосредственном наблюдении обучалось одиннадцать взрослых девушек и женщин и двое трое мужчин. После отмены крепостного права учительская школа прекратила своё существование, а из всех организованных княжной школ в Опочецком уезде сохранились школы лишь в сёлах Глубоком и Артюхове. Тем не менее во многом благодаря деятельности М. М. Дондуковой-Корсаковой, Порховский и Опочецкий уезды в начале 1860-х гг. занимали первое и второе места по числу грамотных учащихся в Псковской губ. Кроме того, как вспоминал священник одного из сельских приходов, «каждый день, исключая разве времени своей болезни, она посещала устроенную в селе больницу, просиживала с больными по несколько часов, сама ходила за ними, обмывала, перевязывала их раны, либо беседовала и читала им о жизни Спасителя. В случаях же невозможности быть в больнице, поручала ученикам и ученицам читать больным» (там же. С. 77). Впоследствии она писала в своём дневнике: «Сестры милосердия должны всегда ставить заботу о детях, больных и страждущих выше своих собственных желаний, удобств или выгод» (цит. по: «Кн. Н. Д. Жевахов. Княжна М. М. Дондукова-Корсакова». СПб., 1913. С. 62).

Одно время она увлеклась учением английского проповедника лорда Редстока, в 1876 г. стала членом секты «пашковцев», т. е., как иронично заметил Толстой, «верила во всевозможные веры» (ЯПЗ. 1. С. 372). Однако гр. А. А. Толстая писала С. А. Толстой: «Мы все считаем её за святую, несмотря на то, что она принадлежит к секте ирвингистов, а не к православию» (ПАТ. 2011. С. 607). После увлечения различными вероучениями княжна вернулась в православие, хотя до конца жизни её религиозные взгляды не совпадали с канонами учения официальной Церкви. С. А. Толстая познакомилась с М. М. Дондуковой-Корсаковой в 1892 г. «Я много слышала о её добродетели и духовном совершенстве, — писала она позднее. — И действительно, она произвела

на меня сильное впечатление. К сожалению, я не помню наших разговоров. Помню то, что она меня духовно приласкала, радуясь, что я не отошла от Церкви, как мой муж, и говорила, что молится об его обращении к Церкви. Сама она была точно не от мира сего, и главная задача её жизни была в том, чтобы облегчать всякие страдания людей, что, собственно, одно только важно и нужно в нашей краткой жизни» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 294–295).

Одна из важнейших сторон жизни Дондуковой-Корсаковой была связана с организацией первых военных «полевых госпиталей». Уже в 1851 г. она сообщила, что госпиталь наконец-то создан и размещается в палатках с докторами, сёстрами милосердия, своим транспортом и медицинскими запасами. Но разрешения на отправку госпиталя к театру военных действий пришлось добиваться долго, и только вмешательство государя позволило княжне наконец-то отправиться в Кишинёв. «Молодец, — писал ей брат Александр. — Военное командование на Дунае в восторге от твоего лазарета на 200 коек. Правительство очень недовольно тем, что ты туда двинулась, но теперь ничего сделать не может. Государь очень доволен» (цит. по: Волков-Муромцев Н. В. Юность. М., 1997. С. 67). Вернувшись в Петербург, в 1854 г. М. М. Дондукова-Корсакова сообщала брату: «Очень устала, но принялась устраивать второй госпиталь для Крымской кампании. Правительство теперь помогает» (там же). Однако командующий не одобрил решения княжны: «Меншиков мне написал, что женщин ему в армии совершенно не нужно», — писала она брату. Брат ответил: «Меншиков, как и многие, дурак» (там же).

При организации второго госпиталя Дондукова-Корсакова чувствовала себя увереннее: «Добровольцев стало столько, что я могу выбирать самых подходящих», — писала она (там же). Госпиталь, выехав из Петербурга, дошёл до Севастополя, о чём княжна с радостью сообщила близким: «Слава Богу, они до Севастополя добрались, мы их снабдили всем нужным. Они там будут необходимы» (там же). Об этом госпитале писал Толстой в севастопольских рассказах.

В течение многих лет Дондукова-Корсакова посещала тюрьмы, пытаясь улучшить положение заключённых, независимо от их вероисповедания. После смерти отца стала заниматься, как она говорила, «переустройством тюремной системы». После долгих хлопот ей удалось добиться разрешения навещать политических заключённых даже в Шлиссельбургской крепости. Живя в крепости целыми месяцами, она пыталась об-

легчить участь узников, постоянно хлопотала за них перед властями. Д. П. Маковицкий записал слова С. А. Стахович во время её беседы с Толстым: «Софья Александровна говорила про Дондукову-Корсакову; с ней часто видается в Петербурге. Она очень стара <ей больше 80 лет> и очень больна раком груди, но неутомимо принимает, пишет письма нуждающимся в её помощи. Удивительно, как ей не дают покоя с утра до ночи и как она не показывает ни скуки, ни утомления <...>. Она с 14 лет посвятила свою жизнь одной деятельности; заботе о заключённых» (ЯПЗ. 3. С. 408). В эти же дни, в сентябре 1908 г., Маковицкий записал ещё один разговор: «Морозов: она единственный в своём роде тип. Лев Николаевич ответил, что единственно видный — среди высшего общества, а среди простых таких много. Она не разделяет тех взглядов, из-за которых политические заключённые страдают. <...> Лебедева рассказала, как Дондукова хлопотала за сына Л. П. Никифорова, приговорённого к повешению. Металась во все стороны, добилась помилования, но его уже казнили. Лев Николаевич расплакался» (ЯПЗ. 3. С. 212). Люди, знавшие княжну, вспоминали, что она не любила, когда говорили и писали об её подвигах добра и милосердия. Между тем не один человек был ею спасён от виселицы и каторги. Впоследствии кн. Н. Д. Жевахов рассказывал: «Княжна писала всякой страдающей душе, о страданиях которой узнавала, стараясь влить угасшую надежду, поддержать веру, спасти от заблуждения. В этом отношении характерною является её переписка с графом Л. Н. Толстым об обращении которого княжна молилась даже накануне своей смерти» (Кн. Н. Д. Жевахов. Княжна М. М. Дондукова-Корсакова. С. 49).

В письмах родным Толстого Мария Михайловна неоднократно выражала своё сожаление о его религиозных заблуждениях и горячо просила воздействовать на него, вернуть в лоно православной церкви: «Очень сожалею, что Лев Николаевич живёт не по вере, а по человеческому заблуждающемуся разуму» (57: 356). В 1908 г. она обратилась к писателю с просьбой отказаться от празднования его 80-летнего юбилея, от которого, как она считала, будет «глубоко и тяжело» страдать «великое множество» верующих людей (78: 70). Многие, узнав из газет об этом письме, упрекали княжну (её фамилия была опубликована позже) за бестактный, по их мнению, поступок, за то, что желание группы православных верующих навязывается Толстому. Некоторые газеты резко осуждали Дондукову-Корсакову (например, «Биржевые ведомости». 1908. № 10401.

13 марта). Одна из поклонниц писателя, Е. Шульце, в письме из Томска сожалела, что «недалёкая княжна Дондукова-Корсакова» побудила Толстого отказаться от юбилея: «Настоящие православные, – писала она Толстому, – почитая в Вас друга людей, <...> отпразднуют Ваш юбилей, и не в Вашей уже силе не допустить его празднования» (78: 382). Сам же Толстой, напротив, принял совет: «Я вчера получил письмо от княжны Дондуковой-Корсаковой, которая пишет мне, что все православные люди будут оскорблены этим юбилеем. Я никогда не думал про это, но то, что она пишет, совершенно справедливо. Не у одних этих людей, но и у многих других людей вызовет чувство недоброе ко мне. А это мне самое болезненное» (78: 73). 27 февраля 1908 г. писатель отправил княжне очень откровенное и эмоциональное письмо, в котором благодарил её за совет, за любовь к нему: «Милая Мария Михайловна, сказал бы: сестра по духу, если бы знал, что вы мне позволите назвать вас так. <...> Вы открыли мне то, о чём я, по своему легкомыслию и эгоизму, не думал, а то, что вы открыли мне, очень важно. Готовящиеся мне юбилейные восхваления мне в высшей степени, не скажу тяжёлы – мучительны. Я настолько стар, настолько близок к смерти, <...> что все эти тщеславные, жалкие проявления мне только тяжёлы. <...> Постараюсь избавиться от этого дурного дела, от участия моего в нём, от оскорбления тех людей, которые, как вы, гораздо, несравненно ближе мне всех тех неверующих людей, которые, бог знает для чего <...> будут восхвалять меня и говорить эти пошлые, никому не нужные слова. Да, милая Мария Михайловна, чем старше я становлюсь, тем больше я убеждаюсь в том, что все мы, верующие в Бога, если мы только искренно веруем, все мы соединены между собою, все мы сыновья одного отца и братья и сёстры между собою. <...> Общение с вами мне очень радостно. Если бы я был с вами, я бы попросил позволения просто поцеловать вас, как брат сестру. <...> Благодарю вас за любовь и прошу вас не лишать меня её» (78: 69–70). В ответ на это письмо княжна вновь попыталась обратиться к писателю в свою веру, спрашивая, что может быть общего между братом и сестрой, какое это общение может принести радость, если они не соединены одной верой: «Между вами и мною даже общее наше страдание о бедствиях нашей родины отражается настолько различным образом, что делиться с вами моей глубокой скорбью вы сами меня не допустите». На конверте рукой Толстого написано: «Чепуха» (78: 71). Размышляя о переписке с княжной, Толстой отметил

в дневнике 31 августа 1909 г.: «Ездил и очень хорошо думал о письме Дондуковой. Всё всегда стыдно. Молился, прося, желая не отступать от любви» (57: 129).

В последние годы жизни, задумываясь о значении истинной веры, Толстой не раз вспоминал о княжне Дондуковой: «Очень благодарен вам, милая Мария Михайловна, за то, что вспомнили обо мне и написали. Я многое забыл, но вас помню и вспоминаю с любовью. В ответ на вашу молитву сообщаю вам ту молитву, которой я молюсь каждый день» (79: 117). В дневнике 29 августа 1910 г. Толстой записал: «Сегодня спал так, как не помню, чтобы спал давно. Встал в 9, и голова радостно свежа. Думал о Машеньке, Дондуковой и всех обращающих меня» (57: 128).

В семье Толстых о М. М. Дондуковой-Корсаковой вспоминали довольно часто. Маковицкий записал 31 июня 1909 г.: «Татьяна Львовна о 80-летней княжне Дондуковой-Корсаковой: она всё раздала, живёт бедно, больна раком груди и очень страдает от боли. Чертков с ней дружен» (ЯПЗ. 3. С. 400). В конце жизни княжна тяжело болела, и её часто навещал преосвященник Кирилл Гдовский. Помощница в доме служения узникам Е. А. Воронова вспоминала: «Когда Владыко вышел наконец из комнаты болящей, лицо его имело светлое выражение. “Я молился по просьбе Марии Михайловны вместе с нею, сказал он, о Льве Николаевиче Толстом”» (Кн. Н. Д. Жевахов. Княжна М. М. Дондукова-Корсакова. С. 45).

Дондукова-Корсакова завещала похоронить себя на родине предков у стен храма Святой Живоначальной Троицы в деревне Старые Буриги Порховского уезда. На её могиле были посажены ландыши, по которым и удалось впоследствии разыскать место её захоронения; в октябре 2012 г. на её могиле был установлен и освящён памятный крест.

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА **Мария Никитична** (рожд. Корсакова; 1803–1884), дочь Н. И. Корсакова (1776–1857) и В. И. Корсаковой (рожд. Дондуковой; 1780–1833). Род Дондуковых-Корсаковых происходил от калмыцких князей; герб внесён в часть 9 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи. В 1819 г. вышла замуж за Михаила Александровича Корсакова, которому 26 июня 1829 г. были переданы фамилия, титул и герб князей Дондуковых-Корсаковых. Мать десяти детей. В 1861 г. Толстой, приехав в Брюссель, близко сошёлся с семьёй князя, состоящей (в Брюсселе)

из «старика, старухи» (Марии Никитичне было тогда 58 лет) и трёх дочерей. Умерла кн. М. Н. Дондукова-Корсакова на 82 году жизни, похоронена в с. Буричи Порховского уезда Псковской губ.

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА Ольга Михайловна (1834–?) – знакомая Толстого, дочь князя М. А. и М. Н. Дондуковых-Корсаковых, жена Н. Г. фон Регенкампа, члена смоленского окружного суда. В письме из Гиера к гр. А. А. Толстой от 25 ноября 1860 г. писатель тепло отзывался об Ольге Михайловне: «Однако желание ваше читать Евангелие я исполню. У меня теперь нет его, но ваша хорошая знакомая Ольга Дондукова обещала мне дать его. Она милая женщина, особенно потому для меня, что напоминает вас и любит» (ПАТ. 2011. С. 187). Ольга Михайловна Дондукова-Корсакова подсказала Толстому в 1861 г. сюжет будущего рассказа «Поликушка», над которым писатель начал работать в Брюсселе.

Т. Р. Мазур

ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА Софья Михайловна (1845–?) – знакомая Толстого, его корреспондент; дочь князя М. А. и М. Н. Дондуковых-Корсаковых, с 1865 г. жена графа П. А. Гейдена (1840–1907) – политического деятеля, члена партии октябристов, члена I-й Гос. думы. В 1861 г. Толстой тесно общался с семьёй Дондуковых-Корсаковых: «Я пробыл некоторое время в Брюсселе, ходил к Дондуковым, хорошая семья», – много лет спустя рассказывал он в Ясной Поляне (ЯПЗ. 1. С. 318). Софья Михайловна напомнила ему об этом времени в письме от 13 апреля 1888 г.: «27 лет тому назад, в Брюсселе, видались мы с Вами чуть ли не каждый день... Надеюсь, что из Вашей памяти не совсем изгладилось воспоминание... о сёстрах моих, из которых одна рассказывала Вам фабулу “Поликушки” – был из наших мест» (7: 345) «Наши места» – родовое имение кн. Дондуковых-Корсаковых (село Глубокое Опочецкого уезда Псковской губ.). Толстой в письме к П. И. Бирюкову, работавшему над биографией писателя, внёс следующую поправку: «В Брюсселе чаще всего я бывал у Дондуковых-Корсаковых. Князь Дондуков был жив, его жена и дочери. Одну из них я видел в Крыму. Она замужем за псковским земским деятелем графом Гейденом» (75: 71). Именно Гейден стал последним владельцем имения в селе Глубоком. После смерти отца Софья Михайловна унаследовала собранную князем уникальную коллекцию из 130 жи-

вописных полотен. В 1917 г. это собрание было национализировано и передано Гос. Эрмитажу.

Т. Р. Мазур

ДРАНКОВ Александр Осипович (Абрам Иосифович; 1886–1949) – кино-предприниматель, режиссёр, оператор, производил первые съёмки Толстого. Родился в Феодосии в многодетной еврейской семье. Юность провёл в Севастополе, не получив никакого образования, самостоятельно изучил французский и английский языки, по слуху выучился игре на различных музыкальных инструментах. Вместе с младшим братом Львом (он будет потом помогать Дранкову в съёмках) Александр несколько лет прожил в семье мужа своей тётки, профессионального фотографа Григория Лемберга. Взяв у него несколько уроков, Дранков освоил эту профессию. В 1905 г. братья переехали в Петербург и стали владельцами небольшого фотоателье. В 1907 г. Дранков поехал в Париж осваивать технологию производства на местных киностудиях.

В 1908 г. исполнялось 80 лет со дня рождения Толстого; желающих его заснять было много, но, заручившись поддержкой С. А. Толстой, первым в Ясную Поляну проник Александр Дранков. Он сделал киносъёмку, запечатлев великого писателя; сопровождал его В. И. Васильев, владелец кинотеатра в Петербурге, субсидировавший поездку. Современники описывали Дранкова как человека бешеной энергии, маленького, упитанного, толстогубого, с ярко-рыжей шевелюрой, необычайно подвижного и пронырливого. Дранков и его спутник прибыли в Ясную Поляну в 6 часов вечера 27 августа 1908 г., накануне юбилея (ЯПЗ. 3. С. 178). На другой день сняли Толстого в кресле на балконе, кроме того Дранков снял несколько сцен из жизни Ясной Поляны. Процесс съёмки заинтересовал Толстого, и он всё время беседовал с оператором на эту тему. Лента (длиной 144 метра) была выпущена в продажу под названием «День 80-летия графа Л. Н. Толстого в Ясной Поляне». Через год, 18–19 сентября 1909 г., Дранков снял фильм «Лев Николаевич Толстой у Черткова и в Москве». Он сам описал содержание съёмки: «Мы произвели большое количество снимков с Толстым, совершающим свою одинокую утреннюю прогулку в деревне, а засим, последовательно, шаг за шагом следуя за Толстым, показали его в кругу семьи, гуляющего в вековой роще, засим ожидающим поезда на станции Крёкшино и отъезжающим... Полно произведена картина приезда в Москву, переезд его в Хамовники в свой дом, засим выезд его

оттуда, проводы его поклонниками, прибытие на вокзал, где уже ждала громадная масса народа во главе с депутатом Государственной думы — В. А. Маклаковым, восторженная овация колоссальной толпы народа, хлынувшего за Толстым на вокзал, и отъезд Толстого, провожаемого несметным количеством почитателей великого старца» (Киноведческие записки. М., 1999. № 43. С. 296). Следующий фильм Дранкова (длиной уже 200 метров) назван «Последнее пребывание Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», хотя съёмки были и в Ясной Поляне — 6–7 января 1910 г., и в Кочетах — 7–9 сентября того же года. Помогал Дранкову его брат. Январский визит освещён в воспоминаниях, в частности в записках Маковицкого (ЯПЗ. 4. С. 150–151). Один из присутствовавших вспоминал, что Толстой тогда сказал: «Ах, если бы я мог теперь видеть отца и мать так, как я вижу самого себя!» Маковицкий писал и о съёмках Дранковым Толстого в Кочетах (ЯПЗ. 4. С. 345, 349).

Последний фильм Дранкова «Похороны Толстого» снят 9 ноября 1910 г. Его метраж неизвестен. Этот фильм был запрещён к демонстрации из-за массовых манифестаций после его показа. В 1911 г. Дранков продал негативы всех своих толстовских съёмок итальянской фирме «Чинес», которая в том же году выпустила фильм «Лев Николаевич Толстой». После революции Дранков эмигрировал, сначала в Константинополь, потом в Америку, где скончался и похоронен близ Сан-Франциско. Все съёмки А. О. Дранкова сохранились в Российском гос. архиве кинофотодокументов (РГАКФД).

Л. С. Дробат

ДРОЗДОВ Иван Ефремович (1798–1868) — помощник главного врача Пятигорского военного госпиталя. Был знаком со знаменитым хирургом Н. И. Пироговым, который приезжал в пятигорский госпиталь в июне 1847 г. Дом Дроздовых был известен жителям и гостям курортного города как место встреч и бесед ценителей литературы, музыки, истории.

16 мая 1852 г. Толстой приехал из станции Старогладковской в Пятигорск. «...Главная цель моего приезда сюда — лечение; поэтому завтра посылаю за доктором...» — записал он в дневнике в день приезда. В записях 17 и 18 мая отмечено, что «был доктор» (46: 116). Впервые фамилия Дроздова появилась в дневнике 22 июня: «...назвался к Дроздову. Обедая, спал, пил воды, был у Еремеева и Дроздова. Был застенчив, но приличен» (46: 126). 13 июля в дневнике записано: «Лечусь у Дроздова» (46: 133).

В майской книжке журнала «Современник» за 1853 г. (№ 5) была напечатана статья Дроздова «Кавказские Минеральные воды». Наверняка Толстой знал об этой публикации, тем более что в № 3 журнала вышел его рассказ «Набег. Рассказ волонтера».

В конце лета Толстой снова был в Пятигорске. 31 августа — запись в дневнике: «Поехал в Пятигорск» (46: 173). Он приехал сюда из Железноводска. В Пятигорске в те дни были брат Н. Н. Толстой и сестра М. Н. Толстая с мужем. Запись 1 сентября: «Проводил Николеньку, Дроздова» (46: 173).

Общение с пятигорским доктором продолжалось и после отъезда Толстого с Кавказа. В Ясной Поляне 5 февраля 1854 г. он записал: «...написал письма Дроздову и Горчакову...» (46: 465). Письмо не сохранилось, но, видимо, о нём шла речь в письме Т. А. Ёргольской из Бухареста от 5 июля 1854 г.: «Скажите, пожалуйста, Валерьяну, что я прошу его написать в Пятигорск доктору Дроздову, у которого я оставил мой телескоп, чтобы просить его выслать мне телескоп сюда. Прошу его также отправить и то моё письмо Дроздову, которое я ему раньше передал» (59: 349).

Сын Дроздова, боевой офицер Иван Иванович Дроздов (1836–1860), оставил «Записки Кавказца», которые были опубликованы в журнале «Русский архив» (1896, № 10). В этих «Записках» И. И. Дроздов вспоминал о музыкальных вечерах в их доме: в них «в 1853 г. охотно участвовал юнкер лёгкой батареи 20-й бригады граф Л. Н. Толстой, игравший *secundo* на фортепиано с сестрой моей Клавдией. <...> Граф частенько посещал дом отца моего и, уезжая в Севастополь, в знак памяти оставил подзорную трубу, которая долго у нас хранилась».

В 1988 г. на доме Дроздовых в Пятигорске установлена мемориальная доска с упоминанием о том, что в этом доме бывал молодой Л. Н. Толстой.

Е. В. Белоусова

ДУБЕНСКАЯ Мария Александровна (рожд. Цурикова; 1854–1924) — знакомая, корреспондент Толстого; жена главного врача Калужской губ. больницы, лечившего Толстого в 1901 г. «Гости нас не покидают, одна Мария Александровна <Дубенская. — Е. Х.> заменила другую Марию Александровну <Шмидт. — Е. Х.>, — писал Толстой жене 2 ноября 1893 г. из Ясной Поляны, — наша <Шмидт. — Е. Х.> уехала нынче. Но гости не неприятные» (84: 204). «Вчера приехала М. А. Дубенская и Коля Оболенский. Девочки, кажется, очень рады им обоим. Они не стесняются и приятные собеседники. <...> Сейчас девочки с М. А. и Колей

едут на Козловку, может быть, привезут от тебя письмо, и хорошее», – это тоже жене 9 или 10 ноября 1896 г. (84: 270). И через день: «У нас всё хорошо и мирно. Не скажу, чтобы особенно весело, но и не дурно. Коля и Марья Александровна Дубенская из чужих. По-моему, хоть и не мешающие, а всё-таки лишние, и без них лучше» (84: 271). Осенью 1897 г. у Дубенских родился сын, и Толстой 21 октября сообщал С. А. Толстой: «От М. А. Дубенской получил письмо: она родила мальчика в начале октября и сама кормит, и здорова» (84: 296). Через несколько лет этот мальчик оказался в Ясной Поляне, приехал вместе с матерью и младшей сестрой. «Приехали Дубенские. Она ужасающе глупа. Объявила мне, что её мальчик сын ненавидит меня и любит царя», – записал Толстой в дневнике 18 августа 1909 г. (57: 119).

Е. Ю. Хомякова

ДУБЕНСКИЙ Иван Иванович (1854–1917) – главный врач Калужской губ. больницы, посетитель Толстого. С 27 на 28 июня 1901 г. Толстой тяжело заболел: «...все сидели и прямо ждали конца <...>. Эти три дня давали кофеин, strofant, кофе, вино, хину. <...> Доктора считают, что это припадок грудной жабы...» – сообщала П. И. Бирюкову М. Л. Оболенская в середине июля 1901 г. (54: 473). С. А. Толстая писала: «Гостивший у нас сын Илья посоветовал выписать из Калуги очень хорошего доктора И. И. Дубенского, их друга, что мы и сделали. 30-го июня он приехал, нашёл, что сердце работает плохо, и начал лечить Льва Николаевича» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 584). Лечили Толстого и тульский врач Р. А. Дрейер, и доктор В. Н. Саввин, а затем (5 июля) приехал московский врач В. А. Щуровский, определивший основную болезнь Толстого как малярию. Врачи всё время болезни Толстого находились в Ясной Поляне. Постепенно пациенту становилось лучше, и 16 июля все они уехали, но 24 и 25 августа Толстому опять нездоровилось, и 25 августа вызвали доктора И. И. Дубенского. Позднее Дубенский с семьёй приезжал в Ясную Поляну и просто как гость.

23 октября 1905 г. в Ясную Поляну утром приехал И. Л. Толстой. Он «вошёл в залу со словами к Л. Н.: “Удираю с семьёй от побоища. В Калуге толпа громит и была направлена на меня и на доктора Дубенского, виноватого только тем, что хороший человек”» (ЯПЗ. 1. С. 435).

Е. Ю. Хомякова

ДУБРОВО Илья Иванович (1843–1883) – знакомый Толстого; врач; с 1879 г. –

доктор медицины, ординатор Московского военного госпиталя; редактор «Летописей хирургического общества». Ночью 20 мая 1883 г. был приглашён к больной дифтеритом дочери Шуйского предводителя дворянства Куроедова для производства трахеотомии. Высасывая с помощью трубки из гортани больной дифтеритные плёнки, заразился сам и через 6 дней умер 27 мая (63: 243). «Нынче мне пришла мысль издавать картинки героев, – писал Толстой Л. Д. Урусову 1(?) мая 1885 г. – не Скобелевых – а доктора Даброго <так в тексте письма. – Е. Х.>, высосавшего дифтеритный яд, <...> и таких героев, которые положили душу за други своя» (63: 242). Мысль так понравилась, что на следующий день о том же в письме к В. Г. Черткову: «Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями. У меня есть два, один доктор, высосавший яд дифтеритный и умерший. Другой учитель в Туле, вытаскивавший детей из своего заведения и погибший в пожаре. Я соберу сведения об этих и, если Бог даст, напишу тексты и закажу картинки и портреты» (85: 173–174). Толстого тогда потряс поступок доктора, спасшего девочку ценой своей жизни. Через много лет, 15 апреля 1907 г., он писал И. М. Трегубову: «Я знал прекрасного человека доктора, совершенно свободомыслящего, который, умирая, показал своим воспитанникам на висевшую в углу икону Николая» (77: 88). И на следующий день ему же: «Хотя я знаю, что вы правильно поймёте то, что я пишу об умиравшем докторе, хочется добавить, чтобы не было недоразумений, то, что, указывая на икону, доктор, по моему мнению, никак не думал сказать своим воспитанникам, что надо почитать иконы и молиться на них, а только то, что он и в жизни и в смерти считал и считает самым важным религиозное чувство, то чувство, которым он, несмотря на своё свободомыслие, руководился в жизни. (Он и умер от дифтеритного яда, который он высосал из канюли дифтеритного больного.) И, лишившись языка, он жестом выразил это. Я говорил, что, умирая, буду креститься, вспоминая этот случай» (77: 88–89).

Е. Ю. Хомякова

ДУДЧЕНКО Митрофан Семёнович (1867–1946) – последователь, корреспондент и адресат Толстого. Происходил из мещан – хуторян села Выры Сумского уезда Харьковской губ. Учился в Сумской и Петербургской гимназиях, но курса не окончил. Входил в группу «интеллигентных» общин земледельческой колонии, идеологически связанных с духоборами,

теософами, они изучали эсперанто, участвовали в движении пацифистов. Первой своей общиной Дудченко считал возникшее в 1889 г. на хуторе в Вырах поселение нескольких бывших студентов. Молодые люди увлекались идеями Толстого, интересовались штундистами, которые жили в их местности, причём одно время Дудченко мечтал о замене передовым штундизмом «отжившего» православия. Тогда же впервые познакомился с «Евангелием» Толстого, что укрепило сознание важности братского единения людей. С Толстым начал переписку в 1891 г.

С 1890 г. Дудченко состоял в гражданском браке с Марией Фёдоровной Симонсон. В мае 1891 г. она была выслана за «вредное влияние на народ» её «сожительств с Дудченкой», с которым они не венчались, отрицая религиозные обряды (65: 311). В письме от 21 мая (3 июня?) Дудченко сообщал, что жена его, высланная из Харькова по этапу в Тверь, могла задержаться в тульской пересыльной тюрьме, и просил навестить её там. 6 июня Толстой записал в дневнике: «Завтра хочу идти в Тулу на бойню и к Симонсон в острог — получил о ней письмо от Дудченко» (52: 37).

7 июня Толстой пешком пошёл в Тулу на бойню, чтобы посмотреть, как убивают скот, — это для статьи о вегетарианстве. Был в тюрьме, но встреча с Симонсон не состоялась. Толстой писал Дудченко о результатах своей поездки: «Был нынче, 7-го, в Туле. Вчера получил ваше письмо. М. Ф. Симонсон нет в Туле, и не было, и не будет, как мне сказали, потому что их из Харькова отправляют прямым сообщением в Москву. Писал в Москву Дунаеву навестить её. Очень, очень жалею, что не удалось повидать её» (65: 316). В письме к Черткову 14 июня Толстой сообщал: «Около Хилкова живущего Дудченко, одного выслали, а Симонсон, брачно живущую с старшим Дудченко, послали по этапу в Тверь» (87: 95). Об этих обстоятельствах семейной жизни Дудченко Толстой знал из его писем и считал, что Дудченко и его жена должны поступать соответственно со своей совестью, не обращать внимание на внешние тяжёлые условия жизни, а работать над совершенствованием своего внутреннего мира.

Получив вскоре освобождение, Симонсон в июле 1891 г. вернулась к мужу. Её фамилию Толстой дал одному из политических ссыльных в романе «Воскресение».

Признаваясь, что ему, «сидящему спокойно, старому и не подвергающемуся испытаниям, жутко давать советы», Толстой всё-таки советовал Дудченко не венчаться с женой: «...вы выдержите испытание, не

подавшись слабости, и ваша жизнь несомненно будет радостнее, каковы бы ни были внешние условия» (65: 310). Он считал, что при решении сложных вопросов надо опираться не на мнение близких людей, а на волю Бога: «...по моему опыту только это делание перед одним Богом разрешает те дилеммы, из которых и слагаются испытания» (*там же*).

10 декабря 1903 г. Толстой, узнав о смерти Симонсон, писал Дудченко: «Не унывайте, милый друг. „Претерпевый до конца спасен будет“ относится именно к вашему положению. Думаю, что никакая суета не может помешать правильно мыслить. <...> Мешает правильному мышлению только праздность и роскошь, и это я чувствую часто на себе <...>. Очень, очень рад был общению с вами. Желал бы, чтобы оно было сотую долю так полезно вам, как полезно мне, и потому желал бы, чтоб оно чаще повторялось. Любящий вас Л. Толстой» (74: 252–254).

О письмах, приходящих от Дудченко, Д. П. Маковицкий писал 22 сентября 1906 г.: «Л. Н. получил письмо от Дудченко, жалует на трудность жизни, на одиночество. Дудченко — один из тех интеллигентов, которые последовательно проводят трудовую жизнь до конца. Живёт с семьёй, работая на земле в бедности» (ЯПЗ. 2. С. 240). «Л. Н.: Я часто получаю письма от людей, желающих присоединиться к общине. Я всегда отговариваю их и советую опрощаться дома (будешь проще, работая, сама жизнь натолкнёт тебя на простоту, потом на другие отношения с окружающими) и идти в колонию уже только тогда, когда может перенести всякие унижения. Прокопенко, который живет в Канаде, хотя я его не знаю, думаю, что он таков, и Дудченко. Они так и понимают» (7 декабря 1906 г. — ЯПЗ. 2. С. 325).

Дудченко впервые посетил Ясную Поляну и лично познакомился с Толстым в 1907 г. Толстому нравились его доброта, рассудительность, отзывчивость: «Митрофан Семёнович располагает к себе, хороший, добрый» (21 августа 1907 г. — ЯПЗ. 2. С. 485).

В марте 1908 г. Толстой говорил об очередном письме Дудченко в связи с грядущим своим юбилеем. Дудченко писал Толстому 17 марта 1908 г. о «согласовании убеждений и внешней жизни» (78: 115), он полагал, что этот вопрос стоит теперь перед Толстым сильнее, чем когда-либо. К письму он приложил составленное двенадцатью единомышленниками Толстого «обращение» по поводу начинавшихся приготовлений к юбилею. Составители обращения возражали, чтобы юбилей устраивали «люди того мира, против которого и направлено слово Льва Толстого» (78: 102). Обращение было посла-

но Толстому для одобрения, но одобрения не получило. 25 марта 1908 г. Толстой отвечал: «Получил ваше письмо, милый Митрофан Семёнович, и очень порадовался тому выражению чувств и мыслей, которое нашёл в приложенном при нём обращении. Немного мне показались резкими некоторые обращённые к устроителям слова, и поэтому, и не только поэтому, но вообще теперь уже оказывается излишним это заявление, а чем меньше обращать на себя внимание, тем, естественно, лучше» (78: 101–102). Отзывы на это письмо есть и у Маковицкого: «Л. Н. ответил Семёнову <с которым обсуждал письмо Дудченко. – А. К.> приблизительно так, что писать можно без конца и что ему уже не до писания («Мне теперь одно дело осталось – готовиться к смерти»))» (ЯИЗ. З. С. 60–61). Переписка Толстого и Дудченко продолжалась до 1909 г.

Во время Первой мировой войны Дудченко принял участие в пацифистских манифестациях, подписал воззвание, составленное секретарём Толстого В. Ф. Булгаковым и единомышленником писателя И. М. Трегубовым, за что был заключён в тюрьму, но судом оправдан.

А. Г. Королёва

ДУДЧЕНКО Николай Иванович (1869–1917) – участник земледельческих общин в Шевелёве Смоленской губ. и в Байрачной Харьковской губ. Жил и работал с несколькими бывшими членами общины Байрачной на своём небольшом участке земли в Сумском уезде Харьковской губ., откуда в мае 1891 г. был выслан в г. Суджу Курской губ. за «вредное влияние на местных крестьян» (87: 97). В марте 1892 г. Дудченко приехал в Бегичевку помогать Толстому в его работе на голоде и был направлен в Куркино Данковского уезда. Позднее он вспоминал «бегичевское время как лучшее в своей жизни» (67: 74). В. Д. Бонч-Бруевич, подготовивший к изданию воспоминания В. М. Величкиной об организации помощи голодающим, отмечал: «Н. И. Дудченко, работавший у Льва Николаевича в голодный год, через несколько лет был сослан за пропаганду идей Толстого в Закавказье к духоборцам (в селение Башкичет). В 1899 г. он переехал в Англию. Одно время жил там у Чертковых, в Purleigh, где был наборщиком. Потом переехал в Женеву к П. И. Бирюкову, откуда уехал в Канаду, где поселился в местности, выбранной для жительства духоборцами. В Канаде он занимался сельским хозяйством» (Величкина В. В голодный год с Львом Толстым: воспоминания. М., 1928. С. 95).

О. В. Гладун

ДУДЫШКИН Степан Семёнович (1820/1821–1866) – литературный критик, автор статей о Толстом. Окончил в 1841 г. Петербургский университет. В 1847 г. стал заведующим отделом критики и библиографии в журнале «Отечественные записки» и вскоре фактическим редактором этого журнала, возглавляемого А. А. Краевским. Публиковал обзоры современной русской литературы. В «Отечественных записках» № 10 за 1852 г. был напечатан (без подписи) первый отзыв Дудышкина на публикацию «Истории моего детства» автора Л. Н. (повесть «Детство»). «Давно не случалось нам читать произведения более прочувствованного, более благородно написанного, более проникнутого симпатией к тем явлениям действительности, за изображение которых взялся автор. <...> Мы желали бы познакомить читателей с произведением г. Л. Н., выписав из него лучшее место; но *лучшего* в нём нет: всё оно, с начала до конца, истинно прекрасно», – писал критик. И далее: «Если это первое произведение г. Л. Н., то нельзя не поздравить русскую литературу с появлением нового замечательного таланта» (с. 84–85). Толстой «прочёл критику о своей повести с необыкновенной радостью и рассказал Оголину», о чём записал в дневнике 25 ноября 1852 г. (46: 150). Позже он передавал жене впечатление от этого чтения: «Рассказывал он мне, что раз получили они на Кавказе “Отечественные записки” и Л. Н. стал читать статью о “Современнике”, а там самые лестные похвалы о неизвестном авторе “Детства”. Он говорил мне: “Лежу я в избе на нарах, а тут брат и Оголин, читаю и упиваюсь наслаждением похвал, даже слёзы восторга душат меня, и думаю: “Никто не знает, даже вот они, что это меня так хвалят”» (ТВС. I. С. 42). И в дальнейшем Толстой читал по большей части положительные рецензии Дудышкина на свои произведения. В «Отечественных записках» (1854. № 11) автор «Отрочества» назван «истинным поэтом», отмечен его «талант неповторимый», «умная наблюдательность» и «мастерство рассказа» (с. 34). В «Рубке леса» Дудышкин выделил «многосторонний талант гр. Л. Н. Т., которым наделены очень, очень немногие», и нашёл, что здесь столько же «истинной поэзии», как и в «Детстве» и «Отрочестве». «За один разговор солдат у огня ночью после смерти Веленчука (XIII и XIV гл.), – признавался критик, – мы готовы отдать иной многотомный роман. Эти пять страничек проникнуты такой неподдельной поэзией, что их можно перечитывать по несколько раз» (Отечественные записки. 1855. № 12, отд. VI, с. 74–92). «Записки

маркёра» тоже получили лестный отзыв Дудышкина. В «Отечественных записках» (1855. № 2) он писал: «Если г. Л. Н. Т. будет продолжать так, как начал, то русская литература приобретёт в нём писателя с дарованием истинно замечательным. Да и теперь мы вправе желать не того, чтоб он писал лучше, а только того, чтоб он писал больше. Он обязан пользоваться талантом, которым одарён» (с. 119–120). Чтение этой рецензии отмечено в дневнике Толстого 27 марта 1855 г.: «Приятнее же всего было мне прочесть отзывы журналов о Записках Маркёра, отзывы самые лестные. Радостно и полезно тем, что, поджигая к самолюбию, побуждает к деятельности» (47: 40).

В ноябре 1855 г., приехав из Севастополя в Петербург, Толстой познакомился с Дудышкиным (см.: А. В. Дружинин. Повести. Дневник. М., 1986. С. 359), не раз встречался с ним. Но в ноябре следующего года рецензия Дудышкина на отдельные издания «Детства и Отрочества» и «Военных рассказов» Толстого (Отечественные записки. 1856. № 11) была гораздо сдержаннее, что выражало, возможно, не мнение самого критика, а раздражение редакции, вызванное объявлением «Современника» об исключительном участии в нём четырёх крупнейших писателей того времени, в т. ч. Толстого, который писал 10 ноября 1856 г. брату С. Н. Толстому: «В “Отечественных записках”, говорят, обругали меня за “Военные рассказы”, я ещё не читал...» (ИТСБ. С. 200). Тогда же в дневнике 11 ноября 1856 г. запись: «...прочёл рецензию на О. в А. и М. умно и дельно...» (47: 99), что нужно расшифровать как «рецензию на “Севастополь в августе” <“Оборона в Августе”. – Л. Д.> и “Метель”» (имелась в виду статья Дудышкина в «Отечественных записках». 1856. № 11). Рецензент отмечал, что Толстой по-прежнему углубляется в психологию героев, не касаясь общественной жизни, он не шагнул вперёд после «Детства» и «Отрочества». Прочитав, Толстой нашёл рецензию «умной и дельной». Последний раз писатель упомянул фамилию Дудышкина (правда, с ошибкой в написании – Дыдышкин) в связи с посещением по приезде в Петербург редакции журнала «Отечественные записки», когда 29 ноября 1856 г. он читал там «Утро помещика» Дудышкину и Гончарову и они «слегка похвалили» рассказ (47: 102).

Л. С. Дробат

ДУРНОВО́ Иван Николаевич (1834–1903) – министр внутренних дел (1889–1895), позже председатель Комитета министров (1895–1903). Крупный землевладелец

(ему принадлежало 3,8 тыс. га земли в Черниговской губ.).

Окончил Михайловское артиллерийское училище (1852), участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг., после чего вышел в отставку и вернулся в Черниговскую губ., где включился в местную общественную жизнь и стал сначала уездным, а затем губ. предводителем дворянства. Женат на Л. А. Куровской, сестре нижегородского и саратовского вице-губернатора.

В 1863 г. Дурново был назначен губернатором Черниговской губ., в 1870 г. переведён в качестве губернатора в Екатеринослав. В 1882 г. новый император Александр III назначил его товарищем министра внутренних дел графа Д. Толстого. В 1886 г. Дурново, пользовавшийся расположением императорской семьи, возглавил и 4-е отделение собственной императорской канцелярии, через которое осуществлялась благотворительная деятельность. На этом посту он грамотно использовал имеющиеся средства и открыл более 500 новых учреждений. В 1889 г. Дурново назначен министром внутренних дел. Многие важные законодательные акты были изданы во времена его управления. Законодательные инициативы Дурново полностью соответствовали взглядам императора и были направлены на консервацию крестьянской общины, усиление патерналистских начал на низовом уровне гос. управления. Особое внимание он уделял контролю над школами, народными библиотеками и читальнями. В своей деятельности избегал крайностей, неоднократно ходатайствовал перед Александром III о смягчении наказания политическим преступникам; во время голода, охватившего значительную часть страны в 1891–1892 гг., участвовал в организации помощи голодающим.

Награждён российскими орденами и большим крестом французского ордена Почётного легиона (1893). Сергей Витте писал о личных и служебных качествах Дурново: «Вследствие своего добродушного характера, умения ладить с лицами, быть весьма приятным и своей довольно импозантной фигуры, – благодаря всем этим, более или менее, качествам, но качествам всё-таки не положительным для государственного человека, а скорее отрицательным, – он был приятным предводителем дворянства и приятным губернатором, и приятным товарищем министра внутренних дел; но человек он был не культурный, не умный, скорее ограниченный; человек хлебосольный, милый и очень хитрый; у него была именно хохлацкая, малороссийская хитрость» (Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М.,

1960. Т. 1. С. 302–303). Мнение о Дурново высказал А. Ф. Кони: «...представительный выездной лакей, попавший в силу злосчастной судьбы в министры внутренних дел и участвовавший вместе со всей бюрократией в умышленном держании народа в глубоком невежестве» (Представление Александру III в Гатчине. Статьи о государственных деятелях // Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. С. 98–99).

Несмотря на доверие императорской семьи, в целом в столице Дурново не пользовался авторитетом. Тем не менее новый император Николай II в 1895 г. назначил его председателем Комитета министров Российской империи. Дурново сохранил этот пост до конца жизни.

О Дурново иногда говорили в Ясной Поляне. 25 февраля 1906 г. Д. П. Маковицкий записал: «Заговорили о министре внутренних дел Дурново. Александр III отстранил его от должности директора Департамента полиции за то, что вскрывал письма испанского посланника. Но т. к. он человек дельный и знающий сложные вопросы службы, он стал опять министром. Л. Н.: Дельный и знающий – я это понимаю, что это очень сложный механизм и что нужно знать» (ЯПЗ. 2. С. 61).

Толстой столкнулся с Дурново в 1890 г. в связи с запрещением издания «Крейцеровой сонаты». 15 февраля 1890 г. Т. А. Кузминская писала С. А. Толстой о том, что «Крейцерову сонату» читали министр внутренних дел Дурново, начальник главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, К. П. Победоносцев, государь и государыня. Александр III был доволен повестью, государыня шокирована. Главной же помехой во всём были Победоносцев и Феоктистов. По мнению Кузминской, следовало бы просить о напечатании «Крейцеровой сонаты» в собрании сочинений, иначе её вряд ли пропустят (27: 594). Вскоре С. А. Толстая обратилась к Дурново с просьбой пропустить «Крейцерову сонату» в составе 13 части нового собрания сочинений Л. Н. Толстого. В ответ Феоктистов писал 10 марта: «Г. министр внутренних дел, получив письмо вашего сиятельства, поручил мне известить вас, что при всём желании оказать вам услугу, его высокопревосходительство не в состоянии разрешить к печати повесть “Крейцера соната”, ибо поводом к её запрещению послужили не одни только, как вы изволите предполагать, встречающиеся в ней неудобные выражения» (27: 595). Однако С. А. Толстая настойчиво продолжала бороться за издание 13 тома с «Крейцеровой сонатой», добила свидания с Александром III, написала ещё одно

письмо министру, и в результате предпринятых ею усилий к 10 мая 1891 г. от министра внутренних дел Дурново было получено разрешение на выпуск в свет 13 части с «Крейцеровой сонатой» и «Послесловием» к ней, о чём была извещена типография, в которой печаталась книга. О разрешении печатать «Крейцерову сонату» Дурново сообщил С. А. Толстой лично письмом от 6 мая 1891 г. (27: 596).

26 апреля 1890 г. Дурново делал доклад Александру III о том, что «считает возможным разрешить постановку на сцене комедии “Плоды просвещения”. Александр III дал разрешение на постановку комедии лишь на любительских спектаклях» (Гусев. Летопись. 1. С. 758).

По свидетельству Маковицкого, 30 апреля 1910 г. в Ясной Поляне «утром был Дурново (38–45 лет, сын министра) с женой. У него гангрена ноги на атеросклеротической почве. Привёз показать своё Евангелие, над которым работал 23 года. Предлагал его издать “Новому времени”. Розанов ему ответил, что, по условиям духовной цензуры, не могут взять. Л. Н. на террасе послушал чтение Дурново из его Евангелия. Очень не понравилось ему это изложение Евангелия и высказал Дурново. Дурново стал спорить и жена поддерживать его. Дурново принимает каждое слово и излагает каждое слово в Евангелии. Л. Н. горячился, взволнованно ушёл в дом и через буфетную – наружу. Дурново сейчас же уехали в Ясенки. Дурново преклоняется перед буквой (перед евангелистами). Каждое слово излагает. Сочинений Л. Н. по Евангелию не знает» (ЯПЗ. 4. С. 240). Однако в данном случае Маковицкий ошибочно называет Ореста Дмитриевича Дурново сыном министра. У И. Н. Дурново было 2 дочери: Елизавета (1867–1889) и Надежда (1869–1897).

О. С. Кирандашова

ДУРНОВО Михаил Аполлонович (даты жизни не установлены) – полковник корпуса жандармов, кавалер ордена Св. Георгия IV класса (1850); руководил обыском в Ясной Поляне в июле 1862 г. Происходил из старинного рода Дурново. По роду своей службы жандарм Дурново «занимался расследованием деятельности воскресных школ, был причастен к “делу” М. Л. Михайлова и к “процессу 32-х”, известно и его донесение о гражданской казни Чернышевского» (Николаев М. П. Толстой и царские жандармы // ЯП. сб. 1965. С. 35).

2 июля 1862 г. полковник Дурново получил «весьма секретное» предписание, подписанное шефом жандармов князем

В. А. Долгоруковым, в котором, в частности, говорилось: «В III Отделении собственной его императорского величества канцелярии получены следующие сведения: В принадлежавшем графу Льву Николаевичу Толстому, в Тульской губернии, сельце Ясная Поляна проживают около 20 студентов разных университетов, которые без письменных видов, занимая там должности учителей сельских школ и писарей в волостных правлениях <...> привезли к нему, в означенное сельцо, из Москвы, литографические камни и краски, для печатания, как говорят, запрещённых сочинений. <...> Дом графа Толстого охраняется в ночное время значительным караулом, а из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы...» Далее Дурново предписывалось отправиться в Тульскую губ. и «произвести надлежащее дознание по сему предмету при содействии местных чиновников». При этом следовало указать, что «если по оному откроется что-либо противозаконное, передать виновных в распоряжение полиции» (Дело III Отделения СЕИВК «О графе Льве Толстом». СПб., 1906. С. 47–48).

В Ясную Поляну жандармы во главе с Дурново приехали на рассвете 6 июля 1862 г. Два дня они искали тайную типографию и запрещённую литературу: перерыли все вещи в доме, просмотрели все бумаги, посрывали полы в конюшне, пытались выловить рыбацкой сетью печатный станок в графском пруду. Обыску подверглось не только яснополянское имение Толстого, но и сельские школы, открытые им для крестьянских детей в ближайших деревнях. Не забыли жандармы обыскать и имение покойного брата писателя Николая Николаевича – Никольское-Вяземское Чернского уезда. 9 июля чернский исправник Гофштеттер докладывал в рапорте Тульскому губернатору: «...Полковник корпуса жандармов Дурново сего числа пригласил меня с собою в имение графа Толстого село Никольское, где при мне и приставе Тульской городской полиции г-не Кобеляцком просмотрел все книги и бумаги, бывшие в доме графа Толстого, но искомого полковником Дурново ничего не оказалось» (ОР ГМТ. Дело канцелярии г. начальника Тульской губ. [Об обыске в Ясной Поляне в 1862 г.] 1862–1864).

О результатах обыска Дурново доложил начальству в обстоятельном рапорте, указав, в частности, что при осмотре дома Толстого «не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографных камней и телеграфа тоже не оказалось» (Дело III Отделения... С. 54).

Во время проведения обыска Толстого в Ясной Поляне не было, т. к. в это время он лечился кумысом в Самарской губ. Узнав об обыске, писатель был глубоко возмущён жандармским призывом. В письме от 22–23(?) июля своей родственнице А. А. Толстой он сообщал в Петербург: «Мне пишут из Ясной: 1-го июля приехали 3 тройки с жандармами, не велели никому выходить; <...> и стали обыскивать. Что они искали – до сих пор неизвестно. Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, <...> перечитал две переписки, за тайну которых я бы отдал всё на свете, – и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашёл. Счастье моё и этого вашего друга, что меня тут не было, я бы его убил!» (ПАТ. 2011. С. 223). В письме к брату С. Н. Толстому 6 августа Толстой называл фамилию своего обидчика: «Главное событие, случившееся у нас во время твоего отсутствия, – это посещение Ясной Поляны жандармами. Это было без меня <...>. Нарочно присланный из Петербурга полковник жандармский Дурново с исправником, становым и каким-то частным приставом подкатили с колоколами на 3-х тройках. Все студенты были в Ясной: их арестовали во флигеле и стали обыскивать...» (ПТСБ. С. 256–257).

22 августа Толстой написал письмо-жалобу императору Александру II: «Ваше величество! 6-го июля жандармский штаб-офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в моё имение. В доме моём жили во время вакации мои гости, студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тётка и сестра моя. Жандармский офицер объявил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня; обысканы были: школа, подвалы и кладовые. Ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено. <...> Жандармский офицер пошёл обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что он действует по высочайшему повелению. <...> Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанным и, уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. <...> Жандармский офицер прибавил, однако, что отъезд его ещё не должен окончательно успокаивать нас, он сказал: каждый день мы можем опять приехать» (60: 440–441). Зная о результатах обыска, Алек-

сандр II проявил «милость»: распорядился, «чтобы помянутая мера <т. е. обыск. – В. Ч.> не имела собственно для графа Толстого никаких последствий» (60: 442).

О существовании секретного жандармского дела и тайной слежке за ним в начале 1860-х гг. сам Толстой узнал только в 1906 г., когда дело «О графе Льве Толстом» было опубликовано в журнале «Всемирный вестник». Д. П. Маковицкий в своих записках 23 июля отметил: «Сергеенко принёс описание слежки за Л. Н., обыска у него в 1862 г. из архива III отделения. Л. Н-чу было многое новым. О Долгорукове, шефе жандармов, сказал: “Я его знал? <...> добрейший человек был и очень ограниченный, пустейший мот, консервативный. – Далее Л. Н. сказал: – Нельзя себе представить человека, более чуждого политике, чем я был в те времена. Это (обширность «Дела» – 53 номера – участие в нём министров, царя) мне подтверждает, какое количество глупостей делает теперь правительство”» (ЯПЗ. 2. С. 184).

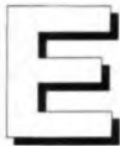
Лит.: Ильинский И. Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г. // Звенья. 1932. Вып. 1. С. 374–412; Тарасов А. Дело графа Льва Толстого // Милиция. 2000. № 2. С. 48–51; Чисников В. Н. Жандармский обыск в Ясной Поляне // В мире спецслужб. 2006. № 3 (15). С. 36–41.

В. Н. Чисников

ДУШКИН Леонтий Евсеевич («Дужкин»; 1863/65?–1898/1899?) – посетитель, единомышленник, корреспондент и адресат Толстого. Слесарь-механик Александровского завода в Петербурге, позднее – железнодорожных депо Закаспийского края и г. Баку; на пути самоопределения в конце 1880-х гг. сблизился с кругом «Посредника» и в 1889 г. познакомился с Толстым, несколько раз

бывал у него в Москве. Толстой замечал о Душкине: «умён и хорош» (50: 126), «очень хорошие письма» (64: 284). 15 марта 1890 г. в ответном письме Душкину, поделившемуся тяготившими его противоречиями своих взглядов на жизнь, Толстой сделал вывод: «А насколько я могу судить, вы живёте хорошо, и помогай вам Бог» (65: 43). В письме к Толстому от 13 мая 1894 г. Душкин рассказал об убийстве Богатуровым днём на улице в Баку девушки-гимназистки, свояченицы отстранившего его от должности врача. На её могиле Душкин произнёс в духе идей непротивления злу насилием обличительную речь, пронизанную чувством сострадания не только к жертве, знакомой Душкина, но и к убийце и вызвавшую недовольство губернатора, что произвело впечатление на Толстого: «Я понимаю теперь, как должно было потрясти вас то убийство <...> и очень рад, что оно подействовало на вас <...> сознанием своей и других людей вины перед Богом и сострадания к несчастному. Я рад, что вы высказали это, и высказали, вероятно, сильно, если это навлекло на вас гонение» (67: 132). Толстой просил сообщить ему о судебном решении. Богатуров был приговорён к смертной казни. В ответ на письмо Душкина от 21 июля 1894 г., в котором подробно описано заседание Бакинского губ. суда по делу об убийстве 17-летней гимназистки, Толстой писал 7 августа: «Очень сочувствовал и сочувствую вам в том волнении, которое должно было вызвать в вас невольное участие в этом страшном деле. <...> Дорого то, чтобы чувствовать свою слабость, несовершенство. И это меня радует в вас. Мне страшно было читать про убийство убийцы <...>. Боже мой, как жертв много. Будем, друг мой, делателями по мере сил наших» (67: 184).

А. С. Кондратьев



ЕВДОКИМОВ Алексей Андреевич (1869–?) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; в конце 1880-х гг. – студент Киевского университета. Позднее, страдая нервным расстройством, оставил университет и занялся сельским хозяйством.

Впервые приехал в Ясную Поляну 6 июня 1889 г. В тот день Толстой записал в дневнике: «Потом юноша, студент киевский. Говорит, что расстроен нервами и хочет жить по Христу. Вроде Броневского. Говорил с ним по душе. <...> Проводил юношу. Он добрый. Я говорил ему слишком много, надо бы формулировать, что и что ему нужно. Надо бы так: 1) Понимать свою жизнь только как служение, и потому, не заботясь о своих силах, об уменьшении или увеличении их, служить теми силами, какие есть. Это раз; 2) молиться – Отче наш, т. е. чаще становиться в условия, где нет заботы о людях, а только о Боге; и 3) (пустяки) уменьшать требования от жизни – не было чтоб прислуги, не проживать денег – та же прислуга» (50: 91–92). Между Толстым и Евдокимовым завязалась переписка.

19 января 1890 г. в Ясной Поляне Толстой «встретил Евдокимова. Он приехал из Орла. Всё тот же страх за то, что он сходит с ума, теряет память, подвигается к идиотизму. Много говорил с ним, между прочим то, что истинная жизнь начинается тогда, когда она становится связью между прошедшим и будущим: тогда только она получает настоящее и радостное значение (51: 12). На следующий день Толстой «несколько раз говорил с Евдокимовым. Устал от него. Написал ему письмо Ге. Он уехал» (51: 13). Художнику Н. Н. Ге, жившему на хуторе в Полтавской губ., Толстой писал: «Молодой человек, который передаст вам это письмо, живёт в Киеве, где он в универ-

ситете. У него самые хорошие стремления, но есть слабость – забота о физическом себе, о своём здоровье, которое, ему кажется, душевно расстроено. Он очень одинок в Киеве, поэтому я ему и советую заехать к вам. Надеюсь, что вы ему духовно поможете» (65: 11). В тот же день в записной книжке Толстой отметил: «Говорил с Евдокимовым. Всякий человек – это непрестанно гибнущее физическое существо. Физическая гибель обнажает сущность духовную» (51: 122).

Разговоры с Евдокимовым оживили давние мысли писателя, и после его отъезда Толстой писал в дневнике: «...говоря с Евдокимовым и убеждая его в том, что ничего нет ни исключительного, ни страшного в том, что он теряет умственные способности, если бы это была и правда, я говорил ему о себе, повторил то, что давно думал, именно то, что всякий человек есть всегда, с рождения, непрестанно гибнущее существо. (Ребёнок, как говорит Лао-дзэ, – делаясь крепким и жёстким, теряет уже гибкость и жизненность.) Физическая гибель для человека, сознающего себя в духовном я, обнажает только всё больше и больше духовное я. (Гибель мышц рук и ног, а также гибель мозга.) В сознание моего духовного я не входит моя умственная сила. Сознание это в чём-то другом – в смирении, преданности воле Божьей – в том, чему большей частью мешает и физическая и умственная сила. Из погибели физического я вылупляется невольно я духовный» (запись 21 января 1890 г.; 51: 14).

В 1894 г., в письмах от 26 апреля и 2 мая, Евдокимов просил Толстого помочь найти ему работу. 11 июня Толстой обратился с письмом к своему знакомому судебному деятелю Н. В. Давыдову: «Податель этого,

очень симпатичный, правдивый молодой человек, в нужде. Просит места. <...> Этот юноша мне кажется особенно жалок, и особенно жадательно помочь ему. Сделайте что можете. <...> Хотя бы на время его как-нибудь пристроить. А я буду с своей стороны искать ему работу или места» (67: 142). Давыдов устроил Евдокимова служащим в канцелярии Тульского окружного суда. Позднее он опубликовал это письмо Толстого и в примечании написал: «Этому молодому человеку мне удалось дать занятия в канцелярии прокурора; оказался вполне работоспособным и в течение долгого времени оставался на занятом посту» (67: 142). Евдокимов поселился в Туле, и 10 сентября 1894 г. Толстой отметил в дневнике: «Встретил Евдокимова. Он живёт с проституткой. Я старался внушить ему, что это дело и большое: оживить её» (52: 138). То было время работы писателя над романом «Воскресение».

В 1895 г. Толстой ходатайствовал перед редактором-издателем журнала «Русское обозрение» А. А. Александровым о публикации в журнале сочинения Евдокимова, рекомендуя автора как «человека с самым хорошим направлением». Если рукопись подойдет, то Толстой просил «поощрить» Евдокимова «к литературной работе, к которой он чувствует призвание и на которую хочет посвятить свои силы» (68: 109). Сочинение напечатано не было. Дальнейшая судьба Евдокимова неизвестна.

Н. И. Бурнашова

ЕЛАГИН Николай Павлович (1801–1863) – знакомый братьев Толстых; тульский помещик, в 1844–1849 гг. служил в Тульской палате гражданского суда. Первое упоминание о Елагине появилось в переписке Толстого с его старшим братом Сергеем в конце 1850 г., в связи с предстоящим утверждением раздельного акта Тульской гражданской палатой. 15 декабря Толстой из Москвы писал С. Н. Толстому: «...надо, разумеется, дать денег секретарю, попросить его на квартиру, и подавать прошение поскорее, подписавшись под наши руки, разумеется. Казаринов в Москве, следовательно. Елагин правит должность и делает всё по прошению» (ЛТСБ. С. 65). Раздел имений между братьями и сестрой Толстыми был утверждён 12 февраля 1851 г. Елагин упоминался и в их июньских письмах 1860 г., но уже по иному поводу, связанному с «надсмотром над Пироговым и Ясным на лето», а также с возможным поручением ему сделки по продаже лошадей и пироговского конного завода (ЛТСБ. С. 223), который был продан в 1860 г. В апреле 1894 г. Толстой снова вспомнил Елагина в связи

с приездом его дочери Варвары Николаевны Мак-Гахан (1850–1904), вышедшей замуж за американского журналиста и сотрудничавшей с американской печатью. Она приехала в Россию и должна была передать Толстому от Генри Джорджа его сочинения. Эта встреча с дочерью Елагина состоялась 2 августа 1894 г. в Ясной Поляне, с которой был невольно связан её отец. В октябре 1897 г. С. Н. Толстой упоминал «легко пишущего Елагина», у которого теперь «рука отнялась», так бы он «до сих пор писал» (ЛТСБ. С. 408).

Н. А. Никитина

ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА (рожд. принцесса Гессен-Дармштадтская; 1864–1918) – великая княгиня, с 1884 г. жена великого князя Сергея Александровича, основательница Марфо-Мариинской обители в Москве, канонизирована Русской православной церковью в 1992 г. в лике преподобномученицы.

Толстой с сочувствием, но критически относился к великой княгине. В мае 1905 г., по свидетельству Д. П. Маковицкого, до Ясной Поляны дошло известие, что казнили Каляева, убийцу великого князя Сергея Александровича. Толстой удивлялся, что Елизавета Фёдоровна не добилась помилования, считал, что она «могла бы повлиять на царя», при этом добавил: «Несчастные они все». Писатель интересовался деятельностью великой княгини в связи с открытием Марфо-Мариинской обители. В январе 1910 г. Д. А. Олсуфьев рассказывал ему об Елизавете Фёдоровне, об её благотворительной деятельности, о том, как она по-прежнему красива, об отношении к убийце Каляеву, высказывал мысль о намерении И. Е. Репина написать картину на эту тему. Толстой заметил: «Это психологически интересно, посоветуйте ему писать».

Г. В. Алексеева

ЕНГАЛЫЧЕВА Ольга Владимировна (рожд. Арсеньева; 1838–1867) – вторая дочь тульского помещика В. М. Арсеньева, владельца имения Судаково, что в 8 верстах от Ясной Поляны. Сестра Валерии Владимировны Арсеньевой.

После замужества в январе 1858 г. и отъезда старшей сестры Валерии Арсеньевой в Судакове жили Ольга Владимировна с мужем, князем Петром Гавриловичем Енгальчевым (р. 1824). Он был другом семьи и опекуном детей Арсеньева, оставшихся сиротами в 1856 г. В письме к Т. А. Ергольской осенью 1856 г. Ватерия Арсеньева упоминала о женихе Ольги: «Князь Енгальчев только что приехал, и мы все сияем от радости»

(*ОР ГМТ*). Князья Енгальчевы происходили от упоминаемого в царской грамоте 1539 г. мордовского мурзы Ян-Галыча, потомки которого внесены в дворянские родословные книги целого ряда центральных губ. России. Прадед П. Г. Енгальчева крестился в 1734 г. В конце XVIII в. его дед и затем отец владели родовой деревней Рахманка Краснослободского уезда Пензенской губ. Отец Гавриил Иванович был женат на «княжеской дочери Надежде Ивановой <...> Маматовой», служил губ. секретарём, заседателем уездного суда. В том же суде начал служить его сын Пётр Гаврилович, произведённый в коллежские регистраторы, затем в губ. секретари, избранный в попечители хлебных запасных магазинов уезда. Земельные владения его были скромны. Женившись на О. В. Арсеньевой, он поселился в Судакове. По поводу брака Ольги с Енгальчевым Толстой писал Ёргольской 5(17) апреля 1857 г.: «Желаю счастья Ольге и радуюсь её свадьбе...» (60: 179). После знакомства с мужем Ольги Толстой записал в дневнике 16 августа 1857 г.: «Князь Енгальчев. Хитрый, глупый, необразованный и добродушный». На другой день, побывав «на охоте и у Енгальчевых», он добавил: «Грустно и мрачно в этом доме, никаких воспоминаний» (47: 152). На ту же тему запись 30 апреля 1858 г., после поездки в Судаково: «Грустные судаковские перемены, но я не жалею. Енгальчев хороший человек, завидую ему. Его как раз достаёт на содержание своей жизни» (48: 14).

В конце 1858 г. у Енгальчевых умерла от крупы их единственная годовалая дочь Наденька. Сестра Ольги Валерия (в замужестве Талызина) писала тогда Ёргольской о том, что её беспокоит состояние сестры, которая «потеряла свою очаровательную дочурку Наденьку»: «Я послала ей три письма и никакого ответа» (*ОР ГМТ*). Впоследствии брак Ольги с Енгальчевым распался. 6 ноября 1859 г. Валерия Талызина сообщала Ёргольской о том, что их семья поселилась на всю зиму в Москве и что зимой они ждут в гости сестру Ольгу. 28 августа 1865 г. Ёргольская, сообщив в письме Толстому о встрече с Н. В. Арсеньевым, братом Ольги, писала: «...его сестра несколько дней назад уехала в Москву. Она ездит с места на место, не зная, куда себя деть» (*ОР ГМТ*). 4 апреля 1867 г. Енгальчева умерла в Судакове в возрасте 29 лет от чахотки; похоронена в соседнем селе Рудакове в специально сооружённом склепе. В письме к её сестре Евгении 23 апреля 1867 г. Толстой, по просьбе Евгении, подробно описал то, что он увидел, когда, узнав о неожиданной смерти Ольги Владимировны, тотчас приехал в Судаково: «Несколько раз она собиралась говеть этим

постом, но чувствовала себя слишком слабой, <...> вся жизнь её была так несчастна, и она была такая добрая по сердцу женщина, что, вероятно, несмотря на то, что она не успела исполнить этот христианский долг, она там будет счастливее, чем здесь. <...> Я нашёл её на столе в зале <...> в зелёном шёлковом платье. Она была необычайно худа. Все внешние условия и религиозные обряды были исполнены над нею с большим приличием и внимательностью, благодаря заботам Ивана и его жены». Огорчённый тем, что брат Ольги Николай не счёл нужным приехать, хотя мог успеть на похороны, Толстой продолжал: «И признаюсь, мне вчуже было очень грустно думать, что она умерла и похоронена одна среди только слуг». По поводу письма её сестры Толстой писал Евгении: «Письмо ваше <...> мне было очень приятно получить и как-то утешительно было видеть из него вашу искреннюю любовь и печаль о вашей, справедливо названной вами, несчастной и покинутой сестре. <...> Я от души поплакал над гробом вашей сестры. Как только я увидел её в гробу, я совершенно забыл Ольгу Владимировну, которую я изредка видал последнее время, а помнил только одну миленькую, добрую и жалкую, нелюбимую белокурую девочку Олиньку, которую я всегда любил» (61: 168–169).

Толстой намеревался черты Ольги при- дать девушке-провинциалке Оленьке в незавершённых комедиях «Дядюшкино благословение» и «Свободная любовь» (1856). Сватовством девушки занималась в комедиях эмансипированная столичная родственница. Реальной основой этой ситуации можно считать характер родной московской тётушки детей Арсеньевых Надежды Львовны Щербачёвой. Толстой не раз отрицательно отзывался о проявлениях у «судаковских барышень» «московского щербачёвского духа». Комедии были задуманы на материале известного Толстому эпизода: деньги на свадьбу Ольга Арсеньева надеялась получить у своего крёстного отца и «дядюшки», богатого орловского помещика Н. В. Киреевского. В комедии свадьба расстроена, так как девушка возвратилась от «дядюшки» без денег. Между поездками в Судаково Толстой записал в дневнике 11 октября 1856 г.: «...много думал о комедии из Оленькиной жизни» (47: 94). Он даже начал писать. Обе комедии сохранились лишь в рукописях вариантов начала.

Лит.: Сафонова О. Ю. О. В. Енгальчева (к истории рода Арсеньевых) // Спасский вестник. Вып. № 14. 2007.

Т. Н. Архангельская

ЕРМОЛАЕВ Григорий Алексеевич (даты жизни не установлены) – в 1891–1892 гг. помогал Толстому в работе на голоде; торговец. По рекомендации Раевских Ермолаев состоял комиссионером у Толстого в течение всей деятельности его на голоде, заведовал приёмом, хранением и выдачей приходящих на имя Толстого грузов на своей базе, близ станции Клекотки, Сызрано-Вяземской железной дороги, в 35 км от Бегичевки. С. Семёнов в статье «На голоде у Л. Н. Толстого» отмечал: «Клекотки была ближайшая станция от Бегичевки, главного пункта распределения помощи голодающим, устроенной Л. Н. Толстым. На этой станции был склад всех продуктов, направляемых для районной помощи из Москвы и других местностей. Заведовал складом и наблюдал за всем жившим на станции комиссионер Ермолаев. Он принимал всё привозимое по железной дороге и отправлял по требованиям в те места, в которых продукты были нужны. Продукты были следующие: мука, крупа, соль, горох, керосин и дрова. Дров шло огромное количество. В этих местах обыкновенно топили соломой, а при неурожае соломы топить было нечем. И крестьяне, кроме голода, должны были переносить и холод» (Семё-

нов С. На голоде у Л. Н. Толстого // Минувшие годы. СПб., 1908. С. 129–130). Толстой регулярно получал от Ермолаева выписки из прихода-расходной книги. 3 февраля 1892 г. он писал Г. А. Ермолаеву: «Получил вашу выписку и благодарю вас за неё. Из неё я вижу, что ржи у вас остаётся 1 вагон, который прошу отправить в Андреевку, и 1 вагон гороха, из которого прошу вас отпустить 200 пудов г-ну Полякову в Монастырщину, если они пришлют за ним. За остальными 400 пудами я пришлю из Бегичевки. Пожалуйста, известите меня, сколько у вас по сие время находится дров. Дрова получают вагонами, а отпускаются пудами. Сколько пудов в вагоне тяжёлых и лёгких дров?» (66: 152–153). Благодарность Ермолаеву «за хлопоты» звучит и в письмах Толстого к С. А. Толстой из Бегичевки: «Нынче получил от Ермолаева выписку и сводил счёты и писал деловые письма, и считали с конторщиками. Всё вполне уяснил и мог бы тебе похвастать» (84: 114). «Рожь постоянно приходит. Нынче Ермолаев пишет, что на Клекотках 13 вагонов. Мы возим старательно по складам, и счёт теперь ведётся, и мы знаем, сколько и где у нас чего» (84: 126).

О. В. Гладун



ЖЕМЧУЖНИКОВ Алексей Михайлович (1821–1908) – русский поэт. Вместе с братьями Владимиром и Александром и двоюродным братом А. К. Толстым создал Козьму Пруtkова, который «из тщеславия упражнялся во всех видах литературы» (47: 388). Ещё один брат, Лев Михайлович, придумал и нарисовал портрет Козьмы Пруtkова. Так родилась в русской поэзии одна из самых знаменитых литературных мистификаций.

Алексей Жемчужников служил по ведомству министерства юстиции и мог сделать блестящую карьеру, но в 37 лет уволился со службы. Он объяснял многие беды России тем, что в стране очень много должностных лиц и почти каждый сидит не на своём месте. Для себя он смолоду определил главные ценности: «чувство собственного достоинства, человечности и уважения к справедливости, законности, знаниям и просвещению».

А. М. Жемчужников делил свою жизнь на два периода: до отставки в 1858 г. и после отставки. Он писал, что в первом периоде жизни убил много времени даром, что жизнь чувственная у него часто преобладала над духовной. В первый период Жемчужников писал не много, в разных жанрах: стихи, прозу, статьи, пьесы в стихах «Сумасшедший» и «Фантазия». О последней Толстой отозвался нелестно – «невообразимая чепуха». Но у Жемчужникова были и лирические стихотворения о природе, многие из которых, как и должно быть с истинной поэзией, ничуть не устарели:

Миновали дождливые дни –
Первый снег неожиданно выпал,
И все крыши в селе, и плетни,
И деревья в саду он усыпал.

В молодости, живя в Петербурге, Толстой часто встречался с Жемчужниковым, был с ним на «ты», ему нравилась атмосфера «весёлого, непринуждённого сочинительства», царившая в кружке братьев Жемчужниковых. Позднее, в декабре 1864 г., в Москве Алексей Жемчужников и Иван Аксаков стали первыми слушателями начала нового сочинения Толстого, будущей книги «Война и мир». Первые шесть глав, которые вслух читал сам Толстой, им чрезвычайно понравились, и этот отзыв окрылил автора: «Они говорят: прелестно. А я и рад, и веселей писать дальше» (83: 93).

Вскоре Жемчужников уехал за границу и почти 20 лет прожил в Германии, Швейцарии, Италии, на юге Франции. Пребывание там отчасти было связано с болезнью горячо любимой жены Елизаветы Дьяковой, сестры первого друга Толстого Дмитрия Дьякова. Возвращение в 1884 г. в Россию вызвало у поэта творческий подъём. Он много писал, но свой первый сборник стихотворений (стихи были рассеяны по разным журналам) издал только в 1892 г.

10 февраля 1900 г. литературная общность Петербурга праздновала 50-летие творческой деятельности Жемчужникова, и Толстой письмом поздравил его с этой знаменательной датой: «Любезный и дорогой друг Алексей Михайлович, очень радуюсь случаю напомнить тебе о себе сердечным поздравлением с твоей твёрдой и благородной 50-летней литературной деятельностью. Поздравляю себя с тоже почти 50-летней с тобой дружбой, которая никогда ничем не нарушалась. Любящий тебя друг Л. Толстой» (72: 302). Это письмо, по словам Жемчужникова, придало ему смелости подарить Толстому свою книгу с автографом. Последний свой прижизнен-

ный поэтический сборник «Песни старости. 1892–1898. СПб., 1900» автор прислал в Ясную Поляну с дарственной надписью: «Моему дорогому глубокоуважаемому другу гр. Льву Николаевичу Толстому на добрую память от Алексея Жемчужникова. 10 февраля 1900 г. С.-Петербург».

Спустя три с половиной года Толстой через общих знакомых переслал Жемчужникову копию рукописи ещё не опубликованного рассказа «После бала», с надеждой услышать мнение друга, и шутливо прибавил, что всегда с удовольствием вспоминает его «персидские глаза» (*Летописи*. Кн. 12, т. 2. С. 145).

В марте 1908 г., менее чем за месяц до своей кончины, Жемчужников написал и посвятил Толстому стихотворение с подзаголовком «На 28 августа 1908 года», оно было поздравлением писателю ко дню его 80-летия (опубликовано позднее, в дни юбилея). Известно, как строго Толстой судил поэтов, считая, что время поэзии прошло; но, прочитав посвящённое ему стихотворение друга, он «умилялся им», что скорее относилось не к поэтическим достоинствам стихотворения, а к имени и памяти покойного поэта: «Умер хороший друг Жемчужников (86 лет). Поэт – не особенный, но хороший человек. Хотя естественно умирать... – не досказал, по выражению лица, глаз видно было, что ему жалко» (*ЯПЗ*. 3. С. 40).

Лит.: Дробат Л. С. Из библиотеки Льва Толстого // *ЯП. сб.* 1998. С. 268–280; Жемчужников А. М. Стихотворения. М., 1988. *Л. С. Дробат*

ЖЕМЧУЖНИКОВ Пётр Алексеевич (даты жизни не установлены) – помощник начальника Тульского сыскного отделения, коллежский регистратор, осуществлявший розыск Толстого после его ухода из Ясной Поляны 28 октября 1910 г.

Получив 30 октября 1910 г. от полицеймейстера г. Тулы поручение установить место пребывания гр. Толстого, Жемчужников в тот же день утром отправился в Ясную Поляну «для собрания негласных сведений». От начальника почты Седакова он узнал об оставленном Толстым «прошальном» письме жене, о телеграммах, посланных отцу в г. Орёл дочерью графа А. Л. Толстой с просьбой вернуться.

«В Ясной Поляне, – писал позже в своём рапорте Жемчужников, – управляющий Шумилин рассказывал при мне приставу Карякину, что Л. Н. Толстой выехал вместе с доктором Маковицким 28 октября в 5 часов утра с поездом № 9 со станции Козлова-Засека с билетом до станции Гор-

бачёво. Графиня Софья Андреевна, будучи этим нервно потрясена, бросилась с плота в пруд, откуда её извлекли в бессознательном состоянии Александра Львовна, секретарь Булгаков и повар Румянцев, но Шумилин этого не видел». От дочери Шумилина сыщик узнал, что утром Андрей Львович выгнал из дома корреспондента газеты «Русское слово» Куприянова за то, что в «Тульской молве» появилась заметка об уходе Толстого.

Вечером того же дня собранную информацию Жемчужников доложил полицеймейстеру и лично тульскому губернатору Д. Д. Кобеко. После доклада сыщик отправился на вокзал и 31 октября в 1 час. 49 мин. выехал на станцию Горбачёво. Его целью было узнать: куда именно Толстой и его спутник взяли билеты, и дальше следовать по их направлению, пока не будет установлено место пребывания графа. На станции Горбачёво Жемчужников выяснил, что Толстой с доктором Маковицким 28 октября в 10.30 часов утра выехали в вагоне 3 класса до г. Козельска и дальше думают следовать в Сухиничи. Начальству сыщик в 11 часов отправил из Горбачёва первую телеграмму: «28 утром взяты билеты до Козельска. Следую дальше».

Прибыв в г. Белёв 31 октября, Жемчужников узнал, что гр. Толстой того же числа в 8 часов утра выехал из Козельска с доктором обратно в направлении Горбачёва и якобы Толстой держит путь в Ростов-на-Дону. Во второй телеграмме, отправленной из Белёва, он сообщал в Тулу: «Сегодня 8 часов утра выехали из Козельска обратно. В Белёве взяты 4 билета 2 класса, из коих три до ст. Двориков и один до Волово Рязано-Уральской ж.д. Следую за ними утром 1 ноября». Приехав на ст. Горбачёво, Жемчужников установил, что Толстой, со взятыми в Белёве билетами, проследовал вечером 31 октября дальше. На ст. Волово он выяснил, что писатель сошёл на ст. Астапово и остановился в доме начальника станции, т. к. почувствовал себя больным (появилась тошнота и рвота).

Прибыв на станцию Астапово, Жемчужников сразу же направился в дежурную комнату жандармов и, предъявив удостоверение, попросил жандармского ротмистра проверить имеющуюся у него информацию о том, что больной писатель гр. Толстой находится на станции Астапово, в доме начальника станции. «...Ротмистр удивлённо на меня посмотрел, – писал Жемчужников, – и, высказав, что я не туда попал, пригласил начальника станции в дежурную жандармскую комнату – в это время было около 6 часов вечера. Приглашённому на-

чальнику станции ротмистр предложил при мне вопросы: "Остановился ли у вас писатель Толстой, когда приехал на станцию Астапово?" и, когда это подтвердилось, сказал, почему графа не отправили в приёмный покой, не сообщили ему об этом, кто находится при графе и какое его положение. Я тут же просил ротмистра не отказать о переменах состояния здоровья Л. Н. Толстого и его дальнейшем направлении сообщать его превосходительству начальнику Тульской губернии, в чём ротмистр изъявил своё согласие». По словам начальника станции, при графе, кроме доктора Маковицкого, находились дочь писателя А. Л. Толстая и В. М. Феокритова. В тот же вечер Жемчужников отправил в Тулу третью телеграмму: «Остановился здесь на ст. Астапово – Уральской. Температура 40. При нём дочь, доктор. О дальнейшем направлении будет сообщено, возвращаюсь в Тулу».

Рано утром 2 ноября Жемчужников уже был в Туле и в 9 час. 30 мин. в присутствии тульского полицмейстера «имел честь словесно доложить об изложенном» начальнику губ. 11 ноября о результатах своих розысков он письменно донёс в рапорте на имя тульского полицмейстера (*ОР ГМТ*. Дело № 390 канцелярии Тульского губернатора секретного стола «О состоянии здоровья графа Л. Н. Толстого». 1909–1914 гг. Лл. 81–82). Вскоре газета «Русское слово» сообщила, что тульский губернатор объявил благодарность коллежскому регистратору П. А. Жемчужникову за быстрый розыск гр. Толстого.

Анализ письменного рапорта Жемчужникова позволил уточнить детали, связанные с уходом Толстого. Из рапорта следует, что сыщик прибыл в Астапово на день позже Толстого и, следовательно, ехать с ним в одном вагоне не мог, как утверждалось в научной литературе.

Получив доклад Жемчужникова, тульский губернатор Д. Д. Кобеко в тот же день направил в столицу шифрованную телеграмму: «Петербург. Министру внутренних дел. Первого вечером Толстой находился на станции Астапово Рязано-Уральской дороги Рязанской губернии вместе доктором Маковицким, дочерью Александрой. Болен температурой 40. Вызваны врачи. Сейчас туда выезжают жена, два сына. Причина отъезда из дому чисто семейная, денежные недоразумения. Влияние Черткова выяснить определённо ввиду интимности затруднительно. Губернатор Кобеко». Прочитав полученную шифровку, министр П. А. Столыпин наложил резолюцию: «В случае смерти Толстого принять меры к охранению порядка, стянуть достаточно

полиции и не допускать демонстраций» (Маклаков В. Из материалов о Л. Н. Толстом // Красный архив. 1923. № 4. С. 358).

Лит.: Чисников В. Н. «Имею честь донести...» (Неопубликованные полицейские документы об уходе и смерти Л. Н. Толстого // Именем закона (Киев). 1992. 20 ноября (№ 47); Чисников В. Н., Лаптев С. Г. Уход и смерть Льва Толстого по материалам тульской полиции // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Материалы Межд. Толстовского форума, посвящённого 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. Ч. 2. М., 2011. С. 86–99.

В. Н. Чисников

ЖИРАРДЕН Эмиль де (Girardin; 1806–1884) – французский литератор, издатель, политик. Начинал как романист. Романы «Emile» («Эмиль», 1827), «Au hasard» («Наудачу», 1828), содержавшие автобиографические мотивы, не сделали его имя знаменитым. В начале 1830-х гг. Жирарден издавал несколько газет и альманахов, которые принесли ему солидный доход. В 1834 г. избран депутатом парламента. В 1836 г. основал ежедневную газету «La Presse» («Пресса») и привлёк к сотрудничеству в своих изданиях Гюго, Бальзака, Ламартина, Шатобриана, Готье, Дюма-отца, Сю, Скриба и др. Книга «L'Homme suzerain, la femme vassale, réponse à l'Homme-femme de A. Dumas-fils» («Мужчина – сюзерен, женщина – вассал, ответ на "Мужчина-женщина" А. Дюма-сына») вышла в 1872 г.

Толстой был знаком с творчеством Жирардена. В 1857 г. он читал его книгу «О свободе прессы и журнализма» (1842), в дневнике остались суждения об этой книге: «...читал <...> "Liberté" Emile Girardin – пусто, хотя честно» (3/15 апреля; 47: 123). И 4/16 апреля: «Читал "Liberté" Girardin. Хорошо, но безвыходно» (47: 123).

Позднее имя Жирардена упоминалось в вариантах романа «Анна Каренина» в контексте вопроса о супружеской неверности. В марте 1873 г. в письме к Т. А. Кузминской Толстой сообщил, что его заинтересовала книга А. Дюма-сына «L'Homme-femme»: «Прочла ли ты L'Homme-femme? Меня поразила эта книга. Нельзя ждать от француза такой высоты понимания брака и вообще отношения мужчины к женщине» (62: 11). Памфлет «Мужчина-женщина» написан как ответ на статью Анри д'Идевиля в парижской газете «Soir». Поводом послужил нашумевший судебный процесс об убийстве мужем изменившей ему жены. Точка зрения Дюма-сына на брак – строго традиционная:

«женщину, нарушившую супружескую верность, мужчина должен стараться» «вернуть на путь целомудренной жизни», но, если это невозможно, «её следует убить» (20: 599–600). В вариантах романа «Анна Каренина» речь шла об этой полемике. По просьбе Долли Каренин оставался обедать у Алабиных (Облонских). За обедом обсуждали важную тему: неверность женщины в браке. Разговор происходил в связи с полемикой Дюма-сына с Жирарденом по поводу права женщины на свободное распоряжение своим чувством в браке. «...Вдруг разговор, переходивший с общественного, учёного, музыкального предмета на музыку и её критиков, <...> перешёл в конце обеда на последнюю французскую полемику между Dumas и E. Girardin и l'homme femme. Разговор при дамах вёлся так, как он ведётся в хорошем обществе, т. е. искусно обходя всё слишком сырое, и разговор занял всех сильно, несмотря на то, что Долли, поняв всю тяжесть этого разговора для Алексея Александровича, хотела замять его» (20: 338). Всех участников тема разговора очень волновала. Каждый надеялся найти разрешение мучающих вопросов. В окончательном тексте романа женский вопрос ставился на уровне равноправия, а тема, оставшаяся в черновиках, впоследствии получила своё развитие в повести «Крейцерова соната».

А. Н. Полосина

ЖУАННЕ Леон-Пэ (Jouannès Leon-Paix – Лев-Мир; 1907–?) – французский крестник Толстого. В 1907 г. Толстой написал некая Генриетта Жуанне, что она и её муж Эмиль Жуанне, парикмахер из парижского предместья, в благодарность Толстому за его «великую душу и труды» назвали своего сына, родившегося в 1907 г., в честь Толстого – Лев-Мир (Leon-Paix). М-м Жуанне спрашивала, не плохо ли она поступила, сделав это. 28 ноября (ст. ст.) 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «От француз-родителей второе неграмотное письмо, в котором извещают Л. Н., что они его записали крестным отцом их новорожденного сына, и просят прислать ему портрет. Л. Н. сегодня послал им (отец – парикмахер вблизи Парижа) портрет, подписав на нём следующие слова: "J'envoie mon portrait à mon filleul et remercie ses parents pour les bons sentiments qu'ils ont pour moi. Léon Tolstoï. 11 décembre 1909." <«Посылаю мой портрет моему крестнику и благодарю его родителей за их добрые чувства ко мне. Лев Толстой. 11 декабря 1909»». – *фр.*>» (ЯПЗ. 4. С. 116).

На это письмо Э. Жуанне ответил 26 декабря 1909 г. (н. ст.), благодарил за ответ

и приложил фотографию сына. «Л. Н. недавно принял почётное крёстное отцовство, – писал Маковицкий 19 декабря (ст. ст.), – и сегодня прислали ему благодарственное письмо и фотографию его крестника. Порадовала Л. Н.: "А крестник мой хорош!"» (ЯПЗ. 4. С. 135).

Н. И. Бурнашёва

ЖЮЛЬЁН Станислас Энъян (Julien Stanislas; 1797–1873) – выдающийся французский востоковед, филолог. Автор многочисленных и разнообразных трудов и переводов. Родился в Орлеане, окончил Коллеж де Франс, где изучал классическую филологию. С 1821 г. – профессор греческой филологии. Тогда же были опубликованы на французском и одновременно на латинском, немецком, испанском и итальянском языках его переводы древнегреческой поэмы «Порушение Елены». Китайским языком Жюльен увлёкся и освоил его за два года благодаря лекциям синоведа, одного из основоположников современного западного китайоведения, Жан-Пьера Абеля-Ремюза (1788–1832). В 1824 г. опубликовал латинский перевод Мэн-Тзе. В 1827 г. получил пост хранителя библиотеки Institut de France. С 1832 г. преподавал на кафедре китайского языка в Коллеж де Франс. В 1833 г. – действительный член Академии надписей и изящной словесности. В дальнейшем занимался синологией. В 1839 г. – хранитель китайского отдела Королевской библиотеки и глава Коллеж де Франс, где более сорока лет занимал кафедру китайского и татаро-маньчжурских языков и литературы.

В связи с глубокой симпатией и интересом к китайским религиозным и философским системам, в частности к учению Конфуция и Лао-Тзе, через Н. Н. Страхова Толстой раздобыл ряд книг по этой теме, в т. ч. книгу Жюльена «Le livre de la voie et de la vertu, par Lao-Tseu» («Книга пути и добродетели». Париж, 1842) (25: 883). 15/27 марта 1884 г. в дневнике Толстой признавался: «Моё хорошее нравственно состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и, главное, Лаоцзы» (49: 68). Благодаря Страхову, считавшему книгу Жюльена «очень глубокой» (ПСИТС. I. С. 394), Толстой познакомился с учением Лао-Тзе, а также с книгой о нём С. Жюльена.

Из письма к Н. Н. Ге-сыну известно, что Толстой просил привезти в Ясную Поляну 1-й том книги Жюльена «Le tao-te-King. Lao-tze. St. Julien» (63: 362). Под впечатлением от чтения этой книги в 1886 г. появился рассказ «Течение воды», в котором учение осмыслялось через метафору беспрерывно текущей воды. Текущая вода – это текущее время. «Воды текут без остановки,

текут они днём, текут они ночью, текут до тех пор, пока не сольются вместе в большом океане. Так и истинное учение отцов, дедов и прадедов наших от начала мира текло без остановки до нас» (26: 119).

Из дневника 22 июля 1889 г. видно стремление применить принцип «*le non agir*» (неделание. – *фр.*) Лаотцы как спасительную соломинку в житейских неурядицах: от «болтовни бесполезной – не дали заниматься», от «обжорства грустного и гнусного» за обедом, от бессилия что-либо изменить, помочь. От проблемы с собакой: «Соня заперла Бульку, которая кусала собак, и из этого вышла неразрешимая путаница: выпустить? Оставить взаперти? Убить? *Le non agir*. Лаотцы» (50: 110).

Не исключено, что в 1893 г. Толстой вновь перечитывал «Книгу пути и добродетели» в переводе Жюльена. Именно эту книгу на французском языке он внёс в список книг, которые произвели на него впечатление в возрасте «С 50-ти до 63-х лет»: «Лаодцы Julien... огромное» (66: 68). И заглавие статьи «Неделание» заимствовано из той же книги. В статье Толстой писал: «Есть малоизвестный китайский философ Лаодзи (первый и лучший перевод его книги “О пути добродетели” Stanislas Julien). Сущность учения Лаодзи состоит в том, что высшее благо как отдельных людей, так в особенности и совокупности людей, народов может быть приобретено через познание “Тао” – слово, которое переводится “путём, добродетелью, истиной”, познание же “Тао” может быть приобретено только через *неделание*, “*le non agir*”, как переводит это Julien. Все бедствия людей, по учению Лаодзи, происходят не столько от того, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. И потому люди избавились бы от всех бедствий личных и в особенности общественных, которые преимущественно имеет в виду китайский философ, если бы они соблюдали неделание (*s’il pratiquaient le non agir*). И я думаю, что он совершенно прав» (29: 185). «В толстовской философии и этике неделание – не бездействие, а отказ от делания лишнего. Он <Толстой. – А. П.> любил повторять изречение, что лучше ничего не делать, чем делать ничего, т. е. пустяки, ненужное и тем более вредное» (Опульская. Материалы. 2. С. 56).

В 1893 г. близкий знакомый Толстого Е. И. Попов перевёл для него с немецкого книгу Лао-Тзе «Тао-Те-Кинг», перевод на немецкий Виктора фон Штрауса (Лейп-

циг, 1870). Затем они вместе приступили к проверке и редактированию этого перевода по книге на французском языке «Lao Tseu. Traduit avec un commentaire perpetuel par St. Julien» (Paris, 1847). Об этой работе Толстой сообщил жене: «Евгений Иванович мне переписывает. И мы с ним перечитываем и исправляем перевод глубокомысленнейшего писателя, Лао-Дзи, и я всякий раз с наслаждением и напряжением вникаю и стараюсь передать, соображая по французскому и, особенно хорошему, немецкому переводу» (84: 196–197). Перевод Толстого и Попова полностью не напечатан. Сокращённый – вышел в 1909 г. в «Посреднике».

В ЯПБ сохранилась в переводе Жюльена на французский язык книга «Les avadānas: Contes et apologues indiens inconnus jusqu’à ce jour: Suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises» (Paris, 1859; в 3 тт.) («Неизвестные до сих пор индийские сказки и притчи: басни, стихотворения и китайские новеллы»). «Les avadānas» (XVI в.) в переводе с санскрита – неловкий льстец. Эта книга – ценнейший источник целого ряда нравоучительных сказок, басен и притч, вошедших в «Русские книги для чтения». Философия Востока всегда привлекала писателя своей дидактичностью. Отсюда его выбор таких тем, как переменчивость судьбы, Предопределение, добро и зло, людская глупость, жадность, алчность, честолубие, упрямство, нечестность, зависть, трудолюбие, братство, гуманность, отказ от предрассудков, терпимость... Этическая программа Толстого была тесно связана с осмыслением именно этих проблем. Для русского читателя многие басни русифицированы, языческие персонажи заменены на русские фольклорные, например, в басне «Водяной и жемчужина» (21: 182). Индийской басне «Мудрый и глупый» из сборника Станисласа Жюльена Толстой дал др. заглавие «Ноша» (21: 77–78), сократил содержание и тоже русифицировал её. В первую «Русскую книгу для чтения» вошла индийская басня «Знатный отец и его два наследника», её перевёл Толстой как «Делёж наследства» (21: 114). Басня «Отчего зло на свете» – вольный перевод с французского индийской сказки «Монах, голубь, ворон, ядовитая змея и олень». Содержание басни – спор зверей о том, откуда происходит зло (21: 300–301) и т. д.

Лит.: Полосина А. Н. Л. Н. Толстой – переводчик индийских сказок и басен (по материалам яснополянской библиотеки) // Яп. сб. 2010. С. 153–167.

А. Н. Полосина

З

ЗАБОЛОТНЮК Сергей Александрович (1886–?) – корреспондент, адресат и посетитель Толстого. Рабочий-столяр. В молодости занимался революционной агитацией. В начале своей революционной деятельности (1906–1907 гг.) прочитал некоторые сочинения Толстого, что изменило его взгляды. Он перестал посещать службы в храмах, отказался работать для церквей и начал выполнять только заказы, которые получал от простых людей. Приезжал к Толстому 16 октября 1907 г., за советом по поводу службы в армии. Сам он был намерен отказаться от воинской повинности. «Очень интересный разговор» Толстого с Заболотнюком записал секретарь писателя Н. Н. Гусев. «Толстовства никакого не существует, – говорил Толстой; – есть вечные истины; если что сделал Толстой, так только то, что применил эти вечные истины к современной жизни» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. 1907–1909. М., 1973. С. 61–62). Зафиксировал эту встречу и Д. П. Маковицкий: «Пополудни приехал С. А. Заболотнюк, 25-летний столяр, бывший революционер-агитатор. Прочитав “Божеское и человеческое” и “Неужели так надо?”, воспринял взгляды Л. Н-ча. Перестал делать иконостасы, а делал только столярную работу, которая нужна бедным людям. Услышав о толстовской колонии в Геленджике, поехал туда и там, у Лебрена, работал полтора месяца. Теперь усердно распространяет книги Л. Н-ча. Толковый юноша. Хочет жить земледельческим и столярным трудом (понимает и другие ремёсла)» (ЯПЗ. 2. С. 536).

Ещё до приезда в Ясную Поляну молодой человек писал Толстому о своём намерении отказаться от службы в армии. Толстой отвечал 21 сентября 1907 г.: «Вопрос о том, как вам поступить: свидетельствоваться или отказаться, можете решить толь-

ко вы сами. <...> Повторяю вам, любезный брат, старайтесь отрешиться насколько можете от мысли о мнении людском о ваших поступках – моём и всех людей – и поступайте так, как будто никто никогда не узнает о них, а сделайте только то, что велит вам ваш Бог и совесть» (77: 201–202). На вопросы Заболотнюка, каким путём следует обличать зло, как объединить требования разума и чувства, Толстой отвечал советом вести «разумную внутреннюю работу» (78: 365).

А. Г. Королёва

ЗАВАЛЬЕВСКИЙ Никита Степанович (1797–1864) – знакомый Толстого, тульский помещик. Начав службу в лейб-гвардейском сапёрном батальоне, вскоре вышел из него гвардии поручиком и в 1823 г. определился чиновником особых поручений к графу М. С. Воронцову. В августе 1823 г. Завальевский приехал в Одессу почти в одно время с Пушкиным. По словам Вигеля, «Пушкин им забавлялся, позволял ему всякие с собою фамильярности, а Завальевский почитал своё знакомство лестным для Пушкина» (Записки Вигеля. Ч. 6. С. 120). Это подтверждал и иронический рассказ А. Н. Раевского, который писал Пушкину 21 августа 1824 г. об одесских новостях: «Завальевский продолжает составлять счастье своих друзей и знакомых; теперь у него новая претензия: литература. Он совершил путешествие по Южному берегу Крыма, верхом, с книгою «*Mérite des femmes*» («Достоинство женщин», поэма Г. Легуве) в руках, на каждом шагу издавая восклицания – то по поводу красот поэзии, то по поводу красот природы. – всё это на плохом французском языке, доступном лишь прелестной соотечественнице и твоей карикатуре, которая подчас

находила, что его восторги выходят за пределы изящного вкуса. Он кончил тем, что свалился с лошади посреди своих поэтических мечтаний» (Архив Раевских. Т. I. С. 240).

В 1827 г. Завальевский женился на вдове генерал-майора Артемия Ивановича Раевского – Маргарите Васильевне, рожд. Давыдовой, богатой тульской помещице (Модзалевский Б. Л. Род Раевских, СПб., 1908. С. 50). Выгодная женитьба помогла ему записаться в тульское дворянство (до этого он числился калужским дворянином). После женитьбы Завальевский поселился в Туле, и в молодости Толстой часто встречался с ним у светских знакомых, у Арсеньевых, а также слушая в ресторанах цыганский хор, наконец, бывая в доме у самого Завальевского: «У Завальевского, его менаж <хозяйство. — А. К.> и комнаты с разноцветными стёклами» (47: 95), после посещения цыган: «Играл за Серёжу, заигрался. Карнович, Завальевский» (48: 422). Не исключено, что в повести «Два гусара» (1856) персонаж с похожей фамилией Завальшевский, брат Анны Фёдоровны Зайцевой и приятель графа Турбина-старшего, отчасти подсказан писателю фигурой Завальевского.

А. Г. Королёва

ЗАГОСКИН Николай Павлович (1851–1912) – историк, публицист, редактор, общественный деятель, доктор гос. права (1879), заслуженный профессор Казанского университета (1900). Из дворян Пензенской губ. Родился в С.-Петербурге, окончил юридический факультет Казанского университета (1874), преподавал в нём историю русского права, избирался деканом юридического факультета (1905), ректором университета (1906–1909). В последние годы состоял гласным Городской думы. В октябре 1911 г. избран членом Гос. совета от Академии наук и университетов, переехал в Петербург, где впоследствии и был похоронен.

Загоскин – автор многих исторических сочинений, в т. ч. 4-томного труда «История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904». В этой работе он не ограничивался сухой сводкой данных, а стремился «изобразить течение университетской жизни во всей её конкретности, с её плотью и кровью» (Кизеветтер А. А. Из истории борьбы с просвещением // Русская мысль. 1905. № 10. С. 140). Под редакцией учёного и при его авторском участии также был издан подробный «Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1804–1904».

Своеобразным дополнением к указанным сочинениям стал очерк Загоскина «Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы», основу которого составили архивные материалы и воспоминания бывших студентов университета. Очерк был опубликован в журнале «Исторический вестник» (1894, январь). Рассказывая о студенческих годах Толстого, автор отмечал, что в молодости граф Толстой был некрасив: широкоплечий, мясистый, неуклюжий, с короткими щетинистыми волосами, он «мало подходил к роли легкомысленного светского денди, которую ему навязывали», многие считали его «бирюком» и «звали не иначе, как философом и Лёвушкой, неуклюжим и постоянно стесняющимся» (Загоскин Н. П. Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы // Исторический вестник. 1894. № 1. С. 102). Казанские старожилы помнили графа Толстого, который бывал «на всех балах, вечерах и великосветских собраниях, всюду приглашаемым, всегда танцующим, но далеко не светским дамским угодником, какими были другие его сверстники, студенты-“аристократы”»; в нём всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застенчивость» (там же. С. 107).

В очерке приводились и документы из университетского архива, связанные с именем Толстого. Заканчивая описание студенческих лет Толстого в Казани, автор очерка писал: «Наступил день отъезда Льва Николаевича в Москву, через которую он должен был ехать в свою Ясную Поляну. В квартиру графов Толстых, во флигеле дома Петонди, собралась небольшая кучка студентов, желавших проводить Льва Николаевича в далёкий и трудный путь; один из провожавших, рассказавший мне об этом, до сих пор здравствует в Казани. Как водится, за отъезжающего выпили, наказав ему всякого рода пожеланий. Товарищи проводили Льва Николаевича до перевоза через Казанку, которая находилась в полном разливе, и здесь в последний раз отдали ему прощальное целование» (с. 123).

В. Н. Чисников

ЗАГОСКИНА Екатерина Дмитриевна (рожд. Мертваго; 1807–1885) – в 1836–1861 гг. начальница женского Казанского Родионовского института, в котором училась сестра Толстого, М. Н. Толстая. Загоскина принадлежала к аристократическому обществу Казани и была хорошей знакомой П. И. и В. И. Юшковых. В одной из вставок к своей «Биографии», составленной П. И. Бирюковым, Толстой назвал Загоскину «оригинальной, умной женщиной». М. П. Ватачи, племянница Загоскиной, пи-

сала о своей тётке: «Гостиная её привлекала к себе всё, что было выдающегося в Казани, и среди посетителей хозяйка выдвигалась умом, образованием и светским лоском. Старшие девочки дежурили и занимали гостей, что давало им умение себя держать и уничтожало застенчивость. Летом институт не распускали, и дети пользовались чудным воздухом огромного парка, который его окружал. Вставая в шесть часов утра, Екатерина Дмитриевна шла на прогулку, и девочки при желании могли сопровождать её, при условии, конечно, говорить по-французски. Старший класс делился на группы, и каждая группа работала, обшивая весь институт, причём одна девица читала вслух» (*цит. по: Гусев. Материалы*. 1. С. 186). Для своих учениц директриса устраивала поездки, катанья на лодках, пикники. Она «принимала у себя всю светскую Казань, и её гостиная по тону стояла почти на одном ранге с губернаторской» (*там же*). Толстой писал, что Загоскина всегда привлекала «к себе наиболее коммодных молодых людей» (34: 399). Он нередко бывал в её гостиной, правда, был застенчив и стеснялся танцевать на балах, за что директриса добродушно журила его: «*Mon cher Léon, vous n'êtes qu'un sac de farine* (Вы просто мешок с мукой)» (*цит. по: Гусев. Материалы*. 1. С. 187). Двоюродным племянником Загоскиной был Д. А. Дьяков («чудесный Митя»), с которым Толстой, видимо, у неё познакомился.

В мае 1851 г. по пути на Кавказ Л. Н. и Н. Н. Толстые остановились в Казани. В этот свой приезд Толстой бывал у Загоскиной ежедневно, там встретил он З. М. Молодцову, бывшую воспитанницу института, к которой испытал «поэтическое чувство влюбления» (Бирюков). С. А. Толстая по рассказам мужа знала об этих днях в Казани и в своих воспоминаниях писала: «В Казани они пробыли неделю; здесь повидались они с Загоскиной, начальницей института, которая в их студенческое время была одна из лучших знакомых, умная, энергическая женщина» (*ТБС*. 1. С. 37). В июле 1879 г. Толстой, находясь в Киеве, побывал у Загоскиной, в начале 1880-х гг. навещал её в Москве.

Загоскину Толстой запечатлел в черновых вариантах повести «Юность» в образе матери Нехлюдова, Екатерины Дмитриевны.

Н. И. Бурнашёва

ЗАЛЮБОВСКИЙ Алексей Петрович (1863–?) – единомышленник Толстого; племянник Н. Л. Озмидова, родной брат Анатолия Петровича Залюбовского. В статье «Закон насилия и закон любви» (1908) Толстой писал: «Мне случайно известны несколько десятков человек в России, отчасти выстра-

давших тяжёлые мучительства за веру, отчасти теперь ещё сидящих по тюрьмам». Далее Толстой назвал имена этих страдальцев, и первый среди них – Залюбовский (37: 187).

Перед тем как принимать присягу, Залюбовский написал Толстому, прося совета, стоит ли это делать. «Его мучила мысль о горе, которое причинит матери <горе матери в случае отказа от службы. – *Н. Б.*>, и спрашивает моего совета. Я много думал над его письмом и решил тогда не отвечать», – позднее признавался Толстой в письме брату Залюбовского Анатолию (63: 301–302).

В ноябре 1884 г. Залюбовский отказался принимать присягу по религиозным убеждениям и под влиянием сочинений Толстого, после чего был зачислен каноником в 14 артиллерийскую бригаду. Уездный воинский начальник заподозрил его в социалистических настроениях и отправил в жандармское управление, где подозрения не подтвердились. Далее его дело передали судебным властям, которые вернули Залюбовского на место службы. В дальнейшем, несмотря на уговоры командования батареи и священника, Залюбовский снова и снова отказывался принять присягу. Дознание выявило, что он стремился жить по заповедям: *не гневаться на брата, не разводиться с женой, не противиться злу, не клестись вовсе, любить врагов* – на основании чего и отказывался от присяги. Все материалы по его делу были отправлены в главный штаб на рассмотрение военного министра. Затем Залюбовского поместили в кишинёвский лазарет, где обещали признать его неспособным носить оружие, потом направили в киевский госпиталь, однако там дали заключение, что он здоров и может проходить военную службу. Толстой хлопотал о смягчении участи Залюбовского, приговорённого к дисциплинарному батальону. Он просил В. В. Стасова и П. И. Бирюкова найти возможности и нужных людей, чтобы повлиять на ситуацию: «Я думал, что его освободили от фронтальной службы и он живёт в Кишинёве, но оказывается, что его уж год мучают, посылают по этапам с бродягами, помещают в госпитали, пересылают из части в часть и заслали теперь в Закаспийский край. И он до сих пор продолжает на основании учения Христа отказываться от участия в убийстве» (письмо Бирюкову от 20 ноября 1885 г.; 63: 299). После долгих мытарств, голода, издевательств в марте 1887 г. Залюбовский был окончательно освобождён от службы и в апреле вернулся к матери в Кишинёв. Потом некоторое время пребывал в Тверской общине М. А. Но-

восёлова. Затем стал управляющим в одном из имений в Новгородской губ., где прожил 4 года, служил в Москве и Бессарабии. Оставил воспоминания.

Толстой тепло относился к Залюбовскому, тон его писем носил отеческий, наставнический характер. В переписке с Анатолием Залюбовским он говорил о своём отношении к Алексею: «Мне же ваш брат дорог как брат по вере, показавший и мне, и тысячам великий пример истинного мужества» (63: 302–303). В письмах было и много личного: Залюбовский советовался с Толстым по всем важным вопросам своей жизни, и Толстой дорожил этим общением. Залюбовский писал Толстому о своих планах на будущее, а Толстой предостерегал его от необдуманных поступков. «Планы фельдшерства прекрасны – они мне и многим приходили в голову» (64: 91). Толстой советовал молодому человеку жениться: «По-моему, как и во всём, и в жизни больше, чем во всём другом, надо не задавать себе задачу жениться, а задавать себе одну всегдашнюю задачу – жить хорошо и терпеть и ждать, и тогда придёт время, и обстоятельства сделают то, что нельзя не жениться. Так вернее не ошибёшься и не согрешишь» (63: 133).

Н. И. Бурнашёва

ЗАЛЮБОВСКИЙ Анатолий Петрович (1859–1936) – корреспондент и адресат Толстого. Офицер, слушатель Михайловской артиллерийской академии в Петербурге; впоследствии генерал-майор, начальник Сестрорецкого оружейного завода. Переписка Толстого с Анатолием Залюбовским касалась лишь проблемы, связанной с братом Залюбовского Алексеем, в конце 1884 г. отказавшимся от присяги и попавшим под суд. В письме к Анатолию от 20 ноября 1885 г. Толстой размышлял о причинах, повлиявших на решение Алексея отказаться от присяги: «...не имейте ко мне враждебного чувства, не обвиняйте меня, не думайте, чтоб интерес во в судьбе вашего брата был связан со мной, с моею личностью. Он следует ведь не моему, как вы говорите, учению, а он следует тому учению, про которое Христос говорит, что оно не его, а пославшего его Отца. Ведь то, что ваш брат сделал и делает, – это великое дело, которое может совершить человек в жизни» (63: 302). Толстой видел в поступке младшего брата «великий пример истинного мужества» (63: 303). Он чувствовал свою ответственность за случившееся, а потому просил Анатолия Залюбовского: «Если я могу быть чем-нибудь полезен ему, я буду счастлив и сделаю всё возможное, только напишите мне» (63: 303).

Переписка с Толстым была вызвана стремлением Анатолия Залюбовского помочь брату. Он, скорее, выступал посредником в переписке Толстого с Алексеем Залюбовским. 12–13 октября 1886 г. Толстой сообщал П. И. Бирюкову: «От Залюбовского сейчас получил письма брата. Очень хорошие письма» (63: 388).

С. С. Савинков

ЗАНДЕР Николай Августович (1868–?) – учитель музыки (скрипка) младших сыновей Толстого, Андрея и Михаила. Молодой врач, только что окончивший медицинский факультет Московского университета, с 1 марта 1893 г. он стал приходящим учителем музыки в хамовническом доме Толстых в Москве, а с 6 мая переехал с семьёй Толстых в Ясную Поляну, где им увлеклась средняя дочь Мария Львовна. Её двоюродная сестра Мария Сергеевна Толстая вспоминала, как кузина восторгалась красотой Зандера. Вспыхнувшее между молодыми людьми чувство было взаимным. Николай Зандер сделал предложение, и Маша собиралась выйти за него замуж, что вызвало резко отрицательную реакцию обоих родителей. С. А. Толстая писала мужу 19 сентября 1893 г., когда Зандер по их настоянию уже покинул Ясную Поляну: «Нельзя себе представить Машу в этой немецкой буржуазной среде с красноносым отцом, с хольбой на рынок за сосисками и пивом, с размножением белых Зандерят. Просто мерзость!» (ПСАТ. С. 576). Зандер уехал из Ясной Поляны 22 июля, дав обещание не переписываться с Машей. В дневнике Толстой записал, что «затейное дело Маши с Зандером» (52: 97) было самым важным событием за это время. В письме к Зандеру он повторил то, что много раз повторял окружающим, когда его спрашивали, как он относится к браку. – «лучше не жениться, чем жениться» (66: 372). В письме к дочери он выразился гораздо резче: «...самый нелепый, не имеющий никакой основы, брак: ни рассудочной, ни страстной, ни разумной. А какая-то уродливая выходка» (66: 374). Когда Мария Львовна увлеклась Пошей (П. И. Бирюковым) и Петей Раевским, Толстой восклицал: «Только бы не этим!» – имея в виду Зандера.

Л. С. Дробат

ЗАСОСОВ Владимир Иванович (1886–1910) – посетитель, корреспондент, адресат Толстого. Крестьянин деревни Павлюково Клинского уезда Московской губ. Плотник, столяр.

В Ясной Поляне Засосов был 10–11 августа 1909 г. Приехал с рекомендательным письмом от П. А. Сергеенко (80: 46). В дневнике 10 августа Толстой отметил: «Нынче с утра пришёл Засосов, крестьянин, ездивший к духоборам и теперь отказывающийся от воинской повинности. Очень мне понравился. Помогите ему Бог (в нём)» (57: 113). Д. П. Маковицкий в тот день записал: «Утром был у Л. Н-ча В. И. Засосов <...>. Высокий, тонкий, 25-летний крестьянин, письмом отказавшийся явиться на призыв. В письме усмотрели оскорбление властей, и суд присяжных приговорил его к трёхнедельному аресту, который он отсидел. Болен чахоткой. Побывал в Канаде, вблизи духоборов, работал там у англичан и в Японии. Там научился обрабатывать землю без помощи животных. Л. Н-чу был интересен, мил. Вечером прочёл его письмо, которым отказался от военной службы: в нём доводы наполовину взяты из сочинений Л. Н.» (ЯПЗ. 4. С. 36).

24 августа 1909 г. Засосов, как только из-за чахотки был освобождён от призыва, написал Толстому о своём освобождении. Толстой отвечал 27 августа: «Не мог не порадоваться, милый брат Владимир, известию о вашем освобождении. Будем стараться делать, что должно, не заботясь о последствиях. <...> Помните, что вы мне очень близки» (80: 75). В тот же день в письме к Н. Н. Гусеву он спрашивал: «Знаете ли вы про Засосова (Сергеенко писал)? Он был у нас. Очень сильный духовно человек. Его призывали, осматрели и, найдя по сложению неподходящим, отпустили» (80: 74).

5 марта 1910 г. Засосов обратился к писателю за разрешением вновь приехать в Ясную Поляну. «Рад буду вас видеть» (81: 286), – пришёл ответ. Во время встречи с Толстым 1 апреля 1910 г. Засосов много рассказывал о своём странствии по Кавказу. Его воспоминания произвели впечатление на Толстого, о чём писал Маковицкий: «Вечером пришёл В. И. Засосов <...>. Необыкновенно милый, обходительный, прямодушный <...> молодой человек. Ходил по Кавказу, был у Скороходовых, Картушина. И. К. Дитерихса и др. <...> Л. Н. расспросил Засосова за чаем в зале про его скитания по Кавказу, где он ходил и работал. Засосов рассказывал, между прочим, как раздавал солдатам и казакам в вагоне издания “Обновления” <Петербургское издание “Обновление” выпускало сочинения Толстого, запрещённые до 1905 г. в России. – А. К.> (ЯПЗ. 4. С. 216). Из рассказов Засосова М. С. Сухотин <зять Толстого. – А. К.> сделал вывод: «И солда-

ты, и крестьяне слушали его одобрительно и охотно читали книжки Толстого. Но только, соглашаясь в принципе с антиправительственными идеями, не соглашались с практичностью мирной борьбы. Вообще революционное настроение на черноморском побережье и на Кавказе, по мнению Засосова, растёт». Был арестован за то, что бродил без паспорта. Паспорта он не имел «из принципа». «От рассказов Засосова Л. Н. впал в мрак, потому что ему стало стыдно пред этим проповедником толстовских идей своего барства, своей обстановки, своей покойной жизни...» (Из дневника М. С. Сухотина // ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 223–224).

7 апреля, как записал Маковицкий, «Л. Н. сказал, что Засосову в Ялте врач объявил, что у него чахотка. Л. Н. спросил его, как это на него подействовало. “Я был этому рад”, – ответил Засосов» (ЯПЗ. 4. С. 221). 16 сентября 1910 г., за несколько недель до кончины, он обратился к Толстому с письмом, где выразил ему «свою любовь». Умер Засосов в Сочи.

А. Г. Коралёва

ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна (1849–1919) – революционерка-народница, публицист, критик; одна из первых деятелей русского социал-демократического движения. После раскола «Земли и воли» состояла членом партии «Чёрный передел»; одна из основательниц в 1883 г. социал-демократической группы «Освобождение труда»; со второго съезда социал-демократической партии примкнула к меньшевикам.

24 января 1878 г. выстрелом в упор из револьвера ранила петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова (протестуя против того, что по его приказу высекли политического заключённого А. П. Боголюбова). Была предана суду. Дело её рассматривалось 31 марта 1878 г. в суде присяжных под председательством А. Ф. Кони. Засулич был вынесен оправдательный приговор, с одобрением встреченный присутствовавшей публикой, но вызвавший недовольство у консервативной части русского общества. Информацию о процессе печатали русские и зарубежные газеты, портреты Засулич были помещены во многих альманахах и календарях. «...С тех пор, как я прочёл про этот суд и про всю эту кутерьму, она не выходит у меня из головы» (ПАТ. 2011. С. 365), – писал Толстой в Петербург А. А. Толстой 6 апреля 1878 г. В том же письме он высказывал своё отношение к случившемуся: «Мне издали и стоящему вне борьбы ясно, что озлобление друг на друга двух крайних партий дошло до зверства. Для Майделя

<коменданта Петропавловской крепости. – Н. Б> и др. все эти Боголюбовы и Засуличы такая дрянь, что он не видит в них людей и не может жалеть их; для Засулич же Трепов и др. – злые животные, которых можно и должно убивать, как собак. И это уже не возмущение, а это борьба». Толстой видел, что «всё это <...> предвещает много несчастий и много грехов» (ПАТ. 2011. С. 364).

Дело Засулич писатель обсуждал в переписке с Н. Н. Страховым. Из Петербурга 2 апреля 1878 г. Страхов сообщал, что он «просидел целое утро на суде, когда судили Засулич. Эта комедия человеческого правосудия очень взволновала меня, – писал он. – Судьи очевидно не имели в себе никаких качеств, по которым заслуживали бы звания судей, и не имели в своих умах ни малейшего принципа, по которому могли бы совершать суд. Засулич – дурнушка, чёрненькая, стройная, с мелкими чертами лица и нежным девичьим голосом. С нею обращались почтительно, всё дело вели к её оправданию и оправдали с восторгом невообразимым. Всё это мне показалось кощунством над самыми святыми вещами. Я очень раздумался и пришёл всё к тому же заключению: если бы я и имел силу говорить, мне следует молчать, потому что я ведь не вижу настоящей дороги – вижу только, что они заблудились» (ПСПТС. 1. С. 421).

«Засуличевское дело не шутка, – отвечал Толстой 8 апреля 1878 г. Страхову. – Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, ещё нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвозвещица войны, это похоже на предвозвещие революции» (ПСПТС. 1. С. 423–424). В семье Толстых, конечно, обсуждали происходящее и были единодушны: «Знаю, что о Засулич мы будем говорить одно и то же», – писал Толстой 8 апреля брату С. Н. Толстому (ПТСБ. С. 366).

9 апреля Страхов в письме к Толстому продолжил свой рассказ о деле Засулич. «Дело Засулич до сих пор ещё волнующая всех новость. Наконец я уяснил себе ту бесстолковую радость, которая овладела всем городом: юристы и газетчики в восторге потому, что Засулич для них героиня и что по всем их понятиям это не преступление, а подвиг. Большая же часть простых людей просто радуются, что жестокому началству сделан такой удар. Политическая сторона дела для одних главное, а для других вовсе не существует. Только иностранцы, французы, немцы смотрят по-своему и видят тут революционные начала» (ПСПТС. 1. С. 425).

Через годы, вспоминая то время и своё тогда, видимо, неоднозначное отношение

к самой Засулич, Толстой признавался: «Как я недалёк был от революционеров! В Вере Засулич я видел что-то...» (запись Д. П. Маковицкого 6 октября 1907 г. – ЯПЗ. 2. С. 527). Но теперь, в начале нового века, пережив революционные события 1905–1907 гг., писатель высказывал вполне определённый взгляд на революционеров: Маковицкий записал 12 июня 1909 г. слова Толстого в разговоре с гостем Ясной Поляны П. Г. Дашкевичем, близким его знакомым: «Столыпин и ваши Чайковский, Засулич – они все одинаковы, все хотят устроить счастье народа по-своему и хотят прославиться» (ЯПЗ. 3. С. 439).

Н. И. Бурнашёва

ЗАЦЕПИН Александр Трофимович (даты жизни не установлены) – последователь, корреспондент и адресат Толстого. Поверенный в Нижегородском окружном суде. Бросив службу на Каштымском заводе, в 1891 г. переехал с семьёй в Нижний Новгород. До поступления на службу в судебное ведомство Нижнего Новгорода по рекомендации В. Г. Короленко занимал должность при частной купеческой конторе и за свои симпатии к взглядам Толстого терпел большие неприятности. Всегда стремился оставить службу и перейти в земледельческую общину. Из Нижнего Новгорода писал Толстому о том, что арендовал в Оренбургской степи 3000 десятин земли и мечтает устроить на ней земледельческую колонию, просил Толстого помочь ему в подборе для неё людей, о чём в письмах упоминал дважды. Известно, что Толстой отвечал Зацепину, но тексты писем не сохранились. 27 августа 1895 г. Зацепин писал в Ясную Поляну: «Нужда заставляет меня в третий раз беспокоить Вас. Если у Вас нет в виду компаньонов мне для занятия земледелием на моей земле, то помогите мне пристроиться пока к какому-нибудь делу в Москве или Туле» (68: 182). Толстой ответил ему 18 сентября 1895 г.: «Я не знал и не думал, что вам нужен заработок. Узнав же это, я обратился к нашему общему другу – Павлу Александровичу Буланже, занимающему какое-то значительное место по счетоводству на Курской дороге» (68: 181). Толстой обратился за содействием не только к Буланже, но познакомил Зацепина и с А. Н. Дунаевым, своим единомышленником, директором Московского торгового банка: «Письмо это передаст вам Александр Трофимович Зацепин, человек очень хороший и интересный. Ему ничего не нужно, но я думаю, что вам взаимно будет приятно узнать друг друга» (90: 323). В 1901 г. Дунаев участвовал в открытии вегетариан-

ской столовой в Москве. Толстой и др. лица тоже выступали в качестве благотворителей, оказывая посильную денежную помощь. В письме от 27 февраля 1902 г. Буланже сообщал Толстому, что и Зацепин намеревался купить вегетарианскую столовую.

О встречах Толстого и Зацепина сведений нет, последнее письмо от него <поздравительное. — А. К> Толстой получил в 1908 г. *А. Г. Королёва*

ЗБАЙКОВ Иван Никифорович (1867–?) – посетитель Толстого; хабаровский педагог, общественный деятель. Родился в Иркутске. 27–29 апреля 1910 г. вместе со своим товарищем В. В. Плосниным, приехавшим из Хабаровска для покупки книг в народную библиотеку-читальню, был у Толстого в Ясной Поляне. Продолжительная беседа с ними о жизни в Сибири, Китае и Японии оставила у Толстого яркое впечатление. «Л. Н. просил рассказать про события в Благовещенске 1900 г.» (*ЯПЗ.* 4. С. 238). Збайков – «бородатый сибиряк из Хабаровска», – отметил в своей тетради Д. П. Маковицкий. «Его восточносибирский разговорный язык подобен детскому языку или тому, на каком говорят иностранцы. Ж он выговаривает почти как Ш, Ц почти как С, и певуче говорит» (*ЯПЗ.* 4. С. 236). 27 апреля 1910 г. в своём дневнике В. Ф. Булгаков записал: «Вечером Лев Николаевич делился впечатлениями, вынесенными им из разговора с посетившим его сибиряком. “Удивительно, – говорил он, – люди живут так далеко, что к ним нужно ехать шестнадцать дней, и – точно такие же, как и здесь, точно такие же глупости делают: такие же у них генерал-губернаторы, такие же городовые, такая же проституция, такое же пьянство, такие же оборвыши, как он говорил. Вот китайцы живут хорошо. Только, как он рассказывал, медленно работают, не так, как русские. Это хорошо. Перерабатывать не нужно. Есть человеческое достоинство тела, есть духовное достоинство, а это телесное, и его не нужно нарушать» (*Булгаков.* С. 183).

В январе 1930 г. Збайков был арестован и по статье 58-10 приговорён к 3 годам ссылки в Сибирь. Внесён в Книгу памяти жертв коммунистического террора.

Н. И. Буриашёва

ЗВЕГИНЦЕВА Анна Евгеньевна (рожд. Январяльская; ?–1937) – тульская помещица, соседка по имению и посетительница Толстого. По своим убеждениям была «крайней монархисткой». Многочисленные её родственники (сестра Мария была замужем за кн. Черкасским, родная дочь Анна за кн. Волконским) и сама Звегинце-

ва имели связи и влияние в петербургских бюрократических кругах. В ноябре 1905 г. Д. П. Маковицкий отмечал в своих записках: «Они все консерваторы, притом озлобленные против революционеров» (*ЯПЗ.* 1. С. 446). После одного из посещений Звегинцевой Ясной Поляны, когда она по обыкновению приехала «одетая амазонкой, верхом на прекрасной английской лошади, со сворой борзых на привязи» (она была страстная охотница), он записал её слова, «что нужно было бы перестрелять и перевешать как можно больше крестьян» (*ЯПЗ.* 1. С. 210). Такие высказывания не могли не возмущать Толстого: «Она с манией преследования... Ужасно! От таких гостей болел становись» (56: 585). Как только Звегинцева заводила разговор о политике, Лев Николаевич отвлекал её на др. темы – «на запах лип, на деревья, которые сажал, и прочее» (*ЯПЗ.* 2. С. 161). Приезжая в Ясную Поляну, она всегда брала с собой револьвер и оставляла его в передней на подзеркальнике. Писатель, увидев оружие, сказал ей: «Бросьте в воду!» (*ЯПЗ.* 2. С. 162). Секретарь Толстого Н. Н. Гусев вспоминал, что, когда Звегинцева в очередной раз приехала с браунингом, это увидел Чертков и стал возмущаться: «“Какое это нахальство – ко Льву Николаевичу приезжать с револьвером! У тебя есть “Не убий”? – обратился он ко мне. – Принеси, пожалуйста”. Я принёс, и Дима Чертков торжественно вложил эту книжку в ручку браунинга. Мне это понравилось, и через пять минут <...> все карманы важной гостьи оказались наполненными агитационными брошюрами Толстого против государства» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 182). В 1907 г. Звегинцева была причастна к аресту Гусева, жившего в Телятинках. В её имении располагалась станковая квартира, и она донесла станковому приставу, что у Гусева происходят собрания крестьянской молодёжи, на которых он будто бы ругает царя. Гусев некоторое время отсидел в тюрьме в Крапивне, откуда был освобождён после хлопот Толстого. Позднее А. Л. Толстая купила у Звегинцевой землю и стала владелицей Телятинок.

Л. С. Дробат

ЗВЁРЕВ Николай Андреевич (1850–1917) – знакомый и посетитель Толстого; юрист, профессор Моск. университета, историк философии права. Товарищ министра народного просвещения (1898–1901), начальник Главного управления по делам печати (1902–1905), член Гос. совета (1909). Автор книги «Гр. Л. Н. Толстой как художник. Опыт эстетической критики» //

Журнал министерства народного просвещения. 1916, №№ 2–3.

Зверев бывал в московском доме писателя. 5 января 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Дома читал Кеннена и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости. Будь в деревне, чувство это родило бы плод; здесь, в городе, пришёл Грот с Зверевым и ещё Лопатиным: папиросы, юбилеи, сборники, обеды с вином и при этом по призванию философская болтовня. Зверев ужасен своим сумасшествием. Номо homini lupus <Человек человеку волк. – лат.>, Бога нет, нравственных принципов нет – одно течение. Страшные лицемеры, книжники и вредные» (50: 20–21). Об этом госте С. А. Толстая писала в своих мемуарах: «...раз привели они <Н. Я. Грот и Л. М. Лопатин. – Н. Б.> к Льву Николаевичу профессора Зверева. Этот Зверев, сын богатого мужика-старшины, представлял из себя что-то действительно зверское и ненормальное по полному отсутствию всякой религии и нравственных принципов, по отрицанию Бога и предоставленью жизни людей без руководства – одному течению. Я помню, как он и мне, и Льву Николаевичу не понравился. И этот человек был потом, хотя, к счастью, короткое время, – министром просвещения! Лев Николаевич про него сказал: “Такие люди страшные лицемеры и книжники вредные”» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 75).

На следующий день в дневнике Толстой снова вспоминал Зверева: «Спал дурно совсем. Не могу опомниться от Зверева. Сейчас перечёл заглавия начатых вещей. Не хочется ничего писать. Удивительно – совсем или временно. Но и не болтать же, как вчера. Всё заблуждение о том, что книжники ближе к истине, чем другие люди, тогда как несравненно дальше. Главное, что у них засорены мозги» (50: 21). Тем не менее с такими «засорёнными мозгами», Зверев читал лекции о Толстом. В марте 1890 г. Д. П. Маковицкий, впервые приехавший в Москву и ещё не знакомый с Толстым, в московском Историческом музее слушал лекцию профессора Н. А. Зверева о творчестве Толстого. Вернувшись домой, он опубликовал свои «Записки из Москвы», где отмечал: «22 марта я на лекции проф. Зверева, в амфитеатре Исторического музея, о Лье Николаевиче Толстом как художнике. Он отнёс его к категории таких писателей, как Шекспир и Гёте, рисующих общее душевное состояние, а не таких, как Гоголь, Сервантес и Диккенс, создающих типы» (ЯПЗ. 1. С. 32). Вероятно, Толстой знал об этих лекциях Зверева и не приветствовал их содержание.

Спустя годы, услышав рассказы Г. М. Беркенгейма о революционерах, писатель упомянул имя Зверева 11 ноября 1902 г. в письме к дочери Т. Л. Сухотиной: «Несомненно, что как во времена декабристов лучшие люди из дворян были там и были изъятые из обращения, так и теперь лучшие люди из этих self made men <самостоятельно выбившихся на дорогу людей. – англ.> лучшие изъятые, а худшие, Боголеповы, Зверевы и т. п., царствуют и разносят свой яд в обществе» (73: 323–324).

Н. И. Бурнашёва

ЗЕЛЕНЕЦКИЙ Дмитрий Алексеевич (даты жизни не установлены) – корреспондент Толстого; преподаватель древних языков, уволенный из гимназии в Ростове-на-Дону. В 1889 г. в письме к Толстому Зеленецкий просил похлопотать за него в Петербурге. О том же просил писателя и родственник Зеленецкого, священник селыца Кочаки, что рядом с Ясной Поляной. В письме к Н. Н. Страхову от 17 февраля 1891 г. Толстой писал: «Простите меня за то, что злоупотребляю вашей добротой ко мне. Просьба к вам. <...> Дело вот в чём: наш священник, враждебно относящийся ко мне (разумеется, по настроению свыше), обратился ко мне с просьбой о своём родственнике, и мне очень бы хотелось услужить ему и вот приходится пытаться вашими руками жар загребать. <...> Дмитрий Алексеевич Зеленецкий, учитель гимназии (классик), уволен от должности из Ростова-на-Дону в 89 году за то, что его подозревали и на него донёс его враг директор (он так думает) в том, что он писал какие-то неприятные анонимные письма Делянову. От него требуют, чтобы он открыл, кто писал эти письма, а он ничего не знает и просит, чтобы был назначен над ним суд и чтоб его наказали, если он виновен; если ж нет, то чтобы его определили опять на службу, а то он отставлен и его нигде не принимают. Направления этот Зеленецкий либерального, любим учениками, и потому всё это очень похоже на правду. Не можете ли вы попросить кого надо об этом» (ЛСПТС. 2. С. 857). «О Зеленецком похлопочу, – отвечал Страхов. – Тут важно бы знать, где он ищет места, в каком округе и нужно бы действовать на попечителя округа. Если Вам известно, то напишите при случае» (там же. С. 859). В июле в записной книжке Толстой для себя записал о Зеленецком и отметил, что нужно «написать скорее» (52: 181). 12 июля 1891 г. он сообщил Страхову о желании «учителя» «получить место» в Московском округе, и Страхов добросовестно исполнивший просьбу Толстого, писал, что Зеленецкому необходимо написать «Проше-

ние...» на имя «московского попечителя» (П. А. Капниста) и Объяснительную записку, чтобы можно было действовать ему (Страхову) со знанием дела. Хотя в любом случае нужно будет дожидаться осени. 5 сентября 1891 г. Страхов сообщил Толстому, что директор департамента отказал ему в просьбе за Зеленецкого: из «речей директора» он понял, что Зеленецкий действительно виноват или так искусно оклеветан, что доказать его правоту невозможно (*ПСПС*. 2. С. 874).

Е. Ю. Хомякова

ЗЛАТОВРАТСКИЙ Николай Николаевич (1845–1911) – знакомый Толстого; писатель, видный представитель народничества.

Встреча с Толстым произошла в октябре 1883 г. Златовратский писал: «Говорили много. Больше всего развивал он передо мной свою теорию христианства и усовершенствования общественного путём личной нравственности. Я возражал ему в качестве сомневающегося» (*цит. по*: Михайлова С. Б. Н. Златовратский и Л. Толстой (Идейные искания Н. Н. Златовратского в 80-е годы) // *Русская литература*. 1969. № 4. С. 138). И тогда, и позже Златовратский полагал, что проблемы народа не решить личным самосовершенствованием. И впоследствии споры Златовратского с Толстым, вспоминал сын народника, были горячими и иногда продолжались всю ночь. Златовратский спорил и со своей женой, большой поклонницей Толстого. «Высоко ценя Толстого как художника и мыслителя, мой отец отрицательно относился к его проповеди “непротивления” и “опрощения”», – писала дочь Златовратского (Златовратская С. Н. Из воспоминаний об отце // Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956. С. 374).

При первой встрече Толстой произвёл на Златовратского впечатление «дилетанта как в религии, так и литературе». Златовратский заметил: «Слишком уж он далёк от нашей жизни. её тревог и сомнений, её встрясок и головомоек и слишком хорошо огорожен от неё со всех сторон» (*цит. по*: *Русская литература*. 1969. № 4. С. 138). Для разночинца, испытывавшего порой нужду и не имевшего ни постоянного места жительства, ни заработка, в общении с графом Толстым всегда существовала сословная разница.

В 1884–1887 гг. Златовратский несколько раз побывал в Твери, где встречался с местной интеллигенцией, в т. ч. с «новообращёнными» толстовцами. Толстовские идеи побуждали к дебатам, и писатель-народник не мог не признать, что «Толстой был безусловно понятен народу и по многим своим воззрениям и писательским приёмам стоял

к нему бесконечно ближе, чем наши передовые писатели, обслуживавшие почти исключительно “верхи”» (Златовратский Н. Н. Воспоминания. С. 332).

Крестьянская тема сближала Толстого и Златовратского, однако они по-разному предлагали решать народный вопрос. 26 марта 1884 г. Златовратский, пришедший в гости, излагал «программу народничества», и об этой встрече Толстой записал в дневнике: «Надменность, путаница и плачевность мысли поразительна. Я сказал довольно правдиво своё мнение, но не совсем» (49: 73). Тем не менее они стремились к сотрудничеству и взаимопониманию. В феврале 1886 г. Златовратский вместе с В. Г. Короленко по поручению редакции отправились в Хамовники пригласить Толстого участвовать в сборнике в память 25-летия освобождения крестьян (сборник не состоялся). Вскоре, 20 мая, Толстой писал Златовратскому: «Постараюсь написать для сборника». Они обменялись мнениями по поводу книги крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Сочувственному отзыву Златовратского Толстой был рад: «Я ещё больше полюбил вас за это. Я написал кое-что в виде предисловия. Пожалуйста, прочтите и напишите мне своё мнение. Я очень недоулен написанным» (63: 352). Однако идейные разногласия не были преодолены и на этот раз. В своих произведениях тех лет («Барская дочь», «Мои видения, Рассказ одного маленького человека») Златовратский избрал путь развенчания «жизненных идеалов интеллигента, построившего свою жизнь по учению Толстого» (*Русская литература*. 1969. № 4. С. 142).

Толстой был знаком с творчеством Златовратского. В августе 1885 г. в беседе с И. М. Ивакиным он говорил о писателе как о подражателе Н. А. Некрасову «первого периода», когда стихи поэта ещё отзывались «фальшью». Для Толстого сомнительной была позиция Златовратского-автора: «Я не могу его читать! Человек он ничего, хороший, но подкладка всей его гражданской скорби – литературная слава. Это нехорошо» (Ивакин И. М. Из «Воспоминаний о Ясной Поляне. 1880–1885» // *ТВС*. 1. С. 343). Однако Толстой был рад творческим удачам писателя. В письме от 20 мая 1886 г. он заметил в связи с рассказом «Искра Божия»: «Вспоминаю о вас, знаете, по какому случаю. Много встречаю людей, напоминающих мне того пьяницу портного, которого вы мне читали. Это верный признак, что образ художественный, настоящий. Кончили ли вы. Дайте это в Посредник. Вам и Бог велел быть одним из лучших сотрудников»

(63: 352). Златовратский ответил, что рассказ уже отдан в «Газету Гатцука» и что сам он «робеет» перед «Посредником»: «До тех пор, пока я не найду для себя почвы писать “для народа” так же искренно и просто, как я писал “Крестьяне-присяжные” и всё прочее не для народа, — до тех пор я, вероятно, не напишу ничего» (63: 354). Позднее Златовратский признал идейно-художественные принципы издательства «Посредник», где вышли его рассказы «Искра Божия», «Белый старичок», «Белый король». Творчество Толстого оказало влияние на писателя, к толстовским народным рассказам были близки его произведения «Мой “маленький дедушка” и Фимушка», «Старые тени», «Потанин вертоград» и др.

В конце 1880-х гг. общение писателей стало более тесным, когда Златовратский испытал разочарование в народничестве. Зимой и весной 1889 г. они неоднократно встречались. Толстой, приглашённый И. Д. Сытиным руководить журналом «Сотрудник» для народного читателя, предлагал Златовратскому стать редактором. Златовратский вспоминал: Толстой иногда заходил к нему на квартиру «потолковать насчёт программы издания и её практического осуществления» (Златовратский Н. Н. Воспоминания. С. 334).

Издание под руководством Толстого и Златовратского не состоялось: этот журнал перешёл к др. издателю, В. Н. Маракуеву. Идейное сближение писателей не было продолжительным, в 1890-х гг. пути их разошлись. Для Златовратского героями времени становились революционеры.

Отношение Толстого к Златовратскому с годами не изменилось. В 1894 г. в разговоре с В. Ф. Лазурским он сказал о Златовратском-писателе: «Читал, что-то глубокомысленное; видно, добрый человек, но путаница в голове страшная» (Лазурский В. Ф. Дневник // ТБС. 2. С. 57). И тогда же признался Н. Н. Страхову, что решительно не понимает, откуда Златовратский получил такую популярность: «Это, верно, объясняется тем, что он, как и Маячет, был, кажется, пострадавшим. По крайней мере, он был близок с некоторыми революционерами» (*там же*. С. 69).

Златовратский откликнулся приветствием на 70-летие Толстого, он был и членом «Комитета почина» в преддверии 80-летия писателя.

Н. Г. Михновец

ЗОЛОТАРЁВ Василий Петрович (1866–?) – корреспондент, адресат, посетитель Толстого. Сын черниговского купца-старообрядца Петра Ивановича Золотарё-

ва, участник смоленской общины Шевелёво, располагавшейся в имении Успенском Красно-Болатовской волости Дорогобужского уезда Смоленской губ. Формируя себя как личность, Золотарёв прошёл несколько духовных стадий. От участия в работе земледельческих колоний он обратился к «толстовству» как к индивидуальному образу жизни, стал уходить от общинных интересов. Испытывая «внутреннюю потребность» работать на собственной земле, Золотарёв поселился у брата, Максима Петровича, в Алачково, под Серпуховом. В 1889 г. на пути из Москвы в Ясную Поляну Толстой посетил хутор братьев, где познакомился с В. П. Золотарёвым.

Несомненное душевное расположение испытывал Толстой к Золотарёву. «Спасибо, что написали мне, дорогой Василий Петрович. Я много вспоминал о вас и болел сердцем, что ничего не знаю. Только мало вы пишете. Ничего не знаю про ваше духовное состояние и про жизнь, отношения с людьми, а всё это очень мне близко сердцу. <...> Да, вы очень одиноки, дорогой В. П., и давайте переписываться чаще», — поддерживал Толстой Золотарёва (65: 268).

В августе 1889 г. Золотарёв побывал в Ясной Поляне. 21 августа в письме В. Г. Черткову Толстой рассказывал: «Пришли пешком Золотарёв и Хохлов, два юноши. Они всё лето работали у Золотарёва – босые, загорелые, без паспортов – совсем мужики. Сначала пугаешься – думаешь – не внешность ли одна работы, не мода ли, молодечество? Но поговоришь и видишь, что это только последствие – основание же желание служить Богу, любить, быть христианином» (86: 250).

19 августа, участвуя в яснополянском музыкальном вечере, Золотарёв произвёл большое впечатление своими вокальными способностями. В дневнике Толстой записал: «Вечером пел и умилил меня Золотарёв. Прекрасный голос» (50: 123). Сам Золотарёв вспоминал, что он пел с Т. А. Кузминской дуэт «Не искушай меня без нужды» и соло – романс Глинки «Я помню чудное мгновенье» (50: 321).

В письмах к Толстому Золотарёв постоянно касался тем глубокого характера: религиозно-этических, философских, общественных. Так, в письме от 7 октября 1889 г. он спрашивал Толстого о бессмертии человеческой души. Толстой отвечал: «Есть в этой жизни такое состояние, при котором не видишь смерти, а видишь и сознаёшь только жизнь вечную. <...> Вера в бессмертие даётся не рассуждением, а жизнью. — Приznak того, что живёшь той жизнью, которая приводит к сознанию своего бессмертия, это то, когда живёшь только перед

Богом <...>. Это-то главное я и хотел сказать: пытайтесь почаще жить только перед Богом, и вы почувствуете, как утвердится ваша вера» (64: 329).

Интересовался Золотарёв и творчеством своего «учителя», делился собственными литературными замыслами. 30 апреля 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Нынче пришел Золотарёв. Очень милый, серьёзный и даровитый человек. Он написал замечательную статью о Крейцеровой сонате» (51: 38). В марте–апреле 1890 г. Золотарёв написал критическую статью по поводу напечатанного Н. К. Михайловским разбора повести «Крейцера соната» (Михайловский Н. «Письма о разных разностях» // Русские ведомости. 1890, № 64). Статью Золотарёв не закончил, и опубликована она не была. О том, что статья Золотарёва заинтересовала его, Толстой сообщил автору в письме 21–22 мая 1890 г.: «Спасибо вам за оба ваши письма, милый друг Василий Петрович, и за статью. Вчера её вслух прочёл Дунаев и так же, как другие, одобрил. Только смотрите, подавайте тщеславие писательское, если будете подниматься. А радостно, что имеете способность выражать мысли, и старайтесь выражать их (учитесь, практикуйтесь) как можно яснее и короче. Это всем нужно и важно» (65: 97). В письме 30 июня Толстой вновь сообщал о чтении статьи (о «Крейцеровой сонате»), и что её с восхищением читали художник Н. Н. Ге, критик Н. Н. Страхов (65: 122).

В одном из писем Золотарёв рассказал о своём столкновении с богатым купцом, его родственником, требующим поклонения иконам, а в октябре 1891 г. говорил, что намерен написать «небольшую статью об иконах». Толстой высказал своё мнение: «Что же вы хотели писать об иконах? Предмет очень важный; но сказать, что всё православие в иконах – слишком. Есть ещё кое-что. <...> Напишите же поподробнее о себе и мне делайте вопросы, чтобы я знал, что вам интереснее всего знать» (65: 268). С конца 1900-х гг. переписка Толстого с Золотарёвым прекратилась.

А. Г. Королёва

ЗОЛОТАРЁВ Максим Петрович (1853–?) – московский купец, знакомый Толстого (Толстой даже называл его «другом»). Занимался мануфактурной торговлей в Москве, потом жил в деревне, работая на земле. Разделял взгляды Толстого. «Вечером Золотарёв купец, пашет, жена и её родные хотели жаловаться Долгорукову, что с ума сходит. Живёт в деревне» (50: 11), – записал Толстой 7 декабря 1888 г. в своём дневнике. Жена Золотарёва, Александра Ивановна,

не сочувствовала толстовским взглядам мужа, и в семье часто вспыхивали ссоры. Живя в Москве, Золотарёв иногда бывал у Толстого в Хамовниках; 16 марта 1889 г. запись в дневнике Толстого: «Потом перед обедом Золотарёв – купец, с своим приказчиком. Он бьётся с женой. Всё то же» (50: 52–53).

В мае 1889 г. Толстой вместе со своим другом Е. И. Поповым ходил пешком из Москвы в Ясную Поляну. Под Серпуховом они остановились на ночлег на хуторе Золотарёва близ деревни Алачково. Толстой отметил в дневнике: «3 мая 1889, в дороге за Подольском: <...> Шли до Лысых гор, узнали, где Золотарёв, ещё 3 версты в сторону. Шли по воде. Его дома нет – жена, брат, детки. Приняли нас хорошо. Спали прекрасно». В тот вечер Толстой из Алачкова писал жене: «Пишу нынче 3-го, среда, из деревни одного из моих неизвестных тебе знакомых, купца Золотарёва, 25 вёрст за Подольском, в стороне от дороги. Теперь 8-й час вечера и льёт дождь, который несколько раз пугал нас, но ни разу не намочил. <...> Если погода будет хороша, то завтра после ночи, проведённой в чистых постелях, без клопов, пойдём дальше» (84: 57). На следующий день в дневнике Толстого: «4 мая 1889, в дороге. Приехал М. П. Золотарёв. Умный и тихий, хороший человек. Идёт к добру. От него выехали с ним в 11-м. Пошли во 2-м. Зашли с трудом за Серпухов» (50: 78).

У себя на хуторе Золотарёв организовал небольшую земледельческую общину, о чём советовался с Толстым. 23 июня 1889 г. из Ясной Поляны Толстой писал кн. Д. А. Хилкову: «Я бы никогда не одобрил условия принятия в общину или просто в сожительство – не пить вина или не курить (как и был случай у одного моего друга Золотарёва под Москвой, который не берёт к себе жить людей курящих и пьющих)...» (64: 277).

Золотарёв бывал и в Ясной Поляне. 22 августа 1890 г. Толстой писал из Ясной Поляны своему другу художнику Н. Н. Ге: «Золотарёв на днях был. Он ездил к брату кончать дела и теперь возвращается к отцу, где прекрасно живёт» (65: 146). Но, видимо, ссоры в семье Золотарёва не утихали. 8 октября 1891 г. Толстой отметил в дневнике: «Только что писал Золотарёву рецепт о том, как установить любовь к людям, с которыми живёшь...» (52: 55).

Н. И. Бурнашёва

ЗОЛОТОВ Василий Андреевич (1804–1882) – педагог и писатель, деятель народного образования. В основном работал в области начального образования. В 1832–1849 гг.

содержал в Одессе частный пансион, где обучал с помощью новых методов по своим учебникам и руководствам. В т. ч. применил звуковой способ обучения грамоте («Русская азбука по методу Жакото», 1833), ввёл устный счёт («Руководство к изустному исчислению»). С 1856 г. жил в С.-Петербурге. Организовал обучение по звуковому методу в начальных школах и издал свои пособия («Русская азбука с наставлением, как должно учить», 1856). Значительную роль в перестройке преподавания в начальной школе сыграли его «Русская стихотворная хрестоматия» (ч. 1–2, 1829), книги для народного чтения, учебник арифметики и др. С 1861 г. член Петербургского комитета грамотности (золотая медаль комитета, 1874 г.).

Толстой не был лично знаком с Золотовым, но хорошо знал его сочинения, особенно связанные с обучением чтению. В своей педагогической работе он использовал книжки Золотова, которые были наиболее понятны школьникам. В статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой приводил примеры малоизвестных книг, которые были трудны детям: «Из всех прочитанных нами такого рода книг, за исключением “дедушки-рассказчика” Золотова, имевшего большой успех в школе и дома, ничего не осталось» (8: 60). Тем не менее по поводу перечня книг, рекомендованных комитетом грамотности, где названы и несколько книг Золотова (этот перечень писатель привёл в статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования»), Толстой заявил: «Все без исключения книги, выписанные здесь, по моему мнению, дурны и бесполезны» (8: 265), а в Приложении к «Дневнику яснополянской школы» объяснил почему: «Давал читать “Беседы Золотова”, никто не рассказывал» (8: 465). Абсолютно не принимал Толстой «золотовскую методику» (т. е. «звуковой» метод) обучения грамотности. В статье «О методах обучения грамоте» он писал: «Золотовская методика представляет большее удобство в соединении слогов в слова и в сознании безгласности согласных, но представляет свои трудности в заучивание букв и в сложных складах. Она удобнее других только потому, что есть соединение двух методов, но далеко не совершенна, потому что есть — метода» (8: 135).

Имя Золотова упоминалось в комедии Толстого «Заражённое семейство», где чиновник Венеровский, говоря о «нравственном образовании», заявлял: «Что ж, не всё рационально делается. Я предпочёл Золотова упрощённую методику» (7: 220).

Н. И. Бурнашёва

ЗОНОВ Алексей Сергеевич (1870–1919) — единомышленник Толстого. Писатель-публицист, сотрудник издательства «Посредник», издатель гектографического журнала «Архив Л. Н. Толстого», журналов «Единение» (1916), «Обновление жизни» (1917), составитель календаря-сборника «Для каждого», член Московского вегетарианского общества; секретарь железнодорожного управления Московской Казанской ж.-д., последние годы работал в кооперации. По словам И. И. Горбунова-Посадова, Зонов был «одним из самых глубоко проникнутых идеями Толстого <...> друзей» (Горбунов-Посадов И. И. Сорок лет служения людям. М., 1925. С. 143). Он был один из тех пяти человек, кто, в случае смерти тяжело заболевшего в 1907 г. Горбунова-Посадова, по его завещанию должен был образовать издательский комитет и продолжить дело «Посредника».

Первым шагом Зонova по популяризации взглядов Толстого было издание нелегального, печатавшегося на гектографе сборника «Архив Ив. Ивановича», позднее, по настоянию писателя, переименованного в «Архив Л. Н. Толстого», — так он надеялся «прикрыть» своих соратников («Если уж наказывать, пусть наказывают одного меня», — говорил он). Каждый из этих сборников был посвящён какому-нибудь одному важному вопросу жизни. Но Зонов не ограничился изданием только «Архива», одновременно на том же гектографе он печатал запрещённые произведения Толстого и распространял их. Его арест в 1900 г. Толстой в своих письмах называл «горем» (72: 295), переживал его тяжело, хлопотал за арестованных и искренне радовался, когда все трое замешанных в этом деле оказались на свободе.

Потом Зонов организовал маленькое, уже легальное, издательство «Этико-художественная библиотека», в котором выпустил серию книг с произведениями Мадзини, Карлейля, Рёскина и др. Издание календаря «Для каждого» (1905–1918) стало главным делом жизни Зонova. В календаре он помещал сведения, стекавшиеся к нему со всего света. Толстой относился к этому проекту с большим уважением и охотно принимал участие в обсуждении материалов, предназначавшихся для ежегодника, в котором, по словам Горбунова-Посадова, «собирались как бы в фокусе лучи из разных течений и деятельности, объединявшихся вокруг идей братства, мира, свободы, реформы жизни, реформы труда, идей общинной жизни, кооперации, антимилитаризма, вегетарианства, всемирного языка, антиалкоголизма, нового воспитания и т. д.» (Горбунов-По-

садов И. И. Сорок лет служения людям. С. 143). Календарь этот имел огромный успех у читающей публики. Успех, больше всего поразивший самих авторов-составителей. Календарь продавался по подписке и в розницу, хотя достать его в свободной продаже было почти невозможно из-за его высокой популярности. Зонов начал вести огромную переписку с общинами, коммунарами и одиночками, живущими в России и за рубежом. Так неожиданно, благодаря календарю, Зонов стал одним из центров движения всемирного братства в России, а идея братского объединения людей стала одной из главных в его жизни.

Вегетарианствующий с 1897 г., он в 1913 г. был избран председателем Первого вегетарианского съезда и принимал активнейшее участие в популяризации идей «безубойного питания» и как публицист, и как общественный деятель, и как отец семейства.

В 1916 г. В. Г. Чертков, Горбунов-Посадов и Зонов начали издавать журнал «Единение», посвящённый «обновлению жизни при свете разума и любви». Главным редактором-издателем был Зонов. Журнал выходил раз в два месяца и представлял собой расширенное подобие календаря, только каждый номер открывался публикацией неизданных текстов Толстого и к основным разделам календаря в журнале добавились новые: хроника добрых поступков, литература и искусство, обмен мыслей. Так вышли 5 номеров, а с сентября 1917 г. журнал получил новое название: «Голос Толстого и Единение» – и стал выходить под редакцией только Черткова.

В 1912 г. Зонов вспоминал события 1891 г.: «Моё личное знакомство с Львом Николаевичем началось с того, что я, начав переписывать, под влиянием его сочинений, свою духовную жизнь, написал ему и просил некоторых указаний и советов. В первом письме я спрашивал о том, хорошо ли я сделаю, если брошу свою службу и, переселясь на землю, займусь земледельческим трудом. Помню, с каким трепетом я вскрывал полученное вскоре от Льва Николаевича письмо, в котором он писал, что не надо менять внешнюю жизнь, а надо всеми силами стараться изменять внутреннюю. <...> Мою службу он находил не такой, что её надо немедленно бросить, советовал остаться при тех условиях, в коих я находился, и приложить все силы на улучшение внутренней жизни <...>. Помню, что не совсем доволен я был этим письмом, ибо оно шло вразрез с моим горячим стремлением...» (Зонов А. С. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Вегетарианское обозрение. Киев, 1912. С. 17). Тем

не менее Зонов последовал совету Толстого и приступил к улучшению жизни: служа секретарём железнодорожного управления, а потом работая в кооперации, он старался поддержать и обеспечить работой всякого, обратившегося в нему за помощью. Особенно много безработных приходило к нему в поисках заработка после посещения ими Хамовников или Ясной Поляны. Ему не удалось осуществить свою мечту о полном переселении в деревню, но он постарался организовать свою жизнь так, чтобы собственным трудом максимально обеспечивать себя всем необходимым. Е. Е. Горбунова-Посадова писала о нём: «...он живёт за городом и разводит удивительный огород на почти бесплодном песке, проведя <...> целой системой труб воду для полива, применяя искусственные удобрения и т. д. Он горячо предан взглядам Толстого и жаждет их распространять» (Горбунова Е. Е. Встречи со Львом Николаевичем Толстым // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 145).

Даже уже тяжело больной, заведывая одним из отделов Центросоюза, Зонов старался наладить на Черноморском побережье санаторий им. Л. Н. Толстого для работников кооперации. В санатории он задумывал и библиотеку, и Толстовский музей, а вокруг него мечтал устроить садово-огородническое хозяйство, в котором могли бы принимать участие и отдыхающие кооператоры. Смерть помешала ему реализовать этот проект.

Н. О. Бабаева

ЗУБКОВ Владимир Васильевич (1828–?) – близкий знакомый молодого Толстого; сын приятеля А. С. Пушкина, сенатора В. П. Зубкова (1799–1862), в 1839–1851 гг. служившего в московском Сенате. В марте 1851 г. почти ежедневно упоминался на страницах дневника Толстого. Партнёр по игре в карты, Зубков, как правило, в письмах и дневниках Толстого фигурировал в связи с карточными долгами. Даже находясь на Кавказе, в Дунайской армии, в Севастополе, Толстой тяжело переживал эти долги. Так, 6 июля 1854 г. в дневнике запись: «Нынче весь день был день неприятных воспоминаний. То воспоминание о долге Зубкову мучало меня. (Насчёт его я было раздумал переход в конную артиллерию, но потом решил, оставив дело, как есть, ждать до 55-го года.) (47: 7). Через год, 29 июня 1855 г., снова мысли об этих неприятных долгах: «В деревню же написать, чтобы доходами платили долги Зубкову...» (47: 49). В эти дни Толстой работал над вторым севастопольским рассказом, где один из его персонажей, ротмистр Праскухин, даже

в момент смертельного ранения вспоминает о своих карточных долгах. Не исключено, что в рассказе «Севастополь в мае» эти неотвязные мысли о долгах Зубкову отразились в мыслях Праскухина о его карточных долгах.

Н. И. Бурнашёва

ЗУЕВ Василий Егорович (даты жизни не установлены) – сослуживец Толстого на Кавказе; его корреспондент; штабс-капитан батареей № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады.

На страницах кавказского дневника Толстого на протяжении полутора месяцев в октябре–ноябре 1853 г. штабс-капитан упоминался довольно часто, и всегда с негативным оттенком. Вероятно, эта фигура чем-то притягивала внимание Толстого. 17 октября: «Зуев любит выказать свои знания и говорит не совсем верно, а уверенно» (46: 178). Через день: «Зуев, после обеда, в то время как играли в карты, вдруг показался мне чрезвычайно глуп» (46: 178). 30 октября после обеда Толстой поехал с Зуевым в Хасав-Юрт. Ночевали в Шелковой. «...Зуев своими суждениями (не подлыми, но не благородными) и болтовнёй, – записал Толстой, – окончательно убедил меня в своей пустоте и в огромном расстоянии, нас морально разделяющем» (46: 186). Характеризовать Зуева Толстой продолжил и 31 октября: «Вчера Зуев выказывал перед Олифером всю свою светскость и утончённость; находил, что дрожички Алексеева странные и т. д. Удивительно, как могут эти люди, выросшие в грязи и под палкой, не стыдиться перед самими собой, смеяться над чем-нибудь! Ещё странно, что эти люди, как Зуев, любящие цивилизацию, иностранные слова, литературу, музыку, о которых они имеют самые смешные, офицерские понятия, <могут> внушать своими рассказами доверие другим и больше, чем люди истинно образованные. Впрочем, эта странность происходит оттого, что я живу между этими людьми с ограниченными взглядами. Они понимают один другого» (46: 187). 3 ноября сделана последняя запись о Зуеве: «Вчера завязался между мной и несколькими офицерами спор о ценности жалованных титулов; причём Зуев высказал без всякой последовательности свою зависть к моему титулу. В ту минуту мысль, что он считает меня тщеславным своим титулом, кольнула моё самолюбие; теперь же я от души радуюсь, что он дал подметить в себе эту слабость. Как опасно верить мыслям, являющимся в жару спора» (46: 191). Похоже, Зуев больше не интересовал Толстого.

Н. И. Бурнашёва

ЗУТНЕР Берта фон (Suttner; рожд. гр. Берта София Феличита Кински, 1843–1914) – корреспондент и адресат Толстого; австрийская писательница, пацифистка, лауреат Нобелевской премии мира (1905). Широкую известность приобрела участием в обществах и конгрессах мира, неутомимой публицистической деятельностью и антивоенным романом «Die Waffen nieder! Eine Lebensgeschichte» (Dresden, 1889). Его перевод на русском языке появился в 1891 г. под названием «Против войны: Роман из жизни» (СПб., 1891). Автор перевода Ф. И. Булгаков прислал книгу в Ясную Поляну. Известен отзыв Толстого: «Хорошо собрано. Видно горячее убеждение, но бездарно» (52: 56). В письме к Зутнер Толстой назвал публикацию романа «счастливым предзнаменованием» и пожелал, чтобы книга предшествовала уничтожению войны, так же, как «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу «отмене невольничества». Популярность романа позволила писательнице установить контакты с европейскими группами борцов за мир. В 1892 г. она стала членом-учредителем Бернского бюро мира, организации, призванной координировать деятельность пацифистских групп, возникающих во многих странах Европы. В течение двадцати лет Зутнер выполняла обязанности вице-президента бюро. В том же 1892 г. она вместе с А. Фридом основала пацифистский журнал «Die Waffen nieder!» <<Долой оружие!>>, позже название поменялось на «Die Friedenswarte» <<Башня мира>>. В журнале Зутнер вела рубрику «Заметки на полях», где часто писала о Толстом, сообщала о выходе в свет его новых публицистических произведений (см.: Der Kampf um die Vermeidung des Weltkrieges: Randglossen auf zwei Jahrhunderten zu den Zeitereignissen von der Katastrophe (1892–1900 und 1907–1914) / Von Bertha von Suttner. Bd. 1–2. Zürich, 1917). Писатель был знаком с журналом, называл его «преинтересным и прекрасно ведомым». Он намеревался опубликовать в нём статью «Христианство и патриотизм», но не осуществил своего намерения. В феврале 1898 г. Зутнер прислала Толстому свою новую книгу «Schach der Qual. Ein Phantasiestück» <<Страданиям – шах>> (Dresden: Leipzig, 1898) с автографом. Писатель прочитал её «с удовольствием и пользой» и отозвался о ней как об «очень убедительной и содержащей много прекрасных мыслей». Книга написана под влиянием этического учения Толстого. Одна из её глав, под названием «Tolstojs Klageruf» <<Толстой обвиняет>>, рассказывала о гонениях русского правительства на духов борцов.

Переписка Толстого с Зутнер продолжалась в течение 1891–1907 гг. Зутнер информировала писателя о создании австрийской секции Всемирной лиги мира, рассказывала ему об участии в подготовке и работе конгрессов мира, сообщала об основании пацифистского журнала. Она писала о необходимости создания арбитража международных третейских судов, о подготовке сборника «La Paix». Писательница неоднократно пыталась получить от Толстого сочувственные отзывы о своей деятельности, просила прислать несколько приветственных слов для участников встреч борцов за мир. Письма, полностью или выдержки из них, Зутнер публиковала в периодических изданиях, на рекламных страницах своих книг и в «Мемуарах». Сначала Толстой относился к общественной деятельности пацифистки сочувственно, выражал надежду, что все усилия, подсказанные искренней любовью к человечеству, принесут свои плоды. Но позже он решительно отверг разнообразные формы борьбы с войной, проповедуя единственный путь к миру. В письме от 15/28 августа 1901 г. Толстой заявлял, что уничтожению войны помогут не конференции и общества мира, а «восстановление истинной религии и, как следствие этого, восстановление достоинства человека» (73: 126), подразумевая под этим неучастие в убийствах. Берта Зутнер не верила в единственное средство борьбы за мир, а полагала, что «такое на тысячу ладов переплетённое, давно укоренившееся явление, как война, должно быть также на тысячу ладов атаковано с разных сторон, чтобы оно наконец поддалось, отступило» (ОР ГМТ). В отказе от военной службы она видела один из возможных способов борьбы и потому ценила вклад Толстого в дело укрепления мира на земле.

В 1910 г., в дни траура по великому писателю, Зутнер писала о том, что все борцы за мир, в т. ч. и те, которым его радикальные требования и предложенные им пути кажутся неосуществимыми, чтят в Толстом «верхослужителя идеи мира».

Лит: Травушкин Н. С. Берта Зутнер – корреспондент Л. Толстого // Русская литература. 1972. № 2. С. 142–154.

З. М. Богачёва

ЗЫБИН Ипполит Афанасьевич (?–1895) – казанский приятель молодого Толстого; музыкант (виолончелист). С братьями Зыбиными Толстой познакомился в Казани. Кирилл Афанасьевич и Ипполит Афанасьевич были хорошими музыкантами, и Толстого сближали с ними любовь и глубокий интерес к музыке. В соавторстве с Ипполи-

том Зыбиным он сочинил вальс. В последующие годы в Ясной Поляне Толстой играл этот вальс, но вместе с тем иногда говорил и писал в дневнике, что не вполне уверен в том, что участвовал в его сочинении.

После Казани пути Толстого и Зыбина разошлись: имя Зыбина не упоминалось ни в дневнике, ни в письмах. Но в январе 1887 г. Зыбин прислал в Ясную Поляну из Керчи, где он жил, письмо, в котором рассказал о себе и своей жизни. Он неудачно занимался «разными коммерческими аферами», потом «бросил всё»; в конце жизни «купил себе клочок земли на берегу Чёрного моря» недалеко от Керчи, «развёл виноградник и делал вино». «Живу совершенно одиноким, – писал он. – Препятствия я уже бросил: думал сделаться или богачом или каким ли *необыкновенным человеком*, я, однако, доволен своим положением: копаю в своём садике, меня тешат успехи моего сажания, пью хорошее вино и поигрываю на виолончели. <...> В мае месяце я собираюсь на Волгу в своё имение, это почти по пути к тебе, я бы заехал повидаться к тебе на денёк-другой, вспомнить старину. Какой бы для меня был праздник обнять тебя. Помнишь, сколько вранья-то было: ввали и смеялись, хохотали, а мои стихи:

О, ты Зоила милый друг!

Любезной Сладости укор.

Ты не поймёшь мои страдания,

Ты не узнаешь мой позор.

Это поёт влюблённый лакей своей возлюбленной, но никакого укора не было, ни позора. В своём имении на Волге я увижу свою дочь и внучку, обе страстные музыкантши. Везу с собой свой инструмент. Музыка у нас бывает целый день» (ОР ГМТ).

Зыбин вспоминал прошлое: «Сколько лет прошло, что мы не виделись с тобой, но я не забыл и никогда не забуду наше житьё в Казани: сколько тёплых и весёлых воспоминаний. Давно собирался к тебе писать, зная, что ты жив и здоров, вся Россия это знает, но вообще я ленив писать. <...> Я помню, ты имел большие способности к музыке, как сейчас помню, ты исполнял на фортепиано прекрасные вещи Prince Louis de Prusse. Если ты продолжаешь играть, то поиграем» (ОР ГМТ). Конечно, в ответ послали приглашение. С. А. Толстая отмечала, что 9 июня 1887 г. «старый приятель Льва Николаевича некто Зыбин» был в Ясной Поляне, «с ним была его виолончель, и он играл», участвовал в домашнем концерте (САТ. Моя жизнь. 2. С. 32). 10 июня 1887 г. в письме к А. А. Фету она сообщала: «Гостей у нас бывает масса. <...> Теперь тут

<...> Зыбин <...>. Этот 70-летний старик весь дышит музыкой. Вчера Серёжа мой аккомпанировал, Зыбин играл на виолончели, а сестра Таня пела. Это был чудесный вечер, так как Зыбин играет умело и с чувством, а голос сестры с виолончелью вместо вторы – выходил особенно хорош. Сегодня вся эта музыка повторится» (*ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 146).

Через много лет, в феврале 1906 г., когда А. Б. Гольденвейзер и С. И. Танеев гостили в Ясной Поляне, Танеев попросил Толстого «сыграть свою композицию: вальс». Толстой сыграл, и Танеев записал и сыграл его сам. При этом Толстой заметил: «Вальс сомнительный. Мы его сочинили с Зыбиным,

который играл на виолончели» (*ЯПЗ*. 2. С. 45). Нотная запись Танеева была опубликована в «Толстовском ежегоднике» 1912 г. (с. 301). В аннотации к этой публикации С. Л. Толстой писал: «Можно предположить со слов С. А. Толстой, что вальс сочинён им <Толстым. – О. Г.> совместно с его приятелем Зыбиным, виолончелистом и порядочным музыкантом». Сергей Львович приводил слова Софьи Андреевны не случайно: при встрече с Зыбиным в Ясной Поляне в 1887 г. говорили о вальсе и его авторах, и С. А. Толстая присутствовала при этом.

В *ОР ГМТ* хранятся два письма И. А. Зыбина к Толстому.

О. А. Голинченко

И

ИВАНОВ Александр Андреевич (1806–1858) – русский живописец и рисовальщик. Сын художника А. И. Иванова. Учился у отца, потом в Академии художеств в Петербурге у него же и А. Е. Егорова. За картину «Иосиф, толкующий сны заключённым с ним в темнице виночерпию и хлебодару» (1827), этюды и наброски (1827) и картон «Лаокоон с детьми» (1827) получил большую золотую медаль от Общества поощрения художеств, а за полотно «Явление Христа Магдалине после воскресения» (1836) – звание академика от Академии художеств. Главным произведением Иванова стала картина «Явление Христа народу» (1837–1858).

Художник не был знаком с Толстым, не вёл с ним переписки. Однако творчество Иванова заставляло писателя и его героев размышлять об искусстве, о художественных образах.

В журнале «Ясная Поляна» в 1862 г. Толстой напечатал три статьи под общим названием «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы». В «Статье 3-й» говорилось о различиях в отношении к искусству образованного общества и народа. Народная позиция трактовалась так: «Картина Иванова возбудит в народе только удивление перед техническим мастерством, но не возбудит никакого ни поэтического, ни религиозного чувства, тогда как это самое поэтическое чувство возбуждено лубочной картинкой Иоанна Новгородского и чёрта в кувшине» (8: 113). В то же время Толстой не сомневался, что если ребёнок из народа получит академическое образование, то «он прочувствует, и прочувствует искренно, и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартет Бетховена, и лирические стихотворения Пушкина» (*там же*). Но поскольку большинство людей такого образования

не получает, то подытоживалось это размышление следующим: «...требования народа от искусства законнее требований испорченного меньшинства так называемого образованного класса» (8: 114). Толстой считал, что создатели искусства должны повернуться к народу, тогда их произведения станут понятны большинству.

Анализируя образ Бога разных художников, Толстой полагал, что автор картины «Явление Христа народу» отразил тенденции так называемой «Ивановско-Штраусовско-Ренановской концепции» (название отражает единый взгляд художника А. А. Иванова, немецкого философа, богослова, историка и публициста Д.-Ф. Штрауса и французского философа, автора книги «Жизнь Иисуса» Ж.-Э. Ренана). В диалогах своих героев писатель Толстой выдвигал собственную точку зрения. Так, персонаж романа «Анна Каренина» Голенищев в беседе с др. героем романа, Вронским, говорил о том, что в картине некоего художника Михайлова «совершенно фальшивое направление» – «Ивановско-Штраусовско-Ренановское отношение к Христу и религиозной живописи». И далее, беседуя с Анной, Голенищев замечал, что на картине изображён «Христос пред Пилатом», и при этом «Христос представлен Евреем со всем реализмом новой школы» (19: 34). Голенищев заявлял, что представители данной школы «берут то самое лицо, которое нельзя брать для искусства» (*там же*), и в его образ они желают вложить какую-то свою идею. Герой романа подытоживал своё суждение о художниках: «...если они хотят изображать не Бога, а революционера или мудреца, то пусть из истории берут Сократа, Франклина, Шарлотту Корде, но только не Христа» (*там же*). И далее Толстой устами

того же Голенищева давал совет художнику А. А. Иванову «избрать другую историческую тему», поскольку «искусство не терпит спора и рассуждений. А при картине Иванова для верующего и для неверующего является вопрос: Бог это или не Бог? и разрушает единство впечатления» (19: 43).

Тем не менее писатель отмечал, что «написать явление Христа народу – искусство, и написать голых девок – тоже искусство» (30: 210). «И ни один эстетик по своему определению не покажет черту разделения между искусством и украшением жизни, удовлетворением похоти внешних чувств – зрения, осязания, вкуса, обоняния, слуха» (30: 433). Таким образом, размышляя об этической стороне искусства, именно полотно Иванова «Явление Христа народу» брал Толстой за эталон при выражении высокого искусства.

Высоко оценил Толстой художника в письме к П. М. Третьякову 14 июля 1894 г. Он поддерживал мнение М. М. Антокольского об акварелях французского художника Джеймса Тиссо из жизни Христа, соглашаясь с тем, что «то, что сделал Тиссо, сделано Ивановым 40 лет тому назад» (67: 175).

Толстой знал об Иванове не только как о профессиональном художнике, но и как о большом знатоке изображений Христа. В 1880 г. В. В. Стасов прислал ему книгу М. П. Боткина «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг.». «Я прочёл её. Очень трогательно», – писал Толстой Стасову (63: 10). В книге говорится о сомнениях художника по поводу картины, которой он посвятил двадцать лет. Картина уже была представлена зрителю, но Иванов продолжал искать идеальный образ Христа. Стасов вспоминал, как даже недели за полторы до своей неожиданной смерти Иванов пришёл к нему в Императорскую Публичную библиотеку и просил, чтобы тот поискал для него старейшее изображение Христа. Стасов подобрал для него множество изданий с фресками катакомб и церквей, с рисунками из рукописей и т. д. Иванов с интересом всё рассматривал. Через месяц, когда художника уже не стало, М. П. Боткин пригласил В. В. Стасова и И. И. Горностаева (больших ценителей зарубежного и русского искусства) посмотреть альбомы, привезённые Ивановым из Рима. «Мы так и ахнули, – писал Стасов. – И этот Иванов просил у нас посмотреть <...> типы и костюмы, архитектуру, <...> ему было известно всё <...> и Египет, и Ассирия, и Палестина <...> как, быть может, ни одному художнику в целой Европе. <...> Чего он искал, чего он спрашивал?

Неужели он сам себе не доверял? <...> Мы с И. И. Горностаевым <...> не спали всю ночь. Нас словно обухом накануне прихлопнуло» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб. 1880. С. 421).

А. А. Аленина

ИВАНОВ (ВОРОБЬЁВ) Кирилл Евдокимович (1853–1874) – крестьянин, ученик яснополянской школы. В педагогических сочинениях Толстого часто фигурирует как «Кирюшка». «Кирюшка – обожжённое ушко» – ласково поддразнивал его Толстой, вероятно, обозначая маленькую деталь внешности мальчика. Один из лучших учеников школы. В 3-й статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой писал: «Родители, мы – учителя – и сами ученики захотели удивить всю деревню – петь в церкви; мы стали готовить обедню и херувимские Бортнянского. Казалось, это было бы веселее детям, но вышло наоборот. Несмотря на то, что желание ехать на клирос поддерживало их, и что они любили музыку, и что мы, учителя, налегали на этот предмет и делали его принудительнее других, мне часто жалко было смотреть на них, как какой-нибудь крошка Кирюшка в оборванных онученках выделял свою партию “тайно образу-у-у-у-ю-ю-ще”, и его по десять раз заставляли повторять, и он наконец выходил из себя и, стуча пальцами по нотам, спорил, что он поёт так точно» (8: 125). Кирюшка, видимо, был спорщиком и отстаивал свою правду. Преподававший Закон Божий священник К. Пашковский записал в дневнике: «Всем было мною объяснено о Великом посте <...> как надобно проводить сей пост. Было слышно возражение от ученика Кирилла Иванова, что не все люди пост и сей соблюдают; некоторые скоромное едят, основываясь на словах Священного писания, что входящее в уста не сквернит, но сквернит исходящее из уст» (8: 461).

Кирюшка хорошо писал сочинения. «Писали сочиненья – всё о театре. <...> Кирюшка ни на шаг не уступал Успенскому <учителю. – Н. Б.>...» – отмечал Толстой (8: 460). Иногда эти сочинения читали вслух всем ученикам. В книжках «Ясной Поляны» (ноябрь 1863 г.) был напечатан рассказ К. Иванова «Как мужики лес воруют».

Н. И. Бурнашова

ИВАНОВА Надежда Павловна (?–1926) – знакомая семьи Толстых, дочь тульского купца; корреспондент Толстого; частая гостья в Ясной Поляне. Правда, её за гостью не считали – она была своя. 23 февраля 1903 г. Толстой сообщал М. Л. Оболен-

ской, что ждали много посетителей «и никто не приехал, кроме Надички Ивановой, очень нарядной» (74: 53). «Впечатление от сегодняшнего дня очень хорошее, — писал Д. П. Маковицкий. — Л. Н. весь день делал, что хотел. Не было гостей, не было школы. Дома были только Александра Львовна, Юлия Ивановна, Надежда Павловна. Было тихо, деловито» (ЯПЗ. 2. С. 558). 22 октября 1908 г.: «Не было гостей. Дома Сухотины, Надежда Павловна, Чертков» (ЯПЗ. 3. С. 232).

Н. Иванова, казалось, жила жизнью дома Толстых. Вместе с Ю. И. Игумновой и А. Л. Толстым она учила Маковицкого «по-русски» (ЯПЗ. 1. С. 276). Помогала С. А. Толстой готовить материалы для передачи на хранение в Исторический музей, в частности «письма, полученные Л. Н. до 1898 г.» (ЯПЗ. 1. С. 287); помогала в работе над «Кругом чтения».

В яснополянском зале она часто играла на фортепиано, иногда в четыре руки с С. А. Толстой. 22 февраля 1906 г. Маковицкий записал: «Л. Н. спросил Н. П. Иванову, продолжает ли учиться играть на фортепьяно. *Надежда Павловна*: “Да, но считаю это за грех”. Л. Н.: “При вашем способе жизни — это безобидное занятие, доставляющее удовольствие”» (ЯПЗ. 2. С. 57). 28 марта 1906 г.: «Софья Андреевна с Надеждой Павловной в зале играли Моцарта» (ЯПЗ. 2. С. 90). 23 марта 1907 г.: «С 11 до 12 вечера Софья Андреевна и Надежда Павловна играли на фортепиано. Л. Н. просил повторить одно адажио Гайдна» (ЯПЗ. 2. С. 400). 26 сентября 1907 г.: «Вечером с 7 до 9 Л. Н. с Александрой Львовной и Софья Андреевна с Надеждой Павловной играли вчетвером на фортепианах очень живо, энергично. Репин нарисовал в это время карандашом Л. Н. с Александрой Львовной. Л. Н.-чу понравился этот рисунок (особенно тем, что на нём Александра Львовна) и попросил его себе. Репин очень рад, согласился и хочет акварелью исполнить. Все играющие были очень веселы» (ЯПЗ. 2. С. 518).

Как-то зашёл разговор о декабристах: «Их рассуждения <декабристов. — Н. Б.> об избирательном праве, о палатах напоминают современные, — говорил Толстой. — Нынешние ни в чём не впереди их, даже позади. Они не так образованны, как были декабристы. Декабристы читали Руссо, Вольтера, Монтескье. А нынешние... Недавно шёл близ шоссе около Воронки. Местность красивая, день ясный. Смотрю, на хворосте сидит девица в белом платье и читает. Оказалась Надежда Павловна Иванова. Что она читала? — Скабичевского — критику

на Добролюбова! Ведь надо сечь, чтобы заставить читать эту глупость» (13 июля 1905 г.; ЯПЗ. 1. С. 341).

Приезжая в Тулу, Толстые обычно останавливались в доме Ивановых.

Готовя к печати «Яснополянские записки», Маковицкий в «Предисловии автора» назвал Н. П. Иванову в числе тех, кто помог ему «восстанавливать сказанные при них слова Л. Н.-ча» (ЯПЗ. 1. С. 92).

Н. И. Бурнашёва

ИВАНЦОВ-ПЛАТОНОВ Александр Михайлович (1835–1894) — адресат Толстого; профессор, богослов, протоиерей, историк церкви. Родился в семье священника в городе Щигры Курской губ. Лучший выпускник Курской духовной семинарии в 1856 г., он был направлен в Московскую духовную академию. Окончив её в 25 лет, был рекомендован в С.-Петербургскую духовную академию на кафедру новой церковной истории, сотрудничал с журналом «Православное обозрение». После трёхлетнего пребывания в столице возвратился в Москву, где принял священство, став законоучителем Александровского военного училища и одновременно настоятелем церкви. В 1872 г. по предложению историка С. М. Соловьёва, профессора Московского университета, был принят на кафедру церковной истории, где занимался историографией раннего христианства. В 1877 г. стал доктором богословия, получил звание профессора. В это время, изучая богословские сочинения А. С. Хомякова и произведения историка-философа, профессора Московского университета Б. Н. Чичерина, формировал своё собственное духовное наследие, написав «Очерк истории христианства у славян», «Историю отделения церкви Западной от Восточной», монографии «О ересь и соборах IV и V веков» и проповеди «За двадцать лет священства».

Толстой был хорошо знаком с творчеством богослова, прочитал о «ересях и расколах первых трёх веков христианства. Исследование протоиерея А. М. Иванцова-Платонова», которое расценил как «научную болтовню» (51: 92). Дневник писателя пестрит упоминаниями об Иванцове-Платонове: «Много детски глупого о социализме и много прекрасных мыслей о значении христианства» (49: 87). Тем не менее протоиерей оставался в понимании Толстого безусловным экспертом, к которому он обращался с просьбами и всегда получал исчерпывающие отклики. Так, например, весной 1885 г. он попросил Иванцова-Платонова просмотреть «Исповедь», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?» с точки зрения «духовной цензу-

ры»: ведь эти толстовские произведения считались запрещёнными. С величайшим тщанием Иванцов-Платонов исполнил просьбу писателя, после прочтения передав Толстому тетрадь со своими замечаниями (49: 223). Он провёл экспертизу весьма достойно: просмотрев писания, урезал их и снабдил обширными комментариями. Получив заметки Иванцова-Платонова, Толстой писал ему: «Я ещё больше полюбил вас, прочтя ваши примечания. Я увидел из них, как христианское чувство любви к истине и к единению людей проникает вас и как вы постоянно умеете, не поступаясь своим мирозерцанием, удерживать это единение с людьми. На все исключения, сделанные вами, я, разумеется, согласен. В первую минуту мне как будто было жалко некоторые места, но потом, вспомнив, что обнародование этого писания может быть полезно хоть одному, двум людям (что подтверждает ваше сочувствие), я устыдился этого чувства. Разумеется, надо будет написать несколько слов предисловия, указав на значение ваших примечаний. <...> Не знаю, что выйдет из этого, но я во всяком случае очень благодарен вам. Искренно любящий и уважающий вас Лев Толстой» (63: 316). Однако эти сочинения, взятые под защиту богословом, всё же не были спасены. Жена писателя обратилась к К. П. Победоносцеву с просьбой о снятии цензурных запретов с этих произведений мужа, но услышала, что «нет никакой надежды» на разрешение этого вопроса, а «примечания Иванцова-Платонова не только не ослабляют действие сочинений, но ещё усиливают его в отрицательном смысле» (85: 207).

Иванцов-Платонов, как писал Толстому В. Г. Чертков после встречи с богословом, «был очень любезен и высказал сочувствие нашему делу. Сказал, что будет охотно помогать нам чем может...» (речь шла об изданиях «Посредника» – 85: 251). Перед отъездом из Москвы с Иванцовым-Платоновым повидался Н. Н. Страхов и уже из Петербурга писал Толстому 13 сентября 1887 г., что богослов «стоит в стороне, умно и тонко наблюдая всё, что делается, и спокойно надеясь, что *дело Божие* не может не сделаться. Его мысли о Вашей деятельности, о её важности и пользе – очень приятно было мне услышать», – добавил он (ПСПТС. 2. С. 751).

Н. А. Никитина

ИВИН Иван Васильевич (даты жизни не установлены) – духобор. В 1896 г. к В. Г. Черткову на хутор Ржевск, чтобы рассказать о своём бедственном положении и просить о помощи, прибыли Ивин

и П. В. Планидин как делегаты от духоборов, высланных в аулы Горийского уезда Тифлисской губ. После встречи с ними было составлено воззвание «Помогите». Толстой написал к нему предисловие. В Москву Ивин и Планидин ехать не решились, так как у них не было паспортов. В июне 1898 г., когда Ивин вместе с П. В. Махортовым отправились за границу на поиски земли для духоборов-переселенцев (без права возвращения), Ивин предпринял попытку посетить Толстого: «...на днях проехал здесь Ивин с семьёй. Он едет в Англию <...> югом из Батума, заехал в Москву и в Ясную Поляну и не застал меня» (71: 374), – сообщил писатель Н. Е. Федосееву в письме 9 июня 1898 г. В Канаде Ивин и Махортов перестали ладить между собой, что стало известно Толстому, и он в письме к Э. Мооду от 5 декабря 1898 г. выразил пожелание: «...хорошо бы было, если бы они держались братского единения» (71: 505). Д. А. Хилков в январе 1899 г. для встречи первого парохода с переселенцами в Канаду взял Ивина, тяготеющего к исконным ценностям: «Ивин слишком для ходака привязан к своему семейству и, когда оно затрагивается, делается слеп и глух, но вообще гораздо умней и способней Махортова» (72: 65). Жизни Ивина и его странствиям с семьёй посвящён «Рассказ духоборки Дуни Ивиной», его жены, записанный А. К. Чертковой и опубликованный в № 3 за 1899 г. листов «Свободного слова», выходивших под редакцией Черткова.

А. С. Кондратьев

ИВИН Иван Семёнович (псевд. И. Кассиров; 1868–1918 или 1919) – поэт-самозучка, лубочный писатель. Сын крепостного крестьянина. Родился в деревне Старая Тяга Можайского уезда Московской губ. Отец исполнял в поместье гр. А. С. Уварова обязанности кассира, отсюда возник псевдоним писателя. Грамоте выучился у отца. Работал на ткацких фабриках Московской губ., учился токарному делу на чугунолитейном заводе, был токарем на Московско-Брестской железной дороге.

На Ивина очень повлияло знакомство с творчеством и биографией А. В. Кольцова. В 1875 г. он стал серьёзно заниматься самообразованием. С 1877 гг. начал публиковать свои повести, рассказы, стихи, переделки классических произведений. В 1883–1896 гг. был одним из основных писателей для московских лубочных издателей П. Н. Шарапова. Е. А. Губанова, И. Д. Сытина и др. Книги Ивина имели широкое распространение среди крестьян.

В 1888 г. сдал экзамен на должность сельского учителя и преподавал с 1896 г. В 1890-х гг. печатался немного, в основном в духовных изданиях. После того как в 1907 г. оставил учительство, стал священником.

Ивин познакомился с Толстым в 1887 г. и часто бывал в Хамовниках. В дневнике Толстого 29 января 1889 г. записано: «После обеда Ивин. Пишет жизнь Христа. Замечательный человек. Вот образец того, как человек с призванием выбьется отовсюду. Только не будь нашего ложного просвещения, они бы сделали больше. Теперь ему пробивать надо лёд лжи» (50: 30). Ивин вспоминал, что писатели из крестьян считали «священным долгом» посетить Толстого и «заручиться его благословением и одобрением» (Ивин И. С. Моё знакомство с гр. Л. Н. Толстым // Московские церковные ведомости. 1908. № 7. С. 174). Толстой в свою очередь «с нескрываемым любопытством изучал писателей из народа, уделял им немало времени, с охотой читал их произведения и давал дельные советы» (там же. С. 174).

По воспоминаниям писателя С. Семёнова, Толстой «много возился с поэтом-крестьянином Ивиным, известным под псевдонимом И. Кассирова всему читающему крестьянству, наводнившим своими переделками рассказов и романов лубочный рынок» (Семёнов С. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912. С. 78).

В письме к В. Г. Черткову от 24–25 апреля 1887 г. Толстой рассказывал об Ивине, думая привлечь его к работе в «Посреднике»: «...в этот приезд в Москву вошёл в сношение с двумя писателями крестьянами: один молоканин молодой, другой фабричный *Кассиров*, написавший для *Никольской* более 400 печатных листов, расходящихся в миллионах. Очень радостно было сойтись. Очень может быть, что я ему мог быть полезен. Я ему внушил, что надо, и он, нетронутый дикий человек, живо понял и принял, как мне кажется, мои слова» (86: 49).

Толстой отправил произведение Ивина Черткову и интересовался в письме: «Как вам понравилась сказка Кассирова?» (24 января 1888 г. – 86: 113). Чертков не одобрил сказку и не напечатал её. В письме Толстому от 29 января он объяснял: «Сказка Кассирова мне не понравилась. Главный её недостаток – тот же, какой вы когда-то нашли в нашей переделке сказки “О трёх мужиках и бабе ведунье”, а именно она касается глубоких, святых евангельских истин лёгким, шуточным тоном и тем опошляет их. Кроме того, и как сказка, она составлена плохо, неинтересно, представляет ка-

кой-то майонез из разных сказок, русских и переводных. Местами она мучительно отзывается пародией на “Крестника”. Одним словом, на мой взгляд, она *совсем* плоха и вредит тем истинам, которым предназначена служить. А ваше мнение какое?» (86: 119). Соглашаясь с Чертковым, 7 февраля 1888 г. Толстой отвечал: «О сказке Кассирова я согласен: меня подкупило то, что он сам читал её мне. Сытин, вероятно, всё-таки напечатает её» (86: 117).

Разговоры Толстого и Ивина часто касались религиозных вопросов. В дневнике 12 февраля 1889 г. Толстой писал: «Касаткин, Архангельский, не говоря об Ивине, с трудом расстаются с верой в чудеса и исполнение молитв о внешнем, так что же нетронутая масса?» (50: 35). Он стремился повлиять на Ивина в вопросе веры, читал ему своё изложение евангелий: «Потом пришёл Ивин. Не столько сомнений у него о самой загробной жизни, сколько о той загробной жизни, про которую он уже написал и напечатал. Читал с ним Евангелие, своё изложение...» (50: 36).

Ивин, напротив, настаивал на ортодоксальной вере. Об этих разговорах Толстой писал в дневнике: «...потом Ивин, Дунаев, Медведев. Спорили о православии. Ивин рассказал потом свою ревность к жене и повод к ней. Пьянство, спаиванье девок и баб. Страшно. Они, как и моя сестра бедная, не знают ещё веры, а думают, что имеют её» (6 марта 1889 г. – 50: 46); «Потом, вместо молчания и лаконизма, с Кассириным, задирающим о вере, говорил много лишнего» (13 апреля 1889 г. – 50: 66); «Ивин всё пристаёт с православием. Должно быть, его беспокоит что-нибудь. Я был неспокоен, и очень совестно было» (16 апреля 1889 г. – 50: 68). О спорах Толстого и Ивина вспоминал С. Семёнов: «Когда Лев Николаевич напал на него, он уже был человек поконченный, неспособный воспринять от него ничего. Напротив, исповедуя казённое православие, он поражался еретическим отношением Льва Николаевича к учению церкви и всякий раз заводил с ним споры, чтобы убедить его в заблуждениях и обратить на стезю истины» (Семёнов С. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом... С. 78).

Ивин публиковал воспоминания о своих встречах и спорах с Толстым в журнале «Московские церковные ведомости» в 1908–1909 гг. По его словам, у Толстого «вместо Христа получается какой-то сухой, отвлечённый, эгоистичный резонёр-моралист». «Вглядевшись в этот образ, – говорил Ивин Толстому, – мы без труда узнаём в нём вашу собственную физиономию»

(Ивин И. С. Моё знакомство с гр. Л. Н. Толстым // Московские церковные ведомости. 1909. № 17. С. 329). Религиозные разногласия Толстого и Ивина стали причиной их разрыва.

Лит.: Ивин И. С. Моё знакомство с гр. Л. Н. Толстым // Московские церковные ведомости. 1908. №№ 7, 8, 12, 17, 29, 40, 43, 46; 1909. №№ 7–9, 11, 17, 22, 28, 29, 45, 47; Яцимирский А. И. Воспоминания писателей-самоучек // Русская мысль. 1902. № 11. С. 122–127.

И. Ю. Матвеева

ИЕНКЕН Наталья Александровна (Jenken; «Генкен»; 1863–1927) – знакомая Толстого. Художница, родом из Голландии, русская подданная. С Толстым познакомилась благодаря своей подруге по Школе живописи и ваяния М. Я. Шанкс, художнице, иллюстратору произведений Толстого, и Э. Мооду, издателю и переводчику, с которым писателя связывали на протяжении долгих лет дружеские и деловые отношения. Толстой высоко ценил этих двух подруг, о чём спустя годы писал в письме к Мооду: «Дружески приветствую вас и прошу передать такой же привет вашей свояченице и г-же Иенкен. К старости у меня сделалась забывчивость лиц и событий прошедшего, но этих двух милых женщин я очень помню и люблю, помню и моё первое знакомство с ними, произведшее на меня такое приятное впечатление, с которым я всегда и вспоминаю их» (80: 45).

Иенкен, обычно со своей подругой М. Я. Шанкс, бывала в Ясной Поляне у Толстого. Они много беседовали об общих знакомых, близких Толстому по духу, о духоворах, об особенностях живописи. Эти разговоры настраивали писателя на раздумья. После одной из таких бесед 15 февраля 1899 г. Толстой писал своему знакомому англичанину А. К. Син-Джону: «Странно сказать, но я был рад узнать о недостатках духоворов. В картине, которую с них рисуют, нет теней, поэтому они кажутся неживыми» (72: 67).

Иенкен и Шанкс были в курсе финансовых и политических дел, связанных с переселением духоворов из России. Через них Толстой передавал информацию своим поверенным в Англии. В. Г. Черткову он писал: «Всё это я пишу только с Шанкс и Иенкен потому, что считаю нужным соблюдать самую большую осторожность» (88: 94).

Влияние на Иенкен со стороны Толстого было судьбоносным. Жизнь её полностью изменилась в сторону «опрошения», в России она жила «своими трудами» (ЯПЗ. 4.

С. 168). Вместе с Шанкс она взяла на воспитание пятилетнюю деревенскую девочку, а так как с усыновлением в России возникли трудности, она переехала с девочкой в Англию, где вела скромное хозяйство, трудясь на своём огороде.

А. А. Аленина

ИЗМАЙЛОВ Александр Алексеевич (1873–1921) – посетитель Толстого; литератор, поэт, критик и пародист, сотрудник газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово». Сын священника, в 1887 г. окончил курс Петербургской духовной академии с правом кандидата. Печататься начал с 1895 г. как беллетрист, хотя наибольшую известность получил как литературный критик. Пародии Измайлова на русских литераторов могут служить одним из образцов этого жанра. В записной книжке 14 июня 1907 г. Толстой отметил: «Очень дурно принял поэта» (56: 199; имелся в виду приезд литераторов А. Измайлова и Н. Брешко-Брешковского). О своём посещении Толстого Измайлов позднее написал в статье «В Ясной Поляне» (Измайлов А. Литературный Олимп. СПб., 1911. С. 37–61). В записках Д. П. Маковицкого комментировался этот приезд: «Измайлов, окончивший духовную семинарию и академию, – верующий православный, но хотел бы, чтобы реформировалось православие: отвергнуть личное воскресение <...>. Измайлов сидел возле Л. Н. – беседовал, как мне, пришедшему поздно, показалось, тихо, спокойно, интимно. <...> Измайлов был приятен Л. Н. тем, что он искренно верующий, верит в Бога. – Мне всегда такие люди бывают приятны, – говорил Л. Н., когда гости уехали» (ЯПЗ. 2. С. 452).

В 1908 г. Измайлов входил в «Комитет почина», образованный для чествования Толстого в год его 80-летнего юбилея. 8 августа С. А. Толстая заговорила о новой книге пародий Измайлова «Кривое зеркало». «Пародии на поэтов и писателей русских, исключая Пушкина и Толстого. Удачно написано, смешно». Толстой сказал: «В “Вестнике Европы” современный роман Измайлова. Я его читаю. Язык очень хороший» (Толстой читал сочинение однофамильца Измайлова – Владимира Константиновича (1870–1942?), писателя-«бытовика», описывавшего, в основном, быт рабочих, а в упомянутой книге – разрыв между народом и интеллигенцией: «Огненное крещение. Рассказы и сцены из очень недавнего прошлого // Вестник Европы. 1908. № 7–8; ЯПЗ. 3. С. 163). Хотя и Александра Измайлова Толстой читал, что отметил В. Ф. Булгаков 15 февраля 1910 г.:

«Заговорили о пародиях Измайлова на современных писателей. "Измайлов хорошо пишет", – заметил Лев Николаевич» (*Булгаков*. С. 77). 18 февраля 1910 г.: «После обеда Лев Николаевич читал вслух остроумную пародию Измайлова на творения Леонида Андреева» (*там же*. С. 83). 2 мая 1910 г.: «В "Русском слове" читал статью Измайлова "Две исповеди по седьмой заповеди (Новые дневники Добролюбова и Чернышевского)". Статья очень понравилась Льву Николаевичу, но, кажется, только её начало, – именно рассуждения о хороших и плохих книгах: конец же, самые "исповеди" Добролюбова и Чернышевского и рассуждения Измайлова по этому поводу, Лев Николаевич едва ли прочёл полностью...» (*там же*. С. 193). Этот факт отметил и Маковицкий; 2 мая он с Толстым ехал поездом в вагоне третьего класса из Козловой Засеки в Орёл (ехали к Татьяне Львовне в Кочеты): «Л. Н. прочёл письма, которые мы получили в Козловке. После читал газеты, <...> прочёл и похвалил фельетон Измайлова "Две исповеди по седьмой заповеди (Новые дневники Добролюбова и Чернышевского)"» (*ЯПЗ*. 4. С. 242). Тогда же был получен экземпляр книги Измайлова «Кривое зеркало. Пародии и шаржи». Изд. 2-е, доп. СПб., 1910 (сохранился в *ЯПБ*).

Л. С. Дробат

ИЗЮМЧЕНКО Николай Трофимович (1867–1927) – последователь, корреспондент и адресат Толстого. Крестьянин села Обуховки Курской губ., учился в сельской школе; с 14 лет – подсобный рабочий на сахарном заводе. В 1885 г. познакомился с Е. Н. Дрожжиным, разделявшим толстовские взгляды, и в 1889 г. по религиозным убеждениям отказался от военной службы, за что был посажен на гауптвахту. В 1891 г. привлекался к ответственности за распространение революционной рукописи. 15 месяцев дождался решения суда, был приговорён к двум годам дисциплинарного батальона и направлен в Воронеж под начало полковника А. В. Бурова, отличавшегося особенно жестоким обращением с заключёнными. В конце 1894 г. его перевели в Бутырскую пересыльную тюрьму и готовили к отправке по этапу с партией политических в Сибирь. В. Г. Чертков, видевшийся с Изюмченко ещё в Воронеже, 14 октября 1894 г. писал Толстому: «Лицо его просто замечательно радостнейшею почти постоянно улыбкою, привлекающею всех. Глаза искрятся жизнью. <...> У него большая жажда чтения...» (87: 301). 19 февраля 1895 г. Толстой писал Изюмченко в тюрьму, советуя преодолевать разно-

гласия и посему «не высказывать никакого мнения – ни о Троице, ни о революции, ни о папе, ни о Марксе», а «стараться делаться лучше и мир делать лучше» (68: 37). Вместе с С. А. Толстой, добившейся разрешения властей, Толстой посетил Изюмченко в тюрьме в конце марта 1895 г.: «Изюмченко очень прост и бодр» (53: 14). Отвечая 4 декабря 1895 г. на письмо Изюмченко из Тобольской губ., Толстой наставлял его на путь согласия с миром и достижения душевного покоя как условия нравственной состоятельности человека: «...не ссорьтесь, не старайтесь выказаться, не затевайте ничего нового, только не пускайте воду никуда, кроме как на колесо, и колесо будет работать на пользу вам и людям» (68: 273).

После освобождения в 1903 г. Изюмченко остался в Сибири и перебрался в Барнаул, где служил сторожем в школе и занимался сапожничеством. В 1905 г. были изданы Чертковым в Англии записки Изюмченко «В дисциплинарном батальоне»; книжку Толстой предполагал переиздать в «Посреднике» в 1907 г., когда Изюмченко и Чертков приехали в Ясную Поляну: «Теперь отказы от военной повинности часты, нужна будет» (*ЯПЗ*. 2. С. 490). Изюмченко производил впечатление человека мягкого и застенчивого, однако не исчезавшего из поля зрения властей и неоднократно подвергавшегося арестам в административном порядке за распространение книг Толстого и за враждебное отношение к гос. строю. Толстой не раз оказывал Изюмченко помощь во время его ссылки. 10 июля 1909 г. он писал ему: «Хотел бы также помочь вам и вашей семье. Не могли ли чем?» (80: 15). Толстой упоминал Изюмченко в статьях «Две войны» (1898) и «Закон насилия и закон любви» (1908), а также в «Послесловии к книге Е. И. Попова "Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866–1894"»: «...получил письмо от друга Изюмченко, радостно нёсшего такую же участь и высказывавшего твёрдую уверенность в истинности своего дела» (39: 97).

А. С. Кондратьев

ИКОННИКОВ Антон Иванович (1883–?) – корреспондент, адресат и последователь Толстого; мещанин г. Скопина Рязанской губ., в 1904 г. отказавшийся от воинской службы. Несмотря на отказ, был назначен в 38 пехотный Тобольский полк, стоявший в Скерневицах. После отказа в полку от исполнения воинских обязанностей был отправлен в ссылку в Якутскую область, но по прибытии в Иркутск по распоряжению начальства был возвращён в полк и в ноябре 1905 г. полковым судом приго-

ворён к двум годам дисциплинарного батальона. Отбывал наказание в Варшавской и Новогеоргиевской крепостях, в дисциплинарных командах Острова и Скерневиц.

В 1906 г. единомышленник Толстого И. М. Трегубов написал обращение к будущим депутатам Гос. Думы, которое назвал: «Воззвание в защиту современных христианских мучеников». В нём Трегубов заявлял, что «христианские мученики» в России «ещё не перевелись»: «В настоящее время, накануне открытия Государственной Думы, мы желали бы обратить внимание её будущих членов <...> на это печальное явление и сообщить им недавно полученные нами сведения о заключённом в Новогеоргиевской крепости христианском мученике Антоне Иконникове, бывшем рабочем на Полтавском вокзале Харьково-Николаевской железной дороги. Исповедуя учение Христа, завещавшего любить всех людей, даже своих врагов, Иконников, будучи призван в 1904 году к отбыванию воинской повинности, отказался исполнить её, считая всякое убийство человека и обучение ему делом, противным заповеди Христа о любви к врагам <...>. За это его судили и посадили в тюрьму, где он и до сих пор томится. И таких мучеников у нас не один Иконников» (36: 278–279). Так заочно в 1906 г. Толстой познакомился с Иконниковым. Всем сердцем сочувствуя ему, в своей «Заметке к воззванию И. М. Трегубова» он писал: «Самое страшное в совершающихся теперь событиях – это озверение людей. Озверение же это произошло от отречения от христианства и от жестокости правительства» (36: 282). Имя Иконникова, среди многих др. имён таких же «мучеников», упоминал Толстой в статье «Закон насилия и закон любви» (37: 187).

В письмах из заключения Иконников рассказывал о себе, о своём душевном состоянии, об ужасающих условиях существования. Письмо его к Толстому от 7 октября 1907 г. из Скерневицкой тюрьмы по просьбе писателя Н. Н. Гусев прочёл вслух вечером 10 октября обитателям и гостям Ясной Поляны. Прослушав письмо, Толстой «зарыдал, встал, и ушёл к себе» (ЯПЗ. 2. С. 533). В тот же вечер он отвечал Иконникову, выражал ему свою поддержку и благодарил за то, что тот «так правдиво и хорошо описал» и то, что с ним было, и своё «душевное состояние» (77: 220). Через день в дневнике Толстой записал: «Письмо Иконникова таково, что, слушая его, расплакался, как старушка» (56: 72). В дневнике 26 октября 1907 г. об Иконникове сказано как о человеке, сознательно исполняющем закон непротивления (56: 76). В следующем письме от

30 октября 1907 г. Иконников сообщал Толстому о своём освобождении из заключения, о переводе в полк и нестроевую роту и о своём решении отказаться от нестроевой службы. В ответном письме Толстой радовался душевному состоянию Иконникова и говорил о том, «как благотворно отражается» его «жизнь на людей» (77: 231), в т. ч. на него, за что сердечно благодарил своего корреспондента. Толстой не только морально поддерживал Иконникова – он даже высылал ему деньги из фонда поддержки духоборов. 12 сентября 1907 г. он писал И. Ф. Наживину: «...с нынешнего числа, 12 сентября, буду высылать по 5 руб. Иконникову и Куртышу <ещё один «отказник». – А. Т.> ежемесячно и попрошу дочь, если я умру прежде их выпуска, чтобы она продолжала это делать до их освобождения» (77: 196).

По отбытии срока от Иконникова требовали только солдатской присяги, чтобы можно было его освободить, но он этой присяги не дал и 12 февраля 1908 г. был приговорён Варшавским военно-окружным судом к четырём годам исправительных арестантских отделений. Отбывал наказание в Варшаве и Кромах. В ответ на письмо Иконникова с сообщением о состоявшемся суде над ним, о возвращении в тюрьму из суда и о своём душевном состоянии Толстой 27 мая 1908 г. писал ему, что «с волнением и любовью прочёл» это послание: «Не могу передать вам того смешанного чувства восхищения перед вашей кроткой твёрдостью, страха за вас, жалости к вам и, главное, любви к вам, которые испытываю, когда думаю о вас» (78: 144–145). В том же письме говорил о своём желании оказать материальную поддержку и прислать нужные книги. В письмах к Толстому Иконников сообщал, что администрация тюрьмы отказывалась выдавать ему посланные Толстым книги, предложив пользоваться тюремной библиотекой. 26 августа 1908 г. Толстой направил начальнику варшавского исправительного арестантского отделения письмо с просьбой передать Иконникову письма и присланные книги, «которые не могут ни в каком случае считаться зловерными и не считаются таковыми в столицах и других городах» (78: 212–213). Иконников был освобождён уже после смерти Толстого досрочно 12 февраля 1911 г. и выслан под надзор полиции в город Скопин.

А. Н. Тушев

ИКСКУЛЬ фон ГИЛЬДЕБРАНДТ Варвара Ивановна (1852–1928) – посетительница, корреспондент и адресат Толстого; педагог, общественный деятель. Вдова русского посла в Италии барона К. И. Иксуль



фон Гильдебрандта. Отец её, генерал-майор Иван Лудковский, состоял в свите его императорского величества при генерал-фельдцейхмейстере русской армии великом князе Михаиле Николаевиче, мать, Мария Щербатова (рожд. Штерич), — представительница знатного сербского рода. Баронесса Икскуль занималась проблемами высшего женского образования. Имея большие связи с высшими чиновниками и властью в Петербурге, она иногда помогала хлопотами и материальными средствами заключённым и политическим ссыльным. С Толстым познакомилась в 1892 г., приехав в его хамовнический дом. В июне 1895 г. проездом из Мценска побывала в Ясной Поляне. В декабре 1896 г. Толстой просил Икскуль вступить за духовоборов. Просьбы писателя ей выполнить не удалось. В середине февраля 1897 г. Икскуль посетила Толстого, на несколько дней приехавшего в Петербург.

Какое-то время баронесса занималась и издательскими делами: через её руки прошли некоторые произведения Толстого, в частности «Царство Божие внутри вас». 25 октября 1895 г. Толстой писал из Ясной Поляны дочери Т. Л. Толстой: «То, что Икскуль сокращает или хочет сократить “Царство Божие”, то это мне очень приятно. Это, я думаю, нужно» (68: 235).

Н. И. Бурнашёва

ИЛОВАЙСКИЙ Дмитрий Иванович (1832–1920) — доктор русской истории; профессор Московского университета; автор учебников истории для гимназий. Публицист и общественный деятель. Был членом различных научных обществ, входил в круг молодых учёных профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Редактор ежедневной газеты «Кремль».

С Иловайским Толстой, видимо, не был знаком лично — с учёным познакомилась ещё в 1860 г. С. А. Толстая, когда держала экзамен на звание домашней учительницы. «Экзамен истории у молодого, румяного и доброго профессора Иловайского» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 38) она выдержала «очень хорошо» (*там же*. С. 39). Раннее творчество Толстого и его первые романы историк приветствовал. В середине 1870-х гг., когда в Обществе любителей российской словес-

ности, членами которого были и Толстой и Иловайский, читались первые главы романа Толстого «Анна Каренина», учёный (по признанию Ф. М. Достоевского в письме к жене из Эмса от 10 июня 1875 г.) «громко провозгласил», что романы нужны лёгкие и игривые, как у графа Толстого. Позиция Иловайского относительно творчества писателя со временем претерпела изменения. О литературной деятельности Толстого историк писал как об антинациональной. Особенно резко Иловайский критиковал роман Толстого «Воскресение», предлагая его «подвергнуть забвению». Его возмущало многое: и отношение к церкви, и изображение судей и суда, и сама история отношений Нехлюдова и Катюши Масловой. Правда, как писал Э. Г. Бабаев, «историк Иловайский знал и понимал гораздо больше, чем мог себе позволить высказать публицист Иловайский на страницах газеты “Кремль”». Может быть, именно поэтому его так тревожил и занимал роман «Воскресение», в котором он находил подтверждение некоторым своим тайным опасениям относительно будущего и которые он хотел поскорее «рассеять» и забыть, как дурной сон, более похожий на действительность, чем сама действительность» (Бабаев Э. Г. Судьба «Воскресения» (Первые отклики газетной и журнальной критики в России) // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование. М., 1991. С. 17).

В своей работе писатель не раз обращался к трудам Иловайского: в *ЯПБ* сохранились книги историка с пометами Толстого: «Руководство ко всеобщей истории. Средний курс» (изд. 23-е. М., 1891); «Руководство к русской истории. Средний курс» (изд. 31-е. М., 1891); «Коронный мечник Яблоновский. Очерк из истории польских сеймов XVII века» (оттиск из «Русского вестника». 1862. № 3); «Древняя история. Курс старшего возраста» (изд. 20-е. М., 1893). В начале января 1905 г. Д. П. Маковицкий по просьбе Толстого принёс книги Иловайского для изучения, когда речь зашла у них об истории нового времени. В конфронтацию с Иловайским Толстой не вступал, он ценил его как историка, несмотря на разность политических взглядов и мировоззрения. В двадцатых числах января П. И. Бирюков, приехавший в Ясную Поляну, беседовал с Толстым о вопросах престолонаследия в России. Это было актуально: страну охватили стачки и забастовки рабочих. Бирюков передал Толстому разговор, который состоялся у него с Иловайским об отказе от престола императора Николая II. Толстой одобрил назначение регентом великого князя Михаила.

Иловайский был убит при невыясненных обстоятельствах.

А. В. Шмелёва

ИЛЬИН Николай Дмитриевич (1849–1895?) – литератор, присяжный поверенный в петербургских судебных учреждениях. Появление Ильина на жизненном пути Л. Толстого и Н. Ге связано с историей картины Н. Н. Ге «Что есть истина?». Представленная на выставке Ге в Москве, эта картина вскоре была запрещена к показу. Но Ильин, увидев её, «воспламенился мыслью» взять картину и показывать её за границей. Он уговорил автора, послав ему на хутор письмо, что не в силах удержаться от желания выразить своё глубокое впечатление от картины: «Мне известны почти все более или менее выдающиеся изображения Христа у нас и в Западной Европе. И вот вывод впечатления, которое произвёл на меня ваш Христос: если бы до сегодня я был язычником, то, посмотрев на него, я бы крестился» (Стасов В. В. Николай Николаевич Ге. Посредник. 1904. С. 331). Получив 2000 рублей от П. М. Третьякова, который купил картину, и добавив свои 1200, Ильин увёз её в Германию. Путешествие было самое неудачное. Сначала Гамбург, потом Берлин, Ганновер. «Успех картины огромный» (65: 169), – писал Толстой, но нигде публика не шла смотреть картину. Деньги были истрачены, материально был полный провал, дела были настолько плохи, что Ильин с маленьким сыном питался только хлебом с маслом. В Петербурге осталось ещё трое детей с женой Ильина. Толстой просил знакомых в Петербурге помочь ей: «Она хорошая трудовая женщина» (65: 169).

Между тем Ильин задумал продолжить путешествие с картиной Н. Ге, но теперь уже за океан, в Америку (когда картина была в Германии, ею особенно восторгались американцы и англичане, но в Англии картина не была). «Теперь один адвокат Ильин (я не знаю его) решился на свой счёт и риск везти картину в Америку, и вчера я получил письмо о том, что картина уехала» (65: 139), – писал Толстой американскому путешественнику и писателю Джорджу Кеннану 8 августа 1890 г. Ильин отправился в Балтимор и Бостон – и всё повторилось, что было в Германии: газеты хвалили, публика не шла. В августе 1890 г. Толстой, понимая, насколько важна в таком деле реклама, просил Джорджа Кеннана «содействовать пониманию её американской публикой – растолковать её» (65: 139). В апреле 1891 г. Ге вытребовал картину в Россию, и Ильин стал его врагом. В 1892 г. Ильин напечатал целую книгу под заглавием «Дневник толстовца»,

в которой выступил не как сторонник Льва Толстого и Николая Ге, не как последователь их теорий, действий и жизни, а как ожесточённый враг и их преследователь. Книга не имела успеха, как и две предыдущих – роман «В новом краю» (1886) и повесть «Нежданно-негаданно» (1889). Позднее, в 1893 г., Н. Ге писал, что «бедный Ильин попался, столько дел наделал, что против него составили целое дело. Пока он удрал в Вену, а семья брошена на произвол судьбы. Я думаю, что он не только неправильный человек, но что он просто ненормальный; он болен, иначе нельзя объяснить такую бестолковость при таких делах» (Стасов В. В. Николай Николаевич Ге. С. 346). В 1900 г. в письме к Черткову Толстой так охарактеризовал Ильина: «Он сумасшедший, но в сумасшествии, как в пьянстве, проявляется то, что таилось прежде» (88: 200). Так незavidно кончилась история лже-толстовца Н. Д. Ильина.

Н. А. Никитина

ИЛЬИНСКАЯ Софья Александровна (рожд. Свечина; 1855–1931) – знакомая семьи Толстых. Дочь помещика А. П. Свечина, владельца села Ситова Ефремовского уезда Тульской губ., где в молодости не раз охотился Толстой. Позднее Ситово принадлежало сыну Свечина, Ф. А. Свечину, тульскому губ. предводителю дворянства.

Софья Александровна была замужем за В. Н. Ильинским (1854–1890), врачом, очень музыкальным человеком, чей голос ценили Римский-Корсаков, Бородин, Мусоргский, доверявшие ему первое исполнение партий героев в своих операх. В своём московском доме Ильинские принимали многих деятелей русского музыкального искусства, с которыми были дружны. Лето проводили в своём имении Воронцовка Чернского уезда, их соседями по имению были сыновья Толстого Сергей и Илья Львовичи Толстые. После смерти мужа Ильинская занималась хозяйством, благотворительностью, в голодные 1891–1893 гг. по примеру Толстого открывала столовые для голодающих. Стараясь приносить практическую пользу жителям окрестных деревень, способствовала развитию среди крестьянок – рукодельниц народного промысла – вышивания бисером и гладью, наладила сбыт их работ в окрестные города и даже в Москву.

В 1898 г. Россию вновь охватил голод; помещики Чернского уезда, в т. ч. и Толстые, и Ильинская, открывали столовые для пострадавших от неурожая крестьян. Помогал им в этом Толстой. В апреле 1898 г., поселившись у сына Ильи в Гринёвке, он объезжал соседние деревни, видел страш-

ную нужду народа, обсуждал с помещиками сложившуюся ситуацию. Посетил он и имение Ильинской. Она тоже бывала в Гринёвке. 4 мая 1898 г. Толстой записал в дневнике: «Гринёвка, вечер. Вчера был полон дом гостей: Цуриковы, Ильинская, Стахович» (53: 193). В середине июня Толстой уехал в Ясную Поляну, но по пути заболел и вынужден был 10 дней провести в Алексеевском, имении своего знакомого П. И. Левицкого. Там его навещали все жившие по соседству помещики, в т. ч. и Ильинская со всеми своими детьми.

Пробовала Ильинская свои силы и в литературном творчестве. В 1893 г. она написала книгу «Исповедь бывшей душевнобольной». Толстой содействовал публикации её работы в журнале «Вопросы философии и психологии», № 4. Этому предшествовали встречи Толстого с автором в Москве или в Ясной Поляне. В 1908 г. экземпляр отдельного издания этой книги Толстой получил от автора с трогательной дарственной надписью на титульном листе: «Драгоценному Льву Николаевичу – нашему светлomu солнцу от почитающей его любящей и преданной С. Ильинской. 1908-ой 30/III». Д. П. Маковицкий 5 апреля 1908 г. записал в своей тетради: «Л. Н. посоветовал всем прочесть книжку Ильинской “Исповедь бывшей сумасшедшей”» (ЯПЗ. 3. С. 48).

Ильинская была свидетельницей революции и Гражданской войны, жила и умерла в Москве.

Л. В. Милякова

ИЛЬИНСКИЙ Игорь Владимирович (1880–1937) – посетитель Толстого, знакомый А. Л. Толстой и С. Л. Толстого; помещик Чернского уезда, юрист, позднее музейный работник. Учился в Тульской мужской гимназии, окончил юридический факультет Московского университета. Ещё гимназистом в имении своего дяди П. И. Левицкого, Алексеевском Чернского уезда, познакомился с Толстым. В мае–июне 1898 г. Толстой провёл там 10 дней: во время объезда соседних деревень, где организовывал помощь голодающим, заболел дизентерией. После выздоровления писатель отмечал в дневнике: «Очень приятное впечатление, полюбил многих; но заболел и не сделал дело, а наделал много хлопот и Левицким и домашним» (53: 196–197). На Ильинского общение с Толстым произвело такое сильное впечатление, что он решил стать толстовцем, всё лето до самого отъезда в гимназию ходил с рабочими пахать и косить, старался сократить свои потребности, вегетарианствовал. Осенью 1900 г. он встретился с Толстым уже в Ясной Поляне и записал в своём дневнике впечатления

от разговоров с ним. Новая встреча ещё сильнее подействовала на Ильинского: «Целыми днями я думал только о Ясной Поляне... Мне хотелось быть добрым, ни с кем не ссориться и полюбить Бога, как любил его Лев Николаевич» (Толстой. Памятники творчества и жизни. 4. М., 1923. С. 102). Позднее ещё несколько раз он виделся с Толстым в Ясной Поляне, свои впечатления записывал в дневник (в ноябре 1913 г. в газете «Русские ведомости» опубликовал записки «Из воспоминаний о поездках в Ясную Поляну»). Толстой подарил ему литографированную брошюру «Об общественном движении в России» (о событиях 9 января 1905 г.) со своим автографом: «Познаете истину, и истина освободит вас, истину не научную, а религиозную. Лев Толстой. 23 мая 1905 г.» (ЯПЗ. 1. С. 292).

Получив диплом юриста, Ильинский стал работать в Москве помощником известного адвоката Орловского. Ещё в студенческие годы он со своим критическим строем мыслей был заражён революционными идеями, даже с Толстым спорил о конституции. Знакомые называли его «политическим арестантом», сидевшим при всех режимах. Его арестовывали по политическим статьям 8 раз: при царе 3 раза и 5 раз при большевиках. Уже отсидев на Соловках и в Бутырке, в 1928 г. он был приглашён в Ясную Поляну Александрой Львовной Толстой, тогда хранителем музея, в качестве её заместителя. Следующие три года работал в музее, подготовил юбилейную экспозицию «Лев Толстой и Ясная Поляна», много и успешно занимался как научной, так и хозяйственной работой. Совместно с С. С. Анисимовым написал и издал путеводитель по Ясной Поляне. После отъезда А. Л. Толстой в Японию исполнял обязанности хранителя музея. Характером Ильинский обладал необычайно живым и общительным, был жизнерадостен, любил шутку, умел развеселить всякого. Легко создавал вокруг себя атмосферу весёлого оживления, не дававшего места унынию и грустным размышлениям. Ему запрещено было посещать Москву, и он делился архивными изысканиями в письмах из Ясной Поляны к С. Л. Толстому: «Я установил связь для некоторых крестьянских родов писцовых книг 1626, 1676 годов со 2-й ревизией 1744 года, что считалось, например, Чулковым, невозможным... После всех этих раскопок я шёл в темноте, смотрел на огни деревни, и она на меня дышала 300-летней давностью, было как-то страшно, точно я побывал по ту сторону настоящего, и такая была жажда по абсолюту». В 1932 г. Ильинский, хорошо знавший, директора Гос. литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича, был на-

значен учёным секретарём ГЛМ. В августе 1937 г. он был арестован и в декабре того же года расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.

Л. С. Дробат

ИСТОМИН Владимир Константинович («кум»; 1847–1914) – литератор, издатель, мемуарист. Окончил Пажеский корпус в 1865 г. и вместе с братом С. А. Толстой, А. А. Берсом, до 1868 г. служил в Преображенском полку. В 1868–1871 гг. – директор Новочеркасской театральной дирекции, позже – чиновник особых поручений при атамане войска Донского. В 1871–1872 гг. состоял на службе при виленском генерал-губернаторе. Позднее был сотрудником газеты «Московские ведомости», чиновником особых поручений при московском губернаторе, затем управляющим его канцелярией. Отошёл от дел, потеряв зрение, но с 1905 г. числился по министерству двора.

С Толстым Истомин познакомился в 1867 г. благодаря А. А. Берсу. О своём первом посещении Ясной Поляны он позже вспоминал: «...в 1867 году я застал ещё старый, неперделанный дом с не обклеенным обоями бревенчатым кабинетом хозяина...» (Истомин В. К. На закате. Страницы из рукописи неизданной книги // *ЯП. сб.* 1965. С. 144). Встречи и переписка Толстого и Истомина продолжались два десятилетия (1867–1888).

Знакомство Истомина с Толстым состоялось в период работы писателя над «Войной и миром». По воспоминаниям Истомина, в это время «Лев Николаевич вставал поздно и после утреннего чая, около полудня, уходил заниматься, то есть писать третью часть “Войны и мира”» (*там же*. С. 144). Истомин видел, что вся жизнь дома была подчинена художественным и историческим занятиям Толстого: «Все домашние разговоры вертелись около этой одной захватывающей темы... И он работал, надо сказать правду, в самой счастливой обстановке, едва ли когда-нибудь повторявшейся, по крайней мере, среди русских писателей» (*там же*. С. 144).

После «Войны и мира» Толстой обдумывал замысел романа из времён Петра I. 12 января 1873 г. он писал Истому: «У меня к вам просьба: вы живёте недалеко от Азова. Может быть, и сами бывали, а может быть, знакомые ваши. Мне нужно вид – картину того места, где стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать: какие берега Дона, Мёртвого Донца, Кутерьмы там – где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы? Есть ли кусты; челига или что-нибудь подобное, какие травы? Есть ли ковыль? Есть ли камыш? Какая

дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега? Может быть, есть книги об этом специальные, то назовите. <...> Да, нет ли чего-нибудь мне неизвестного местного об азовских походах Петра?» (62: 4). Именно Истомин, служивший в Новочеркасске, мог помочь Толстому в описании местности. Ответ на письмо неизвестен.

С конца 1870-х гг. Истомин публиковал биографические очерки, заметки и стихи в журналах «Русский вестник» и «Русский архив». В связи с историческими занятиями Толстого, собиравшего материалы о времени Александра I и Николая I, он передал ему нужные книги. 9 февраля 1878 г. Толстой писал жене: «Вечер провел в гнезде с Костенькой и Истоминим, с которым говорил о деле, т. е. о книгах. Он мне пропасть дал» (83: 242). В апреле 1878 г. Толстой благодарил за нужные ему номера журнала «Русский архив»: «Поминаю часто вас, пользуясь вашими книгами» (62: 403).

Летом 1879 г., собираясь начать большую историческую работу, Истомин просил вернуть ему книги «Русского архива» и «Русской старины». 5 июня Толстой писал ему: «...нынче же отправляю вам книги. Очень благодарен вам за них» (62: 490). Толстой, всегда поддерживавший литературные занятия Истомина, в свою очередь предлагал для работы сборники исторических материалов П. И. Бартенева («Осьмнадцатый век», «Девятнадцатый век»): «У меня всё есть и к вашим услугам» (*там же*).

Большинство писем Толстого к Истому имеют частный характер. После его визита в Ясную Поляну в апреле 1876 г. Толстой писал к С. А. Толстой: «Истомин приехал в 3 часа <...>. Он очень мил и очень много выиграл. <...> Мы были с Истоминим на тяге, много стреляли, но ничего не убили» (83: 223). В одном из писем к жене Толстой упоминал о семье Истомина: «Милое семейство. Дети славные» (27 августа 1880 г. – 83: 279).

С 1881 г. Истомин вместе с П. А. Берсом начал выпускать журнал «Детский отдых», где Толстой напечатал рассказ «Чем люди живы» (1881, № 12). Он вспоминал о напряжённой работе Толстого над этим рассказом (было сделано 12 корректур). Как отмечал Истомин, Толстой «передал свой рассказ для напечатания в “Детском отдыхе” безвозмездно и тем положил начало безвозмездного права пользования своими трудами» (Истомин В. К. На закате. С. 151).

В 1908–1909 гг. Истомин создавал мемуарную книгу «На закате», особую часть которой составили воспоминания о встречах с Толстым, об окружении писателя

в 1860–1870-е гг. Эти мемуары отличали наблюдательность и точность в передаче фактов. Из книги стали известны некоторые высказывания Толстого об искусстве. Истомин вспоминал, как он восторгался пьесой А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», но Толстой, назвав трагедию «совершенно бесталантной», разворачивал свою теорию искусства: «...нельзя изображать Иоанна исключительно злодеем, ибо в таком представлении он всегда окажется безжизненным; надо взять какую-нибудь добрую минуту в его жизни, бывающую в жизни каждого человека, и на этом фоне развить ужасные крайности его личности. Только тогда он оживёт и станет понятен читателю или зрителю. “Посмотрите, – закончил Толстой, – как Пушкин справился со своим Пугачёвым – он весь трагизм его личности осветил чувством благодарности за бараний тулупчик, и вы относитесь к Пугачёву не только с чувством отвращения к злодею, но и с состраданием к человеку”» (там же. С. 145).

Ещё одно воспоминание Истомина связано со смертью в марте 1876 г. П. Ф. Самарина. Толстой говорил после похорон: «Это ужасно, что проделывают люди над гробом умершего человека! <...> Мелкие самолюбцы из желания попасть в газеты и увидеть свои имена пропечатанными один за другим подступают к могиле и произносят речи, ничего общего с таинством смерти не имеющие. <...> Мне просто стало жутко при мысли, что и надо мной когда-нибудь произведут ту же операцию. Дайте мне слово, Владимир Константинович, – сказал он, вдруг обратившись ко мне лицом, – что если вам придётся быть на моих похоронах, вы моим именем остановите первого выступившего оратора и положите предел

этому непозволительному бесчинству» (цит. по: Гусев. Материалы. 3. С. 466–467).

Особый интерес представляют страницы воспоминаний Истомина о времени работы Толстого над романами «Война и мир» и «Анна Каренина». Истомин говорил о некоторых прототипах героев Толстого, о рождении замысла «Анны Карениной».

Чиновник и монархист, Истомин не принял религиозно-нравственного учения Толстого: «К русской церкви и, в особенности, к большинству её современных представителей, – писал мемуарист, – он <Толстой. – И. М.> относился безжалостно. Тяжело бывало слышать его резкие суждения и отзывы» (Истомин В. К. На закате. С. 149). Не принял Истомин и нового окружения Толстого. В феврале 1880 г., посетив Ясную Поляну (это было последнее посещение), он нашёл совершенно новую обстановку: «Вместо Страхова и Соловьёва, с которыми Лев Николаевич далеко не порывал сношений, я встретил тульского вице-губернатора князя Леонида Дмитриевича Урусова... Князь Л. Д. Урусов был если не обращённый, то совращённый Львом Николаевичем на новый, открытый им путь религиозно-философского блуждания» (там же. С. 148).

Истомин считал, что «чистых “толстовцев”, исповедующих его этико-политическое учение, <...> не особенно много, <...> но людей, исповедующих одну политическую сторону его учения, или, по крайней мере, пользующихся ею для проведения собственных ультрареволюционных систем, много, может, большая часть всей нашей интеллигенции» (там же. С. 149).

Лит.: Истомин В. К. На закате. Страницы из рукописи неизданной книги // ЯП. сб. 1965. С. 143–152.

И. Ю. Матвеева

К

КАЗАДЕЗЮС Анри Гюстав (Casadeus; 1879–1947) – корреспондент, адресат и посетитель Толстого. Французский музыкант, альтист; популяризатор старинной музыки. Возглавил камерный ансамбль – квартет виол и основал в Париже «Общество старинных музыкальных инструментов» (1901–1939), председателем которого был Камил Сен-Санс. Квартет много гастролировал по странам мира, в 1906–1913 гг. 10 раз приезжал в Россию.

19 ноября 1909 г. в Ясной Поляне получили телеграмму от А. Б. Гольденвейзера: «...может ли привезти контрабасиста Кусевичского и парижское Общество старинных инструментов – шесть музыкантов?» (ЯПЗ. 4. С. 106–107). Толстой согласился. На следующий день в Ясную Поляну приехали концертировавшие в Москве члены парижского Общества старинных музыкальных инструментов в составе: Морис Евит (квинтон), профессор консерватории, Анри Казадезюс (виола д’амур), Марсель Казадезюс (виола да гамба), Морис Девилье (бас-виола), Альфредо Казелла (клавесин), композитор, позднее директор консерватории в Италии. С ними приехали С. А. Кусевичский и А. Б. Гольденвейзер. «Играли с 2 до 3.15 и с 7.15 до 10. Л. Н. понравилось больше всего первое, что играли: 1) “Les plaisirs champêtres” (Ballet) par Fontclair». Играли произведения французских композиторов XVII, XVIII и начала XIX веков. «Л. Н. указывал на сходство старой французской музыки, когда ещё не отошла от народной, с народной музыкой русской. Говорил, когда играли, и о старинной музыке: “Они чувствуют вдохновение, а новые – ils se battent les flancs <они из кожи лезут. – фр.>, чтобы что-нибудь создать”. На лестнице слушали из прислуги (дворник,

кучера и пр.). Л. Н. позвал и сам усадил их в зале. Л. Н. был очень тронут, восхищён. Французы оказались все живые, интересные, симпатичные, простые люди» (ЯПЗ. 4. С. 109). Квартету Толстой подарил фотографию с автографом.

24 ноября в Ясной Поляне вспоминали недавних гостей-музыкантов: «Л. Н. о французах, игравших четвёртого дня: “Превосходно играли. Французы всегда очень приятный народ: в обращении милы”» (ЯПЗ. 4. С. 114). По возвращении в Париж Анри Казадезюс в письме от 26 декабря 1909 г. просил Толстого дать отзыв о квартете: «Ваш отзыв был бы для нас неоценённым, так как мы постоянно подвергаемся многочисленным нападкам со стороны “модернистов”, которые не могут простить нам возрождения шедевров прошлого» (80: 256). Толстой откликнулся на просьбу музыканта; он писал: «...превосходное исполнение вами и вашими товарищами различных произведений старинных композиторов было для меня одним из самых больших музыкальных наслаждений, когда-либо мною испытанных. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить вас и ваших друзей за чрезвычайную любезность, которую вы оказали, приехав к нам в деревню, чтобы доставить нам это большое удовольствие. Сердечно жму вашу руку. Лев Толстой. 3 января 1910» (80: 255).

Н. И. Бурнашова

КАЛАЛ Карел (Kálal; 1860–1930) – чешский писатель и историк, друг Д. П. Маковицкого. Учитель. С Толстым лично не был знаком, но знал его и общался с ним через Маковицкого. Присылал в Ясную Поляну книги: в ЯПб. есть сочинения Калала. 17 января 1905 г. Маковицкий записал: «Л. Н. спросил, что мне пишут из дому.

Я сказал, что у нас как раз идут выборы в сейм, и такое это тяжёлое время для нас, что я рад, что я не там. Я рассказал всю процедуру венгерских выборов. Л. Н. был удивлён моим рассказом о преследовании деревенских общин, о фальсификации протоколов, о ловле выборных ночью жандармами и т. д. — “Это бы следовало именно теперь описать”. — “Таких сочинений у нас много, где это всё описано”. — Я принёс из библиотеки Калала “Unterdrückung der Slovaken”. Л. Н. полистал, почитал и сказал: “Вот какая книга!”» (ЯПЗ. 1. С. 138). (Kálal K. Die Unterdrückung der Slovaken durch die Magyaren <Угнетение словаков мадярами. — нем.>. Prag, 1903. Эту книгу прислал Толстому Маковицкий в 1903 г. В ЯПЗ. 3 экземпляра). В начале ноября 1909 г. от Калала пришла в Ясную Поляну книжка педагогических статей «Životní program» <“Жизненная программа”. — чеш.>. «Очень многое в духе Л. Н.», — отметил Маковицкий (ЯПЗ. 4. С. 96). Через несколько дней, 19 ноября, Маковицкий записал: «Утром встретились с Л. Н. Он искал меня. Спросил, написал ли я чеху (Калалу) и поручил добавить: “Я на днях перечитывал Хельчицкого и думаю, что если бы они (чехи) вполне поняли и следовали учению этого великого учителя, то все вопросы были бы разрешены, которые они мне задают. Я думаю, они его совсем не знают”» (ЯПЗ. 4. С. 106). Из этой записи видно, что общение Калала с Толстым не ограничивалось только присылкой книг: через Маковицкого шёл своеобразный диалог Толстого с его чешскими корреспондентами.

В середине января 1908 г. Маковицкий попросил Толстого «подписать портрет Калалу»: была послана фотография. 2 мая 1912 г. Калал писал Маковицкому в Ясную Поляну: «У нас на глазах картина Толстого, твой подарок» (ЯПЗ. 3. С. 460).

Н. И. Бурнашёва

КАЛАЧЁВ Александр Васильевич (ок. 1876–1931) — последователь, корреспондент и адресат Толстого; самарский учитель, распространял издания «Посредника», вёл страннический образ жизни, одно время был артистом. В качестве одного из свидетелей подписал в Крёкшине 18 сентября 1909 г. первое формальное завещание Толстого. Прислал Толстому длинное (на 18 страницах) письмо из г. Бугуруслана, в котором рассказал о своём брате П. В. Калачёве, заключённом в тюрьму за отказ от воинской службы, о тяжёлой жизни в деревне. Калачёв описал также свою встречу в Самаре с добролюбовцами и болезнь и смерть своего дяди при полном его духов-

ном самообладании. 21 марта 1910 г. Толстой писал Калачёву: «Получаю, правда, тысячи писем, но такое, как ваше, это отдых и радость. Точно домой пришёл после утомившей работы. Какой большой радости лишены те, кто не знает блага этого духовного единения вне времени и пространства. Читаю мысли Индуса, выраженные тысячи лет тому назад, и письмо Калачёва из Бугуруслана и сознаю своё единство и с тем и с другим и миллионами братьев по тому, что соединяет нас. Радость эта особенно сильна, когда приближаешься к смерти, к уничтожению того тела, которое отделяет» (81: 169–170).

А. Н. Тушев

КАЛАЧЁВ Пётр Васильевич (1886–?) — корреспондент и адресат Толстого; брат А. В. Калачёва. В 1906–1907 гг. — народный учитель у себя на родине, в Бугурусланском уезде Самарской губ. 21 июля 1908 г. был осуждён Киевским военно-окружным судом на четыре года арестантских отделений с лишением всех прав за отказ от военной службы. По освобождении занимался распространением книг Толстого и земледелием. Отвечая на письмо Калачёва с изложением подробностей его жизни в тюрьме, Толстой писал ему 25 июля 1909 г.: «Благодарю вас, милый брат Пётр, за письмо. Оно было не только интересно мне, но мне радостно было узнать из него то твёрдое, спокойное состояние, в котором вы писали его. Помогай вам Бог удерживать это душевное спокойствие и, главное, любовное отношение ко всем» (80: 37). Из киевской тюрьмы Калачёв прислал Толстому длинное письмо, датированное 17 января 1910 г., которое он писал в течение нескольких месяцев, неоднократно намереваясь его уничтожить. В своём письме Калачёв рассказывал о влиянии на него религиозно-нравственной философии Толстого, о мотивах, сделавших для него военную службу невозможной, и описывал тюремную жизнь. На конверте письма Калачёва Толстой написал: «Прекрасное письмо Калачёва. Прочтёшь с вниманием и ответишь мне». 25 января 1910 г. Толстой направил ему большое письмо, в котором выражал свою поддержку: «На вас же нужно только удивляться, что, живя в особенно тяжёлых условиях и имея целью передать самое трудное для передачи — внутреннее душевное сознание, — всё-таки достигли этой цели так, что я вполне понял вас. <...> Помогай вам Бог. Спасибо, очень благодарен за письмо» (81: 75–76).

А. Н. Тушев

КАЛИНОВСКИЙ Григорий Леонтьевич (1885 – после 1941) – православный священник, отслуживший отпевание и панихиду на могиле Толстого, корреспондент и адресат С. А. Толстой. Будучи священником села Иванькова, Переяславского уезда Полтавской губ., в ноябре 1912 г. написал С. А. Толстой: «...если угодно и желательно будет Вашему сиятельству, то я явлюсь в назначенный Вами день в Ясную Поляну на могилу Великого Писателя и совершу по православному обряду отпевание над прахом с прочтением разрешительной молитвы, помолюсь об успокоении раба Божия Льва» (*ОР ГМТ*).

Получив согласие жены писателя, Калининский рано утром 12 декабря 1912 г. приехал в Ясную Поляну и на могиле Толстого совершил обряд отпевания и отслужил панихиду. После этого, как утверждала С. А. Толстая, священник сказал: «Теперь Лев Николаевич не еретик, я отпустил ему грехи» (*Русское слово*. 1912. 28 дек.). В тот же день С. А. Толстая записала в дневнике: «12 декабря. Сегодня молодой чужой священник по своему желанию отпевал над его могилой – Льва Николаевича, потом служил панихиду в его спальне. Вечером он уехал. Энергичный, умный, 27-летний священник» (*ДСАТ*. 2. С. 383). На память отцу Григорию она подарила альбом фотографий «Из жизни Л. Н. Толстого. Снимки работы исключительно Гр. С. А. Толстой» (М., 1912), изданный ею к 50-летию их свадьбы с Львом Николаевичем.

Секретарь писателя В. Ф. Булгаков, присутствовавший при отпевании, также запечатлел это событие в своём дневнике 13 декабря 1912 г. С его слов, приехавший священник привёз с собой облачение, кадило, свечи, крест и Евангелие. Утром за чаем он заявил, что не признаёт запрещения Синода молиться за Толстого и считает, что Лев Николаевич принёс только добро людям, а потому приехал помолиться за него на его могиле и готов даже пострадать за это. «Смелость священника так восхитила меня, – писал Булгаков, – что я тоже пошёл на службу... День был весенний, тёплый. Птички пели над могилой, исполняя роль хора, и кружились беспечно... В головах могилки Софья Андреевна поставила иконку и зажжённую восковую свечку. Священник в зелёной парчовой ризе, один (исполняя обязанности псаломщика) читал и пел симпатичным голосом, кадил, обходя могилу... Я несколько раз взглядывал, во время службы, на Софью Андреевну. Она была очень серьёзна и истово молилась. Когда, по окончании панихиды, священник повернулся к нам с крестом, губы его слегка, но

радостно и торжествующе улыбались. Я вместе с другими поцеловал крест... Целый день пробыл священник в Ясной Поляне. Всем понравился...» (Булгаков В. Ф. В осиротелой Ясной Поляне 1912 года // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 3 (16). С. 119–120).

Сведения о том, что неизвестный православный священник, нарушив запрет Синода, отслужил панихиду на могиле Толстого, вскоре просочились в печать. «Переодетый лакей», «беглец из жёлтого дома», «самозванец», «презренный наймит» – какими только словами не называли газеты священника, посмевшего снять грех с «яснополянского религиозного реформатора» (*Русское слово*. 1913. 6 января). Некоторые авторы разгневанных писем требовали при установлении личности священника лишить его сана и сослать в монастырь, а С. А. Толстую отлучить от церкви. Были и другие отклики, хотя и немногочисленные, оправдывающие поступок священника. Например, писатель В. В. Набоков в статье «Святочный рассказ» приветствовал и одобрял его действия, осуждая при этом критику священнослужителей.

Когда страсти в печати немного поутихли, газета «Русское слово» (1913, 5 февраля) опубликовала письмо «Мой ответ», автор которого подписался «Священник, помолвившийся о грешной душе раба Божия Льва». Объясняя свой поступок, аноним признавался: «Я глубоко верю в искупительную жертву мира – Христа и поэтому поехал на могилу Льва Николаевича и помолился Господу Богу и просил в своих грешных молитвах простить грехи его вольные и невольные...» Заканчивалось письмо словами: «Я знал и знаю, что мне за это грозит наказание со стороны Синода, но если Св. синод накажет меня, как любимая мать наказывает своего провинившегося сына, то наказание “приемлю и ниче соже вопреки глаголю”».

24 мая 1913 г. Святейший синод специально рассмотрел вопрос об обстоятельствах совершения панихиды на могиле графа Льва Толстого и принял решение направить всем Преосвященным империи секретный циркулярный указ с требованием сообщить, не имеются ли в их епархиях священники, подозреваемые в совершении панихиды на могиле Толстого. Однако принятые Св. синодом и МВД меры по розыску «г. Икса в рясе» положительных результатов не дали.

После отъезда из Ясной Поляны Калининский продолжал переписку с С. А. Толстой (*ОР ГМТ*) и с В. Ф. Булгаковым (*РГА-ЛИ*. Ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 712). В начале 1914 г. он был лишён сана за неосторож-

ное убийство крестьянина-односельчанина, а с началом Первой мировой войны оказался в действующей армии. В октябре 1917 г. С. А. Толстая получила от него последнее письмо, которое заканчивалось словами: «...буду жив – буду в Ясной Поляне» (*ОР ГМТ*).

Лит.: Чисников В. Н. «Священник, помолвившийся о грешной душе раба Божия Льва» // *Новый журнал* (СПб.). 1993, № 1. С. 164–170; *его же*. Тайное отпевание на могиле Л. Н. Толстого 12 декабря 1912 года // *Нева*. 2008. № 9. С. 219–228.

В. Н. Чисников

КАЛУЖИНСКИЙ Гавриил Павлович (1865–?) – корреспондент Толстого; служил в Москве воспитателем в среднем учебном заведении. Отношения Толстого с Калужинским несколько загадочны. 11 октября 1887 г. в письме к П. И. Бирюкову Толстой написал: «Есть Калужинский. По-сылаю вам его письмо. Увижу его, тогда всё переговорить можно. Человек этот мне кажется очень *живым*, и потому хотелось бы, чтобы вы увидели его и помогли, в чём можете» (64: 102). И продолжил уже после подписи: «Скажите ему, что я очень рад был его письму и часто о нём думал. Отвечать ему сейчас не могу, но надеюсь видеть его в Москве» (64: 102). Какое письмо Калужинского Толстой послал Бирюкову, неизвестно. Позднее в 1889 г. Калужинский неоднократно требовал у Толстого вернуть ему его письма. «Калужинский опять пишет, чтоб прислать ему письмо его. Если у Вас, найдите», – просил Толстой Бирюкова (64: 294). 6 августа 1889 г. Толстой написал: «Вчера письмо <...> от Калужинского, просит сыскать и прислать письма его. Я было огорчился, но потом вспомнил и сел писать ему <...>. Думал по этому случаю: выйдет, что ему, наглому человеку, я напишу, а кроткий и смиренный, в 1000 раз больше стоящий ответа, останется без ответа, скажут: “Стало быть, надо быть наглым”. – “Для чего?” – “Для того, чтобы получать письма, деньги, славу и т. п.”» (64: 119–120). Письмо Толстого Калужинскому неизвестно.

Е. Ю. Хомякова

КАНДИДОВ Павел Петрович (1867–?) – в начале 1890-х гг. учился на юридическом факультете Московского университета и был репетитором у младших сыновей Толстого Андрея и Михаила. К этому времени относится начало его знакомства с писателем. Живя у Толстых в Ясной Поляне и в Москве, помогал Толстому в переписывании его статей «Неделание», «Предис-

ловие к сочинениям Гюи де Мопассана», «Христианство и патриотизм», над которыми писатель в это время работал. Одновременно оказывал помощь С. А. Толстой в издании произведений Толстого и Л. Л. Толстому. Вспоминая свою жизнь в Москве в 1893 г., С. А. Толстая писала: «Жили ещё со мной Коля Оболенский и репетитор детей Павел Петрович Кандидов, очень хороший и лёгкий для жизни человек» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 328).

О Кандидове в своих воспоминаниях Т. Л. Толстая писала: «Это был человек примитивный, неумный, необразованный, наивный и мягкий <...>. Приехал он к нам, заражённый революционными идеями. Но не прошло и нескольких недель, как он совершенно обратился в “толстовство”. Это было, м. б., свойственно его доброй мягкой природе. <...> Он стал вегетарианцем, кажется, даже отказывался от воинской повинности» (Дом Остроумова в Трубниках: Альманах 1995. М., 1995. С. 253). За довольно короткое время личного общения с Толстым Кандидов воспринял его мировоззрение. Доказательством тому могут служить его письма к Толстому, хранящиеся в *ОР ГМТ*. Эти письма характеризуют его взгляды на гос. и военную службу, церковь, Бога, религию. Письма дают некоторое представление и о событиях жизни Кандидова, после того как он прекратил своё репетиторство в семье Толстого. В сентябре 1893 г. он писал, что намеревался вернуться в университет, но забрал свои документы. После этого должен был отбывать воинскую повинность, но не желает «служить по юстиции». Правда, в 1894 г. он служил вольноопределяющимся в Московском 3-м гренадерском Перновском полку. Его письмо от 19 мая 1894 г. – это анализ собственной жизни и жизни людей своего круга: «Я жил так, как жили вокруг меня, а вокруг меня жили, совершенно не справляясь с внутренним голосом, который должен руководить человеком» (*ОР ГМТ*). Получив эту духовную исповедь, Толстой сразу же, 23 мая, писал ему: «Очень был рад получить ваше хорошее письмо, Павел Петрович. Мне кажется, что вы на самом хорошем, самом твёрдом, узком пути служения Богу через внутреннее совершенствование». Письмо заканчивалось короткой припиской: «Все наши вас помнят и любят» (67: 134).

В 1895 г., следуя своим убеждениям, Кандидов оставил службу и вернулся на родину в г. Елатью Тамбовской губ., где занимался хозяйством, помогал семье брата. О своей жизни, о том, как тяжело его взгляды воспринимались его роднёй, сообщал Толстому. В ответ на это Толстой советовал

ему, «забывая о себе, о своей выгоде и своей славе (людской), всегда быть готовым служить Богу, делая всегда то, что он хочет, т. е. добро людям <...>. Обнимаю и целую вас, как сердечно любимого дорогого друга», — так заканчивалось письмо (68: 17).

Кандидов состоял в переписке и с Т. Л. Толстой-Сухотиной, был знаком с сотрудниками издательства «Посредник». Как долго продолжалось общение Кандидова с Толстым и его окружением, не установлено. Последние его письма Толстому и Толстому к нему датированы 1895 г. По дальнейшим сведениям, Кандидов П. П. стал коллежским советником, с 1911 г. был вице-губернатором Акмолинской области, в 1916–1917 гг. вице-губернатором в Вятке; мировоззрение его сильно изменилось.

Л. В. Милякова

КАПНИСТ Павел Алексеевич (1842–1904), граф — светский знакомый Толстого. С семьёй Капнистов у Толстых были очень близкие дружеские отношения. С. А. Толстая и старшие дочери Толстых часто бывали у Капнистов, с ними ездили в театр

и на концерты. Сам П. А. Капнист, выпускник юридического факультета Московского университета, служил в министерстве юстиции, позднее управлял канцелярией этого министерства, потом был прокурором Московской судебной палаты. С 1880 г. — попечитель Московского учебного округа; тайный совет-



ник (1888), с 1895 г. — сенатор. Толстой считал его «одним из глупейших людей мира» (63: 147). Н. Н. Страхов в письме к Толстому 13 июля 1891 г. писал о нём: «Капниста я видел всего один раз, на обеде у Делянова: он нападал на Вас, а я Вас защищал, — разумеется, всё было слегка и любезно, как следует быть на обеде у министра» (ПСПТС. 2. С. 872). В дневнике В. Ф. Лазурского 2 августа 1894 г. записана лаконичная характеристика Капниста, данная ему Толстым: «Всем известно, что Капнист — пьяница и дурак» (ТВС. 2. С. 76). Фамилия «Капнист» олицетворяла для Толстого понятие «московский свет».

Н. И. Бурнашёва

КАРАБЧЕВСКИЙ Николай Платонович (1851–1925) — известный русский адвокат, судебный оратор, писатель, поэт, публицист, общественный деятель, один из

учредителей газеты «Право» (1898–1917); собеседник и корреспондент Толстого, автор публицистических статей о нём. Родился в военном поселении под г. Николаевом Херсонской губ. в дворянской семье полковника, командира уланского полка. В 1874 г. Карабчевский блестяще окончил юридический факультет Петербургского университета, получив учёную степень кандидата прав, и сразу поступил в адвокатуру. Состоял присяжным поверенным округа Петербургской судебной палаты. Как судебный оратор обратил на себя внимание речью в политическом процессе «193-х» (1877–1878), защищая революционерку Е. Брешко-Брешковскую, которую позже называли «бабушкой русской революции». Вскоре Карабчевский стал одним из наиболее видных адвокатов-криминалистов, выступая в целом ряде сложных уголовных дел, имевших большой общественный резонанс. Среди них дело поручика Имшенецкого, обвиняемого в утоплении своей жены, дело Ольги Палем, обвиняемой в убийстве студента Довнара, дело мултанских вотяков, обвиняемых в ритуальном убийстве, загадочное дело братьев Скитских, известное дело М. Бейлиса. Огромной популярностью и успехом пользовалась его речь по делу крушения парохода «Владимир».

Скрупулёзно изучая материалы предварительного следствия, Карабчевский-адвокат обращал внимание, казалось бы, на самые незначительные детали. В своих защитительных речах он умел дать обстоятельный анализ улик и показать суду ошибки и промахи противника. Он обладал выдающимся искусством допрашивать свидетелей и экспертов. Его речи легко воспринимались, были доходчивы и убедительны. Как отмечали современники, Карабчевский «беспошадно бился за своего клиента, защищал его “до последней капли крови” и пускал в ход все средства, которые не были запрещены законом. Свидетелей допрашивал напористо и азартно. Лгущих свидетелей обвинения своими хлесткими вопросами он припирал к стенке и буквально вырывал у них правду» (Звягинцев А. Г. «Роковая Фемида». Драматические судьбы знаменитых российских юристов. М., 2010. С. 246).

Единственная встреча Карабчевского с Толстым состоялась в середине апреля 1901 г. в Москве, в доме писателя в Долгохамовническом переулке. Карабчевский рассказал Толстому о деле братьев Скитских, в котором он участвовал в качестве защитника. Обвинялись братья в убийстве секретаря полтавской консистории А. Я. Комарова. Следствие по делу велось на протяжении

1897–1900 гг. и трижды рассматривалось судебными инстанциями. Последнее слушание дела проходило в Полтаве. Началось оно 19 мая 1900 г., а через девять дней суд с участием сословных представителей признал содержащихся под стражей братьев Скитских невиновными. Карабчевский подарил Толстому только что вышедшую из печати первым изданием книгу «Речи», в которой были собраны его судебные речи за 1882–1901 гг. «Я знаю, Лев Николаевич, – сказал он Толстому, – что вам не до подобных книг. Я не рассчитываю на то, что вы её прочтёте, но вотяков и Скитских я вам не уступлю. Я очень бы просил вас пробежать только эти две речи». Он также признался писателю, что никогда не был «пишущим» оратором и не писал заранее своих речей. «...Судебное следствие иногда переворачивает всё вверх дном, – говорил он Толстому. – Да и противно повторять заученное. По крайней мере, мне это не удаётся» (Троицкий Н. А. «И я бы тоже не осудил» // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 211).

Присутствовавший во время беседы collega Карабчевского В. А. Маклаков в своих воспоминаниях дополнил существенную деталь, касающуюся дела Скитских. Николай Платонович, писал он, «целый вечер про это дело говорил, был, по обыкновению, блестящ и интересен. Толстой его слушал с сочувствием, но потом спросил: “Но кто же, по вашему мнению, Комарова убил?”. Карабчевский сразу ответил: “Несомненно, убил Степан Скитский, а Пётр ни при чём”. <...> Услышав это, Толстой сразу “заял”, пожевал губами, как будто хотел что-то сказать, но удержался и больше об этом не заговаривал. Ему, очевидно, было неприятно, что мнение защитника так расходилось с тем, что он говорил на суде. ...Толстой с таким отношением Карабчевского примириться не мог» (Маклаков В. А. Воспоминания. М., 2006. С. 150–152).

21 апреля 1901 г. Карабчевский направил из Петербурга в Ясную Поляну письмо, в котором сообщал об исполнении им поручения писателя относительно статьи (название неизвестно), пересланной в «Русское богатство». «Н. Ф. Аненский полагает, – писал Карабчевский, – что статья у Михайловского, и обещал немедленно справиться о её судьбе и дать знать Толстому». Далее он очень просил писателя прочитать «дело вотяков» и уверял, что они невиновны. В конце письма Карабчевский признавался, что до сих пор «находится под обаянием свидания с Толстым» (Корреспонденты Л. Н. Толстого / сост. Ф. В. Буслаев. М., 1940. С. 72).

В том же году Толстой намеревался воспользоваться услугами адвоката Карабчевского в деле *павловцев*. 22 ноября 1901 г. из Гаспры (Крым) он направил председателю Московского окружного суда Н. В. Давыдову письмо, в котором просил о защите крестьян с. Павловки Харьковской губ., разгромивших православную церковь. В частности, он писал: «...они на днях получат обвинительный акт и должны выбрать защитника. Решите, кого им взять. Не просить ли Карабчевского» (73: 162). В тот же день Толстой с аналогичной просьбой обратился к своему давнему знакомому московскому адвокату В. А. Маклакову, спрашивая в письме, «не пригласить ли Карабчевского?» (73: 163). 2 декабря 1901 г. Давыдов сообщил Толстому, что, по его мнению, «пока нет нужды приглашать Карабчевского – достаточно Маклакова» (Корреспонденты Л. Н. Толстого. С. 58). В итоге защиту павловцев взяли на себя адвокаты В. А. Маклаков, Н. К. Муравьёв, Н. В. Тесленко и др.

Карабчевский был автором беллетристических произведений, наиболее известны из них роман «Господин Арсков» (1893), рассказы «Свидание» (1889), «Приподнятая завеса» (1892), которые, по словам самого автора, являлись плодами «часов глубокого пессимистического раздумья, идеи самоубийства». Как отмечали критики, в ранней прозе Карабчевского «явно чувствуется влияние идей Л. Н. Толстого. Герой романа “Господин Арсков” – молодой преуспевающий инженер – уже не может оправдать свою “языческую жизнь”, в которой забыт главный человеческий долг – “всё преодолевающая любовь к ближнему”, собирается уехать в деревню и в конце концов кончает с собой» (Ратгауз М. Г. Карабчевский Николай Платонович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2 (Г–К). М., 1992. С. 465).

В 1905 г. вышла книга Карабчевского «Приподнятая завеса», в которой были собраны его беллетристические произведения, стихи и стихотворения в прозе. Позже, в эмиграции, он издал в Берлине книгу воспоминаний «Что глаза мои видели» (1921). О Толстом известны его статья «Смерть Л. Н. Толстого» (опубликована в газете «Право»; 1910), две брошюры: «Предсмертные слова великого Л. Н. Толстого и его завещание» (ч. 1) и «Мир о великом Льве Толстом. Толстой – гигант» (ч. 2) (1910) – и очерк «Тени прошлого (О Достоевском, Тургеневе, Толстом, Чехове)», опубликованный в эмигрантских литературных изданиях (1921). Остаток своих дней Карабчевский провёл в Италии, в Риме, где и был похоронен.

Лит.: Троицкий Н. А. «И я бы тоже не осудил». Адвокат Н. П. Карабчевский о Л. Н. Толстом // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 208–214.

В. Н. Чисников

КАРЗИНКИНА Елена Андреевна (в замуж. Телешова; 1861–1943) – адресат, корреспондент и посетительница Толстого. Художница. Происходила из старейшей московской купеческой династии. Андрей Александрович Карзинкин, отец художницы, – купец 1 гильдии и крупный промышленник, славился в Москве не только своим огромным капиталом (входил в первую десятку русских миллионеров), но был известен как любитель искусства и литературы. В 1850-е гг. он заложил в доме традиции литературно-музыкальных вечеров и любительских спектаклей, на которых часто бывали А. Н. Островский, М. С. Щепкин и др. В 1860 г. А. А. Карзинкин женился на купеческой дочери С. Н. Рыбниковой. В семье росли трое детей, и если сами родители получили традиционное для купечества домашнее воспитание, то детям они стремились дать образование в престижных учебных заведениях. Старшая дочь Елена поступила в московское Училище живописи, зодчества и ваяния (МУЖЗВ), которое закончила в 1893 г. Здесь она училась у В. Д. Polenova, высоко ценившего её способности.

Карзинкина впервые увидела Толстого будучи студенткой. В 1880–1890-е гг. писатель часто бывал в МУЖЗВ: в эти годы он работал над трактатом «Что такое искусство?», и поэтому, как писала С. А. Толстая, «везде, где было проявление искусства, он бывал и записывал свои впечатления» (*Сат. Моя жизнь*. 2. С. 84). В этот период в училище преподавали многие известные русские художники. С некоторыми из них Толстой был знаком: Н. А. Касаткин, В. Г. Перов, И. М. Прянишников, Н. А. Ярошенко, В. Е. Маковский. Они бывали в московском доме писателя; иногда Толстой приходил в училище; заходил в гости к Касаткину или к Перову, квартиры которых находились во дворе училища, во флигеле.

Учёба Карзинкиной в школе живописи совпала с пребыванием здесь старшей дочери писателя Татьяны Львовны. Толстой первое время приезжал посмотреть, как занимается дочь. Он живо интересовался выставками работ учащихся, регулярно устраиваемыми в залах училища, и часто посещал их. Художник Я. Д. Минченков вспоминал: «Один раз на Рождестве, при закрытии ученической выставки, в опустевший зал вошёл старик-крестьянин в полу-

шубке и попросил разрешения осмотреть выставку. – Толстой! – пронеслось среди учащихся, бывших на выставке, и все бросились за ним <...>. И удивительное дело: гений, личность огромной величины – он умел сразу так близко подойти к нам, <...> что мы забывали про его величие». (Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л., 1963. С. 77).

Карзинкина активно участвовала в ученических выставках, её имя можно найти в печатных каталогах. Как свидетельствует каталог XVI выставки учащихся 1893 г., на ней экспонировались работы и Т. Л. Толстой, и Е. А. Карзинкиной. Из воспоминаний художников известно, что Толстой очень внимательно осматривал эту выставку, но старался не высказывать своего мнения, очевидно, чтобы не давить своим авторитетом, и в общении со студентами был необычайно приветлив, удивительно прост и сердечен. Поиски Толстого в решении «проклятых вопросов» становились важными ориентирами в духовном развитии молодых художников. Встречи и беседы студентов с писателем не ограничивались только вопросами искусства, а касались самых разных сторон жизни. Для студентов Толстой не был неприступным гением-мудрецом, а был учителем, к которому можно обратиться с разными вопросами. Именно такое отношение к Толстому в среде студентов-художников, окружавших Карзинкину в училище, позволило ей, незнакомой с писателем лично, обратиться к нему с письмом.

18 ноября 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Да, получил письмо от Карзинкиной об убийстве животных и написал ей» (51: 106). Письмо Карзинкиной не сохранилось, но, видимо, оно тронуло Толстого своей искренностью и важностью поднятой проблемы: взаимоотношения человека с миром животных – поэтому он так подробно ответил незнакомой ему девушке. Толстой сформулировал в письме важный тезис, проходивший через весь текст: «...сострадание к животным есть самое дорогое свойство человека» (90: 317). Он утверждал, что любовь и жалость к братьям нашим меньшим есть нравственное чувство и, отказываясь от насилия над ними, человек делает шаг на пути нравственного и духовного совершенствования. Пока в человеческом обществе существует насилие над животными, в мире будут царить зло и несправедливость. Большая часть письма посвящена вегетарианству. Толстой был уверен в неизбежном переходе людей к растительной пище: «Я убеждён, что в будущем столетии будут с ужасом рассказывать и недовери-

ем слушать о том, как их предки убивали животных, чтобы есть их» (90: 317). Все идеи, высказанные Толстым, были близки и понятны Карзинкиной. Она выросла в семье, где любили животных. Её младшая сестра Софья, рано умершая, мечтала заниматься естествознанием, организовала одно из первых в России Общество покровительства животным и была его председателем. Елена, узнав, что ослепших старых лошадей забивают, организовала в имении Карзинкиных приют для слепых лошадей.

После окончания училища работы Карзинкиной стали появляться на выставках Товарищества художников-передвижников. В 1895 г. она уехала за границу сначала в Италию, затем в Париж, где поступила в частную академию живописи. Она обладала незаурядным талантом художника-живописца: её работы находятся в Третьяковской галерее и др. музеях России. В 1898 г. Карзинкина вышла замуж за писателя Н. Д. Телешова, по его инициативе было создано литературно-художественное объединение «Среда» (1899–1922), куда входили И. А. Бунин, Максим Горький, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн и др. На заседания «Среды» приходили не только писатели, но и артисты (Ф. И. Шаляпин, К. С. Станиславский), и художники (И. И. Левитан, В. А. Серов, А. Я. Головин, А. М. Васнецов). Первые годы собрания кружка всегда проходили в доме Телешовых на Покровском бульваре, 18/15, где собиралось от 20 до 50 человек. И всегда их встречала приветливая хозяйка. Современники вспоминали, что Карзинкина-Телешова поражала всех своей образованностью: свободно владела пятью европейскими языками, имела немалый запас знаний ещё в 20 языках; была чрезвычайно начитанна, всегда находилась в курсе новинок зарубежной литературы, которые читала в подлиннике. При всех своих достоинствах «Елена Андреевна Телешова отличалась редкой скромностью и застенчивостью, всегда просто одетая, в тёмном, приютившаяся на уголке стола...» – такой её запомнила жена Бунина, часто приходившая на заседания «Среды» (Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. М., 1989. С. 86).

В 1909 г., почти через 20 лет после своего первого письма Толстому, Карзинкина-Телешова снова обратилась к писателю. Она послала ему второе издание книги своего дяди П. Н. Рыбникова (1832–1885), известного этнографа и фольклориста, «Песни, собранные П. И. Рыбниковым» (т. 1. 1909), сопроводив книгу коротким письмом. 28 мая 1909 г. Толстой ответил ей: благодарил за книгу. Первое издание труда П. Н. Рыбни-

кова в 4-х частях (1861–1867) сохранилось в ЯПБ с пометами Толстого.

Имя Е. А. Телешовой (Карзинкиной) значится в списке гостей, бывавших в доме Толстого в Хамовниках (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 545). Это даёт основание предположить, что личное знакомство художницы с Толстым всё же состоялось.

А. К. Ломунова, Т. Ю. Телешева

КАРНО Мари Франсуа Сади (Carnot; 1837–1894) – французский гос. деятель, представитель умеренно-республиканской буржуазии, президент Франции Третьей республики 1887–1894. Убеждённый сторонник продолжения войны 1870 г. Получил образование в лицее Кондорсе, Политической школе и в Школе путей сообщения. С 1871 г. Карно постоянно избирался членом Генерального совета в своём департаменте. В 1876 г. – член палаты депутатов, в 1876 и 1877 гг. – член бюджетной комиссии.

Убийство 24 июня 1894 г. Сади Карно итальянским анархистом Санте Казерио взволновало Толстого, вызвало ряд размышлений в дневниках, нашло отражение в творчестве. Анархизм интересовал Толстого с молодых лет. Первую реакцию писателя на убийство Карно записал В. Ф. Лазурский: «Все ругают анархистов и считают их за зверей, и никто не хочет понять, что анархизм – естественное следствие современного порядка вещей. Ведь анархист убивает Карно не потому, например, что шуба у него хорошая. Он прямо говорит, что делает это для того, чтобы заставить всех обратить внимание на ненормальность современного положения вещей. До тех пор пока будут держать громадные войска; до тех пор пока богатые будут угнетать бедных; до тех пор пока будут учить, что Христос воскрес и улетел на небо и там сидит и так далее, – до тех пор будет существовать и анархизм» (Лазурский В. Ф. Дневник // *TBC*. 2. С. 58).

1 июля 1894 г. Толстой записал в дневник «ряд мыслей о слепоте людей, борющихся с анархизмом уничтожением анархистов, а не исправлением порядка жизни, того самого, во имя безобразия которого борются анархисты» (52: 125). Эта дневниковая запись появилась как отклик на газетные статьи о прениях в Палате депутатов Франции по поводу нового закона об анархистах, внесенного министерством после убийства Сади Карно. Спустя полтора месяца в дневнике 18 августа Толстой вернулся к этой теме: «Люди верят, что они братья, что нельзя угнетать братьев, что надо помогать прогрессу, образованию, бороться

с суевериями; оно становится общественным мнением и вдруг... террор, французская революция, 1-е марта, убийство Карно, и все труды пропадают даром. Точно набранная по капле плотинной вода одним ударом лопаты уходит и без пользы размывает поля и луга. Как могут не видеть вреда насилия анархисты. Как бы хотелось написать им об этом. Всё так, всё верно – то, что они рассуждают и делают, распространяя понятия о бесполезности, вреде государственного насилия. Только одно надо им заменить: насилие – убийство – *неучастием в насилиях и убийствах*» (52: 133). Через несколько лет это суждение воспроизведено с небольшими изменениями в «Круге чтения» (42: 433).

Упомянут Карно и в статье «Не убий» (1900), ставшей непосредственным откликом на убийство итальянского короля Гумберта I: «Прежде по суду казнили королей: Карла I, Людовика, Фердинанда Бразильского, теперь их бьют без суда: Александра II, Карно, австрийскую императрицу, шаха персидского, Гумберта» (34: 568). В окончательном тексте этой статьи анализируются причины происшедшего в контексте полемике с анархизмом. «Ужасны такие убийства не по жестокости и незаслуженности, а по неразумию тех, которые их совершают» (34: 201), считал Толстой. Это его рассуждение заканчивалось вопросом: «Так зачем же убивать их <королей. – А. П.>?» (34: 202). Выход Толстой видел в том, что «не убивать надо Александров, Карно, Гумбертов и других, а надо разьяснить им то, что они сами убийцы, и, главное, не позволять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию» (34: 205).

Из «Дневника» Лазурского (29 июля 1894 г.) известно, что в Ясной Поляне «очень интересуются процессом анархиста Казерио, убившего президента Карно. Просматривая полученные газеты, Лев Николаевич только это и ищет. Мужественное поведение Казерио вызывает одобрение; отказ правительства допустить в печать объяснения Казерио, где он высказывает свое *profession de foi* <точку зрения. – *фр.*> как анархиста, возмущает Льва Николаевича: – Какое малодушие со стороны правительства! Они прямо показывают этим, что боятся растущей силы. Если анархисты – дикие звери, так почему же нам нельзя читать их бред?» (ТВС. 2. С. 74). Узнав из газет, что по приговору суда Санте Казерио был гильотинирован 4 августа 1894 г., Толстой увидел в этом эскалацию насилия, и ему «страшно было читать <...> про убийство убийцы» (67: 184).

А. Н. Полосина

КАРПОВ Пимен Иванович (1887–1963) – корреспондент и адресат Толстого; писатель, поэт, журналист. Родился и вырос в Курской губ., в крестьянской старообрядческой семье. Стихи Карпова печатались в журналах «Нива», «Русское слово», «Образование», репортажи о сельской жизни – в газетах «Русская жизнь», «Биржевые ведомости».

В 1909 г. Карпов прислал Толстому свою книгу «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции» (СПб., 1909) со словами: «Не осудите меня, дорогой учитель жизни, и примите от простого крестьянина книжку о народе, которая, быть может, жалка и несовершенна, но которая написана не чернилами, а кровью и которую я от чистого сердца приношу на Ваш суд» (80: 205). В этой книге Карпов обвинял городскую интеллигенцию в отрыве от народа, от крестьянства, от корней основ русской жизни. Толстому книга понравилась «смелостью мысли и её выражения» (письмо к Карпову от 20 ноября 1909 г. – 80: 205). В разговоре с В. Г. Малахеевой-Мирович Толстой советовал интеллигенции именно у Карпова научиться, «как писать и что писать» (80: 206). В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого приведено два существенно отличающихся друг от друга отзыва Толстого о книге Карпова «Говор зорь». В записках от 19 ноября зафиксировано неодобрительное суждение о книге: «Очень бойко, слишком бойко, неглубоко, озлобленно и многословно пишет об интеллигенции, виноватой перед народом, и возвеличивает народ» (ЯПЗ. 4. С. 108). Немного позже, 2 декабря, Маковицкий записал восторженные слова Толстого о Карпове: «Блестящая манера писания, это обвинение интеллигенции с точки зрения крестьянина» (ЯПЗ. 4. С. 122).

По сведениям Маковицкого, 26 ноября «Л. Н. нашёл полемику с крестьянином П. Карповым в газете “Новая Русь” от 24 ноября, а в “Русском слове” от 25 ноября, где (в критической статье Философова) Карпов назван “новым врагом интеллигенции” <речь идёт о статье Д. В. Философова «Новый враг интеллигенции» в «Русском слове», № 270, 25 ноября. – Л. К.>. В связи с чтением этих статей Толстой говорил о Карпове: «Он пишет замечательно бойко об интеллигенции, о незаслуженном отношении к тому народу, который всех кормит» (ЯПЗ. 4. С. 115).

19 августа 1910 г. Карпов прислал Толстому письмо, в котором рассказывал о сложностях крестьянской жизни и просил помощи. Толстой посоветовал ему «мужественное, спокойное, даже радостное перенесение страданий» и выслал книжки «На

каждый день» (письмо от 28 августа 1910 г. – 82: 124).

Лит.: Воспоминания В. Г. Малахивой-Мирович // Киев. Почта. 1911. 11 марта.

Л. Е. Кочешкова

КАРТУШИН Пётр Прокофьевич (1879–1916) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого, донской казак. Происходил из богатой семьи. Получил в наследство земли и денежные средства. Однако богатство тяготило его, и он стремился использовать деньги на благие цели. В молодости был близок к революционным кругам. Позже разделял религиозно-нравственные взгляды Толстого. В 1906–1907 гг. основал и финансировал издательство «Обновление», в котором печатались ранее не публиковавшиеся в России по цензурным соображениям произведения Толстого. В 1910 г. под влиянием А. М. Добролюбова увлёкся мистицизмом и финансировал издательства, выпускавшие книги мистического содержания. В годы Первой мировой войны Картушин работал в Земском союзе, был на фронте. Однако внутренние душевные противоречия между долгом службы и неприятием войны привели к трагическому финалу: Картушин застрелился.

С Толстым Картушин был знаком лично. Их переписка началась в 1902 г. с письма Картушина, в то время студента сельскохозяйственного отделения Политехнического института, Толстому. Позже он приезжал в Ясную Поляну. В июне 1910 г. Картушин вместе с Н. Г. Сутковым и его сестрой Н. Г. Грековой поселились у яснополянской крестьянки Анисии Копыловой и работали у неё. В. Булгаков описывал Картушина и Суткового в этот их приезд в Ясную Поляну: «По духу Сутковой и Картушин <...> близки к учению небезызвестного мистика Александра Добролюбова. <...> Оба прошли высшую школу: Сутковой окончил юридический факультет, а Картушин был студентом Высшего технического училища. Теперь они “опростились” и живут, занимаясь разработкой земли, близ Сочи. Редкие по нравственной высоте и идейной чистоте люди» (Булгаков. С. 268). В общении с Толстым Картушин затрагивал волновавшие его вопросы человеческого бытия. На письма Картушина Толстой отвечал с большой теплотой и радостью: «Спасибо за ваше хорошее письмо, милый брат Пётр Прокофьевич. Со всем согласен и всей душой желаю вам успеха. Гляжу на вас и на таких же, как вы, – слава Богу, они есть, – с любовью и страхом не за их жизнь плотскую, не за неуспех внешнего дела, а за то, чтобы они не ослабели и не остановились, не доделав

(Луки XIV, 26–35)» (77: 56). В одном из писем Сутковому Толстой отметил: «Очень радостно иметь таких друзей, как вы, и Картушин, и Фельтен...» (76: 236).

Д. В. Литвинов

КАУФМАН Михаил Петрович фон (1822–1902) – генерал-адъютант, член Гос. совета. В 1883–1898 гг. председатель Общества Красного Креста. В голодную зиму 1891 г. Толстой обращался к нему как к председателю Общества Красного Креста с просьбой о бесплатном провозе крестьянских лошадей в те губернии, где был корм: «...но затруднение в том, что провоз по удешевлённому тарифу 1¼ коп. с версты за лошадь составляет огромную, недоступную цифру при дешевизне лошадей и дальности расстояний» (66: 111). Письмо Толстого к фон Кауфману не сохранилось, о нём известно только по упоминанию в письме к А. А. Толстой 29 ноября 1891 г.: «Я сейчас написал письмо Кауфману, Председателю Общества Красного Креста, прося его о бесплатном провозе лошадей крестьянских из голодных мест в места, богатые кормом. Пожалуйта, если можно, попросите его через кого-нибудь исполнить мою просьбу, очень нужную и никому не могущую повредить. Только бы он обратил внимание на это дело, он, говорят, человек хороший и умный, и он наверно исполнит её» (ПАТ. 2011. С. 462). Кауфман в официальной бумаге от 4 декабря 1891 г. сообщил, что «право бесплатного провоза по железным дорогам» грузов предоставлено Обществу Красного Креста в адрес учреждений этого общества, а не частных лиц (66: 101), однако Красный Крест перевёл 367 рублей на провоз 100 лошадей в Калужскую губ. Толстой отметил в письме к А. А. Толстой: «Кауфман ответил нехорошо: нужны были не деньги, а общее распоряжение о бесплатном провозе лошадей» (ПАТ. 2011. С. 464). Далее Толстой договорился «с людьми с Кавказа», чтобы они приняли «десятки тысяч лошадей для прокорма, если бы только можно было их туда доставить. Я нынче же пишу опять Кауфману, – сообщал он Н. Н. Страхову 11 декабря 1891 г., – прося его об исходатайствовании бесплатного провоза. Но боюсь, что он не постарается» (ПСПТС. 2. С. 892). Кауфман в официальной бумаге от 22 декабря 1891 г. ответил: «Особый комитет не признал, однако, возможным удовлетворить Ваше ходатайство, ввиду крайней сложности организации этого дела» (66: 112).

Е. Ю. Хомякова

КАУФМАН Фёдор Фёдорович (1837–?) – гувернёр старших сыновей Толстых: Сергея, Ильи и Льва. Жил у Толстых в Ясной Поляне с осени 1872 по 1874 г. Гувернёр-немец, рекомендованный А. А. Фетом, Толстому очень понравился. С 1863 г. Кауфман был воспитателем сына И. П. Борисова. После поступления Пети Борисова в московский Катковский лицей Кауфман остался без места, и Фет предлагал Толстым взять его воспитателем к детям. Однако Толстым было удобно взять учителя через год: «...как ни жалко и страшно лишиться Фёдора Фёдоровича, – писал Толстой Фету 24–26 августа 1871 г., – мы нынешний год не должны его брать. Летом – в июне будущего года мы бы взяли его, и он прожил бы у нас до конца своих дней. Одним словом, мы его не берём; но, так как он мне ужасно нравится, я рискую заявить, что в июне будущего года мы, наверно, возьмём его. Может быть, ему пригодится иметь это в виду» (61: 259). 1–4 сентября 1872 г. снова в письме Фету «Очень благодарен вам за Фёдор Фёдоровича. Он был у меня и обещал приехать совсем 16-го. Он мне очень нравится, и попал ко мне в то самое время, когда нужнее всего» (61: 311). Софья Андреевна вспоминала: «Это был тип старинного дядьки, теперь, кажется, совсем исчезнувшего. Он носил парик, был очень учтив с дамами и твёрд в исполнении своих обязанностей. Дети скоро привыкли к нему и, скорее, любили его. <...> Фёдор Фёдорович был страстный охотник, и, когда он убил двух вальдшнепов, дети стали его больше уважать» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 206). Сергей Толстой запомнил Кауфмана как «малообразованного, но порядочного и добродушного человека лет тридцати пяти. Он носил парик, что тщательно, но тщетно скрывал...» (*Очерки былого*. Гл. «1872 год»). Илья Толстой позднее писал: «Первый наш гувернёр был немец Фёдор Фёдорович Кауфман, довольно простой, примитивный и грубоватый человек. Его приёмы воспитания были чисто немецкие, с дисциплиной и наказаниями. Иногда, даже тайком от отца, он пускал в ход линейку и ставил меня и Серёжу в угол на колени по целым часам. Он первый внушил мне отвращение к учению, отвращение, которое я впоследствии никогда побороть не мог» (Толстой И. Л. Гл. 7). Вскоре его сманили в управляющие, и он покинул Ясную Поляну. Толстой счёл, что это «потеря небольшая, так как Серёжа перерос его, да и Илюша учил его делению. Но дело в том, что его отход сошёлся с тем периодом для детей, когда мы чувствуем необходимость хороших помощников и гувер-

нёра и гувернантку для Тани», – писал он сестре М. Н. Толстой 15 августа 1874 г. (62: 108).

Н. И. Бурнашёва

КАШЁВСКАЯ Екатерина Николаевна (в замуж. Фридман; 1862–1939) – учительница музыки и французского языка у детей Толстых и Кузминских. С. А. Толстая писала в своих мемуарах: в 1882 г. «летом дали детям почти полный отдых и взяли только консерваторку, учить и наших и Кузминских детей музыке. Эта консерваторка, Екатерина Николаевна Кашевская, кроме музыки, знала ещё прекрасно французский язык, которым тоже занималась немного с Лёвой и Машей. Она была одна из дочерей майора Кашевского, польского происхождения, женатого на швейцарке, от которой дочери и знали прекрасно французский язык. Очень способная, живая и немного странная, она учила музыку очень хорошо, умела всех приохотить и устроила музыкальные экзамены, на которых все должны были сыграть что-нибудь, петь хором, играть на рояле со скрипкой и solo. Обставлялось это всегда очень торжественно; ставились кресла для родителей и слушателей; исполнители страшно волновались, Екатерина Николаевна всем распоряжалась, поощряла учеников и имела вид полководца на поле сражения. В это лето все сделали успехи в музыке, что меня очень радовало. Пели хором *Marseillaise*, которую все дети очень любили; и вдруг Урусов ушёл из залы и пошёл прямо вниз по аллее. И все мы решили, что ему, как вице-губернатору, нельзя слушать революционную песню, и смеялись над ним» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 385). Кашевская устраивала экзамены и в последующие годы. В 1884 г. «на Святой, – писала С. А. Толстая, – был устроен нами экзамен музыки ученикам Екатерины Николаевны Кашевской, продолжавшей и зиму учить моих детей и пожелавшей проверить их успехи перед нами. На экзамене присутствовал и был экзаменатором профессор консерватории Николай Дмитриевич Кашкин. Игнали в 8 рук на двух роялях, и экзамен сошёл хорошо. Кроме моих детей, играл и Воля Нагорнов, и другие ученики Кашевской. Сочувствовал и слушал музыку детей и добродушный Николай Николаевич Страхов, приехавший к нам гостить» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 438). «После экзаменов возбуждённая молодёжь часто пела хором, плясала по-русски, танцевала кадрили, вальсы, мазурки и другие. Игнали или Кашевская, или сын Серёжа» (*там же*. 2. С. 33).

Не раз Кашевской довелось общаться с Толстым; писатель отмечал это в дневни-

ке: 27 июня/9 июля 1884 г.: «Дети – сонные, жрущие. С Кашевской говорил всё о том же» (49: 108). 1/13 июля того же года: «Беседа с сёстрами Кашевскими о невозможности делать добро деньгами» (49: 109). И ещё через несколько дней, 11/23 июля: «Дома я разговаривал с Сеуро и Кашевской. Она пришла и изливала злобы. <...> Не спал до 5 часов от тоски» (49: 112).

Окончив Московскую консерваторию, Кашевская некоторое время жила в Ясной Поляне. Она стала своим человеком в доме, принимала участие в жизни семьи Толстых. После неё учительницей музыки у Толстых была её сестра Юлия. Е. Н. Кашевская послужила одним из прототипов Марьи Константиновны в комедии Толстого «Плоды просвещения».

Н. И. Бурнашёва

КЁЛЕР Иван Петрович (Köler Johann; 1826–1899) – художник, профессор исторической и портретной живописи в Академии художеств. Учился живописи в Ведене (ныне Цесис, Латвия) у Фабара (1839–1845), а с 1845 г. – в Академии художеств в Петербурге у А. Т. Маркова. Один из основоположников эстонской реалистической живописи; обогатил национальные традиции достижениями русской художественной школы. Работал в разных жанрах, преимущественно портретно, писал акварели на темы из быта эстонского крестьянства и картины на религиозные темы.

Одна из таких работ на религиозную тему – роспись «Придите ко мне все трудящиеся и обремененные»* (1879) – и привлекла внимание Толстого. На ней изображён Христос с протянутыми вперёд руками. Писатель не однажды заявлял о том, что изображение Бога требует повышенной осторожности. Изображение, выполненное Кёлером, видимо, понравилось Толстому, и когда ему пришла мысль издать отрывки из Евангелия с введениями или объяснениями для народа, то он просил в своём письме в апреле 1885 г. В. Г. Черткова использовать для издания Нагорной проповеди то самое изображение Христа Кёлера.

Такое издание Евангелия и др. нравственной литературы через редакцию «Посредника» при финансовой поддержке И. Д. Сытина по минимальным ценам имело большое значение для людей бедных, детей, мелких ремесленников, фабричных, не имеющих возможности покупать хорошие, но дорогие книги.

Намереваясь издать Нагорную проповедь, Толстой много раздумывал над её оформлением и содержанием. Неизменным оставался лишь замысел использовать картину

Кёлера. То писателю казалось, что текст нужно пустить по полям картины, то по самому изображению. Надписью же к Нагорной проповеди должно было послужить непосредственное название самой картины Кёлера «Придите ко мне все трудящиеся и обремененные». Наконец Черткову 8 мая 1885 г. Толстой писал: «Я устроил надписи на картинке с Нагорной проповедью и, кажется, хорошо» (85: 185).

Что касается содержания, то Толстой хотел опустить вводную и заключительную части Нагорной проповеди, чтобы более цельно звучала сама проповедь, но сомневался, что Духовная цензура это пропустит. Помимо этого, два места канонического Евангелия, касающиеся Нагорной проповеди, Толстой считал позднейшими искажениями церковников и предлагал их заменить. К тому же Чертков уговаривал Толстого написать пояснения к содержанию, на что Толстой замечал: «...слова Евангелия 5, 6, 7 гл. Матфея так святы, так Божественны, все от начала до конца (один стих только VII гл. 6 может показаться неясным), что прибавлять к ним, рядом с ними ставить какое-нибудь объяснение, толкование – есть кощунство, которое я не могу делать» (85: 52). В итоге издание Нагорной проповеди с картиной Кёлера цензура не прошло.

Изображение Христа Кёлера произвело впечатление не только на Толстого. Российский скульптор Р. Р. Бах в 1881–1882 гг. создал модель для Каслинского завода по мотивам картины И. П. Кёлера «Придите ко мне все трудящиеся и обремененные».

А. А. Аленина

* Пунктуация по источнику.

КИРЁЕВСКИЙ Николай Васильевич (1797–1870) – знакомый Толстого, приятель и товарищ по охоте отца писателя Н. И. Толстого. Из старинного дворянского рода, представители которого внесены в VI часть родословных книг Орловской, Курской, Калужской, Московской и Тульской губ. Толстой в молодости был знаком с московскими Киреевскими (славянофилами). Н. В. Киреевский, принадлежавший к др. ветви рода, – владелец имения Шаблыкино в Орловской губ., оригинальной «охотничьей столицы», известной на всю Россию, – богат, хлебосол, холостяк, посвятивший себя охоте, автор книги «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты».

Н. В. Киреевский и В. М. Арсеньев (владелец Судакова) были двоюродными братьями. Для детей Арсеньевых Киреевский – двоюродный дядя. Он был крёстным отцом троих детей Арсеньевых: Валерии, Ольги и Николая. После смерти в 1853 г. их отца,

а в 1856 г. и матери естественно было ожидать, что опекуном детей станет Н. В. Киреевский, но этого не случилось. Т. А. Ёргольская в письме к Толстому в январе 1854 г. объясняла это так: «Киреевский, конечно, откажется обременять себя, этот господин слишком эгоистичен, чтобы взять на себя тяготы опекуна» (Ясная Поляна. 1997. № 1. С. 255). Опекуном стал Л. Н. Толстой. Ю. М. Огарёва писала в своих мемуарах, что Киреевский завещал Николаю Арсеньеву 25 тысяч серебром и деревню рядом с Шаблыкиным с 4 тыс. годового дохода, помимо пензенских деревень, дающих 15 тыс. ренты; его сестрам по 20 тыс. каждой, четверым детям Валерии по 6500 руб. Орловское имение Киреевского описано Е. Прокудиным-Горским (литератор-охотник): здесь «имеется старинная барская усадьба, с древним фруктовым садом и небольшим деревянным домиком, где постоянно живёт управляющий...» (Прокудин-Горский Е. Поездка в Карачевские болота. М., 1867. С. 145).

В годы службы в Кавалергардском полку (1815–1821) Киреевский дружил со служившим там же отцом Толстого Н. И. Толстым. С выходом в отставку их отношения не прервались. Ранние детские впечатления об охоте отца, связанные с именем Киреевского, остались в памяти Толстого на всю жизнь. Личное знакомство писателя с Киреевским состоялось в Москве в 1851 г. В конце июля 1865 г. Толстой ездил к Киреевскому в Шаблыкино. Возможно, эта поездка была не первой: в письме жене из Шаблыкина место охоты описано так, будто Толстой бывал там раньше: он писал о «границе Брянского уезда, том лесном, диком месте, о котором» уже говорил прежде (83: 105). Через две недели по возвращении Толстой написал А. А. Фету: «А жалко, что вы не были у Киреевского. Изустно расскажу вам, что это за прелесть — он сам и весь этот мир, который уже перешёл в предания, а там — действительность» (61: 98). Не случайно Ёргольская писала Толстому 28 августа 1865 г.: «Думаешь ли ты <...> снова ехать к Киреевскому? Время охоты наступило, и все заядлые охотники собираются у него в эту пору» (Chère tante... Переписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 237). Но Толстой интенсивно работал над «Войной и миром». Биографы писателя единодушно признают его июльскую поездку к Киреевскому плодотворной для писателя. Осенью и зимой этого и в начале следующего года была создана большая рукопись в 363 страницы. Можно отметить целый ряд фактов отражения этого периода биографии писателя

на страницах рукописей романа. Так, образ графа Ростова, особенно в вариантах описания его имения, складывался определённо под воздействием общения Толстого с Киреевским. Совпадения были настолько очевидны, что Толстой исклчил эту черновую рукопись, оставив, однако, немало совпадающих деталей (например, огромный дом, огромная карета, «десятка полтора грязных, но весёлых лакеев», «звук охотничьих рогов и вой гончих, слышные из-под горы от псарни», «наездник на кровном взмыленном жеребце и золочёных дрожках» и вся их жизнь «как прежде, т. е. принимая почти всю губернию, с охотой, театрами, обедами и музыкантами»). О безусловной ориентации на Шаблыкино свидетельствуют детали описания охоты Ростовых (и Илагина); некоторые моменты могли быть почерпнуты из книги Киреевского, которую Толстой, видимо, читал (хотя бы в Шаблыкине). В одном из набросков романа откровенно проявился несомненный киреевский элемент «ауры» Николая Ростова: «Nikolas дома охотится, <волк> брызги большой стаи (Киреевской)» (13: 767). В описании охоты совпадают (или близко подходят) клички собак, количество собак, их «приёмы» охоты, «своя особенная порода», специальная одежда охотников, порода лошадей...

Некоторые свойства оригинального характера Киреевского отчасти приданы дядюшке Ростовых, «исключительно посвятившему свою жизнь охоте» (строг на охоте, задушевный компаньон, добрый товарищ). Как и Киреевского в жизни, его относили к «чужакам». Свойственные Киреевскому черты внешнего облика, доброта и любезность «представительного учтивого барина», бескорыстие, отсутствие чувства зависти к чужой удаче приданы в романе эпизодическому образу Илагина. (Кстати, в семье другой «ветви» Киреевских — московских знакомых Толстого — один из братьев по матери носил схожую фамилию: Елагин).

Лит.: Архангельская Т. Н. В поисках «запаха и звука» времени (Н. В. Киреевский и его усадьба в связи с романом «Война и мир») // Источники по истории русской усадебной культуры. М.: Ясная Поляна, 1999.

Т. Н. Архангельская

КИРИЛЛОВ Прокофий Трофимович (даты жизни не установлены) — в 1890-х гг. жандармский унтер-офицер в Туле. Родился в г. Муроме Владимирской губ. В конце мая 1896 г. по указанию начальника Тульского жандармского управления полковника Миллера под видом рабочего посетил

Ясную Поляну со специальным заданием. Его появление в имении Толстого было связано с арестом в марте тульского врача М. М. Холевинской, которая обвинялась в распространении запрещённых произведений писателя. Одновременно с арестом Холевинской Миллер возбудил ходатайство перед департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого, «как автора найденных преступных рукописей, так и его дочь, Татьяну, как распространительницу» (*ОР ГИТ. Дело департамента полиции № 349. ч. 2 «О писателе графе Льве Николаевиче Толстом. Записки о его учении», л. 33*). Однако департамент полиции, опасаясь возмущения мировой общественности, своим циркуляром от 1 апреля 1896 г. предписал, что «ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя возбуждение против него преследования <...> может повлечь за собою крайне нежелательные последствия, а по сему по согласованию с министерством юстиции привлечение графа Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской признаётся в настоящее время нежелательным» (*там же*).

Но полковник Миллер не терял надежды отыскать новые улики против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трёх недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны. К большому сожалению жандармов, отыскать крамолу в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную операцию: внедрить в окружение Толстого своего сотрудника – унтер-офицера Кириллова, который должен был войти в доверие к писателю и собрать на него компрометирующий материал.

Явившись в Ясную Поляну, «рабочий» Кириллов сначала попросил у Толстого дать ему почитать книги, а спустя несколько дней – и «что-нибудь нравственно-религиозного». Просьба Кириллова была удовлетворена, и он от дочери писателя Марии Львовны получил «Учение 12 Апостолов», «Гонение на христиан», «Царство Божие...» и др. запрещённые цензурой статьи Толстого. Из разговоров с новым знакомым писатель понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист» (69: 105). Их беседы нередко заканчивались жаркими спорами. «Я от всей души говорил ему всё, что думаю», – писал впоследствии Толстой (*там же*).

В начале июня Кириллов снова появился в Ясной Поляне. «Сидим мы раз все на террасе. – вспоминала С. А. Толстая, – подходит какой-то человек и прямо подходит к Льву Николаевичу. Его спросили, что ему нужно. Он говорит, что нужно с Львом Николаевичем побеседовать. Лев Николаевич, как всегда, согласился и пошёл с ним в дом» (*САТ. Моя жизнь. 2. С. 446*).

Зайдя в кабинет писателя, Кириллов передал Толстому записку и сказал: «Прочтите, Лев Николаевич, а потом скажите, что вы обо мне думаете». Толстой, ничего не подозревая, стал читать и был поражён её содержанием. В записке говорилось, что податель её – жандармский унтер-офицер, которого начальник Тульского губ. жандармского управления подослал к Толстому с целью выяснить, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов сообщал, что он понял «гнусность своей роли» и поэтому ему стало «невynosимо» и он во всём признаётся Толстому (69: 105). Со слов С. А. Толстой, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чём я буду доносить?.. здесь все живут, как святые» (*САТ. Моя жизнь. 2. С. 447*).

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня в своём дневнике, что Толстой за ужином рассказал о человеке, который брал у него книги, а сегодня признался, «что он шпион, посланный жандармским полковником», сказал, что «его мучила совесть и он решил признаться Льву Николаевичу» (Танеев С. И. Дневники. Кн. 1: 1894–1898. М., 1981. С. 158).

О чём именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя записку, неизвестно, но на следующий день в письме к сыну Льву он сообщал, что от этого признания ему «было и жалко, и гадко, и приятно» (69: 105). О том же он сделал запись в дневнике 8 июня 1896 г.: «Третьего дня был жандарм шпион, который признался, что он подослан ко мне. Было и приятно и гадко» (53: 98). С. А. Толстая, комментируя слова мужа, писала: «То, что правительство при- ставило его <Кириллова. – В. Ч> к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу. Но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость» (*САТ. Моя жизнь. 2. С. 447*).

Вскоре после этого случая Кириллов в письме от 25 июля 1896 г. известил Толстого, что он «уволен со службы шпионов в дисциплинарном порядке», средств к жизни не имеет и не знает, что ему делать. Далее он просил писателя помочь ему «в первом шаге на трудовую жизнь», т. е. найти

работу (*ОР ГМТ*). Толстой откликнулся на просьбу бывшего жандарма и переговорил с владельцем московской типографии Ф. Ф. Рисом, который пообещал трудоустроить Кириллова и найти жильё для его семьи – жены и ребёнка. Спустя месяц, Толстой получил от Кириллова второе письмо, в котором тот «имел честь» просить писателя сообщить господину Рису, что он «в данное время свободен и, следовательно, может занять место, обещанное ему г. Рисом» (*там же*).

Третье, последнее письмо от Кириллова Толстой получил через год, в июне 1897 г., из Одессы. «Ваше Сиятельство, Лев Николаевич! – писал он. – Шлю Вам сердечный привет из далёкого юга, куда меня загнала жажда всеведения. Хлеба доставать я научился и, благодаря Вашим добрым советам, превратился из лежебоки и трутня в рабочего...» Описывая свои перипетии, он просил Толстого прислать ему несколько брошюр, так как от «жажды духовной и безумственной пищи» он приходит в «оцепенелое состояние». Письмо было подписано: «Бывший Тульской Жандармерии Шпион – П. Кириллов» (*там же*).

Большое значение факту раскаяния жандарма-шпиона придавали последователи Толстого, видя в нём торжество толстовских идей и их очищающее влияние на «заблудших». И. М. Трегубов 2 июля 1896 г. писал Толстому: «На днях я узнал, как к вам ходил переодетый жандарм и как он потом плакался в своём грехе. Это – чудо, и я убедительно прошу вас записать или рассказать кому другому и попросить его записать всё, что произошло с первого появления этого жандарма до последнего его слова» (87: 370). Толстой намеревался написать для «Круга чтения» рассказ «Шпион кается», числящийся в его записной книжке за 1904–1905 гг. под № 21. Замысел остался нереализованным.

Лит.: Чисников В. Секретные сотрудники тайной полиции в Ясной Поляне // Оперативник (сыщик). 2014. № 1(37). С. 3–7; *его же*. «Шпион кается». Ненаписанный рассказ Льва Толстого для «Круга чтения» // Нева. 2014. № 2. С. 194–200.

В. Н. Чисников

КИСЛИНСКИЙ Андрей Николаевич (1831–1888) – председатель Тульской губ. земской управы, знакомый Толстых. Был женат на Наталье Александровне, урождённой баронессе Бистром. С. А. Толстая, бывая в Туле, делала визиты семье Кислинских. Сам Кислинский очень часто бывал в доме Толстых в Ясной Поляне и в Москве, о чём свидетельствуют многочисленные упоминания в дневниках Толстого. «После

обеда с Кислинским пошёл ходить» (49: 69). «За обедом Кислинский» (49: 80). Вероятно, его частые визиты бывали утомительны; С. А. Толстая писала мужу из Москвы в Ясную Поляну: «Иду сейчас в залу, наверх, там все девять детей и неизбежный по воскресеньям Кислинский. Как от него отделаться помягче, и ума не приложу!» (*ПСАТ*. С. 270).

Н. А. Никитина

КЛАРК Чарльз Аллен (Clarke Allen; 1863–?) – корреспондент и адресат Толстого; английский литератор и издатель. Лично с Толстым знаком не был. В *ЯПб*. Толстого сохранилась книга Аллена Кларка на английском языке «The Effects of the Factory System» (Grant Richards. London, 1899). По просьбе Толстого книгу ему прислал из Англии Э. Моод в 1900 г. для работы над статьёй «Рабство нашего времени». Книга очень понравилась Толстому, так как идеи и взгляды Кларка на рабочий вопрос полностью совпадали с его мыслями. Он нашёл своего единомышленника. Как и Толстой, Кларк предлагал вернуться к патриархальному земледельческому быту. В своей книге он анализировал развитие английской промышленности в XIX в., развитие фабричной системы на примере крупных промышленных городов графства Ланкашир. По происхождению Кларк простой рабочий из города Болтон (Англия, графство Ланкашир), сумевший получить образование и стать учителем, поэтому книга написана на основе личных впечатлений автора и официальных парламентских материалов. Кларк утверждал, что фабричная жизнь убивает людей своей монотонностью, превращая в машины. Разрушается природа, усиливаются болезни. Особенно автора беспокоили использование детского труда и влияние фабрики на нравственность и здоровье женщин, что ведёт к падению рождаемости и ухудшению демографической ситуации в стране. Автор полностью отрицал увеличение заработной платы как механизм смягчения пороков фабричного производства. Он требовал скорейшего уничтожения фабричной системы и предупреждал, что пример Англии должен быть предостережением др. странам и им не следует торопиться наращивать темпы промышленного производства.

Книга Кларка в переводе А. Н. Коншина, с предисловием академика И. И. Янжула, была издана «Посредником»: Кларк Аллен. Фабричная жизнь в Англии. М., 1904. В письме к Кларку от 13 мая 1904 г. Толстой сообщал об этом: «Дорогой друг Аллен Кларк, рад был получить от вас письмо

<...>. Книга ваша, переведённая на русский язык, пользуется большим успехом» (75: 90). (Письмо было впервые опубликовано в английской газете «Northern Weekly» 28 мая 1904 г.). Тогда же, в конце мая, Кларк прислал Толстому ещё одну свою книгу «The Eternal question: Shall a man live again?» <«Вечный вопрос». — Н. 3.>, вышедшую в 1902 г. Книга сохранила следы чтения Толстого: подчёркивания текста, отчёркивания на полях... Через два года англичанин прислал Толстому новое своё сочинение: «Tales that ought be told: "Cuts" from a Lancashire loom.: Written 1887–1897», изданное в 1906 г. Обе книги, с дарственными надписями автора, хранятся в ЯПБ.

Н. В. Зубкова

КЛЕЙНМИХЕЛЬ Екатерина Петровна (рожд. Мешерская; 1843–1925) — знакомая Толстого по его первому заграничному путешествию в Швейцарию в 1857 г.; дочь князя Петра Ивановича Мешерского и Екатерины Николаевны Мешерской (рожд. Карамзиной), внучка историка Н. М. Карамзина.

Во время знакомства с Толстым ей было около 15 лет. «...Красавица, добрая и славная барышня», — писал о ней Толстой Т. А. Ёргольской (60: 190). Молодой писатель был немного увлечён ею. В дневнике 6/18 мая 1857 г. записал: «Княжна Мешерская опасно. Я боюсь, что виноват уже, и это чувство, вместе с удовольствием и чувством прелести хорошенькой молодой женщины, долго не дало мне заснуть» (47: 128–129). 19 мая: «...пошёл к Баумгартену, скука смертная. Потом отвёл душу у Мешерских» (47: 129). 21 мая: «Пошёл на праздник, пробыл там до 6 часов. Во фраках, танцы, польки. Пришли Галаховы и Мешерские. Я хвост закорючкой и весело провёл вечер. Звали Мешерские танцевать» (47: 129). Через несколько дней — 13/25 мая 1857 г.: «Вечер у Мешерских. Очень весел, хвост крючком» (47: 130).

Е. П. Мешерская была замужем за генерал-майором гр. Владимиром Петровичем Клейнмихелем (1839–1880). Девиз на гербе рода Клейнмихелей — «Усердие всё преуспевает» — Е. П. Клейнмихель достойно воплощала в жизнь и после смерти мужа, посвятив свою жизнь детям, управлению имениями и благотворительности. Из-за туберкулёза она была вынуждена подолгу жить на юге. Здесь по велению сердца заботилась о неимущих больных; была председателем ялтинского комитета Общества Красного Креста, её хорошо знали в Крыму как основательницу ялтинской общины сестёр милосердия «Всех скорбящих радость». Община была основана 26 октября

1884 г. Через год при общине открылась лечебница с амбулаторным приёмом больных и бесплатной выдачей лекарств. В деятельности общины принимали участие императрица Мария Фёдоровна, великая княгиня Александра Петровна и др.

21 декабря 1916 г. графиня Е. П. Клейнмихель была награждена орденом Святой Великомученицы Екатерины, который давался как награда за выдающиеся деяния на благо государства. За два столетия в Российской империи (с 1714 г.) этим орденом было награждено 810 дам. Графиня была последней по времени награждения. В грамоте к ордену говорилось: «...в ознаменование особенного нашего к Вам благоволения и в память великих заслуг перед родиной деда вашего, выдающегося русского историка Карамзина, со дня рождения коего ныне исполнилось сто пятьдесят лет, Мы с соизволения Государя Императора приняли Вас в число дам меньшего креста Святой Великомученицы Екатерины...»

В 1919 г. Клейнмихели эмигрировали во Францию, где была написана книга воспоминаний о своей семье и близких к ней людях (недавно книга вышла на русском языке). Умерла графиня в Париже.

Лит.: Клейнмихель Вера, Клейнмихель Екатерина. В тени царской короны. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 344 с.

Е. Г. Шестакова

КЛОБСКИЙ Иван Михайлович (Клопский; 1852–1898) — посетитель Толстого; окончил Ярославскую духовную семинарию, учился в Московском, потом в С.-Петербургском университетах. Считал себя последователем Толстого, жил в толстовских земледельческих общинах (в 1890–91 гг. — в тверской общине М. А. Новосёлова, затем в харьковской общине М. А. Алёхина, на хуторе Байрачном), бывал у Толстых. Первое упоминание имени Клобского встречается в письме Толстого к жене 1 мая 1886 г.: «Я вспомнил одно дело: этот Клопский, который писал такое трогательное письмо, говорил мне, что у него есть стихи. Я сказал ему, что меня не интересуют стихи. Это может огорчить его, и стихи могут быть хороши. Я думаю, Серёжа помнит его адрес. Пошли к нему эту записку» (83: 564). (Сохранилось 2 стихотворения Клобского под псевдонимом Коммар Анри Бейль «Друзьям» и «К портрету Вероники» — отправлено Толстому 10 мая 1886 г.) (83: 565).

Впервые Клобский посетил Толстого вместе с Ф. А. Страховым, будучи студентом, 1 января 1889 г. (Толстой жил в своём московском доме в Хамовническом переулке на Девичьем поле.) «А так как моло-

дых людей у Толстого в это время бывало множество, то эти двое на этот раз мало ему запомнились» (Страхова Н. Ф. Лев Николаевич Толстой и Фёдор Алексеевич Страхов // Толстой и его близкие. М., 1986. С. 93). Более близкое общение Клобского с Толстым приходится на конец 1880–1890 гг., о чём говорят записи в дневнике Толстого. Отношение Толстого к Клобскому было неоднозначным. Так, в дневнике 1 января 1889 г. он писал: «Вечером пришли <...> Страхов с Клопским. Ужинали, дружно, любовно» (50: 19); 11 января 1889 г.: «Пришёл <...> Клобский с двумя юношами. Он пропагандирует. А юноши живые» (50: 21); 28 января: «После обеда была Анненкова, Клобский и Хабаров. Я рад, что Клобского не разлюбили» (50: 30); 18 марта: «Пришёл Полушин, Касаткин и Клобский. Я рад, что Клобский был для меня такой же собеседник и брат, как и всякий. Это можно и легко» (50: 53); 12 августа: «Вечером пришёл Клобский. Тяжёлый разговор. Я не сумел не раздражиться» (50: 121); 13 августа: «Опять Клобский, с которым говорил любя, но трудно» (*там же*). 9 января 1891 г. Толстой записал: «Клобский был. Он хорош» (52: 4). П. Г. Хохлов в письме Толстому 14 марта 1892 г. сообщал, что зимой много виделся с Клобским, который говорил о «неискреннем будто бы» к нему отношении Толстого (66: 185).

Клобский производил впечатление душевнобольного. Известно, что Д. А. Хилков в письмах Толстому 22 июля и 11 августа 1894 г. писал о своих разногласиях с женой, в особенности о несогласии с планами похищения у Ю. П. Хилковой отнятых у них детей, внушаемых ей Клобским и др. В ответных письмах 17–18 августа 1894 г. Толстой писал Хилкову: «Клопский, по-моему, человек невменяемый или скорее непонятный, ужасно трудно понять его. И Цецилия Владимировна делает большую ошибку, принимая его всерьёз и затевая с ним какое бы то ни было дело» (67: 195). Известно также, что в январе 1889 г. к Толстому приходила Н. А. Страхова советоваться о казавшемся ей вредном влиянии Клобского на её сына Ф. А. Страхова (Страхов под влиянием Клобского собирался бросить университет в самом конце курса, о чём писала Н. Ф. Страхова: «И вот он заявляет матери, что знания, полученные им в университете, при нём и останутся, но что он не намерен держать государственных экзаменов, не нуждается ни в каких дипломах и бумажках» – Страхова Н. Ф. Лев Николаевич Толстой и Фёдор Алексеевич Страхов // Толстой и его близкие. С. 93). Об этом посещении Толстой сделал в дневнике запись

20 января 1889 г.: «...вчера была Страхова добрая, простая мать. Сын её с Клобским носитися и, кажется, только рисуется. Я весь на стороне её. Клобский же, вероятно, больной человек» (50: 25). 24 января Толстой писал: «С Страховым говорил хорошо. Он разочарован в Клобском и лучше с матерью» (50: 27).

Неприятное впечатление производил Клобский и на С. А. Толстую, 4 мая 1886 г. она писала мужу: «Был вчера Клопский, я дала ему переписывать “Так что же нам делать?” и 15 рублей. Он очень странный и безнадёжный: мягкости, т. е. способности подчиняться жизни – нет; что-то ищет и ни с чем не совпадает. Глаза остановившиеся и страшные. Я с ним поговорила, но он плох» (ПСАТ. С. 368). 14 января 1891 г.: «Приехал Клопский. Он противен ужасно, какой-то тёмный» (ДСАТ. I. С. 144).

И. А. Бунин тоже негативно вспоминал Клобского: «Первый, кого я узнал в Полтаве, был некто Клопский, человек довольно известный в то время среди толстовцев и даже попавший в герои нашумевшей тогда повести Каронина “Учитель жизни”. Это был высокий, худой человек в длинных сапогах и в блузе, с узким серым ликом и бирюзовыми глазами, хитрый нахал и плут, неутомимый болтун, вечно всех поучавший, наставлявший, любивший ошеломлять неожиданными выходками, дерзостями, словом, всей той манерой вести себя, при помощи которой он довольно сытно и весело шатался из города в город» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 53). Столь же неприятен Клобский в «Моих университетах» М. Горького «В городе явился “толстовец”, – первый, которого я встретил, – высокий, жилистый человек, смуглолицый, с чёрной бородой козла и толстыми губами негра. Сутулясь, он смотрел в землю, но, порою, резким движением вскидывал лысоватую голову и обжигал страстным блеском тёмных, влажных глаз, – что-то ненавидящее горело в его остром взгляде. <...> Толстовец долго говорил о вечной непоколебимости великих истин Евангелия; голос у него был глуховатый, фразы коротки, но слова звучали резко, в них чувствовалась сила искренней веры, он сопровождал их однообразным, как бы подсекающим жестом волосатой левой руки, а правую держал в кармане. – Актёр, – шептали в углу рядом со мною. – Очень театрален, да <...>. Я узнал фамилию толстовца – Клопский. <...> Я ушёл с неприязненным чувством к нему и смутным сомнением в его искренности. <...> Уходя, я унёс в памяти его слова о гибели от любви и отвращение к нему

в сердце» (Горький М. Мои университеты // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 13. С. 577–579).

Клобский был народолюбивцем, подозревался в провокаторстве. В 1892 г. был арестован (тогда же оставил Петербургский университет). Впоследствии эмигрировал в Америку, где, по слухам, ходившим в то время, был задавлен трамваем (Страхова Н. Ф. Лев Николаевич Толстой и Фёдор Алексеевич Страхов // Толстой и его близкие. 1986. С. 101).

О. С. Карандашова

КЛОДТ Ольга Константиновна (1856–?) – последовательница, адресат, корреспондент Толстого; из рода баронов Клодтов; учительница рисования; тётка по матери финского писателя А. А. Эрнефельта, переводчика произведений Толстого на финский и шведский языки.

Закончила с малой золотой медалью Академию художеств в Петербурге. С 1887 по 1894 гг. преподавала рисование в Мариинской женской гимназии. В 1896–1900 гг. занималась сельским хозяйством, а с 1898 ещё и обучала грамоте крестьянских детей. Последующие годы давала уроки рисования.

Жила в Финляндии, в Петербурге, на станции Удельная Финляндской железной дороги. Познакомилась с Толстым в 1897 г. в Петербурге, куда он приезжал, чтобы повидать В. Г. Черткова, уезжавшего в ссылку за границу. Бывала у Толстого в Москве и в Ясной Поляне.

Толстой с большой теплотой и участием относился к О. К. Клодт. «Всё, что касается вас, близко моему сердцу» (72: 192), – писал он ей. И это неудивительно: стремление к простоте, нравственная работа над собой во многом сближали этих людей. Толстой делился с ней своими мыслями: «Не знаю, как вы, но я, чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в том, что при положении людей нашего круга на шее наших братьев, всякий искренний шаг к христианской жизни и к добру состоит в слезании с этой шеи» (71: 431). «Нашими братьями» называл писатель простых людей. Разделяя чаяния Толстого, Клодт работала на земле, учила грамоте крестьянских детей под г. Лугой. Эта деятельность не только требовала серьёзных усилий над собой, но и приносила духовные перемены, в чём Клодт призналась в одном из писем Толстому, когда была вынуждена в интересах семейных дел временно оставить работу: «Надеюсь, что осенью я опять вернусь туда же и могу продолжать начатую воспитывающую меня жизнь и работу среди особенно тяжёлых условий жизни нашего народа, жизнь, которая сначала

трудна, но потом придаёт душевную силу и твёрдость» (72: 433). Толстой поддерживал Клодт, заверяя, что он нисколько не смущён переменой её жизни и что даже иногда это бывает полезным, «чтобы проверить твёрдость своего мирозерцания» (73: 268).

Летом 1910 г. Клодт несколько раз была в Ясной Поляне. 4 июня В. Ф. Булгаков написал в своём дневнике, что из Телятинок «ездил в Ясную с Димой Чертковым и баронессой Ольгой Константиновной Клодт. Она – пожилая особа, лет пятидесяти. Близкая родственница русских художников баронов Клодтов. Сама окончила академию по классу живописи, но давно этим искусством не занимается. Она разделяет взгляды Льва Николаевича. Старается жить трудовой жизнью. Долго жила в деревнях среди крестьян, помогая им в работах и обучая детей. Она считает трудовую жизнь более важной и более отвечающей её религиозному настроению, чем занятие искусством» (Булгаков. С. 237). Д. П. Маковицкий писал 30 июля 1910 г.: «Приходила О. К. Клодт <...>. Была у меня в лечебнице. Она сильный, искренний, духовный человек, старающийся день ото дня жить *sub specie aeternitatis* <в сфере высоких интересов; букв.: «с точки зрения вечности». – *лат.*>, приводить духовную природу к сознанию и руководить своими мыслями и поступками. Она, как узнала взгляды Л. Н., стала жить в крестьянской семье работницей и жила так много лет – кажется, и до сих пор так живёт» (ЯПЗ. 4. С. 310).

Как близкому соратнику писал Толстой Клодт о духовных, которых с Кипра нужно переправить в Канаду; писал о своей работе. «Я сижу дома и всё время был занят статьею “Рабство нашего времени”, которую на днях отослал в Англию. Мне кажется, что мне удалось сказать кое-что новое о тех экономических вопросах, которые так занимают теперь общество и которым посвящена эта статья» (72: 432), – сообщал он Клодт, радуясь её возвращению в простую семью, в которой она жила, и сетуя, что он не может себе этого позволить: «Я вследствие своей старости и болезни и других условий лишён этого близкого общения с рабочим людом и очень больно чувствую это лишение, в особенности теперь, когда я писал свою статью и всё более и более уяснял себе всю преступность и жестокость нашей барской жизни» (*там же*). В письме 3 октября 1906 г. Толстой говорил о том, что написал статью «О значении русской революции» и надеется, что больше об этом писать не придётся. «Слишком важно и всё важнее и важнее становится думать и писать о вечном, т. е. о нашей жизни. Чем

далее живу, тем яснее её смысл и сама она радостнее» (76: 207).

А. А. Аленина

КНАУС Людвиг (Кнаус; 1829–1910) – немецкий живописец, мастер дюссельдорфской школы. Область творчества художника распространялась преимущественно на жизнь низшего сословия, на быт немецких крестьян. Его картины свидетельствуют о тонкой наблюдательности автора, его способности передавать характер и душевное движение людей всех возрастов и состояний; он умел создавать сцены, полные жизненной правды, проникнутые добродушным юмором, отрадным весельем и глубоким чувством. В цикле статей Толстого по вопросам эстетики, большая часть которых осталась незавершённой, можно встретить высокие отзывы о творчестве немецкого художника. В статье «О том, что называется искусством» автор писал о Кнаусе, а также В. Тёрнере (1775–1851), британском художнике, мастере романтического пейзажа, и Э. Месонье (1815–1891), французском портретисте и живописце народного быта, как о сильных и понятных всем художниках. Работая над XVI главой трактата «Что такое искусство?», Толстой в разное время вписывал и вычёркивал имена, приведённые в качестве образцов подлинного мастерства в живописи, литературе и музыке. Автор причислил Кнауса к представителям «хорошего искусства, передающего простые чувства, но доступные всем людям» (варианты статьи «Что такое искусство?»; 30: 415). Его картины вместе с полотнами мастеров голландской школы и работами др. представителя дюссельдорфской школы, одного из крупнейших жанристов XIX в. Б. Вогте (1829–1898), Толстой охарактеризовал как «всемирные по содержанию произведения искусства живописи суть все передающие истинное чувство» (30: 415). В окончательном тексте отзыв отсутствует; он сохранён в английском варианте (см.: *What is Art? By Leo Tolstoy. Translated from the Russian by Aylmer Maude. London, 1898. P. 56*).

З. М. Богачёва

КНЁРЦЕР Николай Андреевич (1833–?) – с 1885 г. тульский врач-терапевт, акушер, врачебный инспектор, сокурсник С. П. Боткина, иногда его приглашали для лечения Толстого и др. членов семьи, а также семьи брата Сергея в Пирогово. Старый знакомый Толстых. С. А. Толстая чаще других пользовалась консультациями и врачебной помощью Кнёрцера. В 1871 г. она писала мужу, уехавшему в Самарскую губ.

пить кумыс: «...мне Кнёрцер велел брать ежедневно ванны с отрубями <...>, говоря, что ты отлично сделал, что поехал на кумыс, и несколько раз повторил, как это тебе будет полезно...» (ПСАТ. С. 94). Кнёрцер был врачом с 1855 г., и в семье Толстых доверяли его врачебному опыту. Когда заболели дети, С. А. Толстая говорила: «еду советоваться с Кнёрцером». 30 октября 1875 г. она родила дочь Варю, «которая тотчас же умерла». У С. А. Толстой было «воспаление брюшины», и Толстой писал Н. М. Нагорнову: «...у нас остаётся Кнёрцер, который будет следить за ходом болезни» (62: 214). Впоследствии имя врача стало в семье нарицательным. Когда Толстой чувствовал себя старым, слабым, он говорил, что у него «кнёрцеры» (75: 220).

Н. А. Никитина

КОБЕКО Дмитрий Дмитриевич (1867–1916) – посетитель и адресат Толстого; в 1907–1912 гг. тульский губернатор; сын директора Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, действительный статский советник, в 1908–1912 гг. председатель Тульского правления Российского Общества Красного Креста. 7 сентября 1907 г., проездом в Крапивну, Кобеко заехал в Ясную Поляну. Толстой отметил в тот день в записной книжке: «Был губернатор. Очень тяжёлое впечатление и грустное» (56: 211), а в дневнике появилась запись: «Сейчас был губернатор, tout le tremblement <со всем блеском>. И отвратительно и жалко» (56: 57). Толстой сумел извлечь для себя пользу от посещения; оно утвердило его «в прямом сострадании к этим людям» (56: 57). Позднее он неоднократно пресекал попытки высказываний недовольства действиями губернатора. С. А. Толстой, осуждавшей Кобеко за формализм и равнодушие, сказал: «“Простить надо”. – И шутя добавил: “И губернаторы хорошие суть”» (ЯПЗ. 4. С. 43). Писатель не раз обращался к Кобеко с различными просьбами: о снятии подозрения в революционной деятельности с пчеловода деревни Бабурино М. В. Дагаева; просил освободить арестованных по заявлению С. А. Толстой яснополянских крестьян. Толстой спрашивал совета, как можно содействовать увольнению из армии крестьянина П. С. Грузнова, единственного кормильца семьи. Не раз он составлял прошения губернатору от имени яснополянских вдов. Так, по свидетельству вдовы крестьянина Е. И. Жарова Натальи Жаровой, имевшей 6 малолетних детей. Толстой часто хлопотал за неё, и хлопоты были успешны. В октябре 1907 г. писатель просил у губернатора содействия в освобождении своего секретаря

ря Н. Н. Гусева, «ни в чём не повинного, самого мирного человека», «арестованного по излишнему усердию» станového (77: 230). 1 ноября Толстой поехал к Кобеко на приём, чтобы сказать, что ответственность за распространение своих идей в первую очередь несёт он сам; тульский губернатор посчитал возбуждение дознания против всемирно известного писателя «совершенно нежелательным и несвоевременным». В письме П. А. Столыпину он предложил ограничиться удалением Н. Н. Гусева «из пределов Тульской губернии». Когда в 1909 г. Гусев был приговорён к высылке в Чердынский уезд Пермской губ., Д. В. Никитин и М. А. Маклакова обратились по поручению Толстого к губернатору за разрешением свидания с осуждённым. Они также просили позволить Гусеву доехать до места высылки по железной дороге. Обе просьбы были удовлетворены.

З. М. Богачёва

КОВАЛЁВСКИЙ Евграф Петрович (1790–1867) – знакомый, адресат и корреспондент Толстого; брат его «литературного приятеля» и хорошего знакомого по Крымской кампании Егора Петровича Ковалевского. Русский гос. деятель; по образованию горный инженер, сенатор; с 1856 г. – почётный член Академии наук; попечитель Московского учебного округа; активный участник университетских реформ. В 1856–1858 гг. – председатель Московского цензурного комитета; в 1858–1861 гг. – министр народного просвещения. При нём в министерстве начались либеральные веяния, вызвавшие широкие планы реформ в области народного просвещения. Это был первый министр народного просвещения, назначенный императором Александром II, и направление, данное Ковалевским своему ведомству, гармонировало с эпохой реформ. Он выдвинул на первый план заботу о народных училищах, воскресных школах и т. п. С 1861 г. Ковалевский – член Гос. совета; с 1862 г. – президент Вольного экономического общества. Автор нескольких научных трудов по этнографии Кавказа.

Толстой познакомился с Ковалевским в начале 1860-х гг. В 1860 г. в министерстве был разработан «Проект устава низших и средних школ, состоящих в ведении Министерства народного просвещения». В феврале 1860 г. проект был напечатан в Журнале М. Н. П. и предложен на обсуждение всем желающим. Толстого заинтересовал этот проект по отношению к низшей народной школе, и он составил Записку (в Юб. – Замечания на «Проект устава низших учебных заведений»), представляющую

собой критический разбор министерского проекта, основанный на его личном опыте в яснополянской школе. В Записке Толстой изложил и свой собственный проект устройства Общества для содействия делу народного образования. Брату министра просвещения Ег. П. Ковалевскому, кратко излагая свой проект, Толстой писал: «До сих пор общество это составляю я один. Но говорю вам без фразы, что, возможно, будет или нет такое общество, я положу всё, что могу, и все свои силы на исполнение этой программы» (60: 331). Толстой просил помощи: «Я на дурном счету у правительства. От меня это никак не должно идти, а говорите или составьте из этого лучшее записку и покажите Евграфу Петровичу» (60: 331). Проект устройства Общества остался неосуществлённым.

20 апреля 1861 г. на имя Евг. П. Ковалевского Толстой составил прошение «о разрешении» издавать ежемесячный журнал «Ясная Поляна». 21 апреля писатель был принят министром и вручил ему прошение. 16 мая 1861 г. из министерства было получено разрешение на издание.

Летом 1860 г., путешествуя по Европе с целью изучения постановки педагогического дела, приобретая многочисленные книги и материалы для своей школы, Толстой, во избежание каких-либо таможенных препятствий, из Киссингена (Бавария) направил Ковалевскому письмо: «Для педагогического труда, которым я занят, кроме матерьялов, собранных мною в Европе, мне необходимы были: программы, педагогические издания и руководства Северо-Американских Штатов. Некто М-г Hardenbergh обещал мне, через американское правительство, выслать все эти матерьялы в Россию. Я позволил себе дать ему Ваш адрес. <...> Осенью проездом через Петербург я позволю себе явиться к Вам и просить Ваших советов и помощи в некоторых педагогических предприятиях» (13/25 августа 1860 г.; 60: 348–349). Толстой надеялся получить все эти материалы «через министерство». Ковалевский отвечал Толстому письмом из Петербурга 26 августа 1860 г.: «Спешу уверить Ваше сиятельство, что я не только не встречаю никакого препятствия, чтобы выписанные Вами из Северо-Американских Соединённых Штатов педагогические издания и другие материалы для предпринятого Вами педагогического труда были высланы в С.-Петербург на моё имя, но мне особенно приятно оказать Вам при этом случае содействие в нашем общем благом деле. Посылка, по получении, будет храниться у меня в Министерстве до личного с Вами свидания, которого ожидаю

с удовольствием» (60: 349). Подобное письмо Толстой направил Ковалевскому и из Лондона в марте 1861 г. На адрес министра народного просвещения Евг. П. Ковалевского было послано минимум три ящика с книгами, которые Толстой получил по прибытии в Петербург.

Н. И. Бурнашёва

КОВАЛЁВСКИЙ Максим Максимович (1851–1916) – знакомый Толстого; историк, социолог, правовед; профессор Петербургского университета и высших женских курсов; в 1901 г. основал в Париже Высшую русскую школу общественных наук; с 1889 г. – член-корреспондент, с 1914 г. – академик императорской Академии наук в С.-Петербурге; член Гос. совета и депутат I-й Гос. думы; один из основателей партии «демократических реформ». Публицист, издатель газеты «Страна» и журнала «Вестник Европы». Был знаком с Толстым с начала 1880-х гг.

7 января 1884 г. к Толстому с просьбой передать сохранившиеся у него письма И. С. Тургенева обратился А. Н. Пыпин, в то время писавший работу о литературном процессе 1840–1850-х гг. Все переговоры об этом велись через Ковалевского. О личности Толстого и своих встречах с ним в начале 1880-х гг. Ковалевский написал воспоминания (Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов. Личные воспоминания // Вестник Европы. 1910. № 5), в которых, в частности, признал, что «не был в числе любимцев автора “Войны и мира”» (с. 208). Между ними не возникло ни взаимопонимания, ни душевной привязанности. В письме к жене 12 декабря 1884 г. Толстой признавался: «Среди мужиков и в беседах с ними я чувствую себя одиноким, чувствую, что они не могут понять меня; но всё-таки не до такой степени, как с Ковалевским, профессорами и многими др.» (83: 463).

Толстой не разделял социально-политических взглядов Ковалевского и был убеждён, что земельная реформа может быть проведена в России только «благодаря самодержавию»: Россия «всё ещё сельскохозяйственная», «несмотря на то, что Витте, Ковалевский, Менделеев и другие старательно хотят направить её на путь капитализма и фабричного производства» (73: 238).

В 1895 г. в журнале «Вестник Европы» (СПб.) среди др. материалов, опубликованных в №№ 1–5, Толстой читал статью Ковалевского «Молодость Бенжамена Констан». Чтение это вызвало запись в дневнике: «Читал журнал, статьи М. Ковалевского, Пыпина, Соловьёва <...> и вспомнил тре-

бование брата Серёжи от литературы. Есть сердечная духовная работа, облечённая в мысли. Эта настоящая <...>. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, это то, чем полны журналы и книги» (53: 23).

Весной 1896 г. через Ковалевского Толстой получил приглашение на кафедру этики в Брюссельский вольный университет. Н. Я. Грот напомнил писателю о необходимости ответить Ковалевскому. Толстой заметил: «Да какой же ответ? Мне лекции читать то же, что балет танцевать. Я часто самому себе не умею ясно сформулировать своих мыслей. Как же я буду их связной, сплошной, речью с кафедры излагать другим? Мне, чтобы написать просто, приходится много побиться, в аудитории же нужно говорить набело, а не начерно» (*цит. по: Гусев. Летопись*. 2. С. 209).

Когда в июне 1906 г. сотрудник «Нового времени» Ю. Д. Беляев записал интервью с Толстым и привёз в Ясную Поляну корректуры статьи, Толстой просил автора «личное исключить». Это «личное» относилось к А. Ф. Аладьину и двум профессорам: С. А. Муромцеву и Ковалевскому. Все трое члены в апреле созданной I Гос. думы. С исправлениями Толстого статья вышла в июньском номере газеты. 27 июня 1906 г. в газете «Страна» было опубликовано открытое письмо Ковалевского к Толстому («Обращение к великому писателю земли русской») по поводу его интервью, в котором Ю. Д. Беляев приводил высказывания Толстого о Думе, производившей на него впечатление «комичное, возмутительное и отвратительное». Ковалевский резко отрицательно отнёсся к этим высказываниям Толстого.

Наверняка не понравились бы ему и др. определения Толстого. В Ясной Поляне 29 сентября 1906 г. «Софья Александровна <Стахович. – А. Ш.> вспомнила, как Л. Н., увидав портреты Ковалевского, Муромцева и Шаховского в иллюстрированном “Новом времени”, сказал: “Три самых глупых человека в России”. Как она об этом с радостью рассказала братьям. Л. Н. вспомнил, что, когда видел Ковалевского молодым у Олсуфьевой, которая желала его в зятья. Л. Н. задал ему – не мог вспомнить какой – вопрос, хотел знать мнение о нём учёного. он только хохотал. Потом Л. Н. говорил, что у Ковалевского есть образованность. Смешивают ум и образованность. Где нет своего ума, там восприимчивость всяких знаний» (*ЯПЗ*. 2. С. 247). Подобную оценку Ковалевского слышал и М. С. Сухотин; он записал в дневнике в 1907 г.: Толстой «всегда говаривал, когда по какому-либо случаю

при нём упоминали о Муромцеве: “Да ведь это совершенный дурак”. То же самое он говаривал и о другом учёном, игравшем тоже значительную роль в Государственной думе, о М. М. Ковалевском» (запись 20 февраля; *ТБС*. 2. С. 367).

7 января 1908 г., в год 80-летнего юбилея Толстого, Ковалевский на литературно-музыкальном вечере, устроенном Петербургским обществом народных университетов, прочитал доклад о всемирном значении Толстого и предложил организовать чествование писателя во всём мире, создать международное бюро, в которое бы вошли общественные деятели, представители науки и культуры. По случаю 80-летия Толстого по инициативе М. А. Стаховича в 1908 г. в Петербурге был создан «Комитет почина», председателем которого стал М. М. Ковалевский. Члены комитета предполагали законодательным путём через Гос. думу провести ряд культурно-просветительских мероприятий. Был разработан масштабный план чествования юбиляра, но Толстой отрицательно отнёсся к этой затее, и 22 марта Комитет вынужден был сложить полномочия, однако при этом его организаторы преобразовали Комитет в Общество им. Л. Н. Толстого. А на Всероссийском съезде писателей, проходившем 22–24 июня, приняли решение создать музей Толстого в Петербурге.

2 января 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «За обедом Н. Н. Гусев рассказал про фельетон М. М. Ковалевского “Юбилей Л. Н. Толстого” в “Русских ведомостях” 1 января 1909 г. Ковалевский в нём признаёт непротивление. *Л. Н.*: “Это мне приятно. Он милый человек”. Николай Николаевич что-то говорил про него. *Л. Н.*: “Это очень интересно; интересно, что есть люди, которые говорят, что дважды два – четыре”. Софья Андреевна, прочитав и вырезав фельетон, сказала: “Максим Максимович Ковалевский молодец, не побоялся правду сказать о Льве Николаевиче”. Всех удивило такое выражение согласия с *Л. Н.*! <...> *Л. Н.* вспомнил и рассказал про карикатуру в недавнем приложении к “Новому времени” – как старик Стасюлевич передаёт Ковалевскому ведёние “Вестника Европы” – коня: “Осторожно ездят!” Тучный, грузный Ковалевский: “Подо мной не поскачет!”» (*ЯПЗ*. 3. С. 292–293).

Ковалевский вместе с В. И. Срезневским и М. А. Стаховичем стал основателем музея, началом которому послужила Первая толстовская выставка в марте 1909 г., прошедшая в залах Театрального клуба в Петербурге. 27 марта 1911 г. музей был открыт.

После смерти Толстого Ковалевский опубликовал статью «Можно ли считать Тол-

стого продолжателем Руссо» (*Вестник Европы*. 1913. Кн. 6).

А. В. Шмелёва

КОЗЛОВ Александр Александрович (1831–1901) – профессор философии Киевского университета. Писал о Толстом. 12 ноября 1890 г. Толстой в дневнике отметил чтение статьи Козлова «Письма о книге гр. Л. Н. Толстого “О жизни”», напечатанной в журнале «Вопросы философии и психологии» (1890, кн. 5–8), издававшемся в 1889–1918 г. в Москве. Позднее, в 1891 г., статья вышла отдельным изданием. Толстой читал пятую книгу журнала. В дневнике запись: «Статьи “Вопросов психологии”. Скверно лыстит тщеславию» (51: 103). В дневниковой записи 5 марта 1891 г. вновь упоминал чтение статьи: «Думал: Я читал статью Козлова против меня, и мне не было нисколько больно. И думаю, это оттого, что последнее время много мне было уроков, уколов в это место: притупилось, замозолилось, или, скорее, я немного исправился, стал менее тщеславен» (52: 16–17). 20 сентября 1894 г. писатель читал статью Козлова о немецком философе-идеалисте, последователе Лейбница Густаве Тейхмюллере, напечатанную в том же журнале (1894, кн. 24–25). В *ЯПЗ* сохранилась кн. 8 (28) журнала «Вопросы философии и психологии» за 1894 г., на обложке которой отчёркнуто название статьи А. Козлова «Анализ последнего произведения гр. Л. Н. Толстого “Хозяин и работник”».

Л. С. Дробат

КОЗЛОВСКИЙ Викентий Михайлович (1797–1873) – генерал-майор, участник Кавказских походов с 1815 г. Прослужил на Кавказе с 1826 по 1858 г., 16 раз был удостоен различных наград. В 1826 г. за участие во взятии аула Урус-Мартан под начальством генерала А. П. Ермолова получил первую боевую награду – орден Святой Анны 4-й степени «за храбрость». В эти годы неоднократно разбивал отряды горцев под предводительством Шамиля. Боевой путь Козловского нашёл отражение в книге М. А. Янжула «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе» (Тифлис, 1886). Ещё до прибытия Толстого на Кавказ его брату Н. Н. Толстому пришлось несколько раз участвовать в боевых вылазках против горцев под командованием Козловского. Так, в феврале 1850 г. в районе реки Яман-Су были захвачены четыре аула. По донесению Козловского в штаб армии, поручик Оголин «нанёс решительное пора-

жение горцам, в чём лучшим и единственным его помощником был подпоручик граф Николай Толстой». За участие в этом деле Н. Н. Толстой в 1850 г. был произведён в поручики.

Толстой, видимо, уже не застал Козловского на Кавказе. Его дневниковые записи той поры изобилуют фамилиями его армейского окружения и начальства, но нет ни одного упоминания о Козловском. Сведения о Козловском понадобились писателю во время работы над повестью «Хаджи-Мурат», где генерал выведен под своей фамилией. Источниками повести служили многочисленные книги, труды по истории, этнографии; мемуары, дневники, переписка. В частности, Толстой цитировал письмо главнокомандующего Кавказских войск М. С. Воронцова военному министру А. И. Чернышёву: «Всё, что я вам писал выше, я также написал генералам Завадовскому и Козловскому, для непосредственных сношений Козловского с Хаджи-Муратом...» (35: 63). Использовал писатель и публиковавшийся в журнале «Исторический вестник» (1893. №№ 1–10) дневник участника Кавказских войн генерал-майора В. А. Полторацкого, который тот вёл с 1840-х по 1880-е гг. Оттуда были заимствованы сведения о прощальном обеде в честь проводов Козловского в 1853 г. с поста командующего войсками левого фланга Кавказской линии (35: 97–98). Генерал уезжал на новое место назначения – командующим войсками правого фланга Кавказской линии и в Черноморье. В это время, в начале Крымской войны, готовилось восстание горцев на всём Кавказе. Наиб. Шамиля Магомет Амин со значительными силами двинулся к Карачаю – предгорью Северного Кавказа, где должен был встретить множество единомышленников. Козловский бросился за ним и перед самым Карачаем, имея всего три батальона войск, наголову разбил горцев. В 1858 г. по состоянию здоровья генерал покинул Кавказ и жил в своём имении Смоленском в 23 км от Переславля-Залесского.

Е. В. Белоусова

КОК Поль Шарль де (Kock; 1793–1871) – французский писатель, автор занимательных авантюрных романов, особенно популярных и модных в 1820–1890 гг. среди невзыскательных читателей. Родился в семье голландского банкира, во время Французской революции казнённого Конвентом. Служил банковским клерком. Начинал как драматург и либреттист оперетт, позднее сочинял многочисленные легковесные романы, преимущественно из жизни париж-

ских гризеток, солдат, богемы, поселян, среднего городского класса. «...Его сцена – это бульвар, публичный сад, трактир, кофейная средней руки, иногда кабацкая, комната швеи, бедная квартира честного ремесленника» (Белинский В. Г. ПСС: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 490). Буржуазному читателю нравились его запутанные комические интриги, легкомысленные герои – буржуа и мещане, сентиментальные счастливые развязки. Прекрасно изучив быт и нравы различных слоёв населения столицы, П. де Кок широко пользовался материалом своих наблюдений. Успешная серия романов о парижской жизни начинается с наиболее художественного романа «Жоржетт, или Племянница нотариуса» (*Georgette, ou la Nièce du tabellion. 1820*). За исключением нескольких не очень удачных экскурсов в историческую романистику и статей из сборника «Великий июль» (*Grande juillet, 1842*), все они повествуют о современной автору жизни парижского среднего класса и двусмысленных приключениях того или иного рода. Самыми известными были «Андре-савояр» (*André le Savoyard, 1825*) и «Парижский цирюльник» (*Le Barbier de Paris, 1827*), они пользовались огромным успехом. Наблюдательность писателя, его умение, схватив внешние впечатления, создать яркие зарисовки, ловко заинтриговать читателя были несомненным достоинством П. де Кока-романиста.

В 1840–1850 гг., как всякий молодой человек, Толстой бессистемно читал всё, что было под рукой для «умственного и нравственного совершенствования». Не только классиков, но и таких авторов, как П. де Кок. Об увлечении его романами, наряду с книгами А. Дюма-отца и Э. Сю, он писал в автобиографической повести «Юность». Никольенька Иргеньев «зачитывался романами Сю, Дюма и Поль де Кока. Все самые неестественные лица и события, – вспоминал он, – были для меня так же живы, как действительность, я не только не смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для меня, а сами собой являлись передо мной, из печатной книги, живые, действительные люди и события. Ежели я нигде не встречал лиц, похожих на те, про которых я читал, то я ни секунды не сомневался в том, что они *будут*» [1: 230].

Интерес и внимание к романам де Кока сохранялись во время и после заграничных путешествий писателя. В Европе он убедился в том, что де Кок не заслуживал того презрительно-высокомерного к себе отношения, которое было распространено в России. В 1868 г. изумлённому американскому дипломату и переводчику Скайлеру

Толстой признался, что во французской литературе он ценит «выше всего романы Александра Дюма и Поль де Кока. <...> Не говорите мне ничего о той бессмыслице, что Поль де Кок безнравствен. Он, по английским понятиям, несколько неприличен. Он более или менее то, что французы называют *leste* и *gaulois* (легкомысленный и вольный), но никогда не безнравствен. Что бы он ни говорил в своих сочинениях и вопреки его маленьким вольным шуткам, — направление его совершенно нравственное. Он — французский Диккенс. Характеры его все заимствованы из жизни и так же совершенны. Когда я был в Париже, я обыкновенно проводил половину времени в омнибусах, забавляясь просто наблюдением народа; и могу вас уверить, что каждого из пассажиров я находил в одном из романов Поль де Кока» (Скайлер Евгений. Граф Л. Н. Толстой двадцать лет назад // ТВС. 1. С. 201–202).

Из письма к украинскому педагогу Х. Д. Алчевской в 1882 г. известно, что на её вопрос, стоит ли в харьковской воскресной школе, где она преподавала, практиковать рецензирование педагогами и учащимися поступающих в библиотеку книг, Толстой отвечал, что боится «влияния личных вкусов при суждениях. Если рецензии эти только как бы статистические сведения о том, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнее рассказывается, — тогда это очень, очень важные и полезные сведения. Но достоинство таких сведений тем больше, чем сведения эти независимее от всякой предвзятой мысли. Поль-дэ-Коки и «Жития святых», положим, разбираются в библиотеке больше всего и пересказываются лучше всего, <...> если, положим, это так, то это драгоценный материал, из которого могут быть сделаны выводы огромной важности» (63: 109).

К времени создания трактата «Что такое искусство?» в 1897–1898 гг. восприятие Толстым творчества П. де Кока переключалось с критическими высказываниями В. Г. Белинского. На этот раз писатель опонировал П. де Кока к массовой литературе. В вариантах он писал: «Стихи Гёте, Шиллера, Hugo, Пушкина, Тютчева. <...> Но есть люди, и их много, которым и эти произведения искусства не нравятся, а нравятся романы Дюма, Поль де Кока, цыганские песни» (30: 336).

И в то же время в конце пути Толстой вернулся к своему первому юношескому впечатлению. Он ценил П. де Кока за «французский жанр», когда «и мило, и смешно, и легко» (ЯПЗ. 3. С. 185), и ему нравилась его «добродушная весёлость» (ЯПЗ. 3. С. 189).

Услышав это, «Софья Андреевна запротестовала против сальностей Поль де Кока: “Толстые — все такие, любят такие вещи читать”» (ЯПЗ. 3. С. 189). В ЯПБ сохранилось единственное издание П. де Кока на французском языке: «Zizine» (Bruxelles, 1837), подарок Т. А. Ёргольской от Н. И. Толстого.

Лит.: Эйхенбаум Б. М. Толстой и Поль де-Кок // Западный сборник. АН СССР. М.-Л., 1937. С. 291–308.

А. Н. Полосина

КОКОРЕВ Василий Александрович («Кокырев»; 1817–1889) — известный и успешный предприниматель, публицист, филантроп. Из семьи старообрядцев, отец — торговец солью. Управляющий солеваренным заводом; значительный капитал получил в связи с занятием с начала 1840-х гг. винными откупам. За время предпринимательской деятельности нажил к концу 1850-х гг. огромное состояние. После обнародования рескриптов о подготовке «улучшения быта помещичьих крестьян» был одним из инициаторов проведения 28 декабря 1857 г. в честь начала работы по освобождению крестьян торжественного обеда, на котором присутствовало 180 чел. (см.: «Русская старина». 1898. № 1). Произнести речь ему не удалось — она была напечатана позднее. И, видимо, о ней 5 января 1858 г. Толстой писал как о вызвавшей у него «необъяснимое впечатление омерзения» (48: 3). Однако чуть позднее Толстой отзывался иначе: «Читал славную статью Кокорева...» (48: 11). «Вчера вышла приготовленная и несказанная Кокыревым речь, — писал он В. П. Боткину. — <...> Куда девалось моё олимпийское спокойствие, когда я прочёл эту речь? Речь эта всем нравится. Куда мы идём? Это ужасно. Я убеждаюсь, что у нас нет не только ни одного таланта, но и ни одного ума» (60: 250).

Интерес Толстого к Кокореву связан с событиями и деятелями конца 1850-х гг. Отношение к нему было неоднозначное, что, однако, не помешало Толстому отобедать у Кокорева 12 мая 1856 г. Кокорев опубликовал известную заметку «Миллиард в тумане» (СПб. ведомости. 1859), где предложил купечеству «сброситься» деньгами и помочь крестьянам освободиться от власти помещиков, которых купец-богатеи недолюбливал. Предложение не было принято. Конечно же, негативные интонации Толстого по отношению к Кокореву связаны с нелюбовью купца к помещику-российскому дворянству.

Кокорева называл Толстой в заметке 1877 г., в которой вспоминал его организаторскую деятельность по проведению тор-

жеств в связи с приездом в Москву героев севастопольской обороны (17–28 февраля 1856 г.). Более Кокорева Толстой не упоминал.

Миллионер практически разорился после отмены винных откупов, но продолжал активную предпринимательскую деятельность, оказывал практическую помощь голодающему крестьянству России, славянам за её пределами накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., постоянно оказывал помощь студентам Академии художеств, за что в 1889 г. ему было присвоено звание почётного члена Академии художеств.

Л. И. Зенцов

КОЛБАСИН Елисей Яковлевич (1832(?)–1885) – петербургский знакомый Толстого с 1850-х гг.; писатель, младший брат Д. Я. Колбасина. Печататься начал в одесских литературных сборниках на рубеже 1840–1850-х гг. (повести «Энтузиаст», 1849; «Практический человек», 1850). Переехавшись в Петербург, посещал вольнослушателем юридический факультет Петербургского университета. Однако позднее в воспоминаниях писал: «...любовь к литературе влекла меня в литературный кружок, и более всего я жаждал познакомиться с Тургеневым и Некрасовым» (Колбасин Е. Тени старого «Современника». Из воспоминаний о Н. А. Некрасове // Современник. 1911. Кн. 8. С. 222). Знакомство с ними способствовало активизации литературной деятельности Колбасина: в «Современнике» он публиковал прозу («В деревне и в Петербурге», «Девичья кожа», «Сурков» и др.), библиографические разборы и историко-литературные статьи, участвовал в «Современном обозрении». Сотрудничал в др. журналах: помогал, в частности, А. В. Дружинину редактировать «Библиотеку для чтения».

Хотя в «Современнике» Колбасин печатался вплоть до 1861 г. (рассказ «Семь клевет на любовь» вышел в майском номере за 1861 г.), уже на рубеже 1859–1860 гг. его отношения с «молодой редакцией» «Современника» стали крайне напряжёнными. В рецензии на книгу Колбасина «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859), в которой были собраны его ранее напечатанные очерки, Н. А. Добролюбов довольно точно, но не слишком лестно для авторского самолюбия Колбасина охарактеризовал его место в литературном процессе и характер его взглядов: «...он ещё находится в том литературном возрасте, в котором только собираются материалы и перевариваются чужие мысли и мнения, а собственные взгляды ещё довольно шат-

ки и неопределённые. Мы можем быть благодарны господину Колбасину уж и за то, ежели он берёт из чужих взглядов то, что более подходит к современным требованиям» (Добролюбов Н. А. Литературные деятели прежнего времени. Е. Колбасин. СПб., 1860 // Современник. 1860. № 1. Отд. III. Русская литература. С. 111).

Действительно, литературная позиция Колбасина отличалась явной несамостоятельностью, зависимостью отчасти от взглядов И. С. Тургенева, к которому Колбасин был особенно близок (на что, очевидно, и намекал Добролюбов, когда писал об излишне благосклонном отношении Колбасина к «литературным авторитетам»), отчасти – от общих настроений и литературных вкусов эпохи 1850-х гг. (в позднейших воспоминаниях восхвалял молодых сотрудников «Современника» за присущую им свободу от «сватовства и кумовства»), а о своём тогдашнем литературном покровителе Тургеневе и близких ему «эстетических критиках» отзывался пренебрежительно: «Всё это были не граждане, не энергичные деятели, не бесстрашные борцы за какую-нибудь идею, а просто баре, правда, очень образованные, очень умные и очень гуманные» (Колбасин. Тени старого «Современника» // Современник. 1911. № 8. С. 235, 237). Наибольший интерес в наследии Колбасина представляют его подробные корреспонденции Тургеневу, чьи поручения по литературной и хозяйственной части он нередко выполнял вместе с братом Дмитрием. После отъезда Тургенева за границу в 1856 г. Колбасин принял предложение писателя высылать ему за небольшой гонорар ежемесячные отчёты о литературной жизни в России, от которой Тургенев оказывался по сути отрезан. Эти отчёты Тургенев называл «истинной пищей душевной» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 34), чрезвычайно информативной, тем более что Колбасин не скупился в них не только на новости литературного мира, но и на всевозможные сплетни. Из этой переписки можно узнать, в частности, об отношениях Толстого и Дружинина, об оценках Толстым произведений Тургенева, о ходе подготовки и продаже отдельного издания «Детства и Отрочества» и «Военных рассказов» 1856 г.

Между тем личные отношения Колбасина и Толстого никогда не были доверительными. В своих письмах Колбасин называл «Лёвушку» «самолюбивым и упрямым оригиналом», «личностью довольно нелепой и сумасбродной» (Тургенев и круг «Современника». М.–Л., 1930. С. 314–315); намекал на его пристрастное, ревнивое отношение к снискавшим популярность произведе-

ниям др. авторов. Так, критику Толстым тургеневской «Аси» Колбасин, со ссылкой на Некрасова, мотивировал «уязвлённым самолюбием», связывая с провалом «Погибшего» (повести «Альберт»). В чуть более позднем письме, отмечая успех у читателя своей повести «Два зайца. Дневник армейского офицера» (Современник. 1857. № 11), Колбасин сообщал Тургеневу, что Толстой и её разобрал «как величайшую пошлость» (Тургенев и круг «Современника». С. 343–344). Видимо, малоудачная повесть Колбасина с довольно искусственным, водевильным сюжетом вызвала неприязненное отношение Толстого из-за содержащихся в ней насмешек над офицерством – тема для Толстого, недавно вернувшегося из Севастополя, очень личная и мучительная. К тому же ироничные суждения и едкие отзывы, наполняющие письма Колбасина и его художественные произведения, выдают не столько сатирическое дарование, сколько недостаток критического чутья, заставляющий подменять издёвкой вдумчивый анализ.

Действительно высокие оценки Колбасина относились лишь к автобиографической трилогии Толстого, особенно к «Детству» и «Отрочеству», изданным отдельной книжкой братом Колбасина Дмитрием. В сентябрьской «Библиотеке для чтения» 1856 г. Колбасин напечатал (без подписи) рецензию на второй том сборника «Для лёгкого чтения» с восторженным отзывом о «Детстве» и «Отрочестве»: толстовское изображение «духовного расширения человека» названо здесь «материком новым, материком графа Толстого». В то же время Колбасин прохладно отзывался о «Записках маркёра» и призывал Толстого «не слишком поддаваться печатным похвалам», дабы встать в число «первоклассных русских писателей» (<Колбасин Е. Я.> Для лёгкого чтения. Повести, рассказы, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Том II. СПб., 1856 г. // Библиотека для чтения. 1856, т. 139. Отд. VI. Литературная летопись. С. 22–24).

Застав Толстого в январе 1857 г. за чтением Белинского, Колбасин несколько снисходительно отмечал внутренний рост Толстого («В добрый час, благословите этого сильного и развивающегося человека» – Тургенев и круг «Современника». С. 315), опять-таки перенимая, очевидно, манеру Тургенева, любившего подчёркивать возрастную дистанцию и с её высоты оценивать ход литературного и душевного развития Толстого.

Не самую красивую роль сыграл Колбасин в истории чуть было не состоявшейся

в 1861 г. дуэли между Толстым и Тургеневым. Как следует из письма Тургенева П. В. Анненкову от 26 октября 1861 г., именно Колбасин, ссылаясь на своих друзей, передал Тургеневу сплетню о том, что Толстой в Москве распространял копии со своего оскорбительного письма Тургеневу (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 300). Это необоснованное подозрение вызвало новый виток скандала и вновь ожесточило Толстого против Тургенева, с которым он уже готов был помириться (60: 406–407; Гусев. Материалы. 2. С. 451–454).

Ю. И. Красносельская

КОЛБИ Клара Бьюик (Colby Clara Bewick; 1846–1916) – корреспондент и адресат Толстого; американка; редактор-издатель вашингтонской газеты «Woman's Tribune» («Трибуна женщины»). Родилась в Англии. 7/19 сентября 1894 г. Колби направила Толстому письмо, к которому прилагала чек на десять долларов, собранный, как писала она, «из десятицентовых пожертвований женщин, которые желают только одного, чтобы их средства пошли во благо русскому крестьянству или нуждающимся женщинам. Все, кто любит человечество, чувствует биение его пульса, хотя бы и на другом конце земного шара, посылают этот скромный дар с глубокой признательностью Вам и Вашей семье за всё то хорошее, что Вы делаете» (Толстой и США. С. 702), – добавляла она. Колби также прислала Толстому свой доклад, «проект арбитража по спорным вопросам между работодателями и служащими», который она представила на последнем Международном Конгрессе мира. Толстой ответил Кларе Колби 17/29 октября, обещая сделать из присланных ею «денег наилучшее употребление, передав их одной семье, пострадавшей от пожара». Он признался, что, прочитав её «воззвание о третейском суде», был им заинтересован, и высказал мнение, что «борьба между капиталистами и рабочими не может быть прекращена путём принуждения, т. е. насилия» (там же. С. 704), и он рад был узнать, что его корреспондентка придерживалась тех же взглядов.

Н. И. Бурнашова

КОЛЕСНИЧЕНКО Алексей Яковлевич (1886–1920) – посетитель, адресат и корреспондент Толстого, близкий к нему по взглядам. Сын чиновника, учился в Военно-медицинской академии, из которой, не кончив курса, вышел в октябре 1907 г. под влиянием чтения Толстого: стал жить простой трудовой жизнью; член земледельческих общин.

В начале марта 1907 г. Толстой получил письмо (от 5 марта 1907 г.) на 15 страницах от незнакомого молодого человека А. Я. Колесниченко, в котором тот поведаль писателю о своих исканиях смысла жизни. 11 марта Толстой отвечал автору: «Письмо ваше доставило мне <...> радость сознания того, что твоя деятельность приносит видимые тебе добрые плоды и что число близких тебе по духу людей увеличивается. Письмо ваше понравилось — не понравилось, а тронуло меня своей серьёзностью, искренностью и простотой. Я согласен со всем, что вы пишете, в особенности с тем, что главный вопрос для каждого не: что делать? А как делать, как жить? <...> Очень рад общению с вами. Полюбивший вас Лев Толстой» (77: 57). В этом письме Толстой направлял своего корреспондента к Н. Г. Сутковому, в Самарскую губ., для работы в деле помощи голодающим. В тот же день Толстой писал Сутковому: «Я на днях получил письмо от одного студента Медицинской академии Колесниченко, желающего служить тому же делу, которому и вы хотите служить. Я направил его к вам. Простите. Ваш друг Лев Толстой» (77: 62). В середине июня проездом на пути в Самарскую губ. Колесниченко побывал в Ясной Поляне. В записной книжке 19 июня Толстой отметил: «Были два милые юноши: Колесниченко, Рябов» (56: 200). Впоследствии Колесниченко неоднократно приезжал в Ясную Поляну.

8 августа 1907 г. Д. П. Маковицкий записал: «Вечером пришёл Колесниченко. Он весной бросил Военно-медицинскую академию. Потом работал с Сутковым в «Обновлении» и на голоде в Самарской губернии. Теперь чувствует обязанность помогать материально матери (непривилегированным трудом). Пока хотелось бы ремеслом каким заняться, столярством. А потом в земледельческую колонию» (ЯПЗ. 2. С. 475–476). Через день, 10 августа, в письме П. В. Веригину о распределении денег среди пострадавших от неурожая в Самарской губ. Толстой уже называл имя Колесниченко среди своих «молодых друзей»: «Помогали мне в этом мои молодые друзья — люди религиозные — Сутковой, Колесниченко и Рябов» (77: 176). 11 августа Колесниченко снова был в Ясной Поляне. «Л. Н. сидел с Марией Николаевной и Колесниченко и говорил про книгу L'Œuget. Колесниченко, конфузливый и очарованный беседой с Л. Н. (сегодня вечером Л. Н. был особенно великолепен, премило беседовал), спросил Л. Н.-ча» о том, как быть, если «брат Александр (Добролюбов) говорит, что не нужно читать книг», а сам означил список, какие книги он счи-

тает лучшими. Колесниченко прочёл список. Толстой делал попутные «примечания». Потом сказал: «А в общем список странный», и посоветовал Колесниченко читать избранные мысли Конфуция, заметив: «Добролюбов советует не читать, молчать. Как же лишиться этого удовольствия? Я стар, а всё-таки читаю. Надо отвечать, когда задают вопрос». Толстой принёс книгу «Тао-те-Кинг» Лао-тзе и продолжал: «Вот книга! Тао есть сознание полного единства с Богом. <...> Это удивительная книга. Я теперь настолько стар, что не конфужусь. Я просто её буду переводить (с английского, французского, немецкого), хотя это будет далеко от (подлинного) текста. Я было хотел начать учиться по-китайски, потому что я так молод. По этой книге можно по-китайски выучиться. Л. Н. стал показывать Колесниченко, какой знак какое слово означает. Потом опять читал (переводил) и сказал: “Чувствуешь что-то великое”» (ЯПЗ. 2. С. 478–480).

В начале сентября Толстой получил от Колесниченко из Гатчины письмо на 9 страницах (от 8 сентября), где тот писал о своём душевном состоянии, своей внутренней жизни. Его намерение уехать в общину вызвало упреки и гнев матери. Он понял, что нельзя допустить страданий близкого, и заявил матери о своём намерении остаться с ней. После этого он перестал рассуждать о своём положении, решив «во всём полагаться на Бога». Все чувства свои он вложил в статью под названием «Как же человек-то». 11 сентября Толстой отвечал: «Получил ваше хорошее письмо, милый Колесниченко, и перечувствовал за вас все знакомые мне и перечувствованные мною чувства и, когда дочитал до того места, где вы пишете, как после болезни вы покорились желанию матери, т. е. Богу, и вышли на улицу и почувствовали радость, я разреvelся, как ребёнок, и слёзы мне эти были так радостны, как и вам ваше чувство» (77: 195). Прочитав «статью» Колесниченко, Толстой осудил стремление автора «к писательству» и поручил Маковицкому «ответить ему, что сожалеет, что он её писал. Пожалел, что у Колесниченко страсть к писательству: “Как нехорошо — эта страсть к писательству!”» (ЯПЗ. 2. С. 511). Маковицкий же считал, что «рассказ написан очень талантливо, и тема хороша» (*там же*).

Колесниченко продолжал бывать у Толстого. 5 ноября 1908 г. Маковицкий писал: «Приехал Алексей Колесниченко из Самары. Пополудни беседовал с Л. Н. Л. Н. (о Колесниченко): “Он полон любви, весь под влиянием Добролюбова. В Самаре прожил полгода с братьями, работая с ними и веруя с ними. Его вера не есть довольствие

пониманием нового мировоззрения, а как верит, так и живёт. Блаженная его жизнь» (ЯПЗ. 3. С. 242). Но эта «блаженная жизнь», видимо, тяготила молодого человека. Он в письмах просил у Толстого помощи. 2 января 1909 г. в письме И. И. Горбунову-Посадову Толстой просил его дать «какую-нибудь работу Колесниченко» (79: 16). (Письмо самого Колесниченко неизвестно).

Н. И. Бурнашёва

КОЛОКОЛЬЦЕВА Мария Дмитриевна (рожд. Дьякова; 1850–1903) – единственная дочь друга молодости Толстого Д. А. Дьякова от первого брака с Д. А. Тулубевой. М. Дьякова была принята в самый близкий круг общения Толстого: «К папе ходили старые его друзья <...>. Помню Константина Александровича Иславина. Волконского, Горчакова, Дьякова, приходившего часто с дочерью Машей», – вспоминала племянница Толстого М. С. Бибилова (Бибилова М. С. В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. С. 48–49). «Отец и мать до обожания любили дочь. Белокурая, с золотистым оттенком волос, она походила на отца, а сложением и изяществом напоминала мать» (Кузминская. Ч. 2. Гл. XXIII). В детстве М. Дьякова говорила только по-французски, поскольку её мать, Дарья Александровна, учившаяся живописи в Париже, «любившая Париж и тамошних дам» (САТ. Моя жизнь. I. С. 86), «не любила деревни и часть года жила за границей со своей дочерью Машей» (Кузминская. Ч. 2. Гл. XIV). Маша Дьякова часто бывала в Ясной Поляне, вместе с отцом приезжала на встречу Нового года, играла в домашних спектаклях. В 1874 г. она крестила сына Толстых, Николая: «Сейчас кричит Дьяков, что <...> Маша придет крестить» (83: 215), а кумом был брат Толстого – Сергей Николаевич.

29 августа 1876 г. М. Дьякова вышла замуж за получившего отставку младшего чиновника особых поручений при петро-заводском губернаторе Н. А. Колокольцева, брата давнего знакомого Толстого, Г. А. Колокольцева. Узнав о предстоящей помолвке, Толстой в письме от 3–4 января 1876 г. к Н. М. Нагорнову сделал приписку для его жены, Варвары Валерьяновны, своей племянницы: «Варя, голубушка, напиши мне, пожалуйста, сплетню про Машу Дьякову. Всё, что ты про неё знаешь и замечаешь. Она меня очень интересует, и ты описывай все твои наблюдения» (62: 239). 9–15 февраля 1876 г. Толстой писал жене о грядущих переменах в жизни Колокольцевых как о радостном семейном событии: «Мне завидно тебе в том, что ты видишь их вместе – жениха

с невестой, и Дмитрия Алексеевича и радостно жужжащую Софеш <вторую жену Д. А. Дьякова. – А. К.>. Внуши им хорошенько, как я их люблю и радуюсь их счастьем. Я рад, что я не буду на их свадьбе, а то бы я всё плакал» (83: 221). С. А. Толстая в феврале 1876 г. поведала Т. А. Кузминской о своём участии в судьбе Колокольцевой: «Маша, видно, влюблена изо всех сил, <...> и я еду послезавтра в Москву их смотреть и знакомиться с женихом» (83: 222). Венчание состоялось в апреле во Флоренции. Расположение Толстых к Колокольцевой сохранилось и после её замужества, хотя муж её не вписывался в семейный круг, о чём после свадьбы Толстой писал С. Н. Толстому: «Третьего дня мы с женой приехали от Дьяковых и, к сожалению, обвенчали за Колокольцова, который мне кроме всего того просто не нравится» (62: 284). У Колокольцевых родилось двое детей. 16–17 января 1895 г. С. А. Толстая отметила в дневнике: «...приехала Маша Колокольцева, и её душевное участие и настоящие дружеские отношения очень приятны» (ДСАТ. I. С. 231).

Трагически закончилась жизнь Колокольцевой: в припадке помешательства она покончила жизнь самоубийством. «Несмотря на бдительный надзор, ей удалось <...> ввести <...> в заблуждение мужа, пробраться в его кабинет и <...> застрелиться. Она была уже пожилая женщина, мать двух взрослых дочерей», – записал А. Б. Гольденвейзер рассказ Толстого (Гольденвейзер. С. 91). 14 августа 1909 г. в Ясной Поляне вспоминали М. Д. Колокольцеву. Д. П. Маковицкий записал: «Говорили о дочери Дьякова, душевнобольной, и Мария Николаевна рассказала про её самоубийство, насколько хитро, ловко совершила его, как сумасшедшие умеют» (ЯПЗ. 4. С. 45). Толстые и после смерти М. Колокольцевой поддерживали отношения с её дочерью.

А. С. Кондратьев

КОЛОШИН Дмитрий Павлович («Калошин»; 1827–1877) – сын П. И. Колошина, младший брат С. П. Колошина. Судя по дневникам и письмам Толстого, тесного дружеского общения с Дм. Колошиным не было. Из детей Колошиных более интересными для него были Сергей, София и Валентин, служивший вместе с Толстым в Севастополе и погибший там в августе 1855 г. Очевидно, Толстому не нравились какие-то черты характера и поведения Дмитрия. В письме тётушке Т. А. Ёргольской 7 декабря 1850 г. из Москвы он писал: «Из знакомых видал только Исленьева, <...> Озерова <...> и Дмитрия Колошина, который

по-прежнему жалуется на своих родителей» (59: 66).

Во время пребывания Толстого на Кавказе между ним и Д. Колошиным завязалась переписка. 12 июня 1852 г. в Пятигорске Толстой записал в дневнике: «Получил письма от Андрея и Калошина. <...> Калошин не исправился, но письмо его было мне приятно, отвечу сейчас же» (46: 123). Дневник 13 июня: «Писал вчера письмо Калошину злое, но умное, нынче докончил глупой, но доброй припиской» (46: 124). Эти письма не сохранились.

Путешествуя по Европе в 1857 г., Толстой встречался с Д. Колошиным в Париже, о чём имеются две записи в дневнике: «Пришёл Д. Колошин, пошёл с ним ходить и без него» (21 марта – 47: 120); 3 апреля он записал, что к нему пришёл Тургенев, а после него «приходил Калошин, ещё кто...» (47: 121).

В 1859–1861 гг. Д. П. Колошин служил младшим секретарём Русской миссии в Брюсселе. Со временем негативное отношение Толстого к нему усилилось. 6 марта 1874 г. он писал А. А. Толстой: «...какой жалкий экземпляр русских мужчин – Калошин. Как я вспомню про него между английскими, олимпийски самодовольными именно своей тугой односторонней глупостью лордами, мне совестно, и я краснею. Он именно тот несуществующий русский человек, вертлявый (умом), без цели, от слабости поддельвающийся под европейскую внешность, без правил, убеждений, без характера, тот самый несуществующий русский человек, каким в своём презрении иностранцы представляют себе русских» (ПАТ. 2011. С. 309). Речь шла о том, что Д. П. Колошин, бывший в то время камергером Двора, в составе большой свиты ездил в Лондон на свадьбу воспитанницы А. А. Толстой, дочери императора Александра II великой княжны Марии Александровны и герцога Эдинбургского Альфреда, сына королевы Великобритании Виктории. В Юб. это высказывание Толстого откомментировано: «Толстой ошибся: великую княжну Марию Александровну сопровождал в Лондон <...> Александр Петрович Озеров, а не Дмитрий Павлович Колошин...» (62: 74). В новом издании переписки Толстого с А. А. Толстой (2011) – ещё большая путаница. Вполне возможно, что Толстой действительно ошибся, т. к. не был на свадьбе Марии Александровны; ошибка, однако, только в самом факте, но не в характеристике Дмитрия Колошина, которого знал с детства. А. А. Толстая была в этой «свадебной» свите в январе 1874 г., и у неё не возникло сомнений в присут-

ствии Колошина. Она отвечала Толстому: «Ваше описание бедного Калошина мне совершенно не доставило удовольствия, уверяю Вас, потому что оно отчасти совпадает с моим мнением. <...> Но у него есть и хорошие черты: он не эгоистичный, преданный по природе, и я старалась его школить как могла. Посмотрим, что будет дальше. Там надобно было зубастого человека, а этот сделан из хлебного мякиша» (там же. С. 315).

Сведений о последующих встречах и переписке Толстого с Д. П. Колошиным нет.

Е. В. Белоусова

КОЛОШИН Сергей Павлович (1825–1868) – друг молодости и дальний родственник Толстого; писатель, публицист-славянофил. Учился в Царскосельском лицее, где дружил с Л. А. Меем; некоторое время состоял на военной службе гренадером, затем гусаром. Начал печататься с 1846 г. в журнале «Москвитянин». Редактор журнала М. П. Погодин и активный сотрудник журнала писатель-славянофил И. С. Аксаков покровительствовали начинающему литератору. Его рассказы и фельетоны публиковались в журналах «Отечественные записки», «Развлечение», «Пантеон», «Северная пчела», в сборнике «Утро».

Зимой 1850–1851 гг., живя в Москве, Толстой в дневнике часто упоминал имя Колошина. 7 декабря 1850 г. тётушке Т. А. Ёргольской он писал: «Сергей Колошин не женат, как были о том слухи, но он остепенился и много работает над переводами романов для журналов и пишет повести, которые печатаются. Я не читал ничего из написанного им, но говорят, что он очень талантлив и что его маленькие вещицы очень милы. По крайней мере, он честно зарабатывает свой хлеб и зарабатывает его больше, чем приносят 300 душ крестьян» (59: 66). Судя по всему, способ зарабатывания денег литературным трудом для Толстого, начинавшего тогда подумывать о такой же деятельности, казался ему более привлекательным, чем положение владельца трёхсот крестьян Ясной Поляны, доставшейся ему в собственность.

В дневнике имя Колошина упоминалось в «программах» и «правилах», при помощи которых Толстой пытался урегулировать своё поведение, ежедневные занятия, отношения с окружающими. 28 февраля 1851 г. он записал: «Программа завтрашнего дня. <...> С 6 до 12 заниматься одному или с Колошиным» (46: 46). После попытки приготовления к кандидатскому экзамену вместе с другом 7 марта Толстой ставил перед собой «полезную цель – отчёт каждого дня, с точки зрения тех слабостей,

от которых хочешь исправиться» (46: 47). В этом ракурсе он анализировал и общение с другом: «С Колошиным не называю вещи по имени, хотя мы оба чувствуем, что приготовление к экзамену есть пух, я ему этого ясно не высказал. <...> Дал над собою влияние: незнакомству, присутствию Колошина и grand-seigneur-ству неуместному. <...> У Колошиных скверно вышел из гостиной, слишком торопился и хотел сказать что-нибудь очень любезное — не вышло» (46: 47). Подобному разбору подвергались отношения с московскими знакомыми, в т. ч. и с Колошиным.

В 1853–1857 гг. Колошин служил в Иркутске, затем вышел в отставку, вернулся в Москву и всецело отдался литературе и издательской деятельности. В 1858 г. в сборнике «Утро» вышла в свет его повесть «Светские языы». Она попала в поле зрения критика Н. А. Добролюбова: «Какие художественные достоинства представляет, например, повесть г. Колошина? Но, Боже мой! Кому же придёт в голову искать художественности в повести, которая называется “Светские языы”? Вы уже по заглавию можете догадаться, что она имеет характер обличительный, и ваша догадка будет справедливой» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1950–1952. С. 421). В 1859 г. в журнале «Развлечение» Колошин печатал фельетоны под псевдонимом «Не я». В 1861–1863 гг. он издавал еженедельный иллюстрированный журнал «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», среди сотрудников которого был писатель Г. И. Успенский. Издание журнала прекратилось через полтора года за недостатком средств — Колошин разорился. Из-за пошатнувшегося здоровья вынужден был уехать в Италию, где жил в бедности, работал переводчиком в Миланском суде, служил в конторе, присылал статьи в петербургские газеты «Голос» и «Русский инвалид». Умер во Флоренции.

Е. В. Белоусова

КОЛОШИНЫ — семья декабриста Павла Ивановича Колошина (1799–1854). Отец Толстого Н. И. Толстой был знаком с ним. П. И. Колошин учился в Московской школе колонновожатых. Военную службу начал в свите Александра I в феврале 1812 г. С 1815 г. — офицер гвардейского Генерального штаба. В 1823 г. П. И. Колошин стал советником Московской палаты гражданского суда, в 1825 г. — советником Московского губ. правления. В 1824 г. женился на гр. А. Г. Салтыковой, правнучке гр. Фёдора Ивановича Толстого, брата гр. Андрея Ивановича Толстого, прадеда Толстого. Таким

образом, А. Г. Колошина приходилась писателю четвероюродной сестрой.

П. И. Колошин — видная фигура раннего декабризма. Был причастен к деятельности ранней преддекабристской организации «Священная артель», дружил с основателем тайного общества А. Н. Муравьевым. Был знаком с Н. М. Муравьевым, М. И. Пушиным и др. будущими участниками тайного общества. Был арестован в Москве 29 декабря 1825 г. Около полугода содержался в Петропавловской крепости. В июне 1826 г. был освобождён, уволен от службы «с запрещением въезда в обе столицы и установлением секретного надзора». С этого времени П. И. Колошин со своей семьёй жил в имении Смольново Покровского уезда Владимирской губ. Лишь дважды ему было разрешено приехать в Петербург: в марте 1828 г. и в декабре 1836 г. П. И. Колошину разрешено было вернуться жить в Москву 21 ноября 1831 г., а в Петербург — 1 февраля 1844 г. Последние 20 лет жизни был слеп, умер и погребён в Москве на Новодевичьем кладбище. Его жена А. Г. Колошина скончалась в 1871 г., погребена в одной могиле с мужем.

У Колошиных было пятеро детей: Александра (1824–1858), Сергей (1825–1868), писатель; Дмитрий (1827–1877); Валентин (убит в 1855 г. под Севастополем); Софья (1828–1911).

Зиму 1850–1851 г. Толстой жил в Москве и бывал у Колошиных. 14 января 1851 г. он отметил в дневнике: «Угрызения совести, денег почти нет, к С. Д. Горчакову, к Колошиным» (46: 44). Запись от 7 марта того же года: «У Колошиных скверно вышел из гостиной, слишком торопился и хотел сказать что-нибудь очень любезное — не вышло» (46: 47). После кончины П. И. Колошина, весной 1856 г. Толстой навестил эту семью и записал в дневнике 26 мая: «Видел одну мать, которая окончательно мне опротивела. Несчастная Сонечка» (46: 76). В Сонечку Колошину в детстве был влюблён Толстой. Близкие дружеские отношения связывали его с Валентином и Сергеем Колошиными. С Дмитрием Колошиным, чиновником, Толстой тоже был дружен; будучи на Кавказе, переписывался с ним. Во время первого заграничного путешествия встречался с ним в Париже. В 1859–1861 гг. Дмитрий служил младшим секретарём Русской миссии в Брюсселе, где Толстой тоже наверняка виделся с ним.

Е. В. Белоусова

КОМАРОВСКИХ Гавриил Акинфиевич (1862–1921) — посетитель, корреспондент и адресат Толстого. С 1897 г. переписывался с Толстым.

сывался с Толстым. В 1906 г. был учителем земской школы в деревне Кумачи Навалихинской волости Орловского уезда Вятской губ. 1 августа 1906 г. послал Толстому рукопись своей статьи «Жизнь как творчество». 17 августа 1906 г. Толстой отвечал Комаровских, что его не интересуют отвлечённые философские статьи, что очень много работы, а сил остаётся всё меньше. Комаровских в следующем письме просил прислать книг и просил разрешение приехать к Толстому. На конверте Толстой оставил запись: «Послать что есть» – просьба к тому, кто будет отвечать на это письмо. И короткий конспект ответа: «Приезжать же не совету» (81: 277).

16 июля 1910 г. Комаровских с женой всё же приехал в Ясную Поляну. В дневнике Толстой записал: «...потом учитель из Вятки с женою. Тоже пишет. Но очень милый. Поговорил с ним» (58: 79). О посещении Комаровских Ясной Поляны со слов Толстого записал Гольденвейзер: «А у меня нынче очень интересный человек был – учитель Комаровских из Вятки с женой. Я вышел к ним утром, они такие милые. Я предложил им чаю, а они говорят: спасибо, мы уж напились. У них с собою чайник и чай. Они достали горячей воды и в саду напились. Он очень интересный человек и, как часто это бывает, он живёт один со своими религиозными мыслями. Ему хочется выразить их, и он начинает писать. Он показал мне: всё самые хорошие мысли, но неумело написанные. Он, не зная этого, старается высказать то, что гораздо раньше его сказано лучшими мыслителями. У него нет способности и умения, но мысль самая хорошая. Я сказал ему: мысли ваши очень хороши, и боялся, и стал осторожно говорить, чтобы он не писал, так как у него нет к этому призвания; а он – это бывает иногда – сразу понял и насколько не обиделся и не огорчился. Очень хорошие люди. Они к Чертковым пошли» (Гольденвейзер. С. 401–402). В тот же день Толстой писал В. Г. Черткову: «...потом беседовал с вчерашним американцем и ещё с очень милым вятским учителем, которого направил к вам не я. Он мне очень понравился, и он и его жена, по его контрасту с американцем. Я говорил с тем и другим о религиозных вопросах. И насколько искреннее наш русский простой человек» (89: 194).

Н. И. Бурнашова

КОНДЖЕР С. Б. (Conger S. B.; даты жизни не установлены) – американский корреспондент и адресат Толстого, журналист, работал в «Associated Press» («Ассоциация периодической печати») до войны 1914 г.

в России и Германии. Встречался с Толстым в 1908 г. После войны сотрудничал в американской газете «Philadelphia Public Leader», в 1924 г. был её корреспондентом в СССР. В телеграмме спрашивал об отношении Толстого к Определению Синода от 25 августа 1908 г. с призывом не принимать участия в праздновании юбилея Толстого, «отрёкшегося от Христа и отпавшего от церкви», и получил короткий ответ: «Разъяснение Синода было мне неприятно только тем, что оно, очевидно, усиливает то временное возбуждение, отчасти искусственное, сочувствия ко мне» (78: 211). В апреле 1910 г. Толстой вновь откликнулся на просьбу американского журналиста об отправке приветственного послания «в адрес американской прессы и – через неё в адрес американской публики, чей интерес к творчеству Толстого являлся, по словам корреспондента, «глубоким и неизменным» (Толстой и США. С. 924–925): «Не говоря уже о тех американских писателях, которые особенно близки мне по духу, как Генри Джордж, его сын, Эрнест Кросби и др., моё отношение к американской прессе вообще может быть только самым сочувственным и благодарным за их любезное отношение ко мне. Поэтому с чувством искреннего удовольствия я прошу вас не отказать в любезности передать моё сердечное приветствие *The Associated Press* в Америке» (81: 233–234).

Н. П. Великанова

КОНДРАТЬЕВ Иван Васильевич (1892–?) – посетитель Толстого, уроженец Смоленщины, бывший студент электротехнического института в Москве, оставивший учебное заведение. 24 декабря 1909 г. вместе с В. Ф. Булгаковым приехал в Ясную Поляну; он произвёл впечатление на Толстого: «...горячий, искренний человек» (80: 257). Толстой встретил Кондратьева во время прогулки, «ни слова не говоря, подошёл и застегнул на пуговицы полы его расстёгнутого пальто (на улице был порядочный мороз), а потом уже задал вопрос» (Булгаков. О Толстом. С. 11), что ему нужно. Под впечатлением от чтения сочинений Толстого утвердился в необходимости изменить образ жизни и поступить в земледельческую общину: «С утра пришёл Кондратьев, юноша, желавший идти в “колонию”. Я, гуляя, говорил ему, что это не нужно. Потом, с помощью Булгакова, он согласился» (57: 193). Толстой не оставлял оказавшегося на духовном перепутье молодого человека и в тот же день его как «своего нового знакомого» рекомендовал С. Д. и Л. Д. Николаевым: «...он одинок, и я направляю его

к вам с просьбой духовно помогать ему» (80: 257). С особым доверием и симпатией к опыту самоопределения Кондратьева Толстой рассказывал о нём в письме В. Г. Черткову 24 декабря 1909 г., вводя его, человека, с которым «нынче только познакомился», в очень близкий круг общения: «Он очень горячий человек, бросил своё материальное хорошее положение электротехника для того, чтобы только избавиться от городской жизни и поступить в «общину». Мне удалось его уговорить остаться и жить там, где живёт, работая внутреннюю работу в своей душе. Ему нужна духовная помощь» (89: 163). При расставании Толстой подарил Кондратьеву сборники «На каждый день» (июльский и сентябрьский), подписав их по своему желанию: «Это не то что я вам подписываю – автограф. Это я вам очень советую читать. Я каждый день читаю, это моя молитва» (ЯПЗ. 4. С. 141).

А. С. Кондратьев

КОНКИН Иван Евсеевич (?–1920-е гг.) – корреспондент и адресат Толстого; сектант-духобор. (Данных о личных встречах Толстого и Конкина нет.) Жил недалеко от Тифлиса в духоборской общине до того времени, когда на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность. В знак протеста по местам расселения духоборов прокатились волнения. В 1895 г. несколько тысяч духоборов заявили властям о своём полном отказе от военной службы. В ночь с 28 на 29 июня они снесли в кучу всё имевшееся у них оружие, облили его керосином и под пение псалмов сожгли. Семья зачинщиков (около 400) были разосланы по деревням Тифлисской губ., а призванные и отказавшиеся служить духоборы были отправлены в Якутию. Среди них была семья Конкина.

Заочному знакомству Толстого и Конкина содействовали П. В. Веригин <на его сестре Конкин был женат. – А. К.> и В. Г. Чертков. 1 октября 1900 г. Конкин в письме к Толстому из Якутии рассказал о тяжёлой жизни духоборов и просил прислать лечебник и хины, так как весной люди страдают от мучительных приступов лихорадки, а медицинский помощи нет. Толстой незамедлительно ответил, попросив Н. Н. Ге <сына художника. – А. К.> создать преамбулу письма. Ге сообщал: «Иван Евсеевич, Лев Николаевич просил меня написать вам, что он высылает вам фунт с четвертью хины, лечебник, скотолечебник и другие книги, а также разновес и аптечные весы для развески хины» (73: 42).

В этом же письме от 24 февраля 1901 г. Толстой, размышляя о своём понимании нравственных основ идей духоборов, срав-

нивал духоборов с декабристами: «Не скажите, любезные братья и сёстры, что жизнь ваша проходит в тяжёлых условиях, а постарайтесь наилучшим образом жить в этих условиях, и скорбь ваша в радость обратится. Довелось мне видеть возвращённых из Сибири декабристов и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрей, умней, радостней, а оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, обедах, картах, были жалкие развалины <...>, которым нечем хорошим было и помянуть свою жизнь. <...> Живите во всю свою духовную силу, любя друг друга, любя врагов, во всём с радостью покоряясь воле Бога...» (73: 43).

В 1904 г. Конкин через Толстого просил у Веригина денег на переселение в Канаду. Веригин отвечал, что денег для Конкиных у него нет. Помогли Конкиным Толстой и Э. Моод. В июне 1905 г. Толстой отвечал Мооду на вопрос, кому давать деньги из фонда «Воскресения» (гонорар за роман Толстой отдал на переселение духоборов): непосредственно переселявшимся из Якутии в Канаду духоборам или Веригину, руководителю канадской общины духоборов. Прислушавшаяся к совету Толстого, деньги выдали не общине, а нуждающимся в переселении.

19 марта 1907 г. Толстой получил письмо от Конкина из Канады. Конкин писал о том, что правительство страны требует от духоборов принять в собственность землю и принять присягу на верность королю Эдуарду. От того и другого духоборцы пока отказались. Толстой это расценил как лукавую политику канадского правительства (ЯПЗ. 2. С. 398).

А. Г. Королёва

КОНШИН Александр Иванович (1867–1919) – корреспондент, адресат и посетитель Толстого. Директор правления «Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина» в г. Серпухове. Потомственный дворянин, купец 1-й гильдии, директор фабрики и член правления «Товарищества на паях внутренней и вывозной торговли мануфактурных товаров»; окончил Московский университет. Всю жизнь увлекался философией Толстого, за что в семье его прозвали «толстовцем». В студенческие годы он переписывался с Толстым, а затем познакомился и очень сблизился с ним. Один из основателей журнала «Свободное воспитание и свободная трудовая школа»,

сотрудник издательства «Посредник» (редактор, переводчик).

Толстой впервые обратился к Коншину с просьбой о денежной помощи переселяемым в Канаду духоборам в письме от 12 октября 1898 г. Коншины всегда отличались щедростью и отзывчивостью. Когда Толстой воззвал общественность России к оказанию помощи духоборам, на это откликнулись многие современники. Среди них был и Коншин. Он ответил Толстому, что жертвует духоборам 4000 рублей (71: 464) и охотно согласился сопровождать вместе с В. М. Величкиной и В. Д. Бонч-Бруевичем четвёртый, последний, пароход с духоборами. Осень 1899 г. он провёл в Канаде, помогая духоборам обжиться. Принимал активное участие в обустройстве общины, организовывал финансовую сторону дела: собирал деньги, вкладывал собственные средства, помогал открывать кооперативные лавки в местах проживания духоборов. Коншин выделял деньги и для переселения духоборов на Кипр. Через год, 7 ноября 1899 г., в послании к Толстому, описывая и анализируя хозяйственные затруднения духоборов, Коншин убедительно доказывал, что «в России народ больше нуждается в помощи» (72: 195). Коншин оказывал регулярную помощь Толстым во время их работы на голоде: «...очень милый, идейный человек, и, главное, деятельно взялся за покупку и доставку хлеба и разных продуктов...» — вспоминала С. А. Толстая (*СЛ. Моя жизнь*. 2. С. 238).

Жил у Чертковых в Англии, участвовал в издании листка «Свободное слово» и в распространении произведений Толстого за границей, в частности, через Коншина была передана В. Г. Черткову рукопись статьи «Царю и его помощникам».

В 1900 г. П. А. Буланже составил при ближайшем участии Толстого и Коншина план издания еженедельного иллюстрированного литературно-политического и научного журнала в духе взглядов Толстого под названием «Утро». Редактировать журнал должен был старший сын писателя С. Л. Толстой. Позже его кандидатуру заменили на историка-этнографа, приват-доцента Московского университета М. В. Довнар-Запольского. Официальным издателем согласился быть Коншин, который обратился за разрешением в Главное управление по делам печати. Все складывалось благополучно, выпуск журнала был практически разрешён, но в последний момент начальник Главного управления по делам печати князь Н. В. Шаховской объявил, что не может разрешить журнал, связанный с Толстым. Отказ в разрешении журнала был подготовлен Де-

партаментом полиции, установившим путём перлюстрации писем Коншина и Буланже, что «Коншин и Довнар-Запольский являются лишь подставными лицами, под фирмой которых он (журнал) будет выходить: закулисным же редактором будет Буланже, а главными сотрудниками — граф Лев Толстой и его последователи...» (54: 421).

6 сентября 1902 г. Коншин вместе с другими единомышленниками Толстого приезжал в Ясную Поляну по случаю пятидесятилетнего юбилея литературной деятельности писателя.

А. Г. Королёва

КОППЕ Франсуа (Coppée; 1842–1908) — французский поэт, драматург, новеллист и общественный деятель. Родился и жил в Париже. Учился в лицее Сен-Луи. Интерес к поэзии и дружба с поэтами-парнасцами определили направление его творчества. Писал изыщные, меланхолические стихи о любви и смысле жизни, публикуя их в журнале «L'Art» («Искусство») и сборниках «Parnasse contemporain» («Современный Парнас», 1866, 1871, 1876). Под влиянием Ш. Сент-Бёва обратился к темам из повседневной жизни, к пейзажам и жанрам Парижа и его предместий. Начиная с «Les Intimités» («Признания», 1868), тема Парижа стала доминирующей. В романе «Les Humbles» («Смирненные», 1872) Коппе описывал сентиментальные истории мелких парижских рантье, лавочников и гризеток. С 1869 г. Коппе писал популярные в буржуазных кругах комедии «Le passant» («Прохожий», рус. пер. 1892, и др.) и драмы на исторические темы («За корону» («Pour la Couronne», 1895) и «Северо Торрелли» («Severo Torelli», 1883). В 1870-е гг. печатал повести, новеллы, сказки, публицистику. Проза Коппе уступала его поэзии, но сказки и рассказы его имели большие достоинства, в особенности «Contes en prose» («Сказки в прозе») и «Contes rapides» («Быстрые сказки»). В 1878–1884 гг. служил архивистом в Комеди Франсез. С 1884 г. член Французской академии. Буржуазная идеология, морализаторство, натурализм, пошловатые герои Коппе нравились французскому среднему классу. Популярный и хорошо читаемый поэт своего времени вскоре стал предметом насмешек и пародий «проклятых поэтов»: Верлена, Рембо, Ш. Ришпена, Ш. Кро и др. Вольтерьянец в молодости, в последние годы жизни он вернулся в лоно католической церкви. Подобная эволюция была характерна для буржуазной мысли конца XIX в. В католическую веру «обратились» Бурже, Гюисманс, Брюнетьер, Леметр

и др.). Последние годы Коппе был президентом Лиги французского отечества.

В *ЯПБ* сохранилась книга «Рождественская звезда. Сборник рассказов и сказаний из произведений Виктора Гюго, Франсуа Коппе, Жюльа Леметра, Пьера Лоти, Чарльза Диккенса, Брет-Гарга, Андерсена и других» (М., 1905). Вышла в серии «Библиотека И. Горбунова-Посадова для детей и юношества».

Коппе писал предисловия к произведениям французских и русских авторов. Так, в *ЯПБ* есть книга «О войне» («*Sur la guerre*», 1896) французского писателя и журналиста Урбена Гойе (Деруле) с вступительным словом Коппе. А ещё ранее, в 1891 г., к изданию на французском языке «Писем Марии Башкирцевой» («*Lettres de Marie Bashkirtseff*», 1891) он написал об авторе статью. В *ОР ГМТ* сохранилось письмо к Толстому от 3 октября 1891 г. матери Башкирцевой, которая просила его высказаться по поводу дневника её дочери. В ноябре 1891 г. Толстой читал дневник М. К. Башкирцевой на французском языке, опубликованный после её ранней смерти, со статьями о ней Франсуа Коппе и Гладстона, под заглавием «*Journal de Marie Bashkirtseff*» (Paris, 1887). «Читал Башкирцеву» (52: 58), — записал он в дневнике.

В 1891 г. в письме к И. И. Горбунову-Посадову Толстой обратился с просьбой послать Д. Н. Цертелеву в журнал «Русское обозрение» адрес А. П. Барыковой, так как в её переводе вышла драма Коппе в одном действии в стихах «*Le Pater*» («Отче наш», 1891). Эта драма упоминалась в вариантах трактата «Что такое искусство?». По мнению Толстого, «независимо от содержания, чувства и других условий, чем неотразимее заразительность, тем сильнее, лучше искусство, как искусство. И потому произведение искусства, как заразительность гораздо сильнее в первом, чем во втором» (30: 349). В январе 1896 г. в письме к Э. Кросби в связи с вопросом о непротивлении злу насилем упоминался Коппе как пример неточной интерпретации этой теории: «Недавно я читал рассказ Коппе, где денщик убивает своего офицера, застраховавшего свою жизнь, и тем спасает его честь и жизнь его семьи. Стало быть, в известных случаях надо убивать. Такие придуманные случаи и выводы из них рассуждения доказывают только то, что есть люди, которые знают, что нехорошо красть, лгать, убивать, но которым так

не хочется перестать это делать, что они все силы своего ума употребляют на то, чтобы оправдать эти поступки. Нет такого нравственного правила, против которого нельзя было придумать такого положения, при котором трудно решить, что нравственнее: отступить от правила или исполнить его? Но такие придуманные случаи никак не доказывают того, что правила о том, что не надо лгать, красть, убивать, были бы несправедливы. То же и с вопросом непротивления злу насилем: люди знают, что это дурно, но им так хочется продолжить жить насилем, что они все силы своего ума употребляют не на уяснение всего того зла, которое произвело и производит признание человеком права насилия над другим, а на то, чтобы защитить это право» (69: 20–21). Здесь имеется в виду рассказ Коппе «*Le bon crime*» («Преступление с доброй целью») из сборника «*Contes tout simples*» («Совсем простые истории», 1894 – 69: 23).

В октябре 1910 г. в письме И. И. Горбунова-Посадова Толстой получил листовки со списками книг для печати; он «взял их с собой и до 10.40 был занят чтением и распределением на четыре кучки. Красная отметка – для хорошо грамотных. Синяя – для малограмотных. 4. Низший сорт. 3. Недурные. 2. Хорошие. 1. Очень хорошие» (*ЯПЗ*. 4. С. 394). Он «разобрал их на четыре сорта: самые хорошие, хорошие, посредственные и плохие» (82: 206) и хотел бы «заменить плохие и отчасти посредственные книгами безразличными, только не безнравственными и вредными, но самыми разнообразными, которые чередовались бы с книгами остальными, одного определённого направления» (82: 206). В этот список «чередующегося ряда»: «4. Низший сорт» – в один ряд попали «Гюи де Мопассан, “Месть”» и «Ф. Коппе, “Сиделка” (№ 169, М., 1909)» (82: 210). На следующий день Толстой сказал Маковицкому: «Четвёртый разряд надо бросить и заменить их книжечками весёлого содержания, а то это однообразие наскучит» (*ЯПЗ*. 4. С. 394).

А. Н. Полосина

КОПЫЛОВ Василий Александрович (1886?–?) – яснополянский крестьянин, сын Анисьи Степановны Копыловой. Толстой знал его с рождения, умилялся, как малыш «без порток» бегал. Взрослый же Копылов вызывал неприятные чувства. «Подслушал разговор Копылова с прохожим – скверные слова и неправда, и какое удивительное, ужасное безверие. Тяжёлое чувство испытал», — записал Толстой в дневнике 14 мая 1909 г.; 57: 67). Тем не менее на следующий день, 15 мая, он писал станово-

му приставу А. П. Грессеру, желая помочь выручить Копылова из беды: «Стражник, живущий у нас, подал вам заявление о том, что крестьянин Василий Копылов оскорбил его и угрожал ему. Не зная, насколько это справедливо, желательно бы было, в виду бедности этой семьи, прекратить, если возможно, это дело, так как Копылов раскаивается в своём поступке и просил и готов ещё просить стражника простить его» (79: 197). Благодаря заступничеству Толстого Копылов тогда был прощён и избежал наказания.

Но через три месяца с мужиком приключилась новая беда: его «призывали на суд за дубы» (57: 119). 17 августа он пришёл к Толстому и рассказал, что попался стражнику Балякину, когда вёз дрова, срубленные в лесу у С. А. Толстой. Был составлен протокол, и Копылову грозил суд у земского начальника. Он пришёл просить Толстого заступиться за него. Толстой уговаривал жену «прекратить дело», но она «долго отделивалась софизмами» (ЯПЗ. 4. С. 48). Расстроенный Толстой, не кончив обеда, ушёл из-за стола. Младшей дочери Александре Львовне, вошедшей к нему в комнату, он сказал: «Это кончится очень плохо. Я убегу». Он даже плакал (*там же*). С. А. Толстая всё же написала письмо земскому начальнику, прося его прекратить дело против Копылова.

Н. И. Бурнашёва

КОПЫЛОВ Николай Федотович (даты жизни не установлены) — тульский купец, знакомый братьев Толстых, которые неоднократно брали у него взаймы деньги, отдавая с процентами. Часто упоминался в письмах Толстого 1848–1860-х гг. Когда в феврале 1849 г. Лев, находясь в Петербурге, просил брата Сергея срочно прислать ему денег, то всегда фигурировало имя Копылова: «...мне деньги как можно больше нужно, во-первых, чтобы жить здесь, во-вторых, чтобы расплатиться с долгами в Москве. Ежели хлеба недостаточно, чтобы мне в скором времени доставить сверх 250 и 500 рублей серебром, о которых я уже писал, ещё 800 руб. серебром, так, ради бога, продай Савин лес, или ежели же и этого мало будет, то у Копылова за вычетом процентов вперёд ещё возьми...» (ПТСБ. С. 40). Толстой писал Копылову письма (текст не сохранился). Об одном таком письме упоминал брат Сергей 18 июля 1852 г.: «Письмо твоё <...> к Копылову для него непонятно, ибо ты пишешь к нему как к человеку, а он просто лавочник. <...> Что же касается Копылова, то тебе, до тех пор пока ты не утвердишь своей руки, опасаться опеки нечего...» (ПТСБ. С. 122–123). В последнем

случае речь идёт о том, что Копылов, не получив долга, подал вексель ко взысканию. И Ёргольская на опасения Льва Толстого отвечала ему: «Что касается Копылова, помочь делу уже нельзя, он не может вернуть векселя» (59: 197). Толстой был очень расстроен этим известием. В дневнике 1 июля 1852 г. он записал: «Я могу лишиться Ясной, и, несмотря ни на какую философию, это будет для меня ужасный удар» (46: 130). Всего долгов у Толстого было в то время около 4 тысяч серебром, и он тотчас по получении известия о векселях послал зятю В. П. Толстому письмо с просьбой продать для уплаты долгов его деревеньки Мостовую Пустошь и Грецовку. Дело с Копыловым, однако, уладилось без продажи деревень. Брат Сергей, который, по словам Толстого, больше других братьев походил на их отца и унаследовал от него умение в самых трудных материальных обстоятельствах лавировать и находить удобный выход без каких-либо материальных потрясений, какими-то путями нашёл возможность уладить дело с векселями Копылова.

Л. С. Дробат

КОПЫЛОВА Анисья Степановна (1846–1928) — яснополянская крестьянка, вдова Александра Дмитриевича Копылова. Семья жила бедно. Толстой много помогал ей. В 1888 г. у Анисьи третий раз сгорел дом, и ей с четырьмя малыми детьми было негде жить. В июне 1888 г. вместе с дочерью Марией Львовной, М. А. Шмидт, художником Н. Н. Ге и П. И. Бирюковым Толстой начал строить Анисье Копыловой избу и закончил работу в сентябре. 10 июня писатель сообщал В. Г. и А. К. Чертковым: «Работаю я довольно много руками: теперь мы строим дом из соломы и глины погоревшим, а вот с понедельника пахота и покос. Мы это — всегда вместе, я и Маша» (86: 161–162). Яснополянский крестьянин, бывший слуга Толстого С. П. Арбузов, рассказывал в своих воспоминаниях: «Этой же весной граф видит, что Анисье Копыловой негде жить — изба плоха; тогда граф решил построить ей новую и принялся за работу. Ему помогала сама Копылова и его дочь Марья Львовна; они приготовили земли, соломы и воды и начали всё это месить вместе. Когда материал был готов, граф начал класть стены, а потом пригласил плотника устроить потолок, притолки, вставить двери и окна. А печную работу он производил сам: только много доставила ему возни выделка сводов. Долго он думал над ними, но всё-таки вывел. После печи они вместе с Марьей Львовной делали соломенные щиты для крыши. Изба была совсем готова, и Ани-

ся Копылова и до сих пор живёт в ней» (Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги Л. Н. Толстого. М., 1904. С. 127). Л. Н. и М. Л. Толстые помогали Копыловой пахать землю, убирать урожай, косили рожь, жали... В 1909 г. на одного из её сыновей, Василия, полицейский стражник подал становому приставу жалобу о том, что Копылов будто бы оскорбил его и угрожал ему. Анисья приходила просить Толстого о содействии в прекращении возбуждённого против её сына дела. В дневнике 15 мая 1909 г. Толстой записал: «...потом в саду поймала Анисья Копылова о лесе и сыне. <...> Сейчас не мог удержаться, чтоб не отослать с досадой Копылову, поймавшую меня...» (57: 67–68). В тот же день становому приставу А. К. Грессеру Толстой направил письмо в защиту Василия Копылова, и дело было замято. Со временем Анисья Копылова привыкла к помощи Толстых и стала принимать её как их обязанность. Писатель видел это, но продолжал помогать семье Копыловых.

Анисью Копылову он изобразил в пьесе «Власть тьмы», в рассказе из «Азбуки» «Филипок».

Н. И. Бурнашёва

КОРГАНОВ Иван Иосифович (Карганов; 1842–1902) – корреспондент и адресат Толстого; сын полковника И. И. Корганова, чиновник судебного ведомства. Из газет узнав о том, что писатель работает над «Хаджи-Муратом», 20 декабря 1902 г. послал ему из Москвы письмо. 25 декабря в «Настольном календаре» рукою М. Л. Оболенской записано: «Получил письмо от сына Карганова, продиктовал ответ по поводу Хаджи-Мурата». Корганов предлагал сообщить некоторые сведения о Хаджи-Мурате. В тот же день Толстой отвечал Корганову: «Вы не могли доставить мне большего удовольствия, как то любезное обещание ваше сообщить мне подробности о пребывании Хаджи-Мурата в вашем доме. Буду очень, очень благодарен за всё, что вы сообщите мне, в особенности желал бы знать подробности о внешности лиц, участвовавших в этом событии, как-то: вашего батюшки, приставленного к Хаджи-Мурату, пристава и самого Хаджи-Мурата и его нукеров. <...> Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности» (74: 8). Далее Толстой задавал несколько вопросов.

В ответ И. И. Корганов прислал Толстому свои «Воспоминания», сопроводив их письмом от 29 декабря 1902 г., в котором советовал обратиться к его матери, проживавшей в Тифлисе. По словам Коргано-

ва, несмотря на свой престарелый возраст, она обладала хорошей памятью и могла бы сообщить ценные сведения. «Я был в то время десятилетним мальчиком, – писал Корганов, – и живо помню все подробности его пребывания у нас в доме и затем день бегства; он верхом сопровождал коляску моей матери, где сидел и я. Если эти обстоятельства могут иметь для вас какое-нибудь значение, я охотно опишу вам подробно всё время его пребывания у нас в доме и затем бегство. Моя мать и сейчас жива и хорошо также помнит это время» (73: 354).

8 января 1903 г. Толстой отвечал Корганову: «Очень вам благодарен за письмо ваше и интересные подробности, которые вы мне сообщаете. С вашего позволения я позволю себе обратиться к вашей матушке с некоторыми вопросами или, если найду знакомого в Тифлисе, который возьмёт на себя это дело, попрошу его лично обратиться к вашей матушке, что менее утрудит её, чем письменно отвечать на мои вопросы. Ещё раз сердечно благодарю вас за вашу обязательность...» (74: 8).

Н. И. Бурнашёва

КОРГАНОВ Иосиф Иванович (Карганов; 1817–1871) – уездный начальник Нухинского уезда, командующий войсками уезда, полковник Тифлисского егерского полка, участвовавшего в погоне за Хаджи-Муратом. Один из тех, кто обязан был наблюдать за Хаджи-Муратом во время его пребывания в Нухе и доставить его живым или мёртвым после побега от русских. Со своей реальной фамилией выведен в повести «Хаджи-Мурат». (В черновиках вместо «Карганов» иногда: «Курганов».) Собирая материал для «Хаджи-Мурата», Толстой обратился к сыну Корганова с вопросами, среди которых был и вопрос о его отце. Корганов-младший отвечал писателю: «Отец мой, тогда полковник Иосиф Иванович Корганов, армяно-григорианской веры, окончил курс в Главном инженерном училище, произведён в офицеры, сапёрный батальон, в 1833 году, вместе с Ф. М. Достоевским. Он высокого был роста, полный мужчина, красивый, контужен в ногу, храбрец, известный в кавказской армии... Знал Кавказ, как свой карман, и говорил на всех туземных языках. <...> Отец мой говорил, что ему хотели свернуть шею, ибо весьма странно было водворять Хаджи-Мурата, заведомо коварного ренегата, в Нухе, почти на границе Дагестана, и, следовательно, значительно облегчить ему бегство...» «Когда наконец его убили, отец приказал снять голову и в спирте её отправил в Тифлис наместнику, чтобы не было сомнений, что убит имен-

но Хаджи-Мурат. Голова эта была выставлена в пожарном депо, и весь город ходил смотреть. Отец мне позже говорил, что если бы ему не удалось поймать Хаджи-Мурата, то пришлось бы головой за него отвечать, так как он высмотрел нашу дислокацию, знал слабые стороны, и Шамиль легко мог овладеть Тифлисом. Вот был бы скандал, всё бы свалили на отца! <...> Замечательно также, что отец мой никакой награды за поимку Хаджи-Мурата не получил, кроме любезного письма, и то от начальника штаба, даже не от Воронцова» (74: 9).

Н. И. Бурнашёва

КОРГАНОВА Анна Авессаломовна (рожд. кн. Бебутова; 1820–1900-е гг.) – вдова Иосифа Ивановича Корганова, уездного начальника в г. Нухе; адресат Толстого.

«На все Ваши вопросы подробнее может отвечать моя мать, которая ещё жива и очень бодрая, с отличной памятью, – писал Толстому 29 декабря 1902 г. Корганов-сын. – Она живёт в Тифлисе, зовут её: Анна Авессаломовна Корганова (урождённая княжна Бебутова), ей восемьдесят два года. Если Вы обратитесь к ней, она будет счастлива исполнить Ваше желание, хотя и я пишу ей вместе с сим и прошу ответить на те вопросы, на которые я не могу отвечать».

8 января 1903 г. Толстой продиктовал письмо А. А. Коргановой: «Ваш сын, Иван Иосифович, узнав о том, что я пишу о Хаджи-Мурате, был так любезен, что сообщил мне многие подробности о нём и кроме того разрешил мне обратиться к вам с просьбою о более подробных сведениях об этом жившем у вас в Нухе набе Шамиля. Хотя сведения Ивана Иосифовича и очень интересны, но так как он был в то время десятилетним ребёнком, то многое могло остаться для него неизвестным или ложно понятым. И потому позволю себе обратиться к вам, уважаемая Анна Авессаломовна, с просьбою ответить мне на некоторые вопросы и сообщить мне всё, что вы помните об этом человеке, об его бегстве и трагическом конце.

Всякая подробность о его жизни во время пребывания у вас, об его наружности и отношениях к вашему семейству и другим лицам, всякое кажущееся ничтожным обстоятельство, которое сохранилось у вас в памяти, будет для меня очень интересно и ценно.

Вопросы же мои следующие:

1) Говорил ли он хоть немного по-русски?

2) Чьи были лошади, на которых он хотел бежать? Его собственные или данные

ему? И хорошие ли это были лошади и какой масти?

3) Заметно ли он хромотал?

4) Дом, в котором жили вы наверху, а он внизу, имел ли при себе сад?

5) Был ли он строг в исполнении магометанских обрядов: пятикратной молитвы и др?

<...> Ещё вопрос, 6) Какие были и чем отличались те мюриды, которые были и бежали с Хаджи-Муратом? И ещё вопрос, 7) Когда они бежали, были ли на них ружья» (74: 10–11).

Корганова лично не ответила. Записи её воспоминаний Толстому послал С. Н. Шульгин: по просьбе писателя он посетил Корганову в 1903 г. и записал её рассказ, подробности о Хаджи-Мурате. Многие она уже не помнила. Сведения, которые она сообщила, Шульгин опубликовал в своей статье «Предание о шамилевском набе Хаджи-Мурате» // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа, IX, Тифлис, 1909.

Н. И. Бурнашёва

КОРЕНЁВСКИЙ Пётр Иванович (псевд. «К-ий»; ?–ок. 1915 г.) – корреспондент и адресат Толстого; бывший школьный учитель, до середины 1909 г. служил в Виленском отделении Крестьянского банка. Печатался в «Русском богатстве», автор «замечательной статьи» (80: 39) «Крестьянский Генрих Блок», напечатанной в июньском номере журнала (1909, № 6). Эту статью Толстой прочёл 25 июля 1909 г., и она на него «подействовала своим обстоятельным и смелым изложением возмутительных гадостей, совершаемых крестьянским банком под видом помощи несчастным крестьянам». «Для меня то, что я узнал из вашей статьи, – писал Толстой Кореневскому 26 июля, – было совершенно ново, и хотелось не верить в возможность таких случаев, так они ужасны. Но приводимые вами примеры и цифры неоспоримо убеждают, что дела, кажущиеся невозможными по своей безнравственности, совершаются как нечто самое обыкновенное и – смешно сказать – законное» (80: 39). Анализируя статью, Толстой называл вещи своими именами: «мошеннические меры», «несправедливость», «жестокость». «Хотя я и не имею на это никакого права, – продолжал он, – мне хочется благодарить вас за вашу смелость и правдивость, которая, вероятно, поставила вас в материально тяжёлом положении. <...> Если вы найдёте стоящим того и нужным воспользоваться этим письмом для приложения его или выписок из него к новому изданию вашей статьи, я вперёд изъявляю на это своё полное согласие»

(80: 40). 25 июля 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н. эта статья потрясла» (ЯПЗ. 4. С. 21).

Псевдоним «К-ий» был раскрыт, и Кореневского уволили из банка. С полной фамилией автора в начале ноября статья была издана «Русским богатством», в предисловии к этой брошюре печатались фрагменты письма Толстого к Кореневскому. Посылая Толстому только что вышедшую брошюру, Кореневский писал о своём тяжёлом положении безработного.

15 ноября 1909 г. Толстой обратился к редактору газеты «Русские ведомости» Д. Н. Анучину, пытаясь помочь Кореневскому в устройстве на службу. Он характеризовал его как «человека, могущего быть драгоценным сотрудником» для газеты (80: 194). Такое же обращение и в тот же день было направлено И. Д. Сытину. Подобное письмо-просьбу Толстой послал и редактору газеты «Новая Русь» А. А. Суворину, рекомендуя Кореневского как «даровитого сотрудника, знающего и любящего народ» (80: 194). Тогда же просьба пристроить Кореневского была направлена И. И. Горбунову-Посадову. Самому Кореневскому Толстой писал 16 ноября, благодарил за присылку брошюры и обещал «все силы употребить, чтобы найти» ему работу «литературную» (80: 198–199). Через несколько дней Кореневский был принят сотрудником в контору «Новой Руси».

Н. И. Бурнашёва

КОРЗИКОВ Афанасий Андреевич (1866–1906) – последователь взглядов Толстого, его посетитель, корреспондент, адресат; крестьянин-портной села Ущерпье Суражского уезда Черниговской губ. Распространял произведения Толстого, за что преследовался властями. Впервые посетил Толстого 27 сентября 1902 г. В дневнике Толстой записал: «Были интересные черниговские посетители – один желает отказаться от воинской повинности» (54: 143). Среди посетителей был Корзинов.

Корзинов неоднократно встречался с Толстым, бывал у М. А. Шмидт в Овсянникове. Об этом сообщают записки Д. П. Маковицкого: «Вечером пришли от Марии Александровны: одноногий мужик, уминый, простой, несмущающийся, и портной (А. А. Корзинов). Разделяют взгляды Л. Н. Портной не хочет платить податей. За это у него могут продать машину (зарабатывает 40–60 копеек в день), корову. Говорил о спорах с попами. Л. Н. его отговаривал от таких споров...» (23 февраля 1905 г. – ЯПЗ. 1. С. 188). 25 февраля 1905 г. в Ясной Поляне «говорили о Корзинове», как записал Маковицкий:

«Он сильный, работающий, неувлекающийся. У него помер ребёнок, он его сам похоронил. – сказал Л. Н.» (ЯПЗ. 1. С. 191–192). Видимо, Корзинов чем-то особенно запомнился Толстому: в дневнике Маковицкого 12 марта 1905 г. опять о Корзинове: «Портной из народа, который недавно тут был, не хочет платить податей...» – говорил Толстой (там же. С. 209). 16 марта 1905 г. Маковицкий отметил: «Л. Н. мягкий, добрый. Для тех из приходящих к нему людей, которые понимают его и живут для того же, что и он, он безгранично доступен: посвящает им много времени, в ущерб своим занятиям, как, например, <...> Новикову, Листовскому и Корзинову. Никому не отказывает» (ЯПЗ. 1. С. 212). Рассказывая о своём посетителе, Толстой говорил: «Знаю его пять лет, лицо прямое и энергическое» (там же. С. 297).

18 июня 1905 г. Толстой рассказал, что «получил письмо от Корзинова: приехали социалисты в деревню и возбуждают народ поджечь и разгромить Листовского. Корзинов, услыша об этом, уведомил его. Листовский вызвал казаков; теперь ему, Корзинову, грозят, боятся за себя и за семью» (ЯПЗ. 1. С. 315–316). Отвечая Корзинову на письма, Толстой советовал жить по совести, в согласии с Богом: «Вы так же, как и я, знаете, что должно перед своей совестью и Богом делать и чего не должно. <...> Спасибо, что меня помните и пишете» (76: 124).

А. Г. Королёва

КОРОВИН Константин Алексеевич (1861–1939) – русский живописец, автор пейзажей, портретов, эскизов театральных декораций и костюмов, один из основоположников импрессионизма в России. В 1875–1886 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у И. М. Прянишникова, В. Г. Перова, А. К. Саврасова, В. Д. Поленова, Е. С. Сорокина. В 1882 г. учился в Академии художеств в Петербурге. В 1886 г. получил диплом неклассного художника.

Поленов познакомил Коровина с С. И. Мамоновым, который привлёк его к художественной театральной деятельности. На деньги, заработанные в театре, он ездил во Францию и Испанию. Позднее – на Север. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже получил две золотые и девять серебряных медалей за ряд полотен и оформление русских павильонов.

С 1901 г. Коровин стал преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. После революции 1917 г., продолжая работать в театре, активно занимался вопросами сохранения памятников культуры. В 1923 г. выехал в Париж и не вернулся.

В последние годы жизни плодотворно работал в театрах Европы, Америки, Азии, Австралии.

Личность Толстого, его влияние на художников, привлекали Коровина. В своей книге «Константин Коровин вспоминает...» он писал, как в Абрамцеве И. Е. Репин, разделяя философию Толстого, восхищённо говорил о природе человеческого поведения: «А какие сильные существа – лошадь, корова, но едят одну траву, мяса не едят. Я не ем мяса. Лев Николаевич Толстой прав: он думает, что потому, что люди едят мясо, они так взволнованы, может быть, потому и войны ведут. Да и, пожалуй, может ли быть справедлив человек, который ест мясо?» («Константин Коровин вспоминает...» М., 1971. С. 243–244). Картина Репина «Л. Н. Толстой пашущий» (1887) была, по словам Коровина, для Репина символом равенства людей всех сословий. Символично и другое репинское полотно – «Толстой на фоне цветущих яблонь» (1912), на котором великий русский писатель восхищён оживлением русской природы.

Вспоминая о своём друге В. А. Серове, с которым они вместе работали в 80-х гг. в Костроме над полотном «Хожение Иисуса по водам» для церкви Космы и Дамиана, Коровин называл его лучшим рисовальщиком, сокрушался, что тот не увлечён красками, и считал, что не случайно художник Серов, стремящийся к максимально точному изображению, «был большим поклонником Л. Н. Толстого» (*там же*. С. 137).

В книге воспоминаний Коровина есть рассказы, посвящённые русской деревне. В одном из них речь идёт о толстовцах, которые сами ничего делать не умеют и над которыми Коровин вместе с крестьянами посмеивался. Вот граф Толстой, по словам крестьян, всё умеет – и жать, и пахать, и лапти вязать. С лёгкой иронией писал Коровин и о недопонимании крестьянами мыслей Толстого.

А. А. Аленина

КОРФ Николай Александрович (1834–1883), барон – русский педагог и методист, деятель в области народного образования. В 1854 г. окончил Петербургский Александровский лицей, некоторое время работал в Министерстве юстиции, затем уехал в своё имение Александровского уезда (ныне Запорожская область) и принял энергичные меры по развитию в уезде сети начальных земских школ, пропагандировал открытие воскресных («повторительных») школ. Корфу принадлежала идея создания одноклассной земской школы с трёхгодичным сроком обучения и одним учителем.

В 1871 г. Корф написал книгу «Наш друг», которая явилась дополнением к «Родному слову» К. Д. Ушинского и получила широкое распространение в начальных школах России. Он выступал с требованием всеобщего обязательного начального обучения на родном языке, отстаивал звуковой, аналитико-синтетический метод обучения грамоте. В учебных книгах Корфа каждое новое понятие (мысль) сводилось к внешним наглядным признакам, которые учащиеся выявляли путём сравнения, сопоставления, при помощи так называемых развивающих вопросов. Толстой использовал руководство к книге Корфа «Наш друг», чтобы показать абсурдность таких вопросов, а следовательно, порочность самой методики. Детям, которые знали устройство дома, задавались вопросы: «Крыша вверх или вниз?» «Что такое крыша? А стена?» По мнению Корфа, ученики должны были знать, в чём состоит действие блохи и... учителя. Для занятий с учащимися рекомендовались и такие вопросы: «Пересчитаешь ли ты, сколько волосьев на валенках торчит? А отчего не пересчитаешь? Назови такой предмет в нашей школе, который в ней не один. Назови такие предметы в школе, которых здесь много. Что у тебя на лице по одному? Чего у тебя на голове больше одного? Чего у тебя на голове много? С какой целью паука выпускает паутину? Что вверху у лошади, внизу, между шеей с головой и ногами?» (Корф Н. А. Руководство к «Нашему другу». СПб., 1881. С. 150–151). Приводимые примеры кажутся смешными и ещё раз убеждают в том, насколько Толстому было трудно преодолевать ложные стереотипы, которые утверждались в отечественном образовании на основе якобы прогрессивных подходов западноевропейской педагогики. Деятельность Корфа преследовалась царскими чиновниками. В 1872 г. он эмигрировал в Швейцарию, в 1880 г. вернулся в Россию, способствовал открытию воскресных школ в Александровском уезде.

Н. В. Кудрявая

КОРШ Евгений Фёдорович (1809–1896) – русский журналист, издатель, переводчик, библиотечный деятель. Впервые Толстой и Корш встретились «заочно» на страницах «Современника»: повесть «Детство» и начало статьи Корша «Япония и японцы» печатались в сентябрьской книжке журнала за 1852 г. И. С. Тургенев в письме редакторам Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву 18 ноября 1852 г. сообщал своё мнение о содержании номера, о таланте Толстого и далее писал: «...“Япония

и японцы” Корша – просто прелесть – хоть расцеловать его за эту статью. Корш – бесспорно лучший русский reviewer «обозреватель» в английском вкусе» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 86).

Знакомство с Коршем состоялось вскоре после приезда Толстого в Петербург из Севастополя в ноябре 1855 г. Поселившись у Тургенева, Толстой познакомился со всеми литераторами. А. В. Дружинин в дневнике 24 ноября 1855 г. записал: «...к Тургеневу. <...> Новые лица – поэт Тютчев, Бенедиктов, Бахметев. <...> Корш и “Русский вестник”» (*ТБС*. 1. С. 69). Вместе с М. Н. Катковым и группой либерально настроенных литераторов Корш был учредителем журнала «Русский вестник», выходившего в Москве в 1856–1887 гг. Из чернового письма Толстого Каткову от 1 декабря 1856 г. известно, что Корш приглашал Толстого к участию в журнале (60: 133).

В 1858–1859 гг. Корш издавал журнал «Атеней», в котором принимали участие И. А. Гончаров, М. П. Погодин, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, С. М. Соловьёв, Н. Г. Чернышевский, Б. Н. Чичерин и др. В Москве зимой 1858 г. Толстой не раз встречался с Коршем: «Приехал Чичерин. Слишком умный. Ругал жёлко славянофилов. Поехал с ним к Коршу. Спокойный и высоко умён», – записал Толстой в дневнике 24 января (48: 5). 30 января: «Фету, Чичерину и Коршу читал. Хотят поглубже» (48: 6). Очевидно, писатель знакомил слушателей с рассказом «Три смерти». В дневнике Толстого от 25 февраля 1858 г. есть запись: «...почитал журналы; о лорде Грее. <...> Прочёл Чичерина о эмансипации и Корша о реформе» (48: 8). Имелся в виду № 1 «Атеней» за 1858 г. со статьями брата издателя, журналиста В. Ф. Корша «Парламентские выборы и парламентские реформы в Англии» и Б. Н. Чичерина «О настоящем и будущем помещичьих крестьян». Упоминание о чтении этого журнала встречалось и в мартовских записях дневника 1858 г. Среди первоисточников к задуманному писателем в начале 1870-х гг. роману о времени Петра I был и 2-й номер журнала «Атеней» за 1859 г., где Толстой изучал статью А. Н. Попова «Путешествие в 1697–98 гг. стольника П. А. Толстого в Италию и на остров Мальту».

В те дни он завершал переработку повести «Альберт», которая была вынесена на суд того же круга слушателей: «Утром читал, кажется, Чичерину и Коршу. Ничего. – Нашли, что ничего», – записал Толстой 4 марта 1858 г. (48: 8). 13 апреля, вернувшись в Ясную Поляну, он писал Чичерину: «Коршу кланяйся. Славный и редкой он

человек, но, подумав хорошенько о нём, я решил, что он не про меня. Мы не можем с ним не быть чужие» (60: 258). Отсутствие взаимной симпатии отразилось и на их переписке. Известны только два письма Толстого к Коршу и ни одного ответного. 12 мая 1858 г. Толстой просил его передать С. А. Рачинскому просьбу о соблюдении точности при переводе им севастопольских рассказов (60: 269–270).

Лето 1858 г. Толстой провёл в Ясной Поляне. В середине сентября приехал в Москву и 15-го записал: «Виделся с Коршем <...>. Обещал Коршу описание лета: но уозость задачи претит мне» (48: 17). Здесь впервые упомянут новый замысел сочинения под названием «Лето в деревне», сохранился его набросок, но замысел не был осуществлён: «уозость задачи», видимо поставленной Коршем, помешала писателю исполнить своё обещание. 17 сентября он провёл «вечер у Корша. Хорошо болталось; но пора перестать...» (48: 17).

Известно ещё одно письмо Толстого: 27 апреля 1876 г. он просил Корша принять К. А. Иелавина (62: 271), который желал познакомиться и с книжным собранием Румянцевского музея (ныне – Российская Гос. библиотека), и с самим Коршем, ставшим в октябре 1862 г. его библиотекарем и трудившимся там до 1 января 1893 г. С 1874 г. коллегой Корша по библиотечной работе в музее стал философ Н. Ф. Фёдоров. Толстой был читателем библиотеки Румянцевского музея 40 лет и во время посещений её встречался с Коршем.

Е. В. Белоусова

КОШЕЛЕВ Александр Иванович (1806–1883) – знакомый Толстого; публицист, общественный деятель; славянофил; издатель «Московского сборника», журналов «Русская беседа», «Беседа».

Поступив на службу в московский архив Министерства иностранных дел, Кошелев сблизился с С. П. Шевырёвым, М. П. Погодиным, Ф. И. Тютчевым. Позднее, переведённый в Министерство иностранных дел в Петербург, сошёлся с кружком славянофилов, с А. С. Хомяковым. В 1831 г. уехал в Европу, встретился с Гёте и известными экономистами того времени, оказавшими большое влияние на его мировоззрение. Вернувшись в Россию, Кошелев поселился в Рязанской губ. у себя в имении. В 1847 г. выбран предводителем уездного дворянства. С предложением составить комиссию по улучшению быта крестьян обращался в Министерство внутренних дел. В 1858 г. Кошелев представил Александру II свой проект по освобождению крестьян, в сле-

дующем году был вызван в Петербург в числе др. депутатов от губ. комитетов. В 1859–1860 гг. – член Комитета по устройству земских банков. В 1856 г. основал на собственные средства славянофильский журнал «Русская беседа». В 1866 г. выйдя в отставку, занимался земской и публицистической деятельностью. В 1871 г. издавал журнал «Беседа», в 1880–1882 гг. – газету «Земство».

Кошелев, подавая пример, предлагал в 1850 г. обратить своих крестьян в обязанные с наделением их землёй, находящейся в их распоряжении, с платой по 40 руб. за десятину, рассчитывая получить эти деньги от казны. Молодому Толстому Кошелев был интересен своими проектами освобождения крестьян. Занятый и сам подобным проектом в отношении яснополянских крестьян (с выкупом крестьянами земли), по этому вопросу он и предполагал встретиться с Кошелевым.

Через много лет Толстой, увидев в № 8 «Всемирного вестника», где публиковались и его сочинения, начало «Записок» Кошелева, обратил на них внимание: «Статью Кошелева (славянофила) прочту, большей частью мои знакомые, Хомяков <далее пропуск в подлиннике. – А. К.>, про коих пишет» (ЯПЗ. 2. С. 218).

А. Г. Королёва

КРАСИНСКИЙ Сигизмунд (1812–1859) – польский поэт. Толстой был знаком с произведениями С. Красинского, упоминал «Небожественную комедию» (1834) и «Иридион» (1836). В «Небожественной комедии» была изображена современная европейская жизнь с борьбой в ней двух сил: «с одной стороны, <...> отжившее, вымирающее официальное общество, которое выдохлось и изверилось; в нём нет идеалов, а господствует одна условная ложь. С другой стороны, поднимается социальный вопрос, грубая и голодная чернь требует равенства в пользовании всеми благами жизни и властью» (Спасович В. Красинский // Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: издание Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XVI. А. 1895. С. 513–514). Автор произведения занимал нейтральную позицию. Один из двух главных героев, революционер Панкратий, побеждает, однако «его одолевает сознание бессилия что-нибудь на развалинах создать <...>. Пред ним является в видении образ Христа, и он сам умирает, произнося слова Юлиана Отступника: Galilaee, vicisti (Галилеянин, ты победил. – Н. М.). <...> Поэт убеждён в окончательном торжестве добра, но неизвестны ни время,

ни путь, которым оно будет достигнуто» (там же. С. 514). У Толстого в записной книжке № 2 за декабрь 1890 г. есть помета: «Красинский небожественная комедия» (51: 157) – произведение польского автора обратило на себя внимание Толстого, уже приступившего к работе над новым романом, позднее получившим название «Воскресение».

Профессор Краковского университета М. Э. Здзеховский намеревался издать в Европе свою брошюру «Религиозно-политические идеалы польского общества». В августе 1895 г. он обратился к Толстому с просьбой написать к ней краткое предисловие, таким образом Здзеховский надеялся привлечь внимание к своей работе. На эту просьбу Толстой ответил письмом от 10 сентября того же года. В нём он упомянул Красинского, размышляя над характером соотношения патриотизма и христианства: «Человек, верующий, как Красинский, в то, что *«церковь Божья – не то или другое место, не тот или другой обряд, но вся планета и все, какие только могут существовать отношения личностей и народов между собой»*, – не может уже быть патриотом, потому что он во имя христианства совершит все те дела, которые может требовать от него патриотизм. Патриотизм требует, например, от своего ученика жертвы своей жизнью для блага своих единокровцев, христианство же требует такой же жертвы для блага всех людей, и потому тем более и естественнее такая жертва для людей своего народа» (68: 167).

В одном из черновиков этого толстовского послания было сказано: «Когда Мицкевич писал своих Дзядов, а Красинский своего Иридиона, они не думали о проявлении своей индивидуальности, а проявляли то высшее, что было в них, и проявляли действительно поразительно высокие черты именно польской индивидуальности» (68: 172).

Н. Г. Михновец

КРАСНОКУТСКАЯ Варвара Николаевна (рожд. Загоскина; годы жизни не установлены) – хорошая знакомая Толстого, дочь Е. Д. Загоскиной. Толстой познакомился с семьёй Загоскиных и стал постоянным посетителем их дома в начале 1840-х гг. в Казани. Екатерина Дмитриевна занимала должность начальницы казанского Родионовского института благородных девиц, где воспитывалась М. Н. Толстая, а её гостиная «привлекала к себе всё, что было выдающегося» в городе (Исторический вестник. Т. 132. С. 783–784). По воспоминаниям А. Д. Ходнева, «дружеские отношения Льва Николаевича с двумя дочерьми Ека-

терины Дмитриевны были настолько тесны, что молодые люди называли друг друга уменьшительными именами и говорили друг другу “ты”» (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 227). Толстой, в то время студент Казанского университета, и В. Н. Загоскина принимали участие в устраиваемых Е. Д. Загоскиной вечерах и балах, любительских спектаклях, благотворительных мероприятиях, увеселительных прогулках. В мае 1851 г. Толстой гостил в доме Загоскиных, когда заезжал в Казань по пути на Кавказ.

В. Н. Загоскина вышла замуж за В. А. Краснокутского, генерала Генерального штаба. После отъезда Толстых из Казани Загоскины виделись с Толстым в Киеве летом 1879 г. Он приехал в Киев встретиться с известным схимником Антонием и просил Краснокутскую, с которой сохранил прежние дружеские отношения, посетить монаха вместе с ним. В воспоминаниях Ходнева об этом событии сохранилась следующая запись: «В 1877 году он <Толстой. – А. Ф.> написал “Анну Каренину”; роман этот в духовных сферах вызвал сильное осуждение. <...> Л. Н. просил мать моей жены <...> поехать вместе с ним к Дорофею и выслушать его исповедь, на что она согласилась. Схимник, выслушав, по рассказу Л. Н., содержание романа, осудил его и посоветовал ему не писать того, что может “смущать людей”. На другой день Л. Н. уехал, прислав письмо с извинением, что не может воспользоваться, как обещал, приглашением обедать, так как вызван депешей в Москву, и за всё благодарил» (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 227–228).

В конце 1882 г. семья Краснокутских переехала в Москву и Толстой стал частым их гостем. В 1883 г. он согласился быть посажённым отцом на свадьбе дочери Краснокутской Екатерины Владимировны. А. Д. Ходнев вспоминал: писатель, «приняв нас, как полагалось, с образом, <...> взяв руку моей жены и вложив её в мою, сказал мне: “Любите и берегите”. За завтраком жена шутя стала уверять меня, что она первая вступила в церкви на ковёр. Л. Н. сурово остановил её, сказав: “Катя, никогда не пробуйте в вашей совместной жизни быть первой. Между мужем и женой должно быть полное равенство, иначе это может повлечь за собой дурные последствия”» (*там же*. С. 228–229).

А. А. Федотова

КРАСНОКУЦКИЙ (Краснокутский) Николай Александрович (1818–1891) – знакомый Толстого; полковник, адъютант великого князя Николая Николаевича, атаман войска Донского. Родился в дворян-



ской семье. В 1836 г. выпущен из Пажеского корпуса корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. По прибытии в полк Краснокуцкий поселился в Селищенских казармах на одной квартире с М. Ю. Лермонтовым. По свидетельству историка полка, Краснокуцкий «с ранней молодости обращал на себя внимание своим многосторонним образованием. Замечательный лингвист, он владел свободно десятью языками, много занимался живописью и был всегда душой полковой молодёжи» (Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. 1. СПб., 1890. С. 206, 255). С подстрочного перевода, сделанного Краснокуцким, Лермонтов написал вольный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова».

В 1840-е гг. Краснокуцкий принимал участие в военных действиях на Кавказе, в венгерской кампании, получил ряд боевых отличий. Сделал военную карьеру: от полкового адъютанта прошёл путь до адъютанта сына Николая I великого князя Николая Николаевича. В 1852–1856 гг. вёл светскую жизнь в Петербурге: был в дружеских отношениях с А. В. Дружининым, И. С. Тургеневым, В. П. Боткиным, И. И. Панаевым, Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, посещал обеды в Шахматном клубе. Как вспоминал Дружинин, Краснокуцкий был для кружка литераторов источником сведений и о «вечерах в интимном круге царской фамилии» (Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986), и о сражениях Крымской войны. В 1855 г. ему как участнику военных действий И. И. Панаев дал читать рукопись рассказа Толстого «Севастополь в мае», и тот высоко оценил эту работу писателя.

Краснокуцкий успешно продвигался по военной службе. В 1856 г. он был назначен командиром гусарского полка, в 1863 г. – командующим кавалерийской дивизией, в 1868 г. пожалован в генерал-адъютанты. В 1874 г. стал наказным Атаманом Донского Казачьего войска. Скончался в Италии.

А. А. Федотова

КРАСОВСКИЙ Иван Иванович (1828–1885) – сослуживец Толстого по Южной армии, штабс-капитан Днепровского пехотного полка, адъютант главнокомандующего Южной армии М. Д. Горчакова. Толстой несколько раз упоминал Красовского в сво-

ём дневнике. 23 сентября 1855 г.: «...написал <...> письмо Красовскому» (59: 351). 17 сентября 1855 г.: «Добра не сделал никому. Зла много: 1) Красовского оскорбил...» (47: 60). После Севастополя отношения поддерживались и в Петербурге. 16 марта 1858 г. запись в дневнике: «Дома Ив. Ив. Красовский. Рассказы о Жемчужникове прелесть» (48: 9). Толстой был близко знаком с братьями Жемчужниковыми, и потому рассказы Красовского ему были особенно интересны. Интересны были и общие воспоминания о Крымской войне: Красовский участвовал в сражении на Чёрной реке 4 августа 1855 г. Позднее в журнале «Русский архив», 1874, № 2 были опубликованы его мемуары «Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг.» с подзаголовком «Дело на Чёрной реке 4 августа 1855 года и князь Мих. Дм. Горчаков». Толстому тоже довелось служить под началом князя М. Д. Горчакова, своего дальнего родственника. Красовский восхищался личностью Горчакова, человека «редкого бескорыстия, отчаянной храбрости, характера исключительного, образования глубокого, самоотвержения редкого» («Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг. И. Красовского» // Русский архив. 1874. № 2. С. 215).

Впоследствии Красовский – действительный статский советник, камергер; в 1883 г. был назначен Томским губернатором и до конца жизни жил в Томске, оставив в памяти жителей города благодарность за многие добрые дела.

Л. С. Дробат

КРАШЕНИННИКОВ Василий Ефимович (1889–?) – корреспондент и адресат Толстого, в 1907–1914 гг. студент медицинского факультета Московского университета; впоследствии врач-хирург, с 1923 г. работал в Реутовской больнице Московской области.

С Толстым лично знаком не был. 12 августа 1909 г. писал Толстому о своём намерении широко распространять его запрещённые произведения, создать журнал, организовать в учебных заведениях кружки по общественно-религиозным вопросам и просил книг (80: 59). Толстой ответил, что «главное дело – это работа над собой» и обещал выслать книги (80: 58). 22 августа 1909 г. студент сообщал, что занят изучением вопроса о сущности права и государства, просил оценить его соображения по этому вопросу и в письме 14 сентября 1909 г. прислал рукопись своей статьи «О праве». В ответном письме 17 сентября Толстой благодарил за присланную статью и соглашался с выраженными в ней мыслями: «Очень мне приятно было видеть в её авторе так

редко встречающуюся свободу от суеверия “науки” и потому самобытное отношение к вопросу» (80: 95). В 1909 г. Крашенинников сообщил Толстому о своём намерении издавать в гектографированном виде журнал, посвящённый общественно-религиозным вопросам и прислал рукопись своей статьи «Что нужно дать человеку, чтобы осмыслить свою жизнь». Толстой довольно высоко оценил статью. На вопрос, хорошо ли он сделает, если возьмёт за свою литературную работу деньги, Толстой отвечал, что решать он должен сам (81: 36). О рукописи присланной статьи «Что такое культура?» Толстой сделал свои замечания: «Прочёл вашу статью и отметил в ней то, что особенно понравилось мне, красным карандашом, а то, что не понравилось, черным. <...> Статья мне очень понравилась и порадовала ваша близость – единство взглядов» (82: 90). Крашенинников был согласен с замечаниями и внёс в рукопись поправки. Их Толстой одобрил: «Изменение, которое вы сделали в вашей статье, совершенно согласен с тем, что я считал нужным, и выражено очень хорошо. Что же касается печатания, то это дело ваше, решайте сами. Могу подтвердить только, что статья хорошая. Разумеется, совершенно согласен на упоминание о моём участии в её написании» (82: 181). Статья Крашенинникова «Что такое культура?» была напечатана в болгарском журнале «Възраждане» на болгарском языке (1911. № 8. С. 464–478).

А. Н. Тушев

КРИЛЬМЕН Джемс (Creelman; 1859–1915) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; американский журналист, корреспондент американских газет; редактор нью-йоркской газеты «New York Herald». У Толстого был 11–13 марта 1891 г. (приехал в Россию изучать «славянскую расу» и познакомиться с Толстым) и 24–25 июня 1903 г. Автор книги «On the great highway. The wanderings of a special correspondent» <<«На большой дороге. Странствия специального корреспондента»>. Нью-Йорк, 1901; две главы в книге посвящены Толстому (с. 120–156).

13 марта 1891 г. Толстой записал в дневнике: «Нынче утром уехал американец Creelman, от которого я очень устал. Поверхностный, умственно способный человек, республиканец, американский аристократ. Он приехал 3-го дня. И проглотил оба дня» (52: 19). На страницах дневника Толстой словно продолжал диалог с Крильменом: «Говоря с американцем, я сказал, что материальная жизнь есть только тень. Я сказал это на его слова о том, что если поразить

известный центр мозговой, то изменится душа. Как же продолжить сравнение с тенью» (далее писатель развивал это рассуждение) (52: 20). Тогда же Толстой писал своей знакомой Л. Ф. Анненковой: «У нас вчера приехал американский издатель газеты большой, и я ужасно устал от него: надо говорить на языке, на котором говоришь с трудом, а человек по взглядам своим вполне мирской, мало интересен для меня. А между тем оставить его одного, уйти, когда он ни с кем говорить не может и приехал для этого – совестно» (письмо от 12 марта: 65: 267). Вернувшись в Москву, Крыльмен писал Толстому, благодарил «за то удовольствие и пользу», которые он получил от посещения Ясной Поляны. «Даже аскетической простоте, которой Вы добровольно окружили себя, и то можно позавидовать», – признавался американец (*Толстой и США*. С. 492). Об этом посещении Крыльмен написал статью «A Visit to Tolstoy» // *Harper's Weekly*/ 1892. Apr. 16. 36. P. 380.

Через 12 лет Крыльмен снова побывал в России. Теперь, будучи корреспондентом «World», он надеялся опять посетить Ясную Поляну. («Воскресение», – писал он Толстому 23(10) июня 1903 г. – произвело в Америке глубокое и неизгладимое впечатление, ибо искусство Ваше столь же глубоко и проникновенно, как и Ваша этика. Мы все питаем надежду, что в следующем романе Вы прочитаете миру ещё одну титаническую проповедь» (*Толстой и США*. С. 494). Об этом своём визите Крыльмен рассказал в статье, опубликованной 9 августа 1903 г. в «New York World» (русский перевод в журнале «Иностранная литература». 1978, № 8. С. 231–236). По возвращении в Америку Крыльмен не мог удержаться от продолжения начатого в Ясной Поляне спора с Толстым по поводу «права частной собственности»: «Я долго думал над Вашими словами о праве частной собственности и всё так же убеждён, что Вы непоследовательны, когда отказываетесь признать важнейший закон природы, касающийся Вашего долга по отношению к собственной семье в противоположность абстрактным теориям о равных моральных обязательствах перед человеческим сообществом, будь оно христианское или языческое, – писал он Толстому. – Я всё так же считаю Вас величайшим и самым искренним из ныне живущих, но единственно в этом вопросе полагаю, что Вы грешите против очевидного и неукоснительного закона Вселенной. Начиная с дуба, который осеняет тенью и укрывает свою молодую поросль, и до льва, выкармливающего и защищающего своих детёнышей, или челове-

ка, стремящегося обеспечить своих детей, цель и закон Божественного Провидения настолько же непреложны, насколько неизбежны» (*Толстой и США*. С. 496). В этом же послании Крыльмен рекомендовал Толстому своего «давнего и дорогого друга г-на Уильяма Дж. Брайана», будущего кандидата от Демократической партии на пост президента США. Толстой отвечал, что будет рад познакомиться с г. Брайаном, и делал Крыльмену «маленький упрёк»: «Мне было очень больно узнать, что вы опубликовали моё мнение о г-не Харпере и что я, не желая того, обидел человека, который до вашей статьи не мог иметь ко мне никакого дурного чувства. Во всём остальном ваше интервью совершенно правильно и очень хорошо написано» (74: 175–176). «Упрёк» Толстого был вызван следующим пассажем в статье Крыльмена: «В прошлом году меня посетил ректор Чикагского университета г. Харпер. Он рассказывал о миллионах долларов, пожертвованных университету Рокфеллером, и, по-видимому, приписывал этому большое значение. Когда я заговорил с ним о серьёзных вещах, он оказался совершенным невеждой, совершенным варваром... И такой человек стоит во главе университета» (*Толстой и США*. С. 497). 16 января 1904 г. с письмом в Ясную Поляну Крыльмен послал Толстому «лучший из существующих портретов Генри Джорджа», сделанный в последний месяц его жизни, и признавался: «С глубокой радостью, дорогой учитель, я вспоминаю мои оба визита в Ясную Поляну» (*там же*. С. 498).

Н. И. Бурнашёва

КРОФОРД Джон Мартин (Crawford John Martin; 1845–1916) – адресат и корреспондент Толстого. Генеральный консул США в России; первый переводчик на английский язык карело-финского эпоса «Калевала» (1888). В июне 1892 г. Крофорд прислал Толстому в Хамовники письмо с вопросами о «благотворительных фондах помощи голодающим» в России, о том, как обстоят дела в настоящее время, и получил ли писатель посланную ему книгу. В письме автор сообщал также о «денежных поступлениях», полученных им из США в Генеральном консульстве в Петербурге для «помощи пострадавшим» от голода. Толстой ответил в начале июля, что в Рязанской и Тульской губ. «урожай почти такой же плохой, как и в прошлом году», и что он «вынужден продолжить» свою работу в «некоторых деревнях». А потому он не откажется «употребить деньги, которые будут присланы». В феврале 1893 г. от Крофорда Толстой получил письмо, аналогич-

ное первому, и отвечал консулу, упомянув о том, что работа продолжается, что голод «грозен не менее прошлогодного», что открыто «свыше 90 столовых (кухонь)», что «нужда в топливе оказалась сильнее», чем ожидали. «Поэтому всё посланное американскими жертвователями для наших голодающих крестьян будет принято с благодарностью», — завершал письмо Толстой (66: 296).

Н. И. Бурнашёва

КРУПСКИЙ Александр Никанорович (1877–?) — корреспондент, адресат и посетитель Толстого. Семи лет остался сиротой, ушёл из дома, бродяжничал. В 1898 г. был взят на военную службу. Неведомыми путями в 1900 г. оказался в Европе. В 1900–1901 гг. на Международной выставке в Париже служил доверенным лицом издательства Чертковых. В начале 1901 г. вернулся в Россию, был арестован, обвинён в гос. преступлении и сослан на 5 лет в Якутскую область, откуда писал Толстому. В 1904 г. вместе с письмом прислал Толстому свой рассказ «Сычи». Толстой послал рассказ в журнал «Русская мысль» и писал В. А. Гольцеву, редактору журнала: «Некто Крупский, сосланный в Якутскую область, прислал мне для помещения в журнале свой рассказ. Мне кажется, рассказ недурён, не хуже многих. Если он вам пригоден, то возьмите его» (75: 148–149), и Толстой сообщал адрес Крупского. Рассказ в «Русской мысли» напечатан не был.

Крупский не оставлял писателя в покое. 26 февраля 1906 г. он побывал в Ясной Поляне, и Толстой по его просьбе написал И. И. Горбунову-Посадову: «...записку эту передаст вам Крупский. Я не знаю его, но он знает много наших друзей, жил в Якутске с духоборами. Если ничего нельзя для него сделать, то он хотя познакомится с вами, Гусевым...» (76: 109–110). В марте 1906 г. Крупский снова был в Ясной Поляне. Толстой говорил с ним два часа. Гость попросил портрет с надписью — Толстой отказал (ЯПЗ. 2. С. 71).

Н. И. Бурнашёва

КРУТИК Исаак Соломонович (даты жизни не установлены) — корреспондент и адресат Толстого; студент-юрист С.-Петербургского университета. Под впечатлением книги профессора Л. И. Петражицкого «Теория права» 14 апреля 1909 г. написал Толстому письмо, где формулировал неразрешимую для него, студента, проблему противоречия позиции учёного, «учения о праве», с «учением Льва Толстого», соотношения права и нравственности. «Мне

неловко просить Вас отвечать мне лично, — писал Крутик, — но Вы могли бы, как-нибудь, высказать несколько слов по этому вопросу в печати. <...> Этим Вы помогли бы не мне одному, а многим из учащейся молодёжи, которые не глухи к голосу Вашей великой совести» (38: 501). Получив письмо 17 апреля, сначала на конверте письма Крутика Толстой написал «Б. О. забавное», что значило «оставить без ответа», но рядом приписав рукой Н. Н. Гусева, что Толстой сам ответил 27 апреля (письмо Крутику подписано 27 апреля 1909 г.). Как сообщил бывший в эти дни в Ясной Поляне В. А. Молочников, Толстой переделывал «письмо студенту о праве» более двадцати раз (38: 502). «...Вся эта удивительная так называемая наука о праве, — писал Толстой, — в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не de gaieté de coeur <с лёгким сердцем. — фр.>, как говорят французы, а с очень определённой и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий» (38: 54–55).

«Письмо студенту о праве» (38: 54–61) — ответ на письмо студента из С.-Петербурга — было послано Крутику (видимо, в копии). 12 мая 1909 г. он извещал о получении статьи. Толстой записал в дневнике: «Очень интересные письма. От студента о праве — доброе» (57: 66). Из письма Толстого к В. Г. Черткову от 10 июля 1909 г. видно, что Чертков познакомился с Крутиком и тот собирался побывать в Ясной Поляне. Толстой писал: «Крутика до сих пор не видал — должно быть, очень милый и умный человек. То, к чему вы с ним пришли в разговоре, мне вполне сочувственно, и я об этом самом пишу теперь, отвечая на письмо с вопросом о науке и образовании» (89: 129). «Письмо студенту о праве» впервые было опубликовано в Женеве в «Русско-французском журнале» (1910. № 26).

Под влиянием письма Толстого Крутик бросил университет и поселился под Серпуховом.

Н. И. Бурнашёва

КРЮКОВ Михаил Фомич («Фомич»; 1852–1918) — яснополянский крестьянин. В 1873–1877 гг. служил лакеем в доме Толстых. Был женат на дочери повара Толстых Прасковье Николаевне Румянцевой, жившей при барском доме. На рубеже 1870–1880-х гг. служил у разных господ в Туле, в т. ч. у вице-губернатора Тулы Л. Д. Урусова, хорошего знакомого Толстого. В 1882 г. хотел вернуться в Ясную Поляну, о чём 27 февраля 1882 г. Толстой писал жене:

«...явился Михал Фомич – служить, и Илюша с ним пошёл на охоту» (83: 318). Но, судя по более поздним письмам Толстого к С. А. Толстой 1884 и 1885 гг., Крюков продолжал служить у Урусова и только после его смерти в 1885 г. был принят служить в Ясную Поляну буфетчиком, одно время был управляющим имением Толстого. Иногда он сопровождал Толстых на охоте, вместе с Толстым косил, занимался разными хозяйственными работами, выполнял различные поручения Толстого и его семьи, один год прослужил у Андрея Львовича в Таптыкове.

В дневнике Толстого 1889–1890 гг. Крюков упоминался неоднократно. 6 июля 1889 г.: «Встал очень рано, пошёл на Прудиче. Там косил с Фомичом и Андреем. К завтраку пришёл домой» (50: 104). 18 сентября 1889 г.: «Досадно было на беготню Фомича» (50: 145). 9 октября 1889 г.: «Встал рано, постыдно шипел на Фомича и говорил ему неприятности» (50: 155).

В конце 1900-х гг. бывший лакей Толстого служил в буфете при Курском железнодорожном вокзале в Туле.

Л. В. Милякова

КУДАШЕВА Екатерина Васильевна (рожд. Стенбок-Фермор; даты жизни не установлены) – благотворительница, жертвовала деньги на голод. Принадлежала к старинному графскому роду шведского происхождения; замужем за кн. Александром Сергеевичем Кудашевым (1872–?), киевским инженером, автором конструкции первого действующего самолёта в Российской империи. Сын Кудашевых Сергей Александрович (1896–1918) был женат на Марии Павловне Кювилье (во втором браке Роллан), талантливой переводчице.

Кн. Е. В. Кудашева занималась благотворительностью и проявила себя женщиной прогрессивных убеждений и взглядов. 22 мая 1898 г. Толстой в письме к С. А. Толстой отметил, что получил «500 р. от Кудашевой из Киева» (84: 321) – пожертвования для голодающих. Его заинтересовала личность дарительницы, о чём в письме к жене, уехавшей в Киев к Кузминским, он спрашивал: «Не знает ли Таня кн. Кудашеву, которая мне прислала 500 р. Деньги эти ещё не израсходованы – и будут употреблены на столовые в следующем году, т. е. урожайном году, если она этого хочет, если же она такая женщина, которая наверно сочувствует положению духоборов, то не разрешит ли она употребить эти деньги на помощь переселяющимся духоборам? Вопрос этот можно делать, только если наверно знаешь, что она сочувствует духоборам, не боится

правительства и наверно даст утвердительный ответ» (письмо от 13 июля 1898 г.; 84: 324). Во время подготовки к печати очередного тома *Юб.* (т. 84 вышел в 1949 г.) редакция издания обратилась к Е. В. Кудашевой за разъяснением ситуации с её деньгами. В ответ 6 февраля 1934 г. Кудашева сообщила, «что по этому поводу никто к ней не обращался и что она не была поставлена в известность о судьбе пожертвованных ею денег» (84: 325).

До 1917 г. кн. Е. В. Кудашева проживала в своём родовом имении – селе Митрофановке Воронежской губ. На её средства в селе был построен православный храм святого благоверного кн. Александра Невского, содержался приют для девочек-сирот, велось строительство железной дороги, вокзала и школы.

О. В. Гладун

КУДРЯВЦЕВ Дмитрий Ростиславович (1835–1906) – корреспондент и адресат Толстого; богатый помещик Николаевского уезда Херсонской губ., занимался распространением запрещённых произведений Толстого. В фондах «Музея В. А. Тropicина и московских художников его времени» есть портрет Д. Р. Кудрявцева, написанный в 1859 г. французским художником Ипполитом Робийаром, который работал в это время в России.

В 1884 г. в России появились первые оттиски запрещённых сочинений Толстого «Исповедь», «В чём моя вера?», «Изложение Евангелия» и др. Воспроизводили их разными способами, перепиской или в тайных типографиях, большей частью революционеры, а с появлением гектографии немало последователей Толстого оказалось среди интеллигенции и верующих различных конфессий, которые занимались распространением запретных сочинений писателя. Воспроизведением нелегальных произведений Толстого занимался и Дмитрий Кудрявцев. Не зря 17 июля 1891 г. он писал Толстому, что уже семь лет распространяет размноженные на гектографе его произведения.

В округе Херсонского уезда проживало много немцев-штундистов, с которыми Кудрявцев сблизился настолько, что в августе 1887 г. послал Толстому как автору Нового Евангелия, которое он изложил для штундистов



ранее, катехизис «Иисусова братства по Евангелию», пользовавшийся среди штундистов популярностью. В письме была приписка: «Так как вера твоя различает от нашей только в догмате святой Троицы и в понимании молитвы Господней, то, посылая тебе катехизис наш, надеюсь, что ты, ознакомившись с ним, и себя причислишь к числу Иисусова братства по Евангелию» (86: 77). В ответ на благодарность Толстого за катехизис Кудрявцев просил его отредактировать катехизис, чтобы лучше обеспечить «успех распространения истины» (86: 77).

18 апреля 1890 г. в дневнике Толстой записал, что получил от Кудрявцева письмо («глупое, хотя и печатное» – 51: 38), которое излагает точку зрения автора на «половой союз как священный акт, т. к. продолжает род». Это возмутило Толстого: «...думал, что как человек вместе со всеми животными подчиняется закону борьбы за существование, так он подчиняется как животное и закону полового размножения, но человек как человек находит в себе другой закон, противный борьбе – закон любви, и противный половому общению для размножения – закон целомудрия» (51: 38). Близкий по возрасту к Толстому, Кудрявцев сочувствовал только некоторым взглядам писателя и постоянно находился в общении с сектантами-штундистами, активность которых в эти годы возрастала. Опасаясь ареста за распространение нелегальных сочинений Толстого, в 1891 г. Кудрявцев эмигрировал в Швейцарию. Здесь опубликовал две статьи: «Первое Presto. (Размышления вагонного пассажира, выслушавшего исповедь Василия Гавриловича Позднышева)» и «Идеалы Христа», написанные по поводу «Крейцеровой сонаты» Толстого. Прочитав эти статьи, Толстой попытался разъяснить, что «заповеди Христа не предписывают идеала, а только призывают на ту ступень, ниже которой не должно опускаться», а «христианство – это вечное движение и приближение к совершенству» (65: 245–246).

В Швейцарии Кудрявцев закончил составление сборника мыслей и афоризмов Толстого, почерпнутых в его письмах, дневниках и др. произведениях: «Л. Н. Толстой. Спелые колосья. Сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого» (Женева, 1894–1896). Сборник был сначала напечатан и размножен на гектографе, но позднее вышел в Женеве отдельной книжкой с припиской: «составил с разрешения автора Д. Р. Кудрявцев». Правда, разрешение он получил позже, когда, боясь отказа Толстого, выслал ему книжку для ознакомления и ког-

да Толстой ответил: «Я давно уже борюсь с тщеславием и самолюбием и настолько победил их, что уже не испытываю неприятного чувства при мысли о том, что меня осудят за слишком смелое, необдуманное и часто даже недостаточно обоснованное высказывание мыслей, тем более что согласен с вами, что кое-что из собранного там действительно может быть на пользу людям. Я бы никак не издал такой книги, но раз она издана, я ничего не имею против неё и только благодарю вас за высказываемое вами сочувствие» (66: 28).

В 1894 г. секту штундистов посчитали самой вредной и у Кудрявцева провели обыск, он был арестован, но до суда выпущен на поруки и взят под следствие с подпиской о невыезде. В это время Толстой писал И. Б. Файнерману и задавал ему вопрос: «Слышали вы, что Кудрявцев взят жандармами и где-то сидит? Мне тяжело быть на воле. Впрочем, не надо напрашиваться, так же, как и отказываться» (67: 139). Чтобы не подвергаться дальнейшим преследованиям, Кудрявцев опять переселился в Швейцарию, где и умер.

В. Н. Кудрин

КУДРЯВЦЕВ Тихон Агафонович (1863–1935) – протоиерей; священник Свято-Никольского храма в Кочаках Крапивенского уезда Тульской епархии в 1885–1926 гг. Родился в селе Мясном Крапивенского уезда Тульской губ. в семье диакона Кудрявцева Агафоника Ефимовича и его жены Елены Андреевны. В 1884 г. окончил Тульскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда. Служил год в должности учителя земской школы в селе Синявине Крапивенского уезда. 28 сентября 1885 г. епископом Тульским и Белёвским Никандром назначен в Никольский храм. Был женат на дочери бывшего священника этого храма Василия Карницкого Людмиле, имел восьмерых детей. С 1892 по 1896 год состоял наблюдателем церковных школ Крапивенского округа.

В 1892–1918 гг. преподавал в церковно-приходской школе, открытой при храме в 1888 г.; также был законоучителем и заведующим в церковно-приходских и земских школах своего прихода: в деревне Городне, Бабурино, селье Ясной Поляне. В 1897 г. под его председательством при храме было открыто церковно-приходское попечительство, заботящееся об оказании помощи беднейшим семьям прихода (Архив музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Ф. 1. Оп. 3. Д. 5). С 28 мая 1902 г. – настоятель Никольского храма, с 1904 г. – благочинный своего округа.

Л. Н. и С. А. Толстые посещали дом Кудрявцевых в Кочаках, священник не раз бывал в доме писателя для совершения треб, для бесед с Толстым. Так, 5 сентября 1905 г. Толстой спрашивал его о жизни в семинарии (*ЯПЗ*. 3. С. 191). 3 октября 1906 г. отец Тихон помогал тушить пожар в деревне. 20 января 1909 г. он сопровождал Тульского архиерея Парфения для беседы с Толстым (*ДСАТ*. 2. С. 278).

С декабря 1924 г. по май 1925 г. Кудрявцев находился в заключении; был освобождён по ходатайству Александры Львовны Толстой. Был награждён набедренником, скуфьей, камилавкой (1900), наперсным крестом (1914), саном протоиерея (1919), палицей (1925). С 1926 г. богослужения не совершал, выйдя по состоянию здоровья за штат.

В 1928 г., в связи со 100-летним юбилеем Толстого, отец Тихон писал А. Л. Толстой: «Глубокоуважаемая Александра Львовна! Сегодня столетие со дня рождения Льва Николаевича. Сегодня весь мир чувствует память Льва Николаевича. Сегодня и мои мысли и чувства с берега Чёрного моря (Сочи) переносятся к родным и дорогим для меня местам – к Кочакам и его окрестностям. Вспоминается вся протекшая там 41-летняя жизнь моя, из коей ровно четверть века в соседстве со Львом Николаевичем. Личное знакомство со Львом Николаевичем, знакомство с его произведениями, как художественными, так и морально-философскими, питали мой ум, многое из произведений влияло и на воспитание и укрепление во мне нравственных начал, особенно в молодые годы. Всегда доброжелательное и участливое его отношение ко мне, и равно и семье моей, примеры коего отношения сейчас ясно стоят перед моим взором, размягчало, нежило моё сердце и создало то глубокое почтение и ту искреннюю любовь ко Льву Николаевичу, каковые неослабно во мне живут до сего дня. Примите, Александра Львовна, от меня и моей семьи сердечный привет и поздравление с праздником столетия со дня рождения Льва Николаевича. С совершенным к Вам почтением. Тихон Кудрявцев. Сочи. 1928 г. Сент. 10 дня. PS. Живу в Сочи потому, что составил компанию сыну Николаю, приехавшему сюда на время отпуска для отдыха» (*ОР ГМТ*. № 43709).

Скончался Кудрявцев в Москве, похоронен на Пятницком кладбище.

Т. В. Комарова

КУЗЁН Виктор (1792–1867) – французский философ-эклектик, учёный, политический деятель, член Французской Академии

(1830). Происходил из простой рабочей семьи. В 1802–1810 гг. учился в лицее Шарлемань, где заметили его литературные способности. В 20 лет преподавал греческий язык, затем философию в Нормальной школе. Занимался изданием трудов Прокла, Декарта, Абельяра, Паскаля и др. мыслителей; изучал труды Канта, Якоби, Шеллинга, Гегеля и познакомил французских читателей с их философией. В 1820-е гг. подготовил к печати первые тома переводов Платона – главный свой труд. В 1830-е гг. по поручению правительства Франции не раз выезжал в Германию для изучения системы образования. Результатом явились обстоятельные доклады о немецких учебных заведениях, содержании и методах их деятельности. С 1832 г. – член Академии моральных и политических наук. В 1840 г. – министр просвещения. Проведённые им реформы преследовали цель сближения университетов с церковью. В 1828–1851 гг. – профессор философии в Сорбонне. Как сторонник конституционной монархии состоял при Луи Филиппе членом Гос. совета.

Толстой был знаком с трудами Кузена: читал его переводы Платона, а в 1861 г. в письме к другу Б. Н. Чичерину просил выслать ему книги по философии, педагогике и др., в т. ч. французского философа Виктора Кузена (письмо не сохранилось) (60: 369–370). Писатель отчасти солидарен с В. Кузеном в скептическом отношении к философским системам: он считал, что «философские системы – это плохо сложенные своды, замазанные известкой с тем, чтобы не видна была их непрочность» (55: 204). По его мнению, «даже у больших мыслителей, оставивших системы, читатель, для того чтобы ассимилировать себе существенное писателя, с трудом разрывает систему и разорванные куски, относя их к человеку, берёт себе. Таков Платон, Декарт, Спиноза, Кант. <...> У слабых мыслителей, Гегель, Cousin, разорвав систему, приходишь в непосредственное сношение с *пустым* человеком, от которого нечего взять. Толпа же любит систему. Толпа хочет поймать всю истину, и так как не может понять её, то охотно верит» (48: 345).

11 апреля 1870 г. в записной книжке Толстого В. Кузен упоминался в ряду таких мыслителей, как Фихте, Шеллинг, Гегель периода упадка, которые, считал Толстой, «забыли те приёмы Платона, Декарта, Спинозы, Канта, тружеников независимых, страшных по своей оторванности и глубине. А у нас их свели в рамки истории философии (рядом с Cousin, как П[ётр?] плохой солдат для ранжира» (48: 126). И в то же время Толстой относил Кузена к числу «выдающихся авторов

Франции, пишущих об эстетике». Работая над трактатом «Что такое искусство?» и задаваясь вопросом, что есть красота, исследуя работы многочисленных литераторов и философов, писатель приходил к выводу, что «определение красоты» («объективно-мистическое определение красоты») – «это очень распространённое <...> понимание красоты», принятое многими философами, в т. ч. и Кузеном. Сводилось оно к тому, «что красота есть нечто существующее само по себе, одно из проявлений абсолютно совершенного – Идеи, Духа, Воли, Бога», и к тому, «что красота есть известного рода получаемое нами удовольствие, не имеющее цели личной выгоды» (30: 56, 57). Толстой оценил в теории красоты Кузена её нравственную основу. «Cousin (1792–1867) – эклектик и последователь немецких идеалистов. По его теории, красота всегда имеет основу нравственную. Cousin опровергает положение о том, что искусство есть подражание и что прекрасно то, что нравится. Он утверждает, что красота может быть определена сама в себе и что сущность её состоит в разнообразии и в единстве» (30: 50–51).

В *ЯПБ* сохранились две книги В. Кузена: «Cours de la philosophie» («Курс философии») в 3-х т., т. 1-й: «Introduction générale à l'histoire de la philosophie» (Paris, 1828–1829) («Общее введение в историю философии») и «De l'instruction publique en Hollande» (Paris, Strasbourg, 1837) («Публичное образование в Голландии»). Сохранились и произведения Платона в переводе на французский язык В. Кузена: 6 томов из 13-ти. «Oeuvres ... / Traduites par Victor Cousin» (Paris; Leipzig, 1822–1840). В томах 1-м и 2-м – пометы Толстого. Судя по письму Толстого к М. М. Ледерле, эти пометы появились в 1848–1863 гг., ибо диалоги Платона «Федон» и «Пир» («в переводе Cousin») вошли в список сочинений, произведших на Толстого «большое» впечатление «с 20-ти до 35-ти лет» (66: 68, 71).

А. Н. Полосина

КУЗИН Сергей Тимофеевич (1864–1942?) – посетитель Толстого; крестьянин деревни Ивино Щербанцовской волости Подольского уезда Московской губ. Писатель-самоучка, автор рассказов из крестьянской жизни «Перст Божий» и «Полночь в лесу», изд. Кузина, Пб., 1892(?).

В 1888 г. вступил в основанное Толстым в 1887 г. «согласие против пьянства», стал тратить деньги на книги и собрал библиотеку (больше тысячи томов). В 1907–1909 гг. был корреспондентом петербургской газеты «Биржевые ведомости», в 1911–1913 гг. в «Известиях Московской губернской упра-

вы» печатал статьи по вопросам сельского хозяйства. Занимался сельской статистикой, состоял в уездном экономическом обществе, был организатором местного кредитного общества. В 1900-е гг. принимал активное участие в работе подпольного революционного кружка в селе Мещерском. После 1917 г. был назначен попечителем народных школ и училищ, занимался устройством сельских библиотек и изб-читален, в 1917–1920 гг. работал председателем Подольского уездного союза кооператоров, в 1930-е гг. – в колхозе.

О своих встречах с Толстым Кузин рассказывал в воспоминаниях (не опубликованы). Первая встреча произошла в Москве: Кузин приехал, чтобы показать Толстому свои стихи. Толстой отметил в дневнике 27 апреля 1889 г.: «Дома крестьянин, наивный и слабый стихотворец. Говорил с ним по душе» (50: 74–75).

Летом 1910 г. Толстой гостил у В. Г. Чертова в Отрадном. 18 июня он посетил больницу для душевнобольных в селе Мещерском и патронажи для спокойных и выздоравливающих больных в селе Ивино. 19 июня он писал С. А. Толстой: «Вчера ездил верхом в деревню, где душевнобольные женщины. Встретил меня знакомый крестьянин, который 12 лет тому назад был в Москве и поступил тогда в моё общество трезвости и с тех пор не пьёт» (84: 395); «Все, какие были у меня здесь сношения с народом, очень приятные. Они ласковее наших и более воспитаны. Дни два назад поехал в деревню, где выздоравливающие больные помещаются у крестьян. И первое лицо – крестьянин, встречает меня словами: здравствуйте, Лев Николаевич. Оказывается, он 12 лет тому назад был у меня в Москве, поступил в наше общество трезвости и с тех пор не пил. Живёт богато. Повёл меня смотреть свою библиотеку – сотни книг, – которой гордится и радуется» (84: 397). Толстой ошибался: с Кузиным он встречался в Москве 22 года назад. Об этой встрече писатель упоминал в очерке «Благородная почва (Из Дневника)» (1910), в котором Толстой-автор рассказывает встречному крестьянину о Кузине, приводя его в пример как человека, который бросил пить и стал жить «очень исправно» (38: 34).

Л. Е. Кочешкова

КУЗМИНСКАЯ Вера Александровна (1871–1940-е гг.) – дочь А. М. и Т. А. Кузминских, племянница С. А. Толстой. Была своим человеком в доме Толстых и подолгу жила в Ясной Поляне. 15 октября 1888 г. Толстой писал Кузминским, что их девочки, Маша и Вера, «живут прекрасно, не празд-

но. Вера переписывает усердно библиотеку...» (64: 185). Через неделю в следующем письме опять упомянута Вера: она «шумна и весела, но ясна» и ей «хорошо среди нашей тишины» (64: 187). 2 декабря 1889 г. Толстой писал Т. А. Кузминской: «Веру милую также целую и очень ею интересуюсь и жалею, что не знаю ничего об её внутренней жизни, которая всегда меня интересует. Попроси её написать мне страницу дневника» (64: 340). Вера Кузминская не раз переписывала сочинения Толстого («Крейцерову сонату», статью «Первая ступень» и др.). В 1891–1893 гг. вместе с Толстыми Вера Кузминская «работала на голоде». В 1905 г., приехав из Ниццы, она гостила у Толстых в течение января–февраля. Во время пребывания в Ясной Поляне ездила в Тулу за письмами для Толстого: «Позавчера Вера Александровна привезла с тульской почты по 18-ти повесткам 18 заказных писем!» (ЯПЗ. 1. С. 172). Писала, когда Толстой диктовал по-русски для «Круга чтения», читала по просьбе Толстого: «Привезли большую почту из Тулы. <...> Л. Н. роздал: Вере Александровне прочитать французские стихи; <...> Софье Андреевне – то, что её интересует...» (ЯПЗ. 1. С. 182).

Кузминская часто играла для яснополянского общества на гитаре: в её исполнении Толстой особенно любил цыганские песни. Она принимала живое участие в разговорах о музыке, о счастье, о земельной собственности, о Русско-японской войне... Толстой высказывал своё мнение. Однажды говорили о прививках, и Д. П. Маковицкий записал: «Все они (Вера Александровна, Софья Андреевна) боятся оспы; спрашивали меня, не сделать ли прививку оспы. Л. Н. решительно отсоветовал, сказав: «Глупости. <...> Есть два способа борьбы с болезнями. Один – в том, чтобы закалять себя, чтобы болезнь не пристала (гигиенический образ жизни); другой – в том, чтобы, заболев, лечить болезнь. Теперешняя медицина это последнее и делает <...>. Первый способ медленный, но более существенный» (ЯПЗ. 1. С. 179). Участвовала В. Кузминская в домашних спектаклях, в «Почтовом ящике».

Е. Ю. Хомякова

КУЗМИНСКАЯ Дарья Александровна («Даша»; 1868–1873) – первая дочь А. М. и Т. А. Кузминских, «умершая 4-х лет от тифа на Кавказе» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 170. – Ошибка: Даше только что исполнилось 5 лет). Маленькая Даша уже училась читать: Т. А. Кузминская писала Толстым, что по «Азбуке» Толстого она легко выучила половину алфавита. Толстой лю-

бил детей Кузминских, как своих. Узнав о смерти пятилетней Даши, он написал Т. А. Кузминской: «Любезный друг Таня! Не могу тебе описать впечатление, которое произвело на меня известие о смерти прелестной моей милой <...> моей любимицы Даши! Я никогда бы не думал, чтобы эта смерть так могла поразить меня. Я почувствовал, как ты и твои дети близки мне. Целый день я не могу подумать о ней и о вас без слёз» (62: 27). С. А. Толстая писала в своих мемуарах: «Редко что в жизни так больно и мучительно огорчало меня, как эта смерть первого ребёнка моей сестры, 4-летней, черноглазой красавицы Даши. Для сестры моей – я это знала – это было не горе, а настоящее несчастье. Она плакала и горевала непрерывно два года, и это было ужасно. Впоследствии она в двух детских рассказах трогательно описала жизнь этой девочки и напечатала их» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 215). «Смерть Даши Кузминской отозвалась в нас, как потеря своего ребёнка, и напомнила живо возможность своей потери», – писал Толстой В. А. Иславину (62: 30).

Е. Ю. Хомякова

КУЗМИНСКИЙ Александр Михайлович («Саша»; 1843–1917) – родственник Толстого (своё), муж сестры С. А. Толстой Татьяны Андреевны Кузминской (рожд. Берс); судебный деятель. Толстого и Кузминского связывали тёплые, дружеские отношения. В январе 1863 г. в дневнике писатель отметил: «Саша Кузминский милый юноша, а ему плохо, слишком слабо, молодо, и в среде искушений» (48: 49). Толстой не сразу близко сошёлся с Кузминским, хотя Толстые и Кузминские дружили семьями. Душевное сближение происходило постепенно: «Кузминский говорил. Я редко был так тронут. Он стал другой человек» (49: 57), – записал Толстой в дневнике 23 августа 1881 г. И спустя три года: «Многого я очень требую от моих близких. В них шевелится совесть, в лучших, и то хорошо. Александр Михайлович очень таков» (49: 107).

Кузминские часто и подолгу жили в Ясной Поляне; здесь легко, родственно и свободно было и детям и взрослым: «За чаем девочки и Таня, и Александр Михайлович рассказывали каждый свой день и свои грехи. Таня рассказала, как она сердилась за завтраком, Кузминские оба – на Трифоновну. Я хотел рассказать свои грехи, но не мог», – запись в дневнике Толстого в июне 1884 г. (49: 106). Будучи близкими друзьями, Толстой и Кузминский много философствовали, разговаривали на разные темы: социальные,

о религии, революции, суде и т. д. «Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчёсывают болячки – вот суд» (49: 100), – высказывал Толстой свои мысли. На следующий день, 4/16 июня 1884 г., запись в дневнике: «Думал о вчерашнем разговоре, и как раз утром Кузминский и Серёжа одни сошлись со мной за кофе. Я сказал Саше, что скептицизм ведёт к несчастью, если человек живёт в разладе с своими идеалами, чем дальше он пойдёт по этому пути, тем тяжелее ему будет. И для него надо желать, чтобы жизнь его была хуже. Чем хуже, тем лучше. Он согласился» (*там же*).

В дневнике 4 июля 1889 г. Толстой написал: «Был разговор с А. М. Кузминским о христианстве. Я сказал, что христиане только те, которые кротки, смиренны, терпеливы, как Христос <...>. А что те, которые не признают этого, признают по вере убийство, казни, суды, не имеют права называть себя христианами» (50: 103). Через год Кузминские летом снова в Ясной Поляне. 29 июля Толстой отвозил «пироговских девочек» и, видимо, заговорил о детях и родителях; в этот день отметил в дневнике: «...дома Александр Михайлович обиделся на моё рассуждение о том, как родительская власть прежняя рухнула. Родители же держатся за формы власти и тем мешают установлению новой формы. Ему это было упреком при Вере. Но поразительно, как он, могущий судить там, где дело не касается личности, теряет всякий смысл, когда надо выгородить свою правоту. Это поразительно» (51: 69).

Толстой неоднократно обращался к Кузминскому с просьбами устроить кого-то на работу, например, жившего в Киеве А. И. Злинченко, который, хотя и ушёл из революционной организации, найти работу не мог: «...нельзя ли через твою связь дать ему какую-нибудь работу, которая могла бы кормить его с семьёю. <...> Если можно, то сделай это и не сердись на меня, пожалуйста, а прости» (90: 294).

Нередко Толстой просил Кузминского «похлопотать» о ком-нибудь; так, в октябре 1886 г. во время проведения подворной переписи был арестован статистик воронежского земства И. И. Попов «Ты мне тогда в Ясной почти вызвался узнать и. может быть, помочь Попову в его деле <...>, – писал Толстой Кузминскому. – Теперь же прошу и умоляю, сделай, что можешь, чтобы разрешить чем-нибудь то дело, по которому он держится. Подумай – 2-й год в одиночном заключении, т. е. почти верное душевное повреждение – без законной вины, а только по недоразумению. <...> Любящий тебя Л. Толстой» (90: 265). В начале 1910 г.

Кузминский просил Толстого не обращаться к нему с просьбами по судебным делам.

Е. Ю. Хомякова

КУЗМИНСКИЙ Василий Александрович (1882–1933) – родственник Толстого; второй сын А. М. и Т. А. Кузминских, племянник С. А. Толстой. Лейтенант гвардейского экипажа; участник Русско-японской войны, был в бою при Цусиме. 1 августа 1908 г. Т. А. Кузминская по просьбе сына написала Толстому письмо, в котором спрашивала, какого полка был Вронский, персонаж романа «Анна Каренина». 4 августа 1908 г. Толстой отвечал: «Не могу сказать, какого именно полка был Вронский. Только, наверное, не лейб-гусар. Желал бы, чтобы твой милый Вася интересовался бы узнать от меня вещи более нужные для жизни. Братски целую тебя, Сашу и Васю. Л. Толстой» (78: 192). В тот же день «Л. Н. рассказал, что получил письмо от Т. А. Кузминской: “Пишет “с великой просьбой”, спрашивает (я ожидал серьёзный вопрос, радовался): между её сыном-кавалергардом и другими возник спор, был ли Вронский кавалергард или лейб-гусар. Какие вопросы интересуют петербургскую молодёжь!”» (*ЯПЗ*. 3. С. 158).

Е. Ю. Хомякова

КУЗМИНСКИЙ Дмитрий Александрович («Митя»; 1888–?) – родственник Толстого, младший сын А. М. и Т. А. Кузминских, племянник С. А. Толстой (ровесник Ванечки Толстого). В 1909 г. окончил училище правоведения; часто бывал в Ясной Поляне. Толстой любил Дмитрия Кузминского, звал его Митей или Митичкой, нередко разговаривал с мальчиком: «Говорил с Мишей и Митей», – запись в дневнике 13 июня 1895 г. (53: 38). «Ездил с Митичкой верхом», – 25 августа 1909 г. (57: 123). Толстой интересовался жизнью Дмитрия, образом его мыслей. Общение с Д. Кузминским порой скрашивало «мучительную тяжесть» одиночества в семье: «Только с Цингером хороший, для меня полезный разговор о математике, высшей геометрии, и с наивным Митичкой об уголовном праве. Очень уныло, грустно...» (57: 127) – запись в дневнике 29 августа 1909 г., в то время Кузминский был студентом-правоведом. (Разговор воспроизведён в дневнике А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого»). 2 мая 1900 г. Толстой записал в альбом Д. Кузминского: «*Ищите Царствия Божия и правды Его, а остальное приложится вам*». Это значит то, что человек живёт в мире не для своего счастья, как это нам кажется особенно в начале жизни, а для установления Цар-

ства Божия и в мире и в своём сердце; и что только устанавливая это Царство Божие и в мире, и в сердце своём, может найти истинное счастье. Чем дольше будешь жить, тем больше будешь убеждаться, что это так. И потому не лучше ли поверить, что это так. Легче будет и без сравнения будет больше счастья» (54: 342).

Е. Ю. Хомякова

КУЗМИНСКИЙ Михаил Александрович (1875–1938) – родственник Толстого; старший сын А. М. и Т. А. Кузминских, племянник С. А. Толстой; служил по министерству юстиции, был товарищем прокурора в Нижнем Ломове и Везенберге; был женат первым браком на О. М. Ягодинской, дочери председателя Нижне-Ломовской уездной земской управы, вторым – на княжне Е. С. Мещерской. Автор книги «Перлы остроумия: рассказы, анекдоты, стихи» (Шанхай, ок. 1920 г.) – рассказов из жизни Л. Н. Толстого.

Почти каждое лето семья Кузминских в разное составе жила у Толстых в Ясной Поляне. Толстой занимался как со своими детьми, так и с детьми Кузминских. «После кофе пошёл с Мишей Кузминским, Андрюшей и Мишей моими на Козловку, – записал он в дневнике 25 июня 1884 г. – Говорили о Боге, о том, что Бог в нас, когда мы добры. <...> Когда я сказал, что Он отец и что, когда умрёшь, не может быть худо, потому что отец худого не сделает, Андрюша даже засмеялся – так это ему стало ясно. Миша, сидя на плечах, сказал: «А я очень не хочу умирать»» (49: 103). В августе опять запись о Мише: «Я ходил с Мишей Кузминским гулять и говорил с ним – как с большим, только лучше, о Боге, о добре...» (49: 117).

В разное время в Ясной Поляне летом гостили все дети Кузминских: Дмитрий, Василий, Александр, Мария, Вера, Дарья. Когда дети болели, Толстой очень беспокоился. «У Миши Кузминского боялся дифтерита», – запись в дневнике 7 июня 1891 г. (52: 38). К счастью, это оказалось расстройство желудка. В том же году с 16-летним Кузминским случившиеся обстоятельства, особенно беспокоившее С. А. Толстую: «В Москве я узнала о падении Миши Кузминского с кормилицей его брата, и это перевернуло опять всю мою душу, – писала она позднее в книге «Моя жизнь». – Я испугалась за моих малышей...» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 220). Пришлось «отказать» Кузминским жить в Ясной Поляне «вследствие вредного влияния их сына Миши» (там же. С. 477) на мальчиков Толстых. Сам Толстой тоже заметно переживал, но молчал.

Когда дети вырастали, их дружеские отношения не прекращались: летом Толстые и Кузминские жили, как одна семья, но, как и в каждой семье, порой бывали «трения». «Было столкновение за столом» (56: 500): 15 июня 1908 г. за обедом произошёл резкий разговор между двоюродными братьями С. Л. Толстым и М. А. Кузминским. С. А. Толстая сделала сыну замечание, к которому присоединился и Толстой.

Е. Ю. Хомякова

КУЗНЕЦОВ Григорий Фёдорович (даты жизни не установлены) – кучер у Раевских; с конца января до середины февраля 1892 г. работал с Толстым на голоде. Студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. В письме к старшей дочери Татьяне Львовне от 2–3 февраля 1892 г. из Бегичевки Толстой упомянул о его приезде: «Персонал наш весь очень приятен, исключая одного нового, Кузнецова. Это один из тех 3-х, которые, помнишь, просились приехать – студенты земледельческого института. Да и тот ничего, да и живёт не у нас, а в Прилипках» <в 10 км от Бегичевки> (66: 150). Через несколько дней, 9 февраля, в письме Софье Андреевне, Толстой одобрял работу Кузнецова: «Вчера я купил 1000 пудов проса для переделки в пшено и для корма лошадей отходом. Всё это поручил Григорию Фёдоровичу Кузнецову, и тот прекрасно действует; свел счёты на мельнице и осмотрел и исправил столовые» (84: 116–117).

11 февраля 1892 г. Толстой делился впечатлениями от обстановки в Бегичевке с М. Н. Чистяковым, управляющим имением В. Г. Чертоква в Ржевске Воронежской губ.: «Тут – как сказать – и хорошо и дурно. Хорошо, что нужды нет, но дурно, что зависть, попрошайничество и всякие дурные чувства, вызываемые деньгами, дурными деньгами, вызваны и развились в большей степени. Если прежде ещё могло быть во мне сомнение о том, что деньгами нельзя сделать доброго, то теперь уже нет никакого. А между тем вырваться из того механизма, который захватил меня и крутит и треплет, – не могу. Дела очень много. Тут Новосёлов, Гастев, две девицы очень хорошие и один Кузнецов, совсем чуждый человек. Ещё Леонтьев и Страхов – тёмный и полутёмный» (66: 159). «Тёмными» у Толстых называли последователей Толстого. В данном случае «тёмный» – относилось к Б. Н. Леонтьеву, а «полутёмный» – к Ф. А. Страхову, мирозерцание которого в то время ещё не вполне определилось. 18 февраля 1892 г. Толстой писал жене о своём решении в отношении Кузнецова,

не давая объяснений сложившейся ситуации по столовым, а только фиксируя её: «Нынче утром была выдача, а потом Таня с Верой поехали открывать столовую, на своём хлебе, в Полевых Озерках, а Маша ездила в Орловку <село Епифанского уезда, в 8 км от Бегичевки. — О. Г.> и принадлежащие к ней столовые, чтоб привести всё в порядок после Кузнецова, которому я, как ни тяжело было, отказал» (84: 122).

О. В. Гладун

КУЗНЕЦОВА Екатерина Семёновна (даты жизни не установлены) — дочь ярославского купца-чаеоторговца. 29 августа 1890 г. в дневнике Толстой записал: «Приехала девица Кузнецова, желающая употребить на дело свои 200 тысяч» (51: 84). В тот же день он написал и передал Кузнецовой три письма к своим знакомым (А. С. Губкиной, А. М. Калмыковой и М. А. Шмидт), которые, как он считал, могли бы помочь в «наилучшем употреблении денег». Письма примерно одного содержания. Толстой писал: «Письмо это вам передаст или перешлёт Екатерина Семёновна Кузнецова, девушка из богатого купеческого дома. Она хотела бы употребить часть своего состояния на доброе дело для детей-сирот. Вы знаете моё мнение о том, насколько ошибочно утверждение, что деньгами можно сделать добро; но я не отрицаю, что могут быть такие случаи или что я ошибаюсь. И потому я прошу своих друзей, и вас в том числе, помочь осуществлению доброго стремления Ек. Сем. Кузнецовой.

У меня есть один план, который я предложил: это то, чтобы брать заброшенных детей-сирот, нищих и раздавать их по деревням хорошо живущим там людям, между прочим, учителям и учительницам, с тем чтобы дети эти воспитывались так, чтобы могли быть крестьянами-земледельцами или их жёнами. Главное, дорого оказать любовь и участие г-же Кузнецовой, которая очень одинока; я уверен, что вы в этом ей не откажете» (письмо А. С. Губкиной; 65: 153).

В воспоминаниях судебного деятеля Н. В. Давыдова «Из прошлого»: «Из случайных посетителей Ясной Поляны вспоминаю одну девицу из купеческой семьи, получившую внезапно очень крупное состояние по наследству. Не зная, как лучше распорядиться свалившимся на неё богатством, но желая дать ему хорошее, общепольное назначение, она приехала к Л. Н., прося его указать, как ей распорядиться деньгами. Л. Н. сказал ей, что в таких вопросах он несведущ, и отказал ей в определённом совете, одоблив её желание ис-

тратить деньги не на себя лично» (ТВС. 1. С. 203).

Н. И. Бурнашёва

КУЗЬМИН Николай Максимович (псевд.: Николай Жихарев; 1884—?) — посетитель и корреспондент Толстого. Окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, в дальнейшем агроном, участник революционного движения. Толстой в дневнике 17 марта 1907 г. записал: «Вчера был Кузьмин от малеванцев <малеванцы — последователи распространённого на юге религиозно-общественного учения Кондрата Алексеевича Малеванного (1845—1913). — А. Т.>. Очень радостно» (56: 18). Кузьмин рассказывал Толстому о религиозном подъёме у малеванцев (он побывал в Киеве и в Фастове Киевской губ.). Впечатления от пребывания у малеванцев Кузьмин изложил в своих записках, которые оставил Толстому: под названием «Среди малеванцев» они были напечатаны в журнале «Познание России» в 1909 г. Статья подписана псевдонимом «Николай Жихарев». Д. П. Маковицкий 17 марта 1907 г. записал отзыв Толстого о записках Кузьмина: «Очень хороши Кузьмина эти Записки. Жалко только — восторженность, напыщенность (ихняя). Для религиозного чувства нужно спокойствие. Очень высокое настроение (этих малеванцев)» (ЯПЗ. 2. С. 396). В мае 1908 г. Кузьмин писал Толстому о его (Толстого) влиянии на Малеванного. В частности упоминал, что Малеванный и его братья стали вегетарианцами, активно читают и распространяют книги Толстого. 12 сентября 1907 г. Маковицкий записал, что Толстой беседовал с Жихаревым; «это прозвище принял на время Кузьмин (живущий с таким паспортом)». Речь шла о жизни в настоящем, о любви и об учении Ницше (ЯПЗ. 2. С. 509). В. Г. Чертков, также переписывавшемуся с Кузьминым по религиозно-философским вопросам, 8 декабря 1907 г. Толстой писал: «Он очень жалкий человек, на мой взгляд, и очень несерьёзный. У него нет никакого мировоззрения, как у огромного большинства людей, но такие люди спокойно занимаются практическими делами — служат, торгуют, литераторствуют и т. п. и не задаются никакими высшими задачами, но Кузьмин — почему-то вообразил, что ему надо что-то изображать. И, не имея никакой серьёзной склонности к духовной работе и никаких убеждений и сердечных стремлений, он, бедняга, лопочет что попало, думая, что всё дело в словах и можно словами заменить внутреннее содержание. Главную роль тут играет язва нашего времени: безумная самоуверенность. Он мне писал письмо — ни хорошее, ни дур-

ное, но только слова, из которых, противно его надежде, ничего не выходит, как и не может выйти, потому что ему совсем не нужен ни я, ни письмо ко мне» (89: 84). Размышляя о письме Кузьмина к Черткову с рассуждениями о зле и добре, Толстой писал Черткову 26 апреля 1909 г.: «...письмо Кузьмина мне очень не понравилось <...>. Если человек спрашивает у другого, что добро? зло?, то это значит только то, что это ему не нужно. А играть с тем, что есть самого святого, нехорошо. Это бы я хотел сказать ему. Пускай он лучше думает о пролетариате и эмпириокритицизме и т. п. или ещё лучше: о капусте, о своём здоровье — препровождение времени. <...> Такие вопросы о том, что такое зло и добро, что такое Бог и т. п., я постоянно получаю от красноречивых девиц и от учеников гимназии. Для таких простительно, но взрослому человеку это нехорошо делать, потому что в таких вопросах заключается безумная, безграничная самоуверенность, сопутствующая всегда очень нехорошим свойствам» (89: 110–111). В письме к Черткову 30 мая 1909 г. Толстой также называл рассуждения Кузьмина «легкомысленными и ненужными»: «Не могу удержаться от осуждения этой ужасающей самоуверенности в соединении с ограниченностью» (89: 121).

А. Н. Тушев

КУН Александр Владимирович (1842–1916) — знакомый и посетитель Толстого. Генерал от артиллерии, член военного совета. С 1889 г. на протяжении двадцати пяти лет являлся начальником Тульского оружейного завода. Родственник В. Г. Черткова, он был частым гостем Толстых. 7 ноября 1899 г. Толстой писал из Ясной Поляны в Москву Софье Андреевне: «У нас был Кун, обедал, и мы приятно беседовали» (84: 346). Посещение Куна писатель отмечал в дневнике 27 мая 1901 г., 23 сентября 1902 г. и 9 июня 1904 г. В Туле Толстой побывал у Куна 12 сентября 1895 г. (84: 239).

Имя Куна вспоминали в Ясной Поляне 23 марта 1907 г. в связи с деятельностью черносотенной организации «Союз русского народа», созданной для борьбы с революцией. Право-монархическая, православно-консервативная общественно-политическая организация действовала в России в 1905–1917 гг. Д. П. Маковицкий записал: «Иосиф Константинович рассказывал, что Кун (директор Оружейного завода в Туле) отказал наотрез председателю “Союза русского народа” в выдаче оружия, штук 1000, и будто бы получил выговор из Петербурга. Что-то готовится. Л. Н. не ска-

зал ничего; только мне показалось, что ему в это не верилось» (ЯПЗ. 2. С. 400).

Е. П. Гриценко

КУПЕРНИК Лев Абрамович (1845–1905) — корреспондент и адресат Толстого; юрист, адвокат, общественный и театральный деятель, публицист. Родился в г. Вильно в состоятельной купеческой семье. После окончания в 1865 г. юридического факультета Московского университета был зачислен кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. Затем состоял помощником присяжного поверенного, присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. В 1877 г. переехал в Киев, где продолжал заниматься адвокатурой. Некоторое время проживал в Одессе, а с 1896 г. и до конца жизни — снова в Киеве.

В конце XIX в. Куперник считался одним из наиболее популярных адвокатов России, авторитетным криминалистом и цивилистом, выдающимся судебным оратором. Когда он жил в Одессе, в городе ходила шутка: «Одесский адвокат Куперник — известный всех Плевак соперник». Современники также называли его «любимцем киевлян». Он принимал участие во многих резонансных уголовных и политических судебных процессах: о злоупотреблениях в Московском ссудном коммерческом банке (1876), шайки мошенников из «Клуба чёрных валетов» (1877), членов народо-вольческого кружка «долгушников» (1874), процессе 12-ти (1884), о еврейском погроме в Кишинёве (1903), о восстании матросов на корабле «Прут», поддерживавших мятежный броненосец «Потёмкин» (1905) и др.

Куперник поддерживал связи с революционными организациями как в России, так и за рубежом, в частности с лондонским «Фондом Вольной русской печати», учредителем которого был С. Кравчинский. После направления в 1879 г. личного письма киевскому генерал-губернатору М. И. Черткову с требованием прекратить практику применения смертной казни в отношении участников революционного движения Куперник долгие годы находился под негласным полицейским надзором. В конце 1890-х гг. обратился с письмом к императору Николаю II: предлагал провести конституционную реформу, созвав Земский собор и создав ответственный перед ним Кабинет министров.

Куперник активно сотрудничал во многих периодических изданиях: «Юридическом вестнике», «Юристе», «Заре», «Киевской газете» и др. Он избирался почётным председателем Всероссийского съезда кримина-

листов в С-Петербурге, членом нескольких юридических обществ, гласным Киевской городской думы, членом Киевского товарищества грамотности и т. д.

Он был в дружеских отношениях со многими известными музыкантами, певцами, актёрами, слыл меценатом и пропагандистом отечественной культуры. Среди его друзей были Ф. И. Шаляпин, Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский. Киевский адвокат вёл переписку и с Толстым. Он направил писателю два письма. Первое – 7 ноября 1892 г. в Ясную Поляну из Одессы. Рассказав о себе, об интеллектуальной жизни в городе, он просил разрешения поставить комедию «Плоды просвещения» в городском театре. На конверте письма Куперника есть помета карандашом рукой Т. Л. Толстой: «Отвечено?». О содержании ответа сведений нет (66: 472). Второе письмо Куперника к Толстому было связано с публикацией в религиозном журнале «Миссионерское обозрение» (1903. № 12) статьи Иоанна Кронштадтского «Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его “Обращение к духовенству”», где протоиерей предавал анафеме «безбожную личность» гр. Толстого. Прочитав статью проповедника, Куперник выступил в защиту писателя, опубликовав 24 августа 1903 г. (№ 232) в «Киевской газете» довольно большую статью «Образцовая полемика», в которой заключал, что И. Кронштадтский «в своей полемике с графом Толстым применяет запрещённые приёмы: брань, голословие и неверность цитат». На следующий день после выхода газеты Куперник отправил Толстому письмо, которое было перлюстрировано сотрудниками «чёрного кабинета», а копия направлена начальнику Киевского охранного отделения «для сведения и сообщений» (Троицкий Н. А. «Ставлю себе в особую честь...» // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 215–216). Киевский адвокат, в частности, писал: «...бесстыдное произведение изувера возмутило меня, и я решил написать ему ответ. К моему удовольствию, цензура лишь слегка урезала, но всё же пропустила его. Ставлю себе в особую честь доставить Вам мою заметку...». Прочитав письмо Куперника, Толстой сделал на конверте красным карандашом помету: «Послать к духовенству» (ОР ГМТ. Ф. 1. № 160/64).

В. Н. Чисников

КУПРИЯНОВ Виктор Г. (отчество и даты жизни не установлены) – тульский корреспондент газеты «Русское слово», не раз бывал в Ясной Поляне, писал о происходящем там, подписываясь «А. С.».

Знакомство с Куприяновым состоялось в начале июня 1909 г., когда тот приехал в Ясную Поляну. С корреспондентом в редакцию «Русского слова» Толстой передал свою статью о Г. Джордже. 4 июня 1909 г. «уезжающему завтра в Москву Гольденвейзеру Л. Н. поручил справиться, почему “Русское слово” не напечатало его заметку о Генри Джордже? Как считал автор, статья не была опубликована, «из осторожности», «Русское слово» «трусливо стало» (ЯПЗ. 3. С. 431). Толстой волновался ещё и потому, что статья была приурочена к приезду в Ясную Поляну сына Генри Джорджа, который должен был приехать в сопровождении Куприянова. Каких-либо толковых разъяснений писатель от Куприянова не услышал, однако это не помешало тульскому корреспонденту снова и снова ездить в Ясную Поляну.

31 января 1910 г. Куприянов приехал с фотографом, чтобы принять участие в открытии «Народной библиотеки», о чём написал в своей заметке «Торжество в Ясной Поляне», опубликованной в «Русском слове» 2 февраля. В марте Толстой попросил Куприянова напечатать письмо иеромонаха Арсения – оно было опубликовано 31 марта. Вскоре он обратился в газету с просьбой напечатать интересное письмо харьковского крестьянина, бывшего мясника Макара Мищенко, в котором были подробно описаны городские байки-ужасы. Автор призывал людей к «безубойному» питанию, к вегетарианству. Пафос бывшего мясника был понятен горячему стороннику вегетарианства.

Видя, что Куприянов зачастил в Ясную Поляну, Толстые решили «ничего не говорить» корреспонденту «Русского слова» о Льве Николаевиче, который «хочет прекратить всякие отношения с этой газетой» и просил С. П. Спиро, чтобы «корреспондентов не присылали». А С. А. Толстая сказала, что Дорошевич, главный редактор газеты, даже кулаками «грозил» Куприянову, если тот не будет подробно «извещать» о писателе. На это Толстой заметил жене: «Буду ему всё врать», а сын Сергей Львович добавил: «Он и так сам соврёт» (ЯПЗ. 4. С. 266).

4 октября 1910 г. Куприянов снова приехал в Ясную Поляну, но близкие ничего не сообщили ему о плохом самочувствии Толстого. 2 ноября он известил Д. П. Маковицкого, который сопровождал Толстого, что из Ясной Поляны едут в Астапово С. А. Толстая с врачом-психиатром, сыном Андрей, Михаил и дочь Татьяна.

Н. А. Никитина

КУПФЕРШМИДТ Александр Михайлович (1805–1879) – знакомый молодости Л. Н. и С. А. Толстых. Родился в семье капельмейстера, управлявшего домашним оркестром Сергея Николаевича Тургенева, отца писателя. Как музыкант-альтист Купфершmidt служил в Большом театре, исполнял партии первой скрипки. Вместе с артистом Степановым он держал костюмерный магазин. Артистка А. И. Шуберт говорила о Купфершmidtе: «Музыкант, скрипач, ярый охотник, приятель И. С. Тургенева, часто ездил к нему в Спасское охотиться, милый, весёлый собеседник, со всеми дружный» (*цит. по: 83: 61*).

Купфершmidt был товарищем по охоте А. Е. Берса. Общий интерес к охоте сблизил Купфершmidtа с Толстым. 27 ноября 1864 г. Толстой писал жене из Москвы в Ясную Поляну: «Третьего дня был Саша Купфершmidt. Я с ним часа два разговаривал об охоте; и вчера сошёл к няне и с ней о детях и разных казусах говорил; и поверишь ли, что эти два разговора были приятнее всех, которые я имел во всё время пребывания моего в Москве» (83: 60).

Е. П. Гриценко

КУПЧИНСКИЙ Филипп Петрович (1844–1927?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; поэт и публицист, журналист.

6 февраля 1909 г. к Толстому в Ясную Поляну приехал Ф. П. Купчинский, сотрудник газеты «Новая Русь» (до 1908 г. – «Русь»). Заговорили о войне, «про то, что знает и что думает народ о войне, и про то, что надо, чтобы знал и думал народ о войне» (Купчинский Ф. Тишина (У Льва Николаевича Толстого) // *Интервью*. С. 342). Речь зашла о смертной казни, и гость попросил написать «несколько мыслей» на эту тему. «Не люблю я сразу писать, не умею так что-нибудь писать... Неожиданно. <...> – ответил Толстой. – Подумать надо раньше, что написать...» (*там же*). Он ушёл на прогулку, а вернувшись, прошёл к себе, написал небольшую заметку против смертной казни и отдал посетителю. Тот заверил, что написанное будет напечатано без изменений: «...весь этот листок будет сфотографирован» (*там же*. С. 343). В тот же день Купчинский, уезжая из Ясной Поляны, спросил на станции у жандарма, арестует ли он Толстого, если прикажут. Тот ответил утвердительно. Задавший этот вопрос хорошо понимал: предполагаемая публикация не безопасна для писателя.

После встречи с Толстым Купчинский написал очерк «Тишина» и уже 9 февраля напечатал вместе с толстовской замет-

кой в московской понедельничной газете «Жизнь» (№ 7) под редакторским названием «Нет худа без добра», по первой строке текста. Автограф Толстого был воспроизведён факсимиле. За эту публикацию издатель и редактор газеты Н. П. Лопатин был наказан: с него требовали оплатить штраф в 3000 рублей, либо, в случае несостоятельности, отсидеть три месяца в тюрьме. Лопатину за неимением средств пришлось выбрать последнее. Купчинский, проживавший в Париже, не пострадал. С его очерком «Тишина», заканчивающимся сценкой разговора с жандармом, Толстой был знаком.

Как военный корреспондент газеты «Русь» Купчинский участвовал в Русско-японской войне, был в плену. Позднее он опубликовал несколько книг («В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку», 1906; «Порт-артурские “герои”». К процессу генералов Стесселя, Фока, Смирнова, Рейса и др., 1907; «“Герои” тыла. Очерки преступной деятельности Интендантского ведомства во время Русско-японской войны», 1908). Купчинский был одним из самых активных участников подготовки негативного общественного мнения по отношению к генерал-лейтенанту А. М. Стесселю, сдавшему японцам крепость Порт-Артур. Вместе с тем Стессель, в 1908 г. приговорённый к смертной казни, а весной 1909 г. помилованный Николаем II, располагал фактами, говорящими о неблагоприятном поведении Купчинского в японском плену и по возвращении из него (см. об этом: Абрамов В. В. Б. Л. Тагеев – писатель, путешественник, разведчик (Из семейной хроники) // Из глубины времён. 2005. Вып. 13. С. 205–209, 213). В эти годы Купчинский проживал в Европе, вращался в среде революционеров, был знаком с Е. Ф. Азефом (одновременно агентом тайной полиции).

На основе материалов Русско-японской войны журналист написал книгу «Проклятые войны. Очерки убийств, казней, пыток, грабежей, рукопашных боёв, пожаров, истязаний, побед, насилий, преступлений, творимых под флагом войны», в России она была запрещена и конфискована. Ещё в сентябре 1908 г. А. М. Хирьяков в беседе с Толстым отозвался о «сборнике против войны» критически: «...книга бойка, показно-криклива – такая, какой была газета “Русь”» (*ЯПЗ*. 3. С. 195). В письме к Толстому от 12 сентября 1910 г. из швейцарской Лозанны Купчинский спрашивал разрешения прислать эту книгу, попросив Толстого высказать своё мнение и написать предисловие, а также способствовать её переводу на английский и французский языки. Ему очень

хотелось заручиться поддержкой Толстого.

19 сентября находящийся в Кочетах писатель получил и прочёл книгу. На следующий день он записал в дневнике: «Книга Купчинского была бы очень хороша, если бы не преувеличение» (58: 105). В адрес публициста было отправлено письмо от 19–20 сентября (написанное в два приёма), в нём Толстой отметил «неожиданное» впечатление, которое на него произвела «прекрасная» книга. Он писал автору, что и на др. читателей она оправданно произведёт такое же действие: «Вы <...> хорошо со всех сторон рассматриваете последствия этого и обмана и преступления» (82: 161). Толстой ограничился высказанным в письме мнением, сославшись на то, что он «и слаб, и стар, и болен» (*там же*). Но, уже закончив письмо, он продолжил его, подробно осветив недостатки книги. Это письмо Толстого было опубликовано 5 ноября 1910 г. в газете «Копейка», а книга вышла в С.-Петербурге в следующем году.

В 1913 г. Купчинский подвергся преследованиям со стороны царской власти. В революционное время его положение в России изменилось. В марте 1917 г. он стал уполномоченным Временного Комитета Гос. Думы, был руководителем и непосредственным участником сожжения тела Григория Распутина. После Октябрьской революции 1917 г. жил и умер в России.

Н. Г. Михновец

КУРНОСЁНКОВЫ (Курносовы. Курнасовы) – одна из старейших крестьянских фамилий Ясной Поляны. Крепостные князей Волконских и графов Толстых. В «Списке крестьян деревни Ясная Поляна» (сост.: С. Л. Толстой и Н. П. Пузин. 1910; 1945 гг. – архив музея «Ясная Поляна») упоминались Курносёнков Тимофей Степанович и его сын Пётр Тимофеевич.

Старший сын Петра Тимофеевича – Андрей Петрович Курносёнков. Его сыновья – Василий Андреевич, Иван Андреевич («Ваня глупый»); дочери – Варвара, замужем за Н. С. Румянцевым, поваром яснополянского дома, и Вера – уехала из Ясной Поляны, работала в Туле.

Второй Курносёнков – брат Андрея Петровича, Яков Петрович. Его семья была одной из самых бедных в Ясной Поляне. Яков упоминался в дневниках Толстого, в 1880-е гг. в письмах его к жене как крестьянин, иногда сопровождавший писателя в деловых поездках в Тулу, Москву. Курносёнков был активен, смекалист, пользовался уважением у соседей. Бывало, проявлял свой бунтарский характер. Когда в начале 1900-х гг. народные волнения стали при-

ближаться к Ясной Поляне, в семье Толстых обсуждали эту непростую проблему. Видя настроения яснополянских крестьян, упоминали Курносёнкува, который летом 1907 г. уговаривал мужиков и баб бросить работу во время покоса. В разговоре о неподчинении властям и грабежах, идущих в разных усадьбах, Толстой сказал: «Беда не в нужде, а в том, что не знают, что добро, что зло» (сентябрь 1907; *ЯПЗ*. 2. С. 512).

Крестьянин Е. Т. Зябрев вспоминал Курносёнкува как активного участника взаимной помощи среди бедных семей Ясной Поляны. Приводил случаи, когда помогали Илье Жарову и Константину «блаженному»: «...и вот Лев Николаевич, наши яснополянские мужики Яков Курнасов, Тит Пелагеюшкин и я начали работать вместе. Яков Курнасов был у нас за мастера...» (Зябрев Е. Т. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом. Тула, 1960. С. 230).

С.Л. Толстой помнил, как отец нередко рассказывал «что-нибудь из жизни крестьян, особенно крестьян Ясной Поляны; он всех их знал. <...> Так, раз он по секрету сообщил нам, что на деревне у Курносёнкувых скрывается беглый каторжник Рыбин» (*Очерки былого*. Гл. «Мой отец в семидесятих годах»). Николай Курносёнков, дядя Я. П. Курносёнкува, жил воровским промыслом, крал в Туле из железнодорожных товарных вагонов рыбу, поэтому родственники и соседи дали ему прозвище – Рыбин. Прозвище было закреплено как фамилия. Сейчас в деревне Ясная Поляна проживают потомки Рыбиных.

В «Записках христианина» упоминалась Александра Петровна Курносёнкува, жена Якова. Толстой рассказывал об осмотре деревни: «...3-ий двор Курносёнкува, 12 душ, 2 работника, редко печёный хлеб едят, а то всё из сумы» (58: 38).

Когда Яков Курносёнков заболел (конец 1907 г.), Толстой посещал его вместе с доктором Д. П. Маковицким. Крестьянин Зябрев рассказывал: «Когда заболел мой приятель Яков Курнасов, <...> я хотел отвезти его в больницу, на что Яков и его жена Александра были согласны. <...> Я уговорил Александру сходить ко Льву Николаевичу и попросить у него письмо к больничным докторам <...>. Александра отправилась ко Льву Николаевичу и вернулась от него с запечатанным письмом. На конверте было написано размашистым почерком: “В губернскую земскую больницу, старшему врачу по внутренним болезням”. <...> Лев Николаевич обещал Александре, что будет просить Душана Петровича, чтоб он полечил Якова <...>. На другой день

Душан приезжал с Львом Николаевичем и свидетельствовал больного Якова. Боль в Якове Душан признал воспалением. На другой день Яков умер» (Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом. С. 248). Маковицкий записал 1 января 1908 г.: «Ночью помер Яков Курносёнков. Утром вдова пришла к Л. Н. просить на похороны 10 р. Л. Н. удивлялся, что так дорого стоят похороны (с могилой)» (ЯПЗ. 3. С. 7).

В середине 1970-х гг. краеведам о писателе рассказывала Пудова Анна Яковлевна, рожд. Курносёнова, дочь Якова Петровича. В семье Толстых, где она работала, её называли «Кроха». «Заходит как-то Лев Николаевич к нам. "Александра, что делаете?" – "Чай мы пьём, на зверобое заварили". – Поглядел на всех нас, а отец умер у нас, детей много было, бедно жили. Через день–два присылает нам чай, сахар, крупич. А потом 18 числа каждого месяца на усадьбу мы ходили, 3 рубля в месяц в помощь получали». В 1910 г. был закончен очерк «Три дня в деревне», в котором Толстой, показав жизнь этой семьи, с возмущением писал о налоговой политике государства: «На пополнение государственного бюджета, то есть на содержание двора, армии, чиновников была описана единственная овца, и это у семьи, в которой редко печёный хлеб едят, а то всё из сумы» (Кукульская М. К. В памяти народной // Знамя коммунизма. 1978, 14 сентября).

31 января 1909 г. Маковицкий записал размышления Толстого о крестьянской бедности: «За обедом Л. Н. рассказывал, тронутый, какая бедность у Курносёновых: подробно рассказал про детей, больную старуху» (ЯПЗ. 3. С. 314). 1 декабря 1909 г. запись в дневнике Толстого: «Ходил утром к Курносёнковой <...>. Положение голопузых у Курносёнковой ужасно. Очень хочется написать три дня в деревне» (57: 180). Курносёнова и её 5 детей (баба «худая, измученная, я её знаю. Знаю, что муж пьяница и пять детей» – 38: 19) упоминались в очерке «Три дня в деревне». В главе «Подати», в варианте очерка: «Иду к Курносёнковой, к той бабе, которая приходила об описанной у ней овце. Крошечная избёнка, в сенях та самая единственная овца, которая должна идти на пополнение государственного бюджета в дополнение к тому, что получится за торговлю водкой, на содержание армии, двора и всяких чиновников <...>. Голопузые, действительно голопузые, слезают с печи и окружают мать...» (38: 362). В окончательном тексте имя Курносёнковой не названо, зато ярче описаны её «голопузые»: «Голопузые, действительно голопузые, в оборванных рубашонках

и без порток, слезают с печи...» (38: 21).

8 января 1910 г. в дневнике Толстой записал: «Начал писать о податях, да бросил: не хотелось» (58: 6). 9 января: «...кончил о податях, порядочно» (58: 6). Работая над замыслом «Три дня в деревне», писатель использовал свои дневниковые записи, в т. ч. и наблюдения над «голопузыми» Курносёновыми. Статья Толстого «Три дня в деревне» была впервые напечатана при жизни писателя в «Вестнике Европы» (1910. № 9).

А. Г. Королёва

КУРОПАТКИН Алексей Николаевич (1848–1925) – адресат Толстого, генерал-адъютант. В 1898–1904 гг. – военный министр, во время Русско-японской войны командовал сухопутными силами, а с 12 октября 1904 по 2 марта 1905 г. – главнокомандующий всех сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке. После поражения под Ляояном и Мукденом был смещён и назначен командующим 1-й Маньчжурской армией.

Письма Толстого Куропаткину, занимавшему пост военного министра, связаны с судьбой Макария Николаевича Волкова, отданного в 1903 г. в дисциплинарный батальон. Согласно своим взглядам на военную службу Толстой писал Куропаткину 6 сентября 1903 г.: «Милостивый государь Алексей Николаевич. Я несколько месяцев тому назад писал Вам о вахмистре Оренбургского войска Макаре Волкове, отказавшемся от ношения оружия. Дошло или не дошло моё письмо до Вас, я считаю своим долгом вновь обратиться к Вам с той же просьбою. Я думаю, что излишне доказывать всё несоответствие наказания дисциплинарного батальона с преступлением Волкова, вытекающим из религиозных побуждений, и естественное желание всякого человека облегчить его положение. Если Вы можете это сделать, то я уверен, что Вы сделаете это истинно доброе дело. Волков находится в Оренбургском дисциплинарном батальоне. С совершенном



уважением остаюсь готовый к услугам Лев Толстой» (74: 176–177). Ходатайство Толстого было удовлетворено. Товарищ военного министра В. В. Сахаров сообщил ему, что «Волков признан душевнобольным и передан в ведение гражданского начальства» (74: 200).

В феврале 1904 г. сын Толстого Андрей, решив участвовать в Русско-японской войне, отправился в Петербург с намерением служить при Куропаткине. В Ясной Поляне внимательно следили за событиями на театре военных действий Русско-японской войны. В статье «Одумайтесь!» (1904) Толстой выступил против войны и ставил в один ряд Николая II и Куропаткина, обвиняя их в жестокости: «Не знаю, говорят ли словами Николай II и Куропаткин, как Дибич, что для этого нужно не более 50 тысяч жизней с одной русской стороны и только, но они это думают, не могут не думать, потому что дело, которое они делают, говорит за себя: тот не перестающий поток везомых теперь тысячами на Дальний Восток несчастных, обманутых русских крестьян, — это те самые не более 50 тысяч живых русских людей, которых Николай Романов и Алексей Куропаткин решили убить и будут убивать ради поддержания тех глупостей, грабительства и всяких гадостей, которые делали в Китае и Корее безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000...» (36: 137). Толстой тяжело воспринимал гибель русских людей на войне. Он не считал Куропаткина гениальным полководцем. Д. П. Маковицкий неоднократно упоминал разговоры в Ясной Поляне о войне и Куропаткине: «Он должен был отстоять Порт-Артур», — говорил Толстой (ЯПЗ. 1. С. 126). В связи со слухами об отзыве Куропаткина с театра военных действий Толстой заметил: «Думаю, <...> не следует его отзывать, как старого кучера всегда лучше держать, чем менять. Когда он был назначен, я не имел к нему доверия. Он был при Скобелеве начальником штаба, значит, был хороший, деловой человек; если бы он был хороший полководец, то был бы начальником отряда» (ЯПЗ. 1. С. 149). Весной 1905 г. в Ясной Поляне шла речь о проигранной войне. Верный себе, Толстой связывал воедино результаты войны и нравственное состояние общества: «Что будет с Японией-победительницей? — заметил Л. Н. — Её положение в нравственном отношении ухудшится. Последует нравственный упадок... Удивительное поражение русских во всём» (ЯПЗ. 1. С. 203). И уже осенью 1905 г. после окончания войны Толстой размышлял, пытаясь психологически объяснить состояние главнокомандующего: «Странная война с Японией! Бутурлин, брат Александра Сергеевича, говорил, что оба большие сражения были выиграны русскими и что Куропаткин по ошибке уступил. Эта война — ряд несчастий русских

и счастья японцев — им везде везло. Как игрок, когда ему не везёт, теряет надежду, так и Куропаткин» (ЯПЗ. 1. С. 443). Последний раз вспоминали Куропаткина в Ясной Поляне 16 апреля 1908 г. К этому времени отношение Толстого к поверженному генералу было уже иным. Гостивший у Толстых Л. Д. Семёнов рассказал «о Куропаткине, что он говорил посетившему его журналисту <...>, как его укоряет совесть, что он причина погибели стольких людей. Он во всё время войны писал дневник. Простой. Л. Н.: “Из того, что я слышал о нём, у меня впечатление, что он хороший, добрый человек”. Леонид Дмитриевич рассказывал, как Куропаткин свиделся с царём, которого он очень любит и жалеет; что он (царь) очень плохо осведомлён, так его обманывают. Оба расплакались. Царь спросил, что виной проигранной войны: — Вы вина всему, вы, — ответил ему Куропаткин. И с тех пор нет отношений между ними» (ЯПЗ. 3. С. 63).

После Октябрьской революции Куропаткин жил в своём бывшем имении в селе Шешурине Холмского уезда Псковской губ., где открыл сельскую школу, в которой работал учителем. В 1918–1919 гг. он отверг и предложение белогвардейцев выступить против Советской власти, и совет французского посла эмигрировать. Умер и похоронен в с. Шешурине.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

КУРСИНСКИЙ Александр Антонович (1873–1919) — учитель младшего сына Толстых Михаила; поэт-символист, литературный критик. В 1891–1896 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1894 г. познакомился с В. Я. Брюсовым и К. Д. Бальмонтом. Издал поэтические сборники «Полутени» (1896) и «Стихи» (1901) и книгу «Сквозь призму души» (1906), куда вошли стихотворные и прозаические произведения.

Курсинский владел несколькими иностранными языками (английским, французским, немецким, болгарским, польским) и перевёл произведения З. Красиньского, С. Пшибышевского, О. Уайльда, Э. Маевского, поэтические произведения Т. Мура, П.-Б. Шелли, Ю. Словацкого, Э. По, Г. Лонгфелло, Ш. Бодлера. Сотрудничал в периодических изданиях «Весы», «Золотое руно», «Русский артист», в газетах «Курьер», «Утро России», «Русское слово». Профессор Н. И. Стороженко, читавший курс западноевропейской литературы в университете, рекомендовал Курсинского в качестве репетитора для младшего сына Толстого, Михаила. Летние месяцы 1895 и 1896 гг. Курсинский провёл в Ясной Поляне.

В дневнике 15 июня 1895 г. Толстой отметил: «...беседовал с Курсинским. Он спрашивал, как ему ответить на требования консистории избрать священника для покаяния» (53: 39). В письме к М. Л. Толстой от 4 сентября 1895 г. Толстой упоминал Курсинского: «Целую тебя и Мишу. И Александру Антоновичу привет...» (68: 160). В сентябре того же года С. А. Толстая по возвращении в Москву отметила: «С нами ещё приехал проживший у нас лето репетитором А. А. Курсинский» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 415–416).

Об этом периоде жизни Курсинского вспоминал Брюсов: «Один мой товарищ два года жил в семье Толстого гувернёром его младших детей» (Брюсов В. Я. На похоронах Толстого. Впечатления и наблюдения // *ТВС*. 2. С. 451). Лето 1895 и 1896 гг. — время наиболее интенсивной переписки Курсинского с Брюсовым. В письме от 3 июня 1895 г. Курсинский так описывал свою жизнь в Ясной Поляне: «...полное материальное удобство жизни, свобода от всего условного и обязательного, обилие времени и великолепная библиотека, которая предоставлена мне предупредительной графиней не только в пользование, но и в заведование» (Переписка с А. А. Курсинским. 1895–1916 // *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 278). О своих занятиях Курсинский писал: «С одной стороны, я обсуждаю вопрос о труде и неделании, слегка философствую и пытаюсь прикладывать к жизни выводы теории. С другой — погружаюсь в море поэзии...» (*там же*). Из этого письма видно, что Курсинский познакомился со статьёй Толстого «Неделание».

Поэт-символист Курсинский писал о М. Л. Толстой: «В первый же вечер у нас произошло сражение этики с эстетикой...» (*там же*). В это время Курсинский работал над первым сборником стихов. 2 июля 1895 г. Брюсову он писал: «В настоящее время я вполне приготовил к печати 1-й сборник собственных произведений...» (*там же*. С. 284). Но, как отмечал Брюсов 19 августа 1895 г. в дневнике, «влияние Толстого <...> сказывается на нём всё яснее» (*там же*. С. 304). Курсинский посылал Брюсову трактаты Толстого, о чтении которых Брюсов писал 25 августа 1895 г.: «Читаю “В чём моя вера?” — восхищаюсь и пишу возражения, конечно, исключительно для себя лично» (*там же*. С. 303).

Летом 1895 г. в Ясной Поляне Курсинский познакомился с композитором С. И. Танеевым. Он вспоминал: «В то лето, 1895 г., <...> в Ясной Поляне гостил профессор С. И. Т-ев. Редкий вечер обходился без музыкального исполнения» (А. К. Из

воспоминаний о Л. Н. Толстом // *Курьер*. 1903. 28 августа. № 181. С. 3). На премьерное исполнение оперы Танеева «Орестея» в петербургском Мариинском театре 17 октября 1895 г. Курсинский поехал вместе с семьёй Толстого, о чём писала С. А. Толстая: «Поехали дочь Таня, сын Миша с учителем Курсинским и я» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 421). В июле 1896 г. Танеев написал серенаду для голоса, мандолины и фортепьяно на стихи Курсинского «Отрадно здесь в саду тенистом...». В Ясной Поляне партию мандолины исполняла Т. Л. Толстая.

Занятия Курсинского часто являлись результатом знакомства с работами Толстого. 8 июня 1896 г. он писал Брюсову: «...живу я в Ясной Поляне, где веду половину животный образ жизни... Не пишу стихов (кроме одного стихотворения, написанного по заказу), но делаю наброски по теории символики, в которых излагаю мысли, явившиеся мне при чтении статьи Толстого “Что есть и что не есть искусство” (она ещё не напечатана)...» (*ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 308). Курсинский участвовал в переписывании рукописей романа «Воскресение».

В письмах Брюсову 1896 г. Курсинский критически высказывался о «толстовцах»: «...если вдруг подсядет к тебе какой-нибудь из его апостолов в грязной блузе с немытыми руками и чёрными ногами, так что не различишь, босой он или в сапогах, — и начнёт изливать мысли Толстого, проведя их первоначально через горнило собственного тупоумия, горе тебе несчастному! И заметь, что такие господа очень охотно поднимают вопросы об эстетике и искусстве!» (23 июня 1896 г. — *там же*. С. 311).

В 1903 г., в день рождения Толстого, был опубликован очерк Курсинского (А. К. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // *Курьер*. 1903. 28 августа. № 181. С. 3), рассказывающий о времени его пребывания в Ясной Поляне. Основная часть воспоминаний Курсинского, проникнутых чувством глубокого уважения к писателю, посвящена чтению Толстым первой законченной редакции романа «Воскресение». Курсинский заметил напряжённое состояние, в котором находился автор во время чтения: «Он принёс с собой рукопись, испещрённую бесчисленными вставками и поправками вкось и вкривь, в которой его собственные глаза не без труда рассматривали нить последовательности изложения. Он держал её дрожащими руками и читал глухим однообразным голосом, то и дело прерывавшимся от волнения» (*там же*). Курсинский не скрывал своего удивления «застенчивостью, робостью, неуверенностью в себе и нервным беспокойством, какое проявил в тот вечер

автор четырнадцати томов, стяжавших всемирную славу его имени» (*там же*. С. 3).

Лит.: Переписка с А. А. Курсинским. 1895–1916 // ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 269–362.

И. Ю. Матвеева

КУРТЫШ Иван Маркович (1883?–1911) – молдавский крестьянин из Бессарабии. Корреспондент и адресат Толстого. За отказ от военной службы приговорён к заключению в исправительных арестантских ротах.

Толстой узнал о Куртыше из письма Наживина. После этого началась переписка. До Толстого доходили редкие письма и приветы через тех, кто сидел вместе с ними. Письма в Ясной Поляне читались вслух, и часто становилось понятно, что Куртыш, думая, что пишет очень плохо, так как недостаточно знает русский язык, писал гораздо лучше, чем тот «фразёр», который исполнил это за него. Молодой крестьянин, отказавшийся от службы, как считал Толстой, по внутренней потребности, услышав, что он приговорён к заключению в дисциплинарный батальон, где его будут мучить, ответил, что рад нести мученический венец. Таким ответом больше всего восторгался Толстой: «Как хорошо отвечает и спокойно себя ведёт!» (*ЯПЗ*. 2. С. 357).

Толстой в это время заканчивал статью «Закон насилия и закон любви», где называл имена тех, кого он знал из отказавшихся от воинской службы: «Мне случайно известны несколько десятков человек в России, отчасти выстрадавших тяжёлые мучительства за веру, отчасти теперь ещё сидящих по тюрьмам. <далее Толстой перечислял имена. – В. К.> Из сидящих теперь по тюрьмам мне известны: Иконников, Куртыш, Варнавский, Орлов, Мокрый, Молосай, Кудрин, Панчиков, Сиксне, Дерябин, Калачев, Баннов, Маркин» (37: 187). Толстой понимал, что отказавшихся по убеждению от воинской службы всё больше и им приходится намного труднее, чем другим, и по мере сил заботился о них. 12 сентября 1907 г. Д. П. Маковицкий записал: «Поручил мне 12-го числа каждого месяца посылать заключённым за отказ (от военной службы) Куртышу и Иконникову по 5 р. Вечером за чаем вспомнил ещё раз и сказал Александре Львовне: “Если бы я умер, посылай им ты”» (*ЯПЗ*. 2. С. 509). Несмотря на молодость, многие «отказники» умирали в заключении от ужасных условий и от разных болезней. Так случилось и с Куртышом, который умер в тюрьме.

В. Н. Кудрин

КУТЕЛЁВА Елизавета Прохоровна (1862–1913) – единомышленница и посетительница Толстого; акушерка-фельдшерница; работала с Толстым на голоде. К. С. Шохор-Троцкий в некрологе вспомнил её земной путь, полный героизма. Эта слабая здоровьем женщина энергично трудилась с 18 лет, чтобы «есть хлеб трудов рук своих». Закончив в Москве акушерские курсы, работала в московской пересыльной тюрьме, заразилась от арестантов брюшным тифом, рано узнала нужду и горе. Выжила и стала энергично заниматься филантропической деятельностью, организовывала столовые для голодающих и одновременно занималась лечением больных, потом обучала крестьянских детей и писала книгу «Как сберечь здоровье», которая была опубликована в «Посреднике».

Эта «очень некрасивая и немолодая» женщина «очень спокойно и энергично» (84: 134, 136) работала на голоде, о чём Толстой сообщал в письме жене 4 марта 1892 г.: «И дрова, и кормление лошадей, и приюты, и новые столовые, и новые люди, и, главное, пришедший хлеб, и распределение его по складам» (84: 132) входило в круг её обязанностей. Она работала не только в Тульской губ., но и в Рязанской, одновременно организовывала столовые и оказывала помощь больным. Позже, в марте 1894 г., жила в Ржевске, близ хутора Чертковых. Она не имела официального разрешения обучать деревенских детей, и ей грозила высылка, но благодаря защите В. Г. Черткова она проживала здесь без каких-либо последствий и репрессий.

Не раз Кутелёва бывала в Ясной Поляне. 11 сентября 1907 г. Чертков вечером «приехал с Кутелёвой, горбатенькой фельдшерницей, которая помогала во время голода Л. Н. и потом продолжала работать в голодных местах: Рязанской, Самарской, Бессарабской, Воронежской губ. Симпатичная, энергичная, добрая» (*ЯПЗ*. 2. С. 509). В мае и в июне 1909 г. Кутелёва опять была в Ясной Поляне. «Её посещение было приятно Л. Н.», – записал Д. П. Маковицкий (*ЯПЗ*. 3. С. 433).

Кутелёва приветствовала уход Толстого из Ясной Поляны: «Слёзы радости, умиления и страха сжимали ей горло» (К. С. Шохор-Троцкий). В июле 1913 г. ей ампутировали ногу в Москве, она возвратилась в Телятинки к Черткову и вскоре слегла, терпеливо перенося свои страдания.

Н. А. Никитина

КУШНЕРЁВ Иван Николаевич (1827–1896) – владелец типографии в Москве, журналист и издатель. Свою издательскую

деятельность начал в 1860-х гг. в Петербурге, где издавал журналы «Грамотей» и «Народная газета». В конце 1860-х гг. Кушнерёв переехал в Москву, став редактором «Ведомостей Московской городской полиции», а в 1869 г. основал типографию. Издательское дело быстро разрослось в огромное предприятие, перешедшее в ведение образовавшегося товарищества, место председателя в котором занимал сам Кушнерёв. В 1884 г. Толстой лично познакомился с Кушнерёвым, когда в его типографии печатался трактат «В чём моя вера?», тираж которого арестовала цензура. В той же типографии выходили 9-е, 10-е, 11-е и 12-е собрания сочинений Л. Н. Толстого. В 1906 г. печатался «Круг чтения» (изд-во «Посредник»), выход которого в свет не состоялся в 1905 г. из-за забастовки рабочих типографии. В 1908 г.

впервые было отпечатано «Учение Христа, изложенное для детей» (изд-во «Посредник»). 25 июня 1908 г. типография Кушнерёва представила в Московский комитет по делам печати экземпляры отпечатанных 2-го и 3-го тт. «Соединения, перевода и исследования четырёх Евангелий». Цензурный комитет наложил арест на книгу, так что в издательстве сохранилась только небольшая часть из общего количества в 5000 экземпляров. В 1909 г. в типографии Кушнерёва были напечатаны «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избранные Л. Н. Толстым» (изд-во «Посредник»), «Учение Лао-Тзе» и «Изречения Лао-Тзе» в переводе Толстого и Е. И. Попова (изд-во «Посредник»), переизданы «Детство и отрочество». В 1910 г. напечатана книга «Путь жизни».

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

Л

ЛАБУЛЁ Лефевр Эдуар Рене де (de Laboulaye Lefebvre; 1811–1883) – французский романист, публицист и политический деятель, профессор сравнительного правоведения, сенатор. Был инициатором передачи в дар Америке статуи Свободы. Юрист по образованию, он редактировал журнал «Revue historique de droit» и считался знатоком английского и американского законодательства. Де Лабуле был известен как детский писатель-моралист. У него подчас сказка ставилась на службу политике и сатире. Он автор знаменитой политической сказки-сатиры «Paris en Amerique» («Париж в Америке»), «L'Evangile de la bonté» («Евангелия добра»), сатирической сказки «Le prince Caniche» («Принц-Собачка», 1868, есть русский перевод), которая направлена против Наполеона III и др. Его перу принадлежат и художественные произведения: «Abdallah où le trèfle à quatre feuilles» («Абдаллах, или Трилистник о четырёх листьях», 1859, есть русский перевод). Он создатель цикла волшебных сказок для детей, которые собирал везде, где мог: «Голубые сказки» («Contes bleus»), «Новые голубые сказки» и «Последние голубые сказки»; они представляют собой литературную обработку сказок разных народов.

В 1856–1857 гг. в Коллеж де Франс Лабуле занимал кафедру сравнительного законовещения и читал лекции по истории администрации и законодательства Римской империи первых веков нашей эры. Его лекции отличались простотой и содержательностью и привлекли к себе внимание публики, и Толстого тоже: 19 марта 1857 г. с кем-то из знакомых писатель ездил, как он писал в дневнике, «на лекцию прощальную. Laboulaye. Прелестно трогательно...» (47: 120). Этот факт, если и не имел значи-

тельных последствий, всё же имел продолжение. 22 января 1906 г. в Ясной Поляне Толстой «рассказывал о французском профессоре, авторе книги “Париж в Америке”, что, читая лекции по истории, он сравнивал падение Римской империи с падением империи Наполеона и ежегодно в одном месте не мог сдерживать слёз. Над этим не надо смеяться, – сказал Л. Н. – Когда он в первый раз о том говорил, вызвало в нём жалость, а второй, третий раз – воспоминание» (ЯПЗ. 2. С. 26). Спустя сорок лет этот психологический штрих потребовался ему для характеристики проповедника немца Кизеветера в романе «Воскресение». После обеда у графини Чарской в большой зале «должен был проповедовать приезжий Кизеветер». Он говорил по-английски, о том, что «грехи наши так велики, казнь за них так велика и неизбежна, что жить в ожидании этой казни нельзя. – Только подумаем, любезные сёстры и братья, о себе, о своей жизни, о том, что мы делаем, как живём, как прогневаем любвеобильного Бога, как заставляем страдать Христа, и мы поймём, что нет нам прощения, нет выхода, нет спасения, что все мы обречены погибели. Погибель ужасная, вечные мученья ждут нас, – говорил он дрожащим, плачущим голосом. – Как спастись? Братья, как спастись из этого ужасного пожара? Он объял уже дом, и нет выхода. – Он помолчал, и настоящие слёзы текли по его щекам. Уже лет восемь всякий раз без ошибки, как только он доходил до этого места своей очень нравившейся ему речи, он чувствовал спазму в горле, шипание в носу, и из глаз текли слёзы» (32: 261).

В ЯПб имеется несколько книг де Лабуле: «Париж в Америке» на русском и «Abdallah, ou Le Trèfle à quatre feuilles» на французском языках. Из письма

к В. Г. Черткову в конце февраля 1884 г. видно, что Толстой читал моралистическую сказку де Лабуле «Abdallah»: «...очень искусственно, но много хорошего, и понимаю, как вы цените это. Я ещё не дочёл» (85: 80). «Paris en Amérique», «Abdallah» и «Le prince Caniche» были хорошо известны в России по русским переводам. Сказка, о которой говорил Толстой и которую Чертков ему оставил при последнем свидании, входила в содержание книги «Арабские и турецкие сказки» (СПб., 1869. Т. I), а также в отдельное издание, в сокращённом переводе кн. А. Шаховской под заглавием «Абдаллах, или Трилистник о четырёх листьях» (М., 1913). Смысл её в том, что никакие блага не делают человека истинно счастливым: счастье достигается только возвышенной, самоотверженной жизнью.

А. Н. Полосина

ЛАВРОВ Вукол Михайлович (1852–1912) – знакомый Толстого; издатель, журналист, переводчик. После смерти отца унаследовал его огромное состояние, занялся литературно-издательской деятельностью. В 1880 г. основал журнал «Русская мысль», был его издателем до 1905 г. В 1880–1885 гг. редактором журнала был С. А. Юрьев, в 1885 г. Лавров сменил его и пробыл редактором журнала до 1907 г.

Толстого и Лаврова связывали многолетние деловые отношения. В первой половине 1880-х гг. в «Русской мысли» планировалась публикация ряда сочинений Толстого, и Лавров принимал деятельное участие в их подготовке. В 1882 г. цензура не пропустила подготовленное к печати начало «Исповеди». В 1883 г. в журнале предполагалось опубликовать статью Толстого «В чём моя вера?». Как вспоминал Г. А. Русанов, Толстой сам рассказал об этом: «...редактор “Русской мысли” Юрьев и издатель Лавров пристали ко мне, чтобы я дал им статью для напечатания. Они имеют право напечатать её без цензуры и сделают это, затем представят книжку в цензуру, цензура не пропустит и уничтожит статью, но несколько экземпляров, хоть три, будет утаено ими» (Русанов. С. 27). «...С этих трёх экземпляров будут делаться рукописные и литографированные копии, и работа Толстого таким образом получит распространение» (Гусев. Материалы. 4. С. 213). В процессе создания статья претерпела изменения, была существенно расширена, и «в последних числах сентября трактат “В чём моя вера?” был сдан в типографию, хотя заключительные главы ещё не были написаны» (там же). 30 сентября 1883 г. в письме к жене Толстой сообщал о работе с коррек-

турами: «...я просил <...> Лаврова присылать мне их в Ясенки» (83: 397). Цензурного разрешения на печатание этого сочинения получено не было. В 1885 г. была запрещена публикация в «Русской мысли» первых глав трактата «Так что же нам делать?». В 1906 г. та же участь постигла отданную в редакцию «Русской мысли» статью Толстого «К правительству, революционерам и народу».

В 1886 г. Толстой написал для одного из своих посетителей – нуждающегося поэта – рекомендательное письмо к Н. Н. Ге-сыну с просьбой рекомендовать его стихотворения для печатания в журналах и газетах и указал знакомых редакторов и издателей, к кому можно было бы обратиться; среди них был и Лавров (63: 442). Общение Толстого и Лаврова не прекращалось и позднее. В. А. Гиляровский вспоминал, как в конце 1890-х гг. в Москве утром он случайно повстречался с Толстым и они ненадолго зашли в редакцию «Русской мысли», где в это время был Лавров.

Лавров много переводил с польского языка и считался лучшим переводчиком произведений Г. Сенкевича. В марте 1890 г. в «Русской мысли» Толстой стал читать первые главы романа Сенкевича «Без догмата» в переводе Лаврова, оценил его достоинства и записал в дневнике 18 марта: «Вечером читал Сенкевича. Очень блестящ» (51: 30). В марте 1903 г. Толстой заинтересовался публикацией в «Русских ведомостях» переведённых Лавровым отрывков из философских очерков поляка Г. И. Нусбаума «Что я такое?»: «Прекрасная философская статья поляка. Записать надо многое», – отметил он в дневнике 9 марта 1903 г. (54: 158). У П. А. Буланже Толстой спрашивал: «Нельзя ли достать его <Нусбаума. – А. Б.> книгу на каком-нибудь, кроме польского, языке?» (письмо П. А. Буланже 7 марта 1903 г.; 74: 61). Буланже отвечал, что книга напечатана только на польском языке и что Лавров готов перевести для Толстого ещё несколько глав (письма от 13 и 21 марта); неизвестно, было ли это сделано.

Лавров справлялся о здоровье Толстого в период его тяжёлой болезни в 1901–1902 гг. В феврале 1902 г. он в Москве узнал от А. П. Чехова о состоянии писателя, лечившегося в Крыму: «Толстому гораздо лучше, вероятно, выздоровеет. У него было воспаление лёгких. Лечат его Щуровский из Москвы и ялтинский Альтшуллер, которого, вероятно, ты помнишь» (Чехов А. П. Письмо В. М. Лаврову от 3 февраля 1902 г. // Чехов А. П. ПСС: В 30 т. Письма. Т. 10. М., 1981. С. 186).

А. Р. Боковня

ЛАВРОВ Пётр Лаврович (псевд. Миртов; 1823–1900) – теоретик и публицист народничества, член партии «Народная воля». Вёл свою родословную от служилого дворянского рода, известного с XVII в., но не принадлежал к русской аристократии. Его имения в Псковской губ., хотя и давали мало дохода, но материально Лавров не нуждался. Его жизнь (особенно после 1870-х гг.) посвящена популяризации идей позитивизма и социализма, а также борьбе с существующим порядком в России. Приговорённый в 1868 г. к административной ссылке в Вологодскую губ., он в феврале 1870 г. бежал из России и, став крупнейшим, после Герцена, русским эмигрантом, почти 30 лет представлял русскую нелегальную печать. Современники говорили, что это был человек «очень разносторонне образованный, талантливый и имеющий большой навык в литературной работе» (ЛН. Т. 87. С. 434), считали его «замечательным энциклопедистом и по философии, и по истории точных знаний, и по общей истории, и по общественным наукам» (там же. С. 530). В эмиграции Лавров жил в Швейцарии, Брюсселе, Париже, Лондоне. Его главный труд «Исторические письма» опубликован в 1869 г. под псевдонимом Миртов. Об этой книге Толстой писал И. М. Трегубову 14 мая 1894 г.: «Книга эта действительно появилась в 60-х годах и когда-то была катехизисом либералов, революционеров. Теперь уж она так отстала от того, что сделано в их же направлении, что странно говорить про неё. Книжка же, про которую я говорил вам <Толстой имел в виду статью Лаврова «Старые вопросы (Учение графа Толстого)», напечатанную в Женеве в 1886 г. – Л. Д.>, написана в 80-х годах в возражение на «В чём моя вера?». <...> Все такого рода суждения очень шатки, и изучать их основы не стоит того, потому что не успеете изучить, как он уже может изменить их» (67: 123). Когда Толстой работал над 4-й редакцией «Воскресения», в ней появились политические заключённые, народники и народовольцы; рассказывая о них, Толстой воспользовался многочисленными фактами и чертами, полученными от знакомых революционеров, и искал новые сведения. В этой связи в 1899 г. В. Д. Бонч-Бруевич направил Лаврову письмо с просьбой: «...Лев Николаевич Толстой в настоящее время пристально занят изучением истории русского революционного движения. Ему необходимо доставить возможно больше изданий различных групп. Вот почему я прошу Вас прислать все издания вашей группы, а также, может быть, и другие издания, – я имею возможность всё это пе-

реправить Льву Николаевичу» (цит. по: Опунская. 2. С. 331).

Л. С. Дробат

ЛАЗАРЕВ Иван Фёдорович (1830–?) – корреспондент и посетитель Толстого; врач. Служил в 1890-х гг. во Владимире, затем в Орле, Якутске, Красноярске. Автор «Воспоминаний из врачебной службы в Сибири» (Медицинский вестник. 1867. №№ 6–7). Учитель детей Толстого И. М. Ивакин вспоминал, что гувернантка Сеигоп рассказывала о приезде к Толстому доктора Лазарева: «...доктор Лазарев, наслышавшись о школе и о лечении в Ясной Поляне, посетил графа. Он ожидал будто бы видеть у него простоту и тишину, а увидел нечто другое – и роскошь, и гостей. Ходил смотреть школы – школы нет, спросил, сколько кроватей в лечебнице – оказалось, что нет и самой лечебницы. Разочарованный, он <...> уехал <...>, не простясь ни с кем, а после в одной из газет появилась статья, где говорилось, что у графа слово расходится с делом (Записки И. М. Ивакина // ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 54, 114).

В дневнике Толстого 8/20 мая 1884 г. есть запись о том, что он навещал знакомых, в т. ч. доктора Лазарева: «Добрый, нежный старичок. Очень любовен. Был рад мне» (49: 91). 10/22 мая Толстой записал: «Лазарев – прелестная натура – доброта, ум, вера, но боюсь, что писанье будет слабо» (49: 92). 12/24 июня 1884 г. Толстой получил письмо от Лазарева и отметил в дневнике: «Он пишет: мы рождены в плену и не увидим обетованной земли, но по нашему пути придут люди, мы поможем им» (49: 103). Вскоре Толстой изменил своё отношение к Лазареву. Лазарев приезжал в Ясную Поляну 29 июля 1884 г. и пробыл в усадьбе четыре дня. 31 июля/12 августа 1884 г. Толстой сделал запись: «Помню, что был Лазарев и давил меня, т. е. я был в неясности относительно его». И на следующий день: «Лазарев томит меня. Предложил ему прочесть своё. Он стал читать. Хорошо, но много нелепого и несвязного. Я пробовал указать, но он не видит» (49: 115). Вероятно, гость читал Толстому свою работу «Принцип христианской философии». 1 августа Толстой записал в дневнике о том, что стал тяготиться пребыванием Лазарева в Ясной Поляне: «...стал говорить Лазареву мои замечания на его выражения мысли. Он не может переносить этого и злится. Он показал мне этим свою неискренность. Журнальное образование и тщеславие. Христианство тронуло его только внешней стороной. Я измучился ужасно. Ушёл косить. Он туда пришёл ко мне и начал меня пилить моей

жизнью. Я разгорячился. Хотел усмирить себя и его. Но тщетно. Дело выяснилось. Он, как Rads'tокисты, только приводит к учению Христа, а то, в чём оно, он и не думал» (49: 115–116). Сведений о статье Лазарева не найдено.

А. Г. Королёва

ЛАЗУРСКИЙ Владимир Фёдорович (1869–1947) – учитель детей Толстого, историк литературы. Родился в Переяславе Полтавской губ. По окончании в 1892 г. историко-филологического факультета Московского университета преподавал в московских средних учебных заведениях. Весной 1894 г. по рекомендации профессора Н. И. Стороженко Лазурский был приглашён к Толстым для занятий с Андреем и Михаилом Львовичами греческим и латинским языками. В Ясной Поляне Лазурский стал записывать всё, что слышал, видел и наблюдал. Занятия литературой и любовь к искусству вызвали у него особый интерес к высказываниям Толстого, отражающим эстетические воззрения и вкусы писателя. О двух беседах с Лазурским на литературные темы (27 июня и 8 июля 1894 г.) Толстой упоминал в своём дневнике: «Разговор с Владимиром Фёдоровичем о критике» (52: 124); «Утром разговоры с Страховым и Лазурским» (52: 126). Лазурский вёл подробные записи своих бесед с Толстым. Значительная их часть относится к летним месяцам 1894 г., одна запись датирована декабрём того



же года, когда Лазурский посетил Толстого в Москве, в Хамовниках. Остальные записи периодически велись с 1895 г. по 1900 г. Интересной представляется запись Лазурского, относящаяся к лету 1894 г. об отношении Толстого к поэзии

А. А. Фета: «После обеда мы косили с Львом Николаевичем и тремя мужиками в саду. Солнце стало заходить, мужики ушли, и мы остались одни. Лев Николаевич перестал косить; облокотившись на косу и смотря на горизонт, стал припоминать стихотворение Фета, где описывается наступление ночи:

Летний вечер тих и ясен, –
Посмотри, как дремлют ивы!
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползёт лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам? –
То табун несётся рысью.

– Это превосходно, здесь каждый стих – картина» (ЛН. Т. 37–38. С. 455). В дневнике Лазурского имеются оценки Толстым современных ему отечественных и европейских писателей и поэтов: «Скоро он перевёл разговор на декадентов. Лев Николаевич знаком с ними, читал Бодлера, Метерлинка; говорит, что некоторые вещи у них не лишены интереса и своеобразной красоты; но вообще называет это движение болезненным и радуется, что оно у нас не прививается. “Ведь почти произведение в таком роде нашему мужику и скажи ему, что это написано серьёзным и умным человеком, он расхохочется: разве может умный человек заниматься такими вещами? А ведь вот занимаются же”» (ЛН. Т. 37–38. С. 451). Лазурский отмечал, что «из молодых Лев Николаевич признаёт талант лишь за Гаршиным (указывает его “Ночь”, “Глухарь”, “Два художника” и др.) и Чеховым. Короленко он недолюбливает. Возмущается его повестью “В дурном обществе”...» (ЛН. Т. 37–38. С. 457). Интересна оценка Толстым А. П. Чехова: «Для Льва Николаевича это человек симпатичный, относительно которого можно всегда быть уверенным, что он не скажет ничего дурного. Хотя он и обладает художественной способностью прозрения, но сам ещё не имеет чего-нибудь твёрдого и не может потому учить. Он вечно колеблется и ищет. Для тех, кто ещё находится в периоде стояния, он может иметь то значение, что приведёт их в колебание, выведет из такого состояния. И это хорошо» (там же. С. 464). Лазурский сохранил суждения Толстого о преподавании литературы: «Я стал допытываться, как же он провёл бы курс литературы. – Я, конечно, плохо знаю историю литературы, – отвечал, улыбаясь, Лев Николаевич, – но если вы хотите, то расскажу в общем. Начал бы он с былин, которые очень любит и на которых надолго остановился бы, потом сказки, пословицы народные. Скудными вопросами о вариантах Киреевского, Рыбникова или о том, что богатыри, как говорит Бессонов, олицетворяли собой солнце и т. д., он не занимался бы, а выбрал бы самое лучшее и познакомил бы с ним. Потом из книжной словесности остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники). Далее (“в этом я согласен с славянофилами”), весь период литературного хищничества, когда паразиты отбились от народа, и Ломоносова, несмотря на его заслуги, и Тредьяковского и т. д., пропустил бы совсем. Потом стал бы говорить

о том, как с Пушкина до настоящего времени литература мало-помалу освобождалась от этого, хотя и теперь ещё не вполне освободилась. Литература должна дойти до такой простоты, чтобы её понимали и прачки и дворники. На мои слова, что мы стараемся представить непрерывное развитие литературного дерева, взаимодействие писателей, как один развивался под влиянием другого и т. д., Лев Николаевич сказал, что, может быть, это и интересно, но всё это ни к чему...» (ТВС. 2. С. 82–83). Интересны записи Лазурского, демонстрирующие отношение Толстого к современной живописи, сделанные после посещения выставки в апреле 1896 г.: «Поленовскую картину „Среди учителей“ находит очень недурной: фигуры мальчика, старика-книжника, матери. Видно, что художник много думал над ней. По поводу касаткинских „Углекопов“ говорил, что тот вечно чудит. Нельзя в живописи показывать то, что в темноте, так как живопись должна иметь дело с тем, что на свету. Обратил внимание на картину Орлова „Переселенцы“, которая тронула его; особенно пьяненькая женщина, ласкающая детей. О последней картине я заметил, что она написана несколько грубовато, а, по моему мнению, в искусстве обязательно должна быть красота. Лев Николаевич предостерег меня от увлечения этим: красотой одной вопрос не исчерпывается. Но он также думает, что красота в искусстве должна быть для того, чтобы заставить обратить на себя внимание, притянуть и заставить вникнуть в смысл произведения» (ЛН. Т. 37–38. С. 490). В записанных суждениях Толстого о литературе, музыке, живописи предвосхищаются мысли, развитые писателем в трактате «Что такое искусство?». Филолог по образованию, Лазурский помогал Толстому в подготовительной работе над трактатом «Об искусстве». Среди обширной мемуарной литературы о Толстом дневник Лазурского занимает важное место. В этих записях сохранились высказывания Толстого не только о литературе и искусстве, но и о современных политических событиях (убийство французского президента Карно, американское рабочее движение). При изложении бесед с Толстым Лазурский позволил читателю представить его «живой образ». Впервые дневник вышел отдельной книгой в 1911 г.; в 1939 г. опубликован в «Литературном наследстве» (ЛН. Т. 37–38. С. 444–503).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ЛАМЕНЭ (ЛАМЕННЕ) Фелисите Робер де (1782–1854) – французский теолог, философ, публицист, проповедник христи-

анского социализма. Ламенэ сначала был ревностным защитником папства и католицизма, затем стал борцом против церкви во имя христианства. Он выступил за полное отделение церкви от государства и потому впал в папскую немилость. Его книга «Paroles d'un croyant» («Слова верующего», 1834) была осуждена папской энцикликой.

Толстой высоко ценил творчество Ламенэ. Он познакомился с его идеями, видимо, в мае 1889 г., когда читал статью французского философа Поля Жане о Ламенэ, и сделал отметку в дневнике: «Много хорошего». В июне, внимательно читая IV главу (т. 2) книги Д. Ф. Щеглова «История социальных систем» (СПб., 1889; книга с пометами Толстого хранится в ЯПБ), посвященную воззрениям философа, Толстой записал в дневнике: «Ламенэ хорош. Это вполне настоящий» (50: 97). К 1893 г. у писателя сложилось представление о взглядах и судьбе Ламенэ. 11 ноября он писал В. Д. Комаровой (писательнице), пославшей ему 10-й том Полного собрания сочинений Ламенэ: «Ламенэ я знаю, читал его „Paroles d'un croyant“ и очень ценю их, <...> но не читал других сочинений, на которые вы указываете, за что вас очень благодарю и непременно прочту. Биографию Ламенэ я тоже знаю довольно подробно» (66: 427). В дальнейшем интерес Толстого к религиозно-философским взглядам Ламенэ усилился, что заметно проявилось в ходе составления сборников изречений «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». Труд Ламенэ «Paroles d'un croyant» и его комментарии к Четвероевангелию «Les Evangiles» («Евангелия») Толстой считал выдающимися и многие выдержки из них поместил в эти сборники. Лучшим считал «Les Evangiles», так как «„Слова верующего“ риторичны». Книжки «Les Evangiles» (Paris, 1846) и «Paroles d'un croyant» (Paris, 1903) с пометами Толстого сохранились в ЯПБ. В «Круг чтения» был включён и очерк жизни «Ламенэ», составленный Н. Л. Оболенским по просьбе Толстого и поправленный им. Цитаты из Ламенэ использовал Толстой в качестве эпиграфов к главам своих сочинений «Одумайтесь!», «О значении русской революции», «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», «Неизбежный переворот» и др.

Ламенэ до конца жизни оставался для Толстого одним из любимых мыслителей, писателей. «У меня горячая любовь к Ламенэ. Он был священником, а перешёл на искание истины и правды жизни, – говорил Толстой. – Вот это для меня дороже всего». Только благодаря этому поиску, был уверен Толстой, Ламенэ и удалось возвыситься до

понимания тех религиозных истин, без движения к которым жизнь людей теряет человеческое измерение. Для Толстого было несомненным, что Ламенэ – один из тех, кто внёс существенный вклад в сокровищницу истинного человеческого миропонимания. В статье «О безумии», рассуждая об истинном понимании жизни, среди многих учений и имён, которым было свойственно такое понимание, Толстой называл и Ламенэ.

Отношение Толстого к Ламенэ как глубокому и крупному мыслителю прозвучало в письме к П. И. Бирюкову 30 апреля 1909 г., где он делился мыслями о сделанном ему предложении войти в состав членов комитета по случаю «чествования Ламенэ». Толстой писал, что хотя не может принять участия в делах комитета, но «всё-таки очень желал бы» выразить своё «глубокое уважение и почитание памяти Ламенэ», который «и по своей жизни и по своим писаниям далеко не оценён не только европейской, но и французской» публикой. Толстой подчёркивал, что главная черта, особенно дорогая ему в Ламенэ, – «это горячая вера в учение Христа в его истинном значении, переходящая в чувство, которое заражает тех, которые читают его» (79: 174).

М. А. Лукацкий

ЛАПИН Василий (отчество и даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого. Юноша из бедной крестьянской семьи, ученик второго класса учительской семинарии в селе Григорове Новгородской губ., написал Толстому 9 сентября 1907 г., что в его произведениях находит ответы на многие свои сомнения и жизненные вопросы, спрашивал, где можно достать его книги. Толстой на конверте написал: «Ответить и послать Евангелие, Царство Божие, Христианское учение» (77: 308). По поручению Толстого 21 сентября 1907 г. ответил Д. П. Маковицкий. Лапину были посланы названные книги.

1 января 1909 г. Лапин снова писал Толстому, сообщал о себе, что скоро станет учителем, но его одолевали сомнения в «значении народного учителя». «Я ненавижу всю сеть правительственных учреждений, – писал он, – я ненавижу религию, это ярмо над человеком, я ненавижу до боли всех “богатых”, какого бы ни было звание, от профессора и до деревенского кулака включительно. Я сомневаюсь в правильности хода развития науки, в искусстве всяком вижу только средство для услады “богатых”; вообще я убеждён, что “культура” в настоящий момент есть для человечества не благо, но зло. Отсюда моё сомнение и в учительском деле <...>. Каждый человек <...> кто

сознал это, должен выйти из человечества, необходимо стать проповедником, революционером и пр., т. е. выразить в какой бы то ни было форме свой протест всему, что есть» (79: 16). Лапин спрашивал у Толстого совета, как он должен поступить, став учителем. 4 января 1909 г. Толстой отвечал ему большим письмом из Ясной Поляны. «Человеку свойственно не ненавидеть, а любить, – так начал писатель своё рассуждение в ответ на письмо крестьянина. – Сила жизни в человеке есть сила любви. Сила эта может быть загромождена всякого рода ошибками, соблазнами, суевериями. Когда она загромождена таким образом, то она проявляется ненавистью, как это происходит у вас» (79: 14–15). Терпеливо и доступно Толстой попытался объяснить причины всех «ненавистей» Лапина, от которых у того «нехорошо на душе». «Болезнь ваша в наше время – эпидемическая», – продолжал писатель. Он считал, что «сущность её – в невежестве», из которого вытекает «безумная самоуверенность», порождающая «легкомыслие и злобность». Толстой признавался, что «от души жалеет» молодого человека, и советовал ему, «работая над собой, стараться в жизни учиться не ненависти, а любви ко всем людям, с которыми входишь в общение. Только попробуйте это делать, и сейчас кончатся ваши воображаемые страдания и разрешатся все вопросы», – так заканчивалось письмо. Но Толстому хотелось быть уверенным, что молодой крестьянский парень поймёт его, и, уже подписав письмо и проставив дату, он продолжил: «Когда разумный человек завязнет в снегу, то он не обвиняет дорогу, а себя, стараясь выбраться на настоящую дорогу, с которой он сбился. То же и в жизни. Люди сойдутся с пути и, вместо того чтобы искать свою ошибку, обвиняют и людей, и жизнь, и Бога, только не одного виноватого во всём – себя» (79: 15). Чтобы окончательно рассеять это «недоумение о жизни», Толстой послал своему корреспонденту «несколько книг».

Н. И. Бурнашёва

ЛАХМАН Й. Й. (Lachmann J. J.; имя и годы жизни не установлены) – датский писатель, по взглядам близкий Толстому. В *ЯПБ* сохранились две книги Лахмана, присланные автором. Обе книги на немецком языке. «Gott oder Kirche? – Wählet!» / Von J. J. Lachmann; Aus dem Dänischen übersetzt und bearbeitet vom Verfasser. – Berlin: Bibliographisches Bureau, 1893. – 134 S. <«Бог или церковь? – Выбирайте!» / Й. Й. Лахмана; переведено с датского языка и обработано автором. – Берлин: Библиографическое бюро, 1893. – 134 с. – М. С.> –

эта книга имеет дарственную надпись: «Hochachtungsvoll vom Verfasser» <«С совершенным почтением от автора». – М. С.>. И вторая небольшая книжка: «Das Ziel des Lebens und das in der Natur gegründete ethische Gesetz.: Eine Lebensanschauung» / Von J. J. Lachmann. – Kopenhagen, 1894. – 16 S. <«Цель жизни и основанный природой этический закон: Воззрение на жизнь» / И. И. Лахмана. – Копенгаген, 1894. – 16 с. – М. С.>. Страницы первой книги частично разрезаны – Толстой познакомился с ней.

В конце 1894 г. Лахман прислал в Ясную Поляну ещё одну свою книгу «Weder Dogma, noch Glaubensbekenntnis, sondern Religion» («Не догмат, не исповедание веры, а религия» – нем.), изданную в том же году в Копенгагене. В дневнике 31 декабря Толстой назвал её «прекрасной книгой» (52: 157). В тот же день он написал Лахману письмо с благодарностью за присланную книгу. В письме Толстой объяснил, что ему особенно в ней понравилось: «Книга прекрасная во всех отношениях и по важности содержания, и по искренности автора, и по мастерству изложения. Узнавать людей, работающих сознательно ту же работу, которой я посвятил свою жизнь <т. е. своё религиозно-нравственное учение, основанное на любви к людям. – М. С.>, составляет величайшую радость моей жизни. Жатва велика, а деятелей ещё мало. Вы, вероятно, молоды и сильны, и потому перед вами открывается великая, хотя, может быть, и страдальческая в мирском смысле деятельность. Сознание служения Богу истиной да поддержит вас в ней. Любящий вас Л. Толстой» (52: 373). Об этой книге – «чудесной книге о христианстве и жизни» – Толстой сообщал Г. А. Русанову в письме от 1–2 февраля 1895 г. (68: 24) и др. своим корреспондентам. Эта книга не сохранилась в библиотеке Толстого: видимо, он дал её почитать кому-то из своих друзей.

М. Е. Суровцева

ЛЕБЕДЕВ Фёдор Егорович (даты жизни не установлены) – помогал Толстому в работе на голоде в 1891–1892 гг. В письме из Бегичевки от 7 марта 1892 г. Толстой отмечал: «...после завтрака ездил к Лебедеву свести счёты по складу» (84: 134–135). Склад продовольствия для снабжения столовых находился в селе Колодези Данковского уезда, километрах в пятнадцати от Бегичевки и километрах в семи от деревни Грязновки, Епифанского уезда, где Лебедев был управляющим имением московского губ. предводителя дворянства В. И. Ершова. Толстой упоминал Лебедева в письме

о рассылке по складам всей имеющейся в Клекотках ржи («Ржи два вагона отправьте к Лебедеву, управляющему Ершова, в Грязновку» – 66: 151) и др. распоряжениях по ходу организации работы.

О. В. Гладун

ЛЕБЕДЕВА Ольга Сергеевна (1854 – после 1909) – корреспондент и адресат Толстого; востоковед, переводчица. Живя в Казани и будучи женой казанского городского головы, увлеклась восточными языками. Идея возможного взаимопонимания разных народов, несмотря на различие вероисповеданий, культурных традиций, исторического самосознания, стала для неё чрезвычайно важной. Она решила посвятить жизнь преодолению «вавилонского проклятия», служить разрушению языковых барьеров между народами. Лебедева учила арабский, персидский, турецкий, татарский, греческий, немецкий, французский и итальянский языки. Большое влияние на неё оказывало общение с татарскими просветителями Каюмом Насыри и Шигабутдином Марджани, которые познакомили её с миром истории и культуры исламских народов. Лебедева перевела с татарского на русский язык известную на востоке книгу иранского царя Кейкабуса «Кабус-Наме» (XI в.).

После участия в 1889 г. в конгрессе ориенталистов в Стокгольме вместе с турецким писателем Ахметом Митхатом Лебедева уехала в Турцию, где занималась переводом на турецкий язык произведений классической русской литературы. Под псевдонимом Гюльнар-ханым публиковала переводы Лермонтова, Пушкина, Толстого («Семейное счастье», «Смерть Ивана Ильича», «Ильяс», «Два старика», «Чем люди живы»). На турецком языке вышла подготовленная ею «История русской литературы от её начала до наших дней». Много занималась Лебедева переводами произведений турецких писателей на западноевропейские языки.

В 1893 г. она вернулась в Россию. Несмотря на установленный полицейский надзор, занялась созданием Востоковедческого общества, что удалось в 1900 г. Стала его почетным председателем.

Переписка Лебедевой с Толстым завязалась в 1894 г. В одном из писем она сообщила о своей работе над книгой, составленной из созвучных строк Корана и Евангелия. Цель книги – найти точки соприкосновения между христианством и исламом. Предисловие к этой будущей книге она послала Толстому. Прочитав статью, писатель посоветовал её переработать: «...автор слишком поверхностно и потому неправильно судит

о том, что составляет сущность религии вообще и в частности христианства. Кроме того, исламизм представляется автором как особая, независимая от христианства религия, тогда как магометанство есть не что иное, как протестантство против Византийского извращённого, перешедшего в многобожие христианства, и протестантство, имеющее в основе своей те же предания, как и христианство, почерпнутые только в апокрифических библейских и евангельских сказаниях. Мысль о параллельном издании избранных, одинаковых по духу стихов Евангелия и Корана так хороша, важна и может произвести так много добра, что надо стараться осуществить её наилучшим образом» (67: 214–215). Толстой подчёркивал, что основные нравственно-религиозные истины одинаковы во всех религиях, что христианство и магометанство имеют один и тот же источник и расходятся только в искажениях этих источников: «стоит только откинуть эти искажения, и обе религии неизбежно совпадут» (67: 215). Лебедева была благодарна Толстому за советы и намеревалась следовать им. Обсуждалась в письмах и тема бабидов (бабистов). Толстой интересовался этим религиозным движением, появившимся в недрах ислама. Бабизм, возникший в 1840-е гг. в шиитском Иране, был основан сеидом Али Мухаммадом Ширази (1819–1850), называвшим себя «Баб», что в переводе с арабского означает «врата». Его проповедь, призывающая к социальной справедливости, вызвала широкий отклик в стране. К письму Толстому от 12 сентября 1894 г. Лебедева прилагала свой перевод с персидского языка сочинения о бабидах и записки о них ориенталиста А. Г. Туманского, специалиста по этому вопросу. Толстой благодарил за присланные сочинения, но сетовал, что «не нашёл в них самого главного – изложения нравственного, общественного учения. <...> Интересны бы тоже были сведения о жизни бабистов, о приложении к практике их учения. Если это есть в тех английских книгах, о которых вы говорите, <...> то очень бы одолжили меня, прислав их» (67: 223). Некоторые изречения бабидов включил Толстой в книги «На каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни». Писатель выбирал изречения, объединённые идеями самопознания, самосовершенствования и восхождения к высоте Божественного знания: «Животным Бог дал всё, что им нужно. Но человеку он не дал этого, человек сам должен добыть всё, что ему необходимо. Высшая мудрость человека не родилась вместе с ним, он должен трудиться, чтобы достичь её, и чем более его труды, тем более награда. Он не может

приблизиться к совершенной мудрости, если он не сделает великого усилия» («Круг чтения». 27 июня; 41: 443).

Е. В. Бойцова

ЛЕБЕДИНСКИЙ Иван Филиппович (1865–?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; познакомился с ним через Л. Ф. Анненкову (кузен её мужа). Бывший студент Харьковского ветеринарного института; учитель; начальник железнодорожной станции; сотрудник газеты «Киевское слово» и др. газет; придерживался анархических взглядов. Летом 1888 г. приезжал в Ясную Поляну. В письме от 25 января 1889 г. возражал Толстому на его учение о непротivлении и говорил, что достигнуть мира и благополучия можно будет лишь тогда, «когда каждому человеку будет предоставлена полнейшая свобода: свобода слова, мысли, свобода печати» (64: 233). Вскоре было получено ещё одно письмо. 25 февраля 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Письмо Лебединского. Надо выработать отношение. Да, отношение то, чтобы не скорбеть о мнении, которое о тебе составят. Как говорит Эпиктет: если ты не решаешься прослыть за дурака, ты далёк от (философии) мудрости» (50: 41). Л. Ф. Анненковой 27 февраля Толстой писал: «Я вновь прочёл его письмо, и оно ещё больше меня оттолкнуло. <...> Рассуждать с таким человеком есть одно из ужаснейших умственных страданий...» «Помочь ему? Да я очень рад словом и советом и всеми силами старался, когда он был у меня, и теперь, вероятно, можно, избрав счастливую минуту, когда у него раскроется душа, но уж никак не по случаю его письма и в ответ на его письмо, потому что ему нужна не помощь, не ответ, а нужно подтверждение своих догматов, в которые он, бедный, верит и не может перестать верить. Как излечиваются такие духовные страдания? – не знаю, но знаю наверно, что не рассуждениями. Вот отчего мне неприятно (праздно) писать в этих случаях» (64: 232). «Ему нужна доброта, а для того, чтобы возможна была доброта, нужно смирение, а чтобы было смирение, нужно усумниться в несомненности того, что он начитал себе в гимназии. А усумниться в этом он не может, потому что он и поверил-то так сильно оттого, что сам лишён критической способности или имеет её в самой слабой степени и верит всего более *громкому* большинству, а большинство, кричащее громче, литературно-научное, поддерживает его. Я всё-таки написал ему, тем более что он писал ещё мне. И мне было очень неприятно писать, и боюсь, и ему будет неприятно читать,

но я помнил о нём, писавши, и писал для него» (64: 232). Спустя несколько месяцев снова письмо Анненковой 18 июня 1889 г.: «Ведь Лебединским имя легион Они пропитаны каким-то особенным составом (либерализм), препятствующим горению» (64: 265).

Лебединский продолжал писать в Ясную Поляну, хотя далеко не на каждое письмо Толстой отвечал. В письме от 28 декабря 1895 г. он благодарил писателя за его статью «Стыдно», которую только что прочёл в газете «Биржевые ведомости». На это письмо Толстой ответил большим рассуждением о жизни и душе человека, обращённым к Лебединскому. Толстой считал, что главное – «никогда не отступать от требований человеческого достоинства и не запачкать себя участием в насилиях и гадостях правительства, хотя бы самым отдалённым» (69: 39). В связи с вызывающими недоумение резкими письмами Лебединского Толстой 1 сентября 1900 г. писал о нём В. Г. Черткову: «Лебединский – честный и хороший малый. Если он написал грубо, то это, главное, от невоспитанности» (88: 202). «Он один из тех, которые ужасно страшны в письмах и очень скромны и кротки в личных отношениях» (5 ноября 1900 г.; 88: 212). Это, видимо, уже были письма из Парижа. В 1900 г. Лебединский эмигрировал. Перед отъездом в Европу просил у Толстого 50 рублей займа. В одном из парижских писем прислал свою фотографию с надписью: «Великому, незабвенному писателю графу Льву Николаевичу Толстому. Paris, 26 июля 1900 г.». Жаловался на французские власти, которые преследовали его за открытую продажу изданий П. И. Бирюкова «Свободная мысль». 8 октября 1900 г. был выслан из Франции и переехал в Англию.

Несколько озадачивает запись Толстого 24 августа/6 сентября 1902 г. в настольном календаре: «Был Лебединский – мирно». Возможно, Лебединский приезжал в Россию и посетил Толстого. В 1905 г. он вернулся в Россию из эмиграции. 21 июля побывал в Ясной Поляне. На следующий день Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н. читал за обедом письмо Лебединского, бывшего вчера. Пишет ему, что он, Л. Н., на стороне губителей (консерваторов), а что он (Лебединский) готов уничтожить своих детей, лишь бы содействовать освобождению страны. Л. Н. принял его вчера холодно – ещё тогда не получил его письма. Лебединский – бывший учитель; вероятно, параноик. Раньше писал Л. Н-чу, что нуждается в двух тысячах рублей для устройства свободной школы, а когда их не получил, написал Л. Н-чу ругательное письмо, после которого явился

к нему с улыбкой, между тем как его другое злое письмо было в дороге» (ЯПЗ. 1. С. 352). В этом «злом письме» от 19 июля 1905 г. Лебединский в резких выражениях обвинял Толстого в том, что тот «играет в руку дворян, будучи сам граф и ультрадворянин» (ЯПЗ. 1. С. 524). Письмо осталось без ответа.

Н. И. Бурнашёва

ЛЁВИН Лев Фёдорович (1818–1875) – генерал-майор. Родился в Пензенской губ. В 1834–1836 гг. учился в Петербургском Михайловском артиллерийском училище. Военную службу проходил на Кавказе; в 1850-е гг. был командиром 20-й артиллерийской бригады, в которой служил Толстой. За годы службы был награждён орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, именным золотым оружием.

30 мая 1851 г. Толстой с братом Николаем приехал на Кавказ. 13 февраля 1852 г. был принят на службу фейерверкером 4-го класса в батареиную № 4 батарею 20-й артиллерийской бригады. С этого времени Левин стал его бригадным командиром. За весь 1852 г., когда Толстой вёл дневник почти ежедневно, имеются только два упоминания о командире: «Завтра будет Бригадный, и я назначен дежурным» (46: 138), – запись 15 августа; «Был на смотре у Левина» (46: 152), – 11 декабря. В отличие от подробных портретных характеристик некоторых офицеров, с кем по долгу службы приходилось общаться братьям Толстым, Левин не вызывал какого-либо интереса у своего подчинённого.

Зимой 1852 г. Толстой участвовал в крупном походе в Чечне, целью которого была «рубка леса» – вырубка лесов, сильно затруднявших русским войскам действия против вооружённых горцев под командованием Шамиля. В январе–марте 1853 г. он был в подобной военной экспедиции. Начальником отрядной артиллерии во время этих походов был командир 20-й бригады полковник Левин. 17 февраля 1853 г. взвод, которым командовал Толстой, подбил неприятельское орудие, за что сам командир взвода был представлен к производству в чин прапорщика. За две зимние экспедиции в Чечню Толстой дважды был представлен к награде – Георгиевскому кресту, вручавшемуся за «неустрасимую храбрость». Первый крест он не получил из-за того, что опоздал к смотру, производившемуся командиром («заигрался в шахматы», как со слов Толстого позднее вспоминала С. А. Толстая – ТВС. 1. С. 41), за что был посажен под арест «на пикет». «Креста

не получил, а на пикете сидел по милости Олифера <штабс-капитан батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады. — Е. Б.>. Следовательно, кавказская служба ничего не принесла мне, кроме трудов, праздности, дурных знакомств... Надо скорей кончить» (46: 158) — к такому выводу пришёл Толстой после второго отказа в награде и в апреле подал прошение об отставке, которую не получил.

В начале июля 1853 г. Левин отказался дать Толстому отпуск (59: 243). Накопившиеся обиды на командира Толстой высказал в письме Начальнику штаба Кавказского отдельного корпуса князю А. И. Барятинскому 15 июля 1853 г.: «Я два года был в походах и оба раза весьма счастливо. 1 год неприятель подбил ядром колесо орудия, которым я командовал, на другой год, наоборот, неприятельское орудие подбито тем взводом, которым я командовал. Оба раза ближайшие начальники сочли меня достойным наград и представили меня, и оба раза г. Левин ни к чему не представил меня» (59: 237–238). 8 августа 1853 г. Толстой записал в дневнике: «Вечером пришли все дурные воспоминания моей жизни: <...>, Барятинский, Левин, долги и всё гадкое» (46: 172). От «дурных воспоминаний» отвлекала литературная работа, однако к концу своего пребывания в Старогладковской, за два месяца до отъезда, Толстой пришёл к выводу: «...я живу между этими людьми с ограниченными взглядами. Они понимают один другого» (46: 187).

С годами Толстой видел свои армейские неприятности в ином свете: «Вспомнил, как удивительно все события моей жизни отклоняли меня от честолюбивой, тщеславной карьеры. И Барятинский, и Левин...» (55: 125), — запись в дневнике 1 февраля 1905 г. Снова он вспомнил о своём командире в письме к П. И. Бирюкову, собиравшему материалы для биографии писателя: «Третий случай был, когда Левин <...> посадил меня под арест за то, что я не был в карауле, и отказал Алексееву дать мне крест. Я был очень огорчён» (76: 67).

После выхода в отставку Левин жил в своём имении в селе Старая Кутля Мокшанского уезда Пензенской губ. Без сомнения, он читал сочинения и знал о педагогической деятельности своего бывшего подчинённого. Жизнь его после отставки увенчалась тем, что он последовал примеру Толстого: на свои средства открыл народную школу.

Е. В. Белоусова

ЛЕДЕРЛЕ Михаил Михайлович (1857–1908) — корреспондент и адресат Толстого; детский писатель, книгоиздатель, владелец

книжного магазина в С.-Петербурге, брат П. М. Ледерле. С Толстым лично не был знаком. В 1889 г. организовал «Издательство М. М. Ледерле и К°» и к постоянному сотрудничеству в нём привлёк писателей и художников: К. М. Станюковича, В. П. Острогорского, М. П. Клодта, М. Е. Малышева. Ледерле издал на русском языке произведения И.-В. Гёте, В. Скотта, Стендаля, В. Гюго, О. Бальзака, Э. Ожешко; наибольшую известность получили выпускаемые им серии «Славянская библиотека», «Иллюстрированная естественнонаучная библиотека», «Моя библиотека», «Современная наука». «Издательство М. М. Ледерле и К°» прекратило своё существование в 1898 г., но всего за 9 лет работы выпустило в свет свыше ста названий.

В начале 1890-х гг. Ледерле задумал издать сборник «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» (66: 72). В числе адресатов, которым была направлена просьба прислать «список всевозможных книг, произведших наибольшее впечатление в различные периоды жизни», был и Толстой. На обращении, полученном писателем 1 июня 1891 г., рукой Ледерле было приписано: «Следует ли уверять Вас, горячо любимый Лев Николаевич, что огромное большинство читателей первым делом будет искать в моей книге Ваших указаний» (66: 69). Толстой заинтересовался идеей Ледерле и в письме от 25 октября 1891 г. выслал ему «начатый и неоконченный список», предупреждая, что список этот «не для печатания, т. к. он ещё далеко не полон» (66: 67). Составляя список книг, Толстой определил «меру впечатления» от их прочтения степенями «огромное, очень большое и большое» и «подразделил по возрастам: 1) детство до 14 лет; 2) с 14 до 20; 3) с 20 до 35; 4) с 35 до 50; 5) от 50 до 63» (66: 66). Среди произведений, которые произвели на писателя «огромное впечатление», были следующие: «история Иосифа из Библии, русские былины» (детство до 14 лет); «Евангелие от Матфея Нагорная проповедь», «Исповедь» и «Эмиль» Руссо, «Вий» Гоголя, «Давид Копперфильд» Диккенса (с 14 до 20 лет); «Отверженные» Гюго (с 35 до 50 лет), «Евангелия все по-гречески, Паскаль, Эпиктет, о Будде, Лаодцы» (с 50 до 63 лет) (66: 67–68). В ответном письме 31 октября Ледерле сообщал Толстому: «Окончания Вашего списка я буду ждать терпеливо и тотчас по получении его приступлю к печатанию книги» (66: 72). Однако впоследствии Толстой отказался от участия в проекте, написав издателю: «Кое-как составить список мне не хочется, а для того, чтобы вспомнить, подумать, мне

решительно нет времени» (66: 229–230). В 1895 г. книга была выпущена издательством Ледерле, но список Толстого в окончательную редакцию так и не вошёл.

А. А. Федотова

ЛЕДЕРЛЕ Пётр Михайлович (1860–193?) – единомышленник Толстого, брат петербургского издателя М. М. Ледерле. Родился в семье врача. В 1880–1886 гг. учился в Казанском университете на медицинском факультете, но курса не кончил и с 1892 г. жил в Боровичском уезде Новгородской губ. близ станции Меглецы, занимаясь сельским хозяйством. Своими руками и на собственные средства с несколькими помощниками выстроил в деревне начальную школу, в которой преподавал, ведя уроки одновременно в трёх классах. Школа Ледерле была официально признана Боровичским уездным училищным советом, от чьего имени детям выдавались документы об окончании школы. Ледерле лечил крестьян и их детей, принимал роды, вёл учёт похороненных на местном кладбище. Был женат на крестьянке, имел от неё двух дочерей.

В 1903 г. Ледерле вступил в переписку с Толстым. Толстой писал ему 30 сентября 1903 г. и 30 января 1905 г. В письме 1903 г. писатель поддержал желание Ледерле жить своим трудом на земле и содействовать улучшению крестьянского быта, подчеркнув: «Знать, что есть такие люди и, главное, семьи, как ваша, как вы её правдиво описываете, составляет одну из лучших радостей моей жизни. <...> Вы наверное не цените достаточно своего положения, <...> главное, что вам нужно, это то, чтобы не изменять его и дожидаться ожидающей вас награды, внутренней, невидимой, но самой действительной» (74: 194). В письме 1905 г. Толстой благодарил Ледерле за пересылку полученного им от знакомого морского офицера Б. А. Тевяшева письма двух матросов эскадры Рождественского, по религиозным мотивам отказавшихся участвовать в военных действиях. В этом письме они обращались к Толстому с просьбой хлопотать, чтобы им выдали отобранное у них Евангелие. В дневнике Толстого 29 января 1905 г. имеется запись: «Хочу сейчас написать им и их начальнику. Поискал в календаре имя начальника – не нашёл. Раздумал писать» (55: 119).

Ледерле был одним из подписавших групповое воззвание «Милые братья и сёстры...», составленное в октябре 1914 г. в Ясной Поляне толстовцем Сергеем Михайловичем Поповым в знак протеста против Первой мировой войны. 19 октября 1914 г. Ледерле писал В. Ф. Булгакову:

«С искренней радостью прошу вас присоединить и мою подпись к христианскому обращению по поводу войны» (Булгаков В. Ф. Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 годов. М., 1922). С 1917 г. до самой смерти в конце 1930-х гг. Ледерле жил с семьёй на хуторе при школе, названной именем Толстого.

А. А. Федотова

ЛЁВШИН Алексей Ираклиевич (1799?–1879) – гос. деятель, сенатор (1855), действительный тайный советник (1866), член Гос. совета (1868); литератор. Учился в Харьковском университете. Службу начал в 1818 г. в Коллегии иностранных дел. В 1823–1826 гг. секретарь новороссийского и бессарабского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова; в 1831–1838 гг. – одесский градоначальник. Один из основателей газеты «Одесский вестник» и одесской публичной библиотеки. В 1839 г. причислен к Министерству внутренних дел. В 1844 г. утверждён в должности директора департамента Министерства гос. имуществ. С конца 1855 по 1859 г. – товарищ министра внутренних дел С. С. Ланского. Член Вольного экономического общества, Русского географического общества и др. Автор ряда исторических и этнографических исследований («Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» – СПб., 1832; «Прогулки русского в Помпеи» – СПб., 1843; и др.), воспоминаний «Достопамятные минуты в моей жизни» (Русский архив, 1885, № 8). Был знаком с А. С. Пушкиным.

В бытность свою товарищем министра Лёвшин стал одним из первых в правительстве Александра II разработчиков программы освобождения крестьян от крепостной зависимости. При его участии был подготовлен Высочайший рескрипт виленскому военному губернатору и гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября 1857 г. – программный документ, ознаменовавший решимость власти перейти от частных мер по улучшению быта крестьян к разрешению крестьянского вопроса в целом. Стоял у истоков создания Секретного комитета для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян (1857 г.; впоследствии Главный комитет по крестьянскому делу). При этом занимал довольно умеренную позицию, будучи противником единовременного освобождения крестьян по всей России и обязательного наделения их полевой землёй на правах собственности. Склонялся к идее личного освобождения и выкупа крестьянами у по-

мешиков усадебного надела, что и нашло отражение в рескрипте Назимову.

Осторожностью Лёвшина, его недоверием к помещикам-«теоретикам», предлагавшим разнообразные проекты по крестьянскому делу, можно объяснить тот прохладный приём, который он оказал Толстому в мае 1856 г. при их встрече в Министерстве внутренних дел. Толстой в это время был поглощён идеей освобождения крестьян Ясной Поляны и 10 мая передал Лёвшину докладную записку (её черновой проект см.: 5: 247–248), в которой излагались «те основания, не совсем подходящие к законам о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах» (5: 255), на которых Толстой собирался дать крепостным волю. Видимо, в тот же день Толстой отправил Лёвшину и проект договора с крестьянами. Лёвшин ознакомил с проектом Ланского и 12 мая сообщил Толстому о реакции министра – ср. черновое письмо Толстого гр. Д. Н. Блудову от 9 июня 1856 г.: «Г-н министр передал мне словесно через своего товарища, что он одабривает мой план, рассмотрит и постарается утвердить подробный проект, который я обещал прислать из деревни» (5: 255). Реакция самого Лёвшина на толстовские проекты была, однако, более сдержанной, как следует из дневника Толстого от 11 мая 1856 г.: «Лёвшин сухо меня принял. – За что ни возьмёшься теперь в России, всё переделывают, а для переделки люди старые и потому неспособные» (47: 70–71). Повторный визит в Министерство также оставил у него двойственное впечатление: «Лёвшин сказал, что докладывал министру; но всё-таки дал ответ *évasif* <уклончивый. – *фр.*>. Буду писать проект, несмотря на то» (47: 71). «Уклончивость» Лёвшина объяснялась и его нежеланием разглашать правительственные проекты на стадии их разработки, и разногласиями по вопросу об освобождении крестьян.

После неудачной попытки освобождения крестьян летом 1856 г. и сам Толстой, разочаровавшись в идеях К. Д. Кавелина и Н. А. Милютина, начал склоняться к лёвшинской программе решения земельного вопроса. Так, в «Записке о дворянстве» (1858 г.) он, исходя из представления об исторически обусловленном праве помещиков на землю, требовал защиты их экономических и политических интересов.

Лит.: Достопамятные минуты в моей жизни. Записка Алексея Ираклиевича Лёвшина // Русский архив. 1885. № 8; Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971.

Ю. И. Красносельская

ЛЕОНИД (в миру: Лев Александрович Кавелин; 1822–1891) – адресат и корреспондент Толстого. Архимандрит, наместник Свято-Троице-Сергиевой Лавры; до пострига – офицер лейб-гвардии Волынского полка; литератор, переводчик, духовный писатель (псевд.: «Хаджирум-Москов», «Ставро»), библиограф, агиограф, археолог, этнограф; член Русской духовной миссии в Иерусалиме; настоятель ставропигиального Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим) (1869–1877); двоюродный брат профессора и публициста К. Д. Кавелина.

С архимандритом Леонидом Толстой был знаком лично. Поводом к знакомству и переписке послужила деятельность Толстого в середине 1870-х гг. по составлению книг для народного чтения, в которые, по замыслу Толстого, должны были войти тексты житийного характера, «наилучшие, наинароднейшие». Толстой планировал составить список текстов из Четьих-Миней митрополита Макария, житий Димитрия Ростовского и Патерика. В свою «Азбуку» Толстой уже включил небольшие тексты из житийной литературы («О Филагрии монахе», «О дровосеке Мурина», «Житие преп. Сергия Радонежского» и др.). Своим замыслом Толстой в первых числах ноября 1874 г. поделился с П. Д. Голохвастовым: «Я хочу попытаться не переделывать, а выбрать для народного чтения и издать» (62: 120). Голохвастов посоветовал Толстому обратиться за содействием к архимандриту Воскресенского монастыря Леониду, знатоку житий. К этому времени архимандрит Леонид зарекомендовал себя как один из крупных специалистов по древней русской истории, истории Нового времени, как исследователь старинной русской археологии, письменности и культуры. Его исследования выходили в авторитетных научно-популярных изданиях («Маяк», «Иллюстрации», «Странник», «Известия императорского Русского археологического общества», «Вестник Общества древнерусского искусства», «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Русская старина», «Древняя и Новая Россия» и др.). Голохвастов списался с архимандритом Леонидом, и тот выразил готовность к участию в составлении чтения для народа, о чём Голохвастов сообщил Толстому. Архимандрит Леонид пожелал лично встретиться с писателем. 22 ноября 1874 г. Толстой написал архимандриту Леониду, но ответ последовал не сразу. В середине марта, получив долгожданный ответ, Толстой вновь писал ар-

химандриту Леониду, с признательностью за «выражение сочувствия» дорогим для него взглядам на «дорогое» ему дело (62: 160), и благодарил за присланное архимандритом Леонидом исследование «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания», опубликованное в первой книге «Чтений в Обществе любителей истории и древностей российских» в 1874 г. (исследование, начатое ещё Голохвастовым в 1849 г. и законченное архимандритом Леонидом, а в 1877 г. архимандрит Леонид опубликовал в том же издании «Письма митрополита Филарета к Д. П. Голохвастову» по случаю издания «Домостроя» Сильвестра). Присланный архимандритом Леонидом труд о Сильвестре спровоцировал Толстого на оценку всей древнерусской книжной культуры: «...какие сокровища – подобных которым не имеет ни один народ – таятся в нашей древней литературе. И как верно чутьё народа, тянущее его к древнерусскому и отталкивающее его от нового» (62: 161).

Их встреча состоялась спустя два года, в октябре 1879 г. в Троице-Сергиевой Лавре, куда архимандрит Леонид был переведён на новое служение наместником. «Леонид мне очень, очень полюбился» (62: 509), – написал Толстой С. С. Урусову в декабре этого года. А из письма к Н. Н. Страхову от 4 октября 1879 г. известно, что Толстой в свой приезд из Ясной Поляны в Москву с целью посещения Сергиевой обители беседовал о церкви с епископом Можайским викарием Алексием (Лавровым-Платоновым), митрополитом Макарием и архимандритом Леонидом – «Все трое прекрасные люди и умные...» (ПСПТС. 2. С. 534). Но в результате этой беседы, как видно из письма, Толстой «больше ещё укрепился в своём убеждении» (*там же*). Известно также, что в Москве Толстой имел беседу и с Д. А. Хомяковым. Итогом этих встреч стала работа Толстого над изложением своих религиозно-философских взглядов и отношения к христианско-православному учению. В этот год Толстым были написаны статьи «Церковь и государство», «Что можно и чего нельзя делать христианину», отрывок «Чьи мы?».

В 1879 г. Толстой напряжённо работал над романом о декабристах, углублённо изучал русскую старину и XVIII в. Его дневник и записные книжки свидетельствовали о глубоком интересе к средневековой культуре народа. Среди работ известных медиевистов Н. С. Тихонравова, А. Н. Афанасьева, В. А. Яковлева, А. Ф. Гильфердинга, И. П. Сахарова встречается отдельная запись о «Домострое». А в записной книжке

№ 8 Толстой пометил: «Леонид. Литература о монастырях» (48: 252).

Замысел Толстого, который свёл его с архимандритом Леонидом, ввести в круг народного чтения житийные тексты осуществлён не был, хотя начало было положено – сохранился отрывок написанного Толстым «Жития и страдания мученика Юстина-философа». Толстой вернулся к этому замыслу через десять лет, когда было организовано издательство «Посредник», и с этой целью написал жития «Страдания святого мученика Феодора в Пергии Памфилийской» и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины», взятые из Четых-Миней святого Димитрия Ростовского.

А. В. Шмелёва

ЛЕОНТЬЕВ Борис Николаевич (1866–1909) – корреспондент и адресат Толстого; бывший воспитанник Пажеского корпуса, сын генерала, участник земледельческих общин, сотрудничал с Толстым. Покончил жизнь самоубийством.

Леонтьев, близкий друг В. Г. Короленко, «маленький, юркий, смуглый», вместе с Файнерманом и Алёхиным работал в столярной мастерской в Полтаве, предпочтя эту деятельность военной службе. 20 декабря 1891 г. он пришёл пешком в Бегичевку с деньгами, собранными в Полтаве на содержание двух столовых, а 24 декабря был отправлен Толстым в деревню Муравлянку для открытия столовых в Скопинском уезде и заведования ими. В феврале 1892 г. перебрался в Хованщицу Епифанского уезда. Толстой был убеждён, что все полтавцы, приехавшие сюда ради голодающих, – хорошие люди.

Осенью 1893 г. Леонтьев жил в Ясной Поляне. Толстой находил его «приятным собеседником», который «усердно переписывает» (66: 407). Закончив свою работу, «списав последнее писание» для Толстого, отправился в Полтаву, о чём Толстой «жалел». В этом же году Леонтьев вместе с Бодянским и Скороходовым купил землю близ Кутаиса, куда приглашал к себе единомышленницу Толстого М. А. Шмидт, у которой гостил в Овсянникове, близ Ясной Поляны. М. Шмидт очень тяготилась им и его товарищами Бодянским и Скороходовым, и Толстому пришлось поехать к ней, чтобы «умиротворить» (66: 404) гостей. Позже, появляясь в Ясной Поляне, Леонтьев живо рассуждал о выборах, осуждал правительство, защищал права народа, преклонялся перед М. А. Спиридоновой, называя её героиней, рассказывал, как его избивали казаки в октябре 1903 г. Он охотно спорил

с Толстым, доказывал, что власть сейчас в руках злых людей, жаждущих властвовать, а надо, чтобы она была в руках народа.

15 августа 1897 г. после встречи с Леонтьевым Толстой отметил в дневнике: «Был тяжёлый Леонтьев» (53: 150). В апреле 1901 г. Леонтьев пришёл в хамовнический дом Толстого, и писатель отметил в записной книжке: «...я много говорил» (54: 246). В 1909 г. в Ясной Поляне, прочитав «Голос Москвы», узнали, «что в Полтаве отравился толстовец Б. Н. Леонтьев». Т. Л. Сухотина стала вспоминать, как Леонтьев, «сын генерала, столярничал, табуретки делал и на базаре продавал», а во время голода помогал Толстому. Вспоминали, как его кузен, офицер, застрелился, а кузина застрелила в Швейцарии Миллера, приняв его за Дурново (ЯПЗ. 3. С. 384). 9 мая 1909 г. Трегубов рассказывал о самоубийстве Леонтьева, как он «отчаивался, что он одинок, что он никому не нужен, подобно Суханову, бывшему единомышленнику Л. Н., поехавшему к духоборам в Канаду и там застрелившемуся», потому что, как написал в записке, считал себя «хламом, никому не нужным» (ЯПЗ. 3. С. 407). В этой связи Толстой заметил, что самоубийство совершают «люди раздвоенные», «промежуточного состояния». А люди, живущие «духовной жизнью, знают, что не могут себя убить» (ЯПЗ. 3. С. 407).

Н. А. Никитина

ЛЕОНТЬЕВ Павел Михайлович (1822–1875) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; филолог-классик, профессор классических древностей Московского университета, директор Катковского лицея. В начале декабря 1870 г. Толстой «вдруг» начал усердно изучать древнегреческий язык. Не зная до этого греческого, в два месяца, пока «болел ревматизмом колена», он выучил язык. «Жду с нетерпением случая показать кому-нибудь этот фокус. Но как я счастлив, что на меня Бог наслал эту дурь», – писал он 1–6 января 1871 г. А. А. Фету (ПРП. 1. С. 408). «...Леонтьев, когда услышал о его намерении учиться по-гречески, сказал, что и Жуковский хотел учиться, – ничего не выйдет. Потом же удивлялся успеху. Про Леонтьева говорил, что он не был ему неприятен». Вспоминал, как однажды «стоял с Леонтьевым, и пришла мать с 13-летним гимназистом просить отпустить его. Леонтьев отпустил, и гимназист взял его руку и поцеловал, а Леонтьев протянул её, как поп. Л. Н. это огорчило» (ЯПЗ. 2. С. 345). «Он <Леонтьев> был умный. А Катков – бестолковый <...>. Леонтьев был чуток к художественному» (ЯПЗ. 3. С. 114).

10 июня 1871 г. в Москве Толстой встретился с Леонтьевым и читал с ним по-гречески. «В трёх случаях между ними произошло разногласие в переводе. После уяснения дела профессор признал мнение Льва Николаевича правильным» (Берс С. А. Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом. Смоленск, 1893. С. 51). Встречался Толстой с Леонтьевым и в поисках гувернёра для своих детей (62: 114), и по поводу печатания в «Русском вестнике», где Леонтьев был помощником Каткова, своего романа «Анна Каренина». Умер П. М. Леонтьев внезапно от гриппа 24 марта 1875 г. Толстой узнал о его смерти из письма Н. Нагорнова 29 марта. На следующий день он писал Фету: «Когда я узнал, мне стало так грустно, что я не ожидал, что я так ценил его. Смерть всё покажет. Издохни нигилист – никто и не подумает, а тут чувствуется событие общественное» (ПРП. 1. С. 437).

Л. С. Дробат

ЛИЗОГУБ Дмитрий Андреевич (1849–1879) – деятель революционного движения, участник организаций «Чайковцы» и «Земля и воля», один из прототипов Светлогуба в рассказе Толстого «Божеское и человеческое». Из дворянской семьи, образование получил во Франции, в коллеже Монпелье, потом учился в Петербургском университете, но не закончил его. В 1870-е гг. был активным участником студенческих революционных кружков, вёл революционную пропаганду среди крестьян Черниговской губ. В 1874 г. был арестован, привлечён к дознанию по делу о пропаганде в империи («дело 193-х») и отправлен в своё имение в Черниговской губ.; в 1876 г. за ним установлен негласный надзор полиции, в 1877 г. – гласный надзор, запрещено отлучение с места жительства. В 1877 г. Лизогуб участвовал в создании Исполнительного комитета русской социал-революционной партии, выступавшей за террористические методы борьбы, проходил по «процессу 28-ми». В сентябре 1878 г. он был привлечён к дознанию по делу С. Ф. Чубарова, сначала как свидетель, потом как обвиняемый. В 1879 г. был приговорён к смертной казни и казнён вместе с С. Чубаровым и И. Давиденко, обвинявшимися в покушении на Александра II.

О Лизогубе Толстой знал по книге С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» (Лондон, 1893, изд. Фонда вольной русской прессы), а также по биографии, написанной неизвестным автором, вероятно, товарищем Лизогуба, – в архиве Толстого сохранилась машинописная копия этой статьи «Дмитрий Андреевич Лизогуб

(биографический очерк)», опубликована в газете «Народная воля» (1881. № 5). Личность Лизогуба заинтересовала Толстого в 1890–1900-е гг. В 1898 г. он намеревался включить в текст романа «Воскресение» рассказ старика-старообрядца о казнённом в Одессе бывшем мировом судье Синегубе (33: 213–214), в окончательном тексте романа этого эпизода нет.

В 1904–1905 гг. Толстой вернулся к этому сюжету в рассказе «Божеское и человеческое». Из книги Степняка-Кравчинского он мог заимствовать момент, когда Лизогуб был крайне удивлён, услышав свой смертный приговор, и важный штрих, когда во время переезда из тюрьмы к эшафоту он был невозмутимо спокоен, даже улыбался. Биография, написанная неизвестным автором, вызвала у Толстого наибольший интерес, из неё писатель почерпнул отдельные детали описания казни и сведения о религиозной настроенности Лизогуба в детстве и юности, рассказ о том, как Лизогуб, столкнувшись с правительственными преследованиями, из мирного пропагандиста стал террористом.

Лизогуба Толстой упоминал в «Предисловии к статье В. Г. Черткова “О революции”»: «Только тем, что в революционной деятельности есть доля задора, борьбы, прелести риска своей свободой, жизнью, – что всегда привлекает молодёжь, – можно объяснить то, что люди умные, нравственные могли и могут предаваться такой явно бесполезной деятельности. Жалко видеть, когда энергия сильных и способных людей тратится на то, <...> чтобы тревожить людей, вовлекать их в опасную деятельность, разрушающую их жизнь», «более же всего жалко то, когда видишь, что лучшие, высоконравственные, самоотверженные, добрые люди, каковы были Перовская, Осинский, Лизогуб и многие другие <...>, увлечённые задором борьбы, доведены не только до траты своих лучших сил на достижение недостижимого, но и до допущения противного всей их природе преступления – убийства, до содействия ему, участия в нём» (36: 150–151).

Лит.: Деятели революционного движения в России. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 2. М., 1930. Стлб. 779–781.

Л. Е. Кочешкова

ЛИНДЕНБЕРГ Герман Романович (Рейнгольдович) (1860–?) – художник, резчик, гравёр. Уроженец Харькова, участник земледельческих общин в Харьковской губ., в Нальчике, в селе Орпири Кутаисской губ., в Полтаве. Взаимоотношения Линденберга и Толстого носили деловой характер: это была помощь голодающим. Писатель це-

нил Линденберга, предлагал своему другу и единомышленнику П. И. Бирюкову воспользоваться его услугами: «Он вам поможет, если вам нужно заменить вас на время, опять если и когда нужно. Или возьмёт на себя отдельный район – в Ефремовском или ещё где» (66: 266). Советовал Бирюкову использовать Линденберга и на должности заведующего складом продуктов для общих столовых. Тем не менее известен случай, обеспокоивший Толстого, когда между Линденбергом и его напарником С. Т. Семёновым в Бегичевке произошёл конфликт. Линденберг и Семёнов занимались обеспечением дровами нуждающиеся крестьянские семьи. На почве организации поставки дров у них и возникла ссора. Писатель приехал в Бегичевку в самый разгар ситуации с дровами. И один и другой уже готовы были уехать. Однако всё быстро улеглось. «Это было чуть-чуть и ни в ком не оставило неприятного чувства, напротив, они все премилые люди», – заметил Толстой в письме к жене (84: 185).

В 1898 г. положение крестьян стало особенно тяжёлым. Толстой писал в это время Бирюкову: «Вчера был в деревне, где <...> на 5 дворов с 20 ребятами ни одной коровы <...>. Крестьянство беднеет с каждым годом...» (71: 360). Единомышленники Толстого предлагали ему «свои услуги помогать». С той же целью приезжал и Линденберг из Полтавы.

Были между Толстым и Линденбергом и неделовые беседы, после которых Толстой давал ему читать свои сочинения. Беседовали они о духоборах, о планах переселения их в Маньчжурию. Об этом Линденберг поведал А. М. Бодянскому, бывшему землевладельцу Харьковской губ., который отказался от земли в пользу крестьян, за что был выслан из Харьковской губ., а потом уехал за границу. Далее следы Линденберга теряются. Возможно, помогая духоборам, переселенцам в Канаду, и устраивая там их быт, он остался в Канаде.

А. А. Аленина

ЛИНЁВ Дмитрий Александрович (псевд. Далин и др.; 1853–1920) – корреспондент и собеседник Толстого; прозаик, публицист. Родился в г. Богородске Московской губ. в семье отставного солдата-еврея. В 12 лет бежал из дома, принял православие, взяв фамилию крёстного отца. В 1868 г. поступил вольноопределяющимся на военную службу. Через четыре года за мошенничество и присвоение не принадлежащего ему звания был арестован и отбывал двухмесячное тюремное заключение. В 1873–1875 гг., выдавая себя за поручика

князя Чавчавадзе, занимая деньги в долг, путешествовал по России и Европе. В ноябре 1875 г. был снова осуждён в С.-Петербурге за самозванство и мошенничество. В административном порядке отбывал ссылку в Старой Руссе, Глазове Вятской губ., Смоленске, Поречье, находясь под гласным полицейским надзором. После отбытия наказания в 1882 г. сначала проживал в Москве, а в 1893 г. переехал в С.-Петербург. В столице руководил вторым (провинц.) изданием газеты «Биржевые ведомости», где большой популярностью пользовались его ежедневные «беседы», основанные преимущественно на судебной хронике и письмах читателей (Меламед Е. И., Рейтблат А. И. Линёв Дмитрий Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биограф. словарь. Т. 3. М., 1994. С. 361).

Первым крупным литературным произведением Линёва был роман «Исповедь преступника» (1877). Вскоре вышли его книги «По тюрьмам. (Записки заключённого)» (1878–80), «По этапу» (1886), «Среди отверженных» (1888) и др. Линёв был автором многочисленных публицистических статей, печатавшихся в различных газетах и журналах. Среди литературных произведений Линёва внимание Толстого привлекла его книга «По этапу. (Бронзовое дело)», вышедшая отдельным изданием в С.-Петербурге. Позднее один из эпизодов книги (избиение конвойным офицером арестанта) писатель использовал в романе «Воскресение» (33: 374).

18 февраля 1900 г. Линёв посетил Толстого в Хамовниках – это была их единственная встреча. 29 февраля он писал из Петербурга, что эти «свидание и беседа <...> о тюрьме и ссылке произвели на него глубокое впечатление» и он вновь перечитал «Воскресение». Далее Линёв сообщал, что намеревается переиздать свои книги «По тюрьмам», «В пересылочной тюрьме», «По этапу», и просил отзыва Толстого о его 3-томнике «Не сказки», где были собраны его газетные статьи (Корреспонденты Л. Н. Толстого / Сост. Ф. В. Буслаев. М., 1940. С. 82).

В последующие годы Линёв, испытывая материальные лишения, вынужден был оставить работу в «Биржевых ведомостях» и поступить на службу в страховое общество. После октября 1917 г. он переехал к дочери в Киев, где и прошли его последние годы.

Лит.: Кауфман А. Е. Рассказ Линёва под пером Л. Н. Толстого // Вопросы литературы. 1920, № 11.

В. Н. Чисников

ЛИПРАНДИ Евгения Владимировна («Журжинька»; рожд. Арсеньева; 1845–

1909) – третья дочь близкого знакомого Толстого В. М. Арсеньева, тульского помещика, владельца имения Судаково в 8 верстах от Ясной Поляны. В 1864 г. мужем Евгении, младшей из сестёр Арсеньевых, стал Р. П. Липранди. Семья жила в основном в Петербурге. В архиве Тульской области сохранилось письмо Толстого к Евгении Липранди от 23 апреля (5 мая) 1867 г., написанное по её просьбе, с описанием кончины и похорон её сестры Ольги. На рукописи письма Толстого – надпись, возможно, рукой Е. В. Липранди: «Как хорошо это написано!» Евгения с семьёй бывала наездами в Судакове. Как свидетельствуют мемуары её тётушки Ю. М. Огарёвой, летом 1879 г. супруги гостили в Судакове с тремя детьми: Павлом (р. 1865), Ольгой (р. 1872) и Валерией (р. 1875), – «такими же хорошенькими, как и она», – писала Огарёва. В 1887 г. родился младший сын супругов Липранди Константин. (Сыновья Липранди стали впоследствии военными.) 4 августа 1881 г. Е. В. Липранди стала крёстной матерью племянника, младшего сына её брата Николая – Александра, воспитанником которого был И. С. Тургенев. Умерла Липранди в Петербурге в ноябре 1909 г., в один год с мужем.

Имя генерала П. П. Липранди, отца Р. П. Липранди, упоминалось в сочинениях и письмах Толстого. Своим именем Толстой назвал генерала среди героев Севастополя в «Песне про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.». В этом сражении, где участвовал и Толстой, получил своё боевое крещение сын Липранди, 16-летний Рафаил. В послужном списке Р. П. Липранди отмечено: «Родился 14 декабря 1838 года, из дворян Нижегородской губернии <...>, воспитывался в доме родителей; окончил курс наук в Николаевской Академии Генерального Штаба. В службу вступил в Азовский пехотный полк рядовым 1855 года мая 4 дня; переведён в Лейб-пехотный Бородинский Его Величества полк 1855 года июля 12-го; за отличную храбрость, оказанную в деле с англо-французами при р. Черной 4 августа 1855 года произведён <...> и утверждён в чине прапорщика Высочайшим приказом 1855 года августа 25-го». В 1873 г. он был произведён в полковники. 15 декабря 1879 г. получил последнее назначение начальником штаба пехотной дивизии и произведён в генерал-майоры. Р. П. Липранди был многократно награждён, имел золотое оружие «за храбрость».

Лит.: Сафонова О. Ю. К истории знакомства И. С. Тургенева с Е. В. Липранди // Спасский вестник. Вып. № 10. 2004.

Т. Н. Архангельская

ЛИПРАНДИ Иван Петрович (1790–1880) – деятель политического сыска, генерал-майор, военный историк, мемуарист, публицист, этнограф. Участник Русско-шведской войны (1808–1809), Отечественной войны 1812 г., принимал участие в сражениях под Смоленском, Бородином, Тарутином, Малоярославцем, Красным и в заграничном походе, участник Русско-турецкой войны (1828–1829). После восстания декабристов был арестован, но вскоре освобождён. Липранди близко знал А. С. Пушкина и оставил о нём ценные воспоминания. Пушкин описал его в образе дуэлянта Сильвио в рассказе «Выстрел» в «Повестях Белкина».

С 1840 г. Липранди служил в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений при министре. В 1848–1849 гг. вёл агентурную разработку кружка М. В. Петрашевского, получив за раскрытие «почти общероссийского заговора против существующего строя» две тысячи рублей (Возный А. Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. С. 84). В 1861 г. он вышел в отставку и всецело занялся литературной и научной деятельностью.

Труды Липранди по истории Отечественной войны 1812 г. Толстой читал и использовал, работая над книгой «Война и мир». В эти годы он получил, видимо, от П. И. Бартенева книгу (сохранилась в ЯПБ) «Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? Извлечено исключительно из иноземных писателей. С примеч. И. П. Липранди...» (М., 1867). Бартенева книга была подарена с сохранившейся авторской надписью. При этом Толстому приходилось преодолевать и предубеждения, существовавшие относительно отставного генерала, имя которого в 1860-е гг. «было в известной мере одиозным». Для Толстого в сочинениях Липранди, в частности в работах о Бородинском сражении, «был важен и дорог вопрос о чести Бородинского сражения» (Бабаев Э. Г. Тон правды // Знамя. 1987. № 8. С. 133). В черновых набросках к роману Толстой, говоря об источниках, писал: «Липранди важен (хотя литература озлобилась)» (15: 240). После выхода книги «Война и мир» автор направил один экземпляр Липранди с дарственной надписью. Н. П. Барсуков писал П. И. Бартенева: «...Граф Л. Н. Толстой прислал Липранди “Войну и мир” с надписью: “в знак искреннего уважения и благодарности”» (Летописи. Кн. 2. С. 154).

И. П. Липранди высоко ценил роман Толстого «Война и мир» и защищал его от нападок критиков. Когда в газете «Голос» появилась критическая статья военного

историка М. И. Богдановича «Что такое “Война и мир” графа Л. Н. Толстого», Липранди откликнулся статьёй «За и против. Заметки по поводу Бородинского сражения», которая была помещена в том же номере. Автор «свидетельствовал верность и мастерство толстовских батальных сцен и защищал писателя от нападков на эту сторону романа» (Ищук Г. Н. Лев Толстой: Диалог с читателем. М., 1984. С. 101). Назвав роман графа Толстого «замечательным творением», Липранди указывал, что очерки многих исторических личностей «под эгидой романа» говорят о многом, а «это многое может послужить разъяснению и очень многого» (Голос. 1868. 10 мая. № 129).

Лит.: Эйдельман Н. Я. «Где и что Липранди?» // Пути в незнаное. Вып. 9. М., 1972.

В. Н. Чисников

ЛИСИЦЫН Михаил Михайлович (1862–1913) – знакомый Толстого, его посетитель, корреспондент и адресат. Во время знакомства с писателем – молодой человек, окончивший гимназию в Ельце Орловской губ., откуда он и написал Толстому. В дальнейшем учился в харьковском, затем в дерптском ветеринарном институте (окончил в 1889 г.), в то же время занимался литературой. Затем заведовал русской общественной библиотекой в Дерпте, имел там собственный книжный магазин, писал рассказы и публицистические статьи и публиковал их в местных изданиях. Некоторые его повести и рассказы напечатаны в «Русских ведомостях» и «Русском обозрении».

18 февраля 1885 г. Лисицын, ссылаясь на слова Христа из Евангелия от Матфея: «...не мир пришёл я принести, но меч», – в письме обратился к Толстому с вопросом, какой путь следует избрать в жизни. 24 февраля Толстой отвечал Лисицыну: «Я показал письмо ваше близкому мне человеку – Орлову, и вот он написал вам это <письму Толстого к Лисицыну предшествовало письмо к нему В. Ф. Орлова, единомышленника Толстого (63: 210–211). – Н. Б.>. Я подписываюсь под каждым словом его письма. Я то же самое говорил в книжке “В чём моя вера?”. Если вы не читали, то найдёте там всё, что я успел ответить на этот ваш вопрос. – На последний вопрос ваш: какой путь избрать – самоотвержения, или смирения, или борьбы? отвечаю: проникнуться истиной учения Христа и эта истина научит вас всему – научит, когда борьба порицания, обличения, когда самоотречения, но самосовершенствования –

всегда» (63: 208–209). Так началась переписка, продолжавшаяся несколько лет.

В 1888 г. Лисицын побывал в Ясной Поляне (воспоминания его «В гостях у гр. Льва Толстого» напечатаны в пробном номере «Дерптского листка», сентябрь 1891 г.). Там он вступил в «Согласие против пьянства» и, возвратившись в Дерпт, много работал по вовлечению окружающих в это общество. Взгляды Лисицына были близки взглядам Толстого. Писатель ценил его нравственные качества, ценил в нём необыкновенную искренность, признавая, в письме к нему от 30 ноября, что в нём «есть та главная сила души, которая даёт цену жизни для себя и для других – сила самосознания, суда над собой» (64: 201). В 1888 г. Лисицын прислал на суд писателю несколько своих напечатанных рассказов. Толстой был суров и прямо заявил, что в сочинениях автора «не заметил и признака того, что называют неправильно талантом» и что он, Толстой, «называет самобытностью». «Всё это не нужно, – писал он 21 ноября 1888 г., объясняя, что можно «служить людям» иначе. – <...> Бросьте это занятие. Старайтесь быть хорошим человеком, живущим сообразно с тем светом, который есть в вас, т. е. с совестью, и тогда вы неизбежно будете действовать духовно на других людей – жизнью, речами или даже писаньем...» (64: 198). Толстой сравнивал желание Лисицына стать писателем со своим желанием молодости получить на войне награды: «Я одно время хотел быть героем и получить Георгиевский крест, и когда эта возможность, совсем уже была готовая осуществиться, исчезла, я был в самом большом отчаянии. Теперь же я часто делаю тщетные усилия для того, чтобы в воображении своём воскресить то состояние, в котором я находился тогда» (64: 201).

12 июня 1890 г. в письме Толстому Лисицын рассказал о своём намерении организовать общество по борьбе «с страшным злом <...> половых излишеств» по образцу «Согласия против пьянства» и спрашивал совета Толстого. Прочитав «Крейцерову сонату», он задавал вопросы о браке и половых отношениях. Толстой отвечал, что «не стал бы учреждать общество, но сочувствовал бы основанию такого общества» (65: 109). В марте 1891 г. Лисицын в письме снова спрашивал Толстого о половой жизни и о браке. Толстой подробно отвечал ему, закончив письмо так: «Написал от всей души всё, что перед Богом думаю. Помогай вам Бог. За вашу откровенность полюбил вас больше» (65: 264).

В то время Лисицын заведовал Русской публичной библиотекой в Дерпте и задумы-

вал издавать газету «Дерптский листок». Он просил Толстого поддержать газету и спрашивал разрешение выставить имя писателя в качестве сотрудника этой газеты. Толстой ответил отказом и посоветовал обратиться к Н. С. Лескову, что Лисицын и сделал. Лесков отсоветовал издавать газету и просил не втягивать Толстого в это «несерьёзное», «несолидное» и «неприличное» дело (65: 230). В тот же день Лесков писал об этом Толстому. Издание газеты не состоялось.

В 1893–1894 гг. Лисицын редактировал в Риге газету «Прибалтийский листок» (первоначально с 1891 г. – «Дерптский листок»), где пытался проводить принцип братского отношения между народностями Прибалтийского края, но с уклоном в сторону «обрусения». Перебравшись в центральную Россию, напечатал в «Русской старине» (1904, октябрь–декабрь) статью под заглавием «Десять лет в Прибалтийском крае». В последние годы жизни работал ветеринарным врачом на Сахалине.

Н. И. Бурнашёва

ЛИСТОВСКИЙ Сергей Иванович (1875–1922) – единомышленник, посетитель, корреспондент и адресат Толстого; помещик Черниговской губ., Суражского уезда, села Ущерпье. Неоднократно бывал у Толстого в Ясной Поляне. «Были интересные черниговские посетители...» – записал Толстой в дневнике 27 сентября 1902 г. В числе трёх посетителей впервые был Листовский. Под влиянием мирозозерцания Толстого он передал доставшуюся ему по наследству от отца землю крестьянам. В письме от 4 ноября 1902 г. сообщил Толстому о трудностях на пути к опрощению. Толстой отвечал 17 ноября: «Положение ваше очень трудное: не оскорбить, не огорчить близкого человека и вместе с тем не лгать перед своей совестью и Богом. <...> Давайте о себе знать. Вы мне близки, и судьба ваша интересует меня не по любопытству, а по сердечному участию» (73: 327). Письма Толстого были для Листовского «громадной нравственной поддержкой» (ЯПЗ. 1. С. 518). За распространение запрещённых сочинений писателя Листовский преследовался властями. Толстой поддерживал его, 28 мая 1905 г. писал ему: «Сердиться на себя, на жизнь, на Бога нельзя. Надо смиряться и покоряться: ни себя, ни жизни, ни Бога не изменишь. Вас мучают падения, ваша слабость, ваше бессилие. Но ведь важны не достигнутые результаты (в них мы не властны), а усилия, искренние усилия. <...> И потому вы неизбежно вернётесь к истине. И помощи вам в этом тот Бог, который живёт в вас»

(75: 246). В 1907 г. Листовский помог крестьянам сёл Овсянникова и Скуратова решить в их пользу дело об открытии кабака: мужики говорили, что, если будет кабак, они сопьются. Но уже были выданы в задаток 200 рублей на постройку помещения для винной лавки, и отступить назад было невозможно, не возместив эти деньги. Листовский внёс 200 рублей, и вопрос решил в пользу мужиков.

А. Н. Тушев

ЛИТОШЕНКО Дмитрий Абрамович (даты жизни не установлены) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого, во многом разделявший его мировоззрение. Помещик Харьковской губ., Литошенко жил в имении своей матери близ станции Ливенки, Балашовской железной дороги. Своё первое письмо Толстому он написал в 1892 г., и вскоре состоялась его личная встреча с писателем. После долгого перерыва в 1897–1898 гг. Литошенко напомнил о себе, просил приехать. Отказываясь от приглашения, Толстой отвечал 19 марта 1898 г., что сейчас все его силы отданы делу спасения кавказских духоборов, вымиравших от гонений правительства и не могущих выселиться за границу. Писатель пытался вспомнить своего давнего собеседника: «Тот ли вы высокий, чёрный, волосатый, с которым мы ходили и присаживались на большой дороге и разговаривали? Если да, то помню и очень интересуюсь вашей судьбой» (71: 321). Соотнося свой единственный разговор с Литошенко с содержанием полученного письма, Толстой ставил своего рода диагноз тому тяжёлому душевному состоянию, в котором находился его корреспондент: «главная причина ваших нравственных страданий <...> в том, что вы не выходите из себя и заняты собою страстно, восторженно. <...> Спасение только одно: выйти из себя в Бога, если можно, если нет, то в те существа, в которых он живёт: служить Богу или людям или обоим и забыть себя, смотреть на себя, как на орудие, а не на цель» (71: 321).

Во второй половине 1898 г. Толстому, по-видимому, довелось ещё раз встретиться с настойчивым Литошенко – «восторженным, искренним, но очень несуразным человеком», как он характеризовал его в письме к В. Г. Черткову. Из-за недоразумений с родственниками, опасения возможных репрессий за его свободно-религиозные взгляды, а также надеясь дать трём своим детям более правильное религиозное воспитание, Литошенко был намерен переехать с семьёй за границу. Толстой решительно отговаривал его от этого шага, но Литошенко с семьёй уехал и оказался в очень тяжёлом матери-

альном положении и болезненном состоянии, о чём написал Толстому. Тот сразу же сообщил Литошенко адреса людей, которые могут оказать семейству хоть какую-то помощь. Прежде всего Толстой обратился к Черткову, находившемуся в это время в Англии, прося поддержки и понимая, что «такая семья есть страшная тяжесть» (88: 136).

Литошенко пытались устроиться сначала в Англии, потом во Франции. Помимо бедственного материального положения, ситуация усугублялась болезнями и душевной неуравновешенностью главы семейства. В начале 1899 г. Литошенко прислал Толстому свой рассказ «Странствующий дворянин» с просьбой пристроить рукопись в какое-нибудь издательство. Рассказ о несчастливце, нигде не находящем себе пристанища, согласился напечатать «Наблюдатель», но не напечатал. Толстой договорился с издателем А. Ф. Марксом и отправил ему уже отредактированную рукопись, переслав Литошенко 190 рублей гонорара, однако рассказ и там напечатан не был.

Письма Толстого к Литошенко 1898–1899 гг. носили по преимуществу практический, деловой характер, но они пронизаны энергией доброжелательности, тепла, соучастия и содержат ненавязчивые, ситуативные размышления о сути христианской этики. Так, в ответ на описание тех мытарств и того презрения английских городских мешан, которые пришлось претерпеть Литошенко из-за своей бедности, Толстой в своём письме рисовал картину пёстрой воскресной московской толпы, поглощённой своими делами, неспособной ни изменить, ни даже понять свою жизнь. Ведь для этого «нужно разорвать им те сцепления, которые их стянули в один узел. А сцепление это – эгоизм, вера в эгоизм. Так что нужно одно главное – заменить эту веру в личное благо верой в служение Богу. И без этого не может быть никакого движения. А для этого нужно воспитать это жизнепонимание с детства» (72: 57). По совету Толстого Литошенко вскоре возвратился в Россию и поселился в Новочеркасске.

Последние два письма Толстого к Литошенко датированы 1901 г. и являются ответами на новые поручения и просьбы: прочитать, попытаться издать ещё один уже отклонённый редакцией «Недели» рассказ. Несмотря на возраст и нездоровье, Толстой на этот раз высказался о рассказе и литературных способностях Литошенко определённо и твёрдо: ваша вещь – «не хороша, и у вас нет того, что нужно для писательства» (73: 56). Но более значимо в последнем письме Толстого к Литошенко другое:

на жалобы и недовольство окружающим Толстой даёт своему корреспонденту конкретный и адресный нравственный урок: «для христианина не может быть нехорошо от внешних причин. И что поэтому всякое страдание, горе, неудовольствие есть только указание на своё несовершенство, на свои ошибки, заблуждения. <...> Во всяком нравственном страдании надо никак не сердиться на причину этого страдания вне себя, на людей <...> надо признать себя виноватым и тогда искать. И сейчас найдёшь. И как легко и хорошо сделается» (73: 56).

Л. К. Чурсина

ЛИТОШЁНКО Ольга Андреевна (даты жизни не установлены) – жена Д. А. Литошенко, корреспондент и адресат Толстого; была знакома с Толстым лишь по переписке. В своих письмах к Д. А. Литошенко 1898–1901 гг. Толстой неизменно передавал приветы его жене, справлялся о рождении четвёртого ребёнка, а в письме к В. Г. Черткову характеризовал Ольгу Андреевну как «прекрасное существо», и это не только формула эпистолярного этикета. Ощущалось искреннее сочувствие Толстого большому семейству, находящемуся в бедственном положении, а также понимание тех особых тягот, которые легли на плечи О. А. Литошенко, связавшей себя с «несуразным человеком», болезненным, психологически неуравновешенным.

Прямой письменный контакт Толстого с О. А. Литошенко в 1904 и 1907 гг. связан с настоятельными её просьбами об устройстве детей. Для старшего сына она просила Толстого указать учебное заведение, куда можно было бы устроить мальчика за небольшие деньги и где он мог бы научиться ремеслу, арифметике, правописанию, трём иностранным языкам и где не нужно было бы учить закона Божьего, т. е. того, во что «они сами (родители) не верят» (75: 16). Толстой понимал, что эти требования «неисполнимы в России. За такое малое содержание обучать кроме ремесла и языкам невозможно. Ещё менее возможно избежать обучения закону Божью». Однако он назвал «одно заведение – сельскохозяйственную низшую школу в городе Богородицке Тульской губ.», где «обучение закону Божью наименее вредно», а директор – «свободно мыслящий человек» (75: 15), и даже рекомендовал для проживания недорогой пансион для мальчиков у своей знакомой.

В 1907 г. ситуация в семье Литошенко в связи с болезнью мужа стала настолько тяжёлой, что она просила Толстого отправить всех своих детей в общину духовоборов. Ответ больного Толстого написан рукой

Н. Л. Оболенского. Писатель, сочувствуя исключительному положению семьи, считал, что план поместить детей разного пола и возраста среди канадских духовоборов едва ли исполним, обещал попытаться что-то сделать, может быть, в России, «в хороших, христианского духа семьях». Вместе с тем он определённо высказался, что «помещение детей вне родительского дома» не одобряет (77: 10). Однако выполнить обещание Толстому не удалось. Его отказ был передан письмом Д. П. Маковицкого со ссылкой на старость, слабость и занятость писателя. В ответ на резкое, раздражённое письмо своей корреспондентки Толстой просил у неё прощения «за необдуманное обещание» и высказал пожелание найти «то единственно верное успокоение, которое мы находим не во внешних условиях жизни, а во внутреннем сознании покорности воле Божьей» (77: 108).

Л. К. Чурсина

ЛОЗИНСКИЙ Евгений Иустинович (1867–1937) – корреспондент и адресат Толстого. Родился в городе Брацлаве Подольской губ. в семье уездного казначея (ныне Брацлав – посёлок гор. типа в Винницкой обл. Украины с населением 4400 чел.). Происходил из столбового дворянского рода, но не был богатым, вёл скромный образ жизни и с молодых лет работал служащим, адвокатом, был активным публицистом. Печатался в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринодаре, Казани, в т. ч. под псевдонимами Кармелюк, Подолянин, Устинов. В период переписки с Толстым проживал с семьёй в Киеве.

С молодых лет Лозинский был увлечён этическими вопросами, написал ряд работ, посвящённых этой проблематике, в частности: «Фома Кампанелла: его жизнь и идеалы», «Неокантианские течения в марксизме: к истории этических исканий», «Современные этические искания», «Что такое социалистическая нравственность?». Однако революционные события 1905 г. в России повлияли на характер его творчества. Он стал заниматься социально-политическими проблемами революционного движения. По своим социальным убеждениям он был сторонником социалистических преобразований, но критиковал марксизм по ряду теоретических положений.

Социально-философские работы Лозинского: «Что же такое, наконец, интеллигенция?», «Итоги парламентаризма», «Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России» – привлекли внимание Толстого в 1909 г. (автор прислал их в Ясную Поляну). В своих трудах Лозинский

критиковал интеллигенцию и надеялся на рабочее движение. Толстой прочитал эти издания с удовольствием и живым интересом и даже написал Лозинскому похвальное письмо, в котором, однако, возражал автору работ, высказав иную мысль о роли рабочих людей в завоевании свободного и справедливого общества. Писатель, как известно, был сторонником отказа от насилия. Он считал, что трудящиеся участвуют в насилии, «которое, в виде полиции и войск, рабочий народ употребляет сам против себя» (79: 48). По его мнению, рабочие ещё не готовы к отказу от насилия ввиду своего нравственного несовершенства. Для прекращения насильственных действий против представителей своего слоя, писал Толстой, они должны были расценивать участие в силовых действиях «противным своему человеческому достоинству» (79: 48). Однако в реальной жизни это могут «только люди религиозные» (79: 48).

После смерти писателя Лозинский написал статью «Лев Толстой об интеллигенции и рабочем вопросе» (СПб., 1911), в которой резко критиковал интеллигенцию в целом. По его мнению, она «хищническая по своим стремлениям» (с. 3), поэтому подготавливает своё будущее политическое и экономическое господство. Он писал, что «из маститой интеллигенции» Толстой был первым, кто подверг разоблачению и критике саму интеллигенцию, заботящуюся во всех революциях только о собственном благополучии. В то же время философ выступил против толстовской идеи о непротавлении злу силой. Есть различие, писал он, между силой и насилием, поэтому нельзя считать насилием физическую самооборону: «Насилие, не встречающее сопротивления, тем самым уже приобретает хронический характер, возводится в систему, в обычную или правовую норму» (с. 9). Если со злом не бороться с помощью силы, оно будет только увеличиваться.

Взгляды Толстого, присоединившегося по крестьянскому вопросу к программе американского экономиста Генри Джорджа, Лозинский также подверг критике. Американец выступал против частной собственности на землю и против феодального налога с земли. В то же время он оправдывал присвоение буржуазией прибавочной стоимости, которую та получала вследствие эксплуатации рабочих. Толстой, считал Лозинский, ошибочно усматривал панацею от всех социальных проблем «в земле», поскольку даже обобществлённая земля останется недоступной огромному классу пролетариев. Зажиточные крестьяне станут врагами пролетариата. Предложение

самого Лозинского решать общественные проблемы посредством сплочения пролетариата и борьбы с безработицей может быть охарактеризовано как социальный «экономизм», не гарантирующий освобождение человека труда от эксплуатации.

Лит.: Лозинский Е. И. Лев Толстой об интеллигенции и рабочем вопросе. СПб.: Северная печатня, 1911. — 16 с.

Ю. В. Туйцын

ЛОМБРОЗО Чезаре (Lombroso; 1835–1909) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого; итальянский судебный психиатр и криминалист, профессор, основоположник антропологической школы и криминологии в уголовном праве. Ломброзо был известен на весь мир как автор антропологической теории «прирождённого преступника». Центральной идеей этой теории являлось утверждение наследственного характера преступности, согласно которому люди преступниками не становятся, а рождаются. Об этом можно судить по их определённым физическим особенностям (строению туловища, головы, рук, ног и т. д.). Перевоспитать их невозможно, а поэтому, делал вывод учёный, лучший способ избавиться от преступников – широкое применение к ним «смертной казни, пожизненного заключения, ссылки на необитаемые острова, стерилизации и других мер по “очищению” от них общества» (Яневский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого. Воронеж, 1983. С. 147).

С этой теорией итальянского ученого Толстой познакомился в начале 1890-х гг., после выхода в С.-Петербурге книги Ломброзо «Новейшие успехи науки о преступнике» (1892). Встреча писателя с её автором произошла немного позже. В августе 1897 г. Ломброзо приехал в Москву для участия в съезде судебных психиатров и криминалистов. Воспользовавшись этим случаем, он обратился к московскому генерал-полициймейстеру Кутузову за разрешением съездить к графу Толстому в Ясную Поляну. Как вспоминал позднее Ломброзо, генерал сначала возражал, мотивируя тем, что «этот визит будет очень неприятен правительству», ведь у Толстого «там, в голове, не совсем всё в порядке». И только после заверения учёного, что именно с этой целью он, как психиатр, и хочет повидаться с писателем, генерал дал «добро» (Ломброзо Цезарь. Моё посещение Толстого // Всемирный вестник. 1906. № 9. С. 120).

О приезде Ломброзо в Ясную Поляну С. А. Толстая записала 11 августа 1897 г. в своём дневнике: «Утром приехал Ломбро-

зо. Маленький, очень слабый на ногах старичок, слишком дряхлый на вид по годам, ему 62 года. Говорит на очень дурном французском языке, неправильно и с сильным акцентом, и ещё хуже по-немецки. Он итальянец, очень учёный, антрополог и много работал по вопросу преступности людей. Я вызывала его на разговоры, но он мало дал мне интересного» (*ДСАТ*. 1. С. 282).

Беседуя с Толстым, Ломброзо пытался убедить его в справедливости своей теории наследственной преступности. Однако Толстой со всей категоричностью заявил о своём несогласии с ним, и в дальнейшем, сколько ни убеждал Ломброзо писателя, тот оставался непреклонным. «Я видел совершенную невозможность говорить с ним, не раздражая его, о некоторых предметах, — писал Ломброзо, — и особенно о том, что у меня более всего лежало на сердце, убеждать его, например, в справедливости теории “прирождённых преступников”, которую он упрямо отрицал... Тут между нами возвышалась духовная стена, которая мешала нам понимать друг друга. Стена эта заключалась в его изумительном утверждении, что ни моя, ни прочие теории уголовного права не объяснили ещё, на чём человеческие общества основывают своё право наказывать преступников... Он оставался глухим ко всем моим доводам, насупливал свои страшные брови, метал на меня грозные молнии из своих глубоко сидящих глаз и наконец произнёс: “Всё это бред! Всякое наказание преступно!”» (Ломброзо Ц. Моё посещение Толстого. С. 124). После отъезда Ломброзо Толстой записал в дневнике 15 августа 1897 г.: «Был Ломброзо, ограниченный наивный старичок» (53: 150). Тогда же А. К. Чертковой он писал о нём: «Малоинтересный человек — не полный человек» (88: 48).

Сын писателя М. Л. Толстой в своих воспоминаниях описывал курьёзный случай, произошедший во время пребывания Ломброзо в Ясной Поляне. Однажды после купания в речке Воронке к Толстому в кабинет пришёл Ломброзо и заявил: «...я обнаружил пропажу денег — 250 рублей из моего бумажника. Так как ходили купаться только вы, я и этот молодой человек, то кто-то из нас взял деньги. Я себя обокрасть не мог, вы — вне всякого подозрения, а молодой человек, у которого я заметил преступные знаки на голове, — единственный из нас, кто мог это сделать. Кроме того, он спешно уехал в Москву, что подтверждает мои подозрения». Толстой возмущился и стал убеждать гостя, что молодой человек давно ему известен и не мог совершить такой поступок. Однако Ломброзо стоял на своём и начал

снова доказывать свою теорию. В тот же день он уехал в Москву, но на следующий день прислал телеграмму с сообщением, что деньги нашёл в др. бумажнике, и просил его извинить за доставленную неприятность. «Отец был этому очень рад, — писал М. Л. Толстой, — и долго смеялся над теорией итальянского учёного» (Толстой М. Л. Мои родители // *ЯП*. сб. 1976. С. 145).

С. А. Толстая историю о пропаже денег у Ломброзо излагала по-иному. «...Был у нас Василий Алексеевич Маклаков, который поехал провожать уезжавшего Ломброзо, и произошёл на станции очень неприятный случай: Ломброзо дал Маклакову весь свой бумажник и просил его купить ему билет на железную дорогу. Маклаков исполнил его просьбу и передал обратно бумажник. Ломброзо стал считать деньги и напал на Маклакова, обвиняя его, что какой-то суммы денег не хватает. Был неприятный разговор, и Маклаков потом говорил, что, если б он мог предвидеть подобный скандал, он не поехал бы провожать старого итальянского профессора» (*САТ*. *Моя жизнь*. 2. С. 490). Рассказ С. А. Толстой выглядит более правдоподобным и соответствующим действительности.

Возвратившись из России, Ломброзо по просьбе немецкого журнала «Свободное слово» написал рассказ-воспоминание «Моё посещение Толстого», который и был опубликован (№ 13). В нём он подробно описывал быт Ясной Поляны, купание с Толстым в речке, беседы с писателем... Заканчивая статью, автор писал: «По моём возвращении в Кремль brave генерал спросил меня, как я нашёл Толстого. “Мне кажется, — ответил я, — что это сумасшедший, который гораздо умнее многих глупцов, обладающих властью”». А на вопрос Ломброзо, как же относится полиция к графу Толстому, генерал Кутузов ответил: «Очень просто. Мы рассматриваем его сочинения и на те из них, которые опасны для государства, налагаем запрещения, а его самого оставляем в покое. Но если кто-нибудь из его друзей окажется опасным для государства, то мы такого отправляем в Сибирь» (Ломброзо Ц. Моё посещение Толстого. С. 125).

В 1902 г. в женевском издательстве М. Элпидина рассказ Ломброзо вышел отдельным изданием на русском языке, а спустя четыре года он был перепечатан журналом «Всемирный вестник». Доктор Д. П. Маковицкий 20 декабря 1906 г. записал в дневнике: М. С. Сухотин сообщил Толстому, что во «Всемирном вестнике» (ноябрь) рядом с сочинениями писателя опубликована статья Ломброзо о нём, и «прочёл из неё

кое-что вслух. Было тошно. Я не выдержал и сказал, что бездарнее, глупее Ломброзо никто не писал о Л. Н. Л. Н. говорил о нём, что он неумный, необразованный человек» (ЯПЗ. 2. С. 336).

Лит.: Язев В. В. Л. Н. Толстой, Ц. Ломброзо и полиция. Одесса, 1906; Оршанский И. Г. Наши преступники и учение Ломброзо. СПб., 1891; Марголин А. Д. Роль и значене Ломброзо в эволюции понятий о преступлении и наказании. Киев, 1910.

В. Н. Чисников

ЛОПАТИН Александр Михайлович (1859–1934) – юрист; брат В. М. и Н. М. Лопатиных; сын судебного деятеля и публициста М. Н. Лопатина, неперенный участник «лопатинских сред», проводимых отцом в московском доме на Пречистенке, на углу Гагаринского и Хрущёвского переулков (ныне дом 15 по Гагаринскому переулку); посвятил себя уездной судебной деятельности.

16 января 1910 г. Толстой присутствовал на заседании Московской судебной палаты в Туле, где Лопатин занимал должность товарища прокурора. По свидетельству Маковицкого, вечером того дня, рассказывая про суд, Толстой заметил: «Скучно это повторение бесконечное председателем. Лопатин – тот очень мягко нападал» (ЯПЗ. 4. С. 159). 21 января 1910 г. в газете «Тульская молва» вышла статья А. М. Лопатина, в которой он писал о впечатлении, произведённом на судей и прокурора присутствием Толстого, и отмечал, что «судьи стали на это время братьями людям» (ЯПЗ. 4. С. 162). Маковицкий записал, что «Л. Н. прослезился, читая про себя» (*там же*).

А. А. Федотова

ЛОПАТИН Владимир Михайлович (1861–1935) – юрист; брат А. М. и Н. М. Лопатиных. Работу в юридической сфере совмещал с культурной и общественной деятельностью. Служивший по судебному ведомству вплоть до 1911 г., с юности мечтал стать актёром, обучался в драматических классах Г. Н. Федотовой при Малом театре, был участником Общества искусства и литературы. Актёрское дарование Лопатина раскрылось на любительской сцене: он зарекомендовал себя талантливым исполнителем «простонародных» ролей. Лопатин был участником первого представления «Плодов просвещения», состоявшегося в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г. По свидетельству А. М. Новикова, «главным исполнителем, вызывавшим восторг Толстого, был исполнитель роли 3-го мужика, В. М. Лопатин. Когда он произносил своё

знаменитое: “Курёнка, скажем, выпустить некуда”, зал умирал со смеху, и вся роль 3-го мужика была написана Толстым по мимике и интонации артиста» (ТВС. 1. С. 449). Анализируя игру Лопатина, Толстой решительно изменил свой взгляд, прежде резко отрицательный, на частый в художественной практике писателей-драматургов приём, когда роль пишется в расчёте на сценические данные конкретного исполнителя, и сам строил по этому принципу работу над «Плодами просвещения». Первая постановка «Плодов просвещения» описана Лопатиным в мемуарах «Из театральных воспоминаний» (ТВС. 1. С. 96–103). Лопатин рассказал и о костюмированном вечере в Хамовниках зимой 1901 г., на котором он представлял Толстого: «Под шум аплодисментов я подошёл ко Льву Николаевичу. Он подал мне руку. И вот, под общий громкий смех, общие аплодисменты и визг детей, два Льва Толстых жали друг другу руки. Сам Лев Николаевич разразился заразительным смехом и с добродушным любопытством начал осматривать меня» (ТВС. 1. С. 102).



В 1911 г. в возрасте пятидесяти лет, выйдя в отставку, Владимир Михайлович поступил в труппу Московского Художественного театра (МХТ) и взял сценический псевдоним Михайлов. Помимо службы в Художественном театре, где Лопатин сыграл многие ведущие роли, в т. ч. роль дяди Никона в «Горькой судьбине», он снялся в немых кинофильмах: «Две души» (1920), «Девушка с коробкой» (1927), «Земля» (1930). В 1933 г. В. М. Лопатин был удостоен звания заслуженного артиста РСФСР.

А. А. Федотова

ЛОПАТИН Герман Александрович (1845–1918) – политический и революционный деятель. Родился в дворянской семье в Нижнем Новгороде. Окончив Ставропольскую гимназию, в 1861 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где сблизился с революционно настроенными студентами-«ишутинцами». В 1867 г. уехал за границу с намерением вступить в ряды волонтеров Д. Гарибальди (Италия). По возвращении в Россию в 1868 г. был арестован по делу «Рублёвского общества», имевшего целью распространение грамотности в народе. В ссылке в Став-



рополе по протекции отца служил чиновником особых поручений при губернаторе, но в 1869 г. был арестован по делу С. Г. Нечаева. Лопатин организовал побег из ссылки П. Л. Лаврова, вместе с ним уехал в Париж и вступил в I Интернационал; тогда же познакомился с К. Марксом. Зимой 1870 г. возвратился на родину с целью освободить из ссылки Н. Г. Чернышевского, но вновь был арестован, бежал и летом 1873 г. уехал за границу. В 1874–1879 гг. за пределами России участвовал в издании журналов «Вперёд» и «Вестник Народной воли». Человек большой эрудиции, он перевёл на русский язык сочинения Г. Спенсера «Основания психологии» (1876), «Основания социологии» (1876) и «Основания науки о нравственности» (1880), первый том «Происхождения общественного строя современной Франции» И. Тэна (1880), «Спиритизм и аналогичные ему психозы» Э. Карпентера (1878). В 1884 г. Лопатин вернулся в Россию, надеясь возродить остатки «Народной воли», но успешно начатая работа была прервана новым арестом в октябре 1884 г. Найденные при нём бумаги и записные книжки позволили раскрыть всю организацию. Приговорённый к смертной казни, Лопатин был помилован и «навечно» заключён в Шлиссельбургскую крепость. Почти 20 лет он провёл в одиночной камере и был освобождён по амнистии в октябре 1905 г.

Личность Лопатина, одного из главных интеллектуалов русского революционного движения XIX в., привлекала внимание Толстого. По воспоминаниям Д. П. Маковицкого, он внимательно следил за процессом над Лопатиным, а после его освобождения с горечью отметил: «Как люди делают зло людям! Ювачёв, Лопатин – Лопатин был полон энергии – теперь сломленный старик, – говорил Ювачёв. До недавнего времени ещё мучили политических в заключении, теперь их выпустили, и ничего от этого не случилось. Сколько раздражения, зла, желания мести было от их заключения, в сто раз больше, чем они сами сделали бы на свободе» (ЯПЗ. 1. С. 477). О встрече Толстого с Лопатиным писал в мемуарах М. С. Сухотин: «Л. Н. рассказывал об известном революционере Германе Лопатине. <...> Он рассказывал Л. Н., как он приспособил своё воображение к тому, чтобы выносить

одиночное заключение. Он мысленно переносил себя, куда ему вздумается. Например, он идёт по такой-то улице, смотрит на магазины, на людей, входит в такой-то дом, подымается по лестнице, входит к приятелю, говорит то-то, ему отвечают и т. д. и т. д. Время проходит незаметно, и при этом он управляет воображением, а не воображение им, что бывает со многими заключёнными, доходящими до галлюцинаций» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 156). Считается, что впечатления Толстого от рассказа революционера отразились в повести «Божеское и человеческое», в описании одиночного заключения Меженецкого, одним из прототипов которого стал Лопатин. Но вопрос о возможной встрече Толстого с Лопатиным до конца не выяснен. По крайней мере, сам Лопатин в письме сестре от 27 ноября 1910 г. свидетельствовал об обратном: «И мне очень жаль, что, будучи современником этого великого и интересного человека, я никогда не знал его лично... В старое время Михайловский очень уговаривал меня побывать в Москве у Толстого, который опубликовал тогда своё «Воскресение» и интересовался т. н. «революционерами». Я отвечал, что дорого бы дал, чтобы познакомиться с Т. случайно, но что ни «смотреть» его, ни «показываться ему» и позировать для «революционера» я не пойду. А простого, случайного знакомства так и не состоялось» (ЛН. Т. 95. С. 776). После своего освобождения в 1905 г. Лопатин жил в Вильне, с 1913 г. до конца жизни – в С.-Петербурге.

А. А. Федотова

ЛОПАТИН Лев Михайлович (1855–1920) – посетитель Толстого; философ, психолог, профессор Московского университета. Л. Лопатин – сын известного московского юриста и общественного деятеля М. Н. Лопатина (1823–1900), семью которого Толстой хорошо знал и не раз в Москве посещал особняк Лопатиных в Гагаринском переулке. «Лопатин не удивляется ни на визиты, ни на Фета» (50: 18). О ком из Лопатиных писал Толстой, определить трудно. В семье было 4 сына, всех Толстой хорошо знал. Владимир Лопатин играл роль 3-его мужика в «Плодах просвещения», спектакле, поставленном домашними в Ясной Поляне, и привёл Толстого в восторг своим исполнением. Николай обладал хорошим голосом, любил петь народные песни, в ЯПБ Толстого сохранилась его книга «Полный народный песенник...» (М., 1885). «Их единственная сестра, Екатерина Лопатина (псевдоним Ельцова), помнила визиты писателя, о чём позднее рассказывала

И. А. Бунину («Освобождение Толстого»). *Лев Лопатин был председателем Психологического общества и другом Н. Я. Грота* (Лопатин сменил его на посту редактора журнала «Вопросы философии и психологии»); о мемуарном очерке Лопатина памяти Н. Я. Грота Толстой сказал как об «очень хорошем» (ЯПЗ. 4. С. 347). В Московском университете Лопатин читал курс лекций по философии. Он считал, что «человек созерцает не объективную внешнюю действительность, а лишь её подобие, созданное духом», и выход из «безумного хаоса» жизни есть только за пределами земного бытия (Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 254). Вряд ли это было близко Толстому. В дневнике в мае 1884 г., живя в Москве, тяготясь городской жизнью, Толстой записал после визита к нему Л. Лопатина: «Разве это не мученье – беседы с <...> Лопатиным. Хуже чем мученье – разврат. Господи, избави меня от этой ненавистной жизни, придавливающей и губящей меня» (49: 90). Ещё одна дневниковая запись, связанная с Лопатиным, сделана 5 января 1889 г.: «Дома читал Кеннена и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости. Будь в деревне, чувство это родило бы плод; здесь в городе пришёл Грот с Зверевым и ещё Лопатиным: папиросы, юбилей, сборники, обеды с вином и при этом по призыванию философская болтовня. <...> Страшные лицемеры, книжники и вредные» (50: 20–21). Последняя запись в дневнике, связанная с именем Лопатина, сделана 13 апреля 1889 г.: «...прочёл Лопатина реферат о свободе воли. Да, лаконизм, если не молчание» (50: 66). Реферат Лопатина «Вопрос о свободе воли» был напечатан в сборнике «О свободе воли. Опыты постановки и решения вопроса. Рефераты и статьи членов Московского психологического общества» (М., 1889. С. 97–194). В ЯПЗ сохранилась книга Л. М. Лопатина «Положительные задачи философии»: В 2 ч. (М., 1886) с дарственными надписями автора. Первая часть разрезана до с. 61, вторая осталась неразрезанной.

Л. С. Дробат

ЛОПАТИН Николай Михайлович (1854–1897) – юрист; брат А. М. и В. М. Лопатиных. Служил в должности участкового мирового судьи. Получил широкую известность как собиратель и исполнитель русских народных песен. Им составлены и изданы сборники «Полный народный песенник» и «Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содер-

жания» (последний совместно с В. Прокунинным). В 1880-е гг. Толстой и члены его семьи, жившие в эти годы в Москве, были частыми посетителями концертов, организованных Лопатиным. Толстой в письме к жене 20 февраля 1885 г. упоминал о том, что «Илюша <второй сын. – А. Ф.> поехал на репетицию концерта русского пенья, который дают Лопатин и Лавров» (83: 479), в письме 22 февраля 1885 г. сообщал, что «Маша <вторая дочь. – А. Ф.> попросилась <...> слушать Лопатина» (83: 481). На том же листе Мария Львовна Толстая писала матери: «...пел Лопатин очень хорошо, так задористо, и голос очень хороший, по-моему» (83: 481). Мнение самого Толстого о голосе Лопатина было столь же высоким. По воспоминаниям Д. П. Маковицкого, сравнивая Лопатина и Ф. И. Шаляпина, писатель отмечал: «У Лопатина лучше голос, чем у Шаляпина, у Шаляпина тембр неприятен. О Лопатине Л. Н. вспомнил, что, когда подошёл к нему за кулисами и что-то сказал ему, он его не понял, настолько был погружён в свою роль. Это доказательство, какой серьёзный художник (актёр) Лопатин» (ЯПЗ. 2. С. 382).

А. А. Федотова

ЛОПАТИН Николай Петрович (1880–1914) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; журналист. В 1909 г. редактировал в Москве либеральную понедельничную газету «Жизнь», где 9 февраля появилась заметка Толстого против смертной казни, начинающаяся словами: «Нет худа без добра». Редакция так и озаглавила это сочинение писателя. За напечатание этой заметки Лопатин был приговорён к штрафу в 3000 рублей. Не имея возможности уплатить штраф, он отсидел три месяца в тюрьме. 27 февраля Толстой написал московскому генерал-губернатору С. К. Гершельману о том, что наказанию за публикацию заметки «Нет худа без добра» должен быть подвергнут не редактор газеты «Жизнь» Лопатин, а автор заметки – Толстой. «И потому позволяю себе просить вас освободить от тюремного заключения господина Лопатина и подвергнуть тому наказанию, которое будет считаться подобающим, то лицо, которое по всей справедливости представляет из себя главного виновника, т. е. меня» (79: 95), – писал Толстой. Письмо отправлено не было, т. к. Гершельман в середине февраля 1909 г., как оказалось, был переведён на другую должность.

Из тюрьмы Лопатин послал Толстому письмо, на которое писатель ответил 28 февраля, выражая благодарность за помещение в газете «Жизнь» заметки о смертных каз-

нях. «Пожалуйста, дайте мне знать о себе, – просил он, – о том, как вы переносите ваше заключение, и не могу ли я чем-нибудь быть вам полезным, чего бы очень желал» (79: 97). «...Помещая в газете Ваши слова, совершенно сознательно обрекал себя на все последствия этого, – отвечал Лопатин. – Чтобы иметь возможность опубликовать Ваш новый протест против смертной казни, стоит просидеть три месяца в тюрьме. Я говорил это раньше, говорю теперь, после того как отбыл часть наказания, и буду говорить до конца» (3 марта 1909 г.; 79: 98).

В начале марта по делу Лопатина Толстой обратился к своему хорошему знакомому юристу Н. В. Давыдову: «Как человек небогатый и издававший газету, не имевшую ещё большого распространения, он должен был выбрать последнее <т. е. заключение на 3 месяца. – Н. В.>. Он сам со свойственной ему деликатностью ничего не писал мне о себе, но его родные пишут мне, что положение его в тюрьме очень тяжёлое, так как он заключён в общей камере, а между тем здоровье его слабое. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня, что так бессовестно утруждаю вас, зная, что у каждого есть свои близкие дела, но всё-таки решаюсь просить вас (пожалуйста, только, если вам не тяжело и не неприятно) сделать, что вы можете для облегчения его положения» (79: 113).

По освобождении из тюрьмы Лопатин сотрудничал в газете «Утро России», затем в «Русском слове». 21 ноября 1909 г. он посетил Ясную Поляну; Толстой отметил в дневнике: «...потом Лопатин, сидевший за меня в тюрьме» (57: 175). «Приезжал на два часа редактор московской газеты Лопатин, напечатавший “Нет худа без добра” Л. Н-ча и отсидевший за это три месяца, – записал Маковицкий. – Он понравился Л. Н.: нашёл его умным и скромным человеком. Посоветовал ему печатать “На каждый день” в “Утре России”, где он работает» (ЯПЗ. 4. С. 109). О своём посещении Толстого Лопатин рассказал в статье «Вести из Ясной Поляны» («Утро России», 1909, № 40 от 24 ноября). В 1912 г. он редактировал прогрессивную «Варшавскую газету».

1 января 1914 г. Лопатин покончил жизнь самоубийством.

Н. И. Бурнашёва

ЛОПУХИН Алексей Александрович (1864–1928) – адресат Толстого; родился в семье прокурора Петербургской судебной палаты Александра Алексеевича Лопухина и его жены кн. Екатерины Дмитриевны (рожд. Урусовой). Закончил юридический факультет Московского университета со

степенью кандидата прав. В конце 1880-х гг. служил в Тульском окружном суде. Видимо, в это время Толстой и познакомился с А. А. Лопухиным, хотя сведений об этом не найдено. В последующие годы Лопухин служил товарищем прокурора Рязанского и Московского окружных судов. В 1896–1903 гг. был прокурором Тверского, Московского, Петербургского окружных судов. В 1903 г. утверждён в должности директора Департамента полиции. На любом поприще А. А. Лопухин был человеком принципиальным, следовавшим во всём букве закона, расследовал дела и принимал решения, невзирая на лица и их положение в обществе. В этом Толстой мог убедиться. 2 ноября 1903 г. он обратился к А. А. Лопухину с письмом, в котором просил директора Департамента полиции помочь освободить из тюрьмы в Пермской губ. некоего доктора Чемоданова, безвинно осуждённого, как ему казалось. Само обращение Толстого к Лопухину не как к высокопоставленному официальному лицу, а как к знакомому: «Алексей Александрович» – свидетельство того, что они были знакомы. Несмотря на это, Лопухин ответил Толстому, что Чемоданов арестован на основании «свидетельских показаний, доказывающих систематическое распространение Чемодановым в крестьянской среде революционных изданий» (74: 229), и освобождён быть не может.

Годы службы Лопухина в Департаменте полиции совпали с подъёмом в России революционного движения. В 1905 г. он был обвинён в том, что не обеспечил охрану великого кн. Сергея Александровича, убитого эсером-террористом И. П. Каляевым, и был смещён с должности. Этот факт жизни Лопухина не прошёл мимо внимания Толстого, о чём писал Д. П. Маковицкий. А через несколько лет, когда в 1909 г. за разоблачение провокатора Азефа Лопухин был арестован, судим и приговорён к ссылке и поселению в Сибири, Толстой следил за ходом судебного процесса над ним. В беседах с разными людьми он вновь и вновь обращался к этому событию в жизни Лопухина, старался понять, в чём его вина. 3 мая 1909 г. Маковицкий записал реакцию Толстого на рассказ старшей дочери Т. Л. Сухоиной о впечатлении, которое произвело на русское общество осуждение Лопухина на пять лет каторги: «Лопухин раскрыл, какую правительство совершает гадость (сыск, агенты, провокаторы), а вместо того, чтобы это замолчать, замаять, его судят» (ЯПЗ. 3. С. 399). 30 мая в беседе с гостившим в Ясной Поляне учёным И. И. Мечниковым, рассказавшим Толстому об отношении Столыпина и Николая II к делу Лопухина, Толстой

заметил: «Вы мне разъяснили, чего я не понимал: Лопухин раскрыл негодяя и за это наказан» (ЯПЗ. 3. С. 424). Ещё одна запись Маковицкого, сделанная 13 декабря 1909 г.: «...Л. Н. спросил меня про Лопухина, Азефа, изумлялся тем, что человека наказывают за то, что он открыл гадость» (ЯПЗ. 4. С. 130), — свидетельство непрекращающегося интереса Толстого к этому делу. В отношении к нему писатель видел подтверждение правильности своего неприятия правительства, совершающего «все те ужасы костров, инквизиций, пыток, грабежей, четвертований, вешаний, одиночных заключений, убийств на войнах, ограблений народов и т. п.» (36: 346).

В 1912 г., получив помилование и восстановление в правах, А. А. Лопухин вернулся в Москву, служил вице-директором Сибирского торгового банка. В 1920 г. выехал за границу, скончался в Париже.

Л. В. Милякова

ЛОПУХИН Виктор Александрович (1868–1920-е) — знакомый и адресат Толстого; в 1906–1909 гг. тульский вице-губернатор, позднее тульский, пермский, новгородский, вологодский губернатор.

Лопухин был приятелем Михаила Львовича Толстого, сына писателя, бывал в Ясной Поляне и по служебным делам. Об одном его посещении 16 июля 1908 г. и в впечатлении Толстого писал Н. Н. Гусев: «Был с визитом тульский вице-губернатор Лопухин, приехавший вместе с Михаилом Львовичем. Лев Николаевич разговаривал с ним о земельном вопросе и деятельности Столыпина. Лопухин считает Столыпина великим человеком. “Эта узость кругозора! — сказал Лев Николаевич о вице-губернаторе, когда он уехал. — Он ничего не видит, ничего не знает. Ему не с кем сравнивать, он всё время живёт в этой среде”» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 186). Осенью и зимой 1907 г. Толстой часто общался с Лопухиным, пытаясь облегчить участь арестованного, сидящего в крапивенской тюрьме Гусева. «Л. Н. говорил о Лопухине, что он умный, быстро его понимал, и услужливый» (ЯПЗ. 2. С. 551). Толстой писал Лопухину (56: 203), ездил к нему в Тулу: «Вчера я ездил в Тулу к губернатору. Губернатора нет, а правит должность Лопухин. Умный, сметливый, комифотный, человек, делающий карьеру» (89: 76). Звонил ему по телефону от лесничего (единственный телефон был в двух верстах от Ясной Поляны, куда Толстой пошёл в тридцатиградусный мороз) (89: 86). Гусев был освобождён и вскоре переехал в Ясную Поляну и начал работать секретарём писателя. Помогал Лопухин

и С. А. Толстой, когда она хлопотала, чтобы в Овсянникове не открывали кабак, благодаря его поддержке удалось добиться запрета кабака (ЯПЗ. 2. С. 454). Просьбы Толстого к Лопухину не всегда были связаны с необходимостью хлопотать за кого-нибудь. Так, рядом с имением, на границе Крапивенского и Тульского уездов, с конца XVIII в. стоял пограничный столб из квадратных камней, из которого крестьяне стали вытаскивать камни, увозить под постройки. Столб начал разрушаться. И Толстой во время визита Лопухина в Ясную Поляну просил его сохранить «границный» столб как памятник екатерининских времён (ЯПЗ. 2. С. 458).

Л. С. Дробат

ЛОПУХИН Сергей Алексеевич (1853–1911) — хороший знакомый Толстого. Происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода. Закончил юридический факультет Московского университета. В 1877–1878 гг. добровольцем участвовал в Русско-турецкой войне, был награждён орденом Св. Георгия IV степени и румынским железным крестом. В 1878 г. вышел в отставку, поступил на службу товарищем губ. прокурора Тульского окружного суда. На этом поприще дослужился до чина тайного советника.

Лопухин был женат на гр. Александре Павловне Барановой-Васильчиковой. Знакомство семьи Лопухиных с Толстым относится к 1880–1890-м гг. По немногочисленным упоминаниям Лопухиных в дневниках Толстого этого периода можно судить о характере их взаимоотношений. 20 июня 1891 г. Толстой записал, что «ездил в Тулу», «виделся с Лопухиным и просил о делах» (52: 43). Толстой просил его о яснополянских крестьянах, осуждённых за порубку в его лесах. С подобными просьбами писатель неоднократно обращался к своим знакомым тульским юристам, в т. ч. и к Лопухину. В 1893 г. в записной книжке № 5 сделана запись: «Лопухина просить» (52: 247). Видимо, эти встречи происходили на месте службы помощника прокурора.

У Толстого и Лопухина установились и личные приятельские связи. Бывая в Туле, Толстой навещал Лопухиных в их доме. 9 ноября 1883 г. он писал жене из Тулы: «Потом пошёл гулять и к Лопухиным. Лопухина, узнав, что я здесь, писала записку, прося придти к ней обедать. Я отказался, но зашёл» (83: 403). Лопухины тоже приезжали в Ясную Поляну. Одну из таких встреч вспоминала С. А. Толстая: «На другой день после крестин Миши приехали из Тулы гости: Лопухин, Гаяринов, граф Баранов и товарищ прокурора Типольд. Все они

отправились с Львом Николаевичем на охоту за волками, но так их и не видали. Обедали у нас, и после обеда играли все в карты» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 311).

Внук Лопухиных С. М. Голицын вспоминал: «От своей матери я слышал, что <...> они бывали в Ясной Поляне, и их старшие сыновья Коля и Алёша также приезжали туда к своим сверстникам – сыновьям Толстого. И Толстой несколько раз посетил квартиру Лопухиных. По словам моей матери, однажды он приехал в их маленькое (двадцать шесть десятин) имение Хилково Крапивенского уезда, которое находилось в пяти верстах от Пирогова, принадлежавшего брату Льва Николаевича Сергею. По словам моей матери, навещая её родителей, писатель расспрашивал Сергея Алексеевича – опытного юриста – о различных деталях судопроизводства для будущего романа «Воскресение». <...> По семейным преданиям я знаю, что дед мой был великолепным и остроумным рассказчиком и каждый вечер читал своим детям вслух классиков, русских и иностранных. Дети очень любили эти вечера» (Голицын С. М. О неосуществлённом замысле Л. Н. Толстого // *ЯП*. сб. 1982. С. 228).

Общение с большой дружной и счастливой семьёй Лопухиных способствовало зарождению у Толстого замысла художественного произведения, которое в разных вариантах называлось «Мать», «Записки матери». Характеризуя героя второго варианта этого сочинения Лопухина (фамилия созвучна фамилии Лопухина), Толстой писал: «...все любили графа Лопухина. <...> Никогда никому он не был в тягость, а приятен был многим и самыми разнообразными способами. И рассказать, и спеть, и на театре играть. На всё он был мастер» (29: 255–256). Неизвестно, насколько эти слова в полной мере соответствуют личности Лопухина, но его актёрские способности Толстой мог оценить по участию в одном из любительских спектаклей в Тульском дворянском собрании. И не случайно, когда в Ясной Поляне в конце 1889 г. стали готовиться к постановке пьесы Толстого «Плоды просвещения», исполнять одну из главных ролей барина Звездинцева предложили именно ему. Обстановку в яснополянском доме во время репетиций описала С. А. Толстая: «Всем было весело, все с должным благоговением относились к хорошему исполнению своих ролей. Лопухин играл сам себя; это такой хороший тип барина» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 110). Участник этого спектакля, знакомый Толстых, актёр В. М. Лопатин, уже с профессиональной точки зрения характеризовал игру Лопухина: «Звездинцева играл С. А. Лопухин, да-

вая необыкновенно жизненный образ изящного, мягкого, увлекающегося, готового от увлечения даже прилгнуть, много пожившего барина...» (Лопатин В. М. Из театральные воспоминаний // *МТА*. С. 103).

В середине 1890-х гг. Лопухин был переведён на службу в Орёл, позднее получил должность сенатора кассационного департамента, и личные отношения Толстого с ним прекратились. Но вероятно, называя в записных книжках 1895, 1897, 1903 гг. среди своих задуманных и незаконченных сюжетов «Мать», «Записки матери», Толстой вспоминал своих тульских знакомых Лопухиных.

Л. В. Милякова

ЛОПУХИНА́ Александра Павловна (рожд. гр. Баранова; 1854–1934) – знакомая Толстых; жена Сергея Алексеевича Лопухина (1853–1911), товарища прокурора в Туле, впоследствии сенатора. Лопухины бывали в Ясной Поляне, Толстой и его жена не раз посещали Лопухиных в Туле. Из письма Толстого к С. А. Толстой: «...пошёл гулять к Лопухиным. Лопухина, узнав, что я здесь, писала записку, прося придти к ней обедать. Я отказался, но зашёл. <...> Я зашёл, и ничего не нашёл, кроме казённого, пустого» (83: 403). У Лопухиной было четыре сына и дочь. Возможно, с ней, с воспитанием и судьбой её детей, связан замысел незавершённого произведения Толстого «Мать». Запись в дневнике 25 марта 1891 г.: «Встал очень рано. Ходил гулять и очень, как редко, живо представил – воспитание художественное. Лопухину. Мать. Вопрос матери. Записки матери. Много хорошего художественно лезло и лезет в голову» (52: 24). Несколько раз Толстой приступал к работе над повестью «Мать» (под разными названиями: «Записки матери», «Дневник Вари», «История матери»), но повесть не была закончена.

Л. С. Дробат

ЛУАЗОН Поль Гиацинт (Loyson; 1873–1921) – французский драматург, публицист, общественный и политический деятель; монархист, затем демократ, провозвестник христианского социализма. Сын известного деятеля старокатолического движения, монаха и проповедника, Шарля Луазона, более известного под именем отца Гиацинта, который протестовал против непогрешимости папы, а за вступление в брак был отлучён от церкви.

В 1900 г. Луазон прислал Толстому свою драму «Кровавое Евангелие» и письмо, в котором признался, что испытал «сильное влияние» «сурового учения» Толстого.

Это письмо осталось без ответа. В 1903 г. в Риме он познакомился с Т. Л. Сухотиной и, заручившись её рекомендательным письмом, вновь обратился к Толстому в надежде удостоиться ответа и одобрения своей статьи «Инвеститура Толстого» («L'Investiture de Tolstoi», 190-). Два оттиска этой работы имеются в ЯПБ. В статье говорилось о Толстом как о создателе и проповеднике религиозно-философского учения. «Луазон считал парадоксальным признание Толстого „властителем дум“ современности. Наибольшей известностью имя Толстого, по его мнению, пользуется в среде интеллигенции, „особенно у её элиты“ – писателей, художников и т. д. <...> Несмотря на свой явно выраженный антиклерикализм, Толстой является человеком религиозным», – писал он и связывал «доктрину совести» Толстого с идеей «анархии» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 441).

Толстой старался не замечать развернувшегося литературного бума вокруг его имени, но иногда делал исключения. Получив в 1903 г. письмо и статью Луазона, он прочёл её «с большим вниманием». И в то же время в ответе ему писал, что, к сожалению, все критики упрекают его или «в странных пробелах» его рассуждений, или за «нападки либо против церкви, либо против науки или искусства и <...> против всякого рода насилия» (74: 16). Далее писатель терпеливо прояснял свою позицию: «Я не реформатор, не философ, ещё менее того апостол. Я только человек, который, прожив очень дурную жизнь, понял, что истинная жизнь заключается лишь в исполнении воли того, кто послал меня в этот мир и который, найдя в евангелии основы истинной жизни, отбросил призрачную жизнь и стал жить и может жить лишь согласно этим основам. С этой точки зрения ясно, что, когда я нападаю на церковь, правительство, науку, искусство, то делаю это не из удовольствия нападать и не потому, чтобы я не понимал значения, которое им придают люди, но единственно потому, что, находя их большей частью противными исполнению воли Бога, состоящей в установлении Царства Божия на земле, я не могу их откинуть» (74: 17).

В 1905 г. под впечатлением от «кровавого воскресенья» в Петербурге Луазон обратился ещё с одним письмом к Толстому. Как социалиста его занимал «в интересах истины» вопрос о непротивлении. Он писал Толстому, что «основы его учения» «находятся в полном противоречии с внутренней сущностью социализма», что «стачечники были одурачены <...> теорией непротивления злу насилием и что в будущем

русские пролетарии должны вооружаться» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 444). И в то же время, как моралист, Луазон понимал, что «недостаток религиозности и обязательных норм нравственности привели к тому, что Французская революция, начавшаяся с апофеоза, закончилась в бездне кровопролития» (там же. С. 445). Как социалист-революционер, он видел свой идеал в «силе, опирающейся на право, и право, подкреплённое силой» (там же).

В семье Толстых была традиция читать вслух многое из того, что приходило в Ясную Поляну по почте. Так, 9 октября 1907 г. вечером Толстой и его дочь Т. Л. Сухотина читали комедию П. Луазона «Le Droit des vierges» («Право девственниц»). У Толстого сложилось впечатление, что эта пьеса «неталантлива и только интересна там, где описывается парижская среда» (ЯПЗ. 2. С. 531). В противовес мнению Толстого Т. А. Кузминская дочла комедию «Луазона „Le Droit des vierges“, ей понравилось». Она «спросила, новое ли это сочинение? Л. Н. ответил, что нет (1894). – Л. Н.: Луазон прислал и новейшее <...>. Он, монах, пишет: „Удивляюсь, как Толстой может верить в чудеса“. – Татьяна Андреевна: Как же он может это писать? Читал ли он твои сочинения? – Л. Н.: Ему некогда» (ЯПЗ. 2. С. 532).

Когда 26 ноября 1908 г. П. И. Бирюков привёз французскую ежедневную газету либерального и социалистического направления «Aurore» со статьёй Луазона «Petite lettre au grand Tolstoi» («Маленькое письмо великому Толстому» – «Аврора» 15. VIII), написанной по поводу статьи «Не могу молчать», Толстой сказал о статье: «Р. Н. Loyson. Возражает против непротивления. – Это мне всегда интересно. Об этом пишу в „Письме к индусу“» (ЯПЗ. 3. С. 256). 29 апреля 1909 г. Бирюков сообщил Толстому, что П. Луазон пригласил его участвовать в международном чествовании Фелисите де Ламенне в качестве члена комитета. Толстой участвовать в чествовании отказался, но статью о нём написал и включил её в «Круг чтения».

27 ноября 1910 г. в газете «Droits de l'Homme» («Права человека») Луазон поместил заметку об уходе и смерти Толстого, не похожую на некролог или статью: «Перед лицом подобной смерти люди могут испытывать только одно чувство – благодарность за то, что им суждено было явиться свидетелями возвышенной судьбы, столь чудесно завершившейся. Когда время близилось к полуночи, он бросился наконец к своему идеалу, к которому были направлены столь долго его самые горячие стрем-

ления...» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 447). 11 марта 1911 г. Луазон входил в состав президиума торжественного собрания в память Толстого в Сорбонне. В завершение мероприятия артистка «Комеди Франсез» прочла гимн Луазона во славу Толстого.

Многие свои драмы и комедии Луазон присылал Толстому по почте. Некоторые из них сохранились в ЯПб. Это три (два парижских и женевское) издания «L'Évangile du sang: Épisode dramatique tiré des présentes guerres anglo-saxonnes» («Кровавое Евангелие: Драматический эпизод из современных англо-саксонских войн», 1900) с дарственной надписью: «Великому действительному апостолу Мира и единственному верному истолкователю Христа по этому вопросу — от автора, который им восхищается и уважает его». И «Les Âmes ennemies» («Вражеские души», 1907) со следами чтения Толстого, а также оттиск из журнала «Влияние Толстого» («L'Investiture de Tolstoï» (S. 1.: S. n., [190-]) с дарственной надписью: «От П. Луазона — «L'Investiture de Tolstoï» («Толстому с выражением признательности за то благо, которое он мне сделал, утверждая во мне серьёзное и трагическое понимание жизни. Поль-Гиацинт Луазон»)).

21 июля 1917 г. Луазон приехал в Ясную Поляну. Накануне С. А. Толстая вместе с дочерью Татьяной Львовной «вечером читали драму Loyson» (ДСАТ. 2. С. 448). О его посещении жена Толстого писала: «Много слушала речи mr. Loyson, но не всё могла уследить; речь быстрая и сложная. Таня водила его к крестьянам, но никого почти дома нет. Товарищ Loyson'a уехал, Михаил Александрович Богуславский, эмигрант» (там же). «Приехали французы... — записала в дневнике Т. А. Кузминская 21 июля. — Это драматург Loyson. Таня его ожидала, говорит, очень умный и интересный. Вчера читала вслух французскую драму Loyson'a «L'Apôtre» («Апостол»). Очень сценична» (ДСАТ. 2. С. 591).

А. Н. Полосина

ЛУКАШЕВИЧ Владимир Павлович (даты жизни не установлены) — учитель городненской школы, открытой Толстым в окрестностях Ясной Поляны; корреспондент Толстого; автор статей в журнале «Ясная Поляна». Бывший вольнослушатель Московского университета; как политически «неблагонадёжный» состоял под строгим секретным надзором властей.

В апрельском номере журнала «Ясная Поляна» за 1862 год была напечатана статья «О необходимости контроля общества над школами» с подзаголовком «Городнинск-аго народного учителя»; статья подпи-

сана инициалами «В. Л.», что можно прочитать как «Владимир Л^укашевич». В деревне Городне преподавал именно этот учитель, следовательно, статья определённо принадлежала ему. «Я приехал в Г-ну <Городну. — Н. Б.> сельским учителем гораздо позже других; в окрестностях её в это время уже существовали школы с тем же характером, с теми же педагогическими приёмами, какие я намеревался ввести и в моей школе», — писал автор. Он приехал в Ясную Поляну в 1861 г.; в акте, составленном после обыска в Ясной Поляне 6–7 июля 1862 г., он назван в числе «живущих в имении графа Толстого при сельских школах учителей» (8: 509). По жребью среди «новоприезжих» Лукашевичу выпало ехать в Городну. Он был одним из тех, кто не только участвовал в издании журнала «Ясная Поляна», но и составлял книжки рассказов для крестьянских детей (книжки «Ясной Поляны»).

Весной 1863 г. Лукашевич уже находился в Нижнем Новгороде; 24 марта он писал Толстому: «Томашевский писал мне, что вы советуете переделывать мне что-нибудь из истории. Я начал переделывать житие протоппа Аввакума. Я думаю, что Аввакум будет интересовать ребят». В том же письме Лукашевич рассказывал, что целый месяц тщетно ищет места, просил у Толстого рекомендацию. «Какая участь ждёт моего Грозного? Будет ли он напечатан?» — спрашивал он, видимо имея в виду прежде написанный им для книжек «Ясной Поляны» очерк об Иване Грозном. В следующем письме, уже из Петербурга, Лукашевич сообщал, что посещает университет, намерен держать экзамены на «кандидата юриспруденции», просил одолжить денег. В письме своём он интересовался школой и задавал вопрос: «В Петербурге носятся слухи, что Вы готовите к печати новый роман: «Эманципированные женщины»; правда ли это?» (8: 510).

12 апреля 1872 г. в письме к А. А. Эрленвейну Толстой вспоминал Лукашевича: «Лукашевича я потерял из вида, очень жалею» (61: 285).

Н. И. Бурашнёва

ЛБВОВ Георгий Владимирович (1821–1873), князь — близкий знакомый Толстого, И. С. Аксакова, И. С. Тургенева; общественный и политический деятель, действительный статский советник. По окончании училища правоведения, где дружески сошёлся с И. С. Аксаковым, в 1842 г. определился на службу в Сенат, находился при сенаторе графе Толстом, командированном в Восточную Сибирь для ревизии. Возвратившись

после ревизии, продолжал службу в судебном ведомстве.

В 1847–1852 гг. кн. Львов служил советником Московского губ. правления. В 1849 г. женился на Елизавете Львовне Давыдовой (?–1900), сестре декабриста Василия Львовича Давыдова. В этот период состоялось его знакомство с Толстым. В дневнике 1850-х гг. Толстой часто упоминал Львова, а в письмах отзывался о нём как о близком человеке. В письме к Т. А. Ёргольской 9 декабря 1850 г. он замечал: «Третьего дня я послал сказать князю Львову, что я приехал и болен; он тотчас навестил меня и, хотя он во многом изменился, но дружелюбен остался по-прежнему» (59: 70). Князь Львов помогал Толстому уладить дело по размежеванию с детьми И. И. Крапивина (письмо С. Н. Толстому от 13 февраля 1849 г.), молодой писатель просил его помочь в Москве музыкальному учителю Бауеру (письмо Г. В. Львову из Симферополя от 15 января 1855 г.).

В 1850-е гг. Львовы часто жили в Париже; вместе с ними – племянница Львова, княжна Александра Владимировна Львова (1835–1915), дочь детского писателя и цензора кн. Владимира Владимировича Львова (1804–1856), уволенного в 1852 г. от службы за то, что пропустил отдельное издание «Записок охотника» И. С. Тургенева. В 1857 г., приехав в Париж, Толстой поспешил отыскать Львова и с тех пор неоднократно бывал у него, о чём говорят записи в дневнике писателя. Частые посещения возбудили в Львове чувство ревности. Толстой в дневнике от 6/18 марта отметил: «Утром был у Львова, отказал театр <...>. Львов ревнует меня и Бог знает за что, я лишюсь милого общества его жены» (47: 118). Между тем внимание Толстого привлекала племянница Львова: «...его племянница славнейшая барышня» (47: 115), – писал Толстой в дневнике. И далее: «...княжна так мила, что я вот уж сутки чувствую на себе какой-то шарм, делающий мне жизнь радостною» (47: 116). Племянница Львова понравилась Толстому настолько, что у него даже возникла мысль о женитьбе: «Княжна была. Она мне очень нравится, и, кажется, я дурак, что не попробую жениться на ней» (47: 122). Однако чувство Толстого не было настолько глубоким, чтобы побудить его к принятию решения, которое связало бы его на всю жизнь (письмо к А. А. Толстой от 18 августа 1857 г.). В 1860-е гг. кн. Львов служил в Москве. Последние годы жизни провёл в Париже.

А. А. Федотова

ЛЬВОВ **Георгий Евгеньевич** (1861–1925), князь – давний знакомый Толстого;

тульский помещик. В 1917 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел Временного правительства; с 1919 г. белоэмигрант. Князь Г. Е. Львов – важная персона в России на рубеже XIX–XX вв. Родился в семье Евгения Владимировича Львова (1817–1896), уездного предводителя дворянства, надворного советника, управлявшего гос. имуществом Тульской губ., близкого знакомого Толстого, который был с ним «на ты». Толстой даже сватался к одной из его сестёр. Брак этот не состоялся, но приятельские отношения с Е. В. Львовым, «симпатичным таким» (С. А. Толстая), сохранились. Львов-старший был женат на Варваре Алексеевне Мосоловой, мелкопоместной дворянке, получившей от своей богатой родни имение Поповку в Алексинском уезде. Когда старшие сыновья подросли, родители повезли их в Германию для обучения. Там, в Дрездене, родился у них 4-й сын – Георгий. Вскоре Львовы вернулись в Поповку. Эта ампиная усадьба с красивым архитектурным ансамблем, липовым парком, каскадом прудов, церковью, была наполнена ароматами широкого барства. В ней не раз бывал Толстой.

В 1880 г. Г. Е. Львов поступил в Поливановскую гимназию, в 1886 г. стал студентом юридического факультета Московского университета. В 1896–1917 гг. он хозяин Поповки. Жил там летом, а зимой в Туле, в особняке, на Дворянской улице. Он значительно «поправил хозяйство» отца в Поповке, превратив его в высокопродуктивное. Москва и Тула узнавали Львова по его яблочной пастиле. Мягкий, кроткий непритворенец злу, убеждённый толстовец, он стал активным участником в борьбе с голодом, охватившим Россию. Львов привлекал прессу, вместе с Рафаилом Писаревым помогал пострадавшим от неурожая (76: 41), возглавлял врачебно-продовольственный комитет с благотворительными целями, создавал пекарни, столовые, санитарные пункты для голодающих, погорельцев и малоимущих. Не случайно Толстой посылал ему собранные миром деньги для голодающих с просьбой непременно называть имена жертвователей (76: 79). Кн. Львов неоднократно приезжал в Ясную Поляну, бывал и в Пирогове, где много беседовал с Толстым о голоде.

Однако, как отмечали люди, хорошо знавшие Львова, он был человеком с «гамлетовской нерешительностью» (В. Д. Миллюков), «не пытался сделать что-нибудь для противодействия <...> разложению» (В. Д. Набоков). Толстой мог сказать о Львове что-то подобное. 9 сентября 1892 г. он встретил Зиновьева (губернатора) и Львова

на станции в Узловой, куда они прибыли с карательными целями: усмирять крестьян села Бобрики, недовольных вырубкой леса Бобринским. Четыреста солдат с ружьями произвели «мучительное» впечатление на Толстого. Это ужасное событие он описал в трактате «Царство Божие внутри вас» в XII главе (28: 220–221). Старшая дочь писателя сообщала матери: «В одном поезде с нами ехали тоже в Молоденки – Зиновьев с Львовым, чтобы усмирить бунт в Бобриках... В Узловой мы нагнали поезд с 400 солдат, которых туда гоняют с ружьями, готовыми зарядами и музыкой. Это произвело на нас всех и особенно на папá ужасно неприятное впечатление» (84: 160–161). Эту двойственность Львова отмечали многие. Он мог поддержать одного против другого, а потом – наоборот.

Князь Львов поднимался вверх по карьерной лестнице: в 1902–1905 гг. он председатель Тульской губ. управы, член первой Гос. думы, кадет. С 1911 г. – член Московского комитета партии «прогрессистов». После Февральской революции, с 10 марта 1917 г. – министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства.

После Октябрьской революции оказался в Тюмени, был арестован в 1918 г., потом перевезён из Тобольска в Екатеринбург, затем появился в Омске, а в октябре 1918 г. уже в США, далее во Франции, где бедствовал, возглавлял Русское политическое совещание в Париже, писал мемуары, жил уединённо на рю Карно в Булони.

Н. А. Никитина

ЛЬВОВ Николай Александрович (1834–1887), князь – знакомый Толстого; крупный помещик; сын Александра Николаевича Львова (1786–1849), участника войны 1812 года, подполковника Конноегерского полка, уникального коллекционера, собиравшего портреты и пейзажи XVIII – первой половины XIX в.

С семейством Львова Толстой познакомился в Туле в 1880-е гг. Приветливый дом Львовых славился гостеприимством. Сам хозяин увлекался спиритизмом: он послужил прототипом Звездинцева в комедии «Плоды просвещения». Как и его литературный близнец Звездинцев, Львов был «свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен, верящий в спиритизм и любивший удивлять других своими рассказами» (27: 95). О нём все тогда говорили, что он может сделать всё. Его жена Мария Михайловна (рожд. Челищева; 1843–1921) стала прототипом Звездинцевой. Их троих детей, Николая, Владимира и Варвару, воспитывала прекрасная ня-

ня-англичанка Дженни. Дочь Толстых Татьяна охотно ездила в гости к Львовым.

18 апреля 1884 г. Львов пришёл к Толстому и с воодушевлением рассказывал ему о «Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере». Слушая Львова, Толстой подумал о том, «как не сойти с ума при таких впечатлениях?» (49: 84); тем не менее он признавал, что «удивительны мудрые и верные мысли, выражаемые спиритами» (55: 136), хотя спиритизм вводит людей в заблуждение примесью чудесного.

Вскоре ему представилась возможность встретиться с подобными «чудесами». Это произошло во время переезда огромной семьи Толстого в Москву, когда он встретил знакомого, рассказавшего о происходивших в московском доме Львова на Смоленском бульваре спиритических сеансах. Толстой пожелал присутствовать на таком сеансе. Н. В. Давыдов уговорил Львова разрешить писателю посетить очередной спиритический сеанс. Толстой отправился на магическое действо с мыслью, что вера в чудо столовращения сродни тому, как думать о трости, что из неё потечёт молоко, если её пососать (Давыдов Н. В. Из прошлого // *ТВС*. 2. С. 205). История со столовращением явно не задалась: медиум задремал за столом во время сеанса в тёмной комнате, а в это время как раз и начались стуки в стол, появились фосфорические огоньки, но всё очень быстро прекратилось. Львов стал отстаивать реальность спиритических явлений, показывал фотографии, отпечатки в гипсе и воске после сеанса. Но Толстой стоял на своём: спиритизм – это «самообман, которому подвергаются и медиум, и участники сеанса, или просто обман, творимый профессионалами» (*там же*).

После спиритического сеанса у Львова писатель по просьбе своих дочерей набросал план комедии «Исхитрилась» (впоследствии – «Плоды просвещения»), которая была представлена в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г. при поддержке тульского декоратора. Старшая дочь Татьяна играла горничную, средняя дочь Мария – кухарку, а игра актёра В. М. Лопатина всех привела в восторг.

Н. А. Никитина

ЛЭЙК Эмелина (даты жизни не установлены) – гувернантка детей Толстых в 1883–1885 гг. «Из событий наших чисто семейных упомяну о прибытии Miss Lake, англичанки, выписанной из Англии, которая оказалась очень порядочная и сразу всем понравилась <гувернантка приехала 6 ноября 1883 г. – А. К.>, – писала С. А. Тол-

стая. — Таня, любившая вообще английский язык и всё английское, даже сошлась с этой Miss Lake очень скоро и дружелюбно. <...> Miss Lake была серьёзная, порядочная девушка с религиозными принципами и добросовестным исполнением долга» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 426–428). Толстому, работавшему над комедией «Плоды просвещения», был, очевидно, интересен тип недавно поступившей на службу англичанки-гувернантки: не исключено, что англичанка мисс Брук в комедии подсказана писателю новой гувернанткой мисс Лэйк: современники находили у них даже схожие черты. Мисс Лэйк участвовала в семейных праздниках Толстых. С. А. Толстая вспоминала, как на праздник Покрова Богородицы в Ясной Поляне собрались многие члены семьи Толстых: «...все мы так развеселились, что начали вечером наряжаться. Таня, Маша, Miss Lake и я — мы надели бабьи костюмы и в них явились в залу» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 446).

Рассказывая о жизни семьи, С. А. Толстая сообщала о внезапном отъезде гувернантки в 1885 г.: «В эту весну ходили упорные слухи, что предполагают вести войну с Англией. Протест и нежелание войны были очень сильны в России. <...> В Англии, казалось, боялись ещё больше этой войны. И вот жившая у нас в то время англичанка Miss Lake получила от отца письмо, вызывающее её домой. Miss Lake быстро собралась и уехала без меня, что мне было крайне неудобно и неприятно» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 476–477). После отъезда мисс Лэйк в течение многих лет переписывалась с Татьяной Львовной Толстой, присылала ей английские журналы, которые с интересом просматривал и Толстой. Так,

в октябре 1897 г. он писал дочери: «Посылаю тебе, милая Танечка, письмо, кажется, от Lake» (70: 178). Дальнейших сведений о мисс Лэйк нет.

А. Г. Королёва

ЛЮБИМОВ Николай Алексеевич (1830–1896) — профессор физики Московского университета, публицист, сотрудник М. Н. Каткова (секретарь) в журнале «Русский вестник». В 1864 г. Толстой «запродал Каткову в «Русский вестник» первую часть «Войны и мира», под заглавием «1805-й год»». В письме к С. А. Толстой 29 ноября он рассказывал, «как гнусно торговался с ним <“из-за 50 р. за лист и при этом, с пеной у рта, по-профессорски смеялся”». — Л. Т.; 83: 59» катковский посланный, бывший профессор физики Н. А. Любимов, которого прозвали любимым ослом Каткова» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 133). Но Толстой «остался твёрд»; редакция согласилась на условия автора, «и дурацкий торг этот кончился, — писал Толстой жене, — то есть я им отдал по 300 рублей за лист первую часть романа, которую он <Любимов. — Н. Б.> с собою и увёз, но когда мой porte-feuille запустел и слюнявый Любимов понёс рукописи, мне стало грустно, именно оттого, за что ты сердишься, что нельзя больше переправлять и сделать ещё лучше» (83: 63).

Любимов принимал участие и в печатании «Анны Карениной». «Я знала этого Любимова раньше, — вспоминала С. А. Толстая в своей книге «Моя жизнь»; — он был женат на сестре моей подруги Зайковской, и мы, девочки, его презирали и звали «Блаженкой». Маленький, плюгавенький был человек» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 133).

Н. И. Бурнашёва

М

МАЙДЕЛЬ Егор Иванович фон (Майдель Георг Бенедикт Генрих фон; 1817–1881), барон – генерал от инфантерии, комендант Петропавловской крепости. В 1850-х гг. служил в кавказской армии, где тогда же служил Толстой.

В конце 1870-х гг., вернувшись к замыслу романа о декабристах, Толстой, будучи в 1878 г. в Петербурге, побывал в Петропавловской крепости, где ранее содержались осуждённые по делу 14 декабря, беседовал с её комендантом, бароном Е. И. фон Майделем. 8 марта 1878 г. в сопровождении коменданта барона Майделя он осматривал камеры, где содержались декабристы. В своих воспоминаниях А. А. Толстая писала, что «Лев Николаевич приезжал в Петербург, чтобы собрать кое-какие сведения насчёт декабристов, замышляя написать роман из этой эпохи. “Я хочу доказать, – говорил он, – что в деле декабристов никто не был виноват – ни заговорщики, ни власти”. Для изучения местности он отправился в Петропавловскую крепость. Комендант <...> принял его очень любезно, показывал, что можно было показать, но никак не мог понять, чего именно он добивается... Лев Николаевич пресмешно рассказывал нам эту беседу» (Толстая А. А. Мои воспоминания о Л. Н. Толстом // *ПАТ. 2011*. С. 25–26).

Об этом посещении в своих воспоминаниях писал и шурин Толстого С. А. Берс: «...Алексеевский рavelин ему не показали, хотя он более всего остального в крепости им интересовался. Для осмотра крепости он сделал визит к коменданту её, генерал-адъютанту барону Майделю <...>. Барон Майдель любезно объяснил графу Толстому, что в рavelин можно войти всякому, а выйти оттуда могут только три лица в империи: император, шеф жандармов и комендант

крепости, что и известно всем часовым у входа в рavelин. <...> Лев Николаевич с отвращением передавал мне, – вспоминал С. А. Берс, – как комендант крепости с увлечением рассказывал ему об новом устройстве одиночных камер, об обшивке стен толстыми войлоками для предупреждения разговоров посредством звуковой азбуки между заключёнными <...> и удивлялся этой равнодушной и систематической жестокости со стороны интеллигентного начальства. Лев Николаевич выразился так: “Комендант точно рапортовал по начальству, но с увлечением, потому что выказывал этим свою деятельность”» (Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // *ТВС*. 1. С. 189–190). Имя Майделя, видимо, стало для Толстого своего рода нарицательным, когда речь заходила об отношениях власти к революционерам: «Для *Майделя* и др. все эти Боголюбовы и Засулич такая дрянь, что он не видит в них людей и не может жалеть их, – писал он А. А. Толстой 6 апреля 1878 г.; – для Засулич же Трепов и др. – злые животные, которых можно и должно убивать, как собак» (*ПАТ. 2011*. С. 364).

Барон Майдель отчасти послужил прототипом для фигуры коменданта Петропавловской крепости барона Кригсмута, «старого генерала», в романе Толстого «Воскресение» (ч. 2, гл. XIX). 24 марта 1881 г. газета «Русский инвалид» напечатала некролог барона Е. И. фон Майделя с его служебным формуляром: послужной список барона Кригсмута во многом совпадал с ним.

Н. И. Бурнашёва

МАЙНОВ Владимир Владимирович (1871–1942) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; эсперантист, переводчик на язык эсперанто; литератор, сотрудник

русских, французских и американских газет, пропагандист языка эсперанто; сын географа и литератора В. Н. Майнова. В 1889 г. Майнов прислал Толстому учебник по эсперанто (д-р Эсперанто. «Международный язык. Предисловие и полный учебник». Варшава, 1888). Толстой отвечал: «Я внимательно прочёл присланный вами учебник международного языка и нахожу, что этот язык вполне удовлетворяет требованиям международного европейского (Европа с колониями, включая Америку) языка. <...> Считаю дело это – усвоение европейцами одного языка – делом первой важности» (64: 304).

10 октября 1889 г. Майнов спросил Толстого, где можно достать нелегальные издания его сочинений, а также попросил разрешение какое-либо из них, которое Толстой считает наиболее важным, перевести на язык эсперанто. 17 октября Толстой писал Майнову: «Вы спрашивали, какое сочинение из своих я считаю более важным? Не могу сказать, какое из двух: “В чём моя вера?” или “О жизни”» (64: 317).

Навязчивый и бесцеремонный, Майнов продолжал писать, спрашивая, как отнёсся Толстой к изложению его взглядов на науку и искусство, предупреждал писателя, что впредь будет обращаться к нему на «ты», так как находит «странным называть одно лицо “вы”» (64: 343). До поры до времени Толстой отвечал на письма Майнова, но, получив его письмо от 11 января 1890 г., с рядом поучений и наставлений в прежнем тоне, решил не отвечать. Майнов пытался склонить Толстого к изучению эсперанто и был недоволен молчанием писателя. «Я ничего не имею и не имел против вас. Если я не ответил на ваше письмо, то только потому, что занятий у меня становится всё больше и больше, а времени и сил всё меньше и меньше. <...> Несмотря на то, что вполне одобряю распространение международного языка Esperanto, не имею времени заниматься им. Желаю вам всего хорошего. Лев Толстой» (66: 223). Это было последнее письмо в переписке Толстого и Майнова.

Е. Ю. Хомякова

МАКАЛИНСКИЙ Константин Петрович (даты жизни не установлены) – сослуживец Толстого на Кавказе; поручик батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады; по сведениям М. А. Янжула, под начальством поручика Макалинского фейерверкер 4-го класса Толстой участвовал в чеченском походе и в рубке леса в январе-феврале 1852 г. (Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886. Т. 2. С. 98). Отношения с поручиком складывались не просто,

хотя иногда Толстой ходил с ним на охоту, но не любил его. 14 января 1854 г. записал в дневнике: «...когда пришли офицеры, и я имел слабость не только не удалить их, но и выпить с ними лишнее. Я сердит на себя ещё за то, что я оказываю Макалинскому, которого я не люблю, – внимание» (46: 227). В тот же вечер, подводя итог своим дневниковым записям за день, Толстой ещё раз упрекнул себя в нерешительности: «5) Нерешителен в отношении с Макалинским» (46: 227). Через день он уже был более решителен: «...Макалинский пришёл, только что я проснулся. Я не поехал с ним в Кизляр, а приказал, что было нужно, с солдатам» (16 января 1854; 46: 228). Дальнейшая судьба Макалинского неизвестна.

Н. И. Бурнашёва

МАКАРОВ Николай Яковлевич (1828–1892) – петербургский знакомый Толстого; журналист, общественный деятель; украинский писатель, живший в Петербурге. Родился в Полтавской губ. Окончив Нежинский лицей в 1848 г., жил и служил в Петрозаводске, где познакомился с проживавшим там под полицейским надзором петрашевцем А. П. Баласогло. Знакомство это не понравилось губернатору, начались преследования. Макаров бежал в Петербург, там поступил на службу в Гос. контрольное управление. Сотрудничал в «Современнике»: в 1852–1853 гг. написал ряд статей для иностранного обозрения. С 1861 г. служил в Министерстве финансов; в последние годы своей жизни занимал пост товарища управляющего Гос. банком. Находясь в Петербурге, Толстой не раз встречался с Макаровым: 10 мая 1856 г. «обедал с Мещерским, Скарятиным и Макаровым. <...> С ними ездил на Биржу, любовался свободой англичан» (47: 70). Похожие записи периодически появлялись 14 и 15 мая, в октябре, ноябре, декабре 1857 г.

Макаров был знаком с Тургеневым, переписывался с ним. В 1925 г. в архиве Макарова оказалось письмо Толстого Тургеневу от 27 октября 1878 г., и его напечатали в журнале «Печать и революция» (впервые опубликовано в газете «Кавказ» в 1912 г. № 22 от 22 января).

Н. И. Бурнашёва

МАКАРОВ Осип Дмитриевич (1853–?) – яснополянский крестьянин-бедняк, которому Толстой много помогал: косил с ним его луговой надел, «рубил деревья», засеивал его поле, возил с поля урожай. «Мы убирали покос с Степаном Резуновым и Осипом Макаровым – очень хорошо было» (письмо И. Б. Файнерману 8 июля 1887 г. Ясная По-

ляна. – 64: 57). 19 июля 1889 г. в дневнике Толстой записал: «После завтрака пошёл косить у Осипа. Много скошил. Он прибежал, жилистый, чёрный, убрал лошадь, накормил ребят и тотчас же взялся работать» (50: 109). 5 августа того же года: «Косил остаток и потом до ночи возил овёс у Осипа. Замочил дождь» (50: 119). Толстой переживал, когда «Осип напоролся на вилы. Кажется, не опасно», – с удовлетворением заметил он в дневнике 5 июля 1889 (50: 104).

Н. И. Бурнашёва

МАК-ГАХАН Варвара Николаевна (Mac-Gahan; рожд. Елагина; 1850–1904) – дочь старинного знакомого Толстого, Николая Павловича Елагина (1801–1863), тульского помещика; вдова американского журналиста Мак-Гахана.

В 1894 г. В. Н. Мак-Гахан объезжала Россию в качестве корреспондента американских газет. 2 августа посетила Толстого в Ясной Поляне и привезла ему книги от Генри Джорджа, которыми он очень интересовался. В этот день старшей дочери Толстой писал: «Нынче приехала Маккахан, мало интересная, быстрая, поспешная, поверхностно интеллигентная дама с сыном 20 лет, очень некрасивым, но не безынтересным» (67: 183). В числе сочинений Г. Джорджа была книга «A Perplexed philosopher». – New York, 1892 <«Запутавшийся философ»>, с дарственной надписью автора на форзаце книги: «Count Leon Tolstoi with esteem of Henry George. March 25 1894» <«Графу Льву Толстому с уважением от Генри Джорджа. Марта 25 1894»>. Она посвящена разбору взглядов Герберта Спенсера на земельный вопрос и сохранилась в ЯПб. 9 августа в дневнике Толстой отметил: «Прочёл вновь “Perplexed philosopher”. Прекрасная. Очень живо соизнал вновь грех владения землёй. Удивительно, как не видят его. Как нужно бы писать об этом – написать новый Uncle Tom’s Cabin <Хижину дяди Тома>» (52: 131).

22 сентября 1894 г. Толстой отвечал В. Н. Мак-Гахан на её просьбу писать корреспонденции лично о нём и его последователях: «Я уже давно поставил себе за правило не принимать никакого участия в том, что пишется обо мне: не препятствовать, не поощрять, не поправлять и не возражать <...>. Всё, что я думаю, и почему так думаю, я, как умел, изложил в своих книгах, и потому всякий, кого интересуют те вопросы, которыми я занимался, найдёт их в моих книгах. <...> Очень жалею, что вы на обратном пути не заехали к нам, и тому, что ваш сын, который мне очень понравился, захворал. Желаю вам счастливого переезда и все-

го хорошего. С совершенным уважением Л. Толстой. Ещё просьба к вам, Варвара Николаевна: поблагодарите от меня очень Генри Джорджа и за чувства, которые побудили его прислать мне свои книги, и за самые книги. Я очень высоко ценю и то и другое. Некоторые из этих книг The Perplexed philosopher (превосходная книга, я надеюсь провести перевод её через цензуру)» (67: 225–226).

По предложению Толстого перевод на русский язык был сделан и вышел под заглавием: Генри Джордж. Запутавшийся философ. Разбор мнений Герберта Спенсера по земельному вопросу в связи с его синтетической философией / Генри Джордж; пер. с англ. С. Д. Николаева. СПб, 1902. Книга с дарственной надписью: «Дорогому, милому Льву Николаевичу шлёт свой привет переводчик» – хранится в ЯПб.

О. В. Гладун

МАКЕЕВ Александр Гордеевич (1874–?) – последователь, корреспондент и адресат Толстого, помогал на голоде в начале 1893 г. Сын крестьянина села Россоши Воронежской губ. Самоучкой подготовился к экзамену на должность сельского учителя. 1 сентября 1893 г. в письме просил Толстого оказать содействие в получении места: «Учительское место мне нужно, чтобы избавиться от солдатчины. Отказаться от службы, как Дрожжин, у меня не хватит сил, хотя я уверен, что служить – грех, нечестно человеку с христианскими убеждениями, но и служить я боюсь идти (боюсь сейчас); я не выдержу, выскажусь. Я между двух огней. Так страдать, как Дрожжин, страшно. Страшно и в солдатах» (87: 221).

В ответ на это обращение Толстой написал рекомендательные письма своим близким и знакомым. В письме к старшему сыну С. Л. Толстому от 8 сентября он так характеризовал Макеева: «Мне пишет один молодой человек, имеющий диплом на звание сельского учителя, что ему приходится в нынешнем году отбывать воинскую повинность, а он очень боится этого и просит, нельзя ли его устроить где-нибудь учителем. Я знаю этого молодого человека, потому что он приезжал из Воронежской губернии, из которой он родом, к нам – помогать в распределении пособий голодающим. Человек он нравственный, скромный и если заражён толстовскими идеями, то в таких скромных размерах, что не может быть признанным вредным. Не можешь ли ты или Илюша устроить ему это. Надобно, если сделать это, то скоро, до 1-го ноября» (66: 396). Ему же, в письме от 4 или 5 октября: «Я думаю, что я не постыжусь за свою

рекомендацию; он мне нравится, кажется, энергический и неглупый молодой человек» (66: 400).

В ноябре того же 1893 г. при содействии Толстого через М. С. Сухотина Макеев получил место учителя в селе Архангельском Тульской губ., но вскоре был уволен от этой должности за отказ принести присягу и находился под надзором как политически неблагонадёжный.

В 1894 г. Макеев переселился на Кавказ, где жил в земледельческих общинах. Он пробовал себя в литературе. В феврале 1895 г. из Сочи он прислал Толстому два своих рассказа: «Кто виноват» и «Из-за денег», которые у писателя не нашли положительного отклика: «Получил я ваши рассказы, Александр Горденч, и, к сожалению, не могу поощрить вас к писанию. Первый рассказ совсем нехорош — без связи и ненатурален, второй хотя несколько и лучше, но тоже неестественен и не даёт никакого понятия о душевном состоянии описываемых лиц. Кроме того, всё это написано, очевидно, очень поспешно и необработано. Вы спрашиваете у меня совета: писать ли вам? Советую не писать, теперь, по крайней мере. Если у вас и есть некоторая способность схватывать подробности и передавать их, то этого недостаточно. Людей, умеющих это делать, и гораздо лучше, — легион. Вот в вашем намерении поселиться на земле я бы очень желал вам помочь и буду стараться, но теперь ничего не могу сделать» (письмо от 2–17 марта 1895 г. Москва; 68: 50).

Весной 1896 г. Макеев за отказ от военной службы был посажен в тюрьму в г. Острогжске Воронежской губ. Толстой поддерживал его: «Хорошее письмо ваше был рад получить и переслать его Черткову. Я знаю, что в сутках 24 часа, и что в одиночестве тюрьмы их продолжительность сильнее чувствуется, чем на воле, и что после бодрых настроений, во время которых веришь в то, что делаешь то, что должно, и знаешь, что не мог поступить иначе, — могут наступать минуты, часы, может быть, уныния и сомнения, даже раскаяния в том, что поступил так, как поступил; но знаю и то, что если поступил, как поступил, не для себя, для своей животной личности, не для людей, а для Бога, для удовлетворения требований того Бога, который живёт в нас, то эти периоды уныния, сомнений, как бы долго они ни продолжались, будут представляться ничтожным сном в сравнении с тем сознанием исполнения воли Бога и слияния с нею, которое испытывал, когда совершал то дело, в котором сомневался теперь и от которого унываешь. <...> В нашей жизни действительны только те поступки, в которых мы исполняем не

свою волю, а волю Бога, а остальное сон» (69: 158–159).

О. В. Гладун

МАК-КРИРИ В. Т. (Mac-Creary W. T. — имя и даты жизни не установлены) — корреспондент и адресат Толстого; правительственный агент по иммиграции, непосредственно ведавший в Канаде расселением духоборов, прибывавших из России. С представителями русской общественности, среди которых в своё время работали сын Толстого С. Л. Толстой, театральный деятель Л. А. Сулержицкий, промышленник А. Н. Коншин и др., у Мак-Крири сложились натянутые отношения. Русские волонтеры бескорыстно служили духоборам, защищая их интересы, стремились к объективному освещению в печати истории размещения в Канаде переселенцев. Это вызывало противодействие Мак-Крири, клеветавшего на них с целью компрометации перед духоборами (72: 232–233), о чём в воспоминаниях писал Сулержицкий. Приехав в Виннипег, они увидели, что их встречал начальник канадской иммиграционной службы, «на вид человек живой, энергичный и добродушный». Позднее отношения Сулержицкого и Мак-Крири обострились, так как у представителя канадских властей, который должен был проявлять заботу о духоборах, он почувствовал безразличие к их судьбам. Группа переселенцев ощутила непонимание со стороны Мак-Крири, когда при переезде в отдалённую местность духоборы предложили разумную альтернативу попытке нанять извозчиков — купить лошадей на месте. Мак-Крири заявил, что, «может быть, на Кавказе их приёмы и хороши, но здесь так нельзя». В результате на извозчиков потратили деньги духоборов, предназначенные на иные нужды. Столкнулись интересы и в вопросе о бесплатном или льготном проезде духоборов из Коуэна до Виннипега на работу (Сулержицкий Л. А. В Америку с духоборами. Из записной книжки. «Посредник». 1905. С. 116–130).

Отправляя деньги для духоборов, Толстой, согласно протоколу, обращался к официальному лицу — правительственному агенту Канады Мак-Крири. В письме от 15 февраля 1899 г. к Кросби писатель упоминал Мак-Крири, которому надо послать деньги, собранные для духоборов по подписке (90: 309–310). 13 ноября 1899 г. он отправил на имя Мак-Крири для духоборов десять тысяч рублей. Сумма эта являлась частью гонорара за роман «Воскресение». Сюда также входили и пожертвования частных лиц. О получении духоборами денег Толстого уведомил Коншин. Пожертвование

решено было передать духоборческому комитету (72: 232).

Ещё 5 сентября 1899 г. Чертков писал Толстому: «Относительно остальных денег, посылаемых вами в Канаду духоборам, я должен вас предупредить, что с разных сторон мы получали сообщения о том, что Мас-Среагу действует недобросовестно, эксплуатирует духоборов в интересах правительства, и что даже Сулержицкий, бывший с ним в большой дружбе, разочаровался и разошёлся с ним из-за этого. Разумеется, отсюда невозможно проверить, вполне ли это справедливо; но этих сообщений, по-моему, достаточно, чтобы, во всяком случае, отнюдь не посылать Мас-Среагу денег для передачи духоборам». Чертков советовал по этому вопросу обращаться к своему доверенному лицу Арчеру, журналисту, работающему у него в издательстве, «который и там, на месте, и неустанно хлопочет о духоборах» (72: 233–234). Впоследствии Толстой внял предупреждениям и просьбам Черткова и переписку с МакКрири прекратил.

А. Г. Королёва

МАКОВИЦКИЙ Пётр (1824–1911) – отец Д. П. Маковицкого, домашнего врача (в 1904–1910 гг.) и единомышленника Толстого; словацкий предприниматель и патриот с русофильскими взглядами. В зажиточной и успешной семье П. Маковицкого, как замечал известный словацкий писатель С. Гурбан-Ваянский, человека образованного, «преисполненного благородства» и «уважаемого во всей Словакии» (ЯПЗ. 1. С. 35), было одиннадцать детей, многие из которых продолжили дело отца и добились финансового благополучия: Владимир стал президентом Словацкого банка в Братиславе, Пётр – совладельцем бумажной фабрики у себя на родине, в провинциальном Ружомбероке, на границе с Венгрией. Душану, тяготевшему к русской культурной традиции, отец прочил также карьеру делового человека, однако сын сознательно от неё отказался, и потому Маковицкий-отец в своём завещании поручил опеку над частью его наследства старшим братьям, объяснив это тем, что в своей «нереальной» жизни Душан «слишком хочет помогать другим» (*Прометей*. 12. С. 288).

Под впечатлением от лекции о Толстом профессора Н. А. Зверева студент-медик Д. Маковицкий по возвращении из Москвы в Прагу в 1890 г. писал отцу: «Тебе очень понравятся “Исповедь”, “В чём моя вера?” и “Смерть Ивана Ильича” Л. Н. Толстого. Если представится возможность, прочти. Из всего написанного Толстым эти статьи

тебя больше всего заинтересуют. Это итог размышлений шестидесятилетнего человека о том, как нам следует жить» (ЯПЗ. 1. С. 32). О принятом в 1904 г. решении остаться в Ясной Поляне Д. Маковицкий из России сообщал отцу: «Сознаю свой долг быть полезным родному народу и стремлюсь уяснить себе путь, на котором я должен трудиться, к которому устремлены мои духовные помыслы» (ЯПЗ. 1. С. 40). Оказавшись проблемным для тайной полиции, Д. Маковицкий, последовательно проводивший в жизнь толстовское миропонимание, избрал стезю подвижнического служения Толстому, с которым его народ связывал надежды на духовную свободу. 26 октября 1904 г. Толстой спросил у Д. Маковицкого: «Отца огорчает, что ко мне поехали?» (ЯПЗ. 1. С. 97). Толстой знал, что Маковицкий-отец старше него, и всегда справлялся у сына о состоянии его здоровья, отдавая себе отчёт, в какой сложной ситуации оказался его врач: дома больной отец, а он, Толстой, окружён заботой его сына. 8 августа 1905 г. Д. Маковицкий, для которого отец оставался непререкаемым авторитетом, был удивлён отношением в Ясной Поляне к Толстому как к главе многочисленного семейства и хозяину гостеприимного дома: «Когда Л. Н. говорит, молодёжь не слушает его, разговаривают друг с другом, даже перебивают его. Он не служит таким центром внимания, как, например, в нашей семье отец...» (ЯПЗ. 1. С. 370). Однако 23 августа, получив письмо от отца с настоятельной просьбой приехать домой, Д. Маковицкий в дневнике записал: «Мне трудно ему отказывать, но не хочется ехать» (ЯПЗ. 1. С. 383), хотя и неоднократно навещался к больному отцу. В октябре 1905 г. брат прислал Д. Маковицкому телеграмму: «Отец слаб, желает тебя видеть...», – в этом звучала обеспокоенность Маковицкого-старшего судьбой сына на чужбине, переживавшей революционные потрясения, так что и Толстой высказался однозначно и прямолинейно, почувствовав *тревогу* Маковицкого: «Дай бог, чтобы тревога была фальшивая» (ЯПЗ. 1. С. 433). 22 октября 1905 г. у Толстых было шумно: «В доме политическими событиями все встревожены, расстроены, горячатся, спорят. Л. Н. всё ещё нездоровится. Измученное лицо, но не говорит о болезни. Татьяна Львовна сегодня ждёт родов. Михаил Сергеевич пел романсы, куплеты. Было дико, шумно, весело. Я позабыл, что отец мой, быть может, умирает, и плясал. Л. Н. сторонился меня из-за этого. Наверное, ему это было неприятно; непристойно, с моей стороны, похоже на дурака» (ЯПЗ. 1. С. 435). 28 августа 1908 г. Пётр Маковицкий прислал Толстому поздравление (телеграмму)

по случаю его 80-летия: «Дорогой Лев Николаевич, долгих вам лет жизни на благо человечества. Пётр Маковицкий» (*ЯПЗ*. 3. С. 181). Так никогда не знавшие друг друга лично вступали в диалог Толстой и Маковицкий-отец при посредничестве Д. П. Маковицкого.

А. С. Кондратьев

МАКОЛЕЙ Томас Бабингтон (Macauley; 1800–1859), лорд – английский историк, публицист, политический деятель и оратор. С детства увлекался историей и литературой. В 1826 г. был принят в коллегию адвокатов, с 1830 г. – член парламента. С 1847 г. занимался созданием «Истории Англии». В 1857 г. Маколей был возведён в звание пэра с титулом *Baron Macaulay of Temple Rothley*. После смерти был торжественно похоронен в Вестминстерском аббатстве.

В *ЯПБ* имеется главный труд Маколея «История Англии». Толстой обращался к его изучению в 1858 г., о чём свидетельствуют записи в дневнике 27–30 апреля: «Читал эти дни Маколея и газеты. Нет, история холодна для меня» (48: 14). 3 мая: «Прочёл 1-й том Маколея, он виг...» (48: 15). Толстой не разделял взгляды английского историка, его трактовку сущности исторического процесса, считал Маколея одним из представителей так называемой «художественной школы», больше стремящихся к изображению психологии «великих людей» и к красочной передаче «великих событий», чем к подлинному историческому анализу (8: 543). Это подтверждает и упоминание имени Маколея в черновиках комедии «Заражённое семейство». В беседе студента и Петруши о сущности исторического процесса студент заявлял о том, что «история человечества представляет ряд событий, в своей последовательности конкретно выражающий идею борьбы деспотизма и свободы». Петруша вспомнил, что читал в «Современнике» статью Маколея... Студент не дал ему договорить: «Ну, что Маколей, это отсталые люди» (7: 308).

В своей статье «Прогресс и определение образования» Толстой резко полемизировал с Маколеем относительно сущности прогресса. «Выводам же историков, подобных Маколею <...>, полагающих, что <...> прогресс принёс больше добра, чем зла, мы не можем верить, потому что выводы эти ни на чём не основаны. <...> Я прошу серьёзного читателя прочесть всю 3-ю главу 1-й части истории Маколея» (8: 335). Толстой был убеждён, что общего закона движения вперёд человечества, сформулированного Маколеем, нет. Тезис Маколея о том, что лучшим мерилом благосостояния рабочего народа

является степень заработной платы, вызвал возражение: Толстой заявлял, что «в России появление заработной платы есть признак уменьшения богатства и благосостояния» (8: 343). Подробно анализируя понятие «прогресса», предлагаемое в «Истории Англии» Маколеем, писатель также высказывал своё критическое отношение к нему и принципиальное несогласие.

Имя Маколея встречается и в педагогических сочинениях Толстого. В статьях «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» и «Воспитание и образование» он писал, что изучение трудов историков, подобных Маколею, вредит молодым людям, формируя у них «смутные понятия и соответствующие им слова: прогресс, либерализм, материализм, историческое развитие и т. п.»; в результате этого юношество «с презрением и отчуждением смотрит на своё прошлое» (8: 225).

А. В. Ключарёва

МАКСИМОВ Михаил Максимович (1840-е гг. – 1910) – посетитель и корреспондент Толстого; крестьянин Калужской губ. Боровского уезда, перешедший из православия в старообрядчество. Всё своё имущество отдал брату, а сам странствовал по «христороубам». Отчасти послужил одним из прототипов сектанта-бегуна в черновиках романа «Воскресение» и старика-раскольника в «Божеском и человеческом». Максимов приходил в Ясную Поляну в конце октября 1893 г. 30 октября Толстой писал жене: «В этот же день пришёл, как он говорил, “из-за нарочно” крестьянин калужский, старообрядец, считающий теперешнее правительство царством антихриста, начавшимся со времени Петра, который был сам сатана. Он сидел за свои речи в остроге, но продолжает говорить то же с диким упорством убеждения. Все его рассуждения очень дики, но выражения иногда поразительны. Антихрист всех царей примотал к табачной державе, всем людям велел клясться, что они, не щадя отца и матери, будут защищать табачную державу. Всё основано на вычислениях 666 и т. п. Я читал и слышал про таких, но в первый раз видел такого» (84: 201–202). «...Тут же Мих. Максимыч, Табачная державка. Много говорит хорошего», – записал Толстой в дневнике 1 сентября 1894 г., однако этими разговорами он «тяготился очень» (52: 137). С октября 1895 г. Максимов написал Толстому пять писем, на которых писатель поставил отметку: «Б. О», что значило: «Без ответа». Максимова прозвали «табачной державой», потому что он ненавидел самодержавное правительство, покровительствовавшее «никонианской» церкви,

и называл его «табачной державой». За свои обличения Максимов неоднократно подвергался преследованиям со стороны духовных и светских властей, сидел в тюрьмах. 4 июля 1896 г. окружной суд Калуги осудил Максимова на четыре месяца тюрьмы за «хулу на церковь», и с того момента крестьянин находился в заключении в Калужской тюрьме. В письме из тюрьмы от 8 июля он просил Толстого «похлопотать за него». На конверте этого письма Толстой написал: «В Калужскую тюрьму послать 3 рубля через кого можно» (69: 216–217). В письме к А. Ф. Кони от 29 ноября 1896 г. писатель сообщал: «Вчера послано в Сенат кассационное прошение Михаила Максимова, обвиняемого или, скорее, обвинённого уже в проповедании раскола. Максимова я знаю и, хотя личность его мало интересна, его всё-таки жалко и хорошо бы помочь ему» (69: 216–217).

Е. А. Масолова

МАЛЕВАННЫЙ (МАЛЁВАННЫЙ)

Кондратий Алексеевич (Мальований – укр.; 1844?/1845–1913) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого; основатель секты малёванцев, помещённый властями за свои проповеди в психиатрическую больницу; его судьбой интересовался Толстой. Родился в уездном г. Тараще Киевской губ., из мещан, по профессии – колесник, отец шестерых детей. В 1884 г. вышел из православия и крестился по баптистскому обычаю в речке при большом скоплении народа, в присутствии урядника и властей. Вскоре провозгласил себя Иисусом Христом, Спасителем мира, который якобы появился на земле, чтобы спасти людей от Страшного суда. Довольно быстро собрал вокруг себя множество последователей и возглавил новоиспечённую религиозную секту, названную его именем – малёванцы. В конце 1889 г. секта получила значительное распространение на территории нескольких уездов Киевской губ., насчитывая 15 штундистских общин. Со временем секты малёванцев появились в Херсонской и Харьковской губ.

В начале 1890-х гг. Малеванного не раз задерживала полиция «за нарушение общественного порядка», он содержался в полицейском участке, подвергался избиениям. В апреле 1893 г. по распоряжению властей он был арестован и доставлен в Кирилловский дом умалишённых г. Киева, осмотрен комиссией врачей и по заключению известного психиатра профессора А. И. Сикорского признан душевнобольным. Спустя пять месяцев, чтобы исключить общение Малеванного с его последователями, его переве-

ли в Казанскую психиатрическую больницу св. Николая.

О малёванцах и их руководителе Кондрате Малеванном Толстой узнал из статьи проф. Сикорского, напечатанной в «Киевских университетских известиях» (1893). О своём отрицательном отношении к изложенной Сикорским «эпидемии» малёванцев он писал в трактате «Христианство и партиотизм» (1895). Впоследствии в защиту Малеванного и малёванцев выступили последователи Толстого П. И. Бирюков и В. Д. Бонч-Бруевич, а также исследовательница сектантства Е. В. Молостова, опубликовавшие статьи о них в Женеве в 1904–1905 гг.

В марте 1905 г. в газетах появилось сообщение, что Министерство внутренних дел намерено освободить из мест лишения свободы всех осуждённых за веру заключённых. Толстой и его единомышленники, используя свои связи, стали принимать меры к освобождению Малеванного. Получив письмо Молостовой о Малеванном, 24 мая 1905 г. Толстой говорил В. Г. Черткову: «Его надо освободить, пока Трепов жив» (ЯПЗ. 1. С. 293), имея в виду генерала Ф. Д. Трепова – товарища министра внутренних дел, однополчанина Черткова. 28 июня 1905 г., прочитав письма Малеванного, опубликованные Бирюковым, Толстой сказал: «Сильно действующие, хорошие письма. В них ничто не показывает, что их писал душевнобольной». А на вопрос, почему же его держат в больнице, Толстой ответил: «Молостова писала: губернатор спросил министра, выпустить ли Малеванного? Министр ответил: “Нет, он может иметь вредное влияние на толпу...”» (ЯПЗ. 1. С. 325). После настойчивых ходатайств Малеванный в августе 1905 г. был освобождён из психбольницы и вернулся к семье в г. Тарашу. Вскоре он сблизился с И. М. Трегубовым и, оказавшись под идеологическим влиянием толстовства, «стал проповедовать тихую и мирную жизнь» (Крижановська О. О. Мальований Кондратій // *Енцикл. історії України*. Т. 6 (Ла-Мі). К., 2009. С. 482).

В апреле 1906 г. Толстой получил от Трегубова рукопись «Приветствия русскому народу от Кондрата Малеванного» с его, Трегубова, предисловием. Трегубов просил Толстого её отредактировать, дополнить и напечатать в газете или издать отдельно. Прочитав рукопись, Толстой заметил, что «предисловие хорошее <...>, а статья Малеванного, как у необразованных людей, содержит такое, над чем можно посмеяться» (ЯПЗ. 2. С. 125). В письме Трегубову 30 апреля 1906 г. он ответил, что «Приветствие» для печати не годится (76: 156). По-

сле соответствующей доработки воззвание Малеванного вышло отдельной брошюрой в «Посреднике» (М., 1907). Возможно, о нём отмечено 18 марта в записной книжке: «Много мыслей вызвал <...> Малеванный. Да, да, начало новой жизни мира» (56: 187).

20 августа 1907 г. Малеванный посетил Ясную Поляну и, как отмечал Д. П. Маковицкий, они с Толстым беседовали «вдвоём на террасе около трёх четвертей часа» (ЯПЗ. 2. С. 485). В записной книжке в этот день отмечено: «Приехал Малеванный. Тяжело было и просто скучно» (56: 209). На следующий день Толстой виделся с ним у Черткова, в Телятинках, где Малеванный остановился вместе с прибывшими с ним старушками-малёванцами. Дочь писателя, А. Л. Толстая, говорила позже отцу, что она иногда не понимала старушек и особенно Малеванного на их малороссийском языке. Отец объяснил ей, «что Малеванного трудно понять и потому, что зубы у него выбиты (полиция ему выбила) и что говорит без знаков препинания» (ЯПЗ. 2. С. 486). В дневнике Толстой записал 22 августа: «Вчера простился с Малеванным, и он и его спутники <...> не скажу, чтобы дурное произвели на меня впечатление, но не нужное» (56: 52). В дальнейшем отношении Толстого к Малеванному и малёванцам стало ещё более прохладным. 7 февраля 1909 г. Чертков сообщил писателю, что Малеванный «в последнее время велел жечь» его книжки. Так, малёванцы сожгли «Восстановление ада», потому что там часто употреблялось слово «чёрт», а они «не любят о нём говорить» (ЯПЗ. 3. С. 325). 20 октября 1910 г. Маковицкий записал: «Вчера Молостова говорила о Малеванном, что он не работает. И, когда она ему об этом сказала, то он ответил, что работает, когда молится. Л. Н. о нём выразился как о человеке невысокого религиозного достоинства» (ЯПЗ. 4. С. 390).

Своим последователям Малеванный оставил автобиографию «История жизни К. Малеванного», а также многочисленные «Послания», записанные его зятем, тоже членом секты.

Лит.: Бирюков П. И. Малеванцы. История одной секты // Свободное слово (Женева). 1904. № 12–14; Бонч-Бруевич В. Русское правительство и Кондрат Малеванный // Рассвет (Женева). 1904. № 1; Молостова Е. В. Свидание с сектантом Малеванным в Казанской психиатрической больнице (из частного письма от 11 мая 1905 г.) // Свободное слово. 1905. № 17–18.

В. Н. Чисников

МАЛИКОВ Александр Капитонович (1841–1904) – знакомый Толстого; судебный следователь, нигилист, занимался активной революционной пропагандой, привлекался по делу Каракозова, был арестован и сослан. В 1875 г. выехал в Америку, организовал земледельческую коммуну в Канзасе, проповедовал учение «богочеловечества». Коммуна просуществовала два года и распалась «из-за женщин». Член общины, Василий Иванович Алексеев, народоволец, в прошлом учитель сына писателя Сергея, прибыл сюда с двумя жёнами, одну из которых любезно предложил Маликову. Вскоре в коммуне начались распри и безденежье, из-за чего община распалась. Вернувшись через два года в Россию, Маликов служил на железной дороге.

Толстой рассказывал, как в 1870-х гг. в Ясной Поляне появился Маликов, который по своим взглядам был близок ему, «потом, под влиянием женщин, сделался православным». Писатель находил его «удивительно добрым, сердечным» (ЯПЗ. 2. С. 474). О таких людях, как Маликов, он говорил: «Я таких людей мало знал». Он был «искренним и истинно скромным» (ЯПЗ. 2. С. 528). В незавершённом произведении Толстого «Собеседники» Маликов представлен под фамилией Майков.

Старший сын писателя Сергей Львович вспоминал Маликова, своего учителя математики, русского языка, истории и географии, который жил в яснополянской деревне, а потом в усадьбе, во флигеле, как человека «с чистым сердцем», устремлённого «к добру и истине». Он прививал детям не только знания, но и нравственные правила не схоластически, а собственным примером: сам Толстой не раз вспоминал, как, приехав в Ясную Поляну, он, прежде всего, вычистил людскую, не допуская, чтобы кто-то это сделал за него. Маликова упоминал Толстой многократно, около 40 раз.

Н. А. Никитина

МАЛИНОВСКИЙ Иоанникий Алексеевич (1868–1932/1933?) – адресат, корреспондент Толстого; профессор, автор трудов по юриспруденции. Окончил юридический факультет Киевского университета Св. Владимира, преподавал в Томском университете историю русского права. В 1911 г. отстранён от должности профессора за напечатанное в «Томских Университетских Известиях» научное исследование «Кровавая месть и смертная казнь» и приговорён к тюремному заключению на 1 месяц. В 1910 г. Малиновский прислал Толстому свою работу «Кровавая месть и смертная казнь» с надписью: «Льву Николаевичу

Толстому, обличителю всякого насилия и, в частности, великого зла, именуемого смертной казнью. От автора». По воспоминаниям Д. П. Маковицкого, Толстой положительно отозвался о присланной книге, говорил, «что в ней собрано пропасть и очень поразительного материала. Материал не только о казнях, но и об убийствах и всяких жестокостях» (ЯПЗ. 4. С. 359). Толстой признал как свою мысль Малиновского о том, что смертная казнь развращает народ. «Л. Н. читал из книги вслух, как приговорённые убивали сами себя, не будучи в силах выдержать это ожидание смертной казни» (*там же*). 25 сентября Толстой писал в дневнике: «Весь вечер читал книгу Малиновского: много хорошего и нужного материала» (58: 107). В тот же день было написано письмо Малиновскому: «Иоанникий Иоанникиевич <у Толстого в черновике вместо имени и отчества написано NN, при перепечатке письма отчество ошибочно изменено. – И. Л.-Б.>, от души благодарю вас за присылку вашей книги. Я ещё не успел внимательно прочесть её всю, но, уж и пробежав её, я порадовался, так как увидел всё её большое значение для освобождения нашего общества и народа от того ужасного гипноза злодейства, в котором держит его наше жалкое, невежественное правительство» (82: 169). В конце письма Толстой делал важное признание: «Такие книги <...> могут сделать то, что мне казалось невозможным: помирить меня даже с официальной наукой. Мог ли я поверить 50 лет тому назад, что через полвека у нас в России виселица станет нормальным явлением и “учёные”, “образованные” люди будут доказывать полезность её. Но, и как всякое зло неизбежно несёт и связанное с ним добро, так и это: не будь этих ужасных последних пореволюционных лет, не было бы и тех горячих выражений негодования против смертной казни, тех и нравственных, и религиозных, и разумных доводов, которые с такой очевидностью показывают преступность и безумие её, что возвращение к ней же будет невозможно. И среди этих доводов одно из первых мест будет занимать ваша книга. Надеюсь, уверен, что не ошибаюсь теперь. Ещё раз благодарю вас за присылку, а главное, за написание вами прекрасной книги и от души желаю вам лучшего блага в мире: продолжения такой же плодотворной деятельности. С искренним уважением и любовью Лев Толстой» (82: 169–170). В Малиновском Толстой увидел союзника в противостоянии великому «злу мира», именуемому смертной казнью. В 1912 г. в газете «Сибирская жизнь» (№ 247 от 7 ноября) вышла статья Малиновского «Л. Н. Толстой о смертной казни».

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

МАЛЛАРМЕ́ Стефан (Mallarmé; 1842–1898) – французский поэт, донныне считающийся одним из самых непонятных поэтов. П. Верленом назван в числе «проклятых поэтов». Родился в чиновничьей семье с якобинскими традициями. Сочувствовал парижским коммунарам. Как безвестным, так и знаменитым зарабатывал на жизнь преподаванием английского языка в лицее. В 1870–1880 гг. стал наиболее последовательным теоретиком символизма. Сторонник замкнутости искусства (страдая, однако, от этого в глубине души), он примыкал к «тёмной» символистской манере письма. Автор стихов о жажде идеала («Лазурь», «Окна»), о непримиримости к тем, кто отрекается от идеала («Звонарь»). Параллелью импрессионистскому пейзажу стала утончённая, синтаксически ясная эклога «Послеполуденный отдых фавна» («L'après-midi d'un faune», 1876), послужившая темой симфонической прелюдии К. Дебюсси (1892). Автор нескольких прекрасных, со вкусом и чувством меры затемнённых стихотворений в прозе: «Осенняя жалоба», «Демон аналогии», «Белая кувшинка». Болезненно остро ощущал несовершенство бытия. Стремился «описывать не вещи, а впечатления от них». Попад в русло идей философии конца XIX в., он видел задачу поэзии в изображении «сверхчувственного». Безусловный интерес представляла его художественная критическая проза.

Во Франции к поэзии Малларме отнеслись с недоумением и непониманием уже при первых его шагах в литературе. В России отношение к поэту было не менее противоречивым. Толстой критиковал стихи Малларме в трактате «Что такое искусство?» за непонятность «по форме и содержанию». По его мнению, «произведение искусства <...> есть не что иное, как делание понятным того, что было непонятно. Впечатление, производимое понятным искусством, всегда такое, что получившему художественное впечатление кажется, что он давно это знал, но только не умел высказать так, как оно высказалось в художественном произведении» (30: 248). В трактате «Что такое искусство?» Толстой писал, что, «считающийся самым значительным из молодых, поэт Малларме прямо говорит, что прелесть стихотворения состоит в том, чтобы угадывать его смысл, что в поэзии должна быть всегда загадка» (30: 91). По Малларме, если загадку не разгадывают, это не означает, что она «темна», а только свидетельствует о неподготовленности читателя (в 1898 г. Малларме, которого Толстой считал «самым значительным из молодых», приближался к своему 56-летию и к концу жизни).

Не исключено, что после чтения статьи Л. К. «Поэзия упадка» в журнале «Северный вестник» (1896. № 5) в дневнике Толстого 28 мая 1896 г. появился несочувственный отзыв о Малларме: «Стихотворения Малларме и др. Мы, не понимая их, смело говорим, что это вздор, что это поэзия, забредшая в тупой угол. Почему же, слушая музыку непонятную и столь же бессмысленную, мы смело не говорим того же, а с робостью говорим: да, может быть. Это надо понять, подготовиться и т. п. Это вздор. Всякое произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно понятно – не говорю всем, но людям, стоящим на известном уровне образования, том самом, на котором стоит человек, читающий стихотворения и судящий о них» (53: 96). В трактате «Что такое искусство?» процитирован в оригинале сонет Малларме «A la nue accablante tu...» («Под давящей тучей замолк...» – 30: 100–101), в котором отсутствует пунктуация. «Стихотворение это – не исключение по непонятности, – подчёркивал Толстой. – Я читал несколько стихотворений Малларме. Все они так же лишены всякого смысла» (30: 101). «Читаю <...> стихи Бодлера, Верлена, Малларме <...> и не знаю – мистификация это или серьёзно» (30: 483).

Французские литераторы-модернисты видели в Толстом своего противника и относились к нему даже враждебно, о чём свидетельствовала анкета о трактате «Что такое искусство?», проведённая в 1899 г. журналом «Grand revue». Многие из участников анкеты пытались оспорить позиции Толстого, его взгляды на искусство. В их числе был Малларме.

Проблемы, поставленные в трактате «Что такое искусство?», Толстой постоянно обсуждал со своими гостями, в т. ч. и с французами. Так, с журналистом, экономистом и искусствоведом Анри Лапозом он не преминул обсудить один из самых знаменитых сонетов Малларме «M'introduire dans ton histoire». «Ну что ж, – <заметил Толстой>, – я, со своей стороны, не вижу в нём ничего дурного. Но улавливаете ли вы, по крайней мере, смысл? Ничуть. И названия нет. Нет ни одной точки, ни одной запятой. Не поставлена даже заключительная точка. Это чудовищно. Ах! В наши дни французская литература может похвалиться тем, что накопила изрядное количество туманностей» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 20).

А. Н. Полосина

МАМОНТОВ Анатолий Иванович (1839–1905) – издатель и литератор, переводчик «Фауста» Гёте; старший брат Саввы

Ивановича Мамонтова – железнодорожно-го предпринимателя, мецената и театрала. В декабре 1862 г. арендовал типографию Лазаревского института восточных языков в Москве, а в 1863 г. основал собственную книгоиздательскую фирму. Через год организовал в Москве на артельных началах первую женскую типографию. В 1860-х гг. в типографии Мамонтова был отпечатан тираж «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, выпускались альбомы, посвящённые творчеству русских художников, произведения классики, книги для детей и для народа с иллюстрациями В. А. Серова, А. М. Васнецова, С. В. Малютина. В 1873 г. открыл книжный магазин «Детское воспитание». В 1892 г. Мамонтов преобразовал фирму в акционерное «Товарищество типографии А. И. Мамонтова». Дом Мамонтова был одним из центров культурной жизни Москвы конца XIX – начала XX в.



Деловые отношения Толстого с Мамонтовым сложились в конце 1860-х гг., когда писатель решил ускорить печатание второго издания «Войны и мира» в его типографии: «Второе издание я отдам печатать Мамонтову 4-ю часть» (61: 205), – писал он П. И. Бартеневу 20 августа 1868 г. Там же были напечатаны 5 и 6 тт. книги. Письма этих лет свидетельствуют, что партнёрские отношения Толстого с Мамонтовым продолжались и позднее: «Сколько денег есть за Мамонтовым?» (из письма Н. М. Нагорнову, сентябрь 1877 г. – 62: 341); «...Деньги, которые у вас могут быть собраны с Мамонтова и других, перешлите мне...» (из письма ему же, декабрь 1877 г. – 62: 355). Апрельские дневниковые записи 1884 г. свидетельствуют и о личном знакомстве Толстого с Мамонтовым: «Иду к Ге, Мамонтову...» (49: 82); «Пошёл к Мамонтову» (49: 83). В 1886 г. в типографии Мамонтова печаталось 5-е издание сочинений Толстого. В 1887 г. П. И. Бирюков сдал в типографию Мамонтова рукопись трактата «О жизни». Из типографии «поступили корректуры, которые Лев Николаевич все перемарывал и поправлял, и приходилось опять и опять переписывать» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 40). Однако судьба этого издания была predetermined: решением Московского цензурного комитета и Духовной цензурой 600 экземпляров, отпечатанных в московской типографии А. И. Мамонтова,

были сожжены. Уцелело три экземпляра. И С. А. Толстая писала, что ей «выдали только 10 экземпляров» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 18). На титуле значилось: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. О жизни. Москва, 1888». По мнению Л. Д. Опульской, это было единственное сохранившееся авторизованное издание философского трактата Толстого.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

МАНЕ Эдуард (Manet; 1832–1883) – французский живописец, один из родоначальников импрессионизма. Учился в парижской Школе изящных искусств у Т. Кутюра. С интересом относился к работам старых мастеров, переосмысливал их образы и сюжеты в духе современности, создавал произведения на бытовые, исторические темы. В 1870-е гг. обратился к светлой пленэрной живописи и отражению мимолётных впечатлений от реально существующего мира. И, хотя художник всегда поддерживал импрессионистов, его искусство было гораздо шире и не укладывалось в рамки одного направления; импрессионизм его был близок живописи японских мастеров: он упрощал мотивы, уравнивал декоративное и реальное и создавал чистое, лишённое подробностей ощущение выражения радости. Вершиной творчества художника явилась картина «Бар в “Фоли Бержер”» (1882), в которой отразился характерный для импрессионизма синтез мимолётности и сиюминутности и постоянство, стабильность, неизбежность, присущие классическому направлению. В 1882 г. Мане была вручена главная награда Франции – орден Почётного Легиона.

В статье «Что такое искусство?» Толстой называл искусство «одним из двух органов прогресса человечества. Через слово человек общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но прошедшего и будущего» (30: 167). Люди же, воспитанные на современном искусстве, в т. ч. на картинах импрессионистов и Мане, в частности, «не способны уже понимать ни самого высокого, ни самого простого искусства» (30: 168). Отсюда результат – люди «не только не двигаются к совершенству, не добреют, но, напротив, при высоком развитии внешних средств, становятся всё дичее, грубее и жесточе» (*там же*). Вредным «последствием извращения искусства» Толстой считал и то, что оно поддерживает «ложную жизнь» богатых людей, а у детей и людей из народа вызывает недоумение тем, что героям и героиням этих полотен «оказывают почести больше, чем святым» (30: 170).

Критиковал Толстой и современное реалистическое искусство: «Теперь в живописи, – писал он в черновой редакции статьи “Что такое искусство?”, – другая крайность: Мане, Рафаелли и др. считают, что для реализма не нужно выписывать контуров. И опять реализм другого рода делает картины непонятными всем» (30: 412). Толстой называл такое явление «провинциализмом в искусстве» и считал, что оно мешает «во всех отраслях искусства нашего времени» (30: 413).

А. А. Аленина

МАНСУРОВА Елизавета Ильинична (ум. до 1908 г.) – корреспондент и адресат Толстого; богатая московская домовладелица, годами жившая за границей, но живо откликавшаяся на призывы Толстого оказать помощь нуждающимся в России. В письме от 28 декабря 1901 г. Мансурова предложила Толстому бесплатно издать в виде отдельной брошюры и за свой счёт распространить его статью «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» с целью увеличить приток стекавшихся к писателю средств. В начале января 1892 г. по поручению Толстого Мансуровой было отправлено письмо с согласием. Очень оперативно, в течение 10 дней, брошюра была издана и разослана в 323 пункта (5 тысяч экземпляров) для бесплатной раздачи, а 1000 экземпляров передано по совету Толстого в редакцию газеты «Русские ведомости» для продажи в пользу голодающих. Брошюра вышла без указания имени издателя (М., 1892). Позднее Мансурова не раз обращалась к Толстому с письмами, а в мае голодного 1898 г. прислала писателю 1000 рублей на напечатание и рассылку той же или подобной брошюры «О народных столовых»: «Если Вы не найдёте возможным дать посылаемой тысяче рублей такое назначение, – писала она Толстому, – то отдаю их в полное Ваше распоряжение – эти деньги в Ваших руках принесут, в это бедственное время, гораздо более пользы, чем в моих» (54: 555). Толстой с благодарностью принял деньги, но просил разрешения употребить их на помощь духоборам. Придерживаясь антимилитаристских взглядов, Мансурова разделяла позицию духоборов, отказавшихся служить в армии; она вновь писала, что эти деньги передаёт «в полное распоряжение» Толстого, и предлагала бесплатно отдать духоборам ещё и свою землю в Крыму близ Ялты. В письме 24 июня 1898 г. Толстой подробно объяснил Мансуровой, сколько и зачем нужно средств на переселение духоборов и почему они не могут воспользоваться её крымской землёй.

Письма Е. И. Мансуровой к Толстому хранятся в ОР ГМТ.

Н. И. Бурнашёва

МАРАКУЕВ Владимир Николаевич (?–1921) – писатель, видный деятель народного образования. Не без его участия родилась идея организации издательства «Посредник». С 1882 г. издавал книги в серии «Народная библиотека»; в числе художественных сочинений им были изданы и рассказы Толстого «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник», разошедшиеся в десятках тысяч экземпляров. Он сам автор брошюр «О школьных библиотеках» (М., 1884), «Что читал и читает русский народ» (М., 1886), составитель списка книг для самообразования. Взгляды Маракуева на народное чтение были очень близки взглядам Толстого, который привлёк его к организации дела народных изданий: в феврале 1884 г. Маракуев был в числе лиц, собиравшихся у Толстого в хамовническом доме для обсуждения проекта народного издательства. В 1890–1891 гг. – издатель журнала «Сотрудник».

Н. И. Бурнашёва

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (1819–1876), великая княгиня – старшая дочь императора Николая I, сестра императора Александра II; в первом браке – герцогиня Лейхтенбергская, во втором (морганатическом) – жена графа Г. А. Строганова. Толстой был лично знаком с великой кн. Марией Николаевной и её вторым мужем, графом Строгановым. Т. А. Ёргольской из Женевы 11 апреля 1857 г. он описывал своё окружение, в которое входил граф Строганов (60: 175). В 1857 г. в Женеве вместе с семьёй великой кн. Марии Николаевны проживали тётушки Толстого – гр. А. А. и Е. А. Толстые. Александра Андреевна Толстая – фрейлина двора великой княгини; гр. Елизавета Андреевна Толстая в 1846–1866 гг. состояла при великой кн. Марии Николаевне воспитательницей её дочери Марии Максимилиановны, в 1866–1874 гг. занималась воспитанием дочери императора Александра II Марии Александровны, с 1874 г. стала камер-фрейлиной императорского двора. Общась с тётушками в Женеве, Толстой пользовался гостеприимством великокняжеского двора Марии Николаевны, который в письмах и дневнике называл «трубой». В дневниковых записях содержатся ремарки относительно детей великой кн.: «Дети ласкаются, они милы и трубной запах, к стыду моему, мне нравится» (47: 144). Толстой дорожил связями с великой княгиней и её домом. Тогда же, в 1857 г., он

читал лицам, составляющим двор великой кн. Марии Николаевны, свой рассказ «Люцерн». Образ великой кн. Марии Николаевны Толстой попытался ввести на страницы своей повести «Хаджи-Мурат», но замысел не был реализован, сохранились лишь варианты к повести, в частности, рук. № 53 (35: 517).

А. В. Шмелёва

МАРИЯ ФЁДОРОВНА (Мария Феодоровна; рожд. Мария-Фредерика-София-Дагмара; 1847–1928) – российская императрица (с 1881 г.), супруга императора Александра III Александровича, мать императора Николая II Александровича; с 1894 г. – вдовствующая императрица. Дочь датского короля Христиана IX.

14 ноября 1866 г. в письме к жене из Москвы Толстой сообщал, что пошёл в Румянцевский музей, но «по случаю Дагмариного рождения заперто»; а «в театре парад по случаю рожденья Дагмары» (83: 126): в Большом театре было представление оперы Ш. Гуно «Фауст». Очевидно, С. А. Толстая испытывала глубокое уважение к Марии Фёдоровне, в ту пору великой княгине. В 1866 г. принцесса Дагмара приехала в Россию. Эту дату Толстой вспоминал спустя тридцать лет в связи с именинами С. А. Толстой; он напомнил жене о тех трогательных чувствах, которые тогда испытал: «Праздновали тогда твои именины с музыкой в тот год, как привезена была Дагмара» (84: 258). В Петербурге в феврале 1885 г. произошла встреча С. А. Толстой и императрицы у Е. А. Шостак (рожд. Исленьевой), которая была кавалерственной дамой и начальницей Николаевского института и приходилась С. А. Толстой двоюродной тёткой. Императрица приехала к Шостак внезапно, чтобы познакомиться с С. А. Толстой. В своём письме к жене Толстой напишет о том, какое впечатление произвела эта встреча на него и на детей: «Действительно удивительно твоё счастье. Ты ведь этого очень желала. Мне это было тщеславью лестно, но скорее неприятно. Хорошего от этого не бывает» (83: 482). Произведения Толстого при дворе читали. Известно, какое впечатление произвели на императрицу Марию Фёдоровну пьеса Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» и повесть «Крейцерова соната». «Государыня шокирована», – отметила Т. А. Кузминская. 19 апреля 1890 г. императрица присутствовала на спектакле в Китайском театре Царского Села на представлении пьесы Толстого «Плоды просвещения», о чём сообщали газеты (см. «Новое время», 1890 г. от 20 апреля).

Толстой не раз поддерживал решения своих знакомых обратиться за помощью к императрице Марии Фёдоровне. Так, он просил в письме гр. А. А. Толстую через императрицу оказать содействие А. В. Армфельд (рожд. Дмитровской) в её просьбе о дочери Н. А. Армфельд, отбывающей наказание на каторге по политическому процессу революционера-народника В. К. Дебогория-Мокриевича (63: 163). Мать В. Г. Черткова, Е. И. Черткова (рожд. Чернышёва-Кругликова), была лично знакома с императрицей. Этими связями Толстой воспользовался, когда хлопотал о судьбе молокан и кавказских духоборов в 1897–1898 гг. В своих неоднократных обращениях к знакомым и к редакторам газет, в частности редактору газеты «С.-Петербургские ведомости», Толстой подчёркивал, что императрица Мария Фёдоровна не оставила без внимания прошение духоборов и передала его для рассмотрения в Сенат.

В письме к С. А. Толстой от 12 декабря 1884 г. Толстой сообщал о своём удивлении поступком одного из мужиков, Петра Осипова (Петра Осиповича Зябрева), который «не ходит к обедне, потому что дьякон всё поминает царей и Марью Фёдоровну. О здравии. Они и так гладки, а то ещё молись о здравии, чтоб ещё поглажели и тоже про царя» (83: 463). Эти настроения отразятся в романе «Воскресение» (4 редакция, рук. № 24): Толстой намеревался описать церковное богослужение, в котором провозглашалась ектенья за государя, членов его семьи и т. д. В этом молитвенном прошении священника Толстой не называл вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну по имени, как в случае с женой императора Николая II, императрицей Александрой Фёдоровной, но ограничился именем «мать» (33: 172).

А. В. Шмелёва

МАРКХАМ Эдвин (Markham Edwin; 1852–1940) – корреспондент и адресат Толстого; известный американский поэт. Родился в штате Орегон. В 1899 г. вышла его поэма «The Man with the Hoe» («Человек с мотыгой»), обличавшая социальный строй, беспощадно и жестоко эксплуатирующий рабочего человека. В США широко известны и др. его произведения: «Lincoln and other Poems» (1900), «Shoes of Happiness and other Poems» (1924). В 1900 г. Э. Маркхам прислал в Ясную Поляну свою книгу «Человек с мотыгой. И другие стихотворения» («The Man with the Hoe. And other Poems», New York, 1899 – книга сохранилась в ЯПб) с автографом: «Графу Льву Толстому с горячим приветом, с той стороны земли. Эд-

вин Маркхам, Бруклин, Нью-Йорк, 5 января 1900». В письмах к Толстому Маркхам признавался, что для многих американцев русский писатель «является пророком и идеалом», называл его «учителем», «светочем» «для многих в Америке». Эти два письма Толстой получил в январе 1899 г. и в январе 1900 г. Он отвечал Маркхаму 5 февраля 1900 г., благодарил его за присылку книги и писал: «Мне нравятся ваши стихи, в особенности первая поэма, служащая ключом ко всей книге. Для меня большая радость иметь таких друзей, как вы, по ту сторону земли, как вы говорите» (72: 298).

Н. И. Бурнашова

МАРТЫНОВ Алексей Васильевич (1868–1934) – посетитель и собеседник Толстого; хирург, профессор кафедры хирургической патологии Харьковского (с 1904 г.), а затем Московского университетов, директор госпитальной хирургической клиники Московского университета (с 1910 г.).

В середине июля 1908 г. во время хозяйственных работ Толстой поранил ногу. Состояние его здоровья ухудшалось – к боли в ноге добавился бронхит, повысилась температура, и он уже не мог вставать с постели. Положение было настолько серьёзным, что писатель даже продиктовал свои пожелания на случай смерти (*Гусев. Летопись*. 2. С. 638–639). В начале августа доктор Д. В. Никитин, осмотрев Толстого, порекомендовал пригласить к больному московского профессора А. В. Мартынова. Посещение известным хирургом Ясной Поляны 14 августа 1908 г. отметил в своём дневнике Д. П. Маковицкий: «Приехал А. В. Мартынов, профессор хирургии из Москвы. Ногу он нашёл менее опасной, чем состояние лёгких» (*ЯПЗ*. 3. С. 167). «По поводу приглашения хирурга» Толстой заметил: «В неловкое положение поставили его. Он чувствует, что ему нечего нового сказать, и придумывает новые слова». В ответ доктор Никитин хвалил Мартынова за его совестливость и скромность и сказал, «что всё-таки он может что-нибудь показать». Толстой согласился: «Именно, что он чуткий...» (*там же*).

Доктор Маковицкий передал «очень интересный разговор» между Мартыновым, Д. А. Олсуфьевым и сыном писателя Михаилом Львовичем. Разговор зашёл о проходящем в Праге Славянском съезде. Со слов автора дневника, Мартынов – русский патриот, славянофил, считающий Германию главным врагом. «Германия, – говорил он, – завела нас в дальневосточную авантюру. Надо славянам покровительствовать и новой японской войны не бояться; мы её про-

играли потому, что не было национального сознания и что она велась в южной, плотно заселённой Маньчжурии; солдаты говорили: «На что нам она?». В 9 часов вечера, перед отъездом в Москву, «Мартынов присел к кровати и коротко поговорил с Л. Н. Л. Н.: «Меня волнует всякий задушевный разговор о музыке». Ночью Мартынов уехал, не приняв гонорара» (ЯПЗ. 3. С. 167).

В. Н. Чисников

МАРТЫНОВ Виктор Николаевич (1858–1915) – сосед Толстых по Ясной Поляне, помещик в Тульской губ. Сын убийцы М. Ю. Лермонтова. Председатель Московского общества охоты, позднее служил земским начальником, гласный Московского уездного и губ. земств, состоял членом Московского уездного по питейным делам присутствия и был инспектором удельного виноделия. Толстые познакомились с Мартыновым в самом конце 1870-х гг. Иногда Толстой с ним охотился. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской 19 февраля 1880 г.: «Лёвочка ездил на охоту за лосями под Серпухов, но не убил, а убил новый наш знакомый, Мартынов» (83: 278). Изредка Мартынов бывал в хамовническом доме, но Толстой его недолюбливал. 13 марта 1889 г. он записал в дневнике: «Набралось пропасть народа – Голованов, Суворин, Дьяков, ещё Мартынов, глупости говорящий, я засуетился и устал» (50: 51). С. А. Толстая, живя в Москве, порой ездила к Мартыновым: «Соня уехала на день к Мартыновым» (53: 32), – запись в дневнике Толстого 18 мая 1895 г. Более дружеские отношения сложились у Толстых с женой Мартынова Софьей Михайловной.

Н. И. Бурнашёва

МАРТЫНОВ Николай Авенирович (1842–1913) – русский художник, график, акварелист. Преподавал изобразительное искусство в разных учебных заведениях Москвы и частным образом; по воспоминаниям писательницы Е. М. Раевской, его ученики, в частности её внучка Лиза Цингер, порою делали с ним большие успехи.

Мартынов был корреспондентом газеты «Русские ведомости». Поездка в начале октября 1891 г. по Тульской и Рязанской губ. потрясла его, поразила размерами бедствия, которое обрушилось на русскую деревню в результате долгой засухи. В своей статье 9 ноября «Поездка по Тульской и Рязанской губерниям» он подробно описал состояние крестьянских семей в этих областях. Его интересовало наличие скота, дров, хлеба и то, как старались выжить крестьяне, если дров и хлеба у них не было. Мартынов даже привёл в статье рецепт пригото-

вления из лебеды хлеба, который получался землистого цвета и с неприятным запахом, а у измученных горем и такой пищей матерей не было молока для грудных детей, и они оказались вынужденными отвозить своих детей в Воспитательный дом.

Желание помочь голодающим привело Мартынова к Толстому. В 1891 г. он приезжал в Бегичевку для помощи Толстому в открытии там общих столовых, пунктов по выдаче молока детям, раздаче хлеба. Оказывал содействие при покупке хлеба для столовых, а также жмыха, льна. Недоразумение произошло при доставке вагона льна, который, по словам Толстого, крестьянки быстро разбирали. Мартынов однажды взялся заказать по просьбе Толстого этот лён. Однако лён так и не получили. Осторожно, чтобы не обидеть Мартынова недоверием, Толстой пытался прояснить ситуацию. Оказалось, что лён по ошибке попал к некоему Суворину. В таком случае, посчитал Толстой, «нет резона искать его» (80: 121).

Не могли не отразиться события того времени и на творчестве Мартынова-художника. Интерес Толстого вызвала его картина, посвящённая работе на голоде. В февральской записной книжке писателя (1892) есть запись: «Тане напомнить о полотне. О Мартынове» (52: 201). Скорее всего, речь шла об акварели «В голодной деревне» (1892), которая сейчас находится в фондах ГМТ в Москве. Помимо этой работы, там же хранится несколько его пейзажей, что несомненно указывает на интерес художника к русской деревне, к деревенскому пейзажу.

А. А. Аленина

МАРТЫНОВА Софья Михайловна («Сафо»; рожд. Катенина; 1858–1931) – знакомая и адресат Толстого; жена В. Н. Мартынова, соседа Толстых по Ясной Поляне (инспектора виноделия на Кавказе, служившего в Удельном ведомстве). Толстые и Мартыновы дружили семьями; и в Москве, и в Ясной Поляне ездили друг к другу в гости. 5 февраля 1895 г. С. А. Толстая отметила в дневнике: «Вчера вечером собрались товарищи Миши, и С. М. Мартынова нам прочла “Фауста” Тургенева» (ДСАТ. 1. С. 234). В конце февраля, узнав о смерти Ванечки, Мартынова снова была в хамовническом доме. С. А. Толстая писала: «Милая, сердечная Сафо Мартынова, у которой своих было четверо детей, тотчас же приехала, плакала с нами и приняла горячее участие в нашем горе» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 395).

В конце 1890-х гг. Мартынова жила в Тифлисе и была в дружеских отношениях с местной администрацией и с великим

князем Михаилом Николаевичем, о чём Т. Л. Толстая 12 ноября 1896 г. сообщала Черткову, полагая, что, может быть, при её помощи можно что-то сделать для духовоборов. Толстой 22 февраля 1897 г. писал своему единомышленнику И. М. Трегубову: «Деньги пересылать, я думаю, можно через Мартынову на Кавказе, для чего нужно прежде письмом спросить её, согласна ли» (70: 32) (речь идёт о пересылке денег для кавказских духовоборов).

Живя в Москве, Мартынова по-прежнему нередко бывала у Толстых. 8 декабря 1900 г. С. А. Толстая писала в своём дневнике: «Вечером гости: Гагарина, Гаяринова, Горбунов, Семёнов – крестьянин-писатель, Мартынова. Лев Николаевич затеял разговор с Софьей Михайловной о детях вообще. Она их любит и идеализирует, а Лев Николаевич говорит, что и дети и женщины эгоисты и что людей самоотверженных встретишь только среди мужчин. Мы, женщины, говорили, что только среди женщин есть самоотверженные, и спорили дурно» (ДСАТ. 1. С. 466).

Н. И. Бурнашёва

МАСАЛИН Александр Матвеевич (годы жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого; поэт-самоучка, продавец игрушек из Сергиева Посада Московской губ.; в то время старик. 12 мая 1909 г. книжку стихотворений А. М. Масалина «Духовно-нравственные стихотворения» (Сергиев Посад, 1900, вып. 2) Толстому послал Н. Н. Прейс, страдающий душевным расстройством поэт, впоследствии знакомый Вяч. Иванова. В сопроводительном письме Прейс отмечал, что ему больше всех понравилось стихотворение «Тяжесть осуждения», и вспоминал о своём споре с Масалиным об отлучении Толстого от церкви, в котором он, Прейс, оправдывал решение Синода. В ответном письме Прейсу 15 мая 1909 г. Толстой прокомментировал спор Масалина и Прейса: «Очень благодарен ему <Масалину. – А. Ф.> за защиту перед вами моих религиозных взглядов, но думаю, что самое лучшее, что мы можем сделать по отношению различия религиозных взглядов, это то, чтобы, стараясь об укреплении каждый своего отношения к Богу, уважать чужие верования, чтобы не сделать из веры в Бога (того, что должно соединять людей) средство разделения и даже вражды...» (79: 198). Писатель дал характеристику присланному ему сборнику стихов Масалина: «Из его стихотворений понравились мне по мысли, кроме того, которое вы указываете, “О счастливом назначении” и “О благочестивой жизни Христа”». Толстой высказал

и своё отношение к стихотворной форме вообще: «Советовал бы ему <Масалину. – А. Ф.> выражать свои мысли не стихами. Стихотворная форма стесняет мысль» (79: 198). В начале июня 1909 г. от Масалина в Ясную Поляну пришло письмо с просьбой напечатать его стихи: он прилагал их к письму. По поручению Толстого 9 июня ответил Н. Н. Гусев (письмо не сохранилось).

А. А. Федотова

МАХАР Йозеф Сватоплук (Machar; 1864–1942) – чешский поэт и публицист. В 1889–1919 гг. служил чиновником в Вене. Автор нескольких поэтических сборников, в т. ч. таких как «Голгофа» (1901), романа в стихах «Магдалена» (1904), поэтических циклов «Совесть веков» (ч. 1–9; 1906–1926). Для творчества Махара характерно резкое обличение буржуазных отношений и буржуазной морали. Неприятие буржуазной действительности нередко сопровождалось бунтарскими настроениями, порождавшими модернистские и декадентские проявления, антихристианские тенденции. О Махаре Толстой иногда говорил с Д. П. Маковицким. «На то, что чешский поэт Махар издал в новых сборниках стихотворений “В лучах эллинского солнца” и “Яд из Иудей”, в которых проводит мысль, что античный мир был счастлив и христианство ослабило человечество, Л. Н. сказал: “Меня это не поражает, что он нападает на христианство. Это теперь мода. У меня выписка из французского автора, который Христа называет “miserable”. Он (Махар) не понимает Христа... Я Христа считаю таким же человеком, как Эпиктета”» (ЯПЗ. 2. С. 438). Этот разговор состоялся в мае 1907 г. Спустя полтора года, 20 декабря 1908 г., Маковицкий «дал прочесть Л. Н. статью А. Сиротинина о чешском поэте Махаре. Л. Н.: “Поэт ваш очень малоинтересен. К чему он чувствует отвращение, как вы думаете? – обратился Л. Н. к Черткову, сидевшему напротив. – К христианству. Это всё от большого ума. Времена такие. Это всё равно, что наши Горькие. Махар сам признаёт, что никаких идеалов не имеет. Никаких идеалов, и все этим очень довольны”. <...> Л. Н. читал не по-сербски, а по-чешски цитаты из Махара» (ЯПЗ. 3. С. 284). Маковицкий записал, что в эти дни, размышляя о христианстве, «Л. Н. спрашивал о Махаре и высказал желание прочесть что-нибудь из него» и потом «опять вспоминал о нём и заключил: “Ваш поэт очень малоинтересен”» (ЯПЗ. 3. С. 286).

В Ясной Поляне 26 декабря 1908 г. опять говорили о Махаре. Маковицкий любил его поэзию, а потому ему особенно интересно

было мнение Толстого. В своей тетради он в тот день записал: «Я, намекая на его подшучивание надо мной за то, что мне нравится Махар, который называет христианство ядом, сказал, что очень благодарен Сиротину и Л. Н. за то, что высказались о Махаре, указав на его безверие. Он имеет успех в Чехии потому, что разбивает католицизм, и как большой художник. Л. Н.: “Я думаю, что должно быть что-нибудь в нём”» (под христианством Махар “подразумевал католицизм”) (ЯПЗ. 3. С. 288).

3 августа 1910 г. Маковицкий «прочёл вслух из чешского журнала “Naše Doba”, май 1910, стихотворение Е. С. Махара “Хельчицкий”. <в № 8. – Н. Б.> Л. Н. внимательно прослушал, но не сказал ничего. Содержание: Хельчицкий в беседе с гуситом-таборитом Бискупцом горячо доказывает, что надо держаться учения одного Христа и жить по нему. А Бискупец – что надо держаться учения святых отцов церкви. Л. Н. взял “Naše Doba” и сам стал читать. И сказал: “Когда читаю чешский, польский, эсперанто, чувствую неудовлетворённость: кажется, что понимаешь, а понимаешь не вполне”» (ЯПЗ. 4. С. 314). Журнал со стихотворением Махара сохранился в ЯПб.

Н. И. Бурнашёва

МАХО́РТОВ Пётр Васильевич (даты жизни не установлены) – духобор из группы первых русских сектантов, уехавших в 1898 г. из России на постоянное жительство в Канаду. Его имя часто упоминал Толстой в письмах, обсуждая вопрос отъезда духоборов (письмо к П. В. Веригину от 24 июня 1898 г. – 71: 385; к Э. Мооду от 5 (?) декабря 1898 г. – 71: 505; к С. Л. Толстому от 4 января 1899 г. – 72: 6; к кн. Д. А. Хилкову 12 января 1899 г. – 72: 22).

В качестве ходока, защищающего интересы своих единоверцев, и в поисках земли для поселения Махортов несколько раз отправлялся за границу. Между тем он имел крупные разногласия экономического характера со многими видными представителями этого движения, в числе которых были кн. Хилков, Моод, Веригин. В частности, он был недоволен созданием единого специального духоборческого комитета, о чём кн. Хилков писал Толстому 29 декабря 1898 г.: «Один из духоборов, который здесь, – Махортов – совершенно не согласен с моим планом устройства духоборов и очень сердится за назначение комитета. Если приезжающие поднимут вопрос о дележе денег на души, то я уеду в Европу, ибо если они это сделают, или будут желать это сделать, то ничего путного во всех отношениях из их поселения не выйдет» (72: 25).

Махортов расходился с Хилковым в вопросе об образе жизни духоборов в Канаде и допускал личные выпады против него. Об этом Хилков писал Толстому и П. А. Буланже: «Я здесь с Ивиным. Махортов хотел ехать, но я увидал, что он может сильно напортить, смутив толпу своей ерундой, и потому взял Ивина. Ивин слишком для ходока привязан к своему семейству и, когда оно затрагивается, делается слеп и глух, но вообще гораздо умней и способней Махортова» (письмо к Буланже от 15 января 1899 г. – 72: 65).

В письме к Хилкову 12–15 (?) февраля 1899 г. Толстой в числе общих вопросов по переезду духоборов коснулся Махортова: «То, что вы писали об Ивине и Махортове, о пререканиях их, не огорчило меня. Все описания духоборов (такое же Бакунина) так идеальны, что становятся невероятны, и потому такие случаи только дают реальность картине. Не может не быть людей, поддающихся соблазнам в этом большом количестве. Я думаю, что оценка их поступков людьми нашего мира полезна для них» (72: 63–64).

Отношение к позиции Махортова Толстой высказал Хилкову 12 января 1899 г. «Ваше мнение о том, что им надо работать и жить сообща, разумеется, справедливо, и будем надеяться, как я это слышал от Карских, что они сами – большинство – этого хотят и так и поведут свою жизнь, и что взгляд на дело Махортова есть печальное исключение» (72: 22).

Е. П. Гриценко

МА́ЧТЕТ Григорий Александрович (1852–1901) – знакомый Толстого; писатель, революционер-народник. Отец, предком которого был англичанин, – член уездного суда г. Луцка Волынской губ., мать – украинско-польского происхождения. Большое влияние на Мачтета в юности оказала поэзия Н. А. Некрасова. В 1865 г. он был исключён из Немировской гимназии за сочувствие участникам польского восстания, в 1868 г. – из Каменец-Подольской за столкновение с инспектором в связи с чтением запрещённого Н. Г. Чернышевского. В 1870 г. сдал экзамен на звание учителя истории и географии. В 1871 г. Мачтет вступил в народнический кружок, затем уехал в Европу, где встретил единомышленников. Желая создать земледельческую коммуны, они отправились в Северную Америку, представляя её самой свободной страной. С лета 1872 г. по октябрь 1873 г. Мачтет жил в Америке, работал в коммуне, потом подёнщиком на фермах. Осенью 1873 г. вернулся в Россию, жил в Петербурге, летом

1876 г. собрался в Сербию, но был арестован за участие в подготовке побега двух политических заключённых. Последовали заключение в Петропавловскую крепость, ссылка в Сибирь, негласный надзор полиции, скитания по европейской России. Только в 1900 г. Мачтету разрешили вернуться в Петербург.

Печатался с 1872 г. В ссылке началась его профессиональная литературная деятельность. Одно из самых известных стихотворений Мачтета – «Последнее прости» («Замучен тяжёлой неволей» – 1876 г.), позднее ставшее революционной песней. Его «Повести и рассказы» (М., 1887) высоко оценил Чернышевский; критики отмечали в них знание народной жизни и психологическую глубину. Некоторые рассказы были переведены на европейские языки. В Киеве в 1902 г. издали полное собрание его сочинений в 12 томах.

Толстой познакомился с Мачтетом в конце 1880-х гг. Вечером 7 января 1889 г. в гостях у него в Хамовниках были И. И. Янжул, Н. И. Стороженко, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин и Мачтет. Толстой отметил в дневнике: «Стороженко и Янжул лучше всех – без запросов. Но тяжело» (50: 21). В 1891–1895 гг. Мачтет жил в Зарайске, но был тесно связан с Москвой. В январе 1892 г. Толстой встретился с ним в доме И. И. Петрункевича на Смоленском бульваре, на заседании московских общественных деятелей и представителей земств. Целью собрания была организация борьбы с голодом. По-видимому, тогда в беседе с Мачтетом Толстой высказал готовность передать сбор от продажи тысячи экземпляров брошюры «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» в распоряжение Комитета грамотности. Через месяц Мачтет по поручению газеты «Русские ведомости» обратился к Толстому с просьбой подтвердить его решение письменно. 17 февраля Толстой сделал это, написав Мачтету из Бегичевки.

Популярность Мачтета Толстой объяснял тем, что тот был «пострадавшим» (ТВС. 2. С. 69). Для Толстого имя Мачтета стало «синонимом полной бездарности» (там же. С. 57): по его мнению, написать очень плохо означало – «как Немирович-Данченко, ещё хуже... как Мачтет» (там же. С. 54). «Стихотворения многих современных поэтов я иначе не зову, как “ребусами”, – говорил Толстой. – Ну что такое, например, писатель Мачтет, который признаётся многими за талант!» (ТВС. 2. С. 18). Прочитав июньскую книжку «Русской мысли» (1894), Толстой «особенно посмеялся» «над повестью Мачтета “Пять тысяч”: “И зачем приняли это и напечатали? Я часто получаю от мо-

лодых авторов гораздо лучше. Во-первых, сюжет самый невероятный, чего никогда быть не может. Все действующие лица говорят одним и тем же языком, и притом таким языком, каким никто никогда не говорит. Наконец, все действующие лица ведут себя как раз противно тому характеру, который хотел им приписать автор”» (там же. С. 64).

Н. Г. Михновец

МЕДВЕДЕВ Василий Васильевич (даты жизни не установлены) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; студент Московского университета; познакомился с Толстым 1 февраля 1889 г. (пришёл по рекомендации Л. Ф. Анненковой) и в течение весны и лета 1889 г. несколько раз бывал у писателя в хамовническом доме. В дневнике 15 февраля 1889 г. Толстой отметил: «Пришёл Медведев, хороший малый» (50: 37). «Медведев ещё был у меня. И я ещё больше полюбил его» (64: 232), – писал Толстой Анненковой 27 февраля 1889. 16 марта 1889 г. запись в дневнике: «Вчера было трогательное письмо от Медведева, и он пришёл вечером. Мы составляли список 100 книг...» (50: 53). «Список 100 книг» для самообразования, который Толстой составлял по просьбе В. Н. Маракуева, деятеля народного образования и издателя, опубликован не был. «Юноша Медведев» (50: 135) интересовал Толстого: «Что милый В. В.? Напишите о нём поподробнее, если вы видите его» (64: 265), – писал он Анненковой 18 июня 1889 г. В письме к Толстому Медведев признавался, что намеревается оставить университет и заняться земледельческим трудом. Толстой советовал ему этого не делать, чтобы не огорчать родителей.

С. В. Чаругина

МЕЙЕРБЕР Джакомо (наст. имя: Якоб Либман Бер; 1791–1864) – французский композитор, пианист, дирижёр. С 10 лет выступал как пианист-виртуоз. В 25 лет уехал в Италию, прожил там восемь лет, написал 6 итальянских опер. С 1831 г. – в Париже, завоевал известность как оперный композитор, став создателем большой историко-романтической оперы («большой оперы»). Его новаторские пятиактные оперные спектакли, основанные на острых конфликтах, владение сценической драматургией, блестящая трактовка вокальных партий, яркая оркестровая палитра оказали влияние на развитие европейской оперы и становление крупнейших его современников Р. Вагнера и Дж. Верди. Среди сочинений Мейербера 16 опер (в т. ч. «Гугеноты», «Пророк», «Северная звезда» и др.), оратория, кантаты, псалмы; сочинения для оркестра, для фор-

тепиано, романсы, баллады, элегии, хоры, песни...

Толстой был знаком с некоторыми операми Мейербера: ещё при жизни композитора 9 февраля 1856 г. он слушал в петербургском театре «Etoile du Nord», 1 декабря – оперу «Гугеноты». Вернувшись из театра, сел писать В.В. Арсеньевой, начав письмо так: «Сейчас приехал из “Гугенотов” – нехорошо...» (60: 129), об опере более ни слова. В дневнике ещё короче: «...просто нехорошо» (47: 103). Через три месяца из Франции, из Дижона, Толстой и Тургенев отправили П. В. Анненкову общее письмо, где рукой Тургенева написано впечатление от посещения местного оперного театра: «Но зато театр здесь и даваемая на оном “Etoile du Nord” – чудо! Посмотрели бы вы на русских солдат, с киверами, вроде мучных совков, на казаков, на мужиков – и как это всё поёт! – Такая каша выходит, что вообразить нельзя» (60: 164). Речь идёт об опере Мейербера «Северная звезда», в основе которой – сюжет из русской истории, роман Петра I и Екатерины. С Тургеневым в опере был и Толстой, что отмечено в его дневнике 26/10 марта, но нет никакой оценки.

Сочинения Мейербера упоминаются в некоторых произведениях Толстого. В черновиках повести «Детство» «папа напевал, аккомпанируя себе некоторые мотивы из опер», в т. ч. из оперы Мейербера «Роберт-дьявол», по мнению папы, «лучшей оперы, которую он когда-либо слышал» (1: 320). Оперу «Роберт» упоминал Альберт (повесть «Альберт»), говоря о новой музыке, в которой он видел «красоты необыкновенные» (5: 39). Примерно в те же годы (1858–1861) в записной книжке Толстого появилась запись: «А. М. говорит: такой оперы, как Роберт, нет и не будет. Такого времени, как то, в которое он слушал Роберта, нет и не будет» (48: 83). В вариантах трактата «Что такое искусство?» Толстой относил сочинения Мейербера к «произведениям более или менее высокого разбора, все были понятны» (30: 322).

Н. И. Бурнашова

МЕНГДЕН Владимир Михайлович (1826–1910), барон – знакомый Толстого; тульский помещик, владелец имения Маклец в Тульской губ., уездный предводитель дворянства, с 1863 г. член Тульского губ. совета по крестьянским делам присутствия; с 1889 г. член Гос. совета (1906–1909). Окончил Училище правоведения, служил в Сенате. В 1849 г. женился на вдове кн. Д. Н. Оболенского Елизавете Ивановне Оболенской (рожд. Бибиковой; 1822–1902). Супруги Менгден общались с семьёй

Толстых в течение многих лет. Дневники писателя пестрят упоминаниями о частых приездах четы Менгден в Ясную Поляну, а Толстые, в свою очередь, нередко навещались в их богородицкое имение Маклец. В Туле у них на Дворянской улице недалеко от Дворянского собрания был собственный дом, где бывали И. С. Тургенев, А. С. Хомяков, Толстой, которого Менгден «знавал давно» и запомнил его совсем молодым человеком в военной форме. Толстой тогда был ещё холостым, проживал в Ясной Поляне и активно занимался сельской школой и изданием журнала для школ. Менгден побывал в этой школе Толстого, которая располагалась в одном из усадебных флигелей, и она ему понравилась. Этот негласный визит Менгдена имел свою предысторию. Тульский губернатор П. М. Дараган, хороший знакомый Толстого, и Менгден, узнав, что в Ясной Поляне готовится полицейский обыск, решили предупредить Толстого. С этой целью и был послан в Ясную Менгден. Но Толстого дома не оказалось: обыск проходил в первых числах июля, когда Толстой находился в Самаре и вернулся оттуда в конце месяца (в своих воспоминаниях Менгден ошибочно относил обыск к марту 1862 г.). Толстой был благодарен Менгдену и «доброму начальнику губернии».

В 1864 г. Менгден, ушедший в отставку в 1851 г., снова был востребован, возвратился на гос. службу и был направлен в Польшу. Семья жила в Варшаве, а летом непременно приезжала в Маклец, так что общение двух семейств не прерывалось надолго. Встречаясь после зимней разлуки, они вспоминали былые времена и, конечно, знаменитый бал, устроенный Менгденом в Дворянском собрании Тулы осенью 1863 г. Толстой был на этом балу со свояченицей Т. А. Берс. Наследник престола танцевал тогда с Елизаветой Менгден. «Я очень любила эту милую, талантливую баронессу Менгден. Она прекрасно рисовала, много переводила с иностранных языков, была прекрасная мать и жена и очень была добра со мной. До конца её жизни <...> мы с ней усердно переписывались», – вспоминала С. А. Толстая (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 272). Барон Менгден был дружен с Победоносцевым, и баронесса рассказывала С. А. Толстой, что Победоносцев удивлялся, почему запрещена «Крейцера соната» и что это сделано по воле государя» (там же. 2. С. 127).

Дочь Толстых Татьяна дружила с дочерью Менгденов – Софьей Владимировной (в замужестве Бельгард, автором «Воспоминаний» о Толстом) и Ольгой Владимировной, по мужу баронессой Фредерикс.

Ольга играла в домашних яснополянских спектаклях. Была «удивительно хорошая актриса, хорошенькая и умная» (*там же*. 1. С. 272).

Сыновья Менгдена оказались неудачниками, и записанный Толстым сюжет о трагической судьбе матери, разочаровавшейся в сыновьях («Менгдена сыновья» – 55: 302), был взят им из реальной жизни своей хорошей знакомой, автора воспоминаний «Из дневника внучки» // Русская старина. 1913. № 1. Менгден, по «характеру честный, прямой и стойкий», как предполагал С. Л. Толстой, послужил прототипом Каренина в романе «Анна Каренина»: говорили, что «чёрствый, деспотичный Менгден исковеркал судьбы двух своих сыновей» (Об отражении жизни в «Анне Карениной». Из воспоминаний С. Л. Толстого [1860–1870-е гг.]) // ЛН. Т. 37–38. С. 566–590.

Н. А. Никитина

МЕРИМЕ́ Проспер (Mérimée; 1803–1870) – французский писатель. Родился в семье художника и сам был хорошим рисовальщиком. Воспитывался в духе идей эпохи Просвещения; в лицее получил юридическое образование, но интересовался главным образом литературой, историей, археологией и искусством. Долгие годы был инспектором по охране памятников. В литературу входил поэтическими и драматическими произведениями, публикации которых были мистификациями: «Театр Клары Газуль», сборник народных баллад об убийствах, вампирах и прочей чертовщине; «Гюзла», баллады из этого сборника переложил Пушкин в своих «Песнях западных славян». Мериме живо откликнулся на перевод и в письме к русскому другу С. А. Соболевскому просил: «Передайте, пожалуйста, г-ну Пушкину мои извинения. Я горжусь и вместе с тем стыжусь, что мне удалось обмануть его» (Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928. С. 44). Под своим именем он напечатал драматическую хронику «Жакерия» и исторический роман «Хроника царствования Карла IX». Наибольшую популярность завоевали новеллы Мериме. В них изображены необыкновенные события и люди, сильные, самобытные характеры; социальные низы противопоставлены пустым и эгоистичным аристократам и дельцам. Из ранних дневников известны суждения Толстого о новелле «Кармен»: 1 декабря 1856 г. он записал: «Дочёл Carmen – слабо, французско» (47: 103). Позднее, к 1904 г., Толстой оценил эту новеллу: «...у Мериме хорош один рассказ, “Кармен”» (ЯПЗ. 1. С. 376). А тогда, в 1856 г. 3 декабря, писатель отметил в дневнике, что «читал Мериме – хорошо» (47:

103). В Юб. эта запись без комментария. Скорее всего, Толстой читал что-нибудь Мериме в периодических журналах «Revue bleue», «Revue des Deux Mondes» и др.

А. Д. Михайлов в статье «А холодный Мериме сияет, не тускнея» отметил: «Лев Толстой упоминал произведения Мериме достаточно редко. <...> Трудно предположить, что он, работая над “Войной и миром”, не читал “Взятие редута”. Ведь такое, почти “толстовское”, изображение войны появилось значительно раньше “Пармской обители” Стендаля, у которого Толстой якобы учился» (Проспер Мериме в русской литературе. М., 2007. С. 17–18). Новелла «Взятие редута» написана в 1829 г., т. е. за десять лет до ставшего классическим примером описания битвы при Ватерлоо в «Пармской обители» Стендаля. Фактически «Взятие редута» явилось одним из первых в европейской литературе образцов реалистической батальной живописи. В 1865 г. Толстой «читал Mérimée Chronique de Charles IX. Странная его умственная связь с Пушкиным. Очень умён и чуток, а таланта нет» (48: 62), – записано в дневнике. «Умственная связь с Пушкиным» подмечена не случайно: эта связь была двусторонней: Пушкин перевёл на русский язык песни из «Гюзлы» Мериме (1827), Мериме переводил на французский язык стихи и прозу Пушкина. Пушкин назвал Мериме «острым и оригинальным писателем», а его сочинения – «чрезвычайно замечательными и глубокими». Мериме, как вспоминал И. С. Тургенев, считал Пушкина величайшим поэтом своей эпохи.

В 1888 г. Мериме попал в список для чтения вслух в уголке «серьёзных разговоров» в яснополянском доме Толстого: «По вечерам – чтение вслух, то был Достоевский, то Mérimée, то Руссо, то Пушкин (Цыгане), то Лермонтов – и предстоит многое – одно естественно вызывает другое» (64: 186). Судя по сохранившимся в ЯПБ изданиям, скорее всего, вслух читали произведения, входившие в сборник новелл и переводов Мериме на французский язык: «Carmen»; «Arsène Guillot»; «L'Abbé Aubain»; «La Dame de pique»; «Les Bohémiens»; «Le Hussard»; «Nicolas Gogol» (Paris: Calmann Lévy, 1883). Первый биограф и друг Толстого П. И. Бирюков писал: «Он серьёзно оценил Пушкина, прочтя французский перевод, сделанный Мериме, “Цыган” Пушкина; чтение этого произведения, изложенного в прозаической форме, с особенной силой показало Льву Н-чу всю силу поэтического гения Пушкина» (Бирюков. 1. С. 163).

Мериме владел русским языком, знал русскую литературу, переводил произведе-

дения Пушкина, Гоголя, Тургенева, писал критические статьи о творчестве русских писателей. Но «не всё Мериме верно воспринял в русской литературе. Так, он совершенно не оценил первые произведения Льва Толстого, а в Гоголе увидел только сатирика, много позаимствовавшего у Стерна, Скотта, Шамиссо и Гофмана. Тем не менее он, по существу, не знал в Европе равных по глубине понимания русской литературы и исторической роли русского и других славянских народов. (Мериме был автором исторических работ об эпохе Бориса Годунова, о Богдане Хмельницком, о Разине, об истории казаков, о Петре I, в 1853 г. он написал историческую драму “Первые шаги авантюриста”, где изложил свою гипотезу появления на Руси фигуры Лжедмитрия), он в огромной степени способствовал началу мирового признания русской литературы» (Луков Вл. А. Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества: Научная монография. М., 2006. С. 217).

Лит.: Проспер Мериме в русской литературе. М., 2007.

А. Н. Полосина

МЕЩЕРСКАЯ Мария Александровна (рожд. Панина; ?–1903) – знакомая Толстого; жена попечителя Московского учебного округа кн. Николая Петровича Мещерского. Женщина интересной судьбы. Её родословная богата личностями неординарными, творческими. Дед её – русский дипломат, гр. Никита Петрович Панин (1770–1837), владел имением Дугино в Смоленской губ. Старший его сын Александр Никитич Панин (1791–1850), отец Марии Александровны, получил блестящее образование, участник Бородинского сражения, унаследовал усадьбу. После его смерти имение Дугино с усадебным комплексом, оранжереями, парком, который по многообразию растений можно причислить к разряду уникальных ботанических музеев, перешло к дочери. Муж М. А. Паниной, кн. Н. П. Мещерский, – внук известного писателя и историка, автора «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Он унаследовал богатейший архив деда, в котором было немало «пушкинских бумаг» (письма, рукописи, записки, книги). Работать с документами этого хранилища в Дугино приезжали многие учёные и писатели. В дореволюционных журналах «Русский архив», «Русская старина» и др. под опубликованными статьями указан семейный архив Паниных–Мещерских. В усадьбе была и большая библиотека. Для хранения архива и библиотеки было специально оборудовано

одно из усадебных зданий. В своём имении Мещерские открыли для крестьян сельскохозяйственную школу. Кроме школы семья Мещерских содержала больницу, богадельню для крестьян, школу на 70 крестьянских детей. В начале XX в. имение Дугино было хорошо налаженным хозяйством, одним из лучших в Смоленской губ. Сычёвского уезда. Кн. Мещерская, личность незаурядная, славилась своей благотворительной деятельностью в С.-Петербурге. Была членом попечительских советов «Общества вспомоществования бывшим воспитанницам заведений, состоящим в ведомстве учреждений императрицы Марии», «Попечительного Общества о первом ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков мужского пола в Санкт-Петербурге».

14 ноября 1866 г. Толстой писал из Москвы С. А. Толстой, что встретил свою старую знакомую кн. Мещерскую у Сушковых: «Там всё, как 15 лет тому назад, и также гости; одна кн. Мещерская, урождённая гр. Панина – огромная, с мужскими чертами женщина, очень добрая и неглупая. Я её знавал барышней, и теперь у неё 4, а у меня 3 детей. Очень звала к себе в середине. Не знаю, поеду ли?» (83: 127, 129).

Лит.: Чекмарёв А. В. Усадьба Дугино Паниных / Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 7 (23). М., 2001.

Е. Г. Шестакова

МЕЩЕРСКИЕ – семья князя Петра Ивановича Мещерского (1802–1876) и его жены Екатерины Николаевны (1806–1867) – знакомые Толстого по его первому заграничному путешествию в Швейцарию (с 22 марта/9 апреля по 11/23 июля 1857 г.). Мещерский – отставной подполковник лейб-гвардии Гренадерского полка. По воспоминаниям сына, В. П. Мещерского, его отец «воплотил в себе <...> тип доброго патриархального помещика, благодетеля своих крепостных. <...> Бросивший по собственной воле службу и предавшийся частной жизни (большая редкость в николаевской России), Пётр Иванович, относясь с иронией к бюрократии и своим друзьям-чиновникам, говаривал: “Ведь вы все администраторы, управляете Россией и все распоряжаетесь в своих ведомствах. Я единственный только человек в Петербурге, который не служит; стало быть, я один вам всем подведомствен... Пожалейте меня: ведь вас много, а я один. Постарайтесь поменьше усердствовать: может быть, тогда дела пойдут лучше в России”» (Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Ме-

щерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 57–84). Вторым браком в 1828 г. князь женился на Е. Н. Карамзиной, дочери историка. Как считали современники, она играла в семье ведущую роль, так как он уступал ей и умом и силой характера.

Е. Н. Мещерская (рожд. Карамзина) – старшая дочь историка Н. М. Карамзина и Е. А. Карамзиной. Ей посвящали стихи поэты «золотого века» отечественной литературы. В. А. Жуковский в 1818 г. написал ей в альбом стихотворение, которое так и назвал: «В альбом Е. Н. Карамзиной», А. С. Пушкин посвятил ей свой «Акафист», П. А. Вяземский – «Ночь в Ревеле» с пометой «Посвящается княгине Е. Н. Мещерской». Карамзина-Мещерская входила в круг друзей Пушкина, особенно в последние годы его жизни, постоянно бывала в доме Пушкиных, встречалась с ними в салоне своей матери. Культ Карамзина царил в семье Мещерских, а в эпоху либеральных преобразований Александра II «салон» Е. Н. Мещерской считали одним из центров дворянской оппозиции. А. Ф. Тютчева, фрейлина двора Николая I и Александра II, в своих воспоминаниях писала о ней: «Ум княгини Екатерины Николаевны был необычайно язвительный, характер цельный и страстный, столь же абсолютный в своих симпатиях, как и антипатиях, в утверждениях, как и в отрицаниях. Для неё не существовало переходных оттенков между любовью и ненавистью, на её палитре были только эти две определённые краски» (Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 14).

Толстой познакомился с семьёй Мещерских в Швейцарии, в Кларане – «местечко в 82 километрах от Женевы, на северо-восточном берегу Женевского озера. Здесь Толстой прожил до 30 июня, совершая отсюда поездки и прогулки по горным хребтам, деревням и городам Швейцарии» (Гусев. Материалы. 2. С. 201). В Кларане Толстой близко сошёлся с некоторыми русскими семьями, в их числе была и жившая неподалеку от него в Ле-Бассе семья Мещерских, которых он часто посещал. Отзывы о них в дневнике Толстого неоднозначны: с одной стороны, это «хорошие люди» (10 апреля) и молодой писатель чувствовал себя у них «очень приятно» (22 апреля), «отвёл душу» (7 мая), ему было «приятно льстиво» (14 мая); с другой стороны, несходство взглядов, вкусов, симпатий диктовало свою оценку их Толстым; через два дня после знакомства он писал: «Мещерские отвратительные, тупые, уверенные в своей доброте, озлобленные консерваторы» (12 апреля – 47: 125), «не мои люди» (16 апреля – 47:

125). Немного позднее в письме к Т. А. Ёргольской 29 мая 1857 г. характеризовал это семейство так: «Князь и княгиня Мещерские (урождённая Карамзина), немножко аристократы, но чрезвычайно добрые люди» (60: 191). Отношение же к Толстому было хорошим и тёплым. «Здесь прелестное русское общество: Пушкин, Карамзин, Мещерские и все, Бог знает за что, меня полюбили, я это чувствую...» (60: 190).

Е. Н. Мещерская рассказывала Толстому о Пушкине, которого знала лично. «Так, она передавала Толстому следующие слова Пушкина, сказанные ей во время его работы над последними главами “Евгения Онегина”»: “А вы знаете, ведь Татьяна-то отказала Онегину и бросила его: этого я от неё никак не ожидал”. Толстой любил приводить эти слова Пушкина как характерные для настоящего поэта» (Гусев. Материалы. 2. С. 201–202).

Е. Г. Шестакова

МЕЩЕРСКИЙ Николай Петрович (1829–1901/1894?), князь – сын П. И. и Е. Н. Мещерских, внук историка Н. М. Карамзина, попечитель Московского учебного округа. К Н. П. Мещерскому как к официальному лицу Толстой обращался по вопросам образования, а также хлопотал через него за конкретных лиц.

В конце 1874 г. писатель был «увлечён проектом создания в Ясной Поляне учительской семинарии, в которой бы получали дальнейшее образование наиболее способные ученики народных школ, с тем чтобы потом стать народными учителями... «Пусть это будет университет в лаптях, – говорил Лев Николаевич» (Гусев. Материалы. 3. С. 443).

В январе 1875 г. Толстой обратился к директору народных училищ Тульской губ. с просьбой открыть в Ясной Поляне «частное учебное заведение второго разряда для подготовки народных учителей» (там же). Ходатайство было направлено в высшую инстанцию – попечителю Московского учебного округа, кн. Н. П. Мещерскому. Попечительский совет признал желательным создание такого заведения, но с названием «Педагогические курсы для приготовления народных учителей», под руководством графа Толстого. В течение полутора лет между ведомствами – попечительским советом Московского округа, Министерством народного просвещения и др. – шла переписка по проекту создания педагогических курсов. Попечитель Московского учебного округа кн. Мещерский принимал активное участие в этой переписке и наконец одобрил проект Толстого. Так, 26 апреля 1876 г.

попечительским советом отмечалось: «что, не утверждая проекта “во всех его частностях”, можно дать “в виде опыта” и “в виде исключения” разрешение на открытие педагогических курсов <...>. “Педагогические курсы, учреждаемые по инициативе и под личным наблюдением графа, представляют собой явление исключительное в том отношении, что руководителем их является лицо, которого благонадёжность и преданность делу народного образования не могут подлежать никакому сомнению”» (Гусев. *Материалы*. 3. С. 445–446).

В результате Толстому 29 мая 1876 г. было разрешено в виде исключения устроить в Ясной Поляне педагогические курсы для приготовления учителей в начальные училища. С. А. Толстая вспоминала об этом в 1876 г.: «...Лев Николаевич усердно принялся опять за устройство помещения во флигеле для учительской семинарии. Столяры, маляры были весь день заняты и торопились кончать работы. Был найден кончивший курс в университете преподаватель в этой предполагаемой учительской семинарии, и только одно очень затрудняло Льва Николаевича – это денежные средства. <...> Лев Николаевич переговорил об этом с Петром Фёдоровичем Самариным, тогдашним губернским предводителем дворянства, и Пётр Фёдорович сказал, что в кассе земской находятся 30 тысяч денег, предназначенных для народного образования, и чтобы Лев Николаевич подал прошение о выдаче ему пособий для предполагаемой учительской семинарии. Но когда Лев Николаевич сделал это и собрана была комиссия, ему в пособии отказали, а сумму эту назначили на памятник Екатерине II» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 259).

На рубеже 1870–1880-х гг. Толстой хлопотал перед кн. Мещерским через Е. Ф. Тютчеву (в письме к ней признался, что забыл, как зовут князя) за старого учителя яснополянской школы П. В. Морозова: просил дать ему чин, «который составит его счастье и на который он имеет права» (90: 247–248). «Преданность делу народного образования», что в 1876 г. подчёркивал Н. П. Мещерский в отношении Толстого, давала писателю возможность обращаться с просьбами, чтобы помочь людям.

Е. Г. Шестакова

МИЛЛЕ Жан-Франсуа (Millet; 1814–1875) – французский живописец и график, один из основателей барбизонской школы. Учился у местных художников в Шербуре, с 1837 г. – в Париже у живописца академической школы П. Делароша. В 1840-е гг., согласно вкусу времени, писал картины на

сюжеты древнегреческих романов, этюды обнажённой натуры. В конце 1840-х гг. Милле поселился в Барбизоне и всецело посвятил себя изображению крестьянской жизни и природы. Эти темы были близки художнику, поскольку сам он был выходцем из крестьян. Живопись Милле выражала веру в благородство простых людей, в достоинство и ценность их повседневного труда. Картина «Весна» (1868–1873) – последняя работа Милле. Написанное яркими красками полотно передаёт любовь художника к жизни и природе. Живописное мастерство, стремление правдиво показать деревенскую жизнь поставили Милле в один ряд с барбизонцами и художниками реалистического направления, работавшими во второй половине XIX в.

Толстой высоко ценил произведения Милле, посвящённые крестьянской жизни, как с точки зрения тематики, так и по тому мастерству, с которым они были исполнены. В трактате Толстого «Что такое искусство?» говорилось об опасности, которую несёт большая часть произведений современного искусства. Тем не менее, считал писатель, именно «искусство есть духовный орган человеческой жизни, и его нельзя уничтожить, и потому, несмотря на все усилия, делаемые людьми высших классов для того, чтобы скрыть тот религиозный идеал, которым живёт человечество, идеал этот всё более и более сознаётся людьми» (30: 177). И потому таких произведений с начала XIX в., по мнению Толстого, появлялось всё больше, и это лучшие образцы времени, поскольку они «передают чувства, влекущие к единению и братству людей» (*там же*). В живописи к таким образцам Толстой относил картины Милле, особенно полотно «Человек с мотыгой» (1860–1862). Подтверждение высокой оценки Толстым произведений Милле прозвучало в предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин» (не было опубликовано). Полотно Милле Толстой называл образцом, достижение которого определяет ценность романа Поленца. Роман «правдив и изобразителен, как крестьяне Millet» (34: 521), – писал Толстой в одном из вариантов предисловия; и в другом варианте: «И <...> главное, роман этот весь проникнут любовью к тому сословию огромного большинства людей, кормящих всех остальных <...>, которыми проникнуты картины Millet...» (34: 525).

А. А. Аленина

МИЛЮТИН Владимир Алексеевич (1826–1855) – товарищ детских лет Толстого, самый «даровитый» из братьев Милютиных (ЯПЗ. 3. С. 409); публицист, исто-

рик, экономист; профессор Петербургского университета; надворный советник. С ним и его семьей связаны яркие московские воспоминания Толстого: о том, как из окон дома Милютиных они наблюдали закладку Храма Христа Спасителя и видели Николая I; как в присутствии Милютина губернёр Толстых П. Сен-Тома (перешедший к Толстым от Милютиных) сообщил братьям о смерти бабушки; и, наконец, самое знаменитое, описанное в начале «Исповеди», — о том, как «один мальчик, давно умерший, Володинька М.» принёс братьям Толстым из гимназии новость о том, что Бога нет (23: 1).

Закончив в 1843 г. гимназию «с замечательным успехом» и поступив на юридический факультет сначала Московского, а затем Петербургского университета, В. Милютин рано проявил себя как одарённый правовед и историк. В 1847 г. он закончил университет со степенью кандидата, в 1849 г. защитил магистерскую диссертацию и в следующем году стал адъюнкт-профессором (с 1853 г. — профессором) Петербургского университета (сначала по кафедре русского гос. права, а затем законов благочиния и благоустройства). Преподавал также в Имп. Александровском лицее.

При этом «серьёзные занятия историко-юридические не мешали ему зарабатывать себе хлеб трудами литературными» (Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М., 2000. С. 142). В 1847 г. Милютин напечатал в журналах серию политэкономических статей (Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции // Отечественные записки. 1847. № 1–4; Мальтус и его противники. Обзор различных мнений об отношениях производительности к развитию народонаселения // Современник. 1847. № 8–9; Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. Соч. А. Бутовского. Три части. СПб., 1847 // Современник. 1847. № 10–12; Отечественные записки. 1847. № 11–12), принёсших ему признание в литературных кругах. Его работы знакомили русского читателя с самыми актуальными для западной науки и общественной мысли экономическими проблемами — связи уровня народонаселения и народного богатства, последствий разделения труда и конкуренции в промышленности, актуальности наследия А. Смита. В работах Милютина отмечали «отпечаток идей утопического социализма» (Блюмин И. Г. Экономические воззрения В. А. Милютина // Милютин В. А. Избранные произведения. М., 1946. С. 17), что объясняло его близость к кружку М. В. Петрашевского. Для

статей Милютина характерно стремление к объективности и взвешенности оценок: по его мнению, общественно-экономические утопии должны быть скорректированы на основе научного изучения действительности. Наука, путём анализа опытных данных и установления общих законов экономического развития, способствует освобождению общественного организма «от современных его болезней и недостатков» (*там же*. С. 380, 407). К острейшим из таковых Милютин относил пауперизм.

Созвучными идеям петрашевцев и статей Милютина были размышления Толстого о необходимости самосовершенствования, о превосходстве практической деятельности над умозрительными теориями. Высказывания в духе фурьеризма и даже цитаты из Фурье находят в «Утре помещика», отголоски процесса над петрашевцами — в «Разжалованном». В статье «Прогресс и определение образования» и последующих публицистических работах Толстой, как и ранее Милютин, размышлял о страшной цене комфорта и роскоши. В то же время — и в этом он резко расходился с Милютиным — Толстой настаивал на том, что интересующие науку факторы производства выбраны произвольно; что материальный прогресс и промышленное производство в принципе не могут вести к улучшению благосостояния народа. Таким образом, Милютин, стремившегося к установлению «общих, неизменных законов общественного развития» (*там же*. С. 314), и Толстого, исходившего из того, что «общий вечный закон написан в душе каждого человека <...> и, только вследствие заблуждения, переносится в историю» (8: 333), едва ли можно считать идеологическими союзниками. Позднее Толстой прямо высказывался о политической экономии как о «воображаемой науке», занимающейся тем же, «чем занимаются все юридические науки, — апологией насилия» (25: 266).

Первые произведения Толстого несколько раз появлялись на страницах «Современника» в одних номерах с работами Милютина. В № 9 за 1852 г., где было напечатано «Детство», в отделе «Критика» была опубликована рецензия Милютина на «Этнографическую карту Европейской России, составленную П. И. Кеппеном», значительную часть которой занимало обозрение экспедиций и трудов Русского географического общества (РГО), активным участником которого являлся Милютин. Вступив в РГО в 1848 г. (в это же время он был назначен на должность помощника редактора Статистического отделения Департамента сельского

хозяйства Министерства гос. имуществ), в 1852 г. он стал его секретарём. Составленный Милютиным отчёт о деятельности РГО за 1852 г. был напечатан в № 6 «Современника» за 1853 г., в котором внимание Толстого привлекла рецензия А. П. Карцова на книгу старшего брата Милютина Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» (46: 182–183). В одном номере с «Записками маркёра» (1855. № 1) была напечатана статья первая из милютинского цикла «Жизнь Алкивиада, по новейшим о ней исследованиям». Эту работу Милютин завершить не успел – третья статья об Алкивиаде вышла в № 9 «Современника» за 1855 г. (здесь же были опубликованы два толстовских рассказа – «Севастополь в мае» и «Рубка леса»), в котором был напечатан и посвящённый Милютину некролог. Отправившись в 1854 г. на лечение за границу, в августе 1855 г. Милютин покончил жизнь самоубийством в г. Эмсе.

Ю. И. Красносельская

МИЛЮТИН Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф (с 1878) – гос. деятель, генерал-адъютант (1859), генерал-фельдмаршал (1898), член Гос. совета (1881). Военный министр (1861–1881), разработчик военной реформы, военный историк и теоретик. Старший брат Н. А. и В. А. Милютиных. Окончив в 1832 г. Благородный пансион при Московском университете, избрал военную карьеру. Начал службу с чина фейерверкера 4-го класса; человек дисциплинированный, целеустремлённый, склонный к научным занятиям, был на хорошем счету у начальства, быстро и успешно продвигался по карьерной лестнице. В 1839 г. командирован в Отдельный Кавказский корпус. Первые впечатления Милютина от Кавказа отчасти напоминали начальные сцены толстовских «Казаков», хотя, в отличие от Оленина и самого автора повести, Милютин, со свойственной ему рассудительностью и прагматичностью, интересовался не столько «поэзией» Кавказа, сколько материальным положением его жителей и способами исправить «несовершенства того образа войны», которому русские войска «следовали в борьбе с горцами» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. М., 1997. С. 200, 256). Не отталкивала его и штабная, бумажная работа: он с удовольствием взялся за составление подробного плана осады ставки Шамиля Ахульго и подготовку материалов для истории описания всей экспедиции Чеченского отряда. Многочисленные записки и рапорты, составляемые Милюти-

ным в продолжение его службы, стали основой курса на коренную модернизацию русской армии, которую он предпримет на посту военного министра. Достижения Милютина-министра, позволяющие историкам оценивать его как одного из самых замечательных политических деятелей имперской России, были бы невозможны без его трезвого отношения к жизни, твёрдости убеждений и умеренного консерватизма – т. е. тех качеств, в которых Толстой слишком часто был склонен подозревать ограниченность и сухость души. Как обобщил сам Толстой в конце жизни, «Милютиных три брата <...> были лишены сердца большого, но имели большие способности умственные» (ЯПЗ. 3. С. 58).

Между тем именно Милютин, вернувшийся с Кавказа в 1840 г. и навестивший в Москве родных, невольно оказался «одним из виновников военного направления» Толстого. «Золотое оружие за храбрость» и мундир Милютина вызвали в братьях Толстых, очевидно, тот восторг, который в «Войне и мире» ощутил Петя Ростов при виде приехавших в отпуск Николая Ростова и Денисова. По воспоминаниям Толстого, Милютин уговорил идти на Кавказ его старшего брата Николая, тем самым косвенно способствовав и его «военному направлению» (ЯПЗ. 2. С. 285).

Сам же Милютин с середины 1840-х гг. сосредоточился на научной и преподавательской деятельности: будучи назначен профессором Военной академии, разрабатывал курс новой дисциплины – военной статистики, издал «Первые опыты военной статистики» (1847–1848). В 1853 г. окончил труд, удостоившийся полной Демидовской премии, – «Историю войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.». Эта книга заинтересовала Толстого, читавшего на Кавказе рецензию на неё А. П. Карцова в № 6 «Современника» за 1853 г. Осенью 1854 г., уже в Южной армии, Толстой, задумав с товарищами издавать журнал «Военный листок», в программе предполагаемого издания называл «полковника Милютина» в числе лиц, которых редакция планирует привлечь к участию (4: 283) – очевидно, в надежде на протекцию и связи последнего в Петербурге. Во время Крымской войны Милютин (дослужившийся уже до генерал-майора и с 1848 г. состоявший для особых поручений при военном министре) занимался обороной берегов Балтийского моря. Идея нового военного периодического издания была действительно не чужда ему – ещё в 1841 г. он вынашивал проект издания журнала при Гвардейском штабе, а позже стал одним из инициаторов «Во-

енного сборника», выходявшего с 1858 г. и направленного на то, чтобы «дать полезное чтение большинству строевых офицеров, приохотить их к умственным занятиям, распространять между ними военные знания в форме сколько можно популярной» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М., 2000. С. 454). В 1860-е гг. стараниями Милютина был преобразован и «Русский инвалид»: некогда официозная газета, направлению которой Толстой собирался противопоставить свой журнал, при Милютине-министре стала рупором либеральных реформ.

В 1850-е гг. Милютин был близок к кругу «Современника», однако вскоре по приезде Толстого в Петербург осенью 1856 г. он получил назначение на должность начальника Главного штаба войск на Кавказе. Вернулся в Петербург в конце 1860 г. на должность товарища военного министра и возглавил в 1861 г. Военное министерство. Он проводил перевооружение и реструктуризацию армии, способствуя смягчению телесных наказаний, в частности отмене наказания шпицрутенами. Одну из своих важнейших заслуг Милютин видел в том, что ему удалось привести военное судопроизводство в «сколь возможное» соответствие с судебными уставами, т. е. с реформированным гражданским судом, предполагавшим гласность, устность, состязательность сторон. Тем не менее произошедший в середине 1860-х гг. случай, к которому оказались причастны и Милютин, и Толстой, доказал писателю бессмысленность «кем-то написанных глупых слов, называемых законами» перед лицом «вечного, общего закона, записанного <...> во всех сердцах человеческих» (37: 71). Летом 1866 г. писатель выступил защитником ротного писаря 65-го пехотного Московского полка Василия Шибунина (Шабунина), ударившего по лицу своего ротного командира, однако суд всё же приговорил Шибунина к расстрелу. Толстой писал гр. А. А. Толстой, просил похлопотать о помиловании в Петербурге, но Милютин, к которому она обратилась, отказался докладывать государю на том основании, что в прошении не было указано, в каком полку служил Шибунин. Время было упущено, а Шибунин – расстрелян. Возможно, на позицию Милютина оказала влияние сама атмосфера 1866 г. – всего несколькими месяцами ранее произошло каракозовское покушение. Казнь Каракозова и судебное преследование лиц, проходивших по тому же делу, Милютин воспринял как торжество правосудия. «Безумными при настоящих обстоятельствах» (Дневник ге-

нерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 г. М., 2010. С. 465) он назвал впоследствии и призывы помиловать убийц Александра II – в то время как Толстой, напротив, направил Александру III письмо с просьбой об этом.

Война с Турцией 1877–1878 гг., хотя и позволяла, как понимал Милютин, продемонстрировать успешность проведённых им реформ, воспринималась им самим как безусловное зло. Подобно Толстому в «Анне Карениной», он скептически относился к «славянскому движению». Тем не менее приход Толстого к идее об антихристианском характере военной службы неминуемо должен был сделать его ещё более решительным противником деятельности Милютина. Во введении всеобщей воинской повинности, важнейшем преобразовании Милютина в российской армии, Толстой видел стремление дать всем «равное право быть убийцами», считая его, кроме того, «глупым» «с точки зрения государственной обороны и с точки зрения обеспечения правительства»: «Сто солдат 15-летней службы стоят тысячи общей военной повинности» (ЯПЗ. 2. С. 164).

Частые расспросы Толстого в 1890-е гг. о здоровье Милютина, уже достигшего преклонных лет и почти безвыездно жившего в Крыму, были вызваны и простой человеческой симпатией к представителю его поколения, почти пережившему, подобно ему самому, свою эпоху, и воспоминаниями об этой эпохе, столь богатой славными именами и событиями. В свою очередь, дошедшие до нас милютинские оценки Толстого довольно предсказуемы и однозначны. Так, узнав в 1885 г. о том, что приехавший в Крым Толстой поселился по соседству с ним, Милютин сетовал, что такой «блестящий талант» превратился в «настоящего юродивого» (Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890 гг. М., 2010. С. 153). В 1890 г. Милютин присутствовал на чтении Б. Н. Чичериным черновых вариантов «Крейцеровой сонаты», воспринимая её, разумеется, лишь в качестве «парадоксов лжемудрствований графа Льва Толстого» (там же. С. 410).

Сын Милютина Алексей выведен в «Анне Карениной» в сцене красносельских скачек в лице Махотина (20: 641). Бывал Толстой в имении дочери Милютина О. Д. Милютиной Щёлкове (84: 251).

Лит.: Сахаров В. И. Офицерские скачки в «Анне Карениной»: реальная история // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Выпуск 1-й. М., 1998. Чангули Г. Дело солдата Шабунина. Лев Николаевич

Толстой и царская военная юстиция // Человек и закон. 1973. № 3.

Ю. И. Красносельская

МИЛЮТИН Николай Алексеевич (1818–1872) – гос. деятель, тайный советник (1860), сенатор (1861), статс-секретарь (1864), член Гос. совета (1865). Один из главных разработчиков Крестьянской реформы.

С семьёй Милютиных Толстой был знаком с детства, однако, живя в Москве в конце 1830-х гг., общался в основном с близким по возрасту младшим братом Николая – Владимиром. Николай же уже в 1835 г., окончив Благородный пансион при Московском университете, поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Несмотря на юношескую склонность к литературной деятельности и увлечение театром, после первой своей служебной командировки в Крым в 1838 г. Милютин заинтересовался «вопросами экономическими и административными; начал заниматься статистикой, которую прежде находил сухим предметом» (Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. М., 1997. С. 186). В 1840-е гг. занимался разработкой новых городских положений (утверждено для С.-Петербурга в 1846 г.) как активный поборник введения внесословного самоуправления посредством Думы. В 1853 г. назначен директором Хозяйственного департамента; в 1859 г. – исправляющим должность товарища министра внутренних дел С. С. Ланского. В это же время Милютин стал членом (фактически руководителем) Редакционных комиссий – центрального вневедомственного органа по разработке законопроекта по отмене крепостного права, положенного в основу Манифеста и Положений 1861 г.

По сути, уже с 1856 г. Милютин, не участвуя ещё непосредственно в подготовке реформы, уже мог оказывать влияние на выработку её курса. Составленная им программа освобождения крестьян в Карловке, имени великой княгини Елены Павловны, хотя и была в октябре 1856 г. отвергнута Александром II, уже подразумевала основной постулат будущей правительственной программы – наделение крестьян землёй на условиях её выкупа у владельца. На сходных условиях, «не совсем подходящих» к существовавшим на тот момент законам, попытался в это же время отпустить на волю яснополянских крестьян и Толстой. Вскоре после речи Александра II в марте 1856 г. о предпочтительности освободить крепостных «сверху» Толстой обратился

за помощью в составлении своего проекта к Милютину и К. Д. Кавелину. В дневнике 25 апреля 1856 г. Толстой записал: «...пошли к Милютину, который объяснил мне многое и дал проект о крепостном праве, который я читал за обедом. Написал для себя проект проекта и докладной записки» (47: 69). Через Милютина Толстой получил возможность представить свой проект в Министерство внутренних дел, однако тогдашний товарищ министра А. И. Лёвшин принял его холодно – возможно, и по причине посредничества Милютина, слывшего «демократом», не считающимся с интересами дворянства. Основания для такой оценки были: Милютин снискал себе репутацию не просто «демократа», но «красного», в т. ч. из-за своего нежелания опираться при проведении реформы на помещиков, по его мнению, не способных выработать разумный и гуманный способ решения крестьянского вопроса.

Толстой же, столкнувшись в деревне с противодействием крестьян, не желавших вступать в «сделки» с помещиком и подписывать выгодный для них «контракт», вскоре пришёл к выводу об отвлечённости и опасности либеральных теорий, под влиянием которых он находился, общаясь в Петербурге с Милютиным. В «Записке о дворянстве» 1858 г. он с негодованием писал о правительстве, пытающемся приписать себе заслугу освобождения крестьян, «узурпировав» её у дворянства и рассорив эти два связанные исторически и культурно класса, – выпады, очевидно направленные против реформаторов вроде Милютина.

Вскоре после обнародования «воли» в 1861 г. Милютин был неожиданно освобождён от должности и.д. товарища министра, однако отставка не положила конец его политической карьере. В 1863 г. он был командирован в Царство Польское, и постепенно в его руках оказались сосредоточены все законодательные работы по реформам в Царстве. Важнейшей из них стало устройство быта местных крестьян (разработанный Милютиным совместно с Ю. Ф. Самариным и князем В. А. Черкасским и утверждённый в 1864 г. проект отмены крепостного права для Польши был гораздо более «прогрессивным», чем великорусский, предполагая, например, умеренный размер выкупных платежей). Однако, несмотря на либеральные экономические взгляды, в политическом отношении Милютин зарекомендовал себя как жёсткий проводник имперской идеологии, сторонник «энергических мер» по русификации Польши. Впрочем, в период польского восстания 1863 г., грозившего обернуться общеевропейской войной, антипольские

настроения не обошли и Толстого, вместе с А. А. Фетом обдумывавшего возможность участия в этой военной кампании. Впоследствии Толстой уже сочувственно изобразит борьбу поляков за право «быть тем, чем родились, — поляками» в рассказе 1906 г. «За что?» и будет выступать за предоставление Польше автономии.

В мае 1866 г. Милютин возглавил Собственную ЕИВ канцелярию по делам Царства Польского, однако спустя полгода его широкая деятельность была неожиданно прервана нервным ударом, от последствий которого он уже не смог оправиться до самой смерти.

В поздние годы Толстой колебался в оценке деятельности Милютина. С одной стороны, по сравнению с современными политиками и общественными деятелями реформаторы 1860-х гг. казались ему людьми совсем другого масштаба («Как наше время подобно тому — перед освобождением! Только тогда был и царь не такой и были Милютин, Блудов, Ростовцев, Константин Николаевич» — *ЯПЗ*. 2. С. 42); с другой же, судя безотносительно, Толстой ощущал «ничтожество» известных ему высокопоставленных лиц («Я был воспитан в уважении к высокопоставленным лицам; всю жизнь разрушал, и всё-таки оно сохранялось. В последнее время разрушил. Я их всех знал. Ничтожные люди» — *ЯПЗ*. 2. С. 434). На вопрос, знал ли он Николая Милютина, «Л. Н. сказал, что знал и про него хорошо рассказал: “Мне говорил Оболенский, что Милютин лучше всего работал, когда начинал кого-нибудь ненавидеть, и это мне объясняет его деятельность в Польше. Он ненавидел поляков (т. е. панов) и поэтому охотно поселял раздор между помещиками и крестьянами...”» (*ЯПЗ*. 2. С. 285). Это, конечно, шло вразрез с толстовским учением о любви — «двигателе жизни», призванном дать основу «Божескому» миропониманию и уничтожить (несравнимо надёжнее, нежели любая политическая программа) все условные границы между людьми — сословные, расовые, межгосударственные.

Лит.: Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1856–1860. М., 2004; Тамарченко Н. Д. Польская тема в художественном творчестве Л. Н. Толстого 1900-х гг. // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

Ю. И. Красносельская

МИНОР Лазарь Соломонович (1855–1942) — знакомый Толстого; профессор невропатологии Московского университета. Сын московского раввина С. А. Минора

(Залкинда), у которого в 1882 г. Толстой учился древнееврейскому языку и о котором говорил как об «очень милом человеке и очень близком ему по взглядам» (*ЯПЗ*. 3. С. 397). Родился в Вильне. Окончил в 1879 г. Московский университет с золотой медалью. Защитил в 1882 г. диссертацию на степень доктора медицины. В 1884 г. утверждён в звании приват-доцента. После защиты работал в клинике Шарко в Париже, затем в Берлине и Вене (63: 148). Когда П. И. Бирюков готовил биографию Толстого, Лазарь Минор рассказывал ему, как отец давал уроки Толстому: «Он помнил споры отца со Львом Николаевичем о том или другом понимании еврейского текста. Он помнил также удивление его отца, когда после немногочисленных уроков Лев Николаевич стал настолько хорошо читать и понимать прочитанное и с такой проницательностью вдумываться в смысл текста, что иногда в спорах с ним учёный раввин должен был соглашаться с мнением своего ученика» (*Гусев. Материалы*. 4. С. 165). Лазарь Минор бывал у Толстого. В дневнике писателя 14 мая 1884 г. есть запись: «Минор пришёл. Этот умён...» (49: 89). Толстой написал для Л. Минора рекомендательные письма к И. С. Тургеневу (декабрь 1882 г.) и В. В. Стасову, прося их посодействовать в получении Минором звания приват-доцента. Письмо к Тургеневу не сохранилось, его содержание можно понять из ответного письма Тургенева от 8/20 января 1883 г.: «Я не мог принять г-на Minor'a, который привёз мне Ваше письмо, но сегодня же пишу ему, что жду его к себе в понедельник, и Вы можете быть уверены, что я для него сделаю всё, что сделать в состоянии» (*ПРП*. 1. С. 202). «Дело для меня сердечное, — писал Толстой 3 января 1884 г. Стасову. — Письмо это передаст вам Лазарь Соломонович Минор, замечательный молодой учёный, обративший на себя внимание в Европе; он сын моего друга, еврейского раввина московского. <Далее излагалась суть просьбы. — Л. Д.> Молодой человек в отчаянии. Голубчик, нельзя с вашими связями и с вашей прямоотой и умением помочь ему в том, чтоб не было отказа? Если я вам очень надоел, простите, но сделайте» (63: 147).

Л. С. Дробат

МИНОР (ЗАЛКИНД) Соломон Алексеевич (1826–1900) — московский раввин, Толстой учился у него древнееврейскому языку. Работая над трактатом «В чём моя вера?», в октябре–ноябре 1882 г. Толстой отвлекся от основной работы изучением древнееврейского языка под руководством

московского раввина Соломона Минора. О своих занятиях Толстой писал: «Всё это время я очень пристально занимался еврейским языком и выучил его почти, читаю уж и понимаю. Учит меня раввин здешний – Минор, очень хороший и умный человек. Я очень многое узнал благодаря этим занятиям» (63: 106). В 1904 г. в разговоре с Д. П. Маковицким писатель вспоминал об этих уроках, «что, когда он изучал еврейский язык с раввином Минором и они дошли до слова *Yahve* (Иегова), Минор сказал, что он не смеет произнести это слово, и вместо него сказал: “Адонай”» (ЯПЗ. 1. С. 110). В свою очередь, Минор вспоминал, что Толстой схватывал всё очень быстро, но читал только то, что ему было нужно, а то, что его не интересовало, он пропускал. Начали с первых слов Библии и дошли до Исаяи. Здесь обучение прекратилось. Раз в неделю Минор ездил к Толстому, другой раз Толстой приходил к Минору, но через полчаса обучение превращалось в разговор. Толстой задавал вопросы, Минор отвечал. «Однажды мы заговорили о его <Толстого. – Л. Д.> понимании обретения мира через любовь. “Об этом, – заметил он, – в Библии нет ни одного слова”. Я указал ему на место в Псалме 89, 3 “*olam chessed jiboneh*”, которое я перевёл ему как “мир существует благодаря любви”. Он был очень удивлён таким толкованием знакомого места» (Лёвенфельд Р. Первая биография Льва Толстого. Ростов-на-Дону. 2011. С. 25). Минор не был согласен ни с одним пунктом мировоззрения Толстого, но был поклонником писателя и признавал в своём великом ученике серьёзное стремление к правде. Толстой однажды назвал Минора «своим другом» (63: 148).

Л. С. Дробат

МИНСКИЙ Николай Максимович (наст. фамилия: Виленкин; 1855–1937) – поэт, теоретик искусства, публицист, философ, один из родоначальников русского символизма. Родился в бедной еврейской семье, учился в Минской гимназии, затем на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Литературную деятельность начал в конце 1870-х гг. как поэт гражданской тематики, от которой отошёл в середине 1880-х гг., обратившись к эстетике декадентов.

20 июля 1884 г. в киевской газете «Заря» был напечатан «Отрывок из неизданной “Исповеди” графа Л. Н. Толстого». 29 августа там же как ответ на толстовский религиозно-философский трактат и на развернувшуюся вокруг него дискуссию появился эстетический манифест Минского «Старин-

ный спор», где сформулированы основные принципы русского символизма. В 1880-х гг., наряду с другими старшими символистами – Д. Мережковским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом, К. Бальмонтом, В. Розановым – Минский печатался в журнале «Северный вестник», в 1900-х гг. участвовал в собраниях «Религиозно-философского общества». В 1889 г. вышла его книга «При свете совести. Мысли и мечты о смысле жизни», в которой он излагал своё учение мёонизма (от греч. «μῶν» – не-сущее, не-бытие), давая агностико-иррациональное представление о действительности не как об исчерпывающей миром явлений, а как о реальности недостижимых и непостижимых мёонов, бесконечной тайне бытия. Познакомившись с этой книгой в конце декабря того же года, Толстой в письме П. И. Бирюкову назвал её «замечательной» (64: 348). В тот же день, 31 декабря, в письме В. Г. Черткову он повторил эту оценку, заметив: «Первая часть необыкновенно сильна, и там есть много мест поразительных по силе, искренности и красоте выражения. Я чувствую кроме того родственность взглядов с собою» (86: 284). Толстой хотел познакомиться с Минским. Однако его настораживал переход автора к ужасным «по нелепости» рассуждениям о мёонах. Тогда же в дневнике Толстой отметил: «Чтение книги Минского. Замечательно сильно начало, отрицание, но положительное ужасно. Это даже не бред, а сумасшествие. Нужно найти смысл жизни и вдруг вместо этого неопределённый экстаз перед мёонами» (50: 196). В начале следующего года он записал: «Читал превосходно написанную книгу Минского с ужасным плохим концом» (51: 7). По мнению Толстого, Минский ошибся, поставив в качестве центрального вопрос «Что есть мир?». По Толстому, надо задаться другим вопросом: «Как мне жить?» Если для поиска ответа на первый вопрос не хватит и жизни, то на второй вопрос ответ есть: «нам дана возможность знать, что надо делать, и в нашей совести, и в ясном, понятном и несомненном учении истины – для меня Христа» (86: 285). Этим знанием Толстой и хотел бы поделиться с Минским, а значит, помочь этому человеку «необычайной силы».

Чертков ответил Толстому, что начал читать книгу Минского, которого знал и с которым когда-то «горячо» спорил о понимании смысла жизни. По его предположению, Минский начал работу над своей книгой под влиянием труда Толстого «О жизни». Соглашаясь с Толстым в оценке автора книги, Чертков, тем не менее, заметил, что тот многое портит, относя свои индивидуаль-

ные особенности «ко всему человечеству», а главное, он не приводит всё к единству, а потому «сшибает то, что одно истинно» (86: 288).

Знакомясь с философским и поэтическим творчеством Минского, Толстой весьма высоко оценил его поэзию: «Он известный и прекрасный поэт. Его есть чудесные вещи»; он «человек с горячим сердцем и глубоким умом» и, «должно быть, страшно самолюбив» (86: 284); позднее, 15 сентября 1892 г., он говорил А. В. Жиркевичу: «У Минского иногда попадаются недурные стихи» (ТВС. 2. С. 18).

В 1909 г. Минский написал статью «Толстой и реформация», в которой подчёркивал роль Толстого как религиозного мыслителя. Автор полагал, что для России важен религиозный аспект деятельности писателя, тогда как в Европе Толстой воспринят как моралист. По мнению Минского, Толстой – «первый провозвестник русской реформации», «современный русский Лютер», благодаря которому Россия, не прошедшая в своём историческом развитии путь реформации и сразу от религиозного сознания перейдя к сознанию атеистическому, приобрела «новую религию для городов».

Минский не принял толстовскую идею о непротавлении злу насилием, считая её «возведённой в теоретический тезис русской пассивности и лени». Спор с ней впервые прозвучал в его поэме «Осада Тульчина», в диалоге раввина де Кастро с главой общины Ахароном.

В статье «О двух путях добра» (1903) Минский рассматривал идеи двух русских мыслителей, Толстого и В. Розанова, о браке и девстве, обращаясь в т. ч. к повести «Крейцера соната». В статье «Заветы Пушкина» (1899) в связи с пушкинским юбилеем Минский осмыслил место Толстого в русской литературе: если творчество Пушкина – идеал «красоты и духовной свободы», то творчество Толстого – его «антипод в русской литературе», а роман «Воскресение» – крайняя точка отпадения от пушкинского идеала и «горькое, противное и как будто бы целебное питьё рассудочно-морального подвига».

Лит.: Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и её место в становлении русского символизма // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 150–161.

М. В. Михновец

МИХАЙЛОВ Митрофан Николаевич (даты жизни не установлены) – сын Николай Дмитриевича Михайлова, крепостного дядьки Толстого. «Этот Николай Михай-

лов – не кто иной, как дядька малолетних Толстых Николай Дмитрич, описанный в «Детстве» под именем Николая, преданный слуга Толстых, честный, солидный и степенный человек с добрым сердцем, до конца жизни пользовавшийся любовью и уважением со стороны Льва Николаевича» (Гусев. Материалы. 1. С. 107).

Поведение Митрофана нередко доставляло волнение и хлопоты Толстому. Так, 24 октября 1862 г. Толстой обратился к своему хорошему знакомому Е. П. Ковалевскому с письмом, в котором просил оказать содействие успешному прохождению в Сенате дела сына Н. Д. Михайлова Митрофана, обвинявшегося в преступлении и «присуждённого за то Петербургской уголовной палатой к наказанию розгами, к заключению в арестантскую роту». При этом Толстой характеризовал Митрофана Михайлова как «сына отличного семейства» и просил Ковалевского: «Ради Бога и наших хороших отношений помогите этому несчастному, всему семейству и мне», ибо «целое прекрасное и близкое мне семейство в страшном горе» (60: 459). 14 сентября 1866 г. Толстой вынужден был обратиться к тульскому губернатору М. Р. Шидловскому с жалобой на поведение двух крестьян деревни Ясной Поляны, которые из его конюшни «взяли двух лошадей. Один был так пьян, – писал Толстой, – что, не будучи в силах сесть на лошадь, заснул в конюшне, другой сел на мою верховую лошадь и ускакал. <...> С решением этого дела связан для меня и для моего семейства вопрос о возможности или невозможности безопасного пребывания в деревне» (61: 147–148). Дело было расследовано, и оказалось, что «лошадь была взята вечером постоянно проживающим в имении графа Толстого Крапивенским мещанином Митрофаном Николаевым <т. е. Митрофаном Николаевичем Михайловым. – Е. Б.>, который, съездив в деревню Грецовку, поутру поставил её в конюшню, причём Николаев объяснил, что взял лошадь потому, что и прежде сего на этой лошади нередко был посылаем самим графом для исполнения его разных поручений и никак не предполагал, что поступок его сочтён будет графом за воровство» (61: 148).

Несмотря на совершаемые Михайловым неблагоприятные поступки, Толстой возложил на него обязанности сторожа и объездчика, которые тот исполнял до 1880 г., а в 1882 г. был назначен управляющим. В письмах к жене, посланных из Ясной Поляны в Москву в 1882–1884 гг., Толстой сообщал и о хозяйственной жизни усадьбы, в частности о том, что «Митрофан продал Балабёнка <очевидно, кличка лошади. –

Е. Б.> за 65 рублей» (83: 315); что он «очень хорошо распоряжается; отдал покосы все дороже, чем Алексей <...>, старается и очень толков» (83: 330); по его инициативе в Лимоновском лесу начали искать руду. 12 ноября 1883 г. Толстой задумал продать лошадей: «Четырёх сейчас надо продать, рублей на 400. Да Митрофан говорит, что теперь продешевишь» (83: 409).

27 января 1884 г., вернувшись в Ясную Поляну из Москвы, Толстой сообщал жене: «Дом не топлён, и я остановился у Митрофана. Совестно его беспокоить – (он ушёл к Агафье Михайловне), но мне прекрасно» (83: 414). В последующие дни управляющий был нужен Толстому по такому делу: «Вечер весь шил башмаки Агафье Михайловне. Митрофан меня учит и помогает» (83: 418); 1 февраля 1884 г. «сапожное дело <...> остановилось, потому что у Митрофана голова болит» (83: 420); 2 февраля писатель снова «весь вечер шил башмаки с Митрофаном» (83: 421).

В октябре 1884 г. поведение Митрофана снова обеспокоило как Толстых, так и его односельчан: он отбил жену у Семёна Резунова. «...Жалко и гадко, и я хочу отказать Митрофану» (83: 432), – писал Софье Андреевне по этому поводу Толстой. Она отвечала: «На счёт Митрофана, по-моему, дело не наше. Возьмёшь другого, почему же ты думаешь, что и другой не отобьёт ещё десять чужих жён. Вопрос в том, делает ли он своё дело хорошо, а не в том, кто с кем живёт» (83: 433). Отказать приказчику Толстой хотел и по другой причине: «...мне надо <...> самому вести хозяйство. Начать в Ясном. У меня есть план, как его вести сообразно с моими убеждениями» (83: 434), – писал он жене 23 октября. В ответном письме Софья Андреевна уже не так благосклонна к приказчику: «Если ты разочтёшь Митрофана, спроси у него книжки, по которым брали провизию. <...> Ещё надо у него отобрать ключ от кладовой и того дома. Если он сам и честный, то бабы, его окружающие, страшные мошенницы» (83: 438). Вопрос с увольнением и осуществлением намерения Толстого самому управлять усадьбой решился иначе: Митрофан «пришёл и объявил, что просит уволить его. Я очень обрадовался. Мы дружелюбно переговорили, и с завтрашнего дня я вступаю в должность» (83: 443), – писал Толстой Софье Андреевне 27 октября 1884 г. Дальнейшая судьба М. Н. Михайлова неизвестна.

Е. В. Белоусова

МОКШАНЦЕВ Алексей Егорович (1835–?) – доктор медицины, в 1891 г. был

взят в своём доме в Саратове полицией и отвезён в саратовскую психиатрическую лечебницу, где содержался около года «по поводу психического расстройства, вызванного не душевною болезнью, а семейными обстоятельствами» (69: 145). В 1895 г. подал жалобу саратовскому губернатору на «насильственное помещение и содержание его в лечебнице и заведомо ложное признание его душевнобольным» (*там же*) и тогда же написал статью «К вопросу о положении душевнобольных в России» (напечатана в апрельской книжке журнала «Наблюдатель» за 1895 г.). Жалоба его осталась без ответа. 7 августа 1896 г. он написал Толстому. 13 сентября писатель ответил доктору Мокшанцеву, выразив «величайший интерес и сочувствие» (69: 145) по поводу его статьи.

Порядки в больнице Мокшанцев описал и в своей статье «К психиатрическому вопросу». В 1898 г. он обратился к Толстому с просьбой содействовать напечатанию этой статьи. Толстой ответил согласием и 12 ноября писал редактору «С.-Петербургских ведомостей» князю Э. Э. Ухтомскому с просьбой напечатать статью доктора Мокшанцева «К психиатрическому вопросу – о положении душевнобольных в психиатрических лечебницах». Статья в газете напечатана не была, и Толстой направил её в редакцию «Русской мысли». В сопроводительном письме он подчёркивал, что «факты, изложенные в этой статье, так ужасны, и изложение носит на себе такой несомненный отпечаток правдивости, что и общество и правительство должны будут принять меры к тому, чтобы такие ужасные факты не могли повторяться» (72: 109). Сначала Мокшанцев предполагал выступить в печати под своей фамилией, но 23 марта 1899 г. он известил Толстого о своём намерении скрыться за инициалами, так как иначе было бы ясно, что в статье идёт речь о саратовской лечебнице, где Мокшанцев находился в качестве больного; в статье он поместил несколько личных воспоминаний, компрометировавших администрацию. Публикация этой статьи вместе с рекомендательным письмом Толстого (Русская мысль. 1899. № 4. С. 129–140) вызвала большой шум. В печати потребовали раскрытия инициалов автора и расследования сообщённых им фактов. Мнения разделились: одни считали, что Мокшанцев – душевнобольной, другие – что он нормальный человек и потому затронул эти вопросы. Дело разбиралось в комиссиях. Обеспокоенный поднявшейся полемикой, Мокшанцев опасался опять стать пациентом лечебницы и уехал из Саратовской губ.

Подробно сообщая Толстому о ходе дела, он присылал вырезки из газет. Полемике о докторе Мокшанцеве, кроме местной газеты «Саратовский листок», уделяла внимание столичная пресса: «Новое время» (№ 8309 в 1899 г.), «Новости» (№№ 109, 114 в 1899 г.), «Врач» (№№ 17, 18 в 1899 г.) и др.

Е. Ю. Хомякова

МОЛЛАС Матильда Павловна (1857–1921) – знакомая и посетительница семьи Толстых, педагог, переводчица. Близкая подруга дочери графа А. В. Олсуфьева Елизаветы Адамовны Олсуфьевой (1857–1898). У Олсуфьевых в Никольском-Обольянинове была своим человеком в доме, на положении члена семьи. Об этом говорят дневниковые записи и строки писем Толстого и его семейных: например, собираясь вернуться в Москву, Толстой писал 13 января 1887 г. жене из имения Олсуфьевых, где он гостил: «...я хотел сейчас же ехать, но выпала мятель, и в первый день нельзя было ехать, так что и Матильду Павловну не повезли...» (84: 18). В дневнике дочери Толстого Татьяны, обычно сопровождавшей отца в поездках к Олсуфьевым, 24 декабря 1887 г. записано в Никольском: «Сидела сейчас с Лизой, Анной Михайловной и Марьей Павловной, и они говорили о замужестве Матильды, Анночки и т. д. Есть же счастливые люди, которые полюбят, которых полюбят, и которые могут выйти замуж за того, кого любят» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 156). В том же дневнике в Москве 23 марта 1894 г.: «Из “Посредника” пошла к Матильде узнать о здоровье Миши Олсуфьева, который здесь один и болен, но не застала её» (с. 336). 22 февраля 1896 г. Толстой сообщал в письме жене из Никольского: «Здесь, когда мы приехали, никого не было, кроме стариков и Матильды Павловны Моллас» (84: 250).

Она бывала и в московском доме Толстых. 27 ноября 1886 г. «...Лиза Олсуфьева с Матильдой Павловной обедали...» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 142); 16 декабря 1888 г. запись в дневнике Толстого: «...дома Эртель – дитя, Тихомирова, Матильда» (50: 14). 7 мая 1889 г. С. А. Толстая писала Л. Н. Толстому: «...были разные барышни <...> Матильда Павловна...» (ПСАТ. С. 438). Татьяна Львовна отмечала в дневнике 20 апреля 1896 г.: «Потом понаехали гости: Демидова, Офросимова, Лиза Олсуфьева, Матильда Моллас, Козловский... дядя Костя...» (с. 373). 24 января 1889 г., намереваясь встретиться с М. П. Моллас в московской гостинице, где она остановилась, Толстой со старшей дочерью С. Н. Толстого

Верочкой «ходил искать номера с Матильдой Павловной» (50: 27).

11 февраля 1893 г. С. А. Толстая написала мужу из Москвы о том, что сговорилась с Моллас об уроках для младшей дочери: «У меня сегодня была Матильда и предложила мне учить Сашу за те же 20 рублей, которые я предложила учительнице. До сих пор учила я сама и очень исправно, но у меня мало времени, и я очень раздражаюсь, что дурно для наших с Сашей отношений. Я очень рада Матильдиной помощи на эти последние два-три месяца. По-французски же буду продолжать сама» (ПСАТ. С. 557–558). Толстой отвечал (из Бегичевки) 16 февраля 1893 г.: «Я очень рад, что ты сошлась с Матильдой для Саши. Я думаю, что она хорошая учительница и тебя освободит» (84: 187). 17 февраля 1893 г. С. А. Толстая сообщала мужу: «Вчера Матильда Павловна дала первый урок Саше» (ПСАТ. С. 561–562).

В период борьбы с голодом в конце 1890-х гг. Толстой, вероятно, предполагал привлечь к этому делу М. П. Моллас. В начале мая 1898 г. С. А. Толстая писала мужу из Москвы: «Мы с Серёжей сегодня ходили всякий в свою сторону искать помощницу голодающим, но всё неудачно. Он не застал Матильду Павловну...» (ПСАТ. С. 701). Наиболее позднее упоминание Толстым имени М. П. Моллас – в его письме к дочерям Татьяне и Марии из Москвы от 5 декабря 1898 г., где он сообщал: «Видел Олсуфьевых, сидели за столом Анна Михайловна, Адам Васильевич, Матильда...» (71: 497).

Т. Н. Архангельская

МОЛОСТВОВ Николай Германович (1871–1910) – знакомый, адресат и корреспондент Толстого; его биограф; офицер флота; публицист, журналист, критик. Сын генерал-лейтенанта Г. В. Молосткова, двоюродного брата Зинаиды Модестовны Молостковой, которой Толстой был увлечён, будучи студентом Казанского университета. Находясь под влиянием произведений Толстого, в январе 1897 г. Молостков предложил писателю издать библиографический справочник к 50-летию его литературной деятельности. Не получив одобрения, он вновь обратился к Толстому, рассказал о той «внутренней работе», которая совершалась в нём, и просил содействия в создании биографии Толстого, на что писатель ответил, поддержав молодого человека в его «внутренней работе»: «...другая сторона вашей деятельности, составление моей биографии не только не вызывает моего сочувствия, но прямо неприятна и, я думаю, бесполезна для вас, и потому помогать

вам в ней не считаю нужным. Не думайте, пожалуйста, что я говорю это из ложной скромности, я истинно убеждён в том, что моя личность есть только помеха для того дела, которому я хотел бы служить, и чем более уничтожится и сотрётся она, тем это будет лучше для дела. Оставим в покое личности и будем разрабатывать, делая их ясными и доступными всем, истины, которые открыты нам, будем рассеивать мрак, который скрывает эти истины, и это такая нужная и благодарная работа, что не останется время ни для какой другой, особенно такой частной и сомнительной, которая может быть и вредна, как та, которую вы затеваете» (70: 29). Молоствов в следующем своём письме изложил мотивы, побуждающие его написать биографию Толстого. «Зачем и как вам писать мою биографию? — отвечая журналисту, 16 мая 1897 г. спрашивал писатель. — Трудно, даже невозможно вам в 25, 30 лет понять то, что я переживал, когда мне было вдвое больше. Да и зачем? Если уже вы хотите непременно писать, опишите то, что происходило и происходит в вашей душе, и это будет очень важно и поучительно людям, потому что это всё вы знаете и это всё ново, потому что нет ни одного человека такого же, как другие. Важно же и поучительно будет потому, что, если только вы будете искренни, вы выскажете то, что другие чувствуют, но, не веря себе, хотят и боятся сказать. Но вам нет надобности писать, и я не советовал бы вам. Ещё успеете, когда много переживёте. Теперь же вам надо жить и жить согласно с тем идеалом, который вы видите перед собой или, по крайней мере, по мере сил приближаясь к нему. И на это осуществление идеала в жизни и приближение к нему нужно много энергии. Вы всю и употребите на это. Так вот, пожалуйста, не сердитесь на меня и верьте, что в том, что пишу вам, я имею только в виду вас, ваше добро. Если будете писать, и я могу чем служить вам, буду очень рад. Любящий вас Л. Толстой» (70: 81). Но Молостров упорно добивался своего. Изучая жизнь Толстого, собрал 14 тысяч библиографических материалов, по ним написал подробную биографию в 14 выпусках и считал нужным учредить музей писателя. В июле–августе 1898 г. побывал в Ясной Поляне. Он посоветовал Толстому передать его роман «Воскресение» для напечатания в «Ниву» и, получив согласие писателя, вёл об этом переговоры с А. Ф. Марксом. В ноябре 1898 г. Молостров вышел в отставку и посвятил всего себя литературной работе. Спустя 10 лет, в июне 1908 г., Толстой всё же принял Молострова как составителя его биографии, рассказал

ему о друзьях ранней молодости, о своей матери, о писателях 1850-х гг. В дневнике 13 июня 1908 г. запись: «Не могу без слёз говорить о моей матери. Молостров выписывал из её дневников» (56: 134). Толстой беседовал с Молостровым, слушал чтение материалов 1-го выпуска биографии и приходил, что он пишет «искусственно». Из Ясной Поляны биограф Толстого ездил в Шамордино повидаться с сестрой писателя, а затем с художником-фотографом в Казань — фотографировать дома, где жил Толстой. В 1909 г. в С.-Петербурге была издана книга Молострова в соавторстве с П. А. Сергеенко под ред. А. Л. Волынского «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество. 1828–1908 гг. Критико-биографическое исследование. Вып. 1–3. 1909–1910». Получив в конце февраля 1910 г. 2-й выпуск, Толстой в домашнем разговоре негативно отзывался об этой книге («Л. Н. сказал об этом издании, что вульгарное» — *ЯПЗ*. 4. С. 189): на его взгляд, в ней оказалось недостаточно духовного, а осталось материальное.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

МОЛОСТВОВА Елизавета Владимировна (рожд. Бер; 1875–1936) — знакомая, корреспондент и адресат Толстого. Дочь статского советника, члена Казанской судебной палаты В. Б. Бера, помещика Симбирской губ. Сдала экзамен экстерном при мужской реальной гимназии в Нижнем Новгороде, дальнейшее образование получила за границей. В 1899 г. вышла замуж за тетюшского уездного предводителя дворянства Казанской губ. Владимира Германовича Молострова, племянника Зинаиды Модестовны Молостровой, которой Толстой в молодости увлекался в Казани. Круг её деятельности был весьма широк. В официальных изданиях, где имеются какие-то сведения о Молостровых, упоминается, что «Елизавета Молострова — географ, историк». В 1910 г. Молострова была избрана членом Русского географического общества. В 1924 г. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете избрало её своим почётным членом. Занимаясь литературной деятельностью, исследовала творчество Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. При подготовке *Юб.* Л. Н. Толстого она была редактором и комментатором 49 тома.

Жажда знаний и осмысление своего предназначения в жизни привели Молострову к знакомству с Толстым. Под его воздействием увлеклась изучением русского сектантства и написала несколько исследований, опубликовав их в 1909–1914 гг. Первое письмо Толстому (всего написано 16 писем) Молострова направила 9 апреля 1904 г., где

описала свои духовные искания. Толстой отвечал ей 22 апреля: «Елисавета Владимировна, моё понимание Евангелия и вообще учения Христа я, как умел, изложил в моих писаниях, издаваемых в Англии: Christchurch, Hants, V. Tchertkoff. Очень буду рад, если эти книги (в особенности *Христианское учение*) разъяснят вам ваши сомнения, так же, как я разъяснил себе свои сомнения. В разговоре же я едва ли могу сказать что-либо новое. Кроме того, проезд ко мне всегда очень стесняет меня сознанием того разочарования, которое должен испытывать приехавший. Если могу чем-либо в переписке служить вам, буду очень рад. Желаю вам самого лучшего, наибольшей преданности воле Божьей и веры в её благодать» (75: 83). К 1904 г. относятся и первые записи в дневнике Толстого о Молоцковой: 15 июня – «Сейчас написал письмо Молоцковой» (55: 52); 18 июня – «Думал о себе: 1) что не обманываю ли я себя, хваля бедность? Увидел это на письме к Молоцковой» (55: 53); 22 декабря – «Ещё написал несколько писем. Боюсь, огорчил Молоцкову» (55: 107). В этом письме Толстой неодобрительно отозвался о повести Молоцковой «Цена любви» (75: 192–193). В последние пять лет жизни Толстого Елизавета Молоцкова неоднократно посещала его в Ясной Поляне. Личное знакомство произошло 26 апреля 1905 г. Эта встреча подробно описана Д. П. Маковицким: «Утром приехала Е. В. Молоцкова из Тетюшей Казанской губернии. Она приехала поговорить с Л. Н. – о чём, не знаю. Приехала в четыре часа ночи и в полночь уехала обратно домой. Л. Н. дал ей поручения: Генри Джорджа читать и распространять, посетить Малеванного и о нём ему написать. <...> Она худощавая, милая, умное лицо и глаза; хорошо и интересно рассказывает и затрагивает всегда такие вопросы, что чувствуешь, что она сочувствует Л. Н., что она с Богом. Вероятно, она и талантливая писательница» (ЯПЗ. 1. С. 256). Толстой находился в это время под влиянием идей Генри Джорджа. Беседуя с Молоцковой, он прочел ей отрывки из своей статьи о нём «Великий грех». Встречались они и в 1906 и 1907 гг. В письме от 8 апреля 1907 г. Молоцкова просила разрешения приехать в Ясную Поляну и сообщала о своей работе над материалами о секте иеговистов. 30 апреля 1907 г. Толстой писал ей: «Очень рад был получить известие о вас, милая Лизавета Владимировна, и ещё более рад тому, что вы намерены навестить нас. Пожалуйста, исполните это. Дружески жму вашу руку. Об иеговистах я мало знаю и очень рад буду узнать» (77: 93). Во время встречи с Толстым

Молоцкова рассказывала о жизни иеговистов и их учении, о своём желании пожить среди них. Итогом изучения сектантского движения в России стала книга Молоцковой «Иеговисты», которая вышла уже после смерти Толстого, но в ЯПЗ найден оттиск из журнала «Живая старина» за 1909 год с надписью карандашом: «Оттиск статьи Молоцковой об иеговистах». Кроме того, автор прислала Толстому брошюру «Секта Иеговистов», изданную в 1909 г. в С.-Петербурге. В 1908 г. Толстой получил от Молоцковой масонский «Сионский вестник» 1817 г., которым воспользовался при написании «Круга чтения». В следующее посещение Ясной Поляны 21–23 февраля 1910 г. Молоцкова сообщила Толстому некоторые подробности о катастрофе на Ходынском поле в Москве в 1896 г., чему была свидетельницей, ибо, благодаря своему родственнику Н. Н. Беру, начальнику «Особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств», находилась вблизи царского павильона. Этими подробностями Толстой воспользовался в своём очерке «Ходынка», в самом начале которого упоминался Н. Н. Бер. По воспоминаниям С. А. Толстой, 11 сентября 1910 г. Молоцкова с П. И. Бирюковым приезжали в Ясную Поляну, но о цели этого визита никаких сведений нет. Последняя встреча Толстого с Молоцковой состоялась 19–20 октября 1910 г. Она подробно описана Маковицким (ЯПЗ. 4. С. 386–389). В эти дни Толстой отмечал в дневнике: «19 окт. <...> Болит печень. Приехала Молоцкова. Ходил по ёлочкам, насилиу двигаюсь» (58: 119); «Разговор с Молоцковой, скорее слушание её» (58: 120–121); «[20 октября.] Утром простился с Молоцковой. Всё покойно» (58: 121).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

МОЛЧАНОВ Михаил Михайлович (1883–?) – корреспондент и адресат Толстого в 1903–1908 гг.; сын судебного деятеля из Ковно, студент юридического факультета Московского университета. По окончании в 1907 г. университета служил в Виленской судебной палате. С Толстым познакомился в 1903 г. Первое письмо Молчанов послал Толстому в начале марта 1903 г. – 8 марта Толстой ответил ему. Так началась переписка. 14 апреля Толстой записал в дневнике: «Получил нынче два письма, показавшиеся мне неприятными, но оба полезные». Одно из этих писем – «от студента Молчанова, тоже легкомысленное, молодое и самоуверенное. Решил не отвечать» (54: 168). Тем не менее переписка продолжилась. Толстой писал Молчанову искренне и сердечно, отве-

чая на вопросы молодого человека, «которые только можно поставить о том, как жить», объясняя, что для этого существует «всё то же одно средство: ясно поставить для себя цель и смысл жизни и вытекающие из этого требования и по мере сил приближаться к осуществлению этих требований в своей жизни». Писатель замечал: «Пишу вам несколько слов, потому что все ваши вопросы разобраны мною, как я умел, в моих писаниях: “О жизни”, “Христианское учение”, “В чём моя вера?” и др.» (74: 83).

Молчанов подготовил в университете реферат на тему «Преступление и наказание (по поводу так называемых новых направлений в уголовном праве)» и к письму 4 ноября 1904 г. приложил тезисы этого реферата. Отвечая студенту, Толстой писал 19 декабря 1904 г.: «Прочёл вашу статью. Она написана бойко, очень бойко, но несерьёзно. У автора нет определённого твёрдого мировоззрения. А без этого лучше не касаться вопросов психологических» (75: 191). Вместе с письмом от 7 октября 1905 г. Молчанов прислал Толстому рукопись своей пьесы «Ломовы» и просил его высказать о ней своё мнение. Толстой отрицательно отнёсся к пьесе и посоветовал автору этим не заниматься. 1 июня 1907 г. Молчанов писал о намерении остаться при университете и развивать в своих лекциях о преступлении и наказании взгляды Толстого на этот предмет. Он спрашивал, будет ли Толстой сочувствовать и помогать ему в этом деле? На что писатель отвечал: «Помогать я этому не могу...» (77: 135). В своём последнем послании (1908 г.) Молчанов писал о бесполезности адвокатской деятельности и вреде суда. В ответ Толстой советовал ему работать над собой для «установления царства Бога внутри себя» (78: 17).

Ещё будучи студентом, Молчанов посещал Ясную Поляну. 13 января 1908 г. Толстой в письме к нему вспоминал последний его визит: «Получая ваши письма, всегда с любовью вспоминаю вас студентом и как последний раз простился с вами, провожая вас на перекрёстке дороги» (*там же*).

С. В. Чаругина

МОЛЬТКЕ Старший Гельмут Карл Бернгард фон (Moltke; 1800–1891), граф – прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал, в 1867–1891 гг. депутат рейхстага от консерваторов, крупнейший военный теоретик XIX в., наряду с Бисмарком и Рооном считается одним из основателей Германской империи. В своих трудах писал о неизбежности военных действий и их «цивилизующей» роли. Толстой считал Мольтке холодным и расчёт-

ливым, неоднократно подвергал критике его взгляды и относил к категории людей, «потерявших совесть и потому и здравый смысл и человеческое чувство» (28: 125). Уверение генерал-фельдмаршала, что воевать хотят народы, а не правительства, вызвало у Толстого негодование. «Раздразнили петухов, воспитали к тому, а потом говорят: это они сами», – записал он в дневнике 13 сентября 1891 г. (52: 52).

В ноябре 1889 г. Толстой прочитал сообщение «Северного телеграфного агентства» о торжествах, посвящённых 50-летию награждения Мольтке почётным орденом «Pour le mérite» («За заслугу» – Новое время. 1889, 19 ноября, № 4931). Об этом событии и о праздновании 500-летия русской артиллерии Толстой писал Н. Н. Ге с иронией: «Всё так важно, импозантно» (64: 338). В дневнике записал возникшую в этой связи тему сопоставления военного праздника с отказом от воинской службы. Отчасти замысел был осуществлён в трактате «Царство Божие внутри вас».

В статье Мопассана «Sur l'eau» («На воде») Толстой прочитал высказывание Мольтке: «Война свята и Божественного установления, война есть один из священных законов мира, она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость. Только вследствие войны люди не впадают в самый грубый материализм». Мопассан называл эти слова страшными, а их автора искусным артистом и гениальным убийцей. Высказывание Мольтке о войне вместе с критикой Мопассана Толстой цитировал в трактате «Царство Божие внутри вас» (28: 120), в «Круге чтения» (41: 474–475), использовал как эпиграф к первой главе статьи «Одумайтесь!» (36: 100–101). В незавершённой статье «Carthago delenda est» (1896) («Карфаген должен быть разрушен») Толстой утверждал, что все аргументы Мольтке и других людей, отстаивающих старый порядок и необходимость ведения войн, «давно уже безнадежно опровергнуты; давно уже разъяснено и доказано, что война поддерживает в людях не высшие, а самые низшие, зверские чувства» (39: 216).

З. М. Богачёва

МОНЕ Клод Оскар (Monet Oscar-Clode; 1840–1926) – французский живописец, один из основателей импрессионизма. Этот стиль появился в конце XIX в., своё название получил по названию одной из картин Моне – «Впечатление. Восход солнца» (1872). Учился у Э. Будена, Й. Бартольда, Ш. Глейра. В мастерской Глейра познакомился с молодыми художниками, ищущими новых путей в живописи. Они устраивали выставки, укре-

пляя свою репутацию, – зрители начинали привыкать к ярким краскам, особенностям нанесения мазка. Поначалу профессиональная деятельность не приносила художнику материального благополучия, однако знакомство в Лондоне с торговцем картинами Полем Дюран-Рюэлем всё изменило. Моне нанял дом в Аржантее – небольшом городке на берегу Сены – и жил с женой и сыном в счастливой, спокойной атмосфере этого места. Там же он рисовал тонкие по колориту пейзажи, напоённые светом и воздухом. С 1890-х гг. изменилась манера его письма – появилось стремление запечатлеть мимолётные состояния световоздушной среды в разное время дня. Художник стал признанным и почитаемым патриархом французской живописи.

На выставке в Москве в 1894 г. Толстой видел некоторые картины К. Моне. В своей статье «Что такое искусство?» писатель дал собственную оценку изобразительному искусству, проанализировал его современное состояние. «В древности и средние века, – писал Толстой, – лучшие представители житейской мудрости считали большую часть искусства вредным. Теперь же в нашем обществе случилось обратное <...>. Всё считается хорошим, потому что проявляет красоту» (30: 338). Критерии же красоты субъективны, поскольку отражают способность нравиться, а нравиться, по мнению Толстого, может что угодно. «Теория, оправдывающая всякое искусство, довела нас теперь до извращения всех искусств: до картин Моне и декадентов...» (30: 339), – считал писатель. Такое искусство, в частности картины Моне, полагал Толстой, оставляет человека «совершенно холодным к этим произведениям» (30: 393), человек их не может воспринять сразу, он их не понимает. Но, чтобы не показаться необразованной, «толпа и старается всеми силами отчасти притворяться, отчасти настроить себя на подобие понимания нового непонятого искусства» (30: 395).

А. А. Аленина

МООРО Григорий Александрович (даты жизни не установлены) – сослуживец Толстого на Кавказе; капитан, дежурный штаб-офицер при управлении начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса; в 1848 г. – в чине поручика; служил бригадным адъютантом 20-й артиллерийской бригады. Известна короткая деловая переписка мая–ноября 1853 г., в которой Мооро являлся лишь посредником между Толстым и его командирами: Э. В. Бриммером, начальником артиллерии Отдельного Кавказского корпуса, и Н. П. Алексеевым, командиром 4-й батареинной батареи

20-й артиллерийской бригады. Переписка возникла из-за желания Толстого выйти в отставку. 8 октября 1852 г. Толстой записал в дневнике: «Я больше чем когда-нибудь решился выйти в отставку; на каких бы то ни было условиях. Служба мешает двум призваниям, которые единственно я сознал в себе, особенно лучшему, благороднейшему, главному, и в том, в котором я более уверен найти успокоение и счастье» (46: 144). Основным «призванием» к этому времени становилась литературная деятельность: в «Современнике» опубликована повесть «Детство», шла работа над «Набегом».

16 апреля 1853 г. Толстой записал в дневнике: «Хотел выходить в отставку; но ложный стыд – вернуться юнкером в Россию, решительно удерживает меня. Подожду производства, которое едва ли будет – я уж привык ко всевозможным неудачам» (46: 158). Вероятно, вскоре он послал свою просьбу Бриммеру или Мооро (эти документы не сохранились). Из записи 28 мая 1853 г. известно: «Нынче прислал мне Алексеев бумагу, по которой Бриммер обещает уволить меня в отставку с штатским чином. Как вспомню о своей службе, то невольно выхожу из себя» (46: 161). Речь шла об адресованной Алексееву «бумаге» следующего содержания: «Рапорт. Согласно желанию фейерверкера 4-го класса вверенной Вам батареи графа Льва Толстого и по приказанию г. начальника артиллерии, имею честь донести, что он <...> может быть уволен от службы без именованя воинским званием, а потому если пожелает этого, то не угодно ли будет Вашему высокоблагородию войти о том с представлением по команде к г. начальнику артиллерии установленным порядком, для сделания надлежащего распоряжения. Капитан Мооро» (59: 234). В письме от 15 июня, последовавшем вскоре после «рапорта», Мооро объяснял Толстому, что в случае увольнения «без именованя воинским званием <...> никаких препятствий не усматривается» (59: 235). 6 июля Мооро снова писал Толстому: «От генерала дано согласие на представление вас в офицеры полевой артиллерии, и, может быть, вас переведут без экзаменов, а представление выйдет не скоро. – Теперь Эдуард Владимирович <Бриммер. – Е. Б.> приостановил вашу отставку и спрашивает, будете ли вы ожидать производства или представить вас к увольнению от службы?» (46: 428). Дневниковая запись 15 июля, сделанная в Пятигорске, сообщала: «Послал письма: Бярятинскому *хорошее*, Бриммеру – *порядочное* и Мооро – *скверное*» (46: 168). Письма не сохранились. 24 июля 1853 г. Толстой записал: «Получил письмо от Мооро: Бриммер задержал мою

отставку» (46: 170). Трудно сказать, какое письмо имеется здесь в виду: от 6 июля или другое. 5 ноября 1853 г. Толстой отметил в дневнике: «Написал письмо к Мооро...» (46: 196 – письмо неизвестно). На этом переписка Толстого с Мооро закончилась; в январе 1854 г. писатель получил долгожданный чин прапорщика. Мысль об отставке на время была отложена: началась Крымская война – впереди была служба в Дунайской армии и участие в обороне Севастополя.

Е. В. Белоусова

МОРДВИНОВ Иван Николаевич (1854?/1859?–1917) – знакомый Толстого, муж Маргариты Ивановны Раевской (1856–1912), сестры И. И. Раевского; рязанский помещик; служил земским начальником в Данковском уезде. Его хутор Утёс находился в 2 км от Бегичевки, вниз по Дону, и Толстой, бывая в Бегичевке, пешком ходил к Мордвинову. Особенно часто это было во время работы «на голоде». Видя, как мало уездное начальство обеспокоено тяжёлой ситуацией в голодных деревнях, Толстой с сарказмом писал С. А. Толстой из Бегичевки 29 октября 1891 г.: «...вечером приехал Мордвинов, зять Ив. Ив., земский начальник, весь поглощённый заботой о народе» (84: 90). 9 ноября Толстой сам был у Мордвинова: «У Мордвиновых. Не помню остального» (52: 58). 15 ноября Мордвиновы устраивали приём, и Толстой записал в дневнике: «Вечер у Мордвиновых. Я ушёл рано» (см. описание этого вечера в дневнике Е. И. Раевской, запись от 15 ноября – *Летописи*. Кн. 2. С. 383; 52: 58). Через день Толстой снова ходил к Мордвинову (52: 58). Понимая, что земские и уездные власти не могут или не хотят решать во всём их объёме проблемы голодающих, Толстой писал 14 или 15 апреля 1892 г. из Бегичевки С. А. Толстой: «...сам еду к Мордвинову узнать, что они, земство, делают по посеву и лошадям, чтобы нам делать, что они не доделают» (84: 136). Так Толстой старался не только сам помочь голодным крестьянам, но и расшевелить местные власти, заставить их хоть что-то делать в борьбе с голодом.

Н. И. Бурнашёва

МОРОЗОВ Николай Александрович (1854–1946) – посетитель, адресат и корреспондент Толстого. Знаковая фигура для России, вместившая в себя очень многое: это был учёный-энциклопедист, философ, известный лидер революционного движения, приговорённый к вечной каторге, к заточению в одиночной камере Шлис-

сельбургской крепости, где смог написать 1500 страниц текста по астрономии, биологии, геологии, истории культуры, языкознанию, математике, сделать мировые открытия. В 1905 г. был освобождён, ему удалось вывезти из тюрьмы 26 томов своих научных рукописей.

Морозов – сын богатого помещика и крепостной крестьянки, в 1880 г. уехал за границу, познакомился с К. Марксом, 28 января 1881 г. был арестован на границе. Фигуру Морозова Толстой воспринимал неоднозначно: с одной стороны, он находил его талантливый, позволявшим «взглянуть в душу революционеров» (*ЯПЗ*. 2. С. 358), а с другой – считал «самоуверенным, распушенным», первым, кто стал проповедовать террор.

31 марта 1907 г. Морозов сообщил Толстому о том, что послал ему свою книгу «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса». (Книга с дарственной надписью автора хранится в *ЯПб*.) Посмотрев её, писатель был «напуган» астрономическими чертежами в тексте и отложил просмотр до лучших времён.

2 апреля 1907 г. Д. П. Маковицкий записал мнение Толстого: «Он <Морозов. – Н. Н.> удивительно, должно быть, даровитый человек, вероятно, из тех человек, на всё способных и во всём недалёких» (*ЯПЗ*. 2. С. 406).

Летом 1908 г. Морозов посетил Ясную Поляну, где обсуждал с Толстым свою книгу «Л. Н. Толстой и современная наука». Гостю пришлось больше отвечать на вопросы Толстого, нежели расспрашивать самого хозяина Ясной Поляны. Разговор вёлся преимущественно о библейской космогонии (см. подробнее: Апостолов Н. Н. Живой Толстой. АГРАФ. 2001. С. 600–602). Говоря о Морозове, о его 25-летнем одиночном заточении, Толстой «не ужасался», а был убеждён в том, что «жизнь в одиночном заключении и жизнь на свободе стоит одна другой – и рассказал пример. Суточной спокойно переносит заключение» (*ЯПЗ*. 2. С. 475). Ещё раз, касаясь вопросов, связанных с бесконечной Вселенной, которую невозможно охватить умом, каждый из них по-своему решал, как благодаря их собственным трудам будущее поколение могло стать выше на пути познаний. «Работать сознательно для того, чтобы дать возможность другим решать то, чего мы сами никогда не разрешим», – подытожил Толстой свою беседу с Морозовым.

Морозов прожил 92 года, скончался в посёлке Борок Некоузского района Ярославской области, в доме, в котором родился, со словами: «Прощайте, звёзды!»

Н. А. Никитина

МОРОЗОВ Савва Тимофеевич (1862–1905) – знакомый Толстого; российский промышленник, общественный деятель, благотворитель и меценат. По богатству и влиятельности в промышленных кругах Морозов занимал одно из первых мест в России. Происходил из знаменитой московской династии купцов-старообрядцев, где воспитывали детей в духе религиозного аскетизма и величайшей строгости. Однако Савва принадлежал уже к новому поколению просвещённого купечества, представители которого в отличие от своих отцов и дедов, получив хорошее европейское образование, имели широкий круг интересов в разных областях науки, литературы и искусства. Савва Морозов, выпускник знаменитой московской гимназии у Покровских ворот, в 1881 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Закончив курс, в 1885 г. уехал в Англию, где изучал химию в Кембриджском университете, познакомился с организацией текстильного дела на английских фабриках. Он планировал серьёзно заняться научной работой, готовил диссертацию по химии, которой увлекался ещё в Московском университете, получил несколько патентов на изобретения в этой области. Но в 1887 г. ему пришлось вернуться на родину: тяжело заболел отец и как старший сын он должен был возглавить семейное дело. Так в 25 лет Савва Морозов стал руководителем крупнейшего в России текстильного производства – Никольской мануфактуры, на которой работали 13 тысяч человек. Именно в этот период проявилась и закалилась необычайная сила и мощь незаурядной натуры Морозова. Он начал с того, что полностью реорганизовал и модернизировал производство: построил новые цеха, заменил устаревшие станки, выписав из-за границы новейшее оборудование, привлёк самых квалифицированных специалистов. В перестройке морозовских предприятий важное место занимала новая рабочая политика. Савва Морозов сосредоточился на социально-бытовых нуждах рабочих: сократил рабочий день с 12 часов до 9, отменил штрафы, повысил зарплату рабочим. Он был убеждён: «как люди живут, так они и работают», поэтому стал строить новые дома, рассчитанные на одну семью, оборудованные паровым отоплением, вентиляцией, кухнями, прачечными, ванными комнатами (напомним, это ещё XIX век). Такие бесплатные квартиры получили 7,5 тысяч рабочих. Во время правления С. Т. Морозова начался настоящий расцвет «Товарищества Никольской мануфактуры», которое стало бесспорным лидером текстильной промышленности в России.

Владея миллионным состоянием, С. Т. Морозов был очень нетребовательным в быту. М. Горький вспоминал: «Личные его потребности были весьма скромные, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скуп, дома ходил в стоптанных туфлях, на улице я его видел в заплатанных ботинках» (Горький М. ПСС. М., 1973. Т. 16. С. 506). Жалея тратить деньги на себя, он щедро раздавал их тем, кто нуждался. Богатство Морозова стало источником его благотворительной деятельности, которая поражала своими масштабами. Он делал щедрые вложения в строительство и содержание больниц, приютов, школ, народных училищ, библиотек и т. д. Но особое место в благотворительных вкладах фабриканта занимал театр, который он полюбил с детских лет. Большую роль Морозов сыграл в становлении Московского Художественного театра (МХТ). На его деньги для театра было приобретено и перестроено здание в Камергерском переулке (арх. Ф. О. Шехтель). Общие расходы С. Морозова на финансирование МХТ'а составляли около 500 тысяч рублей.

Увлечение Художественным театром в значительной степени было связано с сильным чувством к ведущей актрисе этого театра М. Ф. Андреевой, загадочные отношения с которой, в общем-то, и привели Морозова к гибели. Именно Андреева познакомила его с М. Горьким, это знакомство быстро переросло в крепкую дружбу. При первой их встрече Горький обратился к нему с просьбой дать ситцу на тысячу детей: «Я устраивал в Нижегородском манеже ёлку для ребятшек окраин города. “Сделаем, – охотно отозвался Савва. – Четыре тысячи аршин – довольно? А сластей надо? Можно и сластей дать”» (там же. С. 499). Чем больше писатель узнавал Морозова, тем больше тот поражал его широтой интересов и обилием знаний. Савва прекрасно знал литературу, о Пушкине говорил восторженно, из «Евгения Онегина» наизусть читал целые главы, Толстого считал национальным гением. Он был знаком с известными деятелями культуры. Деловые и дружеские отношения связывали его со Станиславским, Немировичем-Данченко, Чеховым, Шаляпиным, Левитаном и др.

С семейством Толстых Морозов был знаком ещё смолоду. Он был дружен со старшим сыном писателя Сергеем: они учились на одном курсе физико-математического факультета Московского университета, оба занимались химией. Их дружба продолжалась и после учёбы. По воспоминаниям современников, С. Л. Толстого можно было встретить на приёмах в салоне Зинаиды

Григорьевны, жены Морозова, в роскошном особняке на Спиридоновке, который муж построил для неё в 1896 г. (арх. Ф. О. Шехтель). По приглашению Сергея Львовича супруги Морозовы бывали в Ясной Поляне.

Личные контакты С. Т. Морозова с Толстым относятся к 1890-м гг. и были связаны с благотворительной деятельностью фабриканта. В 1891 г. в «Русских ведомостях» было напечатано письмо С. А. Толстой с призывом к обществу помочь голодающим крестьянам и присылать деньги на адрес семьи Толстых. Приходили не только денежные пожертвования, но и вещи, продукты. «...Савва Тимофеевич Морозов пожертвовал 1500 аршин бумажной материи, — вспоминала Софья Андреевна, — из которой мы кроили и шили рубашки и простыни для тифозных больных в Самарской губернии» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 232). Узнав об этом, Толстой писал жене: «...тобой собранные пожертвования очень хороши. Поразительны 1500 аршин материи <...>. Материя же тоже поразительно нужна. Нынче я видел вдову с детьми, положительно голую. Только один мальчик может выходить. Я ещё не видел такой бедности» (84: 101).

31 января 1899 г. С. А. Толстая отметила в дневнике: «С утра гости. Савва Морозов с женой приезжал, Лев Николаевич продолжает, к моему неудовольствию, выпрашивать деньги духоборам у богатых купцов» (*ДСАТ*. 1. С. 446). Это посещение, видимо, было связано с письмом Толстого к Морозову от 5 августа 1898 г. В тот день Толстой написал ещё несколько писем к богатым людям с просьбой помочь духоборам, а всего с 5 августа по 12 октября писатель послал более 20 таких писем состоятельным людям. В них Толстой подробно описывал те гонения, которым подвергались духоборы за неповиновение властям, и то бедственное положение, в котором они оказались. Правительство дало им разрешение уехать в Америку, но средств у них на это нет: «Вы употребляете часть своего богатства на добрые дела, — писал Толстой Морозову. — Я не знаю в настоящее время более несомненно доброго и важного дела <...>. И потому я надеюсь, что Вы не откажете в Вашей помощи этим людям и этому делу в той мере, в которой подскажет Вам Ваше чувство. В ожидании Вашего ответа остаюсь уважающий Вас Лев Толстой» (71: 421). С. Т. Морозов высоко ценил духоборов, прежде всего за их трудолюбие, и сожалел, что такие люди покидают Россию. Но он никогда не афишировал свою благотворительную деятельность и обычно просил тех, кому помогал, не говорить о по-

лучении от него денег. Видимо, и в данном случае Морозов откликнулся на просьбу Толстого и внёс свою лепту в переселение духоборов в Канаду.

Он вершил не только благотворительные дела, облегчавшие положение народа, но и вкладывал значительные средства в революционное движение, понимая, что одной благотворительностью положения в стране не изменить. Не случайно С. Ю. Витте говорил, что Морозов питал революцию своими миллионами. Но, помогая революции, сам Морозов не был революционером, он опасался, что революция разрушит страну, погубит и промышленность, и культуру. Кровавые революционные события 1905 г. убедили его в том, что надо срочно что-то делать, чтобы изменить гос. устройство. В конце января 1905 г. он составил программную записку (петицию), в которой требовал установления в России парламентской системы правления, включающей все основные демократические свободы — слова, печати, всеобщее равноправие и др. Идеи, сформулированные в программной записке, поддержали многие видные представители промышленных кругов. Однако неблагоприятная политическая ситуация в стране, а также ряд тяжёлых событий в личной жизни Морозова помешали ему продолжить начатое дело.

В 1905 г. в Ясную Поляну, где внимательно следили и обсуждали революционные события, приехал студент Степан Струменский и рассказал: «Говорят, что если бы вы, Лев Николаевич, присоединились тогда к морозовскому (московского купечества) движению, если бы вы подписали петицию и лично передали бы её царю, то из этого могла бы быть конституция и это могло бы прекратить войну и освободить землю» (*ЯПЗ*. 1. С. 134). Так неожиданно обнаружилось сопряжение мировоззренческих позиций двух таких разных людей, как Морозов и Толстой.

В марте 1905 г. в связи с забастовкой рабочих на Никольской мануфактуре и разногласиями в правлении Товарищества С. Морозова отстранили от управления делами. Вскоре он заболел: началось сильное нервное расстройство. По рекомендации врачей он уехал с женой за границу. Во Франции, в Каннах 13 мая 1905 г. С. Т. Морозов покончил жизнь самоубийством. О причинах столь неожиданной смерти 42-летнего миллионера ходило много слухов. Одну из версий записал М. Горький: «После смерти Саввы Морозова среди рабочих его фабрики возникла легенда: Савва не помер, вместо его похоронили другого, а он отказался от богатства и тайно ходит по фабрикам,

поучая рабочих уму-разуму» (Горький М. ПСС. Т. 16. С. 526).

А. К. Ламунова

МОРОЗОВА Анна Григорьевна («Аннушка»; 1869–?) – близкий человек в семье Чертковых, их экономка; дочь ветеринарного фельдшера, служившего у них и происходившего из их крепостных крестьян. С 1888 г. служила у В. Г. и А. К. Чертковых. Была поварихой, заведовала домашним хозяйством Чертковых и в Ржевске, и в Англии. В 1894 г. в письме Черткову (19–23 августа) Толстой просил: «Передайте, пожалуйста, Аннушке от нас 5 рублей в благодарность за её труды на печение нам хлебов...» (87: 285). Чертков отвечал: «Аннушке я сообщил о 5 руб. за хлеб. Она была очевидно рада. А мне жаль, что к этому хлебу, которым мы делились, примешалось денежное вознаграждение. Но это, конечно, иллюзия нашего барского положения, по которому мы склонны воображать, что то, что делается другими людьми, если они находятся в положении нашей прислуги, делается нами; и поэтому я имел какое-то совершенно ошибочное представление, будто в этом доставлении вам хлеба отчасти участвую и я, и потому “на чай” мне был неприятен. И только теперь я сообразил, что только в том действительно участвуешь, в чём участвуешь своим трудом» (87: 288).

Очень рад был Толстой, увидев Аннушку, приехавшую из Англии, где она была вместе с Чертковыми. Она приехала в отпуск и по поручению Черткова побывала у Толстых. 8 августа 1899 г. Толстой писал Чертковым: «Получил ваше письмо с Аннушкой, и по той радости, которую испытал, увидав Аннушку, почувствовал, как вы мне дороги. Она привезла немного вашей интимной (одной стороны) жизни» (88: 178). Перед отъездом в Англию Морозова вторично была у Толстого 2 января 1900 г.: «Написал вам, милые друзья, вчера словечко, а нынче пришла Аннушка и хочется с ней написать» (88: 188). Почти в каждом письме Чертковым Толстой упоминал «Аннушку», просил: «Передайте мою любовь <далее перечислял семейных и близких людей Чертковых. – Н. Б.> Аннушке... и всем друзьям».

Н. И. Бурашнёва

МОРОЗОВА Варвара Алексеевна (рожд. Хлудова; 1848–1917) – знакомая Толстого; известная московская предпринимательница, меценатка и благотворительница. Родилась в Москве в семье крупного фабриканта А. И. Хлудова, слывшего знатоком и коллекционером древних рукописей

и старопечатных книг. Он состоял членом Московского археологического общества, долгие годы был его казначеем. У Хлудова была большая семья – шесть человек детей, младшая – любимица Варя.

Варвара Алексеевна – натура яркая, одарённая, с независимым характером. Современники отмечали её красоту, обаяние и благородство. «Тип в своём роде замечательный, – писал о ней В. И. Немирович-Данченко. – Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами...» (Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 2003. С. 89). В. А. Морозова была человеком широко образованным, хотя воспитывалась дома и систематического образования не получила. Она всю жизнь занималась самообразованием: много читала, прекрасно играла на рояле, свободно говорила по-французски, отличалась тонким вкусом, любила и понимала искусство, в 50 лет решила выучить немецкий язык и через полгода занятий читала по-немецки.

В 1869 г. В. А. Хлудова вышла замуж, без любви, уступив настояниям отца, который целый год держал дочь взаперти, добиваясь её согласия на брак с дальним родственником и компаньоном А. А. Морозовым. Хотя муж и обожал Варвару Алексеевну, брак сложился несчастливым. Он был человеком малообразованным, с мрачным, тяжёлым характером. Через семь лет семейной жизни Морозов заболел тяжёлым психическим расстройством. Жена пять лет ухаживала за мужем, отказываясь отдать его в клинику. В 1882 г., оставшись вдовой с тремя несовершеннолетними сыновьями, она получила в наследство одну из самых больших текстильных фабрик в России – «Товарищество Тверской мануфактуры» – и решила взять на себя управление семейным делом. Хозяйка огромной фабрики, В. А. Морозова отличалась твёрдой рукой, практичностью и деловитостью, при ней Тверская мануфактура стала приносить ещё большие прибыли.

Умело управляя сложным промышленным производством, Морозова не была столь же успешной в своих семейных делах. Через несколько лет после смерти мужа она встретила и полюбила человека достойного, благородного – профессора В. М. Соболевского, редактора одной из лучших московских газет «Русские ведомости», он отвечал ей таким же сильным чувством. Но брак с Соболевским до самой его смерти (1913 г.) оставался гражданским, так как её первый муж в своём завещании оговорил одно условие: вторичное замужество лишало Морозову всего её состояния. Отношения

в семье складывались не просто. Старшие сыновья от первого брака осуждали мать за фанатическую преданность работе в ущерб семейным заботам. Они считали себя обделёнными в детстве материнским вниманием и лаской. Сыновья не принимали образа жизни матери, осуждали её за открытую связь с Соболевским и не разделяли его либеральные идеи, которые она поддерживала. В силу всех этих обстоятельств общим домом В. А. Морозова и В. М. Соболевский никогда не жили.

Огромное состояние, полученное в наследство и приумноженное её собственным трудом, позволяло Морозовой вкладывать значительные средства в благотворительную деятельность. Она была твёрдо убеждена, что народ надо «учить и лечить». Эти два направления стали ведущими в её благотворительной работе. Её первым крупным благотворительным делом было строительство психиатрической клиники, на что было потрачено почти 500 тысяч рублей. В 1884 г. на окраине Москвы она купила усадьбу, принадлежавшую друзьям и соседям Толстых Олсуфьевым, и сразу начала строительство, пригласив академика архитектуры К. М. Быковского. Старший сын Толстого, С. Л. Толстой, вспоминал: «Жили Олсуфьевы в своём доме на Девичьем поле, там, где потом помещалась клиника для душевнобольных. Их большой сад, занимавший больше восьми гектаров, можно было назвать парком <...>. Он прилегал к саду нашего хамовнического дома. Через забор была проделана калитка, и мы свободно общались с Олсуфьевыми. <...> В 1883 г. умер Василий Александрович. Олсуфьевы разорились и продали свой дом» (Толстой С. Л. Друзья и знакомые нашей семьи // *ЯП. сб.* 1986. Тула, 1986. С. 242).

К этому времени относится знакомство В. А. Морозовой с Толстым, что отмечено в его дневнике 8/20 мая 1884 г. Он написал, что к нему в Хамовники заходили Олсуфьев и Морозова (49: 91). В 1886 г. Морозова подарила Московскому университету землю и построенную на ней психиатрическую клинику, которая получила имя её покойного мужа А. А. Морозова и через год была открыта. Врачом в лечебнице работал С. С. Корсаков, много лет лечивший А. А. Морозова. Толстой иногда по-соседски заглядывал в клинику, беседовал с Корсаковым и пациентами, присутствовал на его лечебных сеансах, посещал концерты и спектакли для врачей и больных. Продолжала бывать в своём детище и В. А. Морозова, став попечительницей Благотворительного общества при лечебнице, так что пути их здесь иногда пересекались.

В те же годы, когда обустривалась клиника на Девичьем поле, Морозова начала строить для себя особняк на Воздвиженке, 14 (арх. Р. И. Клейн, 1886–1888 гг.). Вскоре её новый дом стал одним из центров интеллектуальной и культурной жизни Москвы. В морозовском особняке был зал на 200–300 человек, где по четвергам проходили вечера известного в городе литературного салона. В салон на Воздвиженке приходили А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, А. Белый и многие др. Бывал в этом доме и Толстой, причём, как правило, приходил он просить помощи для кого-нибудь. Жена старшего сына Морозовой вспоминала, что её свекровь «всегда старалась помочь крупными суммами денег в тех делах, о которых Лев Николаевич просил её» (Морозова М. К. Мои воспоминания // *Московский альбом: Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX вв.* М., 1997. С. 202).

В «голодной» кампании 1891–1892 гг. В. А. Морозова принимала активное участие: она передавала большие денежные средства людям, которые ездили помогать голодающим. В голод 1891–1892 гг. Толстой, вместе со своими помощниками открывавший бесплатные столовые для крестьян, обратился к своей знакомой за помощью и получил её. С такой же просьбой в декабре 1891 г. к Морозовой обратился А. П. Чехов. На полученные от неё деньги он открыл столовые для школьников в далёких деревнях Нижегородской губ. Этот список можно продолжать. Морозова всегда стремилась к тому, чтобы помощь была конкретной и адресной, что называется «из рук в руки». Об этом красноречиво говорит факт, сообщённый Н. С. Лесковым в 1891 г. в письме из Петербурга к своему пасынку: «Она <Морозова. — А. Л.> на днях приезжала сюда просить, чтобы ей позволили раздать миллион голодным, но непосредственно — без попов и чиновников. Говорят, будто ей отказали. Она становится легендарной при жизни» (Лесков Н. С. ПСС. М., 1958. Т. 11. С. 503).

Через несколько лет после этих событий Толстой вновь обратился к Морозовой за денежной помощью для духовоборов, которые в 1895 г. заявили властям об отказе от воинской службы и, собрав всё своё оружие, сожгли его. Усилившиеся в связи с этим репрессии и преследования вынудили духовоборов обратиться к правительству за разрешением уехать из России. В 1897 г. они получили право на переселение за границу, но денег на это у них не было. Духоборы попросили Толстого помочь им. Изыскивая средства для переселения сектантов, он обратился через русские и иностранные

газеты к народам всего мира с призывом помочь духоборам, которых считал «людьми 25 столетия» (71: 497). Деньги в фонд переселенцев приходили из разных стран. От себя писатель передал переселенцам гонорар за свой последний роман «Воскресение». Однако, несмотря на все усилия сторонников духоборов, денежных средств на их переезд в Канаду не хватало. Тогда Толстой написал более 20 частных писем богатым людям России, в которых рассказывал о тяжёлом положении духоборов и просил о помощи. Одной из первых в этом списке была В. А. Морозова. 5 августа 1898 г. Толстой писал ей: «Дорогая и уважаемая Варвара Алексеевна, Вы знаете про дело духоборов и уже помогли им, но в настоящее время дело это приняло совершенно новый оборот, и этим людям, прекрасным и несчастным, нужна немедленная помощь, и я, надеясь на Ваше сердце, обращаюсь к Вам» (71: 419). Морозова откликнулась на призыв Толстого, вложив в это благотворительное дело большую сумму денег: деньги для устройства духоборов на новом месте она передала сыну писателя Сергею Львовичу, сопровождавшему одну из партий переселенцев. В уже упомянутых воспоминаниях М. К. Морозова рассказала о визите Варвары Алексеевны к Толстому в Хамовники зимой 1899 г.: «Лев Николаевич получил подробное письмо от своего сына из Канады, в котором тот описывал путешествие своё и приезд в Канаду. Лев Николаевич хотел прочесть В. А. это письмо...». В этот вечер Толстой собрал в своём доме людей, которым была интересна судьба духоборов. После чая все «встали из-за стола и пересели на диван. Л. Н. сел на кресло и стал читать письмо Сергея Львовича вслух. Все внимательно слушали. Довольно долго шёл разговор о духоборах...» (указ. соч. С. 202–203).

Последнее дошедшее до нас «просительное» письмо Толстого к Морозовой относится к сентябрю 1905 г. Он просил её оказать помощь малоизвестному больному художнику из Франции, у которого нет денег на лечение. Прощаясь с Варварой Алексеевной, Толстой писал: «Простите, что утруждаю вас. Хоть и совестно мне, но я рад случаю напомнить вам о себе и о той симпатии и уважении, которые всегда испытывал к вам» (76: 22).

А. К. Ломунова

МОРРИС Уильям (Morris William; 1834–1896) – английский поэт, писатель-социалист, издатель, яркий представитель второго поколения «прерафаэлитов». Увлекался Карлейлем, испытал серьёзное влия-

ние Рёскина, интересовался идеями социального преобразования общества. Толстой был знаком с его сочинениями, в частности с одним из самых известных произведений поэта, наиболее полно отражающим его политические взгляды, – романом «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия». Моррис написал книгу в ответ на утопию Э. Беллами «Оглядываясь назад или 2000 год», которая также сохраняется в ЯПб. Толстой ставил Морриса в один ряд с такими писателями, как Э. Беллами, А. Франс (36: 352). В «Круг чтения» он включил отрывок на 28 февраля: «Можно допустить, что искусство умрёт, но немыслимо, чтобы искусство могло жить, раболепствуя перед богатством и глумясь над бедностью» (41: 137).

Бывший секретарь Морриса С. Кокрель 29 июня 1903 г. посетил Толстого в Ясной Поляне и обещал прислать ему книги поэта: Толстой ждал их (74: 150). 24 августа он благодарил Кокреля за присылку книг. В ЯПб сохраняются 9 книг Морриса на английском и немецком языках: *The Aims of art / By William Morris ... – London, 1887; Architecture industry & wealth / Collected papers by William Morris. – London; New York; Bombay, 1902; Art and its producers; And the Arts and crafts of today / Two addresses delivered before the National association for the advancement of art by William Morris. – London, 1901; Art and the beauty of the earth / [A lecture delivered ... at Burslem Town Hall on October 13, 1881 by William Morris]. – London, 1898; A Dream of John Ball; And a King's lesson / By William Morris. – London; New York; Bombay, 1903; Hopes and fears for art / Five lectures delivered in Birmingham, London and Nottingham, 1878–1881 by William Morris ... – Fifth edition. – London; New York; Bombay, 1898; Lieder der Arbeit / Von William Morris; aus dem Englischen übersetzt von Lilly Nadler-Nuellens. – Wien: Wohlstand für Alle, 1909; New from nowhere, or an Epoch of rest: Being some chapters from a utopian romance / By William Morris ... – London, 1891.*

Г. В. Алексеева

МУРАВЬЁВ Михаил Николаевич («Муравьёв-вешатель»; 1796–1866), граф (с 1865) – генерал, видный общественный, гос. и военный деятель, участник Отечественной войны 1812 года; один из организаторов «Союза Благоденствия» (1816), усмиритель Польских восстаний (1831 и 1863 гг.). В разное время (в 1820–1830-е гг.) был губернатором в Витебске, Могилёве, Гродно, Курске, позднее (1863–1865) в западных (Гродненской, Минской, Виленской) губ., где ввёл карательные меры при подавлении

Польского восстания, сжигая целые селения, применяя казни, ссылая на поселение в Сибирь. Член Гос. совета (1850), министр гос. имуществ (1856–1861), ярый противник освобождения крестьян. Вице-председатель Императорского Русского географического общества (1850–1857), член Петербургской академии наук (1857). В апреле 1866 г. Муравьев был председателем верховной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

Вернувшись из первого заграничного путешествия, Толстой занялся сельским хозяйством. В дневнике он сделал запись о том, что хозяйство «его сильно втягивает», и планировал сократить полевое хозяйство, перевести крестьян на оброк, использовать лесные угодья для разведения лошадей: «Перемена хозяйства состоит в том, что крестьяне на оброке, и главные статьи: лес и луга для выкормки лошадей» (дневник 12 сентября 1857 г. – 47: 157). Толстой написал проект по улучшению лесного хозяйства в России в форме докладной записки: «[Проект по лесному хозяйству]. Господину Министру государственных имуществ Михаилу Николаевичу Муравьеву. От помещика Тульской губернии графа Льва Толстого» (5: 259–261). 22 и 23 октября 1857 г. Толстой был в Министерстве гос. имуществ у товарища министра А. А. Зеленого. 29 декабря он «застал министра», но «плохо успел поговорить о деле» (47: 161). 30 октября Толстой покинул Петербург, оставив свой Проект на рассмотрении в министерстве. Он охладел к замыслу о сельском хозяйстве, когда 17 января 1858 г. получил ответ, в котором говорилось о том, что очистка лесосек наголо и передача лесного хозяйства невыгодна для гос. казны.

В 1865 г. имя Муравьева встречалось в письме Толстого к А. А. Толстой по поводу Польских восстаний: «Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских, а мне совершенно всё равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голштейн...» (61: 115). Впоследствии Толстой изменил своё отношение к польскому вопросу и осуждал российское правительство. Хотя, когда в «Листках Свободного слова» появилась статья В. Бонч-Бруевича «Герой-вешатель» об открытии в г. Вильно памятника Муравьеву, Толстой заметил в письме к В. Г. Черткову 31 декабря 1898 г.: «О муравьевском памятнике не совсем хорошо. Очень желчно без уяснения, во имя чего отрицается» (88: 147). И хотя либеральная и народническая пресса называла Муравьева «вешателем», «палачом», появилось понятие «муравьевский воротник» (из-за жёст-

кой политики в Польше), Толстой подобных характеристик в адрес Муравьева избегал.

А. В. Шмелёва

МУРОМЦЕВ Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, профессор Московского университета, председатель I Гос. думы. Родился в дворянской семье А. А. Муромцева, друга Толстого. В 1871 г. окончил юридический факультет Московского университета и после защиты докторской диссертации («Очерки общей истории гражданского права», 1877) получил место профессора по кафедре римского права. В самый разгар студенческих волнений в 1881 г. Муромцев занимал должность проректора университета. В 1882 г. он женился на оперной певице, солистке Большого театра М. Н. Климентовой (1856–1946). В 1884 г. как политически неблагонадёжный был лишён кафедры.

Политическая деятельность Муромцева началась в конце 1870-х гг., когда он стал председателем московского Юридического общества и редактором издававшегося при нём журнала «Юридический вестник». В марте 1880 г. он один из составителей «Записки о внутреннем состоянии России», поданной председателю Верховной распорядительной комиссии гр. М. Т. Лорис-Меликову. С 1897 г., с началом движения в земской среде, Муромцев принимал участие в земском и городском самоуправлении. В должности гласного Московской городской думы он стал главным руководителем её политических выступлений. В октябре 1905 г. вступил в конституционно-демократическую партию и вошёл в состав центрального комитета, членом которого состоял до смерти. Депутат I Гос. думы от Москвы, он был избран её председателем 426 голосами из 436. После роспуска Думы Муромцев возглавил работу заседания её депутатов в Выборге. За подписание Выборгского воззвания был приговорён к трём месяцам тюрьмы и лишён дворянства.

Толстой, лично знакомый с Муромцевым (в 1880–1890-е гг. Муромцев посещал писателя в Хамовниках), скептически относился к его личности и политической деятельности. С. А. Стахович «вспомнила, как Л. Н., увидав портреты Ковалевского, Муромцева и Шаховского в иллюстрированном “Новом времени”, сказал: “Три самых глупых человека в России”» (ЯПЗ. 2. С. 247). По воспоминаниям М. С. Сухотиной, «Муромцев всегда считался либералом и в своём профессорско-адвокатском кружке умным человеком. Но не того о нём мнения был и есть Л. Н. Он всегда говорил, когда по какому-либо случаю при нём упоминали о Муромцеве: «Да ведь это



совершенный дурак» (*ТВС*. 2 С. 367). Толстой выражал сомнения и в верности избранного Муромцевым курса либеральных реформ. В семейном кругу он говорил: «Русский народ не может удовлетвориться ограниченностью муромцевской «революции»» (*ЯПЗ*. 2. С. 230). Писатель не мог согласиться с материализмом Муромцева: «Я раскаиваюсь в своих беспощадных нападках на церковь. <...> Лучше самое грубое суеверие, чем безверие. Да, лучше старуха самая суеверная, молящаяся «господи помилуй», «господи помилуй»... Хотя это грубая форма, но то же самое обращение к Божественному началу, что у Канта, когда он утверждает в себе духовное сознание; и лучше её суеверие, чем безверие Муромцева» (*ЯПЗ*. 2. С. 254).

В 1905 г., после 3-месячного заключения, Муромцев продолжил занятия наукой и чтение лекций. В последние годы жизни он отошёл от активной партийной работы и служил в должности профессора Московского университета. В записках Д. П. Маковицкого сохранилось свидетельство о том, как Толстой отреагировал на смерть известного политика: «Сергеенко рассказал, что вчера умер Муромцев, бывший председатель Первой думы, и что у него не было никаких религиозных не только переживаний, но и мыслей. Притом же был чистой жизни. Л. Н.: «Та же основа (религиозная), только он её не сознавал. Религия кажется ему мистицизмом». Сергеенко спросил Л. Н., помнит ли Муромцева. Л. Н.: «Помню. Сколько было ему лет?» Больше Л. Н. о Муромцеве не говорил» (*ЯПЗ*. 4. С. 371).

А. А. Федотова

МУРОМЦЕВА Мария Николаевна (рожд. Климентова; 1857–1946) – знакомая Толстых; оперная певица, преподавательница пения, жена С. А. Муромцева. Родилась в купеческой семье в г. Курске. В 1875 г. окончила гимназию в Киеве и поступила в Московскую консерваторию по классу сольного пения, который окончила с Малой серебряной медалью. В 1879 г. на премьере оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» пела партию Татьяны. В 1880 г. дебютировала на сцене Большого театра в Москве и до конца 1880-х гг. исполняла партии лирического и колоратурного сопрано. Её лучшие роли: Антониды («Жизнь за

царя»), Людмила («Руслан и Людмила»), Тамара («Демон»), Мария («Мазепа»), Розина («Севильский цирюльник»). Из-за конфликта с дирижёром И. К. Альтани и дирекцией театра Муромцевой пришлось оставить большую сцену. В 1890 г. она заняла должность профессора Московской консерватории. Позднее открыла частную вокальную школу. Известны несколько сильных любовных увлечений Муромцевой, среди них были художник В. Д. Polenov и А. П. Чехов.

В 1897–1899 гг. Муромцева – частая гостья в московском доме Толстых в Хамовниках. Она пела сама и привозила к Толстым молодых музыкантов (впервые познакомила их с А. Б. Гольденвейзером). В дневнике С. А. Толстой за этот период нередко упоминались музыкальные вечера с участием певицы. 13 января 1898 г. Софья Андреевна записала: «Вечер был с пением Муромцевой-Климентовой, Стаховича, с игрой Игумнова и Гольденвейзера, с освещением, угощением, ужином, генералом, княгинями, барышнями, и было не весело, но и не скучно. Трудно было» (*ДСАТ*. 1. С. 340). 20 января она отметила: «Вечером было большое удовольствие. Мария Николаевна Муромцева привезла нам молодого пианиста Габриловича, и он нам играл целый вечер превосходно <...>. Лев Николаевич очень наслаждался музыкой и благодарил этого весёлого, добродушного и талантливого двадцатилетнего мальчика» (*ДСАТ*. 1. С. 342). Оставленные С. А. Толстой характеристики личности и пения Муромцевой противоречивы. 26 декабря 1897 г. она описала Муромцеву как «живую (с темпераментом), умную и талантливую» (*ДСАТ*. 1. С. 334) актрису; 3 января 1898 г. Муромцева приехала в дом Толстых «в нетрезвом виде» и «навела ужас» (*ДСАТ*. 1. С. 337); в записи 28 августа 1898 г. отмечено, что «Муромцева много пела, но была неприятно возбуждена» (*ДСАТ*. 1. С. 405). Ясно, что Софья Андреевна порой испытывала чувство ревности к Муромцевой. Показательна в этой связи запись 4 февраля 1899 г.: «Неприятный разговор о том, что вчера вечером он <Л. Н. Толстой. – А. Ф.> шёл, потом ехал с М. Н. Муромцевой, и рассказ об этом с каким-то глупым смехом. Меня взорвало: какое мне до этого дело! Я очень была строга и брезглива с ним, и он это понял, сконфузился и ушёл. А что-то ёкнуло в сердце, и это досадно, досадно на себя» (*ДСАТ*. 1. С. 447). Интерес Толстого к пению Муромцевой получил неодобрительную оценку Софьи Андреевны и в описании прошедшего в Хамовниках 9 февраля 1901 г. музыкального вечера: «Когда все порядочные

люди разъехались и Л. Н. уже надел халат и шёл спать, в зале остались студенты, кое-кто барышни и Климентова-Муромцева. Стали все (выпив за ужином) петь песни русские, цыганские, фабричные. Гиканье, подплясыванье, дикость... Я ушла вниз, а Л. Н. сел в уголок и начал их всех поощрять и одобрять, и долго сидел» (ДСАТ. 2. С. 13).

В 1900-е гг. Муромцева бывала у Толстых в Ясной Поляне. С 1920 г. она жила в Париже.

А. А. Федотова

МУЦУХИТО (Император Мэйдзи; 1852–1912) – японский император; был духовной опорой японского народа, который стремился к модернизации страны после революции Мэйдзи (1868 г.). Японцы фактически ничего не знали о жизни и личности Муцухито, кроме немногих отдельных эпизодов. Фотографий было очень мало (не любил фотографироваться), зато было огромное количество его стихотворений (танка из 31 слога) – более 9300! В 1867 г., когда Муцухито взошёл на престол, Япония была отсталой феодальной аграрной страной, но за время его правления были проведены радикальные реформы: политическая, экономическая, социальная, – и в результате индустриальной революции Япония стала одной из мировых держав. До сих пор японцы вспоминают период Мэйдзи с ностальгической гордостью. Однако, боясь распространения социализма и анархизма, японские власти настороженно относились к Толстому, чьё имя в Японии было необычайно популярно среди интеллигенции, они видели в творчестве Толстого много общего с этими идеями. 7 апреля 1909 г. газета «СПб. ведомости» напечатала информацию: «Японское правительство издало от имени микадо декрет, воспрещающий обращение в империи сочинений Л. Н. Толстого» из-за их «деморализующего влияния <...> на юношество». Запись сделана Д. П. Маковицким 10 апреля (ЯПЗ. 3. С. 386). Но факт появления такого декрета с японской стороны не подтверждается: каталог Парламентской библиотеки Японии свидетельствует, что после апреля 1909 г. количество изданий сочинений Толстого не уменьшалось, а оставалось по-прежнему высоким (печатались переводы народных рассказов; антология произведений разных лет (в сокращении) – в неё вошли даже запрещённые тогда в России «Исповедь», «Царство Божие внутри вас», «Рабство нашего времени»; в 1910 г. издан перевод «Краткого изложения Евангелия» и второй половины «Воскресения». Про уход

и смерть Толстого писали очень много). Япония хотела сохранить перед Западом имидж цивилизованного государства, уважающего свободу слова и печати.

Толстой видел в Муцухито какого-то мистического императора («микадо»), о котором почти ничего не было известно, но японцы его почему-то слепо почитали. Писатель наблюдал, как быстро Япония осваивала цивилизацию с её культом материальных ценностей, новейшую технологию и стремительно превращалась в милитаристскую державу... «Микадо их – неглубокий, но серьёзный человек», – говорил он (24 июля 1906 г.; ЯПЗ. 2. С. 185).

Представление Толстого о Муцухито и Японии сильно изменилось после Цусимского морского сражения в Русско-японской войне. «Известие это <о Цусиме. – Ю. С.> почему-то особенно сильно поразило меня» (дневник 19 мая 1905 г.; 55: 139). Вскоре после сражения Толстой начал писать статью «Конец века» и в ней подробно проанализировал причины победы японцев (опубликована в декабре 1905 г. в Лондоне). «Япония победила не потому, что русские слабы, а потому что Япония теперь едва ли не самая могущественная в мире на суше и на море военная держава...» – рассуждал Толстой (36: 234). Одну из причин победы японцев он видел в том, что «японцы по природе своей более храбры и равнодушны к смерти, чем теперь христианские народы»: ведь христианские народы «не могут, как японцы, распарывать себе животы, только бы не отдаться в плен врагу». Более того, «крабски подчиняясь деспотической власти обожествляемого микадо, сила японцев более сосредоточена и объединена, чем силы народов, переросших своё рабское подчинение деспотизму» (36: 235). Как считал Толстой, японцы легко модернизировались ещё и потому, что они не имели религии как таковой. Они воспринимали всё, что угодно, без внутреннего сопротивления. «У японцев, по крайней мере, по тому, что я о них читал, нет никакой религии. Потому они, как пустой сосуд, вбирают в себя всё чужое» (ЯПЗ. 1. С. 291; 22 мая 1905 г.). Японцы особенно хитро копируют чужую технологию (частично благодаря их внутренней пустоте). Кроме того они храбры из-за своей дикости. Вот в чём видел причины победы японцев Толстой.

Толстой был прав, но лишь наполовину: его представление о Муцухито и японцах несколько однобоко, хотя и очень глубоко. Он видел то, о чём тогдашние японцы даже не подозревали, и предупреждал, что японскому народу предстоит «величайшие бедствия», так как японцы, не имея выс-

ших принципов жизни, оказались особенно сильно заражены новым «научным суевением» («Письмо к индусу», 1908–1909; 37: 267). А в отсутствие духовности свою заново приобретённую гигантскую мощь они неизбежно должны были начать использовать для низких целей. «Лишённые религии люди, обладая огромной властью над силами природы, подобны детям, которым дали бы для игры порох или гремучий газ. Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, чувствуется, что по степени своего нравственного развития люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, <...> но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга» («Одумайтесь!», 1904 г. – 36: 123).

Правота прогноза Толстого подтверждена дальнейшей историей. Он чётко прозрел не только катастрофу Японии, но и наступление нового «железного века», XX-го, эпохи массового производства и массового убийства. В статье «Конец века» он предупреждал, что такая борьба всех против всех не сможет не вызвать глобальной смены цивилизаций и, возможно, вызовет даже конец христианства: «Победа японцев над русскими показала всем военным державам, что военная власть больше не в их руках, а перешла или вскоре должна перейти в другие, нехристианские руки, так как всем нехристианским, угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Японии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства» (36: 237). По мнению Толстого, Япония, молниеносно достигшая модернизации, во главе с Муцухито — предвестник наступающего «конца века».

Лит.: Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.

Ю. Само

МЭВОР Джеймс («Mavor»; 1854–1925) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; профессор политэкономии в университете Торонто (Канада). В 1889 г. помогал духоборам при переселении из России в Канаду. Родился в Шотландии, образование получил в университете Глазго. В 1892–1923 гг. работал в университетах Онтарио и Торонто. В числе написанных

им книг «Экономическая история России»: В 2 т. (Лондон, 1914). Умер в Шотландии, в Глазго. Мэвор был посредником в переговорах с канадским правительством о переселении духоборов (см. *Очерки былого*. Гл. «Моё участие в эмиграции духоборов в Канаду»). И это послужило в 1898 г. началом переписки Мэвора и Толстого. Письма Мэвора (*ОР ГМТ*) частично опубликованы в предисловии к воспоминаниям Мэвора (Новый мир. 1999, № 12). В 1899 г. по приглашению Толстого он посетил Ясную Поляну, где прожил почти неделю с 19 июня. Толстой в письме к А. Н. Дунаеву вспоминал недавнего посетителя: «Он много содействовал духоборам и очень серьёзный и хорошо думающий человек» (90: 312–313). Мэвор интересовался книгами о положении русских крестьян после освобождения, и, направляя его к Дунаеву, Толстой просил помочь «в этом и в том, что ему может быть нужно» (90: 313). В Ясной Поляне между Мэвором и Толстым беседы шли о «Воскресении», об английской литературе, об эстетике, гостях Ясной Поляны, о теории Генри Джорджа. В своих воспоминаниях Мэвор проникательно описывал характеры обитателей усадьбы и взаимоотношения в семье. «Семейная жизнь Толстых в тот период меня просто очаровала <...>. Многочисленные трапезы были неизменно весёлыми собраниями. Беседа всегда велась на хорошем, а иногда на высоком интеллектуальном уровне. Как и все русские, Толстые любили рассказывать истории. Истории часто рассказывались на итальянском языке – для Ге, много лет жившего в Италии и предпочитавшего этот язык, затем другому – по-французски, третьему – по-английски. <...> Никто не завладевал беседой, каждый вступал в разговор, и вся обстановка была непринуждённой и свободной. Если в это время Толстой страдал от семейных разногласий, он тщательно скрывал их» (Новый мир. 1999. № 12. С. 174). Уезжая, Мэвор выразил надежду, что Толстой посетит когда-нибудь Новый Свет. «Нет, – ответил он, весело подмигнув, – я готовлюсь к другому, лучшему миру» (там же. С. 175). Вернувшись в Канаду, Мэвор продолжил переписку с Толстым. 21 ноября 1901 г. Толстой писал дочери Татьяне: «Вчера получил от Mavor'a из Канады подробные сведения о религиозном подъёме 1/3 духоборов. Канадское правительство ужасается, но поступает мягко и заботливо» (73: 332). Следующее письмо Мэвора не сохранилось, но есть ответ Толстого на него от 30 ноября/13 декабря 1902 г., в котором писатель благодарил за сообщение сведений о духоборах: «Очень

приятно было узнать из присланных вами газетных вырезок, что канадское правительство, так же как и фермеры, отнеслось так хорошо к духовоборам» (73: 335). В 1910 г., находясь по делам службы в Китае и Японии, Мэвор собирался посетить Россию и Толстого. На конверте его письма рукой Толстого написано: «Ответь, что можно приехать» (82: 244). Он приехал 30 августа 1910 г. в Кочеты, где тогда Толстой жил у дочери. Пробыл один день. Приезд был отмечен Д. П. Маковицким: «Разговорчивый и приятный. 11 лет тому назад видел Л. Н. и не находит перемены в нём. Проезжал через Китай, где пробыл несколько месяцев, через Сибирь, Москву, а так как в Москве ему было “больно холодно”, съездил в Крым, чтобы смягчить резкую перемену климатов южного Китая и Москвы» (ЯПЗ. 4. С. 338). Толстой сказал: «...мне он был очень интересен» (ЯПЗ. 4. С. 359). Они говорили о положении Китая, о религии, культуре, и вновь о системе Генри Джорджа, по-разному её оценивая. В дневнике 30 августа Толстой записал: «Приехал Мавог. Профессор. Очень живой, но профессор и государственный, и нерелигиозный. Классический тип хорошего учёного» (58: 97). И в письме к С. А. Толстой 1 сентября 1910 г. поделился впечатлением от визита канадского профессора: «Третьего же дня был Мавог. Он очень интересен своими рассказами о Китае и Японии, но я очень устал с ним от напряжения говорить на мало знакомом и обычном <разговорном. — Л. Д.) языке» (84: 402). Свои воспоминания об этой встрече с Толстым Мэвор заканчивал так: «Когда я уезжал на станцию, то по русскому обычаю поцеловал Толстого на прощание, и, когда увидел в дверях его высокую фигуру, машущую мне рукой, я понял, что прощаюсь с ним навсегда. Месяца два спустя я узнал, что он ушёл из дома, в конце концов отрёкшись от жизни, полной компромиссов» (Новый мир. 1999. № 12. С. 178).

Л. С. Дробат

МЭЙО Изабелла Файви (Mayo; 1843–1914) – английская писательница, последовательница Толстого, редактировавшая английские переводы его сочинений в издательстве В. Г. Черткова «Свободное слово», сотрудница английского журнала «Open Road». В октябре 1904 г. в издании «Crank» (vol. 3, № 10) анонимный автор возмущался оскорбительными характеристиками царей в «бунтарской» статье Толстого «Единое на потребу». «Заводы, изготовляющие бомбы в Москве, – писал он, – выглядят невинной шуткой по сравнению с идеями, исходящи-

ми из Ясной Поляны» (р. 314). Вслед за этой статьёй напечатана пространная заметка И. Мэйо в защиту Толстого (ЯПЗ. 1. С. 534). Писатель был знаком с сочинениями Мэйо. 21 августа 1906 г. Д. П. Маковицкий записал в своей тетради: «Л. Н.: Чертков привёз “Историю христианства” Мэйо. “История” Мэйо малосодержательна. Симеона Столпника называет идиотом. Когда я дошёл до этого места, бросил дальше читать» (ЯПЗ. 2. С. 214). 11 сентября 1907 г. снова в тетради Маковицкого: «Вечером, часу в 11-м, Л. Н. пришёл к чаю. Говорил, что читал статью “История христианских церквей”, которую, по поручению Черткова, пишут Miss Mayo и Хирьяков. <...> Л. Н.: Mayo читать скучно, пишет культурно-учёно, останавливается на документах исторических, что говорит за правдивость их, что против... Хирьяков пишет хорошо» (ЯПЗ. 2. С. 508).

После смерти Толстого Мэйо обращалась с письменной просьбой к Черткову, чтобы он нарушил молчание и опубликовал причины ухода Толстого из Ясной Поляны. Чертков в своей книге «Уход Толстого» (М., 1922) приводил текст её письма от 17 января 1914 г.: «Многоуважаемый г. Чертков. В Англии многие теперь сознают, что настало время, когда в высшей степени желательно, чтобы мы услышали правду о драме последнего года жизни Льва Толстого от такого лица, которое было её очевидцем. <...> Некоторые из нас полагают, что собственные писания Толстого дают достаточное объяснение. Помню, когда я прочла последнюю страницу статьи “Живущие и умирающие” в его “Три дня в деревне”, написанной только за несколько месяцев до его смерти, я поняла, что духовные страдания Толстого доходили почти до невыносимой напряжённости. Но многие этого не понимают. <...> Надеюсь, что Вы обратите на этот вопрос Ваше самое серьёзное внимание...» (С. 5–6). Мэйо поддерживала переписку с последователями Толстого, в частности с М. Ганди.

Н. В. Зубкова

МЮЛЛЕР Фридрих Макс (Müller; 1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию и мифологии, основоположник научного религиоведения, один из самых известных индологов XIX в.

В 1841 г. Мюллер поступил в Лейпцигский университет, где изучал классические языки, психологию, антропологию. В 1848 г. он получил степень доктора философии и продолжил своё образование в Берлине и в Париже, изучая филологию, философию, санскрит и религии Востока. В 1868 г.

Мюллер стал профессором сравнительного языкознания в Оксфорде, преподавал санскрит. Опираясь на разработанные методы языкознания, он провёл анализ различных типов религий и создал сравнительный метод их изучения, изменивший многие устоявшиеся взгляды на характер, происхождение, развитие религий. Мюллер утверждал, что растущее человеческое сознание надо объяснять, исходя из истории языка. Одним из первых он начал изучать миграцию индоевропейских народов, ввёл в оборот термин «ариец» вместо громоздкого «индоевропеец» и стал творцом популярной начиная со второй половины XIX в. «арийской теории». В 1875 г. Мюллер оставил преподавательскую деятельность и занялся изданием серии «Священные книги Востока» (55 томов, 1879–1924 гг.), стал редактором первого в Европе издания древнейшего санскритского памятника «Ригведы» (6 томов, 1849–1874 гг.). Самому Мюллеру принадлежат труды по языкознанию, индийской философии, переводы ведийских гимнов, Упанишад (древнейшие философские трактаты индусов), буддийских текстов. Последняя большая работа Мюллера – книга «Шесть систем индийской философии» (1899) – считается фундаментальным трудом по индийской философии и религии.

Толстой не был знаком с Мюллером, но с уважением относился к этому имени. Как-то однажды в разговоре об Оксфордском университете он заметил: «Там был Макс Мюллер, свободомыслящий немецкий эмигрант 1848 года. (О нём Л. Н. говорил с уважением и любовью.)», – записал Д. П. Маковицкий (ЯПЗ. 1. С. 372). Толстому были интересны работы Мюллера в области языкознания. Прочитав книгу учёного «Наука о языке» (Воронеж, 1868), он писал А. В. Жиркевичу 30 июня 1890 г.: «Человек мыслит словом, как утверждает Макс Мюллер, – без слов нет мысли, и я совершенно согласен с этим. Мысль же есть та сила, которая движет жизнью и моей, и всего человечества. И потому несерьёзно обращаться с мыслью есть грех большой, и “verbicide” <убийство слова. – Н. З.> не меньше грех, чем “homicide” <убийство человека. – Н. З.>» (65: 121).

Наибольший интерес вызывали у писателя работы Макса Мюллера в области истории религии и индийской философии. Толстой всегда интересовалась Индия, особенно её философское наследие, духовный фундамент – Веды. Толстой читал такие классические ведические тексты, как Рамаяна, Махабхарата, Бхагавад-гита и др. Из этих текстов он включил немало изречений

в свои сборники «Круг чтения», «Мысли мудрых людей», «На каждый день», «Путь жизни». К более глубокому изучению древнеиндийской философии Толстой обратился в период своего духовного кризиса на рубеже 1870–1880-х гг., в поисках ответов на волновавшие его вопросы о смысле жизни. В письме к Н. Н. Страхову 27 ноября 1877 г. он просил прислать в Ясную Поляну книги о религии и среди них книги Макса Мюллера (некоторые из присланных во французском переводе книг до сих пор сохранились в ЯПБ: «Essais sur la mythologie compare» (Р., 1874), «La science de la religion» (Р., 1873), «Essais sur l'histoire des religions»). Читая «Essais sur l'histoire des religions», Толстой записал: «Сознание совершённого греха является одной из выдающихся черт религии Вед» (48: 348). Он сопоставлял ранний буддизм и раннее христианство в концепции единства жизни и законов кармы. Четыре толстовских критерия истинной религии, такие как всеобщность, разумность, практичность и закон причин и следствий, полностью соответствовали раннему буддийскому учению. Однако, положительно принимая ценности раннего буддизма, Толстой критически относился к поздним «извращённым» религиям, того же мнения придерживался и Макс Мюллер. Впрочем, получив тридцать два года спустя от И. И. Горбунова-Посадова книгу Мюллера «Шесть систем индийской философии» (переведена на русский язык и издана в Москве в 1901 г.), Толстой сказал: «Прочту, непременно прочту. Только горе, что он – учёный. Ох, эти ученые!» (Прометей. 12. С. 213). Эта книга, с карандашными пометками писателя, сохранилась в его яснополянском кабинете. Он читал её дважды, в 1901 и в 1910 гг., резко отзываясь о ней. В дневнике Толстого 23 сентября 1910 г. есть запись: «Обедал, читал Макса Мюллера “Индийскую философию”. Какая пустая книга» (58: 106). Макс Мюллер скончался в Оксфорде.

Н. В. Зубкова

МЯСООЁДОВА Елизавета Александровна («Веточка»; рожд. Берс; 1885–?) – родная племянница С. А. Толстой, дочь её старшей сестры Е. А. Берс; окончила петербургскую гимназию им. А. А. Оболенской. Вместе с матерью иногда посещала Ясную Поляну и московский дом Толстых. Толстой с напряжением переносил общение с Елизаветой Александровной. Возможно, здесь играло роль отношение писателя к её матери, образ которой оказался запечатлённым в одном из самых узнаваемых персонажей «Войны и мира», старшей

дочери в семье Ростовых – Вере Ростовой. «Дома Веточка, дочь Лизы, – записал Толстой в дневнике 30 сентября 1909 г. – Очень уж чуждая, я недобро говорил с ней. Одно хорошо, что я так приучил себя, что как только согрешу против любви с человеком, так сейчас больно чувствую. И входя

в общение с людьми, помню. Это прогресс. И я не могу не радоваться» (57: 147). В тот же приезд родственниц Софьи Андреевны ещё запись 2 октября: «За обедом очень тяжело переносил разговоры с Веточкой. Как тип, очень характерный» (57: 148).

Н. И. Бурнашёва

Н

НАГАТКИН Михаил Степанович (даты жизни не установлены) – московский знакомый и собеседник Толстого. Окончил математический факультет Московского университета. В середине 1890-х гг. служил Главным директором Волжско-Камского банка. Являясь душеприказчиком купеческой вдовы В. В. Алексеевой, по её желанию выделил из её капиталов 150 тыс. рублей на строительство Музея изобразительных искусств им. Александра III (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина). Последователь А. Шопенгауэра, Нагаткин считал себя компетентным в вопросах богословия и философии. Прочитав ходившие по Москве в рукописях «В чём моя вера?» и др. сочинения Толстого и не разделяя высказанных в них взглядов и положений, Нагаткин искал возможность встретиться с писателем, чтобы обменяться с ним мнениями. Организовать встречу с Толстым помог его знакомый А. Д. Ходнев, с семейством которого писатель дружил. Зимой 1894 г. эта встреча состоялась в доме у Ходнева. «Познакомив их и посадив в столовой за чайным столом рядом, – вспоминал Ходнев, – я вскоре заметил, что разговор их часто прерывался вопросами других наших знакомых, пришедших посмотреть и послушать автора “Войны и мира”. Чтобы предоставить им больше удобств для беседы, я предложил им перейти в кабинет, куда подали и чай и куда я заходил от времени до времени на них взглянуть, но всё время с ними оставаться не мог. Я заметил, что оба спорили горячо, так как не сходились, по-видимому, в основных положениях. Примерно через час Л. Н. с недовольным лицом пришёл с нами прощаться. С М. С. Нагаткиным он простился очень сухо, не сказав ему ни слова». После ухода Толстого хозяин спросил Нагаткина: «До-

вольны ли вы, что побеседовали, да ещё так долго со Львом Николаевичем и какое он произвёл на вас впечатление?» В ответ Нагаткин с явным раздражением сказал: «Изволите ли вы видеть, Алексей Дмитриевич, граф Лев Николаевич не может простить господу Иисусу Христу, что он раньше него пришёл на землю со своим учением» (Ходнев А. Д. Мои встречи с Л. Н. Толстым // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 230).

В. Н. Чисников

НАГОРНОВ Николай Михайлович (1845–1896) – родственник и знакомый Толстого, его корреспондент и адресат. Тульский помещик, владелец сельца Богородского Чернского уезда Тульской губ.; надворный советник; с 1874 г. чиновник по особым поручениям при Московской казённой палате; близкий к В. С. Перфильеву, губернатору Москвы в 1878–1887 гг., приятелю молодости Толстого; в 1887–1896 гг. член Московской городской управы. В 1874–1881 гг. вёл издательские дела Толстого, до 1885 г. был комиссионером по реализации опубликованных его сочинений, пока С. А. Толстая не взяла в свои руки ведение всех дел по продаже книг. В 1872 г. Нагорнов женился на В. В. Толстой, люби-



мой племяннице Толстого. Брак его считали «неудачным и жалели милую, поэтическую Вариньку, которая всё-таки по-своему счастливо прожила жизнь с этим Нагорновым, который очень её любил, но во многом был всем» чужд (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 201). Однако 20 но-

ября 1890 г. С. А. Толстая признала притягательную силу слаженности семьи Нагорновых: «С какой я завистью смотрю даже на Нагорновых каких-нибудь, что они *вместе*, что есть что-то связывающее супругов» (ДСАТ. 1. С. 125). У Толстого с Нагорновым установились доверительные отношения, проявившиеся исключительно в деловых сферах: печатание и распространение книг, заказ книг и учебных пособий для народных школ Крапивенского уезда, обращение в Учёный комитет Министерства народного просвещения по вопросу одобрения выпущенной «Новой азбуки», в выборе заглавия которой Толстой положился на Нагорнова, предложив ему три варианта: «Детская азбука», «Новая или Детская азбука» и «Новая азбука» – и согласившись с указанным Нагорновым. Они обменивались впечатлениями о политической жизни. Так, о начавшейся в 1877 г. Русско-турецкой войне Толстой писал Нагорнову, рассчитывая на взаимопонимание: «Война тревожит меня и мучает ужасно» (62: 341). 5 мая 1875 г. Толстой в письме к Нагорнову выражал благодарность за конструктивное сотрудничество: «...я ценю вашу мне помощь...» (62: 182). Нагорнов так и не вошёл в семейный, близкий круг общения Толстого, но оставил о себе светлую память, чем Толстой поделился с В. Г. Чертковым в письме 23 января 1896 г.: «Его почему-то, по внешности его, все мало любили, но никто не знает про него ничего, кроме хорошего» (87: 350).

А. С. Кондратьев

НЕБОГАТОВ Николай Иванович (1849–1922/1934?) – российский флотоводец, контр-адмирал. 10 января 1905 г. назначен командующим эскадрой, отправленной из Балтийского моря на Дальний Восток в подкрепление эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского. В Цусимском сражении участвовал в качестве младшего флагмана на эскадренном броненосце «Император Николай I». После выхода из строя флагмана принял командование эскадрой.



Потерпев поражение в Цусимском сражении и не желая обрекать матросов и эскадру на гибель, 15 мая 1905 г. сдал японскому флоту эскадренные броненосцы «Император Николай I», «Орёл» и броненосцы береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». 22 августа 1905 г.

за сдачу в плен был исключён из службы с лишением чинов, в декабре 1906 г. приговорён к смертной казни, заменённой десятью годами крепости. Помилован в 1909 г. после 25 месяцев тюремного заключения. Скончался в Москве 4 августа 1922 г. По др. данным, дожил до глубокой старости (до 1934 г.) в крымском селе Михайловка.

В Ясной Поляне живо интересовались событиями Русско-японской войны. Толстой с интересом читал в газетах сообщения с театра военных действий, которые активно обсуждались в усадьбе: «Л. Н.: Утром принёс мне Илья Васильевич статейку из газеты о том, что Небогатову матросы не повиновались. Страшно, но хорошо. <...> Чтобы проверить сообщение об отказе командира судна во Владивостоке, Л. Н. взял в руки газету...» (ЯПЗ. 1. С. 294). Это запись Д. П. Маковицкого 25 мая 1905 г. В тот же день Маковицкий записал оценку войны и отношение к ней Толстого: «Л. Н.: В войне для меня были три события, самые мучительные: потеря 30 пушек (Тюренчэн), сдача Порт-Артура и разгром Балтийской эскадры. Жаль мне было, во-первых, убитых людей, второе – русских людей, и третье – ложно направленной покорности русского народа, приведшей к этим ужасным событиям. Этот разгром Балтийского флота будет иметь большое нравственное значение» (*там же*). Дунаев рассказывал, «что в московских газетах сообщено: с “Орла”, военного судна, 140 тяжелораненых было сброшено в море, чтобы не деморализовались остальные. На судне же Небогатова было повешено 40 матросов (вероятно, за нежелание воевать). В машинное отделение этого судна попал снаряд и многих убил, остальные отказались работать. Кончилось тем, что матросы связали Небогатова и сдались. Л. Н. сказал, что на войне, с военной точки зрения, такое возможно. Обстоятельно рассказал, как он в Севастополе поехал к месту, где происходило сражение (отразили атаку французов)» (*там же*. С. 295). Военные события мая 1905 г. побудили Толстого к размышлениям о закономерностях исторического процесса, о будущем России. 14 июля 1905 г. парижский корреспондент «New York World» Стефан Маккенна интервьюировал писателя. В тот же день вечером Толстой рассказал Бирюкову, «что передал корреспонденту содержание новой статьи <речь идёт о статье «Конец века». – И. Л.-Б.>. Движение, которое в России происходит, будет иметь последствия, но не те, какие Великая французская революция – история не повторяется, – не замену одной насильственной формы правления другой

насильственной формой (конституцией), но освобождение от насильственного правления, которое если при первой попытке и не удастся, то может удасться лет через 30. Признаки: неподчинение требованиям власти отдельных лиц, частей войск под Мукденом, на "Потёмкине", у Небогатова, в Калуге. Одновременно с этим процессом идёт другой – устройство своего управления. Русский народ отличается от западных: во-первых, тем, что не признаёт права собственности на землю; во-вторых, отвращением к правлению (власти). Он покори́лся власти и ждал от неё уничтожения крепостного права, как теперь ждёт освобождения земли от собственности. <...> Это пишу, – сказал Л. Н., – чтобы показать, в чём должна молодёжь содействовать, помогать, не разрушать. Последствия движения в России будут огромные для всего мира» (там же. С. 344). Обсуждение поведения русского флота в Русско-японской войне продолжалось в Ясной Поляне и в 1906 г.: «Иосиф Константинович <Дитерихс. – И. Л.-Б.> рекомендовал Л. Н. прочесть защитительную речь Небогатова на суде. – Что же? – говорил Иосиф Константинович, – потопить суда ради Андреевского флага, чтобы скрыть все грехи, недостатки судов? Л. Н.: Я слышал о ней, но не хотел читать; знаю, что в таких защитительных речах всё придумано для оправдания. Они готовятся за два месяца вперёд: фраза "потопить..." придумана адвокатом. Мне этот мир был и есть чужд. Не хочу в него вмешиваться, так и умру» (ЯПЗ. 2. С. 53). В то же время «Л. Н. негодовал, что за военные действия наказали Небогатова; говорил в том смысле, что не следует судить людей, идущих против дула пушек, за то, что не жертвовали жизнью» (там же. С. 334). В окончательной редакции статьи «Конец века» события, связанные с неповиновением матросов Небогатову были исключены, но, несомненно, вывод, сделанный Толстым, опирался и на эти факты: «Престиж власти разрушен, и перед русскими людьми нашего времени, перед огромным большинством их, возник во всём великом значении вопрос о том, должно ли, следует ли повиноваться правительству. В этом возникшем в русском народе вопросе – одна из причин предстоящего, а может быть, и начавшегося великого всемирного переворота» (36: 249–250).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

НЕДБАЛ Оскар (1874–1930) – чешский альтист, композитор, дирижёр; в 1891–1906 гг. играл в чешском квартете. В Москве в Малом зале Благородного собрания в середине декабря 1895 г. Толстой слушал выступле-

ние чешского струнного квартета в составе: Карл Гофман (1-я скрипка), Иосиф Сук (2-я скрипка), Оскар Недбал (альт), Ганс Виган (виолончель). В 1890-е гг., уже известный писатель, он не посещал публичные концерты, чтобы не привлекать к себе внимание, а потому, по свидетельству В. Ф. Лазурского, слушал концерт из артистической комнаты. 19 декабря чешский квартет был приглашён в хамовнический дом Толстых. «Играли квартет Бетховена (из первых), Шуберта, Гайдна, – записал в своём дневнике В. Ф. Лазурский. – От всего Лев Николаевич был в восторге: "Ясно, прозрачно". Квартет же Танеева между ними, по его мнению, похож на стихотворение, которое составлено из набора всяких слов без связи, но с соблюдением размера и рифмы» (Лев Толстой и музыка. С. 157). Годы спустя в Ясной Поляне вспоминали об этом концерте, рассказывали «о чешском квартете (Vihan, Suk, Hoffman, Nedbal), как играли в Хамовниках, между прочим сочинение Танеева. Такое было воодушевление! Но ведь такого исполнения нет ни у кого. Чехи – это боги. С. И. Танеев им сказал, что в их исполнении исчезают недостатки его сочинения» (ЯПЗ. 2. С. 27).

Несколько раз О. Недбал был в Ясной Поляне. О своих посещениях Толстого он вспоминал в статье «Россия вчера и сегодня» (ЯПЗ. 1. С. 528). Рассказал и о том, «что, когда он указал Толстому на целомудренный характер музыки бетховенской сонаты и удивился, почему Лев Николаевич изобразил её в таком странном свете, Толстой будто бы ответил: "Вы, может быть, и правы, но я никогда бы не написал "Крейцеровой сонаты", если бы слышал исполнение благородных музыкантов. В слышанном мною исполнении двух плохо игравших учеников она произвела на меня впечатление эротического произведения"» (Лев Толстой и музыка. С. 134).

Н. И. Бурнашёва

НЕКРА́СОВА Екатерина Степановна (1847–1905) – журналист, писатель, общественный деятель, историк литературы. Родилась в Москве, в семье священника. Несмотря на тяжёлую нужду (отец рано умер, оставив на попечении матери шестерых детей), сумела получить образование. В 1865 г. выдержала в Московском университете экзаме́н на звание домашней учительницы. Участвовала в женском движении, борьбе за высшее образование женщин, став одним из инициаторов создания в Москве Высших женских курсов, атмосферу которых сумела передать в книге «Из прошлого женских курсов» (М., 1886).

Потрясением для Некрасовой стала смерть сестры Варвары, погибшей от тифа на Русско-турецкой войне. (Судьбе сестры, одной из первых женщин-врачей, посвящена книга «Жизнь студентки» – М., 1903.) Преодолев тяжёлый душевный кризис, Некрасова поняла, что жертвенное служение обществу – главное в жизни. Веря в силу печатного слова, она стала активно пишущим журналистом, рецензентом, литературным критиком; печаталась в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Северном вестнике», «Русском архиве», «Русских ведомостях». На свои деньги она составила и отправила в провинцию библиотеки научно-практической, медицинской, справочной, художественной литературы. В связи с этой работой имя Некрасовой не раз упоминалось в переписке Толстого и В. Г. Черткова. Её статья «Книжки для народа» (Новости. 1885, 16 июля) об издательской деятельности «Посредника», посланная Толстому Чертковым, вызвала одобрительный отзыв писателя: «Очень хорошая статья» (85: 254). Была Некрасова и лично знакома с Толстым. В дневнике 16 марта 1889 г. он отметил: «...ходил утром к Маракуеву, встретил там Некрасову. Не достаточно любовно обошёлся» (50: 53).

В 1889 г. Некрасова опубликовала статью «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» (Северный вестник. 1889. № 5–7), в которой отмечала вклад Толстого в дело создания литературы для народа: «...Л. Н. Толстой первый заговорил таким простым хорошим языком»; «Он своим непосредственным участием, своим примером в деле издания дал громадный толчок всему обществу». Отдавая должное писателю, Некрасова резко возражала против свойственной, по её мнению, и Толстому, и издательству «Посредник» тенденциозной односторонности в изображении народной жизни и против «принципа непротивления злу».

Несмотря на разногласия, Некрасова сотрудничала с «Посредником», подготовила для народного чтения две книги, пересказав, переработав житийные тексты. Святые в её повестях и рассказах – борцы за правду, добро и справедливость, защитники униженных и слабых. Первой книгой стала небольшая повесть «Иоанн-Воин» (1886). Над второй книгой – «Юлиания Лазаревская» – работа шла трудно. В марте 1886 г. Толстой писал Черткову: «Нет, В. Г., положительно “Юлиания Лазаревская” совсем не годится. Пишу обдуманно. Если увижусь с Некрасовой, так и скажу ей. – Все жития, как только переводятся на простой язык, так сейчас поражают своей искусственностью.

Только на славянском или древнем они читаются. И этим обманывают» (85: 328). Некрасова переработала повесть с учётом замечаний Толстого. «Передайте Льву Николаевичу, – просила она в письме к Черткову, – мою большую благодарность за все поправки. Для меня в них много радости» (85: 328). Присланная после переработки повесть вновь в редакции «Посредника» подверглась правке. Некрасова считала, что характер этой правки лишил её работу своего лица. В письме от 21 ноября 1886 г. она писала Черткову: «...Из повести *вынуто, выбрано* всё то, чем она в моих глазах имела цену, – почему она была *моя*...» (85: 329). Некрасова отказалась печатать повесть в таком виде. В результате «Юлиания Лазаревская» вышла в свет в 1887 г. в «побочной серии» «Посредника» с небольшими сокращениями.

Тогда же Некрасова создала ряд жизнеописаний выдающихся людей России, цикл очерков о русских писательницах, опубликовала интересные материалы, обнаруженные ею в рукописном отделе Румянцевского музея.

Е. В. Бойцова

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Василий Иванович (1844–1936) – прозаик, очеркист, журналист, брат Вл. И. Немировича-Данченко. Родился в Тифлисе в семье потомка казаков, коменданта Дербента. В 1863 г. по окончании Александровского кадетского корпуса в Москве поступил в Петербургский университет. В конце 1871 – начале 1872 г. опубликовал первые стихотворения в «Отечественных записках». В это же время начал активно печатать циклы очерков «Воспоминания и рассказы о поездке с богомольцами на Соловки», «С океана. Очерки севера», «За северным полярным кругом». В 1877–1878 гг. как военный корреспондент от «Нового времени» Немирович-Данченко участвовал в Русско-турецкой войне, впечатления от которой легли в основу документальных книг «Год войны. Дневник военного корреспондента» (1877–1878), «Скобелев» (1884) и романов «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881).



В 1885 г. Толстой задумал опубликовать в «Посреднике» рассказ Немировича-Данченко «Махмудкины дети», созданный по воспоминаниям о Русско-турецкой войне. Он писал Черткову: «Немировича-Данчен-

ко рассказ превосходен по содержанию. Лучше ничего нельзя желать, но он невозможен по искусственности языка и излишествам описаний и природы и чувств. Надо попросить самого Немировича пересмотреть его и поправить его, имея в виду чтение народное» (85: 171). После авторской правки рассказ вышел в «Посреднике» в 1886 г. В конце 1880-х гг. в издательстве были также опубликованы рассказы Немировича-Данченко «Турчаночка» и «Абдулка-музыкант», о которых Толстой писал Черткову: «недурно, но язык непривычный» (86: 31). 26 мая 1889 г. состоялась личная встреча писателей в Ясной Поляне, о чём сохранилось упоминание в дневнике Толстого: «Приехал Данченко. Можно было лучше, любовнее принять» (50: 86).

С началом Русско-японской войны Немирович-Данченко стал военным корреспондентом от «Русского слова». Печатавшиеся корреспонденции и очерки писателя под названием «В Японии (дневник корреспондента)» пользовались широкой популярностью у аудитории журнала, читали их и в Ясной Поляне. 17 апреля 1908 г. Д. П. Маковицкий записал: «За обедом Л. Н. говорил, что читал <...> Немировича-Данченко фельетон 16 апреля в «Русском слове» — «В Японии. — Плоды побед — беспримерная нищета». Это что-то ужасное <...>. Л. Н. прочёл, как в Японии родители продают дочерей в «дом с решётками» и правительство облагает погибших налогами, и все у него на счету» (ЯПЗ. 3. С. 63). 18 апреля писатель «возвратил вырезки фельетона о Китае и Японии Немировича-Данченко: «Не люблю я его тон, — сказал Л. Н. — Много интересного, но такой развязный тон, несерьёзный» (ЯПЗ. 3. С. 64).

Интересуясь работами Немировича-Данченко, Толстой в то же время нередко весьма критично характеризовал их. Так, В. Ф. Лазурский в своём дневнике отмечал, что имя Немировича-Данченко в Ясной Поляне — синоним «чего-то пустопорожного, никому ни для чего не нужного» (ТВС. 2. С. 57). И. М. Ивакин также вспоминал, что о Немировиче-Данченко — «писателе, о коем не без насмешки как-то давно Л. Н.» говорил, что «у него, во всех писаниях, отпущен один мужик, обязанный забавлять читателя» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 68).

В отличие от своего брата, Василий Немирович-Данченко не принял революцию 1917 г. и эмигрировал. В 1922 г. он получил разрешение на выезд за границу, жил в Берлине, затем — в Праге. В последние годы жизни создал мемуарную книгу «На кладбищах», был почётным председателем

Пражского и почётным членом Белградского союзов русских писателей и журналистов. Умер в Праге.

А. А. Федотова

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир Иванович (1858–1943) — театральный режиссёр, педагог, брат Вас. И. Немировича-Данченко. Родился в семье потомка казаков, помещика Черниговской губ., служившего на Кавказе. Окончив Тифлисскую гимназию, в 1876 г. поступил на физико-математическое отделение Московского университета. С 1877 г. стал публиковаться как театральный критик, с 1881 г. — как драматург.

В 1890–1900-х гг. Немирович-Данченко выступил почитателем и популяризатором позднего творчества Толстого. 19 декабря 1898 г. на литературно-музыкальном вечере в театре Корша он прочёл фрагмент незавершённого рассказа Толстого «Мать» («История матери»). Восторженно принял театральный режиссёр появление романа «Воскресение»: роман публиковался в «Ниве» с 13 марта. 10 июля 1899 г. в письме к Толстому он заметил: «Ваш роман часто перестаёт быть литературой, по крайней мере я не припомню, когда ещё читал что-нибудь так, как будто и не читаю, а сам хожу и вижу этих людей, камеры, комнаты, фортепьяно, ковры, мостовую и т. д. ... Это уже не иллюзия жизни, а она сама, эта жизнь» (цит. по: Опульская. Материалы. 2. С. 357).

В 1891–1901 гг. Немирович-Данченко начал преподавать на драматических курсах Московской филармонии. В 1898 г. совместно с К. С. Станиславским основал Московский Художественный общедоступный театр, руководил им и несколькими театральными студиями. В 1900 г. Толстой дважды посетил театр: писатель побывал на спектаклях «Дядя Ваня» по пьесе А. П. Чехова и «Одинокое» по драме Г. Гауптмана. После окончания сезона 1899–1900 гг. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский отправили Толстому от имени «тружеников Художественного общедоступного театра» телеграмму, в которой говорилось, что они

считают в жизни театра лучшими «те вечера, когда театр был осчастливлен присутствием величайшего мирового писателя» (Станиславский К. С. Сочинения. Т. 1. М., 1954. С. 169).

16 октября 1900 г. Немирович-Данченко



посетил Ясную Поляну. В это время Толстой работал над пьесой «Живой труп». Слухи о новой пьесе быстро проникли в печать, к писателю стали обращаться журналисты и театральные деятели с просьбами о публикации и постановке пьесы. Об этом Толстой упоминал в письме М. Л. Оболенской 15 октября 1900 г.: «Последние дни густо шёл литератор. Началось с Веселитской, потом молодой марксист Тотомьянц, <...> потом Горький, потом Немирович-Данченко» (72: 487). Отмечая приезд руководителя Московского Художественно-общедоступного театра, Толстой записал в дневнике: «Немирович-Данченко был о драме. А у меня к ней охота прошла» (54: 48). Поездка театрального режиссёра не увенчалась успехом: дать драму Толстой отказался. По воспоминаниям Немировича-Данченко, писатель отметил, что пьесу он пишет «в часы досуга, в виде отдыха, для развлечения», считая более важным делом работу над своими публицистическими произведениями (34: 540). В долгом разговоре Толстой указал и на то, что для постановки новой пьесы ему необходима вертящаяся сцена, так как он писал её не актами, а картинками, считая, что это ему обеспечивает большую свободу в обработке материала.

После революции 1917 г. Немирович-Данченко продолжил активную работу как театральный деятель: вошёл в число членов Центротейатра, стал одним из основателей и редакторов журнала «Культура театра». В 1930-е гг. был назначен председателем Комитета по присуждению Сталинских премий, до конца жизни оставался директором и руководителем МХАТ'а. Немирович-Данченко – создатель двух спектаклей по произведениям Толстого: в 1911 г. им поставлен «Живой труп», в 1930 г. – «Воскресение».

А. А. Федотова

НЕМОЛОДЫШЕВ Никита Арсеньевич (даты жизни не установлены) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого, врач. Их знакомство состоялось в 1888 г., в конце учёбы Немолодышева, слушателя врачебных курсов в Петербурге, через врача Н. Е. Богоявленского, который в 1886 г. получил звание лекаря и работал земским врачом в Данковском уезде Рязанской губ. Немолодышев также в 1888–1889 гг. состоял земским врачом в Данковском уезде, затем в Туле и в 1889–1890 гг. уже в Петербурге.

Запись в дневнике Толстого 30 декабря 1888 г. говорит о том, что это была не первая их встреча. Вспоминая себя в университете, Толстой видел в Немолодышеве свои тревоги того времени: «Потом пришёл

Немолодышев. Сердит, злопамятен и мелочен. Говорили о внешнем и мелочах. Он оставался при своём, потом сказал о своей тоске, беспомощности, одиночестве и страхе смерти, я узнал себя и мне стало жалко его; я сказал: молитесь Богу, т. е. найдите ту точку, в которую смотреть помимо людей. Он понял. Он живёт в постоянном ужасе смерти. На нём поразительно ясно то, что с ним, с Серёжей и с кучей людей. В университете товарищеская самая либеральная нравственность – фрондировать, никому не кланяться, уважать науку (ну, целый кодекс), нравственность чужая, наклеяная. И с ней живётся недурно сначала и как будто подъём. Но проходит время, приложений её нет, напротив, а самомнение остаётся то же и погибель. Немолодышев страдает тем, что у него нет сознания своих вин. И все они также снисходительны к себе, и строгость к другим» (50: 18). К тому времени относится переписка Толстого с Немолодышевым.

Письма Толстого не сохранились, за исключением одного письма. Словно желая усилить убедительность своей мысли, высказанной при посещении молодым человеком хамовнического дома, Толстой уже на следующий день писал Немолодышеву, а затем в 1889 г. и в 1890 г., получив от него письмо, «жалкое по своей гордой нелепости» (51: 20), в котором тот заявлял, что «не надо усилий» в жизни. 17 февраля 1890 г. в дневнике Толстой набросал конспект ответа Немолодышеву. Видя тревожное превосходство мыслительного анализа студента-психастеника над непосредственными ощущениями, когда он больше переживает своё эмоциональное отношение, писатель предлагал ему защитить свою душу от ранящих её воздействий: «Человеку свойственно делать – и даже никогда не переставать делать – усилия. Усилие просветить себя – не в смысле приобретения каких-нибудь случайных знаний, а в смысле познания закона своей жизни, познания того, что должно и чего не должно делать, – нравственного закона. И насколько просвещён в этом смысле человек, насколько больше он сделал усилий, чтобы просветить себя, настолько меньше усилий ему нужно будет для того, чтобы радостно и спокойно делать то, к чему влечёт его природа. И потому я совсем не согласен с вами в том, что “надо поменьше и, главное, попроще думать”. Напротив, надо думать как можно больше и лучше. <...> Думать (и много самому с собой, а не с людьми, не перед людьми), думать надо об этом, не только главном, но единственном стоящем такой думы предмете, о том, как провести свою жизнь? Ошиб-

биться в лекарстве, в операции – никакой беды нет для того, кто подвергается этой ошибке, – умрёт, но вся жизнь его останется, какою была. Ошибиться же в руководстве своей жизни ужасно, потому что вся жизнь погублена. А смерть придёт сама собой» (65: 25–26).

Человек, охваченный беспокойными размышлениями, был понятен Толстому, духовно созвучен ему. И он опекал этих похожих на него людей, защищая их от жизненных бед и сам чувствуя себя сильнее.

В. Н. Кудрин

НЕМРАВА Вилли (Nemrawa; даты жизни не установлены) – последователь религиозного учения Толстого, его корреспондент и адресат из Моравии. Толстой высоко ценил способность Немравы ставить религиозные требования выше государственных, смотрел на его деятельность «с любовью и уважением». Писатель считал, что такие личности, как он, делают много добра, потому что их поступки побуждаемы исключительно внутренним убеждением. Впервые о Немраве Толстой услышал от Д. П. Маковицкого. В декабре 1904 г. доктор прочитал ему письмо от своего чешского друга Я. Яначека (1878–1964) с сообщением об отказе Немравы от военной службы. В ноябре 1904 г. Немрава был приговорён к тюремному заключению. Толстой заинтересовался его историей, пересказал её дочери Марии Львовне и заметил: «Придётся ему страдать». Маковицкий перевёл письмо Яначека на русский язык и послал его в Англию В. Г. Черткову. Оно послужило основой для публикации сообщения о Немраве в газете «Свободное слово» (1905, Лондон, № 15, январь–февраль. С. 487). В апреле 1905 г. Толстой прочитал с большим интересом шесть писем Немравы к своему единомышленнику Гроаку, присланных в Ясную Поляну Р. Брахом. Корреспондент из Оломоуца сообщал о новом осуждении Немравы и просил Толстого уговорить его принять военную присягу, чтобы избежать двух лет тюремного заключения. Но тот соглашался на уступку лишь в случае одобрения своего учителя. Толстой заявил, что, несмотря на глубокое сострадание к Немраве, он не будет оказывать давление на его убеждения. В ответном письме Брах известил о помещении Немравы в крепость Терезин. В октябре 1907 г. Немрава был освобождён. Спустя два месяца Толстой получил от него письмо, давал читать его Н. Н. Гусеву и Маковицкому. Позже Немрава переписывался с Маковицким.

З. М. Богачёва

НЕЧАЕВ Николай Васильевич (1818–1877) – врач-хирург, ординатор Голицынской больницы в Москве. В операции на руке Толстого, проведённой в этой больнице докторами Поповым и Гааком 28 ноября 1864 г., Нечаев не участвовал. Толстой обратился к нему за советом 4 декабря 1864 г. «Об руке должен тебе сообщить не радостные известия, – писал он в тот же день С. А. Толстой в Ясную Поляну. – Попов и Гаак вчера нарочно съехались вместе, сняли перевязку, и хотя и уверяют, что кость подвинулась немного, кажется, что от операции собственно пользы очень мало. Они предлагали ещё раз попробовать, опять повторяя, что из 100 шансов есть один. И я, было, находился в нерешительности, но вздумал посоветоваться с Иноземцевым и Нечаевым, сыном знаменитого костоправа, про которого мне говорили. <...> В 2 часа приехал Нечаев и сказал, что править решительно невозможно, а посоветовал распариванье в бане, мази и лёгкая повязка под мышку, уверяя, что этим способом может почти исправиться; вообще обещал, что буду почти владеть рукой; так как его средства все безвредные, то я на них остановился и сейчас иду в ванну. Я сам надеюсь, что буду ещё в силах тебя носить на правой руке и дать тукманку правой рукой тому, кто тебя обидит. Теперь есть ещё отёки и слабость от ломания. Рука совсем не поднимается, и больно при толчках...» (83: 78–79). Через день снова из Москвы в Ясную Поляну: «Вчера и нынче был в ванне, и ванны, натиранья и повязка Нечаева производят на руку приятное впечатление, будто она здорова» (83: 81). Наступило заметное улучшение, и Толстой, считая себя почти здоровым, 10 декабря строил планы, связанные с отъездом: «Руке становится лучше, и подаёт мне хорошие надежды. Нынче увижу Попова, Гаака и Нечаева, с тем чтобы они сказали мне последнее слово перед отъездом» (83: 90). Благодаря лечению доктора Нечаева, правая рука Толстого постепенно оживала: 11 декабря 1864 г. он писал жене: «Завтра приедет ко мне Нечаев, которому я обязан за советы бань, мази и бинтованья...» (83: 92).

Н. И. Бурнашёва

НИКАНОР (в миру: Александр Иванович Бровкович; 1826–1890), архиепископ – духовный писатель; архиепископ Херсонский и Одесский; доктор богословия. Будучи бакалавром по кафедре обличительного богословия, разработал науку обличительного богословия. В С.-Петербургской духовной академии вёл занятия и по расколу, на которых нередко обращался к современ-

ной жизни россиян. В 1871 г. началось его епископское служение. В конце 1880-х гг. выступил с критикой религиозных сочинений Толстого.

В 1899 г., работая над второй главой книги «Царство Божие внутри вас», Толстой просил дочь Т. Л. Толстую прислать критику А. Г. Орфано и Никанора на религиозно-философский трактат «В чём моя вера?», вышедший в 1884 г. Критика Никанора, в ту пору епископа, была опубликована в IV выпуске сборника «Беседы и поучения» (Одесса, 1887. С. 482–488), он обвинял Толстого в ереси, «разрушающей самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии». В России трактат Толстого был запрещён. В 1888 г. Синод утвердил решение Московского цензурного комитета относительно публикации книги «О жизни». По этому поводу архиепископ Никанор писал Н. Я. Гроту, что книгу не дочитал, но видит в авторе «ум, правда, тонкий, изворотливый, даже – скажем – инде глубокий», а в труде всё «шито нитками софизмов» и что в Синоде обсуждается вопрос об анафеме ряду лиц, включая Толстого (см.: Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах. СПб., 1911. С. 330).

В 1890 г. повесть Толстого «Крейцерова соната» в английском издании получила успех в США. В России повесть запретили. Толстой не остался равнодушен к скандалу в американской почте, почт-директор которой был вынужден запретить рассылку газет, напечатавших повесть. Судя по дневниковой записи, сделанной Толстым 15 августа, архиепископ Никанор к этому решению о запрете имел прямое отношение: «Да, вчера статьи о Крейцеровой Сонате. Скандал в Америке и ругательства Никанора. Мне было не неприятно» (51: 77).

В 1889–1890 гг. в Одессе были изданы три критические работы архиепископа Никанора о личности и религиозных трудах Толстого: «Беседа о том, что ересееучение графа Л. Толстого разрушает самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии», «Почтение о том, что ересееучение графа Л. Толстого разрушает основы общественного и государственного порядка» и «Церковь и государство: Против графа Толстого». С критикой религиозных взглядов Толстого архиепископ Никанор выступал на страницах печати: в газетах «Крымский Вестник», «Волянь» и журналах «Православное обозрение», «Новости». После кончины архиепископа Никанора отдельным изданием вышла его работа: «Беседа о христианском супружестве: Против графа Льва Толстого» (Одесса, 1894).

А. В. Шмелёва

НИКОЛАЕВЫ Валентин Сергеевич (Валёк; 1899–?) и Роман Сергеевич (Ромка; 1897–?) – ученики Толстого в 1907 г. Сыновья Сергея Дмитриевича Николаева, единомышленника Толстого. Занятия с мальчиками Толстой начал весной. 4 мая он говорил Д. П. Маковицкому: «Л. Н.: В школе первый раз и два мальчика Николаевы. Даровитые. Мать хороша; она с ними читала Евангелие» (ЯПЗ. 2. С. 427). В своём дневнике Толстой тоже упоминал мальчиков Николаевых: «Нынче 22 мая 1907. Ясная Поляна. Почти месяц ничего не записывал. За этот месяц продолжал уроки с детьми и приготовления к ним. <...> Милый Николаев и его мальчики» (56: 31). «Приготовления» к урокам носили особенный характер: учитель постоянно думал о том, что и как он поведает ребятам. Однажды, записал Маковицкий, «Л. Н. вспомнил, как какая-то русская барыня посетила больного Вольтера; он встал на колена в кресле, опёрся руками на спинку и разговаривал с ней. “Какая художественная подробность! – сказал Л. Н. – Когда я такую приведу мальчикам, они её запомнят, а другое не заметят”» (3 мая; ЯПЗ. 2. С. 427).

Мальчики Николаевы упоминались всегда вместе, редко когда приходил на занятия кто-то один из них. 8 июня Маковицкий записал: «Л. Н. сегодня в первый раз после четырёхнедельного перерыва учил мальчиков – троих: Романа Николаева, Колю Ромашкина и Абашкина» (ЯПЗ. 2. С. 448). Иногда на урок приходили и внуки Толстые. 4 августа «после обеда к Л. Н. пришли три ученика: Роман и Валёк Николаевы и Алёша Сидорков. Л. Н. пригласил и внука Серёжу учиться. Мария Николаевна пошла слушать» (ЯПЗ. 2. С. 470). Уроки проходили всё лето, продолжались и в сентябре. «Вечером у Л. Н. школа. Пришли: Роман, Валёк, Танечка Николаевы и один мальчик из деревни, и Л. Н. ими занялся» (5 сентября; ЯПЗ. 2. С. 502).

«Школа» 1907 г. в Ясной Поляне закончилась, но мальчики росли и, конечно, доставляли родителям немало хлопот. Порой приходилось советоваться с Толстым о воспитании ребят. 4 февраля 1908 г. Н. Н. Гусев слышал, как «вечером с С. Д. Николаевым Лев Николаевич разговаривал о детях. “В детях главная добродетель – правдивость, – сказал Лев Николаевич и прибавил: – для меня неразрешённый вопрос: может ли в детях происходить внутренняя борьба? Может ли ребёнок удержаться от того, чтобы не обидеть? Мне представляется, что ваш Валёк так непосредственен, что раз его обидели, он не может удержаться от того, чтобы самому не обидеть. Для меня это

нерешённый вопрос», – повторил Лев Николаевич» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 92). 21 марта 1909 г. Маковицкий записал: «Лариса Дмитриевна о втором сыне Валькё, что он не помогает, пропадает из дому. Л. Н.: “Валентин так страстен, что ему простительно быть эгоистом, а Роман так спокоен. Валёк любит крестьянские занятия, с лошадьми”» (ЯПЗ. 3. С. 365).

Толстой иногда придумывал для ребят какое-то интересное дело. 23 сентября 1910 г. «вечером Николаев с Ромкой и Вальком говорили о “Робинзоне”. Л. Н.: “Напиши роман русского Робинзона, как поймал пяток коз, воспользовался их шерстью, как себе сделал одежду, жилище, как нашёл семена, похожие на овёс, или рожь, или просо, орехи посеял...”» (ЯПЗ. 4. С. 358). В тот же вечер Толстой объяснял мальчикам «Пифагорову теорему по-брамински, видимо увлекаясь мыслью передать понятно детям ещё совсем новое для них геометрическое положение; смотрел фокусы младшего мальчика со спичками, разговаривал с Николаевым-отцом о воспитании. “Помогай вам бог удержаться, – говорил он о намерении Николаева не отдавать детей ни в какие школы. – Вот вы говорите, что соединяете в своём представлении школы, лечебницы, тюрьмы... Прибавьте сюда ещё литературу, философию, всё это ни к чему!”» (Булгаков. С. 334).

Через несколько дней опять «Л. Н. разговаривал с Николаевым о его детях, говорил, как многое они знают об этой среде (т. е. крестьянской), знают крестьянские работы и читают книги с отцом о вопросах, их интересующих, и получают религиозно-нравственное воспитание. Николаев: “Они тянут. Мне трудно за ними”» (ЯПЗ. 4. С. 362). Спустя дней десять вернулись к этой беседе: 7 октября «разговорились про двух детей Николаевых. Л. Н. вспомнил слова Николаева: “Они впереди меня идут, меня за собой тащат”. И Л. Н. рассказывал про них, как они, участвуя в рабочей деревенской жизни, приобрели много серьёзных знаний. Знают, как сапоги валять. “Ты бы им (вальщикам), – сказал Валёк Роману, – снёс книг”. Роман: “Им некогда читать, они после валяния плотничают”. Л. Н. объяснил им, что чтение “Робинзона” тем хорошо, что увидишь, с каким трудом вещи добываются, оценишь труд. Роман ответил ему, что он “Робинзона” читал, но судил не с этой точки зрения...”» (ЯПЗ. 4. С. 373).

Перед отъездом в Москву приходил к Толстому прощаться «С. Д. Николаев с обоими мальчиками. Лев Николаевич перецеловал их всех» (Булгаков. С. 355).

Н. И. Бурнашёва

НОБЕЛЬ Альфред (Nobel; 1833–1896) – шведский инженер, изобретатель динамита, пацифист, владелец нефтяных концессий в Баку. Родился в России. Оставил состояние в 35 млн. крон на организацию премий за лучшие исследования по физике, химии, физиологии, медицине, за литературные произведения в области сближения народов, направленные на благо мирных идей. В своём завещании Нобель предлагал ежегодно присуждать премии за лучшие произведения искусства, научные труды за счёт процентов с его капитала.

Информация о том, что в норвежском стортинге, по завещанию Нобеля, рассматривался вопрос о том, кого из борцов за мир следует наградить 100 000 рублей, вызвала протест Толстого. Он был убеждён, что для того, кто истинно служит миру, вознаграждение неприемлемо. Тот, кто борется за мир, – должен это делать исключительно бескорыстно, потому что он служит Богу. Первую премию Нобеля предполагалось присудить Л. Н. Толстому, который, узнав об этом, 22 сентября (4 октября) 1897 г. направил открытое письмо-статью редактору шведской газеты «Stokholm Tagblatt» и в др. шведские газеты (предварительно сделав перевод со шведом Вольдемаром Ланглетом; 70: 148–149). В открытом письме в шведские газеты Толстой предлагал присудить премию Нобеля не ему, а духовным. В шведских газетах письмо-статья Толстого было напечатано в октябре 1897 г. На русском языке это письмо опубликовано двумя годами позже П. И. Бирюковым в журнале «Свободная мысль» (Женева), 1899, № 4.

С. А. Толстая просила мужа не посылать этого письма, написанного в столь резкой форме, она была уверена, что абсолютно «некстати» так «грубо и задорно бранить русское правительство», что может вызвать преследование со стороны правительства (ДСАТ. 2. С. 290).

В 1906 г. 22 сентября Бирюков сообщил Толстому о том, что ему может быть присуждена Нобелевская премия. Толстой «почти с досадой» ответил, что ему «придётся отказаться», иначе его этим будут тревожить. Чуть позже, 25 сентября он обратился к А. А. Ернефельту с просьбой «постараться сделать так», чтобы ему «не присуждали этой премии» (76: 201–202). Ернефельт переслал это письмо в Швецию.

В августе 1910 г. Толстой в третий раз номинировался в качестве соискателя Нобелевской премии, от которой писатель снова намеревался отказаться. 24 сентября 1910 г. он написал письмо норвежскому журналисту М. Левину, активному агитатору при-

суждения этой премии Толстому. В письме журналисту Толстой подтвердил свою просьбу: «...не присуждать мне премию и тем не ставить меня в неприятное положение, так как я откажусь от неё, а отказ этот может быть неприятен моим наследникам. Отказываюсь же я потому, что убеждён в безусловном вреде денег» (82: 167).

Н. А. Никитина

НОВИКОВ Иван Петрович (даты жизни не установлены) – посетитель и корреспондент Толстого; крестьянин Тульской губ., работавший в Туле на фабрике Тепловых; брат А. П. и М. П. Новиковых. Познакомившись с писарем М. Новиковым, Толстой познакомился и с его братом Иваном, рабочим в Туле, который просил дать ему трактат «В чём моя вера?». «Таня направила его к Холевинской. Холевинскую взяли в острог. Прокурор заявил, что надо бы взяться за меня», – записал Толстой в дневнике 2 мая 1896 г. (53: 83–84). 21 июля 1897 г. в дневнике снова появилось имя Ивана Новикова: «Был вчера Новиков, принёс прекрасные записки Михаила Новикова» (53: 149) – М. Новиков тогда только что возвратился из ссылки в Тургайской области. Два раза Толстой в записную книжку занёс тульский адрес И. Новикова: «Штыковая ул., д. Ермакова, Иван Новиков» (53: 315), – видимо, предполагая непременно дальнейшее общение. 2 октября 1897 г. он писал В. Г. Черткову: «Третьего дня был у меня крестьянин молодой. Удивительная ясность и сила. Нынче был Новиков, другой крестьянин. Ах, если бы позволил Бог написать для них именно то, что хочется» (88: 55).

Н. И. Бурнашёва

НОВОКШОНОВ Осип Фёдорович (1853–?) – корреспондент и адресат Толстого; кавказский духобор, уроженец Елисаветпольской губ. С точки зрения властей, он был одним из «особенно вредных по своему влиянию людей». Отбив ссылку в Якутии и в 1903 г. вернувшись на Кавказ, он желал одного – присоединиться к общине, к своей семье, уехавшей в Канаду в 1898–1899 гг. У Новокшенова там было четыре женатых сына. Но власти не давали ему и его товарищам заграничные паспорта. К тому же с духоборами случилось несчастье – у них украли все их деньги, о чём Толстому сообщил приехавший к нему духобор А. А. Фофанов. С просьбой о выдаче трём духоборам заграничных паспортов Толстой обращался к вел. кн. Николаю Михайловичу (Романову), который ходатайствовал об этом перед местным губернатором. Получив отказ от губернато-

ра, Толстой писал главноначальствующему гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицыну. В своих настойчивых обращениях Толстой иронично недоумевал: «...удивительное дело, людей, которые здесь, в России и на Кавказе, могут быть только вредны и ни на что не могут быть нужны, не выпускают за границу – не дают им паспортов» (74: 214).

Многომесечные хлопоты писателя возымели действие: паспорта были получены. Одновременно Толстой искал для переселенцев деньги. 500 рублей, вероятно, вырученные от продажи «Воскресения», переслал Э. Моод, принимавший участие и в переселении духоборов 1898–1899 гг., и в связи канадской общины с теми, кто находился в якутской ссылке. Но на обращение Толстого откликнулся и его давний знакомец П. В. Веригин, глава кавказских духоборов, а теперь руководитель канадской духоборческой общины. В письме к Новокшенову 13 декабря 1903 г. Толстой сообщал «любезным старичкам» о посылке 200 долларов от имени Веригина (74: 258). (Обращение Толстого к своим корреспондентам как к «старичкам» не случайно и связано не только с их возрастом: «старичками» у духоборов назывались женатые мужчины, старики по возрасту назывались «дедами»). Усилия и беспокойные хлопоты писателя увенчались успехом: в письме к Толстому от 6 мая 1904 г. Новокшенов сообщал, что он и его товарищи выехали из Елисаветполя 1 марта и прибыли в Канаду 8 апреля 1904 г.

Л. К. Чурсина

НОВОСИЛЬЦЕВ Пётр Петрович (1797–1869) – близкий знакомый Толстого; орловский помещик, владелец мценской усадьбы Воин. Российский гос. деятель, тайный советник, камергер.

Был седьмым ребёнком у своего отца, Петра Ивановича Новосильцева, прославившегося деловыми качествами и особым талантом головой «пробивать» блестящую карьеру. Отец общался с Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, художником В. Л. Боровиковским, который запечатлел на своих полотнах членов замечательного семейства. В этой картинной галерее представлен и Пётр Петрович, молодой красавец Генерального штаба в мундире колонновожатого.

Служебная карьера Новосильцева складывалась удачно: с августа 1817 г. он прапорщик, с 1821 г. уже адъютант Д. В. Голицына (сына Н. Голицыной, прототипа старой графини из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина), в 1838 г. – московский вице-губернатор,

с 1851 г. – рязанский гражданский губернатор. В 1857 г. из-за описанных Н. П. Огарёвым деяний рязанской администрации в статье «Дворянско-чиновничий разбой в селе Деднове» (опубл. в «Колоколе») Новосильцев вынужден был покинуть свой пост. Уехал за границу, но в 1860-е гг. вернулся в Россию и проживал в своей роскошной усадьбе Воин, считавшейся лучшей из лучших не только в Мценском уезде, но и во всей Орловской губ. Толстой не раз бывал в этом имении. Так, 26 июля 1865 г. во время пребывания писателя в Воине хозяин прямо «заговорил» гостя анекдотами и рассказами из «добраго старого времени 12 года», а его сын Иван «замучил» показом хозяйства. «Всё для изящества и тщеславия: парки, беседки, пруды, point de vue <разные виды. – фр.>, и очень хорошо. Но Ясная лучше. И можешь себе представить, вид его хозяйства побудил меня к тому, что ты любишь и желаешь, подчистить в Ясной», – писал Толстой жене 27 июля 1865 г. (83: 101).

Новосильцев был близок не только Толстому. Как подметил Н. В. Гоголь, Новосильцев был близок литераторам, вращался в их кругу, был одним из образованнейших людей своего времени. Он упоминался в письмах А. С. Пушкина к Хитрово; был очень светским человеком, знатоком «свободных искусств». Он являлся «самым близким и дорогим человеком» для И. П. Борисова (1832–1871), орловского помещика, мужа сестры А. А. Фета, Надежды Афанасьевны: Борисов «рос у Новосильцева», и был «загнанным воспитанником» (60: 311). У него не раз бывал Фет.

Новосильцев был дважды женат. Первый раз на Анастасии Павловне Мансуровой, второй – на Меропе Александровне Беринг, имел пятерых детей от двух браков. Скончался и был похоронен в Москве на Лазаревском кладбище.

После его смерти владельцем усадьбы стал Иван Петрович Новосильцев (1827–1890), в молодости лейб-гусар, позднее – шталмейстер двора его величества и действительный статский советник. Занимая высокую должность, он принимал участие в делах Мценского уезда. Сын Новосильцева общался с «К. Р.», Фетом, Толстым, Тургеневым. Молодой Новосильцев не раз ездил на охоту с борзыми, в которой участвовали Толстой со свояченицей Таней Берс. Иван Петрович ехал «на кровной лошади, в элегантной охотничьей одежде, с французским языком и прелестным завтраком – пулярки, паштеты и проч., которые он сам резал на тонкие куски», – вспоминала Т. А. Кузминская (Кузминская. Ч. 3. Гл. XII).

Н. А. Никитина

НОРДАУ Макс (Nordau; наст. имя: Симха Меир <Симон Максимилиан> Зюдфельд; 1849–1923) – философ, писатель, публицист и общественный деятель, соучредитель Всемирной сионистской организации; врач-психиатр по профессии. Достиг широкой известности как мыслитель и социальный критик после публикации своих работ, в которых критиковал устоявшиеся общественные, религиозные, политические и культурные каноны своего времени. Самые известные труды – «Die konventionellen Lügen der Kulturmenschheit» <«Традиционная ложь нашей цивилизации»> (1883), «Paradoxe» <«Парадоксы»> (1885), «Entartung» <«Вырождение»> (1892). Они были восприняты неоднозначно и в течение многих лет после их появления служили темой острых дискуссий между сторонниками и противниками идей еврейского мыслителя. В книге «Вырождение» автор предпринял оригинальную попытку интерпретировать идею «заката Европы». Он подверг резкой критике «дегенеративное» искусство, а также изложил своё видение отдельных общественных проблем Европы XIX в. через призму концепции вырождения. Нордау возлагал ответственность за эпоху декаданса на кумиров своего времени – Ф. Ницше, П. Верлена, О. Уайльда, прерафаэлитов и др., давая их творчеству парадоксальную характеристику. Вердикт – грядущая катастрофа современной цивилизации. И, хотя концепция подверглась жёстким нападкам, в каких-то случаях его видение цивилизации оказалось довольно точным. Критическая позиция Нордау по отношению к новому искусству во многом совпадала со взглядами Толстого. Оба противопоставляли нравственность, ясность и здравый смысл – эротомании, эгоизму и усложнённости формы современного искусства. Оба сходились в оценке творчества немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883) и французских поэтов Поля Верлена (1844–1896) и Шарля Бодлера (1821–1867). Совпадение отрицательного и даже насмешливого отношения к ним тем более забавно, что самого Толстого Нордау тоже причислил к категории «вырожденцев». Ему посвящена глава под названием «Толстовщина». Этим словом Нордау окрестил феномен ухода от жизни в бесплодные фантазии. Он обвинял писателя в «спутанном понятии о реальности». Отрицая научный прогресс и провозглашая «нереалистическую любовь к ближнему», Толстой якобы выдавал желаемое за действительное. Его художественный метод, по мнению автора, заключается в однообразном восприятии частных и в руководстве при их «нанизывании» не их

значением, а соответствием с собственным настроением. Нордау сравнивал произведения Толстого с картинами прерафаэлитов: «масса удивительно точных деталей, мистически-расплывчатая, еле уловимая основная мысль, глубокое и сильное возбуждение». Еврейский философ показывал в своей работе признаки «толстовщины» во всех аспектах мировоззрения писателя. В философском учении «толстовщина», по его мнению, проявлялась в том, что Толстой «разрешал мировую загадку жизни несколькими бессмысленными и противоречивыми толкованиями умышленно искажённых мест Священного писания». Своим этическим учением Толстой предписывал непротивление злу, равномерное распределение имущества и уничтожение человеческого рода полным воздержанием от брака. В экономическом и социальном учении «толстовщина» заявляла о себе в высказываниях о «бесполезности науки, спасительности невежества, отречении от мануфактурной промышленности» и проповедях об «обязательном земледельческом труде».

Толстой был знаком с творчеством Нордау. Книга «Die konventionellen Lügen der Kulturmenschheit» упоминалась в вариантах «Крейцеровой сонаты». Позднышев полемизировал с её автором по поводу прогнозов на развитие сексуальных отношений в будущем. Работая над статьёй «О Шекспире и о драме» Толстой, по свидетельству В. В. Стасова, интересовался отзывами Нордау о Шекспире. В июне 1893 г. в газете «Русские ведомости» от 31 мая (№ 147) писатель читал статью И. И. Иванова «Заметки читателя. Max Nordau, Entartung». Zweiter Band, Berlin, 1893. <Макс Нордау. Вырождение. Том второй>. Он записал в дневнике понравившееся пророчество философа о том, что «беллетристика должна сделаться скоро забавой женщин и детей, как танцы» (52: 84). В июле 1896 г. наставник Казанской русско-инородческой учительской семинарии А. С. Рождественский прислал в Ясную Поляну свою статью «Лев Толстой в характеристике Макса Нордау» (Казанский телеграф, №№ 999, 1005, 1006, 1016). Известно, что дочь писателя Т. Л. Толстая ответила Рождественскому, в соответствии с пометкой писателя на конверте письма: «Поблагодарить за присылку хорошей статьи». В ЯПБ хранится книга М. Нордау. Избранные парадоксы / Под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1903.

З. М. Богачёва

НОРДМАН-СÉВЕРОВА **Наталья Борисовна** (псевд. Северова; 1863–1914) – писательница, общественный деятель, вто-

рая жена И. Е. Репина. Родилась в семье адмирала, шведа по происхождению, и русской дворянки. Получила хорошее домашнее образование, однако, видимо, не находила понимания в семье, о чём говорят её автобиографические произведения («Матап», 1909; «Беглянка», 1900). Желая изменить жизнь, мечтая о самостоятельности и свободном труде, в 1884 г., в год своего совершеннолетия, уехала в Америку, где некоторое время работала на ферме (эта поездка увлекательно описана в повести «Беглянка»).

Вернувшись на родину, играла в любительских спектаклях, дружила с княгиней М. К. Тенишевой, актрисой Л. Б. Яворской, была знакома с К. С. Станиславским. В 1896 г. в доме Тенишевой познакомилась с И. Е. Репиным и вскоре связала с ним свою судьбу (гражданский брак). Усадьба Нордман и Репина «Пенаты» в финском посёлке Куоккала (40 км от Петербурга, ныне – Репино) стала своеобразным центром культурной, общественной и художественной жизни. Здесь в 1900–1910 гг. бывали по приёмам «средам» К. И. и М. Б. Чуковские, М. Горький и М. Ф. Андреева, Ф. И. Шаляпин, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, В. В. Маяковский, Д. Д. Бурлюк... Быт и обычаи в «Пенатах», заведённые Нордман, удивляли гостей, обсуждались в богемной среде, становились объектом иронии газетчиков. Чуковский, хорошо знавший жизнь в «Пенатах», после смерти Нордман ответил мемуаристам, создавшим традицию «трактовать эту женщину как чудачку дурного тона». Он писал о ней как о «воплощённой жизни», энтузиастке и идеалистке. Она была неординарным человеком, яркой личностью, поборницей идей свободы, женского равноправия, социального равенства. Ей представлялось, что вегетарианство и упрощение быта, отказ от роскоши в еде и одежде служат облегчению жизни женщины в семье и женской прислуги, а значит, идеалам равенства. Социалистка по убеждениям, трудолюбивая и деятельная, Нордман стремилась в соответствии с идеями «новой жизни», не откладывая на будущее, устроить жизнь свою и окружающих людей, включая дачников и жителей Куоккалы. Мемуаристы, писавшие о «Пенатах», вспоминают как некую эксцентрическую причуду хозяйки дома знаменитый вращающийся стол с ящиками для грязной посуды, за которым гости Репина, не прибегая к помощи слуг, вкушали диковинную пищу из трав («вегетарианская карусель», по словам Бурлюка). Для Нордман этот стол был символом людского братства, а дружеский круг гостей ассоциировался с «рыцарями

круглого стола». В купленном Репиным домике в Оллила (ныне Солнечное под Петербургом) она открыла дачный театр «Прометей», где играли её пьесы и читали лекции для окрестных жителей. Здесь был устроен «Народный дом», идея которого состояла в создании атмосферы равенства и сотрудничества «господ» и «слуг»: работал детский сад, проводили общие собрания, чтения и чаепития, выдавали книги из библиотеки. Нордман во многом стала помощницей Репина: переводила для него статьи из иностранной печати, собирала в альбомы вырезки из газет и журналов все материалы о творчестве художника. Как и С. А. Толстая, она гордилась своим положением «жены гения», но при этом стремилась занять самостоятельное место в мире искусства и литературы. Нордман – автор многих статей, повестей, рассказов, 10 пьес, книги «Интимные страницы» (СПб., 1910), очерков мемуарно-публицистического характера «Письма из Ясной Поляны» и «Письма к друзьям».

Нордман была страстной поклонницей Толстого; в её литературных произведениях заметна ориентация на некоторые толстовские темы и сюжеты. Влияние Толстого ощущалось в описании детства (повесть «Беглянка»), в изображении родов и материнства (повесть «Крест материнства. Тайный дневник», 1904) и др. Ей были близки идеи опрощения и вегетарианства – главная точка соприкосновения с Толстым. В дневнике Маковицкого есть запись (26 августа 1910 г.) о том, как был потрясён Толстой, слушая чтение рассказа Нордман о забое на бойне телят. Издавая в 1911 г. свою «Поваренную книгу для голодающих» (с вегетарианскими рецептами), Нордман отчасти следовала опыту свояченицы Толстого Т. А. Кузминской, поваренная книга которой «Вегетарианский стол» в 1905 г. вышла вторым изданием. Концепция неиспользования чужого труда и самообслуживания, которую пропагандировала Нордман, была близка Толстому, страдавшему от того, что ему «прислуживали».

Лично Нордман познакомилась с Толстым в 1907 г., когда вместе с Репиным 21–29 сентября побывала в Ясной Поляне. 23 сентября отмечали 45-летие супружества Толстых, и Репин по просьбе С. А. Толстой писал в Ясной Поляне двойной портрет супругов. Эту поездку Нордман описывала в серии очерков «Письма из Ясной Поляны», где последовательно, день за днём фиксировала свои впечатления и наблюдения над жизнью толстовской семьи. Сначала гости, войдя в дом Толстых, видимо, испытывали некоторое смущение из-за дву-

смысленности своих отношений, однако, как писал Репин позднее («Далёкое близкое»), «он <Толстой. – Е. П.> всё понял и всё простил». В очерке Нордман Толстой представлял сначала «бесконечно далёким» (в отличие от С. А. Толстой, с которой они сразу нашли общий язык), «божеством», «высшим существом». Как неудачную оценила Нордман свою попытку сделать по просьбе С. А. Толстой фотографию супругов в кабинете писателя (такая фотография, тем не менее, есть, но её автор – сама С. А. Толстая). Нордман казалось, что Толстой видел в ней докучного фоторепортёра, подсматривающего «всех, чтобы потом всякий жест перевернуть и вынести на площадь» (Интимные страницы. С. 87). Но быстро произошло сближение в общем споре о женщине и женском равноправии. На вопрос Репина, допускает ли он, «что есть женщины феномены, которые равны мужчинам», Толстой ответил, что «перед законами женщина должна иметь равноправие», но не в семейной жизни, и пошутил, что перед смертью, на прощанье, скажет женщинам всё, что о них думает («скажу <...> дерзость и исчезну, а там уж после смерти моей обижайтесь и говорите, что хотите». – Там же. С. 88). О разговорах Репина и Нордман с Толстым писал и Д. П. Маковицкий: говорили о декадентстве, о недавно умершем В. В. Стасове, о соблазне проповеди и о Христе-проповеднике, об искренности в литературе, об А. И. Куприне и Л. Н. Андрееве, о современных пейзажистах и И. И. Левитане... (ЯПЗ. 2. С. 516–523).

Передавая в своих очерках высказывания Толстого, Нордман писала о нём как о человеке, в котором «догматик» и «страстно увлечённый искусством» то и дело меняются местами. Она называла Толстого «великим отрицателем» и замечала, что «старец великий» борется против авторитетов, церкви и правительства, налагающих на человека «свои руки», потому что «душевную свободу он ставит выше всего, оттого и есть в нём что-то не от мира сего» (Интимные страницы. С. 94).

Нордман описывала быт и занятия обитателей Ясной Поляны: обед, игру в шахматы, прогулки, разговоры, вечернее чтение вслух. Вместе с тем она передавала своё ощущение обречённости «барской усадебной жизни»: «...стоят беззащитно посреди леса два полупустых дома, а невдалеке сотни и тысячи недружелюбно настроенных людей. <...> И чувствуется, что та несметная сила рано или поздно возьмёт верх, сметёт всю старую культуру и устроит всё по-своему, по-новому» (там же. С. 87).

Вторая, короткая, поездка с Репиным в Ясную Поляну 17–18 декабря 1908 г. описана Нордман в «Письмах к друзьям» из Москвы. Она называла усадьбу Толстого «сказочной Ясной Поляной», видя в ней воплощение идеала жизни на природе в постоянном труде (умственном и физическом). Она писала о Толстом: «...его величие в том и есть, что душа его в вечном, пламенном стремлении к совершенству. Весь его талант, внимание, силы напряжённо сосредоточены на высших проявлениях человеческого духа» (*там же*. С. 138–139).

Рукой Нордман написано поздравительное письмо к 80-летию Толстого от петербургских художников. Она запечатлена рядом с Репиным и четой Чуковских на исторической фотографии К. К. Буллы «И. Е. Репин читает сообщение о смерти Л. Н. Толстого. Куоккала. Ноябрь 1910». После смерти Толстого Нордман переписывалась и встречалась с С. А. Толстой, с которой её связывали и общие воспоминания, и сходство деятельных натур.

Весной 1914 г. Нордман, тяжело больная, не желая обременять близких, тайно уехала в Швейцарию, где, отказавшись от своих имущественных прав и не приняв помощь Репина, умерла в одиночестве в больнице для бедных. Похоронена на кладбище в Орсе-лино (Локарно, Швейцария).

Лит.: Репин И. Е. Сестрица Наталья Борисовна // *Вегетарианское обозрение*. 1914, №№ 6–7; Чуковский К. И. Наталия Борисовна Нордман // *Чуковский К. Из воспоминаний*. М., 1959.

Е. В. Петровская

НУСБАУМ Генрих Илларионович (1849–1932) – польский невролог, физиолог, философ медицины и публицист. В 1872 г. окончил медицинский факультет Главной Варшавской школы, позднее переименованной в Варшавский университет. В 1875 г. получил степень доктора медицины в Дерптском (ныне Тартуском) университете. С 1879 г. Нусбаум работал в Институте физиологии Варшавского университета, с которым был связан в течение всей своей творческой жизни.

В газете «Русские ведомости» в № 64 от 6 марта и в № 69 от 11 марта 1903 г. была опубликована статья «Из очерков Генрика Нусбаума» по материалам его книги «Что я такое?», вышедшей в Варшаве в 1902 г. на польском языке. Статья состояла из четырёх частей: «Я», «Время», «Сверхчеловек» и «Что я такое?». В первых двух частях Нусбаум писал о сверхмалости человека в пространстве и времени: «В сравнении с числом человеческих индивидуумов, угас-

ших, существующих и будущих, я – ничтожная частица, неизмеримо меньшая одной миллиардной». Или: «Настоящее существует постольку, поскольку в нас есть живое сознание. Чем сознания больше, тем обширнее настоящее» (Русские ведомости. № 64, с. 3). Стиль статьи несколько напоминал романтический стиль писателей М. Метерлинка, С. Цвейга, молодого М. Горького, а идеи статьи близки мыслям философов Ф. Ницше и Э. Гуссерля. Для Нусбаума человеческое «Я» представляется чем-то туманным и находящимся в поисках самого себя.

Прочитав статью Г. Нусбаума, Толстой в письме к П. А. Буланже 7 марта 1903 г. назвал его «настоящим и сильным философом и, верно, ещё молодым». Он просил Буланже достать ему книгу очерков Нусбаума и желательно не на польском языке. Интерес Толстого к идеям Нусбаума легко объясним. В это время русского писателя интересовали вопросы жизнепонимания. В письмах П. П. Ройзмана и В. С. Михайловой Толстой затрагивал вопрос о смысле жизни: «...увеличение любви в себе и других есть то, что единое на потребу, есть самое важное дело жизни, такое, для которого должно жертвовать всеми другими делами...» (74: 59). Прочитав уже первые части «Очерков Г. Нусбаума», Толстой записал в дневнике 9 марта 1903 г.: «Прекрасная философская статья поляка. Записать надо многое. Прежде всего надо записать перемену в определении жизни» (54: 158). Он решил пересмотреть своё отношение к проблеме вселенского характера жизни. В этой же дневниковой записи высказаны семь новых взглядов на понимание жизни: 1) «Жизнь есть сознание заключённого в пределы, отделённого от всех других, духовного существа...»; 2) Пределы эти «представляются нам телом своим...»; 3) «Общение же нашего отделённого от всего мира существа с различными существами внешнего мира представляется нам движением»; <...> 7) Отношения между «Я» и внешними телами можно назвать пространством; отношение движения внутри «Я» к движению вне «Я» можно назвать временем (54: 158–160). В последующих дневниковых записях за март, апрель и май 1903 г. Толстой развивал свои представления о жизни как о развёртывании процесса движения духовного «Я» в человеке к духовному высшему существу Вселенной – Богу.

Не исключено, что статья Г. Нусбаума послужила катализатором в изменении представлений Толстого о жизни и что в конце концов это представление привело писателя к его идее о Пути Жизни, укоренённом в

развитии Вселенной. Жизнь, Любовь, Бог, духовный рост человека и есть, по Толстому, проявление этого Пути Жизни.

Но Нусбаум придерживался несколько иной позиции, чем Толстой. Её можно назвать своеобразным экзистенциальным дуализмом. В 1898 г. в Вильне на русском языке вышла в свет его брошюра «О влиянии душевной деятельности на болезненные процессы», с которой Толстой, очевидно, не был знаком. В ней польский физиолог и врач проводил идею о целостном человеческом организме, сердцевина которого — *духовное Я*. Тело, душа и сознание образуют единую систему, в которой сознание — только поверхностная часть души. Тело, функционирующее в основном через рефлексы, испытывает на себе влияние представлений и душевных волнений в виде заботы, страха, эгоистических порывов и др. предсознательных факторов, вызывающих слабые и бессознательные акты воли. Поведение человека в результате взаимодействия души и тела оказывается обусловленным и внешними побуждениями, и внутренними желаниями, и воображением. Таким образом доктор Г. Нусбаум ещё до появления работ З. Фрейда высказал в сжатом виде идеи психоанализа, к которым пришёл на основе своей врачебной практики. Его подход в отличие от фрейдовского можно назвать

физиолого-психоаналитическим. Эти идеи витали в воздухе на рубеже XIX–XX вв., что подтверждается работами И. П. Павлова, И. И. Мечникова и др. учёных.

Толстой не воспринимал физиологический подход к человеку. Он самостоятельно пришёл к пониманию человека как духовного существа, квинтэссенции жизненной энергии, устремлённой через духовный рост к Богу. С Генрихом Нусбаумом он так и не встречался.

В своей дальнейшей научной деятельности Г. Нусбаум принадлежал к средней школе польской философии медицины, был близок кружку польских неопозитивистов, сотрудничал с поэтессой и публицистом Элизой Ожешко. В 1923 г. он стал почётным профессором Варшавского университета. Он автор научных трудов: «О нервах, ускоряющих движение сердца» (1875), «О методах распознавания различных болезней» (1897), «О физиологии и действии ядов» (б.г.), «Лекции и очерки. Т. 1–2» (1901–1902), «Философия медицины» (1926), «Очерк врачебной этики» (1932). Умер Г. Нусбаум в Варшаве и похоронен на Паланцевском кладбище.

Автор выражает благодарность И. И. Богуту, давшему ценные биографические сведения о Г. И. Нусбауме.

Е. И. Рачин



ОБОЛЕНСКАЯ Александра Алексеевна (рожд. Дьякова; 1831–1890) – сестра друга Толстого Д. А. Дьякова, поборница женского образования в России. Родилась в Черемошне Мценского уезда Орловской губ. Отец – А. Н. Дьяков, мать – рожд. баронесса Дальгейм-де-Лимузен, дочь французского эмигранта, фрейлина императрицы Марии Фёдоровны. Мать рано умерла, оставив трёх маленьких дочерей, средней была Александрин, которая унаследовала от матери необыкновенную живость ума, весёлость и остроумие. С Толстым была знакома ещё до замужества. В 1853 г. вышла замуж за князя Андрея Васильевича Оболенского. Современники характеризовали её как женщину необыкновенной силы жизни и энергии, которая никогда не могла оставаться праздной. В 1870 г. она на свои средства открыла в Петербурге первую гимназию для женщин, которой потом заведовала её дочь княжна М. А. Мещерская. До конца жизни А. Оболенская сохраняла свой ясный живой ум и удивительную способность быстро и метко определять дарования людей. В 1856 г. она уже три года была замужем, у неё росла маленькая дочь, но при встрече с ней чувство вновь, как в ранней молодости, захватило Толстого. В Москве он посещал Дьяковых. «Не узнал Александрин Оболенскую, так она переменилась. Я не ожидал её видеть, поэтому чувство, которое она возбудила во мне, было ужасно сильно», – признавался он в дневнике (47: 74). Толстой уехал от них «страстно влюблённым человеком». «Да и теперь мне ужасно больно вспомнить о том счастье, которое могло быть моё и которое досталось отличному человеку Андрею Оболенскому» (47: 74). «...Со времени Сонечки <Колошиной. – Л. Д.> у меня не

было такого чистого, сильного и хорошего чувства» (47: 76). На следующий день после этой записи Толстой обедал у Любочки Берс, где за столом прислуживали её юные дочери (одна из них через 6 лет станет его женой). В этот же день он у Оболенской три часа проговорил с Александрин, то один на один, то с мужем. «Я убеждён, что она знает моё чувство и что оно ей приятно» (47: 76). Он уехал в Ясную Поляну, пережил «головной» роман с Валерией Арсеньевой, однако не забыл Александрин. Новая встреча через полтора года не изменила чувства Толстого: «Александрин прелесть. Положительно, женщина, более всех других прельщающая меня» (47: 162). «Александрин Оболенская танцевала *Lancier*, загнула головку набок и прошла, что за прелесть!», «Александрин чудо!» (47: 164). «Александрин держит меня на ниточке, и я благодарен ей за то. Однако по вечерам я страстно влюблён в неё и возвращаюсь домой полон чем-то – счастьем или грустью – не знаю» (47: 165). В дни, когда Толстой был увлечён С. А. Берс, он сделал в дневнике запись: «...влюблён, как в Сонечку Колошину и в А. только» (48: 42). Ревнивая С. А. Толстая позднее не раз недобро вспоминала имя А. Оболенской. «Ещё ездили мы к сёстрам Дьякова: М. А. Сухотиной <...> и А. А. Оболенской, когда-то составлявшей предмет любви Льва Николаевича, и милой Жемчужниковой. Первые две сестры взяли тон презрения к молоденькой и глупенькой жене своего бывшего поклонника и частого посетителя Льва Толстого, которого они теперь лишились» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 88–89). Чувство Толстого к Оболенской нашло отражение в неоконченном наброске «Он не мог ни уехать, ни оставаться» (5: 222).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКАЯ Елена Константиновна («Нелли»; рожд. Дитерихс; 1861–1918) – знакомая Толстого; сестра А. К. Чертковой и О. К. Толстой. В первом браке (1883–1891) за И. Г. Щегловитовым, товарищем прокурора Петербургского окружного суда (в 1906–1915 гг. был министром юстиции); во втором браке – за крупным помещиком Могилёвской губ. кн. Алексеем Алексеевичем Оболенским. Из двух сестёр более близкие отношения были у Щегловитовой с Анной, которая особенно остро переживала разрыв сестры с первым мужем и все перипетии развода. Через Чертковых Толстой был в курсе семейной драмы. Разойдясь с мужем, Е. Щегловитова оставила с ним 7-летнего сына и уехала с новорождённой дочерью. В 1892 г. она написала Толстому письмо. «Нынче получил письмо от Елены Константиновны, она пишет, что хочет процесс начинать против развода. Это ужасно жалко. Я писал ей» (66: 196), – сообщал Толстой 3 апреля 1892 г. И. И. Горбунову-Посадову. Ответное письмо Толстого от 31 марта 1892 г. не сохранилось. Уйдя от мужа, Е. Щегловитова поселилась в семье Чертковых. До этого Толстой получил от Черткова письмо, где тот просил его высказать своё мнение о разводе, при чём прилагал письма разных лиц, связанных с этим делом. Толстой ответил Черткову подробным письмом: «Всё это очень трогательно, и всех жалко почти одинаково. Больше всех жалко мужа, меньше всех К. К. <близкий друг Нелли, за которого она предполагала выйти замуж, разойдясь с И. Г. Щегловитовым. – Л. Д.>. Её жалко очень, но всё не так, как мужа. И письмо его мне очень понравилось. Видно, что он хочет быть добрым и знает, что значит быть добрым. <...> Помоги ей Бог найти жизнь независимую от прежних связей, жизнь свободную, жизнь истинную. Жизнь для ребёнка – мало; как ни будь она чадолюбива – это не наполнит её жизнь (с ней ли девочка?), тем более что сын не с ней» (87: 123). А. К. Черткова писала Толстому, что её сестра склонна к религиозному экстазу и что на неё могла иметь влияние мать Черткова, веровавшая в искупление человеческих грехов смертью Христа. В ответном письме Толстой вновь возвращался к судьбе её сестры: «Вашей сестре не советую никуда ехать, ничего искать, а жить там, где она теперь, у вас, и в том положении, в котором она есть. Дадут ей ребёнка – хорошо, не дадут – тоже хорошо. Не сделают развод, сделают развод – всё то, что ей надо» (87: 126). Это письмо очень тронуло и ободрило Е. Щегловитову. В 1894 г. она вышла замуж за князя Оболенского. Много позже, в сентя-

бре 1907 г., она вместе с Чертковым и своими детьми навещала Толстого в Ясной Поляне (56: 212). Толстовец Е. И. Попов, одно время живший на хуторе Чертковых в Ржевске, вспоминал о недолгом пребывании там петербургской красавицы: «Приехавшая к нам Елена Константиновна поступила под покровительство Елизаветы Ивановны <мать Черткова ежегодно на три месяца приезжала из Англии в Россию. – Л. Д.>, вела себя чрезвычайно скромно, одевалась очень просто и вообще старалась принять вид сектантки. Только один раз произошёл прорыв. <...> Войдя один раз в комнату Чертковых, я увидел там великолепную даму с высокой причёской, набелённую, нарумяненную, в золотых украшениях с камнями и в яркой пунцовой кофточке. В этой сияющей, торжествующей от производимого ею впечатления красавице трудно было узнать Елену Константиновну» (Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 197–198). Выйдя второй раз замуж, она «сделалась богачкой и помещицей», но конец её жизни был ужасен: в 1918 г. на имение, в котором жила княгиня Оболенская, напали бандиты, ограбили её, убили, подожгли дом, который сгорел вместе с трупом его хозяйки.

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКАЯ Елизавета Петровна (рожд. Вырубова; 1843–1931) – знакомая семьи Толстых; жена Д. Д. Оболенского, частая гостья Ясной Поляны. Упоминалась в дневниках Толстого. «Утром приехала Оболенская, жалкая, добрая» (49: 91). «Потом приехала Оболенская. Я не помог ей, обошёл не по-Божьи» (50: 49). Е. Оболенская была очень преданной женой и прекрасной матерью своим трём детям: Елизавете (Лили), Сергею, Елене. Бывала в гостях у Толстых вместе с любимой дочерью Лили. С. А. Толстая не раз в письмах к мужу называла Оболенскую, в т. ч. как партнёршу по игре в винт. Иногда Оболенская бывала помощницей Толстому. В октябре 1882 г. он писал С. А. Толстой о «Миташиной жене»: «Во время наших хлопот пришла наша Лиза Оболенская, а потом приехала Миташина Лиза Оболенская; обе мне помогали» (83: 370). Имение Оболенских Шаховское (Рождествено) находилось в 60 км от Ясной Поляны, в 5 км от железнодорожной станции Дедилово (Богородицк). Толстой не раз заезжал в Шаховское, с хозяином имения Д. Д. Оболенским его объединяла общая страсть – охота. В имении был прекрасный конный завод, породистые английские борзые собаки.

Дети Е. П. Оболенской не были счастливы, сын Сергей, ставший владельцем

Шаховского, женился на княжне Н. М. Дондуковой-Корсаковой (1877–1900), был впоследствии ставропольским губернатором. Прелестная старшая дочь, любимица Лили (Елизавета Дмитриевна), в 1894 г. вышла замуж за казанского помещика, земского начальника Н. А. Казембека, и погибла 23 лет вместе с мужем после своей свадьбы, переезжая в половодье реку на пути к себе в имение.

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЕ – русский княжеский род, с представителями которого Толстой был в родстве или был знаком. Старший сын писателя С. Л. Толстой писал: «Толстой знал следующих Оболенских: Андрея Васильевича, мужа А. А. Дьяковой, Дмитрия Александровича, либерального сановника, его брата Юрия Александровича, прожившего своё состояние, Дмитрия Дмитриевича, разорившегося от неудачных предприятий, Леонида Дмитриевича (мужа племянницы Льва Николаевича Елизаветы Валерьяновны) и др.» (*ЛН*. Т. 37–38. С. 570). Среди «других» можно назвать Аграфену Александровну Оболенскую (1823–1892), фрейлину, недалёкую, безвредную, старую девицу, вывозившую в свет трёх своих племянниц, с которыми в то время она жила в Москве в Криво-Никольском переулке, поэтому у Толстых эти Оболенские назывались «Криво-Никольские». Впоследствии две племянницы, Прасковья Владимировна и Александра Владимировна, вышли замуж за братьев Трубецких, Сергея Николаевича и Петра Николаевича. Все они входили в общий круг знакомых семьи Толстых. А. А. Оболенскую («Грушеньку») Толстой вспоминал в письме к жене (83: 467). Ближе других Оболенских семье Толстых были шестеро «детей Оболенских» («Миташи»). Их мать, Елизавета Валерьяновна, племянница Л. Н., дочь его сестры. Со своей единственной сестрой писатель был очень близок, любил её, и эта любовь распространялась на всю её многочисленную семью. В письмах Толстого и в воспоминаниях о нём неоднократно упоминались имена «Леонидовичей» Оболенских: Александры («Саши»), в замужестве Долинино-Иванской, Марии, мужем которой был министр внутренних дел Н. А. Маклаков, Натальи, в замужестве Абрикосовой (её муж Хрисанф Абрикосов был единомышленником писателя), Юрия («Юши»), офицера, женатого на Н. С. Жекулиной, Михайла, женатого на княжне А. А. Урусовой, и, конечно, Николая Леонидовича, зятя Толстого. Сохранилась переписка Е. В. Оболенской с любимой дочерью М. Л. Маклаковой (335 писем), частью опубликованная (*Летомни-*

си. Кн. 12. Т. 2), а также её воспоминания, в которых есть сведения о Толстом, его брате Сергее Николаевиче и сестре. В одном из писем к дочери Е. В. Оболенская писала: «На один день приезжали в Ясную Саша с Леной <Александра Леонидовна с дочерью Еленой. – Л. Д.> и Юша с Ниной (конечно, до меня) и всем тут были очень приятны; Льву Николаевичу очень понравилась Лена, а про Юшу он сказал мне: “Я боюсь, что обидел Юшу, говоря о военной службе, и мне это очень жаль; он показался мне таким чутким и кротким...”» (*там же*. С. 150). Знал Толстой и Долли Оболенскую, Дарью Александровну, рожд. княжну Трубецкую (?–1908), жену знакомого ещё по Казани сановника Дмитрия Александровича Оболенского. В ней видели один из прототипов княгини Мягкой в «Анне Карениной». Ещё одного героя романа, Стиву Облонского, «узнавали» в характере и внешности мужа Елизаветы Валерьяновны Л. Д. Оболенского. (Существует текстологическая версия, что самую фамилию «Облонские» Толстой произвёл от фамилии «Оболенские»). В молодости писатель знал ещё одного Оболенского, его товарищем по обороне Севастополя был Георгий (Юрий, «Юша») Васильевич Оболенский (1826–1886). В 1849 г. он окончил Училище правоведения, служил в Сенате, во время Крымской войны был в числе защитников Севастополя. В 1856 г. Толстой встречался с ним: «Юрий Оболенский приезжал. Поедем с ним обедать к С. Аксакову» (47: 74). Позже Толстой упомянул его в дневнике: «Помню, как Юша Оболенский, попав в деревню во время мятели, говорил, что жизнь в деревне, где заносит снегом так, что надо отгребаться, невозможна» (55: 4).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич (1856–1916) – знакомый, адресат и корреспондент Толстого; гос. деятель, в 1897–1901 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1902–1905 гг. товарищ министра финансов, один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте, член Гос. совета, обер-прокурор Синода. Сын казанского знакомого Толстого Д. А. Оболенского. Окончил Училище правоведения, где учился одновременно с будущим шурином Толстого С. А. Берсом. Толстой писал Оболенскому 27 сентября 1899 г. (72: 197), адресуясь к нему как к официальному лицу, товарищу министра внутренних дел, ходатайствуя за своего единомышленника Н. Л. Озмидова, сосланного в Вятку и опасавшегося высылки в Остзейский край. В письме к Озмидову 22 октября того же года Толстой говорил, что не знает Оболенского, «знал его маль-

чиком <...>. Писать ему ещё раз бесполезно, так как он не отвечал мне и потому, вероятно, не приписывает значения моему письму» (72: 220). Князь Оболенский ответил Толстому 23 октября: «С радостью узнал я, что и помимо моего участия предположенная мера отменена <...>. Как бы то ни было, я постараюсь сделать, что могу, для облегчения участи старика...» (72: 199). Впервые А. Оболенский увидел Толстого в июле 1877 г., когда писатель вместе с Н. Н. Страховым посетил Оптину пустынь. Алексей был там с отцом, который на правах старинного знакомого пригласил Толстого к себе в имение, находившееся в 10 верстах от монастыря. Тогда в разговоре с А. Оболенским Толстой сказал ему о том, что беседе Левина со священником переделявал 4 раза, чтобы не видно было, на чьей стороне автор (это было время, когда завершалась работа над романом «Анна Каренина»). В 1901 г. в Гаспре состоялась вторая встреча. Оболенский хотел сообщить Толстому о содержании письма Вл. Соловьёва к писателю. Свидетелем встречи был М. С. Сухотин, оставивший в своём дневнике такую запись-комментарий: «14 ноября. <...> Был вчера кн. А. Д. Оболенский. Не понравился он мне. Самоуверенный, речистый, frondeur et boudeur <недовольный и ворчливый. — Л. Д. >, по своему настоящему положению (не у дел — из товарищей министра в Сенат), он неминуемо обратится в “как прикажете?”, если ветер подует благоприятно и его поставят у руля. Глядя на него, я вспомнил, как Л. Н. выразился раз о М. Стаховиче». Стахович обратился «к губернским предводителям в Москве <...>: “За Бога на костёр! За царя на штыки! За народ на плаху!...” “А за двугривенный куда угодно”, — быстро дополнил это четверостишие Л. Н. <...> Кн. Оболенский, как мне показалось, именно “за двугривенный куда угодно”...» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 150).

Оболенский — автор воспоминаний «Две встречи с Л. Н. Толстым (1876 и 1901 гг.)», опубликованных в сборнике «Толстой. Памятники творчества и жизни». З. М., 1923. С. 26–46.

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Андрей Васильевич (1825–1875), князь — знакомый Толстого; юрист, действительный статский советник, муж А. А. Оболенской (1831–1890). Родился и провёл детство в Москве. Отец — кн. Василий Петрович Оболенский (1780–1834), мать — гр. Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина (1786–1875). Окончил Училище правоведения, служил в Сенате, позже был судебным деятелем в Рязани, Ярославле, Калуге. В 1853 г. женился на Александре Алексеевне Дьяковой, сестре друга Толстого Д. А. Дьякова. Современники отзывались о нём как об умном, чрезвычайно симпатичном человеке, отмечали главные черты его характера: доброту, уважение к человеческой личности, терпимость. Он был убеждённым противником крепостного права. Сразу по окончании училища он отправился путешествовать по России, чтобы изучить на деле действительное положение народа; побывал в Ростове, Орле, Туле, прошёл Смоленскую губ. и через Калугу, с котомкой за плечами дошёл до Москвы. Дружил и переписывался с И. С. Аксаковым, который называл Оболенского «единственной своей отрадой» (Русский биографический словарь). Толстой был знаком с Оболенским, бывал у него дома («У Оболенского чудный вечер» — 47: 112) и с ним в компании в ресторане «Шевалье» (47: 112), на московских балах, относился к нему с большим уважением, называл его «славным и умным человеком» (47: 75). В конце 1850-х гг. писатель увлёкся его женой, с которой был знаком ещё до её замужества, и несколько раз упоминал имя А. В. Оболенского в дневнике. Встречаясь с Оболенскими у общих знакомых, Толстой признавался самому себе на страницах дневника: «...мне ужасно больно вспомнить о том счастье, которое могло быть моё и которое досталось отличному человеку Андрею Оболенскому» (47: 74).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Дмитрий Александрович (1822–1881), князь — казанский знакомый Толстых; сенатор, действительный тайный советник, член Гос. совета, товарищ министра гос. имуществ. Сын сенатора Александра Петровича Оболенского и Аграфены Юрьевны Нелединской-Мелецкой. Женат на Дарье Александровне Трубецкой (?–1908). Окончил Училище правоведения в 1842 г. С августа по ноябрь 1844 г. был губ. уголовных дел стряпчим в Казани, где и познакомился с братьями Толстыми. Затем недолго служил в Туле. С ноября 1845 г. до июля 1851 г. был исполняющим должность председателя Петербургской палаты гражданского суда. От него во многом зависело окончательное утверждение раздельного акта Толстых. Д. Оболенский был в дружеских отношениях с многими славянофилами, в переписке с Самариным и И. Аксаковым. Современники отмечали его блестящие административные способности и энергию. Его имя упоминалось в переписке братьев Толстых в связи с хлопотами по получению наследства. Толстой

в «Воспоминаниях», описывая визит брата Дмитрия к Оболенскому, характеризовал его как человека «очень светского, с тактом» и «внешним добродушием» и со взглядами на службу только как на «средство удовлетворения честолюбия» (34: 384). Писатель встречался с Д. А. Оболенским в марте 1857 г. в Париже (47: 119), бывал у него в Москве (47: 69). Об Оболенском говорили как о человеке «рассудительном, умном, образованном и чуждом всяких крайних увлечений» (*цит. по:* 59: 33). Он был либеральный чиновник и гос. деятель эпохи великих реформ. В 1877 г. во время своей поездки в Оптину пустынь Толстой заезжал в соседнее с Оптиной имение Оболенского Березичи. Хозяин имения был не чужд литературы, издал в 1876 г. книгу «Хроника недавней старины». В ранней молодости в дневнике Толстой записал: «В мужчин я очень часто влюблялся, 1 любовью были два Пушкина, потом 2-й – Сабуров, потом 3-ей – Зыбин и Дьяков, 4 – Оболенский <...>. Я всегда любил таких людей, которые ко мне были хладнокровны, и только ценили меня <...>. Красота всегда имела много влияния в выборе...» (46: 237–238). Дмитрий Оболенский, по воспоминаниям современников, был очень красив. С именем Оболенского был связан у Толстого ещё один эпизод, содержание которого передал А. Ф. Кони. Он вспоминал, как в 1877 г. в Ясной Поляне «наш великий писатель гр. Л. Н. Толстой рассказывал <...>, что в начале 80-х годов он встретился по какому-то поводу с ним, и князь Оболенский серьёзно ему доказывал, что для сокращения побегов важных преступников их следовало бы ослеплять и тем отнимать у них физическую возможность бежать, <...> что было и дёшево и целесообразно» (Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Звенья. М.-Л.: Academia. 1933, сб. 2. С. 511). Этот случай так сильно врезался в память писателя, что, когда он вспоминал его, пересказывая близким, то «слёзы текли у него ручьём и он всё время вытирал их платком» (Алексеев В. И. Воспоминания // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 273).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Евгений Петрович (1796–1865), князь – писатель, декабрист. Отец его, кн. Пётр Николаевич Оболенский (1782–1830?), вторым браком был женат на Анне Евгеньевне Кашкиной (1778–1810), матери декабриста. Кн. Е. Оболенский получил домашнее образование, служил в лейб-гвардии Павловском и Финляндском полках. Член Союза Благоденствия и Северного общества. В 1823 г. познако-

мился с К. Ф. Рылеевым. Увлечённый деятельностью тайного общества, пополняя его новыми членами, кн. Оболенский весьма интересовался литературой и философией, устраивал у себя еженедельные собрания, которые посещали многие известные в то время писатели. Ум, честность и симпатичный характер снискали ему уважение, и дом его всегда посещали охотно. 14 декабря 1825 г. Е. Оболенский был с Московским полком на Сенатской площади. Осуждён по 1 разряду на смертную казнь отсечением головы. Приговор заменён на «вечную» каторгу с лишением чинов и дворянства. Отбывал каторгу в Сибири. В 1856 г. приехал в Калугу, где и умер.

Собирая и изучая материалы для романа «Декабристы», Толстой заинтересовался Е. Оболенским (17: 454–455). Его интересовали годы жизни, браки, родственные связи 10 семей, члены которых должны были действовать в задуманном романе, в т. ч. и Оболенские (17: 544). В 1878 г. М. И. Семевский, издатель «Русской старины», выслал писателю воспоминания Оболенского о Рылееве (17: 487). 19 сентября 1878 г. сын декабриста Оболенского, Иван Евгеньевич, с которым Толстой познакомился в Москве у его двоюродного брата Леонида Дмитриевича Оболенского, женатого на племяннице Толстого, прислал писателю обширнейшую переписку (вероятно, до двух тысяч писем) своих родных (17: 503). В 1904 г., когда Толстой работал над «Хаджи-Муратом» (гл. XV, посвящённая Николаю I), он обратился к В. В. Стасову: «Хотелось бы получить некоторые записки декабристов, изданные за границей, именно: Трубецкого, Оболенского...» (75: 86). Толстой их получил и тогда же писал внуку декабриста С. Г. Волконского Г. М. Волконскому: «Декабристы, больше чем когда-нибудь, занимают меня и возбуждают моё удивление и умиление» (75: 134).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Леонид Дмитриевич (1844–1888) – муж племянницы Толстого, Елизаветы Валерьяновны Толстой, второй дочери сестры писателя, М. Н. Толстой. Сын князя Дмитрия Петровича Оболенского (1809–1854) и Александры Тимофеевны, рожд. Афремовой (1808–1878). В 1880-х гг. служил казначеем Московской городской управы. Семья М. Н. Толстой, живя летом в Покровском, очень дружна была с семьёй Дельвига, брата поэта, обитавшей в двух верстах от Покровского в своём имении Хитрово. Соседи часто и запросто бывали друг у друга. Летом 1869 г. среди многочисленных гостей в Хитрове появилось новое

лицо – Леонид Оболенский. Он искренне привязался к большой и любящей семье Дельвигов, и, когда осенью того же года семью постигло страшное несчастье (в три дня от дифтерита умерли маленькие сын и дочь), Оболенский сделал всё, что мог, чтобы облегчить их горе. Ежедневные свидания двух молодых людей, Леонида и Лизы Толстой, тяжёлое время, которое они пережили вместе, очень их сблизили, и они решили пожениться. Невеста была очень молода, слаба здоровьем, и решающее слово в согласии на их свадьбу было сказано Толстым. Мать невесты дала согласие на брак. Толстой, лично ещё не зная жениха, сказал: «Лицо по портрету хорошее...» (83: 171). А племянницу перед свадьбой напутствовал: «Если ты будешь смотреть на замужество как на лёгкую, свободную и праздничную жизнь, то тебя ждёт много огорчений и разочарований. Смотри на неё серьёзно, как на большой труд, и тогда всё будет хорошо. Жизнь вообще есть труд» (*Летописи*. Кн. 2. С. 282). 18 января 1871 г. Л. Д. Оболенский обвенчался с Е. В. Толстой. Писатель стал крёстным отцом их первенца, сына Николая, родившегося в 1872 г. Зимой семья Оболенских жила в Москве, летом – в своём имении Покровском в 80 верстах от Ясной Поляны. Когда Толстой приезжал в Москву на несколько дней, всегда заглядывал к Оболенскому, к которому относился очень хорошо. Лиза Оболенская вспоминала: «Муж мой был так добр, так отзывчив и готов на всякую услугу, что его все любили. Но у него были свои очень твёрдые и определённые взгляды; он был очень православно религиозен» (*там же*. С. 285). В семье Толстых все считали Леонида весёлым, добрым, очень мягким человеком, готовым всегда оказать помощь и исполнить просьбу. Писатель несколько раз адресовался к нему по делам в типографии Риса (61: 252, 337). Когда в 1871 г. Толстого оштрафовали за неявку в качестве присяжного заседателя на выездной сессии Тульского окружного суда, Оболенский возил его прошение в Сергиевское (прошение не приняли). Домашнее имя Леонида в семье Толстых было «милый шталмейстер» – так шутливо называли его Лев Николаевич и Софья Андреевна, которой он помогал ставить в Ясной Поляне «гигантские шаги», а когда отправлялся в Москву, покупал ей, по её поручению, мыло, катушки и проч. (*ПСАТ*. С. 109).

По свидетельству старшего сына Толстого, Леонид Оболенский послужил одним из прототипов Стивы Облонского в романе «Анна Каренина». «Наружность Леонида Дмитриевича Оболенского была похожа на

наружность Степана Аркадьевича – довольно большой рост, белокурая борода, широкие плечи. Его добродушие, склонность к приятному препровождению времени также напоминают Облонского. Это подтверждается и тем, что в некоторых черновых вариантах романа Облонский назван Леонидом Дмитриевичем», – писал С. Л. Толстой (*ЛН*. Т. 37–38. С. 570).

У Оболенских была уже большая семья, когда в 1880 г. у главы семьи появились первые признаки сердечного заболевания («грудной жабы»), доктора послали его за границу. Лечение не принесло никакой пользы. В ночь на 5 февраля 1888 г. он внезапно скончался, оставив вдову с семерыми детьми (от 15 до 1,5 лет) в очень затруднительном материальном положении. Старший сын Николай был принят в семью Толстых, воспитывался ими и впоследствии женился на второй дочери писателя Маше. Толстой просил А. А. Толстую помочь вдове устроить одну из дочерей в институт в Петербурге (62: 511). Со смертью Оболенского связана некая мистическая история, которой С. А. Толстая посвятила отдельную главу в книге «Моя жизнь» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 50). О кончине Оболенского Толстой сообщал в письме к Н. Н. Ге-отцу: «У нас на днях была скоропостижная смерть Оболенского – мужа племянницы. Человек был очень хороший – простой, добрый» (64: 151). Много лет спустя писатель вспомнил Оболенского, когда лечился после тяжёлой болезни в Гаспре, ему стало лучше и перестало мучить чувство близости смерти. «Хотя, вот, например, Леонид Оболенский тоже ничего особенного не чувствовал, пошёл спать и захрипел» (*ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 158).

Л. С. Дробат

ОБОЛЕНСКИЙ Николай Леонидович («Коля»; 1872–1934), князь – внучатый племянник Толстого; внук его сестры; с 1897 г. муж средней дочери писателя М. Л. Толстой. Родился в семье Елизаветы Валерьяновны Толстой (старшей дочери М. Н. Толстой) и кн. Леонида Дмитриевича Оболенского. Толстой был крёстным отцом Коли. Мальчику было 15 лет, когда внезапно умер его отец и семья, в которой он был старшим из 7 детей, осталась в очень затруднительном материальном положении. С. А. Толстая предложила, чтобы Коля жил в их доме и воспитывался в их семье наравне с собственными сыновьями. Она писала мужу о «наших мальчиках»: «Лёва и Коля Оболенский иногда очень озабочены и мрачны по случаю экзаменов...», «Коля Оболенский сегодня математику выдержал и очень доволен», «...Коля спал до

12-ти часов. В доме была мёртвая тишина» (ПСАТ. С. 424, 426, 614). Коля поступил в Московский университет на юридический факультет, лекций не посещал, занимался постольку, поскольку было нужно, чтобы сдавать экзамены. В студенческой жизни не участвовал, хотя в ноябре 1896 г., когда уже заканчивал университет, попал ненадолго в Бутырскую тюрьму — присоединился к студентам, служившим панихиду по жертвам Ходынки и собиравшимся на сходки. Толстой отнёсся к этому с иронией: «Ему послали еды и белья, но персидского порошка не послали, потому что говорят, что сила клопов там непреодолимая» (69: 211). Младшая дочь писателя Александра так описывала своего родственника: «Это был милый, честный, неглупый малый, не пьяница и не игрок. Вставал поздно, к завтраку, курил медленно, со вкусом, пуская в воздух колючки, красиво отставляя холёную руку с длинным загнутым ногтем на мизинце, любил поест, по-барски широко давал на чай, хотя денег у него никогда не было, по-аристократически катал “р” — Коля был барин с княжескими замашками, сибарит. И Маша потерялась для отца...» (Толстая А. Л. Отец. М., 1989. С. 352). Маша влюбилась в Колю, что было полной неожиданностью и для отца, и для матери. Влюбилась страстно, безрассудно, и ничто не могло удержать её от этого замужества: ни бурные протесты матери, ни страдальческое недоумение отца. 2 июня 1897 г. они обвенчались. Л. Н. и С. А. Толстые на свадьбе не были. Софья Андреевна со свойственной ей прямолинейностью сказала: «Мне лично он был мало симпатичен, я не люблю такие типы, хотя в нём было много отрицательных качеств, он был неглуп, честен, недурён собой, тихого характера и, казалось, любил Машу до самой её смерти» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 439). Толстой прямого неодобрения не выразил, сказал только: «Какой странный брак» (Летописи. Кн. 2. С. 300). Он был уверен, что, поженившись, они не будут жить «по Марье Александровне» (М. А. Шмидт), а, напротив, понадобятся «порядочные деньги, посредством которых жить» (69: 224). Маша была вынуждена взять свою долю наследства, от которой она отказалась при разделе 1892 г. С. А. Толстая тогда предусмотрительно записала эту часть на себя, завещав её Маше. У Коли ничего не было, работать он не умел и не хотел, и они жили на Машины деньги; прожили примерно половину капитала, и, умирая (1906 г.), Маша написала на клочке бумаги записку, что желает своё имущество после своей смерти оставить мужу. Это было исполнено.

Оболенским надо было устраивать семейную жизнь. Толстой не хотел, чтобы они поселились в Покровском, где жила мать Коли, сёстры и братья, «потому что это халат — эта жизнь не требует никаких усилий, а сел и живи. А усилия вам обоим, и особенно Коле, нужны. Ему необходимо начать свою женатую жизнь деятельностью, и энергичной деятельностью» (70: 182). Толстой предлагал зятю заняться виноградарством в Алуште, хозяйничать в имении, служить в земстве, в банке, в инспекторах, в суде. Только не быть праздным. Софья Андреевна, как обычно, выразилась проще: он был «такой флегматичный, ленивый, бездельный впоследствии, что скучно и досадно было на него смотреть» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 320). Вначале она была очень недовольна замужеством Маши, даже говорила, что не признаёт этот брак («Маша и её тень, т. е. муж Коля»), но позже смягчилась, полюбила зятя и говорила, что «если она раньше жалела Машу, то теперь ей искренне жаль Колю, который связал себя немолодой, некрасивой, больной и избалованной женой» (Летописи. Кн. 12. Т. 2. С. 134). В Покровском молодые не ужились. Мария Львовна чувствовала себя там одиноко, скучала. Позже они купили имение в Пирогове, дом и 35 десятин земли, очень полюбили свой «хутор» и охотно там жили. Часто они жили и в Ясной Поляне и в Хамовниках. Толстой любил бывать у них в Пирогове, иногда оставался там неделю и больше. С. А. Толстая говорила, как скучно у них в Пирогове: «Я бы повесилась, не могла бы там жить». Толстой же им завидовал: «Там тихо, а здесь вечная суматоха» (ЯПЗ. 1. С. 158). Жалел о том, что зять не пишет, ведь «он всё знает, что происходит, <...> с его слов можно записывать летопись революции» (ЯПЗ. 1. С. 332). А в Пирогове они «живут хорошо, иногда скука. Но ведь скука — это рамка деятельности, приготовление к ней». «Коля <...> много читает, много думает, видит яснее» (ЯПЗ. 1. С. 456–457). Оболенский был одним из тех людей, кто хорошо понимал Толстого, разделял его взгляды на церковь, государство, общественные задачи. Он оказался участником истории с завещанием Толстого, в котором писатель, помимо распоряжений о литературном наследии, высказал категорическое желание быть похороненным не по церковному обряду. С. А. Толстая была настроена вопреки воле мужа похоронить его по-церковному. Оболенский не допуская и мысли о возможности таких «обманных похорон». Об этом он написал В. Г. Черткову 8 октября 1902 г. (54: 645–646). После смерти Толстого именно Обо-

ленский передал письмо Толстого, адресованное жене, ей в руки.

Оболенские прожили душа в душу девять лет, вплоть до кончины Марии Львовны в ноябре 1906 г. Через месяц после смерти любимой дочери Толстой сказал: «Как быстро она умерла! Я за ней знал один недостаток: её любовь к Коле, который очень хороший человек и которого я люблю. Эта слабость нарушила цельность её удивительного характера» (*ЯПЗ. 2. С. 335*). Он очень жалел дочь, сочувствовал её личной трагедии (она так и не смогла доносить до конца ни одну из своих нескольких беременностей), но радовался, что она не слабеет духом: «Борись, голубушка. *Только в этом, только в этом жизнь*» (71: 285). В 1909 г. Оболенский женился на Н. М. Сухотиной, падчерице Т. Л. Сухотиной-Толстой. Он стал управляющим Ясной Поляной и с женой и четырьмя детьми (и четырьмя слугами) проживал в доме Кузминских, «читал газеты, играл с кем мог в карты, курил и пользовался добротой Тани <Т. Л. Толстой-Сухотиной. – Л. Д.>» (Булгаков В. О Толстом. Тула. 1978. С. 230). После революции 1917 г. Оболенский эмигрировал; умер в Бельгии.

Л. С. Дробат

ОБЪЕДКОВ Василий Иванович (даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого; сектант-духобор. Первое личное знакомство писателя с духоборами, среди них был Обьедков, произошло 9 декабря 1894 г. В московской гостинице Толстой посетил В. В. Веригина, В. Г. Верещагина и В. И. Обьедкова, которые ехали провожать П. В. Веригина, друга и брата, руководителя кавказских духоборов, отбывавшего ссылку в Архангельской губ., а теперь через московскую тюрьму пересылаемого в Сибирь, в Тобольскую губ. Толстой отмечал, что эти люди перед лицом гонений «радостны и спокойны» (67: 279).

В 1895 г. Обьедков оказался в числе кавказских «бунтовщиков» – духоборов, заявивших властям о своём отказе от военной службы. Все зачинщики были выселены вместе с семьями с мест жительства и разосланы по разным закавказским аулам без права на землю. Из ссылки, из Горийского уезда Тифлисской губ., В. И. Обьедков, И. И. Пономарёв и В. М. Медведев в сентябре 1896 г. прислали Толстому письмо с рассказом о своей жизни и о тяжёлой участи духоборов, попавших в дисциплинарный батальон. Ответное письмо, за подписью «Брат ваш Лев Толстой», содержало эмоциональную и моральную поддержку, сочувствие слабым, радость «за тех, кото-

рые переносят гонения с благодарностью», а также сообщение о единомышленниках в России и за рубежом, отказывающихся от насилия, от пролития крови не только людей, но и животных. Финал письма носил программный характер: «Я думаю, что наступило время, когда должна быть обличена ложь людей, управляющих другими насилием и убийством и вместе с тем называющих себя христианами. Явно, что христианин не может быть убийцей, а что одно из двух: или им надо отказаться от христианства, или от войска. Если они откажутся от христианства, им не на чем основывать свою власть; если же они откажутся от войска, власть их сама собой уничтожится» (69: 194).

В январе 1895 г. Обьедков был сослан в Архангельскую губ. После освобождения в 1901 г. он заезжал к Толстому в Москву, получил материальную помощь; уехал в Канаду, присоединившись к переселившимся туда духоборам.

Л. К. Чурсина

ОВСЯННИКОВ Николай Петрович (1848–?) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; помещик Венёвского уезда Тульской губ.; автор очерка «Эпизод из жизни гр. Л. Н. Толстого». С Толстым познакомился в 1889 г., приехав в Хамовники для переговоров по поводу печатания своих воспоминаний о суде в 1866 г. над рядовым Василием Шибунинным (Шабунинным), давшим пощёчину полковому командиру. Шибунин был приговорён к смертной казни и расстрелян. Овсянников, служивший юнкером в том же полку, был свидетелем произошедшего и описал этот эпизод. 16 июля 1866 г. Толстой выступал на военном суде защитником солдата Шибунина. 9 августа 1866 г., несмотря на защиту Толстого, солдат был расстрелян.

В письмах от 3 и 15 апреля 1889 г. Овсянников просил разрешить напечатать свои воспоминания о суде над Шибунинным и подтвердить правильность рассказа. Вместе с письмом от 3 апреля 1889 г. он прислал Толстому на просмотр свою рукопись, чтение которой писатель отметил в дневнике 9 апреля: «Читал эпизод о защите казнённого солдата. Написано дурно, но эпизод ужасен в простоте описания – контраста развращённых полковника и офицеров, командующих и завязывающих глаза, и баб и народа, служащего панифиды и кладущего деньги» (50: 64). Толстой отвечал Овсянникову 16 апреля 1889 г. Воспоминания, исправленные согласно его замечаниям, были напечатаны: Овсянников Н. Эпизод из жизни графа Л. Н. Толстого // Русское обозрение. 1896. № 11. С. 5–62; от-

дельное издание «Посредника» – Москва, 1912. Об упоминаемом Толстым в дневнике отношении «баб и народа» к казни Шибубина Овсянников вспоминал, что после совершения казни и ухода войск «никем и ничем более не останавливаемый народ неудержимою волной бросился к свежей могиле казнённого. Через час явился кем-то приглашённый деревенский священник, и началось почти непрерывное служение заказных панихид», продолжавшееся и в следующие дни. В связи с этим вскоре даже был поставлен особый караул, чтобы «не допускать любопытных», а «служение панихид было наистрожайше воспрещено» (с. 61–62). Могила Шибубина близ станции Щёкино Московско-Курской железной дороги десятки лет бережно сохранялась местным населением. В 1928 г. могила эта, оберегаемая как памятник истории, была перенесена в г. Щёкино.

Н. И. Бурнашёва

ОГАРЁВ Владимир Иванович (1822–?) – друг детства и юности Толстого, его сосед по имению, владелец имения Телятинки, что в 3-х верстах от Ясной Поляны; один из сыновей приятеля Н. И. Толстого, крапивенского помещика И. М. Огарёва. В «Воспоминаниях» Толстой писал, что при жизни матери «никто почти, кроме близких соседей Огарёвых и родственников, <...> не посещал Ясной Поляны» (34: 354). Имя В. И. Огарёва в письмах к Ёргольской Толстой почти всегда упоминал в связи с карточными долгами, отмечая «проигрыш» Огарёву и «отыгрыш» Огарёву. В начале декабря 1850 г. приехав в Москву, обдумывая свою жизнь, «последние три года», проведённые «так беспутно», и особенно последние пять месяцев, когда дневник «в руки не брал», Толстой признавался: «Большой переворот сделался во мне в это время. <...> Одним словом, и самым простым, я перебесился и постарел. Много содействовало этой перемене моё самолюбие. Пустившись в жизнь разгульную, я заметил, что люди, стоявшие ниже меня всем, в этой сфере были гораздо выше меня; мне стало больно, и я убедился, что это не моё назначение. Может быть, содействовали этому тоже два толчка. Первое – проигрыш Огарёву, который приводил мои дела в совершенное расстройство, так что даже, казалось, не было надежды поправить их; и после этого пожар, который заставил невольно меня действовать. Отыгрыш дал же более весёлый цвет этим действиям» (дневник 8 декабря – 46: 38–39). На следующий день Толстой писал Т. А. Ёргольской: «Огарёву я тоже дал знать, что приехал и желаю его

видеть. Он тотчас явился, передал мне с большими извинениями мои два векселя, но денег, которые мне должен, не отдал. Его репутация совсем погублена в Москве» (50: 70). Отъезд на Кавказ, несколько лет отсутствия Толстого в Москве и Ясной Поляне охладили отношения между приятелями. Вернувшись из Севастополя, Толстой редко встречался с Огарёвым, а 15 мая 1856 г. это имя последний раз упомянуто в дневнике: «Огарёв, почти ссора с ним» (47: 72).

Н. И. Бурнашёва

ОГАРЁВА Юлия Михайловна (рожд. Арсеньева; 1805–1878, по др. данным 1889) – жена крапивенского помещика Ивана Михайловича Огарёва (1795–?), владельца имения Телятинки.

Летом 1908 г., перечисляя владельцев соседних Телятинок (в 3-х верстах от Ясной Поляны), Толстой сказал, что помнит почти всех: «Сначала, помню, ещё при отце, это было имение жандармского полковника Огарёва. Он был маленького роста, добродушный, и жену его помню. Она была, кажется, поведения довольно лёгкого» (*Гольденвейзер*. С. 176). Сестра Толстого после его смерти вспоминала: «Эта Огарёва была женщина совсем лёгкая. Говорили, когда отец овдовел, она за ним ухаживала» (*Гусев. Материалы*. 1. С. 651). При жизни родителей Толстого Огарёвы были в числе немногих близких посетителей Ясной Поляны, о чём Толстой писал в своих «Воспоминаниях». В 1825 г. в одном из писем М. Н. и Н. И. Толстые сообщали Т. А. Ёргольской: «Г-жа Огарёва часто бывает у нас со своим сыном; вместе оба мальчика забавны и очень любят друг друга, но нельзя не видеть, что маленький Огарёв – мужичок рядом с Коко» <Николаем, старшим сыном Толстых. – Л. Д.> (Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 134). «Маленький Огарёв» – старший сын Огарёвых, Владимир (1822–?), – одно время рос и воспитывался в семье Толстых. Летом 1909 г. в Ясной Поляне были получены от бывшего учителя школы 1860-х гг. Н. П. Петерсона, через посредничество Маковицкого, выписки (три листа) из воспоминаний Ю. М. Огарёвой, которая была бабкой жены Петерсона. Маковицкий просил, чтобы Петерсон прислал отрывки из записок (оригинал был написан по-французски в двух тетрадах мелким красивым почерком) о родителях Толстого, «не утруждаясь переводить по-русски <...> ему будут они очень дороги, он так почитает память своих родителей, особенно матери» (Голос минувшего. 1914. № 11. С. 110). Узнав от Маковицкого о существовании записок, Толстой

заметил, что его отец вдовцом был в связи с Огарёвой и с этой стороны её воспоминания должны быть интересны. 17 августа 1909 г. Толстой отослал прочитанные им выписки из записок вместе с письмом Петерсону: «Возвращаю вам записки Огарёвой» (80: 64). Никаких комментариев о содержании записок от Толстого не последовало, но осенью того же года в дневнике 2 октября он записал: «Ездил в шарабане в Судаково. Мысль о старой жизни отца с Телятинками и Судаковым. Разумеется, не напишу – некогда» (57: 148). В Судакове (в 7-ми верстах от Ясной Поляны), принадлежавшем брату Огарёвой, поручику Арсеньеву, она встречалась с Н. И. Толстым. Позже писатель не раз бывал в этом имении, когда был опекуном детей Арсеньева, и особенно часто, когда одна из дочерей Арсеньева, Валерия Владимировна, была его невестой. В своих записках Огарёва писала, что полюбила Н. И. Толстого (она нигде не называла его по имени – только «граф») с самого первого года своего знакомства с ним, т. е. с первого года его женитьбы (1822 г.). По её словам, он платил ей тем же, а после смерти жены привязанность его ещё более усилилась. В том, что она любила Н. И. Толстого, хотя имела мужа и четырёх детей, она оправдывала себя тем, что «была ещё ребёнком, которого мать принесла в жертву обманщику <...>. Позднее он нарушил клятву, данную мне перед алтарём <...>. Я могла любить графа, не боясь угрызений совести», – писала она (Голос минувшего. 1914. № 11. С. 121). Огарёва считала свой брак «недействительным», а себя совершенно свободной любить кого угодно, хотя продолжала жить с мужем. При этом она сохраняла дружеские отношения с членами семьи Н. И. Толстого; жена и сестра его Александра считали Огарёву любительницей чтения и интересной собеседницей (Толстой С. Л. Указ соч. С. 142). Именно из записей Огарёвой стали известны подробности болезни матери писателя: «В августе <1830 г. – Л. Д.> графиня опасно заболела. Нервная горячка унесла её в несколько дней. Во время её болезни я работала о ней, как только могла. При мне она испустила последний вздох, так как я удалила всю семью из комнаты той, которая ещё боролась со смертью» (Голос минувшего. 1914. № 11. С. 113). М. Н. Петерсон, переводчик воспоминаний Огарёвой, её правнук, при подготовке к публикации выпустил те места из записок, в которых особенно ярко описывалось взаимное увлечение Н. И. Толстого и Ю. М. Огарёвой. В настоящее время рукопись считается утраченной. Копий с неё сделано не было.

Л. С. Дробат

ОГОЛИН Александр Павлович (даты жизни не установлены) – сослуживец Толстого на Кавказе, штабс-капитан батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады. С Оголиным у Толстого были тесные приятельские отношения, что видно по записям в дневнике: «Был у Оголина и болтал с Епишкой. Ленюсь» (6 ноября 1852 г. – 46: 148). 25 ноября. Старогладковская: «Прочёл критику о своей повести с необыкновенной радостью и рассказал Оголину» (46: 150). 26 ноября Толстой «был с Оголиным на охоте», а на следующий день «Оголин рассердил» его «своей глупостью» (*там же*), и, казалось, наступило охлаждение в отношениях приятелей: «Оголин мне больше и больше не нравится» (28 декабря 1852 г. – 46: 154). Однако не прошло и месяца, как в дневнике появилась другая запись: «Оголин начинает мне очень нравиться» (20 января 1853 г. – 46: 157). Приятелей сблизало и пристрастие к карточной игре. 23 января: «Оголин проигрался, и мне теперь совестно перед ним» (46: 157). 20 февраля 1853 г. Толстой узнал от Оголина очень важную для себя информацию: «Нынче Оголин сказал мне, что я получу крест. Дай Бог – и только для Тулы» (46: 157). Крест Толстой не получил – вообще на Кавказе в отношении службы и наград не везло. В начале 1854 г., по своей личной просьбе, он был переведён в действующую Дунайскую армию и в середине января уезжал из Старогладковской. Сослуживцы прощались с ним. Дневник 11 января: «После обеда пришли Оголин, Жукевич, кунаки из Старого Юрта и до сумерек не давали мне покою» (46: 226). 17 января Толстой «пил чай у Оголина» (46: 229), и в тот день записал в дневнике об откровенном разговоре между приятелями: «Оголин третьего дня восставал против родственности и приводил в пример своего брата. За что, говорил он, он хочет заложить моё имение? „Я хорошо привык жить“. Что ж, и я хочу привыкнуть» (46: 229). Сохранилось письмо, присланное с Кавказа, где Оголин рассказывал Толстому о жизни в станице Старогладковской после его отъезда.

Н. И. Бурнашёва

ОГРАНОВИЧ Михаил Петрович (1848–1904) – знакомый Толстого; врач-невропатолог, владелец санатория для нервных больных в селе Аляухово Звенигородского уезда Московской губ. Бывал в хатовническом доме Толстых. 3 марта 1889 г. в дневнике Толстого запись: «Пришли Желтовы и Огранович. Огранович – психопат» (50: 45). 11 марта Огранович снова был у Толстого, и писатель спорил с ним, «не

раздражаясь, но излишне говоря. Он материалист – сознание плод сил, действующих в материи, и потому надо действовать на материю. Чем? Ну, обычное сумасшествие. Я как будто пробовал, твёрд ли я. Если говорил, то значит не твёрд» (50: 50). Сын Толстых Лев Львович (1869–1945) в 1895 г. находился в Санитарной колонии д-ра М. П. Ограновича. 21 февраля Толстой записал в дневнике: «Вчера Огранович помог мне отнестись справедливее к Лёве. Он объяснил мне, что это скрытая форма малярии – гнетучка. И мне стало понятно его состояние и стало жаль его...» (53: 10). 19 октября 1895 г. сыну Льву Толстой писал: «Радуюсь, что тебе лучше. Теперь, надеюсь, ты уже встал и больше не будет нужды ложиться. Огранович, мне думается, верно определил твою болезнь, и советы все его тебе были на пользу» (68: 229).

Е. Ю. Хомякова

ОДОЕВСКИЙ Владимир Фёдорович (1803/1804?–1869), князь – знакомый Толстого, русский писатель, представитель философского романтизма, автор книги «Русские ночи», музыкальный критик. Одоевский и Толстой познакомились в декабре 1855 г. в Петербурге, встречались на обедах литераторов. В записной книжке Толстого за 1858 г. есть запись: «Тип русского человека, недоучившегося, но горячего к науке. Одоевский, Алексеев и т. д. Магнетизм, электричество, самые неожиданные выводы из простейших явлений и незадумыванье перед приложением их к жизни» (48: 74). Судя по тому, что рядом с фамилией известного писателя Толстой упомянул имя своего начальника по 4-й батарее 20-й артиллерийской бригады на Кавказе, его интересовал именно «тип», но не писатель-романтик Одоевский, с которым Толстой был едва знаком, хотя они и находились в дальнем родстве.

Общение и встречи с Одоевским продолжались и в Москве, в редкие приезды Толстого в период работы над «Войной и миром». 7 апреля 1868 г. Одоевский записал в своём дневнике: «Обедали: Ольга Фёдоровна Кошелева, граф Л. Н. Толстой («Война и мир»), С. А. Юрьев (математик). В 9½ часов небольшой припадок. Написал для графа Толстого (для умерщвления Элен) описание припадков моей Angina pectoris <грудной жабы. – Л. Д.>» (ЛН. Т. 22–24. 1935. С. 242). Из этой записи видно, что Одоевский читал уже вышедшие к тому времени тома нового сочинения Толстого и что «Толстой в известной степени посвятил В. Ф. Одоевского в дальнейшее развитие сюжета своего романа и желал знать подробности прохождения припад-

ков той болезни, какой страдал Одоевский» (Гусев. Материалы. 2. С. 793). Первоначально (в черновиках) Толстой описывал смерть Элен Безуховой (Курагиной) во время разговора с католическим патером («directeur de conscience» – «блжостителем совести») от грудной жабы: «...но вдруг Элен вскрикнула, взялась обеими руками за грудь и упала на спинку кресла. Испуганный аббат вскочил с места, призвал женщин. Привезённый доктор нашёл графиню в постели и задышающуюся. “J’avais toujours soupçonné l’angine pectorale, – сказал он сам себе, выходя из комнаты, – et la voilà <Я всегда подозревал грудную жабу... и вот она. – *фр.*>”. Было послано за княгиней Курагиной и за русским священником, но и та и другой приехали слишком поздно» (14: 355). Позднее Толстой отказался от описания «припадка грудной жабы», хотя оставил эту версию смерти Элен как официальную. В окончательном тексте он «остановился на причине смерти, более соответствующей образу жизни Элен» (Гусев. Материалы. 2. С. 793). В мае 1868 г. Толстой ещё раз вспомнил об Одоевском: для «Войны и мира» ему понадобилась цитата из Данте, и он просил Бартенева обратиться к библиофилу С. А. Соболевскому и к В. Ф. Одоевскому: «Я просил князя Одоевского и Соболевского дать мне выписку из Данта о несчастной любви. Соболевскому мне не хочется писать, и я боюсь, что он мне не ответит, а князя Одоевского я забыл, как зовут» (61: 202). Именно в это время, бывая в Москве, Толстой посетил салон Одоевского (Соболевский жил в том же доме), но имени его не запомнил.

«Безымянным», невольно, прижился Одоевский в доме Толстых со своим словечком «зефироты». В «Северной пчеле» 1 апреля 1861 г. был напечатан анонимный фельетон «Зефироты», в котором рассказывалось о странных существах – полулюдях, полуптицах, – появившихся в Северной Америке. Автором этой первоапрельской шутки был кн. В. Одоевский. Но Толстой не читал фельетона (был в это время в Веймаре), а о том, каким образом словечко «зефироты» прижилось у Толстых, рассказала гр. С. А. Толстая: «Так называл Лев Николаевич своих племянниц Варю и Лизу по следующему поводу. В Ясную Поляну изредка приезжала монахиня тульского монастыря Марья Герасимовна, крёстная мать Марии Николаевны. Раз, приехавши из Тулы, она рассказала, что в газетах напечатано, что прилетели огромные не то птицы, не то драконы, зовут их зефироты. Сначала Лев Николаевич говорил про меня и сестру Таню: “Жили, жили с тётенкой покойно, и приле-

тели к нам зефироты". Потом перенёс это название на племянниц» (83: 39).

Л. С. Дробат

ОЗЕРОВ Борис Семёнович (1827–1859) – сын московского сенатора, приятель молодого Толстого; кутила, один из тех, кого называют «золотой молодёжью». Учился в Училище правоведения, за какие-то «шалости» был исключён; женился на «французенке с Кузнецкого моста» и вёл весьма легкомысленный, разгульный образ жизни. Продал и прокутил доставшиеся по наследству 200 душ и в 30 лет, по словам сестры своей, был «больным, оборванным, потерявшим совершенно даже наружность порядочного человека» (Русский архив. 1898. № 5. С. 133).

В конце 1850 г. Толстой в Москве виделся с Озеровым почти ежедневно. Вероятно, проиграл ему в карты, но отдавать было нечем. За долги пытался продать ему лошадь. Видимо, он немного трусил Озерова. В дневнике 24 марта 1851 г. записал: «У Озерова спорил о глупости (привычка спорить) и не говорил о том, что нужно, *трусость*» (46: 55). 28 марта 1851 г.: «У Озерова, у Беклемишева. С Озеровым в трактире и верхом, *нерасчётливость, мало fierté* <гордости. – Н. Б.>» (46: 56). Через месяц Толстой уехал на Кавказ и отношения с Озеровым прекратились.

Лит.: Памятные записки игумении московского Страстного монастыря Евгении Озеровой // Русский архив. 1898, март и май (№ 3 и 5).

Н. И. Бурнашёва

ОЗМИДОВ Николай Лукич (1844–1908) – посетитель Ясной Поляны, последователь, корреспондент и адресат Толстого, вступавший с ним в полемику. Окончил гимназию в Кишинёве, учился в Петровско-Разумовской академии в Москве, служил в правлении Московско-Курской железной дороги; выйдя в отставку, получил солидное выходное пособие. Эти средства Озмидов, агроном по образованию, вложил в создание молочной фермы под Москвой и в 1880–1882 гг. содержал на Арбате в Москве молочный магазин, однако в сентябре 1882 г. его имущество было продано с аукциона. Озмидов стал зарабатывать перепиской и продажей запрещённых произведений Толстого, с которым познакомился в начале 1880-х гг., расположив его к себе. 3 апреля 1884 г., переживая осложнение семейных отношений, Толстой отмечал в дневнике: «Пришёл Озмидов. <...> Не знаю, хорошо ли, что слишком откровенно говорил ему о своём положении» (49: 77). Доверие

Толстого к Озмидову проявилось и в обращении к В. Г. Черткову: «...говорил ему о его недоброте к <...> Озмидову» (52: 124). Интерес Толстого к Озмидову объяснялся тем, что в общении с ним писатель был на правах *выслушиваемого* собеседника, тогда как чаще всего он слушал и направлял на путь благодатного самоопределения. В. Ф. Лазурский вспоминал о своей встрече с Озмидовым: «Я с удивлением слушал, как Озмидов громко, <...> уверенно толковал обо всём в присутствии Льва Николаевича, нервно выкрикивая фразы. Он цитировал Толстого и в нём находил подтверждение собственных мыслей. А Лев Николаевич сдержанно и как бы смущённо возражал ему» (Голос минувшего. 1914. № 3. С. 128).

По наблюдениям П. И. Бирюкова, Толстой ценил в Озмидове «независимый острый ум и <...> стремление к исканию правды» (Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 3. М., 1923. С. 51) и поэтому привлекал к работе в «Посреднике», содействовал публикации его статей, хлопотал о смягчении его участи как высланного в Вятку за распространение толстовских сочинений, пытался устроить на постоянную работу, что было несообразно с неуживчивым характером Озмидова, который редко доводил дело до конца. Так, в 1886 г. он организовал на Кавказе, в Уч-Дере, земледельческую общину, распавшуюся через несколько месяцев; переложение романа Ч. Диккенса «Крошка-Доррит», за которое он взялся для издания в «Посреднике», не было закончено и не удовлетворило Толстого...

С. А. Толстая, в отличие от Толстого, воспринимала Озмидова крайне негативно, едва ли не с начала их знакомства: «Приезжал <в Ясную Поляну. – А. К.> ещё некто Озмидов, человек крайне несимпатичный, самообольщённый, спутанный, впоследствии сделавшийся ярым морфинистом» (1887 г.; САТ. Моя жизнь. 2. С. 36). В 1889 г. Толстой склонен был согласиться с женой: «Он умственно больной, но хороший. Самолюбие ещё не тронулось в нём, как лёд на реке» (50: 65). На окружение Толстого Озмидов также производил тяжёлое впечатление, как вспоминал А. Г. Русанов: «Высокий, с длинной седой бородой, с белесоватыми пустыми глазами морфиниста, чрезвычайно раздражительный, спорщик-любитель...» (Русанов. С. 127–128). Вызывал недоумение и рациональный склад ума Озмидова: «Бывал ещё довольно часто у отца высокий блондин – морфинист Озмидов, доказывавший христианское учение математическими формулами...» (Толстой И. Л. Гл. XIX). Последние годы

Озмидов жил то у своей дочери, О. Н. Озмидовой-Спенглер, считавшей его незаурядной личностью, то у друзей, занимаясь изложением своих взглядов, которым придавал огромное значение в развитии культуры.

А. С. Кондратьев

ОЛЕНИН Пётр Алексеевич (псевд.: Волгарь, Паоле, Пётр Вольный и др.; 1864–1926) – корреспондент и адресат Толстого; писатель, драматург, режиссёр; по отцовской линии правнук А. Н. Оленина, по материнской – родственник М. А. Бакунина. Человек с чрезвычайно широким кругом интересов. Сам Оленин вспоминал: «Учился хорошо, но безо всякой системы. С детства говорю по-французски и по-английски. Позже научился немного языкам киргизскому и испанскому, а живя в Италии, научился и итальянскому» (Родин Н. Город в Мещере // Приокская правда. Рязань. 1969. № 210. 7 сентября). Окончил реальное училище в Москве, одновременно посещал Училище живописи, ваяния и зодчества, затем поступил на военную службу, которую вскоре оставил. Работал на рыболовных судах – сменил несколько профессий (рулевого, механика, капитана и др.), ходил по Волге – стал «волгарём». С концом навигации жил в Москве или за границей. После женитьбы уехал в родовое имение Истомино Касимовского уезда Рязанской губ., там занимался сельским хозяйством, стал председателем Касимовской земской управы. Пробовал себя в литературе, начал публиковаться в периодике, пытался организовать народный журнал «Ока» и 6 февраля 1889 г. обратился к Толстому с просьбой о сотрудничестве, надеясь, что его имя привлечёт подписчиков. Толстой вскоре отвечал: «Журнал для крестьянства очень, по-моему, хорошее дело <...>. Если вы затеете свой журнал, я буду помогать ему сколько могу, но обещать писать вперёд не могу <...>. Имя же моё таково, что если оно и привлечёт подписчиков, оно повредит журналу перед цензурой. – Да и нехорошо заманивать подписчиков. Будет хорош журнал, будут и подписчики. Так давайте постараемся сделать журнал как можно лучше; и в этом я очень рад буду, насколько могу, помогать вам» (64: 221). Однако власти наложили запрет на издание журнала.

Через полтора десятилетия переписка с Толстым возобновилась. В середине июня 1905 г. Оленин послал Толстому сборник своих рассказов (Оленин П. На вахте. Очерки и рассказы. СПб., 1904) с дарственной надписью. 20 июня Толстой читал этот сборник «до полудня, когда из-за болезни

не работал» (ЯПЗ. 1. С. 318). И в тот же день, и на следующий Толстой читал вслух отрывки из рассказов Оленина: описание бури на Волге, а также часть рассказа «В чужой шкуре». Описание бури Толстой «хвалил, как живо описано» (*там же*). Маковицкий пересказал содержание рассказа «В чужой шкуре»: «как директор акционерной компании становится писцом, потом чернорабочим. Описана жизнь рабочего: что значат 20 копеек для рабочего. Хорошо написано: выпукло, выставлена именно жизнь рабочего, а не происшествия» (21 июня 1905 г.; *там же*. С. 319).

24 августа 1905 г. Оленин прислал Толстому письмо и рукопись запрещённого романа «Тайна Володи-мальчика» с просьбой дать отзыв, и через день, 26 августа, Толстой ответил: «Ваши рассказы очень понравились мне. Они прекрасно написаны и большей частью содержательны. Особенно последний <«В чужой шкуре». – А. Б.>. Благодарю вас за присылку книжек. Что же касается романа, то, пожалуйста, простите меня за то, что возвращаю его вам не читая. Я не имею для чтения таких вещей сил и времени и тем более для составления мнения и отзыва. Так, пожалуйста, не сетуйте на меня» (76: 20). Рукопись была отослана.

В начале XX в. Оленин проявлял интерес к драматургии, был автором популярных в 1900–1910-е гг. пьес «Севастополь (Мать сыра-земля)» (1901), «Душа, тело и платье (История изящной женщины)» (1910) и др. В 1910-е гг. переводил либретто опер на русский язык, выборочно для сцены занимался переделками произведений русской и мировой литературы. В 1914 г. инсценировал рассказы Г. Мопассана «Дуэль» и Э. Золя «Осада мельницы». Тогда же переделал для постановки на сцене повесть Толстого «Казаки» (Оленин П. А. Казаки. Кавказская повесть Льва Толстого. Инсценирована в 4-х действиях и 9-ти картинах П. Олениным-Волгарём. Пг., б.г.). Прототипом главного героя толстовской повести Оленин считал своего отца.

А. Р. Боковня

ОЛСУФЬЕВ Александр Васильевич (1843–1907), граф – брат друга семьи Толстых Адама Васильевича и знакомого Толстого Алексея Васильевича Олсуфьевых. С отличием окончил математический факультет Московского университета. С 1865 г. начал службу в полку лейб-гвардии Конной артиллерии. В 1869–1881 гг. служил адъютантом при цесаревиче Александре Александровиче. В 1877 г. в чине капитана гвардии участвовал в Русско-турецкой войне. В 1881 г. в чине полковника назначен

флигель-адъютантом к государю. С 1885 по 1895 г. — начальник канцелярии императорской главной квартиры. В 1890 г. произведён в генерал-майоры, с 1891 г. флигель-адъютант в свите его величества. В 1896 г. произведён в генерал-адъютанты, с 1899 г. — генерал-лейтенант. В 1895–1903 гг. — помощник командующего императорской главной квартирой. В 1905–1906 гг. — заведующий придворной частью в Москве и начальник Московского дворцового управления.

Толстой познакомился с Александром Олсуфьевым, видимо, в Москве в доме на Девичьем поле у В. А. Олсуфьева, его двоюродного брата, с которым тогда был дружен писатель. 18 сентября 1882 г. он писал жене: «У Олсуфьевых был Александр Олсуфьев с женой и очень мне понравился» (83: 361); жена — Екатерина Львовна (рожд. Соллогуб; 1847–1902).

В начале февраля 1897 г., когда Толстой гостил в Никольском-Обольянинове, имении Адама Васильевича Олсуфьева, приехавший туда И. И. Горбунов-Посадов известил его о предстоящей высылке по распоряжению министра внутренних дел В. Г. Чертоква и П. И. Бирюкова «за пропаганду и незаконное вмешательство в дело сектантов». Толстой собрался в Петербург проститься с друзьями. Олсуфьевы предложили ему и С. А. Толстой, как отмечено в её мемуарах, остановиться в их петербургском доме на Фонтанке (дом № 14), «где жил во втором этаже граф Александр Васильевич Олсуфьев и где внизу была свободная комната» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 469).

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. Толстой не раз приходилось обращаться к посредничеству А. В. Олсуфьева в делах, требовавших разрешения в высших инстанциях, когда надо было защитить преследуемых властями. В этой связи в 1897 г. Толстой установил с ним переписку.

Некоторые реальные черты натуры А. В. Олсуфьева нашли отражение в романе «Воскресение», в образе флигель-адъютанта Богатырёва, намеченном в IV редакции романа (где упомянуто «дело сектантов,



для которого он решил прежде подачи через флигель-адъютанта прошения государю съездить ещё к лицу, по инициативе управления которого возникло всё дело» (33: 203). Работа над образом была завершена в окончательном

тексте (во второй части романа): «Другая записка была от бывшего товарища Нехлюдова, флигель-адъютанта Богатырёва, которого Нехлюдов просил лично передать приготовленное им прошение от имени сектантов государю. Богатырёв своим крупным, решительным почерком писал, что прошение он, как обещал, подаст прямо в руки государю, но что ему пришла мысль: не лучше ли Нехлюдову прежде съездить к тому лицу, от которого зависит это дело, и попросить его» (гл. XXIV). В гл. XXVII дана обстоятельная характеристика личности Богатырёва: он «был невысокий коренастый человек, одарённый редкой физической силой — он гнул подковы, — добрый, честный, прямой и даже либеральный. Несмотря на эти свойства, он был близкий человек ко двору и любил царя и его семью и умел каким-то удивительным приёмом, живя в этой высшей среде, видеть в ней одно хорошее и не участвовать ни в чём дурном и нечестном. Он никогда не осуждал ни людей, ни мероприятия, а или молчал, или говорил смелым, громким, точно он кричал, голосом то, что ему нужно было сказать, часто при этом смеясь таким же громким смехом. И делал он это не из политичности, а потому что такой был его характер». Нехлюдов прощался, «с удовольствием пожимая сильную, широкую руку Богатырёва и, как всегда, под приятным впечатлением чего-то здорового, бесознательного, свежего» (32: 296).

7 мая 1900 г. Толстой писал Черткову о прошении Николаю II от духовоборов, переселившихся из Карской области в Канаду, с ходатайством о том, чтобы им выслали деньги, вырученные администрацией от продажи их имущества после их отъезда с Кавказа; в письме имелся в виду и отсутствовавший тогда в Петербурге А. В. Олсуфьев: «Единственное лицо, которому я бы мог передать (и то сомнительно, потому что я уже два раза недавно посылал через него прошение молокан, просящихся в Канаду, 5000 карских и 3000 эриванских), не в Петербурге, и потому я пошлю по почте. <...> Письмо ваше и прошение всё очень хорошо, но без человека, который бы принимал это к сердцу и хлопотал бы там, всё это канет в воду по всем вероятностям» (88: 195).

7 апреля 1903 г. Толстой писал Олсуфьеву о крестьянине А. Н. Агееве, которого «обвинили в том, что он произносил неприличные речи о Богородице, его судили и приговорили к ссылке без срока в Сибирь», и просил переговорить с царём об облегчении участи Агеева и его семьи (74: 103–104). По просьбе Толстого Н. В. Давыдов составил прошение о помиловании.

Толстой просил А. В. Олсуфьева передать это прошение царю. Копию прошения Агеева, прошение его жены и письмо Толстого к А. В. Олсуфьеву Давыдов сам передал Олсуфьеву, приехавшему в Москву вместе с царём на открытие памятника Александру II. 14 апреля Олсуфьев отвечал Толстому, что, «очень милостиво» отнёсшись к его, Олсуфьева, докладу, Николай II «повелел» передать министру внутренних дел, чтобы немедленно было сделано распоряжение о приостановлении высылки Агеева (*Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 462). Несмотря на «повеление» царя, министр юстиции Н. В. Муравьев прошение отклонил, и 29 августа 1903 г. Агеев был отправлен в Сибирь. В беседе с Д. П. Маковицким 1 декабря 1905 г. Толстой припомнил, когда в апреле 1900 г. он «отдавал Олсуфьеву письмо для передачи царю, то, будто бы, Олсуфьев (рассказывал Л. Н.) ответил: “Je suis une boîte aux lettres” <“Я – почтовый ящик”. – *фр.*>» (*ЯПЗ*. I. С. 481).

С именем Александра Олсуфьева связана ошибка в комментировании в 1952 г. дневниковой записи Толстого 1884 г. и повторенная в 1970 г., вероятно, на основании этого примечания на страницах книги: *Гусев. Материалы*. 4. 20 апреля/2 мая 1884 г. Толстой записал в дневнике: «После обеда прошёл с Стаховичем к Олсуфьевым – смотреть лошадей. Там Ал. Олсуфьев. Нехорошо, что определённо не выразил ему презрения» (49: 85). В примечании к записи сокращение имени было расшифровано: «Александр Васильевич Олсуфьев – генерал-адъютант, был помощником командующего императорской главной квартирой» (49: 228). В общем указателе имён к *Юб.* координаты «49: 85, 228» ошибочно отнесены к несуществующему Олсуфьеву «Александру Сергеевичу», тогда как речь шла об Олсуфьеве Алексее Васильевиче, старшем брате Александра.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВ Алексей Васильевич (1831–1915), граф – знакомый Толстого; русский филолог, писатель; генерал от кавалерии, правнук Адама Васильевича Олсуфьева – статс-секретаря императрицы Екатерины II, старший сын Василия Дмитриевича Олсуфьева – обер-гофмейстера императора Николая I, брат генерал-адъютанта, помощника командующего императорской главной квартирой Александра Васильевича и флигель-адъютанта Адама Васильевича Олсуфьевых.

В 1849 г., окончив Пажеский корпус, корнетом вступил на службу в лейб-гвардии Гусарский полк, через полгода получил чин

поручика. В 1860 г. последовал чин полковника, в 1866 г. – генерал-майора, в 1868 г. стал генерал-майором Свиты, с 1878 г. – генерал-лейтенант, с 1892 г. – генерал от кавалерии (все генеральские чины были получены «за отличие»). В дальнейшем служил адъютантом великого князя Николая Николаевича (старшего), командовал Нарвским, затем Гродненским гусарскими полками, Варшавской гвардейской кавалерийской бригадой, затем кавалерийской дивизией. Участвовал в Венгерском походе 1849 г., в Крымской войне, в Кавказской войне в 1859 г., в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Имел около двадцати наград, в основном Российской империи. С 1873 г. числился в запасных войсках, был прикомандирован к Главному интендантскому управлению. С 1884 г. – почётный опекун Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии, затем – директор Измайловской военной богадельни императора Николая I и член Александровского комитета о раненых.

А. В. Олсуфьев известен также как писатель и исследователь древнеримской литературы. Он поддерживал дружеские отношения с поэтом А. А. Фетом, своим бывшим сослуживцем. Фет бывал в гостях в подмосковном имении Олсуфьева Ершове и написал стихи с посвящением А. В. Олсуфьеву и его супруге. Был женат на своей двоюродной племяннице Александре Андреевне Миклашевской (1846–1929), дочери крупнейшего украинского фарфоропромышленника А. М. Миклашевского и Дарьи Васильевны Олсуфьевой. Гр. А. А. Олсуфьева была статс-дамой императрицы Марии Фёдоровны. В 1892 г. заступила в должность гофмейстерины к великой княгине Елизавете Фёдоровне, что стало причиной переезда семьи из Петербурга в Москву и покупки дома на Поварской (№ 50). Иногда здание упоминается как «особняк Олсуфьева». По преданию, его посещал император Александр III. А. А. Олсуфьева владела особняком вплоть до революции 1917 г. С 1932 г. по просьбе М. Горького особняк был передан Центральному дому литераторов.



После смерти гр. В. Д. Олсуфьева в 1858 г. к сыну Алексею перешло его подмосковное имение Ершово, которым Олсуфьевы владели более 200 лет. Последним владельцем имения был сын Олсуфьева Василий Алек-

сеевич, полковник, служивший на Кавказе. В 1917 г. Олсуфьевы уехали в Кисловодск, в 1919 г. – в Италию, где имели виллу «Русалка». А. А. Олсуфьева умерла в Сан-Ремо.

Имени Алексея Васильевича Олсуфьева не оказалось в общем Указателе к ПСС (Юб.), очевидно, как не встречающегося ни в текстах Толстого, ни в комментариях к ним. О нём неизвестно ни одно доброе или уважительное суждение писателя. 20 апреля/2 мая 1884 г. Толстой записал в дневнике: «После обеда прошёл с Стаховичем к Олсуфьевым – смотреть лошадей. Там Ал. Олсуфьев. Нехорошо, что определённо не выразил ему презрения» (49: 85). В примечании к записи сокращение ошибочно расшифровали: «Александр Васильевич Олсуфьев». Ошибка повторена в книге: Гусев. *Материалы*. 4 (1970).

«Безымянный» Олсуфьев, названный только по фамилии, встречался с Толстым в дни Крымской войны. Д. П. Маковицкий записал 29 декабря 1908 г.: «Разговор о 79-летнем графе Олсуфьеве, генерале, дяде Марии Николаевны <рожд. Зубовой; с 1906 г. второй жены С. Л. Толстого. – Т. А.>, большом оригинале. Он каждое утро ходит в церковь, ставит свечку “дежурному”, как он выражается, святому. – Я ни во что не верю, а вдруг всё это правда? – говорит он» (ЯПЗ. 3. С. 290). Возраст генерала, указанный в записи, почти совпал с фактическим возрастом генерала гр. Алексея Васильевича Олсуфьева: ему было тогда 77 лет. Далее Маковицкий писал: «Л. Н. рассказал, как Олсуфьев в Севастополе, будучи адъютантом, передал приказание Л. Н.-чу, командовавшему четырьмя орудиями, и вызвал его пройти из его окопа в свой по пространству опасному, для того чтобы получить приказ. Л. Н. ответил: “Вы переезжайте ко мне”. А Олсуфьев повернул и уехал. Л. Н.: Место было настолько опасно, что бессмысленно было по нему ехать без нужды, а Олсуфьев был послан главнокомандующим только осмотреть положение войска, а не с каким-либо приказом. Л. Н. вспомнил и пересказал это подробно» (ЯПЗ. 3. С. 290).

Об этом случае из жизни Толстого вспоминал и сын писателя С. Л. Толстой: «В самое горячее время ко рву 4-го бастиона верхом подъехал штабной офицер граф Алексей Васильевич Олсуфьев. <...> Этот рассказ я слышал как от моего отца, так и от самого Олсуфьева»; – последняя фраза говорит о том, что встречу с Толстым в Севастополе генерал помнил и много лет спустя. С. Л. Толстой не случайно завершал описание эпизода с Олсуфьевым короткой речью Толстого о том, как они, «бывало,

нарочно посылали в город <Севастополь. – Т. А.> не Алексея <слугу Толстого, смелого и не выдававшего страха. – Т. А.>, а трусливого денщика и смеялись над тем, как он пригибался от летающих снарядов и пуль» (Очерки былого. Гл. «Мой отец в семидесятых годах»). По иронии судьбы, А. В. Олсуфьев с 1906 г. стал хотя и не близким, но всё же родственником Толстого, вероятно, не раз встречался с ним. Становится понятным и невысказанное в 1884 г. «презрение» к генералу, и более мягкое отношение к нему Толстого.

В севастопольских рассказах, особенно в «Севастополе в мае», писатель показал подобных офицеров (Калугин, Праскухин, Михайлов). На двадцати страницах заключительных глав второй части «Войны и мира» он нашёл нужным описать четыре безответственные и безрезультатные поездки «адъютантов с приказаниями». Если Алексей Васильевич Олсуфьев читал севастопольские рассказы и роман Толстого, он не мог не ощутить толстовского презрительного отношения, испытанного отчасти и к нему за подобный же поступок.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВ Василий Дмитриевич (1796–1858), граф – родоначальник графской ветви Олсуфьевых; внук статс-секретаря Екатерины II Адама Васильевича Олсуфьева, сын действительного статского советника Дмитрия Адамовича Олсуфьева (бывшего в 1807–1808 гг. московским губ. предводителем дворянства) и Д. А. Делицыной (внебрачной дочери вице-канцлера кн. А. М. Голицына); отец владельца имения в Никольском-Обольянинове Адама Васильевича Олсуфьева; дядя Василия Александровича Олсуфьева («девичепольского»).

Родился в Москве. По окончании Пажеского корпуса произведён в корнеты и назначен в ахтырский 12-й Гусарский полк. Участвовал в походе во Францию в 1814 г. За отличия в сражениях во Франции награждён орденом Св. Анны 4-й степени и переведён в лейб-гвардии Гусарский полк адъютантом полкового командира. Ушёл в отставку в чине ротмистра в начале 1820 г. в связи с болезнью матери. Николай I неоднократно приглашал его к себе в адъютанты, но он не выразил согласия. С 1828 г. в течение трёх трёхлетних сроков избирался звенигородским уездным предводителем дворянства. В 1830 г. был пожалован в камергеры, в 1836 г. в церемониймейстеры. В 1838–1840 гг. В. Д. Олсуфьев – московский гражданский губернатор и предводитель дворянства, произведён в действительные статские советники; приближённый

Александра II в бытность его цесаревичем. В 1840 г. переведён в Петербург на должность гофмаршала двора цесаревича. В 1850 г. был пожалован в обер-гофмейстеры высочайшего двора с оставлением в должности гофмаршала двора наследника цесаревича Александра Николаевича. С 1855 г. определён состоять при императрице Марии Александровне и заведовать собственной ЕИВ конторою. В. Д. Олсуфьев – один из главных устроителей коронации императора Александра II и всех мероприятий, связанных с ней. В день коронавания, 26 августа 1856 г., он был возведён в графское достоинство. Имел все российские ордена.

В конце апреля 1857 г. В. Д. Олсуфьев выехал для лечения за границу и 11 февраля 1858 г. скоропостижно скончался в Риме. Погребён в Москве на кладбище Данилова монастыря рядом с могилами его предков.

По свидетельству современников, графу В. Д. Олсуфьеву была свойственна доброта, сердечность, религиозность. Он был женат на дочери адмирала, фрейлине Марии Алексеевне Спиридовой (1799–1878) и был прекрасный семьянин. В их семье было семеро детей: три сына и четыре дочери: Алексей Васильевич (1831–1915), Адам Васильевич (1833–1901), Ольга Васильевна (1835–1915), Дарья Васильевна (1836–?), Александра Васильевна (1838–1913), Мария Васильевна (1841–1921), Александр Васильевич (1843–1907). Все сыновья имели генеральский чин, все дочери были фрейлинами. В мемуарах современников встречаются некоторые эпизоды, касающиеся его детей. С. А. Толстая отмечала, что в письмах 1896 г. Толстой, гостивший у Олсуфьевых в Никольском-Оболянинове, описывал, «как старый граф Адам Васильевич устраивал септет из духовых инструментов, учил для этого мальчиков-школьников» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 436). Она же писала, отчасти объясняя причину этого обращения графа к воспоминаниям молодости: «Я <...> любила простодушного, милого графа Адама Васильевича, любившего играть на трубе, наблюдать звёзды и изредка ездить в Петербург, чтоб окунуться в ту придворную жизнь, где его очень любили и ценили...» (*там же*. С. 15). В письме к дочерям Татьяне и Марии 5 декабря 1898 г., рассказывая свой сон, Толстой перечислял сидящих за столом семейных и домашних Олсуфьевых и называл «дирижёра на трубе».

В. Д. Олсуфьев владел несколькими имениями, имел дома в Москве и Петербурге. В Петербурге это было здание по адресу: Фонтанка, 14, известное как дом гофмаршала Олсуфьева, оно существовало с конца XVIII в.: дом был каменный, трехэтажный,

в 1818 г. перестраивался А. И. Штакеншнейдером. Московский дом В. Д. Олсуфьева был продан при выделении дочерей. «Приезжая в Москву, семья графа В. Д. Олсуфьева останавливалась у родственников, соседей Толстого», т. е. в доме племянника графа – В. А. Олсуфьева.

Молодой Толстой познакомился с графом В. Д. Олсуфьевым во время своей первой зарубежной поездки в 1857 г. Через полгода графа не стало. Но это короткое знакомство надолго оставило след в памяти Толстого. Так, 21 февраля 1905 г. в разговоре с Д. П. Маковицким «Л. Н. рассказал об Олсуфьеве, гусаре, который, будучи в Италии, удивлялся, что там интересуются Толстым. Он сам рассказал об этом Л. Н.» (*ЯПЗ*. 1. С. 184). В дневнике Толстого его встреча с В. Д. Олсуфьевым в Баден-Бадене отражена в краткой записи за 13/25 июля 1857 г.: «С утра до ночи рулетка. Проигрывал, выиграл к ночи, к Смирновой, с Алсуфьевым» (47: 147). Видимо, Олсуфьев пригласил Толстого навестить Александру Осиповну Смирнову (рожд. Россет), он состоял в дружеских отношениях и в переписке чуть ли не со всеми светскими и духовными писателями, в особенности с В. А. Жуковским, и знал фрейлину и хозяйку знаменитого литературно-художественного салона в Петербурге.

В 1910 г. В. Ф. Булгаков записал со слов Толстого короткий рассказ, свидетельствующий о том, что знакомство с В. Д. Олсуфьевым сохранилось в его памяти до конца дней: «Это было в Баден-Бадене. Я был молодой человек, франт. Однажды играл в рулетку, и необыкновенно счастливо. Вышел с целым мешком золота. Иду такой весёлый, радостный, и встречаю графа Олсуфьева, деда нынешнего. Идём вместе, и все встречные ему низко кланяются. И мне это так приятно, что я с ним иду. Вдруг смотрю – идёт какой-то господин в наглухо застёгнутом сюртуке, и мой Олсуфьев перед ним склоняется вот как!.. Поздоровались, сказали несколько слов и пошли дальше. Спрашиваю, кто такой? Оказывается, наследный принц» (*Булгаков*. С. 160). Эту встречу, в пересказе отца, отразил в своих воспоминаниях С. Л. Толстой: «Между прочим, он рассказывал, как его тщеславие было польщено тем, как в Баден-Баденском парке он гулял вместе с важным придворным, другом императрицы Марии Александровны, графом Василием Дмитриевичем Олсуфьевым (отцом того Олсуфьева, который в Севастополе уркачал от пуль). Многие встречные почтительно кланялись Олсуфьеву. Но вот сам Олсуфьев кому-то низко и крайне почти-

тельно поклонился. Это проходил прусский наследный принц Вильгельм, впоследствии император Вильгельм I. Когда отец увидел, что тот человек, знакомством с которым он так гордился, сам низко кланяется, он понял нелепость своего тщеславия» (*Очерки былого*. Гл. «Мой отец в семидесятых годах»).

Из потомков В. Д. Олсуфьева Толстой общался с его сыновьями, с племянником В. А. Олсуфьевым и с детьми Адама Васильевича и Василия Александровича. С начала 1880-х гг. он был знаком с внуками В. Д. Олсуфьева – молодыми Михаилом и Дмитрием Адамовичами, учившимися одновременно с детьми Толстого в Поливановской гимназии, затем Дмитрий учился на одном курсе с Сергеем Толстым на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета.

В петербургском доме В. Д. Олсуфьева, перешедшем к среднему сыну Адаму Васильевичу, по приглашению хозяина останавливался Толстой в свой приезд в Петербург на проводы В. Г. Черткова за границу в 1897 г. В доме жил тогда сын В. Д. Олсуфьева Александр Васильевич с женой и сыном Юрием.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВ Дмитрий Адамович (1862–1937), граф – знакомый Толстого; общественный и гос. деятель; младший сын близких знакомых Толстого Адама Васильевича и Анны Михайловны Олсуфьевых. Родился в Петербурге. Учился в частной Поливановской гимназии в Москве, затем окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1885). Он не последовал желанию матери – стать учёным-натуралистом. После службы в гвардии конной артиллерии (1886–1888; уволился подпоручиком) и службы в Геологическом комитете Министерства гос. имуществ, с 1891 г. – земский начальник в Московском уезде, мировой судья и гласный уездного земства в Дмитровском уезде Московской губ. С



1893 г. местом его деятельности стал город Камышин Саратовской губ., где его матери принадлежало в уезде более тысячи десятин земли. В 1893–1902 гг. уездный предводитель дворянства. С 1894 г. – предводитель дворянства Саратовской губ., гласный московского и саратов-

ского губ. земств; позднее – председатель Саратовской губ. земской управы (1902–1904).

Во время работы в Камышине Д. А. Олсуфьев был награждён целым рядом званий и должностей, в числе которых немало почётных. Достойным памятником его благотворительной деятельности стало открытие различных учебных заведений: нескольких типовых школ, прослуживших впоследствии чуть ли не сто лет, женского двухклассного училища; городского начального училища имени А. С. Пушкина; его занимало улучшение положения земской больницы, устройство зелёных зон города; он заботился о действии недавно открытой железной дороги и речного порта. 16 июня 1900 г. газета «Саратовский дневник» сообщала: «Освящено место для земского дома. Постройка его должна обойтись земству не дороже 40 тысяч рублей. Граф Д. А. Олсуфьев взял на свою ответственность эту постройку и будет производить её на свои средства». Впоследствии это грандиозное сооружение стало Историко-краеведческим музеем. На правах подобного здания-памятника стоит и теперь в городе красивый бывший Народный дом (Олсуфьев обеспечил его внутренним оборудованием, применил «устройство электрического освещения»). Жил Олсуфьев в Камышине, снимая этаж в доме хорошего знакомого, гласного земской управы А. Е. Чуева. Во время Русско-японской войны граф руководил Саратовским отрядом Красного Креста, являлся уполномоченным Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке, возглавил санитарный поезд на 200 коек. В Мукдене попал в плен, но был оставлен в городе при русских раненых; участвовал как руководитель одного из санитарных отрядов при возвращении военнопленных морем через Одессу.

В 1906–1917 гг. камергер высочайшего двора и действительный тайный советник (с 1911 г.), Д. А. Олсуфьев состоял членом Гос. совета от Саратовского губ. земства, входил в Совет объединённого дворянства. Разочаровавшись в «Союзе 17 октября», где он был членом ЦК, граф стал одним из организаторов «Прогрессивного блока». В 1917 г. – членом Поместного собора Русской православной церкви. Эмигрировал. В 1925 г. в Праге были напечатаны его воспоминания об И. С. Тургеневе. Скончался в возрасте 75 лет, во Франции, в Ницце.

Толстой был знаком с Д. Олсуфьевым с самого начала 1880-х гг., когда с братьями Олсуфьевыми, особенно с Дмитрием, стал дружить сын Сергей. «Серёжа был на именинах у Дмитрия Адамыча», – упомянул

Толстой в письме к жене из Москвы осенью 1882 г. (83: 369). В письме 16 сентября 1882 г. он сообщал ей о том, что дома «застал двух графов Олсуфьевых. Их родители приехали. Они едут в Саратов». Позднее С. А. Толстая выразила в дневнике своё мнение о юных графах: «...очень хорошие ребята...» (ДСАТ. 1. С. 162). Д. Олсуфьев чаще др. членов его семьи навещал Толстых в Москве и Ясной Поляне, став, по существу, другом их дома. Секретарь писателя В. Ф. Булгаков отмечал в воспоминаниях, что звали его у Толстых просто «Митя». В письме к сыну Льву С. А. Толстая в конце 1895 г. сообщала, например, что «Митя на днях был тут в Москве, пополнел и постарел». По воспоминаниям П. И. Нерадовского, когда Толстой гостил у Олсуфьевых в Никольском-Обольянинове, ему «всегда приготавливали комнату младшего сына <...>, которая находилась во втором этаже, в стороне от людной части дома»: сюда «шум не доносился».

Приезды Д. Олсуфьева в Ясную Поляну обычно радовали хозяев, хотя после разговоров с гостем 18 июня 1890 г. Толстой записал о нём: «Приехал Олсуфьев Митя. Очень беден умственно. <...> Меня смутило больше всего то испуганное, недовольно-робко-озлобленное, упрямо спорящее выражение, которое я вызвал в Олсуфчике» (51: 51–52). В 1890 г. он приезжал на 4 дня в июне; такой же визит состоялся в середине сентября. О приезде Олсуфьева 30 октября 1892 г. в письме Толстого к С. А. Толстой сказано: «Дм. Ад. очень мил был» (84: 166). Встречался он с Толстыми в январе и в августе 1895 г. После январской встречи в дневнике писателя 6 января записано: «Два раза спорил с Дм. А. Он пристроил себе практическое в славянофильском духе служение народу, т. е. пуховик, на котором лежать, не работать. Всё дело в том, что они признают жизнь неподвижною, а не текущею» (53: 3). С. А. Толстая об одном из визитов Д. Олсуфьева в конце 1897 г. записала: «...с ним мы откровенно, просто и дружно беседовали...» (ДСАТ. 1. С. 334).

Некоторые подробности пребывания Д. Олсуфьева у Толстых в 1900-е гг. зафиксировал Д. П. Маковицкий. В августе 1905 г. Д. Олсуфьев застал в Ясной Поляне гостя из Франции; вместе с ними Толстой совершил большую прогулку верхом в окрестностях Ясной Поляны. Олсуфьев в этот раз особенно много фотографировал Толстого. Серию из 12 снимков, оформив общей красивой рамкой, он подарил писателю в день его рождения; этот подарок сохраняется и теперь в доме-музее Толстого. Говорили в этот раз о войне с Японией: Олсу-

фьев недавно вернулся из японского плена. Он сказал: «“Проигрываем не потому, что нехорошо воюем, но потому, что японцы лучше воюют”. Л. Н.: Вы говорите то, что я написал, даже теми самыми словами» (ЯПЗ. 1. С. 374). Когда Олсуфьев рассказывал о Русско-японской войне, Толстой выразил желание прочесть его воспоминания. Маковицкий отметил в записях 17 августа 1905 г.: «Л. Н. об уехавшем Олсуфьеве: “Он простой и правдивый (нет в нём ни позы, ни фальши). У него в Смоленской губернии шесть тысяч и в Саратовской шесть тысяч десятин. В Смоленской хочет продать лес; я советовал ему, чтобы он сам сводил его, наняв приказчика. Я два раза так делал”» (ЯПЗ. 1. С. 378). Отдыхая, Толстой играл с Олсуфьевым в шахматы, иногда в карты (винт), поездки верхом сочетались порой с делами, например, с посещением почты в Ясенках. 15 апреля 1906 г., когда Татьяна Львовна сообщила, что «Митя Олсуфьев выбран в Государственный совет», Толстой ответил: «Я рад». А по поводу её слов о том, что Олсуфьев может «насилия правительства оправдать», заметил: «Да, у него есть задор» (ЯПЗ. 2. С. 111).

После смерти в 1907 г. А. В. Олсуфьева (дяди Д. А. Олсуфьева) – флигель-адъютанта государя, не раз помогавшего писателю в деле защиты просителей, преследуемых властями, – Толстому пришлось неоднократно обращаться по тому же поводу к его племяннику. 19 октября 1907 г. Маковицкий записал, что был «57-летний пензенский крестьянин» Г. А. Новичков. «Теперь попал в тюрьму <...> и писал Л. Н-чу, а Л. Н. – Д. А. Олсуфьеву, который сказал о нём губернатору Татищеву, что он не революционер, а христианских убеждений. Его выпустили» (ЯПЗ. 2. С. 540). В январе следующего года Новичков заезжал в Ясную Поляну «(по пути к Олсуфьеву – просить его содействия в освобождении невиновных, арестованных по доносу, якобы революционеров» (ЯПЗ. 3. С. 11). По поводу приезда Олсуфьева 25 октября 1907 г. Маковицкий записал: «Побыл четыре дня, лакаемый всеми. Очень приятный человек» (ЯПЗ. 2. С. 546).

К Д. Олсуфьеву как к члену Гос. совета Толстой обратился в 1907 г. с просьбой содействовать освобождению Н. Н. Гусева, арестованного 22 октября за то, что «ругал царя», как писал Толстому В. Г. Чертков. На полях брошюры Толстого «Единое на потребу» (изд. «Обновление», 1906) Гусев, по поручению Черткова, выписал из английского издания «Свободного слова» (1906, № 99) выпущенные русской цензурой слова Толстого о двух последних царях. 8 ноября

Толстой написал большое письмо о Гусеве на имя Председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина — для передачи через их общего знакомого Д. А. Олсуфьева. 19 ноября Д. А. Олсуфьев сообщил Толстому о том, что ему удалось познакомиться со Столыпиным, который обещал «затушить» дело Гусева и его освободить. Через два месяца Гусев был освобождён.

14 августа 1908 г. был «очень интересный разговор», в котором участвовал и Д. Олсуфьев. Вечером Толстой говорил о госте с сыном С. Л. Толстым: «Он соединяет в себе большой здравый смысл и добродушие». Сергей Львович не соглашался насчёт большого здравого смысла. Л. Н. припомнил его речи в Государственной думе и сказал: «Что он делает — делает вовсю. Таким я и называю здравый смысл, что если человек что делает — так вовсю»» (ЯПЗ. 3. С. 167).

За издание и распространение нелегальных сочинений Толстого в 1909 г. был приговорён к заключению в крепости на 6 месяцев один из руководителей издательства «Обновление» Н. Е. Фельтен, которого писатель знал и любил. Толстой направил тогда ряд писем влиятельным лицам, в т. ч. Д. А. Олсуфьеву, с просьбой ходатайствовать об облегчении его положения. О своём визите в петербургский дом Олсуфьева, с просьбой к нему написать прокурору, Фельтен вспоминал: «Граф написал на своей карточке: “По просьбе графа Л. Н. Толстого и от себя прошу Вас принять и переговорить с подателем сего”».

Под новый, 1910-й, год Олсуфьев приехал в Ясную Поляну в полночь. Утром Толстой беседовал с ним о современной России. 2 января «играл с милым Адамычем в шахматы и карты» (58: 3). 3 января Маковицкий записал: «Днём ездил с Д. А. Олсуфьевым в Колпну, в волостное правление, чтобы разузнать про вымогание продовольственных сумм, выданных в недород 1905 г. (крестьяне приходили к нему жаловаться), и, кроме того, чтобы Д. А. Олсуфьев узнал, как правительство “заботится” о мужиках, которые не могут копать руду на своих землях без предварительного разрешения. Л. Н. раскрывает глаза Олсуфьеву, а через него Столыпину и пользуется им совсем так, как Нехлюдов — вице-губернатором в “Воскресении”» (ЯПЗ. 4. С. 148). 7 января С. А. Толстая записала в дневнике, что «читала свои “Записки” Сухотину и Олсуфьеву, и они хвалили» (ДСАТ. 2. С. 300). В следующий раз Олсуфьев приехал в Ясную Поляну 18 августа 1910 г.

Весной 1910 г. Толстой обратился к Олсуфьеву с просьбой о помощи В. А. Молочникову, отбывшему перед тем год заключения

в крепости за хранение и распространение нелегальных книг Толстого. 15 марта он был предварительно заключён по новому обвинению: за агитацию к отказу от воинской повинности. В сентябре 1910 г., благодаря хлопотам за него, Молочников был оправдан. 15 апреля 1910 г. Маковицкий записал: «Была дама из Новороссийска (Лейбович); просит хлопотать за её мужа, присуждённого по делу о Новороссийской республике на семь лет. Л. Н. написал письмо Олсуфьеву и направил её к нему с этим письмом» (ЯПЗ. 4. С. 224). 18 августа 1910 г. там же отмечено, что Толстой рассказал приехавшему Олсуфьеву «про бывших у него вечером четырёх солдат из полка, который ночевал в Ясной Поляне. Говорили, что полковник запретил им видаться с Толстым, т. к. он — враг солдат» (там же. С. 327).

После смерти Толстого Олсуфьев не перестал посещать Ясную Поляну. Он приезжал 24 февраля, затем 10 июля 1911 г. С. А. Толстая писала: «Вечером хорошо беседовали о прошлом с Олсуфьевым» (ДСАТ. 2. С. 351). В её дневнике 26 августа 1918 г. запись: «Приехали утром гр. Дмитрий Адам. Олсуфьев и Никол. Евген. Фельтен» (там же. С. 463). Это посещение Д. А. Олсуфьевым Ясной Поляны, видимо, было последним перед его эмиграцией.

Лит.: Фельтен Н. Е. Воспоминания // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 514–515; Нерадовский П. И. Встречи с Толстым // *ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 125–140.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВ Михаил Адамович (1860–1918), граф — хороший знакомый Толстых, старший сын А. В. и А. М. Олсуфьевых. Окончил Поливановскую гимназию, затем Московский университет. В молодости — камер-юнкер двора ЕИВ; видный земский деятель на рубеже XIX–XX вв.; председатель Дмитровской земской управы, предводитель Дмитровского дворянства, председатель земского собрания.

Воспитанные на семейных традициях, Олсуфьевы с юности занимались благотворительностью. В письме 14 ноября 1883 г. С. А. Толстая сообщала мужу о своём посещении состоявшегося накануне благотворительного концерта, где были все Олсуфьевы: «...милые эти графы Олсуфьевы все (кроме Анны Михайловны, она у Троицы) приехали сегодня с участием и добротой ко мне и разговаривали долго, и мальчики тоже были и Лиза. Молодые очень довольны, что собрали 9000 р. с. для бедных студентов; они были распорядители, и счастливые, блестящие летали по всему собранию» (ДСАТ. С. 243). В воспоминаниях П. И. Нерадов-

ского «Встречи с Толстым» отмечено: «В декабре 1893 г. М. А. Олсуфьев пригласил пианиста Д. С. Шора, меня и других знакомых поехать к Толстым (в Хамовники). Михаил Адамович хотел, чтобы Шор, который лето этого года провёл в Никольском, много и с большим успехом играл там, теперь поиграл бы Льву Николаевичу» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 126). Когда в имении у Олсуфьевых гостили музыканты, нередко устраивались «всесословные» концерты и танцевальные вечера для всего населения Никольского и окрестностей. Всегда интересовались молодые Олсуфьевы жизнью школы и больницы в имении. Как вспоминали местные жители, М. А. Олсуфьев многое сделал в уезде для образования и здравоохранения. В течение тридцати лет он содержал на свои средства по несколько воспитанников из крестьянских семей и многим помог получить образование. В 1906 г. он передал в пользование крестьянам, практически безвозмездно, всю принадлежавшую ему землю – более 900 десятин.

Толстой с начала 1880-х гг. был знаком с молодыми Олсуфьевыми. «К этому времени, – отмечала в воспоминаниях дочь В. А. Олсуфьева («девичепольского») А. В. Левицкая, – относится также начало нашей дружбы с Олсуфьевыми, дядей Адамом, тетей Аннечкой и их детьми. <...> Миша и Митя были тогда такие дикие, что прятались в гостиной за дверь и их невозможно было заставить танцевать <...>. Через нас Олсуфьевы подружились с Толстыми...» (с. 273–274). О дружбе молодых Толстых и Олсуфьевых в середине 1880-х гг. писала в воспоминаниях М. С. Бибикова: «...часто катались на коньках на Патриарших прудах. Там бывало много знакомой молодёжи, товарищи Сергея Львовича Толстого: Михаил и Дмитрий Адамовичи Олсуфьевы <...> участвовали в пении хором в доме Лопатиных...»; там же упомянуто катанье за город в Кунцево, когда девочки Бибиковы и Т. Л. Толстая ехали в экипаже, а за ними верхом Михаил Адамович, Дмитрий Адамович... (с. 54–55). Следствием дружбы Серёжи Толстого и Миши Олсуфьева стал эпизод, о котором вспоминала вдова учёного-химика Д. И. Менделеева: «В начале 1888 г. Дмитрий Иванович ездил в Донецкий бассейн и изучал положение каменноугольной промышленности. <...> Помню, как явились к нему тогда сын Льва Николаевича Толстого, Сергей Львович Толстой, и его товарищ М. А. Олсуфьев, оба молодые люди, только что окончившие курс в Московском университете. Они приходили к Дмитрию Ивановичу спросить совета, на какое практическое дело им употребить свои силы

и знания. Дмитрий Иванович направил их в Донецкий бассейн. Я застала только часть их разговора об отношении Льва Николаевича Толстого к науке. “Отец делает ошибку, – говорил Сергей Львович, – из-за паразитов, которые завелись в полушубке, он хочет сжечь самый полушубок...” Сергей Львович, Михаил Адамович Олсуфьев и их товарищ, студент М. Н. Орлов, последовали совету Дмитрия Ивановича, ездили в Донецкий бассейн и работали там» (Менделеева А. И. Менделеев в жизни. М., 1928. С. 100).

В письмах и дневниках Толстых 1880–1890-х гг. встречаются такие записи о М. А. Олсуфьеве: «...Миша Олсуфьев пришёл в неистовый восторг и плясал до изнеможения...» (ПСАТ. С. 407); «Миша Олсуфьев уехал, и мне что-то подозрительно его отношение к Тане и её к нему. Когда я на это намекаю, то Таня ненатурально хихикает, отшучивается и говорит: “Он твёрд, как камень”, или: “я ему уж делала сама предложение”, – и всё в этом роде» (ПСАТ. С. 424). В октябре 1890 г. он гостил в Ясной Поляне по случаю дня рождения Татьяны Львовны, с которой его связывали добрые дружеские отношения. В январе 1896 г. посещал Толстых в Москве. 23 февраля 1897 г. Толстой записал в дневнике в Никольском о домашнем спектакле (чтении отрывков из «Мёртвых душ»): «Таня с Михаилом Адамычем очень хорошо сыграли» (53: 140).

М. Олсуфьев был приятен Толстому: именно он вместе с Елизаветой Адамовной поддерживал высоконравственную и независимую атмосферу Никольского. 23 декабря 1885 г. Толстой писал об этом свойстве олсуфьевского дома: «Выкупается всё нравственной чистотой и честностью, которая чувствуется во всех» (83: 554). В январе 1887 г. Толстой писал жене из Никольского по поводу соединявшей Татьяну Львовну и Михаила Адамовича «любовной дружбы» (выражение С. Л. Толстого в «Очерках былого»): «Анна Михайловна ужасно сватает, говорит, что она не сватает, но содействует, чтобы молодые люди узнали друг друга, и расхваливает свой товар, я отмалчиваюсь особенно потому, что не имею никакого мнения о том, чего нет. Когда будет вопрос, тогда и понадобится ответ» (84: 18). В 1890-е гг., вспоминал П. И. Нерадовский, «можно было не раз убедиться также, что Лев Николаевич хотел, чтобы Татьяна Львовна вышла замуж за старшего из двух сыновей Олсуфьевых – Михаила Адамовича. Сама Татьяна Львовна однажды, гостя в Никольском, говорила со мной о своих отношениях к Михаилу Адамовичу, ища во мне поддержки, и хотела, чтобы я помог ей в этом. Но Михаил

Адамович был совершенно равнодушен к женщинам, — по выражению одного остряка (Афросимова), — он проходил мимо женщин, как мимо стульев. Лев Николаевич записал своё наблюдение в дневнике «М. А. явно боится Тани, и очень жаль»» (Нерадовский П. И. Встречи с Толстым // *ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 131). Кстати, по воспоминаниям Нерадовского, Толстой жил в Никольском, «не меняя своего привычного образа жизни... Шил сапоги. Пару сапог своей работы он подарил Михаилу Адамовичу Олсуфьеву» (*там же*). В письмах Толстого прослеживалось его уважительное отношение к деятельности М. Олсуфьева в уездном земстве. Так, 21 мая 1895 г. он писал жене из Никольского: «Нынче долго беседовал с Мишей об его земских делах и искренно сочувствовал его деятельности. Он хороший человек вполне» (84: 238).

Сама Т. Л. Толстая писала о М. Олсуфьеве в дневнике в апреле 1894 г.: «Миша Олсуфьев в Москве и болен уже недель пять. Я каждое утро завожу ему молоко от нашей коровы, когда езжу к Пастернаку. Вчера он кричал мне, что прибежит к нам первым, когда выздоровеет, чтобы благодарить за молоко, и мне приятно было слышать его голос. Хорошее, чистое создание, недаром я его так долго любила» (с. 344). В августе того же года, вернувшись из Никольского, она записала: «Там было хорошо, потому что не спорила, и не стыдилась, и не скрывала своих взглядов и мнений. В первый раз могла спокойно проверить отношение Миши Олсуфьева ко мне: в нём много уважения, верной дружбы, но любви нет. С ним хорошо и легко» (с. 359). Через несколько лет в дневнике 7 февраля 1898 г. Т. Л. Толстая отметила: «Был тоже Миша Олсуфьев, скромный, благородный и милый человек. Очень бедно одарённый, но так как его знаменатель, т. е. мнение о себе, очень мал, то всё-таки выходит порядочная величина» (с. 409).

В дневнике С. А. Толстой есть несколько записей о М. Олсуфьеве, вот одна из них: «Досадно, что М. Олс. не женится на Тане...» — записала она 9 января 1895 г. (*ДСАТ*. 1. С. 228). «Думал ли он когда на ней жениться? Верно, думал, но не решился. «Ваши дочери очень страстные, талантливые и содержательные, но на них страшно жениться», — сказал он», — это запись А. В. Левицкой (Левицкая А. В. Воспоминания. С. 310). В мемуарах С. А. Толстой М. Олсуфьеву адресована резкая оценка: «...этот неподвижный, безжизненный флегматик не создан был ни для какой любви и остался холостяком навсегда» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 225).

В 1907 г., в Ясной Поляне гостил Дм. Олсуфьев. Д. П. Маковицкий записал: «Очень приятный человек. Про его старшего брата Мишу говорили, что он ещё милее, тоньше» (*ЯПЗ*. 2. С. 546). 9 июня 1908 г. Маковицкий отметил, что Толстой «разговорился с графиней Зубовой про семью Олсуфьевых. Л. Н., которому, очевидно, приятны разговоры о старых знакомых, вспоминал теперешних Олсуфьевых, когда были детьми. Ему они запечатались тогда как приятные, и теперь их так же вспоминает, представляет» (*ЯПЗ*. 3. С. 111). В августе 1908 г. Толстой скажет в беседе с Маковицким о старших и младших Олсуфьевых: «У них были два сына, а у этих детей нет» (*ЯПЗ*. 3. С. 167).

М. А. Олсуфьев умер в Дмитрове, где в конце 1890-х гг. построил себе небольшой дом. По сведениям старожилов, гроб с телом покойного от Дмитрова до места погребения у церкви в Никольском (около 27 км) местные жители несли на руках, из уважения к заслугам и добрым делам покойного.

Лит.: Левицкая А. В. Воспоминания // Российский архив. Т. IX. М., 1999; Бибикова М. С. В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986; Толстой С. Л. Друзья и знакомые нашей семьи / Публ. Т. Г. Никифоровой // *ЯП*. сб. 1986. Тула, 1986.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВА Анна Михайловна (рожд. Оболянинова; 1835–1899) — старшая знакомая Толстого, его посетительница, корреспондент и адресат; фрейлина, с 1856 г. жена генерал-лейтенанта графа Адама Васильевича Олсуфьева. По линии её матери, княжны Елизаветы Михайловны Горчаковой, Толстой был дальним родственником А. М. Оболяниновой, она приходилась ему четвероюродной сестрой. Владела имением Никольское-Горушки, Дмитровского уезда Московской губ., где многократно гостил Толстой. Анна Михайловна — дворянка Камышинского уезда Саратовской губ., была перенесена в дворянскую родословную книгу Саратовской губ. из Московской в 1893 г. Отцу её, полковнику в отставке М. М. Оболянинову, в 1842 г. досталось от бездетного дяди П. Х. Оболянинова (1752–1842) имение Никольское-Горушки, куда, оставив службу, он переехал из Петербурга. При нём строился дом, создавался парк, пруды. По зимам Олсуфьевы жили в большой квартире в Москве, в доме Карнатовского на углу Мёртвого и Старо-Копышенного переулков; но в 80–90-е гг. зачастую и зимой оставались в Никольском. Племянник Адама Васильевича, сын его брата Александра, Ю. А. Олсуфьев, писал

Портрет работы Н. Н. Ге.
1881 г.



В воспоминаниях: «При тётушке графине Анне Михайловне Никольское было одним из интеллектуальных центров, где тётушка любила собирать “передовых” людей, учёных и земских деятелей, где читались научные и литературные новинки... В Никольском строились школы, больницы, устраивались читальни, благотворительствовалось население всей округи, воспитывались и субсидировались целые поколения интеллигентов и полунинтеллигентов “на счёт графини”. Признаюсь, было что-то благородное в этом барском размахе шестидесятилетия, которым так доверчиво грешило наше “передовое” дворянство» (Олсуфьев Ю. А. Из недавнего прошлого одной усадьбы... // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 106). С. А. Толстая отмечала у Олсуфьевых «барскую патриархальность» и «современную либеральность». «Эти две черты особенно характеризовали графиню Анну Михайловну» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 15). Друживший с сыновьями Олсуфьевых сын писателя С. Л. Толстой вспоминал: «Олсуфьевы на балы и танцевальные вечера не ездили. Анна Михайловна была либеральной дамой в духе “Русских ведомостей”. Она с особым уважением относилась к науке и, следовательно, к профессорам. У неё можно было встретить профессоров С. А. Усова, М. М. Ковалевского, А. И. Чупрова, Н. И. Стороженко, В. И. Сизова (секретаря Исторического общества) и др. <...> Анна Михайловна хотела, чтобы её сыновья были учёными: Михаил – математиком, Дмитрий – натуралистом, но они, хотя успешно окончили университетский курс, не пошли по научному пути» (Толстой С. Л. Друзья и знакомые нашей семьи // ЯП. сб. 1986.



С. 244). О ней вспоминал Толстой в беседе с Д. П. Маковицким в августе 1905 г. по поводу чтения произведений Генри Джорджа: «...дал их читать Олсуфьевой, которая занималась социально-политической экономией. Знала всех профессоров политической экономии. Воейков ей сказал, что это писал не учёный, и она не стала читать» (ЯПЗ. 1. С. 362). В 1895 г. в письме из Никольского Толстой сообщал жене: «Анна Михайловна <...> бодра и разговорчива и очень сокрушается о том, что Митя не разделяет её убеждений и предпочитает Александра III Александру II» (84: 233). В дневнике Т. Л. Толстой, приезжавшей в Никольское обычно вместе с отцом, записано: «...думала об Олсуфьевых: почему дети позади матери в своём мирозерцании? <...> Анна Михайловна может, сидя в кресле, доживать свой век с либеральными идеями, – с неё ничего не спросится, – а молодые должны всю свою жизнь перевернуть, если они согласятся с ней. Инстинктивно, чтобы не бороться, они исповедуют те принципы, при которых оправдывалась бы их жизнь» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 384).

А. М. Олсуфьева часто бывала у Толстых в хамовническом доме в Москве. В апреле 1884 г. Толстой отметил в дневнике несколько её посещений. С. А. Толстая упоминала вечер, когда в московском доме Толстых в 1884 г. собрались «Юрьев, профессор Бугаев, Фет, графиня Олсуфьева и другие» и «старик затеял разговоры, учёные и умные, и было ужасно интересно и приятно» (САТ. Моя жизнь. 1. С. 456).

23 января 1895 г. Толстой, уже не раз посещавший Никольское, писал из Москвы его хозяйке: «Радуюсь случаю, дорогая Анна Михайловна, напомнить вам о себе и поблагодарить вас и Адама Васильевича и Лизавету Адамовну за ваше сердечное и ласковое гостеприимство. Мне так же, как и прежние мои посещения у вас, было так хорошо у вас, что остаётся особенно приятным воспоминанием это время» («Октябрь». 1978. № 8. С. 195). Весной того же года он записал в дневнике: «Анна Михайловна умнее и гораздо добрее, чем я думал» (53: 33). 28 мая 1895 г. С. А. Толстая, вызванная в Никольское, когда гостивший там Толстой заболел, писала сыну Льву: «Мы с папá старички, сидим вдвоём наверху олсуфьевского дома, и никуда нас и не тянет... Здесь удивительно добродушные и весёлые люди, но очень мне мало понятные, особенно Миша. Самая близкая и родственная по душе мне Анна Михайловна. Она теперь останется тут одна, потому что все едут по Волге в Саратов» (с. 68).

Летом 1895 г. в Ясную Поляну «приезжала, выражая своё сердечное к нам участие <по поводу смерти сына Толстых Ванечки. — Т. А.>, графиня Анна Михайловна Олсуфьева», — писала в мемуарах С. А. Толстая (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 414).

Олсуфьевы построили в 1868 г. и содержали в Никольском начальную школу; в 1874 г. открыли земскую больницу. Работая над рассказом «Смерть Ивана Ильича», Толстой, чтобы наблюдать за состоянием тяжелобольного, ходил в эту больницу, где лежал мужик после операции. Толстой писал жене: «Теперь он между жизнью и смертью, и меня очень интересует его положение — хожу к нему. Для Анны Михайловны же это главный интерес жизни теперь» (83: 554). Больница предназначалась для обслуживания участка из 85 местных селений.

В Никольском со времён Оболяниновых сохранялась огромная, в несколько тысяч томов, библиотека, привлекавшая и внимание Толстого, некоторые издания послужили материалом для его творческой работы. (Уцелевшие с тех пор книги находятся теперь в фондах музея-заповедника «Дмитровский Кремль».) Иногда во время посещения Толстым Никольского-Горушек можно было видеть его за роялем, порой вместе с А. М. Олсуфьевой. В 1886 г. Т. Л. Толстая выполнила рисунок «За роялем играют в четыре руки Толстой и Анна Михайловна», в 1895 г. на ту же тему художник П. И. Нерадовский сделал зарисовку «Толстой за роялем».

Беззаботная жизнь в Никольском оборвалась со смертью в феврале 1898 г. единственной дочери Олсуфьевых Елизаветы, умершей в 40 лет от скарлатины, которой болели в тот год крестьянские дети. Анна Михайловна не перенесла этого испытания судьбы, прожив после смерти Лизы только год. Об одном из последних посещений семьи Олсуфьевых говорилось в письме Толстого к дочерям Татьяне и Марии из Москвы 5 декабря 1898 г.: «Видел Олсуфьевых: сидели за столом Анна Михайловна, Адам Васильевич, Матильда, Пётр Васильевич и дирижёр на трубе. Говорить о Лизе не пришлось при всех, видел, что Анна Михайловна держит слёзы, а Адам Васильевич пошёл вниз проводить меня, и там я сказал ему, что видел во сне... Он говорит: "Лизка нашего" и заплакал, и я. И стали целоваться. Он ногами слаб, с трудом сходит с лестницы» (71: 497). 7 июня 1899 г. Толстой написал В. Г. Черткову: «Мне горе — умерла Анна Михайловна Олсуфьева» (88: 171). Похоронена она при церкви в Никольском-Горушках рядом с детьми и мужем.

Лит.: Толстой С. Л. Друзья и знакомые нашей семьи // *ЯП. сб.* 1986. Тула, 1986.

Т. Н. Архангельская

ОЛСУФЬЕВА Елизавета Адамовна (1857–1898) — дочь А. В. и А. М. Олсуфьевых. Эта, по выражению М. М. Ковалевского, «выдающаяся русская девушка», по многочисленным свидетельствам, была в 80–90-е гг. XIX в. «подлинной душой дома». Получив домашнее воспитание, она окончила Высшие женские курсы в Москве. По воспоминаниям А. В. Левицкой (рожд. Олсуфьевой), «Лиза и Матильда Молас, друг Лизы, ходили на курсы — Лиза на математические, а Матильда на исторические — они, значит, были курсистками...» (Воспоминания А. В. Левицкой // *Российский архив*. Т. IX. М., 1999. С. 251–283). Об окончании Е. А. Олсуфьевой Высших женских курсов, открытых В. Герье в 1872 г., сообщалось в воспоминаниях знавшей её Т. Н. Поливановой, учительницы сельской школы из соседнего Надеждина: «В моих школьных делах и советах, и примером много мне помогала Олсуфьева Елизавета Адамовна, которая после окончания герьевских курсов жила почти безвыездно более 10 лет в Никольском-Оболянове» (Поливанов А. М., Хохлов Р. Ф. Л. Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т. Н. Поливановой // *Записки отдела рукописей ГБЛ СССР им. В. И. Ленина*. Вып. 46. М., 1987. С. 211). Ею была организована воскресная школа для взрослых, учила она и крестьянских детей, наряду с двумя постоянными учителями. В 1890-е гг. Олсуфьева состояла попечительницей гимназии в Дмитрове. Вместе с матерью дочь, ухаживая за больными, занималась больницей в Никольском, к которой был приписан участок из 85 селений.

В числе гостей Никольского был художник Н. Н. Ге. В воспоминаниях П. И. Нерадовского отмечен такой момент из жизни Елизаветы Адамовны: «...в библиотеке Никольского дома висели три портрета работы Н. Н. Ге: овальный портрет Герцена, известный портрет Льва Николаевича за

письменным столом и большой малоизвестный покровенный портрет Тургенева. Их приобрела Елизавета Адамовна Олсуфьева в Петербурге, увидав их у Н. Н. Ге. Он всегда недорого продавал свои портреты, а в данном случае



он, кроме того, нуждался в деньгах. Ге охотно отдал все три портрета, назначив за них весьма скромную цену. Ему было приятно, что они будут в Никольском, где он бывал и где написал портреты Адама Васильевича и Анны Михайловны Олсуфьевых <...>, а также интересный этюд с Елизаветы Адамовны» (Нерадовский П. И. Встречи с Толстым // ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 132).

С. Л. Толстой отмечал в «Очерках былого», что его отец «писал в декабре 1886 г.: «Лиза – это такое милое, простое, доброе, умное существо, что с ней хорошо быть Тане». <...> Сестра Таня часто гащивала у Олсуфьевых и любила у них бывать. Она говорила про их семью – «в Никольском стоячая, но чистая вода». «Я бы хотела кому-нибудь высказать всё, совета спросить, поговорить по душе, но не с кем, кроме Лизы. Вероятно, ей и скажу в конце концов», – писала Татьяна Львовна о своём душевном состоянии в дневнике 24 декабря 1887 г. (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 157). «Наши отношения с Олсуфьевыми (мои – с Елизаветой Адамовной и сестры – с братьями Олсуфьевыми) нельзя было назвать влюблённостью, но их можно назвать *amitié amoureuse* – любовной дружбой. Я с удовольствием вспоминаю эти отношения», – писал С. Л. Толстой в «Очерках былого» (гл. «Петербург 1888–1890 годов»). 1 августа 1896 г. Т. Л. Толстая записала в Никольском: «...мне здесь очень хорошо, и я испытываю, как всегда, много незаслуженной ласки и доброты <...>. Вчера с Лизой серьёзно и хорошо говорили вечером о религиозном воспитании; о том, можно ли и нужно ли открывать детям и народу то, что мы знаем, или же надо стараться не разрушать установленные веками суеверия...» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 383).

Елизавета Олсуфьева, судя по записям С. А. Толстой, не раз бывала у них в московском доме. Об этом говорила и дневниковая запись Т. Л. Толстой 10 августа 1894 г.: «Сегодня я собиралась в Ясную, как вдруг влетела Лиза Олсуфьева, которая едет в Никольское и зовёт с собой. <...> Моим всем очень хотелось, чтобы я ехала в Никольское, и я Лизе уже обещала, так что я еду» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 358). О том же в письме к брату С. Л. Толстому в 1893 г. упоминала Мария Толстая: «Когда у нас были Олсуфьевы, он <Толстой. – Т. А.> очень горячо и даже сердито спорил с Митей и Лизой о церкви и молитве. Целый вечер прокричали» (Очерки былого. Гл. «1890–1897 годы»). 12 января 1895 г. Толстой из Никольского писал жене о Лизе, которую он «в первый раз понял и полюбил»:

«Добрая, простая и очень благородная девушка» (84: 236). 21 мая 1895 г. опять писал из Никольского, имея в виду предстоящую встречу Софьи Андреевны с Елизаветой Адамовной: «Лиза расскажет тебе, если ещё что не написал» (84: 238).

27 февраля 1898 г. Е. А. Олсуфьева в 40 лет умерла от скарлатины, заразившись от крестьянских детей, возможно, после посещения в деревне заболевшей ученицы. В ночь на 28 февраля Толстым в Москве доставили телеграмму: «Наша Лиза скончалась. Олсуфьевы». За 4 дня до этого, как писала в дневнике Т. Л. Толстая, зашедшая к ним в Москве подруга Лизы Матильда Моллас «сказала, что Лиза немного простудилась оттого, что отгребала снег». И ещё: «Я снесла телеграмму к маме, которая страшно начала плакать. Потом пришёл папа, и мы втроём сидели в спальне и не могли прийти в себя от ошеломившего нас известия. <...> Для меня это потеря очень близкого друга и постоянного примера хорошей, доброй жизни, полной любви к другим. Ах, как мы мало даём любви друг другу! А это одно только и важно на свете. <...> С Лизой, слава богу, никогда между нами не пробежало ни тени, не только ссоры, но самого крошечного недовольствия» (с. 410). 28 февраля 1898 г. Толстой писал родителям Лизы: «...не могу сейчас без слёз писать и думать об милой, милой, удивительно милой и незаметно нежно любимой мною вашей Лизе, которая ушла от нас. Я плачу сейчас, но без горечи, а с умилением, с тем чувством любви, которую она возбуждала во всех. Я уверен, что и у вас, несмотря на всю ужасность вашей потери, в глубине души есть это чувство религиозного умиления, которое она возбуждала во всех своей самоотверженной, ласковой, жизнерадостной простотой» (71: 297). «Впечатление этого известия я никогда не забуду, – записала С. А. Толстая в дневнике 1 марта 1898 г. – Тяжёлое горе, что я никогда больше не увижу это светлое, милое создание, этого дорогого друга всей семьи нашей, боль за горе родителей, просто ужас перед тем, куда, зачем исчезла эта полезная во всех отношениях, дорогая всем девушка, всё это годами будет подниматься в воспоминаниях и болезненно отзываться» (ДСАТ. 1. С. 361). Она побывала «на панихиде по Лизе, в церкви, где собрались её московские родные и друзья» (там же. С. 362). Т. Л. Толстая и С. Л. Толстой ездили проститься с Лизой в Никольское. Они застали там много народа. О старших Олсуфьевых Т. Л. Толстая писала в дневнике: «Родители жалкие, старые, потерявшие с ней всю радость и веселье жизни» (с. 411). Толстой в эти дни сообщал В. Г. Черткову:

«Это прелестное было существо – весёлое, скромное, простое, доброе. <...> Умирала в памяти, зная, что умирает. Распоряжалась делами, заплатила долг за народ в банк и т. п., потом прощалась со всеми, прощалась заочно, вспоминала нас и особенно меня. Мне радостно было это. Мы с ней часто спорили о православии, от которого она не хотела отказаться. Умирая, однако, она не позвала священника» (88: 82). Похоронена Е. А. Олсуфьева была рядом с братом при церкви в Никольском-Горушках, где позднее похоронили её родителей.

Т. Н. Архангельская

ОЛЬДЕНБЕРГ Герман (Oldenberg; 1854–1920) – немецкий востоковед, профессор санскритского языка и сравнительного языковедения Кильского университета (Германия). Автор книги «Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde» (В., 1881), в русском переводе: «Будда. Его жизнь, учение и община» (М., 1891). Толстой высоко ценил книгу, неоднократно читал её в оригинале и в переводе. В *ЯПб* хранится экземпляр: Ольденберг Г. Будда. Его жизнь, учение и община / Пер. с 4-го нем. изд. А. Н. Ачкасова. М., 1905. По свидетельству Д. П. Маковицкого, книга постоянно находилась на полке в кабинете Толстого, среди двух десятков др. выдающихся сочинений о религии. На её страницах пометки писателя: отчёркивания, подчёркивания, зачёркивания отдельных слов и предложений. Уголки некоторых страниц загнуты. В конце 1885 или начале 1886 гг. Толстой взялся за составление описания жизни и учения Будды, но вскоре оставил работу. Её продолжили сотрудники редакции «Посредник». Им Толстой рекомендовал книгу выдающегося санскритолога. «Ольденберг очень вам будет нужен – именно для проповеди. Там точнее», – писал он В. Г. Черткову. У него и С. Биля (Beal S. Outline of Buddhism from Chinese sources. London, 1870) Чертков нашёл несколько притч и буддийских басен «весьма глубокого и яркого содержания» и хотел ими воспользоваться «для оживления и выяснения этической стороны этого учения». Работа не была завершена. В *Юб.* (25: 540–543) среди «неопубликованных, неотделанных и неоконченных» сочинений Толстого помещено начало статьи (вступление и две главы) «Сиддарта, прозванный Буддой, т. е. святым: Жизнь и учение его». В мае–июне 1907 г. писатель снова работал с книгой Ольденберга. Он хотел составить жизнеописание Будды для детского «Круга чтения». Замысел остался неосуществлённым. Среди произведений о буддизме книгу Ольденберга Толстой отметил как лучшую.

Маковицкий записал его отзыв: «Ольденберг выбрал то, что проверено» (*ЯПЗ.* 2. С. 464).

З. М. Богачёва

ОРЁХОВА Авдотья Николаевна («Дуняша», рожд. Банникова: ?–1879), яснополянская крестьянка, жена А. С. Орехова, который был камердинером Толстого на Кавказе, в Дунайской армии и в Севастополе, а впоследствии стал управляющим в Ясной Поляне. Горничная у Толстых. В письме к Т. А. Ёргольской из Киссингена от 24 июля/5 августа 1860 г. Толстой спрашивался о здоровье Дуняши, об её сестре. Летом 1862 г. во время обыска в Ясной Поляне Дуняша оказалась невольной «спасительницей» Толстого. Позднее С. А. Толстая писала об этом в своих воспоминаниях: «Горничная тётеньки, Дуняша, думая, что в большом портфеле Льва Николаевича есть что-нибудь нелегальное, взяла его тайком и унесла спрятать в овраге, в лесу. И действительно, там были № “Колокола” и “Полярной звезды”, и разные письма и портреты маленькие фотографические Герцена и Огарёва. Горничная эта, Авдотья Николаевна, была дочь дядьки Льва Николаевича, Николая, описанного в “Детстве”, она была и горничная тётеньки и потом экономка при мне. Она мне рассказывала про этот жандармский обыск, а Лев Николаевич дополнил» (*САТ. Моя жизнь.* 1. С. 48–49).

После смерти Дуняши Толстой порой вспоминал её; 16 октября 1897 г. он писал в дневнике: «Ехал мимо закут. Вспомнил ночи, которые я проводил там, и молодость и красоту Дуняши (я никогда не был в связи с нею), сильное женское тело её. Где оно? Уж давно одни кости. Что такое эти кости? Какое их отношение к Дуняше? Было время, когда эти кости составляли часть того отдельного существа, которое было Дуняша. Но потом это существо переменяло центр и то, что было Дуняшей, стало частью другого огромного по величине своей, недоступного мне существа, которое я называю землёю» (53: 157).

Н. И. Бурнашёва

ОРЛОВ Александр Иванович (1837 – ок. 1913) – провинциальный актёр, литератор, переводчик. Познакомился с Толстым в 1887 г., когда после житейских неудач решил изменить свою жизнь. Толстой пригласил его сотрудничать с издательством «Посредник».

В июне 1888 г. по дороге к В. Г. Черткову Орлов писал Толстому: «Теперь отдыхаю в Бирюче <...>. На всём пути я не встретил ни одного неприязненного или косо-го взгляда, везде находил участие и ласко-

вый приём, и чем проще и беднее были мои хозяева, тем обращение было ласковее и душевнее» (86: 162). Из письма видно, что Орлов занимался распространением нравственного учения Толстого: «Везде, где бы я ни останавливался, хоть на короткое время, я поставил себе за правило спрашивать, знают ли там вас или слышали о вас? Во многих местах знают; где же не знают — там я о вас рассказываю. Рассказываю я вкратце то, что вы рассказали в так называемой своей исповеди, и к этому рассказу прибавляю ваше объяснение 5 заповедей Христа. И везде меня слушают с величайшим интересом и умилением. Во многих местах крестьяне записывали ваше имя и просили ваших книжек, и я обещал выслать им» (86: 162). На это письмо Толстой отвечал через Черткова: «Вчера получил письмо от Орлова <...>, он, должно быть, у вас, передайте ему спасибо за его хорошее письмо. Очень радуюсь за него» (10? июня 1888 г. — 86: 161).

Орлов подготовил для «Посредника» две книги: «Гоголь как учитель жизни» (М., 1888) и «Французский учёный Влас Паскаль: его жизнь и труды» (М., 1889).

Толстой неоднократно высказывал желание напечатать в «Посреднике» книгу Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». П. И. Бирюкову 5 октября 1887 г. он писал: «Я думал даже напечатать в Посреднике выбранные места из переписки» (64: 99). В письме Черткову и Бирюкову от 10 октября 1887 г. Толстой отмечал то впечатление, которое производила «переписка» Гоголя: «Я отчеркнул излишнее, и мы прочли вслух — на всех произвела сильное впечатление и бесспорное. <...> Надо издать выбранные места из его переписки и его краткую биографию — в Посреднике. Это удивительное житие» (86: 89–90). На основе выбранных Толстым фрагментов из произведения Гоголя Орлов составил книжку, портрет на обложке был исполнен И. Е. Репиным. Позже, в письме Черткову, Толстой называл среди изданий, которые ему особенно нравились, и книгу Орлова о Гоголе (86: 168). Сначала он предлагал напечатать эту книжку в издательстве «Нива» и писал об этом редактору Ф. Н. Бергу в январе 1888 г.: «У меня есть прекрасная статья о Гоголе под заглавием Гоголь как учитель жизни, выставляющая с поразительной ясностью и силой высоту христианско-нравственную жизни и смерти и писаний Гоголя. Статья идёт в разрез со всем тем, что в продолжение вот уже скоро 50 лет лжётся в нашей литературе о Гоголе; но выставляет всё это так, что спорить нельзя, а можно только устыдиться. Я дал

мысль об этой статье её автору для составления народной (в самом широком смысле) книжки о Гоголе, и автор исполнил эту мысль сверх моего ожидания превосходно. Хотите ли вы напечатать эту статью? Скоро ли можно её напечатать, если она вам понравится? Какой гонорар вы определите автору, самому бескорыстному человеку, но живущему только своим трудом?» (64: 139–140). Толстой собирался написать предисловие к книжке Орлова, о чём сообщал Н. Н. Страхову в январе 1888 г.: «Теперь хочется написать предисловие к статье о Гоголе, прекрасной, одного Орлова...» (64: 138). Над статьёй «О Гоголе» Толстой работал в январе-феврале 1888 г. В письме Черткову 24 января 1888 г. он отмечал: «...начал о Гоголе — мне интересно» (86: 113). Чертков ждал предисловия Толстого, чтобы подать его в цензуру вместе с книжкой Орлова: «Статью о Гоголе мы как раз переписали. Теперь подожду вашего предисловия...» (28 января 1888 г. — 86: 114). Но вскоре Толстой отложил работу, о чём упоминал в письме Черткову: «Ничего не пишется, и потому с статьёй о Гоголе не дожидаетесь меня» (2 февраля 1888 г. — 86: 115). Статью Толстой не закончил. По воспоминаниям Н. И. Тимковского, приняв участие в «жарких дебатах» интеллигенции по поводу вышедшей книжки Орлова, Толстой, тем не менее, не завершил своей статьи, потому что ему, «по его собственным словам, „не хотелось вступать в полемику с Белинским“» (Тимковский Н. И. Моё личное знакомство с Л. Н. Толстым // ТВС. 1. С. 430).

Работа Орлова над книгой о Паскале продолжалась на протяжении 1888 г. Орлов сделал перевод и извлечения из книги «Pensees de B. Pascal» («Мысли Паскаля»), а также изложил биографию Паскаля на основе биографии «Vie de Pascal» («Жизнь Паскаля»), написанной его сестрой m-me Perier. О работе Орлова над книгой Толстой неоднократно писал Черткову: «Орлов написал о Паскале и 2-й раз исправляет. Я думаю, будет недурно» (март 1888 г. — 86: 144); «Ещё лежит у меня Паскаль, 3-й раз переделанный, которого, если успею вновь перечесть, pošлю вам. <...> Посылаю Паскаля. Мыслей слишком много. Порядок их тот, какой нужен, но много лишних — выключите их. Хорошая будет книга» (6 апреля 1888 г. — 86: 148–149).

Толстой обращался к Черткову по поводу гонорара для Орлова за работу над книжкой о Паскале: «Посылаю вам письмо Орлова. Постарайтесь исполнить его желание» (17 апреля 1888 г. — 86: 153). Чертков заплатил Орлову 50 руб., но высказал критические замечания о книге: «Работа эта

требуется ещё большой переделки» (86: 156). По мнению Черткова, книга была недостаточно понятна для «простого читателя», литературные же способности Орлова, по его мнению, больше соответствовали книгам «для образованных людей» (86: 156).

На замечания Черткова Толстой отвечал 26 апреля 1888 г.: «Боюсь, что ваше суждение насчёт Паскаля, особенно его мыслей, в середине, слишком строго. Там много есть лишнего, которое просто надо вычеркнуть. Пришлите мне всю рукопись с вашими замечаниями, я ею займусь и тогда пошлю, куда вы скажете» (86: 155). Чертков переработал книгу о Паскале: оставив биографию, составленную Орловым, он значительно сократил изложение мыслей Паскаля. По поводу этих изменений Толстой писал: «Ваши поправки перевода мыслей — очень хороши. Держитесь только близко подлинника. Вообще весь ваш план издания Паскаля вполне одобряю» (12 мая 1888 г. — 86: 157). Толстой продолжал интересоваться у Черткова книгой о Паскале до момента её выхода: «*Что Паскаль?* Вот будут чудные книги для всех...» (21 декабря 1888 г. — 86: 193). Получив книжку, Толстой писал Черткову: «Паскаля я читаю и радуюсь. Как хорошо» (31 января 1889 г. — 86: 205).

Толстой, видимо, хотел издать книгу о Паскале, составленную Орловым, в первоначальном виде, поэтому обращался к журналисту В. А. Гольцеву в августе 1890 г.: «Письмецо это передаст вам, уважаемый Виктор Александрович, мой знакомый литератор А. И. Орлов. Он сделал перевод мыслей Паскаля. Образец его языка и перевода можно видеть в издании Посредника, мысли Паскаля и Гоголя. Не напечатаете ли вы отдельным изданием, или не поможете ли Орлову войти в сношения с издателем. Очень обяжете меня и будете содействовать появлению хорошего перевода Паскаля» (65: 150). Ту же просьбу Толстой повторил в письме Гольцеву 25 марта 1891 г.: «Мой знакомый, А. И. Орлов, сделал прекрасный перевод мыслей Паскаля, особенным, выгодным для оценки их способом расположив их. <...> Оно будет содействовать успеху книги. Не издадите ли вы её? Орлов бедный человек и желал бы получить вознаграждение за свой труд. <...> Книгу эту я желал бы видеть напечатанною, не для того, как это часто бывает, чтобы сделать приятное или нужное составителю её, но потому, что книга действительно очень хорошая» (65: 275).

И. Ю. Матвеева

ОРЛОВ Иван Иванович (даты жизни не установлены) — в 1860-е гг. учитель в яснополянской, затем в телятинской школах Толстого. В 1863–1890 гг. — управляющий имением Толстого Никольское-Вяземское. Учился в Тульской духовной семинарии. В школьном сочинении 1863 г. ученика яснополянской школы Игната Макарова написано: «В прошлом году у нас было три учителя: Владимир Александрович, Иван Иванович, Густав Фёдорович». И. И. Орлов упоминался и в воспоминаниях ученика В. С. Морозова. В статье Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (8: 41) есть описание сценки на уроке, который вёл Орлов. О своей педагогической работе он рассказывал в статье «Телятинская школа», включённой Толстым в октябрьскую книжку журнала «Ясная Поляна» за 1862 г. «Когда я отправлялся учителем в Телятинки, — писал он, — я был совершенно спокоен: приёмы, которые бы могли повести дело учения легко и скоро и заохотить к тому же детей, имел я случай видеть в яснополянской школе, будучи несколько времени учителем там; следовательно, надеялся, по крайней мере, не быть безуспешным. Мысль — как обойтись с крестьянами, сойтись с их требованиями, тоже не тревожила меня: я знал до некоторой степени их нравы и образ мыслей с разными их предрассудками, потому что по жизни своей был недалёк от них; само духовное звание моё и назначение по воспитанию быть сельским священником должно было сближать меня с сельским бытом и с предрасположением крестьян» (8: 511).

С. Л. Толстой писал в «Очерках былого»: «При Н. Н. Толстом имением управлял строгий бурмистр дореформенного типа, Пётр Евстратов Воробьёв, а потом <...> управляющим поступил Иван Иванович Орлов. <...> Он управлял имением 28 лет — до 1890 года и, хотя раньше хозяйством не занимался, первое время хорошо вёл дело и давал порядочный доход; потом он стал пить и запустил дело. С крестьянами он был строг, но справедлив и никогда не судился, за что они его уважали. <...> Отец изредка ездил в Никольское-Вяземское, проверял Ивана Ивановича и был с ним в переписке, а иногда Иван Иванович приезжал с отчётом в Ясную Поляну» (гл. «Мой отец в семидесятых годах»).

Из письма Толстого сестре Марии Николаевне от 20 января 1864 г., в котором речь шла о её желании развестись с мужем, можно судить о том, что Орлов был в курсе семейных дел Толстых: «...Иван Иванович, который в нашем секрете, говорит, что дело должно решаться в твою пользу» (61: 33).

Довольно часто Толстой писал управляющему в 1863–1870-е гг.: давал советы по уходу за лошадьми, коровами, охотничьими собаками, по посадке яблонь, по выбору участков земли под посевы пшеницы, семенного клевера; подсказывал, как выгоднее продать рожь, овёс, дрова. 21 мая 1865 г. из Никольского-Вяземского он сообщал С. А. Толстой: «Хозяйство хорошо, и Иван Иванович хорош. <...> Я не нарадуюсь своему счастью, что у меня здесь Иван Иванович. Трезвый, честный и порядочный человек. Итак, я потолковал с Иваном Ивановичем, посмотрел сады, скотину (всё хорошо) и поехал к Дьякову» (83: 98–99). Помимо ведения хозяйства в Никольском-Вяземском Толстой поручал Орлову и другие ответственные дела. В январе 1869 г., во время печатания в Москве «Войны и мира», Орлов по просьбе Толстого привозил корректуры романа издателю П. И. Бартеневу и решал вопросы по изданию с владельцем типографии Ф. Ф. Рисом.

10–12 августа 1869 г. Толстой написал на имя Орлова для представления в Тульский окружной суд доверенность, по которой управляющий наделялся широкими полномочиями: «...прошу Вас принять на себя обязанность ходатайствовать за меня в мировых учреждениях по всем делам и искам, могущим у меня впредь оказаться, выслушивать решения, приносить всякого рода жалобы, получать исполнительные листы <...>. Во всём, что Вы по сему верящему письму законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду» (61: 366). В письме к Толстому от 16 ноября 1888 г. Орлов просил освободить его от управления Никольским-Вяземским и вновь принять учителем. Нет никаких сведений о его деятельности после ухода в 1890 г. с должности управляющего.

Е. В. Белоусова

ОРЛОВА Екатерина Николаевна (рожд. Трубецкая; 1840–1885) – троюродная сестра Толстого по материнской линии. В 1857 г. во время заграничного путешествия Толстой на правах родственника неоднократно бывал у своего двоюродного дяди кн. Н. И. Трубецкого, принявшего католичество и вынужденного проживать во Франции (Париж, Фонтенбло). Толстой не мог не обратить внимание на его единственную дочь юную княжну Екатерину, воспитанием и образованием которой руководил немецкий эмигрант-радикал Г. Б. Оппенгейм. Запись в дневнике 2/14 марта 1857 г.: «Трубецкая. Ничего, ничего, молчание» (47: 117). В 1856 г., находясь на лечении в Париже, с Е. Н. Трубецкой познакомился

израненный в сражениях Крымской войны Н. А. Орлов, сын А. Ф. Орлова, одного из видных сановников Николаевской эпохи и личного друга Николая I. Примицавший к либеральным проправительственным кругам, Н. А. Орлов был тепло принят в семье кн. Трубецких и произвёл впечатление на романтически настроенную, музыкально одарённую и разносторонне образованную их дочь. Толстой, в эти годы уже думавший о семейном обустройстве, почувствовал отношение Трубецкой к Орлову, с которым в Париже поддерживал контакты, правда, найти общего языка им не удалось: «...пошёл с Орловым в Лувр. <...> Орлов ужасно тупое существо. Он будет дурной» (47: 118). Несмотря на охлаждение к Е. Н. Трубецкой («Княжна разнравилась» – 47: 118), Толстой, узнав об её венчании в Париже в мае 1857 г., записал в дневнике 30 октября 1857 г.: «Известие о свадьбе Орлова с Трубецкой возбудило во мне грусть и зависть» (47: 161).

А. С. Кондратьев

ОСИПОВСКИЙ Дмитрий Тимофеевич (1810–1881) – знакомый Толстого; врач; сын профессора Харьковского университета Т. Ф. Осиповского; окончил в 1832 г. Московский университет со званием акушера; с 1836 г. – медик-хирург; с 1849 г. – старший ординатор московской Мариинской больницы. В 1858 г. – главный врач Мариинской больницы и консультант московской детской больницы. С 1870 г. – в отставке. 18 октября 1857 г. Толстой, приехав в Москву, побывал у Осиповского. К доктору обращалась и М. Н. Толстая с дочерью Варенькой. Перед отъездом в Европу летом 1860 г., как писал Толстой Т. А. Ёргольской 1–2 июля 1860 г. из Петербурга, в Москве «Машенька ездила на дачу к Осиповскому <...>. Осиповский велел Вареньке продолжать те же пастилки <...> и велел побольше моциона и поменьше лечиться. Машеньке сказал, чтобы она посоветовалась в Берлине и, ежели велят, попила бы тоже воды в Содене. (Вообще он нашёл и её и Вареньку хорошими.) На зиму же советовал ей ехать на Иерские острова. (Это на Средиземном море, ниже Ниццы)» (60: 345).

Е. Ю. Хомякова

ОСТРОГОРСКИЙ Александр Яковлевич (1868–1908) – педагог, писатель, журналист, общественный деятель. Родился в Гродно. По окончании в 1882 г. юридического факультета Петербургского университета служил в учебном отделе Министерства финансов. Став членом Комиссии по подготовке Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде

де (1896), организовал там учебный отдел, а в 1900 г. – русский отдел по народному образованию на Всемирной выставке в Париже.

Опыт организации выставок помог Острогорскому познакомиться с новаторскими педагогическими идеями его времени, которые он сумел воплотить в жизнь. В 1898 г. он стал одним из инициаторов создания Тенишевского училища, куда князь В. Н. Тенишев пригласил его на должность директора. Острогорскому удалось собрать уникальный педагогический коллектив и разработать интереснейшие образовательные программы, имевшие целью воспитать новую элиту: людей широко образованных, самостоятельно мыслящих, готовых к решению современных задач, стоящих перед наукой и промышленностью. Принимали в училище мальчиков любого сословия, национальности и вероисповедания. Обучение длилось 8 лет, курс наук был значительно шире, чем в др. учебных заведениях, и был подкреплён разнообразной практической деятельностью: работой в лабораториях, обсерватории, в зимнем саду и оранжерее. В училище устраивались спектакли, музыкальные вечера, значительное время уделялось историко-литературным поездкам, экскурсиям на фабрики и заводы с целью ознакомления с современными технологиями и организацией производства. Педагоги с уважением относились к индивидуальности каждого ребёнка, старались развивать в учениках интерес к процессу познания, самостоятельность, прививали навыки здорового образа жизни. Искренность, доверие, уважение между учителями и учениками были основой их взаимоотношений. В училище отсутствовали наказания, оценки, переводные экзамены. В разные годы выпускниками училища стали В. М. Жирмунский, О. Э. Мандельштам, В. В. Набоков, К. И. Чуковский, О. Волков. Многие из учеников оставили об училище тёплые воспоминания.

Острогорский преподавал в училище русский язык и словесность, большое внимание уделял урокам художественного чтения. Во многих учебных заведениях широко применялось составленное им пособие «Русское правописание. Руководство к его наглядному изучению. Статьи для списывания». Особенной популярностью у нескольких поколений детей пользовалась хрестоматия «Живое слово», составленная Острогорским. Иллюстрированная работами Верещагина, Крамского, Левитана, Перова, Добужинского, Билибина, Бенуа, Нарбута, Кустодиева, Кардовского, хрестоматия знакомила читателя с лучшими произведе-

ниями русской литературы, классическими и современными. В её состав входили и отрывки из повестей Толстого «Детство» и «Отрочество».

С Толстым Острогорский был знаком лично. Об этом свидетельствует запись С. А. Толстой в ежедневнике 31 мая 1902 г.: «Был А. Я. Острогорский». Сохранились письма Толстого к Острогорскому-издателю. С 1896 г. Острогорский редактировал журнал «Образование». Он попросил разрешения Толстого напечатать в этом журнале легенду «Сорок лет»: в 1840 г. легенда была написана по-украински, затем переведена на русский язык и напечатана Н. И. Костомаровым («Газета А. Гатцука». М., 1881). Легенда рассказывала о судьбе бедного работника Трофима Яшника, который полюбил дочь своего богатого хозяина Вассу. Отец обещал отдать Вассу за Трофима, когда тот разбогатеет. По совету садовника Придыбалки, про которого говорили, что он сам чёрт, Трофим убил проезжего купца, завладел его имуществом и женился на Вассе. Помня о своём грехе, исповедовался архиерею и по его совету построил церковь. До конца своих дней ждал кары за грех, но наказания не было. Трофим умер, уверившись в том, что не существует посмертной жизни и воздаяния за грехи. В 1885 г. троюродная сестра Толстого Е. Ф. Юнге просила писателя разъяснить смысл легенды, которую многие поняли как проповедь атеизма и безнаказанности. Толстой считал легенду «превосходной вещью». Вместе с В. Г. Чертковым он работал над её пересказом для издательства «Посредник». Сократив и изменив текст, Толстой добавил к нему окончание: дописал последнюю главу. Теперь Трофим мучился подозрительностью и недоверчивостью к людям, несмотря на внешнее благополучие, жизнь его тяжела. А. Л. Костомарова, вдова Н. И. Костомарова, не дала разрешение на издание такого варианта легенды, опасаясь цензурного запрета, который сделал бы невозможным печатание легенды в готовящемся собрании сочинений Костомарова. В 1901 г. легенда была напечатана в журнале «The New Age». П. А. Буланже советовал Толстому напечатать её и в России: «Здесь есть очень чистый журнал “Образование”, и я посоветовал им напечатать у себя “Сорок лет” как перевод с английского. Но Острогорский, в высшей степени деликатный человек <...>, сказал, что по отношению Вас он не может допустить такой неделикатности» (26: 699). По поводу этой работы Толстой писал Острогорскому: «Легенда “Сорок лет” принадлежит не мне, а Костомарову. Мною приделан к ней

был конец, который я считал более подходящим для народного чтения. Я ничего не имею против напечатания того, что в этой легенде написано мною» (73: 183). В февральском номере журнала «Образование» легенда «Сорок лет» была напечатана за подписью «Гр. Л. Н. Толстой», публикацию сопровождал комментарий редакции, в котором упоминалось имя Костомарова. Резкий отклик на эту публикацию Н. К. Михайловского в мартовском номере «Русского богатства» оскорбил Острогорского. В статье Михайловский иронизировал по поводу того, «как г. Острогорский превратил рассказ Костомарова в рассказ Л. Н. Толстого». Толстой узнал об этом от Буланже и просил его передать Острогорскому своё сожаление «о тех неприятностях, которым он подвергся из-за некоторой поспешности и необдуманности» (73: 234). Считая себя косвенной причиной этих неприятностей и желая утешить Острогорского, Толстой предложил ему напечатать статью «О религии». Острогорский решил печатать статью. Толстой предоставил ему право сделать это: «Предоставляю в ваше распоряжение мою статью “Что такое религия и в чём её сущность”. Можете печатать её в вашем журнале всю, или те места, которые найдёте возможными, и дать иное, придуманное вами, заглавие» (73: 343). Статья была запрещена цензурой.

В 1903 г. Толстой вновь обратился к Острогорскому, предлагая напечатать в журнале его перевод статьи Э. Джемса о духоворах. Цензурный запрет помешал осуществиться и этой работе.

Е. В. Бойцова

ОФРОСИМОВ Павел Александрович («Афросимов»; 1799–1877) – сосед Толстого по Ясной Поляне, тульский помещик; штабс-капитан в отставке. Владелец сельца Салова Крапивенского уезда, что в 6 верстах от Ясной Поляны. В 1847–1857 гг. судья Совестного суда. Толстой

и Офросимов вместе охотились, обменивались собаками, даже разводили собак: «Нынче послал Дорку к Офросимову, вот будет тебе щенок, какого прикажешь», – писал Толстой А. Е. и Л. А. Берсам (22 декабря 1864 г.; 61: 64).

11 августа 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Был в засеке на охоте с Афросимовым, он добрый, но скучный болтун» (47: 89). Об этой охоте через неделю он сообщил брату С. Н. Толстому: «Собак мне привели, лошадь я купил славную, но два раза ездил в наездку, не видал ни одного. На днях поеду с Афросимовым. Мы уже ездили с ним в засеку и распугали там выводок волков» (60: 80). Офросимов приглашал на охоту и в сентябре, но 6 сентября Толстой «совсем разболелся» и два раза «отказал» соседу. 11, 12 сентября в дневнике рядом с записями о литературной работе появляется имя Офросимова: «Поправляюсь, вчера диктовал, нынче был Офросимов и диктовал всё, но переделки много. Офросимов милейший старик» (47: 92). 20 сентября Толстой сам поехал к соседу: «Два дня был у Офросимова» (47: 92). Октябрьские дневниковые записи тоже упоминали Офросимова: «Ездил на охоту, на соединение с Офросимовым, но не застал его...» (6 октября; 47: 94). Офросимов звал Толстого приехать к нему в Салово, а оттуда на охоту в отъезжем поле, «на преследование диких зверей в пределах крапивенских и черненских» (47: 361). Имя Офросимова в записной книжке Толстого соседствует с записями к повести «Отъезжее поле», новому сочинению, над которым в конце августа 1856 г. начал работать писатель. Не исключено, что в качестве действующего лица сосед мог появиться в этом произведении, но сочинение не было завершено. Сохранилось три письма Офросимова к Толстому, в которых идёт речь об их совместных охотничьих поездках. Письмо об охоте от 20 августа 1856 г. даже написано стихами.

Н. И. Бурнашёва



ПАВЛОВ Николай Филиппович (1803–1864) – русский писатель; основатель и редактор газеты «Русские ведомости» (1863–1864). Родился в семье дворового. В 1811 г. был отпущен на волю. В 1822–1825 гг. учился на словесном отделении Московского университета. В 1829 г. избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Повести «Именины» (о судьбе крепостного музыканта), «Ятаган» (о трагедии бесправного солдата) и «Аукцион» составили книгу Павлова «Три повести» (1835). Почти все журналы отзывались о ней с большими похвалами. В. Г. Белинский причислил автора «к немногочисленному числу наших отличных прозаиков». А. С. Пушкин назвал эти сочинения «первыми замечательными русскими повестями, ради которых можно забыть об обеде и сне». Около 1849 г. Павлов женился на поэтессе Каролине Карловне Яниш. Увлечение Павлова карточной игрой, проигравшего деньги жены, послужило поводом к ссылке в Пермь под строгий надзор полиции.

Снова в литературе Павлов появился в 1856 г. в «Русском вестнике». Дневниковые записи Толстого говорят о его неоднократных встречах с Павловым в 1856–1857 гг.: 22 октября 1856 г.: «...поехал к Арсеньевым. <...> У них был Павлов...» (47: 96); 7 декабря 1857 г.: «Павлов умница» (47: 165); 28 декабря 1857 г.: «...речи пошлые все, исключая Павловской» (47: 166). В этот день Толстой участвовал в обеде литераторов в Купеческом клубе. В. П. Боткину 4 января 1858 г. он писал, что в московском обществе есть противники освобождения крестьян, есть и сторонники, «есть ещё аристократы на манер аглицких. Есть западники, есть славянофилы. А людей, которые бы просто силой добра притягивали



бы к себе и примиряли людей в добре, таких нету» (60: 247). «Был здесь обед, – продолжал Толстой, – в Купеческом клубе, устроенный Кавелиным, по случаю эманципации. Были речи Каткова, Станкевича, Погодина, Кавелина, Павлова, Бабста и Кокорева. Только Павлова и Бабста речи были замечательны» (60: 249). По мнению Н. Н. Гусева, «речь Павлова понравилась Толстому именно как попытка подойти к разрешению вопроса о крепостном праве с нравственной точки зрения» (Гусев. *Материалы*. 2. С. 261). Как предположил Ю. Г. Оксман, в романе «Декабристы», над которым Толстой работал в начале 1860-х гг., в образе И. П. Пахтина изображён Павлов.

Лит.: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Кн. 2. Л., 1931. С. 412.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ПАЛЬМЕРСТОН Генри Джон Темпл (Palmerston; 1784–1865), лорд – английский гос. деятель, министр иностранных дел Великобритании. Враждебно относился к России и в 1854 г. поддержал участие Великобритании в Крымской войне. В 1855 г. стал премьер-министром, занимал этот пост до своей смерти. Его ненавидели за рубежом, но он пользовался чрезвычайной популярностью в своей стране.

Во время своего второго заграничного путешествия Толстой две недели жил в Лондоне (с 18 февраля по 4 марта 1861 г.), интересуясь организацией народных школ и постановкой в них преподавания. Кроме

школьного дела, его интересовала и политическая жизнь Англии. Он побывал в парламенте. Значительно позднее, в августе 1875 г., Толстой в письме к Фету вспоминал о своём посещении английского парламента и о слушанных им речах, от которых ему «скучно и ничтожно было» (62: 199).

Далее был Брюссель, где Толстой начал работу над повестью «Поликушка», в которой упоминал о посещении парламента и о впечатлении от речи лорда Пальмерстона: «Я недавно видел, как лорд Пальмерстон сидел, накрывшись шляпой, в то время как член оппозиции громил министерство, и вдруг встав, трехчасовую речь отвечал на все пункты противника; я видел это и не удивлялся, потому что нечто подобное я тысячу раз видел между Егором Михайловичем и его барыней» (7: 4).

Для Толстого Пальмерстон олицетворял европейскую буржуазную гос. систему, безжалостную и беспощадную. Это особенно ярко выразилось в высказываниях писателя на страницах журнала «Ясная Поляна» (1862). «Пускай там, в мире, который называют действительным, в мире Пальмерстона, Каэн, в мире — где разумно не то, что разумно, а то, что действительно, пускай там люди, сами наказанные, выдумывают себе права и обязанности наказывать. Наш мир детей — людей простых, независимых — должен оставаться чист от самообманывания и преступной веры в законность наказания, веры и самообманывания в то, что чувство мести становится справедливым, как скоро его назовём наказанием...» (8: 39). По мнению Толстого, Пальмерстон ничем не отличался от других гос. деятелей Европы XIX в., которые ставили в центр своей политики исключительно империалистические интересы, не задумываясь о конкретном человеке. В статье «Прогресс и определение образования» он замечал, что русскому человеку совершенно безразличны все прогрессивные изобретения, в частности телеграф, точно так же равнодушен он и к смене политических режимов в Европе. «Яснополянский мужик Тульской губернии <...>, благосостояние которого думает делать прогресс, никогда не послал и не получил <...> ни одной депеши. Все депеши, которые пролетают над его головой, не могут ни на одну песчинку прибавить его благосостояния, потому что всё, что ему нужно, он имеет из своего поля, из своего леса, и он одинаково равнодушен к дешевизне или дороговизне сахара, или хлопчатой бумаги, и к низвержению короля Оттона, и к речи, произнесённой Пальмерстоном и Наполеоном III...» (8: 338).

В статье «Не убий», анализируя вопрос о роли личности в истории, Толстой пришёл к выводу о том, что «угнетения и <...> войны происходили всегда, независимо от того, кто стоял во главе правительства: Николай или Александр, Фридрих или Вильгельм, Наполеон или Людовик, Пальмерстон или Гладстон, <...> не какие-либо определённые люди причиняют эти угнетения и войны, от которых страдают народы». Причины всех людских бедствий кроются в особенном устройстве общества, «при котором все люди так связаны между собою, что все находятся во власти нескольких людей, или, чаще, одного человека, который или которые так развращены этим своим противоестественным положением над судьбою и жизнью миллионов людей, что всегда находятся в болезненном состоянии...» (34: 202).

А. В. Ключарёва

ПАНАЕВА Авдотья (Евдокия) Яковлевна (рожд. Брянская; 1820–1893) — писательница (псевдоним: Н. Станицкий), в первом браке жена И. И. Панаева, во втором — А. Ф. Головачёва, гражданская жена Н. А. Некрасова.

Происходила из семьи актёров. Выйдя замуж за Панаева в 1839 г. и сблизившись около 1846 г. с Некрасовым, оказалась в самом центре круга «Современника» и, шире, литературной жизни Петербурга. Совместно с Некрасовым ею были написаны романы «Три страны света» («Современник». 1848, № 10–12; 1849, № 1–5) и «Мёртвое озеро» («Современник» 1851, № 1–10). Отличаясь сильным, прямым характером и выразительной внешностью, Панаева являла собой тот тип независимой, эмансипированной женщины, который прочно связывали в это время с Жорж Санд и героинями её произведений. Такой репутации способствовал и характер дружеских предпочтений и антипатий Панаевой. В то время как к близким к «Современнику» либеральным литераторам вроде И. С. Тургенева, В. П. Боткина, П. В. Анненкова она испытывала неприязнь, считая их трусами и фразёрами, с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, В. А. Слепцовым её связывали тёплые дружеские отношения.

Очевидно, что в глазах Толстого, познакомившегося с Панаевой по приезде из Крыма в Петербург, она была крайне несимпатичным типом женщины, слишком далёким от того идеала жены и матери, который он рисовал в письмах В. В. Арсеньевой 1856 г. или чуть позже в «Семейном счастье». Горячие споры о Жорж Санд в редакции «Современника», нелестные сужде-

ния о ней Толстого должны были казаться знакомым Панаева и Некрасова тем более неуместными, что, по сути, прямо задевали хозяйку дома. Идея Толстого вывести «Жорж-зандовскую женщину» (47: 111) в комедии (см. черновые наброски комедий «Практический человек», «Дядюшкино благословенье», «Свободная любовь» 1856–1857 гг.) была навеяна в т. ч. и общением с Панаевой (7: 383–384).

В целом не одобряя «свободную любовь», связывавшую Некрасова и Панаеву, Толстой в оценке их сложных, «с придачей нервических, тяжёлых драм» отношений был всё же склонен, видимо, принимать скорее сторону Некрасова. Встретившись с ним по возвращении из-за границы в июле 1857 г., Толстой, под влиянием какого-то рассказа Некрасова о себе, отметил в дневнике: «Авдотья стерва, жаль и Панаева и Некрасова» (47: 150).

Как писатель Панаева зарекомендовала себя в качестве автора довольно тенденциозных повестей и романов о «женской доле» (в 1862 г. в «Современнике» был напечатан одноимённый роман), едва ли интересных Толстому. Так, сообщая Некрасову своё мнение о сентябрьском «Современнике» 1857 г., где был напечатан «Люцерн» и повесть Панаевой «Домашний ад» (описывающая запутанные любовные отношения в кружке людей, чьи чувства искажены, подавлены или не приняты в силу их общественного неравенства и ложных светских условностей), Толстой замечал, что «Авдотьи Яковлевны повесть ещё не прочёл» (60: 225), но есть основания полагать, что он или и не собирался читать её, или же она оставила у него неблагоприятное впечатление, которым он не стал делиться с Некрасовым.

Наиболее ценная часть творческого наследия Панаевой – её воспоминания (первые опубликованы в «Историческом вестнике» 1889 г.), содержащие множество интересных характеристик и наблюдений, но нередко грешащие до несправедливости резкими отзывами и недостоверной информацией. Так, согласно Панаевой, дуэль Толстого с Тургеневым чуть было не состоялась «из-за женской сплетни» в 1857 г., во время их пребывания в Париже (Панаева (Головачёва) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 257–259). При этом, описывая конфликтные отношения Толстого и Тургенева, она скорее отдаёт должное Толстому, поскольку тот «никогда ни слова не говорил о Тургеневе, а последний, наоборот, не стеснялся даже в присутствии посторонних людей делать свои замечания о нём» (там же. С. 257). Противоречило ряду других свидетельств

суждение Панаевой о том, что дебютное сочинение Толстого «Детство» было принято в литературном кругу довольно «равнодушно», снискав восторженные отзывы лишь у И. И. Панаева (там же. С. 201). Чтение воспоминаний Панаевой-Головачёвой отмечено в дневнике Толстого 1889 г. (50: 161).

Лит.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987.

Ю. И. Красносельская

ПАНИНА Варвара Васильевна (рожд. Васильева; 1872–1911) – русская эстрадная певица (контральто), исполнительница цыганских романсов. Происходила из старой московской цыганской семьи, воспитанница цыганских народных хоров, любимая певица богатых купеческих московских ресторанов. Репертуар её составляли преимущественно старые цыганские романсы, созданные ещё в XIX в. Обычно пела под аккомпанемент двух гитар, иногда с добавлением цитры. С её участием устраивались «исторические концерты» цыганской хоровой песни. Современники считали Панину последней представительницей подлинно цыганского песенного искусства, отмечали в её песнях «глубокую, затаённую, как ночь, непроницаемую страсть». «Божественной» называл её А. Блок. А. И. Куприн, слушая Панину «лишь в граммофоне», «заочно понимал, какая громадная сила и красота таилась в этом глубоком, почти мужском голосе». В начале 1900-х гг. Панина отошла от ресторанной эстрады и стала выступать на больших сценах обеих столиц (даже на императорской сцене Мариинского театра в Петербурге) и в провинции.

Толстой с удовольствием слушал граммофонные записи с Варей Паниной. 9 декабря 1908 г. сын В. Г. Черткова Дима (Владимир) привёз в Ясную Поляну свой граммофон, так как Толстому очень хотелось послушать некоторые «пьесы». «Граммoфон чудесный, каких в России не слышно», – записал Д. П. Маковицкий. Когда Толстой услышал, что будет петь Варя Панина, лицо его «сделалось восторженным», он «поговаривал: “Хорошо как, прекрасно!”» – И, когда граммофон пропел, Л. Н.: «Бис, бис, повторить!» Слушая Варю Панину, Толстой «хлопал: “Чудесный голос”». «Панина пела “Коробочку”. У Л. Н. во время её пения вырвалось: “Прекрасно, ещё раз!”», а когда закончилась песня, он сказал: «“Варя Панина – это первый сорт, народный тон, какую-то древностью дует. Если есть ещё Варя Панина – то это. Это первый сорт”. Варя Панина – “Хризантемы”. Л. Н.: “Хорошо, но то, прежнее, лучше было. Это

не характерно, не цыганское, не народное» (ЯПЗ. 3. С. 274).

11 января 1909 г. в Дворянском собрании в Туле состоялся «концерт Вари Паниной и Брандукова-виолончелиста». Яснополянская молодёжь поехала на концерт. На следующий день «за обедом Л. Н. расспрашивал о концерте Вари Паниной. Александра Львовна была ею восхищена, а я разочарован, – записал Маковицкий. – Панина пела сперва романсы, и те нехорошие, безучастно, на один манер: сначала тянет, потом скороговоркой. Лицо деревянное, как маска. Только две последние песни цыганские были очень хороши сами по себе и пела их с темпераментом. Л. Н. расспрашивал подробно про Панину и объяснял её неуспех у Варвары Михайловны <Феокритовой. – Н. Б.> и у меня тем, что на эстраде при освещении в зале требования другие, чем от простого цыганского пения. На его памяти цыганки никогда не пели на эстраде, а просто в комнате» (ЯПЗ. 3. С. 301–302).

26 января 1910 г. в Ясной Поляне снова слушали граммофон, на этот раз его привёз П. А. Сергеенко. К тому времени граммофон уже не был технической новинкой и порядком надоел. «Мне было неприятно <...>, – записал Толстой в дневнике. – Целый вечер граммофон» (58: 13). Однако спустя месяц охотно слушал записи цыганских песен в исполнении Михайловой и Вари Паниной: «Это удивительный – цыганский жанр, и далеко не оценённый!» – напомнил «сказанные недавно слова» Толстого Булгаков. «На Паниной остановились дольше других. Романс за романсом, очень тонко, выводил её мощный, почти мужской голос, невольно захватывая слушателей» (Булгаков. С. 90). 3 мая «Татьяна Львовна пустила граммофон. Л. Н. пришёл, когда пела Панина, просил продолжать и внимательно слушал, хваля и критикуя. Потом спрашивал про неё. Л. Н.: Поёт она хорошо, эти переходы в pianissimo-fortissimo... Таня! Ты не слыхала Марию Михайловну <жену брата С. Н. Толстого, цыганку. – Н. Б.>?.. Хорошо пела! Я никогда не писал о цыганах?.. У меня столько воспоминаний...» (ЯПЗ. 4. С. 244).

Цыганские песни В. Паниной и пение Э. Карузо (арии из оперы Дж. Верди «Риголетто») звучали в граммофонной записи в Кочетах (имение М. С. и Т. Л. Сухотиных) 23 августа. Очень понравились цыганские песни, а об оперных ариях Толстой с досадой заметил: «В сравнении с цыганками как это грубо, просто грубо». Л. Н. высказался очень хвалебно о пении Вари Паниной и ещё поговорил о музыкальных способностях цыган, и спросил, откуда они

пришли. Л. Н.: «Ни одно искусство не соединяет так людей, как музыка»» (ЯПЗ. 4. С. 332).

Н. И. Бурнашёва

ПАРФЁНИЙ (в миру: Пётр Агеев/Аггеев; 1807–1878) – схиигумен, основатель Николаевской Берлюковской пустыни и Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря, с 1872 г. на покое в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры; духовный писатель, мемуарист, исследователь раскола.

В 1858 г. схиигумен Парфений по инициативе императора Александра II и с одобрения митрополита Филарета (Дроздова) основал миссионерский монастырь, расположенный в районе массового поселения старообрядцев для их возвращения в лоно православной церкви.

В 1877–1878 гг. Толстой изучал историю раскола и русскую древность. В центре его внимания «Житие протопopa Аввакума», изданное Н. С. Тихонравовым, «Русские в своих пословицах» И. М. Снегирёва, Толковый словарь и «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Народные легенды» А. Н. Афанасьева, «Древнекиевские религиозные сказания» В. А. Яковлева, «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» И. П. Сахарова и др. Особое внимание Толстой уделял истории старообрядчества. В письмах к Н. Н. Страхову (22–23 сентября 1877 г., 16 марта и 17–18 апреля 1878 г.) он настоятельно просил прислать «Путешествие Парфения». В 20-х числах мая и в июне 1878 г. Толстой читал книгу схиигумена Парфения «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святой горы Афонской инока Парфения» (ч. 1–4; М., 1855; 2-е издание – 1856). Книга была высоко оценена Н. П. Гиляровым-Платоновым, С. М. Соловьёвым, М. П. Погодиным, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедринным, А. В. Дружининым, Ф. М. Достоевским и др.

А. В. Шмелёва

ПАРФЁНИЙ (в миру: Памфил Андреевич Левицкий; 1858–1921) – тульский архиерей, посетитель Толстого; епископ (1908–1911), затем архиепископ Тульский и Белёвский (1911–1917), управляющий Полтавской епархией (1920–1921).

В 1909 г. российская общественность и русское духовенство были обеспокоены ухудшившимся состоянием здоровья Толстого. Епископ Парфений приехал к Толстому в Ясную Поляну 20 января 1909 г. в сопровождении двух священников и полиции.

Писатель, начавший работу над рассказом «Иеромонах Илиодор», расспрашивал Парфения о подробностях монастырской жизни. В свою очередь епископ пытался убедить Толстого вернуться в лоно православной церкви. Беседа была неприятна Толстому, в дневнике он записал: «Вчера был архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить моё, по их <мнению> зловерное, влияние на веру и Церковь. Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать». Толстой опасался, что С. А. Толстая, по просьбе епископа Парфения, пригласит священника к его смертному одру, и тогда могут «уверить людей», что он «покаялся» перед смертью» (57: 16). Толстой категорично заявил Парфению, что возвращаться в Церковь и причащаться перед кончиной не будет. Епископ сказал С. А. Толстой, что, согласно постановлению Правительствующего синода, при похоронах отлучённого церковный обряд невозможен.

Эта встреча Толстого с епископом Парфением вызвала интерес у редакции «Русского слова», корреспондент газеты С. П. Спиро (псевд. Сергеев) был направлен в Ясную Поляну, чтобы сделать запись той беседы со слов Толстого. 3 февраля Толстой продиктовал текст, а на следующий день уже читал корректуру. Статья «Лев Толстой и епископ Парфений» была опубликована в № 28 «Русского слова» 5 февраля 1909 г. Впоследствии Спиро издал свои «Беседы с Л. Н. Толстым» (М., 1911). Своей сестре М. Н. Толстой (с 1891 г. монахиня Шамординского монастыря), которую интересовала эта встреча с «тульским архиереем», 3 марта 1909 г. Толстой отправил статью Спиро вместе с письмом, где отметил, не желая её расстраивать: «Свидание это, как кажется, оставило с обеих сторон, с моей наверное, хорошее впечатление. Он мне показался простым и добрым человеком и христианского духа» (79: 99).

Епископ Парфений знал о неудачном посещении Толстого священником Дмитрием Троицким, о чём сообщал в Рапорте Правительствующему синоду. В своём дневнике за октябрь Толстой оставил записи: «Близкой смерти не противлюсь» (17 октября – 58: 119) и «...без желания чувствую хорошую готовность смерти» (18 октября – там же).

В ночь на 28 октября 1910 г. Толстой навсегда ушёл из Ясной Поляны. В дороге опасно заболел. 7 ноября на станцию Астапово приехал к Толстому епископ Парфений

(двумя днями ранее прибыли из Оптиной пустыни игумен Варсонофий и иеродиакон Пантелеймон, но к Толстому их не допустили). В донесении вице-директора Департамента полиции Н. П. Харламова товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту П. Г. Курилову говорилось о том, что и «миссия преосвященного Парфения успеха не имела», никто из членов семьи не сказал, выражал ли Толстой желание «примириться с Церковью».

А. В. Шмелёва

ПАСТУХОВ Алексей Алексеевич (1868 – после 1948) – знакомый, адресат и корреспондент Толстого. Студент Академии художеств, затем учитель рисования, черчения и ручного труда в Туле и Белёве. Толстой познакомился с ним в Туле, по дороге из Москвы в Ясную Поляну. «Встретил юношей из Академии художеств <А. В. Дольнера и А. А. Пастухова. – А. А.>. Кажется, хорошие», – записал он в дневнике 6 мая 1889 г. (50: 79). Тогда же Пастухов оставил Академию с намерением заняться учительством в деревне. Этой деятельности он посвятил всю свою жизнь.

В конце февраля 1890 г. по пути в Оптиную пустынь, проезжая через Белёв, Толстой посетил Пастухова. В дневнике 26 февраля запись: «Я пошёл к Пастухову. Он за столом с школьниками. Письмо от Дольнера. Работа мысли идёт сильная у них и чистота. Дольнер пишет о браке, о своих мечтах о браке. Пастухов говорит, что испытывает то же самое» (51: 23).

Летом 1889–1890 гг. Пастухов часто бывал у Толстого в Ясной Поляне. Они много беседовали, ходили купаться: «...пошёл купаться со всей молодёжью. Мне легче с ними» (51: 68), – писал Толстой в июле 1890 г. Иногда говорили о сочинениях, над которыми писатель в то время работал, – «Крейцеровой сонате», «Царстве Божием внутри вас», «О жизни». Толстой читал отрывки из рукописи «Царства Божия...». От Толстого Пастухов получал жизненно важные советы: «Скажу одно, что вызвало во мне и свидание с вами, и ваше письмо: будьте тише, спокойнее, помните, что Бога нет ни в громе, ни в молнии, ни в порывах ветра, а он в тишине. Не ищите подвигов, не бойтесь осуждения людей и ещё меньше ищите их одобрения, а ищите удовлетворения в самой внутренней душевной глубине» (64: 300), – писал Толстой своему молодому другу 25 августа 1889 г.

«Разговоры» с Пастуховым порой вызвали у писателя глубокие размышления о роли любви и о своих собственных стремлениях и чувствах. После одной из бесед

с Пастуховым Толстой записал в дневнике: «Доказательство того, что любовь есть сама жизнь, – Бог и что если освободиться от соблазнов, то любовь забьёт ключом, в том, что когда, хотя мысленно, освободишься от соблазнов – и придёшь в состояние любви, то в воображении прощаешь и любишь одинаково без малейшей разницы лютейшего врага, немного неприятного, и самого симпатичного человека» (10 августа 1890 г.; 51: 74). На следующий день – снова мысли о любви: «Думаю всё о любви: о том, как нельзя проявлять нарочно любовь, как-то выпускать её. Помилуй Бог проявлять её так. Это выходит фарисейство»; она ни в коем случае не должна проявляться внешне, и он, Толстой, зная, что о нём «дурно думают» (51:75), любит и жену свою, и тех, кто был накануне у него вместе с Пастуховым. К 120-летию Толстого Пастухов написал о нём свои воспоминания.

А. А. Аленина

ПАУЛЬСЕН Фридрих (Paulsen; 1846–1908) – немецкий писатель, педагог и философ неокантианского направления. Учился в Эрлангене, Бонне, Берлине. С 1878 г. – профессор философии и педагогики в Берлинском университете. «Идеалистический пантеист»; считал природу одушевлённой, проявлением психической жизни, основой которой является воля, т. е. инстинкт. Полагал, что счастье человека определяется проявлением воли к жизни.



Толстой был знаком с трудами Паульсена и во многом, хотя не во всём, соглашался с ним. В журнале «Мир Божий» в 1902 г. печаталась статья учёного «Артур Шопенгауэр как человек, философ и учитель»;

в мартовском номере журнала (№ 3. С. 106–134) помещено окончание статьи. Чтение статьи вызвало запись в дневнике Толстого: «Паульсен говорит, что учитель должен быть не Ничше, не Шопенгауэр, а Христос. А почему? – не объясняет» (8 марта 1902 г.; 54: 126). В июне 1905 г., проводив из Ясной Поляны В. Г. Черткова, Толстой дружелюбно говорил о нём: «Поумнел, посерьёзней. Чем он занимается! На митингах читает с Бригсом философию Паульсена. Есть его (Паульсена) книга у меня, довольно хорошая» (ЯПЗ. 1. С. 303; Толстой имел в виду книгу: Paulsen F. System der Ethik. Bd. I–II. Berlin, 1894. – В ЯПБ не сохранилась). В книге «На каждый день» Толстой при-

водил большое высказывание Паульсена о том, что понятие о благе должно включать «до некоторой степени горе и страдание» (43: 170). Те же рассуждения Паульсена несколько в ином переводе Толстой включил в книгу «Путь жизни» в раздел «Зло», где речь идёт о «страданиях» (45: 432–433).

Н. И. Бурнашова

ПЕЛАГЕЮШКИНЫ (в 1930-е гг. узаконили фамилию **Поблины**) – одна из коренных семей яснополянских крестьян; проживали в Ясной Поляне ещё при князе Н. С. Волконском, что подтверждает «Список крестьян Ясной Поляны», составленный С. Л. Толстым в 1910 г. В дневниках и письмах Толстого, его художественных произведениях, в мемуарах С. А. Толстой наиболее часто упоминаются глава семьи Пелагеюшкиных Степан Михайлович (по прозвищу Степан Кривой; 1812–1885) и его внук – Тит Иванович (1867–1932). Старший Пелагеюшкин был известным в округе печником. В набросках романа Толстого о переселении крестьян выведены яснополянские жители, в т. ч. со своей фамилией Пелагеюшкин Степан Михайлович. О нём как о печнике Пелагеюшкине говорилось в одном из вариантов романа («Путь жизни») (17: 498). «Пелагеюшкин печник, заметив народ и полагая, что будет выпивка, кликнул невестку и, не входя в избу, велел себе подать шапку и подошёл к ним...» (17: 269). 30 октября 1884 г. Толстой из Ясной Поляны писал жене: «Пришёл старик Степан Кривой; я побеседовал с ним. Нужда, нужда мужицкая, нужда в первых потребностях – хлеба, молока, дров и сверх того подати. Он очень просил передать Титке у Серёжи-брата, чтоб он прислал ему денег 10 р. или, по крайней мере, 5. Он нарубил дров в Засеке, а теперь надо платить. Если не заплатит, его работа пропадёт. Если есть зажитые деньги, то напиши мне, я ему дам, а Серёжа тебе отдаст» (83: 450).

«Титка» – внук Пелагеюшкина Тит Иванович. Считалось, что он хорошо устроился в жизни: несколько лет служил буфетчиком и лакеем в семье у Сергея Николаевича Толстого, а затем у Сергея Львовича Толстого. В семье писателя (в Москве и в Ясной Поляне) был буфетчиком и слугой. Тит Иванович – это часть яснополянского быта. В посланиях к жене Толстой, рассказывая о жизни в Ясной Поляне с несколькими детьми, сетовал на демонстративное барство сына Льва: «Мне неприятно было его барство: “Тит! Тит! То и сё” <...> и Тит помогает...» (84: 24). Так же охотно Тит Пелагеюшкин брал на себя функции воспитателя. Толстой сообщал 2 апреля 1887 г.: «Тит

вслух читал мальчикам в другой комнате "Раздел" <рассказ И. Е. Журавова, изданный «Посредником» в 1887 г. – А. К.> – и очень хорошо» (84: 20). С Титом Толстой охотился: «Нынче я позанился немного – вижу – нейдёт, и поехал с Титом с собаками – затравили лисицу прекрасную и русака» (83: 397).

Для Толстого Тит Пелагеюшкин – своеобразный собирательный образ крестьянина, народа, для которого нужно писать просто, понятным языком. Работая над статьёй «О жизни», он чувствовал, что в ней много неясного, что статья непонятна служившему тогда у него в Ясной Поляне крестьянину Титу, т. е. вообще мужикам. 13 апреля 1887 г. Толстой писал жене: «Как бы хотелось перевести всё на русский язык, чтобы Тит понял. И как тогда всё сокращается и уясняется. От общения с профессорами многословие, труднословие и неясность, от общения с мужиками сжатость, красота языка и ясность» (84: 25).

А. Г. Королёва

ПЕЛАДАН Жозефен (Péladan; настоящее имя Жозеф Эмме; 1858–1918) – французский писатель-декадент, мистик, называл себя «Сар» (вавилонский владыка), претендовал на роль духовного вождя человечества, прославился экстравагантностью поведения. Родился близ г. Лиона в состоятельной, интеллигентной семье журналиста, сотрудника газеты «Литературная Франция» и сооснователя «Религиозного еженедельника» – издания, занимавшегося преимущественно маргинальными науками и мистическими, религиозными и оккультными проблемами. В Риме и во Флоренции изучал работы Леонардо да Винчи и эпоху Возрождения. Любимым писателем Пеладана был Сервантес, любимым композитором – Вагнер, влияние которого чувствовалось в его произведениях. Не лишённый дарования, Пеладан высказывал оригинальные и меткие суждения. Пишущий нередко весьма красиво и образно, он вызывал у многих критиков или насмешки, или иронические замечания своей склонностью ко всему вычурному и желанием мистифицировать публику. Он боролся против «латинского декадентства» (название цикла из 21 романа) и против «эстетического декадентства» и создал свой орден розенкрейцеров с целью «восстановить в своём великолепии культ идеала, на основе традиции и посредством красоты». Орден имел целью уничтожение националистических разграничений, и в этом плане Пеладан и Толстой были единомышленниками (Пеладан считал антинационализм

Толстого слишком робким). Но в области эстетики их взгляды резко расходились. Пеладан устраивал ежегодные выставки («Салоны») живописи, из которых исключалась реалистическая и натуралистическая живопись. Он принимал лишь живопись религиозную (католическую) в духе итальянцев, или поэтическую, аллегорическую, символическую живопись в духе Пюви де Шаванна. Он был признанным историком искусств, писал о Делакруа, о Леонардо да Винчи, об итальянских примитивистах и имел основания интересоваться трактатом Толстого «Что такое искусство?», тем более что в нём была упомянута его книга «L'Art idéaliste et mystique» (Paris, 1894).

В 1897 г. в связи с работой над трактатом «Что такое искусство?» Толстой много читал об искусстве. Из дневника В. Ф. Лазурского, учителя детей Толстых, известно, что Толстой дал ему часть рукописи трактата, «в которой излагаются разные эстетические теории от Баумгартена до наших дней, и нагрузил» его «книгами, которыми сам пользовался при составлении этой исторической части своей работы!» (Дневник В. Ф. Лазурского // ЛН. Т. 37–38. С. 493). Одной из таких книг была книга Сара Пеладана на французском языке: «L'art idéaliste et mystique», которая сохранилась в ЯПб. В книге имеются пометы Толстого. Последняя помета – на с. 63. Далее страницы до конца книги не разрезаны. Вероятно, Толстой-читатель потерял к ней интерес.

В трактате «Что такое искусство?» писатель выступил против определённых направлений в искусстве, и у многих читателей сложилось мнение, что Толстой действительно занялся «ниспровержением искусства». Например, он так оценивал молодого французского писателя, который ярче других выражал среди европейцев новое направление в искусстве: «Потом Sar Péladan "L'art idéaliste et mystique" <"Идеалистическое и мистическое искусство" Сара Пеладана. – *фр.*> (1894). По Пеладану, красота есть одно из выражений Бога. "Il n'y a pas d'autre Réalité, que Dieu, il n'y a pas d'autre Vérité, que Dieu, il n'y a pas d'autre Beauté, que Dieu" <"Нет реальности, кроме Бога, нет истины, кроме Бога, нет красоты, кроме Бога". – *фр.*> (р. 33). Книга эта очень фантастическая и очень невежественная, но характерная по своим положениям и по некоторому успеху, который она имеет среди французской молодёжи» (30: 53). Ж. Пеладан в долгу не остался. Он печатно и публично называл Толстого «варваром» и «мужиком» и написал свой «Ответ Толстому» (1898), который, по мнению Мишеля Никё, «является и эстетическим ма-

нифестом, и антирусским памфлетом: как может славянин-варвар учить латинян?!» Эта «книга против “эстетического нигилизма” посвящена опровержению тезисов русского писателя в трактате “Что такое искусство?”». Обвинение в невежестве задело Пеладана за живое: «Если бы этот бывший военный читал меня как следует, он открыл бы, что я основательно знаю свой предмет и что для возвышения современного искусства я не выдвигал какую-то сентиментальную, никому не известную мазню (Толстой хвалил картины и рисунки Langley, Morlon, Jules Breton, Лермита, Дефреггера и др.), а сделал нечто большее. Книга Толстого исходила из благих намерений, но приводила к неприемлемым для Пеладана эстетическим положениям» (Niqueux, Michel. La Réponse à Tolstoï de Péladan (au sujet de Qu'est-ce que l'art?) // Cahiers Léon Tolstoï, № 14, Paris, Institut d'études slaves, 2003. P. 37–48).

Расходясь по поводу понятия красоты и прекрасного, Пеладан и Толстой сходились, на первый взгляд, в мнении об общественном и религиозном назначении искусства. Для Толстого искусство должно служить «братскому единению» (30: 179) людей, для Пеладана роль искусства состоит в том, чтобы «осуществить братство между людьми». Оба писателя являлись сторонниками религиозного искусства.

А. Н. Полосина

ПЕРНА́ Александр (Эльмар) Яковлевич (1878–1916) – знакомый и помощник Толстого; посетитель Ясной Поляны; студент Петербургского горного института; воспитатель сына В. Г. Черткова. С 1910 г. ассистент Горного института по кафедре палеонтологии; с 1914 г. помощник хранителя музея при Горном институте. Автор нескольких научных трудов.

23 октября 1906 г. в то время управляющий делами Черткова Э. Перна, приехав по делам из Англии в Россию, просил разрешения навестить Толстого в Ясной Поляне. На конверте полученного письма помета Толстого: «Написать: очень рад будет» (76: 294–295). С этого времени Перна стал частым гостем Ясной Поляны. Жил он в Телятинках, у Чертковых, и порой Толстой тоже ездил к нему: «Ездил верхом к Перна...» (57: 129) – запись в дневнике Толстого 31 августа 1909 г.

Д. П. Маковицкий записал 22 июня 1907 г.: «Вечером Л. Н. говорил <...> с Перной о спиритизме. Перна говорил, почему не проверить спиритизм? Л. Н. говорил ему, что весь этот стол можно исписать вопросами, которые важнее спиритического во-

проса («явлений»). Спиритизм на миллиардном месте. Л. Н. сколько ни участвовал, никогда не видал вертящегося стола» (ЯПЗ. 2. С. 458). Разговоры такого рода нередко происходили у Толстого с его помощником: летом 1907 г. Перна по заданию Черткова помогал Толстому в его работе над «Новым кругом чтения» («На каждый день»). «Вечером работал с Перна» (56: 209), – отметил Толстой в записной книжке (№ 1) 17 августа 1907 г. Через несколько дней «пополудни приехал Чертков с Перна и снимал Л. Н. на балконе у его кабинета. Перна имел с Л. Н. дело о новом “Круге чтения”, месяц которого Л. Н. дал ему снова распределить по дням», – записал Маковицкий 22 августа 1907 г. (ЯПЗ. 2. С. 487). Общение с Толстым и его окружением, видимо, благотворно действовало на формирование жизненной позиции Перна, отказавшегося от пути в революцию. 16 января 1908 г. в тетради Маковицкого появилась запись: «Вечером читали вслух письмо латыша Перна к Е. И. Попову о том, почему он перестал быть революционером» (ЯПЗ. 3. С. 18).

Н. И. Бурнашёва

ПЕРО́В Василий Григорьевич (1833–1882) – художник, живописец и рисовальщик; внебрачный сын барона Г. К. Крюденера. Родился в Тобольске; носил фамилию крёстного отца (Васильев), получил в детстве прозвище Перов за хороший почерк. Учился в Арзамасе в уездном училище (1843–1846), в школе живописи А. В. Ступина (1846–1849), затем в московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1853–1861). Уже в 24 года получил признание и известность как «жанрист», продолжающий традиции П. А. Федотова и «натуральной школы». Академией художеств был награждён большой серебряной медалью (1858, за картину «Приезд станового на следствие»), малой золотой (1860, за картины «Сцена на могиле» и «Сын дьячка, произведённый в первый чин»), большой золотой медалью (1861, за «Проповедь в селе»). Картину «Сельский крестный ход на Пасхе» приобрёл для своей коллекции П. М. Третьяков. В качестве пенсионера Академии художеств провёл около полутора лет в Париже (1862–1864).

В 1860-е гг. писал картины в духе сатирических комедий («Чаепитие в Мытищах близ Москвы», 1862; «Монастырская трапеза», 1865) и с драматическими сюжетами («Проводы покойника», 1865; «Тройка», 1866; «Утопленница», 1867; «Последний кабак у заставы», 1868). Получил звание академика и пенсioen от императорского двора на два года, а в 1870 г. – звание про-

фессора. Представлял русское искусство на Всемирных выставках в Париже (1867, 1878), Лондоне (1872) и Вене (1873).

Перов стоял у истоков Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ), подписал его Устав в числе 15 художников (Г. Г. Мясоедов, А. К. Саврасов, И. М. Прянишников, И. Н. Крамской, И. И. Шишкин и др.), был членом правления и казначеем московской группы художников. Участвовал в первых четырёх выставках ТПХВ (1871–1872: «Охотники на привале», «Рыболов» и др.; 1872–1873: шесть портретов русских писателей – Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, В. И. Даля и др.; 1874: «Пластуны под Севастополем»). В 1877 г. отказался от участия в Товариществе, обосновав свой уход (в письме Крамскому от 13.04.1874) несогласием с новыми идеями сообщества и несправедливыми действиями в отношении художников. С 1871 г. и до конца жизни преподавал в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, был для своих учеников (среди них М. В. Нестеров, А. П. Рябушкин, К. А. Коровин) уважаемым мастером и непререкаемым моральным авторитетом. В последние годы жизни обратился к историческим темам, писал картины на религиозные сюжеты («Пугачёвский бунт», 1875; «Христос в Гефсиманском саду», 1878; «Снятие с креста», 1878; «Первые русские христиане в Киеве», 1880; «Никита Пустосвят <Спор о вере>», 1881).

Перов был близок литературной среде: писал портреты русских писателей и сам незадолго до смерти увлёкся литературным творчеством. Его рассказы-воспоминания печатались в «Художественном журнале» 1881–1882 гг. («Наши учителя», «Фанни под № 30», «Медовый месяц в Москве», «Под крестом» и др.). Среди литературных пристрастий художника (Гоголь, Некрасов, Достоевский) был и Лев Толстой. По словам первого биографа Перова, Н. П. Собко, он «высоко ставил Льва Толстого за “Войну и мир” и севастопольские рассказы, хотя “Анну Каренину” не мог дочитать до конца» (Собко Н. П. Василий Григорьевич Перов, его жизнь и произведения // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 1. Вып. 1. С. 178). Биограф художника Л. К. Дитерихс также называл Толстого в числе его литературных предпочтений (Дитерихс Л. К. В. Г. Перов. Его жизнь и художественная деятельность. СПб., 1893. С. 77).

Имена Перова и Толстого пересекались в корреспонденциях их современников. Так, в 1882 г. Н. С. Лесков поместил в «Художественном журнале» письмо в защиту кар-

тины Перова «Никита Пустосвят», вокруг которой велось много споров. В качестве аргументов Лесков привлёк мнение о расколе А. С. Суворина в его очерке «Патриарх Никон» (журнал «Ясная Поляна», август 1862) и авторитет Толстого (по словам Лескова, статья Суворина была «тщательно пройдена рукою графа Льва Толстого» (Художественный журнал. 1882. № 11. С. 293). Встречалось имя Перова и в переписке Толстого с В. В. Стасовым, который часто информировал писателя о событиях художественной жизни двух столиц. В письме Стасова Толстому от 9 декабря 1894 г. (уже после смерти художника) Перов упомянут в ряду русских творцов, которые во второй половине жизни резко меняли свои убеждения и характер творчества: «Ужасное русское превращение. Серов, Перов, Балакирев, сам Гоголь, и множество других – что это со всеми ими делается?» (Л. Н. Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., 1929. С. 153). Здесь Стасов, вероятно, имел в виду выход Перова из ТПХВ и появление религиозных сюжетов в его позднем творчестве. При этом Стасов словно не замечал, что и Толстой не избежал отмеченной им закономерности.

Личные отношения Толстого с Перовым возникли в последние годы жизни художника, когда семья Толстых переехала в Москву и дочь Толстого Татьяна в 1881 г. поступила в московское Училище живописи, ваяния и зодчества. Об этом вспоминала С. А. Толстая: «Желая совершенствовать способности дочери Тани по живописи, Лев Николаевич пригласил к нам художника Перова. Он сказал, взглянув на Танины работы, что способности у неё несомненные, и назначил ей приехать к нему на пробный урок. Когда она приехала к нему на квартиру, кажется, там же, в Училище живописи и ваяния на Мясницкой, он сразу дал ей копировать головку, что она быстро и хорошо исполнила. После этого она поучилась сперва у Перова, а потом подано было прошение в Училище, и Таня поступила туда ученицей...» (САТ. Моя жизнь. 1. С. 355). А. Новицкий писал, что, отдав дочь в Училище, Толстой «и сам стал часто посещать классы училища, заводя горячие споры с В. Г. Перовым и И. М. Прянишниковым, начинавшиеся в классе, а кончавшиеся, обыкновенно, уже в квартире Перова, за чайным столом» (Русский биографический словарь. Павел-Пётр. СПб., 1902. С. 560). «Горячие споры», скорее всего, касались проблем соотношения жизни и искусства. Об этом косвенно свидетельствовала история замысла трактата Толстого «Что такое искусство?». В письме 1882 г. к издателю

«Художественного журнала» Н. А. Александрову Толстой упоминал Перова как стоящего у истоков его работы об искусстве: «На днях В. Г. Перов передал мне подтверждение вашего желания <написать что-то для журнала. — Е. П.> и сказал, что вам приятно бы было изложение моих взглядов на искусство. С этих слов у нас завязался разговор с В. Г., и я ему высказал мой взгляд на то, что называется искусством. И мне пришло в голову изложить этот мой взгляд для вашего журнала» (30: 209). Этот разговор произошёл, видимо, незадолго до смерти Перова (он умер 29 мая 1882). А. Новицкий писал об участии Толстого в спасении умирающего от чахотки художника: «Давно таившаяся болезнь наконец сломила Перова окончательно. Лечил его д-р Остроумов и находил необходимым отправить больного в Крым, но на это у Перова не было средств. <...> Тогда в это дело вмешался граф Л. Н. Толстой. <...> Узнав о болезни художника, граф Толстой приехал к нему и стал уговаривать позвать доктора Захарьина. Граф Толстой сам поехал и привёз профессора» (Русский биографический словарь. С. 559–560).

Об отношении к Перову говорила и надпись Толстого на конверте письма к Н. П. Собко от 7 сентября 1894 г., где содержалась просьба принять участие в издании, посвящённом художественной деятельности Перова: «Написать, что Лев Николаевич очень сожалеет, что не может исполнить вашего желания, во-1-х, потому что очень занят, а во-2-х, потому что ничего особенного не имеет сказать о своём мимолётном знакомстве с покойным высокоценным им В. Г. Перовым» (67: 304–305). В художественном мире Москвы и Петербурга Перов пользовался особым уважением, был для многих моральным авторитетом, о чём писал близкий знакомый Толстого А. Ф. Кони в своём очерке о Д. А. Ровинском, ставшем в 1892 г. издателем биографии Перова: «Простая русская жизнь, в её обычном, скромном течении, более привлекала его <Ровинского. — Е. П.>, ибо более просто и правдиво отражала в себе натуру русского человека. Живописателем именно такой жизни был Перов» (Вестник Европы. 1896, февраль. С. 560). Толстой не мог не оценить жизнь Перова, «простую, бесхитростную, полную стремления к самоусовершенствованию» (там же).

И после смерти Перова Толстой неоднократно вспоминал художника — в связи с его портретами русских писателей. Д. П. Маковицкий отметил реакцию Толстого на увиденный им в иллюстрированном издании снимок с портрета Достоевского рабо-

ты Перова: «Как хорошо! Я его никогда не видал. Так и видишь!» (3 февраля 1906 г. — ЯПЗ. 2. С. 39). Портрет, созданный Перовым, оказался для Толстого проводником в душу его знаменитого современника, с которым так и не встретился при жизни. Изображение, созданное большим художником, как бы воскрешало человека, уже не существующего в реальности. Именно таким художником Толстой называл Перова в разговоре об искусстве портрета, записанном Маковицким: «Портреты нельзя выдумать. <...> На портрете должен быть человек, как живой. Копия перовского портрета Тургенева была выставлена в окне художественного магазина на Арбате. Посмотришь нечаянно — впечатление, как живого» (27 февраля 1907 г. — ЯПЗ. 2. С. 385). Ещё раз об этом портрете Толстой говорил за год до своей смерти, в 1909 г., разглядывая фотографию в «Вестнике Европы». Маковицкий отметил, что Толстого особенно поразили на этом портрете глаза, взгляд («Тургенев поддается сходству, вследствие исключительности взгляда» (9 апреля 1909 г. — ЯПЗ. 3. С. 385). Перов, по мнению Толстого, сумел в портрете Тургенева передать самое главное — неповторимую его индивидуальность.

Е. В. Петровская

ПЕРОВСКАЯ Софья Львовна (1854–1881) — революционерка-народница, дочь петербургского губернатора. Училась в гимназии в С.-Петербурге. В конце 1870 г., отвергнув требование отца прекратить знакомство с «сомнительными личностями», ушла из дома. В 1873 г. в Петербурге организовала конспиративную квартиру и, сдав экзамен на диплом народной учительницы, давала уроки рабочим. В ноябре 1879 г. участвовала в подготовке взрыва царского поезда под Москвой, весной 1880 г. в организации покушения на Александра II в Одессе. Вместе с А. И. Желябовым (своим гражданским мужем) готовила убийство Александра II 1 марта 1881 г. После ареста лидера «Народной воли» Желябова возглавила дело

и довела его до конца. Она лично начертила план расстановки метальщиков и взмахом белого платка подала Гриневицкому и Рысакову сигнал бросания бомб. Надеясь освободить арестованных товарищей, после цареубийства не покинула Петербург. 10 марта 1881



г. была арестована и предана суду. 3 апреля 1881 г. вместе с Желябовым, Н. И. Кибальчицем, Т. М. Михайловым и Н. И. Рысаковым повешена на плацу Семёновского полка.

Об убийстве царя в Ясной Поляне узнали 3 марта. Вспоминая эти события, Толстой писал П. И. Бирюкову 3 марта 1906 г.: «О том, как на меня подействовало 1-е марта, не могу ничего сказать определённого, особенного. Но суд над убийцами и готовящая казнь произвели на меня одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не мог перестать думать о них, но не столько о них, сколько о тех, кто готовился участвовать в их убийстве и особенно Александре III». Толстой описал переживаемые им чувства и сон о готовящемся убийстве и своём участии в нём: «Мне так ясно было, какое радостное чувство он мог испытать, простив их. Я не мог верить, что их казнят, и вместе с тем боялся и мучался за них и их убийц. Помню, с этой мыслью я после обеда лёг внизу на кожаный диван и неожиданно задремал и во сне, в полусне подумал о них, о готовящемся убийстве и почувствовал так ясно, как будто всё это было наяву, что не их, а меня казнят, и казнят не Александр III с палачами и судьями, а я же и казню их, и я с кошмарным ужасом проснулся. И тут написал письмо» (76: 114). Послание Александру III (см. 63: 44–52) по поводу предстоящего смертного приговора участникам убийства Александра II через Н. Н. Страхова было передано Победоносцеву, которому Толстой также направил просьбу передать его послание императору (см. 63: 57). Выполнить просьбу Толстого Победоносцев отказался и возвратил письмо Страхову. Тогда Страхов через профессора К. Н. Бестужева-Рюмина передал послание великому князю Сергею Александровичу, но дальнейшая судьба письма Толстого императору неизвестна. По воспоминаниям С. А. Толстой, «на письмо это Александр III велел сказать графу Льву Николаевичу Толстому, что, если б покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить. И вот повешены были тогда пятеро, к ужасу Льва Николаевича, и в том числе Софья Перовская, женщина, что в то время возмущало многих» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 334). Тема насилия, самоотвержения и жертвы постоянно волновала Толстого. В рассказе «Божеское и человеческое» в размышлениях Меженецкого о революционерах рубежа веков он вспоминал и Перовскую: «“Они говорят, что всё то, что делали мы, что делали Халтурин, Кибальчич, Перовская, что всё это было не нужно, даже вредно, что

это-то и вызвало реакцию Александра III, что благодаря им народ убеждён, что вся революционная деятельность идёт от помещиков, убивших царя за то, что он отнял у них крепостных. Какой вздор! Какое непонимание и какая дерзость думать так!” – думал он, продолжая ходить по коридору» (42: 224). В марте 1901 г. Толстой встречался с А. В. Ярцевым («Ярцов»), у которого в своё время скрывалась Перовская с товарищами; конечно, во время этой встречи они вспоминали и Перовскую. По воспоминаниям революционерки Веры Лебедевой, бывшей в Ясной Поляне в июне 1902 г., Толстой спрашивал её о Перовской (54: 373). В предисловии к статье В. Г. Черткова «О революции» (1904) Толстой вновь упоминал Перовскую: «Более же всего жалко то, когда видишь, что лучшие, высоконравственные, самоотверженные, добрые люди, каковы были Перовская, Осинский, Лизогуб и многие другие (я говорю только про умерших), увлечённые задором борьбы, доведены не только до траты своих лучших сил на достижение недостижимого, но и до допущения противного всей их природе преступления – убийства, до содействия ему, участия в нём» (36: 151).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ПЕРОВСКИЙ Борис Алексеевич (1815–1881), граф – знакомый Толстого. Генерал-адъютант, член Гос. совета; в 1860–1862 гг. – воспитатель сыновей Александра II великих кн. Александра и Владимира; незаконный сын (младший) гр. А. К. Разумовского. Друг семьи А. А. Толстой. Толстой неоднократно встречался с ним в Петербурге. 11 марта 1859 г. А. А. Толстая, присутствовавшая при этом, отметила в дневнике: «Борис прелестен в своих беседах с Львом и оба так простодушны и чистосердечны» (ПАТ. 2011. С. 811). Уже тогда возникла взаимная симпатия у Толстого и Б. Перовского, сопровождавшая их отношения на протяжении многих лет. «Борис вас любит и передаёт вам привет, а я обожаю его за его сердце ребёнка», – писала А. А. Толстая племяннику из Петербурга 31 марта 1862 г. (ПАТ. 2011. С. 221). Вместе с А. А. Толстой Б. Перовский переживал то «оскорбление», которое было нанесено Толстому обыском в Ясной Поляне летом 1862 г. «Что удивительного в том, что я плакала, читая эти ужасные подробности, перевернувшие вверх дном всю вашу жизнь? – писала Толстому А. А. Толстая 18 августа 1862 г. из Либавы. – Но если бы вы видели гнев Бориса и крупные слёзы, которые он не мог сдерживать, вы поняли бы, что даже в этом кругу, внушающем вам такое отвращение,

есть сердца, которых несправедливость и произвол глубоко возмущают» (ПАТ. 2011. С. 232). По поводу обыска в Ясной Поляне Толстой, по совету Б. А. Перовского, обратился с письмом к государю Александру II. Писатель был тронут таким искренним участием и в письме из Москвы к А. А. Толстой 7 сентября 1862 г. благодарил: «Отличному Борису Алексеевичу пожмите от меня руку и благодарите за участие, которое он во мне принимает» (ПАТ. 2011. С. 235).

В Петербурге следили за творчеством Толстого. «...Я прочла обе ваши повести, общественное мнение о которых было так разноречиво <повести «Казачи» и «Поликушка», опубликованные в «Русском вестнике» в 1863 г. в № 1 и № 2. – Н. Б. >. Борис и другие мои друзья были в восторге, остальные же их осуждали по существу, особенно «Казачи», за некоторую грубость, исключительную, по их мнению, чувств эстетичности» (ПАТ. 2011. С. 247).

В конце 1870-х гг., задумав новое произведение, одним из героев которого должен был стать старший брат Б. Перовского Василий Алексеевич Перовский, Толстой обратился с просьбой к А. А. Толстой дать ему материалы о В. А. Перовском. Отвечая на эту просьбу, А. А. Толстая писала ему 12 января 1878 г.: «Готовлю всё, что имею писанного материала, и поставила на ноги ленивого Бориса, чтобы и он сыскал – всё, что осталось после брата. К сожалению, это не много» (ПАТ. 2011. С. 351–352).

В 1878 г. во время короткого визита в Петербург Толстой встречался с Б. Перовским, и опять были долгие откровенные беседы. «...Все мои вас любят, с каждым из них вы были добры, – писала вдогонку только что уехавшему племяннику А. А. Толстая в марте 1878 г. – Борис Перовский, как Калипсо. Неутешен после вашего отъезда» (ПАТ. 2011. С. 358). Толстой просил А. А. Толстую узнать у Бориса, нет ли биографии Льва Алексеевича Перовского. Его интересовали мельчайшие подробности его личной жизни... Но Борис не смог помочь, так как у него была «предурная память и спрашивать у него об годах решительно тщетно», как писала А. А. Толстая, да к тому же «между ним и Львом Алексеевичем была громадная разница в годах <Б. А. Перовский был на 22 года моложе брата Л. А. Перовского. – Н. Б.>» (ПАТ. 2011. С. 375–376).

Н. И. Бурнашова

ПЕРОВСКИЙ Василий Алексеевич (1795–1857), с 1855 г. граф – один из четырех незаконных сыновей гр. А. К. Разумовского и М. М. Соболевской. Воспитывался

в Московском университетском пансионе и университете, затем в школе колонновожатых. В 1812 г. участвовал в Бородинском сражении; выезжая из Москвы, попал в плен. С 1818 г. адъютант великого кн. Николая Павловича, особым доверием которого он пользовался и впоследствии, когда тот стал императором. Принимал участие в Русско-турецкой войне в 1828 г., был тяжело ранен. Генерал-майор (с 1828), директор канцелярии Морского штаба (с 1829); генерал-адъютант, член Гос. совета; оренбургский генерал-губернатор (1833–1842), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851–1856). В должности главы Оренбургского края проводил политику расширения и укрепления русских границ на востоке.

В сознании многих современников имя Перовского соединялось с понятиями о чести и благородстве. Он был другом В. А. Жуковского и добрым знакомым А. С. Пушкина (поэт останавливался у него в Оренбурге, когда собирал материалы для истории Пугачёвского восстания).

Незавершённые воспоминания Перовского о французском плене были опубликованы после его смерти («Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского» // Русский архив. 1865. № 3) и стали одним из источников «Войны и мира». Факты биографии Перовского – особенности его происхождения и историю пребывания в плену – Толстой использовал в сюжетной линии Пьера Безухова. Работая с источником, писатель не только отбирал исторические реалии, нужные для его художественного замысла, но и порой полемически отталкивался от документа. Это особенно заметно в сцене первого привала пленных. В *Записках* поведение автора-героя продиктовано открытым, активным протестом и сознательным стремлением выжить. В отличие от этого, Толстой утверждал несомненную для него психологическую истину: человеком движет неосознанное, инстинктивное стремление любыми способами поддержать в себе силу жизни, и это стремление тем сильнее, чем безнадежнее и жестче обстоятельства. Наиболее явное родство текста «Войны и мира» и *Записок* обнаруживается в сцене допроса Пьера. Рассказанная Перовским ситуация чудесного избавления от казни в книге Толстого получила психологическое объяснение. Перовский говорил о своём спасении как о счастливой случайности: Даву обращался к адъютанту, полагая, что тот узнает в пленном русского шпиона, но этого не происходит. Толстой совершенно иначе изображал спасение Пьера: он и Даву смотрят в глаза друг другу, и в этом трагическом про-

тивостоянии палача и жертвы между ними вдруг «устанавливаются человеческие отношения», оба понимают, «что они <...> дети человечества, что они братья». В *Записках* нет этой мысли, но возникал своего рода мотив человечности. Толстой подхватил и развил этот мотив, близкий его этическим представлениям о братстве и любви как основе жизни.

Впервые Толстой узнал о Перовском в 1850-х гг. от своей двоюродной тётки А. А. Толстой, всю жизнь любившей Перовского. В 1878 г., задумав роман об эпохе Николая I, он просил Толстую переслать ему бумаги Перовского: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского <...>; всё, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично» (62: 371–372). Следы внимания к личности Перовского заметны в незавершённом сочинении Толстого «Князь Фёдор Щетинин».

Лит.: Строганова Е. Н. В. А. Перовский: «Историческое лицо» и литературный персонаж // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 32–51.

Е. Н. Строганова

ПЕРПЕР Иосиф Овшевич (Иосиевич, Иосифович; 1886–1965) – посетитель, последователь, корреспондент, адресат Толстого, автор воспоминаний о нём; издатель журнала «Вегетарианское обозрение» (в 1909 г. выходил в Кишинёве, в 1910–1915 гг. – в Киеве), автор статей по вегетарианству.

В 1909 г. Перпер начал издавать в Кишинёве единственный тогда в России вегетарианский журнал. Уже в № 1 были помещены портрет Толстого и статья «Лев Толстой как вегетарианец», в которой Перпер призывал отметить 25-летие со времени отказа писателя от мясной пищи. Этот номер, в двух экземплярах отправленный в Ясную Поляну, Перпер сопроводил письмом, в котором просил Толстого высказать мнение о журнале и предложил сотрудничать. Писатель ответил согласием. В следующих выпусках «Вегетарианского обозрения» он неизменно оставался в центре внимания: № 2 был открыт подборкой на тему «Мысли Льва Николаевича Толстого о вегетарианстве» и сопровожждён сообщением, что писатель теперь числится сотрудником издания, а в № 3 были опубликованы два его письма к Перперу. Понимая ценность оригиналов, журналист отослал их в июне

Н. Н. Гусеву для будущего Толстовского музея. В дальнейшем издатель «Вегетарианского обозрения» продолжал печатать адресованные ему послания, а также письма Толстого к др. лицам. В одном из своих писем писатель обратился к Перперу с просьбой напечатать рассказ М. П. Арцыбашева «Кровь», в другом – книгу Б. Фрейданка «Ужасы христианской цивилизации», переведённую на русский язык А. А. Гольденвейзер. Издатель ответил согласием. В 1910 г. Перпер опубликовал очерки Толстого «Песни на деревне» (1909), «Разговор с прохожим» (1909), впервые вышедшие в свет в том же году в Петербурге в «Юбилейном сборнике Литературного фонда» (под ред. С. А. Венгерова). После смерти писателя, в 1911 г., было напечатано его обращение к людям-братьям «Благо любви» (1908).

Особым событием для Перпера стало его знакомство с Толстым. Он приехал в Ясную Поляну 1 июня 1909 г. Волнение и восторг, переполнявшие двадцатитрёхлетнего кишинёвского журналиста, выразились в его статье «У Льва Николаевича Толстого и его друзей», напечатанной вскоре. Молодому человеку, идущему на встречу с Толстым, чудилось, что он находится «в какой-то сказочной стране, где живёт великий, могучий, старый кудесник с большой красивой, седой бородой, который царит над всем миром, который никого не боится и к которому приходят дети и старцы, богатые и нищие, святые и грешники, звери и животные, птицы и рыбы» (Вегетарианское обозрение. 1909. № 6. С. 6). Он был уверен, что идёт «навстречу солнцу интернационального вегетарианского мира» (*там же*. С. 7). В разговоре с молодым издателем Толстой интересовался числом подписчиков, спросил о средствах на издание журнала. Когда Перпер рассказывал о лекциях психолога и физиолога В. М. Вундта, которые прослушал в Лейпцигском университете, Толстой попросил Н. Н. Гусева прочесть вслух статью из энциклопедии Брокгауза и Ефрона об этом немецком учёном. Во время чтения он с одобрением отзывался на отдельные положения, высказанные в этой статье Вл. Соловьёвым. Тогда же Перпер, верный идеям вегетарианства, сказал, что не пользуется вещами, сделанными из кожи, и в доказательство снял свои «гимнастические туфли» и подал их Толстому. Молодой человек говорил и о традициях еврейского народа, напомнил собеседнику значение слов «кошерный» и «трефный».

В 1910 г. Перпер вновь был в Ясной Поляне (4, 6 августа и 17 октября). 4 августа

он пришёл из Телятинок от Чертковых, с которыми был дружен, и очень понравился писателю. Журналист просил Толстого рекомендовать его в качестве редактора в московский вегетарианский журнал, который в то время намеревались издавать при участии сотрудников «Посредника», или поддержать убыточный журнал «Вегетарианское обозрение», похлопотав о помещении в четырёх газетах дарового рекламного объявления о нём.

В связи с первой просьбой Толстой обратился к Бирюкову, но тот не поддержал Перпера: его условия были для «Посредника» неприемлемы. Толстой откликнулся и на вторую просьбу: 24 августа, находясь в Кочетах, он продиктовал текст, в котором просил редакторов бесплатно разместить объявление журнала «Вегетарианское обозрение». Завершали письмо слова: «Исполнением моей просьбы очень обяжете готового к услугам Льва Толстого» (82: 120). Получив четыре экземпляра этого текста, заверенные личной подписью Толстого, Перпер отправил просьбу в «Русские ведомости» и «Речь» (эти газеты напечатали письмо по пять раз на первой странице), газеты же «Русское слово» и «Биржевые ведомости» письмо не напечатали.

17 октября Перпер вновь приехал в Ясную Поляну. Он рассказывал Толстому об успехах вегетарианского дела и о вегетарианской пропаганде за границей. Между ним и Толстым завязался спор. Писатель говорил, что в основе всех отношений между людьми лежит нравственность и любовь. Перпер, соглашаясь с ним, указал, однако, и на значимость новых экономических учений. Толстой не принял позицию молодого собеседника, полагая, что и закон Мальтуса, и дарвинизм не избежали серьёзных ошибок. Отстаивая свою точку зрения, Перпер напомнил Толстому его же статью «Закон насилия и закон любви». На что писатель ответил: «И Лев Николаевич мог соврать». Он продолжал горячо говорить о великой роли нравственных и любовных отношений между людьми, слушатели же, как вспоминал Перпер, зачарованно внимали ему. После этой встречи Толстой отметил в дневнике: «Я говорил с Перпером дурно, напрасно горячился» (58: 119). О последней встрече с Толстым журналист написал статью «Моя последняя беседа со Львом Николаевичем» (1910. № 6–10).

Перпер был в Ясной Поляне и на похоронах Толстого. Весь строенный выпуск журнала «Вегетарианское обозрение» (1910. № 6–8) был почти полностью посвящён писателю. Здесь печатались его фотографии, письма Толстого и к Толстому и даже

надписи, сделанные посетителями внутри беседки в яснополянском саду («Да продолжится жизнь Льва Николаевича ещё столько же»; «Никто не знает правды, не исключая Толстого», «Слава тебе, показавшему нам свет», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь и воздайте поклонение гению»... – С. 10–11). Следующий, сдвоенный (1910. № 9, 10) выпуск журнала, открывался автографом письма Толстого С. М. Соломахину: «Человек не властен во внешних делах, а во внутренней, духовной жизни ему нет преград. Надо верить в это и жить так. 7 ноября 1908» (78: 254). Здесь же были размещены статьи и воспоминания о Толстом.

После смерти Толстого его образ продолжал жить на страницах журнала. Здесь печатались воспоминания и раздумья о нём И. Ф. Наживина, Ю. О. Якубовского, М. С. Дудченко и др. В 1911 г. в № 8 опубликована и статья Перпера «Лев Николаевич и “Вегетарианское обозрение”». В своей статье с говорящим названием «Опомнимся» Перпер побуждал читателей помнить заветы Толстого. С подборками высказываний Толстого о вегетарианстве выступили Н. Н. Гусев, Д. П. Маковицкий. В журнале печатались фотографии Толстого и статьи, связанные с его религиозно-философской деятельностью. В 1912 г. контора «Вегетарианского обозрения» извещала, что высылает книги Толстого «В чём моя вера?» (75 к.) и «Воскресение» (60 к.).

Лит.: Трубецкой Б. А. Бессарабский журнал «Вегетарианское обозрение» и его издатель (И. О. Перпер) // Кодры. Кишинёв. 1981. № 9. С. 150–152.

Н. Г. Михновец

ПЕРСИДСКАЯ Елена Михайловна (1865–?) – помощница Толстого в работе «на голоде», его корреспондент и адресат; донская казачка; окончила фельдшерские курсы. Впервые обратилась к Толстому с письмом 26 сентября 1891 г. В декабре приехала в Бегичевку, чтобы вместе с Толстым оказывать помощь голодающим: помогала организовывать приюты, открывать столовые, параллельно лечила больных в деревнях. «Дела очень много», – сообщал Толстой М. Н. Чистякову 11 февраля 1892 г. и далее перечислял, кто работает рядом с ним, в т. ч. «две девицы очень хорошие» (одна из них и была Персидская) (66: 159).

12 мая 1892 г. Толстой писал жене: «...помощницы две явились: Елена Михайловна и Антипова. Они уже ездят и хлопочут. Всё это время раздаём семя, и большая от этого суета» (84: 150). 14 мая Толстой направил Персидскую в село Никольское Ефремовского уезда, в 36 км от Бегичевки. Там она

продолжала помогать открывать столовые, наблюдала за их работой. Толстой писал ей 5 июня 1892 г. из Бегичевки: «Горох мы вам пришлём. Столовые открывайте. Деньги есть. Но старайтесь сами добывать провизию. <...> Открывайте столовые и приюты, но тут же делайте смету и сообщайте нам. Помогай Бог. Ваш Л. Толстой» (66: 225–226). Более полугода Персидская работала с Толстым на голоде. Уехала к себе на родину 24 июля 1892 г.; её вызвали как фельдшерицу: на Дону начиналась эпидемия холеры.

На протяжении нескольких лет Персидская переписывалась с членами семьи Толстых (с М. Л. Толстой). После революции работала фельдшерицей под Клином в Московской области.

Лит.: Величина В. М. В голодный год с Львом Толстым. М., 1928.

Н. И. Бурнашёва

ПЕРФИЛЬЕВ Степан Васильевич (1796–1878) – представитель старинного дворянского рода, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., генерал от кавалерии, глава большого семейства, в котором А. Е. Берс, радушно принимавший Перфильевых и у себя дома, был «всегда домовым доктором» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 23) и с которым Толстой был связан дружескими отношениями ещё задолго до венчания с С. А. Берс. Да и мало кто «не знал в те времена патриархальную, довольно многочисленную, с старинными традициями семью Перфильевых», «коренных жителей Москвы» (Кузминская. Ч. III. Гл. IV). «Старик был добрый, прекрасный человек...» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 23), – вспоминала С. А. Толстая о жандармском генерале Перфильеве, главе этой очень «дружественной» семьи.

16-летним юношей Перфильев был выпущен из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Гренадерский полк с чином подпоручика, в 1823 г. вышел в отставку полковником. В 1827 г. поступил в корпус жандармов. Назначенный в 1831 г. губернатором Рязани, он прослужил в этой должности до 1836 г., когда снова перешёл в корпус жандармов и оставался начальником второго округа до 1874 г.

Во время работы над «Войной и миром» особенно интересовали Толстого воспоминания Перфильева об Отечественной войне 1812 г. 28 ноября 1964 г. он расспрашивал генерала Перфильева, отца своего приятеля В. С. Перфильева, о событиях военной юности. Об этом на другой же день и сообщил С. А. Толстой: «Я воспользовался

Перфильевыми для себя очень приятно, заведя Степан Васильевича на рассказы о 12-м годе» (83: 64). 27 февраля 1966 г. Толстой устроил чтение нескольких опубликованных глав «1805 года»: «...присутствовал генерал Перфильев, старик, помнивший хорошо то время и 12-й год. Замечаниями его Лев Николаевич очень дорожил; генерал Перфильев останавливал графа, когда, по его мнению, бывала ошибка в отношении военных того времени» (ТВС.1960. 1. С. 98).

А. С. Кондратьев

ПЕРФИЛЬЕВА Анастасия Сергеевна (рожд. Ланская; 1813–1891) – вторая жена (с 1832 г.) С. В. Перфильева, знакомого Толстого и Берсов. Мать Перфильевой, В. И. Одоевская, состоявшая в дальнем родстве с бабкой Толстого по материнской линии, Е. Д. Трубецкой, была близкой подругой фрейлины М. А. Волковой. 3 декабря 1863 г. А. Е. Берс писал Толстому: «Тебе кланяются Перфильевы. Настасья Сергеевна, узнавши о том, что ты намерен наградить нас романом эпохи 1812 года, предложила мне послать тебе письма Марии Аполлоновны Волковой, писанные в 1812 году к её матери Ланской» (Кузминская. Ч. 2. Гл. XIV). Перфильева сохранила эти письма и через А. Е. Берса передала их Толстому ещё до их полной публикации в русском переводе «Вестником Европы» (1874–1875 гг.). Письма М. А. Волковой послужили Толстому не только источником некоторых сведений при создании «Войны и мира», но и в самом тексте романа легли в основу переписки Марьи Болконской и Жюли Карагиной. В 1864 г. по просьбе Перфильевой, жены участника войны 1812 года, А. Е. Берс уговорил Толстого прочитать из начатого романа. О первых впечатлениях от «Войны и мира» подробно рассказала Т. А. Кузминская: «У Перфильевых было несколько человек. Приготовления к чтению напоминали что-то торжественное <...>. Настасья Сергеевна в высоком чепце, на высоком диване. <...> Когда все уселись, Лёвочка начал читать. <...> Какая прелесть начало этого романа! Скольких я узнала в нём. <...> Казалось, все были очарованы чтением» (Кузминская. Ч. 3. Гл. IV). Во время обсуждения и разговора о прототипах героев Варенька, дочь Перфильевых, подметила, что Марья Дмитриевна Ахросимова напоминает её мать, с чем отчасти согласилась и Т. А. Кузминская: это «смесь Марии Аполлоновны Волковой с Перфильевой» (там же). М. А. Волкова «славилась своим прямым, здравым умом и острым языком, которого многие побаивались» (Куз-

минская. Ч. 1. Гл. VI), а Перфильева, как и М. Д. Ахросимова в «Войне и мире», всегда была в центре внимания: «Анастасия Сергеевна была очень популярна в Москве. Её здравый ум, энергичный смелый характер с отзывчивым сердцем имели притягательную силу и внушали общее уважение» (Кузминская. Ч. 3. Гл. III). Толстой ещё в 1851 г. выделял Перфильеву из московских дам и робел перед ней, не решившись подойти в концерте, «когда хотелось», что нашло отражение в дневниковой записи 12 марта.

А. С. Кондратьев

ПЕРФИЛЬЕВА Варвара Степановна («Варинька»; 1840?–1890) – московская знакомая Толстого; сестра Василия Перфильева, фрейлина. Живя в Москве, Толстой часто бывал у своих друзей Перфильевых. По возвращении из Севастополя его тянуло к ним ещё и потому, что подросла их дочь Варенька, и Толстой, мечтавший создать свою семью, внимательно вглядывался в молоденькую девушку. В его дневнике нашли отражение некоторые моменты зарождавшегося, но так и не развившегося увлечения. «Ездил обедать к старым Перфильевым. Вариньки не было, но не было скучно», – записал он в дневнике 18 мая 1856 г. (47: 73). Через несколько дней – опять о Вареньке: «У Боткина, в Кунцеве и дорогой туда, до слёз наслаждался природой. Оттуда заехал к Перфильевым. Варинька была, глаза прекрасные, улыбка нет, нос невозможный. Хорошо сложена, неловка, должно быть, умна и добра, хотя грассирует – вообще очень милое существо. Хотел бы узнать ближе» (23 мая 1856; 47: 74). Однако желание это не осуществилось: Толстой подолгу жил в Ясной Поляне, в Петербурге, предпринял первое путешествие в Европу... Вареньку увидел только в конце 1857 г. «Утро был у Перфильевых. Варинька не понравилась...» – отметил он 20 октября (47: 160). Через месяц на балу у московских знакомых Паниных опять встретился с Варенькой; как итог отношений выглядит запись в дневнике 24 ноября 1857 г.: «У Паниных. Ухтомский ведёт бал, мало народа. Всё приятные люди. Скучно. Варинька Перфильева нехороша. Ливен недурна...» (47: 164).

Варенька осталась другом. 14 ноября 1866 г. из Москвы Толстой писал жене в Ясную Поляну: «Варинька постарела, похудела. Она связала одеяло Илюше в перфильевском вкусе» (полутововаый Илья – третий ребёнок в семье Толстых). И здесь же: «Варинька увязалась с нами на выставку» (83: 122).

Н. И. Бурнашёва

ПЕТРАЖИЦКИЙ Лев Иосифович (1867–1931) – юрист, доктор права, профессор С.-Петербургского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права, автор ряда фундаментальных научных трудов по теории права и нравственности; депутат I Гос. думы, член Польской академии наук (1912). Разработанная им психологическая теория права была изложена в двух его основных произведениях: «Введение в изучение права и нравственности» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907–1910). В них он осуществил синтез теории права и психологии. Учёный считал, что основной целью права должно быть установление тех факторов (эмоций), которые, путём влияния на психику личности, мотивировали бы её к совершению или несовершению тех или иных действий. По его убеждению, право, имея якобы своим единственным источником психику человека, определяется как результат общечеловеческих эмоций, как продукт неких «императивно-атрибутивных переживаний». Так же, сквозь призму познания психологии человека, профессор рассматривал и сущность государства, делая вывод, что государство существует в результате психологического развития личности, становления у неё определённых «правовых эмоций» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. С. 86). Эта теория Петражицкого получила распространение в России в начале XX в., а затем в США и странах Западной Европы.

В Ясной Поляне о депутате Госдумы Петражицком заговорили после того, как он и его коллега А. С. Сташинский выступили за заседании Думы по аграрному вопросу. Стенограмма их выступлений была опубликована 20 и 21 мая 1906 г. в «Русских ведомостях». Узнав об этом, Толстой просил доктора Д. П. Маковицкого достать ему эти номера газет (ЯПЗ. 2. С. 160).

17 апреля 1909 г. Толстой получил письмо от студента третьего курса С.-Петербургского университета И. Крутика, который спрашивал писателя, как он смотрит на учение о праве вообще и что думает о высказываниях профессора Л. И. Петражицкого, изложенных в его работе «Теория права...», относительно взглядов Толстого на учение о праве. Студент имел в виду утверждение учёного-юриста о том, что «есть учения (напр. учение Л. Толстого, разные анархистические учения), которые относятся к праву прямо отрицательно. В основе этих воззрений <...> лежит незна-

ние природы и значение и той и другой ветви человеческой этики» (38: 54).

В тот же день Толстой записал в дневнике: «Получил письмо о Петражицком и о "праве". Хочется написать» (57: 49). На следующий день в дневнике появилась запись: «Нынче лучше себя чувствую. Писал письмо о Петражицком...» (*там же*). Содержание письма И. Крутика и ответ Толстого (28 апреля) составили статью «Письмо студенту о праве». В ней писатель подвергал резкой критике психологическую теорию права профессора Петражицкого, утверждая, что «правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать всё то, что им не запрещено» (38: 55). По словам Толстого, все существующие ныне отрасли права: гос., уголовное, гражданское и др. — предназначены для решения единственной задачи — для защиты права частной собственности — основы эксплуататорского общества. Все они имеют своей главной целью «охранение богатств крупных земельных собственников, фабрикантов, капиталистов, наживших свои богатства захватом земли, естественно долженствующей быть общей, или ограблением трудов рабочих, поставленных вследствие отнятия земли в полную зависимость от капиталистов...» (38: 58).

Проблему соотношения права и справедливости Толстой решал своеобразно. Для него понятие права неотделимо от справедливости и, по его убеждению, заключалось в удовлетворении насущных интересов трудящихся масс, составляющих громадное большинство людей. С этих позиций Толстой и оценивал полуфеодалное право царской России, а также право буржуазных государств Западной Европы, доказывая, что ни о какой присущей якобы праву справедливости не может быть и речи. Своему молодому корреспонденту и его друзьям писатель советовал «как можно скорее, пока голова <...> не совсем запуталась и нравственное чувство не совсем притупилось, бросить это не только пустое и одуряющее, но и вредное и развращающее занятие», т. е. изучать «науку» права (38: 60). В заключение Толстой утверждал, что большинство людей всего мира знают, что в душу людей свободных, разумных существ, вложен один высший закон, который не имеет ничего общего с предписаниями людей, называемыми правами и законами. «Высший закон этот, — писал он, — самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы лю-

бить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе» (38: 61).

Во второй половине октября 1910 г. Толстой получил письмо от студента Петербургского университета Я. Г-га, в котором тот писал, что ещё с гимназических лет «проникся учением Толстого о непротивлении злу, но уже на первом курсе теория профессора Петражицкого и другие начали разрушать в нём веру в этот принцип» (82: 205). Отвечая ему, Толстой в письме от 24 октября 1910 г. предлагал не верить «какому-то профессору Петражицкому» и др. профессорам правоведения, «которые кормятся оправданием насилия». Заканчивалось письмо словами: «Верьте себе, милый юноша, и великим учителям человечества, а не профессорам. Я много писал и о том, и о другом. Если вас точно интересует моё мнение об этом, то прочтите то, что посылаю вам» (*там же*). Этот ответ писателя вместе с письмом студента Я. Г-га был опубликован в газете «Голос студенчества» 4 ноября 1910 г. (№ 8).

Лит.: Алексеев Н. Н. Основные философские предпосылки психологической теории права Л. И. Петражицкого // Юридический вестник. 1913, кн. 4; Смоляруч В. И. Л. Н. Толстой о праве и юридической науке // Сов. государство и право. 1979. № 9; Яневский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого. Воронеж, 1983.

В. Н. Чисников

ПЕТРОВ Григорий Спиридонович (псевд. В. Курбский; 1867–1925) — посетитель Толстого; священник, лишённый сана, преподаватель, публицист-проповедник, журналист, военный корреспондент, общественный деятель, депутат 2-й Гос. думы. Петров был известен как автор статей, в которых излагал свои религиозные воззрения: «Евангелие как основа жизни» (1898), «Апостолы трезвости», «Божий путь: сборник статей», «Божьи работники: сборник статей», «Долой пьянство: сборник статей», «К свету» (1902), «Божий путь» (1904), «Церковь и общество» (1906) и др. Был редактором журнала «Друг трезвости» (1900–1901) и газеты «Правда Божья» (1906).

Летом 1902 г. С. Н. Толстой рассказал в письме Толстому о том, какое впечатление производит на народ «книга священника Петрова» (вероятнее всего, «Святая Русь», вышедшая в сборнике «К свету» в Москве в 1902 г.). Толстой ответил, что Петрова он знает. «Всё бы было хорошо, что он говорит, если бы он не был священником»

(ПТСБ. С. 464). 11 июня 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «О священнике Петрове. Кто-то сказал, что он хорошо пишет. Л. Н. заметил: “Нельзя это смешивать вместе: священничество и христианство”» (ЯПЗ. 1. С. 310). В 1907 г. Петров был запрещён в служении. Он изъявил желание встретиться с Толстым, о чём сообщил в письме 8 февраля 1908 г. Толстой на его письмо не ответил, но просил жену сделать это за него. Встреча состоялась в Ясной Поляне 24–25 февраля. 25 февраля Толстой написал Н. Н. Гусеву о своём впечатлении от знакомства с Петровым: «Петров – не христианин». Сам Петров рассказал о встрече с Толстым в статье «У Л. Н. Толстого» (за подписью В. Курбский), опубликовал её в «Русском слове» (№ 62, от 14 марта). Критически отозвавшись о книге Толстого «Круг чтения», он, в частности, писал: «И Л. Толстой, как ни великий гений, но это гений старой, отживающей России. Гений России рабской, России крепостнической, России опекаемой». 15 марта 1908 г. у Толстых говорили об этой статье. Маковицкий записал: «За внешним почтением бесконечная далёкость духовная (внутренняя). Он вообще пишет, выступает не как литератор, революционер, а во имя высших (христианских) соображений, а тут, в этом фельетоне, пишет о Л. Н., что самосовершенствование не нужно. Л. Н. об этом фельетоне сказал, что это “нам практика в непротвлении”. Л. Н. вспомнил текст Евангелия, который сегодня читал с мальчиками, и по нему бы поступил с Григорием Петровым. Если бы был с ним наедине, сказал бы: “Напрасно вы так думаете о самом важном”, – сказал бы ему кротко; а если бы не внял, ушёл бы от него» (ЯПЗ. 3. С. 31). 28 августа того же года Петров опубликовал в газете «Новая Русь» заметку о Толстом «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» без подписи. Статья приурочивалась к восьмидесятилетию Толстого. Петров вошёл в «Комитет почина» (под председательством М. М. Ковалевского), организованный в Петербурге по случаю юбилея Толстого, и вместе с Л. Андреевым и С. Венгеровым написал «воззвание к чествованию» (ЯПЗ. 3. С. 32). Но в 1910 г. Петров вновь позволил себе выпад в отношении Толстого, опубликовав в «Русском слове» (26 ноября) статью «Торжество стыда», в которой описал посещение Толстого в феврале 1908 г. костромским крестьянином Я. И. Розовым, требовавшим от писателя передачи своей земли крестьянам. Творчество Петрова Толстой высоко не ценил («не из нутра пишет»). После Октябрьской революции 1917 г. Петров эмигрировал.

А. В. Шмелёва

ПЕТРОВ Егор Петрович (1874–1927) – корреспондент и адресат Толстого; экономист, деятель кустарной кооперации; в 1908–1917 гг. работал в московском губ. земстве. Представляя себя Толстому и прося найти ему заработок, Петров писал: «Я мог бы быть, кажется, полезным в качестве сотрудника (по секретарской части) при редакциях или где-либо по делопроизводству; знаю статистику, счетоводство. Мог бы исполнять компилятивные литературные работы...» (79: 78). Но основным содержанием переписки с Петровым стало положение его жены, К. А. Романик-Петровой, томящейся в Бутырской тюрьме в тяжёлых условиях. Петров переслал Толстому письмо жены, осуждённой на 1 год за добрые отношения с крестьянами и распространение сочинений писателя. «Благодарю вас очень за сведения о вашей жене и её прекрасную деятельность в деревне, – отвечал Толстой Петрову. – Зная её, особенно жаль её за её нездоровье, потому что я уверен, что с её характером и взглядом на жизнь она – одна из тех людей, которым везде хорошо, и что будь она здорова, она легко перенесла бы и своё заключение» (79: 77). В 1909 г. Толстой хлопотал об освобождении К. А. Романик-Петровой.

Н. И. Бурнашёва

ПЕТРОВ Иван Иванович (1861–1892) – корреспондент и адресат Толстого; литератор, редактор отдела народных изданий И. Д. Сытина, секретарь и ответственный редактор журналов «Артист» и «Дневник артиста». Родился в С.-Петербурге. По окончании кронштадтского Технического училища в 1880 г. был произведён в подпоручики и до 1884 г. служил в корпусе московской артиллерии. Из-за слабого здоровья вышел в отставку и посвятил себя литературе. В. Г. Чертков устроил его к Сытину сначала заведующим изданием и распространением книжек «Посредника», а с декабря 1886 г. – редактором сытинских народных изданий. О личности Петрова Толстой имел представление по отзывам Бирюкова, хорошо с ним знакомого, и по отзывам С. А. Толстой, которой Петров помогал в делах её книжного склада и которая высказывалась о нём с величайшим сочувствием. Между тем Чертков компетентность Петрова как редактора сытинских изданий подвергал сомнению, в связи с чем в письме Толстому 24 января 1887 г. он отмечал важность «постепенного образования своего верного критерия у людей, подобных Петрову, не имеющих ещё определённых убеждений» (86: 16).

Активная переписка Петрова с Толстым по издательским вопросам относится к 1887 г. Письма Толстого позволяют увидеть специфику его подхода к проблеме издания литературы для народа, понимаемой писателем как исключительно «важное и хорошее дело» (64: 54). Пересылая редактору разного рода рукописи, в сопроводительных письмах Толстой давал общую характеристику работам авторов и указывал на возможность их публикации у Сытина. Например, в письме от 19(?) мая 1887 г. Толстой, характеризуя посылаемые им переделки лубочных повестей «О приключениях английского милорда Георга» и «Сказки о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче», замечал: «Что вы думаете о тех статьях, Милорде и Еруслане? Мне кажется, не дурны» (64: 47). В письме 12 сентября 1887 г. Толстой неодобрительно оценил просмотренные им драмы «Сказка об Иване-дураке» и «Серебряная руда» неизвестных авторов: «Возвращаю драму. Она не дурна. Но и хорошего нет ничего. Нет характеров, нет даже правдивости <...>. И всё очень старо» (64: 67).

Летом 1890 г. Петров занял место секретаря редакции журнала «Артист», а в 1891 г. был утверждён в должности официального редактора и «Артиста», и «Дневника Артиста», и др. изданий, выходивших вместе с журналом «Артист». Умер он от чахотки в возрасте 31 года.

А. А. Федотова

ПЕТРОВ Михаил Александрович (1822/1823? – после 1881) – писатель-самоучка; писарь в канцелярии военного ведомства. А. В. Дружинин, увидевший в нём талант, стал печатать его в своём журнале «Библиотека для чтения» и познакомил с ним Толстого, который пришёл в восторг от его произведений. Оба писателя решили помочь начинающему дарованию, хлопотать для него льготы по службе, чтобы он мог уделять больше времени литературному труду. Покровительствовал ему и Б. А. Перовский. Из произведений Петрова сильное впечатление произвёл на Толстого рассказ «Саргина могила» (напечатан в «Библиотеке для чтения». 1859, февраль).

15 апреля 1859 г. Толстой из Москвы писал А. А. Толстой: «Спросите, пожалуйста, у Бориса Алексеевича <Перовского. – Н. Б.>, что писарь Петров? Что с ним сделали?» (60: 288). И на следующий день в письме Дружинину, приглашая его в Ясную Поляну: «Вы верно сойдётесь и полюбите моих братьев. Как они меня порадовали тем, что оба в восхищенье от Саргиной могилы собственным чувством. Что Пе-

тров? Возьмите между прочим у Давыдова по экземпляру моих книжечек <«Детство и отрочество» и «Военные рассказы». СПб., 1856. – Н. Б.> и подарите от меня и дайте его адрес» (60: 290). А. А. Толстая 21 апреля отвечала Толстому: «...Борис сообщает вам, что на следующий же день после вашего отъезда он принялся разыскивать Петрова, но, узнав, что тот нашёл себе покровителя, несравненно более влиятельного, чем Борис, – он скромно ретировался, боясь, что, вмешавшись в это дело, он только повредит ему. Он назвал мне имя покровителя, но я никак не могу его сейчас вспомнить» (ПАТ. 2011. С. 157).

Спустя почти полгода Толстой снова говорил о Петрове в письме Дружинину: «Петрова новую повесть сейчас прочёл <повесть «Выборы» в «Библиотеке для чтения». 1859, сентябрь. – Н. Б.>. Она мне положительно не понравилась; хотя видна сила большая. Но его горе, противоположное нашему и большое – совершенная бессознательность дарования. Он сам не знает, что в нём велико, и Катерина <героиня повести «Выборы». – Н. Б.> намёк, тень, когда она должна бы быть всё. Ежели бы он был помоложе – горе это было бы исправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не «надежда», а «сожаленье». Что бы он мог быть. <...> Перед Петровым я виноват, не отвечаю ему, передайте ему приложенное, ежели напишется» (9 октября 1859; 60: 308–309). Ни письмо Петрова, ни письмо Толстого неизвестны. В дальнейшем имя Петрова на жизненном пути Толстого не появлялось.

Н. И. Бурнашёва

ПЕТРОВ Михаил Яковлевич (1881–?) – корреспондент и адресат Толстого, псаломщик из слободы Прогорелой Богучарского уезда Воронежской губ. 22 сентября 1907 г. он писал Толстому о своём критическом отношении к духовенству, но вместе с тем задавал вопрос: «Пока существует духовная каста, она должна же жить. Как, по-вашему, она должна поступать, чтобы не ошибиться в движении наравне с остальным мыслящим человечеством?» (ОР ГМТ). По поручению Толстого на письмо ответил Н. Н. Гусев, объяснив, «что Лев Николаевич считает деятельность духовной касты вредной» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 59). Петрову была послана книга Толстого «Обращение к духовенству». Сам Толстой приписал к письму Гусева: «Посылаю вам эту книгу и письмо, любя, и прошу, надеюсь, что вы примете их так же» (77: 222–223).

Н. И. Бурнашёва

ПЕТРОВ Николай Иванович (1840–1921) – собеседник Толстого, автор воспоминаний о нём; литературовед, историк, археолог, этнограф, краевед, музейный и общественный деятель, профессор Киевской духовной академии, доктор богословия (1875), доктор русской филологии (1904), автор трудов по истории литературы XVIII–XIX вв., член-корреспондент Петроградской АН (1916), действительный член Украинской АН (1918); крёстный отец советского писателя М. А. Булгакова.

Родился в Костромской губ. в многодетной семье священника. По окончании Киевской духовной академии (1865) получил степень магистра богословия и преподавал словесность в Волынской духовной семинарии. В 1870 г. назначен доцентом Киевской духовной академии по кафедре теории словесности, истории русской и иностранной литературы. Спустя два года избран секретарём созданного при академии церковно-археологического общества. В 1875 г. получил степень доктора богословия и назначен ординарным профессором Киевской духовной академии. На протяжении 1878–1919 гг. был хранителем созданного при обществе церковно-археологического музея. По его инициативе в музее было собрано около 49 тысяч памятников отечественной и мировой духовной и материальной культуры.

Встреча профессора Петрова с Толстым произошла 14 июня 1879 г. В этот день писатель приехал в Киев, чтобы побывать в Киево-Печёрской лавре. Кроме лавры он посетил церковно-археологический музей, расположенный на её территории. «Я работал в музее один-одинёхонек в рабочем костюме и с молотком в руках <...>, – вспоминал Петров. – Вдруг около 11 часов утра отворяется дверь музея, входит господин высокого роста и плотного сложения в подержанном сюртуке, рекомендует графом Толстым. Я спросил его имя и отчество и, узнав, что передо мною стоит знаменитый писатель, отвесил ему чуть не поясной поклон, прося извинения за мой костюм и некоторый беспорядок в музее... Свою беседу со мною граф Л. Н. Толстой начал тягучими фразами, как бы запинаясь и подыскивая слова. Он интересовался знать, что привлекает народ в Киев? Как он понимает религию? Какую духовную пищу получает он здесь? Я, конечно, сказал, что Киев привлекает к себе народ своими вековыми святынями. Прежде всего привлекает Киево-Печёрская лавра с нетленными мощами».

Затем Петров поведал Толстому о вновь открытом Ионинском монастыре, посещае-

мом массой простого народа. В монастыре проживает отец Иона, которого паломники считают «заживо святым». Выслушав профессора, Толстой, слегка улыбаясь, сказал: «Был и там». В музее писатель около двух часов осматривал многочисленные экспонаты, делая заметки в записной книжке. Его внимание привлекли икона XVIII в. «Зачатие святой Анны» – работа строгановских крепостных живописцев, большая глиняная статуя Венеры Кипрской (VI–VII вв. до н. э.) и некоторые др. экспонаты. Рассматривая статую Венеры Кипрской, Толстой сказал, что сам «в молодости грешил этим – пробовал заниматься лепкой» (Гусев. *Материалы*. 3. С. 568–569). Как вспоминал Петров, во время их беседы писателя очень заинтересовал его рассказ об Иване-босом – киевском нищем, который летом и зимой ходил босиком и просил только кусок хлеба для дневного пропитания. От всего лишнего отказывался. Этот нищий происходил из богатой семьи, но, осознав бессмысленность своей жизни в окружении родных, считавших его чудачком и фантазёром, ушёл тайно из дома. Очутившись в Киеве, жил на церковной паперти, среди нищих, до самой своей смерти (Чаговец В. Киев в жизни и творчестве Л. Н. Толстого // Сов. Украина. 1940. 20 ноября). Выслушав внимательно рассказ профессора, Толстой сделал заметки в своей записной книжке. Уходя из музея, писатель оставил в книге посетителей запись: «14 июня 1879 г. Лев Толстой». Спустя месяц в отчёте музея сообщалось, что «в числе посетителей был известный наш писатель граф Лев Толстой, автор сочинений “Война и мир”, “Анна Каренина” и других, изучающий в Киеве народно-религиозную жизнь для задуманного им произведения» (Труды Киевской духовной академии. 1879, июль. С. 392).

19 ноября 1910 г. в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» сообщалось, что «в Киеве на собрании, посвящённом памяти Л. Н. Толстого, профессор духовной академии Петров поделился своими воспоминаниями о пребывании Льва Николаевича в Киеве...» Тогда же он написал рассказ-воспоминание «Эпизод из паломничества Л. Н. Толстого», который был позднее переработан. В настоящее время рукопись хранится в ОР ГМТ.

В. Н. Чисников

ПЕТРОВИЧ Александр (Petrovič Шандор) (1861–1926) – переводчик Толстого, его корреспондент и адресат; сербский журналист и публицист, бывший заведующий отделом печати сербского Министерства иностранных дел. В конце мая 1905 г.

послал Толстому свою книгу «Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie» (1905). В сопроводительном письме он писал: «Граф Лев Николаевич! Осмеливаюсь в виде приложения к этому письму послать Вам своё сочинение... Я был бы рад, если бы Вы в нескольких строках (по-немецки, по-французски, либо по-русски) подтвердили его получение. Александр Петрович, бывший заведующий отделом печати сербского Министерства иностранных дел. Адрес: Будапешт (Венгрия), VII. Улица Дьярмат, 65» (Фодор И., Ланг Й. Незвестное письмо Л. Н. Толстого в Будапеште // Огонёк. 1978. № 37. Сентябрь. С. 26). 5 июня Д. П. Маковицкий отметил в дневнике, что была получена брошюра Александра Петровича, и «Л. Н. сказал: "Петрович решил, что *débâcle* в России совершился. У нас бы её (эту брошюру) цензура не пропустила. Книга интересная, очень хорошая. Науке придаёт большое значение, некоторые подробности неверные. Писал её серб. От незнания придаёт значение учёным: Южакову, Волынскому, которых я знаю, кто они. Знает хорошо славянские дела. Прочтите"» (ЯПЗ. 1. С. 304). 7 июня 1905 г. Толстой отправил Петровичу письмо, в котором благодарил автора за присланную «очень интересную» книгу и полностью соглашался с высказанными в ней взглядами о вероятном историческом призвании русского народа: «Я на днях высказал ту же мысль в небольшом сочинении "Великий грех", которое, вероятно, скоро появится» (Фодор И., Ланг Й. Указ. соч.). На следующий день писатель заметил Маковицкому, что брошюра Петровича превосходна, но «то, что он за разложение общины, — это ложка дёгтя» (ЯПЗ. 1. С. 307).

Спустя год, в начале мая 1906 г., писатель получил из Будапешта новое сочинение Петровича «Wahrheit und Trug im Sozialismus» (1906). Просмотрев его, Толстой сказал: «Видна начитанность, эрудиция, но даже слишком много её. Не проверяет факты; утверждает, что всех на жалование живущих людей на земле два процента. Это мало, скорее четыре процента. О социализме пишет верно, что он в стремлении людей к благу, но что политико-экономическая сторона социализма — ничтожная часть его, а учение Будды, Конфуция, пророков, Христа, есть социализм. Он сам анархист, хороший анархист. К концу восхваляет меня... (Л. Н. это не нравится и потому велел остановить отсылку письма автору, в котором благодарил и похвалил книжку)» (ЯПЗ. 2. С. 135). В тот же день, 9 мая, письмо было всё же отправлено Маковицким, где он заметил: «Лев Николаевич <...> нашёл, что

Вы слишком хвалите его и слишком большое значение придаёте ему, и хотел бы написать Вам...» (76: 282–283). Книга Петровича с дарственной надписью сохранилась в ЯПЗ, в ней есть пометы Толстого.

Дочь публициста Ольга Петрович вспоминала, что, приезжая в Будапешт, Маковицкий не раз навещал её отца и всегда передавал привет из Ясной Поляны. Однажды он привёз фотографию Толстого с дарственной надписью: «А. Петровичу. Лев Толстой. 29 ноября 1909 г.» (Фодор И., Ланг Й. Указ. соч.). Как отмечают исследователи, система взглядов Петровича была близка к мировоззрению позднего Толстого. Сам публицист в своих сочинениях открыто признавался в том, что ему служит примером общественная программа Толстого-мыслителя, «в котором он видел подлинного знаменосца русской революции» (там же).

В. Н. Чисников

ПЕТРОЖИЦКИЙ (Петражицкий) **Иосиф Иванович** (1851–1910) — корреспондент и адресат Толстого; бывший народный учитель, народоволец, позднее последователь Толстого. Отбывал тюремное наказание в середине 1870-х гг. и в 1906 г. за выступление на митинге перед делегатами восставшего казачьего полка. В 1888 г. под влиянием чтения сочинений Толстого переселился с семьёй на Кавказ, где первое время был учителем, затем бухгалтером, а потом занимался земледелием на своём небольшом участке земли близ Майкопа. В письме от 18 января 1901 г. Петрожицкий задавал Толстому вопрос: «Почему я должен не противиться? <...> Противление злу составляет частицу нашей природы, одно из её средств самосохранения» (ОР ГМТ). Толстой отвечал: «Мне уже некогда и не к чему спорить и рассуждать о том, чем я живу в этой и с чем готовлюсь вступить в другую форму жизни, а хочется только получше исполнить то, что считаю истиной. Если же я ошибаюсь, то будьте снисходительны к моему заблуждению так же, как я стараюсь быть снисходительным к тем, которые заблуждаются в обратную сторону и от дел которых стонет мир и залит кровью» (73: 28). 11 апреля 1910 г. Толстой получил от Петрожицкого письмо о том, что он предчувствует приближение смерти. Толстой сделал на конверте пометку и собирался ответить, но на следующий день пришло письмо от Христо Досева с сообщением о смерти Петрожицкого. В связи с этим В. Ф. Булгаков приводил слова Толстого: «Ни в какие предчувствия я не верю, а в предчувствие смерти верю» (Булгаков. С. 143).

Н. И. Бурнашова

ПЕТРУНКЕВИЧ Иван Ильич (1843–1928) – знакомый Толстого; российский политический деятель, один из организаторов Конституционно-демократической партии (партии кадетов, официальное название: Партия народной свободы), член I Гос. думы, отчим Софьи Владимировны Паниной.

Знакомство с известным влиятельным политиком позволило Толстому понять, во что превращалась борьба депутатов от разных партий на общественных собраниях, где тяжёлая работа по совершенствованию общества оборачивалась болтовней. Не зря в январе 1905 г. во время интервью новозеландскому корреспонденту Х. Вильямсу на его реплику, что «Петрункевич лучше всех», Толстой отвечал: «Это вы им делаете плохой комплимент. Петрункевича я знаю, знаю его семейную жизнь» (*ЯПЗ*. I. С. 141).

Толстой рано понял, как строил Петрункевич карьеру политического деятеля, призывая к коренной реформе гос. строя. Окончив юридический факультет Петербургского университета, молодой юрист вернулся в родное имение в Черниговской губ. и стал мировым судьёй, а затем и председателем съезда мировых судей. Одновременно развивал активную деятельность по реформированию органов местного самоуправления как продолжение земской реформы, именно эта задача осталась у него преобладающей на всю жизнь. На собственные средства вместе с единомышленниками открыл народную школу для крестьянских детей, фельдшерские пункты и больницы.

Работа в земстве и в газетах чередовалась с арестами и ссылками. Но быстро росла известность молодого политика, и Петрункевич постепенно вышел в лидеры либеральной оппозиции. В отличие от остальных либералов, в 1878 г. пошёл на совещание с террористами, объясняя, что методы их борьбы противозаконны, но справедливы как противодействие беззаконию властей. Совещание с террористами ни к чему не привело, террор Петрункевич не остановил, но зато стал известным борцом за конституцию, близким к террористам. После этого за резкую критику в адрес царского правительства он был отправлен в ссылку, выбрав Тверь для постоянного места жительства.

Толстой помнил Петрункевича ещё по его участию в помощи крестьянам во время голода в России в 1891–1892 гг., когда встречался с набирающим популярность политиком на его московской квартире. Но политические приёмы Петрункевича всё меньше увлекали Толстого, который скоро начал понимать, что тот больше заботится о внешних формах власти.

У Петрункевича, выходца из дворянской семьи, много различных связей с семьёй Толстых. Так, в 1901 г. гр. С. В. Панина, его падчерица по второму браку, предоставила свой дворец в Гаспре на южном берегу Крыма для лечения и пребывания Толстого и его семьи. В этом дворце навещали больного писателя Чехов, Куприн, Горький, Шалапин. Жил здесь и Петрункевич, хотя в семье Паниных боролись против негативного влияния отчима на Софью Владимировну. В этом же дворце Петрункевич проживал после революций 1917 г., перед тем как уехать в эмиграцию.

Члены семьи Толстого и их друзья к Петрункевичу относились по-разному. Чаше как к знакомому, которого не очень уважают, но которого стоит остерегаться. 6 апреля 1906 г. Д. П. Маковицкий записал разговор в зале яснополянского дома. «Говорили о современных событиях. Через три недели станет заседать Дума. Что будет? Л. Н.: “Я ничего из ничего не жду. Внешние события не имеют той важности, как внутреннее отношение к жизни. У человека столько отношений: к семье, труду, науке; отношение к государству занимает последнее место между ними. А теперь все только об том думают: ветеринары, гимназисты только этим заняты. Массовый гипноз. <...> В отношении к революции есть благоговение – “awe”, никто не смеет осуждать революционеров. Царя можно ругать, Петрункевича нельзя”. – Сергеевко: “Какой Петрункевич революционер?” Л. Н. ушёл в кабинет. Пока он там оставался, один из присутствующих зло пошутил над Петрункевичем, вспоминая, как он проявил нетерпение, что Л. Н. не умирает. В то время, когда Л. Н. в Крыму был очень плох – казалось, кончится, по мнению одного ялтинского доктора, не проживёт и полчаса, Петрункевич уезжал, но остался ждать кончины» (*ЯПЗ*. 2. С. 101), чтобы сразу после смерти Толстого сделать нужные распоряжения.

15 апреля 1906 г. в Ясной Поляне снова разговор о политике, вызванный рассказом С. А. Стахович об убийстве бомбой тверского губернатора Слепцова и о том, что Петрункевич выступил против осуждения этого политического убийства: «(Л. Н. не верилось). <...> Андрей Львович (матери): “Вот твои конституционные демократы!” – Софья Андреевна: “Этот – дурак...” – Софья Александровна <Стахович. – В. К.>: “Петрункевич – самый умный и добрый человек. Гучков предсказал ему в октябре, что он и его партия будут аплодировать убийствам. И, читая левые газеты, это и чувствуешь”» (*ЯПЗ*. 2. С. 111).

Петрункевич как участник многих нелегальных земских съездов председательствовал в 1904 г. на заседаниях первого легального земского съезда в Москве. А осенью 1905 г. стал организатором и основателем Конституционно-демократической партии. Председателем ЦК этой партии был в 1909–1915 г. Выборы в I Гос. думу показали, что партия кадетов становится самой мощной политической силой, с которой правительство должно считаться. И потому Петрункевич, являясь её организатором, считал себя лидером установления конституционного строя, а создание партии отправной точкой, приведшей Россию к Гос. думе. Кадеты считали, что именно они будут управлять Россией. Понимая это, Петрункевич усилил воздействие на правительство и общественность. В своей речи на открытии первого заседания Госдумы Петрункевич призвал правительство к амнистии политзаключённых. Это собрание революционеров не нравилось царю, и потому он категорически отклонил кандидатуру «адвоката народа» Петрункевича на место председателя Госдумы как одного из нежелательных людей для этого, и через 2,5 месяца работы Дума была распущена. Кадеты продолжили борьбу, приняв «Выборгское воззвание», которое подписали 180 депутатов, призывая к гражданскому неповиновению правительству. Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги, ни призывать народ на военную службу: «ни одного солдата в армии, ни одной копейки в казну!» О действенности таких призывов мечтал и Толстой, но только один из кадетов исполнил наказ воззвания.

Вслед за разгоном Думы Петрункевич был вторично лишён избирательных прав и отсидел несколько месяцев в тюрьме, за это время руководящая роль в партии перешла к Милюкову. Петрункевич после выхода из тюрьмы занялся редакторской работой в партийной газете «Речь», которую называли совестью партии, а в 1907 г. по состоянию здоровья уехал в Крым, где его и застали революция и Гражданская война.

В начале XX в., когда роль Петрункевича в политической жизни России была особенно заметна, Толстой не раз упоминал его имя как нарицательное: «Л. Н. говорил, что если переменят форму правления, то выберут Петрункевича, а Петрункевич и компания не стоят выше царя. Он (Л. Н.) не понимает, как Николай может править стомилионным народом, не спрашивая совета. Как Николай мог затеять маньчжурскую, Чемберлен – бурскую войну или китайскую, точно так же будут и петрунке-

вичи делать то же самое. Менять Николая на Петрункевича, на конституцию – это тот же вздор, как если бы предложить вместо православия – пашковство, или скопчество, или Army of Salvation <“Армию спасения” – *англ.*>. Л. Н. говорил, что он не стал бы менять, а искал бы лучшего... Петрункевича же возможность стать министром непременно приведёт к компромиссам» (ЯПЗ. 1. С. 122).

Вся последующая жизнь Петрункевича представляла только его личную биографию, несмотря на попытки как-то влиять на политическую обстановку в России. Причины этого сам Петрункевич видел в том, что в условиях эмиграции люди, привыкшие к активной и деятельной жизни, утрачивают чувство реальности и принимают собственные иллюзии за действительную жизнь.

В. Н. Кудрин

ПИМЕН (Пашенко; ?–1881) – иеросхимонах Оптиной пустыни, духовник братии. Толстой познакомился с отцом Пименом летом 1877 г. в Оптиной пустыни. Писатель увидел в нём настоящего подвижника и ставил его в пример себе и другим. Тяжело переживая ситуацию с печатанием «Анны Карениной», возникшую из-за разногласий с М. Н. Катковым, и вспоминая встречу с отцом Пименом, Толстой писал 10–11 августа 1877 г. Н. Н. Страхову: «Если бы научиться у отца Пимена любви и спокойствию!» (ЛСПТС. 1. С. 349). Отец Пимен, как о нём говорится в Патерике, «имел редкостное смирение, кротость и усердие к службе церковной». Его образ Толстой ввёл в своё новое сочинение «Собеседники», над которым работал в 1877–1878 гг. (осталось незавершённым). Характеристика, данная отцу Пимену, неизменна: «кротость, любовь» (17: 369), «Он всё-таки добрый. Он спасётся» (17: 371) и др. Уважение к отцу Пимену Толстой сохранил навсегда.

Вторая встреча могла состояться незадолго до кончины отца Пимена, когда в июне 1881 г. Толстой отправился в Оптину пустынь пешком с С. П. Арбузовым и Д. Ф. Виноградовым, на что указывает запись, сделанная в дневнике 14 июня: «Батюшка Пимен. Стонет, причитывая. Плакать надо, а мы что? Рассказ об оскотлении» (49: 140).

А. В. Шмелёва

ПИСАРЕВ Рафаил Алексеевич (1850–1906) – знакомый Толстого, его корреспондент и адресат; тульский помещик, известный земский деятель, занимался благотворительностью, в 1891–1893 гг. много

работал на голоде. Жил в своём имении Орловке Елифанского уезда Тульской губ., в 8 км от Бегицевки, с юных лет был дружен с В. Г. Чертковым, общался с ним в Петербурге.

Знакомство Писарева с Толстым началось со странного пассажа, о котором впоследствии поведала свояченица писателя Т. А. Кузминская: в октябре 1871 г. «приехал в Ясную знакомый нам всем молодой человек – Писарев, светский, милый, но самый обыкновенный. Он редко бывал у нас. Соня, сидя у самовара, разливала чай. Писарев сидел около неё. По-моему, это была его единственная вина. Писарев помогал Соне передавать чашки с чаем, оказывая и другие мелкие хозяйственные услуги. Он весело шутил, смеялся, нагибаясь иногда в её сторону, чтобы что-либо сказать ей. Я наблюдала за Львом Николаевичем. Бледный, с расстроенным лицом, он вставал из-за стола, ходил по комнате, уходил, опять приходил и невольно передал мне свою тревогу. Соня тоже заметила это и не знала, как ей поступить. Кончилось тем, что на другое утро, по приказанию Льва Николаевича, был подан экипаж, и лакей доложил молодому человеку, что лошади для него готовы» (*Кузминская*. Ч. 2. Гл. 18). Со временем этот конфликт был улажен, и в дневнике Толстого имя Писарева упоминалось часто. Так, 24 апреля 1884 г. писатель оставил запись: «Писарев близок, боюсь, что заблуждаюсь, но как бы я желал» (49: 86). А уже через восемь дней, 2 мая, появилась совсем иная характеристика: «Писарев – неподвижен. Кажется, таким и останется» (49: 89).

Писарев активно участвовал в помощи голодающим. Отношение Толстого к нему было двойственным. С одной стороны, он воспринимал Писарева как «прекрасный тип земца, находящего смысл в служении людям», а с другой, находил его «обер-фарисейским» человеком. Тем не менее 19 апреля 1892 г. он писал жене из Бегицевки: «Писарев очень мил. Очень дорожит столовыми, которые так не нравились нашим помощникам. И помогает во всём» (84: 138).

9 января 1906 г. от Н. Л. Оболенского Толстой узнал о скоропостижной смерти Писарева (*ЯПЗ*. 2. С. 13).

Н. А. Никитина

ПИСАРЕВА Евгения Павловна (рожд. Баранова; 1860–1936) – знакомая Толстого, участница борьбы с голодом. «Милая, кроткая» (52: 54), как называл её Толстой, летом 1883 г. она вышла замуж за очень богатого потомственного дворянина Ра-

фаила Писарева, знатного и образованного, посвятившего жизнь деревенским нуждам. Так охарактеризовал её мужа в своих «Воспоминаниях» князь Г. Е. Львов. Свадьбу молодых отмечали в имении Барановых Городище. На ней присутствовали, в частности, Н. В. Давыдов, известный судебный деятель, прокурор тульского окружного суда, В. Г. Чертков, сын генерал-лейтенанта, известного военного деятеля и прочие гости. «Весёлый ужин» сопровождался тостами, разговорами, один из которых стал почти судьбоносным. Давыдов, узнав, что Чертков не знаком с Толстым, посоветовал ему непременно познакомиться с писателем. Этот совет был принят Чертковым и вскоре исполнен. После свадьбы супруги отправились в усадьбу Писарева Орловку Елифанского уезда. Орловка располагалась на Дону, её украшала Никольская церковь в классическом стиле, построенная отцом Писарева. Грот-колодезь и липовый парк с прудами дополняли усадебную картину.

Толстой был в курсе жизни молодых, знал об их неприятностях, о нездоровье Писаревой, которую ему было «очень жалко» (85: 37), но она стоически служила людям на голоде, находя в этом главный смысл своей жизни. С мужем не расставалась даже в трудную пору борьбы с голодом, была на высоте, продолжала открывать столовые в Бегицевке. В 1886 г. у Писаревых родился сын Владимир, «круглощёкий весельчак».

Прожив с мужем 23 года, Писарева в 1906 г. овдовела, похоронила его в Орловке близ церкви. После его смерти продолжала жить в усадьбе, общалась со своей сестрой Александрой, в замужестве Лопухиной, сыном Владимиром и его женой Маней (рожд. Глебовой). Она сблизилась со своим соседом – вдовцом и другом её мужа Георгием Евгеньевичем Львовым (1861–1925), крупным помещиком, прошедшим путь от председателя Тульской губ. земской управы до премьера Министерства внутренних дел Временного правительства. Он в это время жил в Поповке, где бывал Толстой, был убеждённым толстовцем, помогал переселенцам во время столыпинской аграрной реформы. Когда Львов стал премьером, Писарева уехала в Петроград, потом находилась рядом с ним в Тюмени, постоянно его опекая. Ей было 65 лет, когда она эмигрировала с семейством своей сестры А. П. Лопухиной во Францию, где её ожидал князь Г. Е. Львов.

Н. А. Никитина

ПИСАРЁНКО Василий Александрович (даты жизни не установлены) – знакомый Толстого; помещик Орловской губ.

(из елецких дворян). Друг М. С. Громеки, который и познакомил его с Толстым. 1 января 1883 г. Громека писал Толстому по этому поводу: «Я ехал от Вас и всё думал, что такое случилось, что меня встревожило, и, когда приехал к Писаренко, понял, что это было то облако сомнения, которое было у Вас на лице, когда Вы соглашались на мою просьбу привезти к Вам Писаренку. Право, это такая прелесть этот Писаренко и он так всем сердцем Вам предан, и не яко Иуда хочет Вас, но яко разбойник». Толстой отвечал Громеке (январь 1883): «Вам показалось, что я не рад сойтись с Писаренко. Напротив – сближение с людьми, разделяющими мои мысли и чувства, – для меня слишком большая радость. От этого вам показалось» (63: 130). Громека был настойчив и писал 25 января 1883 г.: «Если хотите меня очень обрадовать, приласкайте Писаренку, чтобы он изредка бывал у Вас и мог сообщить мне, что Вы и семья Ваша живы и здоровы» (63: 136). Толстой «обрадовал» Громеку: «Писаренко я просил бывать. Постараюсь сойтись с ним. Меня смущает и конфузит его нескрываемое слишком большое уважение ко мне» (письмо Громеке; февраль(?) 1883; Москва; 63: 131). Писаренко бывал у Толстого в хамовническом доме в Москве. Писатель трудно сходилась с ним. «Разве это не мученье – беседы с Писаренко и Лопатиным. Хуже, чем мученье, – разврат», – записал Толстой в дневнике 4/16 мая 1884 г. (49: 90).

Н. И. Бурнашёва

ПЛАНИДИН Павел Васильевич (ок. 1856–?) – корреспондент, адресат и посетитель Толстого; сектант-духобор, организатор общины Терпение-Карское в Канаде. О его жизни рассказывает книга В. Д. Бонч-Бруевича «Духоборцы в канадских прериях» (Пг., 1918). Впервые Планидин побывал в Ясной Поляне в апреле 1898 г. 24 августа 1898 г. он с С. З. Постниковым и др. представителями Карской области приезжал к Толстому, чтобы рассказать ему о положении духоборов. Информацию о них 28 августа Толстой изложил в письме В. Г. Черткову (88: 91). Организовав в 1899 г. духоборческую общину, Планидин просил писателя выслать 1000 рублей на покупку лошадей. Деньги были отправлены на имя Мак-Крири (Mac-Creary), агента канадского правительства по делам духоборов, о чём Толстой извещал сектантов 28 августа 1899 г. (88: 180–181). В июле 1900 г. Планидин вместе с сектантом И. В. Ивиным ездил к Черткову, чтобы сообщить сведения о преследованиях единоверцев. Приехать к Толстому в Москву духобо-

ры-переселенцы не решились, так как не имели паспортов.

В конце 1906 г. Планидин побывал в России и 8–9 декабря вновь посетил писателя. 8 декабря 1906 г. Толстой в разговоре с дочерью Т. Л. Толстой отмечал, что «более всех духовный человек – это Планидин» (ЯПЗ. 2. С. 326). 9 декабря после прогулки с ним (эту прогулку Планидин вспоминал всю жизнь) Толстой заметил: «Удивительно умный! Вот, неграмотный человек. Поучительно с ним поговорить. Сильный работник» (ЯПЗ. 2. С. 327). В письме к Толстому от 3 апреля 1907 г. Планидин рассказывал о жизни духоборов в Канаде. В мае Толстой получил от сектанта новое письмо (от 1 мая), в котором сообщалось о трудностях существования духоборов. В беседе с родными 17 мая 1907 г. Толстой сказал: «Получил от Планидина очень безграмотное, но умное письмо» (ЯПЗ. 2. С. 432). В тот же день писатель ответил ему (77: 111). В письме к Толстому 20 июня 1909 г. Планидин писал об устройстве духоборов в Канаде и об их переселении в Колумбию.

Е. П. Гриценко

ПЛАТОНОВ Николай Дмитриевич (1887–?) – единомышленник, адресат, корреспондент Толстого; крестьянин Даниловского уезда Ярославской губ.; освоил профессию штукатура. Призванный на военную службу, за отказ от молитвы 12 ноября 1909 г. он был посажен в карцер, тогда же направил Толстому письмо. Д. П. Маковицкий записал 14 ноября 1909 г.: «Л. Н. рассказал, что получил <...> письмо от отказавшегося крестьянина-парня. Он слабосилен и притом отказывается от мясной пищи, так что арестованный голодает. Спрашивает, как ему быть с пищей» (ЯПЗ. 4. С. 103). За отказ от военной службы по религиозным убеждениям Платонов был арестован и осуждён на 3 года арестантских отделений; суд состоялся в марте 1910 г. Платонов писал Толстому, Бирюкову, А. К. и В. Г. Чертковым, рассказывал о своей жизни в тюрьме, о наказаниях, о карцере. Письма Платонова читались вслух в Ясной Поляне. 2 октября 1910 г. Маковицкий занёс в свою тетрадь: «Бирюков прочёл великолепное письмо даровитого Платонова к нему из ярославской тюрьмы» (ЯПЗ. 4. С. 367). Толстой отвечал Платонову, переправляя письма через Бирюкова или Чертковых. В своих письмах он поддерживал Платонова, спрашивал, чем может ему «служить», посылал ему деньги, пытался хлопотать за него. В 1910 г. Чертков навещал Платонова в петербургской губ. тюрьме. Из этой тюрьмы Платонов был пере-

ведён в Ярославскую губ. тюрьму, затем в каторжную «Коровники», где заболел туберкулёзом.

Н. И. Бурнашёва

ПЛЕВАКО Фёдор Никифорович (1842–1908) – знакомый и посетитель Толстого; известный адвокат, юрист, судебный оратор, действительный статский советник, член III Гос. думы, октябрист. Родился в г. Троицке Оренбургской губ. в семье таможенного чиновника. В 1864 г. окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав. Службу начал в Московском окружном суде кандидатом на судебные должности. В 1870 г. поступил в сословие присяжных поверенных и вскоре стал известен как один из лучших адвокатов Москвы. Плевако часто не только помогал бедным бесплатно, но порой и оплачивал за них непредвиденные расходы. Нередко он защищал рабочих, обвиняемых в фабричных беспорядках, сопротивлении властям, в истреблении фабричного имущества и т. д. Выступая в защиту рабочих, он в своих речах будил чувство сострадания к несчастным, доведённым притеснениями до крайней степени протеста, и призывал к милосердию.

Успешный адвокат, Плевако имел штат помощников, среди которых был В. А. Маклаков – знакомый Толстого. Первые контакты писателя с Плевако начались в связи с делом Мельникова, обвиняемого в нанесении побоев становому. 19 ноября 1887 г. В. Г. Чертков направил Толстому письмо, в котором просил его обратиться по этому делу за помощью к защитнику Плевако. Тогда же писатель через врача Е. Д. Гончарову послал записку к Плевако, чтобы тот «взял на себя защиту бедняка, неправильно обвинённого» (86: 103). 22 ноября Толстой в письме к Черткову сообщал, что «Гончаровой записку вчера послал к Плевако через верного человека» (86: 101), но обещанного ответа не получил. Как позже писала Гончарова, она «ездила в Москву, повидалась с Плевако, и устроила дело» (86: 103). По воспоминаниям П. А. Россияева, Толстой «направлял мужиков именно к Плевако: “Фёдор Никифорович, обелите несчастных”» (Россияев П. А. Памяти Ф. Н. Плевако // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 691).

Знакомство Плевако с Толстым состоялось в Ясной Поляне 24 октября 1895 г. при следующих обстоятельствах. «Однажды по просьбе Толстого, – писал в своих воспоминаниях Маклаков, – я защищал крестьянку из Ясной Поляны, обвинённую в детоубийстве; дело слушалось в Крапив-

не. Состав присяжных там был так неблагоприятно настроен, что я старался отложить это дело; это мне не удалось <...>. Приговор был обвинительный. Я просил Плевако написать от себя кассационную жалобу, чтобы обратить особое на это дело внимание Сената, что он и сделал. Приговор был кассирован. Когда дело слушалось вновь, он согласился поехать со мной на защиту. На этот раз подсудимую оправдали. У меня с Толстыми было условлено, что если дело окончится не слишком поздно, то на обратном пути из Крапивны я к ним заеду. Плевако мог без специального приглашения заехать вместе со мной. Мне было трогательно видеть, как в ожидании этой встречи волновался Плевако. Нас обоих встретили радостно, так как мы привезли добрую весть об оправдании. Приехали к ужину. Плевако, очевидно, Толстому понравился, так как, вопреки обыкновению, он предложил ему подождать следующего товарно-пассажирского поезда, который отходил от Засеки на два часа позже. И при нём, и после него он повторял, что и наружностью и манерой говорить Плевако ему напоминал знаменитого А. С. Хомякова <...>. Но для меня несомненно, что Толстой почувствовал в Плевако того редкого и глубокого человека, которого публика в нём не подозревала и у которого отношение между “числителем” и “знаменателем” было в пользу его» (Маклаков В. А. Воспоминания. М., 2006. С. 154).

Приезд Плевако в Ясную Поляну 24 октября запечатлела в своём дневнике С. А. Толстая. «Маклаков привёл вечером Плевако, известного адвоката. Как все люди исключительные бывают интересны, так и этот. Видно, он такой человек, которому объяснять ничего не нужно; он чуткий, всё понимающий и серьёзный. Голова широкая, лоб шишками выдающийся, сам широкий, некрасивый, но скорее симпатичный, хотя говорят о нём дурно» (ДСАТ. 1. С. 311).

Спустя три года Плевако с Маклаковым снова посетили Ясную Поляну. 2 ноября 1898 г. Толстой писал жене в Москву: «Посетители у нас не переводятся. То были Маклаков с Плевако. Плевако даровитый и скорее приятный человек, хотя не полный, как все специалисты» (84: 333). В письме от 3 ноября 1899 г. он сообщал: «Мы с Таней ездили вчера в Тулу. Я видел Плевако и Маклакова, которых встретил, они ехали к нам и сделали, что мне было нужно» (84: 345). Сын писателя И. Л. Толстой в своих воспоминаниях приводил очень характерное определение отца, который утверждал, что «большой частью люди, владеющие

литературной формой, совершенно не умеют говорить, и наоборот – люди красноречивые совсем не могут писать. Как пример первых он приводил Каткова, который, по его словам, в разговоре мямлил, запинаясь и двух слов связать не умел, а ко вторым он причислял многих известных ораторов, и в том числе Ф. Н. Плевако» (*Толстой И. Л. Гл. XIII*).

В июне 1902 г. Плевако, находясь в Харькове, встречал Толстого на вокзале, когда писатель после болезни возвращался поездом из Крыма домой. С. А. Толстая на следующий день, 27 июня, по приезде в Ясную Поляну, отметила в дневнике: «В Харькове оации, больше всё дам. Вошёл к нам Плевако, интересно рассказывал свои разные дела» (*ДСАТ. 2. С. 70*).

Плевако был искренне верующим человеком. В его домашней библиотеке богословская литература занимала самое большое и почётное место. Выступая в судебных заседаниях, он часто в своих речах приводил цитаты из Евангелия. Есть сведения, что Плевако служил ктиторм (церковным старостой) в Успенском соборе Кремля и пытался примирить взгляды Толстого с догматами официальной церкви. Как утверждал Маклаков, Плевако «был верный сын Церкви и “государственник”», но Толстого он понимал, ценил его религиозную натуру, благоговел за это перед ним» (*Маклаков В. А. Воспоминания. С. 154*). В 1904 г. Плевако и Маклаков посетили Ватикан и были на приёме у папы римского Пия X, взяли у него автограф. Об этой поездке было известно Толстому, который рассказывал о ней своим друзьям.

Парламентскую деятельность Плевако, как и его выступления в Гос. думе, Толстой не одобрял. «Плевако – самый пустой человек <...>, – говорил он 21 ноября 1907 г. – Их (адвокатов) ремесло – говорить» (*ЯПЗ. 2. С. 570*). Поддерживая личные связи со многими корифеями адвокатуры (Ф. П. Плевако, В. А. Маклаковым, Н. П. Карабчевским, О. О. Грузенбергом, Н. К. Муравьевым), к институту адвокатуры как атрибуту, структурному подразделению государственности, Толстой относился отрицательно. Корпорация адвокатов царской России представлялась писателю в ту пору «и в юридическом, и, особенно, в нравственном отношении ущербной» (*Троицкий Н. А. Л. Н. Толстой в роли адвоката // Государство и право. 1998. № 7. С. 89*). Поэтому не случайно с таким сарказмом и антипатией Толстой описывал адвокатов на страницах романов «Анна Каренина» и «Воскресение».

В. Н. Чисников

ПЛЕТНЁВ Пётр Александрович (1791–1865/1866) – корреспондент и адресат Толстого; критик, поэт, журналист, издатель, педагог. С 1841 г. академик Петербургской Академии наук. Был одним из ближайших друзей Пушкина, начинал литературную деятельность в составе «пушкинского круга». После смерти поэта, в 1837–1846 гг., занимался изданием журнала «Современник». Вёл обширную педагогическую деятельность: с 1826 по 1837 гг. по рекомендации В. А. Жуковского преподавал русский язык и словесность членам императорской фамилии – великой княгине Елене Павловне, великим княжнам Марии Николаевне и Ольге Николаевне, а также наследнику – будущему императору Александру II; в 1840–1861 гг. ректор Петербургского университета.

С самого начала литературной деятельности Толстого Плетнёв поддерживал молодого писателя. Ещё до выхода первого севастопольского рассказа («Севастополь в декабре месяце» – опубликован в журнале «Современник». 1855. № 6) Плетнёв представил отдельный оттиск этого произведения императору Александру II, после чего тот отдал распоряжение перевести очерк Толстого на французский язык. Личное знакомство Толстого с Плетнёвым состоялось в Париже в феврале 1857 г. «...Пришёл Плетнёв, очень был приятен», – запись в дневнике 14/26 февраля (47: 114–115). На следующий день Толстой был у Плетнёва. В эти дни ещё несколько записей о встречах с Плетнёвым. Сохранилась часть переписки Толстого с Плетнёвым в феврале – мае 1862 г.: два письма Плетнёва и одно – Толстого, от 1 мая 1862 г., где Толстой писал Плетнёву о своём отрицательном впечатлении от романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», а также сообщал о разрыве отношений с Тургеневым (60: 423–424). По свидетельству А. Б. Гольденвейзера, Толстой, вспоминая о Плетнёве в 1910 г., говорил, что тот к нему «был очень ласков» (*Гольденвейзер. С. 363*).

Лит.: Модзалевский Л. Б. Л. Н. Толстой и П. А. Плетнёв // Толстой. 1850–1860. Материалы. Статьи. Л., 1927.

Т. А. Алпатова

ПЛЮСНИН Василий Васильевич (1877–1942) – последователь и посетитель Толстого. Сын хабаровского золотопромышленника, купца-миллионера, Василия Фёдоровича Плюснина. Успешно окончил иркутскую гимназию и поступил в Московское высшее техническое училище, но учёбу не закончил. В 1900 г. он посетил Хамовники, познакомился с Толстым. Читая сочинения Толстого, Плюснин пришёл

к убеждению, что все люди равны, в обществе не должно быть богатых и бедных. Он отказался от наследства ещё при жизни отца и после его смерти, получив выдел, в делах фирмы участия не принимал. Восприняв взгляды Толстого, он оставил училище и начал самостоятельную трудовую жизнь. 5 мая 1903 г. он из Москвы пешком отправился в Крым. В Крыму разыскал толстовскую общину и присоединился к ней. Укрепившись «духом и телом», Плюснин заработал деньги физическим трудом, приехал в Москву и вновь посетил Толстого, чтобы получить напутствие перед отъездом на родину. В 1904 г. он возвратился в Хабаровск. С помощью единоверцев построил себе дом, занимался огородничеством, давал частные уроки математики. В Хабаровске он открыл дешёвую вегетарианскую столовую, бесплатную народную библиотеку. Летом 1917 г. на земле Краснореченской заимки Плюснин организовал трудовую сельскохозяйственную артель, в которой он, бывший учитель, пас коров.

С. В. Чаругина

ПОГОССКИЙ Александр Фомич (псевд.: Армеец; П.; Фомич А. и др.; 1816–1874) – писатель, журналист, издатель. Долгое время находился на военной службе, потому в его произведениях доминирует военная тематика, их частый герой – простой солдат. Погосский печатался в журналах «Современник», «Чтение для солдат», «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений». В 1855 г. основал журнал «Солдатская беседа» и в течение четырёх лет был его редактором и главным автором. С 1862 г. одновременно издавал журнал «Народная беседа», где печатались А. Майков, Н. А. Некрасов, В. А. Слепцов, А. Н. Бекетов. В 1863 г. уехал на несколько лет за границу, там познакомился с М. А. Бакуниным, получал номера «Колокола». С 1867 г. издавал в Петербурге журнал «Досуг и дело» (по плану, согласованному с военным министром Д. А. Милютиным), для журнала сделал ряд исторических компиляций: «Александр Васильевич Суворов, генералиссимус русских войск», «Отечественная война 1812 года» (1870), «Екатерина II» (1873), «Петр Великий, преобразователь России» (1884) и др. Погосский составил «Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке», изданный в 1870 и в 1875 гг.

В сочинениях Толстого произведения Погосского упоминались неоднократно. Так, в статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования» (1862) Толстой цитировал руководство для учите-

лей сельских школ, в которое были включены произведения Погосского: рассказы «Сибирлетка», «Дедушка Назарыч» и др. Толстой отзывался об этом руководстве резко отрицательно: «Все без исключения книги, выписанные здесь, по моему мнению, дурны и бесполезны» (8: 264–265) – под эту оценку попадали и произведения Погосского.

Вместе с тем Толстой творчески перерабатывал понравившиеся ему произведения Погосского. Один из рассказов толстовской «Новой азбуки» «У дяди Митяя была каряя лошадь...» (21: 71–72) представлял собой переработку эпизода сочинения Погосского «Медвежья наука» (см.: «Повести и рассказы Погосского». Ч. 3. Кн. 1. СПб., 1866, с. 71–78). В письме к Черткову в начале апреля 1885 г. Толстой обсуждал возможность переделки для «Посредника» книжки А. Ф. Погосского и Г. А. Полисдова «Суд людской и Божий»: «Суд людской мне никогда не нравилось, и я им не займусь» (85: 160).

Между творчеством Толстого и Погосского есть интересная перекличка. Оба писателя обратились в своих сочинениях к одному и тому же сюжету, восходящему к народным легендам, – о чертёнке, научившем людей делать вино. В 1871 г. Погосский издал рассказ «Первый винокур». В 1880-е гг. Толстой на тот же сюжет написал рассказ «Как чертёнок краюшку выкупал» (в *Юб.* датирован – не позднее февраля 1886 г.), потом этот рассказ Толстой переделал в комедию, назвав её «Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил» (датирована предположительно февралём-мартом 1886 г., напечатана впервые в апреле 1886 г.).

Уже после смерти Погосского его имя появилось рядом с именем Толстого в книге «“Рассказы о Севастопольской обороне” гр. Л. Н. Толстого», изданной в Петербурге Н. С. Аскархановым в 1899 г. и в ещё более нелепом виде повторенной в 1900 и 1902 гг. Сокращённый вариант рассказа Толстого «Севастополь в декабре месяце» здесь был дан «с приложением выдержек из сочинений “Севастопольская оборона” А. Погосского и “Оборона Севастополя” А. Зайончковского: текст Толстого перемежался с текстом этих сочинений, прерываясь или подключаясь к ним зачастую без всякой логической связи.

Л. Е. Кочешкова

ПОЗДНЯКОВ Василий Николаевич (1868–1921) – знакомый Толстого, духов. Будучи фельдфебелем, отказался от военной службы, за что был арестован и сослан в Якутскую область; бежал из ссылки.

В 1905 г. Поздняков переселился сначала в Канаду, потом в Калифорнию. Не одобряя ту исключительную власть, которой пользовался П. В. Веригин среди духоборов, Поздняков вышел из канадской общины. Размышления по этому вопросу им изложены в статье «Правда о духоборцах» (Ежемесячный журнал. 1914. № 5–10).

Первая встреча Позднякова с Толстым состоялась в октябре 1898 г. Тогда духобор ездил в Обдорск к Веригину. Получив от него письма к духоборам, он должен был отвезти их на Кавказ. По пути на Кавказ и обратно в Якутскую губ. духоборец заезжал к писателю. Толстой писал о нём В. Г. Черткову 1 ноября 1898 г.: «Очень меня радостно поразил тот человек, про которого вам расскажет Арчер <англичанин, приглашённый Чертковым как помощник для работы, связанной с переселением духоборов. — Е. Г.>. Боюсь и здесь написать его фамилию, как бы не попало каким-нибудь необычайным случаем врагам и не повредило ему. Какая удивительная ясность сознания мысли и чувства, и при этом и выдержка, и энергия, и, сверх всего, внешняя привлекательность. Пора уж ему быть обратно, но до сих пор нет. Страшно боюсь за него, хотя он один из тех людей, которые сами ничего не боятся. Вот такое нужно общество, где выработываются такие люди» (88: 140).

2 ноября 1898 г. Толстой писал о Позднякове и в своём дневнике: «Приезжал духобор из Якутска. Очень полюбил его» (53: 211). 11 декабря 1906 г. в Ясной Поляне Толстой, вспоминая Позднякова, отметил: «Он бежал из ссылки повидать жену, детей и приехал на Кавказ, когда духоборы выезжали в Америку. Стоило бы ему сесть на пароход и уехать, а он вернулся» (ЯПЗ. 2. С. 328).

Е. П. Гриценко

ПОКРОВСКИЙ Егор Арсеньевич (1838–1895) — знакомый и корреспондент Толстого; врач-педиатр, педагог, антрополог, этнограф. Родился в селе Ново-Никитском Корчевского уезда Тверской губ. в семье священника. Закончил Тверское духовное училище. Ранняя смерть родителей сделала его единственным кормильцем семьи и возложила на его плечи заботу о младших брате и сестре. Несмотря на крайнюю стеснённость в средствах, Покровский продолжил образование сначала в Тверской духовной семинарии, а с 1855 г. на медицинском факультете Московского университета. В 1860 г. Покровский окончил университет и вскоре поступил в Софийскую детскую больницу. Создание в Москве первой детской больницы было связано с именами бла-

готворителей — Д. В. Голицына и С. С. Щербатовой, по имени которой — София — больница и получила своё название. Изначально больница располагалась на Малой Бронной улице, где Толстой бывал у Покровского. Сейчас больница называется Филатовской, в память о Н. Ф. Филатове — замечательном враче и соратнике Покровского. В Софийской больнице Покровский работал всю свою жизнь: сначала ординатором, потом на протяжении 22 лет главным доктором. В 1870 г. он защитил диссертацию «Об источниках новообразований соединительной ткани при зарастании просвета кровеносных сосудов» и получил степень доктора медицины. Познакомившись с опытом работы детских клиник Берлина, Вены, Парижа, он преобразовал Софийскую больницу, сделав её образцовой. Бессребреник, человек высочайших нравственных качеств, Покровский ежедневно в течение двух часов вёл бесплатный приём детей бедняков. Созданное им благотворительное общество обеспечивало этих детей игрушками и книгами. Под особой опекой доктора находились сиротские Воспитательные дома. В народе ходили легенды о «добром докторе» — так Покровского окрестила молва.

Важнейшим направлением деятельности врача стала профилактика детских заболеваний. Он считал, что многие из них можно предотвратить, если правильно осуществлять первоначальное развитие ребёнка. Покровский стал просветителем, часто выступая на страницах газет и журналов, делая доклады перед публикой. Названия его статей говорили сами за себя: «Первая пища русского ребёнка» (М., 1880), «Влияние первых приёмов воспитания на физическое развитие детей у разных народностей» (М., 1879), «Купание и крещение новорождённых в холодной воде» (СПб., 1884), «Значение детских игр в отношении воспитания и здоровья» (М., 1884) и др.

Огромную роль в развитии и воспитании детей Покровский отводил игре. Изучая народные игры, он стал настоящим этнографом, собирателем и исследователем игровых традиций. Сравнивая народные игры с модными в его время немецкой и шведской гимнастическими, доктор пришёл к выводу, что именно народная игра с её свободой, подвижностью, возможностью проявить инициативу, весельем, естественностью, эмоциональной раскрепощённостью наиболее полезна для ребёнка. Со всех концов России собирал Покровский «детский материал». Ему присылали игрушки и ходунки, детскую одежду и кукол, рецепты детского питания и колыбели. Собранный материал экспонировался на Антропологи-

ческой выставке (1879). Выставка поражала современников не только количеством и разнообразием экспонатов, но и интересными, новаторскими приёмами их показа. Покровский создал целые панорамы жизни народа, соединяя строго научный подход с эмоциональной образностью. В 1878 г. его избрали почётным членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1889 г. за экспозицию на Всемирной выставке в Париже, посвящённую физическому воспитанию детей, он был удостоен ордена *Officier d'Honneur*. Прекрасный врач, общественный деятель, этнограф, антрополог, основатель этнопедагогики, Покровский сумел проявить себя и как создатель концепции педагогического музея, которая представлена в его книге «Педагогические музеи как необходимая помощь в деле воспитания» (М., 1892). С 1890 г. он редактор, автор и издатель журнала «Вестник воспитания». Этот серьёзный научный журнал отличался широтой и разнообразием тем, доступностью изложения и давал ответы на многие медицинские и психолого-педагогические вопросы.

Толстой был лично знаком с Покровским. Толстые не раз обращались к нему как к детскому врачу. «Решено было послать за детским доктором Покровским...» — вспоминала С. А. Толстая (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 52). «Были доктора. Старались сделать ясным и определённым то, что неясно и неопределённо», — писал Толстой в дневнике 25 января 1889 г. (50: 29). Эта запись о консилиуме детских врачей Покровского и Филатова у постели тяжело больного Ванечки Толстого. В 1888–1889 гг. в дневнике Толстого довольно часто можно встретить записи о Покровском: «Вечером был Покровский», «Пошёл к Покровскому», «Ходил к Покровскому», «Пишу от Покровского». Часть этих записей связана с хлопотами Толстого по поводу кормилицы, которую Покровский искал по его просьбе для новорождённой дочери Чертковых. Другая часть посвящена совместной работе для издательства «Посредник». Ещё 6 декабря 1887 г. Толстой писал Черткову об этом: «Я говорил вам, кажется, о книге доктора Покровского *Детское воспитание*. Это превосходная книга для народа, если её переделать и сократить, и если даже <...>. Покровский сейчас был у нас и отдаёт книгу безвозмездно для распространения в народе...» (86: 106). Речь шла о книге Покровского «Первоначальное физическое воспитание детей». По предложению Толстого Покровский начал работу над составлением книги

для издательства «Посредник» об уходе за маленькими детьми. Работа эта шла не просто. Толстой отмечал в дневнике: «Был Покровский, привёз свою статью. Очень уж дурно написано, и опять тот же общий недостаток всех научных изданий, обращённых к массам: или ничего не говорить (вода — мокрая) или не может говорить, потому что на разных языках говорим, разной жизнью живём» (50: 5–6). Через два дня (28 ноября 1888 г.) дневниковая запись ещё категоричнее: «...кончил чтение Покровского. Очень плохо, научно наивно и безтактно» (50: 7).

Толстой решил переделать статью Покровского: «Целое утро поправлял Покровского до 5», — записал он 3 февраля 1889 г. (50: 32). Характер правки определялся желанием отсечь всё ненужное, лишнее, убрать некоторую книжную цветистость слога, свойственную Покровскому. Например, Покровский писал: «Как притупить ядовитое жало смерти, так нещадно поражающее детей наших в деревнях?» Толстой заменил эту фразу простым и кратким вопросом: «Что делать, чтобы сохранять больше детских жизней?» (27: 683). Толстой так увлёкся работой, что привнёс в текст Покровского не только собственные мысли, но даже небольшую вставную статью о соске. В это время ему попала работа врача В. О. Португалова «Детская смертность» (газета «Неделя». 1888. № 50). Под влиянием прочитанного Толстой начал работать над собственной заметкой о вреде соски. Работа эта предназначалась для народного журнала «Сотрудник». Она не была оформлена как отдельная статья, и Толстой поместил её в 7 главу книги Покровского, которая называлась «Полезна ли соска?». В марте 1889 г. рукопись Покровского, исправленная и дополненная Толстым, была послана В. Г. Черткову. Чертков, А. К. Черткова продолжили работать над текстом, редактируя его. Книга вышла в 1890 г. в издательстве «Посредник» под названием «Об уходе за малыми детьми». Позднее она не раз переиздавалась, многие годы служа поставленной цели: уменьшению детской смертности в народе. Ни в одном издании имя Толстого как соавтора не было указано, что соответствовало его желанию, высказанному в дневнике: «Приятно скромно безлично работать» (50: 32).

В ноябре 1890 г. Толстой обратился к Покровскому с просьбой напечатать в его журнале статью Элизы Бёрнз о проблемах полового воспитания. Покровский отвечал отказом, связанным с тем, что на поставленные в статье вопросы ещё нет точных медицинских ответов: «Мы сами, врачи,

ещё не вполне готовы, чтобы говорить по поводу этого вопроса убеждённо», — объяснил он своё решение Толстому (27: 709). Благодаря Покровского за присланный журнал «Вестник воспитания», Толстой писал: «Очень благодарен вам, уважаемый Егор Арсеньевич, за присылку журнала. Он мне очень понравился, насколько я успел познакомиться с ним. Жена и дочери все читают и тоже благодарят вас за него (65: 188).

Лит.: Головин В. В. Егор Арсеньевич Покровский. Материалы к биографии // Покровский Е. А. Детские игры преимущественно русские. СПб., 1994.

Е. В. Бойцова

ПОЛИВАНОВ Александр Константинович («Саша»; 1845–?) — мальчик, с которым в 1857 г. Толстой пешком «ходил по Швейцарии». Писатель ни разу не назвал фамилию мальчика, но исследователи вполне обоснованно полагают, что это одиннадцатилетний Саша Поливанов, сын титулярного советника, тарусского уездного предводителя дворянства К. А. Поливанова (см. 5: 318–319). Ещё в апреле Толстой записал в дневнике, видимо, замысел нового сочинения, который отчасти воплотится в незавершённом «Отрывке дневника 1857 г.»: «Путешествие с невинным мальчиком, его взгляд на вещи» (13 апреля. 1857. Женева). В «Путевых записках по Швейцарии» должно было предстать это путешествие с точки зрения мальчика.

С Сашей Толстой путешествовал по горам Швейцарии полторы недели, с 27 мая по 6 июня (н. ст.), пешком, иногда в экипажах, дилижансах, по озёрам на лодках. «Взял маленького Сашу и пошёл до Avants» (47: 130). В Ясную Поляну Т. А. Ёргольской он писал: «...я не мог оставаться один, взял с собой молодого мальчика Поливанова, которого мне поручила мать, и пошёл пешком ходить по Швейцарии. Я прошёл уже 3 дня, вёрст 100» (47: 192). В дневнике во время путешествия появлялись записи: «Приятная прогулка. Но маленькой надоедает мне» (47: 130). И почти каждый день: «Саша надоедает» (47: 131), «Саша надоедал вечер» (47: 133). Однако путешествием Толстой остался доволен, по горячим следам начал писать «Отрывок дневника...», но по каким-то причинам не довёл его до конца. Как складывались дальнейшие отношения между «путешественниками», неизвестно: кроме «Отрывка дневника...» по возвращении Толстой никогда не упоминал Сашу ни в дневнике, ни в сочинениях.

Впоследствии А. К. Поливанов служил в лейб-гвардии Конном полку, в 1873 г. вышел в отставку. Был женат на Марье Константиновне Тарновской (Селиванов А. В.

Род дворян Поливановых. Владимир, 1902. С. 48).

Лит.: Толстой Л. Н. Отрывок дневника 1857 г. (любое издание).

Н. И. Бурнашёва

ПОЛИВАНОВ Митрофан Андреевич (1842–1913) — товарищ братьев Берс, гвардейский офицер, впоследствии генерал-майор. Считался женихом С. А. Берс. Сын А. А. и Е. И. Поливановых, брат военного министра Поливанова. Окончил Инженерную академию, где потом занимал должность репетитора; позднее заведовал придворными конюшенными зданиями. Т. А. Кузминская вспоминала, что Поливанова впервые привёз в дом Берсов её дед А. М. Исленьев. «...Потом уже Поливанов всегда приезжал к нам в отпуск, проводил у нас и праздники, и лето. Это был высокий, белокурый юноша, умный, милый, вполне порядочный. Он был сын костромских помещиков. Мы навсегда сохранили с ним хорошие отношения» (*Кузминская*. Ч. 1. Гл. IX). Поливанов часто бывал у Берсов, был дружен и с Александром и с Таней, а Соню полюбил. Сестра Таня считала, что любовь эта была вызвана участливостью Сони к нему, он был одинок, и дом Берсов был для него по-своему родным. Поливанов и юная Соня Берс увлеклись друг другом, он сделал предложение, она согласилась, при этом Поливанов сказал, что она свободна и не связана словом. Позднее С. А. Толстая признавалась: «...любя свои мечты, я сделала Поливанова приложением к ним» (*ДСАТ*. 1. С. 37). В автобиографии «Моя жизнь» она написала, какими были мечты 17-летней Сони о будущей семейной жизни: «Я идеализировала его как мальчика, который любил меня первую в своей жизни, я писала повести об идеальном браке двух бедных супругов, в домике которых были цветы и пела канарейка. Всему этому не суждено было свершиться» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 33). В сентябре 1862 г. Соня Берс стала невестой Толстого, через неделю они обвенчались. Поливанов был шафером невесты и свидетелем на свадьбе и «вёл себя сдержанно и благородно» (*там же*. С. 67). В 1877 г. С. А. Толстая была в Петербурге, и в доме своей матери за обедом она «впервые после замужества» встретила Поливанова. Он был женат вторично. «...Мы оба смутились. Он говорил, что я совершенно переменила тип и из тоненькой девочки сделалась belle-femme <прекрасной женщиной. — *фр.*>» (*там же*. С. 264). Возможно, Софья Андреевна забыла, что она видела Поливанова и в 1866 и в 1868 гг. на свадьбе сестры Лизы. «Я очень взволновалась

и хотела тотчас же уезжать, зная ревнивый нрав моего мужа. Но моя мать успокоила и уговорила меня остаться» (*там же*. С. 168)

Толстой по-своему «отомстил» Поливанову, придав холодному и расчётливому Борису Друбечкому (одному из персонажей «Войны и мира») черты сходства с Поливановым. Это сходство признал и сам «герой» несостоявшегося житейского романа. «В Борисе есть кусочек меня», — писал он Тане Берс 2 марта 1865 г. В ответном письме она заметила другу своей юности: «Да, в нём <Борисе. — Л. Д.> есть ваша наружность и ваша *manière d'être* <манера себя держать. — *фр.*>» (83: 14).

Л. С. Дробат

ПОЛОВЦЕВ Анатолий Викторович (Половцов; 1841–1905) — корреспондент Толстого; знакомый В. В. Стасова; зав. общим архивом Министерства императорского двора, чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, состоял на службе его императорского величества; историк, писатель, публицист, автор исследований по крестьянскому вопросу и землевладению, сельскому хозяйству, а также по истории искусства и археологии. Сын известного военного инженера, писателя, филолога и педагога Половцова Виктора Андреевича, в 1905 г. в библиографической энциклопедии написал об отце статью за подписью «А. В. П.».

В начале 1900-х гг., во время работы Толстого над «Хаджи-Муратом», В. В. Стасов, разыскивая для писателя камер-фурьерские журналы за 1827, 1828 и 1839 гг. с сообщениями об участии императора Николая I в Бородинских торжествах, обратился за содействием к Половцеву. Тот сообщил, что интересующие Толстого сведения в журналах отсутствуют. С письмом к Толстому Половцев передал свою статью «Бородинская годовщина», напечатанную в петербургском календарь-альманахе «Царь-колокол» за 1889 г.

В 1904 г. уже Половцев, работавший над исследованием «Гёте и Россия», просил Толстого высказать своё мнение о личности и творчестве великого немецкого поэта. Толстой в то время составлял «Круг чтения» и не мог ответить Половцеву, потому просил В. В. Стасова принести свои извинения. Характер письменного общения Толстого с Половцевым отчасти отражён в книге «Лев Толстой и В. В. Стасов» (Л., 1929).

А. В. Шмелёва

ПОЛТОРАЦКИЙ Владимир Алексеевич (1828–1889) — сослуживец Толстого на Кавказе; генерал-майор, мемуарист, участ-

ник Кавказских и Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время службы на Кавказе в 1846–1854 гг. за храбрость и боевое отличие получил все чины до генерал-майора включительно; ордена Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 3-й степени с бантом и орден Св. Георгия 4-й степени. Автор 27 рукописных томов воспоминаний и дневников. Отрывки из них под названием «Воспоминания», о кавказском и туркестанском периодах его военной жизни, опубликованы в десяти номерах журнала «Исторический вестник» за 1893 г. и в семи номерах этого же журнала в 1895 г.

«Толстой оказался под началом В. А. Полторацкого во время одной из “оказий” военного похода летом 1853 г.» (ТВС. 1. С. 509). Тогда с Толстым произошёл случай, о котором в дневнике 23 июня 1853 г. он записал: «...ездил с кунаками в Воздвиженскую. <...> Едва не попался в плен...» (46: 162). Подробности этого происшествия описаны в «Воспоминаниях» Полторацкого: «В минуту нападения горцев граф Лев Толстой, Павел Полторацкий и татарин Садо <...> ускакали в Грозную. <...> Лев Толстой с татарин Садо, хотя и были очень ретиво преследуемы семью чеченцами, но благодаря быстроте коней своих <...> целы и невредимы достигли ворот крепости» (Исторический вестник. 1893. № 6. С. 672–676). Скорее всего, после этой «оказии» Толстой и Полторацкий больше не встречались.

29 мая 1895 г., спустя 42 года после их знакомства на Кавказе, Толстой записал в дневнике: «Читаю всё Полторацкого. Люблю эти воспоминания» (53: 34). Несомненно, они воскрешали в его памяти дни кавказской боевой молодости. Это чтение вскоре переросло в «мысль о писании “Хаджи-Мурата”» (35: 585), и с самого раннего периода создания повести, т. е. с лета 1896 г., основными источниками сведений для будущего произведения стали книги «Двадцать пять лет на Кавказе» А. Л. Зиссермана и «Воспоминания» Полторацкого. Вторая книга и составила основу ранней редакции повести, озаглавленной «Репей», где Толстой создал первый эскиз образа Хаджи-Мурата, в дальнейших редакциях лишь дополненный бытовыми, историческими деталями. «Историю конца этого баснословного фанатика» (Исторический вестник. 1893. № 7. С. 36–38), уместившуюся на трёх журнальных страницах «Воспоминаний», Толстой развернул в широкое художественно-историческое полотно. Из первой редакции в окончательный текст повести почти без изменения перешла одна подробность, замеченная у Полторацкого, — смер-

тоносный кинжал в руках Хаджи-Мурата: «С криком восторга победители устремились к павшему герою, но и тут Хаджи-Мурат, закатывая глаза в предсмертной агонии, успел распороть кинжалом животы двум отважнейшим врагам» (*там же*. С. 38). В *ЯПБ* номера «Исторического вестника» с «Воспоминаниями» не сохранились.

Полторацкий стал одним из персонажей «Хаджи-Мурата». Толстой оставил его подлинную фамилию, лишь поменяв местами имена в его имени-отчестве: «Алексей Владимирович». «На диване сидел молодой, красивый, краснолицый брюнет, бывший гвардеец, командир второй роты...» (35: 322), — так его показал Толстой во второй редакции повести. В др. вариантах он появлялся с фамилией «Полторасов». «...Вспомнить его внешность помог портрет, приложенный к журналу “Исторический вестник” за 1895 г.», — считал А. П. Сергеевко, автор статьи «“Хаджи-Мурат”. История писания» (35: 590). Однако на том портрете Полторацкий изображён в возрасте 50–60 лет. Писатель же запечатлел его таким, каким знал в начале 1850-х гг. Речь в данном отрывке шла о конце 1851 г., когда Полторацкому было 23 года. В последней редакции его портрет более точен: «...широколицый, румяный, перешедший из гвардии, ротный командир Полторацкий...» (35: 17).

На «Воспоминаниях» Полторацкого были основаны многие сцены «Хаджи-Мурата», и в некоторых из них он сам являлся действующим лицом. В десятую редакцию включены такие эпизоды: ранение упавшим деревом солдата Никитина из роты Полторацкого (35: 475), перестрелка с чеченцами его роты (35: 476), симпатия Хаджи-Мурата к нему (35: 480), пример дружеской помощи товарищу (35: 507). В окончательном тексте Полторацкий появился в таких сценах: игра в карты у Воронцовых, характеристика крепостным Вавилой своего барина (35: 17–20); рубка леса с участием двух рот под его командованием (35: 25–26); встреча Полторацкого с Хаджи-Муратом (35: 28); обед в Куринском полку и проводы генерала Козловского (35: 97). «Рукопись повести Толстой держал при себе вплоть до 28 октября 1910 г., когда ночью покинул навсегда Ясную Поляну» (35: 629). Вместе с ней в своей памяти он держал и все события, случившиеся с ним на Кавказе, в т. ч. и знакомство с отважным кавказским офицером В. А. Полторацким.

Е. В. Белоусова

ПОЛУБОЯРИНОВ Алексей Иванович (даты жизни не установлены) — сту-

дент математического факультета Казанского университета, однокурсник гр. Д. Н. и С. Н. Толстых, приятель Д. Н. Толстого. Поступил в университет осенью 1843 г. и по прошению, т. е. по собственному желанию, вышел из него осенью 1845 г. Упомянут в «Воспоминаниях» Толстого: «Мы, главное — Серёжа, вели знакомство с аристократическими товарищами и молодыми людьми, Митенька, напротив, из всех товарищей выбрал жалкого, бедного, оборванного студента Полубояринова (которого наш приятель-шутник называл Полубезобедовым, и мы, жалкие ребята, находили это забавным и смеялись над Митенькой). Он только с Полубояриновым дружил и с ним готовился к экзаменам» (гл. IX). Под фамилией Безобедов Полубояринов появился в повести «Юность». Это товарищ по университету Дмитрия Нехлюдова, с которым тот занимался. Толстой дал его портрет: «Безобедов был маленький, рябой, худой человечек, с крошечными, покрытыми веснушками ручками и огромными нечёсанными рыжими волосами, всегда оборванный, грязный, необразованный и даже плохо занимавшийся. <...> Хуже Безобедова на вид не было студента во всём университете» (гл. XLI). Полубояринов — реальный прототип Безобедова.

Н. И. Бурнашёва

ПОЛУШИН Николай Абрамович (псевд.: Д.; Д-ский; Ивановский Старожил и др.; 1839–1902) — сотрудник издательства И. Д. Сытина, писатель, автор рассказов и сцен из народного быта. Публиковал свои очерки в «Московских ведомостях», «Вестнике промышленности», «Наблюдателе». В 1861–1862 гг. он был редактором неофициальной части «Костромских губернских ведомостей», вёл рубрику «Слухи и вести», в 1882–1884 гг. был издателем-редактором иллюстрированного журнала «Русский сатирический листок», где опубликовал свои произведения «Чудаки» (1882), «Семья XIX века», «Дедушкин амур», «Дача-неудача», сцены из комедии «Папаши» (1883).

С Толстым Полушин познакомился в 1887 г. 17 октября он послал писателю «вещицу для народного чтения», пьесу «Сермяжная мученица». Толстой её отредактировал, отослал обратно для исправления. 2 ноября Полушин вторично прислал пьесу, Толстой отредактировал текст ещё раз, изменил название на «Что такое жена?» — и передал пьесу в «Посредник», где она была напечатана в 1888 г. В 1888–1889 гг. Полушин неоднократно виделся с Толстым. Дневниковые записи Толстого говорят о том, что Полушин был ему интересен как

человек, в дневнике Толстой не раз рассуждал о своих отношениях с Полушиным, анализируя чувства, которые тот вызывал у него: «Пошёл к Полушину. Меня мучает этот человек. Я вижу в нём скрытую злобу. Вроде Денисенко. Надо любить его, и тяжело это делать» (5 февраля 1889 г. – 50: 33). «...Пришёл Полушин. И я говорил хорошо, но не для него, не любя его, а себя. Впрочем, это уж я слишком строг к себе: потому я и говорил хорошо, что прежде полюбил и потому понял его» (12 февраля 1889 г. – 50: 36).

Из произведений Полушина Толстому понравилась только первая пьеса «Сермяжная мученица» («Что такое жена?»). О многих других его сочинениях писатель отзывался неодобрительно. По поводу комедии «Без любви всё ничто» Толстой писал дочери М. Л. Толстой в довольно сдержанном тоне, что «сочинение недурно» (28 апреля 1888 г. – 64: 165), а в письме к В. Г. Черткову высказался более резко: «О Полушине, к несчастью, Ваше мнение верно – идёт равномерно хуже. И последнее невозможно, несмотря на то, что тема прекрасная» (5 июля 1888 г. – 86: 164). Черткову это произведение тоже не понравилось, и к изданию в «Посреднике» его не приняли. В ноябре 1887 г. Полушин прислал Толстому вторую пьесу, «Мироед», Толстой оценил её отрицательно: «Ненатуральна слишком большая жестокость с песней, и ещё более ненатурален быстрый переворот», – писал он Полушину 20 ноября (64: 124). Комедия Полушина «Седьмая репка», по мнению Толстого, «ужасно плоха» (письмо к Черткову 11 марта 1888 г. – 86: 133). Рукопись этой пьесы Толстой передал артисту В. Н. Андрееву-Бурлаку, который предполагал поставить на сцене некоторые комедии Полушина до появления их в печати, однако осуществлены эти спектакли не были. 13 сентября 1888 г. Толстой писал Черткову о Полушине: «Из всего, что он писал, кроме первого разговора в “Что такое жена?”, очень хорошего, ничего не было сносного. Всё фальшиво до последней степени, также и последние сцены, и “Эфиопский царь”, и хуже всего “Седьмая репка”. Фальшь тем больнее, чем выше то дело, по отношению к которому она фальшь, и потому мне отвратительны вещи Полушина. <...> Полушин ужасно жалкий образец гибели человека от вина, гибели для нас, для людей, Бог видит в нём то, чего мы не видим» (86: 168).

Судьба Полушина складывалась сложно. Он страдал запоями, всё время нуждался в деньгах. Толстой заботился о том, чтобы «Посредник» платил хороший гонорар за сочинения, по рекомендации Толстого в 1889 г. И. Д. Сытин пригласил Полу-

шина в качестве редактора «Всеобщего календаря». Сытин вспоминал: «Много трудов и забот положено было мною на создание отрывного календаря. Я просил Л. Н. Толстого рекомендовать мне человека, способного посвятить себя всецело этому делу. Он указал мне Полушина – народника, типа шестидесятников. Этот человек отдал новому делу всего себя и в течение 15 лет положительно священнодействовал». (Полвека для книги. 1866–1916. Литературно-художественный сборник, посвящённый пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М., 1916. С. 25).

О своей литературной деятельности Полушин писал Толстому: «Я маленький писатель, пишу небольшие картинки, приношу этим маленькую пользу себе и людям – вот и всё. На этой дороге меня не встретят ни разочарования, ни несбыточные надежды, так как нет причин, их вызывающих» (86: 160).

В 1890-е гг. взгляды Полушина и Толстого резко разошлись. В 1893 г. Полушин написал рассказ «Блуждающая душа», в котором выступал против толстовского учения, защищая церковное христианство. Рассказ этот автор послал А. А. Александрову в «Русское обозрение». Александров был не против напечатать рассказ, но попросил Полушина узнать у Толстого, как он к этому произведению относится. Полушин отправил Толстому письмо и получил ответ: «Я прочёл ваш рассказ и, разумеется, ничего не имею против его печатания в том смысле, в каком он относится до меня; но не скрою от вас, что очень сожалею о том, что он будет напечатан и будет, хотя и в малой мере, содействовать укреплению вредных суеверий» (18 октября 1893 г.; 66: 405). По поводу публикации рассказа Полушин вёл переписку даже с Победоносцевым, но рассказ всё-таки не был напечатан.

Л. Е. Кочешкова

ПОЛЯКОВ Григорий Александрович (даты жизни не установлены) – выпускник естественного факультета Московского университета; из купцов; помогал Толстому в работе «на голоде»; на свои средства открыл столовую для голодающих. 15 ноября 1891 г. Толстой записал в дневнике: «Утром приехали Тулинов и Поляков. Милые ребята» (52: 58). Толстой направил их в село Монастырщину Епифанского уезда, в 16 км от Бегичевки. Там они открыли на свои средства столовые. Из Бегичевки Толстой писал своим молодым помощникам: «Милые друзья сотрудники Николай Иванович и Григорий Александрович, как

вы поживаете, что делаете? Довольны ли вашей работой? Не ищете ли более плодотворной деятельности? У вас, говорят, мера пересыпана верхом. Если так, направьтесь в Скопинский, Раненбургский уезды. Там ещё много нужды, к несчастью. Во всяком случае, не унывайте и верьте, что лучшего ничего делать нынешний год нельзя. Можно только лучше делать то, что мы делаем, с большей любовью. Вот это-то и будем стараться делать» (1892. Апреля 14...июля 28? – 66: 238).

Н. И. Бурнашёва

ПОНОМАРЁВ Иван Иванович (?–1927?) – корреспондент и адресат Толстого, духобор. В 1895 г. в числе кавказских «бунтовщиков», отказавшихся от службы в армии, был выселен с семьёй со своего места жительства и выслан в отдалённую деревню на Кавказе, а в январе 1897 г. отправлен в Архангельскую губ.

Пономарёв неоднократно обращался к писателю. 6 сентября 1896 г. вместе со своими единоверцами, В. И. Объедковым и В. И. Медведевым, находившимися, как и он, в местечке Цхинвали Горийского уезда Тифлисской губ., Пономарёв сообщал о себе и участии духоборов. В ответном письме Толстой, стараясь поддержать их, писал, что «гонения эти необходимы для дела Божия, для установления Царства Божия на земле» (69: 193). По окончании трехлетнего срока ссылки Пономарёв уехал в Канаду и присоединился к переселившимся туда в 1898–1899 гг. духоборам. В декабре 1899 г. он вместе с А. М. Бодянским и В. Н. Потаповым в поисках более комфортных условий для жизни отправился в Калифорнию. Препостерегая их от возможных опрометчивых решений, связанных с новым переездом, Толстой 7 (19) марта 1900 г. направил письмо «Духоборам, переселившимся в Канаду» (72: 328). Пономарёв и Потапов в письме 14 мая 1900 г. (н. ст.) благодарили его за внимание к судьбам духоборов и уверяли, что переселяться на новые места не будут.

18 января 1901 г. Толстой снова писал Пономарёву и Потапову, отвечая на их письмо от 31 декабря 1900 г., в котором сообщалось о столкновениях духоборов с канадским правительством. Конфликтная ситуация возникла в связи с отказом духоборов от частной собственности на землю и их нежеланием регистрировать акты гражданского состояния. В своём письме Толстой призывал духоборов «употребить все усилия», чтобы «владеть землёю сообща» и удержаться в общине «дух христианской жизни и братства». Что же касается необходимости соблюдения ими

формальных записей о рождении, смерти и браке, то на них, по мнению Толстого, можно согласиться, так как они не противоречат христианской жизни (73: 17–18). 30 мая 1901 г. в письме к Пономарёву и Потапову писатель «на всякий случай приложил 70 рублей» и закончил своё письмо так: «Только бы мы не закрывали глаза на свои грехи, а не переставая старались становиться хоть немного лучше: разумнее и любовнее, и всё будет хорошо в нашей жизни...» (73: 85–86). Умер Пономарёв предположительно в Колумбии.

Е. П. Гриценко

ПОПОВ Александр Петрович (1816–1885) – врач, профессор хирургии Московского университета; директор клиники в Москве. 26 сентября 1864 г. по дороге в Телятинки Толстой, погнавшись по вспаханному полю за зайцем, вместе с лошадью упал в глубокую рытвину и вывихнул себе правое плечо. Тульские доктора вправили вывих, но неудачно, и рука действовала неполноценно. Это было время работы над «Войной и миром». 21 ноября Толстой уехал в Москву, чтобы посоветоваться с врачами. С. А. Толстая осталась в Ясной Поляне, так как дети болели после прививки оспы. Врачи, в т. ч. Попов, сделали заключение, что руку «ломать не надо, что был перелом» (83: 56). Попов «говорил, что рука очень, очень немного не на месте и что владеть я ей буду гораздо лучше, чем теперь, – писал Толстой жене. – Что теперь я не владею преимущественно оттого, что при бездействии все мускулы исхудали и в мускулах было произведено растяжение и ушибом параличное состояние, которое может пройти и само собою, и при употреблении йода, мази, которая произведёт наружное воспаление» (83: 56). Но потом Попов пришёл к выводу, что операция всё же нужна. Операция прошла благополучно: врачи Попов и Гаак считали, что рука будет практически как раньше. «Попов и Гаак вчера нарочно съехались вместе, сняли перевязку, и хотя и уверяют, что кость подвинулась немного, кажется, что от операции собственно пользы очень мало» (83: 78). Доктор Нечаев посоветовал ванны, мазь, бинты и повязку. Стало лучше. Кость, когда Толстой надавливал на неё в ванне, вставляла на место, отёки прошли, и можно было поднимать руку выше головы (до операции она вообще не поднималась). Операция проходила 28 ноября в московской квартире Берсов. Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях подробно описала операцию, на которой присутствовала лично. Сначала Толстой не засыпал от хлороформа, но по-

том заснул. «Сидел передо мной мертвец, а не Лев Николаевич. Вдруг он страшно изменился в лице и затих. Двое служащих, по указанию Попова, тянули из всех сил руку Льва Николаевича, пока не выломали неправильно сросшуюся кость. Это было очень страшно. <...> Когда рука безжизненно повисла, Попов ловко и сильно как бы вдвинул её в плечо. <...> Когда он очнулся, то пожаловался на боль в руке. <...> Когда же он через 2–3 дня писал Соне про операцию, он не упоминал о своих страданиях. Я спросила его: «Ты скрываешь это от неё? – Да нет, да я не особенно страдал. Я думал будет хуже» (Кузминская. Ч. 3. Гл. 3).

Е. Ю. Хомякова

ПОПОВ Василий Михайлович (даты жизни не установлены) – в начале 1860-х гг. студент Московского университета; помогал в издании журнала Толстого «Ясная Поляна». В Москве он ведал делами журнала; читал корректуры печатавшихся в журнале статей; иногда исправлял по цензурным соображениям или соображениям благопристойности. Бывали случаи, когда Попов поправлял и самого Толстого. Так, в феврале 1862 г. готовился к печати третий номер журнала, где должна была появиться статья Толстого «Проект общего плана устройства народных училищ». Автор беспокоился о том, как статья пройдет цензуру. «Василий Михайлович! – писал он Попову об этой статье. – Первая статья-разбор предоставлена на съедение цензуры, но наберите её – может, и пройдет. Если очень изуродуют, не печатайте» (8: 538). Попов отредактировал, «выгладил» текст Толстого. В результате в мартовской книжке журнала появилась статья Толстого под редакцией Попова, который был не очень чуток к языку и порой делал нелепые поправки. В дальнейшем эта статья так и печаталась. Впервые по рукописям статья «Проект общего плана устройства народных училищ» исправлена в Юб. (т. 8).

Отношения с Поповым были, видимо, неровные: от сетования на страницах дневника: «Попов не аккуратен» (20 мая 1862 г. – 48: 40) – до признания в дневнике 29 августа 1862 г.: «Попов необычайно умён и приятен. Грустно, но хорошо» (48: 41–42). Дальнейшая судьба В. М. Попова неизвестна.

Н. И. Бурнашёва

ПОПОВ Евгений Иванович (1864–1938) – последователь, посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Педагог, переводчик. Один из тех «незаметных» помощников, с которыми Толстому было легко и просто, как с самим собой. Принимал

активное участие в работе издательства «Посредник». Автор книги «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866–1894»; Толстой написал послесловие к этой книге.

Часто и подолгу жил в Ясной Поляне, сопровождал Толстого в его прогулках и поездках, переписывал сочинения писателя, помогал ему в переводах. Вместе с Толстым принимал участие в помощи голодающим, вместе с ним ходил пешком из Москвы в Ясную Поляну и оставил об этом путешествии воспоминания (Попов Е. И. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом // *Летописи*. Кн. 2).

С. А. Толстая не любила Попова. В книге «Моя жизнь» она вспоминала: «...приходил к нему некто Евгений Иванович Попов, женатый на богатой и прекрасной, любившей его жене. А Попов уходил от неё на целые дни в рабочий дом или ещё куда по своим принципам <...>. Этот Попов был восточного типа флегматик, чёрный, красивый. Мать его была грузинка или армянка, держала кухмистерскую и была чрезвычайно вульгарна. Попов нигде не доучился, читался Толстого и неумело прилагал мысли к жизни. Под видом служения другим он всю жизнь приживал при чужих семьях, и мне был всегда неприятен своей молчаливой таинственностью и медленным вторжением в интимную жизнь моей семьи и особенно дочери Тани» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 69). У Попова с Татьяной Толстой завязались сердечные отношения, которых опасались родители Толстые. 29 марта 1894 г., Толстой писал о нём дочери Татьяне: «Он хочет быть хорошим, но ему это очень трудно, потому что это хитрая, пронырливая восточная натура и неправдивая» (67: 93). «А что такое брак с ним? – продолжал Толстой. – <...> Здесь что? Ужасная семья его, которую можно игнорировать злым, холодным людям, но не нам с тобой, нелюбовь, ненависть, презрение, отвращение всех наших семейных, отсутствие всякого положения, а в будущем приживальчество при жене, как и было, отсутствие уважения всех близких и неопределённая, неуловимая, хитрая натура, та самая, которая в жене вызвала ненависть и упрек главный неправдивости...» (67: 94–95). Это большое письмо Толстого к дочери, «вызванное только любовью хорошей», видимо, возымело своё действие: отношения Т. Л. Толстой и Попова остались на стадии дружеских.

Н. И. Бурнашёва

ПОПОВ Иван Иванович (1862–1942) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Член организации «Народная воля». Публицист. С 1906 г. жил в Москве, всту-

пил в кадетскую партию. Окончив С.-Петербургский учительский институт, некоторое время занимался педагогической деятельностью. В начале 1880-х гг. начал публиковаться в газетах. В 1882 г. был впервые арестован по обвинению в причастности к народovolьческому кружку и распространении нелегальных прокламаций, но выпущен под залог. Несколько раз его арестовывали в 1880-е гг. и в 1885 г. выслали в Забайкалье. С 1894 г. Попов — редактор и издатель газеты «Восточное обозрение» и журнала «Сибирский сборник». По определению самого Попова, газета была радикально-демократической, в ней публиковали свои статьи политические ссыльные: П. Зайчневский, Тан-Богораз, Бронштейн (Троцкий), Л. Красин и др. Газета продолжала выходить до начала 1906 г. и сыграла заметную роль в формировании общественного мнения сибиряков. В 1905 г. Попов разработал проект введения в Сибири земского самоуправления, который одобрила Гос. дума и представила его на рассмотрение императору. В Москве он принимал участие в работе различных комиссий I Гос. думы. В последующие годы Попов являлся председателем Общества деятелей периодической печати и литературы, членом политического Красного Креста и др. общественных организаций. В разные годы, помимо газетно-журнальных публикаций, им были написаны работы по истории Сибири, Монголии, Китая, проблемам административного управления и самоуправления, биографические очерки о Тургеневе, Муромцеве. Похоронен Попов на Ваганьковском кладбище.

Заочное знакомство Толстого с Поповым состоялось в 1898 г., когда он начал регулярно посылать Толстому литературно-политическую газету «Восточное обозрение» (посылал до закрытия газеты в 1906 г.). Лично они познакомились, когда Попов из Иркутска приехал в Ясную Поляну 16 октября 1903 г., тогда он предложил свои услуги в оказании помощи нуждающимся (74: 250). Во время пребывания Попова в Ясной Поляне Толстой сделал перевод «весьма интересной и важной» статьи американца Эдварда Джемса о духовоборах, дал прочесть Попову, а 22 октября 1903 г. отправил редактору «Образования» А. Я. Острогорскому. 4 декабря 1903 г. Толстой писал Попову: «Пользуюсь вашим разрешением обращаться к вам за помощью лицам, нуждающимся в ней в Иркутске». Толстой просил о некоем С. П. Чижове, сектанте-штундисте, «человеке искренних и твёрдых христианских убеждений, за которые он перенёс и продолжает нести тяжёлые гонения» (74: 251): за

принадлежность к секте Чижов был выслан в Восточную Сибирь. Через Попова Толстой передал Чижову 25 рублей. Попов — автор нескольких статей и воспоминаний о Толстом, напечатанных в «Международном толстовском альманахе» (М., 1909).

А. Г. Королёва

ПОПОВ Сергей Михайлович (1887–1932) — последователь, корреспондент, адресат Толстого. Сын петербургского чиновника, учился в гимназии, но, не кончив курса, под влиянием Толстого вышел из седьмого класса, решил добывать себе пропитание физическим трудом. Работал в толстовских колониях, скитался, «из принципа» жил без паспорта, крайне сократил свои потребности, ходил босиком, не раз сталкивался с властями. Свои показания в полицейских дознаниях подписывал так: «Сын Божий, по телесной оболочке называемый людьми С. Попов». Нередко и подолгу жил в шалаше в Телятинках, много работал на земле. 28 марта 1907 г. написал Толстому о своей трудовой жизни, о том, что ему открылся «идеал добра и истины», и о намерении в будущем работать «на бедных». Писателя тронуло письмо Попова; 2 апреля он ответил молодому человеку, разъясняя, что такое «идеал», и советуя ему все силы направлять на то, чтобы воспитать в себе «наибольшее смирение и наибольшую любовь ко всем людям» (77: 70). Попов часто бывал в Ясной Поляне (впервые был в 1909 г.), беседовал с Толстым. 11 октября 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «Утром был у Л. Н. Серёжа Попов <...>. Очень скудно одет, маленький, белокурый, вида детски невинного. Он вышел из гимназии, прожил три-пять лет у Скороходова и ещё где-то на земле» (ЯПЗ. 4. С. 73). 6 марта 1910 г. Толстой говорил о Попове, пришедшем в Ясную Поляну: «Л. Н. (о нём): “Он милый и приятный, серьёзное лицо у него; его мечта — работать без животных, лопатой землю копать”» (ЯПЗ. 4. С. 191). В тот же день писатель отметил в дневнике: «Приехал Стахович. Очень уж чужда эта и политика, и роскошь, и quasi-аристократизм. <...> То ли дело Андрей Тарасов и Серёжа Попов, а не Стахович» (58: 22).

О Попове, юноше, единомышленнике Льва Николаевича, стремящемся воплотить его взгляды в жизнь до самой последней крайности, в своём дневнике писал В. Ф. Булгаков: «Серёже года двадцать три. Он — бывший петербургский гимназист, ушедший из седьмого класса, чтобы сделаться странником. С тех пор он бродит по всей России, останавливаясь подольше главным образом в различных “толстов-

ских" общинах и колониях. Это тихое, кроткое существо, со всеми ласковое. Серёжа всех зовёт братьями и на "ты". Он даже собаку Соловья в Телятинках зовёт братом. И наружность у него подходящая к его внутреннему облику – белокурые волосы, кроткие голубые глаза. Он никогда и ни от кого не берёт денег за свою работу. Серёжа очень любит Льва Николаевича и всегда радуется возможности лишней раз повидать его» (Булгаков. С. 189). Появление Попова в Ясной Поляне неизменно вызывало у Толстого добрые чувства: 1 августа 1910 г. Маковицкий занёс в свою тетрадь: «О Серёже Попове Л. Н. заметил мне: каким спокойствием, чистотой и здоровьем дышит его лицо от вегетарианского и рабочего образа жизни» (ЯПЗ. 4. С. 312).

В 1914 г. Попов написал воззвание против войны, за что был арестован и около года просидел в тюрьме. В 1930 г. недолго был народным учителем. Умер от сыпного тифа, работая братом милосердия.

Лит.: Пругавин А. С. Неприемлющие мира. М.: «Задруга», 1918. С. 93–141; Панкратов А. С. Ищущие Бога. Кн. вторая. М., 1911. С. 41–58.

Н. И. Бурнашёва

ПОПОВА Авдотья Васильевна («Дуняша»; 1846?–?) – сначала горничная, затем экономка в яснополянском доме; прожила в семье Толстых 30 лет. Получала ежемесячно за работу 8 рублей. Д. П. Маковицкий писал о ней: «Экономка, 60 лет, очень похожа на Агафью Михайловну в "Детстве". Всё для других, о себе не думает. Любит животных, и они её. Над каждой курицей, которую приходится отдавать на зарез, горько плачет» (ЯПЗ. 2. С. 88). Часто упоминалась в письмах Толстого как незаменимое лицо в яснополянском и московском домах. По необходимости выполняла обязанности курьера, почтальона: через неё Толстые отправляли письма, бандероли в почтовое отделение на станции Козлова Засека. В качестве няни в 1886 г. ухаживала за Парашей Ге, дочерью младшего Н. Н. Ге, сына художника, когда те гостили у Толстых и в Москве, и в Ясной Поляне.

Для семьи Толстого Авдотья Васильевна была образцом христианской кротости и чистой, искренней веры. Даже С. А. Толстая порой видела это и укоряла себя: «...как жаль больную ногами Дуняшу, что ей трудно в подвал лазить, а я сердилась, что она не то варенье принесла <...>. Хочется быть лучше, добрее» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 292). Приехавший на Пасху из Петербурга Лев Львович рассказывал, что церкви в городе «полны, как никогда не бывали».

Толстой заметил: «Я этому очень верю. На днях сошёл в девичью искать Сашу. Там няня, Дуняша, Ольга, иконы, горят три лампадки. Это поэзия религии, они ею живут, не просто зрители, как мы. От неё отстать можно только при глубоком религиозно-нравственном понимании. Но как же нам отнять её у них, старушек, у народа? Она вызывает невинное доброе чувство в них» (ЯПЗ. 2. С. 96).

25 апреля 1906 г. Маковицкий записал, что в зале яснополянского дома обсуждали революционные настроения народа, говорили о том, что «Авдотья Васильевна жалеет Дубасова <московский генерал-губернатор. – А. К.> и революционеров». Толстой сказал: «Авдотья Васильевна – продукт прежней жизни. Рядом с ней живут совершенно иного воззрения люди, откуда же её воззрение взялось? В старые года, когда скоро умирать... Мне совершенно ясно, что ключ к христианству – непротивление, а они откинули его, христианами же себя мнят» (ЯПЗ. 2. С. 122).

А. Г. Королёва

ПОПОВА Анна Ильинична («Анночка», «Аннушка»; рожд. Толстая; 1888–1954) – внучка писателя, старшая дочь И. Л. Толстого, в первом замужестве Хольмберг, во втором – Попова. Родилась в сельце Протасове (Александровке) Чернского уезда Тульской губ., в один год с Ванечкой, сыном писателя. Узнав о рождении внучки, Толстой написал родителям новорождённой поздравление, выражая радость по поводу этого события и шутиливо уверяя их в том, что теперь всех девиц он будет воспринимать с «соболезнующим презрением», потому что они – «это что?», а вот Анна – «настоящая». Кроме шутивых строк были и серьёзные наставления сыну Илье, чтобы он правильно воспитывал ребёнка, не допускал тех ошибок, которые случались с ним и стали впоследствии «ошибками времени». Дедушка желал, чтобы Анночку много «лучше воспитали» её родители, не подвергая ребёнка барским замашкам, к которым были приучены сами. Внучка избегала вредных соблазнов и к восьми годам получила домашнее образование, освоила грамоту и дальше уже не обучалась ни в одной школе. Семья жила скромно в Гринёвке, отец был целиком занят столярными и токарными делами и никогда не сидел без дела. К четырнадцати годам Аня вполне сформировалась, стала «громоздкой», из-за чего Лев Николаевич сравнивал её то с «вдовой Чистоплюевой, у которой уйма детей», то с «садовником Хансом», то с буксирным пароходом «Ганс». Анночка по-

стоянно комплексовала, смущалась перед дедом, понимая, что с ним нужно говорить исключительно честно, откровенно, как с самой собой.

В 1902 г. после крымской болезни Толстого его 14-летняя внучка стала заботливо ухаживать за ним. А уже весной 1908 г., когда с ним не раз случались обмороки, она с большой ответственностью следила за его гигиеной, впрыскивала морфий, причёсывала волосы и бороду. С большой радостью каждый раз воспринимала его выздоровление, после которого можно было наслаждаться игрой с ним в волан или даже в большой теннис. В промежутках между дедушкиными недомоганиями она лихо отплясывала «Барыню» вместе с дядей Андреем Львовичем. Это были счастливые миги бытия, когда можно было легко дышать и легко петь русские романсы с тёткой Александрой Львовной, приглашая присоединиться Михаила и Андрея Львовичей, и радоваться дедушкиному восклицанию: «Пойте вовсю!». Песнопения внучки ещё раз подтверждали, сколь семейство Толстых музыкально. Красивый, чистый Анночкин голос, чем-то напоминавший пение Вари Паниной, лишнее тому подтверждение.

Старшую внучку в её беседах с дедушкой интересовали его взгляды на брак, особенно на ранний. На вопрос, когда лучше замуж выйти, его ответ всегда был однозначным: «самое лучшее никогда не выйти» (ЯПЗ. 2. С. 494). После этого рассказывал о хорошо знакомых супружеских парах, своих отце и матери, какими они были: папá энергичный, а мать – слабой, о родителях Анночки, энергичных, но мать всё же сильнее. Он был убеждён в том, что внучка вся в мать, такая же «симпатичная», как и она (ЯПЗ. 1. С. 122). Внучка же, вопреки советам деда, поступила по-своему и очень рано вышла замуж. 16 июля 1908 г. она вступила в брак с Н. А. Хольмбергом (1887–1954). 29 августа 1908 г. молодожёны прибыли в Ясную Поляну после 80-летнего юбилея деда и были шумно и радостно встречены всем большим яснополянским семейством. Молодую пару нашли «простосердечной, доброй, славной» (ЯПЗ. 3. С. 181).

Часто бывая в Ясной Поляне, Анна до мелочей запомнила весь строгий распорядок дня своего деда, которого тот неуклонно придерживался: вставал около 8-ми часов утра, убирал свою комнату, расчёсывал бороду, затем уходил на прогулку, во время которой беседовал с посетителями, а потом входил в свой кабинет, плотно прикрывал двери, пил кофе и разбирал почту. Внучке не раз хотелось оторвать понравившуюся ей марку от конверта, но бабушка строго

запрещала ей это делать, потому что «это всё государственное». Анночке оставалось после этого только перевязывать конверты ленточками, а потом раскладывать их в больших шкафах. Особо запомнилось ей время тишины, наступавшее в 9-30 во всём яснополянском доме, когда Толстой закрывался в своём кабинете, чтобы работать за письменным столом. Она запомнила одинокий его прибор на обеденном столе в зале, его прогулки по усадьбе «без дорог», главный обеденный стол, поделённый на «тот» (для вегетарианцев) и на «наш» (для мясоедов), как он с умилением слушал пение цыганского табора около шоссе, близ Ясной Поляны.

Никогда не забывала внучка писателя траурные дни Ясной Поляны, когда дом сразу опустел и словно умер вместе со своим хозяином. 9 ноября 1910 г. ранним утром она приехала в переполненном вагоне из Калужской губ. на станцию Козлова Засека. Казалось, что «небо повисло над всеми». Уже ночью она слышала среди крошечной тишины замёрзшего дома величественное пение «Вечной памяти».

Как утверждали близкие знакомые, Анна была удивительно похожа на своего знаменитого деда. Ей легко удавалось притягивать к себе хороших людей. Она вызывала не только уважение, но и поклонение у мужчин, сначала у Хольмберга, а потом и у П. С. Попова (1892–1964), за которого в 1926 г. вышла замуж, счастливо прожив с ним до конца своей жизни. При всех своих заметных дарованиях П. С. Попов становился как будто менее заметным рядом с женой. Она притягивала к себе всех своей энергией. Аннушкин голос был столь красивым, что сама Н. А. Обухова «выучивала романсы» с оглядкой на её голос, – писала Л. Е. Белозерская-Булгакова в своих «Воспоминаниях» (М., 1989. С. 216). Супругов Поповых очень сближала их совместная работа по созданию Полного собрания сочинений Толстого (в 90 т.), участие в редакционных комментариях к 84-му тому, в котором публиковалась переписка Толстого с женой (1886–1910). Эта работа позволяла внучке Толстого снова и снова погружаться в прекрасное далёко, припоминать всё до мелочей: разговоры, интонации. Из-за этих воспоминаний, ностальгии по ушедшему, она больше всего и уставала. И даже подписывала письма своим друзьям: «усталая Анна Толстая-Попова».

Колоритная квартира Поповых в Плотниковом переулке Москвы, заваленная книгами, стала известной после выхода романа «Мастер и Маргарита», автор которого заходил сюда в гости. Хозяева «подвальчика»

радушно принимали здесь своих многочисленных друзей.

А. И. Попова была похоронена среди других членов толстовской семьи на Кочковском кладбище близ Ясной Поляны.

Н. А. Никитина

ПОПОВА Анна Панкратьевна (рожд. Новакович 1844–1914) – мать Евгения Ивановича Попова. Находясь в Москве, Попов постоянно останавливался у матери, которая ради содержания семьи открыла небольшую вегетарианскую столовую – кухмистерскую. Эту столовую посещали преимущественно студенты технического училища. В соседней комнате Попов занимался шитьём обуви (Толстой и его близкие. С. 185, 191, 192). Столовая просуществовала недолго: в начале 1891 г. её закрыли. 28 февраля 1891 г. Толстой писал В. Г. Черткову, в том же письме обращаясь к Е. И. Попову: «Что, Евгений Иванович, милый друг, что вы будете делать? Напишите мне о себе. Слышал я то, что кухмистерскую запретили. Ваше присутствие там, стало быть, только повредить может. Но как она справляется?» (87: 73) – интересовался Толстой о матери Попова. С. А. Толстая писала о Е. И. Попове и его матери: «Этот Попов был восточного типа флегматик, чёрный, красивый. Мать его была грузинка или армянка, держала кухмистерскую и была чрезвычайно вульгарна. Попов нигде не доучился, начитался Толстого и неумело прилагал мысли к жизни» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 69).

А. Г. Королёва

ПОПОВА Елена Александровна (рожд. Зотова; 1866–?) – жена Евгения Ивановича Попова, последователя взглядов Толстого. В 20 лет Е. И. Попов женился на Е. А. Зотовой, девушке из богатой и культурной семьи. Супруги жили в имении Зотовых в Новгородской губ., недалеко от станции Боровичи, на территории села Соколова. Через два года, в 1888 г., из-за разницы во взглядах они разошлись, но не развелись. Писатель принял участие в судьбе молодых людей, пытался помочь им сохранить семью. 23 ноября 1888 г. он записал в дневнике: «Вчера вечером сидел Евгений Попов, ему 24 года, и он в том же состоянии, как и я. С женой тяжёлые отношения, распутать которые может только смиренная жизнь, как узел, только покорное следование всем клубком за ниткой» (50: 4).

Находясь в Москве, в марте 1888 г. Толстой предполагал навестить Елену Александровну и поговорить с ней. «Если буду жив, схожу к вашей жене», – писал он По-

пову 1 марта 1888 г. (64: 155). Как вспоминал сам Попов, жена была согласна с ним в его переходе на трудовую жизнь, даже начала доить коров. Впоследствии, когда Попов уже приобрёл для обработки участок земли, возникли расхождения. К прежним столкновениям «из-за дурного характера Попова» прибавились несогласия вследствие нового образа мыслей мужа: «она, как женщина и как человек сердца, хотела служить людям по непосредственному чувству: лечить, перевязывать раны, обучать детей, помогать бедным», а он настаивал на том, что все беды происходят от гос. насилия и от роскошной жизни господ. Поэтому мужу хотелось не бороться с последствиями, а действовать на самую причину бедствий. «Причины наших размолвок – несходство наших взглядов – становились особенно резки, взаимное раздражение ещё мучительнее. Я видел, что наш с Еленой Александровной брак идёт к разрыву...» (Толстой и его близкие. С. 184). 29 марта 1894 г. Толстой писал дочери Татьяне Львовне, что Попов – «неопределённая, неуловимая, хитрая натура, та самая, которая в жене вызвала ненависть и упрек главный неправдивости...» (67: 93).

У С. А. Толстой было своё мнение о неудавшейся жизни Попова, «женатого на богатой и прекрасной, любившей его жене. А Попов уходил от неё на целые дни в рабочий дом или куда ещё по своим принципам; молодая женщина, вечно одинокая, готовая даже отчасти следовать его идеям, но ещё не умевшая этого, наконец принуждена была со временем расстаться с мужем» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 69).

А. Г. Королёва

ПОТАПЕНКО Игнатий Николаевич (1856–1929) – писатель, драматург, журналист. Широкую известность Потапенко как беллетристу принесла повесть «На действительной службе» (1890). В одной из рецензий того времени он был назван «кумиром девяностых годов» (Струнин Д. Кумир девяностых годов. Критический этюд // *Русское богатство*. 1891. № 10. С. 149–165). Как вспоминал И. А. Бунин, в 1895 г. Потапенко «гремел на всю Россию» (Бунин И. А. Из записей // Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 281). В своих беллетристических сочинениях писатель часто обращался к популярным, обсуждаемым в обществе идеям. Личность и творчество Толстого не могли пройти мимо его внимания. В художественном творчестве Потапенко отразились расхожие представления о Толстом и его религиозно-философском учении, сформировавшиеся в обществе к 1890-м гг.

В повести «Семейная история» (1893) имя Толстого упоминалось в числе классиков русской литературы: рассказчик перечислял книги в книжном шкафу матери, где «в необыкновенном порядке стояли изящные томики – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого» (Потапенко И. Н. Семейная история // Северный вестник. 1893. Август. № 8. С. 114). «Этическая сторона толстовства» заметна в романе Потапенко «Светлый луч» (1898): главный герой сознаёт «неправильность своей жизни», социальную несправедливость, в силу которой он наслаждается всеми благами жизни, когда другие не имеют самого необходимого.

В 1896–1899 гг. Потапенко был обозревателем петербургской газеты «Новое время» и под псевдонимом *Фингал* публиковал воскресные фельетоны. В них он активно прибегал к устоявшимся в фельетонном жанре приёмам изложения материала и освещения происходящих событий, для иллюстрации той или иной мысли репортёр цитировал произведения, хорошо известные читателям той поры, опирался на их общее знание текущей жизни. В фельетоне «Больные и здоровые», размышляя об актуальной для десятилетия общественной проблеме действия и бездействия, репортёр цитировал диалог персонажей из пьесы Толстого: «Как же быть-то? – спрашивает Анютка у Митрича во “Власти тьмы”. “А так и быть, – отвечает Митрич. – Завернись с головой в одеяло и спи”». Потапенко сетовал: «огромное большинство “завернулось с головой и спит”» (Фингал. Больные и здоровые // Новое время. 5 (17) января 1897 г. № 7492. С. 3).

В конце того же 1897 г. внимание Потапенко-обозревателя привлекло совершенно новое, по его словам, явление в литературной жизни, связанное с именем Толстого. В фельетоне «Единичные факты» (Новое время. 14 (26) декабря 1897 г. № 7831. С. 3–4) подробнейшему разбору подверглась публикация в октябрьской книжке журнала «Русское обозрение» рассказа крестьянского писателя Ф. Ф. Тищенко «Хлеб насущный» с предисловием – рекомендательным письмом Толстого. Поводом к разбору этого события стало письмо самого автора, адресованное Потапенко. В нём Тищенко просил опытного журналиста и беллетриста оценить рассказ. Журналист был глубоко оскорблён способом, который избрал Тищенко, чтобы стать известным: «тощий журнал желал каким бы то ни было способом связать себя с именем Толстого; а молодой автор хотел сыграть наверняка, т. е. непременно и во что бы то ни стало

быть замеченным и сразу получить большую порцию славы. Желания журнала и автора трогательно совпали, и они произвели совместное нападение на графа Л. Н. Толстого. А у графа сердце доброе, и он, не желая противиться очевидному злу, в письме не отказал и даже, чтоб окончательно пристыдить их своею деликатностью, позволил напечатать его. Для журнала это реклама, а для молодого автора – рекомендательная карточка, с которой являются в свет, когда хотят делать карьеру» (там же. С. 4). Потапенко в действиях Тищенко увидел корысть: «извлекать из признанного писателя письменные удостоверения и сейчас же тискать их во главе рассказа с широковещательными комментариями от редакции – это приём коммерческий, но не литературный» (там же).

Толстой был знаком с именем Потапенко. Интерес к его творчеству пришёлся на начало популярности этого писателя (1891–1893 гг.). В 1891 г. внимание Толстого привлёк рассказ Потапенко «Проклятая слава». В переписке с В. Г. Чертковым Толстой в марте 1891 г. назвал этот рассказ «прекрасным» и рекомендовал опубликовать в «Посреднике» (87: 75), что и было сделано: в 1893 г. и в 1896 г. рассказ вышел в серии «Для интеллигентных читателей». С этой публикации началось сотрудничество Потапенко с издательством: в 1894–1901 гг. «Посредник» издал ещё три его произведения. Эскиз «Кукла» и очерк «Прямой расчёт» вошли в сборник «Доброе дело» (1894). Повесть Потапенко «Земля» дважды издавалась в народной серии (в 1897 и 1901 гг.). В сентябре 1892 г. Толстой упомянул Потапенко в числе новых «выдающихся талантов» в прозе наряду с Чеховым и Марией Крестовской (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым // ТВС. 2. С. 18). В письме к жене в ноябре 1892 г. он заметил: «А мы только что прочли вслух Потапенки очень милый рассказ: “Поздно”» (84: 172).

Однако уже через несколько месяцев отзывы Толстого о творчестве Потапенко резко изменились. 9 февраля 1893 г. он сообщал из Бегичевки С. А. Толстой, что читает «скверную повесть» Потапенко (её название осталось неизвестным) (84: 182), а в октябре того же года его негодование вызвала только что опубликованная в журнале «Северный вестник» повесть «Семейная история». С Лесковым Толстой делился 20 октября 1893 г. общим впечатлением от произведения: «Вчера я прочёл повесть Потапенко в Северном вестнике. Какая мерзость! Решительно не знают люди, что хорошо и что дурно. Хуже – думают, что

знают, что хорошо именно то, что дурно» (66: 406). О первоначально понравившихся сочинениях Потапенко Толстой заметил: «Вся наша беллетристика всех этих Потапенков положительно вредна. Когда они напишут что-нибудь не безнравственное, то это нечаянно» (*там же*). В письме к Лескову Толстой поставил Потапенку в один ряд с французскими писателями-натуралистами Э. Золя и П. Бурже и назвал их произведения, т. е. «беллетристику со включением», «бесполезной пакостью» (*там же*). В тот же день в письме к жене Толстой пересказал фабулу «Семейной истории» и дал развёрнутую оценку и повести, и нравственного воздействия на читателя произведений писателей сходного с Потапенко натуралистического направления: «Мальчик 18 лет узнаёт, что у отца любовница, а у матери любовник, возмущается этим и выражает своё чувство. И оказывается, что этим он нарушил счастье всей семьи и поступил дурно. Ужасно. Я давно не читал ничего такого возмутительного! Ужасно то, что все эти пишущие и Потапенки, и Чеховы, Золя и Мопассаны даже не знают, что хорошо, что дурно; большей частью, что дурно, то считают хорошим и этим, под видом искусства, угощают публику, развращая её. Мне эта повесть была *coup de grâce* <счастливым случаем. – *фр.*>, уяснившая то, что давно смутно чувствовался» (84: 198–199).

Больше к сочинениям Потапенко Толстой не обращался. В записках Д. П. Маковицкого сохранилось свидетельство об устоявшемся к середине 1900-х гг. негативном отношении Толстого к творчеству писателя. Имя Потапенко упоминалось в ближайшем толстовском кругу в связи с описанием жизни духовенства: «Потом говорили о священниках. Л. Н. сказал, что нужно бы такое же разоблачение поповского быта, как Куприн сделал военного: как совершают обряды... Вспоминал письма, которые он получал от священников: постом молодой поп – у него на руках родители и ещё родня – писал, как ему стыдно, он, как заяц, прячется перед истинно верующими крестьянами, когда совершает то, во что не верит (обряды). <...> А приезжают (в Ясную Поляну) такие попы, у которых место религии ничем не заполнено. Один хотел поступить в техническое училище. *Софья Андреевна*: Ведь Потапенко описывает поповскую жизнь. Л. Н.: Но как?» (11 октября 1905 г. – *ЯПЗ*. 1. С. 424).

Лит.: Поддубная Е. Я. Отражение идей толстовства в романах А. И. Эртеля, А. А. Лугового и И. Н. Потапенко // Русская лите-

ратура 1870–1890 годов. Сборник 11. Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1978. С. 69–80.

А. Р. Боковня

ПОТАПОВ Василий Андреевич (даты жизни не установлены) – духобор, корреспондент и адресат Толстого, был руководителем духоборческой общины в Ахаллакском уезде Тифлиской губ.

В 1898 г. Толстой, выступая с рядом публицистических статей в защиту кавказских духоборов, называл имя Потапова. Сохранился черновой вариант его статьи для «С.-Петербургских ведомостей» (17 марта 1898 г.) (71: 314–317); в ней упоминалось имя духобора-постника Василия Потапова, которому по ходатайству императрицы Марии Фёдоровны в 1895 г. выдали справку, освобождавшую его от воинской повинности и предоставлявшую ему возможность выехать за границу. Но на деле распоряжение царственной особы не выполнялось. 21 февраля 1898 г. Потапова за его взгляды посадили в тифлискую тюрьму. Призывая помочь духоборам, Толстой, в частности, писал: «Я случайно знаю подробности гонений и страданий этих людей, нахожусь с ними в сношениях, и они просят меня помочь им, и потому считаю своим долгом обратиться ко всем добрым людям, как русского, так и европейского общества, прося их помочь духоборам выйти из того мучительного положения, в котором они находятся (71: 326). Имя Потапова называл Толстой в письме к кавказским духоборам 19 марта 1898 г. (71: 327). 13 мая того же года он адресовал письмо лично Потапову, прося его известить об организационных моментах переезда духоборов в Канаду, и спрашивал о возможных расходах, связанных с этим (71: 403). 24 июня Толстой ответил на письмо Потапова от 9 июня и его телеграмму от 22 июня 1898 г., где тот сообщал подробности подготовки к отъезду. Толстой писал: «Очень бы рад был, если бы мог сам к вам приехать, но, к сожалению, это по многим причинам невозможно. <...> Всегда по мере сил моих буду помогать вам во всех добрых делах ваших, в особенности же в деле выселения вашего за границу, которое развяжет грехи многих и многих людей» (71: 386).

В конце 1898 г. Потапов переселился в Канаду. Плохой урожай, полученный в районах поселения, и суровый климат подтолкнули его к тому, чтобы он с группой единоверцев в декабре 1899 г. отправился в Калифорнию искать новые места для заселения. Толстой предостерегал духоборцев от возможного переезда, и Потапов, поразмыслив, отказался от нового пересе-

ления. 18 января 1901 г. Толстой отправил ему письмо, в котором советовал удержаться в общине «дух христианской жизни и братства» (73: 17). 10 апреля 1907 г. Толстой получил от канадских духоборов 5000 долларов «для голодающих людей» в России; под сопроводительным письмом стояла и подпись Потапова.

Е. П. Гриценко

ПОТЕХИН Алексей Антипович (1829–1908) – знакомый Толстого; драматург и прозаик, театральная деятельность; писал прозу из жизни простонародья, к ней с интересом относился Толстой. Он посмотрел в Александринском театре драму Потехина «Чужое добро в прок не идёт» (1855) в конце декабря 1856 г. и был поражён игрой Мартынова в роли Михайлы. Личное знакомство писателей состоялось в декабре 1858 г.

В апрельской книжке «Вестника Европы» за 1877 г. Толстой прочёл потехинскую повесть «На миру», о которой написал Н. Н. Страхову: «Потехина повесть хороша» (62: 323). В январе 1887 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову, что намерен просить «по всем писателям» (в т. ч. Д. В. Григоровича и Потехина), «кто что даст» для «Посредника», и спросил, отдаст ли Потехин повести «На миру» (1877) и «Хворая» (1876) «в народ, т. е. в Посредник или Сытину» (86: 11). Вечером 12 апреля того же года в Ясной Поляне Толстой читал повесть «Хворая» своим гостям, о чём на следующий день сообщил в письме жене (84: 25). Отдельно повесть «Хворая» была издана «Посредником» в 1887 г.

Общение Толстого с Потехиным в основном приходится на вторую половину 1880-х гг., оно было обусловлено необходимостью решать вопросы, связанные с постановкой двух толстовских пьес: «Власти тьмы» и «Плодов просвещения». С 1881 г. Потехин был начальником репертуарной части императорских театров, а с 1886 г. – начальником репертуарной части петербургских императорских театров. Он же управлял труппой Александринского театра в 1882–1890 гг. В конце декабря 1886 г. Толстой отправил актрисе М. Г. Савиной текст пьесы «Власть тьмы» и сопроводительное письмо, в котором сразу оговорил: будет готов согласиться с вмешательствами театральной цензуры при условии, если «такие изменения будут одобрены А. А. Потехиным», которому он «вполне» доверял (63: 455).

В конце января 1887 г. пьеса «Власть тьмы» была разрешена к постановке на сцене Александринского театра, и 16 февраля Потехин обратился к автору с полуофици-

альным письмом, в котором спрашивал, какие изменения и сокращения нужно сделать в тексте драмы, какие актёры предпочтительны для исполнения ролей. Потехин предлагал Толстому приехать на репетицию драмы. В ответном послании 18 февраля Толстой не скрыл огорчения «некоторой официальностью» письма Потехина: «по коротким и случайным встречам» у него сложилось представление о Потехине «как о вполне близком и родственном человеке». Толстой считал, что в основе его чувства близости с Потехиным были произведения последнего, к ним он относился с неизменной любовью. С теплотой вспомнил Толстой и о последней их случайной дорожной встрече, когда они «очень обрадовались; поговорили, как бы пошупав друг друга, и, оставшись взаимно довольны, – разъехались». Толстой повторил, что в деле постановки пьесы «Власть тьмы» полностью доверяет Потехину: «Я ничего в театральном да и в драматическом деле не смыслю и, если буду мешаться, то только напутая. А предполагаю, что дело должно быть трудное и сложное». Он высоко оценил Потехина как писателя и драматурга: «Полагаю, что в драматическом и театральном деле после Островского нет знатока лучше вас; то же, что в деле народного быта нет знатока равного вам, это я уж сам знаю; и потому за всё, что вы сделаете, распределяя роли, ставя, изменяя, сокращая пьесу, я буду вам всей душой благодарен» (64: 13, 14). Толстой закончил своё письмо приглашением в гости, если Потехину случится быть в Москве, сам же приехать на репетиции решительно отказался: «в Петербург ехать немыслимо – не туда я смотрю» (64: 14).

Толстой предложил современному театру, масштабно осмысляя текущую действительность, эпическую драму «Власть тьмы». Однако драматический театр того времени отличался повышенным вниманием к подробностям, тяготел к натуралистическому копированию жизни. По решению Потехина в Тульскую губ. выехал декоратор, чтобы «на месте зарисовать мотивы декораций и костюмов» (Из воспоминаний Н. С. Васильевой о первых постановках «Власти тьмы» и «Плодов просвещения» на сцене Александринского театра // Ежегодник императорских театров. 1911. Вып. 1. С. 13). Из экспедиции были привезены зарисовки изб и амбаров, предметы домашней утвари и одежда. Александринский театр пошёл по пути внешнего освоения народной жизни. Однако от театра потребовалось не поверхностное иллюстрирование жизни, но проникновение в её национальные и общекультурные глубины, а значит,

новая сценическая подлинность. На такой запрос тогдашний Александринский театр, одной из ключевых фигур в котором был Потехин, не мог ответить полноценно. С февраля в театре началась подготовительная работа, прошло несколько репетиций. Потехин, у которого возникли затруднения в поиске актрисы на роль Анютки, просил Толстого в случае необходимости сделать Анютку девочкой-подростком, в таком случае, как он полагал, Савина могла бы получить эту роль и превосходно её сыграть.хлопоты Потехина были напрасны: в марте 1887 г. пьеса к постановке была окончательно запрещена. Потехин писал С. А. Толстой: «“Власть тьмы” срепетирована, декорации, костюмы все готовы, и вдруг запретили её играть через министерство Двора... Все актёры ужасно огорчены...» (Толстовский ежегодник. 1912. С. 21).

Позднее Потехин надеялся поставить в Александринке пьесу «Плоды просвещения». В письме от 21 июля 1889 г. он просил у Толстого для постановки эту новую пьесу. Через месяц, 22 августа, Толстой написал Потехину, однако содержание этого письма неизвестно. Незадолго до смерти Потехин участвовал в подготовке празднования 80-летия Толстого: он стал одним из членов «Комитета почина» в Петербурге.

Толстой и позднее оставался ценителем драматургии Потехина. 26 ноября 1905 г. в Ясную Поляну приехали Л. А. Сулержицкий и В. Э. Мейерхольд. Толстой сказал Мейерхольду, тогда актёру Художественного театра, что в России есть хорошие пьесы, однако они, как правило, не пользуются успехом и не признаны критикой. «Средние драмы Потехина лучше Чехова, Горького и др.». В них, считал Толстой, есть содержание и «нравственное чувство» (ЯПЗ. 1. С. 472). 6 апреля 1908 г. Толстой на вопрос сына Льва, читал ли он Потехина, ответил утвердительно и добавил: «Он Островского преемник и подражатель» (ЯПЗ. 3. С. 49).

Н. Г. Михновец

ПРЕСКОТТ Уильям Хиклинг (Prescott; 1796–1859) – американский историк, литературовед, автор основополагающих трудов по истории Испании и испанского завоевания Америки XV–XVI вв. Известен также своими исследованиями в области истории западноевропейских литератур. Одним из первых его исследований стал обзор писем лорда Байрона к папе Римскому в 1821 г. Несмотря на стремление заняться изучением итальянской литературы, Прескотт вскоре сосредоточился на истории Испании и Латинской Америки, и в 1837 г. вышла в свет его «История Фердинанда и Иза-

беллы» (*History of Ferdinand and Isabella*), в 1843 г. – «История завоевания Мексики», а в 1847 г. – «История завоевания Перу». Его последняя работа «История Филиппа II» осталась незавершённой. Работы Прескотта, которого считали классиком позитивистской историографии XIX в., отличали объективность и беспристрастность подачи материала, точность фактических данных, высокий литературный уровень изложения. На всё это, несомненно, обращал внимание Толстой при чтении произведений этого автора. В письме к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г. среди книг, произведших на него «большое» впечатление в период с четырнадцати до двадцати лет, он называл «Завоевание Мексики» (66: 67). В 1850–1860-е гг. Толстой мог читать это произведение в журналах «Современник» и «Отечественные записки». В 1860-е гг. в наброске «Прогресс» Толстой вспоминал о книге У. Прескотта «Завоевание Перу», которую читал наряду с другими его сочинениями, скорее всего, по-немецки. Именно это сочинение привело Толстого к размышлениям об относительной ценности достижений западноевропейской цивилизации: «Прескотт говорит: перувьянцы не знали главного двигателя: личного интереса обогащения. – Они жили и умирали, как белка в колесе, ни богаче, ни беднее – для других. – Да, награда труда в труде, а не в богатстве. И труд для других с уверенностью неизменяемости есть лучшее поощрение. Они были впереди С. А. Штатов» (7: 130). В ЯПЗ сохранились издания произведений Прескотта в немецком переводе: *Geschichte der Eroberung von Mexico...* (Leipzig: F. A. Brockhaus, 1845. – 2 Bd.); *Geschichte der Eroberung von Peru...* (Leipzig: F. A. Brockhaus, 1845. – 2 Bd.).

Г. В. Алексеева

ПРЕССАНСÉ Эдмон де (Pressensé; 1824–1891) – известный французский протестантский богослов, гос. деятель, публицист. Родился в Париже. Учился в университетах Лозанны и Берлина, где слушал лекции Шеллинга. С 1847 г., будучи пастором в Париже, он своими проповедями привлекал внимание даже католиков. В 1853 г. основал журнал «Revue Chrétienne» («Христианское обозрение»). С 1860 г. деятельно занимался политикой. Во время войны 1870 г. возглавил Общество попечения о раненых. При осаде Парижа заведовал раздачей хлеба бедным. В 1875 г. был избран сенатором, но в 1880 г. сложил с себя это звание. В 1883 г. по настоянию левого центра сената был снова избран в сенаторы. От правой стороны сената его отделял искренний протестантизм, от левой – его строго христи-

анские убеждения. Все партии относились к нему с одинаковым уважением.

В 1865 г. в ответ на выход в свет книги Ренана «Жизнь Иисуса» написал книгу «Иисус Христос, его время, его жизнь, его дела» («Jésus Christ, son temps, sa vie, son œuvre»). На русском языке книга вышла в журнале «Православное обозрение». Он объехал Палестину, тщательно изучил первоисточники. Разбору воззрений Ренана на Иисуса Христа посвящено его исследование «Критическая школа и Иисус Христос» («L'école critique et Jésus Christ»; 1863). Главное сочинение Э. де Прессансе «История трёх первых веков христианской церкви» (Париж, 1858–1877) («Histoire des trois premiers siècles de l'Eglise») в 5 книгах изобилует художественными описаниями и портретами исторических личностей. Это издание с многочисленными пометами Толстого сохранилось в ЯПБ. Более подробно учение о Богочеловеке и его деяниях изложено в его сочинениях «Искупитель» («Rédempteur»; 1854), «Божественность Иисуса Христа» («Divinité de Jésus Christ»; 1857) и в ряде др. сочинений.

К 1882 г. некоторые статьи Прессансе на религиозные темы были известны Толстому из журнала «Revue des Deux Mondes», в т. ч. «Le Synode Général du Protestantisme Français et les divisions des Protestants» (1874, 15 août); «La Politique religieuse de la Suisse en 1874» (15 avril 1874); «La politique religieuse de la Prusse» (1873. Т. 105) и др. А весной 1882 г. у Толстого возникла идея издать Прессансе в сборнике религиозно-философских статей, выбранных из журнала «Revue des Deux Mondes»: «...это будет удивительный сборник религиозного и философского движения мысли за 20 лет», – писал он жене 4 марта (83: 325). В сборник должны были войти четыре статьи Прессансе о современной религиозной политике в разных странах. Проект не был осуществлён.

Интерес к творчеству Прессансе нарастал, и в 1883 г. Толстой начал разыскивать его сочинения с помощью своих знакомых, знатоков книг. Прежде всего он обратился к Н. Н. Страхову, который вскоре сообщил, что послал ему дуплеты интересующих его книг, т. е. «Histoire de trois premières Siècles de L'église chrétienne». Страхов высказывал своё мнение: «Pressensé – прелестная книга, перворазрядной учёности...» (ПСПТС. 2. С. 653). Отвечая Страхову 6 декабря 1883 г., писатель делился своим впечатлением от чтения: «Книгу Pressensé тоже почитал, но вся учёность пропадает от загвоздки. Бывают лошади – красавица, рысак, цена 1000 рублей, и вдруг заминка, и лошади-красавице,

и силачу грош цена. Чем больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И главное за то, что он был без заминки. <...> И Pressensé, и Достоевский – оба с заминкой. И у одного вся учёность, а у другого весь ум и сердце пропали за ничто» (там же. С. 655).

В 1884 г. своему другу, врачу и писателю А. С. Бутурлину, интересовавшемуся историей церкви, Толстой рекомендовал достать для чтения «прекрасную историю церкви Pressensé. <...> Очень поучительное чтение. Книга классическая и, несмотря на протестантскую тенденцию, проливающая новый свет на всю историю церкви» (63: 155). Для Толстого в понятии «Бог» важно только то, «что требует от нас наша совесть», и оно «было бы разумно и потому обязательно и обще всем людям» (63: 155), и всё это выражено в учении Христа. Та же история повторилась в 1886 г. В письме к толстовцу М. А. Новосёлову, спрашивавшему, что ему читать для изучения истории христианства, Толстой советовал: «Лучшим сочинением <...> я считаю <...> по истории церкви Прессансе» (63: 390). В трактате «Царство Божие внутри вас» (1890–1893) в связи с вопросом о ереси Толстой упоминал имя французского богослова, цитировал фрагмент из его книги «Histoire du dogme» (1869) («История догмы») и приходил к выводу, что «образцом того полного отсутствия какого-нибудь подобия определения того, что понимается по слову “ересь”, может служить суждение об этом предмете учёного историка христианства E. de Pressensé в его “Histoire du Dogme” с эпиграфом “Ubi Christus, ibi Ecclesia” <Где Христос, там есть церковь. – лат.> (Paris, 1869). Вот что он говорил в своём предисловии: “Я знаю, что у нас оспаривают право так определять (т. е. называть ересями) те направления, с которыми столь напряжённо боролись первые отцы. Одно название “ересь” представляется покушением на свободу совести и мысли» (28: 50) и т. д. В итоге, по мнению Толстого, «всё рассуждение автора сводится к тому, что всякое суждение, несогласное с исповедуемым нами в данное время сводом догматов, есть ересь» (28: 52).

19 сентября 1890 г. Толстой вновь перечитывал книгу Прессансе «Histoire des trois premiers siècles de l'Eglise Chretienne». На этот раз он нашёл в книге нечто такое, что не совпадало с его собственным восприятием понятия «истинного христианства». Отсюда его мнение об Прессансе резко изменилось в худшую сторону: «Читал Pressensé. Какое ничтожество! Ничего» (51:

89). Не исключено, что это суждение было вызвано изучением новых материалов по истории первых веков христианства в связи с работой над трактатом «Царство Божие внутри вас».

А. Н. Полосина

ПРОКОПЕНКО Семён Павлович (1865–1933) – крестьянин-духобор, хуторянин Сумского уезда Харьковской губ., корреспондент и адресат Толстого из Канады. Как народный учитель он занимался просветительской деятельностью, являлся участником земледельческой общины.

В 1892 г. Прокопенко направил Толстому ряд писем, в которых изложил своё понимание христианской религии и личности Христа. Его точку зрения Толстой не принял. 14 августа 1892 г., раскрывая свою позицию в данном вопросе, в письме к Прокопенко писатель высказался относительно выражения «живой Христос», используемого духобором. Толстой писал: «Не согласен я <...> с тем, что вы пишете об особенностях христианского учения, как вы понимаете его» (66: 245). В том же письме он дал своё определение фигуры Христа: «Христос для меня, да – простите меня – и для вас тоже, и для всех людей, есть не то, что мы воображаем себе о нём, а то, что он есть в действительности – великий учитель жизни, живший 1800 лет тому назад, умерший на кресте, но такой же настоящей смертью, как и все люди, и оставивший нам своё великое, высшее из всех известных нам учений, которое даёт смысл и благо нашей жизни. Будемте питаться этим учением, стараться глубже и глубже вникать в смысл его, делать из него дальнейшие выводы и приложения, но что бы мы ни говорили, Христос останется для нас тем, что он есть, словом, служащим обозначением того человека, которому приписывается известное учение и больше ничего» (66: 247).

Получив от Прокопенко примирительное письмо, 26 сентября 1892 г. Толстой писал о своём единении с его мыслями, а последнее письмо от него охарактеризовал как «христианское разумное и братское» (66: 260). 7 декабря 1906 г., вспоминая своего знакомого по переписке 1892 г., писатель отмечал: «Я часто получаю письма от людей, желающих присоединиться к общине. Я всегда отговариваю их и советую опрощаться дома (будешь проще, работая, сама жизнь натолкнёт тебя на простоту, потом на другие отношения с окружающими) и идти в колонию уже только тогда, когда может перенести всякие унижения. Прокопенко, который живёт в Канаде, хотя я его

не знаю, думаю, что он таков, и Дудченко. Они так и понимают» (ЯПЗ. 2. С. 325).

Е. П. Гриценко

ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ Сергей Михайлович (1863–1944) – посетитель и корреспондент Толстого; химик, специалист по цветной фотографии, профессор химии Технологического института в Петербурге, в начале XX в. первый и единственный русский учёный, занимавшийся проблемами цветной фотографии. В письме от 23 марта 1908 г. Прокудин-Горский просил разрешения приехать в Ясную Поляну, чтобы сделать несколько снимков с Толстого. Д. П. Маковицкий по поводу просьбы Прокудина-Горского записал 29 марта 1908 г.: «Советовались, что ему ответить. Л. Н.: “Отмолчаться. Мне нежелательно фотографирование, но Софье Андреевне будет желательно”. Л. Н. не решил, а сказал: “К вечеру выхожу весь (т. е. бываю утомлён), сколько бы часов ни было. А утром на всё смотрю совершенно иначе”. На следующее утро, в семь часов, Л. Н. пришёл и продиктовал ответ» (ЯПЗ. 3. С. 42) – согласие. В тот же день, 30 марта, он писал жене: «Милая Соня, посылаю тебе письмо Прокудина с его предложением приехать снимать цветную фотографию. Если ты найдёшь удобным, то вызови его на 1-е или 2-е апреля телеграммой, а нет, то телеграммой же откажи ему, отложив до июня. Прости, что не сам решил, а утруждаю тебя» (84: 382).

22 мая 1908 г. Маковицкий отметил в своих записях: «Приехал С. М. Прокудин-Горский, профессор химии в Технологическом институте в Петербурге, приехал с П. Е. Кулаковым, крымским помещиком, снимать Л. Н. на цветной фотографии – новое изобретение. Л. Н. много беседовал с ними». (ЯПЗ. 3. С. 95). И на следующий день: «Вечером Прокудин-Горский и Кулаков рассказывали про новые изобретения, про передачу фотографий по телеграфу; про однорельсовую железную дорогу с вертящимся волчком на передней площадке вагонов, об автомобилях, электрических трамваях. Л. Н.: “А всё-таки нет лучше, как пешком или верхом”. <...> Прокудин-Горский говорил об Эдисоне, что он ослеп от радия; потом говорил, что теперь нельзя быть энциклопедистом. Учёные эти мне показались слишком занятыми своими специальностями. Говорили о своём и с Л. Н. и при Л. Н. с другими; было видно, что для них не было важно слушать Л. Н., чтобы дать выбирать темы разговора» – это опять запись Маковицкого (ЯПЗ. 3. С. 97). Факт приезда в Ясную Поляну фотографа Толстой отметил в дневнике 29 мая: «фото-

графы Прокудин-Горский и Кулаков» (56: 131).

Прокудин-Горский приехал в Ясную Поляну по поручению редакции журнала «Записки русского технического общества», планировавшего к 80-летию Толстого поместить в журнале его цветную фотографию — последнее слово фотографической техники. Прокудин-Горский сделал несколько снимков в натуральных красках, в частности снял Толстого в саду под деревьями. Он рассказывал, что Толстой очень заинтересовался цветной фотографией и подробно расспрашивал о ней. Фотография Толстого была опубликована в августовском номере журнала.

6 июня 1908 г. Прокудин-Горский прислал в Ясную Поляну «цветные фотографии картин, между прочими, Крюгера: Николай I верхом с братьями и сановниками». Толстой рассматривал эту фотографию и, как записал Маковицкий, «говорил, что она напоминает ему значение Николая во времена его молодости. Долго смотрел на знакомую ему картину» (ЯПЗ. 3. С. 107). С 1918 г. Прокудин-Горский жил в эмиграции.

Н. И. Бурнашёва

ПРОТОПОПОВ Николай Петрович (1834–?) — отставной капитан-лейтенант флота; участник обороны Севастополя, где вместе с Толстым был на 4-м бастионе. В 1891 г. епифанский уездный предводитель дворянства. В начале 1890-х гг. работал с Толстым на голоде. 8 декабря 1891 г. Толстой писал А. А. Толстой: «Я встретил у Раевского моряка Протопопова, с которым мы вместе были 35 лет тому назад на Язоновском редуте в Севастополе. Он очень милый человек, теперь председатель управы, хлопочет, покупает хлеб. Он очень верно сказал мне, что испытывает чувство, подобное тому, которое было в Севастополе. “Спокоен, т. е. перестаёшь быть беспокоен, только тогда, когда что-нибудь делаешь для борьбы с бедой”. Будет ли успех — не знаешь, а надо работать, иначе нельзя жить» (66: 107). О Протопопове из Бегичевки Толстой писал и С. А. Толстой: «На днях был премилый человек Протопопов, бывший моряк, стоявший со мною вместе на 4-м бастионе в Севастополе, а теперь председатель Епифанской земской управы. Мы ему поручили купить нам ржи» (84: 102). И в одном из следующих писем 24 декабря: «Протопопов приехал с другим г-ном, Оболяниновым. Оба они петербургские и плохо понимающие условия жизни, а вместе с тем возбуждённые отчасти фальшивым представлением о голоде и раздражённо осуждающие правительство. При том за-

нятии делом, в котором мы находимся, это производит неприятное впечатление. Но они недурные люди, в особенности Протопопов» (84: 111).

Когда газета «Московские ведомости» позволила себе неуважительно писать о работе Толстого, развёрнутой в голодающих губ., Протопопов вместе с Р. А. Писаревым выступили в защиту Толстого. В № 22 «Московских ведомостей» от 22 января 1892 г. было напечатано их «Письмо к издателю», в котором в ответ на нападки газеты они писали, что деятельность Толстого по оказанию помощи голодающим вызывает «одни только чувства глубокой благодарности и признательности».

Н. И. Бурнашёва

ПРУС Болёслав (польск. Bolesław Prus; наст. имя и фамилия Александр Гловацкий (польск. Aleksander Głowacki); 1847–1912) — польский писатель. Родился в семье обедневшего шляхтича. Участвовал в Польском восстании 1863 г., был ранен, взят в плен российскими войсками и после лечения в госпитале отпущен. С 1872 г. сотрудничал в варшавском журнале «Домашний опекун». Писательскую деятельность начал как новеллист. Для его рассказов, отличавшихся стилевым разнообразием, характерны точность, конкретность и простота. Прус высоко ценил творчество русских писателей, особенно Толстого. Он приветствовал появление в 1900 г. польского перевода «Воскресения» и принял участие в полемике вокруг романа, защищая его от нападок критиков. В газете «Kurier Codzienny» 18/30 апреля 1899 г. Прус писал: «По мысли Толстого, который создал больше ценных произведений, чем разного рода “модернисты”, искусство, когда оно служит “возбуждению общественных стремлений”, нисколько не унижает себя. Наоборот, только таким образом оно выполняет свою роль» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 104). Толстой читал рассказы Пруса, но считал его, по свидетельству Д. П. Маковицкого, «газетным писателем» (ЯПЗ. 4. С. 242).



И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ПРЯДКО Василий Яковлевич (1870–?) — посетитель Толстого, крестьянин из села Павловки Сумского уезда Харьковской губ. По совету князя Д. А. Хилкова в январе

1899 г. был у Толстого в Москве. Послан от всех жителей села одним из ходоков с просьбой помочь их переселению за границу. Крестьяне Павловки, в конце 1880-х гг. отошедшие от православия, подвергались преследованиям со стороны администрации и православного населения, терпели большие притеснения и по примеру духовоборов решили переехать в Канаду. Подали прошение о разрешении выезда за границу, но получили ответ, что переселение не может быть разрешено тем из них, кто подлежит призыву на военную службу, и запасным. В Америку переселились всего несколько семей. 23 января 1899 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Люди это очень хорошие, сколько могу видеть, сильные духом, и рабочие и все мастеровые, такие же, как духовоборы» (72: 150). Через несколько месяцев Прядко приехал в Ясную Поляну. 28 августа 1899 г. Толстой записал в дневнике: «Сейчас приехал посланный от павловцев посоветоваться. Им разрешено переселение, как кажется, и с правом продать свои наделы, хотя это неясно» (72: 180). В тот же день он сообщал Хилкову: «Нынче же приехал из Павловок Василий Прядко с известием, что им разрешено выселиться за границу и продать всё имущество, но с тем, чтобы следующие к призыву 1899 г. оставались. <...> Насчёт отъезда их вообще я ничего не советую, хотя в душе мне жалко, что люди эти уезжают, и страшно за них» (72: 568).

Н. И. Бурнашёва

ПУКИРЕВ Василий Владимирович (1832–1890) – художник-жанрист, живописец. Родился в крестьянской семье в селе Лужники Каширского уезда Тульской губ. Учился живописи сначала у мастера-иконописца в г. Могилёве, затем в конце 1840–1850-х гг. в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, где достиг больших успехов в портретной живописи. В 1850 и 1852 гг. Академией художеств был удостоен отличия, а в 1855 г. получил Малую серебряную медаль. На академической выставке 1863 г. картина Пукирева «Неравный брак» (1862) имела большой успех, вызвала полемику в печати. В статье 1882 г. В. В. Стасов назвал «Неравный брак» «одной из самых капитальных, но вместе с тем трагичных картин русской живописи». За это полотно Пукирев получил звание профессора живописи народных сцен. Картина была выставлена на Парижской всемирной выставке 1867 г., её приобрёл для своей коллекции П. М. Третьяков. Др. картины художника продолжали тему брака и положения женщины («Приём при-

даного по росписи», 1870–1871; «Прерванное венчанье», 1877), в духе передвижников изображали русскую деревню («Сбор недоимок», 1869–1870; «Потрава», 1870) и тяжёлый труд людей из народа («Строе-ние железной дороги», 1870), а также сцены из русской истории («Филипп митрополит и Иван Грозный в Успенском соборе», 1873). В 1861–1873 гг. Пукирев преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1873 г. оставил училище из-за болезни. Умер в бедности. В некрологе в журнале «Вестник изящных искусств» о Пукиреве написали как о «безвременно погибшем одарённом художнике».

Толстой знал и ценил творчество Пукирева. В ноябре 1866 г. он посетил в Москве постоянную выставку Общества любителей художеств (в доме Дубовицкой на Тверском бульваре). На выставке находились картины В. Г. Перова, Н. Е. Сверчкова, В. Г. Шварца, П. А. Суходольского и др. художников. Среди них Толстой отметил лишь картину Пукирева. В письме С. А. Толстой 14 ноября 1866 г. он писал: «На выставке есть картина Пукирева, – того, чей Неровный брак. – Мастерская художника: поп, чиновник и купец рассматривают картину – превосходно. Остальное всё не очень замечательно» (83: 122). Речь в этом письме шла о картине Пукирева «В мастерской художника» (1865), которая была позже куплена П. М. Третьяковым и помещена в его галерею. На этом полотне Пукирев с мягким юмором изобразил собственную мастерскую и самого себя, показывающего посетителям своё живописное произведение. Умное, благородное, усталое лицо художника резко контрастирует с самодовольными лицами богатых заказчиков, пытающихся судить об искусстве. Тема искусства и художника в их взаимоотношениях с публикой, любителями и «знатоками», была близка Толстому, и потому картина Пукирева закономерно вызвала интерес писателя. Сюжет «В мастерской художника», возможно, вспомнился Толстому, когда в романе «Анна Каренина» он писал сцену в мастерской художника Михайлова, показывающего свои работы знатым посетителям.

В 1890 г. Толстой упоминал в письме В. Г. Черткову картину Пукирева «Неравный брак» в связи с подготовкой в издательстве «Посредник» общедоступного издания репродукций картин русских художников. По замыслу Черткова картины должны были сопровождаться текстами, поясняющими изображение. Толстой критиковал эти объяснения: «Сейчас перечёл текст к Неровному браку – длинно, да и неясно, какого читателя вы имеете в виду. Впрочем,

не настаиваю на своём мнении; надо самому попробовать, тогда и судить» (3 декабря 1890 г.; 87: 57). «Неравный брак» Пукирева был отобран для данной серии народных картин и был помещён в альбом репродукций («Русские картины». М., 1892) вместе с картинами В. Г. Перова, И. Е. Репина, Н. А. Ярошенко и др. известных русских художников.

Е. В. Петровская

ПУНГА Герман Андреевич (даты жизни не установлены) – знакомый Толстого; посетитель Ясной Поляны. Латышский инженер, социал-демократ. Несколько лет жил в Англии политическим эмигрантом, работал счетоводом у Черткова в издательстве «Свободное слово». В конце 1890-х гг. преподавал сыну Черткова. В 1902 г., возвращаясь в Россию, при попытке перевезти нелегальную литературу был арестован на границе и сослан в Олонецкую губ. В 1909 г. вернулся из ссылки и поступил управляющим пашковскими заводами на Урале.

Ясную Поляну Пунга впервые посетил 5 апреля 1909 г.: «Сегодня был Пунга, говорил о политике, в которой он au courant <в курсе. – фр.>». В связи с рассказом Пунги о том, что «студенты в Германии одержимы манией величия», «что они думают, будто Россия теперь ослабла и можно её побить», и узнав, что Пунга – латыш, Толстой сказал Д. П. Маковицкому: «У вас, славян, чувство патриотизма сильное, надо с ним бороться. Оно ведь ведёт к порабощению и самими себя. Если сами не будут порабощать себя, никто поработить их не может. Есть естественное влечение к своему народу – у меня к русскому – хотя я стараюсь не быть русским, а христианином. Патриотизм вреден» (ЯПЗ. 3. С. 381). Через день, 7 апреля, Толстой снова говорил с Пунгой: «Л. Н. спросил Пунгу о том, что я ему перерассказал о германском патриотизме. Пунга повторил, как немцы, средние слои и их газеты, исключая нескольких ведущих, негодовали, что Германия упустила случай войны с Россией, и какое враждебное отношение студентов и профессоров к чехам и другим славянам. Л. Н.: Этот патриотизм ужасен! Люди сбиваются. До чего это комично: немец считает свой патриотизм доблестным, чех – свой. Половина государственных бюджетов идёт на вооружение» (ЯПЗ. 3. С. 382).

После Первой мировой войны Пунга был министром финансов социал-демократического кабинета Латвии, а затем латвийским консулом в СССР.

Н. И. Бурнашова

ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович (1870–1920) – корреспондент и адресат Толстого; бессарабский помещик; общественный и политический деятель (лидер монархических организаций «Русское собрание», «Союз русского народа», организатор «Союза Архангела Михаила»), депутат 2, 3, 4-го созывов Гос. думы; чиновник особых поручений (статский советник); поэт, публицист, издатель журнала «Благовест» (Ростов-на-Дону); черносотенец и участник погромов и убийства Григория Распутина.

В феврале 1894 г. студент-филолог Новороссийского университета Пуришкевич послал Толстому своё сочинение «Накута и Карни. Этюд», опубликованное в «Одесских новостях» 21 декабря 1893 г. Он просил ответить, верно ли он определил «психическое состояние двух людей... которые в течение долгих лет жили – один в пустыне, другой в городе» (67: 65). Толстой ответил 5 марта 1894 г., указав на достоинства и недостатки рассказа: «Рассказ недурен по форме и, в особенности, по содержанию. Недостаток его по форме в том, что он слишком цветист, по содержанию же в том, что он оставляет вопрос открытым, тогда как полное разрешение его дано христианством» (67: 65). В конце письма Толстой приводил свои рассуждения о пребывании Христа в пустыне. Это единственное письмо Толстого Пуришкевичу. Писатель никогда не разделял его политических взглядов и никогда не поддерживал его позиции по земельному и др. экономическим вопросам. В дневниковых записях Толстой говорил о Пуришкевиче как о своём оппоненте, причисляя его к ряду Милюковых, Столыпиных, самого императора (записная книжка № 2, запись 28 мая 1908 г. – 56: 341); называл его «с собратьями» среди тех, кто пишет законы, низводя его имя на уровень нарицательного.

А. В. Шмелёва

ПУТИЛИНА Анна Ивановна (ок. 1880–?) – фельдшерица в Кочетовской больнице, знакомая Толстых. Бывая в Кочетах в семье своей старшей дочери, Толстой непременно общался с Путилиной. 5 июля 1909 г., вернувшись из Кочетов, он писал Т. Л. и М. С. Сухотиным: «Анне Ивановне скажите, что жалею, что не успел побывать у неё и полюбоваться её огородом и её работой медицинской» (80: 60), – хотя имел обыкновение посещать свою знакомую. 18 мая 1910 г. Толстой снова был в Кочетах и Д. П. Маковицкий записал в своей тетради: «Вечером в 8 ч. Л. Н. пошёл гулять <...>. Зашёл в лечебницу навестить фельд-

шерицу А. И. Путилину, самоотверженную 30-летнюю девицу, "молодую Марию Александровну <М. А. Шмидт. – Н. Б.>", как её Татьяна Львовна прозвала, повредившую себе ногу. Поговорил с ней, с её племянником 14-летним Тишкой Дашкевичем, и, заметив, что Тишка ходит босой, сказал: "Наша обувь от хождения изнашивается, а эта обувь только от того крепнет"» (ЯПЗ. 4. С. 257).

В конце августа 1910 г. в Кочеты приехала мать Путилиной. «Сегодня фельдшерица А. И. Путилина привезла мать, дряхлую старушку, к себе жить. За обедом говорили о трогательном отношении дочерей и зятя к этой старушке. Л. Н.: "Это одна из тех старушек, о которых говорит пословица: есть старик – убил бы, нет старика – купил бы"» (ЯПЗ. 4. С. 332).

Путилина выросла в семье, где считали большим грехом «брать прислугу!»

(ЯПЗ. 4. С. 346). Это у Толстого вызывало симпатию. Он с удовольствием беседовал с девушкой. 17 сентября 1910 г. Маковский записал: «Л. Н. вечером сидел за чаем с Александрой Львовной и Анной Ивановной. Очень приятно, уютно в разговорах провели вечер» (ЯПЗ. 4. С. 253). 20 сентября: «Л. Н. зашёл к старушке Кузьминишне Путилиной, 75-летней матери фельдшерицы Анны Ивановны. Она набожная, очень добрая старушка, прекрасно умеет говорить; пословицы так и украшают её речь. Старушка мне рассказала про посещение её Л. Н.: "какой он милый. Добрый в обхождении. Ведь знаете, как нынче маленький высоко держится, а он великий. Спросил, не скучно ли здесь". Я: "Только, что церкви нет". – "А вы любите в церковь ходить?" – спросил» (ЯПЗ. 4. С. 355).

Н. И. Бурнашова

Р

РАЁВСКАЯ Елена Павловна (рожд. Евреинова; 1840–1907) – знакомая Толстого; жена И. И. Раевского. Родилась в семье П. А. и С. А. Евреиновых. Тройродная сестра М. Ю. Лермонтова. С 1858 г. была замужем за другом Толстого Иваном Ивановичем Раевским (1835–1891). О семейной жизни Раевских учитель детей И. И. Раевского, позднее и сыновей Толстого, А. М. Новиков писал, что «до самой смерти они оставались с женой двумя любящими друзьями» (Раевский К. С. И. И. Раевский и его отношения с Л. Н. Толстым // *ЯП. сб.* 1982. Тула. 1984. С. 203). С Е. П. Раевской Толстой близко познакомился в имении Раевских Бегичевке, живя в их гостеприимном доме во время работы на голоде в 1891–1892 гг. Правнук Раевских К. С. Раевский так отмечал личностные качества своей прабабки: «Жена Ивана Ивановича Елена Павловна Раевская по своим взглядам была, по-видимому, очень близка своему мужу. Как и он, Елена Павловна придерживалась собственных, независимых убеждений; как и он, с большим уважением относилась к Льву Николаевичу Толстому. Тот отвечал столь же искренним расположением» (*там же*. С. 208–209).

Известно письмо-соболезнование Толстого от 29 ноября 1891 г. из Тулы с выражением сочувствия и любви Е. П. Раевской в связи со смертью её мужа: «Могу только сказать “аминь” тому, что говорят девочки, и от души благодарить вас за вашу любовь и ласку к ним и ко мне в такие минуты. Просил бы у вас прощенья за то, чем мог провиниться перед вами, да знаю, что провиниться не мог, потому что не переставал, насколько способен, любить вас и его и желал всеми силами души сделать лучшее. Любящий вас Л. Толстой» (66: 100). И не-

многим позже Толстой в письме от 24 декабря 1891 г. из Бегичевки сообщал С. А. Толстой: «Нынче приехала Елена Павловна. Очень она жалка и мила» (84: 112). Теплота и душевность звучит в словах Толстого, обращённых к Раевской: «Тяжело кажется жить, оставив позади себя все радости жизни, но есть и хорошая, и очень хорошая стороны в таком состоянии. <...> Хорошая сторона такого состояния в том, что ничто личное не отклоняет от исполнения того, чего хочет от нас Бог, можно жить только для исполнения его воли. Он хочет, чтобы я жила, – ну и буду жить, если он этого хочет, и как он хочет. А для вас исполнение его воли ясно: передать вашим мальчикам не словами, а всей остальной вашей жизнью то, что он, ваш муж, хотел передать им, сделать их такими же, какой был он. И мне думается, что это вы и делаете, и это вам легко и радостно делать» (письмо Е. П. Раевской 2 января 1892 г. – 66: 130).

После смерти мужа и в отсутствие Толстого в Бегичевке Раевская руководила делом помощи голодающим. Известна её переписка с Толстым, когда он, живя в Москве, продолжал направлять работу столовых и обсуждал с ней хозяйственные вопросы. Например, в письме от 2 января 1892 г.: «1) Если придёт кукуруза (2 вагона) с наложенным платежом, то постараться поскорее уплатить за неё деньгами, которые есть у нас, или послать за таковыми в Тулу к Писареву. 2) Дров 20 вагонов нам дали, и потому купить можно несколько меньше – не на 500, а на 300 руб. Но не беда, если и на 500. <...> Под вашим руководством все наши милые помощники, вероятно, обо всём сами догадаются и сделают, что нужно. <...> Пожертвования продолжают, так что я уже не робею и надеюсь не

только довести до конца все начатые столовые, но и распространить их» (66: 131).

22 июня 1892 г. Толстой дал оценку деятельности Раевской в письме к ней: «Не могу вам выразить, как я благодарен вам за вашу всё время оказываемую нам помощь, без которой нам было бы трудно. <...> Не прошу прощения за то, что утруждаю вас, а благодарю постоянно за ваше расположение и помощь нам. Любящий вас Л. Толстой» (66: 230–231). Искренняя благодарность звучала и в строках, написанных Раевской со станции Клеветки в день отъезда в Ясную Поляну 29 июля 1892 г.: «Благодарю вас ещё и ещё раз, – и не на словах, а в сердце – за всю вашу любовную помощь нам, и снисходительность, и терпение. И прошу простить за труд, который мы навалили на вас и ваших. <...> Благодарный и любящий вас Л. Толстой» (66: 238–239).

Лит.: Раевский К. С. И. И. Раевский и его отношения с Л. Н. Толстым // *ЯП. сб.*, 1982.

О. В. Гладун

РАЕВСКИЙ Пётр Иванович (1873–1920) – знакомый Толстого; сын его друга И. И. Раевского; врач-хирург, один из организаторов помощи голодающим в 1891–1892 гг. Часто бывал в доме Толстого, дружил с его сыновьями, особенно с Андреем Львовичем. Толстой с детства знал П. Раевского, следил за формированием его взглядов. Так, он отметил в дневнике 6 («3-го») ноября 1890 г.: «Были Бергеры и Раевский. Он спорил с Машей, защищая православие. <...> Подумал ещё по случаю спора мальчика Раевского с Машей о православии, о том, как страшно должно быть усомниться в вере детской. Инстинктом чувствуется, что надо будет искать, трудиться: оттолкнуться от берега и пуститься в море» (51: 101–102). В июле 1891 г., как вспоминал М. А. Новиков, И. И. Раевский пригласил его и трёх своих сыновей переписывать нуждающихся крестьян: «Переходя из дома в дом, мы заносили сведения об ожидаемом урожае и имущественном положении хозяев» (*МТА*. С. 196). 23 мая 1893 г. Толстой обратил внимание на то, что его беспокоят изменения, произошедшие во взглядах Раевского и его брата Ивана: «А какое страшное орудие затемнения нравственных требований. Я вижу это по Раевским» (52: 79). Толстой имел в виду увлечение естественными науками, материализмом. Волновало Толстого и увлечение Марии Львовны П. Раевским. 4 марта 1892 г. жене он писал об отношении дочери к Раевскому и собирался поговорить с ней по этому поводу: «Маша, сколько я видел и понял, старалась развязать завязанное, т. е. говорила, что до

4-х лет не надо говорить об этом, но не разорвала совсем» (84: 133). Осенью того же года, перед отъездом к Раевским в Бегичевку для организации помощи голодающим крестьянам, он беседовал с Марией Львовной на эту тему. 9 сентября 1892 г. Толстой написал дочери ласковое, но укоризненное письмо: «Неужели свет сошёлся клином и на этом клину только один человек. Мнесто со стороны видно, что этот один человек заслоняет от тебя мир, и, чем скорее он устранился, тем тебе будет светлее и лучше. И не думай, чтобы я это говорил потому, что он мне неприятен. Если бы ты вышла за него замуж, это не отдалило бы тебя от меня. Но тебе я желаю лучшего. И это не много» (66: 257). Об отношении Марии Львовны к Раевскому С. А. Толстая писала сыну Льву 8 ноября–11 декабря 1895 г.: «Маша очень худа, слаба и бледна. Её любовь к Пете Р. её сушит и уничтожает. Не понимаю, как можно любить без взаимности так долго. А он её знать не хочет» («Октябрь». 2010. № 10. С. 79). Об увлечении Маши П. Раевским вспоминала и М. С. Бибикова, племянница Толстого: «Это была её самая сильная любовь» (Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 80).

О. В. Ланская

РАХМАНОВ Владимир Васильевич (1865–1918) – единомышленник Толстого; его посетитель, собеседник, корреспондент и адресат; врач; автор научно-популярных книг, статей, воспоминаний о Толстом. Студент-медик Московского университета Рахманов впервые приехал к Толстому в Ясную Поляну летом 1886 г. Знакомство продолжилось в следующем году в Москве. По окончании университета в 1889–1890 гг. Рахманов жил в толстовских земледельческих общинах А. В. Алёхина, М. А. Новосёлова и др. Время наиболее тесного и значимого личного общения Рахманова с Толстым и его окружением – 1888–1891 гг., хотя посещения продолжались до начала 1900-х гг. «Милый Рахманов» житейски и психологически импонировал Толстому: «кололи дрова», «ходили купаться», но более всего в молодом собеседнике писатель ценил его религиозно-нравственные искания, «то новое отношение к жизни, которое наступило при новом положении, вызванном движением вперёд» (65: 279). Менялось отношение к Рахманову др. членов семейства Толстых: если поначалу (в 1887 г.) С. А. Толстая воспринимала студента Рахманова как одного из «тёмных людей» – «народ всё несимпатичный и чуждый, тяжёлый в семейной жизни» (*ДСАТ*. 1. С. 123), то к концу 1890-х гг. он стал «док-

тором Рахмановым» и почти «своим» не только в Ясной Поляне, но и у Сухотиных, допускался к святым святым – к переписыванию рукописей «Крейцеровой сонаты», чередуясь с самой Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и др.

Посещая Ясную Поляну, Рахманов живо интересовался творческой работой Толстого, ощущая и в себе потребность литературного высказывания. Почувствовал это и Толстой, осенью 1889 г. предложив Рахманову литературно обработать рассказ А. Ф. Кони. Рахманов отказался и стал горячо убеждать писателя самого взяться за этот сюжет. Так начиналась работа над «Коновской повестью», будущим «Воскресением».

Переписка Толстого и Рахманова 1890–1891 гг. говорила о глубоком внутреннем единстве корреспондента и адресата. Толстой признался: «Мысли, чувства, которые волнуют вас, те новые горизонты, которые открываются вам, это то самое, что меня волнует, чем я живу <...>. Единство это не происходит от внешнего общения, а от внутреннего» (65: 260). В центре внимания – религиозно-нравственные вопросы: о вере, любви Истины, Бога, каждого «ближнего и дальнего», о самосовершенствовании не как цели, а как исполнения веры, как «смирненной готовности творить волю Его» (65: 10).

Напряжённые по мысли, остроте духовных и социальных вопросов письма Рахманова побуждали Толстого к размышлениям и самоанализу: он отмечал перемену собственных взглядов, высказанных в работе «В чём моя вера?». Радовался, что видит впереди «бесконечную даль» внешнего и внутреннего совершенствования, а заповеди Христовы лишь «зарубки на этом бесконечном пути» (65: 261).

Толстой соглашался с критикой Рахмановым «слабого места общин». Много говорил об отношении к государству как воплощённому насилию и предостерегал от компромиссов с ним: следует стремиться «к полному освобождению от насилия», к идеалу Христа, ко всей Истине, а что из этого выйдет – никто не знает. Конечно, вполне свободным от государства «может считать себя только святой», христианская жизнь – «в движении к совершенству» (65: 262). Сомнения Рахманова по вопросу о насилии Толстой разрешал так: проверку своих поступков человек должен искать «во внутреннем сознании наибольшего, возможного в его положении, исполнения воли пославшего» (65: 295).

В 1891–1892 гг. Толстого и Рахманова объединила практическая работа по оказа-

нию помощи голодающим, а также деятельность Рахманова-врача во время эпидемии холеры в Крапивенском уезде. Под впечатлением от статьи Толстого «Страшный вопрос» и узнав об открытии им столовых, Рахманов тоже решил устроить столовые в Нижегородской губ., в Лукояновском уезде, наиболее пострадавшем от неурожая. Он получил от Толстого развёрнутые инструкции по организации и ведению столовых. В следующем письме Толстой сожалел о замене столовых прямой выдачей хлеба как ошибочном решении Рахманова. Сообщение Толстого по этому поводу – свидетельство глубокого осмысления экономических, социальных и нравственных аспектов вопроса. В последнем письме 1892 г., информируя вернувшегося из холерного уезда Рахманова об аресте и ссылке близких им обоим Алёхина и Бодянского, Толстой раскаивался в том раздражении, которое возникло в их общении во время последней личной встречи.

Более определённо о наметившемся расхождении говорило письмо Толстого от 18 октября 1896 г. В ответ на упреки Рахманова в холодности его «учительных» сочинений, писатель признался, что у него много «задуманных художественных вещей», но он не позволяет себе отдать им короткое время жизни, пока не закончит главной работы, которая «нужна и полезна будет многим людям» («Изложение веры» – работа, получившая позднее название «Христианское учение»). «Вы мне советуете не учительствовать и не изменять жизнь, а я как раз не могу не писать то, что пишу <...> и не могу не желать изменить жизнь <...>. Так что письмо ваше не дало мне той пользы, которой я ожидал, но дало мне хорошее чувство к вам» (69: 179–180).

Весной 1904 г. по подозрению в принадлежности к социал-демократической партии Рахманов был арестован, несколько месяцев находился в тюрьме. Последнее письмо Толстого Рахманову, переданное через сестру адресата, написано в поддержку «близкого», ошибающегося, но «искреннего» человека.

В 1900-е гг., помимо книги «Общедоступный лечебник» (М., 1908) и др. популярных медицинских книг и брошюр, в «Минувших годах» Рахманов опубликовал воспоминания «Л. Н. Толстой и “толстовство” в конце 80-х и начале 90-х годов» (1908, № 9), с разрешения автора напечатал со своими комментариями письма Толстого к нему (1908, № 12), там же появились его воспоминания о знакомом Толстого В. К. Сютееве «Крестьянин-коммунист» (1908, № 8). Реакцию Толстого на эту публикацию отметил

Д. П. Маковицкий: «Рахманова я читал, всегда хорошо пишет» (ЯПЗ. 3. С. 379).

Л. К. Чурсина

РАХМЕТУЛЛИН Мухаммед («Мухаммед-Шах», «Мухамедша», «Романыч»; даты жизни не установлены) – башкирский крестьянин из деревни Муратшино Имелевской волости Самарской губ. Более 8 лет готовил кумыс вблизи хутора Толстых. Русское население звало его Романычем. Толстой познакомился с ним в начале 1870-х гг., когда были приобретены самарские земли в Бузулукском уезде, обустроен хутор, рядом с ним, «в степи, были разбиты две войлочные кибитки, в которых жил» «кумысник» Романыч «со своими жёнами». «В степи, в нескольких саженях от дома, стоит войлочная кибитка, в которой живёт старый башкирец Мухаммедшах с семьёй. Они будут делать кумыс для лечащихся» (Сухотина. Воспоминания. С. 133), – писала Т. Л. Сухотина-Толстая. Бывшая воспитательница детей Толстых Ханна Терсей, приехавшая на хутор, видела «своеобразную красоту степи» и её обитателя Мухаммедшаха и говорила юной Татьяне Толстой: «Смотри <...>, эти огромные пасущиеся стада овец напоминают библейскую жизнь. А наш башкирец Мухаммедшах похож на библейского патриарха, с своей седой бородой, длинной цветной одеждой и своими степенными, вежливыми манерами...» (там же. С. 140). «Мухаммедшах, красивый старик, похожий на ястреба, в тубетейке и шёлковом бухарском халате, из-под которого видна была чистая белая рубаша, мягко ступая в своих ичигах, приветливо встречал гостей, слегка жал руку обеими руками, усаживая на ковёр, подкладывая за спину гостя мягкую подушку, и угощал кумысом из чаш, выдолбленных из берёзовых наплывов, – вспоминал старший сын Толстого С. Л. Толстой. – В кибитке отсутствовали стулья и столы, были только ковры, было чисто и уютно. Мухаммедшах был умный и по-своему культурный человек; он знал арабский язык, читал коран, был благовоспитан, тактичен. Он говорил по-русски свободно, но игнорировал падежи и спряжения. Одна из любимых тем его разговоров была о том, как башкиры жили в старину и как теперь хуже стали жить (Очерки былого. «1873 год»). «Мухамедша – старый знакомый башкирец, приехавший с семьёй, кибиткой и кумысом и лошадьми на наш хутор по нашему приглашению», – сообщала С. А. Толстая Т. А. Кузминской. 20 июня 1875 г. она писала сестре с самарского хутора на р. Моче.: «Лёвочка <...> конечно, ничего не пишет и проводит дни

или в поле, или в кибитке башкирца Мухаммед-Шаха...» (62: 193). «Папá, Стёпа, Ханна и даже маленькая Маша усиленно пили кумыс. С утра они отправлялись в кибитку, где их приветствовал утончённо вежливый и благообразный старый башкирец Мухаммедшах Романович. Сидя на положенных на пол коврах и подушках, со скрещенными по-турецки ногами, он сначала мешал в кожаной посудине кислый и жидкий кумыс, потом наливал его ковшом из карельской берёзы в такую же плоскую чашу и с поклоном подносил своему гостю. Папá, бывало, возьмёт чашу с кумысом в обе руки и одним залпом выпивает её до дна, ни разу не отрывая от неё рта. А чаша большая – вместимостью в целую бутылку, а то и больше. Мухаммедшах только ждёт, когда папá кончит, чтобы опять налить ему вторую чашу. Иногда папá выпивает и вторую и только похваливает...» – рассказывала в своих мемуарах Т. Л. Сухотина-Толстая (Сухотина. Воспоминания. С. 143).

Об этом времени в феврале 1899 г. вспоминал в своём письме к Толстому А. Н. Гончаров: «Вы в продолжение двух часов играли в шашки с Мухамеджаном, и он, оканчивая партию, прибавлял: “сиди, граф, в нужник”, или: “теперь гуляй в нужник”. “Так не говорят, – поправляли Вы его, – а нужно сказать: в Седан”. Тогда это слово было в большом ходу: французы были побиты» (72: 93). Отношения с Романычем были очень добрыми. Толстой любил повторять его выражение: «думать надо, большой думать надо» (72: 95). Любил и его кумыс. 19 июля 1881 г. записал в дневнике: «Кумыс отличный. Мухамеша ещё глаже, чем был. За занавеской жена и пишит новорождённый Мухомеша. Он, смеясь и конфузясь, говорит: “Молодой угодил”». В тот же день ещё запись: «Я ему, Романычу, толковал политические дела» (49: 53).

Даже Софья Андреевна расположилась к «башкирцу», «напоминавшему картины старых библейских типов» (САТ. Моя жизнь. 1. С. 220): «Мухамедша также хорош собой, изящен и приятен; также похож на ястреба», – писала она Т. А. Кузминской 29 мая 1883 г. с самарского хутора (83: 379). А в письме к мужу на хутор из Ясной Поляны посылала внуку Мухаммедшаха, «маленькому Азису», «картинки», с мыслью, что «он будет рад». «Я очень любила эту семью башкирцев, – позднее писала она в книге «Моя жизнь». – Приветливые, до утончённости учтивые, благообразные, чистоплотные и религиозные – насколько они лучше наших русских крестьян» (САТ. Моя жизнь. 1. С. 241). Толстой тоже любил и эту семью, и этот степной мир: «Моему

отцу очень нравился своеобразно красивый отживающий быт этого кочевого народа, — писал С. Л. Толстой. — Он говорил, что от него «Геродотом пахнет»» (*Очерки былого*. Гл. «1873 год»).

Н. И. Бурнашёва

РЕДСТОК Гренвиль Вальдигрев («Радсток»; 1831–1913), лорд — английский проповедник-евангелист. Приезжал в Россию в 1874 г. Среди знакомых Толстого было несколько ревностных последователей учения Редстока, проповедовавшего, преимущественно в петербургском высшем свете, своё учение о спасении рода человеческого смертью Христа. Это мать близкого друга Толстого В. Г. Черткова и его тётка Е. И. Шувалова, богатый помещик Богородицкого уезда А. П. Бобринский, который в 1870-х гг. был министром путей сообщения, давняя приятельница семьи Толстых баронесса Е. И. Менгден... Вполне положительно относилась к Редстоку и двоюродная тётка Толстого гр. А. А. Толстая. В 1880-е гг. Толстой посещал в Москве дом Л. Ф. Сомовой, где проходили собрания редстокистов. Бобринский приезжал в Ясную Поляну в феврале 1876 г., в марте того же года Толстой писал гр. А. А. Толстой, что Бобринский поразил его искренностью и жаром своей веры: «...никто никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский». В том же письме Толстой спрашивал: «Вы знаете Редстока? Какое он произвёл на вас впечатление?» (*ПАТ. 2011. С. 330–331*). В ответ гр. А. А. Толстая писала: «Редстока я очень хорошо знаю, вот уже три года, и очень люблю за необыкновенную его цельность и любовь. Он совершенно предан одному делу и идёт своей дорогой, по сторонам не оглядываясь. <...> Он милый — добрейший сектант, — сам не понимающий многого и наивно не подозревающий, как во многом он удаляется даже от Евангельской истины» (*там же. С. 332*). Дальше она замечала, что «Бобринский его ученик», она им «любовалась и радовалась его искренностью и горячностью» (*там же. С. 333*). Толстой, получив эту характеристику, отвечал: «Как прекрасно вы мне описали Редстока. Не видав оригинала, чувствуешь, что портрет похож до смешного» (*там же. С. 334*). В феврале 1875 г. баронесса Менгден писала Толстому о желании их общей знакомой издавать журнал для народа, который всецело будет посвящён пропаганде религиозного евангелического учения лорда Редстока. Толстой отрицательно отнёсся и к учению и к последователям Редстока, «так называемым новым христианами, исповедующим спасение верою в искупление»

(«Исповедь»; 23: 38). В 7-й части «Анны Карениной» (гл. XXI–XXII) последователи Редстока изображены им в комическом виде, а тётка В. Черткова стала прототипом гр. Катерины Ивановны Чарской. В июне 1878 г. в дневнике Толстой писал об очередном визите Бобринского: «Измучил меня своими разговорами о религии, о Слове. Его страсть говорить! Самообольщение удивительное. Для меня он важен был тем, что на нём с ужасной очевидностью ясно заблуждение основания веры на слове, на одном слове» (48: 70). Позднее в записной книжке Толстой подвёл итог своего отношения к великосветским редстокистам: «Отчего у Радстока успех в высшем свете. Согласны на всё. И в церковь ходят, и к бедным, но не изменяют жизнь...» (52: 180).

Л. С. Дробат

РЕДФЕРН Перси (Redfern; даты жизни не установлены) — корреспондент и адресат Толстого; секретарь Толстовского общества в Манчестере (Англия). Общество это, основанное в 1900 г., объединяло небольшую группу людей, разделявших религиозные взгляды Толстого. Редферн — бывший социалист, автор книги «*Tolstoy. A Study*». В письме, которое переслал Толстому Эйльмер Моод, Редферн писал: «Дорогой друг, осмеливаюсь так назвать вас, потому что хотя я и родился полвека позже вас, в самом сердце Англии и теперь живу и работаю конторщиком в английской оптовой кооперации среди облаков дыма и фабричных труб густо населённого Ланкашира, но я отчасти присоединился к той группе мужчин и женщин в Англии и в Америке, которые не могут смотреть на вас иначе, как на своего главного учителя, <...> первое, что привлекло меня к вам, была книга «Что такое искусство?» <...>. Я достал её в общественной библиотеке, прочёл и вновь перечёл её, а затем и другие ваши книги, имевшиеся в местной библиотеке <...>. Постепенно от прежнего правоверного социалистического взгляда на вас как на человека, который стал бы в Англии социалистом и лишь благодаря особым условиям отсталой России превратился, подобно Иисусу, в непрактичного индивидуалиста, я стал смотреть на вас так, как смотрю теперь» (72: 435–436). Толстому письмо Редферна «очень понравилось по горячности и искренности», и в ответном письме Мооду 3 августа 1900 г. он просил передать своему английскому корреспонденту, что желает «большинству молодых друзей»: «чтобы больше употреблять энергии на своё внутреннее душевное устройство, чем на пропаганду» (72: 435). В письмах Тол-

стому Редферн рассказал об организации в Манчестере Толстовского общества и его целях; ему хотелось узнать отношение писателя к самому факту существования этого общества. Толстой отвечал 23 сентября 1901 г. из Гаспры: «...я не только ничего не имею против существования и наименования Tolstoy society, но низшая часть моего существа испытывает удовольствие при мысли, что мои писания будут предметом внимания религиозных людей и будут лучше поняты, но высшее, что есть во мне, противится этой мысли и, как самому хочется быть свободным от всяких связей и всякой исключительности для того, чтобы ничто не отвлекало от прямого непосредственного общения с Богом, так этого же самого желал бы для близких мне по духу друзей моих» (73: 147–148). Диалог в письмах продолжался. Получив от англичанина в начале 1903 г. письмо с рассказом о деятельности Толстовского общества и его добрых делах, Толстой писал 23 февраля из Ясной Поляны, что он считает «добрыми делами»: «добрые дела делаются только для Бога» (74: 55). Письмо заканчивалось так: «Я был рад узнать всё то, что вы пишете про ваше общество и про себя, и благодарю вас за ваше письмо. Ваш друг Лев Толстой» (74: 56). Толстовское общество в Манчестере просуществовало недолго.

Н. И. Бурнашёва

РЕЙ Жюль (Rey; 1852?–?) – гувернёр трёх старших сыновей Толстого. Жил в Ясной Поляне с 4 июня 1875 г. по январь 1878 г. Швейцарец, католик из Фрибургского кантона. Молодой человек, знавший французский, немецкий, латинский и греческий языки. Толстой считал приглашение гувернёра-воспитателя «важным семейным событием» (62: 181). «Он должен быть гувернёром, т. е. надзирать, учить по-латыни, по-гречески, математике, немецкому и французскому, и всё это он может. Имеет самые лучшие аттестаты и рекомендации. Ему 23 года. Если он удастся, то воспитание мальчиков до университета будет вопрос решённый», – писал Толстой в 1875 г. (62: 181).

Поначалу m-r Rey произвёл на семью Толстых хорошее впечатление. «Живой, весёлый, хороший гимнаст, совсем ещё молодой, он сразу забрал в руки Илюшу, который делался очень шаловлив и труден и который сам заинтересовался новым лицом», – вспоминала С. А. Толстая (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 239). Сам Толстой видел в этом швейцарце-классике хорошего учителя и воспитателя, следил за уроками мальчиков с m-r Rey. Летом 1875 г. Жюль

Рей ездил вместе с семьёй Толстого и детьми в Самарские степи.

Сыновьям Толстого m-r Rey не нравился. Сергей Львович, старший сын, вспоминал: «Он был довольно красив, внешне учтив, хорошо одевался, но выражение лица его было неприятно: из-под очков серые его глаза бегали, улыбка была деланная. Этот скрытный и развратный человек испортил мне два года моей жизни, хотя я был его любимцем. Он требовал от нас образцового поведения, а сам тайно покупал вино, пил и был в тайной связи с жившей у нас англичанкой. Он сумел понравиться моему отцу, а сам дурно говорил про него. По отношению к нам, особенно к брату Илье, он был несправедлив. Бить нас ему мой отец запретил, но он иначе наказывал нас: ставил в угол, заставлял зубрить или переписывать латынь и т. п.» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года. 1875 год»). Илья же высказывался о гувернёре очень резко, называя его «грубым и тупым» человеком. Своими методами «m-r Rey <...> окончательно сделал из меня ненавистника учения», – вспоминал он. «Никогда не прощу я ему его наказания “Une page à copier, deux pages à copier” <Переписать одну страницу, переписать две страницы. – фр.> и т. д., пока к воскресенью не наберется на целую тетрадь» (*Толстой И. Л.* Гл. VII). Со временем дурные качества гувернёра стали очевидны и для родителей. В январе 1878 г. Толстой отказал от места швейцарцу: «...он сделался невыносим своею грубостью и дурным характером» (62: 369). Старшие дети были несказанно рады такому повороту событий. Сергей Толстой вспоминал: «В январе произошла крупная перемена в жизни моей и моих братьев: m. Rey был уволен» (*Очерки былого*. Гл. «Жизнь нашей семьи до осени 1881 года. 1878 год»).

Е. Г. Шестакова

РЕЙС Эдуард (Reuss; 1844–1891) – английский богослов, профессор Страсбургского университета, основатель новейшей библейско-критической школы. Толстой называл Рейса «учёным богословом-критиком» (23: 353). В 1880 г. писатель начал работу над книгой «Соединение и перевод четырёх Евангелий». Осенью 1880 г. он поехал в Москву, одной из целей поездки было приобретение нужных для работы книг (списки этих книг сохранились). Ещё в октябре 1879 г. от А. Фета Толстой получил 14-й и 16-й тт. французского перевода Библии с комментариями Э. Рейса. В сочинении этом 17 тт., из которых первые десять посвящены Ветхому Завету, а семь послед-

них – Новому Завету. Выходило в Париже в 1874–1881 гг. (62: 500). 18 апреля 1880 г. Толстой в письме к Страхову упоминал «своего» Рейса: «Ради бога, ради бога, достаньте мне или купите, чего бы ни стоило, или пришлите из Библиотеки, или даже... украдите – книгу или книги, из которых бы можно было узнать о самых древних греческих текстах четырёх Евангелий, о всех выпусках, прибавках, вариантах, которые были сделаны. Я из своего Рейса знаю, что таковых есть много и не лишённых важности для правильного понимания сомнительных мест» (*ПСПТС*. 2. С. 568). В своей работе «Соединение и перевод четырёх Евангелий» Толстой около 70 раз упоминал имя Э. Рейса. В предисловии он писал: «Попыток соединения Евангелий в одно было много, но те все, которые я знаю, – Arnoldi, de Vence, Фаррара, Рейса, Гречулевича, – все они берут исторические основы соединения, и все они безуспешны» (24: 19). Объясняя далее план своей работы, Толстой называл двух авторов, Гречулевича и Рейса (Гречулевич – автор книги «Подробный сравнительный обзор четвероевангелия в хронологическом порядке»: В 2 ч. СПб., 1859): «Я избрал два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всех предшественников: Гречулевича и Рейса, – продолжал Толстой в предисловии. – Но так как Рейс отделил от синоптиков Иоанна, то для меня был удобнее свод Гречулевича, и я его взял за основу своей работы, сличал его с Рейсом и отступал от обоих, когда смысл того требовал» (24: 19). Книгами Рейса Толстой пользовался и для другой цели: в своей работе он часто цитировал и критиковал те объяснения евангельских текстов, которые давал Рейс, представитель так называемой Тюбингенской школы богословия (24: 977). Даже много позже Толстой обращался к Рейсу, читая его комментарии на послания апостола Павла. Но теперь цель чтения была другая – сличить соотношение нравственности и технического прогресса, тогда и теперь. «Теперь эта сторона так далеко ушла, а нравственная так отстала, что безнадежно восстановить правильное отношение» (56: 3). 31 января 1881 г. С. А. Толстая в своём дневнике писала: «Всякий день садится он за свою работу, окружённый книгами, и до обеда трудится. <...> Стал тих, сосредоточен и молчалив» (*ДСАТ*. 1. С. 508). Когда адресат Толстого М. А. Новосёлов, желая заняться изучением истории христианства, просил писателя указать на источники, Толстой ответил, что «лучшим сочинением по критике текстов Священного Писания» «считает перевод с комментариев

ми Reuss'a» (63: 390). Впрочем, добавлял Толстой тут же, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого.

Л. С. Дробат

РЖЕВСКАЯ Наталья Андреевна (рожд. Беэр; 1809–1887) – троюродная сестра Толстого, дочь Андрея Андреевича Беэра и Анастасии Владимировны Ржевской, двоюродной тётки Толстого. Мать Н. Ржевской отличалась тяжёлым деспотичным нравом, что не мешало её семье поддерживать дружеские связи с Грановским, Киреевскими, Бакуниными, Станкевичем. До замужества Ржевская была увлечена Н. В. Станкевичем и М. А. Бакуниным. В 1852 г. вышла замуж за кузена Владимира Константиновича Ржевского (1811–1885), который впоследствии стал сенатором, ведал т. н. межевой частью в 1850–1860-е гг., был известным публицистом, сотрудником «Русского вестника». О замужестве, этой самой поразительной, «самой удивительной новости» Толстому сообщила Т. А. Ёргольская. Впоследствии оказалось, что это замужество не было внезапным, их взаимная привязанность длилась очень долго. Тётушка Ёргольская теперь удивлялась другому: «как могли близких родственников обвенчать?». Тем не менее, «молодожёны отправились в деревню предаваться своей любви без свидетелей». Так заканчивала своё послание Ёргольская (*ОР ГМТ*).

Толстой называл Ржевскую «Беершей», а она в слишком резкой форме упрекала Толстого в неаккуратной уплате его долгов. В это время он готов был продать деревню Мостовую, затем Грецовку, «даже большой дом раньше лесов», чтобы «получить 4.000 руб. серебром», чтобы расплатиться со своими долгами, в т. ч. и с Ржевской. А «Беерша» напоминала, что в случае неаккуратной уплаты долга в 5.000 серебром она увеличит проценты за 6 месяцев.

31 марта 1885 г. Ржевская стала вдовой. Её муж болел 4 дня, почти не страдал, был неверующий, последние слова его были: «Ах, какое счастье! Как это хорошо, что и добрым, и злым, и верующим, и неверующим, и умным, и глупым, и в жизни, и в смерти – и всем равно – всем благо, не правда ли?» (63: 221).

Н. А. Никитина

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Николай Сергеевич (1831–1875) – московский знакомый Толстого, внук знаменитой в своё время М. И. Римской-Корсаковой, в доме которой собиралась вся светская Москва, бывали Пушкин, Грибоедов, Вяземский.

В 18 лет окончил Московский университет, в 20 – выбран Смоленским предводителем дворянства, но вскоре бросил службу и уехал на войну сначала в Дунайскую армию, затем под Севастополь. 4 августа 1855 г. участвовал в сражении на Чёрной речке, где был и Толстой. И в Дунайской армии, и в Севастополе Толстой и Римский-Корсаков нередко общались. 25 июля 1854 г. Толстой записал в дневнике: «...весёлый Корсаков, который славно поёт цыганские песни, навёл на меня ужасную тоску и зависть...» (47: 16–17). И ровно через месяц: «В Севастополе бомбардировка, в лагере музыка. Добра никакого не сделал, напротив, обыграл Корсакова» (47: 60).

Выйдя в отставку, Римский-Корсаков жил в Москве. Князь Д. Д. Оболенский в своих воспоминаниях писал, что «весёлый, остроумный, очень элегантный, он был любимцем московского общества и на балах официальных и придворных часто дирижировал оными» (Из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского // Русский архив. 1895. № 33. С. 364–365).

Толстой вывел Н. С. Римского-Корсакова в «Анне Карениной» в лице Егорушки Корсунского. Не успела Кити «войти в залу и дойти до тюлево-ленто-кружевно-цветной толпы дам», «как уж её пригласили на вальс, и пригласил лучший кавалер, главный кавалер по бальной иерархии, знаменитый дирижёр балов, церемониймейстер, женатый, красивый и статный мужчина Егорушка Корсунский» (ч. 1, гл. XXII). И далее Толстой показывал, как Корсунский танцует сначала с Кити, а затем с Анной Карениной.

Н. И. Бурнашёва

РИХАУ Даниэль Карл (Карл Иванович; 1827–1883) – корреспондент и адресат Толстого; гравёр на дереве; основатель ксилографического заведения в Москве. По замыслу Толстого книга «Война и мир» должна была выйти с иллюстрациями. В 1866 г. родственник С. А. Толстой художник М. С. Башилов приступил к работе над иллюстрациями, гравировал их Д. Рихау – «прекрасный мастер своего дела» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 157). «Вообще я не нарадуюсь нашему предприятию. Ради бога не откладывайте своего намерения выставить ваши рисунки. Ежели только Рихау не испортит, то это будут мастерские и замечательные вещи», – писал Толстой Башилову 4 апреля 1866 г. (61: 135).

Однако выпуск иллюстрированного романа вызвал серьёзные затруднения, и одной из причин этого была дороговизна иллюстрированного издания. Рихау на определённом

этапе работы стал требовать повышения оплаты своего труда (была договорённость «по числу фигур от 10 и до 25 р.» – 61: 144), ссылаясь на сложности в исполнении многофигурных гравюр. Полагаясь в вопросах оплаты за гравирование на Башилова и передав ему все полномочия в установке цен за эту работу, Толстой, тем не менее, вынужден был обратиться лично к Рихау. «Весьма сожалею, что по исполнению политапжей к моему роману явились затруднения, – писал он Рихау 7 августа 1866 г. – <...> Для меня бы было очень прискорбно лишиться вашего добросовестного и искусного содействия. <...> Но позвольте вам заметить, милостивый государь, что ежели два рисунка по большому количеству фигур показались для вас требующими большого труда, то было и будет ещё много рисунков простых, которые наверстают эту сложность, и что, вообще, в заказе довольно значительном – около 1000 р. – нам надо взаимно сделать друг другу уступки для того, чтобы вам удержать за собою заказ, а мне не лишиться содействия лучшего нашего гравёра» (61: 145–146). О трудностях Толстого с иллюстрированием «Войны и мира» в письме к младшей дочери Т. А. Берс (будущей Кузминской) сообщал 7 апреля 1867 г. и А. Е. Берс: «Издание его романа не ладится. Гравёр Рихау отказывается гравировать картины, а другого мастера здесь нет. Башилов адресовался в Петербург; там, хотя и берутся, но не ближе, как к будущей весне. Недавно я послал ему письмо, в котором сильно уговаривал его отказаться от картин. Тот же совет даёт ему и Писемский, которого я встретил у Тургенева. Писемский до небес выхваляет его последний роман и находит, что картины несколько не возвысят его достоинства, а напротив, могут скорее его уронить. Но что с ним делать, у него свой царь ум...» (*Кузминская*. Ч. 3. Гл. XIX).

Гравюры делались на дереве. Рихау работал медленно. 12 ноября 1866 г. Толстой писал жене: «Пришёл Башилов. Картинок он сделал всего только 13. Некоторые, как смерть Безухова и поцелуй, необыкновенно хороши; но вся часть, напечатанная в прошлом году, ещё не рисована, а Рихау отстал ещё больше в работе, так что нет возможности кончить картинки к новому году. Так что я решил в нынешнем году картинок вовсе не печатать» (83: 120). Но, когда уже была сделана значительная часть досок с рисунками, в мастерской начался пожар, в котором погибли все доски и большая часть рисунков – книга «Война и мир» вышла без иллюстраций.

А. А. Аленина

РОБЕРСОН Фрэнк Ремонт (Roberson; «Робертсон»; ок. 1870–?) – американский корреспондент и посетитель Толстого; друг У. Д. Брайана. В ответ на просьбу Робертсона о разрешении посетить Ясную Поляну ему 27 апреля/10 мая 1905 г. написали коротко: «Милости просим» (75: 242). Робертсон побывал в Ясной Поляне 28 апреля/11 мая 1905 г. В тот день Д. П. Маковицкий записал: «Вечером, в 7 часов, приехал Франк Ремонт Робертсон из Вальдена, штат Нью-Йорк, друг Брайана, 35 лет, симпатичный. Кажется, он много видел и читал, знающий, способный человек. Много путешествовал. Л. Н. с ним около часу гулял, и вечером около часу за чаем они беседовали. Л. Н. ему сказал, что надеется, что он не журналист и что не будет о нём писать. Разговаривали по-английски. Робертсон говорил необыкновенно отчётливо, я каждое слово мог понять. Л. Н. интересовало, что рассказывал ему Робертсон о Японии, где тот был пять раз, о Китае, но больше всего спрашивал о Брайане и его задачах. <...> Робертсон был приятно удивлён той внимательностью, простой, милой встречей и интересом, с которым к нему Л. Н. отнёсся» (ЯПЗ. 1. С. 262–263). Говорили о «влиянии Генри Джорджа в Америке» и о Рузвельте. «Л. Н.: «Робертсон говорил, что Рузвельт увеличивает флот из миролюбивой цели». <...> «Я ему сказал, что знаю о нём только то, что он империалист и милитарист. Робертсон сказал: «Ни то, ни другое. Рузвельт за мир, он только потому и увеличивает флот»» (ЯПЗ. 1. С. 264, 267).

Вернувшись домой в Вальден, Робертсон отправил Толстому письмо с искренним признанием: «Моя память навсегда сохранит среди своих сокровищ воспоминание о счастливом вечере, который я провёл с Вами в прошлом мае. Я надеюсь, Вам будет ниспослано много дней и месяцев, чтобы радовать сердца многих людей. Ваша любезность по отношению к молодому американскому путешественнику не скоро будет забыта». Робертсон просил у Толстого фотографии его и его семьи, которые «намеревался использовать в своей лекции» о Толстом. Американец просил «подписать эти снимки», сам подписывая письмо: «Со всей искренностью Ваш друг и почитатель Фрэнк Р. Робертсон» (Толстой и США. С. 910). На конверте полученного письма Толстой пометил: «б. о.», что значило: «без ответа».

Н. И. Бурнашёва

РОБЕРТСОН Фредерик Уильям (Robertson; 1816–1853) – известный английский проповедник, богослов, о котором вы-

соко отзывались современники, включая Ч. Диккенса. В ЯПЗ имеются два издания его проповедей: Robertson F. W. Sermons / Preached at Trinity Chapel, Brighton, by ... Frederick W. Robertson... – Leipzig: B. Tauchnitz, 1861–1866. – 4 vols. – (Collection of British Authors; Vol. 556–559); Robertson F. W. Sermons preached at Brighton / By ... Frederick W. Robertson ...: Second series. – London: Kegan Paul, Trench & Co., 1886. На втором издании сохранились следы чтения, скорее всего, Толстого в виде отчёркиваний и подчёркиваний. Толстой включил в «Круг чтения» фрагмент из *Sermons* Робертсона: «Опасно отыскивать причину зла вне нас. Покаяние при этом становится невозможным» (41: 533). Толстой ссылаясь на Робертсона в дневнике и письмах. 22 февраля 1889 г. он записал в дневнике, что взял «у Готье Robertson'a» (50: 40). В письме к М. М. Ледерле писатель упоминал Sermons Робертсона среди сочинений, производивших на него «с 50-ти до 63-х лет» «большое впечатление» (66: 68).

Г. В. Алексеева

РОД Эдуард (Rod; 1857–1910) – швейцарский, французский писатель-моралист и литературный критик. Родился в Нионе, получил образование в Лозанне, написал диссертацию о царе Эдипе. Долгое время преподавал литературу в Женевском университете. С 1878 г. жил в Париже. Писал романы, вдохновляясь идеями Э. Золя. С 1884 г. – главный редактор и издатель журнала «Revue contemporaine», сотрудничал в газетах «Figaro», «Journal des Débats», журнале «Revue des Deux Mondes» и др. На его мировоззрение оказали сильное влияние А. Шопенгауэр и Толстой. В 1888 г. Род распрощался с натурализмом ради исследования нравственных категорий. В 1890–1891 гг. он печатал статьи в парижском журнале «Revue bleue» под общим заглавием «Нравственные идеи нынешнего времени» («Les idées morales du temps présent»). Одно из самых известных произведений Рода, роман «Поток» («L'Eau courante», 1902), по инициативе Толстого было издано «Посредником» (1903) в переводе П. В. Безобразова. В романе изображена жизнь швейцарского крестьянина 1870-х гг. В 1905 г., как писал Д. П. Маковицкий, один из посетителей Толстого «говорил о романе Рода «из швейцарской крестьянской жизни»» (ЯПЗ. 1. С. 280).

В конце XIX в. началось широкое знакомство французов с русской литературой. В 1870–1880 гг. во Франции появились статьи об историческом прошлом России, о её культуре и литературе. Одно за другим

выходили во французском переводе произведения Толстого. Французские писатели в своих романах, статьях, книгах отмечали факт мощного влияния Толстого на французскую литературу, в т. ч. на Э. Рода. Так, в 1889 г. французский литератор Эмиль Пажес прислал Э. Роду переведённый им на французский язык трактат «Так что же нам делать?» (Париж, 1889). Протест Толстого против социальной несправедливости государства привёл Рода в восхищение. И он послал Толстому один из самых своих известных романов «Смысл жизни» («*Le Sens de la vie*», 1889), являющийся своего рода продолжением романа «*La Course de la mort*» («Бег к смерти», 1888). Эта книга сохранилась в *ЯПБ* с многочисленными пометами Толстого. Основные темы романа «Смысл жизни»: борьба между страстью и долгом, совесть, достоинство самоотречения. Толстой нашёл в романе Рода то, что его волновало в это время: «Читал *Le Sens de la vie*. Там страницы о войне и государстве поразительные. Надо, надо писать и воззвание и роман, т. е. высказывать свои мысли, отдаваясь течению жизни» (дневник 10 февраля 1889 г. – 50: 35). На следующий день появилась ещё одна запись: «Читал прелестного Rod. Есть места: о войне, о дилетантизме, удивительные» (50: 35). 22 февраля 1889 г. в ответном письме к Роду писатель выразил свои впечатления от чтения книги «Смысл жизни». Прежде всего его поразила «искренность и сила выражения», «захватила» «важность самой темы»: «...я прочёл и перечёл книгу, в особенности некоторые её места. <...> То, что вы говорите о войне, – это место замечательно, я прочёл его несколько раз вслух, а также о биче нашей цивилизации, называемой вами дилетантизмом, – писал Толстой. – Я редко читал, что-либо более сильное в смысле анализа умственного состояния большинства нашего общества» (64: 230–231). Одновременно Толстой критиковал автора за шопенгауэровский пессимизм. А в конце письма признался, что «нашёл себе неожиданного единомышленника, бодро идущего по тому пути», по которому он сам следует (64: 231).

Война и революция, по мнению Толстого, события фатальные, абсурдные, кульминация и кризис определённого исторического периода, когда тёмная сторона жизни начинала брать верх и растерявшийся человек вынужден искать выход где-то вне этого хаоса. Именно в этом контексте в трактате «Царство Божие внутри вас» (1890–1893) Толстой цитировал обширный фрагмент из романа Рода «Смысл жизни», подводя к нему читателя: «Другой, не менее дарови-

тый, писатель (E. Rod) ещё ярче описывает жестокость и безумие настоящего положения и точно так же для того, чтобы признать трагизм его, не предлагая и не провидя из этого положения выхода» (28: 122. Далее следовала большая цитата). У Толстого, участника Кавказской и Крымской войн, был личный опыт, который помогал ему ценить в произведениях таких французских писателей, как Г. де Мопассан и Э. Род, их отношение к войне как к жестокому, но неизбежному явлению; эти писатели «ясно видят весь ужас войны, всё противоречие, вытекающее из того, что люди делают не то, что им нужно, выгодно и должно делать» (28: 129). Из дневника Толстого от 29 октября 1890 г. известно, что он «переводил <...> Рода <...> о войне» (51: 98) из «*Le Sens de la vie*». Эти толстовские переводы вошли в шестую главу трактата «Царство Божие внутри вас». Не исключено, что несколько фрагментов из произведений Э. Рода, процитированные в «Круге чтения», также были переведены самим писателем: «Уничтожь один порок, а десять исчезнут» (41: 240); «Есть много традиционных истин, которые кажутся нам вероятными только потому, что мы никогда серьёзно не подумали о них» (41: 557). И обширная антимилитаристская цитата: «Мысль с ужасом останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготавливаться к ней...» (41: 472–473).

Если Толстой цитировал Рода в своих произведениях, то Э. Род писал о Толстом в ряде критических работ о русской литературе, а также в статье «*Le comte Leon Tolstoy*», которую издал в «*Revue bleue*» (1891. Т. 47. № 13. С. 383–384). А личная переписка и взаимодействие идейно-художественных традиций рождали личные симпатии и творческие предпочтения.

По поводу другого романа Э. Рода «Жизнь Мишеля Тессье» («*La vie de Michel Teissier*», 1894) Толстой писал, что он «читал Michel Teissier. Как бездарно. Как всё выдуманно. Не видно той страсти, из-за которой он погубил всё, и ещё менее видна его, Тессье, талантливость. <...> С важностью мажет и воображает, что он психолог...» (84: 207).

В 1902 г. Толстой ответил на письмо Рода с просьбой разрешить опубликовать письмо к нему Толстого 1889 г., в котором детализировался вопрос авторского права: «...я разрешаю публикацию всего того, что пишу, не исключая писем, распоряжение коими зависит от тех, кому они адресованы» (73: 346). В том же письме писатель обращался к Роду с лестной для него

просьбой прислать его последний роман, о котором он слышал много хорошего. И добавлял, что, уверен, и сам найдет там «много хорошего». В *ЯПБ* имеются три книги Э. Рода: «L'Eau courante» и «Les Trois sœurs» («Три сердца», 1890; обе с дарственными надписями) и «La Course à la mort».

А. Н. Полосина

РОДЗЯНКО Николай Васильевич (1817–1871) – чиновник особых поручений, надворный советник. Из полтавских дворян; родился в семье военного. Крупный помещик Полтавской губ. Окончил Пажеский корпус (1835). С 1836 г. служил в Канцелярии черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернаторов, затем в Канцелярии статс-секретаря принятия прошений на высочайшее имя. В 1846 г. занял пост столоначальника в департаменте Гос. имуществ. С 1850 г. чиновник по особым поручениям при министре народного просвещения князе П. А. Ширинском-Шихматове. С 1853 г. служил в Главном управлении цензуры. В 1848 г. был издан циркуляр «о назначении чиновников особого поручения при Главном управлении цензуры для чтения всего, что выходило из печати в России, и наблюдений таким образом как за направлением литературы, так и за действием цензоров». Родзянко был приставлен к журналу «Современник» и на протяжении нескольких лет ежемесячно составлял рапорты министру народного просвещения А. С. Норову (с 1854 г.) о «неблаговидных» публикациях в этом журнале. Среди таких «неблаговидных» сочинений оказались рассказы Толстого «Записки маркёра», «Рубка леса» и даже некоторые страницы «Севастополя в августе 1855 года». В «Записках маркёра», например, Родзянко видел «так много неприличных суждений и язвений», что перечислил подряд все страницы, где заметил нарушение «нравственного приличия»: «10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26». «Особенно неблагоприятным» представлялось чиновнику то, «что этот рассказ выходит из пера трактирного слуги о дворянах» (Бурнашёва Н. И. Раннее творчество Л. Н. Толстого: текст и время. М., 1999. С. 180).

В январе 1857 г. Родзянко был назначен олонеким вице-губернатором в Петрозаводск. В 1859 г. переведён в Псков на ту же должность. С 1868 г. – губернатор Томска. Будучи губернатором, ревностно исполнял свои обязанности и, проверяя пересыльную тюрьму, заразился тифом и через несколько дней умер.

Н. И. Бурнашёва

РОЖЁСТВЕНСКИЙ Зиновий Петрович (1848–1909) – вице-адмирал, участник Цусимского сражения. Родился в семье военного врача. Был одним из лучших воспитанников в Морском кадетском корпусе, и 17 апреля 1868 г. после успешно сданных экзаменов пятым по списку был произведён в гардемарины. В 1876 г. участвовал в подготовке артиллерии Черноморского флота к надвигающейся Русско-турецкой войне, после чего был назначен начальником артиллерии Черноморского флота. Во время боевых действий неоднократно участвовал в крейсерских рейдах. В 1891–1893 гг. капитан 1-го ранга Рожественский был российским военно-морским атташе в Лондоне. В 1900 г. получил всероссийскую известность благодаря исключительно чёткой организации работ по спасению броненосца «Генерал-адмирал Апраксин». В апреле 1904 г. Рожественскому поручили подготовку и командование Второй тихоокеанской эскадрой. В задачи эскадры входили переход из Балтики в Тихий океан, помощь осаждённому Порт-Артуру и сражение с японским флотом. В октябре 1904 г. Вторая тихоокеанская эскадра вышла в поход и 14 мая 1905 г. подошла к Цусимскому проливу. В тот же день японский флот атаковал эскадру: был выведен из строя и потоплен флагманский корабль «Князь Суворов», сам вице-адмирал получил тяжёлое ранение в голову. Русского адмирала японцы отвезли в свой госпиталь в Сасебо. После подписания Портсмутского мира Рожественский вернулся в Россию, где был восстановлен в своей прежней должности. В «Полном послужном списке» от 16 января 1906 г., подписанном контр-адмиралом Нидермиллером, записано: «В службе сего адмирала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы...» Но вскоре в газетах началась «травля» адмирала. Рожественский пытался оправдываться, однако в феврале 1906 г. подал в отставку с поста начальника Главного морского штаба. Волна критики не утихла, и адмирал настоял на привлечении себя к суду. На суде Рожественский оправдывал своих подчинённых, в особенности матросов, и просил для себя смертной казни, но был оправдан военно-морским судом как человек, получивший в сражении тяжёлое ранение.



ский флот атаковал эскадру: был выведен из строя и потоплен флагманский корабль «Князь Суворов», сам вице-адмирал получил тяжёлое ранение в голову. Русского адмирала японцы отвезли в свой госпиталь в Сасебо. После подписания Портсмутского мира Рожественский вернулся в Россию, где был восстановлен в своей прежней должности. В «Полном послужном списке» от 16 января 1906 г., подписанном контр-адмиралом Нидермиллером, записано: «В службе сего адмирала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы...» Но вскоре в газетах началась «травля» адмирала. Рожественский пытался оправдываться, однако в феврале 1906 г. подал в отставку с поста начальника Главного морского штаба. Волна критики не утихла, и адмирал настоял на привлечении себя к суду. На суде Рожественский оправдывал своих подчинённых, в особенности матросов, и просил для себя смертной казни, но был оправдан военно-морским судом как человек, получивший в сражении тяжёлое ранение.

ский флот атаковал эскадру: был выведен из строя и потоплен флагманский корабль «Князь Суворов», сам вице-адмирал получил тяжёлое ранение в голову. Русского адмирала японцы отвезли в свой госпиталь в Сасебо. После подписания Портсмутского мира Рожественский вернулся в Россию, где был восстановлен в своей прежней должности. В «Полном послужном списке» от 16 января 1906 г., подписанном контр-адмиралом Нидермиллером, записано: «В службе сего адмирала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы...» Но вскоре в газетах началась «травля» адмирала. Рожественский пытался оправдываться, однако в феврале 1906 г. подал в отставку с поста начальника Главного морского штаба. Волна критики не утихла, и адмирал настоял на привлечении себя к суду. На суде Рожественский оправдывал своих подчинённых, в особенности матросов, и просил для себя смертной казни, но был оправдан военно-морским судом как человек, получивший в сражении тяжёлое ранение.

Имя вице-адмирала Рожественского не раз звучало в Ясной Поляне при обсуждении событий Русско-японской войны. В январе 1905 г. Толстой узнал от П. М. Ледерле историю двух матросов эскадры Рожественского — Захарова и Трегубова, отказавшихся по религиозным мотивам участвовать в войне. Толстой писал Ледерле: «Очень бы хотелось знать больше об этих молодых людях. Я просил сына узнать, к кому надо обратиться, чтобы исполнить их просьбу и вообще облегчить их участь. Когда узнаю, напишу тому лицу. Иногда это бывает полезно» (75: 210). В течение всего года в Ясной Поляне следили за сообщениями о войне. 12 апреля: «“Что же Рожественский?” — после короткого общего молчания спросил Л. Н. Николай Леонидович <Оболенский. — И. Л.-Б.>: “Вышел из французского порта Сайгон в восточной Индии. Японцы протестуют, что там так долго стоял, как по международному праву нельзя”» (ЯПЗ. 1. С. 244). Толстого интересовали общее настроение и дух русских войск, поведение военачальников, случаи отказа от участия в военных действиях и причины этого. Прокурор Тульского окружного суда Н. В. Давыдов в мае 1905 г. рассказывал в Ясной Поляне: «А после Мукдена дезертировало 60 тысяч солдат — не хотели повиноваться и заразили других неповиновением. А Рожественский пишет жене, — из перехваченного письма, рассказывал мне товарищ министра, — что экипажи, офицеры и матросы не хотят воевать, нет у них боевого духа. Учредили новый пост — начальника обороны внутренней и внешней. — Как это шли на войну, так без ропота, столько людей, чудно, — сказал серьезно Л. Н. (Но опять же казалось, что сведения о Мукдене и Рожественском были ему неприятны.)» (там же. С. 278). Яснополянский садовник А. Д. Соанс узнал на телеграфе, что весь русский флот разбит, много судов потоплено и уничтожено, сам Рожественский в плену. Броненосец «Нахимов», на котором служил племянник С. А. Толстой, сын Т. А. Кузминской, потоплен. Этим сообщением Толстой был «подавлен» (55: 412). В дневнике 19 мая записал: «Вчера получилось известие о разгроме русского флота. Известие это почему-то особенно сильно поразило меня. Мне стало ясно, что это не могло и не может быть иначе: хоть и плохие мы христиане, но скрыть невозможно несовместимость христианского исповедания с войной» (55: 139–140). Отношение Толстого к военным событиям проявляют записи Маковицкого, сделанные весной-летом 1905 г.: «Татьяна Андреевна: “Рожественский не хотел идти; говорил, что верная гибель. Переколоть

бы их. 450-тысячная армия пропала”. Андрей Львович: “Ты понимаешь самовар, а не войну”. — Встал и отошёл, нахмурившись, от стола к окну и зажёл папиросу. <...> Л. Н. ничего не сказал, потом попросил принести карты и при свече сам нашёл место морского сражения. Потом ушёл к себе в кабинет. Был подавленный, грустный». На следующий день, 19 мая, опять разговор о войне: «“Жаль мне Николая больше, чем погибших. Каково ему теперь на душе!” — сказал Л. Н., всегда жалея больше делающих зло, чем терпящих его» (ЯПЗ. 1. С. 288–289). И осенью 1907 г. в Ясной Поляне вспоминали войну: «Татьяна Андреевна очень долго, очень художественно, интересно рассказывала про своего сына Васю, участвовавшего в Цусимском бою. <...> Оправдывала Небогатова, сдавшегося, не хотевшего загубить две тысячи жизней и сказавшего на суде, что виноват тот, кто эскадру послал (царь). Рожественский очень хорошо вёл эскадру. Ошибка только, что ни с кем из подчинённых не советовался. Л. Н. долго с большим интересом слушал» (ЯПЗ. 1. С. 527).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

РОЗЕН Анна Германовна фон (даты жизни не установлены) — корреспондент и адресат Толстого; помещица Эстляндской губ. В письме от 8 мая 1894 г. баронесса Розен обратилась к Толстому с просьбой прислать что-нибудь из своих неопубликованных произведений для задуманного ею литературного сборника (должен был выйти на немецком языке) в пользу прокажённых больных, призреваемых в Эстляндской губ. Толстой дал согласие (23 мая по поручению отца ответила М. Л. Толстая). В письме от 18 сентября А. Г. Розен напомнила Толстому, что он обещал ей прислать что-нибудь из своих неопубликованных сочинений. Если нет возможности дать произведение, то хотя бы ответить на «запавшие ей в сердце» (67: 278) три вопроса о взаимоотношении разума и религии. 4 октября 1894 г. Толстой записал в дневнике: «Ещё письма от Черткова и от Розен с умными вопросами, на которые хочется ответить» (52: 145). В октябре писатель работал над ответом своей корреспондентке: в письме к С. А. Толстой 25 октября 1894 г. он сообщал, что писал «письмо баронессе Розен о том, нужно ли приводить в ясное сознание и выражать словами свои религиозные убеждения или не нужно» (84: 229).

Ответ на письмо Розен Толстой закончил только 25 ноября, и ответ этот разросся в статью. Отвечая Толстому, 18 декабря 1894 г. Розен писала: «К сожалению, цензура отняла у меня радость видеть Ваше пись-

мо напечатанным в нашем сборнике. Нам наотрез отказали пропустить ответ Ваш на мои вопросы» (67: 278). В 1895 г. в Женеве статья была напечатана М. К. Элпидиным отдельной брошюрой под заглавием «Lettre sur la raison et la religion» («Письмо о разуме и религии»). Тогда же эту статью на языке эсперанто опубликовал журнал (газета) «*Esperantisto*», выходивший в Нюрнберге (Германия). 5 мая 1895 г. Толстой писал Н. Н. Страхову, что журнал запретили ввозить в Россию из-за того, что в нём было опубликовано письмо Толстого от 26 ноября 1894 г. к А. Г. Розен «О разуме и религии». Толстой просил Страхова хлопотать в Петербурге о снятии запрещения с журнала.

Н. И. Бурнашёва

РОЗОВ Яков Иванович («слепой»; 1879–1909) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; слепой крестьянин из деревни Овчинниково Костромской губ., Юрьевского уезда, Махловской волости. Родился в бедной крестьянской семье; семи лет ослеп от натуральной оспы. Восемь лет учился в Костроме в школе слепых. Вернувшись в деревню, писал заметки в местную и костромскую периодическую печать. Любил книги, когда ему читали. Впервые пришёл в Ясную Поляну 3 июля 1903 г. 10 января 1904 г. Розов писал Толстому: «Верю я вам больше всех людей на свете и люблю вас больше всех людей, как освободился я от сетей обмана веры православной, которая мучила меня сомнениями постоянно и не давала мне идти вперёд ни по какой дороге – ни по духовной, ни по плотской. Я открыто стал исповедовать ваше истинное духовное учение. Молюсь я Богу умом всегда, сердцем, когда оно не холодно, чтобы вы жили и чтобы Бог привёл мне нынче летом ещё раз побывать у вас и поговорить с вами по душе и, быть может, подкрепиться от вас, потому что вы для меня всего лучше и дороже в мире» (55: 472). 27 февраля 1904 г. Толстой ответил Розову, рассуждая о религиозных вопросах, и закончил своё письмо словами: «Благодарю вас за ваше письмо. Напишите мне подробнее о своей жизни, да подумайте, не могу ли я чем служить вам, тоже напишите. Братски целую вас. Лев Толстой» (75: 55). Розов был в Ясной Поляне ещё три раза.

2 октября 1906 г. Д. П. Маковицкий написал: «Был слепой: 25 лет, костромич, из Юрьевецкого уезда. Л. Н. три раза с ним разговаривал. После второго разговора Л. Н. пришёл наверх и сказал, что слепой упрекал его за богатство, за то, что берёт гонорар за свои писания и что он должен

с ним поделиться. Л. Н. рассказал это с некоторым неудовольствием. Но, наверно, ему стало от этого совестно, и он пошёл в третий раз к слепому поговорить любовно. После его отъезда Л. Н. сказал: “Мы, наша роскошная жизнь, возбуждаем зависть” (*ЯПЗ*. 2. С. 250). «Этот слепой и раньше приезжал в Ясную, – продолжал Маковицкий, – иногда жил по несколько дней. Он знал учение Л. Н. и приезжал с добрым намерением уличить его в барской жизни и убедить выйти из неё. Но делал это резко, злобно, выходил из себя. Иногда в Ясной и пищи не принимал. Был знаком с Бирюковым, Горбуновым и другими. Был из крестьян, из бедной семьи. Умел корзинки плести, но не занимался этим: прутья себе сам резать и приносить не мог, а никто ему в этом не помогал» (*там же*). В тот же день в дневнике Толстого сделана запись: «Сейчас было тяжёлое испытание с слепым. Приехал и стал упрекать меня, что не отдал землю, не выкупаю её теперь, уверяя, что у меня есть деньги. Я ушёл от него. Можно было мягче. И я не выдержал вполне испытания» (55: 254).

Летом 1908 г. (28 июня) Розов снова приехал в Ясную Поляну. «С утра же сидит на скамейке под вязом костромской слепой, – писал Маковицкий, – упрекает Л. Н., что он, как и все, только говорит о любви, но не живёт так. Не уйдёт, пока Л. Н. не покается в своих грехах. Обличал Л. Н. в роскошной жизни и внушал ему отдать землю крестьянам. Л. Н. выходил к нему раза четыре, говорил с ним спокойно, но, вероятно, слепой был ему тяжёл (“религиозный фанатизм”, – слова Л. Н. о нём). Владимир Григорьевич укорял слепого в гордости, что незванный хочет учить людей. Пищи и питья не принял весь день никакой. Николаеву вечером удалось его увести. Слепой – под влиянием Апокалипсиса, знает его, у него память удивительная» (*ЯПЗ*. 3. С. 126). На следующий день снова у Маковицкого: «Пришёл Иван Иванович <Горбунов-Посадов. – Н. Б.> и рассказал о слепом, что он желал бы ещё видиться с Л. Н. Я передал это Л. Н., и он вышел к нему. Сидел на тарантасе у подъезда и с упреком обратился к Л. Н.: “Я пришёл вам сказать, что вы мерзавец и негодяй”. – “К чёрту вас!” – крикнула Софья Андреевна и продолжала кричать на него. Л. Н. вернулся подавленный и сказал: “Когда тонко ругают, поднимается злоба, когда же так грубо, видишь, что он делает из доброго чувства, и <это> не огорчает. Он горит религиозным, хотя ложным жаром”. Иван Иванович о слепом, что он разрушается и психически – у него явственный психоз – и телесно: туберкулёз. Иван

Иванович хочет ему ежемесячно помогать материально. И теперь ему дали» (ЯПЗ. 3. С. 128).

Об этой ситуации есть записи у А. Б. Гольденвейзера: «29 июня. Вчера вечером мы с женой были в Ясной. Там был у Л. Н. слепой, который бывал раньше и потом писал ругательные письма. Он человек больной — смесь влияния революционеров, православия, Апокалипсиса и пр. Пришёл с утра, сел под деревом, не пил, не ел весь день и сказал, что не уйдёт, пока не обратит Л. Н. на путь истинный. Л. Н. рассказывал: “Он меня пугал и даже подлецом назвал. Я ему говорю: “Ну хорошо. Я такой, но тогда меня пожалеть надо. Зачем осуждать? У нас у всех есть слабости”. Он всё слушал и, кажется, немного смягчился. Потом Николаев увёл слепого на деревню. Нынче он опять был». Вечером того же дня Гольденвейзеры опять были в Ясной Поляне. «Когда мы приехали, Л. Н. сейчас же стал со мной играть в шахматы, но сказал, что придётся прервать, так как привезут слепого, которого уговорили уехать, но он хочет ещё раз увидеть Л. Н. Действительно, скоро Филипп подвёз его в шарабане к дому. Л. Н. вышел. Я стоял в столовой у окна и видел и почти всё слышал. Слепой сидел в шарабане рядом с Филиппом, а Л. Н. стал близко сбоку и, наклонившись, слушал. Слепой говорил раздражённо. Шёл дождь, Софья Андреевна выбежала на крыльцо и накинула на Л. Н. мой плащ. Слепой говорил: “Хотя твоё христианство выше учения попов, но оно ложь. Твои ученики разбойники, и ты атаман разбойников. Все вы мерзавцы, и ты первый!” Л. Н. стоял, согнувшись, и кротко, молча слушал. Только что он начал что-то тихо говорить, Софья Андреевна не выдержала и велела Филиппу ехать. Л. Н. вернулся в столовую и сказал мне: “Ужасно! Сколько я говорил с ним эти дни, а под конец он всё-таки говорит: ты атаман разбойников и мерзавец. Страшно подумать, что у него делается в душе... Для меня он был очень полезен. Когда так сталкиваешься с людской злобой во всей наготе, то тут ясно видишь, что сердиться бессмысленно, что единственное возможное отношение к такому человеку — доброе; и его жаль. А когда на тебя нападают не так грубо, а утончённо, остроумно, тогда невольно поддаёшься этому и начинаешь заражаться”» (Гольденвейзер. С. 177–178).

В дневнике 30 июня Толстой записал: «Третьего дня был слепой, бранивший меня. Вчера я ходил к нему к Николаеву и сказал, что я люблю его 1) за то, что он ищет Божьей истины, 2) за то, что он — тот ненавидящий, обижающий, которого долж-

но любить, и 3) за то, что я, может, могу быть нужен ему, и простился с ним, пожав его руку. Он перед отъездом хотел видеть меня. Я обрадовался. Он сказал: я нечаянно пожал руку, я не могу жать руку подлецу, мерзавцу, фарисею, лицемеру... Софья Андреевна велела ехать, но я успел сказать, что я люблю его. О, если бы так со всеми!» (56: 137–138). Розову оставалось жить чуть более года: он умирал от чахотки; отошёл от толстовства, писал Толстому обличительные письма, требовал отдать землю крестьянам.

Н. И. Бурнашёва

РОКФЕЛЛЕР Джон Дэвидсон (Rockefeller; 1839–1937) — американский предприниматель, нефтяной магнат, основатель треста «Стандард ойл компани» («Standard Oil Co.»), первый в истории миллиардер, филантроп.

Имя Джона Рокфеллера стало символом богатства. Впервые о Рокфеллере, подчинившем своему контролю банки, железные дороги и целый ряд промышленных предприятий, Толстой упоминал в дневнике 11 декабря 1904 г.: «Величие земных благ, которыми пользуется человек, соразмерно тем злодеяниям, которые он совершил и совершает. Нерон, Екатерина, Орловы, Наполеон, Рокфеллеры и т. п.» (55: 106). Секретарь Толстого Н. Н. Гусев 13 марта 1908 г. записал: «Лев Николаевич читал в газете сообщение о состоянии Рокфеллера. Заметка эта произвела на него удручающее впечатление. Уходя спать и прощаясь со всеми, он на минуту остановился и спросил у Душана Петровича <Маковицкого. — О. Г.>, у которого хорошая память на цифры: — Сколько у Рокфеллера? Двадцать миллиардов? Ведь это представить себе! Это сразу показывает всю извращённость нашего строя, чтобы один человек владел такими деньгами...» (Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 122–123).

В октябре 1907 г. в иностранных и русских газетах появилось сообщение о том, что американский миллиардер Рокфеллер якобы обратился к Толстому с письмом, в котором просил указать ему наилучший способ употребления двенадцати миллиардов долларов. В некоторых газетах приводился и «ответ» Толстого. Сообщение было выдумкой журналистов. Никакого письма Рокфеллер не писал, а «ответ» Толстого являлся в действительности опубликованным отрывком из письма Толстого к П. А. Буланже от 13 января 1903 г., где Толстой высказал своё мнение об отношении богатства к христианству. «...Богатство просто само по себе, по здравому смыслу, не совместимо с вполне доброю жизнью. Об этом, мне ка-

жется, я довольно обстоятельно высказался в статье "Так что же нам делать?". Деньги, лежащие у меня в кармане, в сундуке, в банке, суть несомненно исполнительные листы на тех, у кого их нет — на бедных, а держать у себя эти исполнительные листы с тем, чтобы при случае воспользоваться ими, или только, сознавая свою власть, угрожать ими, не есть доброе, а злое дело» (74: 13).

Сообщение о письме Рокфеллера вызвало большое количество писем к Толстому. По поводу этого «письма» Толстой получал запросы и в конце 1907 г., и в 1908 г., были среди них и неоднократные обращения с просьбой сообщить адрес Рокфеллера. Сохранилось неотправленное письмо Толстого в редакции газет с заявлением от 13 ноября 1907 г. из Ясной Поляны: «Получая много писем по случаю приписываемого мне письма к г. Рокфеллеру, считаю нужным заявить, что я никакого письма от г. Рокфеллера не получал и ему не писал. Лев Толстой» (77: 243).

17 января 1908 г. тема «как поступить с капиталом Джону Рокфеллеру» стала основным сюжетом в письме Толстому рабочего М. Варзина (Замятина), эмигрировавшего в США (в 1908 г. безработного): «Это ужасные деньги, — писал Варзин. — С ними только в волны моря. Я, прочитавши Ваши сочинения многие <...> наверно угадаю Ваш ответ: "Мистер Рокфеллер, отдайте ваши деньги тому, у кого вы их взяли потом, кровью, голодом и холодом"». «Ваш ответ Рокфеллеру вполне признаю, и, действительно, если бы я отвечал, то отвечал так, — писал ему Толстой. — Но письмо Рокфеллера ко мне и мой ответ ему — это газетная выдумка. Рад был узнать о вашем согласии с моими религиозными взглядами» (78: 60–61).

О проявлении этих религиозных взглядов говорит запись Толстого в дневнике 31 января 1908 г.: «Если знаешь то благо, какое даёт любовь, то не можешь злиться, осуждать человека, лишённого любви, не можешь не жалеть его. Только тогда ясно, просто и не может быть иначе, как то, чтобы не жалеть Николая, Столыпина, Бюлова, Рокфеллера больше, чем нищего, больного» (56: 97).

О. В. Гладун

РОМАНИК-ПЕТРОВА Клавдия Андреевна (1858–1926) — адресат и корреспондент Толстого. Жена Е. П. Петрова; имела хутор в Хвалынском уезде Саратовской губ. Была осуждена на 1 год крепости за то, что «поддерживала с крестьянами той деревни, где находилось её маленькое имение, добрые отношения» (78: 310); её обвиняли

«в дурном влиянии на крестьян» (79: 78). С 6 сентября 1908 г. отбывала заключение в Бутырской тюрьме Москвы. В конце декабря 1908 г. муж Петровой переслал Толстому её письмо. В своём письме она обращалась к Толстому на «ты», называла его «великий наш учитель» и описывала жизнь в тюрьме. 29 декабря 1908 г. Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н. рассказал про письмо Петровой и её мужа. Она в тюрьме. Попала за то, что, живя в своём маленьком имении, она установила близкие отношения с крестьянами. Её письмо раздражённое, переслала его тайком. Попалась за распространение книжек Л. Н.» (ЯПЗ. 3. С. 289). В дневнике 30 декабря писатель отметил: «Получил трогательное письмо от Петровой, сидящей в тюрьме. Отвечал ей» (56: 169).

Толстой отвечал 31 декабря 1908 г.: «В том положении, в котором вы находитесь, возможны два отношения к тем людям, с которыми вы невольно соединены (разумею и сотоварищей по заключению, будь это воры, убийцы, уголовные, и не менее, но, наверное, более развращённых людей, — тюремщиков, с которыми вы поставлены в невольное общение). Отношение, в котором вы почувствуете себя к этим людям, неизбежно вытекает из понимания значения для вас того насилия, которое над вами совершено. Можно смотреть на это насилие как на последствие дурных свойств людей, производящих это насилие, и испытывать к этим людям недоброе чувство, видеть в них только дурное, не только не любить, но ненавидеть их. Для заключённых это самое обыкновенное отношение и вместе с тем самое для них же тяжёлое и мучительное. Другое отношение, вытекающее из того мировоззрения, которое, как я думаю, мы с вами одинаково разделяем, есть отношение тем большей любви, чем больше те люди, с которыми имеешь дело, думают, что делают тебе зло. И, удивительное дело, любовь к любящим есть радостное чувство, которое мы все знаем, но любовь к ненавидящим, делающим нам зло, есть одна из высших духовных радостей, которой лишают себя люди, не вызывая её в себе. <...> Постарайтесь вызвать в себе самые добрые, сказал бы, нежные чувства, если это возможно, к грубым сторожам, тюремщикам, зрителям. И знаю, что самое телесно-мучительное положение может претвориться в высокую духовную радость. Знаю, знаю, как это трудно, но верю, что это возможно и что одно приближение к этому может облегчить тягость вашего положения» (78: 309–310). В 1909 г. Толстой хлопотал об освобождении Романик-Пе-

тровой. В письме Н. В. Давыдову 3 января 1909 г. он сообщал: «В Бутырской тюрьме сидит некая Петрова. Муж её пишет мне, что приговорена она к тюремному заключению за то, что, живя в своём имении, установила добрые отношения с крестьянами. С другой стороны я знаю, что посажена она за то, что давала мои книги. Она человек старый, и положение её в тюрьме очень тяжёлое. Не можете ли вы или кто-нибудь из добрых людей, ваших знакомых, посетить её и спросить, не могу ли чем служить ей. Посещение же посторонних, как вы знаете, улучшает обращение тюремщиков с заключённым» (79: 11).

7 января 1909 г. в Ясной Поляне «вспомнили про письмо Петровой, описывающей заключение в Бутырках, — тесная баня, где их запирают на ключ» (ЯПЗ. 3. С. 298). В те дни писатель договорился с С. Н. Глебовой (тёщей сына Михаила) о том, что она посетит Петрову в тюрьме. 8 февраля 1909 г. Маковицкий записал: «Л. Н. о Петровой, желающей повидаться с больной старухой-матерью и желающей, чтоб её ради этого на время отпустили из тюрьмы. <...> Л. Н. сказал: “Мне это очень неприятно; ну прямо не могу”. Владимир Григорьевич посоветовал Л. Н. написать Глебовой: “Дамы скорее добьются. Когда от вас получают письмо, власти придадут делу заключённого огромное значение”» (ЯПЗ. 3. С. 324). 20 февраля 1909 г. Толстой писал И. И. Горбунову-Посадову: «Милый друг, Петрова просит очень книг для себя и своих тюремных товаров. Пошлите ей, что можете» (79: 78). Спустя два месяца, 30 апреля, писатель сообщал мужу Петровой, что получил «тронувшие» его «её милые подарки»: Романик-Петрова прислала Толстому связанные для него в тюрьме перчатки и пояс (79: 177–178).

Н. И. Бурнашёва

РОМАНОВ М. (имя и даты жизни не установлены) — посетитель Толстого, автор статей о нём; журналист, сотрудник газеты «Русский листок». 30 марта 1905 г. приехал в Ясную Поляну и рассказал Толстому, что его сын Лев Львович намерен издавать газету «Русский народ», «христианского» направления. Для Толстого сообщение Романова послужило, как он писал, «опытом» того, чтобы «не позволять себе думать недобро о людях», так как всё предприятие сына представлялось ему делом легкомысленным и самоуверенным (55: 502). Свой разговор с Толстым Романов изложил в статье «Л. Н. Толстой о последних событиях в России» (Русский листок. 1905. № 96 от 8 апреля).

В день приезда журналиста Д. П. Маковицкий писал в своём дневнике: «Приехал Романов, один из будущих сотрудников ежедневной газеты “Русский народ” для рабочих, которую предполагает издавать Лев Львович. Длинноволосый, нижегородец. Ещё не сотрудничал в газетах. Статей Л. Н. о рабочем вопросе не знает. Газета должна быть, во-первых, чисто русская, славянская, объединяющая русских, состав сотрудников чисто русский. Во-вторых, на христианских началах. Он уже поговорил с Л. Н. и передал мне, что Л. Н. не сочувствует газетам, называет их проституцией. Он хочет поговорить ещё о рабочем вопросе, об основании земледельческих колоний, куда переселять городской пролетариат, и о Витте, которого группа людей хочет просить царя лишить возможности занимать какой-либо высокий пост. Они хотят разоблачить царю его деятельность, называют единственным виновником войны, говорят, что он намерен разрушить общинное владение землёй. Л. Н. обещал, если будет у него время, написать “Пожелание” для первого номера газеты. Хотя Лев Львович других взглядов, часто противоположных взглядам Л. Н., но Л. Н. его любит. Присоединился к мысли об устройстве земледельческих колоний. <...> Л. Н. спросил меня: “Говорили с Романовым? Он, как все, которые приходят, разумеется, моих сочинений не читал. Пришёл поговорить о рабочем вопросе, а я написал о том четыре больших сочинения”» (ЯПЗ. 1. С. 228–229; 30 марта 1905 г.). Издание газеты не состоялось.

Через три дня Маковицкий записал разговор в Ясной Поляне: «Л. Н.: “Был здесь Романов, молодой человек, приехавший в Москву, которому я будто бы восемь лет тому назад посоветовал идти в Урюпинскую колонию на Кавказ. В Москве, среди рабочих, он пропагандировал идею уйти в деревню и заниматься земледелием. Показывал мне книжку, которая имеется у каждого, кто вносил месячные взносы. Всего их было десять тысяч. Гапон должен был сделать то же самое в Петербурге, но там на него напали революционеры и толкнули его на свой путь”. Иосиф Константинович <Дитерихс. — Н. Б.>: “Что же Романов говорил про него (Гапона)?” Л. Н.: “Он считает его психически больным. Он (Романов) моих сочинений не читал. Говорил, что не имел возможности их достать. Он знаком с Лёвой, мог их получить для чтения. Но это мне не неприятно, даже приятно. Если бы мои сочинения всех людей интересовали, был бы знак того, что они несерьёзны”» (ЯПЗ. 1. С. 231; 2 апреля 1905 г.).

8 апреля 1905 г. в «Русском листке» была опубликована беседа с Толстым, и на следующий день об этом говорили в Ясной Поляне: «Лев Львович: “Романов описал посещение тебя. Вчера появилось в газете. Пишет, что ты холодной водой облил мешан...” Л. Н.: “Был здесь Романов представиться мне, что он молодой писатель. Я ему ответил холодно, что мне это неинтересно. Умный, и есть в нём крестьянское. Его дело в Москве – собрать десять тысяч членов <в общество для помощи рабочим>... важное, важнее писания в газеты”» (ЯПЗ. 1. С. 241). О той же публикации шёл разговор и 13 апреля: «За вечерним чаем Сергей Львович вспомнил, что в “Русском листке” интервью Романова. – Плохо написано. Такие слова: “папаша”, “мамаша”, обороты речи, каких ты не употребляешь, – сказал он. Софья Андреевна: Ах, эти корреспонденты! Л. Н.: Этот умный, серьёзный» (ЯПЗ. 1. С. 244–245). Но всё же Толстой был недоволен этой газетной публикацией. 20 апреля «Л. Н. поручил Татьяне Львовне написать письмо в газеты, что он не говорил таких вещей, какие приводятся в интервью с ним Романова в “Русском листке” от 8 апреля, что это “сплошь выдумка”» (ЯПЗ. 1. С. 251).

Н. И. Бурнашова

РОНИ Луи Леон Прюноль де (de Rosny; 1837–1914) – французский ориенталист, лингвист и этнолог; очень рано заинтересовался восточной цивилизацией, особенно японской. Учился в Парижской школе восточных языков (École Impériale et Spéciale des langues orientales), где выучил несколько языков стран Азии, в т. ч. китайский, и там же стал первым преподавателем японского языка во Франции. В 1862 г. служил переводчиком в посольстве Японии в Париже, был профессором этнографии в Коллеж де Франс и секретарём Азиатского общества в Париже и в Лондоне.

Леон де Рони – автор многих книг, четыре из которых сохранились в ЯПБ. Впервые это имя попало в круг интересов Толстого в связи с увлечением буддизмом, который его привлекал ещё со студенческих времён. В девятнадцать лет он познакомился в казанском госпитале с буддийским ламой и от него впервые узнал о сущности закона ахимсы (ненасилия), что впоследствии имело для него большое значение: идеи ненасилия были во многом следствием духовного влияния на писателя учения Будды. В 1892 г. А. М. Хирьяков прислал Толстому несколько «листочков» о французском буддизме, переданных ему одной польской дамой, приехавшей из Парижа; ей в свою

очередь эти листочки были переданы по просьбе распространителя буддизма профессора Рони, который очень желал знать мнение Толстого «об этом умственном движении у французов» (66: 294). 19 сентября 1894 г. в письме к жене Толстой сообщал, что получил «книгу о буддизме L. Rosny», очень для него интересную (84: 225–226). Имелась в виду книга «Taoïsme» (сохранилась в ЯПБ). Но переписка завязалась только в начале 1900-х гг., когда 28 июля 1901 г. Толстой направил французскому учёному письмо: «Я уже давно знаком с вашими сочинениями о буддизме и помню, что прочёл с большим интересом несколько ваших трудов. Недавно я получил брошюру под заглавием “Существовал ли Будда?”. <...> Эта маленькая книжка заинтересовала меня во многих отношениях <...>. Буду весьма вам признателен, если вы поделитесь со мной вашими мыслями о критерии достоверности (я знаком только с декартовским критерием), а также о социальных науках, которыми я особенно заинтересован последнее время. <...> Буду очень рад познакомиться с вашими взглядами» (73: 108). В письме от 31 января (н. ст.) 1907 г. Л. де Рони сообщил Толстому о своём желании поделиться с ним мыслями по поводу возникших в разных странах обсуждений его теории критерия достоверности. На это письмо 15 марта 1907 г. Толстой ответил очень коротко: «Дорогой господин де Рони, я буду очень рад познакомиться с вашей идеей о критерии достоверности и постараюсь изучить её с наибольшим вниманием. Благодарю вас за честь, которую вы мне оказываете, обращаясь ко мне» (77: 53). По просьбе отца ответила и Т. Л. Сухотина: «Отец рад был бы исполнить ваше желание, но ввиду большой еще слабости и наличия многих уже начатых работ он не может обещать вам исполнить то, что вы просите, тем более что он не хотел бы высказывать своего мнения по вопросу, который вы ему предлагаете, не посвятив ему всего требуемого им внимания» (77: 54). В письме от 29 мая (н. ст.) 1907 г. Рони благодарил Толстого за ответ. «Если что-либо высказанное мною вы сочтёте достойным вашего драгоценного содействия, то прошу вас сообщить мне об этом, и я усердно буду доставлять вам всё то, что может служить к изучению и разрешению поставленного вопроса» (там же). Письмо осталось без ответа.

24 октября (н. ст.) 1910 г. Рони писал, что «давно собирался поставить Толстого в известность о существовании научного Всемирного союза – Международной ассоциации людей науки, литературы, искусства, который успешно развивает свою деятель-

ность в пяти частях света и многие из комитетов которого занимаются разработкой вопросов, близких Толстому» (82: 192). На это письмо де Рони Толстой ответил 16 октября 1910 г.: «Дорогой собрат, я вам буду очень обязан за сообщения, которые вы намереваетесь мне сделать по вопросу о трудах и программе всемирного союза, цель которого не может не интересовать меня. Примите, дорогой собрат, уверение в моём расположении и совершенном уважении» (82: 191).

А. Н. Полосина

РОСТОВЦЕВ Николай Дмитриевич (1846–1922) – последователь Толстого; помещик Острогожского уезда Воронежской губ. Публицист; за распространение сочинений Толстого подвергался судебным репрессиям. В молодости Ростовцев был артиллерийским офицером, вышел в отставку, стал земским деятелем, 30 лет был членом уездной земской Острогожской управы. В начале 1880-х гг. сблизился с соседом по имени В. Г. Чертковым, управлял его материальными делами, беседовал с ним на религиозно-нравственные темы. Чертков писал Толстому о Ростовцеве, его «скромности и неуверенности в себе». По словам Черткова, Ростовцев говорил, что вся его жизнь слишком плоха и полна компромиссов, что сознание Бога в нём слишком слабо (87: 306). 24–25 октября 1884 г. из Лизинки Чертков так писал о нём: «Он человек умный, добросовестный. Последние годы он очень опустил. Теперь <...> он стал меньше пить и вообще признаёт в себе возобновление прежних стремлений к добру и правде <...>. Он в высшей степени интересуется всеми вашими последними писаниями, и мы много обсуждаем вместе с ним учение Христа – серьёзно, не для разговора. Он принадлежит к тому разряду людей, которые сейчас применяют то, до чего дошло их сознание, и потому он особенно меня интересует» (85: 299). 14 декабря 1885 г. Чертков сообщал Толстому: «Ростовцев, о котором я вам не раз говорил, на этих днях приезжает в Москву. Мне очень хотелось бы, чтобы он с вами повидался. Я уверен, что ему это нужно; а то он может совсем погибнуть, и именно из-за неимения людей, которые могут поддержать, ободрить его на хорошем пути, который он понимает и к которому его очень тянет. Если вы уже будете в Ясной, то, пожалуйста, скажите мне, можем ли мы с ним навестить вас там. Это будет, вероятно, в последних числах декабря» (85: 298). 17 декабря 1885 г. Толстой ответил Черткову: «...я не только желал бы помочь Ростовцеву, но считаю

такие дела единственной целью своей жизни...» (85: 299). Встреча с Ростовцевым в декабре 1885 г. не состоялась из-за болезни Толстого: они познакомились весной 1886 г. С 1896 г. Ростовцев постоянно жил на своём маленьком хуторе, в скромной обстановке, предоставив местным крестьянам в безвозмездное пользование половину своей полевой земли. Ростовцев и члены его семьи принимали участие во всех полевых работах. Он хлопотал о голодающих в уезде, в январе 1897 г. передал духовникам тысячу рублей (70: 16). Власти к нему относились с недоверием, считая его толстовцем. В феврале 1905 г. Толстой узнал о деле Ростовцева, которое должно было разбираться в Воронеже. «Ростовцев – старик, только добра желающий, – сокрушался он. – Прокурор это знает. Вчера я читал обвинительный акт. Как он подло сочинён! Кто же поступает подлее: те ли, которые в Петербурге стреляли в рабочих, или эти судьи, прокуроры!» (ЯПЗ. 3. С. 167).

После 1917 г. крестьяне оставили Ростовцева с семьёй на хуторе, помогали ему продуктами в знак благодарности за его отношение к ним в прошлом и помощь, которую им оказывала дочь Ростовцева.

Е. А. Масолова

РОЩИН Сергей Иванович (1864–1896) – последователь Толстого, его корреспондент и адресат. Уроженец города Выксы Нижегородской губ. Окончив реальное училище в Иваново-Вознесенске, служил чиновником. В 1889–1890 гг. жил и работал в смоленской общине А. В. Алёхина, затем ещё в нескольких общинах. Летом 1890 г. пришёл из смоленской общины в Ясную Поляну. «Пришёл Ругин и Рошин. Мне тяжело» (51: 74), – записал Толстой в дневнике 10 августа. И на следующий день: «Утром писал предисловие. Тяготился ужасно гостями. Рошин рассказывал про неуспех Бирюкова в общине. Они, очевидно, враждебны ко всем, кроме как к своим. И между собой перессорились» (51: 74). 12 августа снова о «гостях»: «Тяжёлое, мучительное чувство от присутствия гостей. Им тяжело, и мне мучительно» (*там же*). Тяготилась их присутствием и С. А. Толстая. Через несколько дней, 22 августа, Толстой писал Н. Н. Ге-отцу: «Он <Ругин> пришёл с Рошиным из Алёхинской общины, и Рошин поселился у Буткевича <...>. Все они устраиваются, и внешняя жизнь идёт так, что похвалиться нечем, но внутренняя неукоснительно движется, как росток» (65: 146).

В июне 1891 г. Рошин опять появился в Ясной Поляне, говорил с Толстым. 18 июня писатель занёс в дневник: «Рошин очень

милый юноша (ему 26 лет), который понемногу, начав с перемены внешней, пришёл к сознанию христианской истины» (52: 39). Весной 1892 г. до Толстого дошла информация об аресте Рощина. 2 апреля он писал М. В. Алёхину из Москвы, что накануне узнал из письма А. И. Алмазова, «у которого жил Рошин, что к ним приехали жандармы и увезли Рощина в острог. За что? — за припадливость к толстовской вере» (66: 191). Его «свезли в Воронежский острог» (66: 198).

Тяжело переживая сведения об арестах своих единомышленников, Толстой всегда старался хоть чем-то помочь этим людям. 3–16 июня 1892 г. в письме к А. И. Алмазову он спрашивал: «Что Рошин? Я бы написал ему, если бы знал куда» (66: 228). Алмазов ответил, что Рошин по распоряжению губернатора выслан этапным порядком на родину в Ардатов. Толстой писал Рошину, но сохранилось лишь единственное его письмо.

Н. И. Бурнашёва

РУБАН-ЩУРОВСКАЯ Зоя Григорьевна (рожд. Ге; 1861–1942) — знакомая Толстого, его корреспондент и адресат. Племянница художника Н. Н. Ге, дочь его старшего брата; жена фельдшера Г. С. Рубана-Щуровского. Родилась в дворянской семье в селе Осламово Подольской губ. После развода родителей с 13 лет жила в Париже. Общалась с русскими художниками В. Д. Поленовым, И. Е. Репиным, В. Е. Маковским. В 1875–1876 гг. позировала Репину, сблизилась с представителями «Народной воли». В 1881 г. поступила на Бестужевские курсы, участвовала в студенческих волнениях, была арестована в 1883 г. и заключена в Петропавловскую крепость за то, что укрывала Веру Фигнер. Благодаря ходатайству Толстого и Н. Н. Ге, ссылку в Сибирь ей заменили 3-летним поселением на Украине. Спасая племянницу, Ге взял её на поруки, внёс залог в 10 тысяч рублей, увёз на свой хутор, где познакомил с фельдшером-толстовцем Григорием Семёновичем Рубан-Щуровским, в 1884 г. поддержал их скоропалительный брак, а также выбор «самой трудной и бедной жизни». Но «молодые, говорят, счастливы» (Репин И. Е. Далёкое близкое. М., 1953. С. 322). Григорий, её муж, был истинным толстовцем, «безумно» увлечённым философией Толстого; он забросил свою профессию фельдшера и, став сапожным мастером, активно читал. Зато много работала жена, укладывая своего 6-месячного ребёнка в снопы у хаты. Успевала за это время писать воспоминания о своём заключении в Петропавловскую крепость. Толстой использовал

эти воспоминания при работе над романом «Воскресение». В 1887–1894 гг. семья Рубан-Щуровских проживала на хуторе Ивановском в три десятины земли, переданные «дедушкой» Ге в пользование до самой их смерти. Жена работала за себя и за мужа, была очень увлечена творчеством Толстого, который привёл её к пониманию Евангелия и к «беззубойному питанию».

После смерти Н. Н. Ге его племянница отказалась от учения Толстого, развелась с мужем, переехала в Алушту вместе с Н. Н. Ге-сыном и своими детьми (1895–1901). Жили на купленном Ге-младшим участке земли. С 1901 по 1912 г. они проживали в Швейцарии. В 1912 г. она рассталась с Ге и переехала в Женеву. В конце 1912 г. вернулась в Россию, жила в Москве с семьёй сына Севастьяна, получала персональную пенсию, заведовала вегетарианской столовой (Н. Н. Ге. М.: Пинакотекa, 2011. С. 414).

Н. А. Никитина

РУБАН-ЩУРОВСКИЙ Григорий Семёнович (1861?–1920) — адресат и корреспондент Толстого, разделял его взгляды; фельдшер; с 1885 г. поселился на хуторе Н. Н. Ге, занимался земледельческим трудом, был женат на племяннице художника, З. Г. Ге.

Получая письма Рубана-Щуровского, Толстой был «рад просто общению» с ним (65: 219), рад тем вопросам, которые ставил автор писем, в частности, вопросам об искусстве, «чем отличаются произведения искусства, нужные и важные для людей, от ненужных и неважных, где эта черта, отделяющая одно от другого» (65: 220). «Есть самое важное — жизнь, как вы справедливо говорите, — писал Толстой 13 января 1891 г., отвечая своему корреспонденту, — но жизнь наша связана с жизнью других людей и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем. Жизнь — тем более жизнь, чем теснее её связь с жизнью других, с общей жизнью. Вот эта-то связь и устанавливается искусством в самом широком его смысле» (*там же*). В эти годы Толстой работал над статьями об искусстве, для себя определяя «что такое искусство». «Григорий Семёнович и Чертков навели меня опять на писанье об искусстве, да не об искусстве одним, а о науке и искусстве» (65: 226), — признавался Толстой в одном из писем к Н. Н. Ге-сыну. А Н. Н. Ге-отцу тогда же, в январе 1891 г., упоминая Рубана-Щуровского, писатель заметил, что «его письмо ставит настоящий вопрос. И ответа на него настоящего ещё нет. Я только пытаюсь это сделать» (65: 233).

Отвечая на другие письма Рубана, с другими вопросами, Толстой писал: «Я думаю, что человечество идёт вперёд в своём просвещении истинным светом не благодаря насилию, а несмотря на насилие. И потому все успехи, приобретаемые насилием, только кажущиеся» (66: 283). «Когда слышу и думаю про вас, — продолжил Толстой уже законченное письмо, — всегда мне прежде всего становится завидно за то, что так сложилась ваша, а не моя жизнь, <...> всегда думаю и боюсь, что, живя этой простой, чистой и суровой жизнью, вы, пожалуй, не цените её, тяготитесь ею...» (8 декабря 1892 г. — 66: 284). Писатель старался ободрить Рубана-Щуровского в тяжёлое для него время семейного разлада, развода.

Н. И. Буриашёва

РУБЦОВ Николай Карпович (даты жизни не установлены) — знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Смоленский купец, работал с Толстым на голоде, поставлял дрова для нужд столовых. 19 декабря 1891 г., находясь в Бегичевке, Толстой отметил в дневнике: «Как и всё это время, с утра суета, народ. Потом приехали Усов и Рубцов. Я с ними ходил по столовым» (52: 60). Рубцова упоминал Толстой в письме к С. А. Толстой, написанном на обороте письма Рубцова 27 апреля 1892 г. из Бегичевки: «Вот полученное вчера письмо Рубцова. Как это случилось, что он не получил денег, когда уж давно в наших счетах значатся эти 844 рубля. Пожалуйста, голубушка, разъясни и исправь это. Это ужасно обидно, так как он жертвовал и трудился для нас. Я пишу ему» (84: 144). Письмо Толстого Рубцову неизвестно. В письме жене 1 мая Толстой напоминал: «Надеюсь, что ты разъяснила недоразумение с Рубцовым» (84: 146). Видимо, это недоразумение как-то разрешилось, и Рубцов продолжал сотрудничать с Толстым, о чём писатель упоминал в письме П. И. Бирюкову 1 октября 1892 г. из Ясной Поляны: «Дрова я выписал от Рубцова из Смоленска и послал ему 30 свидетельств на 30 вагонов. Дубликаты я велел выслать в Тулу» (66: 261).

О. В. Гладун

РУНДАЛЬЦОВ Михаил Викторович (1871–1935) — художник, график, ученик известного гравёра В. В. Матэ; автор портретов деятелей искусства, литературы и общественной мысли, в т. ч. Толстого; корреспондент и адресат С. А. Толстой. В начале октября 1907 г., намереваясь создать галерею портретов «великих людей земли русской», в письме к С. А. Толстой просил выслать ему один из последних

снимков Толстого «для лучшего ознакомления с индивидуальностями Льва Николаевича» (Пузин Н. П. Из истории двух портретов Л. Н. Толстого // *ЯП. сб.* 1984. С. 176). Вскоре Рундальцов получил от С. А. Толстой фотографию Толстого работы фотографа А. И. Мея (1896), которая нравилась как самому писателю, так и членам его семьи. В сопроводительном письме, как писал художник, Толстая давала ему ценные указания и советовала обратиться к В. Г. Черткову, обладавшему большой коллекцией любительских фотоснимков писателя.

Взяв за основу фотографии, полученные от С. А. Толстой и Черткова, Рундальцов создал один из офортов (Толстой в соломенной шляпе) и в конце 1908 г. выслал его в Ясную Поляну. По оценке специалистов, работа была выполнена мастерски, однако бросалась в глаза некоторая её незаконченность. Вторым офорт Рундальцова (Толстой в блузе, с раскрытой книгой в правой руке) писатель получил в начале июля 1910 г. На его оттиске имелась дарственная надпись автора: «Глубоко чтимому графу Льву Николаевичу Толстому. Мих. Рундальцов. 30 мая 1910 года». По сравнению с первым офортом эта работа отличалась законченностью и большим мастерством, став «лучшим образцом графического изображения Толстого» (*там же*. С. 177). Посылая второй портрет писателя, Рундальцов просил С. А. Толстую «не отказать его покрывать» и написать, как она и граф его находят... (*там же*. С. 178).

С. А. Толстая ответила художнику письмом от 9 июня 1910 г., в котором сообщала: Толстой «за присланный вами его портрет очень вас благодарит и мы не нашли ничего, что можно бы критиковать... Портрет очень хорош, и как трудна подобная работа! Показывала я его и Трубецкому, который тоже хвалил... Надеюсь, что автограф Льва Николаевича удовлетворит вашему желанию, и рада сделать вам приятное как художнику...» (ОР НБ Украины. Ф. XIII, № 4198). В тот же день Софья Андреевна в своём ежедневнике отметила, что писала Рундальцову (*ДСАТ*. 2. С. 323). Дальнейшая судьба художника Рундальцова сложилась трагически. В 1920-х гг. он эмигрировал и умер в неизвестности в Париже.

Лит.: Чисников В. Н. О найденном письме С. А. Толстой к художнику М. В. Рундальцову // *Толстовский сборник-2000*. Ч. 2. Тула, 2000. С. 367–369.

В. Н. Чисников

РУСАНОВА Антонина Алексеевна (1855–1905) — знакомая Толстого с 1885 г.,

его корреспондент и адресат; жена Г. А. Русанова, помещика Воронежской губ., близкого знакомого Толстого, автора воспоминаний о писателе. 24 апреля 1894 г. Толстой записал в дневнике: «Очень полюбил Русанову и её детей» (52: 114).

В августе 1894 г. на обратном пути от В. Г. Черткова в Москву Толстой заезжал в Воронеж к своему другу Г. А. Русанову. О пребывании в гостях у Русановых и о впечатлении от общения с А. А. Русановой Толстой рассказал в письме к Г. А. Русанову 28 апреля 1894 г. В нём, в частности, говорилось: «...пребывание моё у вас, сближение с Антониной Алексеевной, которую я в первый раз хорошо узнал, с милыми молодыми людьми, преимущественно с Борей, потом Алёшей <...> было для меня одним из самых радостных дней моей жизни» (67: 111). Расположение Толстого к хозяйке дома во многом объяснялось общностью взглядов на жизнь Русановой и её мужа, что, по мнению писателя, было очень ценным для семейных отношений. В июле 1885 г. в письме Г. А. Русанову Толстой отмечал: «Какое вам счастье – единство взглядов с женою» (63: 269). Привлекала Толстого в Русановой её приверженность вегетарианству. О единстве позиций с ней в этом вопросе Толстой сообщал Г. А. Русанову в ноябре 1893 г. (66: 436).

В конце 1890-х гг. Русанова помогала вычитывать и править гранки романа Толстого «Воскресение». В 1902 г. она прислала Толстому свой перевод книги Ж.-Ж. Руссо «Исповедание веры савойского викария», в письме напомнив, что в личной беседе с ней Толстой одобрил её намерение сделать этот перевод. С предисловием П. А. Буланже перевод был издан в 1903 г. «Посредником». Г. А. Русанов писал Толстому 29 декабря 1902 г.: «Она <Русанова. – Е. Г.> благодарит вас за то, что вы исправили её перевод» (участие Толстого в переводе в издании не отмечено) (73: 289).

Узнав о тяжёлой болезни Русановой в 1905 г., Толстой в письме Г. А. Русанову 24 апреля писал: «Верю, что всё к лучшему, всё благо, что чем тяжелее материальные условия: болезнь, страдания, приближение к смерти, к переходу в другое существование, тем выше поднимается сознание своего духовного существа» (75: 242). Умерла Русанова от туберкулёза. О смерти жены Г. А. Русанов сообщил Толстому 15 августа. Сочувствуя горю, Толстой писал: «Жаль мне её, просто жаль, что нет более на этом свете этого милого, прекрасного существа, и с особенным любовным умилением вспоминаю моё первое знакомство с нею в Харькове и потом все встречи и разгово-

ры с ней, всегда трогательные, любовные, радостные» (76: 11).

Е. П. Гриценко

РЫБНИКОВ Павел Николаевич (1831–1885) – этнограф, публицист, собиратель фольклора. В 1850 г. окончил с серебряной медалью 3-ю московскую гимназию. В 1858 г. – историко-филологический факультет Московского университета, получил звание кандидата. Тогда же, будучи корреспондентом журнала «Вестник промышленности», поехал в Черниговскую губ., «где собирал сведения по истории промышленности, а также фольклорно-этнографические материалы: рукописи о расколе, песни, духовные стихи, пословицы и поговорки» (Сапрыкина М. Б. Рыбников Павел Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 401). В конце 1850-х гг. арестован «по подозрению в сношениях с раскольниками и за неуместные рассуждения о делах политических» (*там же*), а затем был выслан в Олонецкую губ. (Петрозаводск) и зачислен на службу губ. правления. Во время ссылки дослужился до должности старшего чиновника особых поручений и советника губ. правления. Совершая служебные разъезды по Карелии, общался с живыми сказителями былин; в течение четырёх лет собирал былины и записал их около 170 от 38 певцов. Изданные этнографом былины Олонецкого края стали «откровением» для русских читателей. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч.» (М.–Петрозаводск–СПб., 1861–1867) «изумили» научный мир: «Казалось невероятным такое богатство, являвшееся внезапно, когда никто его не ожидал и даже не считал возможным» (Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народностей и этнография великорусская. СПб., 1891. С. 63).

Первую часть «Песен...», вышедшую в 1861 г., Толстой активно использовал в своей педагогической практике 1860-х гг. В 1862 г. в статье о преподавании в яснополянской школе для крестьянских детей писатель рассказывал о восприятии учениками произведений художественной литературы и противопоставлял «высокое» искусство «образованного сословия» народному искусству как «ложное» – «истинному». В поиске образцов истинной поэзии, интересной и понятной крестьянским детям, Толстой, как он писал, случайно наткнулся на былины: «Я годами бился тщетно над передачею ученикам поэтических красот Пушкина и всей нашей литературы, то же самое делает бесчисленное коли-

чество учителей – и не в одной России, – и ежели учителя эти наблюдают над результатами своих усилий и ежели захотят они быть откровенными, все признаются, что главным следствием развития поэтического чувства было убийство его, что наибольшее отвращение к таким толкованиям показывали самые поэтические натуры... Я бился, говорю, годами и ничего не мог достигнуть; стоило случайно открыть сборник Рыбникова, – и поэтическое требование учеников нашло полное удовлетворение» (8: 115). Толстой опирался и на опыт учителей в организованных им школах Крапивенского уезда: учителя видели, с каким увлечением читали дети сборники Рыбникова.

В конце 1860-х гг. у Толстого возник замысел «Азбуки». Зимой 1869–1870 гг. он «начал изучать сборники Киреевского, Рыбникова, Афанасьева, Кирши Данилова для того, чтобы выбрать из них материалы для задуманной им книги первоначального обучения. “Сказки и былины приводили его в восторг”, – записывает С. А. Толстая 14 февраля 1870 года» (Гусев. *Материалы*. 3. С. 5).

Подмечена важная особенность отбора и расположения произведений в «Азбуке» Толстого: «из поэтических произведений <...> мы находим только произведения народной поэзии – четыре былины, тогда как ни одного стихотворения даже классических поэтов там нет» (Зайденшнур Э. Е. Работа Л. Н. Толстого над русскими былинами // *Русский фольклор. Материалы и исследования*. V. М.–Л., 1960. С. 336). Былиной завершался каждый из четырёх разделов «Азбуки»: первый – былиной «Святогор», второй – былиной «Сухман», третий заканчивала былина «Вольга-богатырь» и четвёртый – «Микулушка Селянинович». В основе этих былин были тексты из сборника Рыбникова, в разной степени переработанные Толстым: от минимальной стилистической правки и «выпрямления» неровного стиха одного текста-основы («Сухман») до создания нового произведения на основе нескольких («Вольга-богатырь») (*там же*. С. 361). «Азбука» была напечатана в 1872 г.

Увлеченный былинами, Толстой задумал роман о русских богатырях (не позднее 14 февраля 1870 г. – 90: 391), в записной книжке он перечислил героев романа – русских богатырей – и сюжетные линии каждого из них. В частности, перипетии в судьбах Ильи Муромца, Добрыни Никитича были прописаны по мотивам былин из «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым».

В мае 1909 г. племянница Рыбникова Е. А. Телешева прислала в Ясную Поляну первый том второго издания «Песен, со-

бранных П. Н. Рыбниковым» с портретом составителя. Маковицкий записал слова Толстого: «“Мне кажется, я его <Рыбникова. – А. Б.> знал. Приятное лицо”. Михаил Сергеевич <М. С. Сухотин. – А. Б.> подтвердил, что Л. Н. его мог знать через Киреевских» (ЯПЗ. 3. С. 417). Сведений о знакомстве Толстого и Рыбникова не сохранилось, однако в ответном письме Телешевой Толстой благодарил корреспондентку за книгу и сообщал о знакомстве с автором: «Очень благодарю вас за присылку интересной книги вашего покойного дяди. Всегда с удовольствием вспоминаю про его сношения со мной и люблюсь на его прекрасное лицо на портрете» (79: 210). Биографы Рыбникова утверждают, что в последние годы он интересовался творчеством Толстого: М. С. Громека читал в доме Рыбникова свою книгу о романе «Анна Каренина», «сам Рыбников готовил письмо Толстому и статью о его произведениях (“Войне и мире”, “Анне Карениной”, религиозно-философских сочинениях)» (Сапрыкина М. Б. *Указ. соч.* С. 403).

А. Р. Боковня

РЫСАКОВ Николай Иванович (1861–1881) – студент Горного института, член партии «Народная воля». Террорист, 1 марта 1881 г. в Петербурге бросивший первую бомбу под карету государя императора Александра II. На следствии сделал откровенные признания и дал подробные показания о своих товарищах по революционной работе.

Толстой был противником террористических действий. В записной книжке 15 июня 1881 г. он записал, видимо, слова оптинского старца Амвросия, с которым долго говорил в тот день: «Рысаков: благоразумный злодей» (49: 144) – «благоразумный», потому что дал признательные показания. Убийцы Александра II были приговорены к смертной казни.

С просьбой о помиловании террористов, убийц его отца, что было бы в духе учения Христа, Толстой обратился с письмом к Александру III. 28 марта 1881 г. с публичной лекцией «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса» в Петербурге выступил Вл. С. Соловьёв; он закончил свою лекцию словами: «Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он прежде всего христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!» Толстой одобрил слова Соловьёва: «Молодец Соловьёв, – писал он Н. Н. Страхову 2–3 апреля 1881 г. – Когда он уезжал, я сказал ему: дорого то, что мы согласны в главном, в нравственном учении и будем дорожить этим со-

гласием» (ЛСПТС. 2. С. 598). Рысаков был казнён 3 апреля 1881 г.

Через много лет Толстой вспомнил Рысакова в своём предисловии к статье В. Г. Черткова «О революции», написанном в 1904 г., накануне первой русской революции: «Нельзя не признавать молодечества и самоотвержения людей, как Халтурин, Рысаков, Михайлов, и теперь убийц Бобрикова и Плеве, которые прямо жертвовали своими жизнями для достижения недостижимой цели, <...> но нельзя не видеть того, что деятельность этих людей не могла и не может привести ни к чему иному, как к гибели их самих и к ухудшению общего положения. Только тем, что в революционной деятельности есть доля задора, борьбы, прелести риска своей свободой, жизнью, — что всегда привлекает молодёжь, — можно объяснить то, что люди умные, нравственные могли и могут предаваться такой явно бесполезной деятельности» (36: 150).

Н. И. Бурнашёва

РЯБИНИН Михаил Андреевич (1814–1867) — знакомый Толстого; коллежский ассессор. Внук вице-адмирала и генерал-контролёра М. И. Рябины; сын первого директора Московского Ассигнационного банка А. М. Рябины. Двоюродный брат декабристов И. И. и М. И. Пушиных. Был близок к семье Карамзиных-Мещерских, знаком с Н. В. Гоголем и Ф. И. Тютчевым.

С Рябининым Толстой общался во время своего первого заграничного путешествия весной 1857 г. Тот был одним из членов дружеского кружка, который Толстой нашёл по приезде в Швейцарию и который составляли также сёстры А. А. и Е. А. Толстые, супруги М. И. и М. Я. Пушины, семейство князей Мещерских. Толстой характеризовал Рябину как «добрейшего старого холостяка, который живёт только для своих друзей и самый весёлый товарищ» (60: 191). А. А. Толстая писала о нём: «...милейший седовласый юноша с розовым лицом, Михаил Андреевич Рябинин, общий наш фаворит, очень умный, забавный, неистощимый на выдумки и рассказы» (ПАТ. 2011. С. 15). Рябинин вместе с Толстым участвовал в шуточных проделках, воссозданных в переписке Толстого с А. А. Толстой и её воспоминаниях. С Рябининым Толстой встречался и в Москве по возвращении из-за границы. Рябинин был также знаком с М. Н. Толстой и С. Н. Толстым.

Лит.: Записки Михаила Ивановича Пушина // Русский архив. 1908. № 12.

Ю. И. Красносельская

РЯБОВ Григорий Семёнович (?–1922) — последователь, посетитель, корреспондент, адресат Толстого, автор воспоминаний о нём. Литературный псевдоним: С. Горлов. Впервые услышал о Толстом в 1901 г., будучи учеником четвёртого класса. Его старший товарищ, шестиклассник, собрал небольшую группу учеников и прочёл им толстовский «Ответ Синоду» (1901). Это событие определило дальнейшую жизнь Г. Рябова. Теперь он старался найти и прочесть религиозно-философские сочинения писателя. Рябова исключили из училища (видимо, в 1902 г.) за хранение запрещённой книги, в которую были вплетены статья «Николай Палкин» Толстого и его письмо Николаю II, а также несколько «Листков “Свободного слова”». Позднее он отметил в воспоминаниях: «Тогда я уже стал понимать Л. Н. <...> Тогда не только открылись глаза на многие язвы общественной и государственной жизни, но и стали понятны их искусственные причины» (Жизнь для всех. 1912. № 3. Стлб. 514). Рябов вернулся домой и пошёл в работники к своему отцу, лесопромышленнику, мужественно снося не только его упрёки, но и насмешки мужиков.

Толстовские идеи имели решающее значение в процессе формирования мировоззрения юноши. «Учение Толстого или, правильней, учение Христа, выраженное Львом Николаевичем, так сильно и глубоко тогда затронуло мою душу, что совершенно преобразило её, наполнило новым содержанием и дало совсем другие побуждения, цели и правила поведения», — писал он (Жизнь для всех. 1912. № 4. Стлб. 688). «Новые сочинения Льва Николаевича я не читал, а благоговейно изучал, можно сказать, что я молился, читая их, порой плача от умиления и восторга, стоя на коленях и зажав руками уши, чтобы внешний шум не мешал сосредоточиться», — вспоминал он о самом важном в своей духовной жизни (*там же*. Стлб. 690). В то время он был одинок и в семье, и среди работников, никто его не поддерживал. Рябов стал выписывать из Англии журнал «Свободное слово». В 1903 г. отец напомнил сыну о данном ранее обещании выдержать экстерном экзамены за среднюю школу. Однако сын сомневался, есть ли необходимость в этом, стоит ли поступать в высшее учебное заведение, а за советом обратился с вопросом к Толстому и вскоре получил ответ: эти вопросы нужно решить самостоятельно. Толстой добавил: полезная человеческая деятельность обусловлена пониманием цели жизни, однако его адресату она ещё не ясна. Затем пояснил: цель эта заключается в «выработке в себе любовного общения со всеми людьми» (74: 224). Рябов,

получавший корреспонденцию из Англии и пропагандировавший взгляды Толстого, попал в поле зрения полиции, и его отец, опасаясь обыска, тайне приказал своему второму сыну отправиться в лес и сжечь подозрительные издания и толстовское письмо.

В июне 1907 г. Рябов, ставший к тому времени студентом петербургского Горного института, вместе с А. Я. Колесниченко посетил Ясную Поляну проездом из Петербурга в Самарскую губ. Молодые люди направлялись в места, где жил А. М. Добролюбов и его единомышленники. Они ехали на смену Н. Г. Сутковому, чтобы продолжить раздавать нуждающимся крестьянам деньги, полученные Толстым от канадских духовоборов. В записной книжке Толстой пометил: «милые юноши: Колесниченко, Рябов» (56: 200). Тогда же произошло знакомство с В. Г. Чертковым. Позднее Рябов отметил поразившую его мысль Толстого: «Я каждую минуту могу изменить своё понимание жизни, если предо мною предстанет более ясная, чем христианская, истина, — сказал Л. Н. — Я знаю, я верю, продолжал он, что наступит время, когда наше теперешнее мировоззрение будет казаться таким же низким, как нам теперь кажется идолопоклонство» (Жизнь для всех. 1912. № 6. Стлб. 957).

Во второй половине июля молодые люди вновь увидели Толстого. Колесниченко и Рябов заехали к нему, чтобы передать подробные списки выдач и трат. Толстой расспрашивал о Добролюбове, о его жизни в общине. Рябов ответил: «Он живёт и работает у беднейшего из братьев — старика, сын которого болен. Но вообще он не имеет постоянного места работы, а переходит от одного брата к другому, как работник, но, разумеется, бесплатный...» И в ответ услышал: «Очень, очень хорошо... Удивительно чистая, хорошая жизнь». Студент добавил,

что «Д. видит непроходимую пропасть между своей верой и верой Л. Н-ча» (*там же*. Стлб. 959). Это огорчило Толстого. Узнав, что Рябов, уезжавший в Петербург, скоро вернётся назад, Толстой попросил его купить что-нибудь «из особенно ходовой в то время революционной литературы»: «Мне хочется влезть в душу революционера», — сказал он.

Через две недели Рябов снова был у Чертковых в Телятинках. При встрече передал Толстому несколько брошюр, в т. ч. П. А. Кропоткина, участвовал в работе над «Сводом мыслей Л. Н. Толстого», тогда же услышал от писателя, что этот свод помогает ему при составлении «Круга чтения». В своих воспоминаниях Рябов описал и приезд К. А. Малеванного. В сентябре он был уже в Петербурге, на просьбу Толстого ещё раз отправиться с той же целью в Самарскую губ. ответил, что, к сожалению, не может сделать этого из-за «необходимости заработка» (77: 307).

В августе 1908 г. Рябов вновь встретился с Толстым, на этот раз он пробыл в Телятинках дольше, чем прежде. Вместе с Ф. А. Страховым раскладывал «Свод» по программе «Детского круга чтения» (ЯПЗ. 3. С. 168). В 1912 г. он опубликовал свои воспоминания о Толстом в журнале «Жизнь для всех» под псевдонимом С. Горлов и в сборнике «Лев Толстой и голод» под своим именем. По окончании Горного института работал на Южном Урале в г. Златоусте.

Лит.: В лучах Л. Н. Толстого. Воспоминания // Жизнь для всех. 1912. № 3. Стлб. 513–518; № 4. Стлб. 687–693; № 5. Стлб. 837–840; № 6. Стлб. 956–969; Последнее выступление Л. Н. Толстого в деле помощи голодающим // Лев Толстой и голод. Нижний Новгород. 1912. С. 208–212.

Н. Г. Михновец

С

САВИХИН Василий Иванович (наст. фамилия Иванов; 1858–1912) – адресат Толстого; поэт и прозаик; самоучка из крестьян. В возрасте 12 лет уехал с отцом в Петербург работать на табачной фабрике, потом долгое время служил в медальерном отделении Монетного двора, одновременно занимаясь литературой. В 1881 г. опубликовал первые стихи в газете «Неделя», в 1884 г. дебютировал как прозаик в журнале «Русское богатство» с циклом очерков «Крестьянское детство», «Деревенские вечера», «Старые годы». Савихин известен как автор рассказов из народного быта: «Суд людской – не Божий, или Дед Софрон» (1885), «Кривая доля» (1885), «Прошумела слава» (1897), «Аника-воин» (1895), – и автобиографических рассказов «Бабушкино разъяснение» и «Моё детство» (1887), «Филатка» (1896), «Богомолье» (1896), «Последыш» (1890). Пробовал себя он и в жанре поэмы, которую написал на народном материале: «Два соседа. Деревенская побывальщина в стихах» (1888).

В декабре 1884 г. В. Г. Чертков познакомил Савихина с Толстым. В конце декабря 1899 г. он присутствовал на одном из чтений «Крейцеровой сонаты» на квартире Черткова в Петербурге. В издательстве «Посредник» были изданы несколько сочинений Савихина, в 1906 г. вышло отдельное издание его произведений: «Пробуждение и другие рассказы» (М., 1906).

Самое известное произведение писателя – рассказ «Суд людской – не Божий, или Дед Софрон» – было опубликовано в 1885 г. в «Русском богатстве» и в издательстве «Посредник» с иллюстрациями И. Е. Репина. Рассказ был выпущен в количестве 100 000 экз. и имел у народного читателя такой успех, что через три месяца зашла

речь о втором издании. В письме Черткову Толстой сообщал: «...я захожу по вечерам в школу, где собираются взрослые слушать чтение и бывают беседы очень хорошие. <...> А здесь Софрон имеет поразительный успех и трогает сердца» (85: 261). Толстой рассказывал писателю С. Т. Семёнову, что под впечатлением от чтения рассказа «Дед Софрон» одно сельское общество даже изменило решение отобрать у старика землю.

Критика восприняла рассказ неоднозначно, были и положительные отзывы (А. М. Скабический // Русские ведомости. 1885, 25 июля; Свет. 1885, 10 апреля), но некоторые авторы рецензий указывали на схематичность произведения Савихина, на неудачный финал рассказа. Критик журнала «Женское образование» подчеркнул сходство между рассказом Савихина и произведениями Толстого: «Рассказы гр. Толстого “Чем люди живы” и И. Савихина “Суд людской – не Божий” бесподобны в первых своих частях, где авторы держатся на реальной почве действительной жизни», в дальнейшем как только начинается часть, написанная «труднопонятным языком», «читателю становится ясно, что всё это выдуманно, и повествование теряет для него свою прелесть» (П-л-ъ Н. Н. [Поздняков Н. И.] // Женское образование. 1885. № 8. С. 550).

Рассказ «Дед Софрон...», по воспоминаниям современников, вызвал одобрение у Толстого: «“Кривую долю” и “Деда Софрона” написал человек из крестьян, и очень хорошо написал: правдиво, искренно, и вызывает добрые чувства и хорошие мысли» (Иванов Н. Н. У Толстого в Москве в 1886 году // ТВС. 1. С. 385). Особенно важно для Толстого отношение автора к изображаемому миру: этот рассказ говорит о «существенных интересах людей, и интересы эти

дороже авторских» (письмо к Ф. А. Желтову – 64: 41).

Отзыв Толстого о поэме Савихина «Два соседа. Деревенская побывальщина в стихах» более сдержанный и критичный: «Язык его поэмы, образы тоже превосходны. Стих хорош местами; но не мешало бы его сделать ещё ровнее и лучше, но содержание не то что не хорошо, а его совсем нет. Содержание есть только подражание тому, чему не нужно подражать у Некрасова, т. е. преувеличение народной бедности и отчаянное отношение к ней, вызывающее только негодование к кому-то» (64: 21). Толстой называл Савихина «неполным художником», критикуя отсутствие у него ясного взгляда на вещи: «у Савихина есть способность видеть, что должно бы быть, как будто оно есть. Но он не знает, что должно быть. У других бывает обратное» (64: 22). Эта поэма была прочитана Толстым, затем возвращена автору для доработки, а после этого опубликована в «Посреднике». В *ЯПб* сохранилась книжка Савихина «Кривая доля», на обложке которой Толстой поставил оценку 5+.

В 1904 г. Иванов (Савихин) переслал Толстому через И. И. Горбунова-Посадова медаль, выпущенную в память столетия со дня рождения А. С. Пушкина, медаль была изготовлена под руководством самого Савихина. Толстой откликнулся благодарственным письмом, вспомнил «чудный» рассказ «Дед Софрон», который «много сделал и делает добра своей истинной поэзией и душевностью» (75: 13).

Лит.: Лебедев В. К. Л. Н. Толстой и писатель из народа В. И. Савихин // Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974. С. 154–158.

Л. Е. Кочешкова

САВИЦКИЙ Константин Аполлонович (1844–1905) – русский художник, живописец, офортист, иллюстратор. Родился в Таганроге в семье военного врача. В 1862 г. поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге. В 1860–1870-е гг. работал в традициях шестидесятников, писал на сюжеты из обыденной жизни городского люда, русской деревни. В 1874 г. вступил в Товарищество передвижных художественных выставок и был предан движению передвижников всю жизнь. В 1873 г. (после оставления Академии художеств) вместе с друзьями И. Н. Крамским и И. И. Шишкиным провёл лето близ усадьбы Ясная Поляна – возле станции Козловка-Засека (по Курской железной дороге), окрестности которой превратились для художников в своеобразную художественную студию.

Здесь была создана первая значительная картина Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге». Она принесла художнику признание и обнаружила его особенные свойства живописца: внимание к человеку труда, тяготение к изображению массовых сцен, натуралистическую точность деталей. Картина была выставлена на 3-ей выставке ТПХВ (1874), её купил П. М. Третьяков, и Савицкий получил возможность поехать за границу, где присоединился к колонии русских художников-пенсионеров Академии. Вместе с И. Е. Репиным, В. Д. Поленовым и др. он провёл почти два года (1874–1876) во Франции, где создал несколько живописных произведений («Море в Нормандии», 1875; «Путешественники на гору Санси в Оверни», 1876).

На передвижной выставке 1878 г. Савицкий представил картину «Встреча иконы», которая заслужила особую похвалу В. В. Стасова, назвавшего её в своём обзоре «самой значительной картиной на выставке» (Стасов В. В. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 237). Почти 10 лет, с 1878 г., Савицкий работал над картиной «На войну», писавшейся под впечатлением начала Русско-турецкой войны. Она была выставлена в 1880 г. на 8-ой выставке Товарищества передвижников в Петербурге и второй вариант – на 16-й выставке, в 1888 г. Изображая жизнь людей из народа, Савицкий откликался на острые социальные проблемы современности («Крючник», 1884; «Тёмные люди», 1882; «Христова милостыня» <«Беглые в Сибири»>, 1886–1891; «В ожидании суда», 1895; «Ходок», 1904). Эти картины Савицкого 1890–1900-х гг., поднимавшие темы народных бедствий, каторги и ссылки, судебных процессов, часто вызывали у зрителей ассоциации со сценами из романа Толстого «Воскресение».

Савицкий много и самоотверженно занимался педагогической деятельностью: преподавал в петербургском Училище Штиглица (1883–1889), в московском Училище живописи и ваяния (1891–1896), с 1897 г. и до конца жизни был директором Пензенского художественного училища, основал в городе Музей живописи. Представляя старшее поколение передвижников, он передавал их опыт молодому поколению художников 1890-х гг. В историю русской живописи Савицкий вошёл не только как живописец, но и как офортист и иллюстратор: он иллюстрировал произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова.

Бывая на передвижных выставках, Толстой хорошо знал творчество Савицкого, о чём свидетельствует его письмо к В. В. Стасову, посланное после прочтения его обзора

6-ой ПХВ («Передвижная выставка 1878 года»: «Новое время», 29 и 30 марта 1878): «Фельетон ваш хоть немного поправил то дело, что я не успел быть на выставке, — дал мне понятие о ней, но тем более жалко, что не видал картин Мясоедова <«Молебствие во время засухи». — Е. П.> и Савицкого <«Встреча иконы». — Е. П.>. Содержание этих картин для меня интересно; но обоих художников этих я помню по их произведениям, и у обоих, мне кажется, один недостаток холодности, ничего им особенно не хочется сказать» (62: 404). Отзыв Толстого о живописной манере Савицкого стал известен Репину и был им поддержан. В письме Стасову он радовался: «Сам Лев Толстой (наш идол) изволит писать о нас!!! Да ведь это просто невероятно, — и комментировал: — про Мясоедова и Савицкого — верно, действительно они холодные люди, я их близко знаю. Да, человек, который умел влезть в душу «Михайлова» («Анна Каренина»), умел жить его жизнью, — конечно, без особенного труда разгадает и нас грешных» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. М., 1949. С. 29).

В 1885 г. Савицкий в числе др. художников (И. Е. Репин, Н. Н. Ге, Е. М. Бём, К. В. Лебедев, А. Д. Кившенко) принял приглашение издательства «Посредник» участвовать в иллюстрированных изданиях народных рассказов Толстого. Об этом Толстой упоминал в письме к Е. М. Бём (июнь 1885): «Не слыхали ли вы про издание лубочных книжек и картин Сытина, частью которых занимаются близкие мне люди и отчасти и я. <...> Принимают участие в этом деле Савицкий, Кившенко, Крамской и Репин» (63: 257). Привлечением Савицкого к работе в «Посреднике» занимался В. Г. Чертков. На просьбу Толстого найти в Петербурге художника, который сделал бы иллюстрации к рассказу «Девчонки умнее стариков», Чертков писал, что «к рассказу о девчонках с радостью взялся сделать картину Савицкий» (25: 692). Уже 15 мая 1885 г. Савицкий писал Черткову о своей работе: «Я так увлёкся очаровательной повестью Толстого, что вместо желаемых Вами двух рисунков сделал три» (ОР ГМТ). Однако из трёх рисунков выбрали один, и рассказ Толстого был выпущен в свет как текст к картине Савицкого, выполненной в технике хромолитографии (изд. И. Д. Сытина, М., открытый лист, 1885). Чертков заказал Савицкому рисунки и к рассказу «Упустишь огонь — не потушишь». Он просил Толстого поскорее прислать художнику для прочтения хотя бы черновую копию рассказа, чтобы толстовский текст увлёк и воодушевил иллюстратора. Рассказ был выпущен

в свет в 1886 г. отдельной книжкой с рисунками Савицкого.

Савицкий охотно занимался иллюстрацией как самым демократическим видом изобразительного искусства. Он иллюстрировал в «Посреднике» и произведения др. авторов. Так, С. А. Толстая, рассказывая о деятельности издательства, упоминала о шести рисунках Репина и Савицкого, сделанных к рассказу Савихина (САТ. Моя жизнь. 1. С. 442). В серии народных картин издательства И. Д. Сытина, подготовленных к печати «в пользу голодающих», вышла картина Савицкого «На войну».

В 1893 г. Савицкий сопровождал писателя на московской Передвижной выставке перед её открытием и познакомил Толстого с художником Л. О. Пастернаком, ставшим впоследствии иллюстратором толстовских произведений. Этот эпизод подробно описан Пастернаком в его воспоминаниях «Записи разных лет» (М., 1975).

Е. В. Петровская

САЛАЕВ Фёдор Иванович (1820–1879) — московский издатель и книгопродавец. Книгоиздательская и книготорговая фирма Салаевых была основана в Москве в 1828 г. и издавала главным образом произведения русских классиков. В 1858 г., после смерти основателя фирмы И. Г. Салаева, дело перешло к его сыновьям, из которых главную роль играл Фёдор Иванович. Первые сведения о деловых отношениях Толстого с издательством Салаева относятся к 1872 г., когда готовилось издание «Азбуки». 1 октября 1872 г. Н. Н. Страхову Толстой писал: «Перед выходом книги я думаю съездить в Москву и переговорить с Салаевым» (61: 324), — однако достоверных сведений об их личном знакомстве нет. Изданная у Салаева «Азбука» продавалась в Москве в его книжном магазине на Мясницкой улице. Из писем Толстого явствует, что практические дела с издательством и книжным домом Салаевых вёл поверенный в его делах Николай Михайлович Нагорнов, муж племянницы Варвары Валерьяновны Нагорновой (см. письма к Нагорнову — 62: 200–201, 257, 341, 354–355, 402). После смерти Салаева в 1879 г. его дело продолжили наследники Думновы. В 1880 г. в издательстве братьев Салаевых увидело свет четвертое издание «Сочинений Л. Н. Толстого»: в 11 т.; в 1886 г. — шестое издание «Сочинений Л. Н. Толстого». Части I–XII. М., вышедшее в том же году вслед за пятым изданием.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

САЛИАС ДЕ ТУРНЕМЬР Елизавета Васильевна (рожд. Сухово-Кобылина; лит.

псевд.: Евгения Тур; 1815–1892) – русская писательница.

В июне 1863 г. жившая во Франции Е. Тур за одну ночь внимательно прочла, а на следующий день перечитала повесть Толстого «Казачи» и незамедлительно откликнулась на неё статьёй, которая затем была опубликована в журнале «Отечественные записки» (1863. № 6. Отд. III. С. 242–279). Е. Тур уже знала Толстого как автора повестей, а также педагогических статей в издаваемом им журнале «Ясная Поляна». Толстовскую повесть «Казачи» она оценила как «оригинальное и смелое» произведение и отдала должное его высокохудожественным достоинствам: «В этой повести бездна поэзии, художественности, образности. Повесть не читаешь, не воображаешь, что в ней написано, а просто видишь; это – целая картина, нарисованная рукою мастера, колорит которого поразительно ярок и вместе с тем верен природе; в нём с ослепительной яркостью соединена правда красок... Это – сама жизнь с её неуловимой прелестью». Е. Тур указала на «великолепные» сцены выкупа тела убитого черкеса, уборки винограда, а также на многочисленные картины природы, отличающиеся особой поэтичностью.

Однако основными в раздумьях Е. Тур над повестью стали вопросы, что хотел сказать своим произведением гр. Толстой и что он опоэтизировал в качестве идеала. Е. Тур подчёркивала, что автор повести критикует цивилизацию. Но поддержать его в этом она решительно отказывалась. По её мнению, эпиграфом к толстовской повести могло бы стать заявление Фамусова из грибоедовской комедии «Горе от ума»: «Ученье – вот чума; учёность – вот причина». Е. Тур не согласна принять Оленина «за образец и продукт цивилизации, за её единственный продукт, как будто настоящая цивилизация даёт такие гнилые продукты». Автор, писала она, «силится доказать, что дикие велики и счастливы, образованные – низки, мелки и несчастливы». Ставя подобное представление под сомнение, Е. Тур критически характеризовала и Оленина, и Лукашку с Ершкой. Вместе с тем, с её точки зрения, каким бы ни был Оленин, он в силу своего «полуобразования» во многих случаях стоит выше окружающих.

Е. Тур чутко уловила гомеровские основания повести «Казачи», указав при этом на отличие современного произведения от античного: мы «готовы», утверждала она, признать толстовскую повесть «новой Илиадой, понимая под Илиадой эпическую поэму, сюжетом которой дикая сила, кровь, кровь и ещё кровь». Её настораживало,

что автор повести «рьяно и храбро <...> принялся поэтизировать пьянство, разбой, воровство и жажду крови». В руссоистское представление об «идеальной жизни посреди природы» он, по мнению Е. Тур, ввёл «два новых элемента: пьянство и резню». Таким образом, полагала писательница, Толстой поддержал, желая того или нет, распространяющееся в последние годы в русском обществе представление о широте натуры русского человека, способной одновременно удерживать и высокое, и низкое. Однако Е. Тур была уверена, что сам факт распространения и принятия этого представления современниками есть не более чем стремление увязать желаемое с унаследованным российской жизнью от её недавнего прошлого – крепостничества.

Толстой тоже был знаком с творчеством Е. Тур. Её роман «Племянница» (1850–1851) он прочёл во время пребывания на Кавказе. В дневнике 18 октября 1852 г. заметил: «Читал Племянницу. Очень хорошо» (46: 145). В дальнейшем Толстой обращался и к др. произведениям писательницы. Слышалось созвучие в названии романа Е. Тур «Три поры жизни» (1853–1854) и в одной из ранних редакций «Войны и мира»: «Три поры». В дневниковой записи 6/18 марта 1884 г. помечено: «Вечер читал Сальяс о Кудрявцеве – прекрасно» (49: 64). Толстой имел в виду воспоминания Е. В. Салиас «Профессор П. Н. Кудрявцев» (Полярная звезда. 1881. № 3).

В 1866 г. Е. Тур опубликовала под названием «Катакомбы. Повесть первых времён христианства» свой вольный пересказ английского романа «Fabiola or the church of catacombs» (1854) Николаса Патрика Уайзмана (N. P. Wiseman), архиепископа Вестминстерского и кардинала. Эта переделка затем, на протяжении нескольких десятилетий, активно переиздавалась. По просьбе В. Г. Черткова Толстой познакомился в начале мая 1885 г. с переложением «Катакомб», сделанным для народного чтения М. Павловской. 9 мая 1885 г. писатель поделился с Чертковым мнением по поводу только что прочитанной им повести: «Это превосходная вещь по содержанию» (85: 188). В письме к С. А. Толстой из Ясной Поляны 18 августа того же года Толстой отметил: «Вечером читали вслух Катакомбы» (83: 507). Критически отозвавшись о языке изложения, работу М. Павловской писатель оценил весьма доброжелательно, однако она не понравилась редакции «Посредника», и переделка «Катакомб» была поручена Е. П. Свешниковой. Повесть, получившая в её переложении название «Фабиола, или Древние христиане», затем была издана

и несколько раз переиздана «Посредником».

Н. Г. Михновец

САМОШКИН Фёдор Иванович (даты жизни не установлены) – крестьянин деревни Антоновка Бузулукского уезда Самарской губ.; сектант-молоканин, один из тех, у кого, по постановлению миссионерского съезда в Казани, отняли детей. С просьбой о защите крестьяне обратились к Толстому. Писатель живо откликнулся на трагедию молоканских семей. В письме к государю императору 10 мая 1897 г. он писал и о Самошкине: «То же самое и в ту же ночь произошло в семье крестьянина той же деревни Самошкина. У него отняли единственного пятилетнего сына. Мальчик этот составлял радость и надежду семьи, так как после многих лет это был единственный сын, оставшийся в живых. Когда брали этого ребёнка, он был болен и в жару. На дворе было свежо. Мать упрашивала оставить его на время. Но пристав не согласился и сообразно с мнением доктора, решившего, что для жизни ребёнка нет опасности в переезде, велел уряднику взять ребёнка и везти его, но мать упросила пристава позволить ей самой ехать с сыном до города. Это было позволено, и она проводила его до города Бузулука. В городе же мальчика отняли от матери, и она больше уже не видала его. На все прошения, которые подавали эти крестьяне, они не получили ответа и не знают, где их дети. Ведь это невероятно!» (70: 73). На письмо Толстого не последовало никакой реакции, и 19 сентября Толстой вновь писал государю Николаю II. На этот раз письмо было передано через А. В. Олсуфьева.

Дело затянулось. 25 января 1898 г. Толстой писал в Петербург, где в те дни находилась старшая дочь Т. Л. Толстая, и просил её подключиться к хлопотам молокан. «Таня голубушка. Опять приехали самарские молокане об отобранных детях. Я посылаю их в Петербург. Один – Самошкин, у которого отнят единственный сын, подаёт прошение на высочайшее имя. Я ему написал прошение» (71: 263). (Прощение, написанное Толстым, – 71: 264). А. Ф. Кони Толстой писал в тот же день: «Дорогой Анатолий Фёдорович, податели сего те же молокане, которые 3-й раз едут в Петербург отыскивать суда на разбойников, отнявших у них детей. Научите, что делать? Нельзя оставаться спокойным, когда на ваших глазах совершаются такие злодеяния. Стыдно принадлежать к народу, среди которого возможны такие дела. Самошкину я написал прошение на высочайшее имя, может быть, это будет успешнее Сената» (71: 265).

Т. Л. Толстая по делу молокан была на приёме у К. П. Победоносцева (см.: ТВС. 2. С. 222–225). О возвращении детей родителям Толстой получил известие в письме молокан от 23 февраля 1898 г.

Н. И. Бурнашёва

САХАРОВ Иван Иванович (даты жизни не установлены) – переписчик сочинений Толстого; коллежский секретарь. 9 ноября 1856 г. в письме Толстого к В. В. Арсеньевой из Петербурга впервые упоминалось его имя: «Работал нынче целый вечер с Иваном Ивановичем в первый раз и тем очень доволен» (60: 104) – в этот вечер Толстой «дома диктовал порядочно “Разжалованного”» (47: 98). Видимо, кто-то из писателей (скорее всего, А. В. Дружинин) рекомендовал в качестве переписчика Сахарова, и, приехав в Петербург 7 ноября, Толстой сразу начал с ним работать: диктовал рассказ для журнала «Библиотека для чтения». На следующий день опять «диктовал немного», и 11 ноября «продиктовал часа 1½» (47: 99). В эти дни Толстой подготовил к переписке и «перечёл переписанный “Роман русского помещика”, может выйти хорошая вещь», – заметил он в дневнике 13 ноября. В тот же день он «чуть-чуть подиктовал “Разжалованного”» (47: 100). 17 ноября В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани Толстой писал: «У меня хорошенькая, тихая квартирка, стоят фортепьяно, и наши перья с Иваном Ивановичем скрипят от утра до вечера» (60: 113). Сахаров, по всей вероятности, был любителем оперы, и это импонировало Толстому. В письме Арсеньевой 19 ноября он иронически заметил: «Иван Иванович вчера был в “Гугенотах”, ему не понравилось очень, а Алёшка <лакей. – Н. Б.> нашёл, что славно! (60: 120). 26 ноября Толстой Сахарову «диктовал “Утро помещика”, хорошо»; 27 ноября он «окончил “Помещичье утро”» (47: 102). Более имя И. И. Сахарова как переписчика ни в дневнике, ни в письмах не встречается, хотя не исключено, что отношения с ним Толстой поддерживал: в дневнике 22 июля 1858 г. записано: «Иван Иваныч страстный и славный садовник» (48: 16).

Н. И. Бурнашёва

СВЕРБЕЕВ Дмитрий Дмитриевич (1845–1920) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; бывал в Ясной Поляне; гос. деятель, камергер; вице-губернатор Тульской губ., позднее – Курляндской губ. Его дед по отцовской линии являлся основателем масонской ложи в Орле. Отец, Дмитрий Николаевич Сverbеев (1799–1876), личность незаурядная: серпуховской

помещик, выпускник Московского университета, дипломат, литератор, коллекционер, собиратель гравюр и литографий. Он автор «Записок», изданных в Москве в 1899 г., героями которых стали А. И. Герцен, Н. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев. Мать Д. Д. Свербеева – Екатерина Александровна Щербакова (1808–1892) – хозяйка литературного салона, где «состязались» западники со славянофилами. Ей посвящал свои стихи Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь были её хорошими друзьями. У родителей Свербеева было 10 детей: пять девочек и столько же мальчиков.

Сам Д. Д. Свербеев окончил сельскохозяйственную академию в Вюртемберге (Германия). Вернувшись в Россию, служил председателем Серпуховской уездной земской управы. В 1875 г. был избран непременным членом Новосильского уездного по крестьянским делам присутствия и почётным мировым судьёй по Серпуховскому уезду. В 1881 г. причислен к Министерству юстиции, через два года командирован во временную коронационную комиссию как чиновник особых поручений сверх штата. С 1883 г. – камер-юнкер двора ЕИВ. В 1885 г. назначен вице-губернатором Тульской губ.; через три года утверждён почётным мировым судьёй по Новосильскому уезду. Одновременно занимался делопроизводством Богородицкого и Белёвского сиротских судов. В 1889 г. Свербееву было пожаловано звание камергера двора ЕИВ. В 1892 г. он назначен исполнять должность и в 1894 г. утверждён в должности губернатора Курляндской губ., с производством в действительные статские советники. В 1893 г. он почётный мировой судья Митаво-Бауского округа. Благодаря карьерным успехам Свербеева, его фамилия стала известна в России как губернаторская.

Но помимо служебной существовала ещё и частная жизнь, о которой вспоминала свояченица Толстого – Татьяна Берс. Она запомнила, как они с Толстым в одно из воскресений оказались в Туле у Саши Кузминского, «ни он, ни его гость, Дмитрий Дмитриевич Свербеев, ещё не вставали». Свербеев, узнав об их приезде, «взяв свои платья, летел из гостиной, где он ночевал, в спальню Кузминского, это вызвало наш смех», – писала Кузминская. Кузминский был смущён, а Свербеев «исчез» (Кузминская. Ч. 3. Гл. XX). Позже Свербеев был шафером жениха А. Кузминского на свадьбе Т. А. Берс.

Бывая в Туле, Толстой иногда посещал Свербеева, жившего на Миллионной улице. «Зашёл к Свербееву и у него ночевал», – писал он жене 7 мая 1889 г. (84: 58).

«Были у него, Льва Николаевича, приятели в Туле. Губернатор Зиновьев, вице-губернатор Свербеев, прокурор Давыдов. Приедет в Тулу, всех, бывало, обойдёт», – рассказывал словоохотливый возница Ершов А. В. Жиркевичу (Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 157).

В 1903 г. С. Л. Толстой ехал с офицером из Митавы и тот рассказывал ему о разных «глупостях» губернатора Д. Д. Свербеева, который два года вёл борьбу с военным ведомством, потому что офицеры не отдавали ему честь. Но офицеры говорили, что они не были с ним знакомы и потому ему не кланялись. Попутчик С. Л. Толстого рассказал также о любви Свербеева к баронам, у которых он занимал деньги в больших количествах. Слушая этот рассказ сына, Толстой ахал и говорил: «Глупый, невежественный, нечестный человек этот Д. Д. Свербеев, а какая ему власть дана! И каково умному, хорошему человеку подчиняться какому-нибудь Свербееву!» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 175–176). Свербеев в то время, о котором идёт речь, был курляндским губернатором.

Н. А. Никитина

СВЕЧИН Фёдор Александрович (1844–1894) – знакомый, посетитель Толстого. Помещик Ефремовского уезда Тульской губ. Выпускник юридического факультета Московского университета, окончил его со степенью кандидата прав. В Ефремовском уезде был избран секретарём суда, затем уездным предводителем дворянства, в 1860–1885 гг. – тульский губ. предводитель дворянства (с титулом действительного статского советника). Награждён несколькими орденами.

Коннозаводчик Свечин был страстным охотником, любил псовую охоту, содержал свору гончих, о которой шла слава в округе. В 1877 г. Свечин начал писать рассказы об охоте и на свои средства издал «Наброски из действительной жизни. Сборник охотничьих и других рассказов» М., 1891. В ЯПБ сохранились несколько книг Свечина: «Наброски из действительной жизни». М., 1889. На титульном листе автограф: «Графу Льву Николаевичу Толстому от глубоко почитающего его автора, 1889 г. 17 декабря, Москва»; «Наброски из действительной жизни. – Анютка». М., 1890. В 1879 г., читая рассказ Свечина «Финоген Семёнович», в записной книжке Толстой отметил: «Свечина рассказ. Про дворового: пора костям со двора под крышу. Душа уже не моя, а Божья стала» (48: 313). В 1893 г. при содействии Толстого

в «Вопросах философии и психологии» № 4 (19) Свечин опубликовал (без указания авторства) исповедь своей сестры, «Исповедь бывшей душевнобольной», которая была замечена современниками.

Свечин бывал у Толстого в Ясной Поляне и в Москве. Добрые отношения с семьёй писателя поддерживала жена Свечина — Елена Ивановна (рожд. Шаховская), начальница Усачёвско-Чернявского женского училища в Москве.

В сентябре 1891 г. Толстой вместе с дочерью Татьяной Львовной обследовал деревни Крапивинского, Богородицкого, Ефремовского уездов с целью самому увидеть размеры голода в Тульской губ. Во время поездки в Ефремовский уезд он останавливался в Ситове у Свечина. «Приехали к Свечину. Он на охоте. Великолепный дом, конный двор, винокуренный завод, голубятня». Стараясь не осуждать эту роскошь, Толстой продолжал: «Не знаю, выйдет ли что из моей поездки. Хочу делать не для себя. Помогите, Отец» (52: 192). Свечин оказывал содействие в организации помощи голодающим крестьянам и передал денежные средства, полученные от издания своей книги, в пользу крестьян. Современники Свечина вспоминали, что он «был отзывчив к нуждам всех сословий» и пользовался популярностью не только у дворян Тульской губ., но и среди крестьян.

А. Г. Королёва

СЕВЕРЯНИН Игорь (1887–1941) — псевдоним русского поэта Лотарёва Игоря Васильевича. Свой литературный путь он начинал с газетных «стихов к дате», в 1905 г. дебютировал в журнале, затем за семь лет выпустил 35 книг, каждая от 2 до 24 страниц. С 1918 г. — в эмиграции в Эстонии, где и умер; похоронен на таллинском кладбище.

В 1908 г. Северянин прислал в Ясную Поляну Толстому свой первый сборник стихов «Зарницы мысли», вышедший в С.-Петербурге, с посвящением: «Океану — капля. Льву Николаевичу Толстому. Игорь Северянин». Сборник открывался одноимённым стихотворением, которое заканчивается словами:

Бичуя мир, он шлёт ему прощенье.

Он — человек, как лев. Он — лев, как человек.

И с этого времени почти все свои сборники, за редким исключением, поэт адресовал в Ясную Поляну. В *ЯПБ* сохранилось 11 поэтических сборников И. Северянина. 12 января 1910 г. один из них, «Интуитивные краски», оказался в руках кого-то из

близких, и тот начал вслух читать стихи. Чтение вызвало у присутствующих самые разные комментарии и развеселило всех. Толстой «много смеялся», особенно после услышанной «Хабанеры», начинающейся словами:

Вонзите штопор в упругость пробки —
И взоры женщин не будут робки...

Потом помрачнел и стал говорить о социальном неравенстве, о тяжелейшей жизни тех, кто работает на заводе и на земле, и о том, что художник должен писать об этом, пусть все видят, на чьих трудах держится праздная барская жизнь: «Чем занимаются!.. Это — литература!.. Кругом виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — “упругость пробки”!» (Гусев. *Летопись*. 2. С. 738).

Лит.: Наживин И. Ф. Из жизни Л. Н. Толстого. М., 1911. С. 88.

Л. С. Дробат

СЕМЁВСКИЙ Михаил Иванович (1837–1892) — корреспондент и адресат Толстого; историк, публицист, основатель и редактор в 1870–1892 гг. журнала «Русская старина»; владел ценным собранием материалов, связанных с декабристами и полученных из первых рук от самих декабристов. Толстой обращался к публикациям в журнале М. И. Семеvского и к материалам его архива в связи с работой над замыслом исторического романа «Декабристы». В записных книжках сохранились упоминания необходимых писателю трудов Семеvского о военных поселениях (по-видимому, книг «Бунт военных поселян в 1831 г.» — СПб., 1870 и «Граф Аракчеев и военные поселения 1816–1831 гг.» — СПб., 1871).

Лично Толстой познакомился с Семеvским 9 марта 1878 г. во время своего приезда в Петербург. В предисловии к печатавшимся в «Русской старине» «Запискам А. П. Беляева» Семеvский оставил воспоминания об этой встрече: «Лично мы имели удовольствие видеть знаменитого автора “Войны и мира” только один раз, именно: в 1878-м году он посетил нас в С.-Петербурге, и затем мы провели у него, отдавая визит, более часу в самой интересной для нас беседе. Граф Лев Николаевич в то время живо интересовался источниками и материалами к задуманному им роману-хронике “Декабристы”. Исполняя его просьбу, мы, после помянутого свидания, с величайшим удовольствием посылали ему в Москву, а затем в Ясную Поляну, в течение нескольких месяцев, том за томом, рукописи из обширного архива “Русской старины”,

именно те, которые имели отношение к его художественному труду». В том же предисловии Семеvский писал: «Из писем гр. Л. Н. Толстого к нам от 15 марта, 2 и 22 апреля, 5 декабря 1878 г., при которых Лев Николаевич возвращал нам прочитанные им рукописи, видно, что он внимательно изучал источники к задуманной им хронике-роману “Декабристы”» (Русская старина. 1889. № 1. С. 204). Названные письма Толстого к Семеvскому не сохранились.

«Записки А. П. Беляева» (воспоминания декабриста) появились в «Русской старине» благодаря Толстому. Помещая их в журнале, Семеvский писал в «примечании от редакции»: «Печатаемые ныне “Воспоминания” Александра Петровича Беляева указаны нам знаменитым нашим писателем графом Львом Николаевичем Толстым. Он читал эти “Воспоминания” и, как свидетельствует их автор, “сделал на полях рукописи много отметок...”» (17: 479).

Т. А. Алпатова

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857–1905), великий князь – московский генерал-губернатор с 1891 г.; пятый сын императора Александра II; супруг великой княгини Елизаветы Фёдоровны, сестры императрицы; погиб от бомбы террориста И. П. Каляева.

Толстой не был лично знаком с великим кн., но общался с ним через посредников. Так, в 1881 г. Сергей Александрович принял участие в доставке письма Толстого императору Александру III о помиловании убийц его отца, императора Александра II. Это письмо Толстой намеревался передать императору через К. П. Победоносцева, но тот отказал. Письмо Толстого, адресованное государю, Н. Н. Страхов доставил профессору К. Н. Бестужеву-Рюмину, тот передал его великому кн. Сергею Александровичу, который и представил письмо императору.

В 1891 г. С. А. Толстая встречалась с Сергеем Александровичем по поводу опубликованной в «Московских ведомостях» статьи Толстого «О голоде» (в английской публикации под названием «Почему голодают русские крестьяне», название сохранилось и в московской газете), с соответствующим комментарием, что это «открытая пропаганда к ниспровержению всего существующего во всём мире социального и экономического строя», что это «пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда» (29: 391). Статья вызвала возмущение не только российской общественности, но

и самого автора, поскольку из-за двукратного перевода был изменён и искажён смысл авторского текста: Э. Диллон опубликовал эту статью в газете «Daily Telegraph» в переводе, с которого и был сделан перевод для «Московских ведомостей». Работая над статьёй, Толстой испытывал немалые сложности, в письме к жене он признавался, что «трудно быть правдивым и добрым», поскольку причины голода в 1891–1893 гг. он видел не в неурожайе 1891 г., а в социально-экономическом положении дел, что и пытался донести, «написать то, что тронуло бы сердца богатых» (письмо к Н. С. Лескову 4 июля 1891 г.; 66: 12). С. А. Толстой пришлось ехать за содействием к великому кн. Сергею Александровичу, который тогда был назначен московским генерал-губернатором. Толстой знал о хлопотах жены, но к истории со статьёй оставался, по его признанию, «равнодушным». С. А. Толстая встречалась с великим кн. в Нескучном и имела долгий разговор: Сергей Александрович интересовался ходом дела, но помочь не мог. А несколькими годами ранее, в 1885 г., С. А. Толстая сообщила Толстому о хлопотах по получению разрешения на публикацию сочинения «В чём моя вера?», и тогда за ходатайством к великому кн. отправился Бирюков.

Через несколько лет опять потребовалось влияние великого кн. для «определения сына Миши в Сумской кавалерийский полк». С. А. Толстая просила Сергея Александровича принять её. «Великий князь любезно принял меня и спросил о здоровье моём, Льва Николаевича и Тани, – писала она в своих мемуарах. – Спросил о бюсте Льва Николаевича работы Трубецкого и в конце разговора прибавил: “Я всегда готов к вашим услугам, графиня, и рад исполнить вашу просьбу”» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 548).

От личной встречи с великим кн., когда представилась такая возможность, Толстой уклонился: на венчание сына Толстых, М. Л. Толстого, с фрейлиной двора А. В. Глебовой, состоявшееся в Москве 6 февраля 1901 г., великий кн. Сергей Александрович специально приехал из Петербурга, но Толстой «всю свадьбу просидел дома» (ДСАТ. 2. С. 12).

4 февраля 1905 г. в Москве Сергей Александрович был убит членом боевой организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым. «Л. Н. был потрясён этим известием, – писал Д. П. Маковицкий; – видно было, что он прямо физически страдал <...>. Наверное, никого в России это известие (об убийстве Сергея Александровича) не заставило так задуматься

над судьбами страны, как Л. Н-ча. “Ужасная вещь!” – восклицал он несколько раз в разговоре с Софьей Андреевной» (ЯПЗ. 1. С. 162). Позднее писатель вспоминал гибель великого кн. в вариантах статьи «Не могу молчать» (рукописи № 1, № 3), где дал оценку террористическим делам революционеров и тем, кто подавлял революционную деятельность. Он утверждал, что, несмотря на свои «злодеяния», революционеры «менее нравственно дурны» (37: 395, 398), чем власть с её виселицами.

А. В. Шмелёва

СЕРЕДА Кирилл (1875–?) – крестьянин Сумского уезда Харьковской губ., призванный на военную службу в 1895 г.; во время поездки на пароходе из Одессы во Владивосток охранял П. В. Ольховика, арестованного за отказ от воинской службы; проникся его идеями. По прибытии во Владивосток тоже отказался проходить военную подготовку, за что был осуждён в июле 1896 г.; отбывал наказание в дисциплинарной роте, за него ходатайствовал Толстой.

В статье «Две войны» Толстой писал о нём: «Середа, поняв то, что сказал Ольховик о грехе военной службы, пришёл к начальству и сказал, как говорили это древние мученики: “Не хочу быть с мучителями, присоедините меня к мученикам”, и его стали мучить, послали в дисциплинарный батальон, а потом в Якутскую область» (31: 100). О поступке Середы Толстой писал в статье «Одумайтесь!». Таких, как Середа, он называл «мучениками за веру». Имя Середы упоминалось и в статье «Закон насилия и закон любви». Желая хоть немного облегчить участь подобных «мучеников», 22 октября 1896 г. Толстой писал начальнику Иркутского дисциплинарного батальона, где отбывали заключение Ольховик и Середа: «Не отступая от закона и от добросовестного исполнения своих обязанностей, Вы можете сделать заключение этих людей адом и погубить их, можете и смягчить в значительной степени их страдания. Об этом я умоляю Вас, надеясь, что Вы найдёте эту просьбу излишней и что Ваше внутреннее чувство, прежде меня, уже склонит вас к тому же» (69: 185). Письмо осталось без ответа, но хлопоты Толстого сыграли свою роль. В письме к П. А. Буланже 29 марта 1898 г. он сообщал: «...начальник дисциплинарного батальона в Иркутске прямо сказал Ольховику и Середе, что моё ходатайство о них спасло их от телесного наказания и уменьшило их срок содержания» (71: 342).

Н. И. Бурнашёва

СЕРЖПУТОВСКИЙ Адам Осипович (?–1860) – генерал-лейтенант, начальник артиллерийских войск Дунайской армии. В распоряжение генерала Сержпутовского Толстой поступил в середине апреля 1854 г., когда находился в Южной армии, в Молдавии; в июне был назначен «состоять по особым поручениям» при генерале. В дневнике Толстого Сержпутровский часто упоминался просто как «Генерал», «старик», «старый башибузук» («башибузуками» называли офицеров, принадлежавших к главной квартире). Т. А. Ёргольской Толстой писал 24 мая 1854 г.: «Слава богу, теперь я настолько поправился, что могу выехать через 2 или 3 дня к моему генералу, который в лагере под Силистрией. Он, мне кажется, хороший человек и, хотя мы мало знакомы, я думаю, что он хорошо ко мне расположен. Что ещё приятно, это то, что его главный штаб состоит большей частью из порядочных людей» (59: 264–265). А 3 июля 1855 г. признавался в письме брату С. Н. Толстому: «Из Кишинёва 1 ноября я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашёл на меня» (59: 321).

Н. И. Бурнашёва

СИБОР Борис Осипович (1880–1961) – скрипач, солист Большого театра в Москве, позднее профессор Московской консерватории, заслуженный артист РСФСР; посетитель Толстого. Впервые приехал в Ясную Поляну 25 марта 1905 г. вместе с пианистом А. Б. Гольденвейзером. После завтрака Толстой говорил с Сибором о сонатах Вебера (ЯПЗ. 1. С. 223), вечером музыканты играли сонаты Моцарта, Вебера, Шуберта, «Крейцерову сонату» Бетховена, ноктюрн Шопена, испанские танцы Сарасате, венгерские танцы Брамса. Особенно понравился мненуэт Шуберта и венгерские танцы Брамса. Про «Крейцерову сонату» Толстой сказал: «Первая часть сильная – самое сильное, что есть; третья часть бессодержательная, не мелодичная» (*там же*). «Л. Н. был необыкновенно благодарен музыкантам. Сибор был скромн. Л. Н. дал ему портрет с надписью. Сибор уехал», – записал Маковицкий (*там же*). Сибор ещё не раз бывал в Ясной Поляне. В конце апреля 1907 г. снова приехали с Гольденвейзером «концертировать», «играли моцартовскую сонату с удивительными вариациями, потом Шуберта, а под конец “Крейцерову сонату” Бетховена. Играли просто, хорошо, спокойно. Были все знакомые, <...> было интимно.

Гольденвейзер и Сибор не были артистами, а просто играли, лучше играли, чем на эстраде, – не волновались, Л. Н. усмехался, восхищался, хлопал раза два. Ему особенно нравились вариации Моцарта и «Крейцерово соната». После неё сказал: «Никогда не слышал, чтобы так хорошо играли, в самом деле. <...> Первая часть («Крейцеровой сонаты») – это лучшая манера бетховенская, величественная, тон трагический, страстный. Вторая часть – метода моцартовская, мелодичная, прелестная. Третья часть – слабая, плохая» (ЯПЗ. 2. С. 421–422). 22 декабря 1907 г. слушали в исполнении трио (А. Б. Гольденвейзер, Б. О. Сибор, М. Е. Букинник) сочинения Моцарта, Гайдна, Бетховена, Аренского. Толстому «Аренский понравился больше всех» (ЯПЗ. 2. С. 595). С Сибором говорили о балете. На его замечание, что «Чайковский долго не будет пользоваться славой, Л. Н. сказал: «У Чайковского есть восхитительные вещи»» (там же). «Сибор – простой, наивный, сердечный. Читает каждый день «Круг чтения»», – отметил Маковицкий (ЯПЗ. 2. С. 596).

2 августа 1908 г. Сибор вместе с Гольденвейзером исполнили для Толстого три сонаты Моцарта, сонату Бетховена и сонату Грига, 3 августа – сонату Моцарта, «Крейцерову сонату» Бетховена, сонату Шуберта и «Направника русские песни». «Л. Н. «Направника русские песни чудесны»», – записал Маковицкий оценку Толстого (ЯПЗ. 3. С. 157). А в дневнике самого Толстого 5 августа сделана запись: «Была два раза музыка Сибора и Гольденвейзера. В последний раз много думал во время игры, а именно: определял всякую вещь известным чувством, настроением, перенося её в область словесного искусства, и оказалось, что было: то умиление, то весёлость, то страсть, то тревога, то любовь нежность, то любовь духовная, то торжественность, то грусть и мн. др., но одного не было – не было ничего недоброго: злобы, осуждения, насмешки и т. п. Как бы так художественно писать?» (56: 142). В своих воспоминаниях об этих днях А. Б. Гольденвейзер отмечал, что «Лев Николаевич очень ценит игру Сибора». О мастерстве скрипача Толстой был чрезвычайно высокого мнения: «Одну ноту услышишь его игры – именно та точка, которая одна есть для известного тона» (ЯПЗ. 4. С. 88).

Последний раз Сибор играл в яснополянском доме 23 апреля 1910 г., вместе с Гольденвейзером они исполнили сонату и вариации Моцарта, композиции И. Маттесона, Ж.-Б. Люлли, Г. Ф. Генделя, Ф. Госсекса, «Крейцерову сонату» Бетховена. Маковицкий записал: «Играли вариации чудесные

Моцарта, старинные XVII века композиции (соло на скрипке) – Маттесона, Люлли «Gavotte», Генделя, Госсекса. Всё это Л. Н. очень нравилось. Л. Н.: Мне нравятся особенно танцы – определённое, ритмическое. Мне очень нравится, что это скрипичное. Ожидаешь – сложно, эффектно, а это просто звук; главное, прелестно по своей простоте» (ЯПЗ. 4. С. 234). В разговоре Сибор высказал мнение, что финал «Крейцеровой сонаты» «разочаровывает», на что Толстой ответил: «Я с вами согласен. Я остался холоден. Финал – это начало декадентства: эти остановки, переходы, эффекты» (там же).

Н. И. Бурнашова

СИВИЦКИЙ Иван Моисеевич (1866 – после 1922) – врач, родился в Литве, в крестьянской семье. В 1893 г. окончил медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Студентом пятого курса в 1892 и 1893 гг. участвовал в борьбе с холерой в Новосильском уезде Тульской губ., где находилось имение М. С. Сухотина Кочеты. По окончании университета был земским врачом в том же Новосильском уезде и до января 1901 г. жил в Кочетах в качестве домашнего врача Сухотиных; часто председательствовал в комиссиях по борьбе с холерой и сыпным тифом. В 1901–1904 гг. работал в Харьковской глазной клинике, в 1905–1922 гг. служил в Екатеринославе. В июне 1922 г. переехал на родину в Литву.

С Толстым познакомился у Сухотиных в Кочетах в октябре 1900 г., когда лечил Толстому прищемлённый в поезде палец и жил в комнате, соседней с комнатой Толстого. Тогда же Толстой посетил земскую амбулаторию, где работал Сивицкий. С. А. Толстой 20 октября 1900 г. Толстой писал из Кочетов: «Я совершенно здоров, если не считать палец большой на правой руке, который я прищемил в вагоне, затворяя дверь. Он мне мешает писать хорошо, но с каждым днём лучше, и любезный доктор Иван Моисеевич перевязывает мне его» (84: 352).

Доктор Сивицкий дежурил у тяжело больного Толстого в Гаспре. О поездке в Гаспру и пребывании около больного Сивицкий вспоминал: «Хворал он тогда очень тяжело и бесконечно долго катаральным воспалением лёгких, которое протекало, захватывая всё новые и новые участки «гнездами» или так называемыми «фокусами». Я тогда был в Харьковской глазной клинике. Написал мне о болезни Льва Николаевича Мих. Серг. Сухотин, прося, если найду возможным, приехать в Гаспру поухаживать за Львом Николаевичем. <...> Я отправился в Крым и пробыл там три недели. Лечили Льва Ни-

колаевича доктора Елпатьевский и Альтшуллер, жившие в Ялте и наезжавшие по мере надобности то ежедневно, то через день-два, а иногда и по два раза в день, когда состояние Льва Николаевича казалось им грозным. Моя роль была скромная, чисто исполнительная, и главным образом роль врача, дежурящего по ночам. Лечить Льва Николаевича было нелегко, так как он к медицине относился отрицательно. Приходилось врачам уговаривать, убеждать, уламывать старика. Болезнь протекала скачками. При появлении нового фокуса температура поднималась, больной слабел, лежал что называется в прострации, и казалось, нет спасения. Так проходило несколько дней в тревоге среди окружающих, ожидавших конца. Но сильный организм Льва Николаевича побеждал постепенно каждый новый возникавший в лёгких фокус: температура падала, силы отчасти восстанавливались, больной становился несколько бодрее, до появления нового фокуса. Во время приступов или появления новых фокусов Лев Николаевич был так слаб и беспомощен телом, так тихо говорил, что нужно было сильно приближаться и наклоняться к нему, чтобы услышать или понять, что он говорит» (54: 594–595). Сивицкий пробыл около Толстого в Гаспре с 17 февраля до 9 марта 1902 г. Позднее доктор Сивицкий не раз бывал у Толстых в Ясной Поляне.

Н. И. Бурнашёва

СИКОРСКИЙ Иван Алексеевич (1842–1919) – посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого. Известный русский психиатр, доктор медицины, профессор Киевского университета Святого Владимира, почётный член Киевской духовной академии; публицист, общественный деятель, основатель журнала «Вопросы нервно-психической медицины и психологии». Организатор Врачебно-педагогического института для умственно отсталых детей и Института детской психопатологии; теоретик национализма, неоднократно участвовал в качестве эксперта в комиссиях и судебных процессах (дело Бейлиса и др.), давая в угоду правительству тенденциозные медицинские заключения; отец выдающегося русского и американского авиаконструктора И. И. Сикорского.

Единственная встреча И. А. Сикорского с Толстым состоялась 19 июня 1890 г., когда профессор приехал в Ясную Поляну. Спустя три дня Толстой записал в дневнике: «Кажется ничего не писал за это время. Постараюсь вспомнить. <...> 20. Уехали дети и Сикорский. <...> И разговоры с Сикорским. Его поразительное легкомыслие.

Как учёный измерял трату кислорода днём и замену ночью, и как через неделю всё вышло. И потому надо воскресенье отдыхать. И что это было наука, но забыта. И ещё о том, что образуются в зародыше центры в разные периоды. И если мать больна в эти периоды, то отсутствие этих центров и сумасшествие. И будто то же количество сумасшедших теперь и прежде. А добрый, но – испорченный. 19. Он приехал вечером...» (51: 52). О приезде известного психиатра в Ясную Поляну вспоминала С. А. Толстая: «Был профессор Сикорский, который понравился мне своим горячим отношением к своему делу, но про которого сказал Лев Николаевич, что он легкомыслен» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 134).

В 1893 г. Толстой прочитал в «Киевских университетских известиях» статью Сикорского о так называемой, по выражению профессора, психопатической эпидемии *малеванщины*, проявившейся в некоторых сёлах Васильковского уезда Киевской губ. По его словам, сущность этой эпидемии заключалась в том, что некоторые крестьяне-сектанты под влиянием их руководителя Кондратия Малёванного вообразили себе, что вскоре наступит конец света. Вследствие этого они изменили весь свой обычный образ жизни: стали раздавать своё имущество, нарядно одеваться, обильно есть и пить и перестали работать. Характеризуя поведение этих людей как ненормальное, Сикорский советовал правительству принять некоторые меры против распространения этой эпидемии. О своём отрицательном отношении к изложенной Сикорским «эпидемии» малёванцев Толстой писал в трактате «Христианство и патриотизм» (1895), полагая, что правительство, считая психопатические страдания малёванцев опасными, последовало совету профессора и устранило их руководителей «заключением некоторых из них в сумасшедшие дома и монастыри и ссылкой некоторых в отдалённые места» (39: 37). Писатель имел в виду основателя секты К. А. Малёванного – автора воззвания «Приветствие русскому народу от Кондрата Малёванного», который за свои проповеди был помещён властями в психиатрическую больницу. Профессор Сикорский, в отделении которого он лечился, поставил диагноз: паранойя. Толстой заключению психиатра не верил и говорил: «Малёванцы – новое понимание жизни, роздали лишнее и так далее. И такая перемена сопровождается всегда экзальтацией. Сикорский, известный психиатр, я его знаю, ограниченный человек, признаёт Малёванного душевнобольным...» (ЯПЗ. 1. С. 306). Такое же мнение он высказывал

и Е. В. Молоствовой, называя заключение Сикорского «глупыми словами», и просил её «посетить Малёванного и о нём ему написать» (*там же*. С. 256).

В. Н. Чисников

СИЛЬНИАК Яков Иванович («Сильняк»; даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого; учитель, устроитель первой в Москве вегетарианской столовой на Знаменке. Средства на организацию столовой в мае 1898 г. через Толстого передала Е. И. Мансурова, крупная московская домовладелица, жившая за границей. По поручению Толстого ей был отправлен отчёт Я. И. Сильняка о работе столовой. Но что-то, видимо, у Сильняка не ладилось. «Сейчас получил письмо от Сильняка, очень обстоятельное, по отчёту о деньгах, но неясное о том, почему дело останавливается (ясно, что от недостатка денег) и сколько нужно денег, чтобы оно пошло», – спрашивал Толстой А. Н. Дунаева в письме из Гаспры 19 октября 1901 г. Он послал чек в 500 рублей на случай, «если дело может пойти». «Если же вероятия за то, что дело не пойдёт, то прекратите всё», – просил он Дунаева (73: 154). Для Толстого было важно, чтобы работала столовая, он понимал, что некий Зацепин, желающий купить столовую, вероятно, лучше справится с этим делом «и очень хорошо передать ему столовую», но в сложившейся ситуации Толстому «бесконечное число раз важнее не обидеть Сильняка, потому что это первое и единственное дело в жизни – не раздражать людей, а увеличивать в них любовь» (73: 212). Вегетарианскую столовую всё же пришлось закрыть, и Сильняк переехал в Могилёвскую губ. В письме от 13 мая 1903 г. он просил у Толстого 450 руб. на оборудование и ремонт мельницы, которую построил на новом месте своего жительства. 22 мая Толстой писал их общему знакомому К. А. Михайлову: «Очень мне тяжело, что должен отказать Сильняку. А не могу не отказать. Напишу ему» (74: 130). В тот же день в письме Сильняку: «Дорогой Яков Иванович. Мне очень больно, но я не могу не отказать вам, больно и потому, что не могу сделать желаемого вами, и потому, что знаю, что если вы обращаетесь ко мне, то нужда ваша очень велика» (74: 133). Сильняк, видимо, был обижен отказом. И в августе 1903 г. Толстой писал Михайлову: «...пожалуйста, напишите милому Сильняку, что он превратно понял моё письмо, что причина, по которой я деньгами не могу помочь ему, та, что у меня их нет, кроме тех, которые предназначены для определённой вперёд цели. Напишите ему, что очень ува-

жаю его и люблю и жалею, что не могу помочь» (74: 157–158).

Н. И. Бурнашёва

СИЛЬЧЁВСКИЙ Дмитрий Петрович (1851–1915 или 1919) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; библиограф. В 1876–1898 гг. четыре раза был арестован и выслан из Петербурга. С 1899 г. жил в Петербурге, занимался литературной и библиографической работой. В 1902 г. по просьбе В. В. Стасова доставил Толстому некоторые материалы для повести «Хаджи-Мурат». В 1907 г. жил в Галиче Костромской губ. В письме от 7 июля просил разрешения приехать в Ясную Поляну. На конверте Толстой написал: «Благодарить за извещение и написать, чтобы приезжал». Сильчевский посетил Ясную Поляну 27 июля 1907 г.: «...был Сильчевский...» – занёс Толстой в записную книжку (56: 205). Тогда же Толстой просил его переговорить с редакторами петербургских газет об опубликовании статьи «Не убий никого». В письме 15 августа Сильчевский сообщал результаты переговоров и уведомил об отправке Толстому своей статьи «День у Льва Толстого», напечатанной в «Биржевых ведомостях» (1907, № 1029, 1031 от 2 и 3 августа).

17 ноября 1902 г. Толстой писал Сильчевскому о прекращении своей работы над «Хаджи-Муратом»: «Я имел уже все те материалы, о которых вы пишете, и воспользовался ими. Пожалуйста, не утруждайте свои больные глаза для меня, во-первых, потому, что моя работа не стоит ваших глаз, а во-вторых, потому, что я теперь отложил занятие над “Хаджи-Муратом” и работаю другое» (73: 328–329). Письмо это – ответ на три письма Сильчевского от 25 октября, 1 и 8 ноября 1902 г., в которых он писал, что, не считаясь с начинающейся слепотой, разыскал по просьбе В. В. Стасова сведения о Хаджи-Мурате. Сильчевский посылал выписки из «Воспоминаний В. А. Полторацкого» (Исторический вестник. 1893, т. I, II) и «Записок Клюки-фон-Клюгенау» (Русская старина. 1876, т. XVI), а также № 3 журнала «Русская старина» за 1881 г. и из «Очерков военных событий на Кавказе, 1818–1850 гг.» (составил И. А. Гржегоржевский, сообщил Н. Ф. Клюки-фон-Клюгенау).

В газете «Новости» (1902, № 239 от 31 августа) помещена статья Сильчевского о 50-летнем юбилее литературной деятельности Толстого.

Н. И. Бурнашёва

СИМОН Жюль Франсуа (Simon; настоящее имя François-Jules Suisse; 1814–1896) – французский политический дея-

тель, философ, писатель, член французской Академии, редактор газеты «ECHO de Paris» и номинальный редактор журнала «Revue de famille». Успешно учился в коллежах в Лорьяне и Сен-Жан-Бревеле; классный надзиратель в лицее в г. Ренн (Бретань). В 1833 г. поступил в Нормальную школу в Париже; в 1836 г. преподавал философию в лицее в г. Кан (Бретань), затем в Версале. Профессор философии и помощник Виктора Кузена на его кафедре в Сорбонне, где читал весьма посещаемый курс лекций о древнегреческих философах Платоне, Аристотеле и др. С 1870 г. – член правительства национальной обороны. После войны 1870 г. – министр народного просвещения. Сотрудничал в журнале «Revue des deux Mondes». Один из остроумнейших писателей своего времени, Ж. Симон издал много сочинений, которые в изящной и доступной форме трактовали серьёзные вопросы морали и политики и всегда производили впечатление если не глубиной и оригинальностью мысли, то искренней убеждёностью. В ЯПБ сохранилась книга Жюль Симона на французском языке «Женщина XX века» (La Femme du vingtième siècle. Paris, 1892).

В 1893 г. Толстой отослал переводчику Ж. Вилло (G. Villot), корреспонденту журнала Жюль Симона для семейного чтения «Revue de famille», свою статью «Неделание» (о письме Дюма и речи Золя). Вилло был знаком с семьёй Кузминских, и в письме к Т. А. Кузминской 17 ноября 1892 г. Толстой обсуждал с ней вопрос о переводе одной из своих статей: «...если бы я нашёл, что она <статья> годится, и поправил бы её, нельзя ли её отдать в “Revue de Famille” J. Simon, по желанию Villot, от которого получил письмо и буду отвечать. Передай ему при случае мой привет. Он очень любезный человек, но боюсь, что примет мои учтивые слова за обещание и будет мучить меня» (66: 276). Желая удовлетворить просьбу Вилло, писатель через А. М. Кузмьинского передал ему свою статью «Неделание». Из письма к Н. Н. Ге (отцу) известно, что статью «Неделание» Толстой собирался послать также в «Северный вестник» и «парижский журнал Ж. Симона “Revue de Famille”» (66: 365).

Об истории публикации статьи «Неделание» известны некоторые подробности из воспоминаний Жюль Легра: ему Толстой рассказал, что часто сердится на журналистов, совсем недавно напечатавших в «Revue des Revues» его статью, которую «буквально искалечили в своём переводе с русского. Это меня огорчило, <— признавался писатель, — так как я обещал её Жюлю Симону в “Revue de Famille”». Я протестовал. Мой парижский

поверенный в делах <...> отнёс в несколько газет заметку, в которой я выступил с протестом; но напечатать её никто не согласился под предлогом, что говорить дурное о своём товарище по перу – недопустимо. Наконец нашлась одна газета – “ECHO de Paris”, – напечатавшая протест» (ЛН. Т. 75. Кн. 2. С. 12). Статья «Неделание» в переводе Вилло была напечатана в «Revue des Revues» (1893, № 4) под названием «Le nonagir».

В 1899 г. роман «Воскресение» печатался в Париже в газете «ECHO de Paris» Жюль Симона. Задержки в публикации были связаны с работой Толстого над рукописью, а также необходимостью упорядочить печатание романа на иностранных языках, с тем чтобы новые главы появлялись во всех странах по возможности одновременно. В. Г. Чертков должен был передать письмо Толстого для Ж. Симона с объяснением причин задержки корректур: «Я только что узнал, что перерыв, который я был вынужден сделать в издании моего романа “Воскресение”, причиняет вам неприятности. Я очень огорчён этой задержкой и прошу вас <...> не обвинять в этом г. Визева, который согласился взять на себя перевод этого романа для вашей газеты. Один я виною этого непредвиденного и невольного запаздывания, и я убедительно прошу вас извинить меня...» (72: 204). Передал ли Чертков это письмо, неизвестно (72: 205). «Воскресение» переведено Теодором де Визева «хорошим французским языком, но недостаточно точно». «Как правоверный католик», он выпустил главу об обедне в тюрьме (*Очерки былого*. Гл. «Моё участие в эмиграции духовоборов в Канаду. 1898–1899 годы»); сцену богослужения в тюремной церкви, критические замечания о военной службе, о религии, и всё, что не понравилось бы читателям этой газеты, в его переводе отсутствует. Это связано с тем, что «ECHO de Paris» была газетой консервативной и клерикальной. В отдельном издании романа на французском языке в 1899 г. сокращения восстановлены не были.

А. Н. Полосина

СИМОН Фёдор Павлович (1861–?) – знакомый, посетитель, корреспондент и адресат Толстого; в 1890 г. помощник лесничего в Бирском уезде Уфимской губ. Летом 1886 г., будучи студентом Лесного института, с женой и ребёнком поселился в Ясной Поляне, работал с крестьянами. Попал под влияние Толстого и на некоторое время стал горячим сторонником его взглядов. Симон предполагал заниматься составлением научно-популярных книжек для «Посредника». 12–13 октября 1886 г. Толстой писал

П. И. Бирюкову: «Поцелуйте от меня Симона. Что он? Что научный отдел? Хорошо бы, кабы вы взялись за него». И далее: «Благодарю Симона за его письмо, выражающее его хорошее душевное состояние. <...> Начал ли он работать? Его начало метеорологии хорошо по чувству, по отношению к предмету, но мне всё кажется, что нужно строго научное, т. е. изложение в сжатой, понятной форме всего того, что каждый из нас знает по своему предмету, в более правильном изложении, чем то, в котором мы их воспринимали...» (63: 288). Писатель высказывал свой взгляд на «изложение науки» и завершал письмо своеобразной формулой: «настолько наука – наука, насколько она ясно и просто может быть изложена» (63: 389). Ни одну из начатых работ Симон не завершил.

Тогда же, 10–20 октября(?) 1886 г., Толстой писал художнику Н. Н. Ге: «Симон уехал, его жена увлекла. Он писал из Москвы. Какой чудный человек. Весь светится и горит. Тоже за него жутко, когда посмотришь с мирской точки зрения, а перенесёшься в его душу, то так радостно и твёрдо» (63: 400). Спустя несколько месяцев, в июне 1887 г., писатель просил Бирюкова: «Если увидите Симона, поцелуйте его от меня и попросите простить за то, что не отвечаю ему. Ответы на его вопросы слишком сложны, а некогда. А хотелось бы побеседовать с ним. Бог даст, ещё и доведётся» (64: 56). 17 февраля 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Письмо от Симона – православное – грустно...» (51: 20). Ответом Симону стало большое письмо от 22 февраля 1890 г. (65: 33–34), где Толстой объяснял ему, что, как бы ни было плохо, помощь он может найти только в вере, «чтобы жить, надо верить», объяснял, что значит искренне верить...

Последнее известие от Симона Толстой получил к своему 80-летию. В поздравительной открытке от 25.08.1908 г. было написано: «Искренне желаю еще много лет чувствовать Ваши удары по нашей совести» (ОР ГМТ. Сообщил В. Н. Чисников).

Имя Симона косвенно связано с действительной историей, лёгшей в основу сюжета пьесы Толстого «Живой труп». Существует довольно убедительная версия, что Симон был секретным сотрудником тайной полиции.

Лит.: Чисников В. Не Симонов, а Симон // Книжное обозрение. 1994. 28 июня (№ 26); *его же*. Секретная миссия студента Симона // В мире спецслужб. 2004. № 5. С. 45–48; *его же*. Федя Протасов и Федя Симон (к вопросу о прототипах пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» // Толстовский сб. 2003. Ч. 1. С. 104–121.

Н. И. Бурнашёва

СИМОНСОН Мария Фёдоровна (1867–1902) – с 1890 г. гражданская жена (первая жена) М. С. Дудченко, последователя Толстого; бывшая слушательница Петербургских высших женских курсов. В 1889 г. жила в Смоленской сельской общине Шелёво. В мае 1891 г. была выслана харьковским губернатором с хутора Дудченко в Сумском уезде Харьковской губ., причиной высылки послужило «вредное влияние на народ» её «сожителства с Дудченкой», с которым они не венчались, отрицая религиозные обряды. 7 июня 1891 г. Толстой писал А. Н. Дунаеву о «гонениях в Харьковской губ. на Дудченко, его племянника, которого выслали, и его жену М. Ф. Симонсон. Ей велели выехать. Она отказалась, тогда ей сказали, что её отправят этапом. Спросили, куда она хочет? Она назвала Тверь. Ей сказали, что она может ехать на свои средства, но она отказалась, и её отправили этапом 27 мая из Харькова» (65: 315). Дудченко просил Толстого «навестить её в Туле, где она может быть в пересыльной тюрьме» (*там же*). «Я вчера получил письмо, а нынче был в Туле, – продолжал Толстой в письме к Дунаеву, – но в тюрьме её нет и не было, и, вероятно, не будет, так как мне сказали, что из Харькова пересылают прямым сообщением в Москву. Побывайте у неё в Москве. Посетите, утешьте, подкрепите. Мне очень больно, что я не мог видеть её. Повод, по которому отсылают М. Ф., в том, что они смущают, совращают из православия народ. <...> К Симонсон же придрались, потому что она не венчана с Дудченко» (*там же*). В 1893 г. Дудченко и Симонсон вместе с малолетними детьми выслали в Полтаву под надзор полиции на 2 года.

Н. И. Бурнашёва

СИНКЛЕР Джон Джордж Толлемах (Sinclair John George Tollemache; 1825–1912) – корреспондент и адресат Толстого, английский писатель, автор переводов на французский язык У. Теккерея, Д. Байрона, Омара Хайяма; аристократ, крупный землевладелец.

О Синклере сохранилось крайне мало сведений, однако известно, что он состоял в переписке с Толстым, присылал ему свои книги и очень дорожил мнением русского писателя. Заочное знакомство Синклера и Толстого произошло, видимо, в середине 1900-х гг., инициатором его был Синклер, интересовавшийся творчеством Толстого, его философскими размышлениями, взглядами на искусство.

В 1904 г. Синклер прислал в Ясную Поляну свою книгу «A Defence of Russia and

the Christians of Turkey: Including a sketch of the Eastern question from 1686 to August 1877, with its best solution» («Оборона России и христиане Турции: включая очерк по Восточному вопросу с 1686 до августа 1877, с лучшим его решением»). Это историческое сочинение из двух частей, на с. 3 первой части стояла дарственная надпись, в которой автор выразил своё глубочайшее уважение великому писателю современности: «To Count Tolstoi The greatest of living novelists With the sincere esteem & regard of Sir Tollemache Sinclair. London. April 26th 1904». – «Графу Толстому – великому современному писателю с искренним уважением от сэра Толлемаха Синклера. Лондон. 26 апреля 1904».

Большое впечатление на Синклера произвела статья Толстого «О Шекспире и о драме». Статья была начата осенью 1903 г. как предисловие к статье Э. Кросби «Отношение Шекспира к рабочему народу». Английский перевод этой статьи был опубликован в 1906 г. в «The Nineteenth Century Review». Синклер читал этот английский перевод и 2 декабря 1906 г. выразил своё отношение к статье в письме автору. Толстой отвечал Синклеру: «Милостивый государь, я получил ваше письмо и посылку с различными статьями. Мне очень приятно, что ваше мнение о Шекспире и его славе совершенно совпадают с моим. Я просмотрел материалы, которые вы мне прислали, и очень сожалею, что не нашёл среди них первого тома вашей книги» (имелась в виду книга Т. Синклера «Larmes et sourires», v. 1, Paris, 1884) (76: 252). Вероятно, после этого в декабре 1906 г. Толстой получил от Синклера три пакета с его книгами, что отметил 18 декабря Д. П. Маковицкий: «Л. Н. принёс кипу книг, полученных от Синклера...» (ЯПЗ. 2. С. 333, 649). Сложно сказать, какие именно книги Толстой получил в декабре 1906 г.; определённо можно говорить только о книгах с дарственными надписями. Это, в частности, книга «Плач и улыбки»: «Pleurs et sourires: Poésie et prose sérieuses et satirique originales et traduites des chefs-d'oeuvre de la poésie anglaise». На л. 2а форзаца дарственные надписи: «To Count Leo Tolstoi / With the profound esteem & affectionate regards / of Sir Tollemache Sinclair» («Графу Льву Толстому / С глубоким уважением и тёплым приветом / от сэра Толлемаха Синклера»), ниже слева: «Travellers Club / Pall Mall / London» – и справа: «Decr. 18th 1906 / A New Years Gift for / 1907». Эта книга состоит из 3-х томов, в каждом томе – своя дарственная надпись. Данное сочинение Синклер присылал Толстому и позд-

нее, в 1909 г., в дарственной надписи он выражал свою искреннюю симпатию и восхищение.

В декабре 1906 г. Синклер прислал снова рукопись «A Defence of Russia and the Christians of Turkey: Including a sketch of the Eastern question from 1686 to August 1877, with its best solution», но уже в составе конволюта. На л. 2а форзаца также есть дарственная надпись: «Count Leo Tolstoi / With the greatest esteem and regard / from Sir Tollemache Sinclair («Графу Льву Толстому / С большим уважением и вниманием / от сэра Толлемаха Синклера...») / A New Year's gift for 1904 / – Travellers Club / Pall Mall / London / Dec. 18th 1906».

В ЯПЗ имеется также поэтический сборник «Слёзы и улыбки» («Larmes et sourires»), упоминавшийся Толстым в письме от 2 декабря 1906 г., издание 1910 г.; сведений о том, что Синклер высылал эту книгу ранее, нет. В книгу вложен листок с записью простым карандашом рукой Маковицкого: «Пакет книг, брошюр и корректур, присланных от Tollemache Sinclair'a».

В 1909 г. Синклер вновь прислал в Ясную Поляну свои книги и в письме от 5 декабря из Лондона просил известить, получены ли посланные им его произведения (80: 301).

В октябре 1910 г. он прислал Толстому письмо, в котором продолжил обсуждение Шекспира. Он отмечал, что вполне согласен с Толстым по вопросу о «шекспировском суеверии» и «вагнеровском безумии», о котором писал в одном из трёх томов своей книги «Larmes et sourires», посланной ранее Толстому; сообщал, что посылает журналы со своими статьями о «германской опасности», и просил Толстого прислать что-либо из его неопубликованных сочинений для помещения в журнал «Daily Mail». Толстой коротко написал поручение своим помощникам, кто будет отвечать: «Брошюра, когда получится, отвечать» (82: 273).

Кроме уже названных книг в ЯПЗ имеются и др. труды Т. Синклера, о которых, правда, Толстой нигде не упоминал. Хранятся в Ясной Поляне и 6 почтовых открыток, присланных Синклером Толстому, среди них одна с портретом сэра Толлемаха Синклера и 5 открыток с видами на замок Турсо в Шотландии, принадлежавший Синклеру.

А. В. Ключарёва

СИНКЛЕР Эптон (Sinclair Upton Beall; 1878–1968) – американский писатель, прозаик, романист, драматург. В американской литературе продолжил традиции М. Твена, Ф. Норриса, Дж. Лондона. Яркий представитель жанра социального романа. Наи-

большую известность писателю принёс роман «Джунгли» («The Jungle». 1906).

В марте 1906 г. Э. Синклер послал в Ясную Поляну свою книгу «Джунгли», с дарственной надписью: «To Lyof Tolstoi with the sincerest regards of Upton Sinclair. Princeton, New Jersey, U.S.A.» («Льву Толстому с самым искренним почтением от Эптона Синклера»). Толстой внимательно читал роман, делая на полях многочисленные отчёркивания, обсуждал прочитанное с домашними, друзьями, т. е. сосредоточенное чтение текста, стремление его понять, вникнуть в смысл изображаемого превращалось, в сущности, в беседу, диалог с автором. Д. П. Маковицкий воспроизвёл «обрамляющий контекст» процесса знакомства Толстого с сочинением американского писателя. Синклер в романе изобразил беспощадную по своему откровению картину современного ему общества и безнравственности большого капитала и лелеял надежду на пробуждение всего американского общества, ни на минуту не теряя веры в американскую демократию, в победу справедливости. Роман «Джунгли» демонстрировал обращение Синклера к социалистическим взглядам. Не случайно Теодор Рузвельт назвал писателей этого направления, к которому принадлежал Синклер, «разгребателями грязи». Толстому, изучавшему в 1880-е гг. жизнь московского «дна», такая работа была знакома, хотя многих добропорядочных американцев картины жизни рабочих Чикаго, несомненно, шокировали. Синклер написал «Джунгли» после тщательного изучения работы чикагских боен — опыт Толстому небезызвестный. Социалист Синклер предпочёл в своём романе изобразить не «джунгли природы», а «джунгли городов», в которых живут цивилизованные люди.

Толстой не признавал политических устремлений Синклера, но он не мог не отдать должного художественному мастерству и осведомлённости писателя в предмете, столь реалистично им изображаемом. Толстой не ошибался — осведомлённость действительно была основательной: работая над романом, молодой писатель, аристократ по происхождению, в течение семи недель жил среди рабочих и их семей, внимательно наблюдая их повседневный тяжкий труд, впитывая все детали жизни общины иммигрантов. Картины американской жизни, нарисованные в романе с потрясающей достоверностью, подчас натуралистически, постоянно вызывали у Толстого ассоциации с российской действительностью: всё те же боины, та же нищета рабочих и пьянство — как единственный выход. Эта тема, как известно, была подвластна

и его перу. И, конечно, он не мог не чувствовать искренней преданности автора рабочим, его глубочайшего сочувствия их безрадостной доле. Незадолго до выхода в свет романа Синклера Толстой работал над статьёй «Рабство нашего времени», в которой развил темы, звучавшие в трактате «Так что же нам делать?». Параллели между статьёй Толстого и романом Синклера, носящим документально-публицистический характер, очевидны. Джек Лондон отзывался о «Джунглях» как о «Хижине дяди Тома» рабочих: «Что “Хижина дяди Тома” сделала для чёрных рабов, то же “Джунгли” имеют возможность сделать для рабов наёмного труда» (Harris, Leon. Upton Sinclair: American Rebel... New York: Th. Y. Crowel Co, cop. 1975. P. 81). С документальной убедительностью Синклер поведал о тяжкой доле простых неграмотных рабочих, в прошлом крестьян, прибывших из Восточной Европы, привыкших с детства к тяжёлому физическому труду. Толстой в статье «Рабство нашего времени» анализировал сложившуюся ситуацию: «И потому в вопросе о том, почему рабочие в городах находятся в бедственном положении, заключается прежде всего вопрос о том, какие причины выгнали этих людей из деревни, где они или их предки жили и могли бы жить и у нас в России и теперь ещё живут такие люди, и что пригнало и пригоняет их против их желания на фабрики и заводы» (34: 157).

Социалистические мотивы Синклера были чужды Толстому, хотя Синклер, выступая с проповедью социалистической доктрины как новой религии человечества, основанной на буквальном воплощении всех христианских заповедей, был против революционного преобразования жизни. Толстой очень трезво оценивал все социалистические лозунги, понимая, что за этими лозунгами, провозглашёнными Синклером в романе, стоит в той или иной форме насилие. Толстой понял роман, как и большинство русских читателей, увидевших в романе призыв к изменению существующих порядков (роман был переведён на русский язык в 1906 г.), но в то же время он был близок к восприятию книги американцами, которые были потрясены сенсационными разоблачениями Синклера. Толстой, хоть и был тронут искренней преданностью, сочувствием Синклера положению рабочих иммигрантов, его точку зрения на ситуацию не разделял. За почти два десятилетия у него была возможность философского осмысления положения рабочих в городах, знакомства с сочинениями известных экономистов, и в статье «Рабство нашего времени» он делал вывод: «Бедственность

положения фабричного и вообще городского рабочего не в том, что он долго работает и мало получает, а в том, что он лишён естественных условий жизни среди природы, лишён свободы и принуждён к подневольному, чужому и однообразному труду» (34: 157). Таким образом, если Синклер искал конкретный выход из сложившейся ситуации, то Толстой смотрел гораздо глубже и искал причину трагедии, её корни, а она состояла в уходе от «естественных условий жизни».

Г. В. Алексеева

СИРАЙСИ (Ширайши) Киносукэ (1870–1942) – японский христианский пастор методистской церкви из г. Кофу близ Токио; корреспондент, адресат Толстого. Один из немногих японских пасторов, публично выступивших против Русско-японской войны, когда японские христианские церкви в целом поддержали и активно содействовали своему правительству.

Сираиси родился в префектуре Кагосима на о. Кюсю в семье фармацевта. Учился в христианской Школе Досися в Киото. Как семинарист школы в 1892 г. занимался проповедью христианства, в рамках учебной практики, но вскоре из Досися перешёл в другую школу в Токио – «Мэйдзи-гакуин», самую старую христианскую школу в Японии, созданную американским миссионером пресвитерианства Д. К. Хэпбёрном. Закончив её в 1895 г., он стал пастором в церкви в городе Ниигата. В 1901 г. Сираиси вступил в ассоциацию социалистов, созданную Абэ Исоо (корреспондентом и адресатом Толстого). Как и Абэ, он стал социалистом благодаря христианству и учению Толстого (в то время среди японских социалистов таких было немало). Во время Русско-японской войны, когда все японские христианские церкви заявили о своей поддержке военных действий, Сираиси был пастором в методистской церкви в префектуре Сидзуока. В своей статье «Я против войны!» он писал: «Война – это грех, а христианство учит нас любить врагов. Древние святые и великие мученики были за абсолютное непотворение злу насилем» (ж-л «Защита христианства». 1904. № 663). Смело провозглашая свой пацифизм, Сираиси одновременно резко критиковал руководителей японских церквей: «Руководители японских церквей легкомысленно поддаются толпе, прославляют войну и тем самым ещё усугубляют этот моральный кризис» (*там же*). В 1905 г. Сираиси обосновал свою антивоенную позицию с точки зрения социализма (О моей точке зрения на войну // Социализм. 1905. № 8).

4 февраля 1910 г. Сираиси впервые отправил письмо Толстому. Он писал, что внимательно прочитал ряд его сочинений и в принципе согласен с их автором в том, что надо отказаться от службы в армии, от уплаты налогов и т. д., но относительно учения о «непотворении злу насилем» всё ещё колеблется, так как не уверен в возможности его применения, когда «жестокость и развращённость царят во всём мире», в т. ч. и в Японии. Сираиси описывал обстоятельства, бедность и страдания народа: «Что касается нашего государства – Японии, то оно спешно готовит много военных судов, стоящих сотни миллионов иен в год. Оно организовало огромную армию, сравнительно с такими маленькими островами. Посредством налогов, прямых и косвенных, оно высасывает из народа все жизненные соки. Земледельцы, ремесленники и так называемый простой народ обречены на полное разорение. Бедность, нищета господствуют во всей Японии. Как результат всего этого – сиротские приюты, которых не менее 40 во всей Японии, наполнены сиротами и детьми обездоленных. Как нам, простому народу, избавиться от социального зла?.. Горе государству, насилем заставляющему несчастный народ повиноваться ему! За последние годы гонение на социалистов стало очень ожесточённым. Почти все они были схвачены и посажены в тюрьму по обвинению в бунте. Говорят, что правительство привило им бациллу туберкулёза. Я ужасно сожалею о них, о социалистах – искренних, горячих и прямодушных общественных реформаторах. Я думаю, что японское правительство гораздо более жестоко, нежели русское... Я знаю, что ваше учение о непотворении соответствует внутренней природе человека, которая и есть истинное “я” человека. Но не бывает ли, хоть изредка, такого человека, который представляет из себя зверя в образе человека? Мне пришлось встретиться с таким человеком-зверем. <...> Очень трудно решить, как поступить с таким человеком. Если мы будем препятствовать такому зверю и, спасая невинную жертву, постараемся убить его, то можно ли считать это грехом? Если это так, то это кажется мне слишком жестоким. Мы можем пожертвовать собой, но мы не можем, видя гибель невинной жертвы, не постараться спасти её» (81: 159–160; подлинник – в ОР ГМТ, на англ. яз.). Сираиси рискнул написать такое письмо Толстому, известнейшему радикальному пацифисту-анархисту, от безвыходности: с одной стороны, он был уверен, что война – грех, и призывал к отказу от военной службы и в своих сочинениях

и в проповедях в церкви; с другой стороны, он своими глазами видел, как отказники были пойманы полицией и жестоко наказаны. В письме Сираиси отразились его глубокое переживание и гнев на правительство. Ему казалось, что ситуацию можно изменить только революционным путём, но Толстой категорически против этого...

Толстой был очень тронут этим письмом, не раз показывал его или рассказывал о нём своим близким, знакомым, так как полностью разделял переживания Сираиси. Несколько дней он тщательно работал над ответом (письмо датировано 17 марта 1910 г., отправлено 19 марта), где подчёркивал, что все учения всех великих мудрецов сводятся «к тому, что основа жизни человеческой не есть тело, а живущее в телах людей, в условиях пространства и времени, непостижимое, но живо сознаваемое человеком духовное начало». Для тех людей, которые живут этим «духовным началом», не может быть никакого компромисса. «Для такого человека нет и не может быть никакого вопроса о каких бы то ни было последствиях его поступка, а также и о том, что будет с его телом и с его временной, телесной жизнью. <...> Для такого религиозного человека важно и нужно только одно: исполнение того, чего требует от него живущее в нём духовное начало. Духовное же начало это, в данном случае, требует очень определённо неучастия в самом противном любви деле, в убийстве или приготовлениях к нему». «Положение мрака, в котором находится теперь человечество, в самом деле было бы ужасно, если бы не появлялись в этом мраке всё чаще и чаще люди, понимающие жизнь такую, какою она должна и не может <не> быть. И такие люди есть...» (81: 155–157).

Отвечая Толстому, Сираиси благодарил за «воодушевившее его письмо» и обещал распространить его в Японии (13 мая нов. ст. 1910 г.; 81: 160). Ответ Толстого (от 20 мая) на это письмо ещё не найден. Сираиси же в ответе ему (11 июля нов. ст.) писал, что, несмотря на деспотизм и цензуру японского правительства, учение Толстого «как дерево, растёт» (*ЯПЗ*. 4. С. 300, 467). При этом Сираиси, в первую очередь опираясь на Христа и Толстого, своим путём достигал истины и, главное, руководствовался ею в своей жизни.

Лит.: Савата Ясуноу. Об антивоенной мысли Сираиси Киносукэ // *Journal of Yamanashi Eiwa Junior College*. 1977. № 11; Сугии Рокуро. Исследование христианства в Японии в период мейдзи. Изд-во «До-хося», 1984; Сугияма Канао. Пацифист в Энсю, пастор Сираиси Киносукэ // Иссле-

дование префектуры Сидзуока в новое время. 1980. № 3.

Ю. Сато

СКІПЕТРОВ Михаил Павлович («студент», «Миша»; 1889–1911) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; сын сельского священника Владимирской губ.; учился на естественном отделении физико-математического факультета С.-Петербургского университета, но оставил его под влиянием идей Толстого. Впервые написал Толстому 3 августа 1908 г. о своей болезни, туберкулёзе. 26 мая 1909 г. приехал в Ясную Поляну. На следующий день Толстой писал в дневнике: «Вчера вечером очень трогательное общение с Студентом, приехавшим для свидания с Кавказа. Гусев сказал, что, кажется, проситель. Он подал мне конверт, прося прочесть. Я отказывался, потом стал читать с конца. О монизме и Геккеле. Я недобро стал говорить ему. Он страшно взволновался. Потом я узнал, что он чахоточный, безнадёжный. Он стал уходить и сказал, что чтение “О жизни” было для него событием. Я удивился и попросил остаться. Я прочёл его записку. Оказалось, совсем близкий человек. А я оскорбил, измучал его. Мне было и больно и стыдно. Я просил его простить меня. Он остался в деревне ночевать. Нынче утром пришёл, и мы умиленно говорили с ним. Очень трогательный человек. Я полюбил его» (57: 75). Д. П. Маковицкий 27 мая записал: «...вчера вечером и сегодня утром Л. Н. по душе поговорил со Скипетровым. За обедом Л. Н. похвалил, как хорошо поговорили. Л. Н. негодовал на врачей (у Скипетрова дядя – профессор медицины и ещё доктор – родня); они ему сказали, что осталось ему жить два года, – болен чахоткой. Софья Андреевна спросила, грустит ли он? Л. Н. ответил, что нет; он такой жизнерадостный, довольный (спокойный)» (*ЯПЗ*. 3. С. 420).

В 1909–1910 гг. Скипетров несколько раз приезжал в Ясную Поляну и переписывался с Толстым. 2 июня 1909 г. он писал, что из Ясной Поляны возвратился на Кавказ, где был вынужден поселиться из-за своей болезни; писал, что планирует заняться философией, признавался, какое огромное впечатление произвела на него встреча с Толстым. Писал о «Послесловии» Толстого к рассказу Чехова «Душечка», упрекая писателя в том, что он воспекает любовь между мужчиной и женщиной. Толстой ответил Скипетрову 9 июля: «Память моя становится всё слабее, но вас я очень помню. <...> Пишите мне о себе. Мне хочется знать о вас, потому что полюбил вас» (80: 11).

Скипетрова полюбили у Толстых. 27 ноября 1909 г. Маковицкий в своих записках отметил, что молодой человек опять приехал в Ясную Поляну: «Скипетров Л. Н-чу очень понравился: милый, искренний. Он мне (Душану Петровичу) говорил про своего отца, священника, умершего чахоткой (которой и он сам болен), что он был человек кроткий и простой, как дитя. Такой же вот и сам Скипетров» (ЯПЗ. 4. С. 116). Толстой охотно общался с ним. 25 января 1910 г. записал в дневнике: «Вечером пришли Булгаков и милый Скипетров и хорошо беседовали» (58: 12).

Скипетров умер от чахотки вскоре после смерти Толстого.

Н. И. Бурнашёва

СКИТАЛЕЦ (псевд. Петрова Степана Гавриловича; 1868–1941) – поэт, прозаик. К 1890-м гг. относятся первые публикации его стихов и прозы в провинциальных изданиях. Знакомство Скитальца с М. Горьким в 1898 г. предопределило его литературную судьбу: начинающий писатель стал печататься в столичных журналах, сблизился с участниками товарищества «Знание». Творчество Скитальца было очень популярно в 1900-е гг. Первый том его сочинений «Рассказы и песни» (1902) в следующем году выдержал пять переизданий (на 6-м издании книги стояла помета тиража: «24-ая тысяча»). Некоторые стихотворения поэта были положены на музыку и стали модными песнями и романсами.

Отношение к Толстому у Скитальца было противоречивым, в своих мемуарах он подмечал соединение несоединимого в его облике и характере: «свысока смотревший даже в смирении своём» (Скиталец. Лев Толстой. Встречи // Скиталец. Избранное. М., 1988. С. 409), гордый «даже в смирении» и сопротивляющийся «даже в “непротивлении” своём» (Скиталец. Река забвенья. Северная столица – Петербург. Отлучение Льва Толстого // Скиталец. Избранное. М., 1988. С. 478). В религиозно-философском наследии Толстого Скитальцу были близки протестные, революционные идеи мыслителя, разрушающие социальные устои общества. В своей автобиографической прозе он вспоминал об увлечённости в 14-летнем возрасте – наряду с публицистикой Чернышевского, Добролюбова, Писарева – запрещёнными трактатами Толстого «Церковь и государство», «В чём моя вера?» (Скиталец. Воспоминания. Утро жизни. М.–Пг., 1923. С. 54). В более поздних мемуарах он с одобрением писал, как в 1901 г. отлучение Толстого от церкви вызвало широкий общественный резонанс. Писатель считал этот

шаг церкви следствием запоздалой реакции правительства на просветительскую деятельность Толстого среди народа: «В деревню помимо казённых путей пошла совсем новая, неожиданная и нежелательная для правящих сфер литература, вкус к которой, пожалуй, прежде всех привил Толстой: он подменил традиционные “лубочные сказки” и “Жития святых” *своими* сказками и *своими* религиозными сочинениями, написанными с громадной силой анализа. Тем временем в деревню пошли двухкопеечные издания “Посредника” и других просветительных фирм, расхвалившиеся в небывалом количестве» (Скиталец. Избранное. С. 478). Чрезвычайное собрание Союза писателей в феврале 1901 г. по поводу отлучения Толстого от церкви описано Скитальцем в очерке «Максим Горький». Первый приезд Горького в Петербург совпал с отлучением Толстого: «На эстраде молодая поэтесса декламировала свои стихи, в которых заключались всем понятные намёки на готовящуюся демонстрацию молодёжи по поводу “отлучения” Толстого. <...> Писатель Пошехонов выступил с докладом “о Толстом и молодёжи”, о наступающем замечательном моменте в жизни русского общества, о надвигающемся небывалом подъёме его сил. Настроение публики постепенно повышалось» (Скиталец. Избранное. С. 382).

Если протест Толстого был понятен Скитальцу, то др. сторона его философских воззрений – «смирение», «непротивление» – вызывала у писателя «из народа» резкое отторжение, и это сказалось в тоне записей о единственной встрече с Толстым весной 1902 г. в Гаспре. На первый план в них выступили и сословные различия, и мировоззренческие расхождения.

В январе 1911 г., сразу после смерти Толстого, Скиталец написал воспоминания «Как я видел Толстого». Писатель рассказал, как дважды побывал в доме Толстых; в первый раз – с М. Горьким и Ф. Шаляпиным. К ним вышла Софья Андреевна и отказала во встрече, сославшись на нездоровье мужа. Выходец из крестьян, Скиталец был внимателен к жизни иного социального круга: «По внешности, манерам и порядкам в доме чувствовалось, что семья Толстого отнюдь не “толстовцы”. Это была обыкновенная, традиционная стародворянская семья, со всеми свойственными таким семьям сословными понятиями и предрассудками» (Скиталец. Лев Толстой. Встречи // ТВС. 2. С. 273). Во второй раз он неожиданно для себя встретился с Толстым, минуя все светские условности. Писатель подробно, но утрированно пересказал монолог Толстого о мужиках: «Ка-

залось, что Толстой не видал мужиков, по крайней мере, лет сорок и уже неизвестно ему было, о чём они думают. Мужика он неизменно представлял себе пашущим землёю. О том же, что мужики давно хотят быть не только мужиками, но ещё и людьми, что надоело быть трудолюбивыми муравьями, божьими пчёлками, то есть работать на кого-то неработающего и тысячу лет попусту хлопать в рукавицы, <...> об этом Толстой как будто <...> не знал...» (там же. С. 278). (При перепечатке в 1934 г. литературных воспоминаний о Толстом их ироничный тон был несколько смягчён.)

Толстой был знаком с творчеством Скитальца, но остался равнодушен и к его поэзии, и к прозе. 1 января 1902 г. он прочёл повесть «Сквозь строй!» и был недоволен: «...нехорошо» (54: 264), а 7 января более подробно говорил о повести и её авторе Горькому: «Талант, большой талант. Но – жаль! – слишком начитался русских журналов. И от этого его рассказ похож на корзину кухарки, возвращающейся с базара: апельсин лежит рядом с бараниной, лавровый лист с коробкой ваксы. Дичь, овощи, посуда – всё перемешано и одно другим пропахло. А – талант! На отца он наврал – не было у него такого отца» (Горький М. Письмо К. П. Пятницкому от 6 или 7 января 1902 г. // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М., 1954. С. 217).

При личной встрече со Скитальцем Толстой ограничился упоминанием понравившейся ему художественной детали из начала повести: «Вот это, где там у вас мужики в кабаке рукавицами хлопают, – это хорошо!» (ТВС. 2. С. 277). Начинающий литератор верно уловил причину интереса к нему Толстого: «...казалось ещё, что его интересовали писатели “из мужиков”, впервые в ту пору пришедшие в русскую литературу, и, видимо, хотелось ему, чтобы это были хорошие писатели» (там же. С. 278). В октябре 1905 г. Толстой читал «для себя» стихотворения Скитальца, напечатанные в шестой книге сборника товарищества «Знание» (1905), «и с негодованием повторял: “Ужасное что-то”» (ЯПЗ. 1. С. 422). Толстой в целом не принял творчество «знаньевцев». В декабре 1902 г. он размышлял о причинах популярности молодых литераторов, которым отказывал в мастерстве: «Думал обо всех этих писателях: Андрееве, Скитальце и т. п., почему они имеют успех и пишут. Знаете шутку, если спросить у кого-нибудь: играет ли вы на скрипке. И ответ: не знаю, я никогда не пробовал. Это шутка, и мы смеёмся. А если спросить: вы пишете? И ответить: не знаю, я не пробовал – то мы не смеёмся, это не

кажется нам шуткой. И вот они все пробуют и думают, что пишут, и люди читают» (54: 338–339). Толстой отрицательно отзывался о характерном, с его точки зрения, для художественного метода «знаньевцев» смешении разнородного материала: «Может быть, дикари, слушая пробуемого в первый раз скрипача и останутся довольны и будут даже плясать под эту игру, но эту какофонию мы понимаем. Какофонию же писательскую не понимаем и принимаем за настоящее» (54: 339). В 1908 г. Маковицкий записал размышления Толстого, внимательно следившего за современной литературой: «Л. Н. Как я давно не читал ничего художественного, что бы на меня произвело глубокое впечатление. Боюсь, не пропустил ли я что по моей старости, не поняв, не заметив чего, – говорил он, обращаясь к Бутурлину. Бутурлин уверял Л. Н., что ничего не было и нет у новых. Бутурлин вспоминал Горького, Андреева, Скитальца и т. д.» (ЯПЗ. 3. С. 142). В мемуарах Скитальца об А. П. Чехове приведены бытовавшие среди писателей чеховского круга анекдоты о Толстом, будто бы из зависти не советуя писать начинающим литераторам (Скиталец. Избранное. С. 411–412).

Лит.: Скиталец (С. Петров) Как я видел Толстого // Пробуждение. 1911. № 10. С. 291–300; Скиталец. Сквозь строй! (Повесть одной жизни) // Мир Божий. 1901. № 12. С. 24–84.

А. Р. Боковня

СКОБЕЛЕВ Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал, участник Русско-турецкой войны. Родился в семье офицера. К восемнадцати годам владел восемью европейскими языками, великолепно знал мировую литературу и всеобщую историю, проявлял неординарные математические способности. В 1868 г. окончил Академию Генштаба и был направлен в Туркестанский военный округ. За 8 лет службы Скобелев сделал блестящую карьеру, став генерал-майором, получил в награду золотое оружие, ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Добровольцем отправился



на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Участвовал в блокаде Плевны и зимнем переходе через Балканы. Успешные действия Скобелева создали ему большую популярность в России и Болгарии. Он получил чин генерал-лейтенанта и приобрёл

громкую военную славу. О Скобелеве говорили как о генерале-богатыре, которого опекает Пресвятая Богородица. В 1882 г., находясь в Париже, выступил в защиту балканских народов, против агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии, что вызвало международные осложнения. Был отозван императором Александром III и вскоре внезапно умер. Смерть генерала потрясла всю Россию. Толстому, который в своё время воспел героев 1812 г., в конце 1880-х гг. военные успехи Скобелева виделись в ином свете. В статье «Для чего люди одурманиваются?» он писал: «После взятия Геог-Тепе, когда солдаты не шли грабить и убивать беззащитных стариков, детей, Скобелев велел напоить их пьяными, тогда они пошли» (27: 273). По цензурным соображениям этот текст был вырезан, но для Толстого сам факт был весьма важен как иллюстрация его мыслей. Вновь Толстой вспоминал Скобелева, работая над трактатом «Царство Божие внутри вас»: «Зачем добрые мужчины и даже женщины, ничем не причастные к военному делу, возторгаются разными подвигами Скобелевых и других и старательно расхваливают их; зачем люди, ничем к этому не принуждённые, не получающие за это жалованья, как в России предводители, посвящают целые месяцы усидчивого труда на совершение физически тяжёлого и нравственно мучительнейшего дела – приёма рекрут?» (28: 248). В контексте этих размышлений имя Скобелева стало нарицательным. В статье «Христианство и патриотизм» Толстой с иронией упоминал Скобелева: «...что важного в том, чтобы в разговоре признать благотворность и полезность трактатов, союзов или даже промолчать, когда при вас восхваляют свой народ и государство, бранят и чернят другие народности, или когда восхваляют католичество, православие, лютеранство или какого-нибудь героя войны, или правителя вроде Наполеона, Петра или современного Буланже, Скобелева? Всё это кажется так неважно» (39: 75). Негативное отношение Толстого к Скобелеву слышалось и в письме князю Л. Д. Урусову от 1 мая 1885 г.: «Нынче мне пришла мысль издавать картинки героев – не Скобелевых, – а доктора Даброго <правильно: Дуброво. – И. Л.-Б.>, высосавшего дифтеритный яд, учителя в Туле, погибшего в пожаре, где он вытаскивал детей, и таких героев, которые положили душу за други своя» (63: 242), – военным подвигам Толстой противопоставлял нравственное поведение русских людей. Как вспоминал Д. Д. Оболенский, Толстой избегал личного знакомства со Скобелевым: «Л. Н., – писал он, – разрешил мне знакомить

с ним моих друзей без предварительных извещений и церемоний. Я пользовался очень осторожно этим исключительным правом. И только раз Л. Н. мне предъявил отвод и именно в отношении человека, про которого Л. Н. знал, что я очень его люблю и высоко ценю, и с которым мне хотелось познакомиться графа. Это был Михаил Дмитриевич Скобелев. Совпало это с тем временем, когда Лев Николаевич уже начинал говорить и писать против войны, считая её величайшим грехом. А потому, вероятно, и Скобелев, живший мыслями о войне и жаждавший войны, представлялся Льву Николаевичу чем-то кроважидным» (Оболенский Д. Д. Отрывки (Из личных впечатлений) // МТА. С. 244). Молодой генерал Скобелев, по мнению Н. Н. Гусева, послужил прототипом Серпуховского в романе «Анна Каренина» (Гусев. Материалы. 3. С. 309).

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

СКОРОХОДОВ Владимир Иванович (1861–1924) – последователь и знакомый Толстого, его корреспондент и адресат. Разделяя взгляды Толстого на значение работы человека на земле, Скороходов с конца 1880-х гг. участвовал в организации земледельческих общин, в 1890–1892 гг. помогал Толстому в устройстве столовых для голодающих. В письме жене из Бегичевки, где тогда жил Скороходов, Толстой писал: «Скороходов занят лошадьми, да и вообще он в обычном, ежедневном деле плохой помощник. Очень хороший, чистый и сердечный человек, но беспокойный, мятежный» (84: 143). «Скороходов неспокоен и не счастлив, и потому с ним грустно» (84: 138). В 1893 г. Скороходов с группой единомышленников арендовал землю около Кутаиси (Грузия) в местечке Самтретиа и поселился там с семьёй, которая впоследствии стала весьма многочисленной (у него было пятеро детей). Кормить семью земледельческим трудом Скороходову было нелегко, и в письмах Толстому он нередко жаловался на тяготы своей жизни. Ответными письмами Толстой сильно укреплял в Скороходове, по словам самого адресата, волю и терпение. «...Я очень люблю вас (всегда вспоминаю о вас с нежностью), – писал Толстой, – <...> когда вспомню о том, что есть люди, которые живут так, то мне становится бодро и радостно». «Может быть, я ошибаюсь, но я не могу не завидовать вам так, как завидует калека, паршивый голодный нищий здоровому весёлому богачу. <...> Верно и крепко любящий вас брат и плохой Лев Толстой» (72: 343–345).

Когда жизнь на Кавказе стала для Скорохова особенно тяжела, он решил пере-

селиться с духоборами в Канаду и просил у Толстого совета. Толстой ответил: лучше не уезжать. Несколько раз Скороходов был у Толстого в Ясной Поляне – «живописно красивый, 50-ти лет, здоровенный, простой, приятный» (ЯПЗ. 3. С. 13). В письме к жене Скороходова Толстой так характеризовал «своего старого друга»: «Он всю жизнь искал и теперь ищет всё более и более твёрдую истину и непременно с его искренностью, серьёзностью и золотым сердцем найдет её. Вся жизнь его до сих пор была такая, какую дай бог всякому, и ему отчаиваться не в чем» (75: 190). В. И. Скороходов – автор «Воспоминаний старого общинника», опубликованных в «Ежемесячном журнале» (1916. № 7–8).

Л. С. Дробат

СКОРОХОДОВ Николай Леонидович (даты жизни не установлены) – посетитель Толстого; крестьянин из Уфы. 1 января 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «Приехали Скороходов с сыном <...>. Скороходов приехал затем, чтобы спросить у Л. Н. насчёт сына. Мать хочет, чтобы он учился, отцу же неохота, да и пахарь он хороший. Прочёл Толстого, Марка Твена. Что есть важного в литературе, у них имеется в доме. Отец им доволен. Умеет сапожничать и столярничает. Сыну 19 лет. Л. Н. одобрил, чтобы остался земледельцем. <...> Насчёт школы Л. Н. ответил, что тут рассуждать нечего: “Коли есть охотники до свободной школы, тогда учить надо и можно”. Потом Л. Н. подробно расспрашивал о земле в Уфе, о тамошних способах хозяйства. Скороходов, видимо, оправдывал себя в том, что у него есть машины и т. п., что не всё исполняет ручным трудом. С сыном он приехал, чтобы показать ему, как люди живут, и чтобы показать его Л. Н. и узнать, достоин ли он получить “аттестат зрелости”. Л. Н. обратился к Скороходову-младшему с вопросом: “Религиозные вопросы не тревожат вас?” – “Нет”. – “Как же это возможно? Отец умирать будет. Как же не думать: “Кто я, куда пойду?” Мы здесь, как на пароходе. Надо жить, имея в виду, что нас высадят на последней станции и что надо слушать капитана; но он может высадить нас и раньше. Надо слушаться Бога в себе, “своей совести”. <...> Скороходов спросил насчёт Ницше. Л. Н.: “Не читайте. Это ловкий фельетонист, но не философ. Читайте Канта, Шопенгауэра, Спинозу, Руссо”. Позже Л. Н. сказал мне: “Вы слышали о Скороходове? Это хороший, правдивый человек. Он уже лет 20 живёт на земле”. Скороходов рассказывал, что самая любимая книга у сектантов на Кавказе – это Хельчицкого,

которую списывают, и сочинения Генри Джорджа. Трёхрублёвое академическое издание Хельчицкого “Сети веры”, по словам Скороходова, разошлось, главным образом, среди кавказских сектантов» (ЯПЗ. 1. С. 121). Через несколько дней ещё запись Маковицкого: «...Л. Н. сказал: “У Скороходова прекрасный сын, скромный, молчаливый, умный. Были у бабушки, не нравилась ему там обстановка; так же и в Ясной Поляне. Пахарь. Ответы у него короткие, разумные, лицо интеллигентное”» (ЯПЗ. 1. С. 129). Скороходов ещё раз приезжал в Ясную Поляну. Не нравилось Толстому одно: «Ницше – декадент, а Скороходову он засел в голову» (ЯПЗ. 1. С. 136).

Н. И. Бурнашёва

СЛЕПЦОВ Василий Алексеевич (1836–1878) – русский писатель, публицист, общественный деятель. Автор романа «Трудное время», очерковых циклов «Владимирка и Клязьма», «Письма об Осташкове», рассказов (наиболее известный – «Питомка»), статей, фельетонов, обзоров (печатались в «Современнике», «Искре», «Отечественных записках», др. радикальных изданиях). Организатор Знаменской коммуны (1863–1864), человек разнообразных дарований, он владел несколькими ремёслами, был прекрасным музыкантом, рисовальщиком, актёром, чтецом. Выходец из старинного дворянского рода, Слепцов отказался от наследства в пользу брата, вёл жизнь разночинца, жил на собственный заработок, изучал произведения Ш. Фурье и др. социалистов-утопистов, мечтая превратить их проекты в жизнь. В конце жизни задумал роман «Остров Утопия» (замысел не осуществлён).

В дневнике Толстого Слепцов впервые упоминался в записи 20 апреля 1861 г., сделанной в Петербурге: «17, 18, 19, 20. Болен. Перовский и Слепцов. Молодо» (48: 36). По мнению Н. Н. Гусева, комедия Толстого «Заражённое семейство» полемически направлена не только против романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», но и против петербургских коммун, одной из которых была Знаменская: «Как видим из комедии Толстого, неясные и извращённые слухи об этих коммунах дошли и до Ясной Поляны» (Гусев. Материалы. 2. С. 622).

«Судя по разным мемуарным свидетельствам, Толстой “открыл” для себя Слепцова лишь в восьмидесятых годах», – писал К. И. Чуковский (Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 т. Т. 9. М., 2004. С. 200). В ЯПЗ сохранилось ПСС В. А. Слепцова (2-е издание. СПб., 1888). Произведения Слепцова Толстой оценивал чрезвычайно высоко.

Так, Чуковский в статье «Литературная судьба Василия Слепцова» приводил слова М. Горького о Слепцове и о впечатлении, произведённом на Толстого рассказом Слепцова «Ночлег»: «А его “Ночлег”! Отличная вещь, очень густо написанная. Сколько раз перечитывал её Лев Николаевич. И всегда с восхищением. А про сцену на печи он сказал: “Похоже на моего “Поликушку”, только у меня хуже...”» (ЛН. Т. 71. С. 7).

В конце сентября – начале октября 1888 г. Толстой и В. Г. Чертков обсуждали в своей переписке предполагаемые издания «Посредника». Толстой писал Черткову: «Из печатных “Питомка” превосходная вещь» (86: 177). Рассказ Слепцова «Питомка», напечатанный в «Современнике» (1863), был переиздан «Посредником» в 1890 г.

«Питомку» и др. рассказ Слепцова, «На постоялом дворе», Толстой любил читать вслух, о чём сохранился яркий рассказ А. М. Новикова, в 1889–1891 гг. учителя младших сыновей Толстого: «Особенно любил он читать Слепцова, и из Слепцова у него было два любимых произведения: “На постоялом дворе”, – и глаза его оживлялись, в голосе появлялись вибрирующие интонации, его самая простая, обыкновенная дикция была полна естественного юмора, и он сам и слушатели покатывались со смеха, и “Шпитонка”, которую Толстой никогда не мог дочитать до конца. Вначале его чтение этого рассказа по обыкновению было очень выразительно, но под конец глаза заволакивались, черты лица заострялись, он начинал останавливаться, старался преодолеть своё волнение, всхлипывал, совал кому-нибудь книгу, вынимал платок и поспешно уходил в будуар графини (чтение происходило за круглым столом, двери в будуар были ближайшими к этому столу)» (ТВС. 1. С. 440–441).

К этому времени относится запись в дневнике Толстого 1889 г.: «13, 14, 15, 16, 17 дек. Я.П. 89. <...> Читал Revue des 2 Mondes и Слепцова» (50: 193). Через два дня Толстой записал в дневнике: «Читал Слепцова “Трудное время”. Да, требования были другие в 60-х годах. И оттого, что с требованиями этими связалось убийство 1-го марта, люди воображали, что требования эти неправильны. Напрасно. Они будут до тех пор, пока не будут исполнены» (50: 194). 31 августа 1890 г. писатель снова отметил в дневнике: «Читал Слепцова» (51: 85).

Летом 1894 г. в беседе с В. Ф. Лазурским Толстой, «похвалив очень Слепцова, сказал, что его совершенно напрасно забыли», и воскликнул: «Вот наша критика!» (ТВС. 2.

С. 61). С. Т. Семёнов в своих воспоминаниях о Толстом в 1896 г. отмечал его восхищение произведениями А. П. Чехова, которого Толстой сравнивал со Слепцовым и охарактеризовал так: «После Гоголя и Слепцова это первый юморист» (ТВС. 1955. 1. С. 346). П. А. Сергеенко в своей книге о Толстом (1898) также упоминал о неизменно высокой оценке Толстым творчества Слепцова: «Из писателей-народников Л. Н. Толстой всегда с оживлением говорит о Слепцове» (ТВС. 2. С. 146). По свидетельству Д. П. Маковицкого, 7 сентября 1906 г. в Ясной Поляне, упомянув рассказ Слепцова «Ночлег», Толстой хвалил меткость языка автора, сожалея, что в сочинениях писателей последних лет «исчезли эти черты» (ЯПЗ. 2. С. 229).

В 1870–1880-е гг. в критике предпринимались попытки сравнения творческой манеры Толстого и Слепцова. И даже такой (не всегда дружелюбно настроенный по отношению к Толстому) журнальный обозреватель, как Е. Л. Марков, встал на защиту «Анны Карениной» от обвинений П. Н. Ткачёва. В газете «Голос» (1878, № 163) Марков писал о Ткачёве (авторе статьи «Салонное художество»): «...так как в его голове уже были готовые суждения о фотографичности искусства, то он вместо Успенского или Слепцова бойко навязал их на шею гр. Толстому» (цит. по: Гусев. Материалы. 3. С. 413). Противоположное мнение о сравнении творчества Толстого и Слепцова высказывал близко знавший Слепцова и оставивший воспоминания о нём юрист, писатель и публицист В. И. Танеев (брат композитора С. И. Танеева). Это подтверждается записью в дневнике П. И. Чайковского (13 февраля 1886 г.): «...жара невыносимая и в довершение всех бедствий невыносимый В. И. Танеев. <...> Разговор с ним о литературе. По его мнению, Толстой бездарность, но зато какой-то Слепцов гений. Скрытое полное моё бешенство...» (ЛН. Т. 71. С. 520).

Сопоставление жизни и творчества Толстого и Слепцова обнаруживает некоторую психологическую общность. При несоизмеримой разнице в масштабах таланта и исторического значения, некоторые вехи биографии и даже некоторые авторские интенции сближают их как писателей. Уход из университета, идейный разрыв со своим классом и средой, пропаганда ремёсел и трудового образа жизни как основы человеческого единения, неприятие разъединяющей людей обрядовой стороны религии, реализация в жизни и творчестве философско-эстетического и даже практического интереса к странничеству, последовательный демократизм творческих принципов –

всё это характерно для обоих писателей.

Лит.: Чуковский К. И. Жизнь и творчество Василия Слепцова // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. С. 165–202.

Е. Ю. Полтавец

СМИРНОВА Александра Осиповна (рожд. Россет; 1809–1882) – знакомая Толстого. В 1826–1832 гг. фрейлина императрицы. Отличаясь незаурядным умом, привлекательностью и образованностью, Смирнова-Россет была дружна со многими выдающимися современниками: А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским, Н. В. Гоголем, А. С. Хомяковым, М. Ю. Лермонтовым, Ф. И. Тютчевым, И. С. Тургеневым, И. С. Аксаковым, А. К. Толстым, А. А. Ивановым, М. Щепкиным и др. О ней взволнованно писали поэты, посвящая «смугло-румяной красоте нашей» (Пушкин А. С. ПСС. М.; Л., 1935–1948. Т. 14. С. 158) восторженные строки.

Она мила – скажу меж нами –
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Её черкесские глаза,

– писал Пушкин.

Толстой познакомился со Смирновой-Россет летом 1857 г. в Баден-Бадене, куда, путешествуя по Европе, приехал из Штутгарта. Поэт Я. П. Полонский, петербургский знакомый Толстого, в это лето жил с семьёй Смирновых в Баден-Бадене. «Но знаете ли вы, что такое Баден-Баден – это маленький европейский Вавилончик. <...> Славная канва для комедии самой едкой – этот Баден-Баден! <...> Недавно здесь был Тургенев И. Сер. И на него и на Толстого тоже Баден оставил тяжёлое впечатление», – писал Полонский (Голос минувшего. М, 1919. № 1–4. С. 127–128).

Попав в этот «игорный рай», Толстой полностью отдался своей давней страсти – азартным играм. Уже на следующий день после его приезда Полонский записал: «Граф Л. Н. Толстой проигрался в пух, спустил 3000 франков и остался ни с чем» (там же. С. 125–126). Именно в эти дни писатель познакомился с Смирновой-Россет. Бывая в её доме практически каждый день, он кратко и крайне резко отзывался о ней в своём дневнике: «25 июля. С утра до ночи рулетка. Проигрывал, выиграл к ночи, к Смирновой, с Алсуфьевым. Она болтала много, и более дурного генге я не видал» (47: 147); «28 июля. <...> Вечер у Смирновой. Несносно скучно» (там же); «29 июля.

<...> Обедал у Смирновой. Ничего не остаётся ни в уме, ни в памяти. <...> Слушал Полонского – плохо. Не играл, потому что не на что. Дурно, гадко, и вот уж скоро неделя такой жизни» (там же); «31 июля. <...> Вечер у Смирновой, смешно и гадко» (47: 147).

Откровенное раздражение Толстого понятно: не только большой проигрыш, но и угрызения совести в собственной несдержанности. Однако, как отмечал Н. Н. Гусев, «по-видимому, что-то интересовало Толстого в Смирновой, так как бывал он у неё довольно часто...» (Гусев. Материалы. 2. С. 226). Их знакомство было недолгим. Вскоре, получив письмо от брата Сергея о разрыве сестры Марии с мужем, Толстой решил вернуться в Россию. Впоследствии Полонский в письме к Толстому напомнил ему об этих днях: «Много воды утекло с тех пор, как мы с Вами в последний раз виделись: но я никогда не забуду ни Баден-Бадена, ни его окрестностей, ни рулетки, ни Вашего деревенского холстинного мешка с деньгами, <...> ни даже той лисицы, которая заставила Вас выскочить из коляски и броситься за ней с палкой под гору в лес, к немалому удивлению Алекс. Осипов. Смирновой» (ПРП. 1. С. 313). Пройдёт много лет, и в августе 1909 г. в разговоре по поводу прочитанной вслух статьи о Гоголе, где Смирнова была названа «пленительной», Толстой вспомнил об их встречах и заметил: «Не пленительна, а умна была» (ЯПЗ. 4. С. 44).

Смирнова-Россет скончалась в Париже; её тело было перевезено в Москву и захоронено в Донском монастыре.

Т. Р. Мазур

СМИТ Чарльз Эмери (Smith Charls Emery; даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого. Посол США в России; во время голода в России в 1892 г. оказывал помощь голодающим, передавая пожертвования от американцев. 22 и 23 марта 1892 г. Смит направил Толстому из С.-Петербурга два письма, в которых представлял своих «уважаемых соотечественников», У. Грунди и Р. Бланкенбурга, «членов Филадельфийского Комитета», «приехавших в Россию в связи с голодом». Он направлял их к Толстому «с особым поручением»: американцы должны были «присутствовать при распределении муки и продуктов для голодающих России, присланных на пароходе “Индияна” из Филадельфии». Посланцы из США ехали в «пострадавшие губернии», желая встретиться с Толстым. «Возможность посоветоваться с Вами – что может быть

полезнее для их дела и приятнее для них лично! – писал Смит в первом письме. – Ведь про отношение к Вам американцев в этих чрезвычайных обстоятельствах можно по справедливости сказать, что слава о Ваших трудах так же велика, как и воздействие Вашей славы!» Для помощи нуждающимся Смит посылал Толстому «с этими джентльменами» чек на 7000 рублей, перечислял учреждения, которые собрали эти средства, и просил Толстого известить о получении денег «по отдельности» каждого жертвователя (*Толстой и США*. С. 684). Толстой охотно откликнулся на доброту и «горячее сочувствие» американцев «народной беде». Он послал «отдельные расписки четырём различным организациям» в получении денег. «Прошу вас при случае, – писал он Смицу 29 марта 1892 г., – передать мою душевную благодарность и за их помощь, и за выраженное сочувствие к нам». И добавлял: «Знакомство же с г-ном Бланкенбергом и Грунди доставило мне истинное удовольствие, равно и повод, поданный этим общению с вами» (*там же*. С. 686).

Н. И. Бурнашёва

СНЕГИРЁВ Владимир Фёдорович (1847–1916) – знакомый, корреспондент, адресат Толстого; врач-гинеколог, хирург, с 1884 г. профессор Московского университета, основатель первой в России гинекологической клиники и гинекологического института усовершенствования врачей. Часто приезжал к Толстым, когда болела С. А. Толстая. Её болезнь особенно обострилась к осени 1906 г. Толстой, конечно, волновался, но не подавал вида. «Снегирёв хотел было не пугать Л. Н. и не говорить ему всей правды <о состоянии С. А. Толстой. – Н. Б.>, но Л. Н. двумя-тремя вопросами навёл его на суть и узнал, что хотел», – записал Д. П. Маковицкий 28 августа (*ЯПЗ*. 2. С. 220). 2 сентября 1906 г. в Ясной Поляне Снегирёв успешно сделал С. А. Толстой серьёзную операцию.

Толстой и Снегирёв часто беседовали по самым разным вопросам. «Я от него (по его рассказам) признал Миклухо-Маклая большим человеком, – говорил Толстой. – Я просил его написать о Флобере то, что мне рассказал. Говорили о крестьянских бунтах» (*ЯПЗ*. 1. С. 311; 13 июня 1905 г.), о том, как приходили к крестьянам агитаторы и приказывали «сжечь помещиков», а когда те отказались, пригрозили сжечь самих крестьян. «И крестьяне вместе с войском прогнали агитаторов» (*ЯПЗ*. 1. С. 312; 13 июня 1905 г.). Со Снегирёвым говорили о войне, о монастырской жизни

в Архангельской губ. и в Оптиной пустыни, о современной жизни, о босяках, хулиганах; о забастовке студентов, о религиозном движении... Толстой спрашивал Снегирёва о его приёмном сыне; Снегирёв рассказывал, почему застрелился С. Морозов. Толстой читал свой рассказ «Ягоды». «Снегирёв похвалил “Ягоды”» (*ЯПЗ*. 1. С. 313).

Толстой ценил в докторе Снегирёве профессионализм: «Любезный человек и всё знает, что его наука достигла» (*ЯПЗ*. 1. С. 319; 21 июня 1905 г.). Правда, иногда, наверное, чувствовал в нём какую-то ограниченность: «Как все врачи-специалисты, Снегирёв – невежественный человек, он ничего не знает; притом пьяница и православный; верующий и вместе с тем желает узнать правду» (*ЯПЗ*. 1. С. 331; 3 июля 1905 г.). Такая характеристика отнюдь не перечёркивала искреннее и доброе отношение к доктору: «Он очень живой и приятный человек, что редко бывает у специалистов, – говорил Толстой несколько месяцев спустя. – Я сказал ему, что специальность даром не даётся, то есть в том смысле, что человека суживает, но по отношению к Снегирёву это не так. Он избежал этого, он специалист, но не потерял всестороннего интереса к жизни» (*ЯПЗ*. 2. С. 268). Даже отрицательная черта Снегирёва, пьянство, была мила Толстому: «Я эту черту люблю. Он уходит из этого тяжёлого мира в свой духовный уголок» (*ЯПЗ*. 2. С. 269), – оправдывал доктора Толстой. Бывая в Ясной Поляне на протяжении многих лет, Снегирёв видел, как менялся Толстой: «Он стал мягче, чем был десять лет тому назад, в своих требованиях, спорах, суждениях» (*ЯПЗ*. 1. С. 320).

Лит.: Снегирёв В. Ф. Операция (из записок врача) // МТА. С. 332–340.

Н. И. Бурнашёва

СНЕГИРЁВ Иван Михайлович (1793–1868) – профессор Московского университета, археолог, исследователь и собиратель русской бытовой и художественной старины, известный знаток московских древностей. Воспитанник Московского университета и профессор по кафедре римской словесности и древностей, Снегирёв напечатал по своей специальности только «*Dissertatio de profectibus Romanorum in disciplinis severioribus*» (М., 1816), «*Nova Chrestomathia latina*» (М., 1816) и «Латинскую грамматику» (1836). Остальные его труды относились к русской истории, русским древностям и русской народной словесности. Составитель многих сборников русских пословиц, сборников и альбомов лубочных картинок, описаний древних памятников... Снегирёв составил историко-археологическое описа-

ние почти всех московских и подмосковных монастырей и церквей, несколько биографий известных священнослужителей... Он первый с научной точки зрения подошёл к изучению русских пословиц, исследованию лубочных картин, собранию сведений о русских простонародных праздниках и суеверных обрядах, серьёзно работал над изучением памятников старинного русского зодчества, особенно московских и подмосковных. Он автор изданий: «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837–1839), «Лубочные картинки» (М., 1844 и 1861), «Новый сборник русских пословиц» (М., 1857), «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (М., 1848–1854; 2-е изд., 1851–1857), «Памятники древнего художества в России» (М., 1850), «Памятники московской древности» (М., 1842–1845), «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (М., 1865, т. I) и др.

Сборники Снегирёва «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (М., 1831–1834) и «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848) хорошо знал и очень любил Толстой. «Единственные же книги, понятные для народа и по его вкусу, — писал он в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (Статья 1-я), — суть книги, писанные не для народа, а из народа, а именно: сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок, в последнее время сборник Водовозова и т. п. Нельзя поверить, не испытав этого, с какою постоянной новой охотой читаются все без исключения подобного рода книги — даже «Сказания русского народа», былины и песенники, пословицы Снегирёва, летописи и все без исключения памятники древней литературы» (8: 61).

В статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» писатель признавался: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирёва составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний мне всегда представлялся ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы. Один раз, прошлую зимой, я зачитался после обеда книгой Снегирёва и с книгой же пришёл в школу. Был класс русского языка» (8: 302). Далее Толстой рассказывал, как он с деревенскими ребятами стал писать сочинение на пословицу «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет», как живо и творчески откликнулись дети на по-

словицу, как метко они выражали свои мысли... Описание этого урока в яснополянской школе, данное в педагогической статье, можно отнести к лучшим страницам творчества Толстого.

В 1870-х гг., работая над «Азбукой», Толстой снова обращался к сборникам Снегирёва, просил Н. Н. Страхова прислать «книги пословиц Снегирёва» (62: 343). Сборник «Русские народные пословицы и притчи» в ЯПб не сохранился, но сохранились две книги Снегирёва: «Лубочные картинки русского народа в московском мире» (М., 1861. 39 с.) и «Новый сборник русских пословиц и притчей, служащих дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей» (М., 1857, 24, 91 с.). Этот сборник испещрён многочисленными пометами Толстого.

Н. И. Бурнашёва

СОБОЛЁВСКИЙ Василий Михайлович (1846–1913) — знакомый, адресат и корреспондент Толстого; видный публицист. Родился в дворянской семье в Орловской губ., окончил юридический факультет Московского университета. В 1873–1876 гг. читал в Ярославском Демидовском юридическом лицее лекции по финансовому праву. По болезни был вынужден оставить кафедру, в 1876 г. переехал в Москву и был приглашён редактором-издателем «Русских ведомостей» Н. С. Сковрцовым для работы в редакции. С 1888 г. Соболевский стал редактором газеты «Русские ведомости», сохраняя её умеренно либеральное направление. Здесь публиковали свои сочинения Златовратский, Мамин-Сибиряк, Салтыков-Щедрин, Г. Успенский, Чехов, Эртель. В газете «Русские ведомости» во время голода 1891 г. была напечатана статья Толстого «Страшный вопрос»; в её редактировании участвовали С. А. Толстая и Соболевский, который «кое-что для цензуры выпустил и слегка изменил в трёх местах выражения» (29: 396). В 1892 г. «Русские ведомости» напечатали статью «Отчёт об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.», которая по предложению Соболевского была самим Толстым откорректирована в цензурном отношении. За публикацию статей о голоде газета получила официальное предостережение.

В 1902–1903 гг. Толстой неоднократно обращался к Соболевскому с просьбами о предоставлении работы родственникам и друзьям; просьбы были удовлетворены. После революционных событий 1905 г. деловые отношения Толстого с «Русскими ведомостями» и её издателем из-за идеологических расхождений практически



И. Ю. Лученецкая-Бурдина

прекратились. Так, в 1909 г. Соболевский отклонил публикацию статьи Толстого о Генри Джордже, объяснив это тем, что у него иные взгляды на земельный вопрос, а в 1910 г. «Русские ведомости» отказались напечатать письмо Н. Н. Полилова к Толстому и ответ на него.

СОКОВНИН Николай Александрович (1841–1893) – педагог, основатель издательства «Сотрудник школ» и магазина учебных пособий, управляющий типографией Терехова, где печаталась «Новая Азбука» Толстого. Имя Соковнина неоднократно упоминалось в письмах Толстого к Н. М. Нагорнову, который помогал писателю в деле издания и распространения «Новой Азбуки». «Медленность, не имеющая границ», сложности в работе над изданием приводили к возникновению напряжённых отношений между писателем и издателем: «...Соковнин позволяет себе писать мне, что корректуры неимоверно долго держатся. Ругайте их хорошенько», – писал Толстой Нагорнову 10–13 апреля 1875 г. (62: 174). Всё это заставляло писателя сожалеть о сотрудничестве с Соковниным: «Я же взвошёл, к сожалению, по печатанию “Новой Азбуки” в дела с г-м Соковниным...» – жаловался он Н. Н. Страхову (62: 155).

Возникшее взаимонепонимание распространилось и на отношения Толстого и Соковнина как писателя и книгопродавца. В книжном магазине Соковнина (в Москве на Воздвиженке в доме Колокольцева) продавались некоторые сочинения Толстого. «При случае спросите у Соковнина счёт продажи Полных сочинений, старой “Азбуки” и “Войны и мир”...» – просил Толстой Нагорнова в середине сентября 1875 г. (62: 204). Писателю были очень нужны деньги для платежа типографии, для приобретения школьных учебных пособий, для расчёта с писчебумажным магазином А. А. Кунина, где была закуплена бумага для всех его изданий 1875 г. Соковнин «плохо расплачивался», и Толстой просил Нагорнова «проверить у него оставшееся количество экземпляров или хотя счёт взять от него и потребовать от него деньги» (62: 212).

Вынужденный пользоваться услугами магазина учебных пособий Соковнина, Толстой избегал личного контакта с ним. «Мне нужно выписать учебные пособия для на-

ших школ, – обращался он к Нагорнову. – Так как я себе дал слово не входить в личные сношения с Соковниным, я позволяю себе просить вас сделать это за меня» (62: 218).

Е. В. Бойцова

СОКОЛОВ Александр Никитич (даты жизни не установлены) – посетитель Толстого, его корреспондент и адресат; костромской крестьянин из деревни Ковернино; автор рукописи «Духовно-нравственное обозрение царства антихристового». В августе 1897 г. приехал в Москву с рукописью своей статьи, но, не застав Толстого в Москве, отдал рукопись в «Посредник» для передачи Толстому. В августе он писал Толстому, спрашивал о печатании рукописи. 3 сентября Толстой отвечал ему: «Рукопись вашу нельзя и думать напечатать в России, для заграничного же издания она тоже неудобна, так как в ней много ссылок на так называемое Священное Писание, в особенности на Апокалипсис, самую пустую и бестолковую книгу из всех книг Нового Завета. И это очень жалко, потому что мысли, высказываемые вами, не только очень верны, но часто очень хорошо, сильно выражены. Как бы мы, живущие в роскоши, ни ненавидели неправду жизни и ни негодовали на насилие и несправедливость людей, мы никогда не можем этого так сильно чувствовать, как чувствуете это вы, люди напряжённого труда, страдающие от этой неправды. И потому я люблю ваше писание. Посылаю вам назад рукопись» (70: 131).

3 декабря 1897 г. Соколов приехал в Ясную Поляну и в дальнейшем не раз бывал у Толстого. В 1901 г. он привёз свою статью «Сорокалетие крестьян в России после уничтожения крепостного права». Толстой обратился к нескольким издателям, рекомендуя её напечатать: «Статья, которую я прилагаю, имеет, по-моему, большие достоинства и по серьёзности мысли, и по искренности, и по автобиографическим подробностям. <...> Соколов – человек, кормящий напряжённым трудом свою семью, и потому гонорар для него был бы очень желателен. Хорошо бы было восстановить замаранные цензором места о деятельности станого. Если бы я был издателем, я бы напечатал и *стишки*, несмотря на отсутствие в них размера <i>и> рифмы. Они напоминают стихи Walt Witman’a и некоторые очень сильны. Мне особенно нравится № 4. <...> Отмеченное синим и красным я полагал бы выпустить» (74: 168–169). Была ли опубликована статья – неизвестно.

Соколов написал два рассказа: «Суд подземного царства» и «Китайская сказка» –

и в 1903 г. направил их Толстому. 30 октября 1903 г. Толстой отвечал автору, что не советовал бы ему «увлекаться писательством. Подождём, что скажут о “Сорокалетии”» (74: 220). И в том же письме признавал: «...ваши мысли совершенно совпадают с моими». В 1903 г. Соколов работал в Москве чернорабочим.

Н. И. Бурнашёва

СОКОЛЬНИКОВ Прокопий Несторович (Прокопий Нестерович; 1867–1919) – врач, якут; знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Окончив медицинский факультет Петербургского университета, в конце 1890-х гг. вернулся в Якутию, где с 1899 г. занял должность участкового врача Чурапчинского селения. Незадолго до отъезда познакомился с Толстым. В 1899 г. по просьбе Толстого сопровождал партию женщин (жён духовоборов), детей и стариков, ехавших с Кавказа к находившимся в якутской ссылке духовоборам. С Кавказа через Батум выехало в Якутию 25 женщин, 15 детей от трёх до пяти лет и один старик. Толстой направил обращение к иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину с просьбой не препятствовать переселенцам и оказать помощь доктору Сокольникову и сопровождаемым им женщинам. С Сокольниковым Толстой передал письмо духовоборам. Сокольников писал Толстому с дороги: «Меня встретили с доверием и при произнесении Вашего имени переспрашивали: “Дедушка прислал?.. Да, да, знаем”» (72: 104).

Толстой сердечно относился к Сокольникову и через него поддерживал тесные отношения со ссыльными духовоборами, посылал Сокольникову деньги для духовоборов. В редкие приезды свои из Якутии Сокольников бывал у Толстого в Москве и Ясной Поляне и брал от него поручения к духовоборам.

Н. И. Бурнашёва

СОЛОВЬЁВ Александр Николаевич (1887–1911) – корреспондент и адресат Толстого; крестьянин Демьянского уезда Новгородской губ.; бывший ученик Новгородской сельскохозяйственной школы. В 1905–1908 гг. состоял в боевой организации анархистов; в годы реакции подпал под влияние религиозного учения Толстого. В 1908 г. по религиозным убеждениям отказался от военной службы, за что был приговорён к 4 годам заключения в арестантских отделениях.

Толстой и Соловьёв были знакомы по переписке и через общего своего знакомого В. А. Молочникова, который рассказал писателю трагическую историю молодого че-

ловека, вынужденного отбывать наказание в тюрьме за отказ от воинской службы. Периодически Молочников пересылал Толстому письма Соловьёва, полученные из тюрьмы. 9 мая 1909 г. в Ясной Поляне зашла речь о письмах Молочникова и Соловьёва, «который сидел с Молочниковым в тюрьме, был анархистом и принял христианские взгляды, – записал Д. П. Маковицкий. – С тех пор отказался служить. И как смело говорил он пред воинским присутствием и что только радость чувствует, сидя в тюрьме. Письмо его очень хорошее». «Л. Н. просил прочесть вслух письмо А. Соловьёва к Молочникову. Произвело очень хорошее и сильное впечатление, как А. Соловьёв отказался на призыве от военной службы. Л. Н. сказал по поводу его: оно тем замечательно, что он, Л. Н., впервые видит непосредственное отвращение к военной службе, а не следствие размышления» (ЯПЗ. 3. С. 406, 407). 14 мая Толстой писал Молочникову: «Письмо Александра очень тронуло и порадовало меня. <...> Из его письма я увидел то, что не наблюдал у прежних отказывавшихся, ясное сознание унижения, постыдности повиновения для дурных целей чуждым людям и противление всем существом этому повиновению. Радуюсь за него и, главное, желаю, чтоб его радость – хоть не радость, а удовлетворённость, дающая спокойствие, – продолжалась. Без веры в Бога любовь, или скорее проявляемое только любовью, этого не может быть. Есть она у него, есть ли движение к ней?» (79: 194). Получив письмо от самого Соловьёва, 16 июня Толстой писал Молочникову: «Тронувшее меня сильно письмо Александра я прочёл и непременно напишу ему. (Он между прочим пишет, что обеднял: нельзя ли послать ему денег? У меня есть такие, которыми я могу распоряжаться.) Прекрасно сделали и то, что написали полковнику. <Молочников написал о тяжёлом состоянии Соловьёва М. А. Российскому, командиру Шуйского пехотного полка, в который был направлен заключённый. – Н. Б.> Письмо Александра так хорошо, что как-то не верится этой силе среди всеобщей слабости и низости. Помогите ему Бог. Пожалуйста, напишите ему и о том, как я всей душой с ним. Я потому говорю: напишите, что я намерен написать, а успею ли – не знаю» (79: 234–235). Письмо Соловьёва, признавался Толстой, «навало <...> ряд мыслей, которые хочется написать» (ЯПЗ. 3. С. 444).

В тот же день, 16 июня 1909 г., Толстой написал А. Н. Соловьёву из Кочетов (79: 235–236), где гостил у дочери. «Я послал ему письмо. Писать же начальству рад бы, но боюсь повредить ему» (79: 237), – пи-

сал он Молочникову. Толстой послал Соловьёву «Круг чтения», с надписью: «Александру Соловьёву в знак уважения и любви. Лев Толстой», но тюремное начальство не позволило передать книги адресату. Поручик П. Туржанский по личной инициативе сообщил Толстому, что полученные книги для находившегося на городской гауптвахте Соловьёва он, по долгу службы, передать Соловьёву не может, и просил разрешения оставить их у себя. «Они будут служить путеводной звездой в моей жизни», — писал он (80: 167). 25 июля 1909 г. Толстой снова писал Соловьёву, отвечая на его письмо от 14 июля из скобелевского лагеря. В письмах Толстого звучала поддержка, искренняя любовь, в одном из писем была написана молитва для узника.

27 августа писатель сообщал Н. Н. Гусеву: «От Александра через Павлова прекрасные известия. Его везут в Вильно на суд. Чем больше люблю, тем больше боюсь за него» (80: 74). А в письме к самому Д. П. Павлову передавал Соловьёву свою «любовь и благодарность» и спрашивал, «не может ли чем служить ему вещественно» (80: 76).

«Прекрасные письма Александра» (57: 111) Толстой читал с особым чувством: «Есть в них рядом с несуразностями очень глубокие мысли» (*ЯПЗ*. 4. С. 53). 23 ноября записал в дневнике: «...читал вслух с Буланже письма Соловьёва. И я, слушая, разревелся. Такая удивительная сила у этого человека» (57: 175), — Толстой читал выдержки из писем Соловьёва к Молочникову из старорусской тюрьмы, присланные Молочниковым в Ясную Поляну при письме от 6 ноября 1909 г.

1 октября 1910 г. Маковицкий записал рассказанные Толстым «забавные анекдоты», «о Соловьёве, Смирнове; о том, как Молочников, посетив их, описал, что у них и нар нет. Смирнов ему: “Вы близко не подходите, а то вши перелезут (на вас)”» (*ЯПЗ*. 4. С. 367). А накануне, 30 сентября, Толстой писал Молочникову: «Спасибо, милый Молочников, за ваше письмо о Соловьёве и Смирнове. Какая сила! И как радостно — всё-таки радостно за них и стыдно за себя. Напишите, к кому писать о том, чтобы их перевели? От кого зависит? Одно остаётся, сидя за кофеем, который мне подают и готовят, писать, писать. Какая гадость! Как бы хотелось набраться этих святых вшей, И сколько таких вшивых учителей, и сколько сейчас готовится» (82: 174). Соловьёв умер в ошмянской тюрьме от туберкулёза, не дожив до 24 лет.

Н. И. Бурнашёва

СОЛОВЬЁВ Иван Григорьевич (1819–1881) — московский книгопродавец. Окончив начальное училище, поступил «мальчиком» в книжную лавку к А. Ф. Базунову — московскому представителю одной из старейших русских книгоиздательских и книготорговых фирм. Базунов был комиссионером Московского университета, имел исключительное право продажи некраковского «Современника», в его магазине находилась московская контора этого журнала. Базунов лично знал многих литераторов, рассчитывался с авторами, выдавал им книги для составления библиографических разборов и проч. В 1865 г. после смерти Базунова его лавка по духовному завещанию перешла к И. Г. Соловьёву, соответственно, и деловые связи с литераторами. Как новый владелец, Соловьёв продолжал книжную политику своего предшественника: проводил в магазине подписку на журналы, брал на комиссию новые издания, приобретал и перепродавал старопечатные книги. С ним связаны деловые отношения (по продаже своих книг и покупке книг других авторов) многих русских писателей. Однако в 1881 г. Соловьёв разорился: по одной из версий, деньги, предназначенные для расчёта с кредиторами, были растрачены посланным в Петербург представителем фирмы. Соловьёв покончил жизнь самоубийством.

С Толстым Соловьёва связывали деловые отношения. С осени 1868 г. он был комиссионером по продаже книги «Война и мир», а затем и др. изданий. В письмах Толстого 1870-х гг. часто встречалось имя Соловьёва в связи с просьбами уладить какие-то денежные дела или приобрести книги (некоторые из них значатся в списке *ЯПБ*). Толстой встречался с книгопродавцем, о чём свидетельствуют замечания в письмах (напр., П. И. Бартеневу — 61: 207, 230), сохранившиеся счета, на которых отмечены суммы, полученные Толстым «лично под расписку» (62: 65). Нередко Толстой просил Соловьёва передать или выслать деньги некоторым лицам (напр., Н. Н. Страхову — 61: 313; К. А. Иславину — 62: 263). Писатель обращался к Соловьёву за книгами сам или рекомендовал это сделать другим (напр., П. В. Морозову, который преподавал грамматику по методу Толстого). «Если будешь у Страстного бульвара, заверни к Соловьёву...» — такие фразы встречаются в письмах Толстого. Магазин был расположен по адресу: Москва, Страстной бульвар, дом № 8; по просьбе Толстого туда заглядывали Бартенев, Н. М. Нагорнов, Д. А. Дьяков и многие др. (62: 214). Сохранилось только одно письмо Толстого к Со-

ловьеву: 16 ноября 1880 г. писатель просил выдать И. М. Ивакину «те книги, которые потребует» (63: 36).

Толстой доверял деловым качествам Соловьёва, о чём свидетельствует его письмо Нагорнову от 8 сентября 1875 г.: узнав о том, что «Русские книги для чтения» плохо распродаются, Толстой писал: «Немедленно надо печатать объявление <...> во всех распространённых газетах. Поручить это Соловьёву, или самому...» (62: 201).

Узнав о кончине Соловьёва, Толстой записал в дневнике 28 апреля 1881 г.: «Соловьёв удавился оттого, что много долгов. Набожный старик. Когда Бабунов оставил ему наследство, ему завидовали. Кого он убегал? Что поправлял?» (49: 29).

С. А. Толстая вспоминала: «Продажей книг заведовал в Москве Николай Михайлович Нагорнов, женатый на племяннице Льва Николаевича – Варе Толстой. Кроме того, склад был у почтенного книгопродавца Соловьёва на Страстном бульваре. Он исправно платил деньги, но почему-то потом запутался в делах и с горя повесился, что нас очень поразило. За ним пропало и наших денег тысяч более семи. Подвёл его убежавший и скрывшийся куда-то Глазунов» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 286).

Г. И. Романова

СОЛОГУБ Фёдор (наст. имя: Фёдор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) – русский поэт-символист, писатель, драматург, публицист, переводчик. Родился в семье петербургского портного, образование получил в Петербургском горном училище и в Учительском институте (1878–1882), по окончании которого десять лет преподавал в провинции, затем вернулся в Петербург, где занялся литературной деятельностью.

Толстой не принимал ни прозаическое, ни поэтическое творчество Сологуба. В 1895 г. в № 11 «Северного вестника» были опубликованы XI–XIII главы сологубовского романа «Тяжёлые сны». В письме к Л. Я. Гуревич от 8–9 ноября 1895 г. Толстой отозвался о них как о «невозможной неряшливой бессмыслице» (68: 250). В записях Д. П. Маковицкого отмечены резкие высказывания писателя и о других его произведениях. 28 марта 1908 г. в связи со стихотворением «Расстегни свои застёжки...» Толстой возмущённо сказал: «Это удивительное, ужаснейшее. Это женщины не могут читать» (ЯПЗ. 3. С. 41). 11 апреля 1908 г. Толстой отметил, что не может читать ни «Жизнь человека» Л. Андреева, ни стихи Сологуба: у них «сама мысль ненормальна, нехудожественна» (там же. С. 55). Прочитав первый номер журнала «Русская

мысль» (1909), в котором были опубликованы рассказ Сологуба «Белая берёзка» и стихотворение «Ты царь. Решёткой золотой...», Толстой говорил «взволнованно и недоумевающе, что это все сумасшедшие», и заключил: «А эта вся книжка, с начала до конца, – полнейшее сумасшествие. Всё это глупо, бездарно, самоуверенно, всё бред» (19 октября 1909 г. – ЯПЗ. 4. С. 81–82). Содержание сологубовского фельетона «Красногубая гостья» 26 декабря 1909 г. Толстой пересказал Маковицкому, а часть даже прочёл, голосом выделяя «бессмыслицы». И тут же с негодованием предположил, что платят автору за это рублей 500. Имя Сологуба стало у Толстого нарицательным для определения новых веяний в искусстве. Прослушав Шопена в исполнении старшего сына Сергея, он сказал: «Хорошо сыграл», а потом добавил «растроганно»: «Это – музыка: это – Тютчевы, Пушкины, а ваши Григи – это Фёдор Сологуб» (там же. С. 144). 22 апреля 1910 г. на вопрос Л. Андреева о Сологубе, видимо, не желая о нём говорить, Толстой ответил, что ничего у этого автора не читал. Незадолго до смерти, 11 октября 1910 г., говоря о тенденциях в современной литературе, утратившей высоты Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, он назвал нынешних писателей одним словом «Все эти... Сологубы...» (там же. С. 376).

В 1898 г. в венской газете была опубликована (на немецком языке) статья Сологуба «Мир Льва Толстого. К 70-летию со дня рождения». Только в 1910 г., после смерти писателя, она вышла на русском языке под названием «Единый путь Льва Толстого». Сологуб, один из первых заговоривший о едином пути художественного творчества и философских исканий Толстого, писал о нём как о предчувствовавшем «всемирную религию», «всеединую человеческую душу», целостную жизнь человечества, изображавшем «всемирную, единую жизнь» (Сологуб Ф. Единый путь Льва Толстого // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 2000. С. 529–530).

В середине 1890-х гг. Сологуб создал цикл «Сказочек», в который вошли небольшие сочинения для детей. В 1904–1905 гг. его дополнили «политические сказочки» уже для взрослых. Всё вместе было издано в «Книге сказок». Вполне вероятно, что, создавая свои «сказочки», Сологуб ориентировался на «Русские книги для чтения» Толстого: многие сюжеты и аллегории двух авторов сходны (см.: Павлова М. Писатель-Инспектор: Фёдор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 201–214).

В честь 100-летия победы в Отечественной войне с Наполеоном Сологуб в 1912 г. создал инсценировку «Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Сологубом». Однако она была отклонена для постановки на сцене Александринского театра. В письме А. А. Измайлову Сологуб так оценил свою работу над инсценировкой: «Мне кажется, что такие великие произведения, как “Война и мир”, “Братья Карамазовы” и пр., должны быть источниками нового творчества, как древние мифы были материалом для трагедии. <...> Впрочем, в данном случае я покорно следовал за автором, не держа присоединять своё» (Фёдор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 225).

М. В. Михновец

СОМОВА Ольга Александровна (рожд. Тургенева; 1836–1872) – дальняя родственница И. С. Тургенева, дочь Александра Михайловича Тургенева, воспитанника Гёттингенского университета, участника военной кампании 1812–1814 гг., большого интеллектуала и знатока изящной словесности, друга Жуковского и Вяземского. Мать Ольги – Пелагея Христиановна Литке. В их доме постоянно бывали писатели, в т. ч. Тургенев и Толстой. Ольга поражала редкой красотой. В 1853–1854 гг. за ней ухаживал Тургенев, считаясь её женихом. Однако в 1854 г. их союз распался, к счастью для обоих, став, по словам П. В. Анненкова, «мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени».

Толстой также был неравнодушен к Ольге, приезжал к ней в ноябре-декабре 1856 г. и в 1858 г. Он даже сочинил комедию «Из Оленькиной жизни» (предположительно, одним из прототипов героини могла послужить О. А. Тургенева). Дневниковые записи Толстого раскрывают магию его притяжения: «С Дружининым поехали к Ольге Тургеновой», которая «мила очень», не мог расстаться и «пробыл до 12-го часа», «она мне больше всех раз понравилась». Он приходил к ней вопреки тому, что «старичок язвил» его. Толстой находил Ольгу «отличной во всех отношениях», изумлялся её потрясающей работоспособностью: она вставала в 7 часов утра и до двух часов каждый день играла на фортепиано, вечерами непременно читала и делала «громкие успехи» в музыке, хотя, по его мнению, таланта у неё было меньше, чем у Валерии Арсеньевой. Но зато Ольга «больше читала, больше развита и больше любит и пони-

мает поэзию» (60: 116). У Ольги Толстой наслаждался трио Бетховена, «которое до сих пор у меня в ушах, восхитительно», – писал он (60: 126). А спустя время оставил в дневнике запись: «...с О. А. мне всё неловко, виноват Ваничка <И. С. Тургенев. – Н. Н.>» (1856, 17 декабря; 47: 105). У Тургеневых в Петербурге на Миллионной в 1856 г. Толстой читал свои «Военные рассказы».

Вскоре Ольга Тургенева вышла замуж за Сергея Николаевича Сомова, управляющего гос. имуществом Херсонской и Бессарабской губ. Когда она скончалась, И. С. Тургенев писал: «Одним прекрасным, чистым существом на свете меньше».

Н. А. Никитина

СОФРОНОВ Сергей Павлович (1863–1915) – единомышленник Толстого, его посетитель, корреспондент и адресат. Крестьянин села Ирошниково Владимирской губ.; сын купца-фабриканта, отказался от отцовского наследства, поселился в деревне, стал работать на земле и обучать крестьянских детей: в 1892–1894 гг. учитель в селе Ирошникове. Был лично знаком с Толстым, неоднократно посещал его в Москве и в Ясной Поляне.

3 апреля 1890 г. Софронов впервые обратился к Толстому с письмом по поводу «Крейцеровой сонаты». Во втором своём письме от 25 сентября 1891 г. он рассказывал о себе и спрашивал, «можно ли теперь быть учителем, не кривя душой перед Богом, на обманывая людей?» Письмо тронуло Толстого своей «искренностью и серьёзностью», и ему было «больно оставлять без ответа» это письмо. В переписке касались самых разных вопросов. Начинаящий сельский учитель Софронов спрашивал писателя о воспитании, и Толстой излагал ему свои мысли о воспитании. 22 августа 1894 г. он записал в дневнике: «Вчера вечером 21 августа. Написал письмо <...> Софронову об его венчании» (52: 134). В письмах и во время личных встреч обсуждались вопросы веры, самосовершенствования, бессмертия. 30 ноября 1900 г. Толстой отметил в дневнике: «Вчера ходил и говорил много с Софроновым и вечером с Новиковым. Высказал им обоим исповедание веры, которое надо записать» (54: 66). Софронов писал Толстому и о студенческих волнениях, сообщал о том, какое впечатление они производят на крестьян. Писал о том, как восприняли крестьяне отлучение Толстого от церкви (письмо от 19 марта 1901 г.) 20 и 21 октября 1907 г. Софронов последний раз был в Ясной Поляне, где состоялся серьёзный разговор с Толстым о вопросах веры.

Н. И. Бурнашёва

СПЕНГЛЕР Ольга Николаевна (рожд. Озмидова; 1865–?) – корреспондент, адресат, последовательница Толстого. Работала учительницей в Воронеже и в Одессе. Её отец, Николай Лукич Озмидов, в 1880–1882 гг. содержал в Москве на Арбате молочный магазин. Разорившись, увлёкся идеями Толстого, познакомился с ним лично и занялся переписыванием его запрещённых произведений. В 1886 г. Озмидов вместе с дочерью перебрался на Кавказ, где образовал земледельческую общину, которая через полтора года распалась. В 1890-х гг. за распространение неразрешённых цензурой статей писателя Озмидов был выслан в Вятку. Толстой ходатайствовал о смягчении его участи.

Увлечённость толстовца передовыми идеями, тяга к знаниям, работоспособность, требовательность к себе и к др. передались дочери. В память об отце она написала книгу «Биография Николая Лукича Озмидова», которая должна была выйти в свет в 1925 г., но её не напечатали.

Огромную роль в становлении Озмидовой как личности играла возможность общения с Толстым благодаря тесным дружеским контактам её отца с писателем. Обращаясь к нему, она находила ответы на мучающие её вопросы о жизни. Свидетельство духовных поисков Озмидовой – её письма к Толстому. «Мой дух сравнительно покоен теперь; я чувствую, что я вышла на тот путь, который ведёт к Христу. Мне радостно, что я иду к нему, но счастлива я быть не могу, ибо я вижу, как я ещё далеко от него», – писала она Толстому 24 июня 1886 г. (63: 368). Писатель старался её приободрить, призывая для достижения «истинной» жизни следовать в делах «истинной вере». «Нет в нас совершенств, и все мы друг другу можем и должны помогать. Отец, мать – вам, вы – им», – наставлял её Толстой (63: 368).

Переписка продолжилась и после замужества Озмидовой: в 1886 г. она вышла замуж за Ф. Э. Спенглера (1860–1908), сельского учителя, знакомого В. Г. Черткова. В письме к молодым Толстой советовал, сохраняя крепкие семейные отношения, «не утрачивать любви и уважения, как человека к человеку». В основе отношений мужа с женой, считал Толстой, должны быть гуманистические отношения, построенные на любви к ближнему. В письме к Спенглер-Озмидовой 17 октября 1889 г. писатель делился размышлениями о смысле жизни и назначении человека: «Так немного, недолго нам жить временной жизнью, что, право, не стоит того – не жить хорошо, если только особенно сильные соблазны

или страсти не сбивают в сторону» (64: 316).

Озмидова стала деятельной сотрудницей издательства «Посредник» в первые годы его существования. В 1887 г. без имени автора в «Посреднике» были напечатаны для народного читателя её рассказы «Тёлка» и «Свет жизни». О рассказе «Тёлка» 23 января 1886 г. Толстой писал Черткову: «Сейчас прочёл рассказ Озмидовой и нахожу, что он очень хорош, особенно по языку и духу. Я думаю, что хорошо его напечатать» (85: 318). Рассказ «Тёлка» там же несколько раз выходил отдельной книжкой. Толстой обращался к сочинению О. Спенглер и позднее. 7 марта 1907 г. Д. П. Маковицкий отметил, что он «просматривал каталог изданий “Посредника” за 1900 г. За чаем прочли вслух рассказ “Тёлка”» (ЯПЗ. 2. С. 390).

Е. П. Гриценко

СПЕНГЛЕР Фёдор Эдуардович (1860–1908) – знакомый Толстого, сочувствующий его взглядам. Происходил из бедной обрусевшей семьи баронов голландского происхождения. Учился в военной гимназии. Но избрать военную службу не захотел и, поселившись в деревне, стал сельским учителем. При содействии В. Г. Черткова получил назначение в земскую школу Острогожского уезда Воронежской губ., недалеко от имения Черткова Лизиновки. В школе успешно внедрял систему свободного воспитания. В конце 1886 г. женился на дочери толстовца Н. Л. Озмидова, О. Н. Озмидовой. О своём впечатлении от общения с Ф. Э. Спенглером Толстой писал 4 ноября 1886 г. Озмидову: «Ольга Николаевна спрашивает, что я думаю о Фёдоре Эдуардовиче Спенглере. <...> Это прелестный человек по чистоте, ясности и твёрдости» (63: 405).

Интерес у Толстого к Спенглеру возник, вероятно, под влиянием рассказов о нём Черткова. Последние годы жизни Спенглер служил на железной дороге в Харькове. Умер он от брюшного тифа, заразившись от больных железнодорожников, за которыми ухаживал в больнице.

Е. П. Гриценко

СПЕНСЕР Герберт (Spenser; 1820–1903) – английский философ и социолог, представитель позитивистского направления в философии. В 1848–1853 гг. сотрудничал в журнале «Экономист», проявил себя в экономических вопросах как идеолог буржуазного либерализма. Спенсер был сторонником биологической эволюционной теории, поэтому распространял принципы

эволюционизма на социальное развитие. Он родоначальник социального дарвинизма. По Спенсеру, общество напоминает биологический организм. Классовое строение общества он рассматривал как результат эволюции, сопровождающейся дифференцированием целого организма на части для выполнения конкретных функций, подобно формированию органов тела в живом организме. Согласно этой концепции, главный закон общественного развития – это закон борьбы обществ, в результате которой выживают более приспособленные и отмирают менее приспособленные общества.

В этике Спенсер – сторонник утилитаризма, учения, объяснявшего происхождение и функционирование морали с точки зрения пользы. Развитие этического утилитаризма, в итоге, сводит мораль к простому расчёту выгод и затрат. Во взглядах на искусство Спенсер был сторонником игровой концепции, берущей начало в эстетических взглядах Шиллера.

Толстой критиковал эволюционизм в целом. Он, как верующий человек, не согласен с идеей происхождения человека из царства животных. Дарвинизм, по его мнению, поставив человека в конце генеалогического ряда в развитии биологических видов, приравнивал его к животным. О философском позитивизме и эволюционных теориях Толстой высказывался с возмущением. Писатель читал работы Спенсера (английский социолог в это время был популярен), часто делал записи его высказываний в своих дневниках. Чтение произведений Спенсера, как писал он Н. Н. Страхову 25 марта 1891 г., вызывало «не скуку, но подавленность, уныние и физическую невозможность читать дальше одной страницы» (ПСПТС. 2. С. 861).

Попытка объяснить происхождение христианской морали с помощью позитивистского утилитаризма находила в Толстом решительного противника. «Нельзя из Спенсера выводить христианство, т. е. истину, – писал он. – Истина от Бога через Христа, и другого пути нет. А если выводить из Спенсера, то <...> найдётся азбука христианства <...> и нам покажется, что мы всё знаем...» (85: 165). Рациональное исследование духовных процессов человеческого сознания и души может привести нас к ложной гордыне в свои безграничные интеллектуальные возможности.

Рассматривая вопрос о сущности и происхождении искусства, Толстой в статье «Что такое искусство?» критиковал эстетическую концепцию Спенсера. «По Спенсеру (1820) <Толстой отметил год рождения философа. – Ю. Т.>, происхождение

искусства есть игра – мысль, высказанная ещё Шиллером. В низших животных вся энергия жизни растрачивается на поддержание и продолжение жизни; в человеке же остаётся, после удовлетворения этих потребностей, ещё излишек силы. Этот-то излишек и употребляется на игру, переходящую в искусство» (30: 54). По мнению писателя, игровая концепция не раскрывает чувственную и коммуникативную стороны искусства. Искусство, писал Толстой, это «одно из средств общения людей между собой» (30: 63). Автор произведения искусства и зритель должны понимать друг друга и испытывать схожие чувства, подчёркивал писатель.

Ю. В. Туйцын

СТАДЛИНГ Йонас Йонссон (Stadling Jonas Jonsson; «Швед»; 1847–1935) – шведский корреспондент и адресат Толстого; путешественник. Родился в крестьянской семье. В 1869–1873 гг. учился в Бетельской семинарии, слушал лекции в Гётеборге, Женеве, Манчестере. С 1877 г. занимался журналистикой. В 1880–1883 гг. Стадлинг предпринял путешествие по Америке, о чём написал книги «Через большой Запад. Путевые очерки», «Что я видел и слышал у мормонов на Сионе». С 1883 г. он редактор журнала «Кристианен» (Стокгольм), с 1891 г. – сотрудник шведской ежедневной газеты «Афтонбладет» («Aftonbladet»), освещал проблемы, связанные с жизнью народов Северной Европы. С 1891 г. Стадлинг печатался в американском журнале «The Century Illustrated Monthly Magazine», где публиковались материалы о событиях в разных странах мира. В 1891 г. издал книгу «Религиозное движение в России». Он посетил Россию голодной зимой 1892–1893 гг. и рассказал, что в январе 1892 г. в Швеции получил предложение от своих шведских, американских и английских друзей поехать в Россию, чтобы организовать помощь голодающим. Он написал С. А. Толстой, которая 20.01.1892 с.ст. ответила: «...если б Вы сами приехали в Россию, вы могли бы оказать большую пользу...» (цит. по: Стадлинг Й. У графа Л. Н. Толстого в голодный год // Лев Толстой и голод. Н. Новгород, 1912. С. 166). При личной встрече со Стадлингом С. А. Толстая упомянула, что иностранные издатели сочинений Толстого, не платящие ему как автору, должны были бы теперь помочь голодающим. Стадлинг «предложил напомнить некоторым из них, <...> этот призыв не был напрасным» (Стадлинг Й. У графа Л. Н. Толстого... С. 167). При встрече с Толстым в Бегичевке, вспоминал швед, писа-

тель «полюбовался» его «лапландским костюмом», после трудного дня сам «сташил» с него «лапландские сапоги» (там же. С. 170). Сопровождая М. Л. Толстую в поездках по деревням, Стадлинг писал: «Пока графиня распоряжалась делами школы и столовой, я ходил из дома в дом» (с. 173), везде видел болезни (тиф, чёрную оспу), «безнадёжную нужду» (с. 174), вымершие деревни. Это он отметил в своих дневниках, ставших основой воспоминаний. Запечатлел он и сомнения Толстого, сказавшиеся в словах: «Право, я стыжусь всей этой работы. <...> Мы не знаем, есть ли в ней настоящая помощь» (с. 175). В то же время, добившись открытия столовых для маленьких детей, отмечал Стадлинг, «граф был счастлив и весел» (с. 177). Стадлинг доброжелательно отзывался о русских крестьянах: «Мужики вели себя очень степенно, и когда разгорячались, то были гораздо менее буйны, чем западные жители на каком-нибудь публичном митинге» (с. 176). О последователях Толстого швед писал уважительно как о людях «с невозмутимым спокойствием духа, с здравым смыслом и глубоким знанием человеческой натуры» (с. 177). Е. И. Равевская вспоминала, что Стадлинг «привёз с собой фотографический аппарат и снимал виды избы, раскрытых сараев, оборванных ребятишек и проч. Его прислали сюда друзья его, американцы, чтоб удостовериться в голоде, поразившем русское население, и доставить им сведения, кому им следует пересылать денежную свою помощь» (Равевская Е. И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих // *Летописи*. Кн. 2. С. 410). Имя Стадлинга есть в толстовском списке жертвователей в фонд голодающих, а также в «Отчёте об употреблении пожертвованных денег с 1 января 1893 г.» (29: 202).

Толстой был расположен к Стадлингу, писал о нём жене: «У нас же швед Стадлинг, очень приятный» (29 февр. 1892 г. – 84: 130), «милый швед» (4 марта 1892 г. – 84: 133). Хотя в дневнике встречаются и такие записи: «Приехали к нам 1) Бобринский, 2) швед Стадлинг, 3) Высоцкий и 4 тёмных. Мне тяжело от них. Я очень устал. – Днём было нехорошо. Теперь лучше, – совсем хорошо» (29 февраля 1892 г. – 52: 63). В письмах, записных книжках, в дневнике Толстого 1891–1894 гг. не раз упоминалось имя Стадлинга. В январе 1895 г. Толстой в дневнике отметил: «Получил много приятных писем: от Kenworthy, Сергеевко и Stadling'a. Думал» (53: 3). На письма Стадлинга Толстой отвечал сам по-английски, иногда кто-то из окружения писателя по его поручению.

О деятельности Толстого на голоде Стадлинг рассказывал на митинге рабочих в Лон-

доне; в письме от 8 января 1895 г. он прислал русскому писателю вырезку из газеты «Daily chronicle», где сообщалось об этом. В ответ 14 января Толстой писал: «Мне было со-вестно читать ваше описание нашей работы в Рязани, но я понимаю, что это объяснялось только вашим дружественным отношением к нам, и очень этому рад» (68: 15).

Рабочие отношения со Стадлингом продолжались и позже. В письме сыну Л. Л. Толстому 19 октября 1895 г. Толстой отмечал: «Очень интересовало меня последнее время движение среди духоборов на Кавказе. Поша ездил туда и написал об этом записку, которую я с своей статьёй об этом послал в английские газеты. Надо бы послать это Стадлингу. Много у меня близких по духу становится людей за границей, и, хотя не следует этому радоваться, я радуюсь» (68: 230).

С именем Стадлинга связан ряд переводов публицистики Толстого на шведский язык. Письмо-статья «По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам» было вызвано обращением к русскому писателю представителей шведской интеллигенции в связи с намечающейся в 1899 г. мирной конференцией в Гааге. Авторы письма предлагали странам – участникам этой конференции – разрешить воинскую повинность заменять альтернативной социальной службой. Толстого просили поддержать это предложение. В письме 9 января 1899 г. писатель отметил, что отказ от воинской повинности «освободит человечество от бедствий военщины», но конференция этому способствовать не может, так как «уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства» (90: 66, 65).

14 декабря 1901 г. Стадлинг писал Толстому: «...вряд ли чиновничья Академия присудит Вам премию Нобеля, точно так же, как фарисеи и книжники и великий совет иерусалимских первосвященников вряд ли присудил бы награду Христу за его учение. Но сотни тысяч моих соотечественников посылают Вам, носителю света правды и любви, свою награду – их любовь и восхищение» (ЛН. Т. 75. Кн. 1. С. 427). Он оказался прав: премию действительно присудили не Толстому. Сорок девять шведских писателей (среди них А. Стриндберг) написали открытое письмо Шведской академии, выразив недовольство тем, что обойдён великий русский писатель.

В 1906 г. Стадлинг издал на шведском языке книгу «Толстовиана. Исследования и воспоминания». До 1925 г. он выступал с лекциями по вопросам народного просвещения.

Лит.: Стадлинг И. У графа Л. Н. Толстого // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1893, № 6201 и 6208; Стадлинг Ю. С Толстым на голоде в России / Подгот. материала и пер. В. А. Александрова // *Прометей*. 12. С. 314–322.

Г. И. Романова

СТАМО́ Элеонора Романовна (рожд. Кохманская; даты жизни не установлены) – посетительница, корреспондент и адресат Толстого. Помещица Бессарабской губ., жена председателя Хотинской земской управы. Проживала в Киеве.

Впервые Стамо была в Ясной Поляне 22–28 июля 1907 г.: «Утром госпожа из Бессарабии, – отмечено в записной книжке Толстого, – распространительница моих писаний. Странно, невероятно» (56: 204). После личного знакомства началась переписка. Стамо обращалась к Толстому за советом о воспитании сына, о взаимоотношениях родителей и детей, в письме от 9 сентября 1907 г. рассказывала о желании сына поступить в политехникум и о его требовании большей свободы. В ответном письме 11 сентября Толстой советовал не ограничивать свободу сына, но свобода не должна уменьшить его любовь к матери; советовал сыну быть целомудренным и воздерживаться от всего одурманивающего; с удовольствием вспоминал посещение Ясной Поляны госпожой Стамо.

В декабре того же года переписка коснулась вопроса об отношении писателя к евреям, темы болезненной и для Толстого: среди его друзей было немало евреев. Многие последователи Толстого, единомышленники и корреспонденты, как и врачи, которые лечили его честно и не требуя гонорара, были евреями. Отношение писателя к евреям определяли и события этого времени в России: антисемитская кампания в печати в конце XIX в. одновременно с изучением Ветхого Завета и еврейского языка. Наложили отпечаток прошедшие в начале XX в. еврейские погромы в Кишинёве и постоянные обращения к писателю, используя свой моральный авторитет, высказаться в защиту невинных жертв. Но именно эта часть переписки Стамо с Толстым вылилась в настоящую полемику и позволила его корреспондентке под псевдонимом Э.Р.С. выпустить брошюру «Лев Николаевич Толстой и евреи» (издана в Киеве в 1910 г.).

В январе 1908 г. Стамо прислала Толстому статью Тенеромо (И. А. Файнермана) «Л. Н. Толстой о юдофобстве», опубликованную в газете «Одесские новости» (1907. № 7387 от 6 декабря). «Многоуважаемый Л. Н.! – писала она. – Простите, что надо-

едаю вам, но я никак не могу успокоиться с еврейским вопросом...» (ЯПЗ. 3. С. 14). Зная мнение писателя о евреях, Стамо обнаружила в статье что-то такое, что её удивило, и выразила сомнение в подлинности слов Толстого, приводимых автором статьи. Письмо обсуждали все присутствующие в доме, а Толстой написал на конверте: «Само собой разумеется, что я никогда не говорил ничего подобного» (ЯПЗ. 3. С. 15) – и просил Гусева так и ответить госпоже Стамо. «Л. Н. сказал, – привёл слова Толстого Д. П. Маковицкий, – что ответит ей так, что ненависть к евреям как к народу – нехорошее чувство. Как можно исключать целый народ и приписывать всем его членам известные дурные, исключительные свойства? <...> Ещё скорее можно относиться предубеждённо к одному человеку, чем к целому народу» (ЯПЗ. 3. С. 15). «Вероятно, я говорил Файнерману (Тенеромо) о том, что нехорошо не любить евреев, всё же, что он написал, он написал от себя», – подчёркивал Толстой в письме госпоже Стамо 12 января 1908 г. (78: 16). 14 января Толстой получил от Стамо два письма об обиженных евреями русских; она спрашивала, что им делать. «Я ей отвечать не буду, – сказал Толстой. – Пусть меня оставит в покое. Я ни за евреев, ни против них. Странно мне в её душу вдуматься» (ЯПЗ. 3. С. 17).

Полемика о евреях никак не повлияла на отношения Толстого и г-жи Стамо. В мае 1908 г. она снова приехала в Ясную Поляну, поселилась в деревне. «После завтрака Л. Н. пошёл на деревню к Э. Р. Стамо», – записал Маковицкий 27 мая (ЯПЗ. 3. С. 98). Гостя привезла с собой свою крестьянку, и Маковицкий писал: «Разговор о крестьянке Насте, приехавшей с Стамо. Она говорит, что есть два способа отобрания земли у помещиков. Один у революционеров: перебить помещиков и отнять, а второй – толстовский: этот долгий, на 50 лет» (ЯПЗ. 3. С. 99–100). В тот же день, 29 мая, Толстой отметил в дневнике: «Зато дня три, как приехали очень приятные Стамо с сыном» (56: 130), и «был вчера хороший разговор с Николаевым и Стамо» о земле и о невозможности «улучшить чьё-либо положение» «при существовании государственного насилия» (56: 131). В середине июня Стамо снова была в Ясной Поляне. Она опять остановилась в деревне, и Толстой к ней «заходил два раза» (ЯПЗ. 3. С. 113). Много беседовал с гостьей. Это был третий (последний) приезд Стамо в Ясную Поляну. Записи в дневнике говорили о встречах и беседах Толстого и Стамо. 14 июня Маковицкий записал: «Я, Душан Петрович, был у Стамо. Она возражает

Л. Н-чу, повторяя нападки, слышанные от иных, что не отдал землю мужикам и что живёт в достатке. А толстовцев упрекают, что они живут сами по себе, не влияют на крестьян, среди которых живут. Например, Николаевы делают работу, которую бы могла сделать прислуга вместо того, чтобы поучать народ, как лучше пахать, лучше избы строить. Я на это возразил, что Л. Н. воздаёт дань книжному веку; писаниями разъясняет человечеству заблуждения» (ЯПЗ. 3. С. 117).

В. Н. Кудрин

СТАНКЕВИЧ Николай Владимирович (1813–1840) – писатель, поэт, философ, один из представителей русской интеллигенции 1840-х гг. Учился в Московском университете; организатор и глава философского кружка; приверженец направления в русской культуре под названием «западничества». Имя Станкевича Толстой упоминал рядом с именами Герцена и Белинского. Некоторые знакомые Толстого были членами кружка Станкевича (Е. Ф. Корш, Н. А. Безр и др.).

В августе 1858 г. Толстой познакомился с только что вышедшей книгой П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич» (М., 1858), в которой были опубликованы выдержки из писем Станкевича к друзьям. Книга потрясла Толстого. «Читали ли вы <...> переписку Станкевича. Ежели нет, ради Бога, прочтите, – писал он своей двоюродной тётке и другу А. А. Толстой. – Никогда никакая книга не производила на меня такого впечатления. Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видал. Что за чистота, что за нежность! Что за любовь, которыми он весь проникнут, и такой человек мучился всю жизнь и умер в мученьях; а мы с Вавилом пользуемся прекрасным здоровьем и очень довольны собой. После этого и рассуждай, что хорошо, что дурно» (23? августа 1858 г. – ПАТ. 2011. С. 125).

В тот же день было написано и письмо к Б. Н. Чичерину: «Читал ли ты переписку Станкевича? Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы, как себя. Веришь ли, у меня теперь слёзы на глазах. Я нынче только кончил его и ни о чём другом не могу думать. Больно читать его – слишком правда, убийственно грустная правда. Вот где ешь его кровь и тело. И зачем? за что? мучилось, радовалось и тщетно желало такое милое, чудное существо. Зачем? ты скажешь: “затем, чтобы ты плакал, его читая”. Да это я знаю и согласен, но этот ответ не мешает мне всё-таки совсем из другого, более цельного, более человеческого источ-

ника, спросить: зачем? и с каким-то болезненным удовольствием знать, что ничем кроме грустью и ужасом нельзя ответить на этот *зачем?*...» (60: 273).

Тот же вопрос «зачем?» мучительно вставал перед Толстым после смерти его старшего, любимого, брата Н. Н. Толстого.

Н. И. Бурнашёва

СТАРИНИН Иван Игнатьевич (Стариненков; 1860-е гг.–после 1914) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; писатель, публицист, вольный и доверенный книгоноша Британского библейского общества в России. Автор «Записок библейского книгоноши» (1891–1894, 1911), повести «Филипп Назарович, или сыны века своего» (1904–1905); рассказов и очерков: «Две жертвы» (1894), «Дядя Фаддей» (1897), «Об одном добром человеке. Случайная беседа» (1898), «Получка, или как гуляют фабричные» (1906); трактата «Познай самого себя»; воспоминаний о Толстом «Около мудреца» (1911), «Вечер у Толстого» (1912) и др.

В своих произведениях Старинин проповедовал учение Христа, делясь с читателями собственным опытом духовных исканий, создавая образ праведника, живущего в современном несправедливом мире. Его цепкий критический взгляд замечал множество преступлений против нравственности и морали. Жизнь монастырей и духовных семинарий, фабрик и мастерских, купеческих лавок и крестьянства – всё в его восприятии складывалось в общую панораму духовно-нравственного (а скорее, безнравственного) облика российского общества. Категорическое несогласие с такой жизнью и привело Старинина – едва умеющего читать и писать простолюдина – на литературное поприще.

Сведения о жизни Старинина скудны и заимствованы из его автобиографического сочинения «Записки библейского книгоноши» (далее ЗБК). Он выходец из крестьянской семьи, один из 5 детей, после смерти отца в 11 лет отданный в Казань, в лавку, в «мальчики». По окончании срока службы в лавке около года он прожил послушником в казанском Кизическом Введенском монастыре, который покинул, разочарованный «преступностью, царящей там», и по совету врача, предупредившего его о нервном заболевании. 4 года странствовал по Руси в поисках идеальной обители и духовной опоры. Не найдя их и преодолев тяжелейший духовный кризис, едва удержавшись от самоубийства, в 1880 г. Старинин устроился чернорабочим на московскую бумажную фабрику Э. Циндаля, работал там 1,5 месяца, заболел и оказался в больнице для фа-

бричных, в палате для безнадежных больных. Здесь он познакомился с книгоношей, распространявшим тексты Священного Писания. Здесь же услышал главы из Евангелия и навсегда понял, что «Царствие Божие нельзя найти у прозорливцев, в мощах или чудотворных иконах, что Царство Божие даётся при усиленном самосовершенствовании» (ЗБК), и поверил в то, что если все люди поймут это и «будут со знанием и верой читать Евангелие, то скоро все люди, весь мир и вся природа переродятся», – это убеждение стало главным в мировоззрении, проповеди и творчестве Старинина.

Выйдя из больницы, Старинин стал книгоношей, в течение 15-ти лет ходил по России, продавая Библии. В Москве он стремительно расширил круг своих знакомств, сближаясь с разными людьми, теперь вне Церкви пытаюсь найти такую форму религии, которая соответствовала бы учению Христа и помогала бы людям удовлетворять их природную потребность в духовном развитии. Позднее, характеризуя своё настроение того периода, Старинин признавался, что тогда ему «противно было видеть <...> всё человеческое холоуство, ханжество, фарисейство и пустосвятство», а Москва виделась ему средоточием зла и несправедности. Примерно в это время в его жизни произошли два знаковых события: попытка «расшевелить русское общество на доброе дело посредством печати», т. е. первые литературные опыты, и знакомство с Толстым.

Впервые в хамовнический дом Старинин пришёл с пашковским книгоношей С. В. Васильевым, который уже бывал у Толстого. После 2–3 визитов он стал горячим поклонником писателя и приходил ежедневно, даже нашёл возможность увидеться с Толстым в 1909 г., когда тот в последний раз посетил Москву.

Толстой тоже различал «Игнатича» среди множества людей, бывавших в Хамовниках: так в дневнике 20 февраля 1889 г. он записал, что «посадили книгоношу казанского за статью “о деньгах”» (50: 38) – в декабре 1888 г. в г. Александрове Владимирской губ. Старинин был арестован. При обыске у него искали запрещённые сочинения Толстого, но нашли только один экземпляр переписанной от руки главы о деньгах из трактата «Так что же нам делать?», и поэтому вскоре отпустили его под надзор полиции. Последствия ареста оказались ощутимы: Старинину выдали новый паспорт с ошибкой в фамилии (И. И. Стариненков с 1889 г. назывался И. И. Старининым); у него отобрали дневниковые записи за мно-

гие годы, и полностью воспроизвести их Старинин не смог уже никогда. Частые же вызовы в полицию подрывали репутацию честного книгоноши, вынудили отказаться от положения «доверенного книгоноши» (что было гораздо выгоднее и надежнее), и вновь он стал книгоношей «вольным».

Когда освобождённый из-под ареста Старинин пришёл к Толстому и рассказал ему о своих злоключениях, в дневнике Толстого (50: 51) появилась подробная запись по поводу этого разговора с пересказом истории о Сирийце-путешественнике, которую позднее Старинин по совету Толстого литературно обработал и включил в «ЗБК» («О Георгии-Сирийце»). За всё время знакомства с Толстым Старинин написал Толстому много писем, но отправил из них только одно, написанное 31 января 1909 г. Суть его – откровенно высказанный Толстому упрек по поводу «шумихи», которая развернулась в обществе вокруг имени писателя в канун его юбилея 1908 г., а «к концу лета превратилась в какой-то неописуемый кошмар». Старинин писал: «Всюду говорили, кричали, спорили, ругались, проклинали, благодарили, хвалили и превозносили. И во всём этом хаосе постоянно произносилось Ваше имя. В людных проходах и трамвайных вагонах разносчики выкрикивали: “Последние произведения Льва Толстого!” – предлагая брошюры, с напечатанным на обложке Вашим портретом. На окнах и в витринах книжных, художественных и писчебумажных магазинов развешаны были различных видов и размеров ваши портреты и лежали толстые томы Ваших сочинений и Ваших биографий» (РГАЛИ, ф. 122, оп. 2, № 265). Старинин замечал, что многие спорящие не имели ни малейшего представления о произведениях и тем более религиозно-философских взглядах Толстого, а основывались на слухах и сплетнях, газетах, которые также «были переполнены <...> и руганью и похвалой и <...> полными отчётами до мельчайшей подробности <...> домашней и интимной жизни» Толстого (*там же*). По мнению Старинина, ажиотаж вокруг имени был настолько силён и ненормален, что начал сводить на нет все многолетние усилия проповеднической деятельности Толстого. Сожалея о том, что писатель стал невольным заложником своей популярности, Старинин упрекал его в бездействии, полагая, что юбилей сам должен был пресечь деятельность своих друзей, которые «слишком усердно изучают» его «личную жизнь», «каждый <...> шаг, каждое движение, каждый поступок, каждую привычку, а затем пишут и пишут

об этом без конца и в газетах, и в журналах, и в толстых-претолстых с Библию толщи- ной книгах». Он прямо спрашивал Толсто- го: «...зачем снимают с вас такое огромное количество портретов и фотографий (как пашете, как гуляете, даже как молитесь!)»?

С иронией и болью описывал он один из примеров «так называемых толстовских <...> “вечеров”»: вечер, “устроенный на бар- ской квартире” и заключающийся в долгом произнесении хвалебных речей, обращё- нных к портрету Толстого, чтении отрывков из его произведений, перемежающийся дли- тельными перерывами у обильного стола с закусками и винами, <...> и закончивший- ся далеко за полночь приступом “внезапной морской болезни” одного из участников ве- чера, женским визгом, руганью и кликами: “Браво, Толстой! Браво!”» (РГАЛИ, ф. 122, оп. 2, № 265).

Вполне доброжелательно отвечал Тол- стой Старинину 25 февраля 1909 г.: «Всё, что вы пишете, совершенно верно. Не знаю, насколько соблазн славы людской захватил меня, – вероятно, захватил и развратил, – но знаю то, что всегда <...> боролся и борюсь с ним. <...> Сердечно благодарю вас за ваше не только умное, но доброе письмо, про- никнутое братской любовью, которая мне очень дорога. Соблазн славы людской тем ужасен, что он захватывает самые дорогие стремления. <...> От этого-то одно из луч- ших средств против него есть осуждение <...>. И, как вы верно говорите, оно всегда сопутствует похвале, особенно такой не- лепой и неискренней, внушённой, которая расточалась мне» (79: 82–83).

Судьбу Старинина после этого письма ещё некоторое время можно проследить по публикациям (воспоминания о Толстом – 1911 и 1912 гг.; в 1914 г. выход в свет «За- писок библейского книгоноши»), но затем след его теряется.

Лит.: Старинин И. И. Около мудреца // Русские ведомости. 1911. 16 ноября; Стари- нин И. И. Вечер у Л. Н. Толстого // Утро России. 1912. 7 ноября.

Н. О. Бабаева

СТАХОВИЧ Александр Александро- вич («Стахович-старший», «Стахович- отец»; 1830–1913) – знакомый Толстого; крупный помещик, коннозаводчик. Толстой познакомился с А. А. Стаховичем, выпуск- ником кавалерийского училища и лейб-гу- саром, в 1850-е гг. В дневнике писателя 1856–1857 гг. упоминались встречи со Ста- ховичем у А. В. Дружинина, А. Д. Столы- пина и др. общих знакомых. По свидетель- ству С. А. Стахович, в мае 1856 г. её отец А. А. Стахович, в то время страстный лю-

битель лошадей и владелец конного завода в сельце Пальне Елецкого уезда Орловской губ., рассказал Толстому о замечательном по резвости рысаке Холстомере, о том, что судьба Холстомера дала мысль его брату Михаилу Александровичу написать повесть «Похождения пегого мерина», но ранняя смерть не позволила ему исполнить это намерение (Стахович С. А. Как писался «Холстомер» // *Летописи*. 2. С. 332–336). Впоследствии Толстой воспользовался за- интересовавшим его сюжетом и указал на его источник в посвящении к «Холстоме- ру»: «Посвящается памяти М. А. Стаховича. <...> Сюжет этот был задуман М. А. Стахо- вичем <...> и передан автору А. А. Стахови- чем» (26: 3).

Дослужившись до должности тайного советника, в 1871 г. Стахович вышел в от- ставку. В 1880–1890-е гг. он с сыновьями, Михаилом и Александром, и дочерьми, Со- фьей и Марией, – частые гости Ясной Поля- ны. В 1880-е гг. А. А. Стахович в знак друж- бы дал займы деньги на печатание полного собрания сочинений писателя, о чём Тол- стой писал жене 20 ноября 1885 г.: «День- ги от Стаховича получили, вексель отдали <...>. Стахович не взял 8%, а только то, что он получал на бумагах...» (83: 528).

Любитель драматического искусства и литературы, Стахович, по воспомина- ниям современников, был замечательным чтецом. Его артистическое чтение пьес Н. В. Гоголя и А. Н. Островского в Ясной Поляне осенью 1886 г. послужило толч- ком для создания Толстым драмы «Власть тьмы». В мемуарах «Клочки воспоми- наний» Стахович писал: «Когда я вчера <11 ноября 1886 г. – А. Ф.> приехал, Л. Н. работал в зале и встретил меня словами: “Как я рад, что вы приехали! Вашим че- нием вы расшевелили меня. После вас я на- писал драму... Или я давно ничего не писал для театра, или действительно вышло чудо, чудо!”» (Стахович А. А. Клочки воспоми- наний // Толстовский ежегодник. 1912 г. С. 27). В письме к жене 10 ноября Толстой так описывал этот приезд Стаховича: «Нын- че приехал Стахович. Всё с ним кончим. Девочки затеяли переписать драму и дать ему прочесть. <...> Я её нынче утром попра- вил ещё» (83: 576–577). В те дни Стаховичу удалось прочесть «Власть тьмы» многим крестьянам, собравшимся в яснополянском доме, что представляло для Толстого боль- шой интерес: адресатом пьесы, по замыслу автора предназначенной для постановки на балаганах, выступала народная аудито- рия. В январе 1887 г., когда печатание «Вла- сти тьмы» наткнулось на серьёзные цензур- ные препятствия, Стахович неоднократно

читал драму в аристократических салонах Петербурга, в т. ч. и при дворе Александра III. После чтения Александр III высказал мнение, что драма Толстого – «чудная вещь» (*Летописи*. Кн. 2. С. 267) и что для успеха постановки нужно соединённое участие петербургской и московской трупп. В письме 23 января того же года Толстой благодарил Стаховича: «Спасибо вам, дорогой Александр Александрович, за ваши хлопоты о драме. Сейчас получил пропуск её. Меня очень радует то участие, которое вы принимаете в деле пьесы, но к результатам совершенно, совершенно равнодушен. Что ни выйдет, всё отлично. Я это не говорю только, но чувствую» (*Летописи*. Кн. 2. С. 67). На протяжении многих десятилетий систематически изучая русскую сцену, Стахович стал редким знатоком театра и автором подробных записок о петербургско-московском театральном мире «Клочки воспоминаний» (М., 1904). В дневнике конца 1880-х гг. Толстой часто упоминал визиты Стаховича, образ жизни которого порой вызывал отчуждение. 1 декабря 1888 г. запись: «Утром приехал Стахович-старший и Флеров – оба алкоголиконикотинцы; жалкие» (50: 8). В 1889 г. в дневнике схожие записи: «Стахович-отец. Тяжело» (27 февраля; 50: 42); «Приехали чуждые и тяжёлые Стаховичи» (21 июля; 50: 110). И. М. Ивакин вспоминал о горячих спорах Толстого со Стаховичем. В дневнике 1 июля 1885 г. он писал: «Пришёл Л. Н., потом Стахович. Заговорили опять о насилии. Объясняя Стаховичу, что такое насилие, Л. Н. рассердился и стал кричать, как никогда» (*ЛН*. Т. 69. Кн. 2. С. 48); 26 июля: «Лев Николаевич сегодня за чаем толковал со Стаховичем-рёге в своём духе, но осторожно, безнадежно» (*там же*. С. 63).

А. А. Федотова

СТАХОВИЧ Александр Александрович («Стахович-сын»; 1858–1915) – сын А. А. Стаховича, земский и общественный деятель, елецкий уездный предводитель дворянства, член II Гос. думы. Родился в селе Надеждине Рязанской губ. По окончании Императорского училища правоведения и Николаевского кавалерийского училища в течение пяти лет служил в гусарском полку. Выйдя в отставку, в 1891–1895 гг. занимал должность земского начальника Елецкого уезда. В 1895–1904 гг. – елецкий уездный предводитель дворянства. В этой должности Стахович-сын большое внимание уделял повышению уровня образованности крестьян, созданию сети библиотек, сокращению распространения лубочной литературы. Стахович активно сотрудничал

в газетах «Русские ведомости», «Русское слово», в журнале «Русская мысль». С начала 1900-х гг. он включился в либеральное движение: входил в состав кружка «Беседа», «Союза освобождения», был участником съездов земцев-конституционалистов. В ноябре 1905 г. Стахович возглавил организованную по его инициативе в Ельце уездную кадетскую группу, с 1906 г. издавал кадетскую газету «Елецкий край», читал публичные лекции о программе конституционно-демократической партии. Стахович принимал участие в выборах в I, II, III и IV Гос. думы и был избран депутатом Думы второго созыва.

Как и все члены семьи Стаховичей, Александр Александрович – частый гость Ясной Поляны. Его либеральные взгляды были чужды Толстому, и его встречи с писателем сопровождались жаркими спорами. По свидетельству Д. П. Маковицкого, особенно горячо Толстой реагировал на вопросы народного представительства и конституции. 15 ноября 1905 г. Стахович приехал в Ясную Поляну со съезда Всероссийского крестьянского союза и начал рассказывать о нём Толстому. Маковицкий отметил реакцию писателя на рассказ Стаховича: «Мне это неинтересно, болтовня <...>. Делегаты – самозванцы <...>. Представительство – кукольная комедия» (*ЯПЗ*. I. С. 457). 1 декабря Стахович снова в Ясной Поляне и снова «рассказывал <...> с большим апломбом о Всероссийском крестьянском съезде. Л. Н. не выдержал и откликнулся из-за другого стола: “Как можно приписывать серьёзное значение речам пятидесяти дрянных, грубых и дерзких людей, которые там выступали и воображали, что говорят от имени русского народа?”» (*ЯПЗ*. I. С. 480). В дневнике писателя отразилось критическое отношение к взглядам Стаховича. 8 августа 1909 г. после его очередного визита в Ясную Поляну Толстой отметил: «Говорил с ним, и его самоуверенная, развязная и добродушная ограниченность раздражают мне. Вёл себя дурно, слушал себя. Важное-то было не 6-го, а 5-го вечером. Приехали полицейские за Гусевым и увезли его в тюрьму, а потом в Чердынь. <...> Стахович приехал уже на другой день. <...> Стахович несносен» (57: 112). 13 августа Толстой записал: «Приехали Стахович Александр и Струве. Мало интересны и тяжелы, особенно Струве. Читал им напрасно “О науке” и напрасно говорил» (57: 115). Между тем, несмотря на принципиальные разногласия по политическим и нравственным вопросам, дружеские связи Толстого и Стаховича были крепкими и поддерживались готовностью последнего оказывать

посильную помощь в общественной деятельности писателя. Об этом свидетельствует и письмо к Стаховичу Толстого (датируется приблизительно 1900–1904 гг.), вступившегося вместе с дочерью Т. Л. Сухотиной за монахиню, пострадавшую в результате «отвратительного преступления» (90: 329). Обращаясь к Стаховичу, Толстой писал: «Моё мнение то, что лучше всего бы было ей кончить дело миром: т. е. заручиться от обидевших её обязательством выдавать ей с ребёнком средств к жизни...» И заключил: «Вы, верно, горячо примете к сердцу это дело, милый и добрый Александр Александрович. Дружески жму вам руку. Привет сердечный вашему батюшке и всем вашим» (90: 329).

С началом Первой мировой войны (1914) Стахович участвовал в создании Всероссийского земского союза, занимавшегося помощью больным и раненым воинам. Окончания войны ему увидеть не удалось: он скончался в 1915 г.; похоронен в Пальне-Михайловке.

А. А. Федотова

СТАХОВИЧ Софья Александровна («Зося»; 1862–1942) – дочь А. А. Стаховича-старшего; фрейлина императриц Марии Фёдоровны и Александры Фёдоровны, близкий друг семьи Толстых. Знакомство Зоси Стахович, сверстницы детей Толстого, с писателем состоялось в 1885 г. в Москве. Их переписка (сохранилось 16 писем Толстого к Софье Александровне) свидетельствует, что писатель нередко обращался к С. А. Стахович за помощью по самым разным вопросам. В письме 23 ноября 1891 г. он благодарил её за присланные в организованные им столовые 200 пудов муки (66: 96), 28 декабря 1906 г. – за отбор легенд для составляемого писателем «Круга чтения» (76: 266), 3 января 1909 г. – за помещение в приют двух малолетних детей рабочего-революционера Анохина (79: 12). Долголетняя дружба Толстых и Стаховичей скреплялась личным общением во время частых посещений Софьей Александровной Ясной Поляны в 1890–1900-е гг. Члены семьи и близкие знакомые писателя единодушны в своих оценках этих визитов. А. Л. Толстая 15 июля 1903 г. записала в дневнике: «Были эти два дня А. А. Стахович с дочерью. Дочь мне очень нравится. Удивительно простая, весёлая, но

необыкновенно сильная, сильная и физически, и, я думаю, нравственно» (Толстая А. Л. Дневник 1903 года // Октябрь. 2001. № 9. С. 169–177.). М. С. Сухотин в дневнике 22 декабря 1906 г. писал: «Погостила тут С. А. Стахович, одна из самых приятных женщин, которых я когда-либо встречал. <...> Это какая-то ходячая антология. Особенно твёрдо она знает Пушкина и понимает и любит его» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 189). В Ясную Поляну Стахович привозила последние петербургские новости, рассказывала о значимых публикациях в русских и зарубежных журналах. 10 мая 1905 г. Маковицкий писал, что С. А. Стахович «рекомендовала Л. Н. прочесть в декабрьской книжке “Русского богатства” за 1904 г. статью о тюрьмах в Европе и Америке» (ЯПЗ. 1. С. 275). 31 января 1906 г.: «За обедом С. А. Стахович рассказывала, что прочитала в полученном сегодня “Новом времени” (№ 10732, 29 января), как в Петербурге в гостинице происходила сходка боевой дружины “Союза русского народа”, а рабочие противной партии бросили бомбу и стреляли по бежавшим» (ЯПЗ. 2. С. 36). 13 апреля 1906 г.: «...Софья Александровна читала из американских и английских газет о Горьком и Андреевой в Америке...» (ЯПЗ. 2. С. 108).

Беседы Толстого со Стахович касались широкого круга вопросов политической, общественной и культурной жизни России и Европы. В разговорах с ней писатель высказывал свои взгляды на религию («Религию уничтожили и не поставили ничего на её место. <...> Осталась зияющая рана» – ЯПЗ. 2. С. 38), на журналистику («Сколько новых газет! <...> И всё это ни к чему» – ЯПЗ. 2. С. 110), на политику («Если будет так, как в Европе, будет плохо. Там полное нагноение, просачивается. Этому я не верю, чтобы у нас стало, как в Европе» – ЯПЗ. 2. С. 159). Часто беседы со Стахович переходили в жаркие дискуссии, о чём сохранились записи в дневнике Толстого. 15 февраля 1909 г. писатель вспоминал состоявшийся накануне разговор о действиях русского правительства: «Вчера нехорошо говорил вечер с Зосей – осуждал, зло» (57: 27). 21 февраля Толстой описывал спор со Стахович об элитарном и массовом искусстве и отмечал «нехороший, задорный разговор с Зосей об искусстве» (57: 29).

После смерти Толстого С. А. Стахович посвятила себя пропаганде, собиранию и научному исследованию творчества писателя. Она помогала Маковицкому в создании его «Записок», о чём сама впоследствии вспоминала: «Душан <...> тихонько подходил ко мне и просительно шептал: “Прошу, пани, Ваша память так хороша...”



Это значило, что, вернувшись усталый и озябший из дальней поездки, он придёт ко мне и будет с моих слов стараться восстановить разговоры, происходившие без него. Не знаю, справедливо или нет, Душан считал, что я очень удачно запоминаю и передаю слова Толстого» (*ЯПЗ*. 1. С. 56). Софья Александровна участвовала в создании музея Толстого в Москве, в котором работала с 1921 г. до своей кончины. Ею были приобретены более 500 писем 1840–1890-х гг. у наследницы А. А. Толстой. Стахович вела работу по подготовке Юбилейного издания произведений писателя, в частности участвовала в издании вариантов «Войны и мира». В сборнике «Толстой и о Толстом. Новые материалы» (М., 1924) напечатана её статья «Слова Л. Н. Толстого, записанные С. Ал. Стахович» и в «*Летописях*» (2) статья «Как писался “Холстомер”». Умерла она в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.

А. А. Федотова

СТЕВЕНИ Вильям Барнс (Steveni; 1859–?) – посетитель Толстого; американец, корреспондент лондонской газеты «Daily Chronicle» и др. Приезжал в 1892 г. в Россию, чтобы изучить проблемы, связанные с голодом и организацией помощи голодающим. Был у Толстого в Москве 18 января и в Бегичевке 8–9 февраля 1892 г. Свою беседу с Толстым в Бегичевке изложил в статье, напечатанной в английском журнале «The Cornhill Magazine» (1892, июнь) и в книге «Through famine stricken Russia» («По поражённой голодом России») (Лондон, 1892): третья глава книги названа: «I interview Count Tolstoy». В 1893 г., узнав, что в книге «Царство Божие внутри вас» Толстой ставит и социальные вопросы, Стевени посетил его 22 октября (5–6 ноября) в Ясной Поляне и свои разговоры с ним опубликовал в «Daily Chronicle» (1893, №№ от 14–26 декабря). Во второй свой приезд Стевени получил от Толстого рекомендательную записку к А. Н. Дунаеву: «Податель сего американец Стевен изучает социальные вопросы и человек не плохой. <...> Помогите ему, направьте, где ему интересно и нужно» (66: 426).

Годы спустя, в 1907 г., при письме от 8 июля (н. ст.) Стевени прислал Толстому полученный им от мирового судьи Артура В. Мэчина чек на 10 с половиной долларов для помощи голодающим. В 1917 г. напечатал воспоминания о Толстом: «Personal Recollectives of count Tolstoy 1891 and 1892» – «Anglo-Russian Literary Society Praedings». 1917, № 80, p. 32–55.

Н. И. Бурнашёва

СТЕЛЛОВСКИЙ Фёдор Тимофеевич (1826–1875) – издатель, владелец типографии в С.-Петербурге. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве. В 1850 г. основал в Петербурге музыкальное издательство. Энергичный предприниматель, Стелловский значительно расширил рамки работы русских музыкальных издательств, способствовал пропаганде русской музыки. В 1853 г. открыл в Петербурге музыкальный магазин и нотное издательство. В 1850-х гг. Стелловский купил ещё несколько мелких издательств и стал одним из крупнейших нотоиздателей дореволюционной России. Среди изданий Стелловского – оперы, оркестровые сочинения; в 1857 г. он приобрёл право собственности на все сочинения М. И. Глинки и впервые напечатал партитуры лучших его опер «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и «Руслан и Людмила». В издательстве Стелловского печатались произведения многих русских композиторов, в т. ч. клавиры опер А. С. Даргомыжского, А. Н. Верстовского, А. Н. Серова и др., а также популярные произведения зарубежных композиторов. В 1858–1860 гг. издавался журнал «Музыкальный и театральный вестник», газета «Русский мир» (1860–1862)... В 1860-е гг. Стелловский, продолжая выпускать музыкальные произведения, в своей типографии стал издавать сочинения современных русских беллетристов – серию «Собрания сочинений русских авторов», в которой вышли первые собрания сочинений А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского, В. В. Крестовского и др. В 1864 г. в издательстве Стелловского вышло первое собрание сочинений Толстого, в двух частях (томах), тиражом 3000 экземпляров.

Переговоры со Стелловским начались в 1862 г., ещё до женитьбы. «Но кроме хлопот жениховских, – писала позднее С. А. Толстая, – у него было дело с неким Стелловским, которому он продал издание своих сочинений» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 68). Отношения с издателем складывались трудно. 19 декабря 1862 г. в дневнике Толстой отметил: «Ещё полтора месяца счастья. Одно горе – Стелловский...» (48: 47). В тот же день ещё одна запись: «Ещё месяц счастья. Дурное только Стелловский, моя ошибка в отношении его» (*там же*). Стелловский обязался заплатить Толстому 1000 рублей, но в марте 1864 г. заплатил из них только 400, пообещав остальные 600 рублей серебром выплатить в начале мая. Однако обещание не выполнил и в письме от 9 июня 1864 г. просил у Толстого позволения отсрочить долг до октября.

8 августа 1864 г. в № 30 журнала «Оса» напечатано объявление музыкального мага-

зина Ф. Стелловского о выходе первого тома «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» в издании Ф. Стелловского (содержание первого тома: «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Записки маркиза», «Люцерн», «Альберт», «Два гусара»). 15 сентября 1864 г. в № 17 журнала «Книжный вестник» в перечне книг, вышедших в 1864 г., указаны «Сочинения гр. Л. Н. Толстого», в 2-х частях, издание Ф. Стелловского (содержание второго тома: «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Встреча в отряде с московским знакомым», «Метель», «Семейное счастье (роман в двух частях)», «Казаки», «Поликушка». Педагогические статьи: «О народном образовании», «О методах обучения грамоте», «Проект общего плана устройства народных училищ», «Воспитание и образование», «Прогресс и определение образования»). Выход в свет собрания сочинений Толстого вызвал статью Д. И. Писарева «Промахи незрелой мысли» (Русское слово. 1864. № 12).

Н. И. Бурнашёва

СТОЛЫПИН Александр Аркадьевич (1863–1925) – помещик, литератор, журналист, общественный деятель. Сын Аркадия Дмитриевича Столыпина, генерал-адъютанта Александра II, генерал-майора свиты, атамана Уральского казачьего войска, во время обороны Севастополя воевавшего вместе с Толстым, впоследствии их дружеские отношения сохранились. Александр Аркадьевич – младший брат Петра Аркадьевича Столыпина.

Столыпин окончил филологический факультет С.-Петербургского университета, увлекался литературным творчеством: опубликовал несколько лирических стихотворений (Вестник Европы. 1882; Русский вестник. 1899) и поэму «Санделло» (Русский вестник. 1899); занимался хозяйственной деятельностью в имениях в Саратовской губ., в Литве, под Батуми и был довольно успешным помещиком. Позднее пытался поддерживать сельскохозяйственные реформы, которые проводил П. А. Столыпин. Долгое время возглавлял добровольное общество «Русское зерно», главной целью которого было изучение и распространение передового зарубежного аграрного опыта. С 1902 г. сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», затем стал редактировать эту газету. По требованию министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве был отстранён от редактирования «за вредное направление» издания. В 1904–1917 гг. – постоянный сотрудник газеты «Новое время», ежедневного издания, где печаталась подробная хроника и анализ европейских

и внутренних событий. В либеральных кругах русского общества «Новое время» имело репутацию сервильной, проправительственной газеты.

Включаясь в общественно-политическую жизнь, Столыпин активно участвовал в создании «Союза 17 октября», хотя впоследствии руководящих постов в партии октябристов не занимал. Вместе с большой группой либерально настроенных членов Союза подписал «Манифест 10 ноября 1905 года», призывавший укреплять и развивать конституционную монархию с народным представительством на основе всеобщего избирательного права, ускорить очередной созыв Гос. думы, которая должна заняться решением «крестьянского и рабочего вопросов» и законодательными реформами.

Политические взгляды Столыпина были более либеральными, чем у П. А. Столыпина. Но братья неизменно сохраняли близкие отношения, и журналистской деятельностью Столыпин поддерживал реформаторскую политику брата на посту премьер-министра. Братья дружили семьями, гостили друг у друга, встречались во время поездок по Европе. После покушения Столыпин практически неотлучно находился у постели смертельно раненного брата, проводил его в последний путь, опубликовал в «Новом времени» резкую статью с осуждением террора. Ежегодно с вдовой и детьми Столыпин приезжал в Киев почтить память брата.

Знакомство и общение с Толстым, начатое отцом семьи, А. Д. Столыпиным, было продолжено. В период учёбы в С.-Петербургском университете Столыпин познакомился с сыном Толстого Сергеем, с которым потом около года служил в Министерстве внутренних дел. Молодые люди, пытаясь скоротать скучную службу, в шутку именовали себя «полуграфом Толстыпиным», составив одну фамилию из двух своих (Протоиерей Павел Недосекин, Е. Н. Егорова. Предисловие // Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. Москва – Брюссель: Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011. С. 2).

Упоминание о Столыпине появилось у Толстого в записной книжке в декабре 1907 г.: «Столыпин А. кормится, и Буренин, и Суворин, и Андреев» (56: 278). Речь, видимо, шла о публикациях «Нового времени». В 1907 г. Толстой просил Столыпина, прибегнув к помощи брата, защитить от «преследования властей» «увлечёвшегося крестьянским союзом» ветеринарного врача А. В. Юшко, который ему «близок» «по

взглядам, по вере» (77: 163–164). Получив положительный ответ, Толстой решил спросить у Столыпина о судьбе своего письма к П. А. Столыпину и повторил те же мысли о несправедливости земельной собственности и средствах её уничтожения, какие он раньше изложил в письме к министру, настойчиво утверждая необходимость «освобождения земли от права собственности на неё» и сетуя на то, что министр не отвечал ему (77: 181). В ответном послании Столыпин излагал свои взгляды на эту проблему. Он начал с замечания: «...вы ошибочно приписываете людям душевный строй, подобный вашему». Не соглашаясь с Толстым, Столыпин считал, что единый налог земля может выдержать только при очень высокой культуре, а к этой культуре ещё нужно подвести народ через длинную эпоху собственности. Предлагаемый писателем путь, по мысли Столыпина, «может быть успешен только на крепком дичке физически здорового и материально богатого народа, а к такому состоянию он естественно придёт лишь тем не новым путём, по которому шли другие, старшие по времени народы». Толстой не ответил на это письмо. В третий раз Толстой писал Столыпину в 1908 г. по поводу его «Заметки» в «Новом времени», оправдывавшей смертную казнь. Появление этой публикации было связано с революционными событиями и массовыми смертными приговорами бунтовщикам. 1908 год отличался особенно большим числом смертных казней. Именно 18 декабря 1908 г., когда вышла статья Столыпина, в Екатеринославле заканчивался суд по делу о захвате революционерами железной дороги. По ликвидации забастовки, охватившей весь Донбасс, к делу было привлечено около 300 человек. После затянувшегося следствия Одесский военно-окружной суд 7 ноября объявил окончательный смертный приговор 32 человекам из 131. Николай II наложил резолюцию «Даровать жизнь, смягчить участь», но 8 человек, не обратившихся к милосердию монарха, были казнены.

Столыпин оправдывал применение смертной казни, находя в Евангелии отступление от заповеди «не убий». Толстой получил «Заметку» Столыпина в письме от Л. А. Арсеньева, студента физико-математического факультета Петербургского университета, который обратился к известному писателю для уяснения его позиции. 20 декабря 1908 г. Столыпину Толстой послал короткое письмо: «Прочёл то, что вы написали 18 декабря. Стыдно, гадко. Пожалейте свою душу. Я любил вашего отца, и мне больно за вас» (78: 294). 21 декабря Толстой начал писать статью «Смертная казнь и христианство»

(публ. с цензурными пропусками в газете «Новая Русь» № 57 от 28 февраля 1909 г., отдельным изданием в Берлине в 1909 г.). Оценивая «Заметку» Столыпина, Толстой писал: «Как ни ничтожна сама по себе статья эта и как ни нелепа, она всё-таки представляет из себя очень определённое кощунство над всем тем, что всегда было и есть и будет свяшенно для людей, понимающих христианское учение <...> статья эта печатается, распространяется по всей России» и «проходит замеченной только теми, которые видят в ней новое оправдание необходимого им преступления» (38: 41–42). Ответ Столыпина неизвестен.

Журналистскую работу Столыпин продолжал, но газета «Новое время» была закрыта большевиками на другой день после октябрьских событий 1917 г. В 1921–30 гг. её издание было возобновлено в Белграде.

После революции Столыпин эмигрировал; последние годы провёл в Белграде; там и похоронен на Новом кладбище.

Лит.: Переписка Толстого с А. А. Столыпиным / Предисл. и коммент. Н. Гусева // ЛН. Т. 37–38. С. 324–329.

Л. А. Ходанен

СТОЛЫПИН Алексей Аркадьевич («Монго»; 1816–1858) – знакомый Толстого; состоял с ним в далёком родстве (через Горчаковых). Офицер. Служил на Кавказе, участвовал в Крымской войне, в обороне Севастополя. Познакомился и общался с Толстым в Дунайской армии, в Севастополе и позднее в Петербурге. Сын Арк. А. и В. Н. Столыпиных, внук Н. С. Мордвинова, сенатора, известного своими прогрессивными взглядами и сочувствием декабристам. В 1835 г. Столыпин был выпущен из петербургской Школы юнкеров в лейб-гвардейский Гусарский полк. В дружеском кругу получил прозвище Монго. Двоюродный дядя, друг и однополчанин М. Ю. Лермонтова, в 1835–1836 и 1838–1839 гг. жил вместе с ним в Царском Селе. Некоторые эпизоды из этого периода отношений отразились в ранней поэме Лермонтова «Монго», где прототипом одного из героев стал реальный Столыпин-Монго. Вместе с Лермонтовым войдя в круг оппозиционной петербургской молодёжи (П. А. Валуев, И. С. Гагарин, Б. Д. Голицын, А. Н. Долгорукий и др.), Столыпин участвовал в «Кружке шестнадцати» (1838–1840), в 1837 г. ездил «охотником» на Кавказ, в ноябре 1839 г. вышел в отставку. В 1840 г. после суда за участие в качестве секунданта на дуэли Лермонтова с Э. Барантом Столыпин возвращён по указу Николая I на военную службу в звании капитана Нижегородского драгунского полка, где служил Лермонтов.

Вместе с Лермонтовым воевал в Малой Чечне, жил с ним в военных лагерях. «От Алексея Аркадича, — писал Лермонтов бабушке из Пятигорска 18 июля 1837 г., — я получил известия; он здоров, и некоторые офицеры, которые отсюда сюда приехали, мне говорили, что его можно считать лучшим офицером из гвардейских, присланных на Кавказ» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.—Л., 1959. Т. 4. С. 596). Этому сообщению Лермонтова вторил прекрасный отзыв военного начальства о боевой службе Столыпина. В его аттестационном списке в графе «какого поведения» отмечено: «отличного»; в графе «как показал себя в военных действиях» написано: «в военных делах имеет соображение хорошее». С отличием Столыпин провёл и экспедицию 1840 г. в Малой Чечне, получив за неё высокую награду — орден Владимира 4-й степени с бантом. 13 мая 1841 г. Столыпин с Лермонтовым приехали на отдых и лечение в Пятигорск, вместе поселились и проводили время. 15 июля Столыпин стал негласным секундантом на дуэли Лермонтова с Н. С. Мартыновым, повлёкшей гибель поэта. Столыпин и князь А. И. Васильчиков были организаторами отпевания поэта по православному обряду и первоначально захоронения на Пятигорском кладбище. В 1842 г. Столыпин вышел в отставку. С 1843 по начало 1850-х гг. жил в основном за границей. Опубликовал в парижской прогрессивной газете «*Demokratie pacifique*» (1843, 29 сентября — 4 ноября) свой перевод на французский язык романа Лермонтова «Герой нашего времени». В период Крымской войны вернулся в армию, участвовал в обороне Севастополя и за боевое отличие получил золотое оружие и чин майора; по окончании военных действий вышел в отставку. После участия в Крымской кампании у Монго обнаружились признаки чахотки, но он встретил сопротивление Николая I, запретившего ему поездку за границу для лечения и будто бы положившего на его прошение резолюцию: «Никогда, никуда». Согласие было получено лишь благодаря поддержке лейб-медика Мандта. Умер во Флоренции; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге, где нашли упокоение все Столыпина. Современники высказывали противоречивые мнения о Столыпине. М. Н. Лонгинов, дальний родственник Лермонтова, считал его человеком «воплощённой чести, образцом благородства, офицером отличной храбрости», столь же высоко оценивал личностные качества Столыпина князь А. И. Васильчиков, познакомившись с ним в 1840 г. Резко отрицательная характеристика Столыпину дана в воспоминани-

ях М. Б. Лобанова-Ростовского, посвящённых «Кружку шестнадцати»...

Упоминания о Столыпине-Монго появились в бухарестском дневнике Толстого 1854 г. и в севастопольских записях 1855 г. В период Дунайской кампании Толстой служил в штабе, где в числе его новых знакомых появился Столыпин-Монго. В первой записи 31 июля 1854 г. Толстой упоминал о переходе полка к Фокшанам, промежуточному пункту в период отступления к Кишинёву, во время которого он «ехал с Монго». При первой встрече Столыпин произвёл на Толстого двойственное впечатление. «Человек пустой, но с твёрдыми, хотя и ложными убеждениями» (47: 19), «Монго сильно не нравится мне» (47: 20), — отметил он в дневнике. Столыпин-Монго во время армейской службы жил вместе со своим братом Дмитрием Аркадьевичем, с которым у Толстого быстро установились дружеские отношения; он приходил к Столыпиным, они вместе обедали, вели беседы «о русском рабстве», о политической экономии. С Монго Толстой, видимо, не находил согласия. В дневниковой записи 19 августа 1854 г. отмечено, что «вечером был у Столыпиных и вынес отсюда неприятное чувство» (47: 22). В севастопольский период и позднее в Петербурге Толстой продолжил общение с братьями Столыпиными, обедал у них, играл в карты, они тоже навещали Толстого на его квартире. Со Столыпина-Монго у Толстого налаживались отношения. В дневнике есть запись 26 апреля 1856 г.: «Обедал с Алексеем Столыпиным у Дюссо. Славный и интересный малый. Дмитрий Столыпин был тронут тем, что я обругал его принципа и извинился перед ним» (47: 69). Столыпин-Монго, вероятно, вызывал у Толстого неприятие своей жизненной позицией, напоминающей интеллектуальную апатию «лишнего человека». Прожив бурную гусарскую молодость, пройдя испытания войной, пережив гибель Лермонтова-друга, Монго не нашёл себя, не развился духовно, не занялся интеллектуальной работой. Не сумев преодолеть кризисную атмосферу эпохи и не найдя близкого по духу окружения, он уехал из России и умер на чужбине.

Лит.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.

Л. А. Ходанен

СТОЛЫПИН Дмитрий Аркадьевич (1818–1893) — близкий знакомый Толстого, был в дружеских отношениях с ним. Офицер, мемуарист, автор трудов по сельскому хозяйству, философии позитивизма, политэкономии, композитор-любитель, родственник М. Ю. Лермонтова. Сын Аркадия

Алексеевича Столыпина, близкого друга М. М. Сперанского, обер-прокурора Сената, затем сенатора, и Веры Николаевны Мордвиновой, дочери сенатора Н. С. Мордвинова, известного своими передовыми взглядами на общественное развитие России и сочувствием декабристам. От своих предков Д. А. Столыпин унаследовал многие фамильные столыпинские черты и среди них – очень высокий рост, независимый характер, «столыпинский ум» с его основательностью, дальновидностью, практической направленностью и чрезвычайную работоспособность, что впоследствии проявится в многообразии занятий – науками, литературой, музыкой, хозяйством. Получив хорошее домашнее образование, Столыпин окончил Школу гвардейских подпрапорщиков в Петербурге, затем в 1839–1842 гг. служил корнетом в лейб-гвардии Конном полку. Но, постепенно убеждаясь, что в мирные периоды для отечества военная служба не нужна, в звании поручика прервал свою успешно начавшуюся военную карьеру; его взгляды оказались в противоречии с военной дисциплиной. Он добровольно вышел в отставку и занялся самообразованием.

В 1838–1840 гг. Столыпин сблизился с Лермонтовым (поэт был его двоюродным дядей по столыпинской линии). После гибели Лермонтова Столыпин получил от А. П. Шан-Гирея рукопись поэмы «Демон» и позднее участвовал в восстановлении её творческой истории, написал музыку к нескольким сочинениям поэта. Заботясь о его памяти, он передал в Лермонтовский музей, созданный в 1880 г. при Николаевском кавалерийском училище, хранившиеся у него рисунки и картины Лермонтова, его посмертное изображение (худ. Р. К. Шведе), фотографии с фамильных портретов, написал воспоминания о встречах с поэтом.

Во время Крымской войны Столыпин вернулся в армию, участвовал в обороне Севастополя, с апреля 1855 г. – ординарец при генерале П. В. Веймарне, был тяжело ранен. Граф С. Д. Шереметев, сослуживец по полку, вспоминал, что «Крымская война заставила его искать более деятельной боевой службы <...>. На Чёрной речке он совершил подвиг под градом пуль и вынес на плечах своих в виду неприятельской линии тело убитого генерала Веймарна. Французы, поражённые смелостью, при виде этого исполина, мерным шагом отступавшего с телом убитого генерала, прекратили пальбу, выражая одобрение. Это подвиг гомерический, напоминающий сказание об Аяксе» (Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 3. М., 2005. С. 224). За воинскую доблесть и мужество Столыпин был награждён золотым

оружием. О своём участии в севастопольских событиях он написал в мемуарах «Из личных воспоминаний о Крымской войне» (Русский архив. 1874. № 5).

После войны, верный своим убеждениям, Столыпин снова вышел в отставку и вскоре уехал за границу, где серьёзно изучал философию О. Конта и политэкономия. Вернувшись в Россию, он занялся устройством быта крестьян в своих многочисленных наследственных имениях. Практической деятельности предшествовал анализ экономического положения России. Экстенсивное хозяйство крестьян, низкий уровень культуры полей, а отсюда, несмотря на природное богатство, низкие урожаи и нищета крестьян останавливали его основное внимание. Сравнивая порядок земледелия в Европе, он делал вывод, что корень экономических проблем русской деревни – в крестьянской общине, где круговая порука уравнивала платёжеспособных и бедных крестьян. Столыпин ратовал за отказ от общинного земледелия и переход к арендному хуторному хозяйству. Претворяя в жизнь эту идею, он организовал арендные хутора в собственных поместьях, во владениях двоюродного брата А. А. Столыпина, несколько хуторов создал в Тарханах, которые перешли ему по наследству. Всего в 1870–1880-х гг. он построил 60 хуторов. Крестьяне неохотно шли на переустройство, но созданные хозяйства успешно развивались. Результаты своей хозяйственной деятельности Столыпин опубликовал в виде отдельных изданий: «Сельскохозяйственные очерки», 1889; «Научные очерки. Наш сельский вопрос», 1890 и др.

Бережно относясь к архиву своего рода, считая, что некоторые его документы имеют значение для истории, Столыпин публиковал «Письма и приказы Н. С. Мордвинова по управлению имением с. Пушкина» (Русский архив. 1874. № 3), «Письма Сперанского к А. А. Столыпину» (Русский архив. 1869. № 5, 10, 11; 1870. № 4–6).

С Толстым Столыпин впервые встретился в Севастополе, где он служил вместе с братом Алексеем Аркадьевичем. Подружившись с братьями, Толстой приходил к ним обедать, играть в карты, обсуждал с ними известие о публикации на французском языке в издании «Le Nord» (1855. № 7) и в «Le Journal de Francfort» (1855. № 167) сокращённого варианта своего рассказа «Севастополь в декабре месяце». Летом 1855 г. имя Столыпина упоминалось в дневнике почти ежедневно. 6 июня Толстой записал в дневнике, что «болтал с Столыпиным»; 10 июня опять «болтал о политической экономии с Д. Столыпиным. Он не глуп и добр» (47: 45). Внимание Столыпина

к экономическому строю жизни вызывало повышенный интерес Толстого, в это время обдумывавшего замысел «Романа русского помещика». В рассказе «Утро помещика», непосредственно связанном с этим замыслом, герой Дмитрий Нехлюдов, оставив университет, приезжает в наследственное имение и строит планы переустройства крестьянских хозяйств, вникая в подробности крестьянских общинных отношений и мечтая делать добро и спасти от нищеты (опубл. «Отечественные записки». 1856. № 12). О непосредственной связи бесед со Столыпиным об экономике русской деревни и художественного развития этой темы говорит дневниковая запись от 2 августа 1855 г.: «Сегодня, разговаривая с Столыпиным о рабстве в России, мне ещё ясней, чем прежде, пришла мысль сделать мои 4 эпохи истории Русского помещика, и сам я буду этим героем в Хабаровке. Главная мысль романа должна быть невозможность жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством. Все нищеты его должны быть выставлены и средства исправить указаны» (47: 58).

После Севастополя приятельские отношения продолжались и в Петербурге. Позднее тема поисков нового строя отношений помещика и крестьян получит развитие в зрелом творчестве писателя. Позиция Толстого по отношению к общинной форме землепользования будет отличаться от столыпинской. Толстой считал, что крестьянская община является основой цельности народной жизни и отказ от неё разрушителен. Диалог об этом Толстой продолжит уже с деятелями другого столыпинского поколения, в первую очередь, с племянником Д. А. Столыпина премьер-министром П. А. Столыпиным, который в своей реформаторской деятельности в сельском хозяйстве развивал идеи хуторского землевладения в России.

Л. А. Ходанен

СТРАХОВА Любовь Фёдоровна (рожд. Авилова; 1870–1919) – с 1890 г. жена Ф. А. Страхова, знакомая Толстых. Родилась в семье донских казаков. Её брат женился на сестре Фёдора Страхова, и Люба на правах родственницы стала часто бывать в доме Страховых. К этому времени она жила в Москве и училась в гимназии Фишера. Весной 1890 г. они обвенчались с Ф. Страховым в Петербурге, вернулись в Москву, в дом Страховых на Плющихе, где у них часто бывал Толстой, живший неподалёку, в Хамовниках. Страховы состояли в браке уже 13 лет и у них было трое детей, когда в 1903 г. по доносу свя-

щенника их брак был признан незаконным, так как они находились в «четвёртой степени свойства». Этот факт мог привести к большим неприятностям для всей семьи. Толстой очень переживал за своих друзей и обратился к А. Ф. Кони с просьбой помочь Страховым. По подсказке юриста была подана апелляционная жалоба в Синод. Постановление духовной консистории Синод не утвердил, и брак не был расторгнут – семья была спасена.

Много раз чета Страховых приезжала в Ясную Поляну, жили там по несколько дней, общаясь с Толстым и его домашними. Как-то Страхов приехал один, и Толстой послал с ним для жены букетик фиалок, им самим собранных. По приглашению Черткова некоторое время супруги Страховы жили у него в доме в Англии, а по его возвращении в Россию в 1908 г. поселились у него по соседству с Ясной Поляной, где Л. Ф. Страхова помогала в работе над «Сводом мыслей Л. Н. Толстого».

Лит.: Страхова Н. Ф. Лев Николаевич Толстой и Фёдор Алексеевич Страхов // Л. Н. Толстой и его близкие. М.: «Современник», 1986. С. 87–134.

Л. С. Дробат

СТЫКА Ян (Styka; 1858–1926) – корреспондент и адресат Толстого; польский художник, живший в Париже. Активная жизненная позиция писателя, его любовь к людям, попытки разрешить житейские противоречия буквально потрясли художника и вылились в полотно, содержание которого сам Стыка определил в письме к Толстому от 16 апреля 1909 г.: «Толстой за работой в саду, окружённый призраками тех бедствий, которые терзают его родину». Толстой был тронут этим произведением, а также письмом, в котором Стыка говорил о своих чувствах во время создания картины. Художнику казалось, что на фоне «идиллической прелести сада» страдания души русского писателя звучат с особой силой. «Получил репродукцию вашей прекрасной картины. Я любуюсь исполнением и благодарю вас за содержание. Благодарю вас особенно за добрые чувства ко мне» (80: 43), – писал Толстой Стыке 27 июля/9 августа 1909 г.

Искренне интересовали художника философские мысли Толстого о пути самосовершенствования для просвещённого человека, и в одном из писем к Толстому он упрекал его за то, что свои убеждения писатель формировал, опираясь лишь на один источник – Евангелие. Обосновывая важность Евангелия как единого труда разных цивилизаций и эпох, Толстой упоминал

в своём письме к Стыке мудрецов мира от древних до современных и подводил к мысли о том, что «религиозная и нравственная истина всегда и везде одна» (80: 44). Толстой сожалел, что его книга «Круг чтения», в которую вошли изречения нескольких сот древних и современных авторов, не переведена на французский язык и потому художник не мог судить о взглядах писателя в полной мере.

Стыка был очень заинтересован книгой «Круг чтения» и просил разрешения Толстого перевести её на французский язык, а в качестве предисловия к переводу поместить первое письмо Толстого к нему. Такое разрешение было получено, однако перевод издан не был.

Не раз в своём творчестве Стыка обращался к образу Толстого. Он прислал Толстому фотографию с эскиза к своей аллегорической картине, где были представлены деятели разных стран, а на переднем плане – Толстой. Умение соединять в полотнах идеи общего значения с действительностью Толстой считал одной из сильных сторон произведений Стыки.

В настоящее время в ИРЛИ РАН хранится раскрашенная масляными красками ксилография Стыки «Толстой и Христос». Ранее там находились ещё два портрета Толстого, написанные Стыкой. Один из них представлял собой фантастическую картину с изображением Толстого за работой над статьёй «Не убий»: он сидит над рукописью и сосредоточенно думает, опираясь головой на руку, в руке – перо; его окружают убитые, повешенные, казнённые, с мольбой тянутся к нему руки женщин.

А. А. Алена

СТЭД Уильям Томас (Stead; 1849–1912) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; известный английский журналист, основатель (в 1890 г.) и редактор журнала *Review of Reviews*, общественный деятель. В сентябре 1888 г. побывал у Толстого в Ясной Поляне. Автор книги: *Truth about Russia*. London; Paris; New York; Melbourne: Cassel & Co, 1888. Три главы этой книги рассказывают о пребывании в Ясной Поляне и встречах с Толстым. Одна из глав напечатана А. С. Сувориным в «Новом времени» (1889. № 4637, 25 января) под названием «Неделя в Ясной Поляне».

В 1890 г. в журнале Стэда (№ 4) вышла его статья «The Story of the Month: Count Tolstoi's Kreutzer Sonata» («Литературная новинка месяца: “Крейцерова соната” графа Толстого»). Толстой по этому поводу заметил в письме к Э. Диллону: «Статья Стэда очень легкомысленна и даже нехо-

роша» (65: 82). В семье Толстых иногда возникали разговоры о Стэде в связи с публикациями в *Review of Reviews* или «Новом времени». О чтении *Review of Reviews* есть запись в дневнике Толстого 16 февраля 1891 г.: «Читал R. of R. (отвратительно)...» (52: 11).

Стэд намеревался один из рождественских выпусков своего журнала посвятить Толстому и посетить Ясную Поляну в 1905 г., но приехать не удалось. По поводу предполагаемого приезда Толстой писал своему переводчику и биографу Э. Мооду 20 августа: «Что касается Стэда, то я особенно рад буду его посещению. Оно уничтожит то недоразумение, которое случайно и, вероятно, по моей вине возникло» (76: 15). В августе 1905 г. Толстой получил от Стэда его статью «Граф Толстой». Статья Толстому не понравилась своей «несерьёзностью» (76: 25). По свидетельству Д. П. Маковицкого, он сказал, что это «самое неприличное восхваление, газетная болтовня» (12 сентября 1905 г. – *ЯПЗ*. 1. С. 398). В ответ на приложенное к статье письмо Стэда от 11 августа 1905 г. с просьбой прислать что-нибудь в его журнал Толстой писал: «Сожалею, что не в состоянии исполнить вашей просьбы написать что-нибудь для ваших читателей» (76: 25). 5 января 1907 г. он занёс в записную книжку (карманный ежедневник): «Читал *Review of Reviews* обзор всей жизни мира. Какие жалкие, обманные, лживые, дурные интересы!» (56: 178).

В *ЯПб* сохранились многочисленные номера журнала *Review of Reviews*, а также 6 книг Стэда: 1) *The Americanisation of the world or the Trend of the twentieth century* / By W. T. Stead. – London, 1902; 2) *If Christ came to Chicago! / A plea for the Union of all who love in the service of all who suffer by William T. Stead.* – London, 1894; 3) «Lest we forget»: A keepsake from the nineteenth century / By W. T. Stead. – London; Melbourne, 1901. На книге – дарственная надпись: «To Count Leo Tolstoi with the Author's respects Christmas 1900 <Графу Льву Толстому с почтением от автора. Рождество 1900. – Г. А.>»; 4) *Portraits and autographs: An album for the people.* – London, 1890 (Mowbray house). Вклеена фотография редактора с дарственной надписью (факсимиле): «Yours truly William T. Stead»; 5) *The Revival in the West: A narrative of facts* / By W. T. Stead. – London, 1905 (Henderson & Spalding); 6) *Truth about Russia* / By W. T. Stead. – London; Paris; New York; Melbourne, 1888. На обороте авантитула – дарственная надпись: «To Count Tolstoi with affectionate remembrance of the family at Jasnaya Pauliana From the Author. W. T. Stead <Графу Толсто-

му с нежной памятью о яснополянской семье. От автора. – Г. А. >».

Г. В. Алексеева

СУВОРОВ Михаил Данилович (1853–?) – крестьянин села Семёновского Тверской губ. и уезда, Городенской волости, корреспондент и адресат Толстого. Суворов, служивший лакеем в Петербурге у вдовы министра народного просвещения Д. А. Толстого, гр. Софьи Дмитриевны Толстой, 16 марта 1905 г. послал Толстому письмо (написано малограмотно), в котором спрашивал: «Доколь многонаселённые серые сермяги тащить будут перекувыркнатаю телегу? Двадцатый век идёт, и время тяжкое настигло, льётся кровь и пот, обездолены, обессилены, не будет отцов, братьев, и множество калек. А перекувыркнутая телега стоит на том же месте. Будем ли мы в состоянии продолжать тащить телегу и петь дубинку, что сама пойдёт. <...> Великий учитель, научи нас, многострадальцев и долготерпеливых серых зипунов, дотащить перекувырнутую телегу до назначенного места. Проложи ровный путь твой, укажи конец места и бесполезных трудов наших...» Толстой отвечал Суворову большим письмом (работал над ним 24–28 марта), в котором изложил свой взгляд на причины рабского положения народа и средства освобождения. В дневнике 30 марта отмечено: «Написал письмо о перекувыркнутой телеге» (55: 130). (Авторская дата на письме – 27 марта.) Ответ 5 апреля был отправлен Суворову и тогда же в Англию В. Г. Черткову для публикации. В виде отдельной брошюры с датой 25 марта 1905 г. вышел под заглавием «Как освободиться рабочему народу? (Письмо крестьянину)» в издании «Свободного слова» – «Листки для народа» № 13. Christchurch, 1905. Во втором своём письме от 9 апреля Суворов благодарил Толстого за его ответ («Писал хвалу и благодарность» – *ЯПЗ*. I. С. 281).

13 мая в Ясной Поляне Толстой прочёл вслух своё письмо лакею. 5 июня ещё раз читал Бирюкову и Т. А. Кузминской первую часть письма и сказал: «Этот лакей служит в том доме, где Стаховичи живут, в Петербурге. Смешное у него лицо, говорят» (*там же*. С. 304). 13 июня снова читал письмо, сказав: «Это моё profession de foi <исповедание веры>, которое я выразил самым общедоступным способом» (*там же*. С. 313).

В 1906 г. ответ Суворову был напечатан в России (СПб.) в издании «Обновление» № 10 (издание конфисковано). 29 апреля 1907 г. Толстой ещё раз отредактировал письмо и назвал его «Истинная свобода», с этим названием оно и было напечатано в т. 19 «Сочинений» Толстого, изд. 12-е,

М., 1911, с. 549–555, но по постановлению Московской судебной палаты было вырезано из тома вместе с другими статьями. В 1917–1918 гг. статья «Истинная свобода» появилась в 11 различных изданиях.

Н. И. Бурнашёва

СУЛИМОВСКИЙ Михаил Иванович (даты жизни не установлены) – кавказский сослуживец Толстого по батарее № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады; подпоручик артиллерии. В 1886 г. в чине полковника командовал батареей (Янжул М. А. «80 лет боевой и мирной жизни 20 артиллерийской бригады. 1806–1886»). С первых дней пребывания Толстого в станице Старогладковской Сулимовский часто упоминался на страницах его дневника. Отношения складывались, видимо, не очень добрые: чаще всего Толстой подчёркивал отрицательные черты сослуживца. Даже внешность его вызывала раздражение: для Толстого уже «наружность Сулимовского» исключала «всё хорошее» (дневник 21 марта 1852 г. – 46: 97). К тому же подпоручик был груб, нередко пьян и довольно навязчив. В дневнике Толстого 11–16 декабря 1853 г. запись: «Сулимовский с обыкновенной своей грубостью рассказал мне, как Пистолькорс ругает меня за Розенкранца; это сильно огорчило меня и охладило к литературным занятиям, но объявление Современника на 1854 год снова возбудило меня к ним» (46: 211). Тем не менее Толстой «ходил с Сулимовским на охоту» (46: 141), иногда бывали душевные беседы: «Я навёл Сулимовского на откровенность, и он сказал мне много искреннего о своём равнодушии к отцу» (20 января 1854 г. – 46: 231). Рядом ещё запись: «Сулимовский навёл меня на мысль о необходимости связей» (46: 232).

Через несколько месяцев после отъезда с Кавказа, уже в Кишинёве, Толстой получил из Старогладковской письмо от своего приятеля офицера Оголина А. П., который писал и о Сулимовском: «Старый Изегрим <...> решительно переменялся, я говорю не шутя. Он по-прежнему со взводом в Старом Юрте, и некая Гиремунда так овладела сердцем Изегрима, что он из волка обратился в ягнёнка: водки не пьёт, при разговоре так приятно ухмыляется и делает такие ловкие и грациозные движения, так что если бы король Нобль знал об его успехах, то непременно потребовал бы к двору и сделал первым придворным» (письмо от 16 сентября 1854 г.; Изегрим (волк), Гиремунда (волчица), король Нобль (лев) – персонажи в сатирической поэме И.-В. Гёте «Рейнеке-лис»). Под своей фамилией М. И. Сулимовский

упомянут в рассказе Толстого «Рубка леса» (гл. VIII): это поручик, которому солдат Веленчук «шинель работал».

По окончании службы Сулимовский остался на жительство во Владикавказе; в 1893–1894 гг., уже генерал-майор, он был главой города.

Н. И. Бурнашёва

СУТКОВОЙ Николай Григорьевич (1872–1930?) – единомышленник, корреспондент и адресат Толстого; участник издательства «Обновление», впоследствии разделял учение А. М. Добролюбова.

В 1897 г. окончил юридический факультет Петербургского университета; в 1897–1899 гг. работал на земле под Ростовом-на-Дону; в 1899–1902 гг. служил в Петербурге; в 1902–1904 гг. работал на земле в Сочи; в 1904–1905 гг. жил в Женеве и в Англии у В. Г. Черткова. В 1905–1910 гг. Сутковой и П. П. Картушин основали коммуну около Сочи, на Верхней Мацесте. Историю своих религиозных исканий и своё мирозерцание Сутковой изложил в статье «Моё искание веры» (Свободное слово. 1905) и в воззвании «Свободные христиане» (1907; 56: 553–554).

Впервые приехал к Толстому в Ясную Поляну 16 марта 1905 г. Был с ним в дружеских и деловых отношениях, выполняя различные его поручения.

Суткового друзья и знакомые причисляли к редким людям по нравственной высоте и идейной чистоте: больше всего его занимали мысли о самосовершенствовании и самоуглублении. Так, один из молодых единомышленников Толстого, В. А. Молочников, с первой встречи был поражён личностью Суткового, который «пришёл к окончательному выводу, что жизнь людей – только в духе. И служить нужно только духу, соединяющему в любви всех людей без исключения. Угодение телу, развитие материальных потребностей ведёт человечество к гибели. И он сократил все свои потребности до крайней степени. Много работал, мало спал и мало ел, упрощённо одевался. Был строгим вегетарианцем, притом всегда был бодр и со всеми ласков» (Молочников В. А. Свет и тени. Воспоминания о моём приближении к Толстому // Толстой и о Толстом. 3. М., 1927. С. 63).

С первых дней знакомства с Сутковым Толстой был очень добр к нему и «безгранично доступен», как и «для тех из проходящих к нему людей, которые понимают его и живут для того же, что и он» (ЯПЗ. 1. С. 212). Толстой говорил, что в сущности Сутковой – «просто очень религиозный человек, не толстовец» (ЯПЗ. 2. С. 254).

Между ними было глубокое понимание по многим вопросам. В одной из бесед Сутковой изложил свои мысли на нравственный прогресс человечества: «люди будут чувствовать жизнь других не только близких, но всех людей и будут испытывать это счастье за всех» (55: 139).

В 1906–1908 гг. в Петербурге Сутковой принимал самое активное участие в выпуске антиправительственных и антицерковных статей Толстого в издательстве «Обновление» вместе с Н. Е. Фельтеном и П. П. Картушиным. Они вложили в издательство свои деньги. «...Печатали по 18000 экземпляров. Работали <...> без помощников, сами на себе таскали бумагу в типографию, корректировали и быстро уносили из типографии отпечатанные экземпляры, оставляя для конфискации 1–2 тысячи экземпляров. Всё издательство помещалось в маленькой комнате, где жили вдвоём, питаясь хлебом, картофелем, капустой и горохом с постным маслом» (ЯПЗ. 2. С. 172).

В 1907 г. Сутковой по поручению Толстого ездил в Самарскую губ. для помощи голодающим. 10 апреля 1907 г. Толстой получил от канадских духоборов 5000 долларов для голодающих. Он просил Суткового взять на себя распределение этих денег среди крестьян Самарской губ., где, по газетам, голод был особенно силён. 25 апреля 1907 г. Сутковой выехал в Самарскую губ. С места он послал Толстому несколько писем с описанием положения дел, а 1–3 июня написал обширное письмо о жизни и религиозных воззрениях последователей А. Добролюбова, среди которых он поселился (56: 441–442). 7 июня 1907 г. Толстой отвечал своему другу, соглашаясь с основным религиозным учением «добролюбовцев», но высказывался против их собраний и «храмов молчания и бодрствования», которые могут выродиться в обряд, против «выделения себя от людей в кучку праведников» (77: 131–133).

Толстой был очень благодарен Сутковому за то, что он взял на себя выполнение этого тяжёлого дела – распределения денег на голодающих: «Интересные и хорошие письма ваши буду хранить, продолжайте писать. <...> И, зная вас, уверен, что сделаете всё, что можно» (77: 97–98).

С 1908–1911 гг. Сутковой жил на земле в Сочи. В июле 1910 г. посетил Толстого. «Хороший разговор с ним», – отметил Толстой в дневнике (58: 76). Говорили о философии А. М. Добролюбова, о воле, усилии, молитве, о значении слова и молчания.

В 1911–1912 гг. Сутковой сидел в тюрьме. Затем продолжал жить на земле в Сочи.

Позднее он отошёл от толстовства, увлекался и теософией, и православием, и наконец создав собственное учение «теризм» — проповедь упрощённой жизни с признанием нравственных основ и вместе с тем некоторых форм гос. жизни (55: 506).

Е. Г. Шестакова

СУХОНИН Сергей Сергеевич (1870—после 1916?) — писатель и переводчик, редактор ежемесячного журнала «Вестник всемирной истории» (с 1906 г. — «Всемирный вестник») (СПб.); издатель сочинений Толстого и материалов о нём. Закончил Александровский лицей, служил чиновником особых поручений при Министерстве гос. имущества, имел чин надворного советника (1906).

В конце 1905 г. Сухонин решил ознакомиться в будущем году читателей «Всемирного вестника» с произведениями Толстого, изданными за границей. Но в России получить эти сочинения было невозможно, и он поручил одному из сотрудников редакции в Берлине «списать их и в рукописях переслать в редакцию». В октябре 1905 г. он обратился к В. Г. Черткову, проживавшему в Англии, с просьбой сообщить точный список изданных за границей сочинений Толстого, чтобы случайно не напечатать то, что некоторые заграничные издатели выдают за его сочинения. Вскоре Чертков любезно прислал в редакцию список (От редакции // *Всемирный вестник*. 1906. № 1). «Ко “Всемирному вестнику” за 1905 г. издатель Сухонин обещает приложение: 50 нелегальных статей Л. Н., записки некоторых декабристов, Бебеля», — записал Д. П. Маковицкий 31 декабря 1905 г. (*ЯПЗ*. 1. С. 482). 21 января 1906 г. Толстой от одного из своих «молодых друзей» получил письмо с вопросом, можно ли доверять обещанию редактора Сухонина дать в приложении «Всемирного вестника» почти все запрещённые сочинения писателя. Толстой поручил Маковицкому ответить, «что Сухонин не обманет, но цензура может не пропустить» (*ЯПЗ*. 2. С. 25). Именно так и ответил Маковицкий (76: 278).

В январском 1906 г. номере «Всемирного вестника» действительно были напечатаны «Исповедь», «К политическим деятелям», «Восстановление ада», «Единственное средство» и «Стыдно». Редакция сообщала, что журнал поставил задачей ознакомить читателей с так называемой «нелегальной литературой» и на его страницах будут напечатаны другие произведения Толстого, изданные за границей. Кроме того, читатели увидят «Дела III Отделения...» о тайной слежке за графом Толстым, эмигрантом А. И. Герце-

ном, а также ряд неизвестных произведений А. С. Пушкина и др. авторов. «В настоящее время, — сообщалось в заключение, — следуя только что высказанному желанию гр. Л. Н. Толстого, с февральского же номера нашего журнала все труды великого писателя будут нами печататься исключительно с оригиналов В. Г. Черткова» (От редакции // *Всемирный вестник*. 1906. № 1).

Своё обещание редакция «Всемирного вестника» выполнила, публикуя произведения Толстого не только на страницах журнала, но и выпуская их отдельными изданиями как приложения к журналу. 27 января 1907 г. Маковицкий записал в дневнике: «Смотрели приложения “Всемирного вестника”: “Краткое изложение Евангелия” и “Соединение и перевод 4-х Евангелий”. Л. Н. впервые видел их изданными в России (по чертковскому изданию). Видимо, радовался» (*ЯПЗ*. 2. С. 360).

Однако публикация «Всемирным вестником» запрещённых цензурой сочинений писателя вызвала негодование православной церкви. 25 февраля 1906 г. Толстой прочёл в «Церковной газете» статью «Л. Н. Толстой перед судом», где сообщалось, что содержание некоторых статей графа Толстого, напечатанных в январской книжке «Всемирного вестника», «даёт право предъявить к редактору журнала обвинение по пунктам 100, 103, 128 и 129, но представители прокуратуры отказываются начинать уголовное преследование, находя, что возбуждать процесс против статей Льва Толстого равносильно мировому скандалу» (*ЯПЗ*. 2. С. 60–61).

В конце апреля 1906 г. в газетах появилось сообщение, что Главное управление по делам печати возбудило уголовное дело в отношении редактора С. С. Сухонина и о предании его суду Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты. Надворный советник Сухонин обвинялся в том, что, являясь ответственным редактором ежемесячного журнала «Всемирный вестник», в январской книжке за 1906 г. поместил статью графа Толстого «Единственное средство», где утверждалось, что «рабочие не должны повиноваться законам и поступать на военную службу, и этим путём распространить сочинение *заведомо для него возбуждавшее к неповиновению закону и законным распоряжениям власти, т. е. совершил преступление, предусмотренное 3 п. 129 ст. Угол. Улож.*» (Дело редактора-издателя «Всемирного Вестника» в Особом присутствии СПб. Суд. Палаты // *Всемирный вестник*. 1907. № 2. С. 7–8). 7 февраля 1907 г. в С.-Петербурге состоялось судебное заседание по делу Сухонина. Благодаря умелой защите адвоката О. О. Грузенберга,

Особое присутствие с участием сословных представителей признало инкриминируемое Сухонину преступление недоказанным, а обвиняемого по суду оправданным.

В. Н. Чисников

СУХОТИН Александр Михайлович (1827–1905) – брат Сергея Михайловича и дядя Михаила Сергеевича Сухотиных («дядя Саша»). Получил домашнее образование. Будучи поручиком Митавского гусарского полка, участвовал в обороне Севастополя. В 1858 г. вышел в отставку в чине штаб-ротмистра. Наследовал имение Кочеты. Был мировым посредником первого призыва, в 1871–1879 гг. предводителем дворянства в Новосильском уезде, позже земским начальником. В 1850–1860-е гг. Толстой часто встречался с ним в усадьбах А. А. Фета, Д. А. Дякова, они вместе охотились. «Это был человек лет за сорок, утонченных вкусов, утонченного воспитания, с изящным французским языком, и всё, что было в нём русского, – это его бесконечная доброта. Крестьяне и бабы надували его: он безропотно платил всё, что с него требовали», – писала о нём свояченица Толстого Т. А. Кузминская (*Кузминская*. Ч. III, гл. XVIII).

А. Сухотин бывал в Ясной Поляне. Он не относился к числу близких Толстому людей, но был ему симпатичен, о чём говорят записи в дневнике: «А. Сухотин приятен» (1865 г. – 48: 63); 1900 г.: «...разговаривал хорошо с Ал. Мих.» (54: 53). В письмах к дочери, Т. Л. Сухотиной, 6 ноября 1900 г.: «...прекрасен Александр Михайлович» (72: 498), в мае 1902 г.: «Привет всем твоим, особенно А. М.» (73: 249), Софье Андреевне: «Сейчас провёл часа 1½ в приятной и серьёзной беседе с А. М.» (84: 351).

В обществе А. Сухотина знали как прекрасного чтеца литературных новинок и охотно приглашали. На празднике у Дяковых затеяли шарады. «Все шарады отгадали, и большинство их, конечно, Александр Михайлович Сухотин», – вспоминала Т. А. Кузминская: (*Кузминская*. Ч. III, гл. XVIII). Он был знаком с известными писателями, дружил и переписывался с И. С. Тургеневым. Говорили, что он был очень влюбчив. Толстой писал в дневнике 1856 г.: «Вернулся к Дьяковым, танцевал немного и выехал оттуда с Александром Сухотиным, страстно влюблённым человеком» (47: 76). Способность влюбляться он сохранил до старости. Толстой, на год моложе А. Сухотина, в июне 1903 г. просил дочь Татьяну Львовну: «Александру Михайловичу скажите, что он на 30 лет моложе меня. Молодость не в верховой езде, а в влюблении,

а я этого не могу» (74: 139). Тем не менее семьи А. Сухотин не завёл. У него была дочь от крестьянки, он заботился о ней, помог получить образование, выдал замуж.

А. Сухотин не сделал карьеры, как его старшие братья, не нажил богатства. Напротив, отличался непрактичностью, доходы от имения тратил, не задумываясь о будущем, и в конце концов разорился. Кочеты перешли в руки его племянника, М. С. Сухотина, но он остался жить там и провёл свои последние годы в семье Михаила Сергеевича и Татьяны Львовны, которая писала в год его смерти под впечатлением от похорон одной знакомой старушки: «Она дожила до тех пор, пока и ей умирать не было трудно и страшно, и пока её смерть уже никому не была так ужасна, как это бывает, когда умирает человек во цвете лет, окружённый людьми, которым он необходим. Так же и наш дядя Саша Сухотин ушёл, когда и ему не было это тяжело, и для других не невыносимо грустно» (Сухотина-Толстая Т. Л. *Дневник*. С. 436).

Лит.: Сухотина-Толстая Т. Л. *Дневник*. М., 1979; *Кузминская* (любое издание).

Н. М. Лисина

СУХОТИН Алексей Михайлович («Аля»; 1888–1942) – пасынок старшей дочери Толстого Т. Л. Сухотиной-Толстой; сын Михаила Сергеевича Сухотина и Марии Михайловны Сухотиной (рожд. баронессы Бодэ-Колычевой), пятый ребёнок в семье, родился в фамильной усадьбе Кочеты Тульской губ. Известный русский филолог-лингвист, один из основателей Московской фонологической школы.

В детстве и юности А. М. Сухотин часто бывал в Ясной Поляне, общался с Толстым, особенно в 1900-е гг., когда дочь Толстого Т. Л. Толстая вышла замуж за М. С. Сухотина, вдовца, отца шестерых детей. «Хорошие дети», «хорошие ребята», – отзывался Толстой о детях М. С. Сухотина (72: 498; 79: 9). Он был внимателен к их нравственному развитию. В его записных книжках, дневнике, письмах не раз упоминался Аля. «Целую вас и Наташу <дочь М. С. Сухотина. – Н. Л.>, и Алю» (73: 324), «...целую тебя и Мишу и Алю и Наташу» (73: 332), – это в письмах к Т. Л. Сухотиной в ноябре 1902 г. В «Записной книжке» 9 января 1907 г.: «Говорил с Алей» (56: 178). В дневнике 14 июня 1909 г. Толстой записал: «Вчера говорил с Любой <племянница М. С. Сухотина. – Н. Л.> и Алей о стихах. А надо было спросить: знаете ли вы, как надо жить? А пока этого не узнаете, ничего нельзя изучать» (57: 83).

В памяти людей, знавших А. М. Сухотина, сохранился образ человека «необык-

новенной интеллектуальной подвижности и впечатлительности». А. А. Реформатский писал, что в их лингвистическом кружке ценили «чудака феодала» (так друзья в шутку называли Сухотина, намекая на его происхождение) «с его энциклопедизмом, одарённостью, азартностью и редкой точностью в работе». Динамизм, увлечённость наукой и умение увлечь студентов, которых он притягивал, как магнит, удивительная коммуникабельность и отзывчивость – вот те качества, которые отмечал в А. М. Сухотине его ученик, сам выдающийся лингвист, М. В. Панов.

А. Сухотин скончался 21 февраля 1942 г. в эвакуации в г. Ульяновске.

Лит.: Панов М. В. Московская лингвистическая школа. Учителя // Русский язык. Изд. дом «1 Сентября». 2004. № 15; Реформатский А. А. Далёкое близкое // Новый мир. 2002. № 12.

Н. М. Лисина

СУХОТИН Сергей Михайлович (1887–1926) – знакомый Толстого, посетитель Ясной Поляны; сын М. С. Сухотина от первого брака; муж С. А. Толстой-внучки. Философ, окончил факультет западной философии в Лозанне (Швейцария). Отец Сергея Сухотина в первом браке был женат на Марии Николаевне Боде-Колычевой, рано умершей от чахотки. У них было пятеро сыновей: Лев, Михаил, Сергей, Алексей и Фёдор (Дорик) – и дочь Наталья. В 1899 г. М. С. Сухотин женился на дочери Толстого Татьяне Львовне, у них в 1905 г. родилась дочь Танечка. Со своей мачехой Сергей Сухотин был в хороших отношениях, как, впрочем, и со всеми обитателями Ясной Поляны. Толстой любил бывать в Кочетах у «милых Сухотиных». Он писал философу Ф. А. Страхову, что взрослые сыновья М. С. Сухотина – «очень умные молодые люди. Один из них проходит курс философии в швейцарском университете» (82: 12). Сергей Сухотин был блестяще образованным, интересным собеседником. Учился в Морском корпусе, окончил Лозаннский университет, учился в Оксфорде вместе с Феликсом Юсуповым, сохранив дружбу с ним до конца своей жизни. Оба были прекрасные теннисисты и в Кочетах целые дни проводили на теннисной площадке. Сухотин был знатоком и исполнителем цыганских романсов. Он довольно часто бывал в Ясной Поляне. Толстой говорил с ним о Лозанне, спрашивал, «был ли он в Фернее, где Вольтер построил себе дом на границе, половину на швейцарской, половину на французской земле» (ЯПЗ. 2. С. 426–427). Расспрашивал Сухотина, как преподают

философию, «о Швейцарии, о правительстве – кантональном и федеративном», об «их законах, об обострённых отношениях к русским, о школах», о гос. церкви и о свободной церкви, о католиках (ЯПЗ. 4. С. 352). Когда Толстой получил от Сухотина длинное письмо о том, что преподают в университете, писатель в разговоре с близкими сказал, что у Сергея нет «потребности что-нибудь страстно любить, чему-нибудь отдаться» (ЯПЗ. 2. С. 573). «Михаил Сергеевич рассказал про Серёжу 22-х лет, что он занимается психологией, но в собраниях студенческих читает про будущую политику японскую, об орошении Туркестана. Знает многое, но поверхностно». На что Толстой ответил: «22 года – это такой возраст, когда все всё знают» (ЯПЗ. 3. С. 436). Сергей Сухотин участвовал в Первой мировой войне, был ранен... Он всё-таки стал «историческим лицом» – был участником убийства в юсуповском особняке Григория Распутина и вместе с Феликсом Юсуповым отвозил труп к реке («поручик Сухотин»).

В 1918 г. Сухотин был арестован, сидел в Таганской тюрьме в ожидании расстрела за экономические преступления. Узнав об этом, его первая жена эмигрировала в Париж, оставив их дочь Наташу (дочь родилась в 1917 г., её крёстным отцом был кн. Ф. Юсупов). Благодаря хлопотам родных Сергей Сухотин был помилован, и в мае 1921 г. А. Л. Толстая как комиссар-хранитель Ясной Поляны добилась его назначения комендантом усадьбы. 19 октября того же года он женился на юной Соне Толстой, брак был коротким... Вскоре С. Сухотин тяжело заболел. С большими трудностями удалось Соне Толстой отправить его на лечение в Париж (расходы взял на себя Юсупов). Перед смертью в газетах С. Сухотин прочёл, что С. А. Толстая, внучка великого русского писателя, вышла замуж за поэта Есенина. Он страшно рассердился, что «лгут», и не поверил. Умер в Париже весной 1926 г. в доме Юсупова.

Л. С. Дробат

СУХОТИН Фёдор Михайлович («Дорик»; 1896–1921) – пасынок Т. Л. Сухотиной-Толстой, сын М. С. Сухотина и его первой жены М. М. Сухотиной (рожд. баронессы Боде-Колычевой). Родился в Кочетах (усадьба Сухотиных) Новосильского уезда Тульской губ. Учился дома, потом в Тульской гимназии. Участник Первой мировой войны, получил серьёзное ранение лёгкого. В 1921 г. скончался в Риме от чахотки и похоронен на кладбище Тестаццо, где потом были захоронены Т. Л. Сухотина-Толстая и Т. М. Альбертини.

Самое замечательное в недолгой жизни и судьбе Ф. М. Сухотина – встречи и общение с Толстым. В дневнике, письмах, записных книжках писателя Дорик упоминался чаще других детей М. С. Сухотина. Встречи происходили и в Кочетах, где бывал Толстой, и в Ясной Поляне, где подолгу гостил Дорик.

В 1906 г. писатель работал над «Детским законом Божиим». Он хотел составить «Круг чтения» для детей – курс закона Божия в виде мыслей мудрых людей для ежедневного чтения, которые были бы доступны ребёнку. Эту доступность Толстой проверял на Дорике, сделав его, десятилетнего мальчика, своего рода мерилom детского восприятия. Как свидетельствует Д. П. Маковицкий, писатель отмечал нравственную чуткость Дорика (ЯПЗ. 2. С. 319). «Дориков Круг чтения» – так называл Толстой свой труд. Ежедневно он прочитывал Дорику различные высказывания по вопросам религии и нравственности (чтение продолжалось не более 5 минут) и потом беседовал с ним на эту тему. В дневнике 30 января 1906 г. он писал: «Нынче в книге “Мысли мудрых людей” у нас с Дориком было о богатстве, что не может войти богатый в Царство Небесное» (55: 187). В декабре 1906 г. Толстой привлёк к этим занятиям яснополянских крестьянских детей; занятия продолжались и весной. «Сейчас на уроке было мало учеников, – писал он А. Л. Толстой и Н. М. Сухотиной 4 апреля 1907 г., – и я раза два спросил Дорика, и он застенчиво, но очень хорошо ответил. И мне было очень приятно, и я полюбил его» (77: 72).

Такое общение обогащало обоих: Толстой развивал в Дорике нравственное чувство, в то же время в беседах с ребёнком он прояснял для себя, углублял, уточнял собственные мысли. Дневниковые записи Толстого дают представление о содержании и характере этой духовной работы.

«Говоря с Дориком о том, какая должна быть нравственная жизнь – без роскоши, без прислуги, не богатая, а бедная, – записал Толстой 2 марта 1906 г., – подумал, что надо бы объяснить ему, почему я не так живу. А потом подумал: зачем? Он, если правда то, что я говорю, несмотря на то, что я не делаю того, что говорю, будет жить, как я говорю; потому что найдёт в этом благо. Меня же за то, что я не делаю того, что говорю, он осудит (и поделом, а если не поделом, то это на пользу мне) или сам без моего объяснения поймёт, почему я не так живу, и оправдает» (55: 202).

В дневнике 26 октября 1906 г. Толстой «записал очень важное» для себя. «Одно

только и есть, но едва ли не самое важное, то, что я говорил с Дориком. Начали мы с того, что в человеке два человека: один не настоящий, тот, которого обыкновенно считают собою: Федя, Лев Николаевич, Иван Иванович, тот, который родился мальчиком или девочкой в русской, французской, дворянской, купеческой, крестьянской семье, у которого такие глаза, такой нос, которому столько лет. Это человек не настоящий, а настоящий тот, который живёт в этом человеке и с каждым годом, днём, часом всё больше и больше проявляется и всё больше и больше получает власть над Львом Николаевичем, Иваном Ивановичем и т. п. Человек вообще, живя, желает всяких вещей: и почестей, и веселья, и богатства, и все эти желания большей частью не сбываются, а если и сбываются, то оказываются не стоившими заботы. Это оттого, что одно настоящее дело человека – это то, чтобы всё больше и больше проявлять свою духовность, всё больше и больше овладевать своим телом, становиться всё более и более свободным и всегда радостным. И потому человек будет счастлив только тогда, когда в этом одухотворении, овладении своим телом будет класть свою жизнь, будет желать только этого» (55: 267). Здесь Толстой, отталкиваясь от простых, ориентированных на детское восприятие слов, фраз, конкретных образов, переходил к более сложному и по содержанию, и по форме изложению, достигал такого уровня, который ребёнку уже не доступен. Так произошло и с «Кругом чтения» для детей, задуманным как отдельное издание, но в процессе работы над ним Толстой перешёл к переработке «Круга чтения» для взрослых, объединив все материалы в одну книгу.

Лит.: Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979.

Н. М. Лисина

СУХОТИНА Наталья Михайловна («Наташа»; 1882–1925) – падчерица Татьяна Львовны Сухотиной-Толстой, дочь Михаила Сергеевича Сухотина от первого брака с Марией Михайловной Сухотиной (рожд. баронессой Боден-Колычевой). Подруга младшей дочери Толстого Александры Львовны. В начале 1900-х гг. часто гостила и подолгу жила в Ясной Поляне, встречалась с Толстым в Кочетах.

Наталья Сухотина была образованной девушкой, знала иностранные языки и знания применяла на деле: занималась со своим младшим братом Фёдором («Дориком»), помогала Толстому в работе над «Кругом чтения». По его поручению она подбирала материалы, переводила, переписывала

и даже составляла статьи, которые потом правил Толстой. Часто он просил её читать вслух интересующие его книги, статьи в газетах. Так, в январе 1906 г. Наталья Михайловна прочитала рассказ из книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга», где излагалась история ссыльного поляка Мигурского и его жены Альбины. Их трагическая судьба взволновала Толстого, и вскоре он начал работать над рассказом «Непоправимо», который в окончательной редакции получил название «За что?».

Толстой тепло относился к Наташе Сухотиной, любил слушать, когда она музицировала в Ясной Поляне, нередко играла в четыре руки с Софьей Андреевной. Иногда за роялем её можно было видеть рядом с Толстым. «Наташа хорошая девушка», – говорил он (*ЯПЗ*. 2. С. 267). Александре Львовне 28 марта 1907 г. он писал: «...целую тебя и Наташу, о которой всегда вспоминаю и думаю с удовольствием» (77: 68).

Толстой всегда заботился о духовной жизни своих близких. 4 апреля 1907 г. он обращался в письме к дочери Александре и Наталье Михайловне: «Главное, верьте мне, милые девочки, что на свете только одно хорошо и нужно: становиться добрее в делах, в словах, в мыслях (начинать надо с мыслей)» (77: 72).

В январе 1909 г. Наталья Сухотина вышла замуж за Николая Леонидовича Оболенского, овдовевшего после смерти жены, дочери Толстого Марии Львовны, и полностью погрузилась в семейную жизнь.

Н. М. Лисина

СУХОТИНЫ – разветвлённый русский дворянский род. Соседями Толстого по Ясной Поляне были «новосильские» Сухотины, проживавшие в Новосильском уезде Тульской губ. Там находилось их родовое поместье Кочеты, которое Толстой посещал ещё в молодости. Соседи приезжали и в Ясную Поляну. В дневнике 24 июля 1852 г. Толстой писал: «У меня был Сухотин <Сергей Михайлович. – *Н. Л.*>, и я с удовольствием говорил с ним о выборах. Несмотря на его добродетельные речи, он должен быть хитрый и самолюбивый, но добронамеренный человек» (46: 136). 3 декабря 1857 г.: «Прения с Михаилом Михайловичем о социализме» (47: 165).

Братья Сухотины были крупными помещиками, образованными людьми, сделавшими успешную карьеру. Фёдор Михайлович (1816–1889) закончил школу гвардейских подпрапорщиков и камер-юнкеров, служил юнкером в Преображенском полку, потом вышел в отставку. В разные годы занимал должности председателя Мо-

сковского попечительства о бедных, почётного мирового судьи Новосильского уезда, директора Новосильского уездного отделения попечительного о тюрьмах комитета, заведовал духовно-учебным управлением Синода, имел чин статского советника.

Сергей Михайлович Сухотин (1818–1886) служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Позднее был вице-президентом Московской дворцовой конторы, гофмейстером, камергером.

Михаил Михайлович (1825–1881) – кандидат прав Московского университета, судебный деятель. В 1862 г. был товарищем председателя Московской палаты уголовного суда.

Александр Михайлович (1827–1905) отличался от своих братьев тем, что не добился в жизни больших успехов, но он к ним и не стремился.

Общим для братьев было прекрасное знание русской и иностранной литературы, кроме того, все они обладали искусством чтения, поэтому знакомые часто приглашали их читать вслух литературные новинки. Об этом есть упоминания в дневниках Толстого. Дневник 23 мая 1856 г.: «Читал уголовные сцены, которые очень хороши, особенно при чтении М. М. Сухотина» (47: 74). С. М. Сухотин присутствовал при чтении глав «1805 года» в Ясной Поляне.

Считается, что Сергей Михайлович («рассудительный Сухотин», как называл его А. А. Фет) отчасти послужил прототипом Каренина, а его семейная жизнь дала Толстому материал для романа «Анна Каренина». Жена С. М. Сухотина Мария Алексеевна (рожд. Дьякова) полюбила др. человека и ушла к нему, оставив мужа с детьми. Эта история не имела такого трагического конца, как в романе: Мария Алексеевна добилась развода и вышла замуж за С. А. Ладыженского.

Если старшие Сухотины были хорошими знакомыми писателя, то с сыном Сергея Михайловича Михаилом Сергеевичем Сухотиным, который стал мужем Татьяны Львовны, Толстой близко сошёлся и полюбил его и всю его семью. От первого брака у Михаила Сергеевича было шестеро детей. Все они бывали в Ясной Поляне, так или иначе участвовали в жизни семьи Толстых. Дети эти (по старшинству): Лев Михайлович (1879–1948), Наталья Михайловна (1882–1925), Михаил Михайлович (1884–1921), Сергей Михайлович (1887–1926), Алексей Михайлович (1888–1942), Фёдор Михайлович (1896–1921). Лев Михайлович, историк по образованию, составлял родословную Сухотиных, участвовал в общественной жизни Новосильского уез-

да, сообщал Толстому уездные новости. «Очень умные молодые люди», — отзывался Толстой о Льве Михайловиче и Сергее Михайловиче (82: 112). Но занятия политикой не одобрял. Михаил Михайлович, обучаясь в московской гимназии, жил у Толстых в Хамовниках. По воспоминаниям Александры Львовны Толстой, они вместе занимались распространением запрещённой литературы, связанной с отлучением Толстого от церкви: сначала переписывали от руки, потом Миша раздобыл где-то гектограф, на котором они успели отпечатать издание «Ответа Синоду», пока их занятие не было прекращено Софьей Андреевной.

Всем детям Михаила Сергеевича Толстой давал наставления, как жить правильно. Вот что он писал Т. Л. и М. С. Сухотиным относительно Михаила: «Мише, великопному офицеру, скажите, что жалею, что не простился с ним и не успел поговорить по душе — сказать ему, что советовал бы ему теперь, когда он вне условий соблазнов окружающих, почитать, а главное, самостоятельно подумать о вопросах нравственно религиозных, попросту говоря, о том, как *получше*, в самом широком значении этого слова, прожить неизвестный предназначенный срок жизни» (80: 6).

Толстой застал и четвёртое поколение своих друзей Сухотиных. Его представителем был Мика (Михаил Львович), сын Льва Михайловича Сухотина и его жены Елены Петровны (рожд. Базилевской). Мика родился в 1905 г., как и внучка Толстого Танечка Сухотина. С этими милыми детьми 82-летний Толстой «веселился», «бегал вперегонки», играл в «прятанье гривенника» (ЯПЗ. 4. С. 329, 351), а однажды рассказал только что придуманную сказку, которая потом, уже после смерти Толстого, была напечатана под названием «Всем равно». И ещё один любопытный факт: впоследствии дочь Мики Елизавета Михайловна Сухотина (они жили в эмиграции) вышла замуж за известного голливудского актёра Мела Феррера, который в американском фильме «Война и мир» исполнил роль Андрея Болконского.

Породнившись с Сухотиными вследствие брака Татьяны Львовны, Толстой стал часто бывать в Кочетах. Имение было пожаловано роду Сухотиных в начале царствования Петра I, оно занимало около 1000 десятин земли. В усадьбе был парк, фруктовый сад, оранжерея, для проживания — господский дом и кирпичный флигель с десятью комнатами. Всё было устроено комфортабельно, но без лишней роскоши. В доме имелась хорошая библиотека, собрание картин, некоторые из них, наиболее ценные, отобрал для Таврической выставки С. П. Дягилев, ездив-

ший в 1904 г. по усадьбам по поручению великого князя Николая Михайловича. Среди них были полотна В. Боровиковского, Ф. Рокотова, Г. Мясоедова. Как и в Ясной Поляне, в Кочетах было традицией чтение вслух, хозяева следили за литературными новостями, были в курсе культурной жизни России. Читались и обсуждались и сочинения Толстого. Здесь родились замыслы таких его произведений, как «Нет в мире виноватых», «От ней все качества», «Всем равно». Но не только культурная атмосфера, царившая в семье, привлекала Толстого. В Кочетах он отдыхал душой от почти непрерывных семейных скандалов, от тяжёлой, драматичной обстановки, сложившейся к тому времени в Ясной Поляне. 6 ноября 1900 г. Толстой писал дочери Татьяне: «Очень, очень мне было хорошо у вас, и не от того только, что вы все со мной были хороши, но от того, что у вас хорошо...» (72: 498). Действительно, в семье Сухотиных все любили друг друга, были друг к другу внимательны и уважительны. Татьяна Львовна так оценивала их семейные отношения: «Я смотрела на нашу семью и чувствовала большую благодарность за то, что мы так счастливы. У всякого из нас есть причина для огорчения, но в общем мы составляем счастливую семью, доказательством чему служит то, что ни один член семьи <...> охотно не уезжает из дома и не отпускает других из дома» (Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. 1979. С. 428).

Ещё отрывок из воспоминаний Татьяны Львовны за 1909 г.: «Уехал папа из Кочетов 3 июля. Мне кажется, ему было хорошо у нас: было мало посетителей, никто не вмешивался в его умственную работу, не понукал его и не распоряжался им. Он был совершенно свободен, а кругом себя чувствовал любовь и ласку и желание каждого ему угодить» (Сухотина. Воспоминания. С. 237).

Последний раз Толстой был у Сухотиных в Кочетах в сентябре 1910 г., примерно за месяц до ухода из Ясной Поляны.

Н. М. Лисина

СЫТИН Сергей Дмитриевич (1863?–1915) — знакомый, посетитель, корреспондент Толстого; младший брат книгоиздателя И. Д. Сытина. После нескольких лет бурной молодости под влиянием Толстого и его единомышленников решил начать трудовую жизнь, вступил в общину Н. Л. Озмидова. «3-го дня проехал Озмидов со своими колонистами, — писал Толстой В. Г. Черткову из Ясной Поляны 15–16 июля 1886 г. — Я выехал в Тулу и проехал с ними станцию. Они очень милы, и радостно смотреть на них. Дай Бог им успеха. Трогате-

лен особенно Сытин — блудный сын. Весь в белом — сияющий и довольный» (85: 369). В сохранившемся письме Сытина к Толстому от 23 ноября 1886 г., когда он уже перешёл из общины Озмидова в общину К. М. Сибирякова, он говорил о своей новой жизни с юношеским восторгом: «...и работа перед нами, и круг людей, в котором я, и каждый кустик так сладко улыбается, свободно, хорошо дышится, и остаётся только хвалить Бога за создание меня самого и всего того, что окружает меня... Всё больше и больше увлекает меня труд и даёт что-то очень хорошее, но необъяснимое для меня» (85: 374). Но в общине Сибирякова Сытин тоже не прижился. Весной он приезжал к Толстому в Ясную Поляну, намереваясь устроиться и жить своим трудом на земле где-нибудь поблизости. 13 апреля 1887 г. Толстой писал жене: «Да утром ещё приехал брат Сытина, едущий из Москвы с тем, чтобы где-нибудь в деревне жить, работая; уехал к Марье Александровне...» (84: 25). В июле того же года Сытин писал Толстому из с. Батищева Смоленской губ., где, нанявшись в работники к крестьянину «не из зажиточных», он по-прежнему чувствовал себя прекрасно. Зимой мечтал устроить школу в Батищеве, но это не удалось. Он вернулся в Москву, где снова почувствовал недовольство жизнью и собой, жил у брата, работая у него на складе, в сараях. В этот период он вновь писал Толстому: «Милый Лев Николаевич, многим я вам обязан — всей жизнью» (85: 375).

В апреле 1888 г. Сытин ходил с Толстым из Москвы в Ясную Поляну, присоединился в Серпухове. «...И с нами шёл и Сытин С. Д. Вот кабы удержался в согласии против пьянства, к которому присоединился», — писал Толстой П. И. Бирюкову 24 апреля 1888 из Ясной Поляны. Видимо, Толстой был рад, что С. Д. Сытин вступил в «Согласие против пьянства» (1888). 26 апреля 1888 г. в письме к Т. Л. Толстой он просил прислать ему бандеролями или посылкой «пьянственных книг»: «Данило и Сытин С. Д. присоединились. Последний очень бы важное дело было, если бы удержался. Он нынче пришёл и очень жалок своим раскаянием, в которое не имеем права не верить» (64: 164). Сытин нередко бывал в Ясной Поляне, и иногда общение с ним было трудным: «Сытин, твоя правда, был мне тяжёл, но что ж делать — надо стараться и с Сытинскими вести себя разумно и добро, — писал Толстой С. А. Толстой 7–8 мая 1888 г. из Ясной Поляны. — Нынче он хотел уходить, но я дал ему денег взаймы 2 р. на билет, и 1 р. он отдаст Бакшину» (84: 47).

6 ноября 1888 г. Толстой писал П. И. Бирюкову: «Ходили мы после вас пешком в Ту-

лу. Я хотел видеть Сытина, но он уже отбыл срок и вышел» (64: 191). Видимо, имелось в виду какое-то наказание: что за «срок», установить не удалось.

Н. И. Бурнашёва

СЭНДЕРЛЕНД Джабез Томас (Сандерленд; Sunderland; 1842–1936) — английский историк религий; унитарийский пастор; защитник независимости Индии, неоднократно посещавший эту страну. Сын йоркширского фермера. Автор книги «Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета. Их происхождение, развитие и характер». Толстого интересовала эта книга. В *ЯПБ* хранятся издания Библии на разных языках народов мира. В них множество помет, говорящих о том, что тексты служили писателю первоисточниками в работе над религиозно-нравственными трактатами.

Отношение Толстого к каноническому тексту Библии менялось на протяжении всей его жизни. В те годы, когда в душе писателя нарастала борьба чувств христианина, с одной стороны, и обличителя Священного Писания, Церкви, её догматов и таинств, с другой, — в руках Толстого чаще всего была церковно-славянская Библия (СПб., 1862) (Белоусова Е. В. Библия в восприятии Л. Н. Толстого: Ветхий Завет в восприятии Л. Н. Толстого // Литературная учёба. 2000. № 2. С. 124–146). Об отношении Толстого к Библии, сначала восторженном, затем критическом, переходящем в отрицание Божественности Ветхого Завета, напоминают многочисленные высказывания в художественных сочинениях, рассуждения в письмах, дневниках. В последние годы жизни он обратил пристальное внимание на книгу англичанина Сэндерленда «Библия. Её происхождение, развитие и отличительные свойства». В России она появилась в переводе с английского под редакцией В. Г. Черткова: тираж вышел в «Свободном слове», Christchurch, 1904. Книги через Черткова стали попадать в Россию. Толстой с этого времени не только открыл для себя книгу Сэндерленда и очень увлёкся ею, но считал это произведение английского автора очень полезным всем читателям для рассеивания суеверного отношения к текстам Библии (56: 517). 9 июня 1905 г. Толстой разговаривал со своим единомышленником, помещиком из Бессарабии Кристи о том, «что надо бы распространять книгу Сэндерленда о Библии, доказывающую, что Библия — это дело людских рук, что в ней дело в глубине мысли, а не в отдельных местах и что нельзя каждое слово Библии считать священным» (*ЯПЗ*. 1. С 308). «О значении же слов Христа, записанных в евангелии», Толстой считал, что

«приписывать словам книги священное значение есть то же идолопоклонство. И не только бесполезно, но вредно придумывать хитроумные толкования их. (О значении буквы Священного Писания посылаю вам книгу Сэндерленда, хорошо определяющую значение буквы.)», – писал он 27 октября 1909 г. своему корреспонденту П. З. Фадееву, служащему из Верхнеуральска (80: 161).

В 1908 г. книгу Сэндерленда печатал «Посредник». 30 ноября Д. П. Маковицкий записал разговор писателя с Н. Н. Гусевым о В. А. Молочникове, который в то время сидел в тюрьме: «Я предложил ему сократить, упростить Сэндерленда о Библии. В этой книге такие простые, краткие аргументы, которые можно выставить в беседах с православными» (ЯПЗ. 3. С. 261). Толстой предполагал выписать несколько экземпляров книги, чтобы раздать их своим корреспондентам. Книги Сэндерленда по его указанию рассылались в разные уголки России. В декабре 1908 г. Толстой получил от А. Л. Шифрина письменный вопрос о том, как понимать учение пророка Моисея, требовавшего исполнять заповедь «око за око» и одновременно «возлюбить ближнего своего». Писатель отвечал, что Моисей не писал таких книг и этому «есть самые убедительные доказательства. Не стану вам повторять их, а лучше pošлю вам книгу Сэндерленда, из которой вы всё сами увидите», – писал он (78: 275). В январе 1909 г. Толстой отправил книгу И. Озарному, крестьянину из Стародуба Черниговской губ. (79: 19). В апреле послал её в Полтавскую губ. М. М. Цебегаю, который читал толстовское «Краткое изложение Евангелия» и просил Толстого ответить, что он думает о воскресении Христа (79: 147–148); отослали книгу И. Богданову из Пятигорска в ответ на вопрос, следует ли верить в чудеса (79: 165); в июне этого же года штабс-капитану Л. Дуланики в Одессу (79: 234); В. И. Щедротову из Петербургской губ. (79: 271). В марте 1910 г. по поручению писате-

ля книгу Сэндерленда отправили И. В. Корпусову в Ставропольскую губ. (81: 134)...

29 ноября 1908 г. Маковицкий писал, что накануне Толстой провёл время за чтением Сэндерленда и сегодня будет его читать. «Там читал об обрядах: “как это странно: причастие, кроме христианских церковных вер, есть и в нескольких других верах, и крещение во многих”» (ЯПЗ. 3. С. 260). Библия Сэндерленда стала для писателя источником его «Письма к индусу». 29 ноября 1908 г. в дневнике он записал: «Вчера подвинулся в “Письме индусу” и целый вечер читал Сэндерленда, чтобы ответить на письмо» (56: 158). Неоднократно перечитывая книгу Сэндерленда, Толстой 24 декабря 1908 г. отвечал своему корреспонденту из Костромской губ. Н. А. Муравьёву на его вопрос, как понимать противоречащее смыслу христианства изгнание Христом торгующих из храма: «По отношению к Библии советовал бы всем интересующимся этим вопросом, да и вообще всем просвещённым людям ознакомиться с критическим исследованием о происхождении так называемого Священного Писания. Есть переведённая на русский язык такая прекрасная книга Сэндерленда “Священные книги Ветхого и Нового Завета”» (78: 298–300).

И. И. Горбунов-Посадов в письме 11 марта 1908 г. жаловался Толстому на тяжёлое финансовое положение «Посредника» и на то, что в России в административном порядке запрещена в магазинах продажа книги Толстого «Соединение и перевод четырёх Евангелий», а также «Библии» Сэндерленда. Судьба тиража этой книги, распространявшейся при содействии Толстого и его единомышленников, оказалась печальной. В ночь на 21 октября 1908 г. «сгорели надворные постройки у Чертковых», где хранилось много книг, фотографий, сгорел и весь оставшийся тираж «Библии» Сэндерленда (ЯПЗ. 3. С. 231).

А. Г. Королёва



ТАЙРОВ Алексей Александрович (1858 – после 1917) – земский врач Тверской губ., посетитель Ясной Поляны и собеседник Толстого. После окончания в 1883 г. медицинского факультета Харьковского университета работал земским врачом в Весьегонском уезде Тверской губ. Вскоре, разочаровавшись в казённой службе, поселился в селе Сукове Телятинской волости, где занялся частной практикой. Спустя некоторое время, он стал популярным среди местных крестьян, которых лечил почти бесплатно, получая за свои труды очень скромное вознаграждение.

Деятельность вольнопрактикующего врача Таирова вызывала недовольство не только его коллег, но и полиции: за ним был установлен негласный надзор «ввиду имеющих в департаменте полиции сведений о сомнительной политической благонадёжности Таирова» (ГАТв.О. Ф. Р56, оп. 1, д. 11199, л. 16 об.).

Полемика о весьегонском «вольном сельском враче», выступившем с докладом на IX губ. съезде Тверского земства, появилась сначала в медицинских журналах, а затем перекинулась на страницы многочисленных газет. О милосердной деятельности земского врача Таирова читал и слышал Толстой. Именно он способствовал опубликованию его доклада в журнале «Русское богатство». В апреле 1887 г. редактор этого журнала Л. Е. Оболенский писал Толстому из Петербурга, что получил доклад врача Таирова и воспользуется им в апрельском номере журнала (Корреспонденты Льва Толстого. М., 1940. С. 99). Фамилию Таирова Толстой не раз упоминал в переписке с друзьями (65: 273, 279; 86: 205–206).

Единственная встреча Таирова с Толстым произошла в Ясной Поляне 15–16 ок-

тября 1905 г., в дни всероссийской политической забастовки. Об этой поездке Таиров позже рассказал в письме к А. П. Рандункиной, которое было перлюстрировано харьковской охранкой. «...Я застрял на 12 дней в Туле, – писал он, – чему был рад. Тут сразу попал на многолюдные митинги рабочих. Съездил в Ясную Поляну к Льву Николаевичу Толстому, о чём пришлось очень раскаться. Встретил он меня радушно, сначала оставил обедать, а потом и ночевать. Вечер за полночь проговорили. Он очень порицал освободительное движение, высказывался ретроградом, о чём, конечно, я был огорчён, а он остался недоволен моим сочувствием движению. По возвращении в Тулу на расспросы о нём пришлось отмалчиваться, настаивали, чтобы бывший с нами Беренштам Вл. В. съездил к Толстому. Тот вывез те же впечатления. Очень тяжело было видеть такого человека, как Лев Ник., пережившим свою славу...» (ЦГИА Украины. Ф. 705, оп. 1, д. 284, л. 16 об.).

О посещении Таириным Ясной Поляны и его беседах с Толстым вспоминал в своих мемуарах и петербургский присяжный поверенный Владимир Беренштам. Описывая события октябрьской забастовки 1905 г., в частности вынужденную остановку в Туле, он писал: «Ежедневно утром доктор <Таиров. – В. Ч.>, всегда одетый в блузу, картузик и высокие сапоги, уходил гулять по рельсам. Иногда он исчезал на целый день... Тогда он являлся источником всех новостей нашего поезда... Однажды <...> доктор вернулся сияющий, просветлённый, помолодевший. – Знаете, кого я видел?! – говорил он, волнуясь... – Великого учителя земли русской!.. Я видел Толстого!.. Ведь его имение тут недалеко. Я пришёл к нему пешком... Глядите, какие сапоги! Чёрт возьми мой отпущ!..

У меня выпал чудный, счастливый, самый счастливый день. Я видел Толстого!.. Ви-дел его!.. Гулял, беседовал с ним!.. Идите к нему, я рассказывал... Он примет вас...» (Беренштам В. В. Из пережитого. Пг., 1915. С. 129–130). Побывавший в Ясной Поляне Беренштам в беседе с Толстым тоже убе-дился, что писатель осуждал происходящие в России революционные события. «Наша речь перешла на текущие события, – писал он. – И вдруг я услышал негодующий го-лос: – “Забастовка! Да как они могли затеять её! Как могли железнодорожники нарушить своё обещание перед пассажирами... Взялся везти, так и вези! Может, кто-нибудь ехал к тяжело больному, умирающему отцу, спешил на операцию к доктору или просто хотел по-видаться с родными после долгой разлуки... Как смели они обмануть эти ожидания!.. Ведь это – протест за чужой счёт”». Когда Беренштам попытался возразить, Толстой воскликнул: «“Не такими способами обнов-лять жизнь <...> я пишу уже столько лет, ука-зывая простой и ясный путь! – <...> Любовь! А революционеры возбуждают недоволь-ство народа, ненависть к богатым, желание насилем отнять чужое. Убивают! Они изо-бредают новые способы убийства: это они изобрели гнусные бомбы!..” В этой простоте величия, в этом юношески горячем протесте против всяких и всех убийств я услышал глубокую любовь к человечеству, к людям всего мира и настоящим и будущим... Лю-бовь к жизни!..» (там же. С. 133–135).

Толстой отрицательно относился к начав-шейся революции, которая приобрела ха-рактер вооружённой борьбы. В ряде статей, опубликованных в этот период, он пропове-довал отказ от революционной деятельно-сти, утверждая, что существующий в России гос. строй можно изменить только путём мо-рального совершенствования.

Лит.: Чисников В. Вольный сельский врач // Литературная Россия. 1988. 29 июля (№ 30); *его же.* Вёсёгонский знакомый // Калинин-ская правда. 1988, 9 сентября. (№ 208); *его же.* Встреча в Ясной Поляне (Л. Н. Толстой и А. А. Таиров) // Толстовский сб. 2000. Ч. 2. С. 359–363.

В. Н. Чисников

ТАЛЫЗИН Анатолий Александрович (1820–1894) – знакомый Толстого; муж В. В. Арсеньевой; отставной ротмистр. Один из шести воспитанников генерала Александра Ивановича Талызина (генерал был холост; ум. в 1849), носивших его фа-милию. В январе 1858 г. женился на Вале-рии Владимировне Арсеньевой.

Встретившись на вокзале с Арсеньевыми и Талызиным, приехавшими, как и Толстой,

в Петербург, Толстой записал в дневнике 22 октября 1857 г. о Талызине: «Не очень он мне нравится» (47: 160). Посетив Арсень-вых накануне свадьбы Валерии, Толстой отметил: «Гусар, так и есть, как я думал, гусар, но и то хорошо» (48: 3).

Жили Талызины в Орле и в Москве. Та-лызин служил членом Орловского губ. по крестьянским делам присутствия, затем (1880) орловским мировым судьёй. У них было четверо детей: Леонид (р. 1859; впо-следствии председатель Окружного суда в Орле), Ольга (р. 1861; стала начальницей дворянского Екатерининского института в Москве), Людмила (р. 1862), Владимир (р. 1863). В сохранившихся в ОР ГМТ не-скольких письмах В. В. Талызиной к Т. А. Ёр-гольской содержатся некоторые подробнос-ти жизни Талызиных. Её письмо от 1 но-ября 1858 г. начиналось словами: «Вот уже два дня, как мы находимся в Орле». 29 ян-варя 1859 г. Талызина писала: «...в январе было множество балов» (далее сообщалось, что она не танцует и поэтому скучает, но танцевать в её положении уже нельзя). 6 ноября 1859 г. она извещала Ёргольскую: «Мы устроились в Москве на всю зиму, я этим очень довольна, так как провожу время очень приятно». Здесь есть строки, адресованные «графу Льву»: «...от меня ему скажите, что пора в Москву, с 15 ноября начнутся музыкальные утра в доме Паш-кова, будут квартеты Бетховена, Моцарта и Гайдна, а играть будут Рубинштейн и Оно-ре». В письме Ёргольской Толстому от 26 сен-тября 1860 г. отмечено по поводу приезда Валерии с семьёй погостить в Судаково: «Приехали Талызины, и Наталья Петров-на отправилась к ним...» (Chère tante... Пе-реписка Л. Н. Толстого с Т. А. Ёргольской // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 229). Через несколько лет отец с детьми был оставлен женой.

Потомки Талызиных (внуки, правнуки) после Октябрьской революции проживали преимущественно за границей.

Лит.: Сафонова О. Ю. Родственница И. С. Тургенева – В. В. Арсеньева // Спас-ский вестник. Вып. 13. 2006.

Т. Н. Архангельская

ТАМУРА Хиросада (1883–1934) – один из первых в Японии музыковедов в области западной музыки. Будучи во время Русско-японской войны студентом философского факультета Токийского императорского уни-верситета, переписывался с Толстым. Таму-ра довольно рано заинтересовался литерату-рой: ещё учась в Школе пэров (Гакусюин), он вместе со своими школьными друзьями создал литературный кружок «Сиракаба»

(«Белая берёза»). Инициаторами создания кружка были Сига Наоя и Мусянокодзи Санэацу (большой поклонник Толстого). «Сиракаба» стал одним из основных каналов распространения сочинений Толстого в Японии. В 1910 г. кружок начал издавать журнал «Сиракаба» и знакомить читателей с новыми писателями и художниками Запада: Л. Толстым, Метерлинком, Ибсеном, Ван Гогом, Гогеном, О. Роденом и др. Члены «Сиракабы» – выходцы из богатых семей, аристократы – были далеки от реальности, от жизни простого народа. К тому же их поколение уже не получало такого классического образования, как в период Эдо (по японской и китайской классике), так что это поколение меньше знало свою культуру и как-то легко открыло себя для западной культуры. Толстой получил первое письмо от Тамуры 19 января 1905 г.: «Наш дорогой отец Лев Толстой! В прошлом месяце я прочитал Вашу статью о Русско-японской войне <«Одумайтесь!» опубликована в «Хэймин симбун». – Ю. С.>, переведённую на японский язык из лондонской газеты «Таймс». Вы так честно и смело обрисовали войну как преступление против человечества, что я не мог удержаться от слёз. <...> Убедившись в преступности войны, я стал её противником, и у меня с начала войны возникали споры с моими друзьями, должны ли мы воевать с Россией или нет. Несмотря на то, что я был уверен в своей правоте, мне большей частью не удавалось одержать верх в споре. Они говорили мне: «Мечтатель! Ты согласен быть убитым, если тебя захотят уничтожить без всякой причины? Но доброе ли это дело с точки зрения морали?.. Смотри, как историки восхваляют Авраама Линкольна и как Карлейль превозносит Оливера Кромвеля». И я всегда в таких случаях должен был уступать» (Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 265–266). Тамура преувеличивал своё одиночество: статья «Одумайтесь!» вызвала большой резонанс среди японской интеллигенции, в т. ч. и сочувствие друга Тамуры Мусянокодзи, последователя Толстого. Как говорил Мусянокодзи, в библиотеке в Школе пэров было довольно много литературы о Толстом, и его поклонники знали и разделяли его мировоззрение. «В Школе пэров было много переводов сочинений Толстого на немецкий язык, в том числе такие «опасные», как «Рабство нашего времени», «Христианство и патриотизм» и т. д.» (Мусянокодзи Санэацу. ПСС в 25 т. Изд.: Синтёся, 1954–1957. Т. 3. С. 142).

Д. П. Маковицкий описывал, как Толстой воспринял письмо Тамуры. «Л. Н. получил письмо на немецком от молодого японца, который изучал философию и ходил в пра-

вославную церковь. Пишет, что он не может верить в олицетворённого Бога и в Воскресение. Спрашивает, можно ли, не веря в это, быть христианином? Он читал «Одумайтесь!» и сам против войны. Однако, когда он проповедует свои взгляды, на него нападают, говоря, что японцы должны защищаться, иначе русские раздавят Японию. Л. Н.: Пишет с японскими витиеватостями, тонкостями, комплиментами» (ЯПЗ. 1. С. 182). Толстой до сих пор много раз писал именно на эту тему, так что в ответе Тамуре (1/14 марта 1905 г.) он вкратце объяснил свою мысль и порекомендовал ему читать свои сочинения «Христианское учение» и «В чём моя вера?» (75: 223–225). Ответ Толстого позднее был опубликован в журнале «Сиракаба».

Мусянокодзи очень позавидовал переписке своего друга и даже «почувствовал себя более подходящим» для этого, тем более что Мусянокодзи в отличие от Тамуры уже читал почти все рекомендуемые Толстым сочинения (Мусянокодзи Санэацу. ПСС. Т. 5. С. 136).

11 июня того же 1905 г. «Л. Н. получил хорошее письмо от японца Тамуры», – записал Маковицкий. «Японец пишет, что он рад был узнать, что единая власть над нами есть власть высшей силы – одобрение собственной совести и что не нужно ничего сверхъестественного. В конце письма жалеет, что войне не предвидится конца» (ЯПЗ. 1. С. 309). 17 августа Тамура прислал Толстому свои отзывы и впечатления о его религиозных сочинениях. Маковицкий отметил в своих записках: «Л. Н. получил письмо от Тамуры из Токио: «Не глупое, но и не значительное»» (ЯПЗ. 1. С. 378).

Так закончилась их переписка, но через три года Тамура прислал в честь 80-летия писателя свою статью «Влияние на меня Толстого», в которой читаем: «Только такой человек огненного энтузиазма, как Толстой, и может оказывать моральное влияние на людей. И это качество составляет не только орудие Толстого, но и сокровище всего мира. Кроме энтузиазма Толстой обладает ещё необыкновенной решимостью в выполнении того, что он считает своим долгом. Ещё ценно в Толстом – его горячий протест против войны и смертной казни, а также его сострадание ко всем угнетаемым...» (МТА. С. 344).

Лит.: Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 265–267; Тамура Х. Влияние на меня Толстого // МТА. С. 341–344.

Ю. Само

ТАТИЩЕВ Сергей Спиридонович (1846–1906) – корреспондент и адресат Толстого; историк, публицист, сотрудник

«Нового времени», «Русского вестника», «Nouvelle Revue» и др.; автор трудов по истории царствования императоров Николая I и Александра II, дипломат.

В начале 1900-х гг., работая над романом из эпохи Николая I, Толстой изучал исторические труды, в числе которых было переданное ему А. В. Сувориным двухтомное исследование Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» (СПб., 1903). Узнав о работе Толстого над «Хаджи-Муратом», Татищев сам прислал в Ясную Поляну свои сочинения «Внешняя политика императора Николая I» (СПб., 1887) и «Император Николай I и иностранные дворы» (СПб., 1889). Толстой в ответ 20 сентября 1903 г. благодарил Татищева за присланные книги. «Историю Александра II» он, по его признанию, «только пробежал», «откладывая на будущее время её внимательное чтение». Книги Татищева сохранились в ЯПб. И хотя Толстой их изучил, на страницах одной из них есть его пометы, но в своей работе над «Хаджи-Муратом» не использовал.

По воспоминаниям Д. Д. Оболенского, Татищев оказал содействие актрисе Александринского театра М. Г. Савиной, искавшей пьесу для своего бенефиса, рекомендуя ей только что написанную Толстым пьесу «Власть тьмы». Татищев одним из первых получил от Д. Д. Оболенского перечёркнутый московской цензурой экземпляр пьесы.

А. В. Шмелёва

ТЕЛЕШОВ Николай Дмитриевич (1867–1957) – писатель, поэт, мемуарист, организатор московского кружка писателей «Среда», просуществовавшего с 1899 по 1916 г. На произведениях Телешова, как считал А. Ф. Кони, «лежит яркая печать подражания г. Чехову и отчасти гр. Л. Н. Толстому», подчёркивал он и сходство в «описании снов и предсмертного бреда» (Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 582–585). В 1910 г. «Посредник» издал три рассказа Телешова: «С Богом», «Домой», «Ёлка Митрича». Главное произведение Телешова – «Записки писателя», где, рассказывая о литературном быте Москвы начала XX в., автор неоднократно обращался к фигуре Толстого. В главе, посвящённой А. П. Чехову, он раскрывал чеховское отношение к Толстому (Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 76–77). Описывая кружок близкого друга Толстого Н. В. Давыдова, мемуарист касался истории возникновения замыслов «Живого труп» и «Власти тьмы» (Телешов. С. 33). Телешов упоминал обра-

щение Толстого к студентам и выпускникам университетов, бурно отмечавшим Татьянин день, с призывом «опомниться и из праздника просвещения» не делать подобие происходящего в деревнях на праздники; по воспоминаниям Телешова, после обращения Толстого «праздник изменился до неузнаваемости» (*там же*. С. 287). Телешов подробно описывал уход и смерть Толстого, которые произвели сильное впечатление на всех участников «Сред», упоминая, что «размышления “О жизни и смерти” Лев Николаевич прислал <...> для сборника “Друкарь”, <...> который вышел в 1909 году» под редакцией Телешова (*там же*. С. 58–60). Телешов коллекционировал портреты писателей-современников с их автографами, среди них был и портрет Толстого, с афоризмом из трактата «О жизни».

За несколько дней до ухода из Ясной Поляны, 24 октября 1910 г., Толстой писал И. И. Горбунову-Посадову, что «заинтересовался» листовками (листки издательства «Посредник») и «разобрал их на четыре сорта: самые хорошие, хорошие, посредственные и плохие» (82: 206): «(1) Очень хорошие книги». «(2) Хорошие книги». «(3) Не дурные». «(4) Низший сорт». Рассказы Телешова «С Богом», «Домой», «Ёлка Митрича» Толстой причислял к «низшему сорту» (кстати, к «низшему сорту» причислялась и повесть Пушкина «Станционный смотритель») (82: 209).

Телешов активно участвовал в создании московского музея Л. Н. Толстого.

М. В. Михновец

ТЕЛЕШОВА Елена Андреевна – см. Карзинкина Елена Андреевна.

ТЕМЯШЕВ Александр Алексеевич (1784–1846) – помещик Крапивенского уезда, владелец села Пирогова-Сапова, троюродный дядя Л. Н. Толстого. Участник войны 1812 г., богатый холостяк, после возвращения с театра военных действий он безвыездно жил в Пирогове, изредка навещая своего «брата» Н. И. Толстого, жившего с семьёй в 35 верстах в своём имении Ясная Поляна. Среди посетителей, памятных Льву Толстому с детства, особенно запомнился Темяшев, который как-то привёз из Пирогова «поросят с закорюченными колечками хвостиками, которых на большом подносе раскладывали на столе в официантской» (34: 370). Кроме того, Темяшев любил играть в зале большого дома на фортепьяно «какой-то плясовой мотив», единственный мотив, который знал, и заставлял детей плясать под эту музыку. «Когда же мы спрашивали его, какой танец надо танцевать, он говорил, что можно все

танцы танцевать под эту музыку. И мы любили пользоваться этим» (34: 370). Александр Темяшев был в доме своим человеком, домашние знали, что Н. И. Толстого с ним связывал некий договор, суть которого не была тайной для обитателей яснополянского дома. В документах Темяшев писал, что он холост, но от «дворовой девки» Марфы Степановны Бобровой у него было две дочери: старшая Авдотья (Дунечка) и младшая Вера. Чтобы обеспечить будущее своим детям, которые в случае его смерти не получили бы ничего из огромного наследства Темяшева, он путём очень запутанной и ухищрённой сделки «продал» Пирогово, считавшееся «золотым дном», Н. И. Толстому с тем условием, чтобы Дунечка воспитывалась в доме Толстых и была бы материально обеспечена в дальнейшем. В марте 1837 г. Пирогово перешло к Н. И. Толстому. Через месяц Темяшева разбил паралич, и он лишился речи. Последние годы он доживал в своем имении Свиридово, где за ним преданно ухаживала Марфа Боброва. Похоронен Темяшев на церковном кладбище близ храма во имя Флора и Лавра в селе Свиридове Венёвского уезда Тульской губ.

Лит.: Добротвор Н. Об отце Льва Николаевича Толстого. Тульский край. 1926, № 3. С. 35–38; *ГАТО*. Ф. 39, оп. 2, д. 2229.

Л. С. Дробат

ТЕМЯШЕВА Авдотья Александровна («Дунечка»; 1828–?) – старшая дочь троюродного дяди Толстого А. А. Темяшева. По условиям договора между отцом писателя Н. И. Толстым и Темяшевым незаконнорождённая дочь Темяшева от связи с дворовой Марфой Степановной Бобровой поселилась вместе со своей пироговской няней Евпраксией в доме Толстых и воспитывалась наравне с пятерыми родными детьми Н. И. Толстого. Эта девочка, «с широким, покрытым веснушками лицом», была участницей всех детских игр маленьких Толстых; «милая, простая, спокойная, но не умная девочка и большая плакса» (34: 371). Самой первой ученицей, на которой Лев Толстой попробовал свой дар учительства, была Дунечка. Им обоим было по пять лет, когда Лёвочку, уже обученного французской грамоте, заставили обучать Дунечку буквам. Закончился урок общим отчаянным слёзным рёвом. Один из самых известных детских рассказов Л. Толстого «Косточка» тоже связан с Дунечкой Темяшевой, только вместо девочки в рассказе появился Ванечка. История с похищенной с тарелки одной сливой, когда не могли найти виновного и немец-гувернёр Фёдор Иванович Рёсель (прототип Карла Ивановича в повести

«Детство») с серьёзным видом сказал детям, что тот, кто съел сливу, если он проглотил косточку, может умереть. И Дунечка, не в силах перенести этого страха, сказала, что косточку выплюнула. По крёстному отцу Дунечка была записана Карловой. Узаконить её Темяшев не мог. Дальнейшая её судьба неизвестна.

Лит.: Толстой Л. Н. Воспоминания (любое издание).

Л. С. Дробат

ТЕНИШЕВ Вячеслав Вячеславович (1878–1959), князь – знакомый Толстого, посетитель Ясной Поляны; крупный землевладелец Орловской губ., предводитель дворянства Мценского уезда; впоследствии член III Гос. думы; октябрист. Тенишев стал бывать у Толстого в период первой русской революции. 21 января 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «Вечером приехал Тенишев, предводитель мценского дворянства, зять Трепова, человек правительственной точки зрения» (*ЯПЗ*. 1. С. 145). Естественно, при встрече речь зашла о 9 января («Кровавом воскресенье»). «Тенишев говорил о том, что с 5 по 12 января не было правительства и потому не были подготовлены к беспорядкам. Осуждал, что царь, не принявший депутацию рабочих до стрельбы по ней, принял её позже. “Это непоследовательность”, – говорил он. Л. Н. был того же мнения: “Ведь фабричные рабочие, – сказал Л. Н., – настоящие кавалеры в сравнении с мужиками; последний из них живёт лучше сельского старосты. У старосты нет таких сапог; он не пьёт чай с сахаром, как они”. <...> Тенишев говорил ещё о том, что, если бы сменилось правительство, оно сейчас же заключило бы мир на теперешних условиях Японии; а теперь истощённая Япония должна вести войну ещё, по крайней мере, полгода. Японцы требуют Корею, Сахалин, разоружение Владивостока и один миллиард. Л. Н.: “У японцев нет средств для того, чтобы требовать контрибуцию”» (*ЯПЗ*. 1. С. 146). На следующий день Толстой, словно анализируя вчерашний разговор с Тенишевым, заговорил о либерализме, который «отвлекает от внутренней работы, позволяет жить легкомысленно. Либерал оправдывает себя тем, что он делает полезное дело. Тенишев в качестве предводителя дворянства состоит также и членом воинского присутствия, отбирает новобранцев. Ведь это чувству противно смотреть те сцены. Но он считает себя более нравственным, чем другие; говорит, что он не будет размножать чиновничество, т. е. палач, который оправдывается тем, что он делает менее больно, чем другие палачи» (*там же*). Через несколько дней Тол-

стой снова вернулся к беседе с Тенишевым; 5 февраля Маковицкий записал его слова: «Л. Н.: “Тенишев здесь высказывал мнение из лагеря Трепова, что Мирский <в то время министр внутренних дел. – Н. Б.> должен был накануне 9 января поставить войска на заставах, не впускать рабочих. Сделали бы это, не было бы кровопролития”. Л. Н. думает, что это интрига против Мирского» (ЯПЗ. 1. С. 163).

13 мая 1906 г. Тенишев опять посетил Толстого. «В полдень приехал князь Тенишев. Рассказывал про выборы в Орловской губернии. Прошли семь крестьян и М. Стахович», – отметил Маковицкий. Далее шёл разговор о «прогрессивном поземельном налоге», о чём Толстой заявил определённо: «Прогрессивная подать несправедлива». Тенишев пытался возразить: «“В Австралии она есть”. Л. Н.: “Нет, в Австралии её нет. Я знаю это хорошо. То, что теперь делается, это комическое интермеццо в серьёзной (грозной) драме, которая ещё не началась”. Тенишев: “А какая она будет, что произойдёт?” Л. Н.: “Если бы я её знал...” Тенишев: “Ведь теперь, после установления конституции, можно ожидать мира, работы. Так было в других странах”. Л. Н.: “История не повторяется. Беда, <что> у них ничего нет своего, всё по-западному”» (ЯПЗ. 2. С. 138–139). В тот же день за обедом Тенишев спросил у Толстого: «“Какое впечатление производит на вас Дума?” Л. Н.: “Комическое”». 14 мая – «чрезвычайно интересный разговор Л. Н. с Молодцовою, Лебренем, Тенишевым. <...> Л. Н.: “Паскаль говорил: чтобы забыть вопросы жизни, человек гоняется за зайцем. Дай ему четырёх зайцев – ему не нужны, а нужно забыть. Дума – тоже заяц”» (ЯПЗ. 2. С. 139).

Тенишев приезжал в Ясную Поляну в августе 1907 г. и в конце августа 1909 г. 18 августа 1909 г. Толстой после беседы с гостем сказал Маковицкому: «Тенишев – умный, серьёзный человек» (ЯПЗ. 4. С. 49). 19 августа Маковицкий писал в своём дневнике: «Полудни Л. Н. беседовал с князем Тенишевым: наставлял его, чтобы заговорил о Генри Джордже в Государственной думе. То же хочет посоветовать и Маклакову. Л. Н. слышал от Тенишева, что Столыпин хочет успокоить народ. Но отрубное хозяйство – не та мера. Разве мужики не знают, что выгоднее иметь землю в одном месте, чем в разных полях, по полю в ширину этого стола? Только они знают, что выгода материальная менее для них важна, чем справедливость. Это относится и к общине: это во имя нравственного начала. Выгоду понимают; как землю обрабатывать, знают лучше, чем петербургские господа.

Тенишев возражал, что мужики не такие идеалисты» (ЯПЗ. 4. С. 49). На следующий день Маковицкий отметил: «Утром уехал князь Тенишев. Л. Н. остался им доволен: внимательный, желающий учиться, знающий законы, государственные дела. “Внешнюю сторону”, – оговорился Л. Н.» (ЯПЗ. 4. С. 50). Сам Толстой 20 августа 1909 г. записал в дневнике: «Разговор с Тенишевым о едином налоге» (57: 120). Толстой старался побудить «члена Думы Тенишева» поставить в Гос. думе вопрос об уничтожении частной земельной собственности путём введения «единого налога» по проекту Генри Джорджа, но, как писал Толстой Н. Н. Гусеву 27 августа, Тенишев оказался «мало восприимчив» (80: 74).

Н. И. Бурашнёва

ТЕПЛОВ Михаил Васильевич (1862–1958) – корреспондент и адресат Толстого; художник-любитель; родственник, ученик и последователь Н. Н. Ге. Будучи офицером, артиллерийским поручиком, занимался живописью в Киевской рисовальной школе Н. И. Мурашко. Здесь в марте 1886 г. Н. Н. Ге выступал перед студентами с лекциями-беседами об искусстве. «Я поехал в Киев. Жил у Теплова и ходил в школу учить юношей искусству», – писал Ге Толстому 27 марта 1886 г. (63: 343) и чуть раньше об этой поездке и встрече «с единомышленниками молодыми» в письме П. Н. и Е. И. Ге: «Я жил у Теплова, молодого артиллериста – милый молодой художник и талантлив, и умён» (15 марта 1886 г. – «Николай Николаевич Ге. Письма. Статьи, критика, воспоминания современников». М., 1978. С. 124). В том же 1886 г. под влиянием идей Толстого Ге отказался от имущества, «повинился во всех <...> грехах» (63: 343), начал заниматься физическим трудом на хуторе в Черниговской губ., где, оставив столицу, жил уже с конца 1870-х гг.

Теплов также был захвачен толстовскими призывами к изменению жизни, вслед за Ге хотел жить «для одного добра» и самоотверженного служения людям. В ноябре 1886 г. он оставил военную службу; выйдя в отставку, продолжал заниматься живописью под руководством Ге. В 1884–1889 гг. Теплов часто жил вместе с семьёй Ге на хуторе близ станции Плиски, помогал художнику в сельскохозяйственных и домашних работах, вместе с ним складывал печи.

Отношения с Толстым у Теплова завязались ещё до 1886 г. В 1884 г. Толстой приезжал на хутор Плиски и провёл там несколько дней (11–14 октября), тогда, видимо, и произошло их знакомство. В письме 31 марта 1886 г. Теплов обращался к Тол-

стому как к хорошо знакомому и близкому человеку (85: 384), а ещё раньше Толстой писал Теплову: «Не считайте мой неотвѣтъ признаком нелюбви. Очень радовался вашему письму и сближению с вами и дорожу им очень» (2 февраля 1886 г. – 90: 259). Дальнейшие упоминания имени Теплова в переписке Толстого с Ге свидетельствуют о тёплых чувствах, которые Толстой питал к молодому художнику («Поцелуйте Теплова. Что работаете?» – 63: 335).

Теплов делал иллюстрации к народным рассказам Толстого. В письме от 31 марта 1886 г. он сообщал автору, что они вместе с Ге «сочинили» рисунок «Христос у Авдееча» к рассказу «Где любовь, там и Бог» и что он сделал рисунки к рассказам «Зерно с куриное яйцо» и «Два старика» (85: 384). По-видимому, именно об этих рисунках шла речь в письме Толстого к Н. Н. Ге и А. П. Ге: «Целуйте милого Теплова, я получил его письмо с рисунками. Очень хорошо» (63: 342). Иллюстрация Теплова к рассказу «Где любовь, там и Бог» хранится в ГМТ (85: 385).

В августе 1886 г. Теплов вместе с Ге приезжал в Ясную Поляну. 1 сентября, накануне их отъезда из Ясной, Толстой писал В. Г. Черткову: «Ник. Ник. с Тепловым завтра едут и, как со всеми друзьями нашими, чем больше знаю, тем больше их люблю» (85: 383–384). После этой поездки Теплов решил оставить военную службу. Узнав об этом, Толстой одобрил его решение: «Радуюсь за Михаила Васильевича. Только бы сбылись его намерения» (письмо Н. Н. Ге от 10–11? сентября 1886 г. – 63: 377). Об отставке Теплова («Офицера») как свершившемся событии писал Н. Н. Ге Т. Л. Толстой 24 ноября 1886 г.: «...Я ездил в Киев, чтобы повидать своих милых друзей, между ними и “Офицера” – его Бог вразумил выйти в отставку, что он и сделал, т. е. сделал всё то, чтобы быть свободным, и мы надеемся, что к новому году он будет свободен» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. М.–Л., 1930. С. 88).

Осенью 1886 г. Толстой был болен, при этом много думал и писал о «деле Божьем», труде общения и любви, который сравнивал с трудом сапожника, работающего для людей, и тонкой работой часовщика (63: 383–385). Он радовался такому труду для др. людей, который кипит на хуторе Ге: «От Теплова вчера получил письмо. Он с Ник. Ник. в азарте складыванья все печи и очень, кажется, бодры и добры» (письмо Н. Н. Ге-сыну, август–сентябрь 1886 г.; 63: 381). 15 сентября Теплов писал Толстому с хутора Плиски: «...вот уже несколько дней Н. Н. Ге-отец кладёт печку, а я ему помо-

гаю и учусь этому делу <...>. Настроение моего духа прекрасное: работа физическая даёт бодрость и силу, хочется работать и физически, и умственно и жить с людьми как можно лучше» (85: 384). Об этом же общем с Тепловым занятии Ге сообщал дочерям Толстого: «Эту неделю я искусством не занимался – делал печь и ещё не кончил. Работа тяжёлая, и я радуюсь этому – чувствуешь себя равным всем трудящимся, а это хорошо. Подмастерье у меня хорошо. “Офицер”, работает хорошо» (письмо Т. Л. Толстой, сентябрь 1886 г. – Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. С. 76). «10 дней я работал печь. <...> Теплов мне помогал и учился ремеслу» (письмо М. Л. Толстой, осень 1886 г. – Там же. С. 84).

Спустя годы Ге в письмах Толстым среди известий о своих и семейных трудах и днях сообщал о Теплове: «Коля и Михаил Васильевич по целым дням работают над хлебом» (письмо Толстому от 6 декабря 1888 г.; Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. С. 115–116). И Толстой в письмах Ге-отцу и сыну («Количке») не раз вспоминал Теплова, перенося на него свою особую любовь к семейству Ге: «Михаила Васильевича поцелуйте» (октябрь 1888 г.; 64: 182); «Радуюсь и на Количку, и на Михаила Васильевича, только не совсем ясна их жизнь. Пусть милый друг Количка напишет» (31 января 1889 г.; 64: 217); «Что Михаил Васильевич? Не пишете про него. Целую вас всех и его» (19 февраля 1889 г.; 64: 228); «Что вы мне не ответили о Теплове?» (22 марта 1889 г.; 64: 239).

Теплов написал «Воспоминания о художнике Николае Николаевиче Ге» (РГАЛИ), отрывок из которых опубликован («Николай Николаевич Ге. Письма. Статьи, критика, воспоминания современников». С. 249–250). Портрет Теплова работы Н. Н. Ге, написанный в 1885 г., хранится в Гос. музее искусств в Узбекистане.

Е. В. Петровская

ТЕРСЕЙ Ханна Егоровна (Tarsey; 1845–?) – воспитательница детей Толстых в 1866–1872 гг. Родилась в Англии, в семье садовника Виндзорского дворца. Толстым рекомендовала её гувернантка князей Львовых Дженни Терсей – родная сестра Ханны.

19 ноября 1866 г. в письме к М. С. Башилову Толстой отметил: «Я нашёл всех здоровыми и англичанку очень удовлетворительною» (61: 151). О деятельности Ханны писала Т. А. Кузминская: «Вместо няни англичанка Ханна. Она мне нравится. Живая, энергичная, умелая с детьми и весёлая. Соня ею очень довольна. Так же одобряет её и Лев Николаевич. Дети уже успели при-



выкнуть к ней, в особенности Таня, Серёжа больше лънул к няне. Ханна завела в детской свои порядки: в комнате всё блистало чистотой, завелись какие-то щётки, и Душка была обучена ими мыть пол почти ежедневно. Холщовые рубашки как-то понемногу принимали

другую форму, более изящную: также и блузки Тани сменились белыми да ещё вышитыми платицами, которые сама Ханна кроила» (Кузминская. Ч. 3. Гл. XX).

Вследствие слабого здоровья в 1872 г. уехала в Кутаис с Кузминскими и стала гувернанткой их детей. Через два года вышла замуж за князя Дмитрия Георгиевича Мачутадзе.

Е. П. Гриценко

ТЁРНЕР Карл Иванович (Turner Charles Edward; 1831–1903) – переводчик русских классиков, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и др., на английский язык, преподаватель английского языка и английской литературы в Петербургском университете, автор цикла лекций о Толстом: *Count Tolstoi as novelist and thinker: Lectures delivered at the Royal Institution*. Знакомству с творчеством Толстого Тёрнер был во многом обязан статьям Н. Н. Страхова. В 1894 г. работал над переводом трактата Толстого «Соединение, перевод и исследование четырёх Евангелий» и приезжал в Ясную Поляну для встречи с Толстым по проблемам этого перевода. О работе Тёрнера над трактатом Толстой сообщал в письме к Дж. Кенворти 5 марта 1894 г. (67: 62). 8 июля 1894 г. Толстой записал в дневник: «В 3 приехал Turner. Говорил с ним о переводе и предисловии» (52: 126). Тёрнер со всей ответственностью подошёл к переводу трактата, его удручал в целом низкий уровень английских переводов произведений Толстого, многие переводы выполнялись с французского языка. В письме к Тёрнеру 9 октября 1894 г. Толстой писал: «Согласно моему заявлению в лондонском Daily Chronicle от 30 августа 1894 г., сим заверяю, что этот перевод моего труда “Соединение и перевод четырёх Евангелий” выполнен компетентным переводчиком и с моего согласия» (67: 246). Трактат вышел в Англии в 1895 г. В конце апреля 1894 г. Толстой отправил Тёрнеру для перевода свою статью «Христианство и патриотизм», но перевод не состоялся, т. к. Тёрнер, стараясь держаться в стороне от политики, не был согласен с мнени-

ем Толстого относительно политического оттенка этой статьи. Толстой и В. Г. Чертков рассматривали Тёрнера как возможного кандидата на перевод трактата «Царство Божие внутри вас» и статьи «Религия и нравственность». Толстой писал о Тёрнере Черткову 27 июня 1892 г.: «Он почтенный человек, и Татьяна Андреевна нынче едет в Петербург и будет видаться с ним. Мне пришло в голову: не предложить ли ему перевести “Царство Божие внутри вас есть”? Как вы об этом думаете? Я предложил Тане переговорить с ним об этом и дать ему ваш адрес» (87: 153). Трактат «Царство Божие внутри вас» перевела другая английская переводчица, К. Гарнетт, что же касается статьи «Религия и нравственность», то Чертков выразил желание перевести эту статью самостоятельно.

Г. В. Алексеева

ТИМКОВСКИЙ Николай Иванович (1863–1922) – посетитель, адресат и корреспондент Толстого; писатель, драматург, занимался вопросами народного образования и народного театра. Сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Северный вестник», «Артист», «Русское богатство», «Русские ведомости» и др. Лично познакомился с Толстым в конце 1880-х гг.: принёс ему на суд свои первые литературные сочинения. В дневнике Толстого есть несколько упоминаний о посещениях Тимковского: «После обеда Тулинов, Тимковский» (17 декабря 1888 г. – 50: 15); «Тимковский – очень маленький» (1 января 1889 г. – 50: 19). Среди посетителей Тимковский назван ещё в двух записях Толстого – 26 января (50: 29) и 9 февраля 1889 г. (50: 35). Во время первой встречи в Хамовническом доме состоялась беседа о поэме Тимковского «Вопросы жизни», которую всю ночь читал Толстой. Как вспоминал Тимковский, Толстой не отговаривал его заниматься литературным творчеством, но посоветовал писать прозой. Рассказал о «Посреднике», «о мерах к упорядочению лубочной литературы», убеждал «поработать в этом направлении» (72: 181). Тимковский был привлечён к работе в издательстве «Посредник», где опубликовал рассказы «Вьюга» (1889), «Перед судом» (1906) и подготовил ряд переделок («Письмовник», «Дедушкин колпак»).

Прочитав рассказ «Хозяин и работник», в 1895 г. Тимковский писал Толстому о глубоко впечатлении, которое производило на него творчество писателя: «Всё выходящее из-под Вашего пера оставляет во мне следы на всю жизнь; даже тогда, когда я не соглашаюсь с Вами, Ваши слова проводят в моей душе глубокую борозду... Ваши сло-

ва для меня подобно оспе, которую прививают для предохранения от заразы» (ТВС. 1. С. 604).

3 сентября 1899 г. Тимковский в письме Толстому рассказал об убийстве художником петербургских императорских театров А. К. Маловым артиста Н. П. Рощина-Инсарова. Он просил вступить за Малова. И Толстой обратился к А. М. Кузминскому, прося о помощи.

Учению и личности Толстого Тимковский посвятил книгу «Душа Л. Н. Толстого» (М., 1913), где утверждал, что каждый мыслящий человек «должен непременно пройти через Л. Толстого», потому что «этот удивительный человек сконцентрировал в своей душе все основные вопросы жизни и смерти, над разрешением которых <...> напряжённо работал всю жизнь» (с. 5). В книге Толстой обрисован как «властитель дум и сердец», но «пророк, тщетно вопиющий в пустыне» (с. 7). Внимательное отношение к личности Толстого позволило Тимковскому избежать односторонности в выводах и оценках творчества и деятельности писателя. Для автора книги художник и мыслитель — это два лика Толстого: глубина и наблюдательность художника, верность жизненной правде соединяются в Толстом с разумным, даже «расчётливым», началом его философии. Тимковский упрекал в близорукости критиков, видевших в Толстом только одну сторону, а также оценивал как несостоятельный путь пылких последователей, которые своими стараниями «вставить в рамку» каждое слово учителя приводили к искажению мысли и самого образа Толстого: «Подобное идолопоклонство, — писал Тимковский, — загораживает перед нами живого Толстого его бледной, хоть и добродетельной, тенью» (с. 13).

Источники морального «переворота» Тимковский обнаруживал во всей биографии Толстого и подчёркивал, что причиной кризиса стало мучительное ощущение «неправды жизни, бессмыслицы её» (с. 54). Внутренней причиной для создания учения Толстого, считал Тимковский, стало «непобедимое», «органическое отвращение к смерти», возникающее из острого чувства собственного «я», жажды личного счастья. Не принимая моральных схем «толстовства», главный смысл духовной деятельности писателя Тимковский видел в неустанном поиске, в вечном движении к истине: «Искать, вечно искать, неустанно домогаться — вот последнее слово Л. Толстого. Страшна неподвижность, самодовольство, уверенность, что обладаешь истиной; ещё страшнее неискренность, лицемерие перед самим собой...» (с. 106).

Главной чертой личности Толстого Тимковский называл «недоверие к этой жизни и глубокую, непоколебимую веру в какую-то иную, непрерывное ощущение её, осознаваемое лишь в отдельные моменты» (с. 133). Но «по-детски», наивно веровать в небо Толстой не мог, он мог только «рваться всей душой к подобной вере» (с. 139).

В очерке о личных встречах с Толстым Тимковский показал многогранность деятельности писателя — «настоящего труженика» (с. 156. Очерк впервые был прочитан 5 декабря 1908 г. в Обществе любителей российской словесности на торжественном заседании, посвящённом Толстому, и в первоначальном варианте напечатан в журнале «Бодрое слово». 1909. № 3–4. С. 43–55).

Серию мемуарных очерков замыкал эту «Л. Н. Толстой о писательстве», в котором сформулирован писательский идеал Толстого: «соединить в себе суровую правду жизни с пламенной верой в землю обетованную, суметь почувствовать “высшую реальность”, полюбить её всем сердцем, заразить этой любовью и верой других» (с. 178).

Лит.: Тимковский Н. И. Душа Толстого. М., 1913.

И. Ю. Матвеева

ТИМРОТ Егор Александрович (?–1908) — сосед Толстого по самарскому имению; самарский адвокат, присяжный поверенный. В 1851 г. окончил Александровский лицей; служил управляющим самарскими имениями Толстых. Толстой познакомился с ним в 1871 г. и поручил ему управление своей землёй. «Вчера я ездил к будущему соседу — Тимрот, лицеист, с женой и 5 детьми», — писал он из Каралыка С. А. Толстой 27 июня 1871 г. (83: 190).

С Тимротом Толстой решал вопросы купли-продажи земли в самарских имениях, вопросы аренды, вызывавшие «очень много затруднений и дел, которые надо уяснить». «Я уверен, что все эти дела я разьясню очень хорошо благодаря тому, что знаю Тимрота не только за любезного, но и за благороднейшего человека, но на всё это понадобится время», — писал Толстой В. А. Иславину 28–29 декабря 1877 г. (62: 364).

Толстой называл немца Тимрота «очень уважаемым человеком», «великим либералом», но не любил его. «Тимрот очень честный человек, но, как кажется, был стеснён деньгами (он строил дом в городе), и счёты у него по моему хозяйству смешаны со своими; он сам мне это говорил. <...> Он честный человек наверное; но очень мне противный, равно и его вся семья, и его участие в моём деле, хотя и очень полезное,

мне очень противны», – признавался он в письме к С. А. Толстой 14 июля 1872 г. с хутора на Тананыке (83: 210).

Н. И. Бурнашёва

ТИХОМИРОВ Лев Александрович (псевд.: И. Кольцов; 1852–1923) – публицист, революционер-народоволец, редактор «Земли и воли», «Вестника Народной воли», член Исполнительного комитета «Народной воли». Родился в Геленджике, в семье военного врача. Учился в Московском университете (1870–1873). В 1873 г. был арестован и осуждён за участие в революционном движении. После разгрома «Народной воли» (1883 г.) эмигрировал. В 1887 г. в Женеве издал «Избранные статьи А. И. Герцена (1857–1869)» со своим предисловием. В 1888 г. решительно отрёкся от революционных взглядов, написал покаянное письмо императору, издал брошюру «Почему я перестал быть революционером». В Россию вернулся в 1889 г. и до конца жизни оставался убеждённым монархистом, последовательно консервативным деятелем, считая государственность главным достижением эволюционного прогресса человечества, а монархию – высшей формой гос. устройства. Сотрудник, а с 1906 г. редактор-издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русское обозрение». Консервативная философия Тихомирова получила обоснование в его трудах «Борьба века», «Единоличная власть как принцип государственного строения», «Демократия либеральная и социальная» и др. Главное сочинение Тихомирова – «Монархическая государственность» (1905).

7 февраля 1909 г. в Ясной Поляне Д. П. Маковицкий записал в своём дневнике: «Николай Николаевич <Гусев. – Н. Б.> говорил про какую-то статью в “Минувших годах”, из которой видно, что нынешний <...> редактор-издатель “Московских ведомостей” Тихомиров, бывший революционер, был главным автором письма к вступившему на престол Александру III о том, чтобы возвратили Чернышевского; а за то они прекратят покушения. Чернышевского возвратили. После того через четыре года Тихомиров раскаялся в революционных мыслях, поступил на службу, и ныне он редактор-издатель “Московских ведомостей”» (ЯПЗ. 3. С. 323). С «Московскими ведомостями» у Толстого были сложные отношения: в 1891 г. газета напечатала несколько статей, направленных против его деятельности «на голоде», заявляя, что статьи и «письма графа Толстого <...> есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социа-

лизма, перед которым бледнеет подпольная пропаганда». Толстой редко читал эту газету, не реагировал на её выпады и не проявлял интереса к её редактору. Правда, 30 октября 1910 г. в гостинице Шамордина он читал сборник под названием «Социальное значение религиозной личности» (Вышний Волочёк, 1904), где среди других был напечатан отрывок из произведения Тихомирова «Борьба века».

После 1917 г. Тихомиров не участвовал в общественной и политической жизни. Умер в подмосковном Сергиевом Посаде.

Н. И. Бурнашёва

ТИХОЦКИЙ Александр Александрович (1852–1922) – народоволец, зять хорошей знакомой Толстого А. В. Дмоховской. Родился в семье состоятельных помещиков Харьковской губ. Вся семья была против крепостного права и свято чтит память декабристов, тем более что жена Тихоцкого была, со стороны своей матери А. Дмоховской, в родстве с декабристом И. Д. Якушкиным. Квартира Тихоцкого в Харькове иногда служила явочной квартирой, в среде народовольцев у него были знакомые. И хотя никаких конкретных обвинений Тихоцкому не было предъявлено, его продержали два года в харьковской тюрьме и сослали на пять лет в Сибирь. Это была ровно половина срока, который мог получить обвиняемый по статье «о бунте против власти и о государственной измене», по которой обвинялся Тихоцкий. Во время заключения Тихоцкого в тюрьме (1885 г.) Толстой проезжал через Харьков в Крым и в перерыве между двумя поездками посетил по просьбе Дмоховской Харьковский окружной суд, членом которого был знакомый Толстого Г. А. Русанов. Вернувшись в Москву, Толстой 25 марта 1885 г. ему писал: «Я просил вас хлопотать за Тихоцкого, но оказалось, что я не передал вам самую суть дела; суть дела в том, что родным хотелось бы знать, в чём именно он обвиняется» (63: 216).

Дмоховская, продолжая хлопотать за зятя, обратилась к государю с ходатайством о помиловании Тихоцкого. Толстой сразу же направил в Петербург своей влиятельной родственнице гр. А. А. Толстой письмо с просьбой поддержать ходатайство Дмоховской (63: 443). Отбыв пятилетнюю ссылку, Тихоцкий поселился с женой в Екатеринбурге, где впоследствии и скончался.

Л. С. Дробат

ТОКУТОМИ Сохо (Сохо – псевдоним; наст. имя – Иитиро; 1863–1957) – журналист, историк, политик, посетитель Толсто-

го. (Старший брат Токутоми Рока – последователя Толстого.) Один из крупнейших идеологов Японии в новое время. Особенно во время Русско-японской войны он был глубоко причастен к политике правительства и активно пропагандировал «справедливость» этой войны. После Второй мировой войны против Сохо готовилось обвинение в совершении военного преступления категории «А» (самой тяжкой), но обвинение не было предъявлено из-за преклонного возраста и состояния здоровья подсудимого, хотя он был изгнан со всех гос. и общественных должностей. Последние годы Сохо были посвящены написанию «Истории японского народа нового времени» (в 100 т.), работа над которой завершилась в 1952 г.

В 1887 г. Сохо создал своё издательство «Минъюся» (–1933) и начал публиковать газету «Кокумин симбун» («Народная газета») и журнал «Кокумин но томо» («Друг народа»), взяв за образец американский журнал «Nation». «Кокумин но томо» – первый в Японии универсальный журнал, который, представляя читателям полную картину современного мира, уделял большое внимание не только политике и экономике, но и литературе, в т. ч. Толстому.

В 1896 г., через год после принятия Тройственной интервенции («рекомендации» Германии, России и Франции в адрес Японии пересмотреть в ущерб японской стороне условия Симоносекского мирного договора с Китаем, заключённого по итогам Японо-китайской войны 1894–1895 гг.; удар для Японии был очень серьёзный), Сохо посетил Европу, Россию и США для ознакомления с ними. По рекомендации Кониси Масутаро 26 сентября (8 октября) 1896 г. Сохо приехал к Толстому в Ясную Поляну и произвёл на него очень хорошее впечатление, что кажется немного странным, учитывая националистическую настроенность Сохо. После этой встречи Толстой писал В. Г. Черткову: «Японцы очень интересны, разумны, образованны и свободны» (87: 372); подобный отзыв («Очень интересны: образованны вполне, оригинальны и умны и свободномыслящи» – 84: 259) он отправил и Софье Андреевне. Мало того, в своём дневнике Толстой их прямо-таки восхваляет: «Они, японцы, к христианству несравненно ближе, чем наши церковные христиане. Очень я их полюбил» (10 октября 1896 – 53: 108). Понять, в чём причина такого отзыва, можно, внимательно прочитав заметки Сохо. Он писал: «Старец спросил, знаю ли я о Мэн-цзы. Я ответил, что, конечно, знаю. <...> Я сказал, что Павел в отношении Христа похож на Мэн-цзы в

отношении Конфуция. Старец сказал, что это действительно так и что Павел так же искажил Христа, как Мэн-цзы – Конфуция» («Кокумин но томо». № 324. С. 23 – перевод Ю. Сато). С точки зрения Толстого, Павел искажил учение Христа, «адаптировав» его к гос. власти Римской империи, и это один из важных моментов, разделяющих настоящее христианство и ложное, церковное. Услышав от Сохо мысли, созвучные своим, Толстой был поражён «свободным мышлением» японцев и их пониманием «настоящего христианства». Сохо рассказывал Толстому о японском конфуцианском мыслителе Ёкои Сёнане (1809–1869), очень влиятельном идеологе модернизации Японии. Толстой о нём ничего не знал и был им буквально восхищён. Дело в том, что до разговора о Сёнане Толстой рассказывал Сохо о своей только что законченной статье «Приближение конца» (имелся в виду конец существования войск и войн) и даже предложил ему напечатать её в своём журнале. Тема статьи Толстого оказалась созвучна одной из очень важных для Сохо идей Сёнана: настоящая мораль во всём мире одна, поэтому японцы должны понять истинную универсальную заповедь и общаться с другими странами. Сёнан высказал эту идею своему ученику Мотода Нагадзанэ (будущему учителю императора Муцухито) ещё до революции Мэйдзи (1868 г.) и даже готов был сам вести переговоры с другими странами, особенно с США. По мнению Толстого, осознание настоящей заповеди и её распространение в мире оказалось уже достаточно широко: рассказ Сохо о Сёнане стал тому косвенным подтверждением. Статья была опубликована в англоязычном журнале Сохо «Дальний восток» (The Far East, vol. 1, no. 11, 1896) вместе со статьями министра иностранных дел Японии Окума Сигэнобу и педагога Нитобэ Инадзо, которые оправдывали Японо-китайскую войну как необходимую и справедливую. Таким образом этот номер послужил «мягкой силой» (Мельникова И. В. Первые контакты Л. Н. Толстого с питомцами школы Досиса // «Генго бунка» № 14, университет Досиса, 2012. С. 196–197) японского правительства: оно как бы говорило, что с той войной не было другого выхода, но скоро (по словам мирового авторитета – Толстого) не будет никаких войн вообще. Получалось, что японское правительство стремилось к тому же, к чему призывал Толстой.

Сохо перед Толстым не лицемерил. Он разделял идеалы Сёнана, но на том этапе больше всего интересовался развитием и милитаризацией Японии, направленной с целью самообороны в первую очередь про-

тив России. Здесь позиция Сохо была явно противоположна толстовской, и, вследствие этого, отзыв Сохо о Толстом был довольно трезвым и даже холодным.

В то время Толстой писал статью «Что такое искусство?» и особенно интересовался народными песнями. По просьбе Толстого Сохо спел особенно любимые им стихи японского историка и поэта Рай Саньё (1781–1831) «Нашествие монголов» и «Фукиан нападает Кизан». Тема обоих стихов – решающее сражение с непримиримым врагом. Толстой и др. присутствующие услышали «какую-то странную, монотонную песню, не похожую ни на что <...> ранее слышанное», и «все присутствующие покатались, и сам Л. Н-ч от души смеялся до слёз» (*Бирюков*. 2. С. 306). Возможно, если бы они знали содержание стихов, впечатление от них было другим.

По смерти Толстого Сохо опубликовал некролог «Толстой», в котором выразил своё полное представление о русском писателе («Миры человека и природы». Изд.: «Минь-юся», 1929. С. 56–63). Сохо считал, что толстовство (отрицание государства, патриотизма, имущества, секса...) не только нездорово, но и весьма опасно. К нему надо относиться как к художественному произведению, которое возникло в результате взрыва огромной энергии и страсти внутри Толстого в ненормальных семейных и социальных обстоятельствах. При этом, по мнению Сохо, его страсть была настолько велика, что даже своей совестью он мог свободно манипулировать, не осознавая этого. С детства у Толстого не было родителей, хороших учителей и друзей, и его мощное эго выросло, как хотело, и, в конечном итоге, стало самым произвольным существом в мире. Однако и гениальность Толстого, и его «святость» частично связаны именно с этим... В тот момент Сохо считал, что у него с Толстым всё уже кончено: Толстой стал для него понятен и перестал быть актуальным. Однако он даже не подозревал, что Толстой уже тогда, когда Япония была на вершине своих военных побед, чётко предсказал будущий крах японского милитаризма.

Лит.: Токутоми И. «Я посетил Толстого!» // *ТВС*. 1960. 2. С. 95–98; Абэ Гундзи. Токутоми Рока и Толстой. (2-е изд.) Изд-во «Сайрюся», 2008.

Ю. Само

ТОЛСТАЯ Варвара Сергеевна (1871–1920) – племянница Толстого, средняя дочь его брата С. Н. Толстого и М. М. Шишкиной.

Варвара, девочка брата, считал Толстой, «очень хорошая – серьёзно живёт». Она

была музыкальна, прекрасно играла на гитаре модные романсы, на гармонии – барыню. К тому же была большой любительницей танцев, которые исполняла словно балерина. Проживая в Москве с родителями, она часто посещала большие вечера, но при этом избегала балов из-за застенчивости и страха предстать в декольтированном виде. Варя, по утверждению С. Л. Толстого, была некрасива, завистлива, не любила отца, но неглупа. Она, как и её сестры, непременно должна была говорить с отцом по-французски и, если он заговаривал с ней по-русски, отвечала по-французски.

В своих беседах с племянницей Толстой просил её, «чтоб она училась» (52: 54). Но Варя предпочла учить пироговских крестьянских ребят, среди которых был Владимир Васильев, весьма привлекательный юноша, с яркой улыбкой, большой почитатель книги. Она вдохновенно читала молодому человеку любимые произведения Толстой, кстати, находил Васильева хорошим юношей, ставил его выше сверстников из «бомонда». И племянница писателя вышла замуж за этого молодого человека не без влияния дяди, который, однако, не поддержал её выбор, более того, воспринял их союз крайне раздражительно, говоря о том, что лучше бы она вышла замуж за пьяного офицера.

В декабре 1889 г. Мария Львовна Толстая, дочь писателя, ездила к «пироговским девочкам» и вернулась в Ясную Поляну весьма возбуждённой. 17 декабря в дневнике Толстой записал: «Рассказывала об ужасном душевном состоянии брата Серёжи и его отчуждённости с семьёй» (50: 193). Всё дело было в том, что дочь Варя вступила в гражданский брак с пироговским крестьянином Владимиром Васильевым, который служил в их доме поваром. Соединив с ним свою жизнь, она уехала из Пирогова в Сызрань. «В Пирогове <...> беда. Ужасно! Страсть, источник величайших бедствий...» (53: 147) – записал Толстой, имея в виду брак своей племянницы с крестьянином. А ещё пытался растолковать близким, что «Варя Толстая не хотела понять, <...> что невыгода брака с таким неровней та, что ему слишком огромно выгодно, и потому он сам не может знать, какую долю в его чувстве играет желание огромного улучшения быта и какое любовь. А ей бы надо понимать, что она не может вызвать любовь и потому никогда не вызвала её в равне по положению» (72: 77). Но Варя Толстая не смогла понять, что Лев Николаевич имел в виду, говоря ей о невыгоде «такого брака с неровней». Это событие крайне удручающе действовало на С. Н. Толстого и всех семейных.

Все близкие, как считала М. Л. Толстая, очень жалели Варю, которая была так устремлена к своему несчастью, что не уступала никому и ничему из-за своего самолюбия и упрямства. В итоге это пошатнуло веру в возможность «радостного безбрачия». Варя жила с болью, которую, как выразился её отец, «она сама себе сделала». Она «ненавидит меня из-за своего ребёнка», — подметил Толстой. Но вскоре стал радоваться за Варю, что она была в Пирогове и что у неё очень добрые чувства к родителям. Вопреки бурям и натискам отца и критическому взгляду дяди, Варя всё-таки вышла замуж за Владимира и имела от него четверых детей.

Н. А. Никитина

ТОЛСТАЯ Вера Сергеевна (1865–1923) — племянница Толстого, старшая дочь его брата С. Н. Толстого и М. М. Шишкиной; сотрудница «Посредника», переводчица Диккенса и Элиота, героиня рассказа «Что я видел во сне...». Она родилась в пору увлечения её отца феерической Таней Берс. Спустя два года С. Н. Толстой и М. М. Шишкина обвенчались. Замечательный математик и богослов С. С. Урусов предсказал девочке необыкновенную судьбу. Вера росла чрезвычайно застенчивым ребёнком. Из-за очень маленького роста обеих сестёр, Варю и Веру Толстых, двоюродные братья прозвали «жучками». Свою некрасивость она сполна возмещала талантами и тонкой душой. Вера прекрасно училась, у неё была феноменальная память. Она отличалась тончайшим слухом, унаследовав этот дар от матери. В старшей племяннице Толстого сочеталось, казалось бы, несочетаемое, представляя собой что-то вроде удивительного симбиоза «убогости и роскоши».

Её жизнь действительно была необычной. Благодаря своей страстной увлечённости Диккенсом, она невольно стала похожей на его героев. Эта «пироговская девочка», графиня, заражённая идеями своего великого дяди, невольно реализовывала их в своей повседневной жизни, особенно идею непротivления злу насилем. «Она не пользовалась трудом прислуги, сама доила коров, работала в поле и на огороде и этим вырабатывала всё нужное ей по её, более чем скромным, потребностям. По зимам она занималась с крестьянскими ребятами, ходила лечить на деревне, раздавала книги взрослым и детям» (Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 147). Вера занималась таким тяжёлым трудом вопреки своей страшной болезни — чахотке, от которой позже и скончалась. Не случайно, в 1899 г.

она уговорила отца выписать в Пирогово семью кумысников Сарафовых из Башкирии. Отец исполнил просьбу дочери, и теперь Вера могла наслаждаться кумысом, а заодно и ездить верхом с молодым Абдурашидом Абульфатхатом Сарафовым, обучать его русскому языку и, как подметил её кузен С. Л. Толстой, вскоре цыганская кровь взяла своё, и она «поскользнулась», согрешив с башкиром, «забеременела и уехала из Пирогова на несколько месяцев» (*Очерки былого*. Гл. «Сергей Николаевич Толстой»). Она находилась с Абдурашидом в кратковременном браке, о котором родители ничего не знали. С. Н. Толстой даже не догадывался о беременности дочери и, когда узнал об этом, был потрясён случившимся.

В 35 лет Вера родила сына Михаила Ильича (1900–1920), отчество которого было получено по крёстному отцу Илье Львовичу Толстому. Близкие, хорошо знавшие этого «талантливового, милого, скромного и чуткого мальчика» (Л. Н. Толстой и его близкие. С. 72), очень его любили и жалели. С Мишиным отцом Вера больше никогда не сделалась.

Сергей Николаевич, «пироговский Лир», никак не мог смириться с появлением малыша, поэтому Миша жил на другой половине дома вместе со своей обожаемой бабушкой. Для отца приезд Веры с шестинедельным младенцем на руках стал страшным ударом: ведь годом раньше другая его дочь, Варвара, вышла замуж за пироговского крестьянина Васильева. Сначала Сергей Николаевич думал, что Вера усыновила приёмыша, но когда понял, что это её ребёнок, пришёл в негодование. А самой Вере оставалось лишь одно: реветь и просить прощения у отца с матерью. В ту пору родители и их дочь очень многое пережили, но сумели переосмыслить свою новую жизнь с младенцем Мишей.

Толстой в своих письмах утешал старшего брата тем, что «Верочкин мальчик ни в чём не виноват, появившись на свет, и имеет такое же право на существование и на уважение и любовь от других людей, какое имеем мы» (73: 235). Письма Льва Николаевича воспринимались пироговцами как уникальный дар, которым только он один наделён. Сам же Сергей Николаевич во всём корил себя, свою гордость, убеждённость в том, что его «дети не могут ничего такого сделать». «Как, мои дети?!» — восклицал он (54: 441). Он считал, что слишком высоко их оценивал.

В письмах к Вере Толстой старался её оправдать, ободрить, считал, что с ней «случилось несчастье», и объяснял: «...на

тебя нахлынуло какое-то безумие, <...> и ты так же не виновата, как больной за то, что он делает в бреду» (73: 132). А позже, в июле 1910 г., всё-таки признался: «Не могу в душе простить Веру за её падение» (58: 81). История Веры требовала художественного воплощения, просилась в замыслы, наскоро занесённые в записную книжку: «Блудница», «Мать» (58: 193). Судьба Веры стала основой для рассказа «Что я видел во сне...» (впервые опубликован в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого» — М., 1911. Т. 1).

После смерти отца в 1904 г. Вера стала «очень жалкой», постоянно плакала об отце, поняв наконец, «какая у неё была связь с ним и как она теперь одинока без него» (Письма Е. В. Оболенского к М. Л. Маклаковой // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 145). Но ей было для кого жить: с ней были Миша и мать. А ещё она была по-прежнему озабочена проблемами деревенских жителей. Вера в меру сил продолжала бесплатно их лечить, оставаясь «религиозной по-настоящему».

Лит.: Бибикова М. С. В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 14–86.

Н. А. Никитина

ТОЛСТАЯ Дора Фёдоровна (рожд. Вестерлунд; 1878–1933) — невестка Толстого, жена Льва Львовича Толстого; дочь известного шведского врача Эрнста Теодора Вестерлунда; мать девятерых детей. Семья Вестерлундов проживала в городе Энчепинг. Отец, строгий вегетарианец, гигиенист, спавший зимой с открытым окном, здоровый и добродушный, был довольно известным врачом, пользовался хорошей репутацией у пациентов. В декабре 1895 г. 17-летняя Дора «с большим ртом и большими, как мир, глазами» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 437) познакомилась с Л. Л. Толстым, пациентом своего отца, который лечился у него от депрессии. Лев Львович был автором рассказов, сыном великого автора эпопеи «Война и мир» и очень «страстным и великодушным, чувствительным к красоте и благородству» человеком (*Дети Толстого*. С. 135). Дора и Лев «неудержимо» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 437) полюбили друг друга. Дора каталась с ним на коньках по замерзшей речке. Катание с Дорой оздоровило Льва. Об этом писал Сергей Николаевич Толстой брату Льву: «Шведский доктор хорошо вылечил Лёвочку, но не во всякой аптеке есть такое лекарство» (*ПТСБ*. С. 399). Дорин возлюбленный был убеждён в том, что ранний брак есть для неё благо. В феврале 1896 г. он известил своих родителей о женитьбе на Доре Вестерлунд, а потом

ещё «закидал» их просьбами об отделке флигеля, в котором намеревался с Дорой поселиться. С. А. Толстая наняла маляров, печников и плотников, чтобы они сделали флигель «нарядным», а заодно отослала сыну в Швецию документы, необходимые для его свадьбы.

Свадьба Доры, «высокой, хорошенькой, возмужалой для своих лет», была намечена на 15 мая. Толстой был «очень рад» этому (69: 43–44). А Софья Андреевна чрезвычайно волновалась, ей было страшно, «что за существо была эта 17-летняя шведочка...» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 438).

В свадебной церемонии приняли участие сестра Татьяна Львовна и 17-летний брат Михаил. Венчание было двойным: по православному канону и по лютеранскому обычаю. В русской церкви, на венчании, присутствовал консул Зиновьев. После этого начиналась лютеранская церемония, а за ней следовал нескончаемый обед с многочисленными поздравлениями. После венчания молодые отправились в свадебное путешествие на пароходе в Gottland. В сентябре 1896 г. молодые прибыли в Ясную Поляну. Для «шведочки Доры» это была «чужая земля», где ей было «одинокое» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 516). Дом для молодожёнов был нарядно убран, но Доре он не казался таким уж комфортным, и она в Москве заказала мебель, которую вскоре привезли на нескольких телегах. Дора была «совершенным ребёнком», то весёлым, то плачущим от разлуки, то снова живой и старательной, желанной. Она умела делать, кажется, всё: прясть, шить, вышивать, выжигать, увлекаться коньками, лыжами, санками и, наконец, быть счастливой. Молодые жили в Ясной Поляне дружно и счастливо, каждый был занят своим делом: муж писал что-нибудь художественное, а его жена пряла, правда, иногда огорчалась из-за того, что ей казалось, будто Лев Николаевич недоволен тем, что она с мужем поселилась в яснополянской усадьбе. На самом деле Толстой легко общался с молодой невесткой Дорой, говорил с ней по-английски, к величайшему удивлению, например, французского литератора Буайе. В Ясной Поляне все обитатели говорили о юной жене Льва только хорошее. Её высокая марка давала повод Ю. И. Игумновой обмолвиться крылатой фразой: разница между сыновьями Толстыми и их жёнами в том, что у сыновей вкус гораздо лучше, чем у жён (*Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь*. М., 2012. С. 204).

8 июня 1898 г. Дора родила сына Льва. 14 июня его крестили, а 7 июля она встала с постели: для неё начиналась совсем

другая жизнь – материнская. Лев-«Третий» прожил недолгую жизнь, всего два с половиной года. Он умер от туберкулёзного менингита. 28 декабря его похоронили и, когда опускали маленький гробик в вырытую яму, Дора хотела броситься туда же, но её вовремя удержали близкие.

В 1900 г., 20 июля, в Ясной Поляне родился сын Павел. 23 июля его крестили. В 1902 г. родился Никита, спустя три года, в 1905 г., родился Пётр, за ним, в 1908 г., – Нина и Софья, в 1912 г. – Фёдор, в 1914 г. – Татьяна, а затем, в 1915 г., – Дарья (Пузин Н. П. Потомки Л. Н. Толстого. Родословная роспись и материалы к ней // Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула. 2010. С. 102–136).

В 1901 г. Дора вместе с мужем уехала в Петербург, где они купили дом, в котором Дора прожила до 1917 г. Осенью 1909 г. семья покинула столицу и отправилась в Париж, где муж страстно увлёкся французенкой Жизель. Дора устроила ему скандал, и он отбыл в США, но был вынужден вернуться в Петербург из-за болезни Доры. Вскоре Лев Львович снова отправился в Париж. В 1914 г. Дора побывала в Ясной Поляне, она снова ждала ребёнка, последнего, девятого по счёту, которого желала родить в Швеции. Опять она была одна, а Лев Львович, муж, с новой, очередной пассивностью – в Японии.

В апреле 1917 г. Дора возвратилась к отцу в Швецию с 8-ю детьми. В 1922 г. она развелась с мужем. Умерла Дора в возрасте 55 лет. В это время Лев Львович вернулся в Швецию. Похоронена на кладбище Фюнбю. В настоящее время в Швеции проживают около 60 потомков Доры и Льва Львовича Толстых.

Н. А. Никитина

ТОЛСТАЯ Елизавета Александровна (рожд. Ёргольская; 1790–1851) – троюродная тётка Толстого, свекровь М. Н. Толстой; помещица Чернского уезда Тульской губ. Родная сестра Т. А. Ёргольской. Родилась в небогатой дворянской семье отставного поручика Александра Семёновича Ёргольского (1758–?) и Анны Николаевны Батвиньевой (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 787). Она была второй в семье после старшего брата Семёна, моложе её были братья Дмитрий, Евграф и сестра Татьяна. После смерти матери росла в семье своей родной тётки по линии отца Т. С. Скуратовой, владевшей селом Покровским Чернского уезда Тульской губ., что в 80 верстах от Ясной Поляны. Была выдана замуж за гр. Петра Ивановича Толстого (1785–1833), мичмана в отставке. У них было трое детей: дочь Нина, сын

Валериан (1813–1865) и дочь Александра, в замужестве баронесса Дельвиг. В письмах родителей Толстого, его бабушки, тётушек П. И. Юшковой и А. И. Остен-Сакен часто упоминалось имя Е. А. Толстой. Искренней любовью и нежной заботой к ней, её мужу, который доводился отцу Толстого двоюродным дядей, проникнуты эти строки. Елизавета Александровна была близка с бабушкой Толстого гр. Пелагеей Николаевной. Но особенно близким ей человеком была родная тётка Толстого гр. Александра Ильинична Остен-Сакен. Они были духовными чадами преподобного Оптинского старца Леонида.

В 1847 г. сын Е. А. Толстой Валериан Петрович женился на сестре Толстого Марии Николаевне. С ними Е. А. Толстая жила в имении Покровском, где прошли её детские годы. У них был одноэтажный белый дом, старинный парк с липовыми аллеями, спускающимися к реке Снежеди. Её внучка Елизавета Валериановна Оболенская рассказывала: «...бабушка была характера мрачного, очень богомольная. Всё делали по часам, каждый стул, каждая вещь стояли на своём определённом месте; не допускалось ни малейшего отступления от раз установленных правил; прислуга ходила в мягких башмаках, говорила шёпотом. Бабушка любила и ласкала мою мать <М. Н. Толстую. – Т. К.>, которая всегда вспоминала её с уважением и благодарностью...» (Оболенская Е. В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 508, оп. 1, д. 264, л. 3).

Толстой хорошо знал свою троюродную тётку, знал об её жизни. Рассказывая в «Воспоминаниях» о «тётеньке» Т. А. Ёргольской, он упоминал и об её сестре: «Она и сестра её Лиза, вышедшая потом за графа Петра Ивановича Толстого, остались маленькими девочками, бедными сиротками от умерших родителей» (34: 364). Юный Толстой тоже называл её «тётенькой», письма адресовал «Т. А. Ёргольской и гр. Е. А. Толстой»; «милые тётеньки», «дорогие тётеньки» – обращался он к ним. В письмах 1845–1850 гг. из Казани, из Москвы не забывал «тысячу раз целовать ручки тёти Лизе» (59: 12, 22) и поздравлять её с Новым годом и с «праздником Пасхи», послал ей в подарок календарь на новый 1850-й год. В письмах Толстой интересовался «здоровьем тёти Лизы» (59: 57) и сокрушался её недугом: «Болезнь тёти Лизы меня очень огорчает...» (59: 83).

И Е. А. Толстая любила племянника. В письмах к сестре в Ясную Поляну или просто на словах она непременно просила передать ему эту свою любовь: «Тётенька <Т. А. Ёргольская. – Т. К.> тебе шлёт самый нежный поцелуй, так же как и маменька

<Е. А. Толстая. – Т. К.>, которая очень тебя любит», – писала брату М. Н. Толстая 3 марта 1851 г. (ПТСБ. С. 73).

Из писем М. Н. Толстой братьям известно, что последние годы Е. А. Толстая была тяжело больна и очень страдала; последнее лето своей жизни никуда не выходила. Но за несколько месяцев до смерти нанесла визиты соседям, будто желая попрощаться с ними и родными местами; стала гулять в саду, попросила сына отвезти её в кабриолете на конный двор, на скотный, посмотрела новую кухню, молодой сад, грунтовой сарай. В письме к Толстому 24 октября 1851 г. её сын Валериан Петрович писал: «14 сентября её не стало, а мы остались с женой, чтобы вечно оплакивать эту редкую во всех отношениях мать, друга и благодетельницу, что ещё убийственно, что мы не успели улучшить её последний вздох. <...> Истинно и не знаю до сих пор, как я перенёс эту страшную весть, которая едва мне не стоила жизни: но, конечно, человек всё переносит...» (ОР ГМТ). М. Н. Толстая приписала ниже: «До сих пор мы не можем привыкнуть к убийственной мысли, что не увидим никогда нашу добрую маменьку. Вы не поверите, какая пустота и тоска у нас в доме без неё. Да, я теперь с каждым днём яснее вижу, что я потеряла в ней редкую мать и друга, которого у меня больше не будет. Она любила меня как дочь родную и не разделяла в своём сердце с Валерианом, которого она боготворила. Рассказывают, что она до последней своей минуты беспрестанно вспоминала обо мне и скончалась в совершенной памяти» (ПТСБ. С. 78–79).

Существует версия, что Е. А. Толстая отчасти послужила прототипом образа барыни в рассказе Толстого «Поликушка». С. А. Толстая писала Н. В. Давыдову 24 сентября 1919 г.: «...тип барыни, как мы рассудили с сестрой Татьяной Андреевной, взят с граф. Елизаветы Александровны Толстой, которую я, впрочем, никогда не видала. Она была сестра Татьяны Александровны Ёргольской, жила в своём имении Покровском, Чернского уезда» (7: 347). Сам Толстой в детстве и юности не раз видел «тётеньку Лизу»: он бывал в Покровском, и она не раз гостила в Ясной Поляне.

Т. В. Комарова

ТОЛСТАЯ Прасковья Васильевна (рожд. Барыкова; 1796–1879) – родственница Толстого, дочь мценского помещика, происходила из обедневшего дворянского рода. В молодости получила хорошее домашнее образование по истории, географии, мифологии, грамматике, её учили живописи,

вышиванию гладью, игре на фортепиано. В 1811 г. Пашеньку Барыкову выдали замуж за 39-летнего полковника из знатного дворянского рода гр. Андрея Андреевича Толстого (1771–1844). А годом раньше «по высочайшему повелению» он был уволен в отставку из Изюмского гусарского полка и уехал в Москву. Это был «настоящий гусар того времени» (Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 170). Он любил выпить лишнее, бывал порой вспыльчив, но все эти гусарские замашки бросил из любви к жене. Она «своим добрым влиянием на него преобразовала его совершенно» (там же. С. 171). Граф А. А. Толстой – младший брат деда Толстого Ильи Андреевича.

Происхождение П. В. Толстой объясняло её широкие родственные отношения с известными дворянскими родами коренной России. Семья поддерживала отношения с гр. Ф. И. Толстым-«Американцем» и гр. Ф. П. Толстым-медальером. Сыграли большую роль родственные связи с поэтом В. А. Жуковским, пользовавшимся влиянием при дворе как воспитатель цесаревича Александра Александровича (будущего Александра II): он выхлопотал для мужа Полины Толстой должность советника Царскосельского дворцового правления.

В 1820-е гг. семья жила или в г. Белёве, где гр. А. А. Толстой был уездным предводителем дворянства, или в сельской тиши в небольшом белёвском селе Сальково, в котором в конце XVIII в. жил В. А. Жуковский. Вскоре Толстые переехали в Москву. Лето проводили в «родовом гнезде» Протасовых в имении Троицком Чернского уезда. С 1826 г. поселились в Царском Селе. Общеизвестен факт дружеских отношений А. С. Пушкина с семьёй П. В. Толстой, которую поэт посещал в свои приезды в Москву в 1826–1836 гг. Сохранились воспоминания дочери Толстых гр. А. А. Толстой о первой встрече с Пушкиным в доме родителей в Мало-Власьевском переулке (Полосина А. Одна из Толстых // Московский журнал. 1993. № 2/3. С. 12–13). Позднее графиня А. А. Толстая – двоюродная тётка и друг Толстого.

«Графиня Полина», как называли П. В. Толстую в близком кругу и в свете, «смолоду была очень хороша собой, <...> у неё были чудные, чёрные, большие глаза, очень умное выразительное лицо и самая добрая ласковая улыбка...» (Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 171–172). В письмах к жене кн. П. А. Вяземский называл П. В. Толстую «графиня Толстая Тургеневская». Из «Хроники русского» А. И. Тургенева известно, что в 1825 г. он оживлённо переписывался с П. В. Толстой: переписка



имела романтический характер.

Семейство Толстых состояло из трёх дочерей и двух сыновей. Прасковья Васильевна была «очень умная, образованная, прекрасная мать и хорошая родственница» (Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 171).

Она «жила вся в детях и старалась из всех сил дать им прочное, хорошее образование» (*там же*. С. 172). И преуспела в этом. Она «в воспитании дочерей своих достигла таких хороших результатов, которые со временем упрочили за ними любовь и уважение света и даже двора...» (*там же*). Сыновья учились в Артиллерийском училище в Петербурге. Дочери были назначены фрейлинами двора, одна из них, А. А. Толстая, состояла в этом звании за время четырёх царствований пятьдесят восемь лет. Мать была искренним и сердечным другом всех своих детей.

Для Толстого тесное и близкое общение с семейством П. В. Толстой началось в Петербурге в 1855 г., после возвращения из Севастополя. П. В. Толстая с семейством впервые побывала в Ясной Поляне в 1859 г. Сколько воспоминаний молодости было у них с Т. А. Ёргольской! В письмах к гр. А. А. Толстой 1861–1878 гг. Толстой надеялся, что «Прасковья Васильевна заедет в Ясную, ехавши к Вадбольским» (ПАТ. 2011. С. 189), спрашивал, не будут ли Толстые «в Петербурге или на даче <...>. Как бы было досадно, ежели бы мы как-нибудь разъехались. Где будет Прасковья Васильевна и ваши сестры и брат?» (*там же*. С. 260) или что делает «настоящая бабушка, т. е. Прасковья Васильевна? Как её здоровье и есть ли надежда увидеть её проездом, как бывало» (*там же*. С. 262). Иногда Толстому хотелось «поговорить про старину с <...> татам» гр. А. А. Толстой (*там же*. С. 340). Собираясь в Петербург, он всегда планировал встречу с П. В. Толстой: «Самое лучшее будет – играть в карты с тётушкой Прасковьей Васильевной...» (*там же*. С. 355). Дочери её, Александра и Елизавета, фрейлины императорского двора, часто проводили время у своей матушки в Царском Селе, где она жила с младшей дочерью Софьей. Не раз за обедом у татам А. А. Толстая рассказывала о Толстом: «Чтобы всё о нём сказать, нужны целые фолианты». Сам Толстой любил и ценил общение со всей семьёй гр. П. В. Толстой: до-

черьми Елизаветой, Александрой, Софьей, сыном Ильёй. «Как-то так славно пахнет от них толстовско-барыковско-твёрдордовским, приятным духом» (*там же*. С. 125). Он никогда не забывал гр. Толстую: «Я её теперь очень часто как живую вижу перед собой, с особенным, ей одной свойственным выражением этих прекрасных глаз, строгость и детская ласка» (*там же*. С. 381).

Дочь Елизавета и сын Илья умерли в 1867 г. и в 1879 г. Последние годы жизни Полины Толстой прошли в глубоком смирении, в воспоминаниях о давно ушедших «теньях» прошлого. В 1878 г. П. В. Толстой исполнилось 83 года, и жизнь её стала «видимо сокращаться». 24 октября 1878 г. она благополучно переехала из Царского Села в Петербург в карете. 27 января 1879 г., чувствуя, что жизнь её уже недолга, она причастилась в присутствии дочерей Александры и Софии и 7 февраля «скончалась без страданий, без агонии в окружении близких, во время чтения священником отходной» (А. А. Толстая). Похоронена в Сергиевой пустыни (Петербург) вместе с мужем гр. А. А. Толстым.

Лит.: Полосина А. Н. Неизвестные дневники А. А. Толстой // *ЯП. сб.* 1988. Тула, 1988; Полосина А. Н. Дневники рассказывают // *ЯП. сб.* 1992; Полосина А. Н. Одна из Толстых // *Московский журнал*. М., 1993. № 2/3.

А. Н. Полосина

ТОЛСТОЙ Григорий Сергеевич (1853–1928), граф – племянник писателя, сын брата Толстого С. Н. Толстого и М. М. Шишкиной. Полковник Павлоградского драгунского полка. Был женат на баронессе Елене Владимировне Тизенгаузен (1873–?), имел потомство, позже с ней разошёлся.

Григорий – старший ребёнок из двенадцати детей в семье С. Н. Толстого, большинство из которых умерли в детском возрасте. Зрелого состояния достигли четверо из них: сын Григорий и три дочери – Вера, Варвара и Мария. Сергей Николаевич Толстой, посещая Ясную Поляну, брал с собой Григория, где они становились участниками пикников, отправляясь в линейке с большой компанией в какой-нибудь прелестный уголок милой усадьбы. «Незаконному» или «ничейному» сыну С. Н. Толстого было в это время уже десять лет, он был любимцем Марии Михайловны, своей матери. Законным сыном он смог стать, когда ему уже исполнилось пятнадцать лет и родители к этому времени смогли обвенчаться.

Отцу Григорий доставлял много забот. Он очень плохо учился, хотя его учителем

одно время был сам Густав Фёдорович Келер, которого Толстой привёз из Веймара. Учёба явно не интересовала Григория, и вскоре он покинул родительский дом. Фактически старшие дети писателя своего кузена почти не знали.

Племянник Толстого рано поступил на военную службу, был зачислен в Павлоградский драгунский полк. Он крайне редко бывал в Пирогове и, как правило, холодно держался с отцом и сёстрами. За три года Григорий мог лишь раз появиться у родителей и обязательно требовал у отца денег. Праздный образ жизни, который он вёл, требовал немалых трат, и поэтому денег ему всегда не хватало. Отец высылал ему ежемесячно по сто рублей, но вскоре этой суммы сыну показалось мало, и он стал просить больше.

В январе 1892 г. Григорий женился на 19-летней дочери своего полкового товарища. Однако семейная жизнь не сложилась, и он очень быстро развёлся с женой, продолжая «мучить» отца, став для него «skeleton in the closet» («болячкой на сердце»), при этом, как говорил Толстой, «уж очень тяжёлой». Бестолковый Григорий вызывал у Сергея Николаевича чувство боли, страха, ожидания неприятностей. Все это он высказывал в своих «больных речах» о сыне в письмах к брату Льву Николаевичу. Выйдя в 1895 г. в отставку в чине полковника, Григорий постоянно оказывал давление на отца, вёл себя недостойно: то подсылал священников к нему с допросами, где и когда тот венчался, кто его крестил, уточнял день его рождения, бывает ли отец у святого причастия, почему редко причащается? Сергей Николаевич во всём винил только себя, был убеждён в том, что дурно воспитал сына и несёт теперь свой тяжкий крест.

Однажды, в мае 1899 г., Григорий приехал в Пирогово, и его было невозможно узнать: не выпивал, не ел мясо и не курил. Всё это было совсем нехарактерно для него. Он произвёл самое положительное впечатление на сестру Толстого Марию Николаевну, которая с умилением о нём говорила. Три раза Григорий собирался переехать в Пирогово, но в итоге родители получали «непонятные» письма, которые он писал на портретах Льва Николаевича. С. Н. Толстой со страхом ждал смерти из-за мыслей, что сын может сделать что-то плохое со своими сёстрами.

27 августа 1904 г. Григорий присутствовал в Пирогове на похоронах своего отца и, как отметил Толстой, был «хорош и спокоен».

Г. С. Толстой умер в эмиграции.

Н. А. Никитина

ТОМАШЕВСКИЙ Анатолий Константинович (1842–1908) – учитель в бабуринской и колпенской школах Толстого; сын землевладельца Саратовской губ. В 1859 г. окончил саратовскую гимназию и поступил вольнослушателем в Московский университет, откуда в 1861 г. был исключён за участие в студенческой демонстрации. В отношении Толстого к Тульскому губ. присутствию от 21 февраля 1862 г. за № 36 Томашевский назван учителем колпенской школы. «Помню из всех, – писала С. А. Толстая: – самый мой любимый, с которым легче всех мне было разговаривать, который был проще, живее и дружелюбнее всех ко мне, был Анатолий Константинович Томашевский» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 78). К весне 1863 г. он уже оставил педагогическую деятельность и занялся сельским хозяйством, в качестве управляющего имения Толстого. Во время пребывания у Толстого в журнале «Ясная Поляна» напечатал две статьи: «Колпенская школа» (март) и «Колпенская школа» (декабрь).

«Кончались и отношения с студентами и школами, – вспоминала С. А. Толстая. – Последний, кто оставался в Ясной Поляне и помогал Льву Николаевичу в хозяйстве, был Анатолий Константинович Томашевский, живой, умный и энергический молодой человек» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 93). «Я целый день был погружён в хозяйство», – писал Толстой в дневнике 3 марта 1863 г. (48: 52). «Занятия он распределил между собой, Томашевским и мной. <...> Томашевский же не мог найти удовлетворения в этом деле и уехал» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 94).

В 1865 г. Томашевский вновь был принят в Московский университет, но в 1866 г. его арестовали в связи с делом Каракозова. Несколько месяцев он просидел в тюрьме. 14 ноября 1866 г. Толстой писал С. А. Толстой: «Дома к обеду пришёл Томашевский и Майн. <...> Томашевский ужасно жалок. Он только 3-й день из тюрьмы, где высидал один, без сообщений ни с кем, ни с молодой женой, без книг, 4 месяца, и ни за что. За то, что он был знаком с Петерсоном, который тоже ни в чём не виноват. Кто судьи его: Сычинский, Беринг, Михайловский и т. п. отребье рода человеческого. “А напрасно совсем мы вас брали”, – они сказали ему, выпуская» (83: 123). В январе 1867 г. Томашевский получил разрешение выехать в Курск, где состоял под негласным надзором полиции. Одно время он служил бухгалтером на железной дороге. Впоследствии работал в министерстве финансов, был лично знаком с Витте.

Н. И. Бурнашова

ТОНИЛОВ Лев Викентьевич («Лев Рыжий»; 1873–1920) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого. Анархист; участник нескольких земледельческих толстовских общин, одно время сочувствовал взглядам Толстого. Впервые появился в поле зрения писателя в 1907 г., о чём Толстой записал в дневнике 3 августа: «Вчера пришёл из ташкентской общины рыжий Лев. Удивительно знает всё» (56: 206). В 1908 г. жил у В. Г. Черткова в Телятинках, недалеко от Ясной Поляны. В письме от 3 января, обращаясь к Толстому на «ты», Тонилов сообщал о том, какое впечатление на него произвела жизнь в Телятинках. По сути, это было письмо, обличающее Черткова. «В. Г. Чертков сделал себе кумира из тебя, и торгует, и распространяет, и смотрит на тебя как на кумира. И так же в свою очередь у себя хочет держать только тех, которые бы смотрели и на него как на кумира» (79: 41).

В воспоминаниях «В лучах Л. Н. Толстого» их автор Г. С. Рябов передавал слова Толстого о Тонилове: «Был у меня утром один человек – настоящий мужик, здоровый, рыжий, босой, с котомкой за плечами. Пришёл познакомиться, разделяет мои взгляды. Все мои книжки читал, всё понял. И что умилило меня, так это – присутствие в его котомке “Круга чтения”, который он ежедневно читает. Он совсем не признаёт денег. За работу денег не берёт. Работает только у крестьян. Так без денег, работая по пути, пробрался сюда из Ташкента» (цит. по: 56: 586).

В 1909 г. Тонилов был арестован и по этапу направлен в Ясную Поляну под поручительство Толстого. О содержании бесед с Тониловым писатель упоминал в декабрьском дневнике 1909 г.: «...пришёл Лев Рыжий. Я говорил с ним нехорошо. Он был прав. Я не прав. Он только не умеет выражаться. <...> После обеда говорил с Серёжей Булыгиным. Всё то же, что со Львом Рыжим: о Боге и возможности – по их мнению – общения с Ним помимо или, скорее, кроме любви. Что мне за дело. А говорил горячо и недобро» (57: 192).

Продолжая свои размышления, Толстой через три дня писал: «Мысль же учения Льва о том, что все делают то, что им свойственно, и что судить их и тем более поучать, исправлять их не нужно и вредно. Живи вовсю, перед Богом, и всё будет. Если я не соглашался со Львом, то не только от того, что он неясно говорит, а от своей гадости» (57: 193).

Тонилов пытался найти себя в православии, поступил в монастырь, но, как говорили, женился на игуменье и вместе они расстриглись. Умер Тонилов от тифа.

А. Г. Королёва

ТОТОМИАНЦ Вахан Фомич (1875–1964) – посетитель Толстого; видный теоретик и деятель кооперативного движения, известный в России и Западной Европе. В 90-е гг. XIX в. учился в университетах Женевы, Цюриха и Берлина, знал несколько европейских языков. Ещё в студенческие годы изучал работу кооперативных союзов Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Италии, жил и работал в Брюсселе, где окончил университет с дипломом доктора общественных наук, – и повсюду устанавливал творческие контакты и находил идейные связи с различными направлениями кооперативного движения. В 1899 г. Тотомианц вернулся в Россию, где начал активно сотрудничать с социал-демократическими изданиями. Тогда же в сентябрьском номере ежемесячного литературного и научно-популярного журнала для самообразования «Мир Божий» была напечатана его статья «Мощь кооперации». В ней он пропагандировал идею замены торговых посредников при сбыте товаров потребительными обществами (кооперативами), за которыми видел большое будущее. Тотомианц утверждал, что возможен выход из-под капиталистического гнёта за счёт перехода от потребительных обществ (кооперативов) к производительным и далее к кооперативам, выполняющим функции профсоюзов. Покупка земли и строительство на ней дешёвого кооперативного жилья, производство товаров и организация гарантированного сбыта, отсутствие фальсификации качества производимых продуктов, организация страхования, пенсионного обеспечения, благотворительных фондов в культуре и образовании – вот путь развития кооперации в России. При этом кооперативное движение, считал Тотомианц, может оставаться вне партийной борьбы и политических реформ.

В начале октября 1900 г. Тотомианц посетил Толстого в Ясной Поляне и тогда, вероятно, ознакомил его с идеями кооперации. Толстой записал в дневнике 9 октября: «Было много посетителей, – кроме Дунаева с дочерью и Ив. Ив. Бочкарёва, все литературные: Веселитская (очень приятно), Тотомианц, молодой марксист, тоже приятный; вчера Поссе и Горький. Эти менее приятны» (54: 45). Тотомианцу нужны были контакты с Толстым и для пропаганды своих идей, и для рекламы самого кооперативного движения в России. Взгляды Толстого не противоречили идеям кооперации. Но всё же писатель выше реформ и революций в обществе ставил идеи ненасилия, непротивления властям, которыми был занят в это время.

За несколько лет Тотомианц стал заметным организатором и идейным вождём кооперативного движения в России. Зимой 1910 г. Толстой ответил на его просьбу написать несколько слов приветствия съезду российских кооператоров. В письме от 23 января 1910 г. он говорил о кооперативном движении как об «одной из лучших деятельностей, которым могут посвятить себя ищущие приложения своих сил молодые люди, желающие служить народу, а их так много». И признался: «Если б я был молод, я бы занялся этим делом...» (81: 66–67).

В 1918 г. Тотомианц эмигрировал из Советской России. Он преподавал курсы кооперации в Чехии, Германии, Болгарии, а после Второй мировой войны – во Франции. От этого пионера и пропагандиста кооперативного движения в России осталось богатое творческое наследие – свыше 40 книг и брошюр по проблемам кооперации и самоуправления трудовых общин в городе и деревне. Умер и похоронен Тотомианц в Париже.

Е. И. Рачин

ТРЕПОВ Дмитрий Фёдорович (1855–1906) – адресат и корреспондент Толстого; видный гос. деятель, жестоко подавлявший революционное движение; участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1896–1905), товарищ министра внутренних дел; заведующий полицией и командующий Отдельным корпусом жандармов; петербургский генерал-губернатор (1905–1906). На жизнь Трепова не раз совершались покушения.

В мае 1905 г. Толстой спросил В. Г. Черткова «про его отношения с Треповым. Владимир Григорьевич вспомнил, что они товарищи по полку и были когда-то друзьями. Теперь при встрече они сначала не говорили ни ты, ни вы, потом перешли на вы. Трепов грустен: убеждён, что, употребляя жестокие насилия против революционеров, поступает, как должен. Он раньше интересовался взглядами Л. Н. и даже сочувствовал им» (ЯПЗ. 1. С. 293). Не случайно С. А. Толстая писала, что ещё в 1893 г. «Чертков, зная, что у него могут быть обыски, отдавал на хранение запрещённые сочинения и рукописи Льва Николаевича Дмитрию Фёдоровичу Трепову, своему другу» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 326).

Имя Трепова встречалось в письмах Толстого с середины 1880-х гг., когда писатель пытался помочь всем, обращавшимся к нему с просьбами. Так, он просил похлопотать одновременно и В. В. Стасова, и Черткова за брата студента Ершова, чле-

на народовольческого кружка. В 1906 г. он просил Черткова похлопотать у Трепова за мужа крестьянки А. В. Агеевой, отбывающего наказание в Сибири. В 1901 г. произошла, по словам Толстого, «ужасная, возмутительнейшая история» с А. П. Накашидзе, знакомым Толстого: тот заступился за женщину лёгкого поведения, которую избивал полицейский, после чего сам оказался в участке. Это дало повод Толстому напрямую обратиться 22 января с письмом к Трепову. Толстой резко осудил действия московской полиции, назвав её «шайкой злодеев, которые под видом соблюдения порядка совершают безнаказанно самые ужасные преступления» (73: 23). В ответном письме Трепов заверил, что виновные наказаны и искренне благодарил Толстого за сообщённые ему факты.

В 1898 г. в письме к Черткову Толстой просил его даже в Англии соблюдать осторожность, ибо «до такой степени дурно настроено правительство против духоборов», что в редакцию «Русских ведомостей» «пришла бумага от (увы!) Трепова, требующая названия жертвователей и доставления денег в казну. “Русские ведомости” ответили, – писал Толстой, – что деньги уже переданы мне и представили в этом расписку» (88: 94). Вместе с тем в 1905 г. Д. П. Маковицкий привёл в своём дневнике информацию: «Правительство даёт духоборам 17 тысяч на переселение, выхлопотали Чертков и Трепов» (28 июня 1905 г. – ЯПЗ. 1. С. 325).

Убийство в 1905 г. в Москве великого кн. Сергея Александровича, участвовавшие сообщения о террористических актах возмущали Толстого. Он «был потрясён» убийством великого князя; «видно было, что он прямо физически страдал, говорил: “Что же, после убийства Александра II лучше стало? Есть и были Треповы, которые вынюхают, засадят, перевешают участников убийства”» (ЯПЗ. 1. С. 162). Зачастую фамилия Трепова упоминалась в значении нарицательном. Толстой слышал, что революция в Аргентине «длилась сто лет. Явился человек, который перевешал всех, и сказали ему: “Спасибо, водворил порядок”. У нас о Трепове скажут: “Это благодетель”» (ЯПЗ. 2. С. 182).

В начале ноября 1905 г. Толстой задумал статью «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» и уже 12 января 1906 г. читал её в присутствии нескольких лиц. В варианте статьи, в тексте № 2 «Революционеры» Толстой признавал, что для революционеров император, его министры и «преданный всеобщему позору Трепов» – «суть злодеи вне закона», но Толстой находил им если «не оправдание, то смягчающие вину об-

стоятельства», сводящиеся к воспитанию, традициям предков и целым учреждениям. Толстой не был сторонником внутренней политики российского правительства, но и не сочувствовал революционным и террористическим действиям.

А. В. Шмелёва

ТРЕСКИН Владимир Владимирович (1863–1920) – знакомый, посетитель Толстого. Юрист, сын известного московского нотариуса В. А. Трескина. Был дружен с сыновьями Толстого Сергеем и Ильёй Львовичами. Страстный любитель поэзии, Трескин знал наизусть чуть ли не всего Пушкина, Лермонтова, А. Толстого, Майкова, Фета, Хомякова, Тютчева... Но особенно поклонялся он Толстому, восхищался его произведениями. Отмечали его прекрасную память, необыкновенную жизнерадостность. М. С. Бибилова, племянница Толстого, вспоминала молодёжные московские досуги, в которых постоянно участвовал Трескин, «очень живой юноша, вносивший много веселья» в компанию друзей. В доме Сергея Николаевича Толстого в Москве (в Никольском переулке на Арбате) часто звучал прекрасный хор, в составе которого были Трескин, Орлов, Олсуфьевы, Толстые; «пели под аккомпанемент рояля» (Толстой и его близкие. С. 54–55). Трескин в эту пору пытался ухаживать за Татьяной Львовной Толстой, старшей дочерью писателя, поэтому старался чаще бывать у Толстых, на совместных прогулках за городом, на катке, участвовал в рождественском действе ряженных в Оболянове, имении Олсуфьевых под Москвой. Трескин помогал держать корректуры 5-го ПСС Толстого, издаваемого С. А. Толстой. Она писала своему добровольному помощнику 20 августа 1885 г.: «Если не получите корректур, не удивляйтесь и опять посылайте за ними. Вышло недоразумение, я просила прислать просмотренные вами листы, а они прислали и новые. Я и просмотрела. Хорошо бы, если б сравнивали “Военные рассказы” по первому изданию: оно у меня на полке в спальне» (83: 506).

В 1886 г. Трескин служил податным инспектором в Серпухове. Во время путешествия из Москвы в Ясную Поляну Толстой и М. А. Стахович останавливались у него. В годы Первой мировой войны Трескин жил в Прибалтике, затем вернулся в Москву, где скончался от сердечного приступа.

А. Г. Королёва



ТРОИЦКИЙ Дмитрий Егорович (1847–1924) – протоиерей тульской тюремной церкви; в 1880 г. рукоположен в сан священника к Покровскому храму при тульском тюремном замке, 1897–1900 гг. – священник церкви Св. блг. великого князя Александра Невского на плац-параде, с 1900 г. – священник Спасо-Преображенской церкви, с 1917 г. – миссионер. В 1897 г. священник Дм. Троицкий получил благословение Питирима (Окнова), епископа Тульского и Белёвского (1896–1904), увещевать Толстого возвратиться в лоно православной церкви, для чего два раза в год он приезжал в Ясную Поляну, но Толстой, оказывая ему приём, «от бесед по вопросам веры отказывался».

Первая их встреча состоялась в 1897 г. Затем последовали ещё встречи, о них священник Троицкий писал, что «ездил в Ясную Поляну в погоду и непогоду, в тёплое и холодное время, расходуя свои малые средства, встречая нередко презрение и принимая даже оскорбления от некоторых яснополянских лиц (только не от графа)» (56: 456). 1901 г. 27 июня – июль (из рассказа Марии Львовны): «Тут приехал тульский поп, который часто к нему ездит, – очень неприятный, кажется, хитрый человек (мне кажется, что он что-то вроде шпиона). Папа с ним стал говорить, взволновался и стал говорить ему, что он дурно делает, что ездит к нему, что он, вероятно, подослан, и т. п. Этот разговор был ему тяжёл...» (54: 472). В 1902 г. 31 января Толстой писал сыну С. Л. Толстому: «Нынче уж был сомнительный священник тюремный из Тулы, привёзший почему-то книги от Яшвиля» (73: 315) – тульского вице-губернатора (1899–1903). Когда осенью 1903 г. священник Троицкий просил позволения у Толстого приехать к нему для беседы, то отказом ответила Ю. И. Игумнова (74: 277).

Священник Троицкий посетил Толстого и 9 сентября 1907 г., в дневнике от 11 сентября Толстой сделал запись, перечисляя тех, кто за последние четыре дня побывал у него в Ясной Поляне, среди них – «тюремный священник». Речь шла о Дмитрие Троицком, хотя в ту пору он уже не служил в тюремном храме. В записной книжке 9 сентября Толстой записал: «Дома острожный священник...» (56: 212). 4 января 1908 г. Троицкий снова был у Толстого. В записной книжке под этой датой писатель отметил: «Был тюремный священник, и я дурно себя вёл» (56: 299). Об этой встрече записано в дневнике: «...всё дурно, т. к. резко отзывался о православии». 17 июня 1908 г. состоялась их последняя встреча. «Вчера приехал на шарабане священник Троицкий из Тулы, посещающий Л. Н. много лет, – за-

писал Д. П. Маковицкий. – Тихий, мягкий старичок. Почему он приезжает – загадка. Предполагают, что по поручению высшей церковной власти, которая хочет быть в курсе того, каково здоровье Л. Н., телесные силы и духовные взгляды. Сергей Львович не скрыл неприязни к его посещениям и с укором в голосе спросил его, зачем приезжает. Священник ответил, что из-за личной привязанности к Л. Н.: «Я его жалею». (По здешнему диалекту – люблю.)» (*ЯПЗ*. 3. С. 119).

Одно из последних «увещательных» писем Толстому священник Троицкий написал 9 октября 1910 г. Толстой отвечал ему 11 октября: «Любезный брат Дмитрий...» Толстой был удивлён «странным предложением» Троицкого, называл «зловредным заблуждением» и «обманом» вероучение церкви, от которого «с величайшими страданиями и усилиями освободился много лет тому назад, усвоив себе миросозерцание не церковное, но христианское» (82: 186).

Дневник от 23 октября 1910 г.: «Письмо доброе от священника, отвечал ему» (58: 122). Это было ещё одно письмо от священника Дм. Троицкого, полученное Толстым 22 октября. Отвечая на него, Толстой препровождал к адресату свои книги для чтения «На каждый день». Под 25 числом есть рассуждения Толстого о смирении как «величайшей и необходимой добродетели», на которую в своём письме указывал священник.

Толстой не отказывался от общения и личных встреч с Троицким. Под впечатлением от этих встреч возник один из последних художественных замыслов Толстого, записанный 24 октября 1910 г. в дневнике: «Очень живо представил себе рассказ о священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается. Хороший сюжет» (58: 123).

Священник Дмитрий Троицкий опубликовал своё письмо к Толстому от 9 октября 1910 г. и воспоминания о беседах с Толстым в статье «Православно-пастырское увещание графа Л. Н. Толстого» в журнале «Христианин» (1913. № 11. С. 508–510).

А. В. Шмелёва

ТРУБЕЦКИЕ – известный русский дворянский род, хотя эту фамилию носили в России и мещане, и крестьяне. Толстой был связан с князьями Трубецкими близким родством. Его бабушкой со стороны матери была кн. Екатерина Дмитриевна Трубецкая (1749–1792). В доме родного брата бабушки, кн. Ивана Дмитриевича (1756–1827), воспитывалась мать писателя, а дети Трубецкого, сыновья Юрий (1792–1848), Николай (1807–1874) и дочери Аграфена, в за-

мужестве Мансурова (1795–1861), Софья, в замужестве Всеволодская (1800–1852), и Александра, в замужестве кн. Мещерская (1802–1873), входили в круг общения семьи Толстого. Многие представители рода Трубецких отмечены в русской истории, некоторые были ближайшими сподвижниками Петра I. Один из Трубецких был крёстным отцом царя (Алексей Никитич), у другого, Юрия Юрьевича, прапрадеда писателя, Пётр I был на свадьбе посажённым отцом со стороны жениха. Работая над материалами из времён Петра I, Толстой в набросках к роману упоминал имена Дмитрия Юрьевича и его жены Варвары Ивановны Одоевской, своих прадеда и прабабки (17: 442) Юрия Юрьевича (1668–1739), женатого на кн. Елене Григорьевне Черкасской, а вторым браком на Ольге Ивановне Головиной (17: 407, 425, 443). Через прабабку своей матери, О. И. Головину, в замужестве Трубецкую, Толстой был в родстве с А. С. Пушкиным.

Был в родстве Толстой и с декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790–1860): он четвероюродный брат Толстого, персонаж незавершённого романа «Декабристы», где его имя упоминалось несколько раз (17: 460, 493). С. П. Трубецкой был одним из основателей тайного общества «Союз спасения», одним из руководителей «Северного общества». После поражения декабристов осуждён на каторгу и сослан в Сибирь. Автор записок, изданных в Лондоне. В *ЯПБ* сохранилась книга «Записки декабристов», выпуски 2-й и 3-й (Лондон, 1863), где записки Трубецкого были впервые напечатаны. Толстой писал Софье Стахович в марте 1898 г.: «Не могу теперь вспомнить, где я читал подробности о казни. Есть, кажется, описание у Трубецкого (его записки)» (71: 310). В апреле 1904 г. Толстой просил Стасова прислать ему изданные за границей записки декабристов С. П. Трубецкого, С. П. Оболенского и др.

В молодости Толстой был знаком с семьёй Николая Ивановича Трубецкого (1807–1874), своего двоюродного дяди со стороны матери. Князь Н. И. Трубецкой – действительный тайный советник, обер-гофмейстер, член Гос. совета, сенатор, председатель Московского опекунского совета – был женат на Анне Андреевне Гудович (1818–1882). Их единственной дочерью, Екатериной Николаевной Трубецкой (1840–1875), в молодости был увлечён Толстой. Во время заграничного путешествия в 1857 г. он посещал парижский салон Трубецких и 11 апреля писал Т. А. Ёргольской: «Представьте себе, в Париже у меня оказалось много родни – Трубецкие, двоюродные братья мамá, г-жи Ман-

суровы и Мещерские, <...> и во всех этих семьях есть барышни, которые оказались моими кузинами» (60: 175). Н. И. Трубецкой принял католичество и потому принуждён был жить за границей, так как въезд в Россию, по законам того времени, был ему запрещён. Жили Трубецкие в Париже в собственном доме на улице Клиши и под Парижем близ Фонтенбло в имении Бельфонтен, где у них бывал Толстой. На правах родственника он часто посещал семью Трубецких, нередко обедал у них. В доме князя, по свидетельству современников, собиралось разношёрстное общество, от французских иезуитов до людей с революционным прошлым. Сам Н. Трубецкой отличался крайней непоследовательностью взглядов, но был человеком добродушным и простосердечным. Толстой в одном из писем к жене (1869 г.) цитировал стихи П. А. Вяземского:

Над Трубецким трунит Толстая
 <Александрин. – Л. Д.>,
 Толстых я вижу в ней закал,
 «Войны и мира» часть седьмая,
 Благодарю, не ожидал (83: 163).

А. А. Толстая тогда же писала: «Меня занимает дразнить кн. Трубецкого, юношу 70 лет...» (83: 165). Уже в Москве встреча с одним из родственников Трубецких вызвала в Толстом воспоминания о своём увлечении Екатериной Трубецкой и упущенной возможности устроить семейную жизнь. «Трубецкой. Напомнил Париж и дочь. – Дурак, дурак» (дневник 7 апреля 1858 г. – 48: 12). В «Кратком биографическом очерке, написанном со слов гр. Л. Н. Толстого женой его гр. С. А. Толстой 25 октября 1878 года (вторая редакция)» на полях против слов: «Из Парижа ездил <...> жил в Швейцарии», рукой С. А. Толстой написано: «Знакомство с Трубецкими, была мысль жениться на княжне Трубецкой, впоследствии графиня Орлова, жена посланника в Париже» (ЛН. Т. 69. Кн. 1. С. 513).

Среди знакомых молодого Толстого был кн. Сергей Васильевич Трубецкой (1815–1859): в дневниках и записных книжках встречалось его имя. «...Ужинал с Трубецким...» (47: 107). Он был сыном Василия Сергеевича Трубецкого, генерал-адъютанта Александра I. Кавалергард, сослуживец и приятель Лермонтова, был женат на Е. П. Пушкиной. Участвовал в боевых действиях на Кавказе и был, по одной из версий, секундantom Лермонтова на дуэли с Мартыновым. В 1842 г. подал в отставку, 10 лет спустя пережил романтическую историю с похищением чужой жены, за что был арестован и посажен в Петропавлов-

скую крепость. Вышел на свободу без титула, чина и знаков отличия, рядовым в пехотный полк. По словам современников, «был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях, как по наружности, так и по уму; и у него было тёплое, доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет» (47: 393). В записной книжке в июне 1856 г. Толстой вспомнил С. Трубецкого: «К Юности. Я смотрю, как на недоступные совершенства образования, ума, деликатности, на русских франтов, как Столыпин, Трубецкой, Строганов; потом узнаю и нахожу, что они на меня смотрят с завистью и притворяются, что презирают» (48: 186). Встречался Толстой с Трубецким и в С.-Петербурге, в семье А. А. Толстой (48: 9).

Родственником Толстого был кн. Николай Петрович Трубецкой (1828–1900) – тайный советник, калужский вице-губернатор, председатель и один из создателей Русского музыкального общества и Московской консерватории. Пятиюродный брат Толстого, он был женат 1-м браком на Любове Васильевне Орловой-Денисовой (1828–1860), 2-м браком на Софье Алексеевне Лопухиной (1841–1901). Семья Н. П. Трубецкого принадлежала к духовной элите России. У него было 12 детей (трое от первого брака). Два сына, Сергей (1862–1905) и Евгений (1863–1920), были известными русскими философами. Когда Евгений Трубецкой предполагал стать редактором новой газеты «Московская неделя», Толстой хотел дать в его газету свою статью «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». В некоторых изданиях тогда появились сообщения, что газета Е. Трубецкого будет издаваться при сотрудничестве Толстого (ЯПЗ. 2. С. 31, 613). Жена Толстого была связана с Н. П. Трубецким благотворительными делами: «...с милейшим старым князем Трубецким у меня всегда было полное согласие во мнениях» (САТ. Моя жизнь. 2. С. 558).

Л. С. Дробат

ТРУБЕЦКО́Й Василий Иванович (даты жизни не установлены) – крепостной крестьянин, дворовый отца Толстого, занимал особенное место в памяти писателя. Он был буфетчиком в Ясной Поляне и ещё во времена раннего детства Толстого был переведён приказчиком в курское имение Толстых Щербачёвку. Работая в конце жизни над воспоминаниями, писатель не мог сразу приступить к воспоминаниям о своих братьях. «Не могу перейти к братьям. Надо упомянуть о буфетчике Василье Трубец-

ком» (34: 377). «Это был милый, ласковый человек, очевидно, любивший детей и потому любивший нас, особенно Серёжу, того самого, у которого он потом и служил и помер. Помню добрую кривую улыбку его бритого лица, которое с морщинами и шеей было близко видно, и тоже особенный запах, когда он брал нас на руки и сажал на поднос (это было одним из больших удовольствий: “И меня! Теперь меня!”) и носил по буфету...» (34: 379). С отъездом В. Трубецкого в Щербачёвку связывал Толстой впервые испытанное им чувство – «ужас и страх перед непостоянством жизни». Любовь его к «милому Василью» была такова, что, перечисляя самых близких и особенно любимых людей, окружавших его в детстве, Толстой включил в их число Трубецкого: «...тётенку Татьяну Александровну, брата Серёжу, Николеньку, Василья...» (34: 379).

Л. С. Дробат

ТРУЗСОН Фёдор Иванович (даты жизни не установлены) – приятель молодого Толстого, брат Луизы Ивановны Волконской; служил в Отделении гос. экономии Гос. канцелярии. В 1859 г. – статский советник и камер-юнкер. Во второй половине 1850-х гг., бывая в Петербурге, Толстой тесно общался с Трузсоном; в дневнике и записных книжках часто мелькает его имя. Трузсон был читателем и критиком сочинений писателя, и Толстой прислушивался к его мнению. Так, 16 мая 1856 г. он записал в дневнике: «Встал поздно, пришёл Фет и Трузсон. Последний прелестно сказал, что второй гусар писан без любви» (47: 72). Речь шла о Турбине-сыне, персонаже только что вышедшей повести Толстого «Два гусара». Отношения были довольно близкие и доверительные: Толстой, видимо, даже советовался с приятелем о своём намерении жениться на В. Арсеньевой. 11 ноября того же года в дневнике запись: «С Трузсоном приехал домой, он отсоветывает жениться, славный человек» (47: 99). 18 ноября: «...приехал Трузсон, сначала было скучно, потом разболтались до двух» (47: 101).

В ноябре 1856 г. в записной книжке Толстой отметил: «История Трузсона с придворными» (47: 200). Трудно сказать, что это за история, но не исключено, что писатель для памяти записал привлёкший его сюжет.

Н. И. Бурнашова

ТРУТОВСКАЯ Вера Константиновна (1858–1895) – посетительница Толстого; врач из Полтавы, автор напечатанной

в 1888 г. в издательстве «Посредник» статьи «Дурная болезнь, или Сифилис. Описание её и советы о том, как уберечься и лечиться от неё». Толстой познакомился с работой Трутовской в Ясной Поляне в середине марта 1887 г. Приезжавшие к нему врачи Н. Ф. Михайлов, автор брошюры «Советы матерям», И. В. Попов, заведующий санитарным отделом Московского губ. земства, и Г. А. Архангельская, основательница Петровской земской больницы при станции Алабино Московско-Киевской железной дороги, обсуждали с писателем проблемы оказания медицинской помощи простому народу. Архангельская зачитала отрывки из статьи Трутовской, очень заинтересовавшей Толстого. 20 марта 1887 г. в письме к П. И. Бирюкову, А. К. и В. Г. Чертковым Толстой назвал статью «прекрасной» (64: 26). В процессе первого чтения медицинского трактата слушатели делали некоторые замечания, и через неделю статью с уже внесёнными поправками зачитывала Толстому сама Трутовская, приезжавшая в Ясную Поляну. Художником издания стал И. Е. Репин, он изобразил на обложке голову безносой женщины. 1 февраля 1886 г. Толстой писал Репину, что изображение, данное на книжке, производит «ужасное» впечатление (64: 145).

О Трутовской Толстой писал Черткову 2 апреля 1887 г.: «Одна милая женщина-врач Трутовская приносила и читала, кроме её прекрасной брошюры о сифилисе, ещё о несчастных случаях; тоже прекрасно; очень полезная будет книга и написана с знанием и дела и народа. Немного тон ласково-развязный, и потому есть длинноты, не нужное, но этот недостаток возмещается большими достоинствами» (86: 42). Данная работа Трутовской была издана «Посредником» в 1889 г. под названием «Первая помощь в несчастных случаях и при внезапном заболевании людей. Составлено женщиной-врачом».

Е. П. Гриценко

ТУЛИНОВ Николай Иванович (даты жизни не установлены) – юрист, окончивший Московский университет в 1891 г.; работал с Толстым на голоде. С Толстым и его семьёй познакомился в 1887 г., когда студентом записался в организованное по инициативе Толстого первое общество трезвости «Согласие против пьянства». 15 ноября 1891 г. Тулинов вместе со своим знакомым Григорием Александровичем Поляковым приехал к Толстому в Бегичевку. В дневнике Толстой записал: «15. 3-го дня. <...> Утром приехали Тулинов и Поляков. Милые ребята» (52: 58). О них же Толстой упоминал

в письме к врачу Владимиру Васильевичу Рахманову от 19(?) ноября 1891 г. из Беги-чевки: «Ещё на днях приходили двое – один юрист, другой естественник, кончившие курс купцы из Москвы, и тоже открывают столовые. Везде это дело распространяется как сыпь. И много есть тут хорошего. Есть и дурное – именно свой произвол, который нельзя вполне устранить, и ложная роль, которую играешь» (66: 93). Толстой направил их в село Монастырщину Епифанского уезда Тульской губ., в 16 км от Беги-чевки, где они открыли столовые на свои средства.

В ходе работы Толстой подбадривал Тулинова и Полякова: «Смотрите же, не унывайте, милые друзья, – писал он им 4 февраля 1892 г. из Беги-чевки. – Я сам всё собираюсь унывать и всё бодрюсь. Я думаю, что так и надо. Дело не весёлое, как кажется изда-лека, а трудное, тяжёлое. Не забывайте нас» (66: 153). Тогда же в письме С. А. Толстой он отметил: «Сейчас написал письмо Тулинову о горохе, который он просил у нас, и, между прочим, желая подбодрить их, высказал то, что сам чувствую. Много есть тяжёлого, и самое тяжёлое это попрошайничество, недовольство, требовательность, зависть и т. п. И мы на это досадуем. Нам кажется, что всё должно идти гладко, ровно, без тя-жести борьбы и напряжения, – не напряже-ния труда (его не много нужно, и он лёгок), а напряжения доброты, насколько её есть; а как же это может быть, когда находишься в исключительном положении и делаешь иск-лючительное дело. Всё кажется – и нам так казалось сначала – что это что-то вроде *partie de plaisir* <прогулки. – *фр.*>; но чем дальше входишь в дело, тем тяжелее, и попрошай-ничество есть показатель исключительного положения» (84: 114). К ним же Толстой об-ращался 28 июля(?) 1892 г.: «Милые друзья сотрудники Николай Иванович и Григорий Александрович. Как вы поживаете, что дела-ете? Довольны ли вашей работой? Не ищите ли более плодотворной деятельности? У вас, говорят, мера пересыпана верхом. Если так, направьтесь в Скопинский, Раненбургский уезды. Там ещё много нужды, к несчастью. Во всяком случае, не унывайте и верьте, что лучшего ничего делать нынешний год нельзя. Можно только лучше делать то, что

мы делаем, с большей любовью. Вот это-то и будем стараться делать. Ваш Л. Толстой» (66: 238). (Тулинов и Поляков в Скопинском и Раненбургском уездах Рязанской губ. не работали.)

О. В. Гладун

ТУРГЕНЕВ Александр Михайлович (1772–1862) – знакомый Толстого; учился в Гёттингенском университете; некоторое время работал со Сперанским; капитан, участник Бородинского сражения; дей-ствительный статский советник; управля-ющий таможи; гражданский губернатор Тобольска (1823–1825), губернатор Казани (1828), директор Медицинского департамен-та (с 1828); автор мемуаров, напечатанных в «Русской старине» (в 1885, 1886, 1887, 1889, 1895 гг.), автор рассказов об импера-трице Екатерине II (Русская старина. 1897). В его доме в Петербурге на Миллионной улице в 1850-х гг. собирались писатели, за-всегдатаями были В. П. Боткин, Я. П. По-лонский, И. А. Гончаров, А. В. Дружинин, В. А. Жуковский и др. Здесь И. С. Тургенев впервые прочёл рассказ «Муму», а Тол-стой – «Военные рассказы». Тургенев был знаком со многими общественными деяте-лями, обсуждал с ними крестьянский во-прос в России.

Приезжая в Петербург в 1856 и 1857 гг., Толстой первым делом наносил визиты Тур-геньеву. В его доме молодой писатель бывал часто. В дневнике за 1856 год он оставил за-пись, которую исследователи адресуют Тур-геньеву: «Лир прелестен» (47: 105). В днев-никах, записных книжках и письмах той поры (В. В. Арсеньевой от 9 ноября 1856 г.) встречалось и имя единственной дочери Тургенева – Ольги Александровны. «По-шёл к Тургеньевым. Ольгу не видал, стари-чок язви́л меня» (47: 109). Дочь Тургенева отличалась редкой красотой и, по-видимо-му, привлекала к дому Тургенева большее внимание со стороны гостей. Писатель И. С. Тургенев в эту пору ухаживал за ней и даже, по слухам, был её женихом. Но хо-дили слухи и о том, что Толстой испыты-вал к Ольге Александровне глубокую сим-патию.

А. В. Шмелёва

У

УВАРОВ Алексей Сергеевич (1825–1884), граф – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; сын министра народного просвещения С. С. Уварова. По окончании Петербургского университета продолжил образование в Германии и Италии. Археолог, почётный член (1857) Петербургской АН. Один из основателей Русского археологического общества, Московского археологического общества и Исторического музея в Москве.



В письмах к Уварову Толстой просил устроить на службу в Исторический музей дядю С. А. Толстой К. А. Иславина, а также рекомендовал Ж. Рея в качестве воспитателя и гувернёра к детям.

Работая над книгой «Война и мир», Толстой не мог пройти мимо Уварова. В Чертковской библиотеке, где в середине 1860-х гг. писатель разыскивал интересные его материалы, ему сказали, что «у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшего корпусом в 1805 году» (83: 88). Толстой «поехал к нему, но не застал дома» (83: 88). Оказалось, что эта переписка хранилась у П. И. Бартенева. И Толстой обращался к Уварову за разрешением познакомиться с письмами его дяди, кавалерийского генерала Ф. П. Уварова (1769–1824), близкого к Александру I и участника войны 1812 г. Писатель был уверен, что гр. Уваров не откажет ему «в своём согласии прочесть письма» (83: 90), как и случилось.

Н. И. Бурнашёва

УОРД Мэри Августа (Гэмфри Уорд; Ward, Mary Augusta; mrs. Humphry Ward, рожд. Арнольд; 1851–1920) – английская писательница. Родилась в Австралии в английской семье, её ближайшие родственники – выдающиеся литераторы и педагоги своего времени. В 1856 г. семья вернулась в Англию, отец будущей писательницы преподавал в Католическом университете в Дублине, затем в Оксфорде. В 1872 г. Мэри вышла замуж за Гэмфри Уорда, писателя, редактора, стала заниматься социально-педагогической работой, в это же время писала статьи для журналов. В 1881 г. семья переехала в Лондон, в том же году вышла первая книга Г. Уорд «Милли и Олли». Большой успех имел роман «Роберт Элсмер» (1888), переведённый на несколько языков, в т. ч. на русский под названием «Отщепенец» («Книжки “Недели”»). 1889, № 1–10). Последующие романы Г. Уорд: «История Дэвида Гриве» (1892), «Марцелла» (1894), «Сэр Георг Трессдей» (1896), «Хэллбек из Беннисдэйла» (1898) и др. – утвердили в Англии и в Америке популярность и славу писательницы. В её сочинениях развивалась религиозная тематика, персонажи решали психологические, морально-нравственные, семейные проблемы. Автор сочувствовала бедным и не принимала феминизм. В 1900-е гг. в США её романы «Дочь леди Роуз» и «Женитьба Уильяма Эша» стали бестселлерами.

Г. Уорд занималась и просветительской деятельностью: основала центры для обучения взрослых, они функционируют до сих пор и носят её имя: Mary Ward Centre. Во время Первой мировой войны президент США Т. Рузвельт предложил Г. Уорд написать цикл статей, объясняющих американцам, что на самом деле происходит

в Великобритании. И вышли книги: «Усилие Англии. 6 писем американскому другу» (1916), «К цели» (1917), «Поля победы» (1919). В 1918 г. опубликована автобиография Г. Уорд «Воспоминания писателя». В последние годы жизни она была озабочена оплатой долгов своего сына Арнольда, азартного игрока. Выступая в Палате общин против прав женщин, он проматывал состояние матери – выдающейся писательницы, педагога, общественного деятеля.

В 1890-е гг. произведения Г. Уорд входили в круг чтения Толстого. Её романы содержали близкие позднему Толстому идеи о моральном обновлении человека, о трудном постижении истинной сущности христианства и необходимости его очищения от искажений. В дневнике, письмах Толстой не раз упоминал и высоко оценивал сочинения Г. Уорд. Так, в январе 1889 г. он читал роман «Роберт Элмер», о чём остались многочисленные заметки: «Читал "Robert Elsmere" – хорошо, тонко» (50: 19); «Вечером читал "Elsmere" – очень хорошо...» (50: 25). В феврале появилась запись: «Читал в Our Day критики на Elsmere'a – поучительно. Можно ли возражать таким?» (50: 36).

На роман Г. Уорд писатель ссылался в разговорах о религии. Так, по воспоминаниям В. Микулич, беседуя с Толстым, она заметила, что «нужна вера; а у Льва Николаевича, по-видимому, нет её». «В его сочинениях, – писала она, – я встречала такие определения веры: "вера – воображение", "вера – сумасшествие"... Разве вера – сумасшествие?... Он спросил, читала ли я "Robert Elsmere" Н. Ward, и советовал прочесть: "Очень хорошо. Драма жизни верующего мужа с неверующей женой"» (Микулич В. Встречи с писателями. Л., 1929. С. 44).

В 1892 г. Толстой читал «The history of David Grieve» («История Дэвида Гриве»). С. А. Толстой 2 мая он писал: «Погода скверная. Читаю Grieve. Прегадко» (84: 148). В том же году Толстой читал роман Г. Уорд «Miss Bretherton» («Мисс Бреттертон»), экземпляр которого сохранился в ЯПБ. 18 ноября он писал жене: «Я читаю очень хорошую книгу автора Robert Elsmere. Задача автора: показать обманчивость, подкупание людей женской красотой. Очень тонко и умно» (84: 174–175).

В 1895 г. Толстой рекомендовал Никифорову для перевода роман Г. Уорд «Бесси Кострелл»; однако на русский язык роман не был переведён.

Лит.: Walters J. S., Mrs Humphry Ward, her work and influence. L., 1912; Gwynn S. L. Mrs Humphry Ward. L., 1917; Trevelyan J. P. The life of Mrs Humphry Ward. L., 1923.

Г. И. Романова

УРУСОВА Варвара Дмитриевна (даты жизни не установлены) – сестра тульского вице-губернатора кн. Леонида Дмитриевича Урусова, переводчика и близкого знакомого Толстого. Писательница, выпустила в свет в 1865 г. детские сочинения: «Маленькие души. Фантастическая сказка для детей» и «Полусон». В августе 1885 г. анонимно в «Литературных приложениях» к газете «Гражданин» была напечатана её статья об английском романисте и проповеднике «Чарльзе Кингслее», и в той же газете в сентябре вышла её статья об американском философе и проповеднике «Ральфе Уалдо Эмерсоне». Эти две работы появились при посредничестве Толстого и Н. Н. Страхова. 28 июля 1885 г. критик в письме к Толстому сообщал: «Статья о Кингслее и Эмерсоне оказалась несколько безграмотною и мало занимательною. Я её сдал Мещерскому <редактору «Гражданина». – Е. Г.>: наверное будет напечатана» (ПСПТС. 2. С. 692).

В 1885 г. в «Revue Bleue» был напечатан рассказ Урусовой «Père Nicita». 26 февраля 1885 г. Толстой писал князю Урусову: «"Père Nicita" – ничего, т. е. ни дурён, ни хорош. Интересно – тема серьёзная, но сердечного сочувствия – нет» (63: 212).

В письме к Толстому от 23 сентября 1884 г. Варвара и её сестра Аделаида признавались: «Вы принесли нам обеим с сестрой много хорошего и доброго – это говорили мы вам обе. Пожалуйста, уведомьте меня, годится ли мой очерк? Если нет, то я не стану работать над двумя остальными, Kingsley и Emerson. Труд за ними бездна, и не хочется даром. Лучше мы займёмся задуманным нами извлечением из всего Эмерсона, которое хотим посвятить вам, конечно, с вашего разрешения» (83: 444). 27 октября 1884 г. Толстой писал жене: «Письмо я получил вчера очень милое от сестёр Урусова» (83: 443).

Е. П. Гриценко

УРУСОВА Мария Леонидовна (1867–1895) – знакомая, корреспондент и адресат Толстого; дочь тульского вице-губернатора Леонида Дмитриевича Урусова, переводчика и близкого друга Толстого. 20 июля 1885 г. Толстой писал Л. Д. Урусову: «Так радостно чувствовать, что сердцем любишь тех, которых хочется любить. <...> Больше всех мне полюбилась Мери. Она серьёзный хороший человек будет, Бог даст» (63: 278–279).

С детства одарённая в музыке, Урусова музыкальное образование получила в парижской Сорбонне. Как профессиональная пианистка она выступала в концертах с вен-

герским скрипачом Л. Ауэром и русским виолончелистом А. В. Вержбиловичем. Её игру ценили Ф. Лист, А. Рубинштейн.

В 1904 г. вышла посвящённая ей книга «Княжна М. Урусова. История души Марии. Воспоминания, составленные матерью» (Prinsisse M. Ouroussov. Histoire d'une âme-Mary. Souvenirs recuillis par sa mere. Paris Ed. Fischbacher. 1904).

Вместе с родными М. Урусова часто бывала в Ясной Поляне. В 1891 г. она дважды посетила Толстых. О её приезде Толстой писал в дневнике 3 мая 1891 г.: «За это время были Урусовы – мать с двумя дочерьми. Мэри играет на фортепьяно прекрасно. Но совсем затуманенная искусством девушка. С нею сделано то самое, чего боялся её отец. Она не замечает, что она, потратив столько жизни на искусство, должна себя подстёгивать, чтобы считать искусство чем-то возвышающим, небесным. И чем лучше, тем хуже – всё заслонено. <...> Она, Мэри, машина для произведения щекочущих звуков. Иллюзия в том, что, так как её хвалят, она уверена, что то, что она делает, хорошо» (52: 30–31).

Утончённость характера и музыкальность Мери Урусовой использовал Толстой при создании образа княжны Мисси Корчагиной (Кармалиной) в романе «Воскресение». В первых редакциях будущего романа Алина Кармалина, влюбившаяся в Нехлюдова, была 28-летней девушкой и имела выдающиеся способности. Однако впоследствии сходство с Урусовой не проявлялось уже так явно. Алина оказывалась уже не музыкантшей, а художницей. В дальнейшем образ Мисси складывался у Толстого уже независимо от личности его знакомой. Чисто внешнее их сходство в окончательной редакции лишь в том, что обе они играют на фортепиано, а о музыкальных талантах Мисси речь уже не идёт.

2/14 октября 1894 г. М. Урусова писала Толстому о переломе в её мирозерцании, произошедшем под его влиянием. Вместе с посланием к Толстому она отправила выписку из записной книжки отца под названием «Чему я научился у Л. Н. Толстого». 22 октября Толстой писал в ответ: «Милая и дорогая Мери. Письмо ваше было для меня большой радостью: и характер чувства, и склад мыслей, и способ выражения их, и самый почерк – всё это живо не напоминало, а воскресило во мне моё отношение к вашему дорогому мне и милому отцу, память о сближении с которым составляет одно из лучших воспоминаний моей жизни. Я очень радуюсь за вас, что вы ближе узнали вашего отца и через него общего Отца нашего, без сознания общения с которым

жизнь не жизнь, а или попытки забвения, или уныние и злобное отчаяние.

Вы мне казались очень далеки от этого, когда я вас видел. Мне казалось, что музыка и ваш талант к ней были большим соблазном, отводившим вас от возможности желания познания истины. Как и что случилось в вашей внутренней жизни, и что означает то, что год этот был для вас особенно важным? Напишите мне об этом, если вам этого захочется. Мне вы близки и по памяти к вашему отцу, моему другу, и по непосредственной симпатии к вам, и по важности того душевного процесса, который, как думаю, происходит в вас» (67: 255–256).

Узнав о смерти Урусовой, 17 февраля 1895 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Мэри Урусову мне очень – хотел сказать жаль, но не жаль, а рад, я умилен за неё. Я очень любил её отца и её люблю» (87: 317).

Е. П. Гриценко

УРУСОВА Мария Сергеевна (рожд. Мальцева; 1844–1904) – знакомая семьи Толстых. Её муж, князь Леонид Дмитриевич Урусов, тульский вице-губернатор, переводил на французский язык религиозно-философские произведения Толстого «В чём моя вера?» и «Краткое изложение Евангелия», в конце 1870 – начале 1880-х гг. вместе с женой часто бывал в Ясной Поляне. Беседы по вопросам философии, веры и искусства, совместно проведённое время сблизили Урусова с Толстым и стали основой для развития тёплых дружеских связей.

Урусова происходила из рода известных и богатых российских промышленников Мальцевых (Мальцовых), владевших хрустальными, стекольными, металлообрабатывающими, винокурными и пивоваренными производствами. Её отец Сергей Иванович Мальцев был владельцем заводов в Брянском уезде Орловской губ.

Толстого с Урусовой, бывавшей в Ясной Поляне вместе с мужем и членами семьи, связывали крепкие, тёплые взаимоотношения. Стараясь поддержать княгиню, Толстой 1–15(?) января 1885 г. написал ей сочувственное письмо в связи с тяжёлым состоянием здоровья её мужа (письмо не сохранилось). Расположение Толстого к Урусовой звучит в его письме к князю Урусову (июль 1885 г.) после её отъезда с детьми из Ясной Поляны. В нём Толстой отмечал: «Пишу вам, милый друг, хоть несколько слов под больше чем приятным впечатлением, которое оставляют нам ваши. Так радостно чувствовать, что сердцем любишь тех, которых хочется любить. <...> С княгиней мы много говорили и очень хорошо. Она так всё хорошо пони-

мает, и нового для меня, сердечного, я нашёл в ней много» (63: 278–279).

Бывала Урусова у Толстых и после смерти мужа. 7 мая 1891 г., проводив Урусовых из Ясной Поляны, Толстой писал жене в Москву: «Урусовы уехали хорошо, ласково и натурально» (84: 79).

О душевном отношении Толстого к Урусовой свидетельствует и его письмо от 22 октября 1894 г. к дочери Урусовых, М. Л. Урусовой, в котором писатель передавал «сердечный привет» её «матушке» (67: 256).

Урусова стала автором педагогического сочинения «Aux jeunes femmes et aux jeunes filles. L'éducation dès le berceau» («Молодым женщинам и молодым девушкам. Воспитание с колыбели». Париж. 1889). 10 мая 1891 г. Толстой записал в дневнике: «Éducation des le berceau – книга Урусовой; в ней главное – развивать эстетическое чувство» (52: 30–31). Урусовой также были написаны мемуары, посвящённые её дочери Марии, талантливой пианистке. (Princesse M. Ouroussov. Histoire d'une âme-Mary. Souvenirs recueillis par sa mère. Paris. Ed. Fischbacher, 1904. – История души Марии. Воспоминания, составленные её матерью).

Е. П. Гриценко

УСОВ Павел Александрович (1843–1892) – помощник Толстого в работе на голоде, его корреспондент и адресат. Из калужских купцов; инженер путей сообщения, в 1880-х гг. управляющий Сызрано-Вяземской, а затем Рязано-Уральской железной дорогой. В 1891–1892 гг. жил в своём имении Лужки под Калугой. Ещё лично не знакомый с Толстым, по газетам следил за его работой на голоде и в начале декабря 1891 г. предложил прислать свои пожертвования: сено для прокорма крестьянских лошадей и лён для пряжи крестьянам. Он пожертвовал два вагона сена, вагон льна, вагон лык (для плетения лаптей). 16 декабря 1891 г. Толстой благодарил Усова: «Очень благодарен вам от себя и от крестьян, которым ваше пожертвование будет очень благотворно, за лыко» (66: 113–114). 19 декабря 1891 г. Усов приезжал к Толстому в Бегичевку и в письме от 23 декабря извещал его о посылке 19 пудов пеньки. На следующий день Толстой отвечал ему: «Все три пожертвования ваши я получил и приношу вам за них сердечную благодарность от лица тех, кто воспользуется вашим благодеянием. Лыко мы продаём и потихоньку раздаём так, чтобы не вызвать слишком большую зависть, и отдаём исполу с тем, чтобы потом оделять нуждающихся лаптями. <...> Вы так добры, что неоднократно предлагали мне свою помощь. Я желаю воспользоваться

ею. Теперь нужнее всего дрова. Не можете ли вы приторговать нам на какую-либо из станций дров осиновых или берёзовых, <...> мы возьмём десятки вагонов. 50 вагонов, т. е. 100 сажень тех и других. Нужда в дровах становится всё больше и больше. Дело наше всё ползёт врозь, т. е. расширяется независимо от нашей воли» (66: 124–125). Усов занялся дровами, доставлял в названные Толстым населённые пункты десятки вагонов берёзовых и осиновых дров. В январских и февральских письмах 1892 г. Толстой благодарил его за дрова. 15 февраля он писал: «Дрова я получил, кажется, все. <...> Вы совершенно обеспечили нас дровами. Очень, очень благодарю вас» (66: 164). Усов поставлял «дрова по особенно дешёвым ценам» (66: 213), и это было крайне важно для общего дела. 7 марта 1892 г. Толстой писал жене из Бегичевки: «...хочу ответить на твой вопрос о том, платить ли Усову по счёту за дрова. Пожалуйста, плати, и поскорее, и, если будешь писать, пиши поласковее. Он сделал нам большое благодеяние, доставив нам эти дрова за баснословно дешёвую цену. <...> Благодаря ему, мы могли сделать много помощи дровами» (84: 131).

Весной 1892 г. Усов виделся с Толстым в Москве. В весеннем отчёте о работе в голодающих деревнях с 3 декабря 1891 г. по 12 апреля 1892 г. Толстой писал: «Благодаря щедрым пожертвованиям нам дров <...> и, главное, заботе П. А. Усова и г-на Рубцова, которые доставляли нам дрова из Смоленска по дешёвой цене, <...> мы могли, кроме того, что понадобилось нам на столовые, раздать населению более 300 саж. дров» (29: 148).

До самой своей смерти в 1892 г. Усов принимал деятельное участие в помощи голодающим.

Н. И. Бурнашёва

УСОВ Павел Сергеевич (1867–1917) – знакомый Толстых, известный московский врач-терапевт. Его отец Сергей Александрович Усов (1827–1886), профессор зоологии Московского университета, был лично знаком с писателем. В 1893 г. П. Усов с отличием окончил медицинский факультет Московского университета и в 1900 г. стал доктором медицины. В 1902–1913 гг. он являлся приват-доцентом пропедевтической клиники Московского университета.

Толстой познакомился с Усовым 25 декабря 1897 г. В этот день на Николаевском вокзале в Москве он должен был встретиться с группой лиц, отправляющихся к духоворам. Однако никого там не застал.

По дороге домой писатель простудился. Для его лечения С. А. Толстая пригласила начинающего свою медицинскую практику врача П. Усова. Впоследствии Толстые не раз обращались к нему. 1 февраля 1899 г. его пригласили в связи с болями в пояснице у Толстого. 28 февраля того же года Усова вызвали для лечения простуды у С. А. Толстой, а в ноябре он приезжал для лечения недомоганий желудочного характера у писателя.

В 1899 г., работая над романом «Воскресение», Толстой, вероятно, консультировался с Усовым по поводу акта судебно-медицинского исследования, включённого в сцену суда над Катюшей Масловой. «Не знаю, что делать со Львом Николаевичем, жалуется на болезнь, а придёшь к нему, начинает говорить о чём угодно, но только не о лечении. Мало того: когда я тоже был болен, Толстой пришёл ко мне сам и просидел до полночи, заставив меня проштудировать акт судебно-медицинского вскрытия из своего нового романа, не пощадил ни себя, ни меня», — вспоминал врач о своих встречах с Толстым (цит. по: Гусев. *Летопись*. 2. С. 312).

О визите Усова к нему в Москве 1 января 1900 г. Толстой записал в дневнике: «Серёжа с Усовым говорили о различных пониманиях устройства мира: прерывности или непрерывности материи» (54: 5). Усов побывал у Толстых в Москве также 7 и 26 декабря 1900 г.: обсуждали вопросы о медицинской этике и долге врача. 26 декабря «Усов рассказывал, в каких случаях врач имеет право производить искусственные роды, убивая этим ребёнка». Толстой возражал ему: «Это всегда безнравственно. Вообще, когда существуют разные средства, облегчающие больного, — кислород и т. д., то трудно воздержаться от пользования ими, но лучше было бы, если бы их не существовало. Все мы непременно умрём, а деятельность докторов направлена на борьбу со смертью» (*Гольденвейзер*. С. 46).

Усов посещал заболевшего Толстого в Москве 21 января 1901 г. 31 августа того же года он вместе с врачами В. А. Щуровским и Д. В. Никитиным вновь побывал у Толстых, советуя писателю не ехать в Крым и остаться в Ясной Поляне.

7–8 декабря 1902 г. он с Щуровским и Никитиным был у писателя в Ясной Поляне в связи с простудным заболеванием Толстого.

6 ноября 1910 г. Усов приехал из Москвы в Астапово на медицинский консилиум по поводу тяжёлого состояния здоровья Толстого и находился рядом с ним в последние дни и часы его жизни.

В *ЯПб* сохранилась работа П. С. Усова «Некоторые гистологические данные к вопросу о всасывании из серозных полостей» (диссертация на степень доктора медицины, 1900). На обложке издания имеется автограф-посвящение: «Глубокоуважаемому графу Льву Николаевичу Толстому от автора на добрую память».

Е. П. Гриценко

УСОВ Сергей Алексеевич (1827–1886) — хороший знакомый Толстого; профессор Московского университета по кафедре зоологии (1868–1886). С ним Толстой очень сблизился в первой половине 1880-х гг., когда семья Толстых переехала в Москву. В эти годы писатель чувствовал себя особенно одиноким; в семье, как ему казалось, никто его не понимал, а с Усовым можно было говорить обо всём и быть уверенным, что он всё понимает. Весной 1884 г. имя Усова упоминалось в дневнике почти ежедневно. «Не спал ночь. Лёг перед обедом. После пошёл походить и к Усову. Здоровый, простой и сильный человек. Пятна на нём есть, а не в нём. Он поддержал моё отвращение к обществу формальному, к которому приглашает письмо Щепкина» (49: 64), — это запись в дневнике 6/18 марта 1884 г. Через несколько дней, 12/24 марта: «После обеда (воздержного) пошёл за колодками и товаром. Начал шить один, пришёл Усов и просидел до 3½ часов. Я очень устал. Знания, ум огромные, но как ложно направлены. Точно злой дух отчертил от него всю плодотворную область мысли и запретил её. Нужны силы и в их области, и это хорошо. Он бессознательно держится истины и верит, чтобы иметь досуг работать в своей области» (49: 66–67). Толстой и Усов были интересны друг другу и без приглашения, запросто приходили в дом. Были долгие разговоры: Толстой шил сапоги в рабочей комнате, Усов сидел рядом. 15/27 марта в дневнике записано: «Потом пошёл и напрасно зашёл к Усову и просидел до часу. Праздный, пустой и не прямой, нечестный разговор: пересуды, выставление своих знаний и остроумия. Я во всём принимал участие и вышел с чувством стыда» (49: 68). После этой записи целый месяц ни слова об Усове.

В апреле опять имя профессора появилось на страницах дневника Толстого: «Пришли Усов, Сухотин, Хомяков. Усов говорил интересное до 3-го часа» (15/27 апреля 1884 г.; 49: 82). 17/29 апреля Толстой и Усов побывали в Кремле: «Ходил с Усовым в собор. Усов спорил с солдатом» (49: 83). Они осматривали кремлёвский Благовещенский собор, многочис-

ленные иконы. Толстой нашёл живопись «прекрасной».

3/15 мая 1884 г. в дневнике записано: «Ушёл к Усову. Хороший разговор о городе и деревне. Можно говорить о выгодах города, как *выгоды*, но как только поставить вопрос, что нравственнее, так всё конечно» (49: 89). Через несколько дней снова дневник: «Пошёл к Усову за книгой. Ключ к Усову: тщеславие и большой, здоровый ум. Он похож на Тургенева. Менее изящен, но гораздо умнее» (8/20 мая; 49: 91). 9/21 мая: «Почитал "Исторический вестник" и пошёл к Усову» (49: 92).

23 февраля 1885 г. Толстой писал С. А. Толстой: «Жду моих профессоров и интересной беседы с ними» (83: 484). В хамовнический дом были приглашены профессор Московского университета экономист А. И. Чупров, финансист И. И. Янжул и профессор политической экономии в Петровской сельскохозяйственной академии И. И. Иванюков. Был приглашён и С. А. Усов. Толстой хотел прочитать профессорам фрагменты из своего нового трактата «Так что же нам делать?» и выслушать мнения специалистов по поводу этой своей работы. Деньги, их роль и значение в жизни общества – главы об этом читал Толстой гостям. После беседы, как со слов Чупрова передавал А. В. Амфитеатров, профессора «ушли в недоумении и в восторге» (Гусев. *Материалы*. 4. С. 373), а сам Толстой остался неудовлетворён разговором. Видимо, эта встреча заставила его задуматься и через некоторое время вызвала запись в дневнике: «Кажется, 5 апреля. <...> Ещё думал: об Усове, о профессорах: Отчего они, такие умные и иногда хорошие люди, так глупо и дурно живут? От власти на них женщин. Они отдаются течению жизни, потому что этого хотят их жёны или любовницы. Всё дело решается ночью. Виноваты они только в том, что подчиняют своё сознание своей слабости» (1885 г.; 49: 124) – такой неожиданный и очень своеобразный вывод сделал Толстой.

Н. И. Бурнашёва

УСПЕНСКИЙ Пётр Леонидович (псевд.: Петров-Леонидов; 1870–1934) – знакомый, последователь, корреспондент и адресат Толстого; харьковский заводчик, юрист, литератор. Сын горнопромышленника, двоюродный брат П. П. Николаева. Служил в Харьковском губ. присутствии, затем был харьковским представителем товарищества солеварен. В переписку с Толстым вступил с 1898 г., тогда же выслал ему, находясь за границей, 500 рублей для оказания помощи пострадавшим от неурожая.

24 мая 1906 г. Толстой читал в рукописи его статью «Об истинной веротерпимости», на следующий день в письме к Успенскому отозвался о ней одобрительно, а через несколько дней рекомендовал М. С. Сухотину эту статью для Гос. думы: её автор «с очень глубокой и широкой точки зрения рассматривает вопрос о веротерпимости». Толстой вычеркнул в рукописи одну только фразу: «Амнистию распространить на отказавшихся от военной службы» (ЯПЗ. 2. С. 150). Их, с его точки зрения, не надо смешивать с преступниками. В том же письме он обратился к харьковчанину с просьбой посетить в тюрьме А. Кудрина, отказавшегося от военной службы. Успенский повидался с А. Кудриным и С. Шнякиным и затем держал Толстого в курсе дела вплоть до марта 1910 г. Он принимал участие в судьбе этих молодых людей, а также хлопотал об освобождении П. Ф. Безверхого из арестного дома.

Статью о веротерпимости газеты отказывались печатать, и было решено издать её в «Посреднике», однако 13 октября 1906 г. И. И. Горбунов рассказал Толстому о недавно произведённом в издательстве обыске, в ходе которого она была изъята. «Не позволить печатать Успенского – это ужас, что за глупость со стороны правительства», – возмущался Толстой (ЯПЗ. 2. С. 265).

8 марта 1907 г. Успенский впервые побывал в Ясной Поляне, приехал с А. М. Бодянским и П. А. Мазаевым, они говорили с Толстым о христианской газете, издаваемой Бодянским. Успенский произвёл на писателя хорошее впечатление: Толстой назвал его умным и приятным.

В апреле того же года Успенский прислал Толстому рукописи своих критических статей о новейшей русской литературе. В письме он задал два вопроса: «можно ли проповедовать то, что сам не осуществляешь?», могут ли быть полезными избранные им формы (критическая и стихотворная), а также статьи, созданные с оглядкой на цензуру? 17 мая 1907 г. Толстой ответил, что написанная самим же Успенским статья о свободе совести есть дело жизни, а не литературное занятие, что сейчас пришло время для таких статей, занятие же литературой стало «пустым и развращающим», «теперь вся эта литература кончилась» (77: 113). Письмо Толстого огорчило корреспондента. На его доводы писатель ответил: «Но войдите и в моё положение. Стоя, как я стою, перед великим для меня событием смерти, всё не отвечающее на главные вопросы жизни и смерти (кроме простых житейских отношений) кажется так неважно» (77: 138).

В конце 1907 г. Успенский прислал на отзыв рукопись своей статьи «Глубокая драма». Он написал о харьковском происшествии: один доктор (В. М. Бокитко) убил другого (Г. Я. Острянина), чтобы занять его место. В основе случившегося, по мнению автора, была модная философия нищезнания и отсутствие религиозного сознания. Толстой пометил: «Статья хорошая» (77: 319). Он просил жену передать её через старшего сына Сергея в газету «Голос Москвы», где она и была напечатана 2 февраля 1908 г. под псевдонимом Петров-Леонидов. В апреле 1908 г. Успенский прислал машинописный экземпляр статьи «Настоящая причина», где утверждал, что отсутствие религиозного сознания является и причиной самоубийств.

Второй раз Успенский побывал в Ясной Поляне в мае 1909 г. Толстой общался с Николаевым и Успенским и остался недоволен собой. В дневнике 7 мая он записал, размышляя об этой ситуации: если исходить из представления о том, что «в нас, в каждом человеке живёт, проявляется Бог», то «общение с человеком – это таинство общения с Богом, причащение». И тут же добавил: «Ах, если бы всегда помнить это! А можно. И буду пытаться» (57: 59). В 1930 г. в письме к Н. Н. Гусеву Успенский вспоминал: «Оба раза Лев Николаевич отнёсся ко мне с большой добротой и снисходительностью. В первое свидание меня особенно поразила его необычайная способность как бы читать в душе собеседника, при втором свидании – какая-то новая, особая душевная мягкость и любовь ко всем» (56: 548).

П. Л. Успенский – автор статьи «Нет противоречия. (О Л. Н. Толстом)» в харьковской газете «Утро» (1910. 21 ноября).

Н. Г. Михновец

УШАКОВ Сергей Петрович (1828–1894) – тульский губернатор в 1873–1886 гг., впоследствии сенатор, тайный советник. Гость, корреспондент и адресат Толстого, который считал Ушакова «легкомысленным, но очень добрым человеком». Его внешность соответствовала должности, а его семья полностью «держалась» на жене, Марии Александровне, прекрасной души человеке, матери четверых детей. В 1878 г. она погибла: «лошадь разбила». Об этом Толстой даже написал А. А. Толстой в Петербург.

Толстой «очень дорожил» расположением Ушакова и не раз обращался к нему с просьбами помочь то слепому солдату «с стариком 80 лет и 6-ю детьми» (62: 375), нуждавшемуся в поддержке, то крестьяни-

ну из деревни Лапотково, который был приговорён к сибирской каторге и очень нуждался в «смягчении наказания». Ушаков обещал и помогал (49: 40), что не мешало Толстому называть его «легкомысленным» человеком.

В 1884–1885 гг. в Ясной Поляне у хозяев и гостей усадьбы пользовалась большим успехом игра в «Почтовый ящик», который был переполнен шутивными записками и сочинениями; авторами и героями шуток становились многие, в т. ч. и Ушаков. В разделе «Из апрельского номера “Русской старины” 2085 года» к «старому хрену» (шуточное прозвище Толстого) «попал» и тульский губернатор. «Старый хрен» спрашивал: «Почему приезжего Ушакова или сербского офицера не отпускают без чая или обеда?» (25: 521). Приезд Ушакова, как правило, ассоциировался у хозяина яснополянкой усадьбы исключительно с «праздными днями», что было ему неприятно (49: 115).

Н. А. Никитина

УШАКОВ Фёдор Андреевич (1871–1927) – посетитель и единомышленник Толстого; окончив Московское мещанское училище, служил в Русском страховом обществе. В конце 1890-х гг. сблизился с толстовцами. Тогда же познакомился с Толстым; помогал переписывать роман «Воскресение» и др. сочинения.

В начале февраля 1900 г. Ушаков за размножение на гектографе запрещённых сочинений Толстого был арестован; находился под арестом несколько месяцев. Толстой тяжело переживал случившееся: «Мучает меня теперь то, что схвачены Зонов, Ушаков и Назаров. И я ничего не могу сделать и чувствую, что должен бы страдать я, а страдают другие», – сообщал он В. Г. Черткову 10 марта 1900 г. Отвечая на письмо Ушакова из заключения и желая поддержать его морально, 9 июня 1900 г. Толстой писал ему: «Поднимитесь духом, милый Фёдор Андреевич, и живите в настоящем во всю нравственную силу, а события жизни предоставьте судьбе. Ничто не важно, кроме того, чтобы делать, что должно. Любящий вас Лев Толстой» (72: 380). Через своих знакомых юристов Н. В. Давыдова и А. Ф. Кони Толстой хлопотал об освобождении Ушакова. 20 июня он направил Кони письмо, в котором называл Ушакова «близким» человеком и рассказывал, что «его вот уж скоро полгода смешали с революционерами и, хотя убедились, что он им не причастен, всё-таки для порядка всячески мучают его: делают обыски, допросы, <...> тянут о нём какую-то бессмысленную канцелярскую

волокиту и без всякой надобности мучают его». Толстой просил Кони замолвить за Ушакова «слово кому нужно» (72: 395–396).

По освобождении Ушаков был лишён права проживания в столицах и уехал на Кавказ (в Батуми), где занялся сельским хозяйством и садоводством.

В 1927 г. Ушаков был убит с целью ограбления.

Н. И. Бурнашёва

УЭЛЛС Герберт Джордж (Wells; 1866–1946) – английский писатель, автор научно-утопических и социально-утопических романов. В октябре 1906 г. в Ясной Поляне гостил Э. Моод, и 17 октября у Толстого с ним состоялся «разговор об английских писателях» (ЯПЗ. 2. С. 272). «Моод рекомендовал Л. Н-чу Уэллса: “Он читается передовыми людьми”. Л. Н.: “Это меня не интересует”» (там же).

Ровно через месяц Д. П. Маковицкий записал в своей тетради, что Толстой «читал письмо Уэллса – английского литератора, посылающего, по совету Моода, свои сочинения. Моод уже раньше прислал одно – по его мнению, самое лучшее произведение Уэллса – “Будущее Америки”. Л. Н. не знает Уэллса» (ЯПЗ. 2. С. 307). Среди присланных вместе с письмом книг была и книга «Будущее Америки». В письме от 21 ноября 1906 г. (н. ст.) Уэллс сообщал, что пишет Толстому по рекомендации Э. Моода. «Я никогда не посылал вам своих книг, – писал Уэллс, – потому что представляю себе, что вас затопляет поток книг, преподносимых вам каждым мальчишкой-писателем Европы и Америки. Теперь я посылаю вам рассказ “Love and Mr Levisham”, сборник ко-

ротких рассказов “The Plattner story”, роман “The war of the worlds” и книгу социологических рассуждений “A Modern Utopia”, которую м-р Моод специально просил не посылать вам, так как он говорит, что вы не любите утопий. Но, во-первых, она не похожа на другие, а во-вторых, лучше вам сразу узнать всё плохое обо мне. <...> Думаю, что я прочёл около восьмидесяти ваших произведений, все, которые возможно было достать на английском языке. “Война и мир” и “Анна Каренина”, на мой взгляд, самые великолепные и всеобъемлющие произведения из всех тех, которые я имел счастье прочесть» (76: 253). В ответном письме 2 декабря 1906 г. (ст. ст.) Толстой благодарил своего корреспондента за письмо и за книги (76: 252). Видимо, тогда же писатель познакомился с некоторыми сочинениями Уэллса: уже 30 ноября Маковицкий отметил, что «о книге “The Falling Star” и других книгах Уэллса, которые имеют большой успех, Л. Н. сказал, что он ужасно не любит все эти книги, потому, что это фантазмагория, нагромождение небылиц на небылицы» (ЯПЗ. 2. С. 314). Через несколько дней снова зашёл разговор о книгах Уэллса. «Не люблю эту утончённость английскую, – говорил Толстой. – Этот Уэллс, всё такие намёки, надо всё знать, слова такие, клички “sky-scraper”, “Superman”, “metachristian” <“небоскрёб”, “Сверхчеловек”, “метахристианский”>. – *англ.*>. Как это пошло! Сверхчеловеков нет, все люди обыкновенные. Прочёл три главы из “Future in America”, неинтересно, больше не буду» (ЯПЗ. 2. С. 322). В ЯПБ сохранилось несколько книг Уэллса, некоторые из них – с дарственными надписями.

Н. И. Бурнашёва



ФАРРАР **Фредерик Уильям** (Farrar Frederic William; 1831–1903) – известный английский богослов, духовный писатель, авторитетный капеллан при дворе королевы Виктории, декан Кентерберийский. Архиепископ Ф. У. Фаррар был в течение семидесяти лет современником Толстого, следил за его творчеством и в 1888 г. выступил со своей интерпретацией художественной и религиозной концепции русского писателя.

К началу XX в. сочинения Ф. Фаррара были чрезвычайно популярны в России. Наиболее известна была трилогия: «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь и труды апостола Павла» и «Первые дни христианства» в переводе профессора С.-Петербургской Духовной академии А. П. Лопухина. Были переведены также «Происхождение языка», «Искатели Бога» и др. произведения. Для девятого издания Британской энциклопедии Фарраром была написана статья «Иисус Христос». В отличие от Ренана, современника Фаррара, он представал в своих сочинениях несомненным христианином. Широта взглядов, высокая художественность, отсутствие конфессиональной узости делали книги Фаррара привлекательными и для православных читателей. Преподаватели закона Божьего в русских гимназиях настоятельно рекомендовали своим ученикам читать Фаррара. Большую популярность и признание английский проповедник снискал в придворных кругах и в императорской семье. Кроме профессора А. И. Лопухина, переводчиками и цензорами изданий Фаррара были петербургские протоиереи: о. Фивейский, о. Славницкий и о. Философ Орнатский.

Ещё к началу 1880-х гг. Толстой был знаком с трудами английского богослова. Имя Фаррара упоминалось в «Соединении и переводе четырёх Евангелий», когда автор

размышлял о многочисленных «безуспешных» (24: 19) попытках соединения Евангелий. В 1885 г. В. Г. Чертков собирался прислать Толстому книгу Фаррара «Seekers After God».

В 1888 г. в американском журнале «Forum», в октябрьском и декабрьском номерах, появились две статьи Фаррара, посвященные опубликованным по обе стороны Атлантики переводам на английский язык религиозных сочинений Толстого, в частности его трактата «В чём моя вера?». Фаррара интересовала также деятельность Толстого-педагога и его художественные произведения. В своих статьях Фаррар выражал «восхищение искренностью, с которой Толстой отдаёт себя новым убеждениям». Фаррар замечал: «Толстой уверен, что достиг совершенного мира и счастья, обнаружив истинное значение учения Христа» (Count Tolstoi's Religious Views Archdeacon F. W. Farrar // The Arena. New York, 1888, Vol. 6, № 4, Dec. P. 337). Размышляя о Толстом, Фаррар далее писал: «Однажды Толстой решил, что богатство, слава, положение в обществе, всякие блага просто превращаются в пепел при одном прикосновении смерти» (Ibid.). У Фаррара не было никаких сомнений в серьёзности намерений писателя, находившего в крестьянском труде и ремесле сапожника удовлетворение, здоровье, надежду и благословение: Толстой не обманывал себя в своих новых устремлениях; но англичанина настораживало, что русский писатель теперь желает убедить всё человечество в правильности собственного выбора.

Анализируя способы критики, употребляемые при анализе трактата «В чём моя вера?», Толстой писал: «Пятый способ, самый тонкий, самый употребительный

и самый могущественный, состоит в уклонении от ответа, в делании вида, что вопрос этот кем-то давным-давно разрешён вполне ясно и удовлетворительно и что говорить об этом не стоит» (28: 31). Толстой приводил в пример статью «знаменитого, утончённого английского писателя и проповедника Фаррара, великого, как и многие учёные богословы, мастера обходов и умолчаний» (28: 31). Далее он цитировал отрывок из октябрьской 1888 г. статьи Фаррара с изложением и критикой его учения, завершая этот пассаж риторическим вопросом Фаррара: «Обязаны ли все люди поступать так, как учит Толстой, т. е. исполнять пять заповедей Христа?» (28: 32). Толстой был уверен, что Фаррар не ответил на этот вопрос и не доказал ошибочность его точки зрения. По Толстому, Фаррар ушёл в «длинные, умные, изящные, торжественные разговоры или писания о вопросах, близко касающихся предмета, с искусным умолчанием о самом предмете» (28: 34). В дневнике 13 декабря 1888 г. есть запись по поводу октябрьской статьи Фаррара: «Да вчера ещё письмо от N. Dole и вырезка из Forum'a с статьёй Farrar'a — пустая из пустых. Возражение против Христа во имя Христа. Ужасно. Отвечал через Таню» (50: 13). Реакция на декабрьскую статью сохранилась в виде лаконичной записи в дневнике 18 декабря 1888 г.: «Читал Forum — очень плохо...» (50: 15). В 1890 г. Н. Н. Страхов предложил Толстому прислать «Жизнь Христа» Фаррара: «У меня есть Farrar, Life of Christ; не прислать ли Вам? Там очень хороши археологические подробности, а русскому переводу доверять нельзя — есть, конечно, неумышленные, но есть, наверно, и умышленные неверности» (ПСПТС. 2. С. 839), на что Толстой ответил: «Фаррара я терпеть не могу. Фальшивый писатель» (там же. С. 843). Тем не менее в сборники «Круг чтения» и «На каждый день» Толстой включил высказывание «фальшивого писателя» Фаррара: «Христос пришёл для того, чтобы открыть, что вечное не есть будущее, но только невидимое, — что вечность не есть тот океан, в который люди сносятся рекой времени, но что она вокруг них теперь и что их жизни только в той мере действительны, в какой они чувствуют её присутствие. Он пришёл, чтобы научить их, что Бог не есть случайная какая-то отвлечённость, бесконечно отдалённая от них в далёком небе, но что Он — Отец, в котором они живут, движутся и существуют, и что служение, которое Он любит, не состоит в торжественном исполнении обрядов церкви, но в милосердии, справедливости, смирении и любви» (41: 530).

Свою декабрьскую статью Фаррар завершал так же неожиданно: «И всё-таки, в то время, как мы придерживаемся твёрдо правильных взглядов, мы все склонны к тому, чтобы исчерпать истинный духовный смысл Нагорной проповеди, поэтому в век роскоши, компромисса, тщеславия, излишеств и материального изобилия мы можем быть благодарны такому человеку, как Толстой, и любому другому искреннему человеку, который вопреки ошибкам интеллекта считает себя призванным подчиняться заповедям Христа, хотя бы в букве. Он получит благословение и спасение от Господа» (Count Tolstoi's Religious Views Archdeacon F. W. Farrar // The Arena. New York, 1888, Vol. 6, № 4, Dec. P. 349).

Г. В. Алексеева

ФЕДОСЁЕВ Николай Евграфович (1871–1898) — корреспондент и адресат Толстого; один из первых пропагандистов марксизма и руководитель первых марксистских кружков в России. Учился в казанской мужской гимназии, где самостоятельно начал изучать марксизм. В Поволжье организовывал марксистские кружки. В один из таких кружков в 1888–1889 гг. входил В. И. Ленин. Федосеев лично с Лениным никогда не встречался, но с ним и с рабочими Орехова-Зуева, где организовал крупную стачку, активно переписывался. Изучая полученную корреспонденцию, Федосеев наметил план дальнейших революционных действий. 13 июля 1889 г. его арестовали за участие в революционном движении и организации нелегальной типографии. Из тюрьмы был выпущен 26 сентября 1893 г. по состоянию здоровья. Тогда же Федосеев прислал Ленину рукопись своего главного труда — «Об экономических причинах падения крепостного права». Ленин отметил эту работу как первую серьёзную попытку выявить основные причины краха крепостничества в России с марксистской точки зрения. В ноябре того же года Федосеев был сослан в Сольвычегодск, где встречался с социал-демократами Вологды, вёл борьбу с народниками. В московской Бутырской пересыльной тюрьме он установил контакт с членами петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Весной 1897 г. Федосеев был сослан в г. Верхотенск Иркутской губ., в 1897–1898 гг. в течение года переписывался с Толстым. По пути в ссылку он встретил партию духоборов, в судьбе которых принял большое участие. Написал Толстому — с этого началась переписка. Полученные от духоборов письменные сведения об их жизни, их устные рассказы он использовал

в письмах к Толстому. Первое письмо было написано в начале декабря 1897 г. Получение письма Толстой отметил в дневнике 1 января 1898 г.: «Получил письмо от Федосеева из Верхоленьска о духоворах очень трогательное» (53: 175). Письмо не сохранилось, но его копию Толстой в своё время направил в Англию Черткову. Письмо было напечатано в «Листках Свободного слова» (1898. № 1). Получив от Федосеева второе (не сохранилось) письмо, Толстой ответил ему 24 марта 1898 г.: «Очень благодарю вас за ваше письмо, в котором вы всё, что нам дорого, описываете с такой подробностью и любовью. Меня так поощрило то, что вы пишете мне о воздействии моего письма в дисциплинарном батальоне, что я написал письмо председателю в Усть-Нотор, прося его передать деньги сосланным, не вычитая из казённого. Не можете ли вы сделать это? <...> Благодарный и полюбивший вас Л. Толстой» (71: 336–337). Из письма Федосеева Толстой узнал, что начальник Иркутского дисциплинарного батальона сказал отказавшимся от военной службы, что только письмо к нему Толстого спасло их от телесного наказания и сократило срок их заключения. По этому поводу Толстой писал П. А. Буланже: «Пускай 1000 писаний пропадут даром, если одно будет иметь такие последствия, то надо писать не переставая» (71: 342).

В мае 1898 г. пришло ещё одно письмо от Федосеева. Толстой не имел никакого представления об этом человеке, но благодаря его письмам почувствовал к нему «близость», заинтересовался им и в конце последнего своего письма задал ему ряд вопросов о нём самом: «Кто вы? За что сосланы? Какое теперь ваше положение? И каково ваше душевное состояние? Если вам не неприятно ответить на эти вопросы, то буду благодарен вам. Любящий вас Л. Толстой. 9 июня 1898» (71: 375). Ответа Толстой не получил: 21 июня Федосеев покончил жизнь самоубийством, и письмо пришло в Верхоленьск уже после его смерти.

Лит.: Переписка Толстого с Н. Е. Федосеевым // ЛН. Т. 37–38. С. 279–289.

А. Г. Королёва

ФЕЙЕРБАХ Людвиг Андреас (Feuerbach; 1804–1872) – немецкий философ, видевший главную цель философии в том, «чтобы мыслить вещи и сущности *так*, познавать их *такими, каковы они есть*». Фейербах считал, что основной предмет изучения философии – Человек как высшая форма природы и абсолютная ценность бытия. Он доказывал, что моральным законом, регулирующим взаимодействие людей,

должен стать закон отношения к Человеку как к Богу: «Homo homini Deus est» («Человек человеку – Бог»). Он был убеждён, что история рода человеческого неизменно приведёт к замене христианства более высокой религией – религией Человека. Фундаментом грядущей религии Человека будет Любовь. Но не та любовь, которая ограничена верой, а та подлинная Любовь, которая позволяет «любить человека ради человека». В понимании природы отчётливо прослеживается приверженность Фейербаха к её материалистическому объяснению.

Толстой считал подобное видение мира глубоко ошибочным. Попытка Фейербаха материалистически объяснить мир не встречала у него сочувствия. Толстой отмечал: «Определение мира как произведения движения материи, по Марксу, Энгельсу, Фейербаху, Дицгену, гораздо, несравненно сложнее, труднее и запутаннее и, главное, ещё больше безосновно, чем определение Бога» (56: 84).

Иначе относился Толстой к взглядам Фейербаха на религию. «Как странно, что Feuerbach известен только как отрицатель», – писал он, имея в виду расхожее представление о воззрениях немецкого мыслителя как антирелигиозных (63: 250). В статье «Что такое религия и в чём сущность её?», присоединяясь к определению религии, данному Вовенаргом (религия есть связь человека с Богом), Толстой замечал, что такое же значение придаёт религии Фейербах, «признавая *основой религии сознание человеком своей зависимости от Бога*» (35: 161).

Положительно оценивал Толстой и этические взгляды Фейербаха, касающиеся смысла человеческого бытия. В предисловии к своей статье «Христианское учение», говоря о том, как он в евангельском учении получил ответ на вопрос о смысле человеческой жизни и как пришёл к выводу, что этот ответ «не есть исключительно» его толкование евангелия, делал вывод, что «этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия», «часто незаметные и непроставленные люди, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни» (39: 119). Среди многих имён он называл Фейербаха.

Толстой не соглашался с теми, кто рассматривал философию Фейербаха как исключительно материалистическую. «Фейербах признан матерьялистом прямо по глупости», – говорил он (56: 228). «Его считают в России материалистом и всегда запрягают почему-то с Молешоттом, а ничего подобного нет» (ЯПЗ. 1. С. 295). Толстой

сожалел, что и в начале XX в. основное произведение Фейербаха «*Das Wesen des Christentums*» («Сущность христианства») остаётся недоступным для людей, читающих на русском языке. В июне 1906 г. он высказал пожелание: «Надо бы перевести на русский язык Фейербаха „*Das Wesen des Christenthums*”» (ЯПЗ. 2. С. 190).

Е. И. Рачин, М. А. Лукацкий

ФИЛОСОФОВ Владимир Николаевич («Вака»; 1874–1938) – сын Н. А. и С. А. Философовых, брат С. Н. Толстой (1869–1934) – жены И. Л. Толстого. В семье его называли Вака. В январе 1894 г. И. Л. Толстой с В. Н. Философовым вместе ездили за границу (в Берлин) (84: 208). «По рассказам Ваки, Илюшу не пробрала заграница <...>, – писал Толстой Л. Л. и Т. Л. Толстым в конце февраля. – Это я заключил потому, что Вака говорил, что он недоволен остался заграницей. Может быть, это неправда. Дай бог. Я надеялся, напротив, что эта поездка разбудит его» (67: 46). В голодные 1891–1892 гг. Философов, как и др. члены их семьи, помогал организовывать столовые для крестьян. «Наташа у нас с Вакой и сейчас едет домой и везёт это письмо» (84: 109), – писал Толстой жене из Бегичевки 13 декабря 1891 г. Помогая жившим в Якутске духоборам переселиться в Канаду, Толстой спрашивал в письме к сыну С. Л. Толстому 5 декабря 1898 г.: «Собирались ехать Вака Философов и Пётр Бобринский. Что ты думаешь об их пригодности? Как у вас решено?» (71: 499–500).

В. Н. Философов был одним из тех, кто 2 ноября 1910 г. приехал к тяжело заболевшему Толстому. «11 ч. 44 м. вечера. С экстренным поездом в Астапово приехали: С. А. Толстая, Т. Л. Сухотина, Андрей и Михаил Львовичи Толстые, психиатр Растегаев, фельдшерица Е. И. Скоробогатова, В. Н. Философов и данковский врач А. П. Семеновский» (Гусев. Летопись. 2. С. 831).

Е. Ю. Хомякова

ФИЛОСОФОВ Николай Алексеевич (1839–1895) – старый знакомый Толстых; художник. До 1885 г. жил в своём имении в Данковском уезде Рязанской губ. С 1885 г. был инспектором московского Училища живописи, ваяния и зодчества, где училась старшая дочь Толстых Татьяна. В апреле 1885 г. Толстой предложил Н. А. Философову сделать картинку для большого издания «Посредника» (в открытый лист). Как текст к этой картине тогда же Толстой написал рассказ «Илья». «К Ильясу я поручил сделать картинку Философову. Он женат на Писаревой. Он очень милый человек

и художник, и ему полюбили всё дело», – сообщал Толстой в письме В. Г. Черткову в начале апреля 1885 г. (85: 160). Но Философов не исполнил картинку, и Чертков передал задание художнику А. Д. Кившенко.

Работая над статьями об искусстве, Толстой не раз общался с Философовым. В хамовнический дом в Москве «приходили к нему беседовать и разные художники: Прянишников, Коровин, Философов, в то время директор Школы живописи и ваяния», – писала С. А. Толстая в 1889 г. (САТ. Моя жизнь. 2. С. 84). Философовы бывали у Толстых и не для умных бесед. 1 января 1889 г. запись в дневнике Толстого: «Приехали ряженные – это были Прянишников (умный) и Философовы. Ещё скучнее стало» (50: 19). Посещал Философов и Ясную Поляну: «Приехали Философовы Николай Алексеевич и Наташа. Очень милы», – записал Толстой в дневнике 15 августа 1890 г. (51: 76).

Толстые и Философовы дружили семьями и довольно тесно общались. Жена художника, Софья Алексеевна, была сестрой Р. А. Писарева, друга Черткова. У Философовых было четверо детей: Софья (1869–1934), Наталья (1872–1926; по мужу Ден), Александра (1878–1897) и Владимир (1874–?). Старшая дочь Философовых Софья в 1888 г. вышла замуж за второго сына Толстого Илью Львовича.

Е. Ю. Хомякова

ФИЛОСОВА Наталья Николаевна (по мужу: Ден; 1872–1926) – дочь Николая Алексеевича (1839–1895) и Софьи Алексеевны (1847–1901) Философовых; сестра Софьи Николаевны Толстой (рожд. Философовой), жены Ильи Львовича Толстого. Её муж – Владимир Эдуардович Ден (1867–1933), экономист, с 1898 г. приват-доцент Московского университета, с декабря 1902 г. профессор Петербургского политехнического института по кафедре экономической географии. В письме к С. А. Толстой 2 ноября 1891 г. Толстой так характеризовал 19-летнюю Н. Н. Философову: «Наташа очень милая, энергичная, серьёзная» (84: 91); «...Наташа учится фельдшерству...» (67: 77). В голодные 1891–1892 гг. Н. Философова принимала деятельное участие в помощи голодающим. Она организовала более 20 столовых. Занимаясь спасением голодающих, Толстой и Н. Философова работали вместе. «Погода превосходная, и мы хотим воспользоваться ею, чтобы съездить в Богородицкий уезд – я, Таня, Наташа и Лёва», – написал Толстой 12 февраля 1892 г. С. А. Толстой (84: 118). В другом письме Толстой сообщал, что получил 1 вагон ржи

и 4 вагона гороха, «из которых один послан Наташе» (4 февраля 1892 г. – 84: 114). Когда Н. Filosofova заболела, Толстой беспокоился, навещал её: «Был вчера у Наташи. У нее всё жар. Теперь покойно, что Софья Алексеевна там», – писал он жене из Беги́чевки 6 февраля 1892 г. (84: 116). Нередко Н. Filosofova «служила почтальоном»: через неё Л. Н. Толстой и С. А. Толстая передавали друг другу письма: «Наташа едет в Москву, и я случайно попал к ней, и вот пишу тебе. <...> Наташа всё расскажет подробнее о нас...» (84: 124). «В общем, как в наших столовых, так и у соседки нашей, Н. Ф., ведущей дело независимо от нас, количество людей, кормящихся в столовой, всегда составляет $\frac{1}{2}$ всех наличных душ» (29: 134), – писал Толстой в статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (1891). «Соседка же наша, Н. Ф., одна в продолжение месяца открыла и ведёт на тех же основаниях 16 столовых, в которых кормятся не менее семисот человек» (29: 142), – упоминал он в той же статье. «Столовые же даже без наблюдения, с наблюдением одних столующихся, идут очень хорошо. Одна Наташа ведёт более 30 столовых», – сообщал писатель сыну Л. Л. Толстому 23 декабря 1891 г. из Беги́чевки (66: 120). Filosofova не раз бывала в Ясной Поляне и в московском доме Толстых. «Приехали Filosofoвы Николай Алексеевич и Наташа. Очень милы», – отметил Толстой в дневнике 14 августа 1890 г. (51: 76). В письме М. В. Алёхину 2 апреля 1892 г. из Москвы Толстой просил: «Ната́лье Николаевне, если увидите, скажите, что отец её был нездоров, теперь поправился, и что её все здесь любят и помнят» (66: 191). Н. Н. Ден оставила свои воспоминания, в которых описала знакомство Толстых с Filosofovymi (ОР ГМТ).

Е. Ю. Хомякова

ФИЛОСОФОВА Софья Алексеевна (рожд. Писарева; 1847–1901) – хорошая знакомая Толстого; жена Н. А. Filosofova. Впоследствии (с 1888 г.) тёща второго сына Толстых И. Л. Толстого. Семья Filosofovых состояла из Николая Алексеевича, Софьи Алексеевны и их детей: Наталии, Александры и Владимира, которые приезжали к Толстым навестить свою старшую дочь и сестру Софью Николаевну Толстую. Толстые и Filosofoвы дружили домами, и в московский дом, и в Ясную Поляну в гости друг к другу ездили часто всей семьёй. «...Неудобно было нынче ехать до Ясной, что там нынче все Filosofoвы», – писал Толстой жене из Тулы 21 апреля 1888 г. (84: 40). В Москве С. А. Filosofova порой

и одна заезжала к Толстым в Хамовники; в дневнике Толстой нередко отмечал, что «была Filosofova» (50: 14). Она была «своя»; интересна в этой связи запись Толстого в дневнике 12 ноября 1890 г.: «У нас Софья Алексеевна и Наташа, и чужая Кудрявцева...» (51: 103).

В 1891–1892 гг. 36 губ. центральной части России пострадали от неурожая. Беги́чевка, имение Раевских, стала центром управления столовыми; здесь жили Толстые (сам Толстой жил там до 20 мая). «По соседству такой же деятельностью занималась другая помещичья семья Filosofovых» (Величкина В. М. В голодный год с Львом Толстым. М., 1928. С. 29). Толстые и Filosofoвы устроили пекарни, где по дешёвой цене продавался хлеб. С. А. Filosofova, несмотря на слабое здоровье, была чрезвычайно активна: заказывала и получала вагоны с зерном, выплачивала за них деньги, обменивалась с Толстыми поступившими пожертвованиями... Кроме того, повсюду были созданы приюты для маленьких детей, где им давали молочную пшённую и гречневую кашу (коров осталось немного). Filosofova пыталась вести финансовые дела, но у неё это не очень получалось: «Софья Алексеевна очень смешна и действительно хочет запутать нас счётами, – писал Толстой жене. – Но я постараюсь не дать ей. То, что пожертвованные miss Macdonald 50 фунтов нам она считает уплатой в счёт тысячи, только забавно. – Должны же мы ей действительно за забранную у них рожь на наши столовые более чем на 1000 рублей. – Я в последнее время привёл всё это в ясность. <...> С Софьей Алексеевной я сочтусь через Писарева. А то она очень бестолкова» (из Беги́чевки в начале марта 1892 г.; 84: 123). Весной 1892 г. в центральной части России к голоду добавились тиф и оспа. Заболела и Н. А. Filosofova, и Софья Алексеевна не отходила от больной дочери. «Теперь покойно, что Софья Алексеевна там», – писал Толстой жене 6 февраля 1892 г. (84: 116). С. А. Filosofova в письмах Толстого всегда упоминалась как член семьи. «Нынче письмо от Сони: Софья Алексеевна очень плоха. Везут её в Крым, Анночка с ней. Соня была у неё и, кажется, опять едет», – сообщал Толстой жене 23 сентября 1900 г. (72: 457). Умерла С. А. Filosofova в Крыму.

Е. Ю. Хомякова

ФІШЕР Куно (Fischer; 1824–1907) – немецкий философ-неокантианец, историк философии, профессор Гейдельбергского университета; автор десяти томной «Истории новой философии» («Geschichte der

neuern Philosophie»), выходявшей в течение сорока лет (1852–1893). Т. 9 этого труда посвящён Шопенгауэру. (Русский перевод под ред. В. П. Преображенского: Фишер К. Артур Шопенгауэр. М., 1896.) В 1862–1865 гг. труды Фишера переводил Н. Н. Страхов.

В письме к Толстому 29 октября 1893 г. Н. Н. Страхов приводил немецкий текст «замечательных отзывов» К. Фишера о Толстом в его книге о Шопенгауэре: «В высшей степени достоин внимания тот факт, что две признанные и неоспоримые величины последней трети нашего столетия совершенно разделили взгляды и учение Шопенгауэра и были очарованы его произведениями: знаменитейший музыкант нашего века [Р. Вагнер] и знаменитейший русский писатель, который ещё интереснее и замечательнее своими религиозными воззрениями и своею жизнью, чем своими сочинениями. Граф Лев Толстой по окончании своей военной и в самом начале своей литературной карьеры писал своему другу Фету-Шеншину, ставшему потом переводчиком нашего философа, следующее: “Неизменное восхищение овладело мною при чтении Шопенгауэра, и я испытал чрез него целый ряд духовных наслаждений, подобных которым я не знал до сих пор. Не знаю, изменится ли когда-нибудь моё мнение, но в настоящее время я нахожу, что Шопенгауэр – самый гениальный человек во всём мире. Это мир в невероятно малом и прекрасном отражении”. Ещё в 1890 г. портрет Шопенгауэра был единственным в его рабочей комнате» (перевод дан по: ПСПТС. 2. С. 935).

«Но ещё важнее следующее место, – продолжал в письме Страхов: – Стр. 123. (Показавши, что Шопенгауэр ничуть не исполнял тех учений, которые сам проповедовал, Куно Фишер говорит): “Проповедовать мораль легко, обосновать мораль – трудно”. Труднее, чем то и другое, воплотить её. Поэтому настоящие подвиги в области религии, в особенности – учреждения религий, так редки, что сравнительно с ними сами произведения гения кажутся частыми. Вся мораль и философия, которой учат, не воплощая своё учение о спасении в собственной жизни и на собственной личности, и не показывая его тем в самой наглядной форме, – будет в конце концов одним “пустословием”, всё равно проповедуют ли её или обосновывают. В этом-то и заключается в наши дни подвиг человека, подобного Льву Толстому: спастись из пессимистического учения о спасении к настоящему Спасителю и поступать так, как повелевает Нагорная проповедь» (ПСПТС. 2. С. 935). В письме Страхов продолжал: «Тут меня восхищает и Ваша слава (К. Фишер – клас-

сический и очень обдуманый писатель), и то верное направление, которое она получила. Вы поставлены образцом, и Вы действительно образец правильного отношения к нравственности и религии. Что всего удивительнее – Куно Фишер, чтобы объяснить противоречие жизни и учения Шопенгауэра, подробно излагает мысль, что это был человек с художественною натурой, имевшей в себе много актёрского. Странно, что К. Фишер не вспомнил, что Вы даже великий мастер в искусстве, и что, следовательно, его объяснение никуда не годится. У немцев сплошь и рядом встречается, что по мыслям человек очень возвышен. А по жизни – жалкий филистёр. Только это не общее правило, а особенность немецкой натуры. У русских это не так, что Вы и доказываете собою.

<...> Я знаю, что Вы не любите такие известия. Я вспоминаю, как я раз привёз Вам целую пачку вырезок из газет, где упоминалось и прославлялось Ваше имя, а Вы, не читавши, бросили всю пачку в огонь. Между тем, Шопенгауэр до последнего дня жизни с жадностью читал всё, что о нём писалось, и всё плакался, что приятели не всё ему присылают, где упоминается его имя. Куно Фишер по этому случаю говорит: “Славолюбие, – сказал, говорят, Платон, – последнее платье, которое снимает человек. Этого платья Шопенгауэр не снял до конца, в нём он и умер” (стр. 119).

Разумеется, слова К. Фишера об Вас требуют разных поправок, но я смотрю на главное» (ПСПТС. 2. С. 933–935).

2 ноября 1893 г. в письме к жене Толстой сообщал: получил письмо от Н. Н. Страхова, «который пишет об отзыве обо мне философа Куно Фишера. Он пишет между прочим слова Куно Фишера, что желание славы есть последняя одежда, которую снимает с себя человек. Он говорит это про Шопенгауэра, который будто бы не снял этой одежды до конца. Я чувствую постоянно всю силу этого соблазна. И постоянно борюсь с ним» (84: 203).

3 ноября 1893 г. Толстой отвечал Страхову из Ясной Поляны: «Благодарю вас за ваши всегдашние добрые чувства ко мне, дорогой Николай Николаевич. Разумеется, мне это приятно, но вредно, и я знаю, как вредно. Верно говорит Куно Фишер, что это последнее снимаемое платье. Ужасно трудно его снять. А тяготит оно ужасно. Страшно мешает свободным духовным движениям, свободному служению Богу» (66: 418).

Работая над статьёй «Что такое религия?», Толстой писал 6 ноября 1901 г. В. Г. Черткову из Гаспры: «Читаю я прекрасную монографию Куно Фишера о Кан-

те <имелось в виду сочинение Фишера «Geschichte der neueren Philosophie» — «Immanuel Kant». Русский перевод: Фишер К. Иммануил Кант и его учение. СПб., 1901. — Н. Б.>. Он пишет там, что Кант особенно дорожил своим последним сочинением, а вышло оно плохо. Боюсь того же. А всё-таки особенно дорожу этим писанием и приписываю ему большую важность» (88: 247). Труды Фишера Толстой читал и в оригинале, и в переводе. В Ясной Поляне сохранился т. IV «Истории новой философии» (с дарственной надписью от издателя Д. Жуковского).

Н. И. Бурнашёва

ФОФАНОВ Алексей Александрович (1833–?) — духобор, корреспондент и адресат Толстого. Уроженец Карской области. В числе др. духоборов был сослан в Якутскую область, «вследствие того вредного влияния, которое они оказывали на своих единоверцев» (75: 8). По окончании срока ссылки вернулся из Якутской области на Кавказ.

Вместе со своими товарищами по несчастью Новокшоновым и Щербаковым Фофанов написал письмо Толстому, а 24 октября 1903 г. сам приехал в Ясную Поляну. «В настоящую минуту у меня сидит приехавший с Кавказа старик 70 лет, Фофанов, тоже отпущенный из Якутской области и желающий присоединиться к своим сыновьям, дочерям и внукам, которые все в Канаде, — в тот же день писал Толстой Э. Мооду. — Но он так же, как и два его товарища, находящиеся в тех же условиях, как и он (их семьи в Канаде), не могут этого сделать, потому что им не дают заграничных паспортов и у них нет нужных денег. Я надеюсь выхлопотать им выдачу паспортов, но переезд во всяком случае будет стоить дорого, и потому хорошо бы было помочь им хотя заимобразно из тех денег, которые вы назначили на помощь духоборам» (74: 213).

О том же на следующий день Толстой писал П. В. Веригину: «Ко мне вчера приехал выпущенный из Якутской области старичок Алексей Александрович Фофанов. Как вы знаете, он, Новокшонов и Щербаков приехали на Кавказ и готовились уехать в Канаду, чтобы соединиться с своими семьями. Но, кроме того, что им не дали заграничных паспортов, с ними случилось несчастье, о котором вам пишет сам Фофанов: у них украли все их деньги, так что они лишены теперь всякой возможности добратся до Канады. Я ходатайствую о том, чтобы им выдали заграничные паспорта, и надеюсь успеть в этом» (74: 211–212). Толстой просил Веригина выслать деньги и обещал

«позаботиться о том, чтобы доставить эти деньги старичкам» (так у духоборов называли женатых мужчин; 74: 212).

С просьбой помочь получить Фофанову и его товарищам заграничные паспорта Толстой тогда же обратился к великому кн. Николаю Михайловичу (74: 214) и 12 января 1904 г. к кн. Г. С. Голицыну, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. При содействии великого кн. паспорта были получены, и Фофанов с товарищами уехали в Канаду.

Н. И. Бурнашёва

ФРАЗЕР **Георгий Фёдорович** (1849–?) — посетитель Толстого; финский подданный, лютеранин, потомственный дворянин, отставной гвардейский капитан, участник финского национально-освободительного движения. Вместе с женой Иоганной Васильевной и четырьмя взрослыми детьми жил в г. Иматра, где содержал отель. В апреле (?) 1900 г. посетил Ясную Поляну и беседовал с Толстым по «финляндскому вопросу». Приехав домой, подготовил рукопись «Моё посещение гр. Льва Толстого», которую отправил книгоиздателю Хательстому для издания отдельной брошюрой. Как сообщалось в полицейском досье, Хательстом 24 мая писал Фразеру, что не рекомендует ему издавать данное сочинение о взглядах графа Толстого на «финляндский вопрос», ибо, по его мнению, оно «не будет пропущено цензурой и кроме того, как не проконтролированное гр. Толстым, может ему “не понравиться”». Далее в справке указывалось, что «из дальнейших писем других лиц видно, что означенное сочинение Фразера было издано» (ГАРФ. Ф. 124, оп. 12, д. 2115, л. 21 об.).

В ноябре 1903 г. Фразера арестовали в С.-Петербурге, и он содержался в доме предварительного следствия до марта 1904 г. Затем его выслали в административном порядке в Новгородскую губ. сроком на 3 года, и в отношении его был установлен административный надзор. Дальнейшая судьба финского собеседника Толстого неизвестна.

Лит.: Дело об участнике финского национально-освободительного движения Г. Фразере со сведениями о посещении им Л. Н. Толстого и о брошюре Г. Фразера «Моё посещение гр. Льва Толстого» (1903 г.) // ГАРФ. Ф. 124, оп. 12, д. 2115, л. 1–106.

В. Н. Чисников

ФРЕДЕРИКС **Ольга Владимировна** (рожд. Менгден; ?–1921) — близкая знакомая семьи Толстых; дочь Елизаветы Ивановны (рожд. Бибиковой) и барона Владимира Михайловича Менгденов. Отец её —

тульский помещик, уездный предводитель дворянства, позднее член Гос. совета. С семейством Бибиковых-Менгден Толстого связывали давние тёплые отношения. В молодые годы ему очень нравилась Елизавета Ивановна, чувство к которой он определил как «стоять на пороге любви» (47: 113). Толстые не раз бывали в гостях у Менгден, о чём свидетельствует их переписка: «Я был у Менгден, — писал Толстой жене. — Они нас ждут вечером. Пожалуйста, приезжайте» (83: 25). Традицию дружеских отношений продолжала и Ольга Владимировна Менгден, которая стала женой барона Константина Платоновича Фредерикса, нижегородского вице-губернатора. В юности она — неперемнная участница всех домашних спектаклей в Ясной Поляне. С. А. Толстая вспоминала, что «она была удивительно хорошая актриса, хорошенькая и умная», талантливая, играла превосходно, «лучшая актриса» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 272, 303, 318, 319). Баронесса Фредерикс дружна была с Татьяной Львовной Толстой, старшей дочерью писателя.

Иногда её визиты раздражали Толстого: «У нас madame Менгден с дочерью, и скука страшная», «Вернулся в 9. Фридрихс Ольга и куча Бибиковых» (62: 190; 51: 70). Порой высказывания гости вызывали негодование писателя: «...Ольга Фредерикс сказала, что ей важно и нравится в теософии то, что отвратительно, именно то, что несправедливость этого мира уравнивается, устраняется жизнью в других мирах. Искушение тоже. Какая наивность» (57: 143). Случалось баронессе оказываться и в эпицентре конфликта между Л. Н. и С. А. Толстыми, о чём сам Толстой рассказывал в письме к сыну Л. Л. Толстому: «На днях была Ольга Фредерикс: у них, у её матери и тётки, как я знаю, сложилась такая легенда, что мамá <т. е. С. А. Толстая. — Е. Б.> мученица, святая, что ей ужасно тяжело нести посланный в моём лице крест, и потому все эти дамы и Ольга Фредерикс всегда очень дурно действуют на мамá. И вот случилось, что тётя Таня <Т. А. Кузминская. — Е. Б.> и Ольга Фредерикс стали разговаривать о воспитании детей и я сказал своё мнение, что детей надо уважать, как посторонних, и мамá вдруг начала не возражать, а пикировать меня, и это меня раздражило. Ничего не было сказано неприятного, но осталось у меня очень тяжёлое впечатление...» (66: 357).

Несмотря на эти разногласия, если дело касалось помощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, Толстой и О. Фредерикс прекрасно понимали друг друга. Неоднократно писатель обращался

к ней по вопросам, касающимся Нижегородской губ. В октябре 1899 г. он просил её принять участие в деле Барина, по ложному доносу обвинённого в подстрекательстве и приговорённого к арестантским ротам. Баронесса тщательнейшим образом разобралась в деле, и в результате Барин был оправдан. В 1903 г. Толстой обратился к О. Фредерикс с просьбой позаботиться о судьбе его, Толстого, дальних родственников, живущих в Нижнем Новгороде: «Я вспомнил о вас, о вашей доброте и желании служить людям, и вот обращаюсь к вам...» (74: 25). Она выполнила просьбу писателя, и Толстой благодарил её за доброе участие.

Е. В. Бойцова

ФРЕЙ Вильям (Гейнс Владимир Константинович; 1839—1888) — адресат и корреспондент Толстого. Писатель, общественный деятель.

Толстой глубоко уважал и горячо любил Фрея, считая его «одним из замечательнейших людей нашего и не только нашего времени по самым редким нравственным качествам» (85: 260). Фрей являл собой всесторонне развитую в нравственном и умственном отношении личность, тип того общественного деятеля, который понял, что главное условие развития общества заключается в нравственном развитии личности, и эту задачу постарался разрешить относительно самого себя. Своей жизнью он показал, что никакие невзгоды, никакие физические лишения не могут препятствовать нравственному совершенствованию. Любовь поддерживала его силы в борьбе с суровой действительностью, поддерживала энтузиазм, который угас только с его жизнью.

Вильям Фрей, принявший это имя с переходом в североамериканское подданство, русский, Владимир Константинович Гейнс, происходил из семьи эстонских дворян. После кадетского корпуса и артиллерийской академии блестяще окончил в Петербурге Академию Генерального штаба по геодезическому отделению и там же в 24 года был назначен преподавателем высшей математики; потом работал в Пулковской обсерватории. Перед ним открывалось успешное военное и научное поприще, но, по его словам, «внутренняя неудовлетворённость жизнью росла вместе с внешними признаками скорой и блестящей карьеры» (*Гусев. Материалы*. 4. С. 490). Вопрос, требовавший разрешения, заключался для него в том, каким путём возможно осуществить наилучшую жизнь для большинства угнетённых и страждущих людей. По своей натуре Гейнс принадлежал к числу тех, для кого

искание правды жизни было единственным стимулом деятельности.

В это время Гейнс прочитал книгу Диксона «Новая Америка», из которой узнал об опытах устройства земледельческих коммун в Америке. Гейнс пришёл к выводу, что «силы, способные помочь делу общественного переустройства, надо вырастить в трудовых коммунах» (*там же*).

В 1868 г., оборвав научную карьеру, открывавшую перед ним широкие возможности, он переселился с молодой женой в Северную Америку, где основал на коммунистических началах небольшую земледельческую колонию, принял американское подданство и стал называться Вильям Фрей. В Америке он провёл 17 лет, переходя из одной коммуны в другую. Свои личные небольшие средства он употреблял на приобретение земельных участков для общин, а сам нередко терпел большую нужду и брался за любые виды работы: был извозчиком, наборщиком, батраком и т. п. Неудача всех попыток устройства земледельческих коммун привела Фрея к убеждению, что для новой жизни недостаточно одной перестройки экономических отношений – нужно нравственное возрождение.

В Америке Фрей познакомился с позитивной философией Огюста Конта и его «религией человечества» и с тех пор на всю жизнь сделался ревностным приверженцем и пропагандистом философии и религии позитивизма. Всё учение позитивизма Конта заключено в следующей формуле: «Во имя Человечества – любовь наш принцип. Порядок – основание, а Прогресс – цель нашей деятельности. Жить для других. Жить открыто» (*там же*. С. 492).

В 1884 г. Фрей переселился в Англию, где и познакомился впервые с некоторыми произведениями Толстого. Летом 1885 г., приехав в Россию, Фрей написал ему 24 августа небольшое письмо, выражая желание познакомиться: «С замиранием сердца, доходящим до головокружения, я вчитывался в вашу “Исповедь” <...>. Я видел в ваших словах наиболее рельефное проявление той могучей потребности в духовной пище, которая должна была, наконец, проявиться в нашем обществе». «Мы оба, – писал Фрей, – пришли к тому убеждению, что религия есть единственный ключ для решения вопросов жизни как отдельного человека, так и общества; мы оба пришли к учению альтруизма и нашли решение наших сомнений в жизни других, не нуждаясь ни в легендарных погремушках, ни в приманке вечной жизни» (*Гусев. Материалы*. 4. С. 491–492).

10 сентября 1885 г. Фрей отправил Толстому большое письмо в 60 страниц с изло-

жением основных принципов своей религии (Письма В. Фрея к Л. Н. Толстому. Женева, 1887). Толстой пригласил его к себе в Ясную Поляну. Фрей прожил у Толстых с 7 до 12 октября 1885 г. и как человек произвёл на Толстого самое благоприятное впечатление. 11 октября Толстой писал В. Г. Черткову: «Вот четвёртый день, что у меня гостит Фрей, он очень интересный, очень умный, искренний и, главное, добрый человек. Он много-много говорил о позитивизме, и я говорил было, но потом стал воздерживаться. Слишком больно ему слышать то, что разрушает его веру. А он живёт ею, и вера хорошая» (85: 260). 15–18 октября Толстой писал о Фрее Т. А. Кузминской: «Он интересен тем, что от него веет свежим, сильным, молодым, огромным миром американской жизни <...>, не только не признающей анковского пирога, но представляющей себе его чем-то вроде колец в носу и перьев на голове и пляски диких. Он 17 лет прожил большей частью в русских и американских коммунах, где нет ни у кого собственности, где все работают не “головой”, а руками и где многие и мужчины, и женщины счастливы очень» (63: 289).

О своей первой встрече с Толстым Фрей рассказал позднее в напечатанном им письме к русскому обществу: «Мы не только поняли друг друга, но расстались, скреплённые духовным родством, взаимным уважением и глубокой симпатией...» (85: 259).

Заслугу Толстого Фрей видел в том, что он с «чуткостью художника» отделял нравственное учение позитивизма «от тех так называемых научных теорий Мальтуса, Дарвина, Спенсера, которые идут на защиту и оправдание существующей нищеты, конкуренции, индивидуализма». Было между ними разногласие по вопросу о безусловном нравственном запрещении всякого насилия, которое признавал Толстой, и допущении насилия в случае обиды слабого сильным, которое допускал Фрей. «Может быть, впоследствии окажется, что мы говорим об одном и том же и стремимся к одной цели, хотя и облакаем свои мысли и стремления в различные формы», – писал Фрей (*Гусев. Материалы*. 4. С. 496).

В декабре 1885 г. состоялось их новое свидание в Москве. Несмотря на взаимное уважение, проявились и несогласия. В марте 1886 г. Толстой писал Фрею: «Всё недоразумение зиждется на том, что вы, говоря о религии, совсем не то понимаете под нею, что понимали Конфуций, Лао-тзе, Будда, Христос. У вас религию надо выдумать <...> – и такую, которая хорошо бы действовала на людей и сходилась бы с наукой и которая бы совокупляла и обнимала всё,

согревая людей, поощряя их к добру, но не нарушала бы их жизни. Я же понимаю <...> религию совсем не так. Религия есть сознание тех истин, которые общи, понятны всем людям во всех положениях, во все времена <...>. Дело религии есть нахождение и выражение этих истин, и когда истина эта выражена, то она неизбежно изменяет жизнь людей» (63: 339).

В марте 1886 г. Фрей выехал из России. Последние годы жизни он провёл почти безвыездно в Лондоне, работая в типографии и всё своё свободное время посвящая изучению и распространению учения О. Конта. В религии человечества Фрей ви-

дел спасение для нашей цивилизации. Умер Фрей в большой бедности.

Несмотря на разногласия во взглядах, Толстой навсегда сохранил самую добрую память об этом замечательном человеке и его жизни, «бывшей полным осуществлением его убеждений» (65: 32). В 1889 г. Толстой начал статью о Фрее (текст её неизвестен). «Письма В. Фрея к Л. Н. Толстому» впервые были напечатаны в Женеве отдельной брошюрой в 1887 г.

Лит.: Бирюков П. И. Л. Н. Толстой и В. Фрей // Минувшие годы. 1908. 9. С. 69–91.

Е. Г. Шестакова



ХАЛТУРИН Степан Николаевич (псевд. Степан Батышков; 1856–1882) – рабочий (столяр-краснодеревщик), активный участник революционного движения 1870-х гг.; с осени 1875 г. был связан с революционными народниками; член «Народной воли»; один из организаторов «Северного союза русских рабочих» (1878); террорист. 5 февраля 1880 г. организовал взрыв в Зимнем дворце с целью физического уничтожения императора Александра II. Казнён по приговору военно-полевого суда за убийство в Одессе военного прокурора В. С. Стрельникова.

В конце 1902 г. В. Г. Чертков написал статью «О революции», о чём сообщил Толстому. Познакомившись по просьбе автора с материалом и сделав ряд исправлений, Толстой сам задумал написать обращение «К политическим деятелям». Статья Черткова под названием «Насильственная революция или христианское освобождение» вышла в Англии в журнале «Свободное слово» в 1903 г. (№№ 5–8) и в 1904 г. (№№ 9–10). В 1904 г. Толстой написал «Предисловие...» к этой статье, в котором «признавал молодечество и самоотвержение людей, как Халтурин <...> и теперь убийц...» (36: 150). Этот текст с небольшими изменениями был повторен и в письме к Черткову от 20 мая 1904 г., где Толстой заявлял: «Невольно любуешься молодечеством Жерара, охотника на львов, точно так же невольно любуешься, независимо от последствий их деятельности, и молодечеством, самоотвержением русских революционеров, ходивших в народ, так же как и отчаянной деятельностью Халтуриных, Рысаковых, Михайловых и др., но нельзя не видеть, что главный двигатель деятельности этих людей был тот же, как и тот, который руководил Жераром» (88:

332). Толстой убеждён, что убийство десятков львов не избавит жителей Африки от львиной опасности (36: 394), а главный двигатель русских революционеров «не достижение известной цели, а избыток сил, борьба с опасностями, игра своей жизнью» (88: 332). «Ребячеством» называл Толстой такую «игру» Халтуриных, которых «теперь возводят в героев и благодетелей человечества». Но для Толстого имя Халтурина всегда стоит рядом с понятием «современные убийцы» (76: 118), которые «жалки своими заблуждениями».

В повести «Божеское и человеческое» (1903–1906) Толстой вывел фигуру Меженецкого, собирательный образ революционера 1870-х гг., беседующего с новыми революционерами. Меженецкий раздражён непониманием деятельности революционеров его поколения – Халтурина, Кибальчича, Перовской и др. Новое поколение убеждено, что их деятельность оказалась «вредной», поскольку дала повод народу думать, что «вся революционная деятельность идёт от помещиков, убивших царя за то, что он отнял у них крепостных» (42: 224). «Мы жертвовали собой, жизнями...» (42: 523; рукопись № 22) – убеждал Меженецкий Германа, но тщетно. В проповеди Германа отразились взгляды Толстого.

А. В. Шмелёва

ХАРАДА Тацуку (1863–1940) – японский религиозный мыслитель, священник, ректор Школы Досися в Киото. Во многом благодаря его усилиям, школа получила статус университета. 2 мая (19 апреля) 1910 г. Харада посетил Толстого в Ясной Поляне и подарил ему трость из бамбука, а писателю ему – свою трость, которая до сих пор хранится в Досися.

Харада родился в самурайской семье в княжестве Кумamoto на о. Кюсю. Учился в частной школе; в 1880–1884 гг. – в Школе Досися в Киото. В 1881 г. крестился, а окончив школу, стал пастором в городе Кобэ и преподавателем в частной женской христианской школе. В 1888–1891 гг. стажировался в США, в Чикагской духовной семинарии и в Йельском университете. Позднее работал в редакции «Христианской газеты», журналов «Христианский мир», «Рикуго дзасси» (рикуго=вселенная), где часто печатались материалы о Толстом, но сам Харада больше себя проявлял как организатор, чем как религиозный мыслитель. Тесно связанный с США и Западом, пропагандируя общность религий и учений Запада и Востока, он настаивал на международной дружбе и взаимопонимании.

Как раз в то время, когда с таким подходом Харада хотел добиться повышения статуса Досися, в 1910–1911 гг. он совершил большую поездку в Европу и США в рамках своей политики расширения международной дружбы. По пути 19 апреля 1910 г. он посетил в Ясной Поляне Толстого. Обстоятельства этой встречи известны по дневникам Толстого, Харады, В. Ф. Булгакова и по записям Д. П. Маковицкого. «Приехали два японца, – отметил в своём дневнике Маковицкий. – Старший – из самураев (около 50 лет) – Харада, христианин, получивший образование в Америке, директор самого первого (в 1864 г. основанного) училища в Японии. До 1864 г. было запрещено выезжать японцам из Японии, смертная казнь налагалась на таких, которые уезжали. Основатель же этой школы выехал. По плану этой школы устроены после и прочие. Он говорил подолгу с Л. Н. наедине. Знает учение Л. Н., не признаёт его взгляда на непротивление и государство. Но уезжал с тем, что учение Л. Н. стало для него проблемой. <...> Христиан в Японии 160 000, и христианство распространяется» (ЯПЗ. 4. С. 228). Наедине Толстой и Харада говорили об отношении христианства к войне и патриотизму. «Граф спросил, считаю ли я правильным, что христиане идут служить на войну. Вопрос меня несколько изумил, но я всё-таки ответил, что как гражданин государства человек должен служить в армии, будь он христианин или нет. Граф сказал: “Нет-нет! Неужели вы говорите, что христианин может пойти на такое дело, которое связано с убийствами людей! Ведь не убий – это основа философии не только одного христианского учения, а и всех религий. Неужели вы как христианин не осуждаете призыв молодых людей на военную службу? Да ведь это лицемерие”. Глаза

его сверкали, он говорил прямо-таки с пеной у рта» (цит. по: Харада Тацуку. «Обэй кико» (Дневник путешествия в Европу и Америку) // Харада Тацуку Исю (Наследие Харады Тацуку). Киото, 1971. С. 168–172). Разговор сразу обнаружил пропасть между ними. Потом Толстой заметил, что сейчас для японцев самое опасное время, когда они находятся в эйфории от военных побед (он оказался прав), и что им не следует подражать Западу, который приходит в упадок. Толстой задал вопрос о системе образования в Японии, и Харада рассказал об образовании на основе «Императорского рескрипта об образовании». После этого тет-а-тет к разговору присоединились И. И. Горбунов, японец Мидзутаки Кадзю, сопровождающий Хараду, Маковицкий. Харада настаивал на том, что в Японии соединяются и объединяются Восток и Запад. Его слова Маковицкий понял и записал: «Буддизм в Японии делается похожим на христианство. У них, у японских буддистов, тоже Бог – спаситель и спасение через веру. Большинство христиан водки не пьёт. Разводов в Японии всё меньше и меньше» (ЯПЗ. 4. С. 229). 22 апреля Толстой в разговоре с Л. Н. Андреевым обобщил встречу с Харадой: «Л. Н.: “Японец (Харада) серьёзно говорил... Он находит сходство русских храмов с буддийскими. Он сам был буддист, но жизнь Сакия-Муни неизвестна была ему; её японцы узнали через посредство европейцев. Когда ему было 17 лет, он узнал про Христа, крестился, но догматов он не признаёт. Он принял христианство как одно из условий (проявлений) цивилизации. Он прислал их “Императорский манифест”, в котором и главные основы их веры шинтоистской очень такие грубые: любите своих семейных и больше всех представителя неба – императора, который всегда был и всегда будет”. Л. Н.: “У нас, – говорил Харада, – полная веротерпимость”. Но видно, что там отсутствие религии» (ЯПЗ. 4. С. 233). Похоже, Толстой считал, что у японцев нет религий как таковых, поэтому они могут воспринимать всё, что угодно, без внутреннего сопротивления. Благодаря духовной пустоте японцы легко осваивают материальную цивилизацию Запада... В дневнике Толстого просматривается подобная мысль. 19 апреля. «Нынче утром приехали два японца <Харада и Мидзутаки. – Ю. С.>. Дикая люди в умилении восторга перед европейской цивилизацией». «Вечер ходили пускать граммофон. Плясали, народ. Простился с японцами». 20 апреля. «Японцы принимают христианство как одну из принадлежностей цивилизации. Сумеют ли они так же, как наши

европейцы, так обезвредить христианство, чтобы оно не разрушило того, что они берут в цивилизации?» (58: 40–41). Вот что значит японское провозглашённое Харадой объединение Востока и Запада с точки зрения Толстого.

В 1919 г. Харада ушёл в отставку с должности ректора Досися. Непосредственная причина этого шага – мятеж части студентов, за который он взял ответственность на себя. После отставки по приглашению Гавайского университета Харада переехал с семьёй на Гавайи и с января 1921 г. преподавал японскую литературу, японскую историю и японский язык в качестве профессора этого университета, где создал восточный факультет. Через несколько лет он возвратился на родину. Умер Харада в Киото.

Лит.: Мельникова И. В. Трость Толстого (О японских гостях Ясной Поляны) // Толстой и о Толстом. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Вып. 4: Материалы к комментариям. С. 115–130.

Ю. Сато

ХЕЙСИНГЕР Исаак (Heysinger Isaak Winter; 1842–1917) – корреспондент и адресат Толстого; американский писатель, философ, переводчик; доктор медицины. В 1890-е гг. в США вышло несколько его книг. В 1903 г. он перевёл с китайского книгу философа Лао-Цзы «The Light of China, the Tao The King of Lao Tsze, 604–504 гг. до н. э.» <«Свет Китая: Учение Лао Цзы, 604–504 гг. до н. э.»» (Philadelphia, 1903), сверив свой перевод с самыми авторитетными прежними изданиями. Книга открывалась предисловием и сопровождалась списком слов, вызвавших у переводчика затруднение или сомнение в правильности перевода. В марте 1903 г. Хейсингер прислал только что вышедшую книгу Толстому. В сопроводительном письме автор сообщал: «Книга невелика по объёму, но работа над ней заняла у меня четыре года, потраченные, как я думаю, не напрасно. Мне кажется, это первая серьёзная попытка ввести в контекст западной цивилизации этот поразительный исторический памятник и проанализировать его смысл. Я знаю, что в прошлом Вы изучали этот великий памятник и, кажется, раздумывали о возможности его перевода на русский язык» (*Толстой и США*. С. 884). Отвечая своему корреспонденту, Толстой в письме от 1/14 апреля благодарил его, отмечал высокое качество перевода: «Он передаёт смысл той глубокой мудрости, которая по самой своей глубине не может быть вполне ясно выражена», – добавлял писатель (*там же*. С. 885). Книга Хейсин-

гера сохранилась в ЯПБ.; в ней – множество помет Толстого и его переводы отдельных мыслей Лао-Цзы на русский язык.

Н. И. Бурнашёва

ХИЛКОВ Борис Дмитриевич (1889–1943), князь – старший сын Д. А. Хилкова. Судьба его на протяжении ряда лет находилась в поле зрения Толстого. В письмах к Д. Хилкову 1889–1893 гг. он живо интересовался здоровьем и состоянием малыша, его матери, воспринимая ребёнка как сильнейшую скрепу настоящей христианской семьи. После драматических событий конца 1893 г., отнятия детей (Бориса и Ольги) у Хилковых, Толстой делал всё возможное для возвращения их родителям, одновременно призывая «нести разлуку с детьми покорно и смиренно», в соответствии с учением Христа, повелевающим «подставлять щёку, любить врагов, оставить отца, мать, жену, детей для того, чтобы идти за ним» (67: 194).

Толстые долго держали детей в поле внимания. В мае 1894 г. писатель сообщил Д. Хилкову, что детей окрестили, «но отказано усыновить их» (67: 125). Однако Ю. П. Хилкова получила разрешение на усыновление. В августе того же года Толстой писал Л. Л., М. Л. и Т. Л. Толстым в Москву из Ясной Поляны, что С. А. Толстая «привезла письмо Черткову с карточками Хилковых детей. И вид их всегда меня возмущает», – добавил он (67: 186). В июле 1895 г. Толстой в письме к Д. Хилкову сообщал, что из Петербурга от его матери, Ю. П. Хилковой, вернулась Татьяна Львовна, она видела Бориса и Ольгу и сказала им, что родители «насилием лишены возможности быть с ними и любят их и жалеют» (68: 132). Понимая, что «выручить детей» уже вряд ли удастся, Толстой, утешая отца, писал ему: «...придётся дожидаться того, когда они сами вернутся. <...> А что вернутся они к вам и матери, это навверное, особенно мальчик, судя по тому, как описывали мне его все знающие его» (67: 143). В 1895 г., когда окончательно стало ясно, что все усилия вернуть детей безрезультатны, Толстой вновь напоминал Д. А. Хилкову о необходимости принять испытание «и знать, что выйдет из них <детей. – Л. Ч.> не то, что я хочу, а что Бог хочет...» (68: 84).

После совершеннолетия Борис и Ольга получили возможность общения с родителями и младшими детьми, однако характер этого общения не всегда родителей устраивал. Так, в последний раз Толстому довелось вспомнить о Борисе Хилкове при получении тревожного письма их матери, Ц. В. Винер, сообщавшей о негативном

влиянии «старших брата и сестры» на младшую дочь (78: 358).

Л. К. Чурсина

ХИЛКОВА Юлия Петровна (1837–1916) – адресат Толстого. Мать кн. Д. А. Хилкова. Кн. Хилкова, образованная, благородная, богатая помещица, выделила своему единственному сыну значительную часть имения в Харьковской губ., от чего он, по существу, отказался в пользу крестьян, как отказался и от княжеского титула. Не разделяя его идейных исканий, образа жизни, «отпадения от православия», мать особенно болезненно восприняла его гражданский брак с Ц. В. Винер и отказ крестить родившихся детей. Во время пребывания сына в ссылке в Тифлисской губ. она добилась у Александра III разрешения на то, чтобы отобрать у Д. А. Хилкова и Ц. В. Винер их двух малолетних детей и передать ей для крещения и усыновления. Основывалось прошение на том, что, будучи незаконными и некрещёными, дети утрачивают права на титул и состояние, а в настоящее время получают ненадлежащее воспитание. 21 октября 1893 г. кн. Хилкова, в сопровождении полицейских, явилась в дом, где проживала тогда Ц. В. Хилкова-Винер, отобрала детей и увезла их сначала в имение Павловки Сумского уезда Харьковской губ., а затем в Петербург.

Помимо социальной и конфессиональной подоплёки, в поступке Хилковой была и семейно-психологическая составляющая, о которой написал Толстому сам Д. А. Хилков: «Мы с женой иногда ссорились, <...> моя жена имела привычку всем на меня жаловаться в письмах. Вот от этих писем и пошли сплетни, преувеличения и искажения». До матери дошли слухи о желании Ц. В. Винер уйти от мужа и её плохом обращении с детьми. На основании этих слухов она, по словам Д. А. Хилкова, «выставила себя в Петербурге как спасительница меня и детей от моей жены, которая нехороша» (66: 454).

Хилков, в слабой надежде решить проблему внутри семьи, просил Толстого написать его матери. Писатель воспринял просьбу как нечто «трудное, почти невозможное», однако 5 ноября 1893 г. направил кн. Ю. П. Хилковой почтительное, деликатное письмо. Он просил извинения за вмешательство в такое «мучительное» для всех дело, признался в глубоком уважении и любви к её сыну и обращался к Хилковой именно как к матери, понимающей страдания «матери, разлучённой насильно с детьми». Полагая, что поступок кн. Хилковой имел, возможно, какие-то «особые,

неизвестные причины», Толстой просил сообщить, что вынудило её «поступить так» и какие она предвидит «от этого желательные последствия», высказывал уверенность, что между такими людьми, как она, её сын и его жена, «не может быть не только вражды, но и недоразумения» (66: 424).

Хилкова ответила на обращение Толстого немедленно письмом из имения Павловки. Уточнив, что дети были взяты не у сына, а у Ц. В. Винер, она сразу подчеркнула: «...я искренно и горячо люблю сына; всё, что его огорчает, мне чувствительнее, чем ему». Признав важность причин и обстоятельств, побудивших её к «решительному шагу», писать об этом, однако, она «считала лишним». В возникшей ситуации ей «несказанно жаль» сына, но не потому, что дети у неё: «Придёт время, когда он этому сам будет рад и благодарен, что всё так устроилось» (87: 245). Это письмо Хилковой Толстой счёл не требующим ответа, а, сообщая об этом Д. А. Хилкову, охарактеризовал его так: «Письмо её очень нехорошее: она отказывается сказать причины, по которым она поступила так, и говорит, что она любит вас и делает это для добра» (66: 431).

Старшие дети Хилковых Борис и Ольга жили у своей бабушки в Петербурге, где получили воспитание и образование.

Л. К. Чурсина

ХИС Карл Осипович (Heath; 1826–1900) – знакомый и адресат Толстого; англичанин. Занимал должность воспитателя в Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее; учитель английского языка в семье Александра III и воспитатель Николая II и его братьев. Преподавал английский язык и английскую литературу юному В. Г. Черткову, через которого с Хисом в 1884 г. познакомился Толстой. Русский язык Чертков знал хуже, чем английский, он часто составлял фразу сначала по-английски, а потом переводил её на русский. С Хисом он «сдружился» в юности и оставался в добрых отношениях. Толстому Чертков так характеризовал Хиса: «...это человек замечательно честный и приятный. Он знаток английской литературы, поклонник Шекспира и вместе с тем весьма талантливый акварелист. Характер у него благородный, прямой и замечательно увлекающийся. Всё дурное его возмущает. Всем хорошим он восхищается. Помню, за его уроками мы, бывало, забывали орфографические ошибки и увлекались горячими спорами о самых высших вопросах в течение нескольких часов подряд» (85: 49). Хис помогал Черткову редактировать английский перевод книги Толстого «В чём моя вера?». В письмах к Толстому

Чертков задавал некоторые вопросы, возникающие в связи с переводом, и писал, что Хис как человек свободомыслящий восхищается отношением Толстого к Евангелию, но как «идеалист, художник и поклонник природы» (85: 131) не соглашается с его толкованием Нагорной проповеди, находя в нём многое противным человеческой природе.

В конце 1890-х гг. Толстой принял участие в судьбе нескольких крестьян-молокан из Самарской губ., у которых отняли детей. В письме на имя государя он просил вернуть детей в семьи. Письмо Толстой пытался передать через нескольких своих знакомых, в т. ч. и через Хиса (88: 29).

Лит.: Чарыков Н. В. Карл Осипович Хис // Исторический вестник. 1902, август.

Л. С. Дробат

ХОДНЕВ Алексей Дмитриевич (даты жизни не установлены) – знакомый Толстого, его собеседник и автор воспоминаний о нём. Был женат на Е. В. Краснокутской, внучке Е. Д. Загоскиной – бывшей начальницы женского казанского Родионовского института, в доме которой нередко бывал студент Казанского университета Толстой.

В начале своих воспоминаний Ходнев вкратце пересказывал семейные предания о пребывании семьи Загоскиных в Казани, о знакомстве и тесной дружбе с семьёй Толстых, о дружеских отношениях студента Толстого с дочерьми Загоскиных. Упомянул Ходнев и приезд Толстого в Киев летом 1879 г., обед у Загоскиных, а также то, как дочь Е. Д. Загоскиной, Варвара Николаевна Краснокутская, по просьбе Толстого сопровождала его к схимнику Киево-Печёрской лавры.

Личное знакомство Ходнева с Толстым состоялось в феврале 1883 г. в Москве, в семье его будущей жены. «Это было вечером, – вспоминал он. – К тому времени приехала в Москву [из Киева] Е. Д. Загоскина, и посещения Л. Н. по этой причине участились. Я помню, как однажды он вошёл своей лёгкой поступью и его взгляд, как мне показалось, хотя и ненадолго, задержался на мне, новом лице. Когда меня ему представили, я был захвачен его проницательным взглядом, как бы желавшим сразу же определить, “что это за человек”. Протянув мне с радушным видом руку, он сказал только: “Очень рад”». Играя в винт и имея партнёром Ходнева, писатель продолжал его изучать, частенько поглядывая в его сторону.

В следующее посещение Толстой, по словам Ходнева, дал о нём «очень лестный отзыв», сказав по-французски: «Вы поймали белую ворону». На вопрос молодого

человека, как это понять, – ответил: «Помилуйте, как же: свободный не чиновный человек, работает в своём деле, молодой, здоровый». В тот вечер будущая теща Ходнева, В. Н. Краснокутская, попросила Толстого быть посажёным отцом невесты – её дочери Екатерины. Толстой охотно согласился. В день свадьбы он сопровождал невесту в церковь и всё время убедительно и горячо говорил ей о её будущих обязанностях жены. Позже она рассказывала мужу, что «её даже взяло сомнение, сумеет ли она выполнить всё то, что он вменял ей в обязанность, и, продолжай он ещё немного, она попросила бы увести её обратно домой».

Введя невесту в церковь, Толстой уехал, а после венчания в квартире молодожёнов принял их, как полагалось, с образом. Взяв руку молодой жены и вложив её в ладонь мужа, он сказал: «Любите и берегите». Далее Ходнев описал запомнившийся ему разговор за свадебным столом: «За завтраком жена шутя стала уверять меня, что она первая вступила в церкви на ковёр. Л. Н. сурово остановил её, сказав: “Катя, никогда не пробуйте в вашей совместной жизни быть первой. Между мужем и женой должно быть полное равенство, иначе это может повлечь за собой дурные последствия”. – И он очень много говорил на эту тему».

После свадьбы молодожёны наведались с визитом к Толстым. Внизу у С. А. Толстой они застали «большое общество». Сам Толстой находился у себя наверху, и Ходнев поднялся к нему. Увидев его и узнав, что они приехали оба, писатель сказал: «Пойдемте вниз, хочу видеть Катю». Но среди собравшихся он пробыл недолго и вскоре ушел к себе наверх.

Следующая встреча с писателем произошла в 1894 г., когда к Ходневу приехала двоюродная сестра его жены В. В. Загоскина, вышедшая замуж за В. И. Алексеева, бывшего домашнего учителя детей Толстых, которого Толстой называл «близким другом». Узнав от Алексеева, что он с женой проездом остановился в Москве у Ходневых, Толстой пришёл днём навестить одновременно и Ходневых, и Алексеева, а также познакомиться с его женой. Во время разговора речь зашла о том, что жене Ходнева доктор предписал на зиму уехать на юг. По этому поводу Толстой «стал развивать свой взгляд на болезни вообще и доказывать, что можно обойтись и без лечения, так как наша натура должна перерабатывать болезнь, если же не сможет, то должен наступить естественный конец». Тогда Ходнев спросил: «Если вы, Лев Николаевич, отвергаете необходимость борьбы с болезнью, зачем же вы послали Льва

Львовича на Кан, где он гостит у Бобринских?» В ответ Толстой заметил: «А вы хотите сказать мне, что мы, люди, располагающие материальными средствами, боремся с болезнью, так это другое дело», – и он, как показалось Ходневу, с недовольным видом замолчал. При этом писатель взял под руку Алексеева, и они вдвоём пошли в его комнату, где находились довольно долго. Вернувшись, Алексей обратился к Ходневой: «О чём вы без нас с Верой разговаривали?» Не успела Екатерина Владимировна ответить, как Толстой с улыбкой сказал: «О чём же две женщины могут разговаривать, как только не о тряпках?» И на протесты Ходневой шутливо заметил: «Ну, хорошо, хорошо, Катя, не будем спорить», – и стал прощаться. Алексей и Ходнев пошли его провожать. Когда они, проводив писателя, вернулись, жена Алексева сказала мужу: «Ну, какой твой Лев Николаевич не симпатичный. Спорщик и резонёр». Алексей горячо ей возражал, упрекая супругу в поспешных суждениях.

На следующий день вечером, когда Ходневы и Алексеевы в столовой пили чай, прислуга доложила о приходе графа Толстого. Выйдя в соседнюю комнату, супруги увидели улыбающегося гостя, он шёл им навстречу, потирая озябшие руки: «Я чувствую, что оставил вчера после себя дурное впечатление, и пришёл с повинной».

Усевшись у самовара, Толстой пил чай и, будучи, видимо, в хорошем расположении духа, много говорил, вспоминая прошлые встречи с Алексеевым. Когда Вера Ходнева напомнила ему об его участии в её свадьбе, писатель посмотрел на неё добрым взглядом и шутливо ответил: «Как же, как же, я передал Алексею Дмитриевичу Катю, как добрую лошадку, из полы в полу». Уходя, Толстой в зале увидел современный мраморный бюст женщины под вуалью. Остановившись, полюбовался работой, а затем, махнув рукой, произнёс по-французски, что такие вещи не в его вкусе и, «сказав несколько слов о преимуществе классической культуры, пошёл одеваться».

Последний раз Ходнев виделся с Толстым зимой того же 1894 г. Мемуарист рассказал, как он организовал у себя дома встречу с писателем своего хорошего знакомого директора банка М. С. Нагаткина, об их споре по вопросам богословия, после чего каждый остался при своём мнении.

В конце своих воспоминаний Ходнев заметил, что они написаны на его «почти восьмидесятом году жизни» по просьбам и настояниям друзей и знакомых. Имея возможность часто общаться с Толстым, он в своё время не оценил этого, о чём теперь

крайне сожалел (Ходнев А. Д. Мои встречи с Л. Н. Толстым // *Летописи*. Кн. 12. Т. 2. С. 227–231).

В. Н. Чисников

ХОЛАРЕК Эмиль (Holárek; 1867–1919) – чешский художник-график, работавший в Праге и Мюнхене. Толстой заинтересовался творчеством Холарека благодаря Д. П. Маковицкому, который 31 декабря 1901 г. показал ему альбом рисунков чешского художника «Размышления о катехизисе», только что изданный в Праге (Holárek T. *Réflexions sur le catéchisme*. 50 compositions à la plume. Prague, comp. en 1895, v Praze 1901). В это время Толстой находился в Гаспре, и Маковицкий приезжал к нему из Ялты. Впоследствии Маковицкий подарил такой альбом Толстому (сохранился в *ЯПБ*). Особенно писателю понравился рисунок «Прощание», но и обо всех др. рисунках он отзывался положительно («Замечательный художник», – запись 8 января 1905 г.; *ЯПЗ*. 1. С. 128). В 1906 г. в Англии в Крайсчерче В. Г. Чертковым был издан альбом «Война» с рисунками Холарека; его напечатало издательство «Свободное слово» на русском и английском языках. 24 июля 1906 г. Маковицкий записал: «Владимир Григорьевич показывал Л. Н. эскизы нового цикла Холарека. Л. Н.: “Как он хорошо рисует, ах, как хорошо!” – Над картиной “Утешитель” от души смеялся. О картине “Война” разговаривал с Чертковым...» (*ЯПЗ*. 2. С. 186).

Рисунки художника, среди которых «Киново наследство», «Жертвы Молоха», «Красный крест», «Христиане», «Призыв запаса», «Коса смерти», то аллегорически, то трогательно реалистично показывали многоликую суть войны и её последствия для правителей и для простых людей. Помимо работ художника в альбом вошли тексты разных авторов на антивоенную тему, в т. ч. и отрывки из произведений Толстого «Одумайтесь!», «Христианство и патриотизм», «Царство Божие внутри вас».

Высоко оценивая творчество Холарека, Толстой, однако, считал, что выпуск альбома «Война» не мог иметь серьёзного массового воздействия, «бесполезен», поскольку военный дух держится на внушении, которое «может быть разрушено только обратным внушением или религиозным чувством» (*ЯПЗ*. 2. С. 204). По мнению Толстого, не могло это издание найти понимание у народа и по той причине, что «у народа есть своё искусство, своя философия, своя религия» (*ЯПЗ*. 1. С. 298).

А. А. Аленина

ХОЛЕВИНСКАЯ Мария Михайловна (1858–1920) – единомышленница Толстого; земский врач Крапивенского уезда до 1884 г., позже работала в Туле. В 1884 г. Холевинская познакомилась с Толстым, часто бывала в Ясной Поляне, подружилась с дочерьми писателя. Уже не совсем молодая, с плохим здоровьем, нервная и «в высшей степени почтенная по своим душевным качествам» (69: 84), она «страстно» занималась воскресной школой и устройством приюта для подкидышей. По просьбе Татьяны Львовны, старшей дочери писателя, она передала рабочему тульской фабрики Тепловых И. П. Новикову запрещённую книгу Толстого «В чём моя вера?». Ночью 27 ноября 1893 г. Холевинская была арестована, отправлена в Киев, у неё отняли детей. Просидев два месяца в одиночной камере, по ходатайству Толстого и благодаря поддержке А. Ф. Кони в январе 1894 г. она была освобождена, но в феврале 1896 г. её снова арестовали, обвинив в хранении и распространении запрещённых сочинений Толстого. По оговору фельдшерицы она была посажена в тульскую тюрьму. Вскоре заключённую выслали в Астрахань. Толстой направил письма министру юстиции Н. В. Муравьёву и министру внутренних дел И. Л. Горемыкину с просьбой «перенести их преследования» на него, автора (53: 84). Позднее он обратился к А. С. Танееву, дяде композитора С. И. Танеева, главноуправляющему канцелярией ЕИВ, с просьбой защитить Холевинскую от бездумных гонений (письмо не было доставлено). На письма Горемыкину и Муравьёву ответа не последовало. «Ни Горемыкин, ни Муравьёв не были даже настолько учтивы и благовоспитанны, чтобы ответить на письмо графа Толстого, и Муравьёв даже сказал, что Толстого и его семью не тронут, а пусть ему служат наказанием те страдания, которые выносят его последователи – толстовцы» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 442). В июне 1905 г. Холевинская уехала лечиться в Швецию с рекомендательным письмом к доктору медицины Э. Т. Вестерлунду, знаменитому специалисту по туберкулезу. Возвратившись в Россию, она покинула Тулу, и ее дальнейшая судьба неизвестна.

Лит.: Дело Марии Холевинской // Шифман А. И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983. С. 211–221.

Н. А. Никитина

ХОЛЛИСТЕР Алонзо (Hollister Alonzo; 1830–?) – американский адресат и корреспондент Толстого; проповедник, религиозный писатель; шекер.

С конца 1880-х гг. состоял в переписке с Толстым. Присылал ему книги, трактаты, письма. В письме от 23 сентября 1889 г. излагал учение шекеров, в котором одним из главных условий христианской жизни было безбрачие и целомудрие. Толстому интересны были взгляды его новых друзей из Америки, в т. ч. и на брак, в связи с работой над «Крейцеровой сонатой». Холлистеру Толстой был благодарен за присланные материалы: «Я думаю, что идеалом христианина всегда было и должно быть полное целомудрие, и очень ценю ваши книги на эту тему» (64: 320).

Мыслями о браке Толстой делился со своим единомышленником и другом В. Г. Чертковым: «На днях получил письма и брошюры от шекеров из Америки. Знаете ли вы их ученье? В особенности против брака, т. е. не против брака, а за идеал чистоты сверх брака. Это вопрос, который занимает меня и именно как вопрос. Я не согласен с решением шекеров, но не могу не признать, что их решение много разумнее нашего принятого всеми брака» (10 апреля 1889 г. – 86: 224).

Разделяя исповедуемую шекерами христианскую религию, Толстой, принимал образ жизни шекеров и то, что шекеры всегда говорят правду и ожидают этого от др. Поэтому Толстой прямо называл вещи, с которыми не мог согласиться в их учении: «...вы верите в две вещи, в которые я никогда не смогу уверовать и в которые вам не следовало бы верить: во-первых, в *святость* всей Библии, включая Ветхий Завет и послания и откровения матери Анны <Анна Ли, руководительница шекеров. – Е. III>, и, во-вторых, в воплощение духов. Истинное откровение Божие содержится лишь в словах Иисуса, которые приведены в евангелиях, и только они могут руководить нами. Нет других духов, кроме нашего духа, который всегда борется с материей <...>. Всякое проявление духов без материи есть обман» (64: 321).

Несмотря на разногласия по многим вопросам, Толстой радовался письмам шекеров, их «прекрасным рассуждениям» (51: 71), а также тому, что сам мог откровенно выражать свои мысли, и это не уменьшало доброго расположения корреспондентов друг к другу.

Е. Г. Шестакова

ХРУСТАЛЁВ Егор Дмитриевич (даты жизни не установлены) – управляющий Ясной Поляны после А. И. Соболева, уволенного за пьянство и воровство. Из станицы Старогладковской 28 марта 1852 г. Толстой писал брату С. Н. Толстому: «Я

недавно писал к Валерьяну <В. П. Толстой в отсутствие Толстого наблюдал за его имением. – Н. Б.> <...> и умолял его поверить Андрея Ильича, который бессовестно меня грабит. Ежели бы ты взялся за это, написал бы мне, что ты согласен, я бы с первой почтой выслал тебе доверенность, по которой ты бы удалил Андрея, принял бы хозяйство на себя, назначил бы в Ясную другого приказчика или бурмистра...» (ПТСБ. С. 104). В письме к Толстому от 24 апреля В. П. Толстой подтверждал, что хозяйство Ясной Поляны в плачевном состоянии и потому, что он «весьма плохой и неопытный хозяин», и потому, что управляющий А. И. Соболев «горький пьяница», а староста О. И. Зябрев «дурак набитый». В августе 1852 г. на место управляющего был взят Е. Д. Хрусталёв. 7 октября 1852 г. Толстой записал в дневнике: «Получил письмо от нового управляющего. Расходы огромные, пчёл продали, запашка неудовлетворительная. О главном мне и не пишут, и я не знаю. Ежели бы я мог быть там! и спокоен. Дорого плачу я за свои увлечения» (46: 144). Через день Толстой «написал письмо Валерьяну и новому управляющему» (там же) и 29 ноября «получил письмо из Ясной» (46: 150). Тем временем наблюдение за Ясной Поляной взял на себя С. Н. Толстой. 18 мая 1853 г. он писал брату: «Ты знаешь, что я принял в управление Ясную Поляну во время отъезда Валерьяна, это уже я сам назвался. <...> Летом, т. е. в рабочую пору, оставить деревню на руках у человека, Егора Дмитриевича, которого ещё никто хорошенько не знает, опасно» (ПТСБ. С. 143).

3 июля 1853 г. Толстой «получил письмо от Николиньки и управляющего» (46: 166). 2 сентября он писал в Ясную Поляну управляющему: «Нынче писал домой, чтобы прислали денег» (46: 174).

Письма Толстого к управляющему Хрусталёву не сохранились.

Н. И. Бурнашёва

ХУДЯКОВ Иван Александрович (1842–1876) – русский этнограф, фольклорист. В свои 20 лет он был уже автором трёх сборников: русских народных песен (1860), сказок (1860–1862), загадок (1861).

Совсем юный, Худяков вступил на путь революционной борьбы. С 1865 г. он руководитель петербургского филиала так называемого кружка ишутинцев (от фамилии организатора кружка Н. А. Ишутина), среди членов этого кружка Худяков выделялся своим интеллектом: ещё молодой человек, он уже подавал большие надежды как талантливый этнограф и исследователь народного быта и фольклора. В 1866 г. по делу

Д. В. Каракозова сослан на вечное поселение в г. Верхоянск. Умер в иркутской больнице в состоянии душевного расстройства. Автор воспоминаний «Записки каракозовца».

Толстой не был лично знаком с Худяковым, но хорошо знал его сборники: «Великорусские сказки». Три выпуска. М., 1860–1863. В яснополянской школе сказки Худякова были основным материалом, по которому деревенские ребята учились читать. «С самого основания школы» «ученики читали только то, что могли понимать: собственные сочинения, слова и фразы, писанные мелом на стенах, потом сказки Худякова и Афанасьева» (8: 52). Хорошо изучив современную учебную и методическую литературу, Толстой был уверен, что «книг, понятных для крестьянских детей, только есть две: сказки Худякова и Афанасьева» (8: 54). Эти сказки, сборники былин и песен детям были доступны, это были «единственные книги, понятные и занимательные для всех детей, и единственные книги, написанные понятным языком» (8: 261). В яснополянской школе все учителя, обучавшие детей чтению, отмечали в своих записях, что сказки Худякова учащиеся рассказывают «без затруднения» (8: 456).

Некоторые сюжеты и материалы для своей «Азбуки» писатель почерпнул из книг И. А. Худякова. Так, сказка Толстого «Липунюшка», народная сказка, была взята из сборника Худякова «Великорусские сказки» (вып. II, М., 1861, с. 104–105). Толстой сократил и стилистически переработал текст сказки: сохранились гранки с его авторской правкой.

Н. И. Бурнашёва

ХЭЙГ Александр (Хег; Haig; 1853–?) – корреспондент и адресат Толстого; английский врач, доктор медицины Оксфордского университета. В 1902 г. Хейг при письме от 11 октября (н. ст.) прислал Толстому несколько своих книг (в ЯПб сохранилось 11 книг) и выражал сочувствие взглядам писателя. На конверте пометка М. Л. Оболенской: «Л. Н. ответил». Письмо Толстого не найдено (73: 359). Так завязалась переписка.

25 июня (н. ст.) 1904 г. Хейг направил Толстому письмо, извещая его о посылке ему своей новой книги. Писатель отвечал, что книгу получил и «часть её прочёл с большим интересом». Он полагал, «что хорошо бы перевести её на русский язык». Толстой «рад был узнать», что Хейг «интересуется религиозными вопросами». «Это создаёт новую связь между вами и мною», – писал он (75: 131). Имя Хэйга часто упоминалось в Ясной Поляне. Толстой читал его

книги и старался следовать его рекомендациям. 19 декабря 1904 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Потом Л. Н. говорил о мнении Хэйга, что мясо и légumineux <бобовые – *фр.*> – бобы, горох, чечевицу – не следует употреблять, т. к. они создают вредную мочевую кислоту. Рассказал содержание его статьи <«Life and Food». L., 1903.>, передав существенное, как он это умеет. Читал многие из его сочинений (они находятся в библиотеке); он в переписке с Хэйгом и придерживается его советов» (ЯПЗ. 1. С. 103).

Ровно через месяц в тетради Маковицкого появилась запись: «Л. Н. нравилась статья Александра Хэйга, книгу которого о питании постоянно вспоминает и сам её придерживается: “The True Cause of Physical Degenerations” by Dr. Al. Haig» (ЯПЗ. 1. С. 140). 14 февраля 1905, обращаясь к Маковицкому: «Хэйг мне написал и прислал свои книги <...>. Пишет мне, что его теория и вегетарианство распространяются в Англии. Я не доживу, но вы, быть может, доживёте: через сорок лет люди, по крайней мере, нашего, образованного круга, не будут есть мяса. Вегетарианство ведь появилось не сразу, но оно развивается. Оно началось на моей памяти, 20 лет тому назад. Как на него все нападали: говорили, что человек сотворён не травоядным, а мясоядным; такие уж у него зубы, кишки. Теперь бросили это; даже врачи, как Хэйг, доказывают естественность питания без мяса» (ЯПЗ. 1. С. 174).

Прислушиваясь к советам доктора, Толстой всё же не всегда с ним соглашался: «Haig мне написал и послал брошюры, – говорил он 2 марта 1905 г. – Хотелось бы мне ответить ему, но есть нехорошие вещи в его сочинениях. Он думает, что надо воспитать здоровую, крепкую породу людей. Какое это заблуждение: mens sana in corpore sano <здоровый дух в здоровом теле – *лат.*>» (ЯПЗ. 1. С. 198). Через несколько дней он в письме благодарил Хэйга за присылку книг. «Мне особенно нравится “Troth’s strength and freedom” и “Parting of the ways and some fragments” <обе книги сохранились в ЯПБ. – Н. Б.>. Редкость – встретить представителя науки и медицины с религиозным и духовным взглядом на жизнь, и потому я радуюсь, находя такой взгляд выраженным во всех ваших сочинениях» (7/20 марта 1905 г. – 75: 232).

В самом начале мая 1906 г. Толстой «с почтой получил книгу: Haig. “Uric Acid. An Epitome of the Subject”. Л. Н. заговорил о Хэйге, что он вегетарианец, враг яиц и стручковых: бобов, чечевицы. Свои основные положения он строит на научных и нравственных доводах. “Я говорил о нём Щуровскому, – сказал Л. Н., – он его утверждениям придавал мало значения. Я на себе нахожу подтверждение их”» (3 мая; ЯПЗ. 2. С. 129). Редко прислушиваясь к мнениям врачей, Толстой верил англичанину. «Л. Н. спросил про Хэйга, что нового в его новой книге, есть ли где резюме и сказал: “Я перестану пить чай и кофе”. – Вспомнил какого-то француза: его утверждение, что кофе даёт иллюзию энергии. Правда, человек, выпивший кофе, пишет, пишет, может много быстро сочинять, а всё ни к чему», – записал Маковицкий 11 мая 1906 г. (ЯПЗ. 2. С. 137). «После разговора о Хэйге Л. Н. и я перестали пить чай», – добавил он (*там же*. С. 138).

4 июня 1906 г. в тетради Маковицкого появилась запись: «Л. Н. за завтраком: “Я огорчу Душана Петровича на всю его жизнь. Я хотел есть картошку. А он её съел. Я, по Хэйгу, перестал есть яйца, и мне хорошо. В последние дни могу немного работать”» (ЯПЗ. 2. С. 155). Толстой продолжал питаться «по Хэйгу», что отмечал доктор Маковицкий. «Л. Н. в последнее время под влиянием Хэйга перестал пить молоко и есть яйца. Утром пьёт горячую воду с хлебом и маслом. Л. Н. часто не завтракает, даже чаще, чем завтракает, а иногда сядет к столу и поест, что остаётся холодное, не дожидаясь, пока согреют» (17 июня 1906 г.; ЯПЗ. 2. С. 168); «Л. Н. получил письмо от Хэйга (Haig) с советами, из которых ему нравятся как натуральные: есть только, когда хочется, и ограничиться двумя герас <приёмами пищи – *фр.*>; пить меньше жидкостей, 30 унций в сутки (около пяти стаканов), что Л. Н. как раз и делает. Хочет попробовать по его указаниям есть и пить» (7 ноября 1908 г.; ЯПЗ. 3. С. 244).

13 июля 1910 г. Толстой получил книгу Хэйга «Uric Acid. In the Clinic» с дарственной надписью автора: «С наилучшими пожеланиями Льву Толстому от одного из тех, кто обязан ему тем, что в его учении приобрёл единственное знание, ради которого стоит жить» (ЯПЗ. 4. С. 299).

Н. И. Бурнашёва



ЦЕБРИКОВА Мария Константиновна (1835–1917) – писательница, литературный критик, публицист. Племянница декабриста Н. Р. Цебрикова. Начала печататься в 1866 г. в журнале «Детский сад»; позднее стала его редактором и издателем, журнал был переименован в «Воспитание и обучение». Сотрудничала с журналом «Отечественные записки», с издательством «Посредник». Занимала видное место в оппозиционной русской журналистике народного толка; автор статей о проблемах педагогики, о женском вопросе, статей на литературные и общественные темы. Писала книги для народного чтения и бескорыстно предоставила право «Посреднику» бесплатно перепечатывать и даже переделывать её произведения. Многие её сочинения печатались даже без имени автора.

В 1890 г. за публикацию в Париже «Открытого письма Александру III» и брошюры «Каторга и ссылка» была арестована, позднее выслана из столиц и остаток жизни провела в провинции под полицейским надзором. Рукописные копии смелого, обличительного письма царю ходили по рукам.

Толстой неоднократно в письмах упоминал Цебрикову и её сочинения: «Жервеза. Рассказ из жизни рабочего люда» (по Э. Золя), «Сказка про трёх мужиков и бабу ведунью» – по поводу сказки Толстой писал издателям «Посредника»: «Она не годится, но интересна как программа» (85: 180).

Т. А. Алпатова

ЦЕРТЕЛЕВ Дмитрий Николаевич (1852–1911), князь – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; философ, поэт, переводчик, критик, общественный деятель. Не раз бывал в Ясной Поляне.

Закончив юридический факультет Московского университета, он слушал лекции в университете Лейпцига, там же получил степень доктора философии за труд на немецком языке «О теории познания Шопенгауэра». Будучи последователем Шопенгауэра и Гартмана, создал свои важнейшие философские работы «Философия Шопенгауэра. Ч. I. Теория познания и метафизика» (СПб., 1880), «Современный пессимизм в Германии, очерк нравственной философии Шопенгауэра и Гартмана» (М., 1885), «Эстетика Шопенгауэра» (СПб., 1888). В 1883 и 1892 гг. Цертелев издал сборники своих стихотворений; в 1891 г. вышел его перевод «Фауста» И.-В. Гёте (часть первая). Он сотрудничал в изданиях «Русский вестник», «Московские ведомости», «Дело», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. Основал литературно-политический и научный журнал «Русское обозрение» и был его редактором в 1890–1892 гг.

Учению Толстого Цертелев, «противник его взглядов» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 172), посвятил книгу «Нравственная философия гр. Л. Н. Толстого» (М., 1889), которую прислал писателю вместе с письмом от 12 октября 1889 г. Толстого-писателя Цертелев оценивал как одного из самых объективных художников, а Толстого-моралиста причислял к самым «субъективным мыслителям». Силу впечатления от учения Толстого Цертелев объяснял «той искренностью и той художественной правдой, с которой высказываются графом Л. Н. Толстым простейшие нравственные истины» (с. 6). В религии для Толстого, как писал Цертелев, «на первом плане стоит не догматическая, а преимущественно практически нравственная её сторона» (с. 15). Опираясь на практическое

нравственное учение, Толстой хочет заменить «дела общественные» христианской любовью, говорит о задачах науки, судит о собственности, о законе разделения труда, о физическом труде, об искусстве. По мысли Цертелёва, об этих сторонах человеческой жизни и деятельности нельзя судить только с позиции нравственного значения. В художественном творчестве Толстого Цертелёв усматривал противоречие с его нравственной философией: «Только с точки зрения узкого материализма можно последовательно провести тот взгляд на науку и искусство, который пытается отстаивать в своих последних статьях граф Толстой, но “Война и мир” или “Анна Каренина” навсегда останутся достаточным опровержением его теории» (с. 140).

Будучи редактором журнала «Русское обозрение», Цертелёв неоднократно помещал материалы, касающиеся творчества и общественной деятельности Толстого. В 1890 г. журнал напечатал его статью «Учение графа Л. Н. Толстого о жизни». Рассматривая учение Толстого в соотношении со взглядами Шопенгауэра и Спинозы, Цертелёв подчёркивал, что поставленные в книге «О жизни» вопросы, оставаясь «на почве практической нравственности», «не только не разрешены, но и не разрешимы» (т. 4, июль. С. 279). В 1891 г. в журнале горячо обсуждался вопрос о значении частной благотворительности в связи с разразившимся голодом. В разделе «Современная летопись» Цертелёв поместил выдержки из писем Толстого по поводу голода и сбора пожертвований: позиция редакции журнала расходилась с мнением писателя. В этом же выпуске обсуждалось появление 13 тома сочинений Толстого. Редакция так формулировала своё отношение к его творчеству: «Мы далеко не разделяем религиозных и философских взглядов графа Л. Н. Толстого, но если, несмотря на многие внутренние противоречия и на противоречие с несомненными фактами, взгляды эти оказывают глубокое влияние на общество, сказывающееся в возрастании любви к ближнему, составляющей основание всякой нравственности, мы не можем не признать его благотворным» (№ 5, сентябрь. С. 367).

В мартовской книжке журнала за 1892 г. редакция «Русского обозрения» заняла жёсткую позицию в полемике с «Московскими ведомостями», где были опубликованы выдержки из высказываний и статей Толстого в связи с вопросами благотворительности и писатель был обвинён в революционной пропаганде. «Русское обозрение» с полным уважением отзывалось о деятельности Тол-

стого и его семьи в помощи голодающим: «Конечно, граф Толстой преимущественно художник, а не публицист и не общественный деятель; но каким образом “Московские ведомости” объясняют себе тот факт, что несчастный, по словам их, старик, находящийся в состоянии умственного и нравственного распада, опустившийся до мирозерцания малограмотных анархических листков и брошюр, мог, однако, не только руководить устройством 172 народных столовых, где кормится в настоящее время около 10 000 человек, но и написать статью об этих столовых, которая стала простейшим руководством для их устройства, как частными лицами, так и официальными учреждениями» (с. 359).

В 1898 г. Цертелёв издал книжку «Вопросы искусства. По поводу последней статьи графа Л. Н. Толстого», посвященную эстетическим воззрениям Толстого и его трактату «Что такое искусство?». Наряду с возражениями Толстому Цертелёв соглашался с писателем в оценке современного искусства, где также видел много «подделок под искусство». Эта работа Цертелёва была переиздана под заглавием «Теория искусства графа Л. Н. Толстого» (СПб., 1899).

И. Ю. Матвеева

ЦИБУЛЬСКИЙ Даниил Никодимович (1877 – не ранее 1908) – знакомый, адресат и корреспондент Толстого; грамотный крестьянин-самоучка из села Дзенгеловки Уманского уезда Киевской губ.; сектант-штундист. В 1898 г. Цибульский отказался от воинской службы по религиозным убеждениям, за что 1 сентября был арестован, 12 сентября освобождён под надзор полиции, 16 января 1899 г. вновь взят под стражу и 8 февраля осуждён на 4-летнее тюремное заключение. Писал Толстому из тюрьмы; известны два ответных письма Толстого, в которых он разъяснял крестьянину, что «дело в этой жизни всякого человека только в том, чтобы увеличивать в себе любовь к людям», что «во всех других делах человек может встречать препятствия, только в этом деле препятствия не может быть, и человек может и в болезнях, и в нужде, и в заключении очищать своё сердце от всякого зла и этим самым увеличивать в себе любовь» (72: 512). Писатель оказывал материальную поддержку ему и его семье, посылал в тюрьму книги (в декабре 1900 г. направил посылку с 25 книгами). Цибульский нередко сам просил денег у Толстого. В 1901 г. на просьбу Цибульского ответил 22 февраля С. Л. Толстой и препроводил 25 руб. На основании приходно-расходных записей записной книжки 18 марта Толстой

отправил Цибульскому 73 руб. (54: 241). Своё сочувствие Цибульскому Толстой выражал в письмах к В. Г. Черткову и С. П. Чижову. Несколько писем Цибульского к Толстому стараниями В. Г. Черткова в 1901 г. были опубликованы в Англии в «Листках Свободного слова» и в журнале «Свободная мысль». Цибульский исповедовал свободно-религиозное мировоззрение, и летом 1908 г. примкнул к секте адвентистов седьмого дня, о чём сообщил Толстому.

А. В. Шмелёва

ЦУРИКОВ Александр Александрович (1850–1912) – знакомый Толстых; помещик Чернского уезда; посетитель Ясной Поляны; сосед по имению и приятель С. Л. и И. Л. Толстых; юрист, служил членом Тульского окружного суда; мировой судья, позднее член Московской судебной палаты по гражданскому отделению. Давал Толстому материал для описания судебных сцен в романе «Воскресение».

Цуриков – «человек с оригинальным мировоззрением – православный, либеральный и народник. Отец им заинтересовался», – писал С. Л. Толстой в примечаниях к своим воспоминаниям (*Очерки былого*). В дневнике самого Толстого запись 2 марта 1891 г., что был «Цуриков. Умный и симпатичный человек» (52: 15). А уже на следующий день: «Ходил гулять. Сыновья тут и Цуриков. И скучно» (52: 16). Той же весной Цуриков снова побывал в Ясной Поляне. 18 апреля Толстой записал впечатления от разговора с ним: «4) Разговаривал с Цуриковым о вере. Он повторяет ужасную фразу о том, что разуму нельзя доверять. Не верить разуму – всё равно что не верить обонянию и вкусу для пищи. Тот, кто, преподавая учение, говорит: принимайте его, не доверяя разуму, – делает то же, что говорит баба, подавая гнилой квас, говоря: не раскушивайте, т. е. не нюхивайтесь, не поверяйте вкусом. Разум, нужный на всё, на проверку всех житейских дел, и который мы старательно употребляем для проверки качества, количества покупаемого, продаваемого, самых неважных вещей, вдруг оставить, когда дело идёт о всей жизни – по их понятиям даже и вечной жизни! Требование не доверять разуму может быть заявлено только теми, которые предлагают что-либо дурное, долженствующее быть отвергнуто разумом; так же как только квас гнилой баба советует не раскушивать. 5) Разум церковниками употребляется не на то, чтобы познавать истину, а чтобы то, что хочется считать истиной, выдать за таковую» (52: 28).

3 ноября 1893 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Мы живём в Ясной одни с Машей,

и мне так хорошо, так тихо, так радостно скучно, что не хотелось бы изменять...» (*ЛСПТС*. 2. С. 937). В эти дни в Ясную Поляну приехал Цуриков; свои впечатления от визита он отразил в дневнике: «Накормили ужасающим обедом из овсянки. Слава Богу, хоть каша гречневая была с маслом, а то хоть волком вой. Нет, без графини туда ездить опасно. Умрёшь с голоду. Читал многое из его произведений в рукописи. Очень сильно, ещё более ярко и очень односторонне. Протест против мирных празднеств во Франции по поводу приезда наших моряков очень тоже резок, но и остроумен. Должен очень понравиться в Германии и Англии. Вечером после обеда он очень оживился, много говорил горячо, сильно, но мягко. С ним спорить нельзя, он подавляет не столько мышлением, сколько своеобразным красноречием, которое неотразимо, как гипноз. Соединение при этом страшного яда с детской иногда наивностью» (*Записки отдела рукописей ГБЛ*. Вып. 39. М., 1978. С. 163).

Цуриков бывал у Толстых и в московском доме в Хамовниках. В конце января 1898 г. он записал в дневнике: «Вечер провёл у Толстого в очень оригинальном и разнообразном обществе: профессор Грот, Боборыкин, Дитрихс, какой-то матрос <Л. А. Сулержицкий. – Н. Б.>, какой-то причастный к печати человек <И. И. Горбунов-Посадов. – Н. Б.> <...> Очень был мил и ласков старик, расспрашивал о детях, об успехах их и много одобрял, а главное, что не отдаю в учебные заведения» (*там же*. С. 165).

В конце мая 1898 г. Толстой посетил имение Цурикова Огничное, чтобы оттуда проехать в ближайшие деревни и посмотреть, как «наилучшим образом» (84: 322) распределить деньги, поступающие к нему для помощи голодающим крестьянам. Во время этой поездки, как записал в дневнике Цуриков, говорили о биографии братьев Киреевских, о старчестве, о Паисии Величковском, об Амвросии оптинском, о Ювеналии Половцеве, о Леониде Кавелине... В эти дни Толстой, видимо, вернулся к мысли о продолжении работы над повестью «Отец Сергей». В той же дневниковой записи Цуриков отметил, что Толстой «рассказывал массу интересного и об лошадях и об собаках, так живо, так тонко, умно. Смотрел лошадей на выводке. Ох, и знаток же он! Говорил о профессорах, о марксизме, о русских либералах, и всё с таким юмором... Говорит, что народ образованней нашей интеллигенции, что ни один профессор столько не знает, сколько простой мужик, что вся их наука сводится к тому, чтобы дать самому простому явлению громкое

и непонятное название и больше ничего» (*Записки ГБЛ*. Вып. 39. С. 167).

В том же году Цуриков был приглашён к Толстому, чтобы «проверить, насколько верно описан суд над Катюшей Масловой, и поправить, что не верно». Утром 25 октября он приехал в Ясную Поляну и позднее в дневнике рассказал: «Прямо принялся за чтение черновиков повести “Воскресение”. Старик всё подходил, смотрел, где я читаю, какое место. Просил прямо в тексте делать поправки, подчёркивать и надписывать. Крупные ошибки в статье закона: обвинение должно быть по 4 и 5 пунктам 1453 статьи Уложения, вопросы по этим признакам преступления, а у него отдельно кража денег и отдельно отравление и в обвинительном акте, и в вопросах присяжным, и в их прениях в совещательной комнате, и в их ответах. Пришлось переделать. Наказание Катюше осталось то же: 4–6 лет каторжных работ. Нелогичность приговора осталась та же, т. е. отвергли 4 пункт 1453 статьи и по ошибке признали 5 пункт. Кассационные поводы те же. Всё остальное так, как прежде. Одежду арестантки пришлось изменить. Светлую заутреню – также. Слова церковных песнопений неточно были переданы, как например, «Радуйтесь людие» вместо «Людие веселитесь» и т. д. Третьей части ещё не читал и обещал вернуться в Ясную на этих днях, дочесть и напи-

сать обвинительный акт. Ужасно страшно, и робость берёт так относиться к тексту, написанному рукой самого Толстого. Он всё подходил и смотрел, как и что. Просил без стеснения зачёркивать и надписывать. Я было хотел на отдельном листе писать заметки, а он просил прямо в тексте. Надо было некоторые места вычеркнуть, как например, что председатель на другой день не разъяснил присяжным их обязанностей. (Между тем как этот закон обнародован в 90-х годах, а дело слушается в 80-х и т. п. подробности.) Очень был ласков и любобен. Много рассказывал, много спорил, так и сыпал ослепительными молниями» (*цит. по: Очерки былого. 1898–1899 годы*).

«1 ноября Цуриков опять был в Ясной Поляне и, как он пишет в своём дневнике, переделал всю десятую главу “Воскресения”. На другой день утром прочёл Льву Николаевичу. Он весьма одобрил и отдал в переписку набело, а там на ремингтоне, и глава пошла в печать» (*там же*).

В последние годы жизни Толстого Цуриков по-прежнему нередко бывал в Ясной Поляне.

Лит.: Встречи с Л. Н. Толстым: (Из огнишенского дневника Цуриковых) / Публ. А. Б. Сидоровой // *Записки отдела рукописей* / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1978. Вып. 39. С. 154–171.

Н. И. Бурнашёва

Ч

ЧААДАЕВ Пётр Яковлевич (1794–1856) – русский философ, публицист; дальний родственник Толстого (родословная Толстого пересекается с родословной Чаадаевых).

С основными произведениями Чаадаева, «Философическими письмами» и «Апологией сумасшедшего», Толстой познакомился лишь в 1906 г. Книги Чаадаева, изданные в Казани в 1906 г., были переданы Толстому А. С. Бутурлиным и хранятся в *ЯПБ*. Позднее знакомство Толстого с этими произведениями связано с их крайне сложной издательской судьбой. При жизни Чаадаева в журнале «Телескоп» (1836) было опубликовано только первое «философическое» письмо (всего их восемь), после смерти, с 1856 г. вплоть до начала XX в., труды мыслителя издавались один раз. В 1862 г. вышла в свет на французском языке книга «Избранные сочинения Петра Чаадаева», которая кроме первого письма включала в себя оригинальный французский текст ещё двух философских писем; в сборник была включена и статья «Апология сумасшедшего».

Труды Чаадаева, несущие на себе явный отпечаток влияния эпохи правления Николая I, попали к Толстому с большим опозданием, что существенно сказалось на его восприятии этих произведений. Прочитав их, писатель отметил: «Признаюсь, мне скучно. Это имеет историческое значение. Полемика западника со славянофилами» (*ЯПЗ*. 2. С. 284).

Хронологически знакомству Толстого с сочинениями Чаадаева предшествовало чтение в 1905 г. сделанной В. В. Стасовым небольшой выписки из философского письма, раскрывающей эстетические взгляды мыслителя и его отношение к греческому

искусству. Из этой выписки Толстой понял, что Чаадаев «смотрел так правильно на греческое искусство, потому что был религиозный человек». Толстой посчитал справедливым упрек в материализме, обожествлении физической стороны человеческой природы, сделанный Чаадаевым греческому искусству. Мысль философа о том, что античное искусство – это «апофеоз материи», который способствует возвышению физического начала в человеке в ущерб его нравственной сущности, была во многом созвучна позиции Толстого, считавшего, что истинное искусство должно быть религиозным и несущим в себе нравственную красоту. В письме к Стасову Толстой пояснял, почему он согласен с осуждением античного искусства Чаадаевым, видящим в нём полное отсутствие укоренённости в «недрах морального мира»: только нерелигиозные люди могут верить в то, что «этот наш мир, как мы его познаём, есть истинный, настоящий, действительно существующий так, как мы его видим, и что другого мира никакого нет и не может быть». Только для таких людей, отрицающих религиозную основу бытия, замечал Толстой, «греческое искусство было проявление наибольшей, наилучшей красоты, и потому они не могли не ценить его» (76: 69). Для тех же, кто способен «созерцать незримое» (выражение Чаадаева) вполне очевидно, что истинное искусство предполагает религиозное, духовное содержание.

В 1855 г., за год до смерти, Чаадаев прочитал и высоко оценил рассказ Толстого «Севастополь в мае». Об этом он писал своему знакомому, сенатору А. Я. Булгакову: «А Вас прошу прочитать очаровательную статью в “Современнике” под названием “Ночь в Севастополе”. Вот это добротный

патриотизм, из тех, что действительно делают честь стране, а не загоняют её ещё дальше в тупик, в котором она оказалась» (Чаадаев П. Я. ПСС и избранные письма: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 275).

М. А. Лукацкий

ЧАЙКОВСКИЙ Николай Васильевич (1850–1926) – революционный и политический деятель. Родился в дворянской семье в Вятке. По окончании петербургской гимназии в 1868 г. поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет по специальности химия. В 1869 г. Чайковский стал членом народнического кружка М. А. Натансона – В. М. Александрова, с 1871 г. после расширения состава более известного как кружок «чайковцев».

В начале 1870-х гг. Чайковский сблизился с В. И. Алексеевым и А. К. Маликовым, проповедующими идеи богочеловечества, святости физического труда и непротivления насилием. После разгрома кружка «чайковцев» товарищи эмигрировали в Америку (1874–1875 гг.) и основали земледельческую коммуну, «в состав которой вошли семеро мужчин, пять женщин и трое детей» (Булгаков В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. М., 1970. С. 175). После распада коммуны Чайковский возвратился в Европу (1879 г.). Вместе с П. А. Кропоткиным и С. М. Степняком-Кравчинским он стал одним из основателей Фонда Вольной русской прессы в Лондоне, издававшего и отправлявшего в Россию социалистическую литературу.

Толстой лишь по рассказам В. И. Алексеева, учителя его сыновей, знал Чайковского и входил в число его корреспондентов. Чайковский обращался к нему с просьбами о печати в русской прессе своих переводов. В 1880 г. через С. А. Юрьева Чайковский просил Толстогохлопотать об издании перевода статьи А. М. Сулливана «Новая Ирландия» (напечатан в №№ 9–10 «Русской мысли» за 1881 г. без указания фамилии переводчика). В ответном письме 12 июля 1881 г. Толстой сообщал: «Василий Иванович <Алексеев. – А. Ф.> на днях



приезжал к нам <...>. Ему хорошо, и надеюсь, что ему всегда и везде будет хорошо; чего от всей души желаю вам, потому что я по Вас. Ив. знаю и люблю вас». Толстой был готов и в дальнейшем помогать Чайковскому в публикациях и просил: «Пожалуй-

ста, пишите мне, если я могу быть вам в чём полезным» (90: 245).

19 августа 1897 г. В. Г. Чертков обратился к Толстому с просьбой помочь Чайковскому поместить в одном из русских журналов его перевод книги Джона Морлея о Макиавелли. 2 сентября 1897 г. Толстой отвечал Черткову: «Machiavelli я не читал, но вперёд знаю, что J. Morley должно быть хорошо. Прочту или не прочту, я с большим удовольствием порекомендую в «Северный Вестник» или в «Русскую Мысль». <...> Поклонитесь ему <Чайковскому. – А. Ф.> от меня; я его знаю и невольно люблю, как любил его В. И. Алексеев, много мне про него рассказывавший» (88: 49).

С 1899 г. Чайковский – член аграрно-социалистической лиги, влившейся впоследствии в партию эсеров, в 1904–1907 гг. – член партии эсеров. В 1907 г. он вернулся в Россию, подвергся аресту (1907) и суду (1910). По свидетельству Д. П. Маковицкого, Толстой внимательно следил за процессом над Чайковским и неизменно положительно отзывался о его личности. 13 апреля 1908 г., заговорив о Чайковском, заключённом в это время в Петропавловскую крепость, писатель заметил: «Он хороший революционер, не террорист. <...> Василия Ивановича <Алексеева. – А. Ф.> я уважал, и так как он уважал Чайковского, своего друга, то и я его (Чайковского) уважаю» (ЯПЗ. 3. С. 58). 2 декабря 1909 г. в разговоре с П. А. Буланже и И. И. Горбуновым, рассказавшими, что «Чайковского будут судить за принадлежность к социал-революционной партии, Толстой сказал: «Чайковский – это именно один из того типа революционеров, которые бессознательно чисты. Он в душе религиозный человек; сознание в душе несправедливости, которая совершается» (ЯПЗ. 4. С. 121). В семейном кругу 15 декабря Толстой отзывался о Чайковском ещё более определённо: «Чайковский, я его хорошо знаю, необыкновенно добрый человек, отзывчивый, деликатный и совсем не революционер. Человек, который много испытал» (ЯПЗ. 4. С. 132).

В 1907 г. Чайковский вышел из партии эсеров и вернулся к активной политической деятельности лишь после Февральской революции 1917 г.: он член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, гласный Петроградской городской думы. Участник московского Гос. совещания в августе 1917 г., он входил в Президиум Временного Совета Российской Республики. После Октябрьской революции 1917 г. Чайковский – активный противник большевизма, «ставший

одним из вожakov российской контрреволюции» (Булгаков В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. С. 173), член петроградского Комитета Спасения Родины и Революции. В августе 1918 г. участвовал в свержении советской власти в Архангельске, входил в состав временного правительства Северной области. В феврале–марте 1920 г. Чайковский – член Южнорусского правительства при А. И. Деникине. В начале 1920-х гг. уехал за границу. Умер в Лондоне.

А. А. Федотова

ЧЕМОДАНОВ Герман Александрович (1863–?) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого; врач из г. Кунгура Пермской губ. В конце 1890-х гг. приехал с семьей в Ясную Поляну. 23 января 1903 г. был арестован по подозрению в распространении нелегальной литературы и запрещенных произведений Толстого. 27 августа из тюрьмы он писал Толстому о своём тяжёлом душевном состоянии, вызванном тюремной обстановкой и отсутствием сведений о семье. Узнав об аресте доктора Чемоданова, 2 ноября 1903 г. Толстой послал ему письмо и в тот же день обратился к директору департамента полиции А. А. Лопухину, которому писал, что «безосновательно Чемоданов был заключён в тюрьму и содержится в ней. Я знаю доктора Чемоданова за человека самой высокой нравственности и потому всё, что он пишет в письме, безусловно справедливо, – писал Толстой. – ...Жестокое отношение к доктору Чемоданову, я думаю, что произошло от излишнего усердия губернских чинов отдалённого города Кунгура, Пермской губ., и я уверен, что вы, рассмотрев это дело, исправите совершённое над Чемодановым насилие, сделав распоряжение об его освобождении» (74: 228–229). Письмо Чемоданову 2 ноября 1903 г. начиналось словами: «Дорогой друг и брат Герман» (74: 227). Толстой призывал его перенести «посланное» испытание «без ропота и озлобления» (*там же*).

За печатание на гектографе нелегальной литературы Чемоданов был приговорён к ссылке в Сибирь. Оттуда он снова писал Толстому 24 февраля 1904 г., спрашивая совета, стоит ли ему, в случае запрещения «заниматься вольной врачебной практикой», проситься врачом в действующую армию. Толстой отвечал 17 марта 1904 г.: «...просясь врачом в войско, я думаю, что вы поступите нравственно и разумно» (75: 65). Тогда же Толстой направил письмо иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову с просьбой или разрешить Чемоданову «быть врачом в Красноярске, или посодей-

ствовать ему для поступления в действующую армию» (75: 117–118).

1 июня 1904 г., отвечая на письмо Чемоданова (от 1 мая 1904 г.), где тот излагал свои взгляды на службу войскового врача и на вопросы о семье, браке, о половых отношениях, Толстой направил ему ещё одно письмо, в котором разъяснял, что в вопросе половых отношений «руководиться» только одним чувством, отказавшись «от человеческого разума», – это значит «спуститься на степень животного» (75: 115). Как сложилась дальнейшая судьба Чемоданова, не установлено.

Лит.: Лев Николаевич Толстой и кунгурский врач Герман Александрович Чемоданов // Сборник краеведческих материалов / Сост. С. Т. Лапшина. Кунгур, 2005.

Н. И. Бурнашова

ЧЕНЦОВ Николай Вениаминович (1881–?) – посетитель из Подмосковья, учитель села Костина близ станции Болшево (Северной ж/д); корреспондент и адресат Толстого; впоследствии преподаватель средней школы в Москве. Перед призывом в армию обратился к Толстому за советом, «целесообразно ли погубить себя в молодости» или лучше отказаться от воинской службы. 26 сентября 1902 г. Толстой «написал письмо юноше» (54: 317), отвечая на его вопросы о службе в армии, и советовал: «Решить этот вопрос может только ваше сознание. Сознание преступности участия в убийстве может быть так сильно, что вы будете чувствовать невозможность согласиться на такое участие. Если же есть сомнение, колебание, то лучше поступить в солдаты, чем по одному рассуждению отказаться от военной службы и потом раскаяться в своём хорошем поступке. Такое раскаяние хуже всего. Оно извращает всё мировоззрение человека. И потому мой совет: если вы можете поступить на военную службу, поступайте. Отказывайтесь же от военной службы только тогда, когда всем существом своим перед Богом, а не перед людьми, перед которыми вы хотите выказать себя, почувствуете, что вы не можете этого сделать...» (73: 302). Главное же, что постарался писатель внушить юноше, необходимо «выработать в себе такое мировоззрение, такую веру, при которых нельзя бы было делать дурных поступков, в том числе и участвовать в военной службе» (73: 302). Получив это письмо от Толстого, Ченцов поступил, «хотя и с душевными терзаниями» (54: 495), на военную службу; там занимался тайной пропагандой идей Толстого.

16 сентября 1907 г. пришёл к писателю в Ясную Поляну. Толстой дал ему записку к В. Г. Черткову: «Записку эту передаст вам

сейчас пришедший ко мне молодой человек Ченцов. Его заинтересовал “Круг чтения” и, кажется, серьёзно религиозные вопросы. Он просил меня свести его в Москве с людьми нашего понимания. Я направил его к вам. У вас он встретит тех, кого ему нужно» (56: 599).

Весной 1910 г. Ченцов послал в Ясную Поляну своё стихотворение «Пришлец», посвящённое Толстому. В коротком ответном письме Толстой советовал Ченцову «не писать стихотворений» (82: 44).

Н. И. Бурнашёва

ЧЕПЕЛЁВ Всеволод Трофимович (Чипелёв; даты жизни не установлены) – крестьянин из деревни Алексеевки Бузулукского уезда Самарской губ; сектант-молоканин. Один из тех, у кого, по постановлению миссионерского съезда, в апреле 1897 г. отняли детей. Крестьяне обратились к Толстому с просьбой защитить их. 10 мая 1897 г. Толстой написал письмо царю, в котором призывал Николая II прекратить гонения сектантов-молокан и вернуть им детей. Из письма Толстого Николаю II от 10 мая 1897 г.: «Месяц тому назад, 6-го апреля, в Землянке, Бузулукского уезда, в дом крестьянина Чипелёва, молоканина по вере, в 2 часа ночи вошёл урядник с полицейскими и велел будить детей с тем, чтобы увести их от родителей. Ничего не понимающих, испуганных мальчиков – одного 13-ти лет, другого 11-ти лет одели и вывели на двор. Но когда урядник хотел взять 2-хлетнюю девочку, мать схватила дочь и не хотела отдать её. Тогда урядник сказал, что велит связать мать, если она не пустит дочь. Отец уговорил жену отдать ребёнка, потребовав от урядника расписку, в которой было бы объяснено, по чьему распоряжению взяты дети. Вот эта расписка: “1897 года, апреля 6-го дня, во исполнение предписания его высокоблагородия господина бузулукского уездного исправника от 3-го сего апреля за № 2312, полицейский служитель Бузулукской команды Захар Петров от крестьянина села Бобровки Всеволода Чипелева, проживающего в селе Алексеевке, трёх детей: Ивана, Василья и Марью сего числа для представления господину исправнику взяты. <далее подписи. – Н. Б.>”» (70: 72). Крестьяне должны были доставить письмо в Петербург для передачи государю, но, испугавшись преследований, они письмо Толстого уничтожили («Вчера вернулись молокане, бросив моё письмо в навоз. Было досадно». – 53: 146). Вторично письмо к царю было передано через П. А. Буланже и попало по назначению. Но никакой реакции не последовало.

19 сентября 1897 г. Толстой написал новое письмо Николаю II: оно было передано через А. В. Олсуфьева.

Дело затянулось. 25 января 1898 г. Толстой писал в Петербург, где в те дни находилась старшая дочь Т. Л. Толстая, и просил её подключиться к хлопотам молокан. «Таня голубушка. Опять приехали самарские молокане об отобранных детях. Я посылаю их в Петербург. Один – Самошкин, у которого отнят единственный сын, подаёт прошение на высочайшее имя. Я ему написал прошение» (71: 263). (Прошение, написанное Толстым, – 71: 264). В тот же день Толстой писал А. Ф. Кони: «Дорогой Анатолий Фёдорович, податели сего те же молокане, которые 3-й раз едут в Петербург отыскивать суда на разбойников, отнявших у них детей. Научите, что делать? Нельзя оставаться спокойным, когда на ваших глазах совершаются такие злодеяния. Стыдно принадлежать к народу, среди которого возможны такие дела. Самошкину я написал прошение на высочайшее имя, может быть, это будет успешнее Сената» (71: 265). Т. Л. Толстая по делу молокан была на приёме у К. П. Победоносцева (см. ТБС. 2. С. 222–225). О возвращении детей родителям Толстой получил известие в письме молокан от 23 февраля 1898 г.

Н. И. Бурнашёва

ЧЕРЁМУШКИН Борис Филиппович (1821–1895) – богатый купец, торговец зерном в Сергиевском, скупавший хлеб в Ясной Поляне. Бывший крепостной кн. Гагариной. Сергиевское – большое торговое село Крапивинского уезда на шоссе в 42 верстах к югу от Ясной Поляны (ныне г. Плавск). Толстой с молодости поддерживал отношения с Черёмушкиным, который, вероятно, был интересен писателю и как психологический тип. Так, в дневнике 24 февраля 1858 г. записано наблюдение: «Черёмушкин, уверенность по случаю капитала» (48: 8). В конце февраля 1863 г. Толстой продал купцу часть леса, и тот рубил его. В мае 1865 г. в Сергиевском случился пожар. Как раз в этот день Толстой поехал к Черёмушкину и застал самый разгар бедствия. 19 мая он писал жене об этом пожаре и о купце: «Черёмушкин не сторел; за дом от него остановилось. Я застал у его ворот толпу народа пьяного и пьющего водку, которую он им подносил. Пьяных пропасть по всему селу, так что общее зрелище больше гадкое, чем жалкое» (83: 97). Заканчивалось письмо впечатлением от Черёмушкина: «Я устал, но мне хорошо было ехать. Чувствую в себе внимание весёлое ко всему. Черёмушкин как мил – прелесть» (*там же*). Возможно, один

из персонажей «Анны Карениной», купец Рябинин, которому С. А. Облонский продавал лес, был отчасти подсказан Толстому наблюдением за Черёмушкиным, о чём красноречиво напоминает и фамилия Рябинина.

Н. И. Бурнашёва

ЧЕРКАССКИЙ Владимир Александрович (1824–1878), князь – знакомый Толстых; помещик Венёвского уезда Тульской губ. Политический и общественный деятель. По окончании в 1844 г. Московского университета, где изучал русскую историю, Черкасский жил в своём имении в Тульской губ. и в Москве; сблизился со славянофилами; с 1856 г. с публицистическими статьями выступал в «Русской беседе». Человек выдающегося ума и больших знаний, Черкасский славился как оратор и находчивый полемист. В конце 1850-х гг. он был одним из главных деятелей подготовки освобождения крестьян; с 1863 г., после подавления польского восстания, служил в Привислянском крае, в Царстве Польском, затем недолго был московским городским головой, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заведовал гражданской частью в Болгарии, на территориях, освобождаемых от турок русскими войсками.

У Толстого с Черкасским были непростые отношения. Жизнь сводила их в разных обстоятельствах. Одно из первых упоминаний Черкасского в записной книжке 23 сентября 1856 г.: «Князь Черкасский, эманципатор, за то, что его охотники к охоте его величества опоздали, – одного в солдаты, другого порол» (47: 196). 13 января 1857 г. (дневник, Москва): «Поехал в клуб, спорил о Грановском с Черкасским, сухой диалектик» (47: 111). 28 января: «Обед у Черкасского, он хороший человек – полезный» (47: 112).

В конце 1850-х гг. Толстой и Черкасский участвовали в дворянских выборах в Туле. В Тульском губ. комитете Черкасский возглавлял либеральное меньшинство. 4 сентября 1858 г. Толстой писал в дневнике: «Были выборы. Я сделался врагом нашего уезда. Компания Черкасского дрянь такая же, как и их опозиторы, но дрянь с французским языком» (48: 16). В те же дни опять в дневнике: «Был в Туле. Черкасский не глуп, но узенькая головка. Все славянофилы не понимают музыки» (48: 18).

Увлечённый педагогической деятельностью, в начале 1870-х гг. Толстой активно сотрудничал в Комитете по обучению грамотности, пытаясь внедрить свой способ обучения чтению. Здесь Черкасский его поддерживал, что зафиксировал протокол одного из заседаний Комитета, на котором

выступал Толстой: «Кн. Черкасский выражает убеждение о необходимости стремиться к тому, чтобы школа удовлетворяла и подходила ко всем условиям сельского быта, чтобы крестьянин был расположен и сочувственно относился к ученью, чтобы школа вполне удовлетворяла его потребностям, которые совершенно правильно охарактеризованы в докладе гр. Толстого» (17: 606).

В 1877 г. в журнале «Revue des deux mondes» (№ 8) Толстой прочитал статью G. Valbort'a под заглавием «Новое международное право и миссия князя Черкасского» (с. 695–706), в которой автор резко критиковал Черкасского за проводимую им в Болгарии политику. 11 августа того же года Толстой писал Н. Н. Страхову: «Хороша там <в «Revue des deux mondes». – Н. Б.> статья о деятельности Черкасского, специалиста по части отнятия собственности мнимо законными путями. Разве это не палачество! В старину был один Макиавель. Теперь, с лёгкой руки Бисмарка, несправедливость – зло считается самым обычным политическим приёмом» (62: 335).

Узнав о том, что «Московские ведомости» просили А. А. Фета написать стихи на смерть деятеля Крестьянской реформы, славянофила Черкасского (Фет отказался), Толстой писал поэту 25 марта 1878 г.: «Это оттуда Фета *просят* написать стихи на смерть *двигателя*» (62: 401). В этой фразе сказалось всё отношение к Черкасскому.

Н. И. Бурнашёва

ЧЕРНОВ Егор (отчество и даты жизни не установлены) – крестьянин из деревни Ломинцево, что в 18 верстах от Ясной Поляны, солдатский сын; в 1859–1862 гг. учился в яснополянской школе Толстого. Один из лучших учеников; по словам Толстого, «чрезвычайно талантливая натура, ученик Ч., учившийся два года у пономаря и потому обогнавший их всех в чтении; он читает так же, как мы, и потому при постепенном чтении ученики понимают, хотя и немного, только тогда, когда Ч. читает, и вместе с тем каждому из них хочется читать самому» (статья «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» – 8: 56). В дневнике учителя П. В. Морозова нередко появлялись записи об этом ученике. «Писали из русской истории почти все, исключая *Чернова*, который пишет Священную историю Нового завета. Позабыв последовательность в своём рассказе, он просил меня напомнить ему, но я отказал ему в этом. Тогда-то у *Чернова* полились потоки горячих слёз. Сочувствуя его неподдельному горю, я подсказал ему. И дело у него пошло чередом» (8: 461).

Толстой хвалил сочинения мальчика. Судя по записям учителей, у Чернова часто бывали оценки «5+». Иногда ему как лучшему ученику поручали вести урок. И тогда в тетради записей появлялось: «Учитель Чернов» (8: 486).

Егор Чернов принимал участие в издании журнала «Ясная Поляна»: он автор рассказа «Как мой батенька был в солдатах», напечатанного в книжках журнала в марте 1862 г.

Летом 1862 г. Толстой ездил в Самарскую губ. и взял с собой крестьянских мальчиков Василия Морозова и Егора Чернова. «Ребята отличные. Васька прелесть. Чернов плоше», — записал он в дневнике (48: 40).

Н. И. Бурнашёва

ЧЕРТКОВА Елизавета Ивановна (рожд. Чернышёва-Кругликова; 1832–1922) — знакомая Толстого; мать В. Г. Черткова; дочь героя Отечественной войны 1812 г., племянница декабриста Захара Григорьевича Чернышёва и Александры Григорьевны Муравьёвой, жены Никиты Михайловича Муравьёва. Её семья была тесно связана родством с кругом декабристов, хорошо знакома с Н. В. Гоголем, с которым вместе проживала в Риме. Елизавета Черткова рано осиротела. Она была одной из самых известных красавиц Петербурга, с правильными чертами лица, очень высокого роста, величественная, настоящая аристократка. Современники отзывались о ней как о женщине очень строгих нравственных правил, преданной матери и жене. Её муж, Г. И. Чертков (1828–1884), генерал-адъютант при Александре I и Александре III, кавалер всех русских орденов, человек с прямым и независимым характером, тоже принадлежал к высшей петербургской знати. Из трёх их сыновей двое, Григорий и Михаил, умерли в возрасте 17 и 10 лет. Семья Чертковых входила в число самых обеспеченных русских семей, имела 40 тысяч рублей годового дохода, из которых 20 тысяч Елизавета Ивановна ежегодно выделяла на жизнь сыну Владимиру. Муж Е. И. Чертковой завещал состояние ей, а не сыну и наследнику, боясь, что тот раздаст всё крестьянам.

Черткова и её ближайшие родственники обладали большими связями и влиянием при дворе, что позволяло впоследствии значительно смягчать любые правительственные меры, направленные против антигосударственной и антицерковной деятельности Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова. Сама Елизавета Ивановна, будучи очень религиозной, была последовательницей секты евангелистов лорда Г. В. Редстока («редсто-

кистой»). Она же познакомила В. А. Пашкова, мужа своей сестры Александры, с этим известным в аристократических кругах России и Англии проповедником, с которым встретила в Париже, и таким образом содействовала возникновению секты русских евангелистов, так называемых «пашковцев». После смерти двух своих сыновей она отказалась от светской жизни, нашла утешение в религии, начала проповедовать Евангелие, много занималась благотворительностью. В своём воронежском имении Лизиновке, где жила обычно несколько недель осенью, она построила деревенскую школу, устроила приёмный покой для крестьян, там земский врач дважды в неделю принимал больных. В самом имении сохранялись обычаи и обстановка великосветского дома. Вскоре после знакомства с Толстым Чертков писал ему: «...нужно сидеть в креслах, молчать и скучать, смотря, как два лакея во фраках и белых перчатках приносят нам маленькие чашечки кофе» (Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1934. С. 129). Чуть раньше он признавался: «Я везде гость и больше всего в доме своей матери» (*там же*. С. 134). И это при чувствах любви и уважения к убеждениям друг друга, точнее, уважения к стремлению делать в жизни то, что каждый из них двоих считал своим долгом, — только убеждения матери и сына были противоположны.

Толстой, познакомившись с В. Г. Чертковым, характеризовал его как человека «удивительно одноцентричного» с ним (49: 78). Так было до самой кончины писателя, на протяжении более четверти века Чертков оставался его самым преданным единомышленником и последователем. Е. И. Черткова прямо говорила, что взгляды Толстого проникнуты духом антихриста и что Толстой отнял у неё сына. Толстой чувствовал с её стороны враждебное к себе отношение: «Пишу вам и постоянно думаю о вашей матери. Мне почему-то кажется, что она относится ко мне враждебно, <...> мне бы больно было знать, что я ей неприятен» (85: 70). В письмах к Черткову Толстой, неизменно называя её Лизаветой Ивановной, передавал ей «сердечный», «душевный», «почтительный», «дружеский», «любящий» привет.

В 1897 г. Чертков был выслан из России в Англию. Толстой приехал в Петербург проститься с ним и потом написал П. Бирюкову о том тяжёлом чувстве, которое вызвали у него Е. И. Черткова и А. А. Толстая: «Какие мёртвые, недобрые и жалкие! Какая ужасная гордость и оттого осуждение и недоброта. То, что они исповедуют, — несомненная истина, и всякий, кто не покоря-

ется им, тот во лжи и его нельзя любить» (70: 21). Осенью 1900 г. Е. И. Черткова приобрела для сына и его семьи дом в 150 км от Лондона, куда Чертков перевёз типографию (с 1885 г. он издавал за границей запрещённые в России произведения Толстого). Здесь он начал строить специальное хранилище для рукописей Толстого, которое было готово в 1906 г. В том же году ему разрешили вернуться в Россию, семья поселилась в Телятинках, рядом с Ясной Поляной, и Чертков почти ежедневно виделся с Толстым. Мать чувствовала, что её единственный сын всё дальше отходит от неё, писала в Ясную Поляну письма, полные упреков. И в то же время, нежно любя сына и идеализируя его, она однажды написала ему карандашом записку: «Мальчик мой, не хочу, чтобы ты думал, что я не сочувствую твоей внутренней жизни; некоторые вещи могут мне быть, что называется, не по шерсти, но цель моя, как и твоя, в том, чтобы не было вещей не по совести, и потому, как бы ты ни действовал, побуждаемый ею, я буду тебе сочувствовать и просить Бога, чтобы он всегда поддерживал тебя в исполнении каждого долга и чтобы он не допускал, чтобы даже я могла смущать или колебать тебя, когда его воля высказана» (Муратов. С. 58).

Л. С. Дробат

ЧИЖОВ Софрон Павлович (1862–1935) – корреспондент и адресат Толстого; крестьянин из села Кишенцы Уманского уезда Киевской губ. Сектант-штундист; проповедовал среди местного населения и солдат свободно-христианские идеи. За «пропаганду штундизма в войсках» в ноябре 1898 г. был на два года взят под надзор полиции, в июне 1899 г. арестован и выслан в Калишскую губ., где находился около трёх с половиной лет. В июне 1903 г. выслан в Восточную Сибирь под надзор по-

лиции. Крестьянин Д. Н. Цибульский, бывший в ссылке вместе с Чижовым, в письме Толстому рассказывал: «Софрону я очень благодарен, так как он был истинный путеводитель, он много пострадал в здешнем мире. Когда я услышал его учение, то не мог сначала признать его правильным; но когда увидел, как его истязают до смерти три раза и вообще производят всякие пытки, то подумал: для чего он так страдает, если это есть неправда?» (72: 471).

Из ссылки Чижов писал Толстому. Толстой непременно отвечал, посылал ему свои «полезные» книги и деньги, поддерживал морально: «Радуюсь тому, что вы так терпеливо и мужественно несёте постигшие вас гонения» (72: 391); «Помогай вам Бог с той же бодростью и смирением продолжать нести посланное вам гонение» (72: 434). Толстой просил и И. И. Горбунова-Посадова помочь Чижову: «Это человек, ужасно много пострадавший за свои христианские убеждения. Я посылаю ему денег, а вы пошлите ему книг» (74: 250). В письме к И. И. Попову Толстой характеризовал Чижова как «человека искренних и твёрдых христианских убеждений, за которые он перенёс и продолжает нести тяжёлые гонения. Это человек в высшей степени почтенный...» (74: 251). 27 февраля 1904 г. отвечая на письмо Я.Т. Чаги, бывшего народного учителя, отбывавшего ссылку вместе с Чижовым, Толстой просил: «Скажите ему, что я его помню и люблю и всей душой соболезную тем гонениям, которые он так долго уже несёт...» (75: 47).

Лит.: Краткие сведения о жизни штундиста Софрона Чижова, сообщённые им самим // Бонч-Бруевич В. Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. 1. СПб., 1908.

Н. И. Бурнашёва



ШАНКС Мария Яковлевна (Shanks; 1866–?) – знакомая Толстого; английская художница; подруга Т. Л. Сухотиной-Толстой по Школе живописи, ваяния и зодчества; свояченица английского переводчика и биографа Толстого Э. Моода; дочь владельца английской торговой фирмы.

Познакомилась с Толстым через Моода, за которого её сестра Луиза вышла замуж. Шанкс нередко бывала у Толстого, зачастую с подругой Н. А. Иенкен, которую Толстой называл милым другом Маши Шанкс. Подруги понравились писателю, и в своей переписке с Э. Моодом он никогда не забывал Марию Шанкс и Н. А. Иенкен.

Шанкс была человеком образованным, довольно независимым, имела свою жизненную позицию – сама на себя работала, что отец её находил неприличным, поскольку работать для женщины с положением в Англии того времени считалось неприемлемым.

Толстой любил беседы с Шанкс. Говорили о живописи, о книгах, о живших за рубежом духоворах. С удивлением узнал Толстой от Шанкс о падении нравственности некоторых кипрских духоворов под воздействием трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Касаясь образования в Англии, Шанкс полагала, что с тех пор, как появилось всеобщее обучение, англичане стали глупее – «читают пустую "Daily Mail". Что там вычитают, то и повторяют» (ЯПЗ. 4. С. 169).

Известное влияние оказала М. Я. Шанкс и на творчество Толстого. Д. П. Маковицкий утверждал, что именно беседа с ней вызвала ряд суждений в книге Толстого «Путь жизни». Однажды Шанкс рассказала об удивительной американской писательнице Элен Келлер, которая с полутора лет теряла

зрение, слух, голос, но, несмотря на это, получила образование, пишет книги, встречается с общественностью. На одной из таких встреч ей задали вопрос, что такое любовь. Она написала, что это просто, чтобы всех любить. В одном из вариантов к сборнику мыслей «Путь жизни» Толстой писал о том, что у человека, помимо обычного голоса, есть так называемый голос души, который «говорит ему, что, кроме того блага, какое нужно ему для своего отдельного тела, ему нужно благо и для того духа Божия, который живёт и в нём и во всех людях» (45: 506). В главе под названием «Любовь» писатель, размышляя над этим понятием, приходил к тому же выводу, что и американская слепоглухонемая – «любить ближнего значит любить всех людей» (45: 505). Четвёртая глава книги называется «Бог». В ней Толстой говорил о познании человеком Бога. «Бог – это дух, – утверждал писатель. – Мы можем чувствовать его в себе, но определять Бога словами, говорить о том, какой он сам по себе, и глупо и вредно» (*там же*). Американская писательница, о которой рассказала Шанкс, не знала слова «Бог», но, не имея слуха, голоса, зрения, обладала особенной глубиной мысли, чувств и знала понятие этого слова.

В ЯПЗ сохранилась книга: Н. Keller «The Story of my Life. With her letters... (1887–1901)» с надписью: «Дорогому Льву Николаевичу от М. Я. Шанкс и Н. А. Иенкен».

А. А. Аленина

ШАРАПОВА Анна Николаевна (1863–1923) – знакомая, корреспондент и адресат Толстого, сестра П. Н. Бирюковой, жены П. И. Бирюкова. Специалист по эсперанто. Переводила на эсперанто произведения Толстого. В 1920-е гг. преподавала англий-

ский язык в школе-коммуне. Была репрессирована. С Толстым познакомилась в 1892 г. в Бегичевке, где он работал во время голода 1891–1892 гг. вместе с её братом М. Н. Шараповым. В 1893 г. в Бегичевке Шарапова вместе с Толстым оказывала помощь голодающим. В 1907 г. она посетила Ясную Поляну. В одном из писем к Толстому Шарапова поднимала волновавший её вопрос о «будущей жизни», т. е. жизни после смерти. Толстой ответил письмом, разъясняя своё отношение к этой теме (78: 18–19). Судя по дневниковым записям и письмам Толстого, отношение к Шараповой нельзя было назвать простым и однозначным. Так, 5 февраля 1898 г. он записал в дневнике рассказ Е. И. Попова о ней: «Она спокойна только, когда занята ею. Всякое занятие посторонним ей неинтересно. Всякое же занятие другими людьми оскорбляет её. Ей кажется, что она поддерживает жизнь всех близких, что без неё все бы пропали. При малейшем уколе она оскорбляет всех. И через 10 минут забывает и ни малейшего раскаяния». И далее Толстой продолжал: «Это крайняя степень эгоизма и сумасшествия...» (53: 181). Или в письме к С. А. Толстой: «Пишу <...> милая Соня, и надеюсь, что письмо дойдет, так как посылаю его сейчас на Козловку с одолевшей меня очень тяжёлой А. Н. Шараповой <...>. Она занята Esperanto'м и говорит, говорит, не переставая» (84: 378). В то же время в письмах к П. И. Бирюкову Толстой всякий раз передавал тёплые слова в адрес Шараповой. В общении с ней он старался быть сдержанным и доброжелательным, внимательно откликаясь на обращения к нему: «Простите меня, пожалуйста, милая Анна Николаевна, за то, что так долго не отвечал на ваше хорошее письмо <...>. Очень благодарен вам за ваши добрые чувства ко мне. Чем больше стараешься, тем больше дорожишь добрыми отношениями с людьми, особенно с такими, которых уважаешь» (78: 18–19).

Д. В. Литвинов

ШАСЛЕР Макс Александр Фридрих (Schasler; 1819–1903) – немецкий эстетик и философ. Книгой «*Kritische Geschichte der Ästhetik von Plato bis auf die Gegenwart*» (Berlin, 1872. 2 Bde.) («Критическая история эстетики от Платона до наших дней») заслужил репутацию одного из ведущих эстетиков гегелевской школы. В своём сочинении автор описал три стадии органически-диалектического развития эстетического сознания человечества от античных времён до XIX в. Толстому книгу в феврале 1891 г. прислал Н. Н. Страхов. Писатель намеревался использовать «Критическую

историю эстетики» для работы над трактатом «Что такое искусство?» (1897–1898), потому попросил подтвердить её авторитетность: «Можно на неё положиться и ссылаться? – Там есть то, что мне нужно. Но не верится, чтобы можно было в таком важном деле удовлетворяться таким туманом» (ПСПТС. 2. С. 857). Страхов уверил Толстого, что Шаслер «после покойного Фишера, можно сказать, первый эстетик нашего века» (ПСПТС. 2. С. 859).

Толстой в трактате цитировал высказывания Шаслера, взятые из предисловия книги, где он рассуждал по поводу исследований в области эстетики, их характера и способов изложения. Немецкого эстетика одинаково не устраивали как «изящная фразистость без всякого содержания», отличающаяся односторонней поверхностностью, так и «отталкивающая неуклюжесть философской терминологии, облекающая самые простые вещи в одежду отвлечённой научности». Эклектизм, шеголяющий то изящной фразистостью, то педантичной научностью, тоже подвергся безжалостной критике. Шаслер утверждал, что крайне редко в области эстетики встречается истинно конкретная форма изложения, которая бы «при существенном содержании выражала его ясным и популярным философским языком» (*Kritische Geschichte der Ästhetik*. 1872. S. XIII). Толстой полностью разделял мнение Шаслера, более того, он иронически замечал, что само произведение немецкого эстетика является убедительной иллюстрацией справедливости суждения автора. В целом же книгу называл «пространной и обстоятельной».

В трактате «Что такое искусство?» Толстой привлёк целый свод дефиниций красоты из иностранных эстетиков. Ссылаясь на книгу Шаслера, он объяснял понимание красоты немецкими философами: основателем эстетики А. Г. Баумгартеном (Baumgarten, 1714–1762) и автором «Всеобщей теории изящных искусств» И. Г. Зульцером (Sulzer, 1720–1779), французским эстетиком аббатом Ш. Баттё (Batteux, 1713–1780), нидерландским теоретиком искусства Ф. Гемстергейсом («Гемстергюис»; Hemsterhuis, 1721–1790) и др. При этом Толстой стремился к наиболее полному усвоению эстетических концепций и точному их изложению. Он просил преподавателя литературы В. Ф. Лазурского (1869–1947) сверить своё изложение взглядов эстетиков с цитатами, на основании которых оно сделано. По оценке писателя Лазурский выполнил работу добросовестно. В то же время он порекомендовал Толстому обратиться к специалисту по истории эстетики, способному определить,

насколько взятое из произведений того или иного философа является определяющим в его концепции. Неизвестно, воспользовался ли Толстой советом, но, по утверждению историка философии П. Попова (1892–1964), писатель допустил ряд неточностей в изложении эстетических взглядов философов, в т. ч. и цитируемых по книге Шаслера. См.: Попов П. Иностранные источники трактата Толстого «Что такое искусство?» // Эстетика Льва Толстого / Сб. статей под ред. П. Н. Сакулина. М., 1929. С. 123–152.

З. М. Богачёва

ШАТИЛОВ Иосиф Николаевич (1824–1889) – старый знакомый Толстого; помещик Новосильского уезда Тульской губ., сельский хозяин и общественный деятель; председатель Московского комитета грамотности. Родился в Москве, но детство и юность его прошли на юге России. С 1843 г. учился в Харьковском, затем в Московском университете, параллельно стал самостоятельно заниматься сельским хозяйством в имении своего дяди, И. В. Шатилова. В 1852 г. принял в управление общее с дядей большое имение Тамань, где положил основание своему собранию птиц Таврического полуострова. В 1869 г. всю коллекцию подарил зоологическому музею Московского университета. С 1864 г. стал хозяйничать в Новосильском уезде Тульской губ., в имении Моховом (5800 десятин земли), которое Шатилову удалось превратить в образцовое русское хозяйство. Он принимал участие в местной общественной жизни как гласный, почётный мировой судья и член уездного училищного совета, будучи дважды его председателем. Шатилов выпустил более 50 брошюр, статей, докладов по различным вопросам сельского хозяйства и близким к нему отраслям.

Толстой бывал у Шатилова в Моховом, восхищался его хозяйством. Летом 1865 г. поехал туда вместе со своим другом Д. А. Дьяковым. 24 июля уже из Никольского-Вяземского писал А. Е. Берсу: «Это, наверное, самое замечательное хозяйство в России, и он сам один из самых милых по простоте, уму и знанию людей. Он нас



принял прекрасно, и эта поездка ещё более разогрела меня в моих хозяйственных предприятиях» (61: 95). Для Толстого поездка к Шатилову была «чрезвычайно приятна и поучительна» (61: 96). Имение славил-

лось своим «шатиловским овсом», а ещё японскими свиньями и замечательными овцами. В письме А. Е. Берсу 25–26 июля Толстой рассказывал: «Я на днях видел у Шатилова пару таких свиней и чувствую, что для меня не может быть счастья в жизни, пока не буду иметь таких же» (61: 97). Тогда же Толстой покупал у Шатилова «улучшенную породу русских овец» и этими овцами очень гордился.

Спустя годы несколько иначе посмотрит Толстой на своего успешного в хозяйстве соседа. 15 мая 1881 г. в дневнике он записал: «Шатилов доказывает несправедливость мужиков, судьи и всех. Он при освобождении оттянул у мужиков 120 десятин. Отдавал их по 4 р. с тем, чтобы они выкупили подворно, – обиделся на них после 20 лет и дал другим. Они ночью вспахали» (49: 36).

Гораздо больше связывали Толстого с Шатиловым другие проблемы. Будучи председателем Московского комитета грамотности, Шатилов внимательно следил за педагогической деятельностью писателя в начале 1870-х гг. В это время вышла «Азбука» Толстого, а среди московских педагогов особенно активно обсуждались вопросы обучения грамоте как крестьянских детей, так и взрослого населения, рассматривались различные методы обучения. В своей яснополянской школе Толстой ввёл так называемый «буквослагательный» метод, в противовес традиционному и широко распространённому «звуковому». По вопросу о лучшем методе обучения грамоте Толстой обратился к председателю Московского комитета грамотности Шатилову, доказывая преимущества буквослагательного метода против звукового. Шатилов предложил провести в Москве эксперимент: при Комитете грамотности были учреждены две начальные школы. В одной из них велось обучение по звуковому способу г. Протопоповым, которого избрали учителем сторонники звукового способа; в другой учил учитель Морозов «по способу гр. Л. Н. Толстого». Ученики были разделены в обе школы равно по возрасту и способностям. Показательные уроки проходили в январе 1874 г. Учение продолжалось равное время в той и другой школе, и обе школы были открыты для посетителей. По прошествии семи недель была назначена экзаменационная комиссия для проведения экзамена и заседание комитета для заключения о преимуществах того и другого способа. Но члены экзаменационной комиссии разделились во мнениях. Заседание комитета грамотности не пришло ни к какому выводу, и вопрос остался открытым.

Шатилов сочувственно относился к педагогическим взглядам Толстого, поддерживая его во время проведения эксперимента. Однако, прочитав протокол заседания Комитета грамотности, Толстой не мог согласиться со многими его позициями: он увидел, что многое там не зафиксировали, что-то передали не так, как звучало на заседании, многое просто не поняли. Шатилов предложил Толстому высказать свою позицию, более чётко сформулировав свои мысли в письме к нему. В 1874 г. Толстой написал такое открытое письмо на имя председателя Московского комитета грамотности И. Н. Шатилова; письмо это вылилось в статью «О народном образовании». Статья началась прямым обращением к Шатилову: «Милостивый государь Иосиф Николаевич! Постараюсь исполнить ваше желание, т. е. написать то, или приблизительно то, что было высказано мною в последнем заседании комитета» (17: 71). Толстой назвал это своё обращение к Шатилову «педагогической исповедью» (17: 131). Большая статья «О народном образовании» была напечатана в журнале «Отечественные записки» в январе 1874 г. При повторном печатании статьи «О народном образовании» было выброшено обращение к Шатилову и всё начало текста.

Поддерживал Шатилов Толстого и в вопросах издания доступных книг для народа, заботясь о «народном чтении».

Н. И. Бурнашёва

ШЕВАЛЬЁ Ипполит (даты жизни не установлены) – владелец модных в середине XIX в. гостиницы и ресторана в Москве в Старо-Газетном переулке в доме Маркова (ныне: Камергерский переулок, напротив Московского Художественного театра). В молодости Толстой не раз останавливался в этой гостинице и довольно часто посещал ресторан Шевалье. Вместе с братьями Н. Н. и С. Н. Толстыми и друзьями Б. Н. Чичериным, А. А. Фетом, Н. С. Кашкиным, Н. С. Мухановым, А. В. Оболенским и др. нередко проводил здесь вечера и половину ночи: обед, ужин, «цыганы»... В начатом романе «Декабристы» Толстой местом действия сделал эту «лучшую московскую гостиницу» (17: 9), ресторан и говорил о его роли в жизни «золотых молодых людей» в Москве 1850-х гг. Из ресторана Шевалье на Кавказ уезжал Дмитрий Оленин в повести «Казачи». Сам Шевалье, «хозяин-француз», появлялся как персонаж в «Декабристах» в своей роли и под своей реальной фамилией.

Н. И. Бурнашёва

ШЕЙЕРМАН Владимир Александрович (1862–1939) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого, разделял его взгляды; бывший помещик села Муратова Старобельского уезда Харьковской губ.; один из организаторов земледельческой общины в Телятинках; сын врача; отец пяти детей.

16 января 1906 г. Толстой получил письмо Шейермана: тот признавался в чувстве греховности, которое испытывал, пользуясь своей землёй площадью в 840 десятин. Решив как можно скорее избавиться от греховного чувства владельца землёй, он созвал крестьянский сход, на котором отдал всё крестьянам, оставив себе лишь один надел, причитавшийся каждому члену общества. О своём решении он хотел рассказать на страницах газет – в «Русских ведомостях» или в «Русском слове» напечатать «Открытое письмо к гг. землевладельцам бывшего землевладельца Харьковской губ. В. А. Шейермана, отдавшего крестьянам безвозмездно 840 десятин своей земли». В письме Шейерман призывал др. землевладельцев последовать его примеру – однако газеты это не опубликовали.

Убеждённый в том, что газетная деятельность является «самым скверным прелюбодеянием мысли», заинтересована исключительно в публикациях «вздора», но не «серьёзных сообщений» (ЯПЗ. 2. С. 19), Толстой в тот же день решил непременно отослать материал в «Новости дня» и др. газеты, сопроводив его своим посланием. В этот день в Ясной Поляне «читали вслух “Открытое письмо к землевладельцам” В. А. Шейермана. Л. Н.: “Какое сердечное, правдивое! И это письмо не напечатано!”» (там же). «Письмо ваше прекрасно и ещё лучше ваш поступок, – писал он Шейерману. – Дай вам Бог не поддаваться никаким соблазнам и удержаться в том счастливом, свойственном человеку, состоянии, в котором вы писали ваше письмо. Сделаю всё возможное, чтобы напечатать его и в Москве, и в Петербурге. Очень рад буду общению с вами». К письму была сделана приписка: «Вы, вероятно, молодой человек, и поступок ваш вызван порывом, в котором побудительные причины: и требования совести и желания славы – любви людской. Берегитесь этого второго побуждения. Дела, вызванные этим побуждением, непрочны» (76: 83–84). Письмо было написано Толстым 16 января 1906 г. и 20 января опубликовано в газете «Новости дня» вместе с письмом Шейермана, в котором редактор выпустил два абзаца. В те дни это письмо напечатал и «Русский листок» (№ 19), а затем оно было перепечатано в сборни-

ке статей Толстого «О земле и труде» (М.: «Посредник», № 631, 1906). Некоторые газеты (например, «Новое время») называли письма Шейермана и Толстого «маниловщиной». «Это, отказ Шейермана от имения в пользу крестьян, становится на ровную ногу с ними, это маниловщина! А Сиверс, который расстреливает крестьян, жжёт их дворы – это не маниловщина? – Л. Н. потом с огорчением говорил о непонимании того, что земельная собственность пережиток, и о боязни, что добровольный отказ от земли способствует тому, чтобы и другие лица добровольно, а правительство по закону, так же поступали» (ЯПЗ. 2. С. 32).

В очередном «горячем» письме от 31 января 1906 г. Шейерман писал Толстому, что не раскаивается в своём поступке. А вскоре И. М. Трегубов прислал Толстому благодарственное письмо крестьян Шейерману (напечатано в газете «Полтавщина» № 50), в котором они писали, что не признают землю своей собственностью, потому что она не может быть таковой.

В начале марта 1907 г. Толстой получил от Шейермана письмо, в котором сообщалось о том, что его обвинили в подстрекательстве к разгрому помещичьих усадеб и за это он был арестован и выслан за границу. В начале 1907 г. вернулся в Россию без права жительства на прежнем месте. В этой связи он интересовался жизнью духоборов в Канаде. Толстой ответил ему в тот же день (77: 62–63).

В сентябре 1907 г. братья Шейерманы устроили земледельческую общину на 200 десятинах, принадлежавших второму брату, где жили со своими семьями и работали вместе.

В Ясной Поляне Шейерман был один раз – 16 января 1909 г. Приехал с 20-летним сыном. «Вчера был очень близкий и сильный человек Шейерман. Очень хорошо беседовали», – записал Толстой в дневнике 17 января (57: 13).

В своих мемуарах «Нечто о Толстом в связи с моими исканиями» (написано в 1928; ОР ГМТ) Шейерман рассказал, что на вопрос Толстого о настроениях крестьян в их местности (Шейерман жил тогда в Екатеринославской губ.) он ответил, что всё стихло после революции 1905–1906 гг. «Он очень удивился этой тишине, всё повторял: “Неужели всё стихло?... Это странно... странно...” и задумчиво качал головой. Он чувствовал всем существом своим конец старой России и удивлялся тому, как всё продолжало держаться» (57: 300).

Н. А. Никитина

ШЕНШИН Пётр Афанасьевич (1834–1881?) – брат А. А. Фета. Вместе с Шеншиным (а также Н. Н. Толстым, А. А. Фетом, С. С. Громекой и крестьянином А. Осташковым) в декабре 1858 г. под Вышним Волочком Толстой участвовал в медвежьей охоте, которая едва не стоила ему жизни и легла в основу рассказа из «Азбуки» «Охота пуще неволи». Шеншин и А. А. Фет оказывали Толстому содействие в приобретении лошадей. К Шеншину Толстой испытывал самые тёплые и нежные дружеские чувства. В письмах к Фету писатель часто интересовался событиями в жизни Шеншина, передавал привет. В марте 1875 г. он писал Фету: «...пожалуйста, передайте Петру Афанасьевичу, что кроме всегдашнего моего желания поближе сойтись с ним, мне особенно нужно по разным делам – видеть его – кое о чём посоветоваться и кое о чём попросить совета» (62: 158). В одном из посланий к Фету он писал: «Радуюсь, что вы приедете, и вдвойне радуюсь приезду Петра Афанасьевича, которого я всегда любил и люблю» (62: 420).

Судьба Шеншина сложилась непросто. В 1875 г. он уехал в Герцеговину для участия в национально-освободительном движении. Потом участвовал в Русско-турецкой войне, был ранен. На протяжении всей жизни он пытался найти своё призвание: именно этим объяснялось его участие в событиях в Герцеговине и в войне с Турцией. Вернувшись с войны, Шеншин собирался переехать в Одессу и там заняться торговлей учебными принадлежностями. Часто он обращался к Фету за материальной поддержкой. Последний раз – в своём письме из Америки, куда неожиданно уехал. В Америке следы Шеншина затерялись, хотя Фет и пытался разыскать брата.

Лит.: Фет А. А. Воспоминания. М., 1983.

Д. В. Литвинов

ШИДЛОВСКАЯ Вера Александровна (рожд. Иславина; 1825–1910) – старшая дочь А. М. Исленьева и кн. С. П. Козловской, тётка С. А. Толстой, мать А. М. Кузминского. Очень красивая девушка, с тёмными глазами, Вера была похожа на бабушку Апраксину. Она рано вышла замуж за волынского помещика Михаила Петровича Кузминского, служившего в Петербурге, была счастлива с ним в браке, который оказался недолгим. Муж скончался в Воронеже в 1847 г. от холеры. Вдова одна воспитывала двух дочерей и сына Александра, ставшего впоследствии мужем свояченицы писателя Т. А. Берс.

Вера Александровна вскоре вышла замуж за Вячеслава Ивановича Шидловского,

воронежского помещика, от которого родила ещё восьмерых детей. Толстые общались с её семьёй по-родственному и в Ясной Поляне, и в Москве, и в Петербурге. Приезжая в Петербург, Толстой непременно навещал Веру Александровну. Во время приятного обеда он говорил с молодёжью – Юрием и Борисом, споря с ними по вопросам юриспруденции. Общение с молодыми людьми было ему гораздо приятнее, чем «глупая и скучная игра в карты» до трёх



часов ночи, «надоевшая ужасно» (9 марта 1878 г.; 83: 249–250); участники её казались Толстому «мертвецами». Не случайно в дневнике 27 марта/8 апреля 1884 г., в связи с приездом к Толстым родственников, он записал: «Приехали мертвецы Шидловские» (49: 74).

Летом 1886 и 1887 гг. Вера Александровна со своими близкими, с младшей 20-летней дочерью Верой и 18-летней внучкой Верой Северцовой, жили в так называемых Ванькиных дачах, в пяти верстах от Ясной Поляны. В июне 1887 г. Толстой отправился к ним пешком вместе с А. Ф. Кони. Они легко преодолели путь, и, как вспоминал Кони, Толстой был «разговорчив» и «очаровательно весел». Но, когда они зашли в «богатый барский дом» с роскошно сервированным столом, Толстой вдруг заскучал, нахмурился и вскоре предложил уйти «по-английски», не попрощавшись с хозяйкой и её гостями. Такая жизнь казалась писателю чрезмерно эгоистичной. Общение с Шидловской и окружавшим её миром позднее вызвало запись в дневнике: «Да, женское царство – беда. Никто как женщины (вот как она с дочерьми) – не могут делать глупостей и гадостей чисто, мило даже и быть вполне довольными. А нет уважения к суждению людей, которое вызвало бы сомнение» (50: 45).

Последнее время В. А. Шидловская жила одна в своём московском доме, и это вызывало у Софьи Андреевны грустные чувства. Её визиты к тётушке участились, всё чаще навевая племяннице мысли о схожести её жизни с судьбой Шидловской, о чём она записала в своём дневнике: «Вечером посетила тётеньку Шидловскую, ей за 72 года, и очень с ней скучно; но часто себя представляю в этом возрасте одинокой – и жутко делается» (ДСАТ. 1. С. 320). Жизнь Шидловской оказалась для Софьи Андреевны «поучительной»: мать одиннад-

цати детей, она осталась «одна на свете». Но «к этому надо быть готовой и не роптать», – заключила она (*там же*. С. 298).

Н. А. Никитина

ШИДЛОВСКИЙ Степан Васильевич (1876–?) – корреспондент и адресат Толстого; крестьянин из села Кишенцы Уманского уезда Киевской губ., сектант-штундист. 14 июля 1896 г. писал Толстому о впечатлении, которое на него произвели сочинения писателя. 13 сентября 1896 г. Толстой ответил Шидловскому: «Желал бы побеседовать с вами и сообщить вам мои книги, какие вы не читали. Да не знаю, что вы читали, а что нет. Посылаю вам статейку о том, как читать евангелие, и отчёркнутое евангелие. <...> Напишите, согласны ли вы с тем, что писано в статье, и как вы понимаете Христово учение» (69: 148). В тот же день Толстой писал другому своему корреспонденту в Кишенцах С. П. Чижев: «Я послал в Кишенцы Шидловскому статейку об евангелии <статью «Как читать Евангелие и в чём его сущность?»>. – Н. Б.>. Возьмите у него и прочитайте» (69: 147).

Шидловский бывал в Ясной Поляне. 3 июля 1897 г. С. А. Толстая записала в своём дневнике: «К нему <Толстому. – Н. Б.> приходил молодой человек, сектант, и он с ним много беседовал. Как все сектанты – этот тоже очень односторонний, узкий, но много читал и интересуется отвлечёнными вопросами и человеческой мудростью. Читал в издании «Посредника»: Эпиктета, Платона, Марка Аврелия и др.» (ДСАТ. 1. С. 260).

В письме к Чертковым 12 июля 1897 г. Толстой сообщал: «У меня был из Киевской губ. молодой крестьянин Шидловский, очень живой духом человек. Я его направил к Буланже, и он оттуда привёз издания Владимира Григорьевича» (88: 38–39). П. И. Бирюкову 14 июля 1897 г.: «Появились новые друзья в Киевской губ. Один из них, Шидловский, был у нас. Очень мне понравился» (70: 104). А. Н. Дунаеву Толстой рекомендовал Шидловского как «живого и просвещённого истинным светом» и был уверен, что его друзьям «радостно будет это общение» (70: 102).

Н. И. Бурнашёва

ШИПОВ (ЗИМЬН) Михаил Иванович (даты жизни не установлены) – секретный агент московской полиции, осуществлявший тайную слежку за Толстым в феврале-мае 1862 г., его показания послужили основанием для проведения обыска в Ясной Поляне. Впервые III отделение заподозрило графа Толстого в «неблагонадёжности»

осенью 1861 г. Именно в это время в Ясной Поляне появились исключённые из Московского университета студенты, которых писатель пригласил в качестве учителей для крестьянских детей в организованные им школы. Среди них был Алексей Соколов, состоявший под надзором полиции за участие в издании и распространении запрещённых антирелигиозных сочинений. Тульские жандармы установили за ним негласное наблюдение. Тайную слежку стали вести и за гр. Толстым. Почти одновременно за ним был учреждён тайный надзор и со стороны московской полиции. Частный пристав городской полицейской части подполковник Шляхтин, получив агентурные сведения, что гр. Толстой, проживая в Москве, имел постоянные встречи с неблагонадёжными студентами, поручил своему тайному агенту Михаилу Шипову, бывшему крестьянину из дворовых князя В. А. Долгорукого, следить за писателем, как в Москве, так и в Ясной Поляне.

В феврале 1862 г. по заданию полиции Шипов под именем Михаила Ивановича Зимина-Галицкого, почётного гражданина, прибыл в Тулу «следить за действиями графа Льва Толстого и за лицами, живущими у него в имении в с. Ясная Поляна». Себе в помощники он выбрал мещанина Гираса, которому пообещал 6 руб. серебром, «если он откроет что-нибудь о графе Толстом» (Дело III Отделения СЕИВК «О графе Льве Толстом». СПб., 1906. С. 10–11). О том, как Шипов-Зимин выполнил данное ему секретное поручение, свидетельствует донесение тульского жандармского полковника А. М. Муратова от 1 июля 1862 г. «Галицкий почётный гражданин Михайло Иванович Зимин, – сообщал он в III отделение, – прибыл в г. Тулу 17-го минувшего февраля с тамбовским мещанином Гирасом, распустил слухи, что он агент правительства и что ему поручены важные секретные дела...» Далее Муратов писал, что господин Зимин, находясь в Туле, «вёл разгульную, нетрезвую жизнь, посещая гостиницы низшего разряда и наконец дошёл до такой крайности, что у товарища своего г. Гираса заложил часы, без его дозволения. <...> Зимин выехал в Москву 22 мая, не заявив никому о своём отъезде» (там же). Получив донесение Муратова, управляющий III отделением генерал-майор Потапов написал на нём резолюцию: «Хорош агент! Но я удивляюсь, как можно было его выбрать, – это простой сыщик для мелких воришек, которого я лично знаю» (там же. С. 9).

Действительно, во второй половине мая Шипов, в очередной раз посетив Ясную

Поляну, обнаружил, что его «подопечного» гр. Толстого там нет. Тогда он спешно выехал в Москву, а затем в Петербург, куда, по его сведениям, отправился Толстой. 14 мая 1862 г. писатель в самом деле уехал из Ясной Поляны, но не в Петербург, а в Самарскую губ. для лечения кумысом. Не обнаружив в столице своего наблюдаемого, Шипов посетил Фонтанку, 16, где размещалось здание III отделения. На приёме у генерала Потапова он пытался узнать адрес гр. Толстого. Однако генерал сообщил незадачливому сыщику о полученном из Тулы донесении и предупредил, что ему «будет нехорошо».

Предсказание Потапова вскоре оправдалось. Не успел Шипов приехать в Москву, как его тут же арестовали. Чтобы каким-то образом себя реабилитировать и оправдать растрату 315 рублей казённых денег, выданных ему на агентурные цели, Шипов на допросах начал делать «открытия» в отношении Толстого, насколько позволяла его буйная фантазия. В частности, он сообщил, что в Ясной Поляне у Толстого проживают «без всяких видов», т. е. паспортов, 26 студентов; что в доме у гр. имеются потайные двери и лестницы и даже телеграф, по которому он поддерживает связь со своими единомышленниками. Агент также поведал, что к Толстому в имение из Москвы были привезены «камни для литографии, шрифты, краска для печатания каких-то запрещённых книг...» Для пущей важности Шипов предупреждал московскую полицию, что в августе «Толстой намеревается отпечатать подпольный манифест по случаю тысячелетия России и этот документ уже находился у него на просмотре и отправлен за границу» (там же. С. 40–41).

Показания Шипова были доложены московскому генерал-губернатору Тучкову, и тот счёл необходимым ознакомить с ними генерала Потапова, препроводив в Петербург все имеющиеся материалы вместе с Шиповым. Несмотря на предупреждение Тучкова, что «ШИПОВ есть такого рода личность, на которую полагаться совершенно нельзя», шеф жандармов В. А. Долгоруков с согласия Александра II решил произвести у Толстого обыск, направив в Тулу жандармского полковника М. А. Дурново. О результатах произведённого 6–7 июля 1862 г. в Ясной Поляне обыска Дурново доложил начальству рапортом, в котором, в частности, указывал, что при осмотре дома Толстого «не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографных камней и телеграфа тоже не оказалось» (там же. С. 56).

Шипов-Зимин стал главным персонажем документальной повести Б. Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или старинный водевиль» (М., 1975), в основу которой были положены материалы «Дела III Отделения "О графе Льве Толстом"».

Лит.: Тарасов А. Дело графа Льва Толстого // *Милиция*. 2000. № 2. С. 48–51; Чисников В. Н. Жандармский обыск в Ясной Поляне // *В мире спецслужб*. 2006. № 3 (15). С. 36–41; *его же*. Секретные сотрудники тайной полиции в Ясной Поляне // *Оперативник (сыщик)*. 2014. № 1 (38). С. 3–7.

В. Н. Чисников

ШОПОВ Георгий Стоилович (1879–?) – болгарский корреспондент и адресат Толстого, журналист, издатель журнала «Живот». Уроженец деревни Панагюрище. По религиозным убеждениям 24 апреля 1900 г. отказался от военной службы, за что 11 ноября того же года был на три года приговорён в дисциплинарный батальон. Дело рассматривалось в суде 12 ноября 1900 г. в Софии. В № 12 за 1900 г. в журнале «Свободная мысль» была напечатана заметка о Шопове, дополненная выдержкой из его письма к другу. Статья в журнале закончена так: «Пожелаем от всего сердца этому *человеку* устоять до конца!» (72: 510).

14 мая 1901 г. редакция болгарской газеты «Свободна мисъл» послала Толстому номер газеты, в котором была помещена речь Г. С. Шопова на суде. 29 мая Толстой писал редактору газеты; он уверен, что «от всех бедствий», «всего развращения нравов в нашем мире» «спасение только в том, что делает милый дорогой Шопов. Да подкрепит его Бог» (73: 84). «Если вы имеете сообщение с милым Шоповым, то передайте ему, пожалуйста, мою любовь, благодарность, уважение...» – просил писатель (73: 85). После этого завязалась переписка Толстого с самим Шоповым (1901–1903). 17 октября 1901 г. из Гаспры Толстой направил в редакцию газеты «Свободна мисъл» второе письмо об отказе Шопова от военной службы: «...суд над Шоповым, как над нарушившим дисциплину солдатом, есть ложь и обман, совершаемый правительством и его рабами над беззащитным, честным человеком» (73: 153). По освобождении из заключения Шопов стал издавать журнал «Лев Н. Толстой» (1903–1906) (в *ЯПБ* сохранилось несколько номеров за 1903 и 1905 гг.), переводить на болгарский язык антицерковные и анархические работы Толстого. Будучи «горячим энтузиастом» и обладая ораторским талантом, Шопов сыграл в Болгарии большую роль в деле распространения идей Толстого.

Н. И. Бурнашѐва

ШОСТАК Екатерина Николаевна (рожд. Исленьева; ?–1904) – знакомая, корреспондент и адресат Толстого; родственница С. А. Толстой, была замужем за Львом Антоновичем Шостаком. Кавалерственная дама, в 1857–1863 гг. – начальница Елизаветинского училища в Петербурге; в 1863–1892 гг. служила начальницей Николаевского сиротского института. Е. Н. Шостак – дочь нажившего большое состояние винными откупками Николая Михайловича Исленьева и Софьи Алексеевны, рожд. Горяиновой. Она была двоюродной сестрой Л. А. Берс, матери С. А. Толстой, и приходилась жене писателя двоюродной тёткой; была очень близкой подругой Александры Андреевны Толстой, у которой, вероятно, и познакомилась с писателем.

Институт, где она служила, представлял собой женское учебно-воспитательное заведение, открытое в 1834 г. на базе сиротского отделения С.-Петербургского Воспитательного дома, преобразованное в 1837 г. в институт. Здесь содержалось до 500 детей (сирот и полусирот) – дочерей «недостаточных» младших офицеров, чиновников военной и гражданских служб.

Запись о том, что Толстой «был у Шостака», сделана в его дневнике 6 февраля 1856 г. В письме к А. А. Толстой от 18 августа 1857 г. он признался, что, занятый в Петербурге «литературными делами», «не был у К. Н. <Шостак. – Т. А.>, потому что забыл совсем» (*ПАТ*. 2011. С. 84). 29 октября 1857 г. в дневнике Толстого отмечено: «Обедал у Шостак» (47: 161).

19–20 сентября 1862 г. Толстой писал из Москвы А. А. Толстой: «Помните ли <...> вы мне говорили: когда-то вы так же <напишете>, как Вл. Иславин писал Катерине Николаевне, что вы любите и женитесь? Теперь я пишу. В воскресенье, 23-го сентября, я женюсь на Софье Берс – дочери моего друга детства Любочки Исленьевой» (*ПАТ*. 2011. С. 235). Толстой напоминал здесь А. А. Толстой о своём письме к ней пятилетней давности, когда он написал в октябре 1857 г.: «Скажите Катерине Николаевне, что В. Иславин женится на Кирьяковой какой-то» (*ПАТ*. 2011. С. 97); речь шла о друге молодости Толстого и двоюродном брате Е. Н. Шостак (по отцу) и его жене Юлии Михайловне.

Осенью 1879 г. Толстые, желая для детей «взять русскую гувернантку с некоторым знанием языков и музыки», просили В. А. Иславина, который тогда гостил у них, найти им «в Петербурге институтку из института и по рекомендации начальницы m-me Шостак» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 307). В своих мемуарах С. А. Толстая

отметила событие, имевшее место в первых числах февраля 1885 г. в Петербурге, куда она приехала с дочерью Татьяной: «...когда мы сидели с визитом у Екатерины Николаевны Шостак в Институте <...>, приехала императрица Мария Фёдоровна. Я хотела уехать, но Екатерина Николаевна просила нас с Таней остаться и потом представила нас государыне, которая видно старалась быть с нами любезной. Расспрашивала, что пишет Лев Николаевич, хвалила его “Войну и мир” и изъявила надежду, что он будет писать ещё в этом роде. Потом институтки что-то играли на рояле, принесли какую-то работу красивую, и было скучно и натянуто» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 468). Получив письмо жены о свиданье с императрицей, Толстой писал ей 22 февраля: «Действительно удивительно твоё счастье. Ты ведь этого очень желала. Мне это было тщеславно лестно, но скорее неприятно. Хорошего от этого не бывает» (83: 482).

С. А. Толстая писала в «Моей жизни» также о посещении ею Шостак, когда та праздновала день своих именин 24 ноября 1885 г.: «С начала вечера институтки играли спектакль, русский и французский, танцевали в костюмах характерные танцы; а потом был институтский бал. Народу было очень много, и моё присутствие возбуждало общее любопытство; мне представили бесконечное число лиц...» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 494).

В свой приезд в Петербург в феврале 1897 г., на проводы за границу В. Г. Черткова, Толстой отдал визит Шостак, посетив её квартиру в здании института. До одиннадцатого часа продолжалась здесь встреча Толстого с собравшимися почётными опекунами заведения. А. А. Толстая писала в воспоминаниях: «Лев с женою пробыли здесь в Петербурге дня два или три. Я с ними постоянно виделась, и всё шло прекрасно, исключая последнего вечера, проведённого у Ек. Н. Шостак, где Лев Николаевич без всякого к тому повода стал доказывать, что каждый разумный человек может *спасать* себя сам и что собственно ему для этого “никого не нужно”...» (ПАТ. 2011. С. 74). (Подобное отрицание Толстым «Того, кто Един спасает!» содействовало углублению размолвки по вопросам религии между А. А. Толстой и её прежним другом.)

В сентябре 1898 г. С. А. Толстая, как отмечено в её мемуарах, в разгар работы Толстого над «Воскресением» «получила от графини Александры Андреевны Толстой восторженные отзывы о “Воскресении”, которое она читала по корректурам Екатерины Николаевны Шостак. Она писала: “После немногих мест, где я расходилась

с автором, это чтение было целое море наслаждений разного рода... Главное, нас интересовала психическая, духовная сторона романа...» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 524–525).

Некоторые черты внешности и личной жизни Шостак были воспроизведены в книге воспоминаний младшей сестры С. А. Толстой Т. А. Кузминской (рожд. Берс) «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Автор рассказывала о своей поездке в Петербург весной 1863 г., имея в виду общение с новыми знакомыми: «Самая страшная для меня была тётушка Екатерина Николаевна Шостак, начальница Николаевского института. Это была высокая, чопорная, с представительной наружностью женщина лет пятидесяти. Она имела единственного сына, Апатол'я, окончившего лицей» (Кузминская. Ч. 2. Гл. 3). «В огромной гостиной собралось уже большое общество. Водоворот светской гостиной был во всём разгаре. Из гостей, сколько я могла заметить, всё больше были пожилые» (*там же*). О впечатлении, произведенном на Шостак юной гостьей, в воспоминаниях сказано: «Она очень мила, но ещё не умеет держать себя» (*там же*). Отец Татьяны Андреевны А. Е. Берс, дважды посетивший тогда гостиную Шостак, извещал в письме молодых супругов Толстых о большом её интересе к их жизни в Ясной Поляне: «Я должен был рассказывать ей до малейшей подробности об ваших нравственных и сердечных отношениях, об вашей материальной жизни; одним словом, всё интересовало её до высшей степени, а мне было очень легко и приятно всё ей рассказывать» (*там же*). На другой день после приезда, вспоминала Кузминская, «отец отвёз меня к Шостак раньше обыкновенного по просьбе Екатерины Николаевны. Тётушка, позвав несколько институток моих лет, поручила меня им. Мы побежали в сад, где живо перезнакомились. Через два часа я уже знала, кто кого из учителей обожает. Мы катались с большой деревянной горы, играли в жмурки, танцевали, пели» (*там же*).

В Петербурге возникло увлечение Татьяны Андреевны сыном Е. Н. Шостак Анато-лем, усердно ухаживавшим за ней. В своих мемуарах С. А. Толстая отметила: «...его мать, дружившая с Львом Николаевичем вследствие своих очень близких отношений с графиней Александрой Андреевной Толстой, очень желала, чтобы единственный сын её побывал в Ясной Поляне. Я и согласилась позвать его» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 104). А. Е. Берс писал в то же время к Л. Н. и С. А. Толстым о том, что в Ясной Шостак – «диспарат» <несоответствие>: «я вперёд уверен был, что он вста-

нет вам поперёк горла» (*Кузминская*. Ч. 2. Гл. 15). Софья Андреевна в раздражении записала в дневнике 6 июня 1863 г.: «...отвратительный Анатолий торчит перед глазами» (*ДСАТ*. 1. с. 57). Молодые супруги решили отправить Анатолия из Ясной Поляны под предлогом скорых родов Софьи Андреевны. По мнению С. А. Толстой, с Анатолия «взят тип Васиеньки Весловского в “Анне Карениной” и частью Анатолия Курагина в “Войне и мире”» (*САТ. Моя жизнь*. 1. С. 104). В письме к С. А. Толстой из Петербурга в сентябре 1863 г. А. М. Кузминский сообщил о возвратившемся Анатоле: «Он добросовестно поступил, так что не только Иславины, матушка его и проч., но даже и товарищи его узнали об этом приключении» (*Кузминская*. Ч. 2. Комментарий к гл. 15). Кузминская писала, что после его отъезда из Ясной Поляны они увиделись лишь через 16–17 лет: «Я была замужем и имела детей. А он был женат на сестре мужа. Анатолий служил тогда губернатором в Чернигове».

Лит.: Тимофеев В. П. Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского сиротского института. 1837–1887. Исторический очерк. СПб., 1887.

Т. Н. Архангельская

ШПИР Африкан Александрович («Спир»; Spir; 1837–1890) – русский и немецкий философ-неокантианец. Родился в Херсонской губ. 17-летним юношей участвовал в обороне Севастополя, защищая 4-й бастион. В 1859 г. поселился в деревне, освободил крестьян, дал им землю, уплатив за них денежные повинности. В 1862 г. отправился путешествовать за границу, слушал лекции в Гейдельбергском университете. С 1867 г. поселился в Германии, с 1878 г. – в Швейцарии. Свои труды писал на немецком и французском языках. Главное сочинение, в котором изложена в полном виде его философская система, издано в Лейпциге в 1873 г. на немецком языке: «Denken und Wirklichkeit» («Мышление и действительность»). В русском переводе (с французского) изданы «Очерки критической философии» (М., 1901), вышли в «Посреднике», с краткой биографией Шпира, составленной переводчицей Н. А. Бракер. Здесь напечатан отрывок из письма Толстого к дочери философа Е. А. Шпир-Клапаред. Переводчица послала Толстому на просмотр свой перевод. Толстой ей ответил: «Я прочёл теперь большую половину – до статьи о личности и обществе, и читал, как и всё то, что написано Шпиром, с величайшим наслаждением. Перевод ваш очень хорош» (69: 175). Толстой читал эту работу Шпи-

ра в октябре 1896 г. «Читаю новооткрытого философа Шпира и радуюсь, – писал он С. А. Толстой. – Читаю по-русски, в переводе, который мне прислала дама и который очень хотелось бы напечатать, но наверное не пропустит цензура, именно потому, что эта философия настоящая и вследствие этого касающаяся вопросов религии и жизни. Я бы напечатал у Грота и написал бы предисловие, если бы он сумел провести через цензуру. Очень полезная книга, разрушающая много суеверий и в особенности суеверие матерьялизма» (84: 263). К этому времени Толстому были уже хорошо знакомы труды и имя Шпира. Дочь Шпира, зная, с каким уважением её отец относился к творчеству Толстого, прислала в Ясную Поляну книги философа, собрание сочинений на немецком языке в 4-х тт. (Лейпциг, 1883–1885). Т. Л. Толстая 8 апреля 1896 г. писала об отце: «Сейчас он рассказывал мне и Сухотину о философе Spir'e, которым он теперь очень увлекается. Ему дочь Spir'a прислала четыре книги своего отца, находя, что в его мыслях много общего с мыслями папá» (*Сухотина. Воспоминания*. С. 226). Е. Шпир-Клапаред пропагандировала взгляды отца, издавала его сочинения и вместе с мужем, женевским профессором психологии, приезжала в Ясную Поляну летом 1897 г. Предполагалось, что Толстой напишет предисловие к биографии Шпира, составлявшейся его дочерью, но намерение не осуществилось. 8 июня 1896 г. Толстой записал в дневнике: «Дочёл Спира. Прекрасно» (53: 98). «Чтение его произведения “Мышление и действительность”, а также его “Опытов” доставило мне огромное удовольствие. Я не знаю ни одного современного философа, столь глубокого и в то же время столь точного, т. е., я хочу сказать: научного, принимающего только то, что бесспорно и ясно для каждого. Я уверен, что его учение будет понято и оценено так, как оно того заслуживает...» (69: 93). Толстой сделал набросок предполагавшегося предисловия к Шпиру: «Мир такой, каким мы его видим только в том случае, если нет в мире существ, иначе, чем мы, устроенных, одарённых другими чувствами. Если же есть, <...> то мир не таков, каким мы знаем» (53: 298). Чуть раньше, размышляя о своём единомыслии со Шпиром, Толстой заметил: «Поразительно это сочинение осветило с некоторых сторон и подкрепило мои мысли о смысле жизни. Сущность его учения та, что вещей нет, есть только наши впечатления, в представлении нашем являющиеся нам предметами. Представление (Vorstellung) имеет свойство верить в существование предметов. Происходит это

оттого, что свойство мышления состоит в приписывании впечатления предметности, субстанционности, проектировании их в пространстве» (53: 84). «Мне бы очень хотелось распространить его мысли, так как я их вполне разделяю» (69: 93). В *ЯПБ* сохранилась брошюра о Шпире с пометами Толстого – «Humanus. Afrikan Spir. Ein Philosoph der Neuzeit. 1892». К сожалению, все издания философских трудов Шпира взял у Толстого некий С. Н. Эверлинг, бывавший в Хамовниках для бесед с Толстым на философские темы. Секретарь Толстого В. Лебрен подготовил для «Посредника» брошюру об А. А. Шпире. 30 декабря 1909 г. Д. П. Маковицкий записал: «Сегодня Л. Н. поручил мне написать В. А. Лебрену, приславшему ему свою статью “Основатель научной метафизики – А. Шпир”, следующее: “Я нахожу, что он приписывает слишком большое значение Шпиру, называя его основателем метафизики. Это слишком большое значение, и это отталкивает читателя. А вместе с тем я желал бы это напечатать и постараюсь издать”» (*ЯПЗ*. 4. С. 145). Чтение статьи Лебрена отмечено в дневнике: «Вчера читал статью Лебрена о вере по Спиру» (57: 196). Толстой предсказывал, что лет через десять Шпир будет известен, хотя сейчас и у себя на родине его мало знают» (Дневник В. Ф. Лазурского // *ЛН*. Т. 37–38. С. 490). Портрет Шпира одно время висел в яснополянском кабинете Толстого (*ЯПЗ*. 1. С. 427). 20 сентября 1908 г. вечером С. А. Толстая, сидя в зале за круглым столом, работала над составлением каталога яснополянской библиотеки и спросила Толстого, «в какой отдел библиотеки занести “Жизнь и учение Спира”». В биографический? *Л. Н.*: В философский. *Софья Андреевна*: А ведь тут жизнь? *Л. Н.*: Что же такое жизнь? Интереснее его учение» (*ЯПЗ*. 3. С. 205).

Л. С. Дробат

ШТАНГЕ Александр Генрихович (1854–1932) – посетитель, адресат и корреспондент Толстого. Организатор артели кустарей в Павлове Нижегородской губ. Родился в Могилёве в семье мелкого чиновника, воспитывался в гимназии в г. Вятке. В 1872 г. поступил в Петербургский университет. В 1873 г. за участие в студенческих «беспорядках» был выслан в Ригу. В 1874–1879 гг. учился в Дерптском университете, окончил его со званием кандидата прав. С 1880 г. служил в Министерстве путей сообщения, но вскоре вышел в отставку. В 1887 г. поселился в селе Павлове Нижегородской губ., где занялся организацией павловских кустарей в артели. Некоторые

кустари привлекались к политическому дознанию. У Штанге провели обыски, нашли письмо Толстого, и он был отдан под негласный надзор, продолжавшийся до 1890 г. В 1891 г. ему было запрещено жительство в Нижегородской губ. «в виду вредного влияния его на местных крестьян». Но в том же году запрещение было снято, и он оставался жить в Павлове. Написал несколько статей по артельному делу. Заведовал павловской кустарной артелью слесарей.

Впервые имя записано у Толстого в записной книжке 1882 г.: «Александр Генрихович Штанге» (49: 151). Лично с Толстым познакомился летом 1884 г., живя на даче близ станции Козловка-Засека. Приходил к Толстому беседовать по разным общественным и политическим вопросам. Писал Толстому, рассказал о своём участии а поминках «по известном русском писателе Н. А. Добролюбове», выступил за созыв всенародного Земского собора. 18/30 июня 1884 г. Толстой записал в дневнике: «Пошёл к Штанге. <...> Штанге пошёл провожать меня. Рассказывал свою логику. Очень хорошо. Он хороший человек» (49: 104). Продолжалась переписка с Штанге; он по-прежнему бывал у Толстого в Ясной Поляне и Москве. 11 марта 1889 г. – запись в дневнике: «Пришёл Штанге, я с ним пошёл ходить. Он – оставшийся на мели социалист-революционер – ему нечего делать и незачем что-нибудь делать. Он живёт в Павлове. Я дал ему книжечки о трезвости» (50: 49). С Толстым в январе 1905 г. Штанге обсуждал свой проект Земского собора. В письме к сыну Л. Л. Толстому писатель упомянул проект Штанге: «Он написал прекрасную записку <...>, предлагая собрать Земский собор» (75: 207). Д. П. Маковицкий записал в тот день, 18 января: «Пополудни, в 4 часа, приехал бывший революционер, уже 15 лет заведующий павловской артелью слесарей, Штанге. Едет к Святополку-Мирскому с предложением. Л. Н., видя, что имеет дело с политиком, законником, говорил с ним о практических вопросах, о материальном прогрессе, о Генри Джордже, но ни слова о вере. Вёлся разговор о земле. Л. Н. настаивал на главном: освободить землю от права собственности» (*ЯПЗ*. 1. С. 139). С идеей Земского собора связывал Толстой и вопрос об окончании войны с Японией: «Жаль, что он <царь. – Н. Б.> не знает проекта Штанге, в котором именно говорится, что теперь-то и надо созвать собор, чтобы рассудить вопрос о заключении мира. У царя была бы опора. Собор мог бы сейчас же остановить войну и установить приемлемые условия мира» (*ЯПЗ*. 1. С. 156). В августе 1905 г. Штанге снова был в Ясной Поляне: «приехал поговорить о крестьянском съез-

де, на котором был»; «приехал поучиться у Л. Н., но против каждого слова Л. Н. спорил». «Для Штанге единый налог – это малая мера: остаётся дом, капитал, не обложенные налогами; отнятие земли – это слишком радикально; будут строить 28-этажные дома в городах, чтобы эксплуатировать землю», – записал Маковицкий рассуждение гостя (ЯПЗ. 1. С. 388). «Штанге спорил <...> обо всём. <...> Л. Н. ему наконец сказал: “Не стоит с вами говорить, придумайте лучший проект, я его приму”» (ЯПЗ. 1. С. 389). Всю остальную жизнь Штанге посвятил артельному делу. После революции 1917 г. активно участвовал в организации учреждений, связанных с кустарным производством.

Лит.: Клебенский М. А. Г. Штанге и Л. Н. Толстой // Каторга и ссылка. М., 1931. № 7. С. 98–107.

Н. И. Бурнашёва

ШТЕВЕН Александра Алексеевна (в замужестве Ершова; 1865–1933) – активистка народного образования, посетительница Толстого. Баронесса А. А. Штевен – жена тульского земского деятеля М. Д. Ершова (1862–1919), владельца усадьбы Лебяжье (Богородицкого уезда Тульской губ.), с конца XIX в. и до 1917 г. – члена Гос. совета. Имела четверых детей, активно занималась просветительской деятельностью среди крестьян, в Нижегородской губ. на свои средства открыла 50 школ, организовала курсы для подготовки учителей народных школ, обладала литературным даром. Её просветительская и педагогическая деятельность сочеталась с бунтарским духом. Она автор таких литературных произведений, как «Письма из Вандей», «Из записок сельской учительницы», «Мои воспоминания о Л. Н. Толстом». Образ Толстого был осмыслен ею как образ «отважного былинного героя». Просветительская деятельность Штевен, активно начатая в 1883 г., продлилась до 1896 г. и была впоследствии запрещена епархиальными властями.

Толстой познакомился с супругами Ершовыми в 1893 г. В феврале 1894 г. он получил письмо от баронессы, в котором та высказывала своё впечатление о его книге «Царство Божие внутри вас», рассказывала о своей деятельности, говорила «о необходимости или, скорее, о выгоде некоторых компромиссов» (67: 71) в этой деятельности. В ответном письме 5 марта Толстой желал Штевен избегать «пагубных компромиссов» и вообще «испытания искушения компромисса» (67: 72). В октябре 1896 г. в письме к жене он сообщал о гостях Ясной Поляны, среди которых упоминались «Тулубевы с Ершовым, её братом, женатым

на Штевен» (84: 261). 18 августа 1902 г. Ершова (А. Штевен) побывала в Яснополянской усадьбе. Её визит отметил Толстой в настольном календаре (54: 312). Баронесса Штевен не раз упоминалась в беседах яснополянцев. Как-то после обеда Толстой читал «Письма из Вандей» и сказал, что они «очень ловко написаны» (ЯПЗ. 2. С. 24). Дочь Толстого Татьяна Львовна вспомнила автора этих «Писем», Штевен, которая «в один день 70 (!) школ открыла и что она радикалка». Толстой не согласился с точкой зрения дочери, заметив, что «она написала эту статью очень консервативно» (ЯПЗ. 2. С. 24). «Письма из Вандей» (I. Деревня и город. II. Война и мир. III. Земство и революция. IV. Земля. СПб., 1906) хранятся в ЯПБ с дарственной надписью автора и с пометами Толстого. 7 июля 1908 г. Штевен приехала в Ясную Поляну, долго говорила с С. А. Толстой, потом с самим Толстым, который никак не мог согласиться с её речами. Ушёл с веранды. Маковицкому он сказал: «Эта барыня говорит, что мужики без нас, господ, – звери. И самое страшное то, что она учит, и за то, что учила детей арифметике и закону Божию, она считает себя вправе их презирать, ругать» (ЯПЗ. 3. С. 138). На следующий день писатель вспомнил свой разговор со Штевен о крестьянах и заметил при этом, что у них «прорвалось сознание несправедливости. Ненависть, которая копилась веками за обиды, выразилась теперь. “Нас грабят – это ещё милостиво”» (ЯПЗ. 3. С. 138).

Н. А. Никитина

ШТРАУС Рихард (1864–1949) – немецкий композитор, дирижёр. Сочинять музыку начал с 6 лет. В 1885–1886 гг. дирижёр придворной капеллы в Мейнингене, в 1886–1889 гг. дирижёр Мюнхенской оперы. В 1889–1894 гг. (с перерывом на год) придворный дирижёр в Веймаре, затем по 1898 г. – в Мюнхене. С 1908 по 1919 г. «генерал-музик-директор» Берлинской оперы, вёл класс высшего композиторского мастерства Берлинской академии искусств; позднее – руководитель Венской оперы. С 1924 г. полностью посвятил себя композиторской деятельности. С 1945 г. жил в Швейцарии. Один из крупнейших дирижёров Европы, в 1896 г. гастролировал в Москве, в 1913 г. – в Петербурге. Почётный доктор нескольких европейских университетов, почётный ректор Венской музыкальной академии.

Сложное, новаторское, творчество Рихарда Штрауса, одно из самых заметных явлений в западноевропейской культуре рубежа XIX–XX вв., оставило яркий след в мировой оперной и симфонической му-

зыка. В лучших сочинениях композитора явлены его жизненная сила, эпическая монументальность оркестровой звучности, мастерство инструментовки, владение красочным стилем оркестрового письма. Р. Штраус – автор 15 опер («Саломея», «Кавалер роз» и др.), двух балетов, двух симфоний, фантазий, музыкальных поэм, вариаций, сюит и др. сочинений для оркестра. Среди его созданий концерты для фортепиано, для скрипки, для валторны, для гобоя с оркестром; сочинения для камерно-инструментальных ансамблей, сонаты для различных инструментов, музыка к спектаклям...

В 1890-е гг. в России сочинения молодого немецкого композитора со столь известной фамилией входили «в моду»; музыканты-исполнители порой включали их в программы своих концертов. С некоторыми произведениями Р. Штрауса Толстой, видимо, был знаком. В то время он уже не посещал оперы и публичные концерты, но, живя в Москве и работая над статьями об искусстве, иногда бывал на репетициях, ученических концертах студентов консерватории и отзывался о такой музыке резко отрицательно, называя имя Р. Штрауса, как правило, в ряду имён музыкантов, в творчестве которых видел «подмену эстетического чувства эффектностью». Вечером 25 марта 1905 г. в Ясной Поляне А. Б. Гольденвейзер и скрипач Б. О. Сибор играли Шуберта, Вебера, Бетховена, Шопена, Сарасате... Толстой говорил о французских композиторах: «Французов – Сен-Санса, Годара – напрасно презирают. Они мелодичны. Теперь такое время, что французскую музыку презирают, а Рихарда Штрауса, которого никто не понимает, любят» (*ЯПЗ*. I. С. 223). В Ясной Поляне в конце 1907 г. гостила польская клавесинистка Ванда Ландовска. 24 декабря она играла «старофранцузские песни и танцы, кое-что из старого итальянского, одну старинную английскую песню, а потом народные песни польские (и календы и пела их), армянские, еврейские, персидские, лезгинские; Баха, Моцарта, Шопена». Толстой слушал с интересом, а потом сказал: «Вся народная музыка будет доступна всем людям, персидскую поймёт мужик (и наоборот), а господское враньё – Штрауса – никто, и сами господа не поймут» (*ЯПЗ*. 2. С. 598–599).

Н. И. Бурнашёва

ШУВАЛОВА Елена Ивановна (рожд. Черткова; 1830–1891) – знакомая и адресат Толстого; тётка В. Г. Черткова со стороны его отца. После смерти первого мужа, гр. Орлова-Давыдова, вышла замуж за

гр. П. А. Шувалова, известного царедворца при Александре II, начальника III отделения; позже – русского посла в Лондоне. Шувалова была попечительницей Александровского убежища для увечных воинов. Толстой знал её и бывал в её доме в Москве на Большой Никитской улице, когда там останавливалась приехавшая из Петербурга А. А. Толстая, которая писала в своих воспоминаниях о Толстом: «...много слухов доходило до меня, так что я решилась наконец сама посмотреть, что делается в Москве в доме Толстых. Графиня Шувалова, тогда (в 1882 г.) жившая в Москве, пригласила меня к себе. По приезде туда, я тотчас известила о том Льва Николаевича, и на другой день, утром, он уже явился ко мне» (*ПАТ*. 2011. С. 33–34). Бывал Толстой у Шуваловой и позднее; в письме Черткову от 13–14 ноября 1884 г. он сообщал: «Вскоре после вас Шувалова просила меня приехать к ней, чтобы узнать о вас. Я застал у неё Пейкер. Они говорили про вас, и Елена Ивановна понравилась мне больше, чем Пейкер. Они, разумеется, не понимают того, что двигает вами, и, не понимая, хотят судить. Я и не пытался объяснить им. И уехал под впечатлением неразрешимого недоразумения, но очень дружелюбно, в особенности с Шуваловой». В том же письме Черткову Толстой просил: «Передайте мой привет вашей матушке. Е. И. Шувалова сказала мне, что, по её мнению, мы полюбим друг друга. И я был этому очень рад» (85: 118–119).

В 1885 г. через гр. Е. И. Шувалову Толстой хлопотал об участии А. П. Залюбовского, осуждённого за отказ от присяги и воинской службы. «Написал Шуваловой», – запись в дневнике: это письмо Толстого от 20–21 ноября 1885 г. не сохранилось. С. А. Толстой 21 ноября 1885 г. он писал: «Таню я посылаю с письмом к Шуваловой о Залюбовском. Шувалова была очень мила с ней и обещала написать» (84: 533).

В московском доме Шуваловой в начале января 1887 г. читали пьесу «Власть тьмы» («ради противодействия распушенным невыгодным слухам»). «Читал Стахович у Шуваловой, яркой последовательницы лорда Редстока, известного в то время проповедника нового взгляда на Христа; она и её апостолы, как выразился Стахович, были в восторге, и она просила мужа хлопотать у министра внутренних дел, чтобы разрешили драму к печати. Но Шувалов отказал» (*САТ. Моя жизнь*. 2. С. 9).

Через гр. Шувалова, а значит, в первую очередь через его жену Е. И. Шувалову и А. А. Толстую, пытался Толстой помочь

И. И. Попову, обвинённому «в сообщничестве с социалистами, в распространении запрещённых изданий» и сосланному «на три года в Вологодскую губернию». Его письмо к Шуваловой было написано в начале ноября 1887 г. Ответила 19 ноября А. А. Толстая: «Елена Шувалова и я работали в две силы и только теперь получили ответ, увы! весьма неудовлетворительный». Она полагала, что «вряд ли удастся смягчить наказание». «Елена Шувалова будет вам отвечать после попытки своего мужа. Она вас нежно любит...» – добавляла Толстая (ПАТ. 2011. С. 442). С гр. Шуваловой она передавала для семьи Толстых свою «посылочку» из Петербурга: «маленькие папироски для папá и, кстати, вязаное платице для Саши. Может быть, оно ей пригодится в ненастную погоду», – это уже март 1888 г. (там же. С. 550).

В 1891 г., незадолго до смерти, гр. Шувалова направила 200 рублей в голодающий Бузулук, о чём А. А. Толстая написала Т. Л. Толстой (там же. С. 573).

Н. И. Бурнашёва

ШУЛЬГИН Сергей Николаевич (1861–1929) – автор воспоминаний о Толстом, его корреспондент и адресат; преподаватель словесности 2-й женской тифлисской гимназии, автор статей по истории Кавказа, печатавшихся в «Сборниках материалов для описания местностей и племён Кавказа».

В 1903 г. через третье лицо (И. Накашидзе) Шульгину было предложено собрать для Толстого материалы о Хаджи-Мурате в Военно-историческом отделе Тифлисского архива и у частных лиц, в т. ч. у вдовы воинского начальника г. Нухи А. А. Каргановой. 3 февраля 1903 г. Шульгин писал Толстому: «Я с удовольствием принял это предложение и буду себя считать счастливым, если чем-нибудь окажусь для вас полезным. У г-жи Каргановой я был два раза, но удалось добыть немного, что я и посылаю вам при настоящем письме» (35: 616). К письму Шульгин приложил рассказ А. А. Каргановой и её ответы на вопросы Толстого. В своих воспоминаниях позднее он сообщал, что ещё послал Толстому в начале 1903 г. записанный им рассказ о Хаджи-Мурате зятя Шамиля. 21 февраля Толстой отвечал Шульгину письмом, в котором высказывал свои пожелания получить распоряжения Николая I «о ведении Кавказской войны».

15 июня 1903 г. Шульгин был в Ясной Поляне; он приехал к Толстому с просьбой разрешить напечатать рассказ зятя Шамиля. Из беседы с Шульгиным видно, что Толстой предполагал ввести в повесть ещё ряд сцен.

По поводу Николая I Толстой сказал Шульгину: «Приходится окунуться с головой в эпоху Николая и пересмотреть большой материал – и печатный и рукописный. И всё это, быть может, только для того, чтобы извлечь какие-нибудь две-три черты, которых читатель, пожалуй, и не заметит, а между тем они очень важны. Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи – Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского» (35: 622).

В письме от 21 июля 1903 г. Шульгин прислал Толстому справки по вопросам, записанным им в Ясной Поляне под диктовку писателя.

В декабре 1909 г. из Тифлиса Толстой получил «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» (Тифлис, 1909) со статьёй С. Н. Шульгина «Предание о шамилевском набе Хаджи-Мурате». 31 декабря, прочитав статью Шульгина, он сказал, «что нашёл его согласным с тем, как ему некогда рассказывали и как он сам описал в своей неизданной повести». За 4 месяца до смерти писатель получил от Шульгина ту же статью, изданную отдельной брошюрой под заглавием «Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках» (Тифлис, 1910) с автографом Шульгина: «Гр. Льву Николаевичу Толстому в знак глубокого почтения от автора. Июль 1910». Толстой просмотрел брошюру, она хранится в ЯПб.

Лит.: Шульгин С. Н. Из воспоминаний о гр. Л. Н. Толстом // Русская мысль. 1911, II.

Н. И. Бурнашёва

ШУМАН Роберт (Schumann; 1810–1856) – немецкий композитор-романтик. Автор 4 симфоний, фортепианного, скрипичного и виолончельного концертов, оригинальных песенных циклов («Любовь поэта», «Любовь и жизнь женщины» и др.); создатель «целого мира новых музыкальных форм».

Толстой был знаком со многими фортепианными сочинениями Шумана: «Карнавал», «Давидсбюндлеры», «Фантастические пьесы» – особенно любил «Вечером» и «Отче-го»... С. Л. Толстой вспоминал, что отец сам играл «Альбом для юношества» Шумана и пробовал исполнять некоторые недоступные ему по технике пьесы, как, например, «Симфонические этюды». Фортепианные сочинения Шумана он слушал в исполнении С. И. Танеева, А. Б. Гольденвейзера, С. Л. Толстого и др. пианистов. Нравился Толстому фортепианный концерт Шумана,

который играли для него на двух роялях Гольденвейзер и Танеев. Любил Толстой и вокальные произведения композитора. Песни Шумана он слушал в исполнении Т. А. Кузминской, даже сам аккомпанировал ей. Когда Шаляпин в январе 1900 г. в Хамовниках пел произведения Шумана, Толстой, слушая его, «одобрительно качал головой» (ЯПЗ. 2. С. 658).

Сочинения Шумана исполняли на фортепиано и обсуждали герои пьесы Толстого «И свет во тьме светит».

Отзывы писателя о творчестве Шумана были противоречивыми. Иногда музыка Шумана казалась ему «искусственной» (ЯПЗ. 2. С. 576) и чересчур «изысканной». А порой пьесы немецкого романтика приводили в восторг и вызывали слёзы. Так, слушая «Фантастические пьесы» в исполнении Розы Кауфман, жены Л. О. Пастернака, Толстой, совсем недавно негативно отозвавшийся о Шумане, «не мог удержать лившихся из глаз слёз, стал просить ещё играть» (Лев Толстой и музыка. С. 207). Характерный диалог записал В. Ф. Булгаков 10 июля 1910 г.: «Гольденвейзер много играл: Шуман, Шопен. “Как я люблю Шумана!” – говорит Софья Андреевна. “Да кто же его не любит?” – отвечает Лев Николаевич» (Булгаков. С. 278).

Ю. В. Прокопчук

ШУМИЛИН Алексей Иванович (даты жизни не установлены) – учитель в школе деревни Ломинцево, одной из школ, открытых Толстым в начале 1860-х гг. «Воспитанник Калужской гимназии» (60: 502). Толстой был не в восторге от Шумилина как учителя, это о нём сделана в дневнике 5 ноября 1861 г. короткая запись: «Учителя плохи. А. И. глуп» (48: 38). Очевидные неудачи ломинцевской школы в статье «О свободном возникновении и развитии школ в народе» Толстой объяснял несколькими причинами, в т. ч. и личностью учителя, «слабостью» его, потому что «стал поддаваться требованиям крестьян». В Ломинцеве «половина народа – грамотные и потому, как и всегда, с спутанными понятиями о школах, грамотности и образовании», а учитель «не умел повести дела так, чтобы переход от старых приёмов к новым был незаметен» (8: 158). Шумилин имел в виду Толстой, когда писал в этой статье: «В Ломинцевской школе ропот народа был сильнее, чем в прочих. Слабость и необщительность учителя, не пытавшегося объяснить крестьянам преимущества своих приёмов, и, главное, уступки их требованиям ещё более испортили дело» (8: 172). Шумилин – автор заметки «Книги Ломин-

цевской волости», напечатанной в 1862 г. в январском номере «Ясной Поляны» и подписанной инициалами «А. Ш.». В заметке дан перечень книг, «которые читает народ».

Имя Шумилина упоминалось в бумагах Тульской жандармерии.

В архиве Толстого сохранилось письмо Шумилина (почтовый штемпель – 15 февраля 1892 г.). Поздравляя с днём ангела, автор письма благодарил «за прежнюю хлеб-соль», которую он имел «в яснополянском доме в шестидесятые годы» (ОР ГМТ).

Н. И. Бурнашёва

ШУРАЕВ Иван Осипович («Иван», «Ваня»; 1887 – после 1964 г.) – крестьянин из Ясной Поляны, служил лакеем в доме Толстых; позднее, в 1930-е гг., работал монтером на Тульском оружейном заводе; до конца дней жил в Ясной Поляне.

В 1890-е гг. Ваня Шураев учился в яснополянской школе; Толстой называл его в числе «шести выдающихся» (ЯПЗ. 3. С. 29) своих учеников. У Толстых Ваню считали «революционером». 10 марта 1906 г., как записал Д. П. Маковицкий, Татьяна Львовна говорила: «Ваня страшный революционер. О Шмидте очень сокрушался. Раньше всех нас читает газеты» (ЯПЗ. 2. С. 73). «Л. Н. сказал, что Ваня (лакей) воспитывается газетами (каждый день усердно читает их), – отмечал Маковицкий 15 сентября 1910 г. – Это дурно, так как следствие чтения газет – то, что позволяет себе судить о вещах, которых не знает» (ЯПЗ. 4. С. 350–351). Иногда Ваня пересказывал Толстому информацию, прочитанную в газете (ЯПЗ. 2. С. 404). 25 апреля 1906 г. «Юлия Ивановна <Игумнова. – Н. Б.> сказала про Ваню, какой он революционер. Как сегодня с восторгом передавал известия, что было покушение на Дубасова. Потом говорил, что из Тулы выслали трёх рабочих – верно, тех, для которых просили вчерашние тульские старушки...» «Татьяна Львовна: Ванька – революционер» (ЯПЗ. 2. С. 121–122). Она не раз повторяла это. «Сейчас Таня говорила про Ивана, что он ненавидит господ, завидует. И мне так мучительно стало больно, грустно. Как жить под такой ненавистью?!» – запись 17 февраля 1907 г. в дневнике самого Толстого (56: 17).

Не только газеты читал Ваня, но и книги. 13 апреля 1906 г. «Л. Н. подарил Ване Шураеву книгу стихотворений Ратгауза, роскошное издание, которую получил в двух экземплярах» (ЯПЗ. 2. С. 107). В начале декабря Толстой дал Ване читать драму (видимо, «Сильные духом» В. И. Игнатьева) и потом вместе они «раскритиковали» эту драму (ЯПЗ. 2. С. 321).

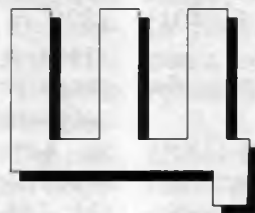
Ваня с «господами» играл «в пыжи», участвовал в развлечениях (ряженые), порой сопровождал Толстого на прогулках, присутствовал при разговорах в зале, иногда вставлял своё слово... 28 марта 1907 г. Маковицкий записал: «Ещё сегодня был, – рассказал Л. Н., – бывший солдат, попавший в каторгу на 12 лет, на Сахалин, добродушный человек». Ваня: «Он попал ни за что. Толкнул офицера, когда тот хотел его ударить». Л. Н.: «За это везде, и в Европе, строго наказывают. Военная служба до того отвратительна, что держится только такими страшными мерами»» (ЯПЗ. 2. С. 402).

Осенью 1906 г. Ваня Шураев собрался жениться. 8 октября Маковицкий записал: «Свадьба Вани. За обедом Михаил Сергеевич рассказал, что пошло шиворот-навыворот: невеста смеялась, а жених плакал. Софья Андреевна: Не она боится будущего, а он» (ЯПЗ. 2. С. 256–257).

Чутко прислушиваясь к своей душе, в последние годы жизни Толстой в общении с Иваном ощущал «новое душевное состояние»: «...сейчас позвал Ивана и что-то особенно радостное, близкое почувствовал в общении с ним. Дай Бог, дай Бог. Как будто почувствовал освобождение того, что одно есть: *ЛЮБВИ*» (запись в дневнике 21 декабря 1907 г. – 56: 89). 9 апреля 1908 г. Маковицкий записал, что «Л. Н. говорил Николаеву о роскоши, праздной обстановке в доме. Что за обедом он смотрел на Ваню (лакея) – какое сосредоточенное лицо! Совесть стало» (ЯПЗ. 3, С. 52). 15 февр. 1909 г.: «Здоровье хорошо, говорил с Ваней. Не могу без слёз» (57: 27), – заметил Толстой в дневнике.

С 1909 г. Ваня Шураев стал лакеем у М. С. и Т. Л. Сухотиных.

Н. И. Бурнашова



ЩЕБАЛЬСКИЙ Пётр Карлович (1810–1886) – знакомый Толстого; военный историк, литератор. Происходил из небогатых дворян Псковской губ. Закончил артиллерийское училище. В 1836–1842 гг. служил в гвардейской артиллерии. За участие в дуэли был разжалован в канониры и переведён в полевую артиллерию Кавказской гренадерской бригады. В первый же год кавказской службы отличился и получил солдатского Георгия за заслуги. Он участвовал в ряде боевых экспедиций в Чечне, Дагестане, в движениях к крепости Внезапной, в отражениях полчищ Шамиля от крепости Грозной... Пробыв на Кавказе шесть лет, за боевые заслуги был восстановлен в прежнем своём чине и в 1848 г. возвращён в гвардию. В 1854 г. принял должность московского полицмейстера. В 1858 г., уволенный от военной службы с чином статского советника, Щебальский был причислен к Министерству народного просвещения. С этим временем связаны его занятия русской историей, литературой, первые опыты в публицистике. В эти годы он занимался составлением обозрения русской журналистики для представления государю и по поручению тогдашнего министра народного просвещения составил «Историю цензуры в России». В эти же четыре года он подготовил к печати целую серию «Чтений из Русской истории с начала XVII века». Щебальский – автор ряда исторических монографий, многих научных и публицистических статей в «Русском вестнике», «Русском архиве», «Заре». Он печатал и критические статьи о выдающихся явлениях современной литературы.

Толстой познакомился со Щебальским в Москве осенью 1857 г. Летом 1867 г. писатель намеревался прочесть несколько

исторических глав «Войны и мира» узкому кружку знакомых историков, среди которых были М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, С. А. Соболевский и П. К. Щебальский, но чтение не состоялось. 3 декабря 1867 г. Щебальский читал две ненапечатанные главы «Войны и мира» в заседании Общества любителей российской словесности. В 1868 г. в «Русском вестнике» была опубликована статья Щебальского «“Война и мир”», соч. графа Л. Н. Толстого. М., 1868. I, II и III» (LXXIII, № 1. С. 300–320). Признавая безусловные достоинства книги Толстого и относя её к «замечательнейшим произведениям русской литературы», критик не мог согласиться с теми, для кого «в романе недостаточно веет эпохой». В таких персонажах, как Василий Денисов, старый граф Ростов с его охотой, масоны, Щебальский уловил подлинное веяние времени войны 1812 года. Он почувствовал «необычайную искренность и правдивость» автора, ощутил «чувство высокой нравственности, которое носится над всеми сочинениями» Толстого. «Доведёнными до совершенства» считал рецензент психологические портреты Андрея Болконского и Наташи Ростовской. Он подчёркивал мастерское изображение в книге и основных, и второстепенных действующих лиц, таких, например, как генерал Мак, «произносящий не больше десяти слов и остающийся на сцене не более десяти минут». «Граф Толстой, – писал критик, – находит возможным положить печать особенностям даже на первенствующих борзых собак в охотах Ростовых и их соседей». Наряду с этим рецензент обращал внимание на некоторые промахи автора: например, в двух главах названа разная дата открытия Гос. совета в 1810 г. Толстой читал статью Щебальского и во втором издании романа исправил эту

неточность. С. С. Урусов писал Толстому о Щебальском 12 декабря 1868 г.: «Этот новый тип нынешних историков прехладнокровно начал излагать свои (то есть, общие) мнения об истории по поводу вашего сочинения и ваших отзывов» (ОР ГМТ).

Последние 15 лет Щебальский жил в Царстве Польском и был редактором «Варшавского дневника». 13 февраля 1873 г. Толстой посетил М. П. Погодина, с которым вёл «любезную беседу» об историке Щебальском (Гусев. *Летопись*. 1. С. 401). Умер Щебальский в Варшаве.

Н. И. Бурнашѣва

ЩЕГЛОВ Дмитрий Фёдорович (1830–1902) – корреспондент и адресат Толстого; педагог, литератор. Был директором гимназий в Новочеркасске и в Одессе; член Императорского археологического общества, нередко организовывал раскопки в Донской области и в др. местах. Как публицист Щеглов выступал по вопросам образования: в журнале «Библиотека для чтения» (1862. № 2 и № 3) были напечатаны его статьи «Ближайшие средства для распространения образования в народе», в которой автор не соглашался со взглядами Толстого на книги для народа, и статья о журнале «Ясная Поляна», где Щеглов полемизировал с Толстым по поводу статьи «О народном образовании». В «Библиотеке для чтения» и в «Русском вестнике» Щеглов публиковал и исторические статьи. В 1889 г. им была издана двухтомная книга «История социальных систем от древности до наших дней», второй том которой он вместе с письмом отправил Толстому. 15 июня 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Вечером получил письма от Желтова и Щеглова. Щеглова письмо наглое, недоброе, беспокойное. Долго возился с ним, чтобы ответить» (50: 96). В письме от 10 июня 1889 г. Щеглов просил прислать ему сочинения Толстого, так как в следующей части своего труда он предполагал писать о нём. Толстой 16 июня 1889 г. благодарил Щеглова за присланную книгу: «Книгу вашу я ещё не успел прочесть, но надеюсь сделать это, так как предмет её огромной важности, очень интересует меня и, заглянув в неё, я убедился, что найду в ней много для себя нового и поучительного» (64: 264). Он обещал передать свои сочинения, интересовавшие Щеглова: «В чём моя вера?» и др. В тот же день Толстой читал присланную Щегловым книгу: «Щеглов интересно», – отметил в дневнике (50: 97).

Т. А. Аллатова

ЩЕПКИН Митрофан Павлович (1832–1908) – знакомый Толстого; обществен-

ный деятель, публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1865 г. занял кафедру политической экономии в Петровской академии. Сотрудничал со многими изданиями: «Русский вестник», «Русские ведомости», «Известия Московской городской думы» и др. Основатель газеты «Русская летопись» (1870), издатель журнала «Самоуправление» (1906–1907). В 1862–1863 гг. – редактор «Московских ведомостей». В 1870–1878 гг. – гласный Московской городской думы, в 1896–1906 гг. – гласный Коломенского уездного и Московского губ. земских собраний. Член правления Купеческого банка. Автор работы «Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов» (М., 1882).

Толстой и Щепкин были знакомы с 1850-х гг. На протяжении многих лет общение носило поверхностный характер. Их сближение состоялось в период перелома в мировоззрении Толстого на рубеже 1870–1880-х гг. В это время Толстой часто навещал Щепкина в Москве, посвящал его в свои замыслы, советовался с ним. Наибольшее сближение произошло в период работы над трактатом «В чём моя вера?», в печатании которого Щепкин принимал самое активное участие. Именно он обратил внимание Толстого на В. К. Сютеева и помог писателю получить доступ к судебному производству по делам Сютеева. Толстой неоднократно обращался к Щепкину с просьбами о помощи людям, которым сочувствовал. В 1882 г. Щепкин был одним из организаторов переписи населения в Москве: в переписи активно участвовал Толстой. В 1880-е гг. в своей типографии Щепкин печатал произведения Толстого. В начале 1880-х гг. писателя волновал вопрос организации издательства по выпуску качественной литературы для народа. Эта идея обсуждалась единомышленниками, собиравшимися в московском доме Толстого. На одном из таких собраний в феврале 1884 г. в хамовническом доме Толстой прочитал «Речь о народных изданиях». На этом собрании был и Щепкин. Однако между ним и Толстым возникли разногласия по поводу работы будущего издательства. В частности, не было единства в определении понятия «народное» чтение. Для выхода из спорной ситуации Толстой предложил выпустить пробные издания, чтобы тем самым найти верный путь. Именно с этим категорически был не согласен Щепкин. В результате произошло охлаждение в отношениях между Толстым и Щепкиным. Спустя некоторое время идея Толстого о выпуске качественной литературы

для народа была осуществлена через создание издательства «Посредник». Щепкин был в хороших отношениях и с братом Толстого С. Н. Толстым.

Лит.: Митрофан Павлович Щепкин. М., 1910.

Д. В. Литвинов

ЩЕРБАК Антон Петрович (Щербаков; 1863–1930) – корреспондент и адресат Толстого; сын купца, мелкий землевладелец из Харьковской губ. (хутор Солодкий Сумского уезда). Неоднократно бывал в Ясной Поляне; вёл долгие беседы с Толстым. «Нынче ездил верхом с Щербаком, – запись в дневнике 27 августа 1903 г. – Говорили о свободе воли. Мне кажется, что я точно определил то, что мы называем свободой воли», и далее Толстой давал сформулированное им определение (54: 190).

Участник революционного движения 1880-х гг., позднее Щербак приблизился к мировоззрению Толстого. Познакомился с писателем в 1887 г.; под его влиянием изменил свою жизнь и в 1890-х гг. поселился в сельской общине на Кавказе вместе с толстовцем Р. (А.) В. Юшко. В письме к Юшко 19 августа 1897 г. Толстой писал: «Как я рад, что Щербаков с вами. Мне не верилось, чтобы он вас покинул. Передайте ему мой привет. Я полюбил его» (70: 123). После распада общины в 1898 г. Щербак переехал в Калифорнию, где стал фермером близ Лос-Анжелоса. Бывал в Канаде у духовоборов и написал о них статьи «Духоборы» (опубликована в «журнале свободной мысли» «Перевал». 1907, № 8–9) и «Духоборы за морем» (Русская мысль. 1908. № 4). В 1902 г. вернулся в Россию. 27 августа 1903 г. по пути в Харьковскую губ. заехал в Ясную Поляну с целью поздравить Толстого с 75-летием. Толстой «передавал слова Щербака, как ему нравилось в Калифорнии: климат мягкий, вода хорошая, жилища удобные, люди не задирь, лошади кроткие, собаки не кусаются, но от скуки – только повеситься» (ЯПЗ. I. С. 312). В 1905 г. играл видную роль в крестьянском движении в Харьковской губ. и в деятельности съезда Всероссийского крестьянского союза в Москве (ноябрь 1905).

Перед съездом Щербак побывал в Ясной Поляне. 31 октября 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «Пополудни приехал харьковский крестьянин Щербак (из Калифорнии). Приехал посоветоваться с Л. Н. об “освобождении земли от панов”, возвращении её крестьянам. <...> План Щербака: поделить уезд на волости по 15 000 десятин (на 10 000 душ), 100 десятин отвести под сель-

скохозяйственную школу, а остальное – общинам в полное распоряжение; земля не может быть заложена, продаваема, арендуема. Щербак производит очень сильное, внушительное, ошеломляющее впечатление. (Таким я себе представляю воздействие Бакунина.) У Щербака могучая, крупная фигура, чёрные, сверкающие глаза; лицо подвижное, как у актёра; меткие, энергичные движения, голова с чёрной гривой и кулачищи; громогласен и речист; убеждённый (и убедительный) тон, с каким провозглашает, долбит свою “непогрешимую” программу, внушительный.

Л. Н. после сказал о нём: “Saint-Just революции”. Л. Н. внимательно и спокойно выслушал потоки его речей. Когда Щербак остановился, чтобы получить ответ, Л. Н. высказал ему сжато, ясно, вразумительно свои взгляды на его мысли и деятельность и на революцию вообще, добавив (одно, что он одобряет у него): “Хорошо, что удерживаете от насилия”. Щербак, мне показалось, – продолжал Маковицкий, – сразу понял Л. Н., не спорил с ним, а только склонял его быть снисходительным к временным мерам революции; признавая учение Л. Н. как “великое”, как единственный путь в будущем. Л. Н.: “Если что во мне великого есть, так это то, что рассуждаю, как простой мужик”» (ЯПЗ. I. С. 445–446).

11 ноября 1905 г. некоторые газеты напечатали текст выступления Щербака на съезде. «В газетах речь Щербака на заседании Крестьянского союза в Москве (там он не был овечкой, как в Ясной. Призывал к насилию)», – отметил Маковицкий (ЯПЗ. I. С. 454). Когда 1 декабря 1905 г. в Ясной Поляне зашла речь о Всероссийском крестьянском съезде и о речах и поведении Щербака, Толстой в сердцах сказал: «Щербак – шут гороховый» (ЯПЗ. I. С. 480).

Его не раз арестовывали. В июле 1906 г. эмигрировал за границу, жил в Нью-Йорке. Писал Толстому и сообщал, что в Лос-Анжелосе, в Сан-Франциско и в Мексике живут свыше 4000 русских сектантов, что с 1 ноября 1910 г. для них предполагается издавать русскую газету «Великий океан». Он просил Толстого прислать для этой газеты какую-нибудь статью, а также присылать копии всех дальнейших работ. 24 февраля 1910 г. ему ответил В. Г. Чертков: Л. Н. нездоров, «он желает успеха вашей газете и очень рад помещать в ней все выходящие его статьи» (81: 282).

В 1917 г. Щербак, человек «неукротимого, разгульного характера» (ЯПЗ. I. С. 529), вернулся в Россию. Умер в Доме ветеранов революции имени Ильича.

Н. И. Бурашнёва

ЩЕРБАТОВ Григорий Алексеевич (1819–1881), князь – знакомый Толстого; сын московского генерал-губернатора кн. А. Г. Щербатова (1776–1848). Родился во Франции; получил домашнее образование. В 1835–1839 гг. учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета, после чего был определён в Киевский гусарский принца Лейхтенбергского полк, в том же году прикомандирован к Кавалергардскому полку. В 1842 г. перешёл на гражданскую службу старшим советником Московского губ. правления. В 1848 г. Щербатов был переведён в Министерство народного просвещения и назначен помощником попечителя Московского учебного округа. В 1850–1855 гг. – помощник попечителя С.-Петербургского учебного округа. С 26 августа 1856 г. – попечитель округа и председатель С.-Петербургского цензурного комитета (1856–1858). Оставался в этой должности до 18 июля 1858 г., когда по собственному желанию вышел в отставку.

В 1850-е гг. Толстой познакомился с Щербатовым. В его дневнике 1856–1857 гг. неоднократно упоминались дружеские визиты к князю. 9 декабря 1856 г. после проведённого у него вечера Толстой дал ему следующую характеристику: «Щербатова характер <...> переменчиво нежно-кроткий и способный на жестокость. Методист» (47: 104). Осенью 1856 г. кн. Щербатов как цензор рассматривал рассказ Толстого «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым»), над которым писатель работал в ноябре и с пропуском которого в цензуре возникли сложности. А. В. Дружинин сообщал Толстому мнение Щербатова по поводу рассказа: «Милейший друг Лев Николаевич, кн. Щербатов мил и прекрасен. Он просит вас о следующем: 1-е переменить заглавие, 2) смягчить резкие выражения об офицерах и вообще кавказцах, 3) показать от лица автора, что он возмущён был злостными отзывами Гуськова о его товарищах и храбрых воинах» (3: 313). Как видно из дневника, Толстой работал над корректурами 3 и 5 декабря 1856 г., и после предложенных Щербатовым изменений рассказ был одобрен цензурой и напечатан в XII книге «Библиотеки для чтения» за 1856 год.

В 1861–1864 гг. кн. Щербатов состоял петербургским губ. предводителем дворянства, был выбран гласным в С.-Петербургскую думу и в продолжение нескольких лет принимал активное участие в городском самоуправлении. К этому периоду относится и обширная земская деятельность Щербатова, с 1864 г. занимавшего должность председателя С.-Петербургского собрания

сельских хозяев. Последние годы жизни князь Щербатов провёл за границей, скончался в Генуе.

А. А. Федотова

ЩЕРБАТОВ Пётр Александрович (1811–?), князь – знакомый Толстого; отставной корнет; тульский помещик, его имения находились в Крапивенском, Тульском и Богородицком уездах. В 1850 г. у Толстого возник проект вместе с Щербатовым арендовать почтовую станцию. В последний день 1850 г. он записал в дневнике: «31 декабря был в дороге – виделся с Щербатовым и решил взять станцию, был у почтмейстера <у тульского почтмейстера А. Д. Дьяченко по делу об аренде почтовой станции. – Н. Б.>, но не довольно основательно переговорил с Щербатовым» (46: 43). Вероятно, имелась в виду станция «Ясная Поляна», находившаяся на тракте из Тулы в Орёл, в 17 верстах от Тулы, или станция «Ясенки» (впоследствии Щёкино). 2-го января 1851 г. Толстой планировал «ехать с Дьяковым и в ночь в Тулу. Заключить там с Щербатовым условие, воротиться в ночь 3-го в Ясную, пробыть до вечера, и 4-го в ночь ехать в Москву. В Туле оставить доверенность и прошение, быть у председателя» (46: 44). Недели две Толстого не оставляла идея аренды почтовой станции. 12 января запись в дневнике: «Москва. Встать в 8, ехать к Иверской, перечесть всё касательно станции, передумать, записать и ехать к Татищеву». А через день – резкий поворот: «13 генваря. Станцию сдал – характер не выдержал» (46: 44). Замысел вполне мог осуществиться, но Толстой отступил. 17 января 1851 г. он писал Т. А. Ёргольской: «Я отказался от почтового предприятия, так как мои условия в этом деле не были приняты. Этим я ничего не потерял, кроме небольшого количества времени и денег, которые, однако, мне возвратят не ближе 1-го февраля» (59: 85). Ёргольская отвечала племяннику 27 января: «Хорошо, что ты раздумал насчёт почтового предприятия. Князь Щербатов, говорят, разорившийся человек; ты бы только запутался в своих делах» (59: 88). Позднее, вспоминая об этом своём намерении, Толстой признавался, что «Щербатов казался добрым и милым», и это, видимо, сбилось с толку: «С Щербатовым был слаб...» – заметил Толстой в дневнике 3 апреля (46: 57).

Н. И. Бурнашёва

ЩЁГОЛЕВ Павел Елисеевич (1877–1931) – знакомый, корреспондент и адресат Толстого. Историк литературы и общественного движения, пушкинист. Учился

в С.-Петербургском университете, в 1899 г. был исключён за организацию крупного студенческого выступления, арестован и выслан в провинцию. В 1903 г. вернулся в Петербург, сдал экзамены экстерном и начал литературную, исследовательскую и издательскую деятельность. Издавал журналы «Былое» (1906–1907) и «Минувшие годы» (1908). Статьи и книги Щёголева в основном посвящены истории декабризма и биографии А. С. Пушкина.

Щёголев познакомился с Толстым в 1894 г., ещё будучи гимназистом, в Воронеже, в доме знакомых писателя Русановых, где Щёголев был репетитором их сына. Щёголев оставил воспоминание об этой и др. личных встречах с Толстым («Встречи с Толстым» // Новый мир. 1928. № 9. С. 207–213). По свидетельству Щёголева, Толстой поразил его тогда удивительной проницательностью: «Первое впечатление: показалось, о чём бы ни спросил этот человек, на всё ответил бы, не умолчал, не скрыл, не солгал». Толстой дал гимназисту Щёголеву автограф: «Желаю вам думать самому. Лев Толстой». Щёголев ещё трижды лично встречался с Толстым: в 1895, 1896 и 1899 гг. Когда, окончив гимназию, Щёголев приехал в Петербург, Толстой рекомендовал его в письме к Н. Н. Страхову в середине января 1896 г. как «чистого, нравственного»

и «очень способного молодого человека» и просил принимать в доме и познакомить с кем-нибудь в Петербурге (ПСПТС. 2. С. 1028). Позднее Толстого интересовали труды Щёголева по истории декабризма. 8 июня 1908 г. он благодарил Щёголева за присылку ему в подарок книги «А. С. Грибоедов и декабристы (по архивным материалам)» с приложением факсимиле дела о Грибоедове, хранящегося в Гос. архиве, изд. Суворина (СПб., 1905), а также за обещание прислать изданную Щёголевым «Русскую правду» П. И. Пестеля (СПб., 1906) (78: 163–164). В дневнике Толстого 12 февраля 1909 г. упоминалось о чтении статьи Щёголева «Пётр Григорьевич Каховский» // Былое. 1906. № 1–2 (57: 274).

Щёголев – автор статей о Толстом: «Популярность Толстого» // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 4. С. 164–165; «Блондинка в Ясной Поляне» // Щёголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 18–23.

После Октябрьской революции занимался организацией архивного дела (один из создателей Петроградского историко-революционного архива, член комитета Петроградского отделения Главархивов, с 1920 г. управляющий одним из отделений Гос. архивного фонда).

Т. А. Алпатова



ЭВАНС **Фредерик Вильям** (Evans; 1808–1893) – американский корреспондент и адресат Толстого; шекер, проповедник, автор брошюр и листовок с изложением истории и мировоззрения секты шекеров. Шекеры – религиозная секта в Северной Америке. Основное правило их жизни – безбрачие, потому их община могла расширяться только за счёт притока извне. Второй закон их учения – общее имущество и неустанный труд всех членов общины. Учение шекеров изложено в частности в труде Эванса Ф. В. «Shaker's of its origin, history, principles etc.» (Нью-Йорк, 1856) (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907).

Ф. Эванс был старейшиной главной общины шекеров в США, штат Нью-Йорк. С конца 1880-х гг. состоял в переписке с Толстым. Отправлял ему свои брошюры, листовки, излагающие учение шекеров и историю этой секты, а также высказывал свои мысли о некоторой общности их взглядов с Толстым. В числе отправленных листовок были: Старейшина Ф. В. Эванс «Всемирная республика. Манифест шекеров», «Государство. Новая земля и новое небо» (65: 242). Толстой считал замечательной статью Эванса о столетии Американской республики. Читал он в 1888 г. книгу Ф. Эванса «The Autobiography of a Shaker» (52: 311), также читал статьи Эванса в орегонском журнале «World's Advance Thought», присылаемом издателем специально Толстому. «В каждом номере я черпаю духовную пищу...» – писал Толстой Эвансу в 1891 г. (65: 241).

С большой радостью Толстой читал письма Ф. Эванса. «...Вы разделяете мои мысли о христианстве», – писал он своему корреспонденту. Писатель «был очень удовлет-

ворён» взглядами шекеров «относительно различных способов выражения религиозных чувств, сообразно с возрастом тех, к которым они обращены» (65: 241). Истинная христианская религия, исповедуемая шекерами и Эвансом в частности, рассуждения Эванса побуждали Толстого к глубоким размышлениям, что неоднократно отмечено в его дневнике 1889–1893 гг. «Думал о том, что вчера читал в книге Эванса, – записал он 28 ноября 1889 г., – что жизнь есть любовь, и когда жизнь любовь, то она радость, благо. Да, стало быть, всё, что нужно <...> это любить <...> всех всегда <...>. Думал: ведь я знаю это, ведь я писал об этом, ведь я как будто верю в это. Отчего же я не делаю этого?» (50: 185). 16 августа 1893 г. в книге Эванса Толстому понравилось его размышление о молитве: «...так как человек живёт только Богом, только тогда, когда он сознаёт в себе Бога и живёт им, то молитва есть то же, что обращение цветка к солнцу. Обращаясь к солнцу, он воспринимает в себя все лучи его» (52: 97).

Е. Г. Шестакова

ЭЙНГОРН **Наум Осипович** (1873–?) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; отставной артиллерийский капитан, знаток восточной философии, переводчик произведений индийской философии. 2 апреля 1909 г. Толстой получил от Эйнгорна письмо, отправленное со станции Чертолино Московско-Виндавской железной дороги. Оно привлекло внимание писателя. Автор рассказывал о своём увлечении индийской философией и выделял источники, которые оказали на него очень сильное влияние, став самыми нужными и полезными спутниками всей его жизни, в частности Swami Abhedānanda. «The Gospel of Rama

Krishna». 1907 («Провозвестие Рамакришны»). Письмо заинтересовало Толстого. В тот же день он написал Эйнгорну ответ, почувствовав в нём человека, «близкого по духу» (79: 142). Он соглашался с автором, что легенда о Кришне – «прекрасное дополнение к евангелию», подтверждающее вечность истин, а также «случайность легендарных» др. учений (79: 142). Писатель размышлял о популярных изданиях вечных истин и религий, об их ценности, пользе для широкого круга читателей. Толстой был уверен в том, что популяризация ведической мудрости, религиозных истин индусов будет чрезвычайно полезна для Европы. Вскоре было получено письмо Эйнгорна от 9 апреля, и писатель сделал на конверте характерную пометку: «Отвечать».

7 мая 1909 г. в Ясной Поляне Толстой говорил с Горбуновым-Посадовым «о книжках “Посредника”»: первая о Кришне. Иван Иванович переспросил, не о Рамакришне ли? – Нет. Рамакришна – новый, и он слаб. Из новых индийских мыслителей выдающиеся – Вивекананда, его надо будет сократить и издать – и Абхедананда. Ещё речь об Эйнгорне» (ЯПЗ. 3. С. 404). 14 мая 1909 г. Эйнгорн посетил Ясную Поляну: «...приехал Эйнгорн, бывший русский офицер, капитан в отставке – с ним Л. Н. переписывался о буддизме – глубокий знаток буддизма. Л. Н. сейчас же после обеда ушёл к себе в кабинет и туда позвал Эйнгорна» (ЯПЗ. 3. С. 414). Толстой увидел в нём человека «очень оригинального и серьёзного», «скромного, простого, глубокого» (57: 68). Общась с Толстым, гость постоянно ссылался на прочитанные им книги, особенно на Swami Abhedānanda «The Gospel of Rama Krishna» (1907). Толстой был хорошо знаком с «Провозвестием Рамакришны», читал и перечитывал его в 1907–1909 гг., всё более убеждаясь в том, что эта книга посвящена Кришне, а не Парамагамзе Рамакришне. Писатель очень хотел издать легенды о Кришне, взяв их из книги Баба Бхарати в переводе С. Д. Николаева. Переведённую книгу Толстой отредактировал и написал к ней предисловие. Книга была набрана в «Посреднике», но не опубликована. 24 мая 1909 г. в Ясной Поляне Толстой говорил об Эйнгорне: «Эйнгорн – оригинальный, самобытный человек, глубокий знаток буддизма. Получает 43 рубля пенсии. Когда тут был, говорил: “В деревне ношу самую простую одежду”. Бывший военный, капитан» (ЯПЗ. 3. С. 418). 15–16 августа 1909 г. в письме Эйнгорну он благодарил «милого» своего корреспондента за письма и «духовную работу над собой» (80: 61).

Н. А. Никитина

ЭЛПИДИН Михаил Константинович (1835–1908) – издатель запрещённых сочинений Толстого, русский революционер-шестидесятник, деятель вольной русской печати. Сын дьякона, окончил Чистопольское духовное училище, вольнослушатель Казанского университета. За участие в студенческих выступлениях 1861 г. выслан на родину. Член казанского революционного кружка. В 1863 г. арестован по делу о Казанском заговоре и приговорён к 5 годам каторги. 6 июля 1865 г. бежал из Казанского тюремного замка, эмигрировал в Европу и примкнул к «Молодой эмиграции». В 1866 г. организовал в Женеве издательство и русскую типографию (Genève, M. Elpidine, Libraire-éditeur). Был членом Женевской секции 1-го Интернационала. В Европе Элпидин стал ближайшим сотрудником А. И. Герцена и Н. П. Огарёва и продолжателем их деятельности. По завещанию Огарёва, скончавшегося в 1877 г., стал распорядителем Огарёвского фонда, по уставу которого проценты с капитала должны были тратиться на вольную русскую печать. Перевёз свою типографию в Цюрих. В ноябре 1881 г. открыл в Женеве книжную лавку. Впоследствии принял швейцарское подданство. За 40 лет издательской деятельности Элпидин выпустил около 200 книг, в т. ч. запрещённые цензурой произведения Толстого и др., а также каталоги своего книжного магазина (последний вышел в 1906 г.).

Начало сотрудничества Толстого с Элпидиным относится к середине 1880-х гг. Элпидин неоднократно писал письма Толстому в связи с печатанием его сочинений, однако письма Толстого к нему неизвестны. Деловые переговоры вёл, как правило, П. И. Бирюков. Хронология издания сочинений Толстого в женевском издательстве Элпидина свидетельствует о важности этого сотрудничества.

1884 г. – первое бесцензурное издание «Исповеди».

1885 г. – «Письмо к NN» и русский текст трактата «В чём моя вера?».

1886 г. – первые 20 глав трактата «Так что же нам делать?» под названием «Какова моя жизнь?». Под этим же названием книга была напечатана в журнале Элпидина «Общее дело» в №№ 82–86 (февраль–июнь 1886 г.).

1887 г. – отдельной брошюрой напечатана статья «Деньги», соответствующая главам XVII–XX трактата «Так что же нам делать?».

1889 г. – полностью напечатан трактат под заглавием «Что же нам делать?»

1890 г. – впервые на русском языке напечатано «Краткое изложение Евангелия».

Книга печаталась по неисправной копии и изобиловала большим количеством искажающих смысл опечаток. Напечатана «Крейцера соната» с послесловием Толстого (без цензурной правки).

1891 г. – без цензурных правок напечатаны сказка «Работник Емельян и пустой барабан», «Исследование догматического богословия» под заглавием «Критика догматического богословия», «Николай Палкин». Впервые увидел свет трактат «О жизни».

1892 г. – напечатан первый том «Соединения и перевода четырёх Евангелий». Издание оказалось крайне неудовлетворительным – с множеством опечаток, часто искажающих смысл, и с пропуском не только отдельных слов, но и целых страниц текста. В брошюре «Учение Т. М. Бондарева. Предисловие и изложение графа Л. Н. Толстого» впервые был напечатан нецензурированный текст статьи «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Впервые на русском языке увидела свет повесть «Ходите в свете, пока есть свет».

1893 г. – напечатан второй том «Соединения и перевода четырёх Евангелий».

1894 г. – напечатан третий том «Соединения и перевода четырёх Евангелий».

1895 г. – под заглавием «Ненапечатанное заключение к последнему отчёту о помощи голодающим Л. Н. Толстого» увидела свет статья «Заключение к последнему отчёту о помощи голодающим». Впервые по-русски напечатана статья «Христианство и патриотизм». Напечатано «Письмо Л. Н. Толстого о разуме и религии» (брошюра «Lettre sur la raison et la religion»).

1896 г. – издан трактат «Царство Божие внутри вас» с авторскими датой, подписью и пометой: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна. Л. Толстой». Опубликовано «Послесловие к статье П. И. Бирюкова “Гонение на христиан в России в 1895 г.”», напечатаны статья «О голоде», «Письмо Л. Н. Толстого к американцу о непротравлении» и «Патриотизм или мир? Письмо к англичанину».

1894–1896 гг. – издана книга «Л. Н. Толстой. Спелые колосья. Сборник мыслей и афоризмов, извлечённых из частной переписки Л. Н. Толстого. Составил с разрешения автора Д. Р. Кудрявцев».

В 1902 г. в издательстве Элпидина была напечатана книга Чезаре Ломброзо «Моё посещение Толстого».

Приведённые факты говорят о значимости издательской деятельности Элпидина в пропаганде идей Толстого в Европе и России. Бесцензурные издания сочинений Толстого, запрещённых к публикации в России, позволили сохранить значительный куль-

турно-исторический пласт наследия писателя.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

ЭЛЬСНЕР Анатолий Оттович (1856 – после 1916), барон – литератор, беллетрист, автор нескольких романов и поэм в стихах.

17 апреля 1888 г. Толстой послал В. Г. Черткову повесть Эльснера (видимо, о пьянстве). 29 ноября того же года Эльснер пришёл к Толстому в Хамовники «с своим романом» «Под сенью креста»; пришёл за рекомендацией для публикации. «Тоже тихое сумасшествие», – записал Толстой в дневнике (50: 7). П. И. Бирюкову в тот день он сообщал: «А. О. Эльснер, который написал одну вещь – повесть народную – для “Посредника”, очень недурную (она у Черткова) – “Вино” <“Деревня потонула в пьянстве” или «...в вине». – Н. Б.>, написал теперь роман “Под сенью креста”... и желает его напечатать в “Русском богатстве” или в “Неделе”. Предложите редакторам, пожалуйста. Он пришлёт рукопись прямо вам» (64: 199–200).

16 февраля 1889 г., уже с новым сочинением, опять был «после обеда Эльснер (жалкий, испорченный писательством)» (50: 37). 17 марта Толстой «прочёл Эльснера о Пенне, Пошино <т. е. П. И. Бирюкова. – Н. Б.> об астрономии и Черткова о Будде. Всё хорошо, особенно о Пенне и Будде. Очень хорошо» (50: 53). На следующий день рукопись повести Эльснера «На новой земле» об Уильяме Пенне (1644–1718), основателе столицы Пенсильвании Филадельфии, Толстой послал Черткову для напечатания, сопроводив её письмом: «Посылаю вам ещё повесть, составленную Эльснером, о Пенне, основателе Пенсильвании. Меня эта повесть тронула до слёз. Меня смущает только то, насколько исторически верно то, что написано. Я справлюсь и напишу вам. Кое-что придётся погладить» <видимо, отредактировать. – Н. Б.>. Для проверки исторической достоверности повести Эльснера Толстой ходил в библиотеку Румянцевского музея за книгой «Благодетели человечества. Вильям Пенн, основатель Пенсильвании. Сочинение Вильяма Гепворта Диксона» (СПб., 1873). 20 апреля 1889 г. он писал Черткову: «О Пенне я справился. Всё это автор выдумал, как и сам сказал мне теперь. Не знаю, что делать. Жалко бросить – хорошо. Предложу ему сделать из этого всё вымышленное – изменить имена. Как вы думаете?» (86: 229). Прислушался ли Эльснер к мнению и рекомендациям Толстого, неизвестно, но повесть о Пенне не была издана «Посредником».

Н. И. Бурнашёва

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Николаевич (1832–1893) – русский публицист, общественный деятель, ученый-агрохимик. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию, в 1853 г. служил в Петербургском арсенале, где руководил отливкой пушек для обороны Севастополя.

Редактировал первый русский «Химический журнал» (1859–1860); преподавал химию в высших учебных заведениях. За распространение среди студентов демократических идей был арестован и выслан под надзор полиции в своё родовое имение Батищево Смоленской губ. Создал там образцовое хозяйство и школу для подготовки «интеллигентных землевладельцев». Свой опыт описал в цикле публицистических писем «Из деревни» (11 писем опубликованы в «Отечественных записках» в 1872–1882 гг. и 12-е письмо – в «Вестнике Европы». 1887, № 5; отдельные издания – 1882, 1960, 1999). Энгельгардтом были выполнены работы по использованию в Смоленской губ. фосфоритной муки в качестве фосфорных удобрений, он был пропагандистом удобрений как средства повысить плодородие северных земель.

Толстой с большим интересом и сочувствием относился к созданной Энгельгардтом земледельческой общине и его книге. 11 ноября 1883 г. он писал С. А. Толстой из Ясной Поляны о чтении писем «Из деревни»: «Энгельгарт – прелесть. Это нельзя достаточно читать и хвалить – контраст нашей жизни и настоящей жизни мужиков, про который мы так старательно забываем.. Для меня это одна из тех книг, которая освобождает меня от части того, что я чувствую себя обязанным сделать. Но он сделал, и никто не читает. Или читают и говорят: “да что, он социалист”. А он и не думает быть социалистом, а говорит что есть» (83: 407). 15 (27) марта 1884 г. Толстой записал в дневнике о чтении «книжки Голохвастова против Энгельгардта. Кое-что хорошо, но как ужасна полемическая злость. Это урок для меня...» – отметил он (49: 68).

Т. А. Алпатова

ЭНГЕЛЬГАРДТ Михаил Александрович (1861–1915) – корреспондент и адресат Толстого; писатель, журналист, публицист, переводчик, социолог. Сын известного учёного-химика, агронома, общественного деятеля и публициста А. Н. Энгельгардта.

В годы учёбы в Петербургском университете сблизился с членами партии «Народная воля». После убийства императора Александра II у Энгельгардта на квартире произвели обыск, его арестовали и в мае 1882 г. выслали в имение отца Батищево

Дорогобужского уезда Смоленской губ. под надзор полиции. В это время в Батищеве его отец был занят устройством т. н. «интеллигентной деревни» и собрал вокруг себя молодых людей, в основном студентов, трудившихся наравне с крестьянами. Младший брат Михаила Николай вспоминал, что в умонастроениях передовой молодёжи совершился переворот, связанный с публицистическим творчеством Толстого: «Толстой первый внёс евангелие в среду совершенно нигилистическую с вытравленной религиозностью» (Энгельгардт Н. А. Давние эпизоды. VI. В интеллигентном скиту // Исторический вестник. 1911. Июнь. С. 846). Как писал мемуарист, теперь «молодёжь, приезжавшая в Батищево, уже вся оказывалась в большей или меньшей степени затронутой идеями “Исповеди” и “Свода” евангельских текстов <Толстого. – А. Б.>» (там же. С. 845).

Сложившееся у М. Энгельгардта представление об общности взглядов с Толстым побудило его в декабре 1882 г. обратиться к писателю за поддержкой в его заочном споре с религиозными философами В. С. Соловьёвым и И. С. Аксаковым. В конце сентября – начале октября 1882 г. в газете «Русь» вышла статья Соловьёва «О церкви и расколе». Энгельгардт откликнулся на неё полемической статьёй «По поводу статей г. Соловьёва», которую послал в редакцию «Руси». Но редактор газеты Аксаков не напечатал её из-за резкости выражений и запальчивого тона (Письма М. А. Энгельгардта // Письма Толстого и к Толстому. М.–Л., 1928. С. 317). Работа Энгельгардта не сохранилась, но в недолгой переписке с Аксаковым автор кратко пересказал её содержание: «Я старался доказать, что учение так называемой православной церкви не есть учение Христово, что оно противно учению Христову...» (Письма... С. 322). Последнее письмо Энгельгардта Аксакову датировано 29 ноября 1882 г. А 10 декабря он послал эту работу Толстому и просил высказать мнение о ней. Толстой отвечал письмом, текст которого остался неизвестен (14–16? декабря 1882 г.; 63: 460), но из переписки видно, что отклик Толстого был одобрительным, более того, писатель приглашал своего адресата к себе в Москву. В ответном письме Энгельгардт развивал ранее высказанные мысли об осуществлении евангельского учения в современности: «Не должны ли идти рука об руку основание общин, проповедь истинного <евангельского. – А. Б.> учения и стремление добиться известных реформ от государства?» (Письма... С. 310). Логика размышлений привела Энгельгардта к по-

становке вопроса об отношении истинного христианина к насилию: «должен ли христианин покоряться даже несправедливым и гнусным постановлениям; не делается ли он через это соучастником преступления?» (Письма... С. 308). Сам Энгельгардт отвечал утвердительно: «По-моему, делается: если перед моими глазами убивают или мучат людей; не должен ли я заступиться за них, когда они просят меня о помощи; хотя бы пришлось освобождать их силой» (*там же*). К письму, адресованному Толстому, Энгельгардт приложил свою переписку с Аксаковым, где также доказывал необходимость коренных социальных преобразований ради «общего блага». Он просил Толстого выслать ему «комментарии к Евангелию» (Письма... С. 310), видимо, разумея изданное за границей «Соединение, перевод и исследование четырёх Евангелий».

На рубеже 1882–1883 гг., но не позднее 20 января, Толстой написал ответ. В письме Энгельгардта он выделил два основных момента: во-первых, отношение к Соловьёву и Аксакову; во-вторых, вопрос о противлении злу насилием. Прежде всего он советовал Энгельгардту выработать особое отношение к религиозным мыслителям с отвлечённым складом ума, «при котором не тратились бы напрасно силы» (63: 113), а затем обратился к самой важной, по его мнению, проблеме противления злу насилием: «Освобождать и заступаться за людей силой – не должно, потому что этого нельзя и потому что пытаться делать добро насилием, т. е. злом – глупо» (63: 114). Толстой предостерегал Энгельгардта от возможных крайностей – «квиезма религиозного» и «революционного задора» (63: 119). Письмо Энгельгардту не было отправлено. Вместо этого по поручению Толстого в Батищево заехал М. С. Громека. Он передал Энгельгардту рукописную копию трактата Толстого «Краткое изложение Евангелия». Энгельгардт благодарил писателя в письме от 24 января 1883 г., а 25-м января помечено письмо Толстому Громеки, где он рассказывал об Энгельгардте. По мнению Громеки, смоленский корреспондент Толстого был «искренно убеждён, что насилие и война силою против зла есть следствие и орудия любви» (63: 132). Толстой отвечал: «Письмо ваше мне всё объяснило об Энгельгардте. Ужасно больно было» (63: 131). Энгельгардт изучил переданный ему Громекой трактат Толстого и вернул его автору вместе с длинным письмом от 19 марта 1883 г., в котором снова настаивал на необходимости борьбы со злом. Толстой не ответил Энгельгардту; на этом их заочное общение прекратилось.

Письмо Толстого Энгельгардту, не отправленное адресату, тем не менее получило известность и стало распространяться в рукописных копиях и нелегальных изданиях под несколькими заглавиями: «Письмо к N.N.», «О насилии», «О непротивлении злу злом...». В 1885 г. это письмо было напечатано в эмигрантском журнале «Общее дело» и впоследствии перепечатывалось за границей. Тогда же журналист Л. Е. Оболенский безуспешно попытался напечатать письмо в России. Лишь в 1900-е гг. письмо стало публиковаться в России среди др. сочинений писателя. Вместе с тем сразу после смерти Толстого во время подготовки к печати сборника «Новые письма Л. Н. Толстого» (1911) письмо Энгельгардту было изъято из него цензурой. В 1917 г. впервые в России «Посредник» опубликовал письмо Толстого отдельным изданием, а через год оно было напечатано в Самаре.

В переписке Толстого сохранилось свидетельство о значительном воздействии его письма Энгельгардту на читателей в середине 1880-х гг. В письме князю Л. Д. Урусову 15 апреля 1885 г. Толстой рассказывал о своей деятельности в «Посреднике» и приводил слова издателя И. Д. Сытина о том, что «молодые люди торгового мира» – издатели – «сейчас только прочли письмо к Энгельгардту и что чтение разъяснило для них значение этого дела издания и так подействовало на них, что они решили издавать в убыток <...>. Вообще сочувствие со всех сторон я вижу огромное...» (63: 235–236).

Письмо Энгельгардту стало началом долгой работы Толстого над трактатом «В чём моя вера?», где писатель упомянул о знакомстве с перепиской Энгельгардта и Аксакова и заметил: «Оба требуют насилия, и оба опираются на учение Христа» (23: 329).

В 1899 г. внимание Толстого привлекла новая книга Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости» (СПб., 1899), где автор развивал мысль о том, что буржуазный прогресс европейской цивилизации неизбежно оборачивается увеличением жестокости. В октябре 1899 г. Толстой отметил в записной книжке: «Одна из главных причин прогресса жестокости это то, что общественное устройство скрывает её» (53: 376). 18 декабря он записал в дневнике более развёрнутые размышления: «Эволюция прогресса жестокости. Я думаю, что тут есть большая доля правды. Жестокость увеличилась преимущественно потому, что совершилось содействующее увеличению материального богатства людей разделение труда» (53: 233). В конце записи Толстой

добавил: «Кажется, неверно. Подумаю» (*там же*).

Лит.: Антюфеева И. Н. «Не знаю, как Вы отнесётесь ко мне...» (Л. Н. Толстой и М. А. Энгельгардт) // Антюфеева И. Н. Живые трепетные нити. Л. Н. Толстой и его смоленские корреспонденты и знакомые. Очерки. Смоленск, 1991. С. 53–65; Письма М. А. Энгельгардта // Письма Толстого и к Толстому. Юбил. сб. М.–Л., 1928. С. 306–325.

А. Р. Боковня

ЭРДЕЛИ Иван Егорович (1870–1939) – русский военачальник, генерал от кавалерии (1917), муж М. А. Кузминской, племянницы С. А. Толстой. Из потомственных дворян Херсонской губ., восходящих к выходцам из Венгрии и принявших православие. Отец – Егор (Георгий) Яковлевич, предводитель дворянства Херсонской губ. в 1871–1876 гг., мать – Леонида Никаноровна, рожд. Тулубьева. В 1890 г. окончил Николаевское кавалерийское училище и вышел в лейб-гвардии Гусарский его величества полк, а в 1897 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Толстой впервые упоминал Эрдели в дневниковой записи от 2 сентября 1889 г., когда во время обеда у Кузминских пришли кадеты-юноши – Эрдели и М. М. Корнаков. 26 августа 1890 г. Толстой отметил в дневнике приближение семейного события: «Узнал, что Маша Кузминская с Эрдели запутались уже чувственно» (51: 81). 29 марта 1891 г. в письме к жене он просил поцеловать «Кузминских и особенно Машу, за которую очень рад», и передавал «Ивану Егоровичу привет» (84: 70). С. А. Толстая относилась к Эрдели несколько настороженно. 23 декабря 1890 г. она отмечала в дневнике своё нерасположение к нему: «...приехала Маша Кузминская с Эрдели, мне неприятно было, что с ним, – и я не скрыла» (ДСАТ. 1. С. 134). Беспокоила неясность их отношений: «Маша Кузминская с Эрдели не особенно приятны: ни то ни сё, объявить женихами не велят, а ведут себя так» (*там же*). С. А. Толстая была озабочена судьбой племянницы, молочной сестры сына Льва, водившего дружбу с Эрдели: «С Эрдели в первый раз говорила откровенно об его отношениях к Маше Кузминской и об его свадьбе будущей. Они жалки с Машей; им так хочется соединиться, и всё что-то мешает» (*там же*. С. 135). Возвратившись 20 января 1891 г. от матери, Эрдели сообщил, что она не соглашается на брак с М. А. Кузминской ещё почти на 3 года, и С. А. Толстая делала вывод: «Он жалкий, слабый мальчик» (*там же*. С. 147). И поэтому М. А. Кузминская, будучи уже объяв-

ленной невестой Эрдели, ревниво относилась к своему жениху, так что даже сёстры Толстые, Мария и Татьяна Львовны, шутили на этот счёт: «...сегодня вечером общим советом решили, что Маша слишком пришила его к своим юбкам» (Толстовский ежегодник. 2003. Тула. 2006. С. 53), о чём они писали отцу 16 августа 1891 г. Свадьба состоялась 25 августа 1891 г. в Ясной Поляне: «У нас была очень, очень милая сватьяба <...> лёгкая сватьяба. Как лучше стали, нравственнее молодые люди! Я не нарадуюсь» (66: 34). После свадьбы и отъезда из Ясной Поляны с молодой женой Эрдели писал С. А. Толстой, принимавшей живое участие в его судьбе: «Удивительно памятны мне до мелких подробностей все наши разговоры, чувства и мысли в это время, и так они и остаются ясно-памятными мне и, надеюсь, сохранятся на всю жизнь» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 217).

Толстые останавливались в Петербурге у Эрдели, всячески опекая их семейство. 22 октября 1895 г., за несколько дней до рождения их дочери Марии, С. А. Толстая писала сыну Льву о своих наблюдениях: «В Петербурге на меня произвели радостное впечатление Маша и Ваня Эрдели. Прекрасно живут, дружно, счастливо, не поглощены только материальными заботами, а всем интересуются и всеми» («Октябрь». 2010. № 10. С. 76). В их семье было три сына и дочь. Эрдели продолжал бывать в Ясной Поляне у С. А. Толстой и после смерти Толстого.

В 1919 г. Эрдели разошёлся с женой и в 1920 г. эмигрировал во Францию. Один из создателей Добровольческой армии, после перелома в Гражданской войне он активно участвовал в деятельности Русского общевоинского союза, был членом правления Общества взаимопомощи бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Во втором браке Эрдели был женат с 1927 г. на баронессе Анне Амате фон Шиллинг (рожд. Бенкендорф). Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже.

А. С. Кондратьев

ЭРДЕЛИ Мария Александровна (рожд. Кузминская; 1869–1923) – племянница С. А. Толстой, вторая дочь Т. А. и А. М. Кузминских. С. А. Толстая ездила в Тулу на рождение и крестины Маши Кузминской, ровесницы её сына Льва, который стал её молочным братом, так как матери выхаживали их сообща: «Когда они были грудными детьми, случалось, что я кормила грудью Машу, а сестра моя кормила Лёвушку» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 175).

Толстой был очень привязан к девочке, о чём писал в ноябре 1887 г. А. М. Кузминскому: «Маша ваша так приятна, мила и хороша, что жаль расставаться с ней...» (90: 265), а 2 декабря 1889 г. – Т. А. Кузминской: «...и чувства у неё хороши и мысли умные» (64: 340). Так, в 1889 г. Толстой обратил внимание на вдумчивый характер концептуальных выписок Маши Кузминской из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «...показала мне свои выписки из Гоголя – хорошие» (64: 307), а уезжавшая в Петербург Маша выпросила у Толстого для своих родителей ещё неопубликованную «Крейцерову сонату»; в их доме и состоялось первое публичное чтение повести. С. А. Толстая отмечала в дневниковой записи от 18 июня 1891 г. влияние Толстого на Эрдели, тяготеющую к утверждению объединяющих начал бытия: «Лёва что-то пишет, а Маша Кузминская ему переписывает» (ДСАТ. 1. С. 198). Узнать же, над чем они работали, С. А. Толстая, обострённо переживая расхождения со взглядами мужа, так и не решилась. Интерес к миропониманию Толстого у Эрдели сохранился и после её свадьбы в 1891 г.: 7 февраля 1905 г. вместе с матерью и сестрой Верой ездила в Тулу, где «смотрели "Порку" Орлова, а потом в кабинете Л. Н. снимки с других картин Орлова» (ЯПЗ. 1. С. 166). И неспроста в шаржированных шутках яснополянского «Почтового ящика» было верно указано, что идеал Эрдели – «общая семья», а знание чужой души оценено на пятёрку с плюсом, и посему она «центр внимания яснополянской молодёжи».

Любимая племянница входила в самый близкий круг общения С. А. Толстой: «Удивительно милый и приятный характер: всегда весела, всегда всем готова служить и правдива, ясна, чиста. Чем больше её знаешь, тем больше любишь» (САТ. *Моя жизнь*. 2. С. 44). Когда в 1881 г. А. М. Кузминский, переезжавший из Харькова в Петербург, к новому месту службы, оставил свою Машу в Москве у Толстых, С. А. Толстая с восемью детьми, один из которых – новорождённый, восприняла это благосклонно: «Для моей маленькой Маши это было очень приятно и полезно. Они учились вместе, гуляли и играли вместе, и эта милая девочка, Маша Кузминская, не только не доставляла мне хлопоты, но была чрезвычайно приятна» (САТ. *Моя жизнь*. 1. С. 359): ведь считалась частью их семьи. Близких друзей, Т. Л. и М. Л. Толстых с Эрдели, М. А. Стахович назвал *табунком*, состоящим из весёлых и открытых миру девочек, склонных размышлять о проблемах самоопределения человека. В сентябре

1889 г. Эрдели и М. Л. Толстая, big Маша и little Маша, увлечённо занимались, что и привлекло внимание Толстого: «...подошёл к окну девочек: сидят по местам, читают и пишут <...> мы поговорили про самые серьёзные в мире вещи, про то, как жить хорошо» (64: 307).

Толстой неодобрительно относился к предстоящему замужеству Маши Кузминской. 9 января 1891 г. он сделал приписку в письме её к матери по случаю именин 12 января: «Маша твоя очень мила, но страшна: страшно так ставить всю жизнь на одну карту, как она делает, что я ей и говорю» (65: 218). С. А. Толстая, хоть и занималась приданным племянницы, также была встревожена затянувшейся неопределённостью положения невесты: «Маша Кузминская ушла с приехавшим женихом, Эрдели. Славный он, добрый, симпатичный мальчик. Но мальчик! вот что страшно, ему 20 лет» (ДСАТ. 1. С. 192). Свадьба Эрдели состоялась в Ясной Поляне 25 августа 1891 г.

Семья Эрдели продолжала бывать в Ясной Поляне и после смерти Толстого. 21 июня 1912 г. С. А. Толстая писала В. Ф. Булгакову, что у неё гостили Кузминские, и «с ними ещё внучка, 16-летняя милая девочка» (Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 209) – М. И. Эрдели. 2 мая 1917 г. С. А. Толстая сообщала В. Ф. Булгакову: «Во флигель приезжает на лето вся семья Эрдели, и Тат. Льв. семья с ними будет жить вместе» (*там же*. С. 225).

А. С. Кондратьев

ЭРДЕНКО Михаил Гаврилович (1886–1940) – корреспондент и посетитель Толстого; скрипач, профессор Киевской, а затем и Московской консерваторий; с 1935 г. заслуженный деятель искусств. 22 октября 1909 г. вместе с женой Е. И. Эрденко, пианисткой, он приехал в Ясную Поляну. Толстой записал в дневнике о молодых музыкантах: «...стали играть. Превосходно. Он цыганской породы. Я особенно был тронут Nocturne'ом Шопена. И оказались очень милые люди» (57: 158). Кроме ноктюрна Шопена, муж и жена Эрденко исполнили еврейскую народную мелодию «Кол-Нидре», несколько вещей Г. Венявского, в т. ч. «Карнавал» и «Мазурку».

Об этом визите есть запись и у Маковицкого: «Утром приехал неприглашённый М. Г. Эрденко, двадцатитрёхлетний скрипач, ученик Гржимали, с женой. Хотел показать "свою манеру декламативного искусства" (исполнение) русской музыки, и задачей своей считает сделать её доступной для народа. Л. Н-чу, когда я ему передал, не понравились эти его речи, и Л. Н.

пожелал, чтобы не остались. <...> Эрденки уехали обратно в Щёкино, но, не достав билетов на скорый поезд, вернулись обратно в Ясную вместе с Фридманом, гостившим у Толстых, тоже не доставшим билета, и вечером играли. <...> Эрденко сыграл какой-то шведский романс, который Л. Н.-чу не понравился. Потом Шопена “Ноктюрн”, что Л. Н. привело в восторг. “Какая у вас нежность, грация, сила, чувство меры!” <...> Л. Н.: “Еврейская молитва – вопль, экстаз”. Эрденко говорил, что его предки по отцовской линии были цыгане. Внешне исповедовали христианство, в душе – иудейство. Он сыграл еврейскую скорбную песню, которую евреи поют в Судный день. Говорил, что он 15-летним давал концерт. Л. Н.: “Что он играл, мы не знаем, но так сыграл, что в душу ударил, особенно ритмические вещи, мазурки. Эрденко – самоучка, но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл. В искусстве – первая вещь, чтобы не слышно было личности, что Я это выдумал. <...> Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так играл, эффекты страстные”. Л. Н. написал на портрете, который дал Эрденкам: “В память большого нам доставленного удовольствия»» (ЯПЗ. 4. С. 83–84). Сам Эрденко в своей статье «Из жизни Л. Н. Толстого» (Одесские новости. 1910, 10 ноября) писал, что «Карнавал» Г. Венявского «вызвал у Льва Николаевича очень весёлое настроение, а мазурка Венявского так подействовала на старца, что он прошёлся по комнате в пляс».

26 октября в Ясной Поляне говорили об Эрденко. Софья Андреевна сказала, что её знакомые музыканты его не знают, на что Толстой заметил: «Он им не понравится, он не классик. Это не Сибор» (ЯПЗ. 4. С. 88).

Летом 1910 г., 23 июня, муж и жена Эрденко приехали в Отрадное, к Чертковым, где в эти дни гостил Толстой. «Мы провели у Чертковых 11 дней прекрасно, – писал Толстой дочери Т. Л. Сухотиной. – Нынче там был Эрденко, который играл удивительно» (82: 59). В. Г. Чертков тогда записал: «Л. Н. с огромным наслаждением слушал игру Эрденко. – “Играете ли классическое? Есть ли у вас Бетховена для скрипки? Баха? Предпочитаю его Бетховену. У Бетховена есть выдуманность. Легко его, верно, играть?.. У Паганини – технические трудности. Разнообразие голосов, фуги очень трудно передать на скрипке”».

По поводу еврейской молитвы “Col Nidris”, которую играл Эрденко: “Я думаю, она доступна. Очень сильное впечатление. Мотив – когда идёт в басу – очень хорош”.

По поводу замечания одного из присутствовавших о том, что музыку, как всё

просвещение, нужно выучиться понимать: “Нет, есть восприимчивая музыка, как, например, Шопена. Не могу понять, как могут быть непонятны его пьесы”. Л. Н.: “Я думаю, что музыкальные впечатления никак нельзя описывать. Чувствуешь и чувствуешь. Когда говоришь, что чувствуешь то-то и то-то, – это не то. Нельзя выразить. И лучше не пытаться. Венявский – бойкое, весёлое, еврейское – мрачное. Ну и что же? Это всё будет не то”» (ЛН. Т. 37–38. С. 536). Этот концерт у Чертковых описал и В. Ф. Булгаков: «Михаил Эрденко – известный скрипач, желавший играть Льву Николаевичу и для этого приехавший к Черткову. “Приехал? Вы его никогда не слышали? – Нет. – Получите большое удовольствие. – А разве вы, Лев Николаевич, припоминаете его игру? – Как же, как же!..” Выйдя к Эрденко, Лев Николаевич заметил ему: “Наверное, ещё лучше играете: ваш брат всегда так, настоящий артист – всегда подвигается вперёд”. Эрденко играл днём, потому что вечером Льву Николаевичу надо было ехать, и в два приёма – до и после прогулки Льва Николаевича.

Репертуар его разнообразный, с преобладанием лирических вещей, в том числе на народные темы. Классики почти не были представлены – только ноктюрн Шопена и ария Баха. Увлечение техникой. В общем, очень хороший скрипач. Лев Николаевич несколько раз плакал и горячо благодарил артиста и аккомпаниаторшу, его жену. Эрденко играл, между прочим, Чайковского. Лев Николаевич не любит Чайковского, но “Колыбельная” и “Осенняя песня” ему очень понравились» (Булгаков. С. 262). Маковицкий услышал, напротив, что «не понравилась “Колыбельная” Чайковского», но общее впечатление было одно: Толстой «выражал удовольствие, хвалил музыку: “Никогда так не наслаждался”» (ЯПЗ. 4. С. 286). После смерти Толстого М. Г. Эрденко написал воспоминания о своём знакомстве с писателем.

Н. И. Бурнашёва

ЭСАДЗЕ Семён Спиридонович (1870–1927) – историк, сотрудник Военно-исторического отдела Тифлисского архива. Собирает материалы для «Хаджи-Мурата». Начальник отдела генерал-лейтенант В. А. Потто, в конце декабря 1902 г. получив от Толстого письмо с просьбой о разрешении выписать из дел нужные ему сведения, поручил Эсадзе разыскать в делах архива штаба Кавказского округа материалы о Хаджи-Мурате. 5 февраля 1903 г. Эсадзе писал об этом Толстому и спрашивал, какие именно вопросы интересуют писателя. Тол-

стой отвечал ему 19 февраля 1903 г.: «Мне желательно иметь только то, что 1) касается Хаджи-Мурата и то, кроме всего того, что есть печатного об этом (всё это я знаю), и того, что есть в X томе актов, и 2) распоряжения императора Николая I о Хаджи-Мурате и вообще о Кавказской войне во время наместничества Воронцова и в особенности 50, 51 и 52 годов» (74: 42–43).

3 марта 1903 г. Эсадзе послал Толстому копии с некоторых документов из тифлисского архива, а также составленную им библиографию печатных источников «Библиографический указатель литературы о Кавказско-горской войне (1817–1845), мюридизме, Кази-мулле, Гамзат-беке и Шамиле», в котором названо 183 источника. Всего Эсадзе собрал и собственноручно переписал 151 документ Военно-исторического отдела штаба Кавказского округа. Из этих материалов Толстой использовал лишь переписку Ключеганау с Хаджи-Муратом.

Эсадзе руководил работой в архиве И. П. Накашидзе и С. Н. Шульгина.

19 марта Толстой писал И. П. Накашидзе: «Не знаю, как благодарить Эсадзе, приславшего мне столько выписок, сделанных своею рукой. Я никак не ожидал, что он положит столько труда на это, и мне теперь очень совестно перед ним. Не прислать ли мне ему мои сочинения с надписью?» (74: 72). Толстой просил прекратить поиски, так как материала было много и писатель уже несколько охладел к замыслу. «Эсадзе не хочет прекращать своей работы по Хаджи-Мурату, — отвечал Накашидзе, — думает, что вы писали потому, что стесняетесь утруждать его. Характерные резолюции Николая I отыскиваются, и он будет присылать их вам... Эсадзе просит только сообщить, какого характера сведения

о Хаджи-Мурате вас больше интересуют» (74: 73).

«Я с величайшей готовностью исполню всё, что Вы пожелаете... — писал сам Эсадзе Толстому. — Распоряжения императора Николая I в большинстве случаев кратки. В начале сороковых годов государь в собственноручной записке излагал своё мнение о Кавказско-горской войне. <...> Чтобы Вы могли лучше ориентироваться, считаю долгом также прислать карты Восточного и Западного Кавказа <...>. Присылаю также некоторые выдающиеся приказы Воронцова» (74: 122).

27 апреля 1903 г. Толстой опять писал И. П. Накашидзе: «Очень благодарен вам за сообщаемые сведения. Поблагодарите также от меня любезного Шульгина и Эсадзе. Как мне ни совестно это, я посылаю им свои сочинения, т.к. ничем другим не могу отблагодарить их» (74: 109). (Это были книги с автографами Толстого.)

6 мая Толстой обратился лично к Эсадзе: «Семён Спиридонович, получил ваши бумаги, книгу и карты и не знаю, как достаточно благодарить вас за тот огромный труд, который вы делали и делаете для меня. <...> Желал бы иметь случай чем-нибудь отплатить вам» (74: 122).

В Ясной Поляне до сих пор хранятся документы, присланные с Кавказа: Эсадзе С. С. Материалы военно-исторического отдела штаба Кавказского округа, 151 выписка. Библиотека Ясной Поляны. (Материалы к «Хаджи-Мурату»).

Лит.: Эсадзе С. С. Письма Л. Н. Толстого по поводу «Хаджи-Мурата» // Толстой Л. Н. Сочинения. Т. XVI. СПб., 1912. С. 301–303; С. С. Эсадзе. Некролог // К столетию Л. Н. Толстого. Сб. ст. М., 1928. С. 29.

Н. И. Бурнашёва

Ю

ЮВАЧЁВ Иван Павлович (псевд. И. П. Миролубов; 1860–1940) – посетитель и корреспондент Толстого; отец писателя Даниила Хармса (Ювачёва). Выпускник Технического училища Морского ведомства по штурманскому отделению (г. Кронштадт), прибыв на Черноморский флот, сблизился с революционно настроенной молодёжью. В 1883 г. был арестован, в 1884 г. проходил по делу народовольцев («процесс 14-ти», или «процесс Фигнер»), был приговорён к смертной казни, помилован: казнь заменили сначала заключением в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости, затем ссылкой на Сахалин, где Ювачёв провел восемь лет. С 1899 г. снова жил в Петербурге.

По свидетельству В. Н. Фигнер, находившейся в Шлиссельбургской крепости одновременно с Ювачёвым, «политические убеждения Ювачёва за год заточения совершенно изменились: из борца, завоевателя свободы насильственным путём, он превратился в миротворца в духе Толстого» (Фигнер В. Н. ПСС. Т. 2. Ч. 2. М., б.г. С. 120). В 1900 г. Ювачёв обратился к Толстому, спрашивая разрешение приехать к нему в Ясную Поляну: «Меня лично Вы не знаете, но, вероятно, слышали иногда кое-что о моём аресте, суде и ссылке от моего товарища по морскому корпусу М. О. Меньшикова» (ОР ГМТ). Тогда же Ювачёв выслал писателю свой очерк «Восемь лет на Сахалине».

27 ноября 1905 г. Ювачёв посетил Толстого, о чём писал Д. П. Маковицкий: «...И. П. Ювачёв (Миролубов), с кротким выражением бледного лица. С 1883 до 1889 г. пробыл в Шлиссельбурге и на Сахалине (восемь лет каторжным); был приговорён к смерти (но переменили ему наказание) за

то, что был знаком с Фигнер и ещё с кем-то, с которыми на самом деле знаком он вовсе не был ни лично, ни по переписке. Приехал поговорить с Л. Н. о вере; он близок к православию, верит в личного Бога. Отрицает насилие и знает многих бывших революционеров, которые отошли от насилия...» «Ювачёв рассказывал, что в детстве он был очень религиозен, в юности стал атеистом, в тюрьме опять вернулся к религии. Это его товарищи сочли за сумасшествие...» (ЯПЗ. 1. С. 474). «Ювачёв рассказывал о своём процессе и заключении в Шлиссельбурге (очень похоже на то, как Л. Н. описал Светлогуба в «Ещё трёх смертях»), скольких перевешали, сколько перемёрло, сошло с ума, какие это все были самоотверженные, энергичные, чистые люди» (ЯПЗ. 1. С. 475). Сходство с историей Светлогуба (персонажа повести Толстого «Божеское и человеческое») он объяснил Маковицкому тем, «что, вероятно, Л. Н. воспользовался для своей повести составленным Ювачёвым описанием своей жизни в крепости, которое он несколько лет тому назад послал Л. Н.» (там же).

Ювачёв также рассказывал об общественных настроениях в Петербурге: «социал-демократы хотят ввести диктатуру пролетариата. Они надеются, что если пролетариат захватит власть в России, то вслед за Россией то же самое произойдёт и в других государствах. А 80% крестьян не имеют понятия о социализме: они хотят земли, а социалисты смотрят на земельную реформу как на средство привлечения крестьян на свою сторону»; говорил о беспорядках в столице: «шайки вооружённых людей врываются в дома» (ЯПЗ. 1. С. 474). Толстой отреагировал на эти сообщения: «Не могу перестать благодарить Бога, что живу

в деревне, в стороне от всей этой злобы, раздоров» (*там же*).

Говоря о Сахалине, Ювачёв сравнивал свои впечатления с чеховскими: «Описание Сахалина Чеховым мрачное, так как должно было соответствовать требованиям либералов» (*ЯПЗ*. 1. С. 475). Вспомнили про историю отказа уральских казаков от военной службы, когда их выслали в г. Казалинск Туркестанской области (*ЯПЗ*. 1. С. 197). Толстой изучал это событие по рукописи, составленной для него неким офицером. Ювачёв, видимо, сообщил писателю новые важные сведения, и Толстой благодарил собеседника: «Спасибо вам, что вы мне так подробно рассказали про движение (неповиновение уральских казаков властям)» (*ЯПЗ*. 1. С. 475).

Ювачёв «очень понравился» Маковицкому: «один из самых милых людей, которых я видел в Ясной Поляне» (*ЯПЗ*. 1. С. 475). И Толстого заинтересовала личность нового знакомого: «Я описание одиночного заключения Ювачёва читал – было хорошее, – но не помню его <...>. Ювачёв по умственному характеру <...> напоминает мне Урусова: он тоже математик, и есть у него теории исторические» (*ЯПЗ*. 1. С. 476). О религиозных воззрениях посетителя он заметил: «Ювачёв православный, у него теория с запинкой, как была у Хомякова. Мне его теория православия очень нравится. Согласно его учению, после Христа были две церкви – иудейская и христианская. Иудейская разрушилась, когда Богу было угодно <...>. Теперь же есть православная церковь и церковь свободных христиан; существуют одна возле другой. Православная разрушится, когда Богу будет угодно; нападать на неё не надо» (*ЯПЗ*. 1. С. 476).

В конце февраля 1906 г. Ювачёв прислал в Ясную Поляну свои мемуарные очерки, опубликованные в «Историческом вестнике». Толстой внимательно отнёсся к этой корреспонденции: вечером 1 марта 1906 г. «в 10. 30. Л. Н. вынес из кабинета оттиски статей Ювачёва из “Исторического вестника”: 1) “В Шлиссельбургской тюрьме” (февраль 1906 г.); 2) “Закавказские сектанты” (январь 1904 г.); 3) “Распечатанные алтари” (январь 1906 г.); 4) “Монастырь-тюрьма” (март 1905 г.)» (*ЯПЗ*. 2. С. 65). С. А. Толстая в тот день писала Ювачёву о полученных от него книгах, «об их чтении в Ясной Поляне, о высказываниях Толстого: “как хорошо пишет”, “как просто”, “как прочувственно”» (*цит. по*: Сахарова Е. М. Судьба революционера и её отражение в творчестве Льва Толстого и Чехова. С. 174).

Толстого заинтересовал материал о сектантах-русских, исповедующих иудаизм:

«Ювачёв описывает “субботников”. Русские люди переняли еврейскую веру: Старый закон и Талмуд, обряды (на голову надевают рухопитель), раввины, у них есть обрезание. <...> Удивительное это явление – искание правды – у русского народа. Метание в ту и другую сторону» (*ЯПЗ*. 2. С. 65).

Результатом знакомства Толстого с Ювачёвым стало издание в 1907 г. «Посредником» книги Ювачёва (И. П. Миролубова) «Шлиссельбургская крепость». После личного знакомства Толстой и Ювачёв продолжали переписываться: со многими вопросами жизни и религии Ювачёв за ответом обращался к Толстому. 7 августа 1907 г. Толстой заметил: «Ювачёв, хотя я разрушаю его веру, относится ко мне очень хорошо» (*ЯПЗ*. 2. С. 475).

Лит.: Горбунов-Посадов И. Несколько слов от издателя // Ювачев И. П. (Миролубов И. П.). Шлиссельбургская крепость. М.: Посредник (№ 639), 1907. С. III–XVI; Сахарова Е. М. Судьба революционера и её отражение в творчестве Льва Толстого и Чехова // В творческой лаборатории Чехова. М., 1974. С. 162–181.

А. Р. Боковня

ЮШКО Авраам Васильевич (1867–1918) – корреспондент и адресат Толстого. Ещё в Кубанской войсковой гимназии проявил интерес к запрещённым произведениям Толстого. После исключения из гимназии за участие в толстовско-народническом кружке Юшко, отличавшийся обострённым чувством справедливости, пытался продолжить образование в Рижском политехническом училище, потом, сдав экстерном экзамены, поступил в Дерптский ветеринарный институт, а затем перевёлся в Харьковский, который окончил в 1894 г. с дипломом ветеринарного врача.

Вместе с женой-учительницей, Е. А. Юшко, и детьми переехал в Геленджик, где был ещё студентом, и организовал толстовскую общину, чтобы на практике воплотить идеи толстовства. Свои размышления о нравственной составляющей жизни христианина Юшко изложил в письме к Толстому. 30 мая 1897 г. Толстой ответил: «Очень, очень вам благодарен за письмо. Я часто думал о вас и болел за вас, так как последние известия были нехороши, как будто вас разгоняли. Слава богу, что вы держитесь» (70: 89). Осложнения Юшко в отношениях с полицией были связаны с печатанием запрещённых сочинений Толстого, так что при обыске печатная машинка и гектограф были конфискованы. Несмотря на скитания, неблагонадёжный

Юшко, отказавшийся присягать Николаю II, более десяти лет вёл активную переписку с Толстым. 28 января 1901 г. Толстой, подерживая Юшко в выпавших на его долю испытаниях, писал: «Знаю, что жизнь ваша не такова, какою бы вы её желали. Я думаю, что это судьба всех людей, ищущих познания истины и осуществления её. <...> Только человек, живущий внешнею жизнью, может устроить хорошо свою внешнюю жизнь, именно свою, потому что человек, живущий внутренней жизнью, устраивая свою внутреннюю духовную жизнь, устраивает вместе с тем и жизнь других людей, но не свою внешнюю жизнь. Ваши мысли, разумеется, вполне для меня верны, так как мы черпали их из одного источника» (73: 28–29). Размышляя в письмах к Юшко о проблемах воспитания и общественного согласия, Толстой подчёркивал, что они «люди одноцентричные» (74: 123). В 1904 г., после начала Русско-японской войны, Юшко, требуя её прекращения, составил воззвание к российскому обществу. Отпечатав это воззвание в 10 тысячах экземплярах, он отослал его Толстому с надеждой получить его подпись и обратить внимание властей на документ. В ответном письме 20 ноября 1904 г. Толстой объяснил, почему он не согласен подписать: «...не согласен подписывать потому, что я своё воззвание <«Одумайтесь!»> – А. К. > написал и больше ничего сказать не могу. <...> Надеюсь, что это не повлияет на ту любовь и уважение, которые соединяют нас» (75: 183). Письмо осталось неотправленным.

Активный член Всероссийского крестьянского союза, основанного в Москве под влиянием революционных событий 1905 г., Юшко был выслан в Балашовский уезд Саратовской губ. В 1907 г. туда были вызваны каратели, чтобы усмирить крестьян, вырубивших помещичий лес, и Юшко призывал карателей не проливать кровь. Он был арестован, осуждён и приговорён к тюремному заключению; его привезли в Москву. В тюрьме заболел туберкулёзом. Толстой принимал участие в судьбе Юшко и его семьи. 23 июня 1907 г. он писал

московскому градоначальнику, что следует исправить ошибку «балашовских властей» в оценке поступков Юшко, «так много служившего людям своим знанием и трудом, столь отзывчивого к чужим страданиям и столь чуждого революционной жестокости» (77: 144). Через некоторое время Юшко освободили и он вернулся в Геленджик. Ещё в 1905 г. Толстой пытался предостеречь Юшко от излишнего упоения общественной деятельностью: «...думаю, что она несвойственна человеку, поставившему в основу своей жизни учение Христа, и чувствую – боль за вас, желание помочь вам выбраться из ложной деятельности <...> и почти уверенность, что слова мои не будут вами услышаны» (76: 26). И действительно, Юшко снова был арестован, осуждён и выслан в Вологодскую губ., а его сестра, Л. В. Сербашева, просила Толстого хлопотать об отмене постановления. Толстой снова 8 июня 1908 г. обращался к Московскому градоначальнику: «Всё, что я знаю о Юшко, говорит за то, что он человек хороший и кроткий и противник насилия» (78: 162). И всё же Юшко был выслан в Вологду и там продолжал свою деятельность как член Крестьянского союза. Затем снова суд и заключение в Петропавловскую крепость. В январе 1906 г. в Ясную Поляну неизвестным человеком было доставлено «Воззвание ко всем социалистическим партиям от арестованных Юшко и проч.», и 10 января 1906 г. Толстой высказал свою оценку их позиции: «...самоуверенность, сомнение и, главное, озлобление» (ЯПЗ. 2. С. 13). Освободили Юшко в январе 1907 г. Охваченный настроениями революции, он написал Толстому об углубляющемся расхождении их взглядов, подчеркнув, что благодарен ему за всё то, что получил от него. И как бы ни были остры противоречия в воззрениях Юшко и Толстого, писатель в последнем письме к нему от 26 сентября 1907 г. выразил мысль о возможности продолжения их диалога: «Очень радуюсь ненарушенной близости с вами» (77: 211).

А. С. Кондратьев

Я

ЯЗЫКОВ Семён Иванович (1787–1865) – крёстный отец Толстого, близкий приятель Н. И. Толстого, «ближний помещик» Белёвского уезда Тульской губ. и один из опекунов малолетних сирот, для которого 7-летний Лев декламировал стихи А. С. Пушкина; владелец деревни Бутырки. Толстой сохранил много воспоминаний, связанных с детством, с домом, с Языковым, весьма колоритной личностью. Для Николая Ильича он был главным товарищем по охоте и потому «часто гостил» у него в Ясной Поляне (34: 357). Толстой в мельчайших деталях запомнил рассказ тётеньки Т. А. Ёргольской об истории ожога на её руке, оставшегося из-за желания непременно испытать себя на прочность, повторив героическую историю Муция Сцеволы. Языков охотно участвовал в этом эксперименте, разжигал линейку на свече, к которой и приложил руку тётеньки, стоически выдержавшей это испытание. Случались и другие разоблачительные сюжеты, связанные с многоликим образом крёстного. Один из них связан с Пироговым, именем, принадлежавшим холостяку богачу Темяшеву, владельцу этого «золотого дна». Он оставил «запродажную запись», по которой Н. И. Толстой являлся хозяином «золотого» имени. Но в реальности всё вышло совсем не так. После смерти Николая Ильича Языков присвоил деньги, полученные от продажи Пирогова. Поэтому он не пользовался доверием у тётушек. У Александры Ильиничны Остен-Сакен после разговоров с Языковым даже начинались сильные головные боли.

Толстой запомнил приезды «крёстного отца С. И. Языкова, замечательно безобразного, пропахшего курительным табаком, с лишней кожей на большом лице, которую

он передёргивал в самые странные, беспрестанные гримасы» (34: 370), с «его гримасами, трубкой, лакеем, стоявшим за его стулом во время обеда» (34: 392). В январе 1851 г. Толстому довелось увидеть своего крёстного вместе с Киреевским в Москве. Он написал Т. А. Ёргольской об этой встрече в театре с «закадычными друзьями» Языковым и Киреевским, которые «даже живут вместе». Толстой «не подошёл ни к тому, ни к другому» (59: 85). Позднее, работая над романом «Декабристы», писатель в одном из набросков запечатлел Языкова в образе Езыкова, а спустя десятилетия упомянул в своих «Воспоминаниях» в нескольких главах: в конспекте «Воспоминаний» даже целый 22-й параграф был назван «Языков» (34: 343).

Н. А. Никитина

ЯКУБОВСКИЙ Юрий Осипович (1857–1929) – посетитель, корреспондент и адресат Толстого; банковский служащий сначала в Петербурге, потом – в Самарканде; эсперантист; автор воспоминаний «Л. Н. Толстой и его друзья» (1913). В августе 1890 г. Якубовский со своей старшей дочерью Ольгой по пути в Ташкент посетил Толстого в Ясной Поляне, после чего в дневнике 13 августа Толстой написал: «Только что хотел заснуть и потом заняться, как пришел Якубовский с девочкой из Петербурга. Едет в Самарканд. Тяжёл был. Ему тяжело. И я не нужен ему» (51: 75). 10 сентября 1894 г. Якубовский возвращался с Кавказа и вновь побывал в Ясной Поляне. Толстой записал в дневнике: «Якубовский не нравится мне. Разумеется, оттого, что я гадок» (52: 138). Он приезжал к Толстому и в августе 1908 г.: 5 августа «рассказывал про ташкентскую колонию

(В. А. Репина)» (*ЯПЗ*. 3. С. 161). 20 сентября он снова был у Толстого; Д. П. Маковский записал: «За обедом и после Л. Н. долго беседовал с Якубовским, вернувшимся из Петербурга. Якубовский рассказывал очень хорошо про бабидов и про 1905 и 1906 гг. в Туркестане, про бесчисленные экспроприации» (*ЯПЗ*. 3. С. 204). Говорили про смертную казнь, истязания при допросах и в тюрьмах. Последний раз Якубовский посетил Толстого в Ясной Поляне 17 октября 1910 г.

Е. А. Масолова

ЯНГ Джеймс Карлтон (Young James Carleton; 1856–1918) – американский корреспондент и адресат Толстого; библиофил, составитель каталога книг писателей XIX в. «*Catalogue of Authors' Inscribed Copies of American, English and Foreign Nineteenth Century Writers*. New York, Lent & Graff co., 1920». В начале марта 1900 г. из Бостона Янг прислал в Ясную Поляну письмо (от 26 февраля 1900 г.) с просьбой к писателю дать автограф на некоторых его сочинениях. Во всех письмах Янга (9 из них сохранились) содержалась одна и та же просьба: он предлагал выслать Толстому его произведения, на которых автор должен был оставить свои автографы и переслать книги обратно. В письмах Янг заверял Толстого: «Моё собрание будет неполным, если в него не войдут книги лучшего из русских писателей. Поэтому я прошу вашего разрешения послать вам ваши книги с указанной мною целью. Пересылка в оба конца будет оплачена заранее» (апрель 1903 г.; *Толстой и США*. С. 805). По просьбе Янга накануне нового 1904 г. от Толстого ему был послан роман «Анна Каренина» с автографом. «Дорогой и достопочтенный граф Толстой, – писал в ответ Янг. – Экземпляр “Анны Карениной” получен мною надлежащим образом. Я восхищён вашей надписью. Драгоценный том уже помещён мною в священную нишу среди моих редчайших сокровищ» (*там же*. С. 812). «Для меня чрезвычайно важно иметь все ваши великие произведения полностью представленными в моём собрании, которое по своему значению превосходит все когда-либо существовавшие», – писал Янг в другом послании (13 мая 1904 г.; *там же*. С. 813). В письме Толстому от 10 ноября 1905 г. американец ещё раз объяснял свой замысел: «Замысел мой состоит в том, чтобы собрать библиотеку избранных литературных произведений, и поскольку в Америке мы признаём вас не только как величайшего из русских писателей, но и как автора, чья слава навсегда останется нетленной, я не могу считать

свою работу завершённой, не получив ваших книг» (*там же*. С. 815). Сохранилось одно письмо Толстого к Янгу. На некоторые письма Янга отвечал по поручению Толстого П. А. Буланже, он же посылал и книги.

Н. И. Бурнашёва

ЯНЖУЛ Михаил Алексеевич (1851–?) – автор книги «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. Составил той же бригады капитан Янжул. Под ред. генерал-майора Чернявского» (В 2 т. Тифлис, 1886–1887) и маленькой статьи «К биографии графа Л. Н. Толстого» // *Русская старина*. Ежемесячное историческое издание. 1900. Январь–февраль–март. СПб., 1900. О себе он сообщал: «В 1871 году я был выпущен в офицеры в 20-ю артиллерийскую бригаду, в ту же батарею в станицу Старогладковскую, в которых 17 лет тому назад служил и жил граф Л. Н. Толстой. Станица Старогладковская с её типичными миловидными мамучками и удалыми гребенскими казаками и с “командирским домом, окружённым высокими старыми тополями”, описанные гр. Толстым в его известной повести “Казачи”, знакомы были мне в течение более двух десятков лет. В моё время в станице ещё свежа была память о Льве Николаевиче (там все его так называли); там же указывали и старушку Марьяну (героиню повести) и нескольких стариков-казаков, охотников, которые лично знали Льва Николаевича и вместе с ним охотились на фазанов и кабанов», – так писал он в статье «К биографии графа Л. Н. Толстого» (*там же*. С. 355). Вероятно, поводом взять в руки перо послужило то, что «более двух десятков лет» его службы прошли в тех краях, где всё напоминало о мирных и боевых буднях Толстого. Последние годы пребывания Янжула в Старогладковской были ознаменованы выходом в свет его двухтомного исторического очерка, работая над которым автор имел доступ к документам архива Окружного Артиллерийского управления; некоторые из них были помечены грифом «секретно». В статье были напечатаны прошение Толстого от 18 мая 1853 г. об отставке и два рапорта, которыми обменялись по этому поводу его начальники, подполковник Алексеев и капитан Мооро (*там же*. С. 356). Впоследствии эти документы печатались в *Юб.* (59: 234), но первым публикатором был Янжул. Второй документ данной статьи – «Экзаменированный лист об испытании в науках батареей № 4-й батареи 20-й артиллерийской

бригады фейерверкера 4-го класса графа Толстого, удостоиваемого к производству в офицеры по полевой артиллерии» от 13 января 1854 г. (*там же*. С. 357) – не публиковался более нигде.

Работая над «Хаджи-Муратом», Толстой собрал большое количество исторических источников о войне на Кавказе, список из 82 книг завершал труд Янжула. Для писателя эта книга была так же ценна, как и труды А. Л. Зиссермана, В. А. Полторацкого, В. А. Потто, М. Я. Ольшевского. Двухтомник Янжула сохранился в ЯПб.

Из множества исторических источников с материалами о событиях на Кавказе в XIX в. книга Янжула наиболее активно использовалась учёными для комментария к 46 и 59 тт. *Юб.*, содержащим «кавказские» страницы дневников и писем Толстого. Труд Янжула помогал уточнить хронологию и содержание событий, установить имена их участников, определить степень участия в них братьев Толстых, проливал свет на живые реалии и детали того времени, позволял узнать те подробности, о которых лишь скупо упоминал дневник Толстого. В результате создавалась очевидная картина той действительности, в которой жил Толстой на Кавказе и которую увековечил в своих произведениях.

Е. В. Белоусова

ЯРЫШКИН Александр Иванович (даты жизни не установлены) – корреспондент и адресат Толстого. Организатор «Одесского общества для борьбы с пьянством». Автор брошюр об алкоголизме («Общественные отравители» и др.). Одно время работал учителем. Толстой и Ярышкин не были знакомы лично. Толстой оказывал содействие Ярышкину в утверждении устава общества. Усилиями членов общества в Одессе была издана статья Толстого «Для чего люди одурманиваются?» (2-е издание статьи было запрещено цензурой). В своих письмах к Толстому Ярышкин просил поддержки и совета, какими способами лучше всего организовать борьбу с пьянством. Идею Ярышкина издавать специальный журнал Толстой воспринял скептически. Он полагал, что для этой цели есть два пути: «устное убеждение людей и привлечение их к согласию против пьянства» и «печатание листков, брошюр, чтение лекций». «Надо хоть стараться под корень подсесть зло. И мне кажется, что это очень возможно», – писал Толстой (письмо Ярышкину от 18 марта 1889 г.; 64: 237).

Д. В. Литвинов

ЯШВИЛЬ Лев Владимирович (1859–1917), князь – гость Ясной Поляны, корреспондент и адресат Толстого; в 1899–1903 гг. тульский вице-губернатор, камер-юнкер, впоследствии симбирский губернатор; к нему Толстой иногда обращался с просьбами.

22 июля 1902 г. Яшвиль приезжал к Толстому; в Настольном календаре отмечено: «...был Яшвиль» (54: 308). Общение продолжилось. 1 августа того же года при встрече с Яшвилем Толстой заметил: «Я всю жизнь учился и не перестаю учиться, и вот что я заметил, учение только тогда плодотворно, когда отвечает каким-нибудь моим запросам. Иначе оно бесполезно. Я помню, когда я был мировым посредником, я брал законы и старался их изучать и не мог ничего запомнить. Но стоило, чтобы для какого-нибудь дела мне были нужны известные статьи, я их всегда запоминал и мог потом применять на деле» (*Гольденвейзер*. С.82–83).

Вскоре он обратился к Яшвилю с реальной просьбой о помощи судаковским крестьянам, которые лишились своих хозяйств из-за прокладываемой по этим местам Тульско-Лихвинской железной дороги. Яшвиль заверил Толстого, что после проведенной оценки ущерба пострадавшие получат адекватные денежные компенсации. Толстой обращался к Яшвилю и с др. запросами. Так, он просил помочь некоей Богдановой из Крапивны, лишённой прав после потери паспорта. Приходилось ему также хлопотать за «руководителя» духовоборов П. В. Веригина. Однажды Толстого напугал неожиданный визит странного и весьма «сомнительного священника тюремного из Тулы», который почему-то привёз ему книги якобы от Яшвиля.

Своё общение с Яшвилем Толстой резюмировал весьма поучительным образом: «Думая о людях, которых не любишь, прибавляй эпитет: милый, бедный, милый Бибилов, милый Яшвиль, милый Победоносцев» (54:189). Это «милое», «удивительное» толстовское «самовнушение» позволяло ему искать и непременно находить в человеке ту сторону, с которой N.N. превращался в «милого Яшвиля».

В 1904 г. Яшвиль женился на кузине С. А. Стахович.

Н. А. Никитина

**СПИСОК СТАТЕЙ ВО 2-М ВЫПУСКЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
«ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ»
(ВНУТРИ ВЫПУСКА СТАТЬИ ДАНЫ ПО АЛФАВИТУ)**

Абрикосов Х. Н., Абхедананда С., Авилова Л. А., Агеев А. Н., Акршевский, Аксаков И. С., Аксаков К. С., Аксаков С. Т., Александр II, Александр III, Алексеев В. И., Алексеев Н. П., Апчевская Х. Д., Альбертини (Сухотина) Т. М., Альтшуллер И. Н., Алябьев А. А., Амвросий, Амшель А.-Ф., Андерсен Г.-Х., Андреас-Саломе Л., Андреев В. В., Андреев В. Н. (Андреев-Бурлак), Андреев Л. Н., Андреев Н. А., Аникин Т. И., Анненков П. В., Аносов И. В., Антокольский М. М., Антоний (Вадковский), Антоний (Храповицкий), Анучин Д. Н., Аполлов А. И., Арбузовы М. А., П. П., С. П., Аренский А. С., Арнольд М., Аронсон Н. Л., Арсеньева В. В., Арцимович М. В., Ауэрбах Б., Ауэрбах Г. А., Афанасьев А. Н., Ахшарумов Н. Д., Баба П.-Б., Базыкины А. А., Т. Е., Бакунины А. А., М. А., Бакшеев В. Н., Баллу Э., Бальзак О. де, Бальмонт К. Д., Балюзек Л. Ф., Банниковы М. Н., Ф. Ф., А. П., И. И., Т. Ф., Бартенев П. И., Баршева О. А., Барыкова А. П., Барятинский А. И., Башилов М. С., Бекетов А. Н., Бекетов В. Н., Белинский В. Г., Белинский С. М., Белый А., Беляев А. П., Беляев Ю. Д., Беранже П.-Ж., Берг Н. В., Бердяев Н. А., Беркенгейм Г. М., Берс Ал. А., Берс Ан. Е., Берс Е. А., Берс Л. А., Берс П. А., Берс С. А., Берсы, Бестужев-Марлинский А. А., Бём Е. М., Бибииков А. Н., Бибииков А. А., Бидерман Ф.-К., Бирюков П. И., Битовт Ю. Ю., Блаватская Е. П., Блохин Г. Ф., Блудов Д. Н., Боборыкин К. Н., Боборыкин П. Д., Бобринский А. П., Бобринский В. А., Богданович М. И., Бодлер Ш., Бокль Г.-Т., Болхины Гавр. И., Гр. И., Бондарев Т. М., Бонч-Бруевич В. Д., Борисовы А. Т., А. П., Ф. П., Боткин В. П., Броневский Е. А., Бронте Ш., Буайе П., Бугаев Н. В., Буемский Н. И., Буланже П. А., Булгаков В. Ф., Булгаков С. Н., Булыгин М. В., Булыгин С. М., Бунин И. А., Бутков В. П., Бутович М. Ф., Бутурлин А. С., Вагнер В.-Р., Валишевский К. Ф., Васнецов В. М., Величкина В. М., Венгеров С. А., Верди Дж., Вересаев В. В., Верещагин В. В., Веригин П. В., Верн Ж., Вернадский В. И., Веселитская-Божидарович Л. И., Веселовский А. Н., Вивекананда Св., Витте С. Ю., Власовы В. К., П. В., Вовчок М., Вогюэ Э.-М. де, Воейков А. С., Воейков Н. С., Волков К. В., Волконская Л. И., Волконская М. Н., Волконский А. А., Волконский С. Г., Волюнский А. Л., Воро-

бьев П. Е., Воронцов М. С., Воронцов С. М., Воронцова М. В., Вревский П. А., Вяземский К. А., Вяземский П. А., Гайдебуров В. П., Гайдебуров П. А., Гальперин-Каминский И. Д., Ганди М.-К., Ганзен П. Г., Гаррисон У.-Л., Гартунг М. А., Гаршин В. М., Гауптман Г., Ге Н. Н., Ге Н. Н.-сын, Гейне Г., Герасимов О. П., Герцен А. И., Гец Ф.-М.-Б., Гиляровский В. А., Гимбут К. Ф., Гинцбург И. Я., Гиппиус З. Н., Глебов П. Н., Глинка М. И., Гоголь Н. В., Голохвастов П. Д., Голсуорси Дж., Голубкина А. С., Гольденблат Б. О., Гольденвейзер А. Б., Гольцев В. А., Гончаров И. А., Горбунов И. Ф., Горбунов-Посадов И. И., Горчаков М. Д., Горчаковы, Горький М., Готье В. И., Грановский Т. Н., Григ Э.-Х., Григорович Д. В., Григорьев А. А., Громека М. С., Грот Н. Я., Гуревич Л. Я., Гусаров И. С., Гусев Н. Н., Гюго В.-М., Давыдов А. И., Давыдов Н. В., Даль В. И., Данилевский Г. П., Данилевский Н. Я., Данненберг П. А., Дараган П. М., Дарвин Ч.-Р., Делин М., Денисенко Е. С., Дерулед П., Джордж Г., Джордж Г.-сын, Диккенс Ч., Дистервег Ф.-А.-В., Добролюбов А. М., Добролюбоа Н. А., Долгоруков В. А., Дорэ Л.-К.-П.-Г., Досев Х. Ф., Достоевский Ф. М., Доул Н.-Х., Драгомиров М. И., Дрожжин Е. Н., Дрожжин С. Д., Дружинин А. В., Дунаев А. Н., Дьяков Д. А., Дьяковы Е. А. (рожд. Окулова), М. А., А. А., Е. А., Дюма А., Дюма А.-сын, Дягилев С. П., Егоровы А. Я., И. В., М. Е., П. Ф., Ф. Р., Елисеев А. П., Елпатьевский С. Я., Ермолов А. П., Ершов А. И., Ершовы С. Я., Я. И., Ещенко Е. М., Ёргольская Т. А., Жаровы И. Е., Н. Н., Жданов, Желтов Ф. А., Жидковы А. Ал., А. Ан., А. Г., Д. А., М. В., Жиркевич А. В., Жуковский В. А., Журавов И. Г., Забелин И. Е., Завалишин Д. И., Засодимский П. В., Захаров, Захарьин Г. А., Здзеховский М. Э., Зиновьев Н. А., Зиссерман А. Л., Злинченко К. П., Золя Э., Зорин М. Д., Зябровы В. Е., Е. А., К. Н., О. Н., П. О., Т. Е., Ибсен Г., Ивакин И. М., Иванов А. П., Иванов Н. А., Игумнов К. Н., Игумнова Ю. И., Иоанн Кронштадтский, Исаев Б., Иславин В. А., Иславин К. А., Иславин М. А., Исленьев А. М., Кавелин К. Д., Калмыкова А. М., Каменская М. Ф., Карамзина Е. Н., Карлейль Т., Карпентер Э., Карр Ж.-Б. А., Карус П., Касаткин Н. А., Катков М. Н., Кашкин Н. С., Келер Г. Ф., Кенворти Д.-К.,

Кеннан Дж., Кившенко А. Д., Кизевтер Г., Киплинг Дж.-Р., Киреевский И. В., Ключевский В. О., Кнорринг Ф. Г., Кобервейн Ж., Кобервейн М., Ковалевский Е. П., Козловы Д. Ф., Д. Д., Колбасин Д. Я., Колесников И. В., Колошин В. П., Колошина С. П., Комстадиус И. К., Кондаурова А. И., Конёнков С. Т., Кони А. Ф., Кониси М., Коновалов П. И., Константинов К. И., Конт О., Копылов Д. И., Корейш В. А., Корнилов В. А., Короленко В. Г., Костомаров Н. И., Коцебу П. Е., Краевский А. А., Крамской И. Н., Краснов В. Ф., Кремнёв Ф. Д., Кропоткин П. А., Кросби Э., Крыжановский Н. А., Крылов А. Л., Ку Хун-мин, Кудрин А. И., Кузминская Т. А., Куприн А. И., Курносёнков А. П., Кустодиев Б. М., Кутлер Ф. Ф., Лавеле Э.-Л.-В. де, Лазарев Е. Е., Ламанский В. И., Ламартин А.-М.-Л. де, Ландовска В., Лансере Е. Е., Лебрен В. А., Легг Дж., Легра Ж., Лелевель И., Ленин В. И., Леонтьев К. Н., Лермонтов М. Ю., Леруа-Болье А., Лесков Н. С., Лёвенфельд Р., Липранди П. П., Лист Ф., Лобачевский Н. И., Лонгинов М. Н., Лоранс Ж.-П., Лорис-Меликов М. Т., Лохмачёва П. Т., Лунин М. С., Ляпунов В. Д., Мадзини Дж., Майков А. Н., Макарий, Макаровы И. С., С. М., Маклаков В. А., Маклакова М. А., Маковицкий Д. П., Маковский В. Е., Максимов С. В., Мальцов (Мальцев) С. И., Марков Е. Л., Маркс А. Ф., Маркс К., Мартынов А. Е., Масарик Т. Г., Маслов А. И., Масловы Ф. И., В. И., А. И., С. И., Н. И., Мезенцов Н. В., Мейер Д. И., Мельгунов С. П., Менгден Е. И., Менделеев Д. И., Меншиков А. С., Меньков П. К., Меньшиков М. О., Мережковский Д. С., Метерлинк М., Мечников И. И., Мешков В. Н., Мещерский В. П., Миклухо-Маклай Н. Н., Милль Дж.-С., Милошевич М. Н., Милюков П. Н., Минаев И. П., Минаев Н. В., Мнролюбов В. С., Мисербиев С., Михаил Николаевич, Михайлов К. А., Михайловский Н. К., Михайловский-Данилевский А. И., Михеев И. Е., Молоствова З. М., Молочников В. А., Мопассан Ги де, Моравов А. В., Мори О., Морозов В. С., Морозов П. В., Мошин А. Н., Муравьёв Н. В., Муравьёв Н. К., Муравьёв-Апостол М. И., Мусин-Пушкин М. Н., Мэллори Л., Мюллер Ф.-М., Мясоедов Г. Г., Нагорнова В. В., Наживин И. Ф., Назарьев В. Н., Накашидзе Е. П., Накашидзе И. П., Нахимов П. С., Некрасов Н. А., Нерадовский П. И., Нестеров М. В., Никитин Д. В., Николаев П. П., Николаев С. Д., Николаева Л. Д., Николай I, Николай II, Николай Михайлович, Ницше Ф., Новиков А. М., Новиковы А. П., М. П., Новосёлов М. А., Норов А. С., Оболенская Е. В., Оболенская М. Л., Оболенский Д. Д., Оболенский Л. Е., Огарёв Н. П., Оголин А. С., Одаховский Ю. И., Озолин И. И., Олифер, Олсуфьев А. В., Олсуфьевы («графы»), Олсуфьевы («девичепольские»), Ольховик П. В., Ореховы А. С., Д. Ф., Н. К., Ф. Т., Орленев П. Н., Орлов В. Ф., Орлов Н. В., Орфано Н. Г., Осташков А., Остен-Сакен А. И., Остен-Сакен Д. Е., Остерман-Толстой А. И., Островский А. Н., Оуэн Р., Охотницкая Н. П., Панаев И. И., Панина С. В., Паркер Т., Пархоменко И. К., Паскевич-Эриванская И. И., Пастернак Л. О., Паульсон И. И., Пашков В. А., Перевлесский П. М., Перфильев В. С., Перфильева П. Ф., Петерсон Н. П., Пирогов Н. И., Писарев Д. И., Писемский А. Ф., Пистолькорс А. В., Плеве В. К., Плеханов Г. В., Победоносцев К. П., Погодин М. П., Поленов В. Д., Поленц В. фон, Поливанов Л. И., Полонский Я. П., Поссе В. А., Похитонов И. П., Прасковья Исаевна, Прево Э.-М., Пругавин А. С., Прудон П.-Ж., Прянишников И. М., Пуаре Я. В., Пушкин А. С., Пущин М. И., Пыпин А. Н., Пятковский А. Я., Раевские, Раевский И. И., Рамакришна Ш.-П., Рахманинов С. В., Рачинский С. А., Ред Н. А., Резуновы С. С., С. Ф., С. Е., Ф. Н., Ренан Ж.-Э., Репин И. Е., Рерих Н. К., Решетников Ф. М., Рёскин Дж., Рёссель Ф. И., Рильке Р.-М., Римский-Корсаков Н. А., Рис Ф. Ф., Розанов В. В., Роллан Р., Россини Дж., Россинский В. И., Россоломо Г. И., Ростовцев Н. Я., Рубин, Рубинштейн А. Г., Рубинштейн Н. Г., Ругин И. Д., Руднев А. М., Рудольф, Рузвельт Т., Румянцевы Н. М., С. Н., Русанов Г. А., Рыжова В. Н., Савина М. Г., Садовский П. М., Саломон Ш., Салтыков-Щедрин М. Е., Самарин П. Ф., Самарин Ю. Ф., Санд (Занд) Ж., Сафонов В. И., Сверчков Н. Е., Свешникова Е. П., Свистунов П. Н., Святополк-Мирский Д. И., Сейрон А., Семёнов Л. Д., Семёнов С. Т., Сен-Тома П.-Ш.-А., Сенкевич Г., Сергеенко А. П., Сергеенко П. А., Сердобольский А. П., Серов В. А., Сехин Е. П., Сидорков И. В., Синдзон А. К., Синэ Э., Сипягин Д. С., Скайлер Ю., Скворцов В. М., Скрыбин А. Н., Соболев А. И., Солдатёнков К. Т., Соллертинский С. А., Соллогуб В. А., Соловьёв В. С., Соловьёв С. М., Соломонида, Сопочко М. А., Сосницкий И. И., Спевак, Спиро С. П., Станиславский К. С., Стасов В. В., Стахович М. А., Стендаль, Стокхем А., Столыпин А. Д., Столыпин П. А., Стороженко Н. И., Страхов Н. Н., Страхов Ф. А., Стрепетова П. А., Струве

П. Б., Суворин А. С., Суворов И. В., Сулержицкий Л. А., Султанов П. А., Суриков В. И., Сухотин М. С., Сухотина Т. Л., Сушковы, Сытин И. Д., Сю Эж., Сютанов В. К., Танеев С. И., Теккерей У., Тимирязев К. А., Тищенко Ф. Ф., Токутоми Р., Толстая А. А., Толстая А. В., Толстая А. Л., Толстая В. Л., Толстая Е. В., Толстая М. К., Толстая М. М., Толстая М. Н. (мать), Толстая М. Н. (сестра), Толстая М. Н. (невестка), Толстая О. К., Толстая П. Н., Толстая С. А., Толстая С. Н., Толстая-Есенина С. А., Толстой А. К., Толстой Ал. Л., Толстой Ан. Л., Толстой В. П., Толстой Д. Н., Толстой И. Л., Толстой Ил. Л., Толстой Л. Л., Толстой М. Л., Толстой Н. И., Толстой Н. Л., Толстой Н. Н., Толстой П. Л., Толстой С. Л., Толстой С. Н., Толстой С. С., Толстой Ф. И., Толстой Ф. П., Торо Г.-Д., Тотлебен Э. И., Трегубов И. М., Третьяков П. М., Трещов Г. Д., Трояновский Б. С., Трубецкой П. П., Трубецкой С. Н., Тургенев И. С., Тьер Л.-А., Тютчев Ф. И., Тютчева Е. Ф., Уитмен У., Ульянов Н. П., Урусов Л. Д., Урусов С. С., Успенский Г. И., Успенский Н. В., Устрялов Н. Г., Ухтомский Э. Э., Ушинский К. Д., Файнерман И. Б., Фельтен Н. Е., Феокритова В. М., Феоктистов Е. М., Ферзен Г. Е., Фет А. А., Фёдоров Н. Ф., Фигнер Н. Н., М. И.,

Филарет, Филимонов В. С., Флобер Г., Фокановы К. М., М. М., Т. К., Фокин М. М., Франс А., Фрейганг А. И., Фриде А. Я., Фролковы Н. Я., Я. А., Хагельстам Ю.-В., Хаджи-Мурат, Хилков Д. А., Хилковский П. А., Хирьяков А. М., Хирьякова Е. Д., Холл Б., Хомяков А. С., Хомяков Д. А., Хоуэллс У.-Д., Хохлов Г. И., Хохлов П. Г., Хэпгуд И.-Ф., Цвейг С., Цветков Н. В., Цингер А. В., Чайковский П. И., Челышев М. Д., Чернышевский Н. Г., Чернышёв А. И., Чертков В. В., Чертков В. Г., Черткова А. К., Чехов А. П., Чистяков М. Н., Чичерин Б. Н., Чуковский К. И., Шаляпин Ф. И., Шамиль, Шаховской Д. И., Швейцер А., Шевич Л. Д., Шеллинг Ф.-В.-Й., Шентяков П. Ф., Шеншина-Фет М. П., Шестов Л. И., Шибунин (Шабунин) В., Шильдер Н. К., Шкарван А. А., Шмидт М. А., Шмит О.-Г., Шолом-Алейхем, Шопен Ф., Шопенгауэр А., Шоу Б., Штирнер М., Щеголёнок В. П., Щепкин М. С., Щуровский В. А., Эдисон Т.-Э., Элиот Дж., Эмерсон Р.-У., Эркман-Шатриан, Эрленвейн А. А., Эртель А. И., Эрьзя С. Д., Южин А. И., Юнге Е. Ф., Юрьев С. А., Юшков В. И., Юшкова П. И., Янжул И. И., Ярнефельт А., Ярошенко Н. А.

СПИСОК СТАТЕЙ В 3-М ВЫПУСКЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ» (ВНУТРИ ВЫПУСКА СТАТЬИ ДАНЫ ПО АЛФАВИТУ)

Абамелек-Лазарев С. С., Абрамович М. И., Абрикосов Н. А., Абрикосова Н. Л., Авксентьев И. И., Авсеенко В. Г., Агафья Михайловна, Агеева А. В., Адан П., Адлерберг Н. А., Азеф Е. Ф., Аксакова А. Ф., Аладьин А. Ф., Александра Фёдоровна, Александри Н. Н., Александров А. А., Алексеев П. С., Алексеева В. В., Алёхин Ал. В., Алёхин Арк. В., Алёхин М. В., Аллен Г., Алмазов А. И., Алмазов Б. Н., Альмединген Н. А., Амфитеатров А. В., Андерсен Ч., Андреева М. Ф., Андропов Н. П., Андросов М. С., Аникеева О. Д., Анке Н. Б., Анненков К. Н., Анненкова Л. Ф., Антипова А. А., Аншина А. Ф., Апраксины, Апухтин А. Н., Арлотта У., Арман Э., Армфельдт (семья), Арнаутов И. А., Арнольд Э., Арсеньев В. М., Арсеньев К. К., Арсеньев Н. В., Артёменко М. И., Архангельский А. Д., Архангельский А. И., Арцыбашев М. П., Арчер Г., Бантыш-Каменский Д. Н., Баргец И. И., Бардина С. И., Барин А., Баскин-Серединский С. З., Баташёв А. С.,

Батеньков Г. С., Баттерсби Г. Ф., Бахметев Н. Н., Бахметевы П. В. и А. Н., Башкирцева М. К., Бегичев Н. С., Безверхий П. Ф., Безобразов В. П., Беликов П. П., Беллами Э., Беллоуз Д., Белобородов Я. Ф., Бенеvская М. А., Бенеvский И. А., Бер Е.-Г.-С., Берви (Флеровский) В. В., Бергер И. А., Беренштам В. В., Берлиоз Г., Бернекер Э., Бери Ж., Бертенсон Л. Б., Бессонов П. А., Бибииков А. Д., Бибииков В. А., Бибииков В. Н., Бибиикова М. С., Биншток В. Л., Бирюков С. И., Бирюкова В. В., Бирюкова П. Н., Бисмарк О.-Э.-Л., Бичер-Стоу Г., Блок Ю., Блэк А., Богданов Р., Богомолец А. М., Богораз В. Г., Богоявленский Н. Е., Бойцов П. В., Болквандзе М. Г., Болотин И. П., Бонде А., Боратынская Е. И., Борисов И. П., Боровков Н. П., Боткин Д. П., Боткин М. П., Боткин С. П., Бочкарёв И. И., Брайан У. Д., Брамс И., Брандес Г., Брашнин И. П., Бриммер Э. В., Брукс Э.-Р., Булла К. К., Бунаков Н. Ф., Буняковский В. Я., Бурылин Д. Г., Буслаев Ф. И.,

Буткевич Андрей С., Буткевич Е. В., Буткевич Е. Ф., Бутлеров А. М., Бутс У., Быков Ф. Д., Бьёрнсон Б.-М., Бюрнуф Эж., Бюрнуф Э.-Л., Вагнер Н. П., Вайсов Г., Ван-дер-Вер Д., Ван Несс Т., Варсонофий, Васильев С. В., Васильчиков Б. А., Велеминский К., Вергани Ж., Верлен П., Вестерлунд Э.-Т., Ветвинов Г. Н., Ветвинова Т. Н., Ветрова М. Ф., Виардо-Гарсиа П., Визева Т., Вильсон Л. Ж., Винер Л., Виноградов Д. Ф., Виноградов Н. И., Владимирова Н. Т., Владыкина А. Е., Волкенштейн А. А., Волкенштейн Л. А., Волконская В. А., Вульф Е. Н., Высоцкий К. А., Гаврилов С. В., Гагина З. М., Гапон Г. А., Гарнетт К.-К., Гартман Э., Гастев П. Н., Гатцук Ал-др. А., Гатцук А. А., Гаярин И. Ф., Ге А. И., Ге А. П., Ге Е. И., Ге П. Н., Ге Пр. Н., Гельбиг Н. Д., Гельке, Гервинус Г.-Г., Геринг М., Герценштейн М. Я., Гершельман С. К., Гижицкий Г., Гиль Р. Р., Гладстон У. Ю., Глебов В. П., Глебова С. Н., Голицын А. В., Голицын Г. С., Голицын Ф. С., Голицына В. П., Голицына Е. А., Головин Я. И., Голохвастова О. А., Гольденвейзер А. А., Гольденвейзер А. С., Гончаренко Е. Е., Горбов Н. М., Горбунова-Посадова Е. Е., Горохов П. М., Горчаков С. Д., Горчакова Е. С., Грав Ж.-М., Градовский Г. К., Граубергер Ф. Х., Грибовский В. М., Григорьев А. Я., Гриффит Дж., Громан Ц., Грот К. Я., Грубе А. В., Грунский К., Грушецкий В. П., Губкина А. С., Гуляев И. В., Давыдов Д. В., Давыдова Е. М., Дадзани Г. А., Данилов В. А., Дашкевич П. Г., Делано А. П., Дельвиг А. А., Дементьев П. А., Демчинский Н. А., Денисенко И. В., Депрейс, Джонс В. Н., Джунковская Е. В., Джунковский Н. Ф., Диллон Э. М., Диомидов И. М., Дитерихс И. К., Дитерихс К. А., Дмитриева-Мамонова С. Э., Дмоховская А. В., Довнар-Запольский М. В., Долгов С. М., Долгоруков Павел Д., Долгоруков Пётр Д., Дольнер А. В., Дондуков-Корсаков М. А., Дондукова-Корсакова А. Н., Дондукова-Корсакова Е. А., Дондукова-Корсакова М. М., Дондукова-Корсакова М. Н., Дондукова-Корсакова О. М., Дондукова-Корсакова С. М., Дранков А. О., Дроздов И. Е., Дубенская М. А., Дубенский И. И., Дуброво И. И., Дудченко М. С., Дудченко Н. И., Дудышкин С. С., Дурново И. Н., Дурново М. А., Душкин Л. Е., Евдокимов А. А., Елагин Н. П., Елизавета Фёдоровна, Енгальцева О. В., Ермолаев Г. А., Жемчужников А. М., Жемчужников П. А., Жирарден Э., Жуанне Л.-П., Жюльен С.-Э., Заболотнюк С. А., Завальевский Н. С., Загоскин Н. П., Загоскина Е. Д., Залю-

бовский Ал. П., Залюбовский Ан. П., Зандер Н. А., Засосов В. И., Засулич В. И., Зацепин А. Т., Збайков И. Н., Звегинцева А. Е., Зверев Н. А., Зеленецкий Д. А., Златовратский Н. Н., Золотарёв В. П., Золотарёв М. П., Золотов В. А., Зонов А. С., Зубков В. В., Зуев В. Е., Зутнер Б., Зыбин И. А., Иванов А. А., Иванов (Воробьёв) К. Е., Иванова Н. П., Иванцов-Платонов А. М., Ивин И. В., Ивин И. С., Иенкен Н. А., Измайлов А. А., Изюмченко Н. Т., Иконников А. И., Иксуль В. И., Иловойский Д. И., Ильин Н. Д., Ильинская С. А., Ильинский И. В., Истомин В. К., Казадезюс А.-Г., Калал К., Калачёв А. В., Калачёв П. В., Калиновский В. Л., Калужинский Г. П., Кандидов П. П., Капнист П. А., Карабчевский Н. П., Карзинкина Е. А., Карно М., Карпов П. И., Картушин П. П., Кауфман М. П., Кауфман Ф. Ф., Кашевская Е. Н., Кёлер И. П., Киреевский Н. В., Кириллов П. Т., Кислинский А. Н., Кларк Ч.-А., Клейнмихель Е. П., Клобский И. М., Клодт О. К., Кнаус Л., Кнёрцер Н. А., Кобеко Д. Д., Ковалевский Евгр.П., Ковалевский М. М., Козлов А. А., Козловский В. М., Кок П.-Ш., Кокорев В. А., Колбасин Е. Я., Колби К.-Б., Колесниченко А. Я., Колокольцева М. Д., Колошин Д. П., Колошин С. П., Колошины, Комаровских Г. А., Конджер С. Б., Кондратьев И. В., Конкин И. Е., Коншин А. И., Коппе Ф., Копылов В. А., Копылов Н. Ф., Копылова А. С., Корганов Ив. И., Корганов И. И., Корганова А. А., Кореневский П. И., Корзинов А. А., Коровин К. А., Корф Н. В., Корш Е. Ф., Кошелёв А. И., Краснокутская В. Н., Краснокуцкий Н. А., Красовский И. И., Крашенинников В. Е., Крильмен Д., Крофорд Д.-М., Крупский А. Н., Крутик И. С., Крюков М. Ф., Кудашева Е. В., Кудрявцев Д. Р., Кудрявцев Т. А., Кузен В., Кузин С. Т., Кузминская В. А., Кузминская Д. А., Кузминский А. М., Кузминский В. А., Кузминский Д. А., Кузминский М. А., Кузнецов Г. Ф., Кузнецова Е. С., Кузьмин Н. М., Кун А. В., Куперник Л. А., Куприянов В. Г., Купфершmidt А. М., Купчинский Ф. П., Курносёнковы, Куропаткин А. Н., Курсинский А. А., Куртыш И. М., Кутелёва Е. П., Кушнерёв И. Н., Лабуле Л.-Э.-Р. де, Лавров В. М., Лавров П. Л., Лазарев И. Ф., Лазурский В. Ф., Ламенз, Лапин В., Лахман И. Й., Лебедев Ф. Е., Лебедева О. С., Лебединский И. Ф., Левин Л. Ф., Ледерле М. М., Ледерле П. М., Леонид, Леонтьев Б. Н., Леонтьев П. М., Лёвшин А. И., Лизогуб Д. А., Линденберг Г. Р., Линёв Д. А., Липранди Е. В., Липранди И. П., Лисицын М. М., Ли-

стовский С. И., Литошенко Д. А., Литошенко О. А., Лозинский Е. И., Ломброзо Ч., Лопатин А. М., Лопатин В. М., Лопатин Г. А., Лопатин Л. М., Лопатин Н. М., Лопатин Н. П., Лопухин А. А., Лопухин В. А., Лопухин С. А., Лопухина А. П., Луазон П.-Г., Лукашевич В. П., Львов Г. В., Львов Г. Е., Львов Н. А., Лэйк Э., Любимов Н. А., Майдель Е. И., Майнов В. В., Макалинский К. П., Макаров Н. Я., Макаров О. Д., Мак-Гахан В. Н., Макеев А. Г., Мак-Крири В. Т., Маковицкий П., Маколей Т.-Б., Максимов М. М., Малеваный К. Ф., Маликов А. К., Малиновский И. А., Малларме С., Мамонтов А. И., Мане Э., Мансурова Е. И., Маракуев В. Н., Мария Николаевна, Мария Фёдоровна, Маркхам Э., Мартынов А. В., Мартынов В. Н., Мартынов Н. А., Мартынова С. М., Масалин А. М., Махар Й. С., Махортов П. В., Мачтет Г. А., Медведев В. В., Мейербер Дж., Менгден В. М., Мериме П., Мещерская М. А., Мещерские, Мещерский Н. П., Милле Ж.-Ф., Милютин В. А., Милютин Д. А., Милютин Н. А., Минор Л. С., Минор (Залкинд) С. А., Минский Н. М., Михайлов М. Н., Мокшанцев А. Е., Моллас М. П., Молоствов Н. Г., Молостова Е. В., Молчанов М. М., Мольтке К.-Г., Моне К., Мороро Г. А., Мордвинов И. Н., Морозов Н. А., Морозов С. Т., Морозова А. Г., Морозова В. А., Моррис У., Муравьёв М. Н., Муромцев С. А., Муромцева М. Н., Муцухито (император), Мэвор Д., Мэйо И.-Ф., Мюллер Ф. М., Мясоедова Е. А., Нагаткин М. С., Нагорнов Н. М., Небогатов Н. И., Недбал О., Некрасова Е. С., Немирович-Данченко Вас. И., Немирович-Данченко Вл. И., Немолодышев Н. А., Немрава В., Нечаев Н. В., Никанор, Николаевы В. С. и Р. С., Нобель А., Новиков И. П., Новокшенов О. Ф., Новосильцев П. П., Нордау М., Нордман-Северова Н. Б., Нусбаум Г. И., Оболенская А. А., Оболенская Е. К., Оболенская Е. П., Оболенские, Оболенский А. В., Оболенский А. Д., Оболенский Д. А., Оболенский Е. П., Оболенский Л. Д., Оболенский Н. Л., Обьедков В. И., Огарёв В. И., Огарёва Ю. М., Оголин А. П., Огранович М. П., Одоевский В. Ф., Озеров Б. С., Озмидов Н. Л., Оленин П. А., Олсуфьев А. В., Олсуфьев Ал-др В., Олсуфьев В. Д., Олсуфьев Д. А., Олсуфьев М. А., Олсуфьева А. М., Олсуфьева Е. А., Ольденберг Г., Орехова А. Н., Орлов А. И., Орлов И. И., Орлова Е. Н., Осиповский Д. Т., Острогорский А. Я., Офросимов П. А., Павлов Н. Ф., Пальмерстон Г.-Д.-Т., Панаева А. Я., Панина В., Парфений, Парфений (тульский), Пасту-хов А. А., Паульсен Ф., Пелагеюшкины, Пеладан Ж., Перна А. Я., Перов В. Г., Перовская С. Л., Перовский Б. А., Перовский В. А., Перпер И. О., Персидская Е. М., Перфильев С. В., Перфильева А. С., Перфильева В. С., Петражицкий Л. И., Петров Г. С., Петров Е. П., Петров И. И., Петров М. А., Петров М. Я., Петров Н. И., Петрович А., Петрожицкий И. И., Петрункевич И. И., Пимен, Писарев Р. А., Писарева Е. П., Писаренко В. А., Планидин П. В., Платонов Н. Д., Плевако Ф. Н., Плетнёв П. А., Плюснин В. В., Погосский А. Ф., Поздняков В. Н., Покровский Е. А., Поливанов А. К., Поливанов М. А., Половцев А. В., Полторацкий В. А., Полубояринов А. И., Полушин Н. А., Поляков Г. А., Пономарёв И. И., Попов А. П., Попов В. М., Попов Е. И., Попов И. И., Попов С. М., Попова А. В., Попова А. И., Попова А. П., Попова Е. А., Потапенко И. Н., Потапов В. А., Потехин А. А., Прескотт У.-Х., Прессансе Э., Прокопенко С. П., Прокудин-Горский С. М., Протопопов Н. П., Прус Б., Прядко В. Я., Пукирев В. В., Пунга Г. А., Пуришкевич В. М., Путилина А. И., Раевская Е. П., Раевский П. И., Рахманов В. В., Рахметуллин М., Редсток Г. В., Редферн П., Рей Ж., Рейс Э., Ржевская Н. А., Римский-Корсаков Н. С., Рихау Д.-К., Робертсон Ф.-Р., Робертсон Ф.-У., Род Э., Родзянко Н. В., Рождественский З. П., Розен А. Г., Розов Я. И., Рокфеллер Д.-Д., Романник-Петрова К. А., Романов М., Рони Л.-Л.-Г., Ростовцев Н. Д., Рошин С. И., Рубан-Щуровская З. Г., Рубан-Щуровский Г. С., Рубцов Н. К., Рундальцов М. В., Русанова А. А., Рыбников П. Н., Рысаков Н. И., Рябинин М. А., Рябов Г. С., Савихин В. И., Савицкий К. А., Салаев Ф. И., Салиас де Турнемир Е. В., Самошкин Ф. И., Сахаров И. И., Сербеев Д. Д., Свечин Ф. А., Северянин Игорь, Семейский М. И., Сергей Александрович, Середя К., Сержпутовский А. О., Сибор Б. О., Сивицкий И. М., Сикорский И. А., Сильниак Я. И., Сильчевский Д. П., Симон Ж.-Ф., Симон Ф. П., Симонсон М. Ф., Синклер Д.-Д.-Т., Синклер Э., Сиранси К., Скипетров М. П., Скиталец, Скобелев М. Д., Скороходов В. И., Скороходов Н. Л., Слепцов В. А., Смирнова-Россет А. О., Смит Ч.-Э., Снегирёв В. Ф., Снегирёв И. М., Соболевский В. М., Соковнин Н. А., Соколов А. Н., Сокольников П. Н., Соловьёв А. Н., Соловьёв И. Г., Сологуб Ф., Сомова О. А., Софронов С. П., Спенглер О. Н., Спенглер Ф. Э., Спенсер Г., Стадлинг Й., Стамо Э. Р., Станкевич Н. В., Старинин И. И., Стахович А. А.

(старший), Стахович А. А. (сын), Стахович С. А., Стевени В. Б., Стелловский Ф. Т., Столыпин Ал-др Арк., Столыпин А. А., Столыпин Д. А., Страхова Л. Ф., Стыка Я., Стэд У., Суворов М. Д., Сулимовский М. И., Сутковой Н. Г., Сухонин С. С., Сухотин А. М., Сухотин Ал. М., Сухотин С. М., Сухотин Ф. М., Сухотина Н. М., Сухотины, Сытин С. Д., Сэндерленд Д. Т., Таиров А. А., Талызин А. А., Тамура Х., Татищев С. С., Телешов Н. Д., Темяшев А. А., Темяшева А. А., Тенишев В. В., Теплов М. В., Терсей Х. Е., Тёрнер К. И., Тимковский Н. И., Тимрот Е. А., Тихомиров Л. А., Тихоцкий А. А., Токутоми С., Толстая Вар. С., Толстая В. С., Толстая Д. Ф., Толстая Е. А., Толстая П. В., Толстой Г. С., Томашевский А. К., Тониллов Л. В., Тотомианц В. Ф., Трепов Д. Ф., Трескин В. В., Троицкий Д. Е., Трубецкие, Трубецкой В., Трузсон Ф. И., Трутовская В. К., Тулинов Н. И., Тургенев А. М., Уваров А. С., Уорд М. А., Урусова В. Д., Урусова М. Л., Урусова М. С., Усов П. А., Усов П. С., Усов С. А., Успенский П. Л., Ушаков С. П., Ушаков Ф. А., Уэллс Г.-Д., Фаррар Ф.-У., Федосеев Н. Е., Фейербах Л., Философов В. Н., Философов Н. А., Философова Н. Н., Философова С. А., Фишер К., Фофанов А. А., Фразер Г. Ф.,

Фредерикс О. В., Фрей В., Халтурин С. Н., Харада Т., Хейсингер И., Хилков Б. Д., Хилкова Ю. П., Хис К. О., Ходнев А. Д., Холарек Э., Холевинская М. М., Холлистер А., Хрусталёв Е. Д., Худяков И. А., Хэйг А., Цебрикова М. К., Цертелев Д. Н., Цибульский Д. Ф., Цуриков А. А., Чаадаев П. Я., Чайковский Н. В., Чемоданов Г. А., Ченцов Н. В., Чепелёв В. Т., Черёмушкин Б. Ф., Черкасский В. А., Чернов Е., Черткова Е. И., Чижев С. П., Шанкс М. Я., Шарапова А. Н., Шаслер М.-А.-Ф., Шатилов И. Н., Шевалье И., Шейерман В. А., Шеншин П. А., Шидловская В. А., Шидловский С. В., Шипов М. И., Шопов Г. С., Шостак Е. Н., Шпир А. А., Штанге А. Г., Штевен А. А., Штраус Р., Шувалова Е. И., Шульгин С. Н., Шуман Р., Шумилин А. И., Шураев И. О., Щербальский П. К., Щеглов Д. Ф., Щепкин М. П., Щербак А. П., Щербатов Г. А., Щербатов П. А., Щёголев П. Е., Эванс Ф. В., Эйнгорн Н. О., Элпидин М. М., Эльснер А. О., Энгельгардт А. Н., Энгельгардт М. А., Эрдели И. Е., Эрдели М. А., Эрденко М. Г., Эсадзе С. С., Ювачёв И. П., Юшко А. В., Языков С. И., Якубовский Ю. О., Янг Д.-К., Янжул М. А., Ярышкин А. И., Яшвилъ Л. В.

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

(46: 78) – в круглых скобках даются в тексте ссылки на издание: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное издание): В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Первая цифра обозначает номер тома, вторая – номер страницы.

[2: 148] – в прямых скобках даются в тексте ссылки на издание: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. М.: Наука, 2000–... Первая цифра обозначает номер тома, вторая – номер страницы.

Бирюков. 1. 2. – Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого: В 2 т. М.: Алгоритм, 2000.

Булгаков – Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1989.

в т. ч. – в том числе.

вып. – выпуск.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Тульской области.

гл. – глава.

ГМТ – Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

Гольденвейзер – Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. М., 2002.

гос. – государственный.

гр. – граф, графиня.

губ. – губерния, губернский.

Гусев. Летопись. 1. 2. – Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: В 2 т. 1828–1890. М., 1958; 1891–1910. М., 1960.

Гусев. Материалы. 1. 2. 3. 4. – Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954; Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957; Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963; Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970.

Дети Толстого – Толстой С. М. Дети Толстого. Тула, 1994.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.

др. – другие, другой.

ДСАТ. 1. 2. – Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978.

ед. хр. – единица хранения.

Интервью – Интервью и беседы с Львом Толстым / Сост. В. Я. Лакшин. М., 1986.

кн. – княжна, княгиня, князь.

Кузминская – Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне (любое издание).

Лев Толстой и музыка – Лев Толстой и музыка. Хроника. Нотография. Библиография / Сост. З. Г. Палюх, А. В. Прохорова. М., 1977.

Летописи – Летописи Государственного литературного музея. Кн. 2. Л. Н. Толстой. 1938; Кн. 12. Л. Н. Толстой. Т. 2. М., 1948.

ЛН – Литературное наследство. Т. 35–36. Л. Н. Толстой. М., 1939; Т. 37–38. Л. Н. Толстой. М., 1939; Т. 69. Лев Толстой. Кн. 1–2. М., 1961; Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 1–2. М., 1965; Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890-х годов. М., 1977; Т. 97. Ф. И. Тютчев. Кн. 1–2. М., 1988–1989; Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991; Т. 101: В 2 кн. Неизданный Лесков. М., 1997; Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М., 2001.

МТА – Международный толстовский альманах: О Толстом / Сост. П. А. Сергеенко. М., 1909.

Некрасов. Переписка. 1. 2. – Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987.

ок. – около.

оп. – опись.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Опульская. Материалы. 1. 2. – Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979; Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998.

ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Очерки былого – Толстой С. Л. Очерки былого (любое издание).

ПАТ. 2011 – Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка. М., 2011.

Прометей. 12. – Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М., 1980.

ПРП. 1. 2. – Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978.

ПСАТ – Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому. М., 1936.

ПСПТС. 1. 2. – Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Оттава, Канада. 2003.

- ПСС – Полное собрание сочинений.
 ПТСБ – Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
 рожд. – рождённая.
 РНБ. РО – Российская Национальная библиотека. Рукописный отдел.
 Русанов – Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972.
 с. – страница.
 Сухотина. Воспоминания – Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976.
 т. – том.
 ТВС. 1955. – Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955.
 ТВС. 1960. 1. 2. – Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1960.
 ТВС. 1. 2. – Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978.
 Толстой И. Л. – Толстой И. Л. Мои воспоминания (любое издание).
 Толстой и США – Л. Н. Толстой и США. Переписка / Сост. и комм. Н. П. Великановой и Р. Виттакера. М., 2004.
 Толстой и художники – Л. Н. Толстой и художники. М., 1978.
 Тургенев. Переписка. 1. 2. – Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986.
 Тургенев. Письма – Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Л., 1960–1968. Письма: В 13 т.
 Ф. – фонд.
 ч. – часть.
 Чехов. Письма – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1973–1983. Письма: В 12 т.
 Юб. – Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.–Л., 1928–1958.
 ЯПб – мемориальная яснополянская библиотека.
 ЯП. сб. – Яснополянский сборник. Тула.
 ЯПЗ. 1. 2. 3. 4. – Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 1–4.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	5
А.....	7
Б.....	46
В.....	100
Г.....	121
Д.....	157
Е.....	190
Ж.....	194
З.....	199
И.....	215
К.....	228
Л.....	290
М.....	323
Н.....	371
О.....	386
П.....	471
Р.....	467
С.....	491
Т.....	548
У.....	573
Ф.....	581
Х.....	591
Ц.....	600
Ч.....	604
Ш.....	611
Щ.....	627
Э.....	632
Ю.....	641
Я.....	644
Список статей во 2-м выпуске энциклопедии «Лев Толстой и его современники».....	647
Список статей в 3-м выпуске энциклопедии «Лев Толстой и его современники».....	649
Список основных условных сокращений.....	653
Ошибки и опечатки, замеченные во 2-м выпуске.....	655